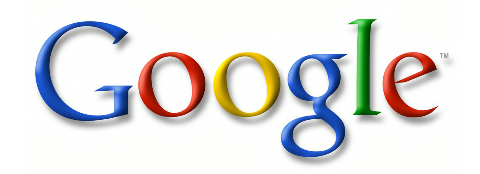
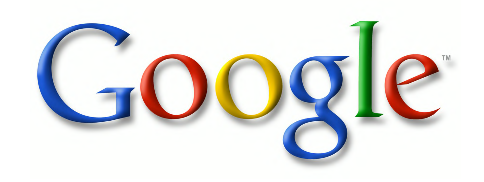

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXIII.—ТОМЪ CDXXIV.—1/14 МАРТА 1908.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЯТИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1908

3720

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1908.

СТР.

I.—СВѢТЪ И ТѢНИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-5 гг.—XVII-XXVIII.—Окончаніе.—Изъ писемъ къ женѣ д-ра **Евг. С. Боткина** 5

II.—СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ и ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА.—По неизданнымъ источникамъ.—V-X.—Окончаніе.—**С. М. Горяинова** 39

III.—„ЗА ГРАНИЦЕЙ".—Романъ.—XVII-XXIII.—**Ив. Емельяненко** 73

IV.—А. И. ГЕРЦЕНЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ Н. П. ОГАРЕВУ.—Вторая половина 60-хъ годовъ: 1866-1870 гг.—Окончаніе.—123-176.—Сообщ. **Г. Н. Георгіевскій** 159

V.—ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Мужикъ.—Поэма.—Перев. **Анатолія Доброхотова** 180

VI.—ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТАСОВЪ.—Очеркъ жизни его и дѣятельности.—XI-XV.—**Григорія Тимофеева** 191

VII.—ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ.—Повѣсть.—The Sinews of War. By Eden Phillpotts and Arnold Bennett.—XIV-XXXV.—Окончаніе.—Съ англ. **З. В.** 227

VIII.—ГЕРЦЕНЪ-ПИСАТЕЛЬ.—Очеркъ.—I-II.—**А. Н. Веселовскаго** 295

IX.—СИЛЫ ЗЕМЛИ.—Романъ Рене Базена.—René Bazin, „Le blé qui lève".—XI-XVII.—Окончаніе.—Съ франц. **О. Ч.** 337

X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пріемъ членовъ Государственной Думы въ Царскомъ-Селѣ.—Вопросъ о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террора и объ осужденіи террористическихъ актовъ.—Адресъ московскаго дворянства.—Съѣздъ „союза русскаго народа".—Признаки времени: министерскіе циркуляры, закрытіе обществъ.—Модныя преувеличенія.—Неприкосновенность личности и думская коммиссія.—Октябристы и правыя партіи въ Государственной Думѣ 375

XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. И. М. Сѣченовъ, Автобіографическія записки.—II. Алинъ Балу, Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Съ англ.—III. Словарь литературныхъ типовъ. И. С. Тургеневъ. Вып. I.—IV. Земля. Сборникъ первый.—V. С. Юшкевичъ, Король, пьеса въ 4-хъ д.—VI. С. Найденовъ, Хорошенькая, ком. въ 4-хъ д.—VII. К. Чуковскій, Отъ Чехова до нашихъ дней.—**М. Г.**—VIII. Карлъ Бюхеръ, Возникновеніе народнаго хозяйства.—IX. В. Ѳ. Тотоміанцъ, Сельско-хозяйственная кооперація.—X. П. Веніаминовъ, Крестьянская община.—**В. И.**—Новыя книги и брошюры 395

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Трудное международное положеніе Россіи.—Газетные патріоты и балканскій вопросъ.—Причины австро-германскихъ успѣховъ въ Турціи.—Результаты культурной дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ.—Различные методы управленія.—Македонскій кризисъ.—Польскій вопросъ въ Пруссіи.—Англійскія дѣла 423

XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—F. Vezinet. Les Maîtres du roman espagnol.—**З. В.** 430

XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Штрихи общественнаго настроенія.—Еще о партійности и партійной розни.—Предстоящіе выборы одного депутата въ Петербургѣ.—Октябристское творчество: проектъ земскаго избирательнаго закона.—Земскія ассигнованія на полицію и новый циркуляръ о земскихъ ходатайствахъ.—Запросъ въ Думѣ о пріемахъ политическаго сыска.—А. И. Эртель † 445

XV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. III.—М. Гершензонъ, Исторія молодой Россіи.—Янжулъ, Иванъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.—Фалѣевъ, Н. И., Дуэль.

СВѢТЪ И ТѢНИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—5 ГГ.

Изъ писемъ къ женѣ д-ра Евг. С. Боткина.

Окончаніе.

XVII.—Отступленіе отъ Ляояна *).

Былъ ясный солнечный день, поѣздъ благополучно ушелъ, орудія громыхали не слишкомъ часто, да и прислушались мы къ нимъ настолько, что можно было относиться къ ихъ шуму такъ, будто это надоѣвшій, докучливый слишкомъ шумный разговоръ,—и нашъ лагерь страданій вдругъ сталъ веселымъ, спокойнымъ, довольно опустѣвшимъ бивуакомъ.

На моей душѣ еще оставалось, однако, одно дѣло: госпиталь Мантейфеля не успѣлъ схоронить своихъ умершихъ, кромѣ того пропалъ куда-то мой Гакинаевъ, и я оказался безъ лошади, слѣдовательно—въ зависимости отъ поѣзда. Слышу вдругъ, что на станціи Ляоянъ осталось 5 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Я собрался ѣхать за ними на вагонеткѣ и пошелъ себѣ ее выхлопатывать, когда встрѣтилъ охотниковъ желѣзнодорожнаго баталіона, которые шли въ городъ за церковной утварью. Тогда я ...илъ имъ осмотрѣть станцію (меня все безпокоили интендантслужителя, за которыми я не могъ поѣхать ночью), а самъ ...ъ въ наше покинутое „Управленіе", посмотрѣть, не ждетъ ли

---

*) См. выше: февраль, 530 стр.

меня тамъ мой вѣрный Гакинаевъ, пока его не убьютъ. Грустное, тяжелое впечатлѣніе произвело на меня наше пепелище, гдѣ еще недавно жизнь била ключомъ, а теперь все было пусто, и двери всѣ раскрыты, — будто сердце, которое только-что любило одного, вдругъ разлюбило—и готово принять въ себя другого. Только красоты нашего уголка оставались неизмѣнными, и милый садикъ попрежнему пестрѣлъ гранатами, уже въ видѣ плодовъ, розами и фуксіями...

Достать солдатъ для погребенія покойниковъ, уже наканунѣ, какъ я справился, отпѣтыхъ, я попросилъ состоящаго при главноуполномоченномъ В. В. Ширкова. Онъ быстро устроилъ это; видя, однако, что обстрѣливаніе этого мѣста все усиливается, поѣхалъ предложить солдатикамъ отложить процедуру до болѣе покойной минуты, но тѣ отказались, говоря, что „братское дѣло" исполнятъ сейчасъ же. Слава Богу, все произошло благополучно.

Мы мирно сидѣли около палатки, прячась въ тѣни ея крыши и пользуясь гостепріимствомъ, совершенно исключительнымъ, Евгеніевскаго отряда, когда къ намъ подъѣхалъ А. А. Леманъ. Онъ привезъ съ собой въ двуколкахъ раненыхъ и просилъ приготовиться къ пріему большого ихъ количества: енисейскій полкъ вышелъ между двухъ японскихъ фортовъ, кинулся въ аттаку, уже взялъ одну деревню, но потери большія. Воспользовавшись оставленной, какъ оказалось, Александровскимъ лошадью, я поѣхалъ на перевязочный пунктъ за Леманомъ. Хотя онъ уѣхалъ, не дождавшись меня, и казакъ, меня сопровождавшій, дороги точно не зналъ,—найти ее было нетрудно,—на насъ шла волна раненыхъ. Подвигаясь имъ навстрѣчу по гаоляновой дорогѣ, мы довольно скоро добрались и до перевязочнаго пункта. У самой дороги, въ тѣни гаоляна, ложились и садились раненые, и тутъ же ихъ перевязывали. Волна ихъ все увеличивалась. Я засучилъ рукава и тоже принялся за перевязку, безъ воды, безъ мытья рукъ, безъ записи, — лишь бы скорѣе закрыть раны. А раненые все прибывали; одни приходили, другихъ приносили.

— А Жирковъ убитъ!—почти весело, такъ дѣловито, быстро, оповѣщаетъ, проходя мимо насъ, одинъ изъ носильщиковъ раненаго, котораго мы перевязывали.

Говоръ, стоны, толпа—сгущаются: за ранеными, молча, бредутъ и здоровые. Отступаютъ! Во второй деревнѣ наткнулись на сильный огонь японцевъ и съ большими, удручающими потерями должны были отступить. Непріятель преслѣдовалъ шрапнелями. По мѣрѣ приближенія къ намъ отступающихъ, приближались и

шрапнели; наконецъ, стали рваться совсѣмъ неподалеку: очевидно, японцамъ видна была дорога, и они пристрѣлялись къ ней. Пришлось отойти назадъ и всему „перевязочному пункту". Мы добрались до болѣе отдаленнаго мѣста, скрытаго и безопаснаго. Здѣсь столпились всѣ: и раненый командиръ полка, и унылые, какъ бы сконфуженные, офицеры, его окружавшіе, не досчитывавшіеся стольких своихъ товарищей, которые еще полчаса тому назадъ были такъ же молоды и здоровы, какъ они,—и измученные, съ серьезными лицами солдаты...

Рядомъ лежала груда ружей, подобранныхъ за убитыми...

Я радъ былъ, что былъ ненуженъ и можно было съ Леманомъ уѣхать. Подавленный, вернулся я къ желѣзнодорожному пути, и засталъ палатки, уже окруженныя ранеными. Какъ сильный южный ливень изъ улицъ въ полчаса дѣлаетъ рѣки воды, а изъ площадей озера,—такъ здѣсь полчаса, часъ лютаго боя—изъ дороги и равнины сдѣлали рѣку и площадь крови.

Пока я ѣздилъ, по моей просьбѣ былъ развернутъ одинъ краснокрестный перевязочный пунктъ и тоже уже былъ окруженъ ранеными, да еще какими,—Боже, какими! Сейчасъ же врачи, сестры, студентъ Евгеніевской общины пошли на помощь нашему и военнымъ перевязочнымъ пунктамъ, и работа продолжалась до глубокой темноты.

Раненыхъ послѣ перевязки прямо сажали въ теплушечный поѣздъ, который, къ счастью, уже стоялъ здѣсь.

Ты знаешь ли, что̀ значитъ теплушка? Это простой товарный вагонъ, въ которомъ зимой при перевозкѣ войскъ ставилась печь. Теперь, кстати сказать, всѣ эти печи, говорятъ, потеряны. Наступаютъ холода, и теплушки пора называть холодильниками. Если есть время и возможность, теплушки оборудываются: кладется сѣно или гаолянъ, на нихъ цыновки, въ вагоны раздаются кружки, фонари и пр. Здѣсь не было этого ничего, не было и свободнаго медицинскаго персонала.

Стоялъ длинный рядъ товарныхъ вагоновъ, набитыхъ ранеными. Иду мимо и слышу, какъ изъ темноты раздаются стоны на всѣ голоса. Нѣкоторые взываютъ изъ глубины мрака: „пить, пить!" Беру фонарь и влѣзаю въ вагонъ, гдѣ стоны и зовы особенно многочисленны. Ступаю съ осторожностью, чтобы не задѣть пробитые животы, ноги и головы: едва есть мѣсто, гдѣ поставить ногу.

— Кто хочетъ пить?

— Я, я, я!—слышу изъ разныхъ угловъ.

— Ваше высокородіе, около меня покойникъ.

Гляжу, и дѣйствительно, бокъ о бокъ съ живымъ, лежитъ уже успокоившійся страдалецъ. Иду разыскивать солдатъ, чтобы вытащить пассажира, который уже доѣхалъ до самой близкой станціи,—потому что онъ раньше всѣхъ на нее прибылъ (вмѣстѣ съ тѣмъ—до самой далекой, потому что между нимъ и нами легла уже вѣчность)—и до самой важной.

Я вспомнилъ—не тогда, конечно, а сейчасъ, когда пишу тебѣ—переѣздъ зимой черезъ Альпы: ты только-что ѣхала среди снѣговъ и хмурой зимы и вдругъ, перешагнувъ совершенно для тебя незамѣтно черезъ какую-то неизмѣримую высоту, попадаешь въ Геную: тебя радостно поражаетъ безоблачное синее небо, яркое солнце льетъ съ него на тебя гостепріимные теплые лучи и среди веселой зелени тебя привѣтливо встрѣчаетъ ослѣпительно бѣлая статуя Колумба. Боже мой! Если такой переходъ изъ одной рамки въ другую заставляетъ наше сердце биться какой-то восторженной радостью,—какое же блаженство должна испытывать человѣческая душа, переходя изъ своего темнаго, тѣснаго вагона къ Тебѣ, о, Господи, въ твою неизмѣримую, безоблачную, ослѣпительную высь!..

Но тогда я не думалъ объ этомъ, каюсь. Тогда я видѣлъ только этотъ ужасный вагонъ, набитый искалѣченными людьми, и безпомощный трупъ, который спускали изъ него по доскѣ...

Была темная, воробьиная ночь. Небо было, какъ трауромъ, затянуто черными тучами; мракъ разрывался только рѣзкимъ протяжнымъ воемъ снарядовъ и грубымъ, дерзкимъ грохотомъ ихъ разрывовъ, а справа виднѣлся одинокій огонекъ тусклаго фонарика, едва освѣщавшаго нѣсколько черныхъ тѣней, и раздавалось заунывное, жидкое, погребальное пѣніе...

Тра-та-та, тра-та-та...—присоединилась возобновившаяся ружейная пальба.

— Ваше высокородіе, когда же мы поѣдемъ?—стонутъ несчастные изъ своихъ темныхъ коробокъ.

— Господи, добьетъ „онъ“ насъ здѣсь!

— Да что ты, полно! — бодро и самоувѣренно отвѣчаешь имъ:—вѣдь это мы же въ нихъ стрѣляемъ.

Но то стрѣляли въ насъ.

Мучительно долго пыхтѣлъ паровозъ, пока, наконецъ не тронулся и не повезъ.

Въ Ляоянѣ № 2 раненыхъ больше не оставалось; всѣ перевязочные пункты немедленно снялись и переѣхали черезъ рѣку, такъ какъ на утро можно было ожидать, что мостъ будетъ разрушенъ изъ осадныхъ орудій. На другой день, однако, по немъ

прошли еще всѣ наши войска и затѣмъ подожгли его, а не взорвали, чтобы не разрушать остова, которымъ мы еще разсчитываемъ воспользоваться на обратномъ пути.

XVIII. — Разъѣздъ № 101.

На ближайшемъ разъѣздѣ, № 101, я выскочилъ изъ поѣзда и побѣжалъ въ фанзы, наканунѣ взятыя нами съ Михайловымъ, чтобы посадить на поѣздъ сестеръ, такъ какъ намъ удалось захватить на него изъ военнаго госпиталя всего шесть санитаровъ и еще меньше, кажется, фонарей. Сестры мои опоздали, но другія, изъ развернутыхъ около пути лазаретовъ, успѣли обойти несчастныхъ и, сколько можно, напоить и накормить ихъ; также были прибавлены санитары,—кажется, на каждый вагонъ по одному.

А въ лазаретныхъ палаткахъ не спали — перевязки продолжались всю ночь. Врачей, впрочемъ, было достаточно, и я пошелъ уснуть; было уже пять часовъ утра. Когда я всталъ, я узналъ, что здѣсь, на 101-мъ разъѣздѣ, въ устроенномъ нами большомъ перевязочномъ пунктѣ при конножелѣзной и желѣзной дорогахъ, ожидается большое количество раненыхъ, и тотчасъ же пошелъ туда.

Что̀ такое былъ до тѣхъ поръ какой-то 101-ый разъѣздъ? Сколько разъ приходилось стоять на немъ и клясть медленность желѣзнодорожнаго движенія, не обращая на самый разъѣздъ собственно никакого вниманія. Еще когда я въ послѣдній разъ ѣхалъ въ Ляоянъ, мы на немъ долго стояли, снимались, наблюдали за пальбой надъ Ляояномъ, и все-таки 101-ый разъѣздъ былъ для насъ однимъ изъ многихъ. Теперь, 21-го августа, онъ сталъ крупнымъ центромъ.

На огромной площади около мѣста остановки вагонетокъ раскинулись четыре нашихъ перевязочныхъ и одинъ продовольственный пункты. Эта кипучая полезная работа во всѣхъ углахъ, освѣщенная яркимъ солнцемъ, производила отрадное впечатлѣніе: какъ будто и раненые днемъ меньше страдаютъ. Я сортировалъ больныхъ, — однихъ отправлялъ прямо на продовольственный пунктъ, другихъ — въ тотъ или другой перевязочный, гдѣ поменьше народа, чтобы болѣе тяжелымъ раненымъ не приходилось долго ждать, третьихъ сажалъ въ вагоны. Цѣлый день пробродилъ я по этой площади, оттопталъ себѣ совершенно ноги и къ вечеру узналъ, что наше „Правленіе“ все снялось и уѣхало.

А мои вещи? Тоже уѣхали. А шашка? Тоже. Такъ и остался я въ одной сѣрой рубахѣ. Въ пятомъ часу утра, не чувствуя ни ногъ, ни головы, я пошелъ отыскивать палатку Голубева, чтобы вытянуться хоть на часокъ.

Въ это время шла усиленная эвакуація станціи: горѣли костры изъ всего, что̀ могло горѣть, снимались палатки, нагружались арбы... Топографія мѣста такъ измѣнилась, что я не могъ найти уже той площади, на которой проходилъ весь день, тѣмъ болѣе, что послѣдній, оставшійся несвернутымъ, нашъ перевязочный пунктъ перенесъ свои дѣйствія къ концу рельсовъ конножелѣзной дороги, поближе къ главному пути. Я забрелъ куда-то далеко въ сторону, когда утро новаго дня показало мнѣ, что я заблудился. Отыскавъ, наконецъ, нашу площадь, я убѣдился, что Голубевская палатка уже снята. Я вернулся тогда къ вагонамъ-теплушкамъ и подсѣлъ къ А. И. Гучкову. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда послѣдніе два поѣзда передвинули версты на четыре сѣвернѣе разъѣзда, боясь, что непріятель близко. Въ это время на разъѣздѣ продолжались перевязки: доканчивали послѣдній транспортъ раненыхъ, привезенныхъ въ вагонеткахъ. Тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, жгли наши ружья и патроны, которые щелкали и стрѣляли, будто батальонъ японцевъ.

Отсюда мы повезли раненыхъ на двуколкахъ по ужасной дорогѣ къ поѣздамъ, которые ихъ ожидали, и на пути захватили еще цѣлый арбяной транспортъ съ 73-мя ранеными.

Долго запихивалъ я ихъ въ первый поѣздъ изъ двухъ послѣднихъ, боясь, что въ самомъ послѣднемъ не окажется мѣста. Время отъ времени меня поторапливалъ одинъ медицинскій генералъ, правда, очень древній. Наконецъ, и онъ, и я потеряли терпѣніе.

— Вѣдь я съ шести часовъ жду въ этомъ поѣздѣ,—сердился старикъ.

— Ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, обиженный нетерпѣніемъ врача, который ѣхалъ удобно во II классѣ, только благодаря раненымъ, а не то, чтобы *онъ* ихъ везъ въ своемъ поѣздѣ:—раненые тоже ждутъ съ ранняго утра, даже съ ночи, съ той только разницей, что мы съ вами здѣсь мирно сидѣли (признаться, я, какъ ты знаешь, почти не присаживался), а они за насъ дрались.

Отсталъ почтенный товарищъ, но черезъ нѣкоторое время, видя, что несутъ еще одного раненаго съ разбитой головой, совсѣмъ разозлился: „Да это капризъ какой-то!“ — Но я былъ

радъ, что усадилъ въ этотъ поѣздъ, сколько было возможно, такъ какъ въ самомъ послѣднемъ едва хватило мѣста для всѣхъ; и то приходилось класть несчастныхъ мозаикой, чтобы выгадывать каждый вершокъ. Въ одномъ изъ вагоновъ помѣстился и я съ ними.

Какъ ни плохо, ни примитивно въ этихъ теплушкахъ, когда несчастные всѣ размѣстились и поѣздъ сталъ покачивать ихъ, раненые въ моемъ вагонѣ всѣ успокоились и мирно заснули. Заклевалъ и я носомъ. Больной солдатикъ, единственный не спавшій, замѣтилъ это, хотѣлъ отдать мнѣ свою шинель и предлагалъ улечься. Я выдерживаю, однако, до Янтая, гдѣ на станціи встрѣтили насъ генералъ Треповъ и Александровскій, который уговорилъ меня пересѣсть въ другой вагонъ, со всѣми нашими уполномоченными (товарный, конечно) и уѣхать въ Шахэ, такъ какъ въ Янтаѣ былъ военный перевязочный пунктъ, и мнѣ тамъ нечего было дѣлать. (Лошадь моя шла походнымъ порядкомъ). Я, дѣйствительно, очень изморился и уѣхалъ.

XIX. — Эвакуація станціи Шахэ.

На другой день въ Шахэ мы опять открыли два перевязочныхъ пункта, гдѣ перевязывались раненые, пріѣзжавшіе на двуколкахъ и захваченные уже послѣ насъ на 101-мъ разъѣздѣ знаменитымъ поѣздомъ полковника Спиридонова; но работа уже далеко не была столь интенсивной, какъ на разъѣздѣ. Сюда же пріѣхалъ днемъ и командующій послѣ самой тревожной ночи, когда около Янтая наши обозы были въ большой опасности. Въ 6 час. вечера пріѣхалъ съ сѣвера намѣстникъ...

Изъ Шахэ мы выѣхали на слѣдующій день, постояли у моста, когда доѣхали до разъѣзда, получивъ свѣдѣнія, будто сзади насъ идутъ еще раненые, вернулись къ мосту и стали ждать.

Совсѣмъ мертвыми показались мнѣ станція и ея окрестности: тишина, запустѣніе, — и никого кругомъ (впрочемъ, на станціи на всякій случай оставался еще одинъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ).

Большую часть дороги я провелъ въ вагонѣ съ здоровыми солдатиками на какихъ-то куляхъ и ящикахъ, которые они везли въ Мукденъ. Вышло это такъ потому, что одинъ изъ больныхъ солдатъ въ вагонѣ, въ которомъ я раньше сидѣлъ, внезапно проявилъ признаки остраго умопомѣшательства и выскочилъ на ходу изъ поѣзда. Такъ какъ ходъ былъ очень тихій, да еще

другой больной успѣлъ немного задержать прыжокъ сумасшедшаго, онъ нисколько не ушибся. Чтобы избавить его отъ прежнихъ впечатлѣній, я нарочно посадилъ его въ другой вагонъ и именно къ здоровымъ солдатамъ, разсчитывая на ихъ помощь, въ случаѣ еслибъ ему снова вздумалось прыгать. Дѣйствительно, онъ и хотѣлъ это сдѣлать и сначала былъ очень возбужденъ. Изъ безсвязныхъ рѣчей его удалось понять, что онъ считаетъ себя большимъ преступникомъ и, повидимому, тѣмъ, что во время какого-то боя струхнулъ и куда-то ушелъ. Онъ считалъ, что изъ-за этого было потеряно все дѣло, и что онъ теперь долженъ умереть. Онъ сталъ прощаться съ нами, попросилъ, чтобы я поцѣловалъ его, затѣмъ поцѣловалъ другого своего сосѣда. Я старался приласкать его и разспрашивалъ про его семью, а онъ постепенно утихалъ и, будто отогрѣтый, съ успокоившейся наболѣвшей душой, мирно заснулъ. Послѣ этого онъ спалъ всю дорогу, но я не рѣшался оставить его и къ ночи самъ заснулъ рядомъ, среди спящихъ тѣлъ и большихъ грязныхъ сапогъ моихъ спутниковъ.

Это была премилая компанія, всю дорогу окружавшая меня вниманіемъ и любезностями. Они угостили меня очень вкуснымъ супомъ, который сами сварили изъ выданныхъ имъ порцій и который я съ большимъ аппетитомъ хлебалъ изъ одной чашки съ однимъ изъ солдатъ. Затѣмъ, дали мнѣ чаю и сухарей, причемъ одинъ изъ нихъ съ милымъ вниманіемъ посовѣтовалъ мнѣ:

— Можетъ быть, ваше высокоблагородіе, у васъ зубовъ нѣтъ, такъ вы помочите сухари въ чаѣ,—чѣмъ искренно насмѣшилъ меня.

Въ бесѣдѣ съ ними я забылъ, что мы отступаемъ, что мы оставили Ляоянъ, даже, что мы на войнѣ, хотя мы все время о ней говорили. Одинъ изъ солдатъ, видимо слѣдящій за газетами, все время разсказывалъ о текущихъ дѣлахъ и былъ полонъ энергіи и готовности къ наступленію. Онъ былъ убѣжденъ, что мы завлекаемъ японцевъ, чтобы лучше расколотить ихъ. Онъ разсказалъ, между прочимъ, и про то, будто одинъ солдатъ уличенъ въ продажѣ нашего скота японцамъ.

— Жажда къ наживѣ, — лаконически вставилъ мрачный артиллеристъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, который казался ему, видимо, препустой болтовней. Мой собесѣдникъ продолжалъ свои повѣствованія и разсказалъ, какъ попался въ плѣнъ японецъ и держалъ себя очень храбро, но когда у него взяли лошадь, то онъ заплакалъ.

— Хорошій солдатъ, значитъ,—опять пробасилъ молчаливый артиллеристъ.

Я согласился съ нимъ, но такъ въ бесѣду и не съумѣлъ вовлечь...

Мы пріѣхали въ Мукденъ въ третьемъ часу утра, и мнѣ вспомнился Берлинъ: такая же свѣжесть сырого воздуха, пропитаннаго запахомъ угольнаго дыма, какая встрѣчаетъ тебя, когда осенью рано утромъ пріѣзжаешь на вокзалъ „Фридрихштрассэ"...

Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня на этотъ разъ станція: давно ли, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Мукденѣ, это была „резиденція", содержавшаяся въ образцовомъ порядкѣ, съ строго опредѣленными дорожками, по которымъ разрѣшалось ходить, и то непремѣнно мимо часового, который ночью безъ пропуска не позволялъ пройти, а теперь на станціи шумъ и гамъ, на самой платформѣ стоятъ какія-то повозки, ходятъ лошади, попирая все былое благоустройство... „Такъ — представилось мнѣ — безцеремонно попираютъ теперь наши недруги и ихъ друзья нашу честь, нашу славу, которой еще такъ недавно должны были оказывать благоговѣйное и боязливое уваженіе". Я испытывалъ ощущеніе, будто эти колеса двуколокъ на станціи всей тяжестью стали прямо на мою душу.

Мы шли съ д-ромъ А., который великолѣпно и самоотверженно, совершенно забывая себя, работалъ на всѣхъ эвакуируемыхъ станціяхъ, принося огромную помощь мнѣ и пользу больнымъ, и который сопровождалъ раненыхъ въ одномъ поѣздѣ со мной; за нами слѣдовалъ санитаръ съ тюками перевязочнаго матеріала. Сдавъ больныхъ и раненыхъ госпиталямъ, мы разыскивали палатки „Краснаго Креста", гдѣ намъ были приготовлены ночлегъ и закуска. Но намъ неправильно объяснили расположеніе ихъ, и мы долго тщетно бродили въ темнотѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Боясь потерять во មракѣ санитара, А. время отъ времени окликалъ:

— Санитаръ съ мѣшкомъ!

— Здѣсь!

— Санитаръ съ мѣшкомъ!

Наконецъ, я не могъ выдерживать больше этого мрачнаго напряженія и, расхохотался надъ этимъ методическимъ зовомъ „санитаръ съ мѣшкомъ" и надъ нашимъ комическимъ плутаніемъ между „трехъ сосенъ". А. тоже расхохотался, но у меня это былъ не смѣхъ, а слезы. Онѣ переполнили мою душу и уже готовы были вырваться изъ глазъ, если бы я не удержалъ своего истерическаго смѣха. Какъ могли мы сдать Ляоянъ, какъ могло это случиться, зачѣмъ это было нужно?! Я считалъ это невозможнымъ, и тяжело было это переживать...

Потерявъ надежду найти наши палатки и потерявъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ концовъ и санитара, мы вернулись на станцію, чтобы немного закусить. Она была полна такого же несчастнаго, иззябшаго, удрученнаго, взволнованнаго народа, какими и мы съ А. явились. Къ намъ присоединился военный врачъ О., совершенно продрогшій и пришибленный,—онъ, всегда пышащій энергіей и бодростью физической и душевной. Тяжелая, мрачная ночь...

Было часовъ пять и совсѣмъ свѣтло, когда мы вышли съ А. со станціи и увидали наши палатки совсѣмъ рядомъ съ ней.

Затѣмъ потекли мирные мукденскіе дни, за которые душа совершенно расправилась, чтобы черезъ три недѣли быть раздавленной на смерть.

XX.—Наступленіе на рѣкѣ Шахэ.

Мукденъ. 9-ое октября 1904 г.

Да, я усталъ, я невыразимо усталъ, но усталъ только душой. Она, кажется, вся выболѣла у меня. Капля по каплѣ, истекало сердце мое, и скоро у меня его не будетъ: я буду равнодушно проходить мимо искалѣченныхъ, израненныхъ, голодныхъ, иззябшихъ братьевъ моихъ, какъ мимо намозолившаго глаза гаоляна; буду считать привычнымъ и правильнымъ то, что̀ еще вчера переворачивало всю душу мою. Чувствую, какъ она постепенно умираетъ во мнѣ. На-дняхъ я уже пережилъ дни какого-то полнаго безразличія ко всему, что̀ совершается.—Ахъ, бьютъ!—ну, и пусть бьютъ! Бѣгутъ, — пускай бѣгутъ! Страдаютъ, — ну, и пусть страдаютъ! Позоръ пережитъ, страданія перенесены,—не все ли теперь безразлично?!..

Мы наступали...

29-го сентября, пока въ Тунсинхэ собирался транспортъ, который я взялся сопровождать на станцію Шахэ, масса раненыхъ уже успѣла уйти пѣшкомъ и пошла, куда глаза глядятъ. Такъ какъ они всѣ пришли изъ Мукдена, и съ той же стороны, изъ Санлинзы, шелъ намъ навстрѣчу 1-ый армейскій корпусъ,—то, за исключеніемъ 30—40 человѣкъ, всѣ двинулись въ Гудядзы. Путеводитель, который былъ данъ намъ изъ дивизіоннаго лазарета и который спорилъ со мной по вопросу о дорогѣ въ Шахэ, утверждая, что онъ наканунѣ оттуда пріѣхалъ, завезъ транспортъ тоже на дорогу въ Гудядзы и внезапно скрылся. Пришлось продолжать длинный томительный путь, хотя одна изъ сестеръ съ

нѣсколькими ранеными и уѣхала впередъ правильной дорогой въ Шахэ; обѣ другія сестры, Тучкова и Черкасова, уступивъ свои мѣста въ двуколкѣ раненымъ, шли пѣшкомъ.

Убѣдившись, что мы неизбѣжно попадемъ на Фушунскую вѣтку, я поскакалъ впередъ, чтобы заказать въ нашемъ подвижномъ лазаретѣ обѣдъ на 200 человѣкъ и предупредить на станціи о раненыхъ. Большинство, какъ я потомъ убѣдился, разспрашивая въ вагонахъ, дѣйствительно и пообѣдали въ Красномъ Крестѣ, и остались очень довольны, но нѣкоторые все-таки, благодаря отсутствію провожатаго, несмотря на выставленнаго на дорогѣ санитара и флаги съ краснымъ крестомъ, доплелись до Гудядзъ голодными. Вчера тамъ еще пункта питательнаго не было, такъ какъ земскій сталъ совершенно въ сторонѣ въ ближайшей деревнѣ, но въ Гудядзахъ я встрѣтился съ кн. Долгоруковымъ, который обѣщалъ перевести пунктъ на самую станцію, гдѣ уже стоитъ готовый большой цыновочный сарай. Вчера, кого нужно было, покормили военные госпиталя.

Поручивъ сестрамъ Тучковой и Черкасовой со студентомъ Рѣдниковымъ сопровождать раненыхъ въ теплушечномъ поѣздѣ, я поѣхалъ дальше на дрезинѣ съ капитаномъ Полуэктовымъ, желая непремѣнно все-таки добраться до Шахэ. Для этого отъ угольнаго разъѣзда до Суэтуня я прошелъ верстъ восемь пѣшкомъ, а здѣсь попалъ какъ разъ на паровозъ, повезшій отсюда двѣнадцать теплушекъ на станцію Шахэ.

Никогда не забуду я этого путешествія. Около моста, перекинутаго черезъ рѣку Шахэ, намъ представилась картина, напомнившая мнѣ Великій-Четвергъ, когда народъ расходится послѣ чтенія Двѣнадцати Евангелій, со свѣчами въ рукахъ. Мы увидали въ глубокой темнотѣ толпу черныхъ людей; у многихъ изъ нихъ были огоньки (фонари). Громкій крикъ радости раздался изъ этой толпы при приближеніи нашего поѣзда: это раненые, которые въ состояніи были ходить, добрели до моста (въ болѣе безопасное мѣсто) навстрѣчу желанному поѣзду и привѣтствовали его прибытіе. Но мы разочаровали ихъ, не подобравъ никого, такъ какъ мы знали, что въ Шахэ ожидаетъ насъ цѣлая тысяча и болѣе тяжелыхъ раненыхъ, находящихся еще въ опасности.

Къ 12 часамъ ночи назначено было очистить станцію: къ тому времени долженъ былъ пройти черезъ нее уже нашъ арріергардъ. Тамъ, дѣйствительно, мы нашли человѣкъ 800 раненыхъ и въ полной тьмѣ съ фонарями принялись усаживать ихъ. Набили одинъ поѣздъ, остальныхъ уложили въ другой,

обошли съ фонарями всю станцію и площадку около платформы и, убѣдившись, что остались только здоровые, собрались ѣхать, такъ какъ было уже около часа ночи. Вдругъ приходитъ вѣсть, что къ станціи подходятъ и подъѣзжаютъ еще 170 раненыхъ. Подполковникъ Гескетъ, распоряжающійся теперь (поѣздъ Спиридонова расформированъ) закрытіемъ оставляемыхъ станцій, хотя страшно опасался за поѣздъ, однако рѣшился дождаться всѣхъ. Мы ушли благополучно, но у моста остановились, подобрали добравшихся туда раненыхъ и долго стояли, поджидая еще другихъ. Но ихъ было только нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, и во второй разъ схоронилъ я Шахэ...

1-го октября, отправивъ въ Мукденъ, по требованію генерала Трепова, нашъ Георгіевскій отрядъ, прекрасно начавшій работать въ Суятуни, въ качествѣ перевязочнаго пункта, мы съ уполномоченнымъ Григорьевымъ поѣхали вдоль нашихъ позицій съ праваго фланга къ центру, въ штабъ командующаго. По всей линіи шла отчаянная стрѣльба, почти исключительно наша и лишь относительно слабая со стороны непріятеля. Стоялъ сплошной грохотъ, гулъ и свистъ. Стрѣльба была такая частая, что свистъ одного снаряда сливался со свистомъ другого, и въ общемъ сочетаніи получался непрерывный гулъ, на фонѣ котораго раздавались рѣзкіе удары нашихъ орудій. У меня просто голова разболѣлась, казалось, именно отъ этого ужаснаго шума, сотрясавшаго воздухъ въ такой мѣрѣ, что прутья срѣзаннаго гаоляна издавали свистъ и потревоженный лѣсъ недовольно ворчалъ всей своей листвой. Можетъ быть, однако, причиной головной боли или тяжести была и надвигавшаяся гроза. Тучи все гуще и сплошнѣе заволакивали небо, пока оно не разразилось на насъ величественнымъ гнѣвомъ.

Это былъ Божій гнѣвъ,—но гнѣвъ людской отъ этого не прекратился и, Господи! — какая рѣзкая была между ними разница!..

Какъ ни похожъ грохотъ орудій на громъ грозы, онъ показался мелкимъ и ничтожнымъ передъ громовыми раскатами: одно казалось грубымъ, распущеннымъ человѣческимъ переругиваніемъ, другое—благороднымъ гнѣвомъ величайшей души. Какъ свободно и легко, будто совершенно самостоятельно вытекаетъ чудный голосъ изъ горла Баттистини, такъ изъ исполинской груди природы лился грозный рокотъ оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. Какъ ясно представилось ничтожество только-что казавшейся безконечной линіи пушекъ—передъ этими величественными раскатами, охватывавшими все

небо... Злыми искрами разгоряченныхъ глазъ явились яркіе огни стрѣляющихъ орудій рядомъ съ ясной молніей, болью раздирающей Божественную душу.

— Стойте, люди!—казалось, говорилъ Божій гнѣвъ:—очнитесь! Тому ли Я учу васъ, несчастные! Какъ дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные!

Но, оглушенные взаимной ненавистью, не слушали Его разъяренные люди и продолжали свое преступное, неумолимое взаимное уничтоженіе.

И небо заплакало... Полились съ него частыя, частыя крупныя слезы, въ одинъ мигъ затопившія землю, и многія изъ нихъ леденѣли отъ великаго ужаса передъ человѣческой озвѣрѣлостью, крупнымъ градомъ падая на наши разгоряченныя головы. Лошади не могли стоять подъ болѣзненными ударами льдинокъ, которыя больно били насъ по темени и лицу... Въ одно мгновеніе земля вся обратилась въ непролазную кашу, дороги полились бурными рѣками, а рѣки вздулись такъ, что въ нихъ тонули лошади и люди.

Мы не могли найти командующаго и поѣхали на его главную квартиру, только-что отъѣхавшую верстъ на шесть назадъ (изъ Хуань-Шаня въ Санлинзы). По всему пути нашему плелись раненые, на ногахъ и на носилкахъ, не зная, куда идти, и съ трудомъ пробираясь между отступающими обозами и орудіями. Когда мы подъѣхали къ броду, котораго прежде даже не замѣчали, то нашли, вмѣсто него, широкій бурный потокъ; лошади должны были идти черезъ него вплавь, едва перетаскивая съ трудомъ удерживавшихся на нихъ всадниковъ. Было грязно, свѣжо и мокро. У брода начала собираться цѣлая группа людей, прикосновенныхъ къ главной квартирѣ, когда подъѣхалъ транспортъ раненыхъ. Что было дѣлать этимъ несчастнымъ и что съ ними было дѣлать?! Скажи, развѣ не можетъ охватить душу холодное отчаяніе при сознаніи безпомощности нашей сдѣлать что-нибудь для тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ мы пріѣхали?!

Мы поскакали искать проѣзда у верховьевъ ничтожной рѣчонки, внезапно обратившейся въ бурный потокъ. Подъ сильнымъ дождемъ обогнули мы нѣсколько верстъ и дѣйствительно добрались до одной изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ одну ту, черезъ которую раньше не могли перебраться. Первый истокъ ея мы переѣхали свободно; я уже хотѣлъ послать казака, чтобы онъ велъ раненыхъ этой дорогой; но нужно было убѣдиться, что и другіе истоки такъ же легко проходимы. Оно такъ и оказа-

лось, и невольно вспомнилъ я о прутьяхъ, изъ которыхъ каждый такъ легко ломается, а связанные вмѣстѣ—они являются неодолимыми. Какой наглядный примѣръ того, что въ единеніи—сила, а люди все не хотятъ понимать этого и въ безумной гордынѣ своей думаютъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности все можетъ, а другіе ничего не стоятъ!

Мы пріѣхали въ Санлинзы уже въ совершенную темноту; за ранеными посылать было поздно, но на другой день я узналъ, что рѣка, къ счастью, скоро спала, и они въ тотъ же вечеръ переѣхали на другой берегъ.

Командующаго не было дома: эту ночь, чтобы быть ближе къ позиціямъ, онъ остался въ Хуань-Шанѣ.

XXI.—Послѣ наступленія.

Чансаматунъ. 27 октября 1904 г.

Кажется, я уже писалъ тебѣ, что едва я пріѣхалъ въ Харбинъ, какъ былъ отозванъ сюда замѣнять при главнокомандующемъ Александровскаго, который вскорѣ послѣ моего отъѣзда былъ тоже вынужденъ выѣхать въ Харбинъ.

Послѣ Ляояна общее настроеніе было самое угнетенное; слухи объ отсутствіи у насъ снарядовъ окончательно отняли всякую надежду на успѣхъ, и многіе, казалось, готовы были безъ боя отходить къ Телину. Тяжелое это было время.

Помню обѣдню 29-го августа: на площади передъ поѣздомъ командующаго разбитъ шатеръ, и въ немъ устроена церковь; съ лѣвой стороны отъ молящихся тянется косой линіей рядъ сѣрыхъ кирпичныхъ домиковъ; передъ церковью стоятъ „покоемъ" солдаты въ сѣрыхъ грязныхъ, истрепанныхъ рубашкахъ съ сѣрыми исхудалыми, измученными и заголодавшимися лицами. Небо сѣрое и унылое. Только торжественная служба полная вѣры и молитвы, въ которой всегда есть надежда,—вмѣсто картины отчаянія, придавала всему зрѣлищу видъ тихой, покорной грусти,—такой же сѣрой, какъ все окружающее. Пришелъ командующій, котораго я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ послѣ Ляояна. Онъ сильно похудѣлъ и страшно постарѣлъ, блѣдный и вдвое болѣе сѣдой, чѣмъ былъ... Но дни текли, солнце каждый день всходило и отогрѣвало слабыя человѣческія души, люди отдыхали и отъѣдались, ихъ обмундировывали и подбадривали, японцы не наступали, укоренилось убѣжденіе, что мы *должны* были отдать Ляоянъ,—и всѣ понемногу стали снова вѣрить и надѣяться.

Помню уже всенощную въ той же походной церкви-палаткѣ на той же площади: были сумерки, въ сѣрыхъ домикахъ засвѣтились огоньки, молящіеся представляли только общія пятна, подробности въ людяхъ не замѣчались, и было что-то оперное во всей картинѣ.

Помню, наконецъ, и молебенъ по случаю наступленія! Командующій — снова бодрый, хотя и озабоченный, цвѣтъ лица его лучше; солдаты одѣты и сыты, выраженіе лицъ ихъ торжественное и рѣшительное, у всѣхъ чувство удовлетворенія; солнце озаряетъ все своимъ живительнымъ блескомъ и ярко горитъ на крестѣ, высоко поднятомъ въ рукахъ священника...

Вначалѣ наступленіе шло очень успѣшно, планъ Куропаткинымъ былъ задуманъ прекрасный, — это всѣ признаютъ, но... Только взятіе Путиловской сопки вернудо намъ ключъ нашихъ позицій и временно закончило наше наступательное движеніе нѣкоторымъ успѣхомъ.

Дорого обошлось намъ это движеніе: 29.000 ранеными и около 10.000 убитыми! 10.000 могилъ! А сколько еще умерло потомъ отъ ранъ?!..

Умереть — это еще самое легкое. Мнѣ кажется, что художники навязали міру совершенно невѣрное изображеніе смерти, въ видѣ страшнаго скелета. Мнѣ представляется смерть доброй, любящей женщиной въ бѣломъ, съ материнской нѣжностью и сверхъестественной силой подымающей умирающаго на руки. Онъ чувствуетъ въ это время необычайную легкость, ему кажется, что онъ подымается на воздухъ и испытываетъ истинное блаженство... Такъ засыпаютъ маленькія дѣти на колѣняхъ нѣжной матери... Какое счастье это должно быть!..

Несомнѣнно, намъ очень вредитъ наша привычка и постоянная готовность отступать.

— Ваше благородіе, а куда втекать будемъ? — спросилъ солдатикъ, придя на позицію.

И это не трусость, а именно привычка.

— Куда ѣдете? — спрашиваемъ какъ-то встрѣчный обозъ (это было 2-го октября).

— Отступа-аемъ, — равнодушно отвѣчаетъ солдатъ, совершенно такъ же, какъ онъ бы сказалъ: — вѣстимо, чай пьемъ.

Говорятъ, что и въ послѣднюю нашу кампанію (турецкую, конечно) бывали случаи бѣгства отдѣльныхъ полковъ и даже цѣлыхъ отрядовъ. Между тѣмъ, и сейчасъ стойкость нашихъ солдатъ превышаетъ теоретически допускаемую: выбываетъ 75 и 80%, а солдаты наши все бьются! Почему же они не тѣ,

что были? Солдатъ очень двинулся за послѣднія двадцать-пять лѣтъ: онъ уже очень и очень разсуждаетъ; ему мало исполнять приказанія, ему нужно и понимать, для чего онъ долженъ дѣлать то или другое. Видимо, онъ задается даже вопросомъ, можно ли воевать вообще. Такъ, мнѣ пришлось услышать конецъ разговора, гдѣ одинъ солдатъ наставительно возражалъ другому или другимъ:

— Никакого грѣха тутъ нѣтъ: такъ Богомъ положено, чтобы бывать войнамъ.

— Когда мы дрались съ турками, мы проливали кровь за вѣру и за угнетаемыхъ единовѣрцевъ и братьевъ. А изъ-за чего деремся мы теперь?

— Это господская война,—говорятъ, будто, солдаты.

Различные сектантскіе и политическіе агитаторы тоже посѣяли свое сѣмя. Наконецъ, и огромный процентъ запасныхъ въ войскахъ является большимъ зломъ. Все это люди, отставшіе отъ своего дѣла, часто уже пожилые и болѣзненные, окончательно осѣвшіе на землю или занимающіеся какимъ-нибудь промысломъ, привыкшіе къ покойной семейной жизни и постоянно, разумѣется, о ней мечтающіе. Какъ не подумать, „куда втекать?"! Немало, можетъ быть, среди нихъ и недовольныхъ, и обиженныхъ. Постоянныя голодовки послѣднихъ лѣтъ и обѣднѣніе мужика не могли не отразиться и на силѣ, и на здоровьи, и на выносливости солдата. Рядомъ съ этимъ малая образованность дѣлаетъ его часто прямо вреднымъ,—напримѣръ, въ развѣдочномъ дѣлѣ.

XXII. — О плѣнныхъ японцахъ.

Тавагауза. 12-ое ноября 1904 г.

Сегодня я заночевалъ въ 20-ти верстахъ отъ главной квартиры въ нашемъ 7-мъ подвижномъ лазаретѣ, куда пріѣхалъ верхомъ, посмотрѣть заболѣвшую сестру И. Я бы могъ уѣхать сегодня же, но мнѣ хочется еще посмотрѣть ее утромъ, чтобы рѣшить вопросъ, нужно ли ее увозить куда-нибудь, или можно, согласно ея настойчивому желанію, оставить ее въ томъ лазаретѣ, въ которомъ она работаетъ. Я выѣхалъ къ ней въ снѣжную метель; дорогой вѣтеръ стихъ, окрестность покрылась снѣгомъ, и воздухъ пріобрѣлъ ту необычайную чистоту, которую вдыхаешь всегда съ такимъ наслажденіемъ послѣ того, какъ небесная пыль прибьетъ къ землѣ всѣ скверныя испаренія человѣчества, слишкомъ дерзко взвивающіяся въ высь. Я любовался

закатомъ: сопки, съ сѣвера окаймляющія горизонтъ, снѣгомъ не покрылись и чудно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ персиковымъ отливомъ въ косыхъ лучахъ усталаго свѣтила...

Тавагауза — тихая деревня на Фушунской вѣткѣ желѣзной дороги, и мнѣ представляется, будто я пріѣхалъ въ гости къ сосѣду-помѣщику...

Мы все стоимъ съ японцами лобъ въ лобъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, будто играемъ въ игру, когда два человѣка упорно смотрятъ другъ другу въ глаза, ожидая, кто первый отвернется; обѣ стороны укрѣпляются,—японцы, конечно, усиленнѣе насъ,—и кто первый двинется, долженъ будетъ уложить нѣсколько десятковъ тысячъ жизней. На дняхъ японцы попробовали сдѣлать набѣгъ на Путиловскую сопку, убили у насъ четырехъ, ранили четырнадцать, а своихъ уложили болѣе ста человѣкъ.

Кажется, „les vis-à-vis“ скоро станутъ „des amis“. По крайней мѣрѣ, уже теперь, говорятъ, есть между обѣими сторожевыми линіями колодезь, изъ котораго черпаемъ воду и мы, и японцы. Если обѣ стороны встрѣчаются у колодезя вооруженными, то стрѣляютъ; если же нѣтъ, то мирно дѣлятся водой.

Я самъ чувствую, какъ перемѣнился къ японцамъ. Ѣхалъ я съ самыми кровожадными чувствами. Первые раненые японцы мнѣ были непріятны, и я долженъ былъ заставлять себя подходить къ нимъ такъ же, какъ къ нашимъ. Когда я видѣлъ одного японца съ отнятой рукой въ Восточномъ отрядѣ послѣ нашего отступленія отъ Холангоу, мнѣ казалось, что его большіе черные глаза съ надменнымъ торжествомъ и злорадствомъ осматриваютъ окружающую его массу нашихъ страдальцевъ, и самодовольная душа его радуется нашему позору и несчастію. Когда В. И. Немировичъ-Данченко однажды спросилъ присутствующихъ:—„А кто изъ насъ чувствуетъ непріязнь къ японцамъ?“ — я первый заявилъ, что я. Я объяснялъ это тѣмъ, что каждый нашъ солдатъ мнѣ слишкомъ близокъ, слишкомъ родной, чтобы не чувствовать непріязни къ тѣмъ, которые ему причиняютъ боль. Такъ, если бы какой-нибудь другой мальчикъ, даже мнѣ симпатичный, обидѣлъ моего сына, напримѣръ, то даже раньше, чѣмъ я бы зналъ, кто изъ нихъ виноватъ, онъ былъ бы мнѣ непріятенъ.

Съ тѣхъ поръ я много перевидалъ раненыхъ японцевъ, видѣлъ разъ и не-раненаго. Мы ужинали на большомъ балконѣ дома намѣстника въ Мукденѣ, когда на огонекъ пришелъ казакъ съ вопросомъ, куда отвести ему плѣннаго японца. Привели и плѣннаго. Это былъ небольшого роста, но плотно и хорошо

сложенный юноша лѣтъ 16-ти, съ едва пробивающимися усиками. Онъ держалъ въ рукѣ свое кэпи, его непокрытая голова была немного опущена, и онъ исподлобья смотрѣлъ на насъ съ великимъ страхомъ. Сердце его часто билось, и весь онъ напоминалъ птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда и попавшаго въ большой человѣческій кулакъ. Мнѣ было жаль бѣднягу.

Въ Крестовоздвиженскомъ госпиталѣ видѣлъ я студента токійскаго университета, пошедшаго на войну добровольцемъ; мы сдѣлали съ нимъ shake-hands, и онъ по-англійски заявилъ мнѣ про главнаго врача госпиталя, д-ра Бутца, что онъ очень къ нему добръ. Другого я погладилъ по головѣ и нашелъ, что у него очень мягкіе волосы. Я разсказалъ объ этомъ Р.

— Какъ! — воскликнулъ онъ: — ты гладилъ голову японца?! Теперь я всегда буду здороваться съ тобой за лѣвую руку.

Теперь у меня совсѣмъ нѣтъ дурного чувства къ нимъ, и мнѣ жаль ихъ такъ же, какъ и нашихъ.

Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ въ Гудзядзахъ лежитъ раненый японецъ, страдающій вмѣстѣ съ тѣмъ „бери-бери". Когда онъ слышитъ это слово, онъ откликается, какъ на собственное имя, и, осклабившись, киваетъ головой.

— Итай, итай, — повторяетъ онъ во время перевязки, что̀ значитъ: — больно, больно.

Да, больно, очень больно! Пора кончать это взаимное истребленіе... Пора кончать и письмо; кругомъ меня всѣ спятъ, и ноги начинаютъ застывать.

Мукденъ. 19-ое ноября 1904 г.

Сегодня цѣлый день стрѣляли, и вообще, повидимому, намъ на-дняхъ придется принять бой — и раньше, пожалуй, чѣмъ мы ожидаемъ.

XXIII.—Возвращеніе изъ отпуска, вызваннаго тяжелой болѣзнью сына.

Челябинскъ. 20-ое февраля 1905 г.

...Въ нашемъ поѣздѣ всего четверо военныхъ: два офицера, одинъ прапорщикъ запаса и одинъ генералъ, и какъ они всѣ, бѣдные, унылы и угнетены! Какая страшная разница съ настроеніемъ генерала и офицеровъ, ѣхавшихъ со мною годъ назадъ! Тогда — бодрость и энергія, теперь — какая-то отчаянная безнадежность!

Генералъ все свободное отъ ѣды время спитъ и любитъ повторять, что это очень полезно—урвать всякую минуту для сна, если она свободна. Когда я ему представился и спросилъ, куда онъ ѣдетъ, онъ заявилъ, что въ Мукденъ, и, несмотря на свой добродушный видъ, съ какимъ-то раздраженіемъ отчаянія прибавилъ:

— Попадусь къ вамъ подъ ланцетъ, попадусь!—какъ будто я подвелъ подъ него какія-то мины, и онъ, попавшись, имѣетъ только удовольствіе меня въ нихъ обличить.

Прапорщикъ запаса—совершенно несчастный человѣкъ: служилъ, поддерживалъ старуху-мать и, кромѣ глубочайшаго отвращенія къ войнѣ, имѣетъ не менѣе глубокое убѣжденіе, что будетъ въ первомъ же бою убитъ. Онъ очень хорошо играетъ на роялѣ, но до того разстроенъ, что, поигравъ, выбѣгаетъ изъ вагона-ресторана, будучи не въ силахъ владѣть собой.

На какой-то станціи покупаю я открытки; ко мнѣ подходитъ офицеръ, идущій съ эшелономъ, нѣсколько навеселѣ, и спрашиваетъ:

— На войну, докторъ, идете, или съ войны?

— Я туда ѣду.

— За нами, значитъ,—мрачно протянулъ онъ, и я почувствовалъ въ его тонѣ тотъ же оттѣнокъ раздраженія и отчаянія, что̀ и въ „ланцетѣ“ генерала.

По счастію, солдаты идутъ совершенно въ другомъ настроеніи — молодцами, бодрые, всѣмъ довольные, объ одномъ только просятъ: „нельзя ли газетъ?“—и расхватываютъ ихъ съ голодной жадностью и искренней благодарностью. Святые, вѣрующіе люди! Какъ же намъ-то не вѣрить?!

Чита. 1-ое марта 1905 г.

Сейчасъ прочелъ всѣ послѣднія телеграммы о паденіи Мукдена и объ ужасномъ отступленіи нашемъ къ Телину. Не могу передать тебѣ своихъ ощущеній... Просто стонъ, громкій стонъ вырвался у меня изъ груди, и отчаяніе охватываетъ меня. Нѣтъ, рѣшительно чего-то намъ не хватаетъ, чего-то у насъ недостаетъ: у японцевъ, оказывается, и планы лучше, и силы больше, и стойкость—тоже. Отчаяніе и безнадежность охватываютъ душу... Что̀-то будетъ теперь у насъ въ Россіи...

Бѣдная, бѣдная родина!!

Харбинъ. 8-ое марта.

Какъ не хочется и трудно описать то, что̀ я здѣсь засталъ, пріѣхавъ послѣ мукденскаго боя! Напишу тебѣ объ этомъ когда-

нибудь потомъ, когда пройдетъ острая боль, всѣми этими событіями причиняемая. Видно, велики силы Россіи, что ей посылаются такія испытанія.

Не хочется писать всего, что̀ слышишь, потому что все равно—съ чужихъ словъ, и слишкомъ тяжело на этомъ останавливаться...

Гунчжулинъ. 16-ое марта.

Куропаткинъ снова командуетъ своей 1-ой арміей, ставъ въ подчиненіе тѣмъ, надъ кѣмъ прежде начальствовалъ.

Рѣдко можетъ рѣзче обрисоваться все ничтожество земныхъ благъ: данныя людьми, они такъ же условны и недолговѣчны, какъ и сами люди. А какъ увлекаются ими многіе, постоянно забывая эту аксіому, и какъ часто, добравшись, напримѣръ, до власти, начинаютъ мнить себя и безсмертными, и непогрѣшимыми! Другого безсмертія имъ не нужно, законы Бога они уже давно отклонили, какъ неудобные и несвоевременные, все благополучіе свое они строятъ на людяхъ, и какимъ прочнымъ кажется имъ ихъ зданіе, а вдругъ... Сегодня—ты, а завтра—я! Разумѣется, все это разсужденіе—характера чисто академическаго.

XXIV.—Послѣ Мукдена.

19 марта 1905 г. Фандзятунь (проѣздомъ).

Тяжелое наслѣдство досталось Линевичу. Отъ всѣхъ армій, какъ ходятъ слухи, осталось всего 180.000. Подсчетъ, конечно, еще очень приблизительный, такъ какъ до сихъ поръ еще понемногу отыскиваются кое-какія части. Потери,—тоже приблизительно, конечно,—высчитываютъ до 107.000! Раненыхъ и больныхъ считаютъ до 65.000, убитыхъ—тысячъ 20, остальные же оставлены или взяты въ плѣнъ. Цѣлаго полка (5-го сибирскаго) нѣтъ! Одной батареи не досчитываются вмѣстѣ со всѣми людьми, хотя всего орудій оставлено относительно немного—тридцать-одно. Японскія потери считаются тысячъ въ 120. Одинъ плѣнный японскій полковникъ говорилъ, что уже числа 24-го они считали свои потери за 100.000, такъ что ихъ оффиціальная цифра въ 50.000 или прямо фиктивна, или, какъ нѣкоторые объясняютъ, подразумѣваетъ только безвозвратно выбывшихъ изъ строя, т.-е. убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Ты представляешь себѣ, что̀ это за погромъ, что̀ за побоище! Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли времени тысячъ сто убитыхъ и изувѣченныхъ съ обѣихъ сторонъ; ты видишь эти сто тысячъ семей

безъ кормильцевъ и лучшихъ надеждъ, эти сотни тысячъ сиротъ!.. И тѣмъ не менѣе войну нельзя не продолжать, ее *необходимо* продолжать!

Четырнадцать, а въ иныхъ мѣстахъ девятнадцать сутокъ дрались наши, какъ львы, отбивая одну аттаку за другой. Не успѣвая ѣсть и спать, они переутомились до такой степени, что нѣкоторые засыпали съ ружьемъ въ рукѣ на позиціи. Подъ страшнымъ огнемъ лежали наши въ траншеяхъ и вслухъ читали „Вѣстникъ Манчжурской Арміи"! Забирали плѣнныхъ, отнимали орудія, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Знали объ обходѣ нашего праваго фланга, но считали его слабымъ и готовились разбить обходную колонну. Ту же участь готовили и колоннѣ, обходившей нашъ лѣвый флангъ. Но вдругъ обнаружилось, что силы, обходящія насъ, громадны, что онѣ собираются замкнуть кольцо и устроить намъ Седанъ. Былъ данъ приказъ къ отступленію... Онъ засталъ враговъ, сомкнувшихся грудь съ грудью; наши солдаты не хотѣли слушаться, начальники думали, что съ ними шутятъ. Но это была правда, грустная, ужасная правда и всѣ наши три арміи должны были вылиться изъ мѣшка, въ который попали, черезъ единственный проходъ еще не совсѣмъ закрывшагося кольца. Произошло то, чтò происходитъ въ любомъ театрѣ, когда вся собравшаяся толпа, вслѣдствіе дѣйствительной или ложной тревоги, должна выйти изъ зданія черезъ его узкіе проходы. Произошла давка, паника; люди, находившіеся въ крайнемъ нервномъ напряженіи, совершенно обезумѣли: забыли родство, чины, душу, Бога, и только спасали свой животъ. Реакція соотвѣтствовала героизму предшествовавшихъ дней...

Чѣмъ объяснить эти явленія, какъ не патологическимъ состояніемъ, когда рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что отъ цѣлыхъ полковъ оставалось пò 100 и меньше человѣкъ, когда намъ говорятъ, что въ 24-мъ сибирскомъ стрѣлковомъ полку, состоявшемъ изъ 2.500 человѣкъ, за время кампаніи выбыло 2.400, что изъ всѣхъ офицеровъ, начавшихъ войну, въ немъ не осталось ни *одного*, кромѣ командира, дважды тяжело контуженнаго (полковникъ Лечицкій)!..

Разумѣется, не эти и имъ подобные люди причинили панику; они только, до послѣдней крайности измотанные душой, могли поддаться ей, не въ силахъ ей противостоять. Паника, какъ всегда, началась въ безчисленныхъ обозахъ, столпившихся на одной дорогѣ въ тридцать рядовъ и попавшихъ подъ перекрест-

ный огонь непріятеля. Обозные люди—не строевые и къ огню непривычные...

Снова, какъ всегда, поднимается вопросъ, нужно ли было отступать, или надо было продолжать бой до конца? Кто знаетъ,—что̀ было бы лучше? Одни говорятъ, что мы могли отлично и долго отбиваться, даже совершенно окруженные; другіе—что мы и потомъ могли всегда пробиться; но большинство, сколько мнѣ замѣтно, все-таки считаетъ, что было бы совсѣмъ скверно, если бы мы не ушли, что отступать было необходимо, что слѣдовало даже отступить раньше.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ обхода, насъ погубило еще и то, что въ центрѣ наша, если не ошибаюсь, вторая армія была прорвана непріятелемъ. Страшная песчаная метель, бившая нашимъ въ лицо и закрывавшая все непроницаемой мглой до такой степени, что сосѣда своего нельзя было различить, помогла японскому батальону прорвать наши силы. Противъ него было послано четыре батальона, но кто-то ихъ, говорятъ, по дорогѣ перехватилъ.

Конечно, какъ всегда, наши самыя большія потери были при отступленіи. Жестоко треплются нервы съ этого самаго мукденскаго боя. Когда я пріѣхалъ 5-го марта въ Харбинъ, то онъ былъ въ томъ нервномъ состояніи, въ которое и могъ придти именно тылъ, прожившій цѣлый годъ въ районѣ дѣйствующихъ армій при совершенно мирной обстановкѣ и вдругъ почувствовавшій, что онъ уже перестаетъ быть тыломъ. Всѣ стремились вонъ изъ Харбина, не чувствуя себя болѣе въ безопасности: старшій врачъ Л—скаго госпиталя Краснаго Креста просилъ отпустить его со всѣмъ инвентаремъ и ранеными, такъ какъ не считалъ возможнымъ за нихъ отвѣчать.

— Развѣ хорошо будетъ, если командиръ корпуса попадетъ у меня въ плѣнъ?!—старался онъ запугать насъ.

Другіе госпитали просились въ самый глубокій тылъ. Собирались совѣщанія о томъ, какъ бы возможно скорѣе освободить Харбинъ отъ застрявшихъ въ немъ 22-хъ тысячъ раненыхъ и больныхъ. Со станцій, расположенныхъ къ востоку отъ Харбина, пріѣзжали врачи съ просьбой свернуть ихъ лазареты и разрѣшить имъ уйти, такъ какъ они находятся въ явной опасности и, вынужденные, въ случаѣ бѣды, эвакуироваться черезъ Харбинъ, не въ состояніи будутъ спасти свои лазареты. Генералъ Хрещатицкій пришелъ на сборный пунктъ Креста около харбинскаго вокзала и подбодрилъ врачей слѣдующей краткой, но выразительной рѣчью:

— Чтò вы здѣсь дѣлаете? Свертывайтесь поскорѣе и уходите!

Главнокомандующій приказалъ всѣмъ госпиталямъ Краснаго Креста, расположеннымъ къ югу отъ Харбина, перейти въ тылъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ распоряженіе это было исполнено, такъ какъ нужно было увеличить количество больничныхъ мѣстъ въ сѣверо-западномъ и отчасти въ сѣверо-восточномъ районахъ, съ которыми мы и подѣлились. Евангелисты и проф. Мантейфель выбрали себѣ прекрасное мѣстечко на Хингановѣ, станцію Джаллантунь, куда и перенесли свои госпитали, оставивъ въ Гунчжулинѣ только походное и безусловно необходимое для продолженія госпитальной работы оборудованіе; нѣкоторымъ и харбинскимъ госпиталямъ были найдены мѣста въ сѣверо-западномъ районѣ, куда съ этой цѣлью была командирована цѣлая коммиссія.

Однако, оставлять югъ безъ нашихъ госпиталей намъ казалось немыслимымъ, особенно въ виду возможности боя, и на засѣданіи подъ предсѣдательствомъ генерала Трепòва мы просили его ходатайствовать передъ главнокомандующимъ, чтобы онъ разрѣшилъ Кресту оставить на мѣстахъ госпитали отъ Харбина до Куаньчендзы включительно. Ѳ. Ѳ. Треповъ, самъ этому сочувствовавшій, выхлопоталъ намъ это, а также удовлетвореніе другой просьбы—оставить три госпиталя въ Гунчжулинѣ и открыть одинъ въ Годзяданѣ.

Тѣмъ временемъ эластическій русскій духъ нашъ, которому такъ дивятся иностранцы, сталъ, какъ Ванька-встанька, снова подыматься. Впечатлѣніе Мукдена стало отходить въ привычное прошлое; стали подходить тысячи людей, считавшихся пропавшими безъ вѣсти; все болѣе и болѣе выяснялось, что японцы не хотятъ или не могутъ на насъ наступать. Раненые усиленно эвакуировались, Харбинъ постепенно пустѣлъ, врачи перестали говорить объ отвѣтственности за безопасность своихъ больныхъ, а тѣ, которымъ, согласно ихъ же желанію и намѣченной на этомъ основаніи программѣ, было предложено переѣхать въ глубокій или близкій тылъ, вдругъ рѣшительно запротестовали.

Не считая подвижныхъ госпиталей и лазаретовъ, раскинутыхъ у насъ по всѣмъ тремъ арміямъ, намъ удалось по желѣзной дорогѣ продвинуться и южнѣе Годзядяня, даже до самой крайней, бывшей въ нашемъ распоряженіи, станціи, т.-е. до Сыпингая (Богородицкій госпиталь), ибо японцы сидѣли смирно, а мы ждали все прибывавшихъ войскъ.

Настроеніе настолько измѣнилось, что при одномъ изъ позд-

нѣйшихъ своихъ посѣщеній нашихъ госпиталей въ Гунчжулинѣ главнокомандующій, замѣтивъ, что въ одномъ изъ нихъ нѣкоторая недостача кроватей, и узнавъ, что онѣ отосланы въ тылъ, сказалъ:

— Зачѣмъ же?! Верните ихъ, непремѣнно, сейчасъ же верните!

XXV. — Въ Гунчжулинѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда я пріѣхалъ въ Гунчжулинъ, тотъ самый Гунчжулинъ, который еще такъ недавно — осенью — своими идиллическими картинами съ пасущимися гусями и маленькими дѣвочками, которыя, въ видѣ женщинокъ, съ платкомъ на плечахъ, бѣгали въ лавочку, при чисто деревенской тишинѣ, — производилъ впечатлѣніе такого тыла, что не только забывался громъ орудій, но получалось впечатлѣніе, что ни одинъ воинственный звукъ никогда не нарушитъ здѣсь людского благополучія, — этотъ самый Гунчжулинъ уже оказался совершенно зараженнымъ боевой эпидеміей и старался загримироваться Ляояномъ. Конечно, ему это трудно удавалось, такъ какъ новый главнокомандующій предпочелъ ему маленькую, никому неизвѣстную станцію, брошенную въ необитаемой пустынѣ, подъ пригоркомъ, и называемой Годзяданемъ, или, какъ всѣ нѣмцы перекрестили ее: „Gott sei Dank". Но всѣ штабы и канцеляріи, расположенные нѣкогда въ Ляоянѣ, ютились теперь въ Гунчжулинѣ. Впослѣдствіи Гунчжулинъ образовался въ совсѣмъ милый городокъ.

Главную прелесть его составляетъ только-что отстроенная великолѣпная желѣзнодорожная больница, въ отдѣльныхъ зданіяхъ которой и размѣстились наши госпиталя: Императрицы Маріи Θеодоровны, Евангелическій, теперь еще Голубевскій имени Принцессы Е. М. Ольденбургской. Къ моему пріѣзду въ этихъ же зданіяхъ, покинутыхъ финляндскимъ лазаретомъ, отчасти и двумя первыми, уже расположились и канцелярія, и общежитія наши.

Началось это тяжелое томленіе между жизнью и смертью, между миромъ и войной. Назначались дни боевъ, шли усиленныя приготовленія, и рядомъ съ этимъ уже печатались извѣстія о подготовительныхъ работахъ къ мирнымъ переговорамъ. Впрочемъ, объ этомъ стали писать только послѣ цусимскаго боя.

XXVI. — Цусимскій бой.

О, этотъ бой, эта несчастная эскадра!

Было время, что о ней всѣ забыли и перестали ею совсѣмъ интересоваться. Идетъ ли она впередъ или назадъ,—не все ли это было равно: отъ нея никто ничего не ждалъ. Но, вотъ, появилась она въ японскихъ водахъ и заставила о себѣ заговорить. Вдругъ сразу все забылось: и слабосильность ея, и малочисленность, и вся безнадежность ея предпріятія. Неожиданный успѣхъ первой ея задачи — *придти* — вскружилъ головы и вызвалъ у насъ ничѣмъ въ сущности необоснованныя надежды, а у японцевъ—страхъ. О, отчего мы тогда не заключили мира?!

...Послѣ обычныхъ ложныхъ слуховъ пришла вѣсть о состоявшемся боѣ, вѣсть, подтверждавшаяся и морскимъ штабомъ главнокомандующаго. Но моряки умѣли держать секретъ, никакихъ подробностей не передавали и намекали только на то, что потери наши оказались меньше, чѣмъ можно было ожидать.

Эскадра наша ожидалась во Владивостокѣ. Городъ украсился, приготовлена музыка, населеніе ликуетъ, Красный Крестъ пріѣхалъ встрѣчать раненыхъ. Наконецъ, приходитъ „Алмазъ“! Грянула музыка, летятъ цвѣты, раздается „Jubelgeschrei“...

Вдругъ — тсс...: на „Алмазѣ“—покойникъ... А гдѣ же другіе? Тихо, струйками начинаетъ пробиваться шопотомъ зловѣщій слухъ.... Но нѣтъ, вонъ множество дымковъ, эскадра идетъ, вотъ она уже видна... но... японская! Зловѣщій слухъ, ужасный слухъ подтвердился. Рядъ дней и рядъ ночей приносили съ собой все новыя и новыя подробности, надъ которыми наши моряки не разгибали своихъ спинъ, дешифрируя слово за словомъ, букву за буквой, леденящія и разрывающія душу телеграммы, и заливая ихъ горячими слезами по роднымъ товарищамъ, по своемъ флотѣ, по тяжко раненой родинѣ... Я не былъ во Владивостокѣ и не дешифрировалъ телеграммъ, но знаю все, что̀ пишу, по разсказамъ очевидцевъ, и, даже сидя въ Гунчжулинѣ, былъ совершенно убитъ. У меня спрашиваютъ попрежнему о томъ и о другомъ, я отдаю распоряженія, но съ такимъ чувствомъ, будто я хлопочу для покойника, которому больше ровно ничего не нужно... Надо одѣть его въ мундиръ? Ахъ, да! надо его одѣть, но не все ли равно—во что̀,—мундиръ, армякъ, сюртукъ, халатъ,—не все ли это равно?! Его ужъ нѣтъ...

XXVII.—Передъ миромъ.

Каталинза. 18-го августа 1905 г.

Мы пили дневной чай въ большомъ шатрѣ-столовой, въ пріятной тишинѣ счастливой домашней обстановки, когда къ самой палаткѣ нашей подъѣхалъ верхомъ К. и, не слѣзая съ коня, крикнулъ намъ голосомъ, въ которомъ слышалось, что все пропало и спасенья нѣтъ:

— Миръ, миръ!

Совершенно убитый, войдя въ палатку, онъ бросилъ свою фуражку на землю.

— Миръ!—повторилъ онъ, опускаясь на скамейку.—Сейчасъ я читалъ телеграмму начальнику штаба корпуса: японцы согласились на всѣ наши условія.

Всѣ приняли извѣстіе это молча, какъ будто оно касалось буровъ, но не насъ. Ясно было, что въ нашемъ обществѣ не нашлось полнаго единомышленника К., но настроеніе его было слишкомъ опредѣленное, чтобы кто-нибудь рѣшился выдать свое. Чувство удовлетворенія меня, однако, охватило настолько, что я сказалъ хозяйкѣ:

— Слышите, японцы согласились на всѣ наши условія.

К. сдѣлалъ жестъ досады.

— Ты слишкомъ гуманенъ, слишкомъ любишь и жалѣешь насъ, потому ты и радуешься,—сказалъ онъ мнѣ.

— Да, я очень жалѣю каждаго изъ васъ,—отвѣтилъ я. Но вѣстникъ мира не могъ больше держаться: схвативъ чужую фуражку, онъ убѣжалъ и разрыдался, какъ ребенокъ. Его реакція на миръ вполнѣ соотвѣтствовала его постояннымъ о немъ сужденіямъ, и, слушая его, я даже въ самыя малодушныя минуты мѣнялъ свое мнѣніе и говорилъ себѣ: да, мы должны продолжать войну.

Этотъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждается здѣсь горячо съ самаго мукденскаго боя, становясь все острѣе и больнѣе, и за послѣдніе три мѣсяца измоталъ, казалось, и тѣ немногія душевныя силы, какія у кого изъ насъ остались.

Тяжелое это было время, если оно дѣйствительно кончилось,—тягучее и болѣе даже, можетъ быть, мучительное въ душевномъ смыслѣ, чѣмъ періоды боевъ. Мучились и тѣ, кто были за войну, и тѣ, кто были за миръ, мучились неизвѣстностью, неопредѣленностью и страхомъ за то, что вопросъ разрѣшится

не такъ, какъ они считали это необходимымъ,—кто въ интересахъ родины, кто—чисто въ личныхъ.

Большинство, однако, изъ настроенныхъ воинственно, считаютъ, что мы сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и такъ увѣрены въ побѣдѣ, что не могутъ примириться съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій именно теперь.

Но, спрашиваемъ мы ихъ, какая гарантія, что мы дѣйствительно сильнѣе японцевъ или не надѣлаемъ въ предполагаемомъ бою тѣхъ же ошибокъ, которыя оказались для насъ столь гибельными? Гарантіи, однако, никто не даетъ; они вѣрятъ, они чувствуютъ,—я и самъ вѣрю и чувствую,—но развѣ не вѣрили мы и не чувствовали того же самаго и передъ Ляояномъ, и передъ Мукденомъ?! Развѣ не желали страстно иные, чтобы японцы пошли на Ляоянъ?! Мы получили, правда, массу новыхъ войскъ, которыя шли и идутъ теперь изъ Россіи непрерывной волной; правда, это идутъ уже не полубольные пожилые бородачи, а идетъ все молодежь, добровольцы, по жребію,—даже не запасные, а состоящіе на дѣйствительной службѣ,—но не попадаютъ ли именно они въ особенно большомъ количествѣ въ лазареты и госпиталя, откуда такъ неохотно выписываются? Не говорятъ ли, что среди этой добровольной молодежи не мало элементовъ, пришедшихъ съ опредѣленной цѣлью растлѣвать армію и возстановлять ее противъ продолженія войны? Кто можетъ утверждать, что война стала хоть сколько-нибудь въ войскахъ популярнѣе? Во время переговоровъ въ Портсмутѣ газеты и телеграммы раскупались солдатами съ особой любознательностью; газета называлась хорошей, если она давала шансы на миръ, и нехорошей, если болѣе похоже было на возможность разрыва. Быть можетъ, въ сравненіи съ общей массой войскъ это было настроеніе меньшинства, но объ этомъ слышно было съ разныхъ сторонъ, а разсказовъ противоположнаго направленія не было вовсе. Намъ говорятъ, что войска хотятъ драться,—а развѣ не доходятъ до насъ сѣтованія, что бой хотятъ дать только для того, чтобы какимъ-нибудь лишнимъ милліардомъ рублей меньше заплатить?

— Что же, жизни-то наши не стоятъ развѣ этого милліарда?! логично задаютъ вопросъ иные.

Ты, разумѣется, не заподозришь меня въ сочувствіи всѣмъ малодушнымъ рѣчамъ истомленныхъ душой и тѣломъ людей,—однако, при обсужденіи вопроса, желательно или нежелательно продолженіе войны, нельзя эти печальныя явленія не принимать въ соображеніе.

Но допустимъ даже, что мы дали бой и одержали блестящую побѣду,—будемъ ли мы дальше добивать врага, до полнаго уничтоженія его арміи, какъ онъ уничтожилъ флотъ нашъ, или мы закончимъ на этомъ споръ, чтобы только послѣднее слово было за нами? Я не говорю, конечно, что Россіи нуженъ миръ во что бы то ни стало, что она должна принять условія, которыя вздумала бы ей предписывать Японія. Избави Богъ! Если бы она не уступила нашимъ требованіямъ, то пусть знала бы вся Россія, что непріятель добивается униженія нашей родины, и тогда, надо надѣяться, она подняла бы брошенную ей перчатку и вся приняла бы участіе въ самой отчаянной, остервенѣлой борьбѣ за свою честь. Если же Японія, въ страхѣ передъ новымъ боемъ и нашей силой, пошла на все, чего мы желали,—почему каждому гражданину земли русской не радоваться?

Но К. думаетъ иначе. Онъ задается вопросомъ, какъ мы безъ побѣды вернемся домой, и уже представляетъ себѣ, что всякій прохожій будетъ считать себя въ правѣ оскорблять насъ, корить и чуть ли не смѣяться надъ нами.

Я понимаю чувство, которое въ немъ говоритъ, и самъ все время повторялъ, что *чувство* требуетъ продолженія войны, тогда какъ *разумъ* желаетъ ея прекращенія. Я понимаю и уважаю чувство неудовлетворенія, которое можетъ и должно быть въ душѣ каждаго нашего офицера и солдата, вынужденнаго положить оружіе, ни разу не ощутивъ подъ его ударами сломленной силы непріятеля. Понимаю, что и блестящій миръ, который можетъ радовать его, какъ гражданина, долженъ огорчать его, какъ воина, еще не использовавшаго всю свою силу и сознающаго всю горечь пережитой войны, ничѣмъ не нейтрализованную и не сдобренную. Каюсь, мнѣ было бы симпатичнѣе, чтобы первая реакція въ душѣ нашего солдата на извѣстіе о заключеніи мира была не крикъ „ура“ или крестное знаменіе съ облегченнымъ вздохомъ: „слава Богу!“ (какъ это я пока повсюду наблюдалъ),—даже безъ всякихъ справокъ объ условіяхъ, а по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторое состояніе досады и краткаго обалдѣнія, какъ у промахнувшагося охотника, которому собака всетаки приноситъ дичь, но подстрѣленную сосѣдомъ. Пусть послѣ этой первой минуты непосредственной реакціи онъ быстро образумится, вспомнитъ, что теперь можетъ успокоиться его многострадальная неповинная родина, что жена и дѣти его снова получатъ своего кормильца, а онъ увидитъ и обниметъ ихъ, которыхъ считалъ уже навѣки у него отнятыми, — и порадуется; но это первое инстинктивное ощущеніе укола отъ словъ: „миръ

заключенъ“, означающихъ для него: „брось, ты все равно больше не можешь“,—о! я бы его уважалъ и оцѣнилъ, хотя и сознаю, что его отнюдь нельзя требовать. Думаю даже, что отсутствіе такой реакціи служитъ доказательствомъ того, что пора кончать.

Въ глубинѣ души я всецѣло присоединяюсь къ заключительнымъ словамъ славнаго санитара Бараева, который дорогой между Маймакаемъ и Бамьянченомъ разспрашивалъ меня объ условіяхъ преждевременно возвѣщеннаго мира и котораго я спросилъ, доволенъ ли онъ: „Все-таки для Россіи позорецъ небольшой есть“. Я сомнѣвался, чтобы въ какой-нибудь русской душѣ не было хоть оттѣнка этого чувства. Недаромъ простыя наши бабы, которыя вообще, на мой взглядъ, послѣ искалѣченныхъ войной (убитыхъ не считаю, ибо, какъ всегда, склоненъ думать, что они—наиболѣе счастливые), являются болѣе всего пострадавшимъ элементомъ въ нашемъ отечествѣ, говорили послѣ цусимскаго боя, что „развѣ можно съ имъ мириться, когда онъ нашъ флотъ уничтожилъ“. Онѣ больше теряли родныхъ въ бояхъ сухопутныхъ, но только морскимъ побоищемъ задѣлъ японецъ ихъ національное чувство. Оно, разумѣется, задѣто у каждаго, и только дѣйствительно тяжелое переутомленіе и перенапряженіе помогаютъ быть благоразумными, желать конца и утѣшаться блестящимъ успѣхомъ мирныхъ переговоровъ, благодаря которымъ истощенная Японія, повидимому, больше проиграла отъ своей побѣдоносной войны, чѣмъ выиграла.

Но кто помогъ этому успѣху? Рузевельтъ? Европа? Я не сомнѣваюсь, что этотъ „gentleman“ и эта старая „lady“ были хорошими помощниками при рожденіи непропорціональнаго ребенка, оказавшагося мальчикомъ и нареченнаго „Миромъ“. Несомнѣнно, эти добрые спеціалисты имѣли тоже, вопреки наукѣ и обычаю, огромное вліяніе на полъ новорожденнаго, но силы, на которыя и они разсчитывали, силы, на которыя опирался и Витте,—все-таки наша славная, доблестная армія, явившая чудеса стойкости и самоотверженія, показавшая и непріятелю, и всему міру, *на что* она способна, и послѣ каждаго, сколько бы оно ни было несчастнымъ, дѣла, какъ гидра лернейская, становившаяся все болѣе и болѣе многоголовой и грозной.

Я помню и никогда не забуду, какъ, въ началѣ мая, ко мнѣ пріѣхалъ въ Гунчжулинъ старшій врачъ одного изъ летучихъ отрядовъ, Т., большой молодчина, отовсюду всегда уходившій послѣднимъ, неоднократно бывавшій въ самыхъ опасныхъ передрягахъ, но никогда объ этомъ не болтавшій направо и налѣво. Еще совсѣмъ молодой человѣкъ, онъ, благодаря своей крупной

фигурѣ и большой черной бородѣ, производилъ впечатлѣніе богатыря, и въ черной мягкой шляпѣ на густыхъ длинныхъ волосахъ мнѣ всегда представлялся похожимъ на Вильгельма Телля. И вдругъ этотъ Телль пріѣзжаетъ ко мнѣ и заявляетъ, что онъ больше не можетъ, что онъ долженъ уѣхать, потому что усталъ до послѣдней крайности. Если это говоритъ Т., то—я понималъ — оставалось только помочь ему скорѣе уѣхать, хотя бы изъ одной признательности за его необыкновенную самоотверженную работу. Поэтому я не сталъ отговаривать его, только спросилъ, не рѣшаясь настаивать, какъ это онъ хочетъ уѣзжать почти наканунѣ боя, ожидавшагося числа седьмого.

— Да никакого боя не будетъ,—спокойно отвѣчалъ онъ.

— Почему же вы такъ думаете, вѣдь всѣ ожидаютъ,—возражаю я.

— Но какъ же онъ можетъ быть?—говоритъ Т.:—вѣдь мы наступать еще не можемъ, а японцы не станутъ, потому что убѣдились, что они насъ побѣдить не могутъ.

Я чуть не вскочилъ съ кресла, чтобы обнять и поцѣловать этого молодца за его прекрасный объективный отвѣтъ русской души и за твердость и убѣжденность его тона.

Да, онъ совершенно правъ: несмотря на всѣ неудачи, на цѣлый рядъ ошибокъ отдѣльныхъ лицъ, на всѣ недочеты общей организаціи, на вопіющіе пробѣлы въ предшествовавшей войнѣ,— наша армія все-таки доказала еще разъ свою непобѣдимость. Я горячо возражаю, поэтому, пессимистамъ, говорящимъ, что насъ били, насъ гнали, что имъ совѣстно будетъ вернуться въ Россію и нельзя будетъ тамъ прямо смотрѣть людямъ въ глаза. Какъ это несправедливо и обидно за тысячи ихъ товарищей, легшихъ костьми около нихъ, за десятки тысячъ самоотверженныхъ, темныхъ умомъ, но свѣтлыхъ душой, нашихъ солдатиковъ, беззавѣтно и безропотно отдавшихъ жизнь свою за доброе имя этой самой Россіи! Какъ можно допускать мысль, что она можетъ считать себя въ правѣ бросить камень въ свою армію?! Если насъ били, то мы каждый разъ били вдвое; если мы уходили, то не потому, что насъ откуда-нибудь выгоняли, а по тѣмъ или другимъ, можетъ быть, вѣрнымъ, а можетъ быть, и ошибочнымъ, теоретическимъ соображеніямъ.

Нѣтъ, съ высоко поднятой головой долженъ вернуться въ отчизну русскій воинъ, и *родина* должна склонить передъ нимъ голову,—голову повинную, что покинула его на далекой чужбинѣ, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку накопившагося дома гряз-

наго бѣлья. Благодарнымъ сердцемъ и благоговѣйной душой должна она полетѣть ему навстрѣчу и поскорѣе постараться залечить и успокоить раны его тѣлесныя и духовныя, насъ ради и нашего ради спасенія принятыя имъ, и съ адскимъ огнемъ, и съ миртовой вѣтвью... Я благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ самому убѣдиться во всемъ, что̀ я говорю, и говорить такъ, допустивъ пережить и прочувствовать все это.

Конечно, исторія не должна быть и не будетъ пристрастна; она выдѣлитъ ошибки и скажетъ, кто въ нихъ виноватъ, и тогда эти ошибки послужатъ намъ на пользу. Мнѣ представляется даже очень благопріятнымъ, что мы не кончили побѣдоноснымъ бравурнымъ аккордомъ: онъ покрылъ бы всѣ фальшивыя ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврахъ. Теперь же, сохранивъ въ душѣ всю боль и остроту отъ нашихъ ошибокъ, мы можемъ и должны исправиться, должны и будемъ совершенствоваться,—именно потому, что мы сохранили ее. Надо намъ работать, много и сильно работать!

Саншигоу. 26-ое августа.

Итакъ, у васъ миръ, а у насъ еще нѣтъ. Только сегодня полученъ здѣсь приказъ главнокомандующаго прочесть повсюду телеграмму Государя о томъ, что онъ принялъ предварительныя мирныя условія, но до сихъ поръ хоть струйками, но все еще лилась у насъ кровь, и каждую ночь ходили на развѣдки.

Мы давно читали телеграмму Витте, со всѣхъ сторонъ слышимъ, что миръ заключенъ, что подписано перемиріе, но до сегодняшняго вечера въ нашей глухой деревнѣ Тунъ-Кассія, резиденціи начальника отряда, князя Орбеліани, больше говорилось о войнѣ и ея продолженіи.

— Что̀, будетъ миръ?—спрашиваетъ князь одного изъ всадниковъ.

— Нэтъ, нэ будитъ,—отвѣчаетъ тотъ.

— Значитъ, война будетъ?

— Нэтъ, и война нэ будитъ.

— Что̀ же будетъ тогда?

— Тэлэграммъ будитъ.

Онъ оказался глубоко правъ; телеграмма пришла, и мы все-таки чувствуемъ себя на войнѣ и не видимъ мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что война кончена, ибо подписанъ миръ. Продолжается эта мучительнѣйшая тягучка здѣсь, въ самыхъ передовыхъ частяхъ, особенно сильно и тяжело ощутимая.

Понемногу выясняются и невеселыя подробности мирнаго

договора: Сыпингайскія позиціи, весьма сильныя и хорошо укрѣпленныя, тѣ самыя, про которыя Линевичъ говорилъ: „Сыпингай я не отдамъ",—Витте отдалъ. Не знаю, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, почему уступилъ онъ эти послѣднія, какъ нѣкоторые утверждаютъ, позиціи передъ Харбиномъ, вмѣстѣ съ линіей желѣзной дороги до Куанченцзы, вмѣстѣ съ милымъ Гунчжулиномъ,—словомъ, хорошій кусокъ пути, еще не пройденный и не заработанный японцами? Что получили мы въ обмѣнъ? Почему же говорилъ онъ, что отдалъ только ту часть дороги, которую японцы завоевали? Конечно, la critique est aisée", но вѣдь, въ сущности, мы все-таки еще очень мало что знаемъ объ условіяхъ мира, и обрадовались ему только какъ люди съ едва-едва заживающими ранами, боявшіеся, что вотъ-вотъ получатъ по нимъ новые удары, и заручившіеся, наконецъ, послѣ долгой, мучительной душевной волокиты, увѣренностью, что этого не будетъ; мы поступили, можетъ быть, такъ же неосновательно и преждевременно, какъ и японцы, негодовавшіе на тѣ же, неизвѣстныя имъ, условія мира. Теперь они, подсчитавъ свои выгоды, успокоились, а мы... притихли, и каждый чувствуетъ, какъ санитаръ Бараевъ: „позорецъ есть".

XXVIII.—Красный Крестъ начинаетъ свертываться.

3 сентября. Гунчжулинъ.

...Изъ Каталинзы я переѣхалъ на 84-й разъѣздъ, откуда очень счастливо, по только-что установившейся конкѣ „Дековилькѣ", переѣхалъ въ Маймакай. Я былъ въ симпатичномъ Вятскомъ отрядѣ, когда вдругъ приходитъ извѣстіе, что старшій врачъ 5-го С.-Петербургскаго летучаго отряда, П. П. А., отпустившій и второго врача, и обоихъ студентовъ, оставшійся, слѣдовательно, совершенно одинъ, — заболѣлъ тифомъ. Надо тебѣ сказать, что мы только-что потеряли двухъ врачей и двухъ сестеръ отъ брюшного тифа и одного студента отъ тяжелаго воспаленія кишекъ, и во всѣхъ случаяхъ у меня осталось впечатлѣніе, что они не выдержали своей болѣзни, можетъ быть, оттого, что продолжали работать больными и переутомили себя. Что могъ, я сдѣлалъ и для нѣкоторыхъ изъ нихъ, но, къ сожалѣнію, каждый разъ узнавалъ о болѣзни слишкомъ поздно.

Ты легко представишь себѣ, поэтому, какъ взволновался я извѣстіемъ о болѣзни этого прелестнаго, скромнаго, добросовѣстнѣйшаго, симпатичнѣйшаго и доблестнаго нашего труже-

ника. Я живо представилъ себѣ, какъ онъ; заброшенный въ самыя далекія передовыя позиціи, одинокій, больной, ходитъ, осматриваетъ больныхъ, — самъ, можетъ быть, болѣе слабый, чѣмъ они... Забывъ свои немощи, я сѣлъ на коня и пустился въ только-что еще казавшійся такимъ труднымъ и далекимъ, шестидесятиверстный путь. Лошадь попалась мнѣ мягкая, пріятная, я съ удовольствіемъ снова втягивался въ этотъ пріятный способъ передвиженія, когда такъ наслаждаешься природой и такъ хорошо думается... Въ одиннадцатомъ часу я пріѣхалъ въ Саншигоу къ А. и нашелъ его блѣднымъ, слабымъ и сильно исхудавшимъ...

Когда А. сталъ поправляться, я, сдавъ остающихся больныхъ и часть имущества (бѣлье, лекарства) военнымъ врачамъ, свернулъ отрядъ, положилъ на вьючныя носилки А. и одного изъ санитаровъ, тоже продѣлавшаго тифъ и умолявшаго не отрывать его отъ своего старшаго врача,—и двинулся въ путь, благословляемый съ неба легкимъ дождичкомъ...

Такъ началъ Красный Крестъ свое возвращеніе на родину: послуживъ всѣмъ, чѣмъ онъ могъ, отдавъ святому дѣлу своему все, чѣмъ обладалъ,—послѣднія силы и здоровье,—онъ бѣдные остатки свои положилъ на щитъ и „со щитомъ“ пошелъ домой.

Это было 28-го августа, въ тотъ день, когда у насъ объявили о прекращеніи военныхъ и враждебныхъ дѣйствій.

Дождь сопровождалъ насъ всю дорогу, такъ что стало сыро и свѣжо. На серединѣ пути мы въ полѣ остановились, чтобы покормить лошадей. Надо было покормить и А., а мнѣ хотѣлось еще дать ему возможность полежать въ сухомъ мѣстечкѣ.

Около самаго мѣста нашей стоянки была какъ-то изолированная отъ всей близлежащей деревни аккуратная фанза, въ которую я смѣло пошелъ за пріютомъ. Во дворѣ красиво цвѣли бѣлыя съ яркими розовыми полосами „belles de jour“, во внутреннемъ дворикѣ тоже были цвѣты, и все было аккуратно и чисто. Навстрѣчу мнѣ и санитару вышелъ хозяинъ съ бородкой клинышкомъ и интеллигентнымъ лицомъ. Я объяснилъ ему, что намъ нужно: „мало-мало сиди-сиди, и мало-мало кушъ-кушъ“, и пошелъ въ его мужскую половину. Но онъ не согласился на это, перевелъ туда всѣхъ „мадамъ“ и дѣтей, а намъ предоставилъ ихъ половину, чистую, прибранную, съ тюфяками, коврами и подушками на каняхъ. Когда онъ увидалъ у А. повязку съ краснымъ крестомъ, онъ показалъ рюмку и сказалъ:

— „Моя тайфу“,—что̀ означало, что онъ—докторъ. Я объяснилъ тогда, что А. „мало-мало ломайло“, т.-е. немного бо-

ленъ, и онъ сталъ очень за нимъ ухаживать и заварилъ намъ чуднаго цвѣточнаго чая. Съ своей стороны, мы налили ему вина, но онъ сказалъ, что „ханшинъ мэю"—значитъ: онъ не пьетъ водки,—отлилъ себѣ вина въ рюмку, остальное предложилъ выпить молодому китайцу, который сказалъ, что это не ханшинъ, а „хау, хау",—и очень похвалилъ. Тогда хозяинъ представилъ намъ свою жену, сказавъ: „моя мадамъ", которая протянула намъ руку. Я далъ ей и другимъ женщинамъ и дѣтямъ, которыя постепенно вернулись въ свою комнату, по куску хлѣба съ сардинкой, но онѣ всѣ куда-то унесли это угощеніе, и я не знаю, ѣли ли. Вѣроятно, имъ это такъ же подозрительно и неаппетитно, какъ намъ ихъ пища. Когда одинъ русскій сказалъ какъ-то китайцу, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что отъ нихъ нехорошо пахнетъ (съ ногъ сшибательный запахъ чеснока и бобоваго масла), онъ, находясь въ дурномъ, но откровенномъ настроеніи, горячо ему отвѣтилъ:

— А вы думаете, отъ васъ не пахнетъ? Да какъ еще! и очень непріятно.

Такъ, вѣроятно, и пища наша внушаетъ имъ такую же брезгливость и недовѣріе, какъ ихъ пища—намъ.

Мы растворили шоколадъ Gala-Peter и предложили нашему коллегѣ, но онъ не рѣшился его попробовать. Когда, однако, женщины и молодежь его дома съ удовольствіемъ стали пить шоколадъ, онъ взялъ свою чашку, поднесъ ее ко лбу, помолился, молча, надъ ней и сталъ пить. Напитокъ ему понравился, и онъ допилъ его до конца. Зато, когда я угостилъ ихъ арбузомъ,—колебаній не было, и они уплетали его всѣ наперерывъ.

Такимъ образомъ, и китайскій, и русскіе „тайфу" остались очень довольны другъ другомъ.

Благополучно и счастливо прошло также и все наше путешествіе съ милымъ А. до самаго Маймакая.

Здѣсь я оставилъ своихъ больныхъ въ Вятскомъ лазаретѣ, въ который стремился А., а самъ, простившись съ отрядами 2-ой арміи, пустился въ послѣдній объѣздъ нашихъ учрежденій арміи 1-ой и 3-ьей, изъ которыхъ нѣкоторыя уже свернулись, другія—свертываются, а третьи ожидаютъ своей очереди.

Это первые шаги мои, по направленію къ вамъ, домой...

Евг. Боткинъ.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ
ПОНЯТОВСКІЙ
И
Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна

По неизданнымъ источникамъ.

Окончаніе.

V *).

„Я не берусь обсуждать,—пишетъ далѣе Станиславъ-Августъ Понятовскій въ своихъ запискахъ,—на какой сторонѣ была правда въ этой знаменитой войнѣ (австро-прусской, 1745 г.), но она была жестока для Саксоніи; другъ и недругъ способствовали ея разоренію. Дрезденъ былъ два раза подвергнутъ бомбардировкѣ пруссаками и австрійцами; послѣдніе уничтожили самый промышленный городъ курфюршества—Циттау"... Обѣ стороны обвинили другъ друга въ грабежахъ и жестокостяхъ. Прусскій король приказалъ сжечь королевскій замокъ Губертсбургъ послѣ того, какъ имъ были проданы еврею мебель и мѣдная крыша. Онъ велѣлъ взорвать великолѣпную гостиную сада, принадлежавшаго графу Брюлю въ Дрезденѣ, уничтожить двѣ дачи того же министра, Пфертанъ и Нишвицъ, послѣднюю въ своемъ присутствіи, и соб-

*) См. выше: февраль, стр. 620.

ственноручно разбилъ о спину швейцара зеркало, которое этотъ вѣрный слуга пытался спасти отъ грабежа. Прусскій король въ то время оправдывалъ подобныя свои распоряженія желаніемъ отомстить за тѣ опустошенія, которыя русскіе произвели въ Пруссіи, и тѣ, которыя австрійцы себѣ позволили въ Шарлоттенбургѣ, когда они тамъ были. Кромѣ того, прусскій король приказалъ выпустить до ста тяжкихъ преступниковъ, заключенныхъ въ саксонскихъ тюрьмахъ, а между ними извѣстнаго разбойника Танцволя. Четверо изъ этихъ каторжниковъ, пойманные въ Богеміи, разсказывали, что они получили отъ прусскаго короля приказанія поджигать повсюду, гдѣ могли. Быть можетъ, они лгали. Но тѣмъ не менѣе было странно, что король ихъ выпустилъ на свободу, тѣмъ болѣе, что въ то же время онъ велѣлъ освободить другого разбойничьяго атамана, по имени Кезебира, который находился въ заключеніи въ его же собственныхъ владѣніяхъ, и къ которому онъ обратился съ рѣчью, выпуская его на свободу.

Сельское населеніе въ Саксоніи, правда, было менѣе расположено къ австрійцамъ, чѣмъ къ пруссакамъ, дисциплина которыхъ, можетъ быть, была дѣйствительно лучшею, и которые получили приказаніе убѣдить народъ въ Саксоніи въ томъ, что существовало тайное намѣреніе насильно обратить ихъ въ католичество, а что прусскій король сражался съ цѣлью ихъ защитить отъ такого обращенія. Но большинство торговцевъ, дворянство и въ особенности самъ Августъ III такъ жестоко пострадали отъ прусскаго короля, что одно изложеніе всѣхъ этихъ бѣдствій заслужило Августу III состраданіе, которое, вѣроятно, не осталось бы безплоднымъ со стороны Россіи, Вѣны и Версаля, если бы событія войны имъ болѣе благопріятствовали. Обѣ императрицы согласились уже съ марта мѣсяца 1745 года предоставить ему въ видѣ возмѣщенія городъ Магдебургъ и его уѣздъ и округъ при рѣкѣ Саалѣ. Августъ III, однако, полагалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ просить о большемъ, что, насколько онъ помнилъ, вѣнскій дворъ, 15 мая 1745 г., ему обѣщалъ гораздо болѣе. Попытались вызвать союзные дворы на объясненія, вслѣдствіе чего Понятовскій получилъ предписаніе передать русскому двору записку подъ названіемъ: „Мотивированный перечень вознагражденія, требуемаго е. в. польскимъ королемъ курфюрстомъ саксонскимъ“ [1]). Онъ передалъ эту записку русскому министру

[1]) Въ числѣ этихъ требованій значились: возвращеніе Августу III, натурою или деньгами, всей его артиллеріи, аммуницій и снаряженій, обратная передача ему всѣхъ бумагъ, документовъ и грамотъ, принадлежавшихъ саксонскому архиву, пере-

19 сентября 1757 г. и получилъ въ отвѣтъ извлеченіе изъ депеши, посланной 30 сентября 1757 г. императорскому послу въ Вѣнѣ, графу Кейзерлингу; ему поручалось въ ней поддержать передъ вѣнскимъ дворомъ домогательство саксонскаго курфюрста.

Понятовскій думалъ, что намѣренія русскаго двора были искренни, но искусство прусскаго короля и, главнымъ образомъ, его счастіе, получили перевѣсъ надъ общею волею самыхъ могущественныхъ державъ Европы, хотя онѣ не пощадили для побѣды надъ нимъ ни стараній, ни силъ, ни издержекъ. Франція думала уловить удобный моментъ для того, чтобы возстановить свой кредитъ, которымъ она пользовалась одно время при дворѣ императрицы Елисаветы.

Маркизъ де-Лопиталь былъ назначенъ французскимъ посломъ при ней. Его сопровождала многочисленная свита при роскошной обстановкѣ, которою думали сдѣлать впечатлѣніе, о чемъ самъ Лопиталь особенно заботился. Онъ велѣлъ нарисовать свои 23 кареты при ихъ переходѣ черезъ Карпаты и показывалъ съ восторгомъ эту картину. Бывшій посломъ въ Неаполѣ въ то время, когда тамъ царствовалъ (1757 г.) испанскій король Карлъ III, Лопиталь главнымъ образомъ состарился въ Версалѣ, состоя егермейстеромъ при дочеряхъ Людовика XV. Ему казалось, что онъ по своему тону принадлежалъ ко двору Людовика XIV и что обладалъ его горделивымъ обхожденіемъ, произнося пышныя фразы и наставленія, свойственныя въ особенности придворнымъ великаго короля, но въ сущности это былъ человѣкъ мало образованный и мало искусный и который (какъ Понятовскому сказала г-жа Жофрэнъ) [1]) имѣлъ видъ скорѣе стараго актера, чѣмъ стараго

дача ему всѣхъ его войскъ, которыя прусскій король насильно завербовалъ въ свою армію, уступка Магдебургскаго герцогства со всѣмъ округомъ на рѣкѣ Саалѣ, княжества Гальберштадта, графства Мансфельдскаго и графства Гогенштейнскаго.

[1]) Марія-Тереза Родэ, по мужу Жофрэнъ (1699—1777), принадлежала къ буржуазному семейству города Парижа; вышла замужъ за богатаго купца Петра Жофрэнъ, одного изъ основателей зеркальной мануфактуры. Съ 1748 года она имѣла извѣстный салонъ, гдѣ собирались самые знаменитые художники и литераторы, изъ числа послѣднихъ Фонтенель, Монтескьё и др. Г-жа Жофрэнъ покровительствовала энциклопедистамъ, изъ которыхъ Даламберъ, Гельвеціусъ, Мармонтель были ея друзьями. Въ ея салонѣ собирались и знатные иностранцы. Во время своего пре-[бы]ванія въ Парижѣ до пріѣзда въ Россію графъ Понятовскій былъ принятъ очень [р]адушно г-жею Жофрэнъ, по рекомендаціи своего отца. Она взяла молодого чело[в]ѣка подъ свое покровительство и руководила его въ парижскомъ обществѣ своими [с]овѣтами. Впослѣдствіи между ними завязалась переписка, которая продолжалась [д]о то время, когда Понятовскій вступилъ на польскій престолъ. Въ 1766 году г-жа [Ж]офрэнъ пріѣзжала къ нему въ Варшаву.

барина [1]). Онъ старался, насколько возможно, ему вредить, такъ какъ проѣздомъ черезъ Варшаву онъ проникся предубѣжденіями противъ него, которыя ему внушилъ французскій посолъ при Августѣ III, графъ Брольи. Это былъ маленькій человѣкъ, живой какъ порохъ, гордый, властолюбивый, придирчивый, чрезмѣрно безпокойный, чтò онъ и доказалъ подъ-конецъ во вреду своего собственнаго состоянія и своей семьи, но полный ума, работящій, хотя и любилъ удовольствіе, желавшій управлять Саксовіей и Польшей. Онъ не выносилъ, что Россія имѣла большое вліяніе при дворѣ Августа III. Онъ старался объ отозваніи Понятовскаго, потому что считалъ его сторонникомъ Англіи и во избѣжаніе того, чтобы при его содѣйствіи въ Россіи не были даны приказанія пребывавшимъ въ Польшѣ русскимъ министрамъ, способствовавшія поднятію кредита его семейства, которое онъ считалъ противникомъ Франціи. Въ теченіе всего 1757 года Брюль отвергъ всѣ его ходатайства, такъ какъ онъ боялся разгнѣвать Бестужева и великую княгиню; къ тому же Понятовскій привлекъ на свою сторону вѣнскій дворъ услугой, которая могла считаться въ то время важною.

[1]) Французскій посолъ Лопиталь произвелъ на великую княгиню очень дурное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ Уилльямсу (Letters, № 67, 2 іюля 1757 г.) она пишетъ: „Я чувствую безпредѣльную антипатію къ малой откровенности его (посла) нрава, къ которой, сказать по правдѣ, я сама его довела, къ постояннымъ хитростямъ его ума и напускаемой напыщенности его манеръ; однимъ словомъ, онъ мнѣ крайне не понравился, потому что онъ французъ, а это значитъ для меня противникъ всего русскаго. Я тоже не могу ему нравиться, я всегда буду противовѣсомъ французскаго вліянія, лишь бы Господу Богу было угодно помочь мнѣ въ этомъ. У меня недостаетъ низости и подлости, чтобы скрывать отъ посла мое чувство; все, что я могу сдѣлать, это только молчать. Въ такомъ настроеніи онъ меня нашелъ въ Петровъ день (29 іюня 1757 г.), на балу, такъ какъ онъ искалъ поговорить со мною о дѣлахъ и заставить меня проболтаться. Я такъ замкнулась, что онъ одинъ говорилъ, я ему отвѣчала лишь односложными словами или взглядомъ, значившимъ: „считаете ли вы меня дурой“. Увидавъ, что я не поддавалась его краснорѣчивымъ убѣжденіямъ въ защиту его неправаго дѣла, онъ сталъ мнѣ говорить всякій вздоръ, въ чемъ онъ не очень силенъ, да и я тоже на то не очень способна. Чувствуя оба натянутость своихъ отношеній, мы не можемъ другъ другу понравиться“. Затѣмъ великая княгиня сообщала Уилльямсу, что она съ Понятовскимъ не могла не придти къ заключенію о разницѣ между вновь прибывшимъ посломъ и тѣмъ, чье отозваніе имъ такъ было прискорбно. Оплакивая отъѣздъ Уилльямса, она выражала ему, что она почитала, любила его, какъ отца, и счастлива тѣмъ, что она съумѣла пріобрѣсти его дружбу. Въ томъ же письмѣ Екатерина сознавалась ему, что, несмотря на его наставленія, она все-таки совѣтовалась по всѣмъ вопросамъ съ канцлеромъ Бестужевымъ. Шуваловы ея боялись изъ-за императрицы. „Но если бы мнѣ,— замѣчала великая княгиня, — посчастливилось имѣть чаще доступъ къ ней, то я не знаю, не кончилось ли это бы тѣмъ, что она окончательно привыкла бы ко мнѣ, а я пріобрѣла бы довѣріе въ ея умѣ“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ записокъ графъ Понятовскій объясняетъ, что, желая для общаго блага союзниковъ расположить великаго князя Петра Ѳедоровича къ австрійскому послу графу Эстергази и къ его двору, онъ въ своихъ разговорахъ съ его высочествомъ старался склонить его къ тому, и весною 1757 г. успѣлъ настолько, что австрійскій канцлеръ, князь Кауницъ, въ письмѣ на имя Эстергази, отъ 26 мая того года, призналъ дѣйствія графа Понятовскаго заслуживавшими всякаго одобренія и отказался отъ всѣхъ предубѣжденій, которыя вѣнскій дворъ питалъ къ нему когда-то. Въ завершеніе усилій графа Понятовскаго въ этомъ направленіи великій князь подписалъ, 15 іюля 1757 г., вмѣстѣ съ графомъ Эстергази конвенцію, по которой Петръ Ѳедоровичъ предоставлялъ императрицѣ Маріи Терезіи свои голштинскія войска за ежегодное вспомоществованіе въ 100 тысячъ гульденовъ.

„Кто зналъ Петра III и его прусскій фанатизмъ,—пишетъ графъ Понятовскій,—не будетъ удивляться тому значенію, которое вѣнскій дворъ придалъ услугѣ, мною оказанной ему тѣмъ, что я побудилъ великаго князя къ заключенію этой конвенціи. Съ того времени онъ позабылъ о ней, но тогда, съ помощью ея, я снискалъ искреннюю дружбу графа Эстергази. Она мнѣ помогла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1756—1757 года защититься отъ французскихъ происковъ"...

Представитель Франціи при Августѣ III, графъ Брольи, потребовалъ, однако, отъ короля отозванія графа Понятовскаго. Въ поданной имъ, 25 октября 1757 г., запискѣ онъ доказывалъ, что графъ былъ приверженцемъ Англіи и поддерживалъ тайныя сношенія съ ея правительствомъ, въ виду чего французскій король настаивалъ на удаленіи графа изъ Петербурга. Отозваніе его должно было служить доказательствомъ дружескихъ отношеній Августа III къ версальскому двору. Въ этомъ смыслѣ графъ Понятовскій получилъ отъ Августа III письмо отъ 30 октября, въ которомъ король, отзывая его, выражалъ ему свое полное благоволеніе, но объяснялъ, что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ силу обстоятельствъ. Графъ Понятовскій въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 11 ноября (31 октября), донесъ королю, что, подчиняясь его приказанію для пользы его службы, онъ уже представилъ министерству свою отзывную грамоту. Затѣмъ, графъ въ письмѣ къ Брюлю высказалъ свое удовлетвореніе въ томъ, что король доволенъ его службой, и надежду на то, что онъ его не забудетъ. Одновременно съ посланіями короля и графа Брюля Понятовскій получилъ письмо отъ своего отца, который описывалъ

свою аудіенцію у короля. Увѣряя его въ своей преданности, онъ напомнилъ королю, что назначеніе его сына въ Петербургъ произошло по волѣ его величества, а что онъ, Станиславъ Понятовскій, подчинился ей, не взирая на ту ненависть, которую такое назначеніе возбуждало противъ молодого графа и его семейства среди державъ, не сочувствовавшихъ Россіи, и среди многочисленной партіи въ Польшѣ, не расположенной къ этому государству. Узнавъ отъ графа Брюля, что отозваніе его сына, Станислава-Августа, совершилось по требованію Франціи, онъ, опасаясь, что его сынъ чѣмъ-либо заслужилъ немилость короля, умолялъ короля успокоить его, Станислава, въ томъ, что отозваніе не произошло по этой причинѣ. Августъ III поспѣшилъ ему отвѣтить, что отлично помнилъ всѣ обстоятельства назначенія Станислава-Августа и что, вполнѣ удовлетворенный его отличной службой и усердіемъ, выражалъ ему свое благоволеніе. Въ виду того, графъ Станиславъ Понятовскій, не ходатайствуя ни объ отозваніи своего сына, ни объ оставленіи его въ Петербургѣ, умолялъ короля оказать ему какую-либо милость, такъ какъ иначе враги его семейства будутъ ссылаться на его отозваніе, какъ на доказательство неудовольствія короля противъ него. Въ случаѣ неимѣнія свободной должности, на которую его сынъ могъ бы быть назначенъ, графъ Станиславъ просилъ о выдачѣ его сыну до того пенсіи въ шесть тысячъ червонцевъ, а такъ какъ онъ, не получая никакого жалованья отъ правительства и содержась на средства, доставляемыя ему его семействомъ въ недостаточномъ размѣрѣ, не могъ не впасть въ долги, то графъ Станиславъ просилъ короля объ уплатѣ этихъ долговъ. Августъ III признался, что отозваніе графа Станислава-Августа изъ С.-Петербурга было вызвано исключительно требованіемъ Франціи, которая иначе лишила бы его уплачиваемой ею субсидіи, что онъ и королевское семейство проживали только на средства, доставлявшіяся Россіею и Франціею, что онъ самъ не имѣлъ возможности назначить какую-либо пенсію, но что онъ постарается выдать графу Станиславу-Августу извѣстную сумму денегъ [1]), такъ какъ онъ, король, ничего не имѣлъ ни противъ отца, графа Понятовскаго, ни противъ его семейства, а еще менѣе противъ посланника, который своимъ отмѣннымъ поведеніемъ заслужилъ вѣчную его благодарность.

[1]) Изъ приведеннаго далѣе въ запискахъ письма его къ графу Брюлю отъ 17 (28) апрѣля 1758 г. видно, что Понятовскій получилъ вексель на 4.000 рублей и этимъ письмомъ просилъ графа повергнуть его благодарность къ стопамъ его величества.

„Письмо, которое я написалъ своему семейству 15 (4) ноября 1757 г.,—говоритъ графъ Понятовскій въ своихъ запискахъ,—рисуетъ мое тогдашнее положеніе, и я привожу его. Въ дополненіе къ тому, что̀ я сообщилъ моему отцу, я вамъ скажу, что Лопиталь велѣлъ у меня спросить, какимъ способомъ онъ могъ бы загладить зло. Я поручилъ ему сказать, что уже не было въ его власти что-либо измѣнить, что я чувствовалъ до глубины души несправедливость и обиду, которыя мнѣ причинила Франція, что не мнѣ было ему давать совѣты насчетъ того, какъ ему поступать; но что я предоставлялъ только на его усмотрѣніе написать его двору, съ цѣлью уничтожить тѣ лживыя впечатлѣнія, о которыхъ ему донесли насчетъ меня, и тѣмъ мнѣ дать удовлетвореніе. Вчера онъ пришелъ ко мнѣ; онъ меня приласкалъ, какъ никогда; онъ, впрочемъ, сказалъ г. Камбизу, пріѣхавшему въ Варшаву, что такъ какъ онъ самъ видѣлъ, сколь милостиво со мною бесѣдовала императрица, то могъ, какъ очевидецъ, разсказать о томъ графу Брольи. Воронцовъ положительно мнѣ обѣщалъ отъ имени императрицы, что дѣйствія Бестужева [1]) въ Парижѣ не будутъ признаны императорскимъ правительствомъ и что серьезно потребуютъ отозванія графа Брольи и Дюрана [2]). Воронцовъ, однако, принявшій самое главное участіе въ требованіи моего отозванія, теперь не можетъ не отказаться отъ своихъ прежнихъ домогательствъ и дѣйствовать противъ нихъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ мнѣ высказалъ всевозможныя увѣренія, говоря, что онъ въ отчаяніи отъ моего отозванія, что не принялъ въ немъ ни малѣйшаго участія; онъ готовъ сдѣлать все на свѣтѣ—или чтобъ я остался, или чтобъ я послѣ вернулся. Онъ меня увѣрялъ, что государыня очень негодовала на мой отъѣздъ, такъ какъ она всегда была довольна моимъ поведеніемъ, и клялся въ искренности всего, что̀ онъ говорилъ. Я ему отвѣтилъ, что отнынѣ Петербургъ станетъ для меня ужаснымъ мѣстомъ пребыванія, если мой путь будетъ столь же тернистъ, какъ онъ былъ донынѣ, что я отлично зналъ всѣ происки для того, чтобы мнѣ причинить непріятность и мнѣ навредить. На это я привелъ ему нѣсколько примѣровъ, но онъ клялся, что не имѣлъ о томъ никакихъ свѣдѣній. Но если,—прибавилъ я,—императрица желаетъ меня терпѣть здѣсь,—все зависитъ отъ нея. Однако, всѣ эти увѣренія пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ Бестужевъ дѣ-

---

[1]) Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (1658—1720) былъ императорскимъ посломъ въ Парижѣ.

[2]) Французскій министръ-резидентъ въ Варшавѣ.

лаетъ для меня; впрочемъ, ударъ, которымъ меня поразили, падетъ на самихъ французовъ.

„Очевидно, великая княгиня [1]) не преминула дѣйствовать самымъ настойчивымъ образомъ, и таково было то значеніе, которымъ она пользовалась у тогдашняго любимца, Ивана Ивановича Шувалова, что не только онъ отнесся ко мнѣ съ сочувствіемъ, но сама императрица Елисавета, вмѣсто того, чтобы назначить мнѣ прощальную аудіенцію, о которой я просилъ, высказала мнѣ передъ всѣми свое сожалѣніе насчетъ моего отъѣзда въ высшей степени милостиво. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что не было въ обычаѣ, чтобъ она даже слово сказала во время куртага второстепеннымъ министрамъ. Послѣдствія всего вышеизложеннаго приведены въ моемъ письмѣ, отъ 2 декабря, моему семейству слѣдующаго содержанія: „Три недѣли тому назадъ канцлеръ Бестужевъ написалъ Брюлю, что мое отозваніе означало непріязнь къ нему, что онъ просилъ за то удовлетворенія, требуя, чтобъ я былъ назначенъ сюда коммиссаромъ и полномочнымъ министромъ республики для разбора всѣхъ недоразумѣній съ Россіею, возникавшихъ изъ-за пограничныхъ сношеній, изъ-за набѣговъ гайдамаковъ и для улаженія всѣхъ пререканій между обоими государствами, а именно относительно жалобъ, возбужденныхъ въ Литвѣ по случаю прохода русскихъ войскъ. Такъ какъ отвѣтъ графа Брюля на новый запросъ секретаря Прассе касательно моего отозванія изложенъ въ благопріятномъ для меня смыслѣ, я надѣюсь, что и отвѣтъ канцлеру Бестужеву будетъ не менѣе благопріятенъ. Такимъ образомъ, я былъ бы въ Польшѣ, удовлетворилъ бы теперешнія требованія Франціи и могъ бы возвратиться уже не какъ саксонскій министръ, а какъ посланникъ своего отечества, что̀ было бы несравненно пріятнѣе.

„Отозваніе мое произошло приблизительно въ тотъ моментъ, когда получилось извѣстіе о пораженіи французовъ подъ Росбахомъ [2]), что̀ умалило значеніе Франціи среди ея союзниковъ.

---

[1]) Екатерина въ своихъ запискахъ пишетъ относительно отозванія графа Понятовскаго, что, въ октябрѣ 1757 г., Бестужевъ ей передалъ, что польскій король только-что прислалъ Понятовскому отзывную грамоту, что Бестужевъ имѣлъ большой споръ съ графомъ Брюлемъ и саксонскимъ кабинетомъ и сердился на то, что съ нимъ не посовѣтовались. Бестужевъ, кромѣ того, узналъ, что вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, и Иванъ Шуваловъ обдѣлали это дѣло черезъ саксонскаго резидента Прассе. Канцлеръ велѣлъ подать себѣ отзывную грамоту Понятовскаго и вернулъ ее саксонскому двору подъ предлогомъ несоблюденія формальностей. Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 399 и 400.

[2]) 5-го ноября 1757 г. Фридрихъ одержалъ подъ Росбахомъ въ Саксоніи бле-

Это несчастіе повергло Лопиталя въ такое уныніе и онъ оплакивалъ его такъ неестественно и такъ смѣшно, какъ будто онъ просилъ прощенія у публики за неумѣлость своихъ соотечественниковъ. Это обстоятельство даже послужило къ притупленію удара, нанесеннаго мнѣ графомъ Брольи. Но такъ какъ читатель могъ бы спросить, не подалъ ли я въ самомъ дѣлѣ поводъ къ дѣйствительному подозрѣнію, возбужденному французами противъ меня въ томъ, что я приверженецъ Англіи, я скажу, что Уилльямсъ незадолго передъ тѣмъ поручилъ мнѣ передать, что онъ получилъ свои отзывныя грамоты, и, будучи принятымъ на прощальныхъ аудіенціяхъ, просилъ меня заходить къ нему какъ къ другу до своего отъѣзда, такъ какъ подобное посѣщеніе не могло уже болѣе быть вмѣнено въ вину или возбуждать подозрѣнія. Я былъ того же мнѣнія и видѣлся съ нимъ, но въ виду разныхъ случайностей его отъѣздъ откладывался со дня на день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ продолженіе которыхъ мои посѣщенія были часты, можетъ быть, слишкомъ часты, хотя, по правдѣ сказать, вопросъ о дѣлахъ никогда не возникалъ между Уилльямсомъ и мною во время этихъ визитовъ, которые почти всегда происходили при постороннихъ. Осторожность уступила во мнѣ мѣсто дружбѣ и благодарности, которыя я испытывалъ къ нему; эти чувства развились тогда во мнѣ еще болѣе при видѣ человѣка, котораго я зналъ въ теченіе столь многихъ лѣтъ такимъ сильнымъ и блестящимъ, въ состояніи угнетенія физическаго и духовнаго [1]).

стящую побѣду надъ французскими и имперскими войсками, находившимися подъ начальствомъ принца Рогана-Субиза и принца Іосифа Саксенъ-Гильдбургаузена.

[1]) Расшатанное здоровье, не прекращавшіяся головныя боли, а главнымъ образомъ желаніе удалиться отъ петербургскаго общества, въ которомъ онъ болѣе не игралъ прежней роли, и держаться въ сторонѣ отъ политическихъ разговоровъ, побудили Уилльямса переѣхать, 12-го марта 1757 г., на дачу его друга, барона Вольфа; при этомъ онъ написалъ лорду Гольдернесу, прося его разрѣшить ему отпускъ или отозвать его, такъ какъ онъ чувствовалъ необходимость отдохнуть въ Англіи. Тамъ, на дачѣ, Уилльямсъ получилъ письмо отъ великой княгини, предупреждавшей его о томъ, что тайно было приказано вскрывать всю переписку иностранныхъ министровъ (Letters № 61, 21-го марта). Въ отвѣтъ Уилльямсъ, благодаря за предупрежденіе, писалъ, что онъ десять дней уже живетъ на дачѣ, что воздухъ дѣйствовалъ благопріятно на него, такъ какъ мѣстность гористая. Кончалъ онъ письмо пожеланіемъ, чтобъ у сына Екатерины родился братъ. „Осмѣливаюсь спросить,—пишетъ онъ,—нѣтъ ли таковаго въ ходу?“ (Answers № 63, 22-го марта). Въ маѣ Уилльямсъ, получивъ свои отзывныя грамоты, увѣдомилъ о томъ великую княгиню. Въ томъ же мѣсяцѣ (Letters, № 59) писала Екатерина Уилльямсу, сожалѣя объ его отъѣздѣ, но выражая вмѣстѣ съ тѣмъ свое затрудненіе высказать ему то, чего хотѣла, такъ какъ не была привычна къ такому шагу ни по своему характеру, ни по свойствамъ своей души.

„Нѣкоторыя приказанія, данныя Бестужевымъ князю Волконскому [1]), находившемуся съ недавней поры въ Польшѣ и оказавшему даже извѣстное вліяніе на дворъ короля Августа III въ пользу моего семейства, несмотря на непріязнь графа Мнишка и французской партіи, увеличили естественное безпокойство графа Брольи, который, впрочемъ, не могъ видѣть безъ досады, что великобританскій посланникъ, лордъ Стормонтъ, былъ задушевно принятъ всѣмъ нашимъ семействомъ, и что вообще предпочитали англійскаго посланника французскому, но скорѣе даже какъ человѣка, чѣмъ какъ министра. Все это оказало вліяніе на дѣйствія французовъ противъ меня"...

Далѣе, графъ Понятовскій приводитъ еще нѣсколько писемъ. Графъ Брюль увѣдомилъ его 21-го (10-го) ноября 1757 г., что

Осиливъ эти чувства смущенія, она передала ему свою просьбу—ссудить ей такую же сумму денегъ, какую она уже получила, но съ тѣмъ, чтобъ дѣло хранилось еще въ большей тайнѣ, чѣмъ въ первый разъ, и чтобъ никто не зналъ, что эти деньги предназначены для нея, а чтобъ онѣ получились въ Петербургѣ для надобностей его, Уилльямса, или подъ другимъ предлогомъ. Прося сэра Чарльза сказать ей свое мнѣніе, относительно ея ходатайства, она завѣряла его въ своей дружбѣ и своей благодарности, которую она надѣялась огласить до смерти въ общее свѣдѣніе. „Мы,— кончала она,—вмѣстѣ преодолѣемъ своихъ враговъ". Въ перепискѣ недостаетъ отвѣта Уилльямса на это письмо Екатерины, но ея ходатайство было удовлетворено, какъ это видно изъ намековъ, встрѣчающихся въ письмахъ, которыя она написала ему 19-го августа 1757 г., въ тотъ моментъ, когда Уилльямсъ переѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобы сѣсть на судно для отплытія въ Англію. Въ одномъ (Letters, № 60) она упоминала о переводѣ съ письма, который она получила отъ сэра Чарльза и изъ котораго она усматривала благосклонное расположеніе къ ней короля Георга II, и просила передать ему, что она считала союзъ съ Англіею самымъ естественнымъ и самымъ выгоднымъ для Россіи. Что же касается самого Уилльямса, она высказывала, что никогда не забудетъ тѣхъ услугъ, которыя онъ ей оказалъ.

Отъ того же 19-го августа имѣется другое письмо Екатерины къ Уилльямсу, хранящееся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ (а въ копіи—въ Императорской Публичной библіотекѣ (Разн. яз. F. IV, № 178), въ которомъ она писала, что ея благодарность ему будетъ вѣчной, ее она надѣялась доказать въ болѣе счастливыя времена; эта благодарность равнялась тѣмъ обязательствамъ, которыя она чувствовала за собою передъ нимъ. Рядомъ съ этимъ письмомъ въ Британскомъ музеѣ хранятся еще два письма, отъ того же 19-го августа 1757 г., великаго князя и великой княгини Уилльямсу; они оба прощались съ нимъ въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, при чемъ Екатерина опять упоминала о своемъ расположеніи къ Англіи и радовалась тому, что благо Россіи заставляетъ ее искать случая, чтобъ расплатиться съ Англіею за ея личныя обязательства предъ его величествомъ королемъ Георгомъ. Уилльямсъ не дожилъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Выѣхавъ изъ Кронштадта позднею осенью 1757 г., онъ заболѣлъ въ Гамбургѣ и только весною 1758 г. прибылъ въ Англію, гдѣ умеръ 2-го ноября (22-го октября) 1759 г., въ полномъ умопомѣшательствѣ.

[1]) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій (1713 — 1789), племянникъ канцлера графа Бестужева, былъ посланникомъ въ Варшавѣ; впослѣдствіи генералъ-аншефъ.

король выразилъ свое одобреніе относительно той умѣренности, которую Понятовскій проявилъ при полученіи отзывной грамоты, и что онъ приметъ поведеніе графа въ разсчетъ для будущаго. 23-го (12-го) января 1758 г. графъ получилъ депешу отъ 11-го января (31-го декабря), въ которой ему указывалось, что приложенныя къ ней два письма обоимъ канцлерамъ должны служить новымъ для него уполномочіемъ на продолженіе его дѣятельности при императорскомъ дворѣ, при которомъ король, находя его пребываніе въ С.-Петербургѣ полезнымъ для своей службы, приказывалъ ему состоять, не взирая на предъявленіе прежней отзывной грамоты. Въ виду сего графъ Понятовскій доставилъ означенныя письма обоимъ канцлерамъ и выразилъ имъ надежду, что государыня не откажетъ ему въ томъ благоволеніи, которое она ему выразила, сказавъ, что она вовсе не желала его отозванія.

„По моемъ возстановленіи въ обязанности посланника,—пишетъ Понятовскій,—я продолжалъ исполнять ее еще нѣсколько мѣсяцевъ, но среди бури, первый порывъ которой унесъ фельдмаршала Апраксина [1]).—Уже мы видѣли, какимъ образомъ его неспособность и оплошность повліяли косвеннымъ образомъ на мою судьбу и понудили, наконецъ, императрицу не только замѣстить его генераломъ Ферморомъ, но велѣть его задержать и привезти въ С.-Петербургъ въ качествѣ государственнаго преступника, для отвѣта по тѣмъ обвиненіямъ, которыя они предъявляли противъ него и которыя состояли не болѣе и не менѣе какъ въ государственной измѣнѣ. Австрійскій домъ полагалъ возможнымъ даже уличить его въ тайномъ сговорѣ съ прусскимъ королемъ, въ чемъ графъ Эстергази подозрѣвалъ даже канцлера Бестужева, благопріятеля Апраксина. Французскій дворъ не только разсчитывалъ нанести этимъ путемъ ударъ Бестужеву, извѣстному своимъ нерасположеніемъ къ Франціи, но даже онъ надѣялся этимъ добраться до великой княгини, которую онъ считалъ поклонницей Англіи. Когда схватили бумаги Апраксина, то между ними нашли частныя письма Бестужева къ нему, въ которыхъ первый, какъ другъ, убѣждалъ его исполнять самымъ настойчивымъ образомъ тѣ приказанія, которыя онъ ему давалъ оффиціально въ своихъ депешахъ какъ министръ,—нанести прусскому королю какъ можно большій вредъ. Кромѣ того, были най-

[1]) Апраксинъ вернулся 17 марта 1757 г., но ему не дали доѣхать до С.-Петербурга: въ Четырехъ-Рукахъ онъ получилъ приказаніе государыни остановиться тамъ и ждать ея дальнѣйшихъ распоряженій.—Письмо графа Понятовскаго къ Брюлю отъ 17 (28) марта 1757.—Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 388.

дены въ этой перепискѣ три записки, писанныя рукою великой княгини, въ которыхъ она ободряла его исполнить свой долгъ во имя чести русскаго оружія и на погибель прусскаго короля. Казалось, что эти письма должны были утвердить кредитъ канцлера у Елисаветы и привести въ уныніе его враговъ, и дѣйствительно они пали духомъ на первыхъ порахъ, но скоро они съумѣли обратить эти извѣстія противъ него. Они сказали императрицѣ, что Бестужевъ, склонивъ великую княгиню тайно переписываться съ Апраксинымъ по государственному дѣлу, этимъ самымъ совершилъ тяжкое нарушеніе долга службы. Они указали на очень оживленный слогъ записокъ великой княгини и дали замѣтить Елисаветѣ, что великая княгиня писала Апраксину, какъ своему преданному слугѣ, какъ будто обѣщая ему продолженіе своихъ милостей и, слѣдовательно, исполненіе его надеждъ въ будущемъ въ зависимости отъ его поведенія на войнѣ. Отъ этого они перешли къ тому, что представили государынѣ о дѣйствительномъ уже или готовящемся образованіи опасной партіи, имѣвшей цѣлью ниспроверженіе Елисаветы и возведеніе на престолъ ея племянника, сына старшей ея сестры,— великаго князя, подъ именемъ котораго царствовала бы его супруга при помощи Бестужева, какъ совѣтника, честолюбіе и смѣлость котораго были извѣстны. Этотъ вымыселъ былъ прикрашенъ всякими хитростями и клеветами, на которыя способны злая воля придворныхъ и придворная политика, въ особенности когда ее обострялъ, какъ это было тогда въ Россіи, страхъ, который овладѣлъ Шуваловыми, Воронцовыми, французами и Эстергази при мысли, что скоро всѣ дѣла Россіи перейдутъ въ руки Бестужева, котораго они, по разнымъ причинамъ, справедливо считали ужаснымъ для себя. Елисавета болѣла тогда очень часто, что̀ не предвѣщало для нея долгихъ дней. Великая княгиня въ то время родила дочь [1]), которая умерла въ 1759 г.

„Я часто съ нею видѣлся, для чего я не нуждался болѣе въ посредничествѣ Нарышкина. Подъѣхавъ въ повозкѣ или на саняхъ на извѣстное разстояніе отъ дворца [2]), я слѣзалъ и шелъ одинъ ко дворцу, гдѣ подымался по той же маленькой лѣстницѣ,

[1]) Великая княжна Анна Петровна, родившаяся 9-го декабря 1757 г.; объ этомъ событіи Екатерина пишетъ въ своихъ запискахъ.—Соч. Имп. Екатерины II, т. XII, 1, стр. 401.

[2]) Какъ надо полагать, то былъ временной дворецъ у Зеленаго моста (что нынѣ Полицейскій), на Мойкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ Елисѣева. Переѣздъ двора въ это зданіе совершился на время перестройки большого Зимняго дворца на Невѣ, оконченнаго лишь въ 1762 г.

по которой Нарышкинъ меня провелъ въ первый разъ и у которой часовой (по всему вѣроятію, уже предупрежденный) мнѣ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ и не чинилъ препятствій. Иногда великая княгиня въ опредѣленный часъ выходила оттуда же въ мужскомъ платьѣ и садилась въ мои сани... Однажды, когда я ее ждалъ такимъ образомъ, какой-то оберъ-офицеръ сталъ вертѣться около меня и сдѣлалъ мнѣ даже нѣсколько вопросовъ. Высокая шапка была у меня нахлобучена на голову, а самъ я былъ закутанъ въ большую шубу. Я сдѣлалъ видъ, что спалъ, какъ слуга, ожидавшій своего барина. Признаюсь, меня кинуло въ жаръ, несмотря на трескучій морозъ, который держался тогда; наконецъ, вопрошавшій удалился, и великая княгиня вышла. То была ночь приключеній: сани ударились такъ сильно о камень, что княгиня была сброшена лицомъ на землю на нѣсколько шаговъ отъ саней. Она не двигалась; я думалъ, что она убилась до смерти; я побѣжалъ ее поднимать; она отдѣлалась нѣсколькими ушибами; но по возвращеніи оказалось, что ея горничная, по какой-то оплошности, не оставила открытой дверь ея комнаты, такъ что великая княгиня подвергалась большой опасности, до тѣхъ поръ, пока эта дверь не была отперта, по счастливому случаю, другою горничною.

„Однако я продолжалъ заботиться, смотря по обстоятельствамъ, не только о личныхъ интересахъ саксонскаго курфюрста Августа III, но и о дѣлахъ польскаго двора, какъ это видно изъ слѣдующихъ бумагъ [1]).

„Представивъ этою перепискою картину моей роли, какъ посланника, я принимаюсь вновь за передачу разсказовъ, которые ближе касаются моей личности".

VI.

„25 февраля 1758 [2]), возвращаясь изъ Комедіи въ 10 час. вечера, я нахожу у себя Бернарди. Это былъ венеціанскій ювелиръ, который часто носилъ письма великаго канцлера и мои великой княгинѣ, а также отвѣты. Онъ мнѣ сказалъ: „Все про-

[1]) Здѣсь въ запискахъ графа Понятовскаго приведены его письма и донесенія, къ графу Брюлю за время съ 14 марта по 11 іюля 1758 г. Въ нихъ посланникъ передаетъ полученныя императорскимъ дворомъ вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ, свѣдѣнія о пріѣздѣ въ С.-Петербургъ принца Карла Саксонскаго и о его пребываніи, а также разные придворные извѣстія и слухи.

[2]) 14 февраля (ст. ст.), суббота.

пало: канцлеръ Бестужевъ арестованъ; уже стоитъ стража въ моемъ домѣ; я былъ о томъ предупрежденъ въ домѣ Дололіо, гдѣ я находился. Ради Бога, я умоляю васъ, велите бросить меня въ колодезь вашего дома, чтобы по крайней мѣрѣ спастись отъ пытокъ, которымъ подвергаютъ здѣсь государственныхъ преступниковъ". Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія я ему сказалъ: „Имѣете ли вы въ настоящее время у себя малѣйшую бумагу, писанную рукою канцлера или великой княгини?" — „Ни одной",—отвѣтилъ онъ. „Совѣтую вамъ тогда отправиться прямо домой, не выказывая ни страха, ни безпокойства. Доброта царствующей императрицы и то, что̀ мнѣ извѣстно изъ поведенія канцлера и великой княгини, даютъ мнѣ возможность предсказать, что послѣ первой тревоги все это кончится гораздо менѣе трагично, чѣмъ вы это думаете. Попытка ваша скрыться оказалась бы, во-первыхъ, напрасной по прошествіи одного часа и послѣ вашего задержанія только отягчила бы вашу судьбу". Послѣ многихъ разсужденій и поощреній я, наконецъ, успѣлъ уговорить Бернарди послѣдовать моему совѣту.—Немного сценъ въ моей жизни произвели на меня болѣе тягостное впечатлѣніе; кромѣ того, Бернарди оказалъ мнѣ много услугъ, онъ былъ къ тому же честный человѣкъ и человѣкъ любезный.—Онъ подвергся легкому заключенію; черезъ нѣсколько недѣль было почти рѣшено его освободить, когда случай, вслѣдствіе котораго отягчилась участь Бестужева, возымѣлъ вліяніе и на его судьбу, такъ что онъ былъ сосланъ, съ пенсіею въ нѣсколько сотъ рублей, въ Казань, гдѣ онъ умеръ; его жена и дѣти пользовались въ Венеціи пенсіею отъ меня"...

Послѣ многихъ приготовительныхъ намековъ, сдѣланныхъ съ разныхъ сторонъ врагами Бестужева, съ цѣлью очернить его во мнѣніи Елисаветы, французскій посолъ Лопиталь, подойдя во время одного изъ пріемовъ при дворѣ къ императрицѣ, какъ будто для того, чтобы полюбоваться ея нарядомъ, рѣшился ей сказать: „У вашего величества есть при дворѣ очень опасный для васъ человѣкъ". Онъ сказалъ это очень вразумительно. Елисавета въ испугѣ спросила, кто это?—Лопиталь назвалъ Бестужева и удалился. Это возымѣло дѣйствіе. Бестужевъ, предупрежденный о томъ, что буря усиливалась, пересмотрѣлъ свои бумаги, сжегъ то, что̀ казалось ему необходимымъ уничтожить, и до такой степени былъ увѣренъ въ своей безопасности, что когда онъ былъ арестованъ въ прихожей государыни, то не выразилъ ни страха, ни озлобленія, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ выказывалъ

не только полное спокойствіе, но почти веселое расположеніе; иногда даже угрожалъ своимъ врагамъ мщеніемъ въ будущемъ.

Императрица, видя, что не обнаруживалось никакого дѣянія, которое могло бы быть вмѣнено Бестужеву въ видѣ государственнаго преступленія, стала раскаяваться въ томъ, что велѣла его арестовать. Его враги уже находились въ страхѣ, когда Елисавета велѣла узнать отъ него, не просилъ ли онъ графа Брюля пожаловать польскую голубую ленту министру великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, барону Штамбке [1]). Это былъ человѣкъ, которому Бестужевъ покровительствовалъ; онъ питалъ большую привязанность къ великой княгинѣ. Неизвѣстно, почему Бестужевъ рѣшился отрицать это дѣйствительное обстоятельство, но онъ отрекся отъ него [2]). Елисавета велѣла переспросить Бестужева нѣсколько разъ, но онъ все болѣе и болѣе упорствовалъ въ своемъ отрицаніи, доходя до того, что выражалъ готовность поклясться и пріобщиться святыхъ тайнъ въ подтвержденіе достовѣрности своихъ словъ. Тогда ему предъявили маленькую записку, собственноручно написанную имъ карандашомъ, на имя его секретаря Канцлера, въ которой онъ предложилъ послѣднему не забыть того, что̀ онъ ему поручилъ по сему предмету. Этотъ клочокъ письма, по всей вѣроятности, выскользнулъ изъ груды бумагъ, которыя Бестужевъ считалъ навѣрно сожженными. Вслѣдствіе этой ложной клятвы, которой Бестужевъ предлагалъ подверг-

---

[1]) По смерти Пехлина, министра великаго князя по голштинскимъ дѣламъ (весною 1757 г.), Бестужевъ посовѣтовалъ Екатеринѣ просить Петра Ѳеодоровича о назначеніи на мѣсто Пехлина нѣкоего Штамбке, котораго выписали изъ Голштиніи. Великій князь далъ ему подписанный приказъ работать вмѣстѣ съ великой княгиней. Благодаря этому, великая княгиня могла свободно сноситься съ Бестужевымъ.—Сочин. Имп. Екатерины II, т. XII, стр. 384.

[2]) Понятовскій не понимаетъ, почему канцлеръ отрекся отъ того, что просилъ орденъ для Штамбке. Надо полагать, что орденъ жаловался послѣднему по просьбѣ великой княгини или въ угоду ей, и что Бестужевъ отрекся отъ этого дѣла, чтобъ не вмѣшивать въ него Екатерину. Во время слѣдствія надъ бывшимъ канцлеромъ открылись сношенія, которыя онъ имѣлъ съ великой княгиней и графомъ Понятовскимъ черезъ Штамбке, а такъ какъ подобныя сношенія съ государственнымъ преступникомъ считались въ высшей степени вредосудительными, то всѣ эти лица, замѣшанныя въ нихъ, болѣе или менѣе пострадали. Императрица потребовала отъ великаго князя высылки Штамбке обратно въ Голштинію, и его отправили 7 (18) апрѣля 1758 года. Императорское правительство потребовало отъ польскаго короля отозванія графа Понятовскаго, такъ какъ, согласно запискамъ Екатерины, нашли между бумагами Бестужева письмо къ нему отъ польскаго посланника. Сама же великая княгиня, предвидя опасность, сожгла всѣ свои бумаги.—Соч. Имп. Екат. II, т. XII, 1, стр. 412 и 413.—Письма графа Понятовскаго къ графу Брюлю отъ 3 (14), 6 (17) и 8 (19) апрѣля 1758 г.

нуться, и по такому пустому вопросу, онъ навсегда погубилъ себя во мнѣніи Елисаветы; увидавъ себя уличеннымъ, онъ палъ духомъ и опустился.

Но такъ какъ въ его обвиненіи не нашли ничего другого, то Елисавета удовольствовалась его ссылкой въ одно изъ его помѣстій подъ Москвою (въ село Горетово, можайскаго уѣзда), откуда онъ былъ вызванъ уже Екатериною II [1]).

---

[1]) Донесеніями графу Брюлю, приведенными въ его запискахъ, графъ Понятовскій увѣдомлялъ саксонскаго министра о ходѣ слѣдствія надъ Бестужевымъ. На его судьбу не могло влiять обвиненіе, предъявленное Апраксину, такъ какъ дознано, что Бестужевъ никакого участія не принималъ въ позорномъ отступленіи фельдмаршала послѣ битвы подъ Гроссъ-Эгерндорфомъ. Узнавъ о томъ, Бестужевъ, напротивъ, выразилъ громко свое негодованіе, несмотря на свою дружбу къ Апраксину, и тѣмъ доказалъ, что ставилъ благо своей родины выше личныхъ своихъ привязанностей (письмо графу Брюлю 17 (28) апрѣля). Письмомъ отъ 22 апрѣля (2 мая) Понятовскій увѣдомлялъ, что дѣло Бестужева затягивалось. Великая княгиня должна была вторично объясниться съ императрицею, но свиданіе не могло еще состояться, вслѣдствіе того, что Елисавета болѣла глазомъ, какъ ею велѣно было передать великой княгинѣ. Нездоровье императрицы помѣшало ей показаться саксонскому принцу Карлу, въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ. „Это недомоганіе—пишетъ Понятовскій — называютъ воспаленіемъ, но скорѣе это кровеизліяніе, — послѣдствіе несчастнаго случая, бывшаго съ нею недѣли три тому назадъ. Но она велѣла сказать великой княгинѣ, что она не должна была печалиться и что скоро все перемѣнится къ ея удовольствію“. 25 апрѣля (5 мая) Понятовскій писалъ, что глазъ императрицы не вылечился и что она не покажется на завтрашнемъ праздникѣ (20 апрѣля, день ея коронаціи), такъ какъ у нея вчера сдѣлался новый припадокъ, довольно сильный, ибо ей пустили кровь“. „И вотъ,—замѣчаетъ Понятовскій,—три припадка, послѣдовавшіе одинъ за другимъ на короткомъ разстояніи: первый случился въ началѣ апрѣля, второй—25 (14) апрѣля.—Одинъ изъ судей Бестужева сказалъ, что такъ какъ не нашли ничего важнаго противъ него, то ищутъ въ самыхъ старыхъ дѣлахъ и изслѣдуютъ цѣлую жизнь министра. Во дворцѣ еще остаются въ нерѣшительности, такъ какъ Иванъ и Петръ Шуваловы встрѣчаютъ препятствія своимъ добрымъ намѣреніямъ въ лицѣ самого Александра Ивановича. Трудно это понять, но вотъ какъ вещи мѣняются и измѣнятся еще болѣе“. Въ письмахъ отъ 9 мая (29 апрѣля) 19 (8) мая Понятовскій доноситъ, что слѣдствіе надъ Бестужевымъ окончено и представлено на усмотрѣніе императрицы, которая не знала, на что̀ рѣшиться; она говорила: „Вспыхнулъ большой пожаръ, не знаю, какъ его потушить“,—а въ другой разъ: „Не заставятъ меня поступить вторично опрометчиво въ такомъ важномъ дѣлѣ“. 4 іюня (24 мая) Понятовскій писалъ: „Наконецъ, произошло второе свиданіе императрицы съ великой княгиней; онѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ объяснились, съ той и другой стороны съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью; другъ друга онѣ взаимно тронули. Ея величество обнаружила къ великой княгинѣ такія явныя доказательства своей привязанности, что можно ожидать самыхъ важныхъ послѣдствій въ отношеніи намѣреній двора къ общему благу этой имперіи“. „Послѣдствія свиданія уже обнаружились во многихъ случаяхъ,—писалъ Понятовскій 6 іюня (26 мая)— и взаимное довѣріе съ каждымъ днемъ становится совершеннѣе“. Наконецъ, 11 іюля (30 іюня) Понятовскій доносилъ, что за нѣсколько недѣль до того императрица, узнавъ,

На слѣдующій день послѣ ареста Бестужева, Понятовскому пришлось быть при дворѣ на свадьбѣ одной изъ фрейлинъ императрицы [1]). Такая свадьба считалась придворнымъ праздникомъ, на которомъ, по этикету, присутствовали иностранные министры.

„Можетъ быть,—пишетъ Понятовскій,—читатель не будетъ недоволенъ найти описаніе обычаевъ, съ которыми справлялись свадьбы фрейлинъ этого двора и которые соблюдались тогда.

„Послѣ того какъ предложеніе жениха было принято родителями невѣсты и государыней, онъ ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ съ своей невѣстой въ такой близости, что надо удивляться тому, что изъ этого не происходили нѣкотораго рода замѣшательства, тѣмъ болѣе, что обыкновенно проходилъ значительный промежутокъ времени, часто цѣлый годъ отъ дня сговора до свадьбы. За два дня до нея приданое невѣсты перевозилось съ большою торжественностью въ домъ жениха, гдѣ оно выставлялось, какъ въ лавкѣ, на показъ всего города. Во время брачнаго благословенія двое присутствовавшихъ родныхъ держали надъ головами брачущихся вѣнецъ изъ вызолоченнаго дерева. Послѣ брачнаго благословенія, гофмаршалы двора шли передъ молодыми съ жезлами, украшенными серебромъ, на верху которыхъ придѣланы орлы, и вели рядъ церемоніальныхъ танцевъ. Надъ столомъ, накрытымъ для ужина, на срединѣ его висѣлъ маленькій балдахинъ: то было мѣсто молодой супруги. Мужъ всходилъ на столъ и, пройдя черезъ весь столъ, садился рядомъ съ нею, но мимоходомъ долженъ былъ снять вѣнокъ изъ цвѣтовъ, висѣвшій надъ молодой. На свадьбѣ, которую я описываю, мужъ забылъ исполнить эту часть церемоніи. Вѣнокъ остался повисшимъ...

„Весь этотъ обрядъ, какъ мнѣ сказали, установленъ Петромъ

что Бестужевъ нуждался въ деньгахъ на домашнія потребности, велѣла ему выдать 1.000 рублей и донести ей, когда эти деньги будутъ имъ израсходованы; послѣ сего она приказала вновь ему выдать 1.500 руб. и назначила ему, кромѣ того, пять рублей суточныхъ. Рѣшеніе по его дѣлу еще не состоялось, только приводятся въ ясность долги Бернардя и то, что ему были должны.

[1]) Екатерина въ своихъ запискахъ упоминаетъ о трехъ свадьбахъ императорскихъ фрейлинъ, бывшихъ въ концѣ масляницы 1758 г. Между прочимъ, она говоритъ, что наканунѣ свадьбы камеръ-юнкера Льва Александровича Нарышкина былъ арестованъ канцлеръ Бестужевъ; а такъ какъ Понятовскій пишетъ, что онъ былъ на свадьбѣ на слѣдующій день послѣ этого ареста, то очевидно, что онъ присутствовалъ на свадьбѣ своего друга Нарышкина, который женился на племянницѣ графовъ Разумовскихъ — фрейлинѣ Маринѣ Осиповнѣ Закревской. — Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 464.

Великимъ, согласно обычаямъ, существовавшимъ въ его время въ Швейцаріи. Теперь, я слышалъ, эти церемоніи измѣнились.

„Немилость, въ которую впалъ Бестужевъ, подѣйствовала на меня такъ сильно изъ чувства благодарности, которое я къ нему испытывалъ, а также вслѣдствіе косвеннаго удара, нанесеннаго великой княгинѣ, что я былъ очень серьезно боленъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Тогда я сталъ страдать тѣми сильными головными болями и другими болѣзненными явленіями, которыми я мучился впослѣдствіи такъ часто до настоящаго времени, когда я пишу эти строки. Меня тогда лечилъ Бургавъ, племянникъ того, котораго прозвали въ Голландіи и въ нашемъ столѣтіи современнымъ Гиппократомъ. С.-петербургскій Бургавъ оглохъ; для сообщенія съ своими больными онъ завелъ себѣ переводчика; слова послѣдняго онъ читалъ съ помощью азбуки, въ которой его пять пальцевъ составляли гласныя буквы, а согласныя образовывались изъ разныхъ положеній, въ которыя складывались пальцы. Онъ скоро понималъ и отвѣчалъ такъ точно и умно, что, несмотря на его глухоту, было пріятно съ нимъ разговаривать. Онъ однажды нашелъ у меня на столѣ трагедіи Расина и захотѣлъ ихъ отобрать у меня, сказавъ: „Вы еще хандрите, вамъ потребно веселое чтеніе“.

VII.

Хотя великая княгиня съ нѣкотораго времени имѣла основаніе не довѣрять Льву Александровичу Нарышкину [1]), но, въ виду нахожденія Бернарди въ заключеніи, ей пришлось, по словамъ Понятовскаго, прибѣгнуть къ посредничеству Нарышкина, чтобы возобновить съ нимъ сношенія. Они стали столь же частыми, какъ прежде; впрочемъ, произошло нѣкоторое сближеніе между княгинею и императрицей, что̀ дало даже надежду, что она вполнѣ благосклонно отнесется къ ихъ близости.

„Эта надежда еще болѣе способствовала моему выздоровленію, — пишетъ Понятовскій, — чѣмъ лекарства Бургава. Но, однако, оно подвигалось такъ медленно, что когда я поѣхалъ встрѣ-

[1]) Въ запискахъ Екатерины мы читаемъ, что Нарышкинъ одно время былъ подъ вліяніемъ Ивана Ивановича Шувалова, который посовѣтовалъ ему сблизиться съ великимъ княземъ, такъ какъ благорасположеніе его могло принести ему болѣе выгоды, чѣмъ дружба съ Екатериной, которую не любили ни императрица, ни великій князь. Екатерина въ своихъ запискахъ жалуется на то, что Нарышкинъ сталъ невыносимъ и грубъ.—Соч. Имп. Екатерины, XII, 1, стр. 390 и 391.

чать за нѣсколько верстъ отъ С.-Петербурга пріѣзжавшаго тогда принца Карла Саксонскаго, мой другъ Ржевускій узналъ меня съ трудомъ. Движеніе и весна скоро меня поставили на ноги".

Этотъ принцъ Карлъ, любимый сынъ Августа III, пріѣзжалъ съ надеждой получить, съ согласія Елисаветы, Курляндское герцогство на мѣсто Бирона, въ случаѣ его невозвращенія изъ ссылки. „Мое семейство и я — пишетъ Понятовскій — считали этотъ проектъ незаконнымъ, но такъ какъ онъ не былъ еще извѣстенъ, а единственною цѣлью путешествія выставлялось простое желаніе представиться императрицѣ до выступленія въ походъ въ рядахъ ея войскъ, то я счелъ своею обязанностью оказать сыну моего государя самое почтительное вниманіе. Онъ былъ изящной наружности, очень ловокъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, и хотя очень плохо воспитанъ, но казался превосходствомъ въ сравненіи съ великимъ княземъ, который почувствовалъ очень скоро свое неравенство съ нимъ, къ тому же усмотрѣлъ съ негодованіемъ въ немъ врага прусскаго короля" [1]).

---

[1]) По словамъ Екатерины, принцъ Карлъ ничего не значилъ самъ по себѣ и не былъ вовсе воспитанъ; кромѣ танцевъ и охоты, онъ ничего не зналъ. Онъ самъ сказалъ ей, что онъ во всю свою жизнь не пользовался ни одной книгой, за исключеніемъ молитвенниковъ, которые ему дарила его мать. Пріѣхалъ онъ съ большой свитой, въ числѣ которой были князь Любомирскій, графъ Потоцкій, коронный писарь графъ Ржевускій, князья Сулковскіе, графъ Эйнзидель и многіе другіе. При немъ состоялъ въ качествѣ наставника генералъ-маіоръ Лашиналь. — Соч. Имп. Екат. II, т. XII, 1, стр. 391.

Не безъинтересно будетъ привести донесенія графа Понятовскаго графу Брюлю о пріѣздѣ принца Карла.—Изъ разговора съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ Понятовскій узналъ, что императорскій дворъ думалъ сперва отклонить этотъ пріѣздъ,— если же онъ былъ неизбѣженъ, то просилъ отложить его до конца поста, такъ чтобъ онъ совершился не ранѣе 3-го (14-го) апрѣля, о чемъ Понятовскій написалъ состоявшему при принцѣ генералъ-маіору де Лашиналь (письма отъ 3-го (14-го) и 6-го (17-го) марта). Такъ какъ пріѣздъ сталъ неизбѣженъ, то начали готовиться къ пріему принца; на его встрѣчу поѣхалъ въ Нарву церемоніймейстеръ Олсуфьевъ и самъ Понятовскій собирался его встрѣтить (письма 17-го (28-го) марта, 20-го (31-го) марта). Затѣмъ, 30-го марта (10-го апрѣля) онъ выѣхалъ и 31-го марта (11-го апрѣля) пріѣхалъ въ одной каретѣ съ нимъ, между 5 — 6 часами вечера, къ дому Ивана Ивановича Шувалова, гдѣ ему была отведена квартира (письма 10-го и 11-го апрѣля [30-го и 31-го марта]). Согласно предварительно выработанному церемоніалу, принцъ по пріѣздѣ послалъ съ извѣщеніемъ о семъ графа Эйнзиделя къ вице-канцлеру и нералъ-маіора де Лашиналь (de La Chinal) къ графу Александру Шувалову; со ороны императрицы и великихъ князей явился поздравить принца съ пріѣздомъ фмаршалъ Головкинъ. Вице-канцлеръ пріѣхалъ въ тотъ же день извѣстить принца, о императрица не могла ему еще дать аудіенціи по случаю болѣзни глаза. 1-го 2-го) апрѣля явились къ принцу оба посла, маркизъ де Лопиталь и графъ Эстерзи; онъ ихъ принялъ, стоя, и разговаривалъ съ ними въ продолженіе получаса

Въ теченіе тѣхъ трехъ мѣсяцевъ, которые этотъ принцъ провелъ въ Петербургѣ, онъ всѣ часы своего досуга, которые оставались у него за исполненіемъ его придворныхъ обязанностей по отношенію къ императрицѣ, употреблялъ на развлеченія у себя на дому. Онъ особенно много фехтовалъ; при этомъ упражненіи онъ нѣсколько разъ состязался на рапирахъ съ знаменитой кавалершей д'Эонъ [1]), которая тогда была въ С.-Петербургѣ, какъ кавалеръ, принадлежавшій къ свитѣ французскаго посла де-Лопиталь, и носила драгунскій мундиръ. Понятовскій состязался съ нимъ, или съ нею, на рапирахъ, далекій отъ мысли имѣть подозрѣніе насчетъ ея пола, который, какъ говорили, былъ извѣстенъ Елисаветѣ. Одинъ изъ кавалеровъ, принадлежавшій къ свитѣ принца Карла, былъ молодой саксонскій графъ Эйнзидель, который соединялъ въ себѣ самую прелестную наружность съ самыми привлекательными нравственными качествами. Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Прассе [2]), который считалъ себя обязаннымъ завидовать Понятовскому и который былъ великимъ фатомъ, наговорилъ графу сперва на него, какъ будто его пристрастіе къ Англіи совратило его съ пути, указаннаго его обязанностями; но, скоро разубѣдившись, Эйнзидель призналъ правоту Понятовскаго, донесъ своему двору, защищая его, и вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія.

„Я не могу вспомнить — пишетъ Понятовскій — безъ самаго искренняго сожалѣнія о томъ, что такая личность сдѣлалась безполезною своей родинѣ и свѣту, вслѣдствіе фанатизма этого развѣтвленія секты гернгутеровъ, называемаго die Stillen im Lande (тишайшіе въ странѣ), въ которое онъ вдался, очертя голову, можетъ быть, по причинѣ наслѣдственнаго раз-

(письмо 2-го (14-го) апрѣля). Послѣ аудіенціи у императрицы она высказала похвалы принцу и пожаловала ему подарокъ, стоющій, какъ говорили, отъ 60 до 80 тысячъ рублей. Принцъ своимъ обращеніемъ и поведеніемъ заслужилъ одобреніе всего общества (письма 10-го (21-го), 14-го (25-го) апрѣля, 22-го апрѣля (2-го мая). Въ честь его давались балы и маскарады; такъ напр., 7-го іюня у графа Кирилла Разумовскаго, 11-го іюня у графа Петра Шувалова, а 16-го іюня онъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ находился императорскій дворъ; оттуда онъ ѣздилъ 23-го іюня въ Кронштадтъ, сопровождаемый Понятовскимъ. При отъѣздѣ Елисавета Петровна ему пожаловала знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; уѣхалъ онъ 3-го (14-го) іюля) (письма 9-го (20-го), 12-го (23-го), 16-го (27-го) іюня, 24-го іюня (4-го іюля), 3-го (14-го) іюля).

[1]) Д'Эонъ (Charles, Géneviève, d'Eon de Beaumont, 1728—1810), извѣстный французскій авантюристъ, который выдавалъ себя за женщину, пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ въ качествѣ агента Людовика XV.

[2]) Екатерина пишетъ про него, что онъ оказывался часто освѣдомленнымъ о разныхъ мелкихъ особенностяхъ, и удивлялись откуда, онъ могъ ихъ узнать. Нѣ-

стройства, которымъ поражена была его мать. Я жилъ съ нимъ на одной квартирѣ во время маленькой поѣздки, которую мы сдѣлали вмѣстѣ съ принцемъ Карломъ въ Шлиссельбургъ [1]), съ цѣлью посмотрѣть на каналъ.

„Замѣтивъ хожденіе вокругъ насъ, то взадъ, то впередъ, одного изъ придворныхъ лакеевъ, котораго приставили къ службѣ принца, мы спросили, наконецъ, у него о причинѣ его поведенія, и послѣ того, какъ мы ему сдѣлали подарокъ, онъ намъ чистосердечно отвѣтилъ: „Я очень занятъ; я опредѣленъ замѣстителемъ шпіона на все путешествіе, такъ какъ кондиторъ, который былъ главнымъ шпіономъ, занемогъ". Этотъ маленькій анекдотъ служитъ доказательствомъ духа и нравовъ этого двора въ то время. Понятно, что ни принцъ, ни кто-либо изъ насъ не могъ подать поводъ къ политическому безпокойству, въ особенности въ томъ мѣстѣ и при этой поѣздкѣ, которая, впрочемъ, состоялась съ графомъ Иваномъ Чернышевымъ во главѣ и въ которой участвовали вмѣстѣ съ нами вдвое болѣе русскихъ разнаго ранга, чѣмъ иностранцевъ [2]). Но Петръ I сказалъ, что нужно фискалить, и фискалили по важнымъ и второстепеннымъ предметамъ. Въ мое время я видѣлъ, какъ въ Россіи дѣйствовали по наставленіямъ Петра I, точно такъ же, какъ во времена кардинала Ретца поступали въ Испаніи относительно тысячи предметовъ не вслѣдствіе размышленія и сообразно съ существовавшими обстоятельствами, но въ виду того, что такъ поступали во времена Карла V.

„Такъ какъ самымъ красивымъ изъ свиты принца Карла былъ безпрекословно графъ Францискъ Ржевускій, бывшій тогда коронnымъ писаремъ, то Елисавета не была равнодушной къ его чарамъ; но ревнивое вниманіе Ивана Шувалова воспрепятствовало этой зарождавшейся страсти. Даже произошелъ случай,

---

сколько спустя, открылся этотъ источникъ: онъ былъ любовникомъ жены вице-канцлера Воронцова, Анны Карловны, рожденной Скавронской; послѣдняя была очень дружна съ женою церемоніймейстера Самарина, у которой графиня видѣлась съ Прассе.—Сочиненія Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 400.

[1]) Въ письмахъ къ Брюлю Понятовскій описываетъ поѣздку въ Шлиссельбургъ, которая совершилась съ 13-го по 20-е мая; при отъѣздѣ императрица подарила принцу соболью шубу и муфту, по случаю господствовавшей холодной погоды. Поѣздка была очень пріятна принцу.—Письма графу Брюлю 12-го (23-го) и 19-го (30-го) мая.

[2]) Такъ какъ въ это время содержался въ Шлиссельбургѣ злосчастный императоръ Іоаннъ Антоновичъ, и даже стража не знала, кто онъ такой, то этимъ объясняются тѣ предосторожности, которыя были приняты при появленіи принца Карла съ многочисленной свитой.

который едва не произвелъ прискорбное столкновеніе. Однажды, послѣ обѣда, мы собрались у Ивана Шувалова въ числѣ нѣсколькихъ поляковъ и немногихъ русскихъ; я, къ моему несчастію, предложилъ развлечься игрой, называемой „сокретаремъ". Каждый, получивъ карточку съ названіемъ одного изъ такихъ игроковъ, долженъ былъ написать на ней измѣненнымъ почеркомъ все, что̀ ему вздумалось бы насчетъ того, имя котораго стояло на карточкѣ. По прочтеніи перваго распредѣленія оказалось, что первая карточка содержала имя Ивана Шувалова, и на ней было написано: „Кто основательно съ нимъ знакомъ, признаетъ, что онъ не заслуживаетъ дружбы честнаго человѣка". Взбѣшенный Шуваловъ сталъ грозить виновнику этого оскорбленія, и я видѣлъ по его глазамъ, что онъ подозрѣвалъ въ томъ Ржевускаго. Я ему сказалъ тогда: „Я вамъ не скажу, кто написалъ эти слова, хотя я это замѣтилъ, но я ограничусь увѣреніемъ, что въ этомъ не участвовалъ ни одинъ изъ польскихъ гостей". Послѣ нѣкотораго молчанія я увидалъ, что Шуваловъ и Иванъ Чернышевъ вступили въ объясненія. Мы узнали потомъ, что Чернышевъ призналъ себя написавшимъ эти слова по той причинѣ, что Шуваловъ ему не услужилъ, какъ онъ разсчитывалъ, для полученія милости, которой онъ добивался у государыни, хотя Шуваловъ былъ ему обязанъ благопріятнымъ содѣйствіемъ въ интригѣ съ одной женщиной, къ которой императрица испытывала всегда сильную ревность. Чернышевъ держалъ Шувалова въ страхѣ изъ-за этого секрета, почему послѣдній постарался замять, какъ могъ лучше, слухи объ этомъ происшествіи, которое Чернышевъ вызвалъ нарочно.—Однимъ изъ тѣхъ, которые составляли свиту принца Карла, былъ Браницкій [1]), нынѣ великій гетманъ. Тогда еще молодой, онъ уже былъ извѣстенъ двумя походами, которые онъ сдѣлалъ съ отличіемъ въ качествѣ добровольца въ рядахъ австрійскихъ войскъ, въ свитѣ того же принца Карла. Съ момента своего пріѣзда въ Петербургъ онъ выразилъ мнѣ такое сильное желаніе пріобрѣсти мою дружбу и такимъ особеннымъ рыцарскимъ образомъ, что мнѣ пришло въ голову испытать ее въ одномъ странномъ похожденіи, къ описанію котораго я приступилъ.

„Вслѣдствіе оборота, который приняло дѣло канцлера и всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ при с.-петербургскомъ и варшав-

[1]) Графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій, коронный великій гетманъ, впослѣдствіи россійскій генералъ-отъ-инфантеріи, женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, племянницѣ князя Потемкина, умеръ въ 1819.

скомъ дворахъ, мое пребываніе здѣсь становилось все болѣе и болѣе щекотливымъ для меня, почему я нашелъ нужнымъ, путемъ отпуска, удалиться на нѣкоторое время изъ Россіи, чтобы вернуться обратно, когда время и мѣсто укажутъ [1]). При такомъ намѣреніи я участилъ свои посѣщенія въ Ораніенбаумъ, гдѣ тогда находился великокняжескій дворъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мое пребываніе въ Петергофѣ по случаю пріѣзда туда принца Карла приближало меня на двѣ трети къ цѣли моихъ поѣздокъ [2]). Вслѣдствіе счастливой до той поры привычки переодѣваться и пользоваться всѣми подходящими средствами для совершенія подобныхъ поѣздокъ, я до такой степени не усматривалъ опасности въ нихъ, что 6 іюля (26 іюня) я рѣшился отправиться въ Ораніенбаумъ, не условившись заранѣе съ великой княгиней, какъ я это дѣлалъ всегда. Я нанялъ, какъ обыкновенно, маленькую крытую повозку, которою правилъ извозчикъ, не знавшій, кто я; на запяткахъ сидѣлъ мой переодѣтый вѣстовой, который всегда меня сопровождалъ и прежде. Въ эту ночь (которая въ Россіи и не была таковою) мы, къ несчастью, встрѣчаемъ въ ораніенбаумскомъ лѣсу великаго князя со всей его свитою; всѣ были навеселѣ. На вопросъ, кого онъ везетъ, извозчикъ отвѣчаетъ, что не знаетъ—кого. Мы проѣзжаемъ, но фрейлина Елисавета Воронцова [3]), бывшая съ великимъ княземъ, выражаетъ предположенія, которыя до такой степени приводятъ его въ дурное расположеніе [4]), что когда я, пробывъ нѣсколько часовъ съ великой княгиней, вышелъ изъ отдаленнаго павильона, который она тогда занимала, я увидалъ

---

[1]) Графъ Брюль увѣдомилъ Понятовскаго, что король желалъ, чтобъ онъ былъ посломъ на предстоявшемъ сеймѣ; ходатайствуя передъ Брюлемъ, чтобъ это мѣсто было за нимъ обезпечено королемъ (письмо 22 апрѣля (2 мая) 1758), Понятовскій доноситъ, что онъ разсчитывалъ выѣхать въ концѣ іюня изъ С.-Петербурга и просилъ Брюля освѣдомиться у канцлера Воронцова, признавалъ ли онъ пребываніе его, Понятовскаго, въ С.-Петербургѣ до этого срока полезнымъ для службы короля, или же оно принесетъ, по мнѣнію вице-канцлера, вредъ интересамъ Августа III (письмо 5 (16) іюня 1758 г.).

[2]) Великокняжеская чета переѣхала въ Ораніенбаумъ въ субботу 30 мая 1758 г., четыре дня спустя послѣ второго свиданія Екатерины съ императрицей (письмо графу Брюлю 2 (13) іюня); императорскій дворъ переселился въ Петергофъ въ субботу 13 іюня, принцъ же Карлъ переѣхалъ 16 (27), а вмѣстѣ съ нимъ и Понятовскій (письмо 16 (27) іюня).

[3]) Графиня Елисавета Романовна (1739—1792), камеръ-фрейлина и кавал. дама ордена св. Екатерины, потомъ жена ст. сов. Александра Ивановича Полянскаго.

[4]) По донесеніямъ французскаго посла Лопиталя Петръ опасался посягательства на свою жизнь.

себя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него настигнутымъ тремя всадниками съ саблями въ рукахъ, которые, схвативъ меня за шиворотъ, повели въ такомъ видѣ къ великому князю. Узнавъ меня, онъ просто велѣлъ моимъ провожатымъ идти за собою. Насъ повели нѣкоторое время по пути, идущему къ морю. Я думалъ, что мнѣ уже пришелъ конецъ; но на берегу повернули направо, къ другому павильону. Тамъ на опредѣленный и ясный вопросъ великаго князя я отвѣтилъ отрицаніемъ. Онъ сказалъ: „Говорите правду; если вы ее скажете, все можетъ устроиться; если же вы будете отрицать, вы плохо проведете свое время".—„Я не могу—отвѣтилъ я—утверждать, что я сдѣлалъ что-либо, когда я этого не дѣлалъ". Послѣ сего онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, казалось, онъ совѣтовался съ своею свитою. Скоро вернувшись обратно ко мнѣ, онъ сказалъ: „Хорошо, такъ какъ вы отказываетесь говорить, вы останетесь здѣсь до новаго приказанія",—и оставилъ меня со стражей у дверей въ комнатѣ, гдѣ, кромѣ меня, находился его генералъ Брокдорфъ. Мы хранили глубокое молчаніе два часа, по прошествіи которыхъ вошелъ графъ Александръ Шуваловъ, двоюродный братъ любимца Елисаветы. То былъ великій инквизиторъ, начальникъ того страшнаго судилища, которое называли въ Россіи Тайной Канцеляріей. Какъ будто для того, чтобъ увеличить тотъ ужасъ, который возбуждало одно названіе его должности, природа надѣлила его нервными подергиваніями, страшно безобразившими его лицо, къ тому же некрасивое, всякій разъ, какъ онъ погружался въ занятія, поглощавшія его вниманіе. Изъ его появленія я понялъ, что императрица была освѣдомлена о происшедшемъ. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ, изъ которыхъ я скорѣе угадалъ, чѣмъ понялъ, что онъ просилъ объяснить ему, что случилось. Не входя въ подробности о томъ, я ему сказалъ: „Вы поймете, я думаю, милостивый государь, что для чести вашего двора важно, чтобы все это кончилось съ возможно меньшей оглаской и чтобы вы меня отпустили отсюда какъ можно скорѣе".—„Вы правы,—пробормоталъ онъ, такъ какъ къ тому же онъ заикался,—я сдѣлаю о томъ распоряженіе". Онъ вышелъ и менѣе чѣмъ черезъ часъ вернулся сказать, что мнѣ подана карета, въ которой я могъ вернуться въ Петергофъ. То былъ плохой маленькій экипажъ, весь въ зеркалахъ, или, скорѣе, въ стеклахъ, со всѣхъ сторонъ, въ видѣ фонаря. Въ такомъ мнимомъ инкогнито я пустился медленно въ путь въ шесть часовъ утра, среди бѣлаго дня, на двухъ лошадяхъ, по глубокому песку, вслѣдствіе котораго время въ пути мнѣ показалось безконечно дол-

гимъ. Не доѣхавъ до Петергофа, я велѣлъ кучеру остановиться и, отославъ карету, пѣшкомъ сдѣлалъ остальную часть пути, въ плащѣ и шапкѣ, нахлобученной до ушей. Могли меня принять за разбойника, но все-таки моя фигура должна была менѣе обращать вниманіе любопытныхъ, чѣмъ эта невозможная карета. Пришедши къ деревянному строенію, въ которомъ я жилъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими кавалерами изъ свиты принца Карла, въ маленькихъ низкихъ комнатахъ перваго этажа, всѣ окна коего отворены, я не захотѣлъ войти черезъ дверь, во избѣжаніе встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. Мнѣ вздумалось пройти въ мою комнату черезъ окно, но я ошибся въ окнѣ и, спрыгнувъ, очутился въ комнатѣ моего сосѣда, генерала Роникера [1]), котораго брили. Онъ принялъ меня за привидѣніе; мы оба стояли нѣсколько минутъ въ недоумѣніи и молчали, затѣмъ разразились громкимъ смѣхомъ. Я ему сказалъ: „Не спрашивайте меня, откуда я прихожу, а также, почему я вошелъ черезъ окно, но, какъ добрый соотечественникъ, дайте мнѣ ваше честное слово не разсказывать обо всемъ этомъ“. Онъ мнѣ далъ слово, и я пошелъ спать, но напрасно. Я провелъ два дня въ самомъ сильномъ смущеніи. Я хорошо видѣлъ по наружности, что мое приключеніе стало извѣстнымъ, но никто не заговаривалъ со мною про него.

„Наконецъ, великая княгиня нашла способъ передать мнѣ записку, изъ которой я увидалъ, что она успѣла заручиться расположеніемъ графини Елисаветы Воронцовой. Черезъ два дня великій князь съ супругой и всѣмъ своимъ дворомъ пріѣхалъ въ Петергофъ, чтобы тамъ провести Петровъ день, придворный праздникъ въ честь основателя императорской резиденціи [2]).

---

[1]) Графъ Михаилъ Александровичъ Роникеръ (1728—1802).

[2]) Этотъ день въ 1758 г. приходился на понедѣльникъ. Екатерина пишетъ въ своихъ запискахъ, что когда попался Понятовскій, генералъ Брокдорфъ предложилъ его убить. Левъ Александровичъ Нарышкинъ посовѣтовалъ его передать графу Александру Ивановичу Шувалову; послѣдній его передалъ своему зятю (графу Гавріилу Ивановичу Головкину) и уѣхалъ въ Петергофъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ посовѣтовалъ своему двоюродному брату отпустить Понятовскаго, что онъ и сдѣлалъ. Графъ Александръ Шуваловъ разсказалъ о происшедшемъ Екатеринѣ на слѣдующій день; она ничего о томъ не знала. Великаго князя, когда онъ пришелъ къ Екатеринѣ, уже успѣли уговорить, такъ какъ не желали огласки. Онъ предложилъ ей повидаться съ Елисаветой Воронцовой, которая пришла къ великой княгинѣ, пролежавшей въ постели цѣлый день, въ виду удрученнаго своего состоянія. На слѣдующій день вечеромъ, т.-е. 28 іюня, Екатерина получила черезъ Александра Шувалова записку императрицы, которая ее просила не огорчаться и пріѣхать, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Петергофъ на Петровъ день. Екатерина отвѣтила, выразивъ ей свою живѣйшую благодарность. Въ Петергофѣ графъ Ржевускій сказалъ великой княгинѣ, что, по словамъ ея друга, черезъ посредничество де ла-Греле (Лагренэ, французскій

При дворѣ въ этотъ день состоялся балъ; танцуя менуэтъ съ Елисаветой Воронцовой, я ей сказалъ: „Вы могли бы нѣкоторыхъ осчастливить“. „Это уже почти сдѣлано,—отвѣтила она;—приходите въ часъ ночи вмѣстѣ съ Львомъ Александровичемъ къ павильону „Монплезиръ“, гдѣ остановились ихъ высочества, въ Нижній садъ“. Пожавъ ей руку, я пошелъ совѣтоваться съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Приходите, вы меня найдете у великаго князя“. Я былъ нѣкоторое время въ раздумьи, потомъ я сказалъ Браницкому: „Согласны ли вы рискнуть прогуляться со мною въ эту ночь въ Нижнемъ саду? Богъ знаетъ, куда насъ заведетъ прогулка; но, по всему вѣроятію, она кончится хорошо“. Онъ сразу соглашается, и мы приходимъ въ условленный часъ и къ условленному мѣсту. Въ двадцати шагахъ отъ гостиной я встрѣчаю Елисавету Воронцову, которая мнѣ говоритъ: „Нужно, чтобы вы подождали здѣсь еще нѣсколько времени, такъ какъ у великаго князя есть еще гости, которые курятъ съ нимъ трубку и отъ которыхъ онъ желаетъ сперва отдѣлаться, чтобы потомъ видѣться съ вами“. Она нѣсколько разъ ходила подслушать, не пришелъ ли моментъ, котораго мы ожидали. Наконецъ, она мнѣ сказала: „Войдите“,—и вотъ великій князь весело подходитъ ко мнѣ со словами: „Не означаетъ ли это верхъ глупости, что меня во-время не посвятили въ тайну? Если бы ты это сдѣлалъ, не произошла бы вся эта ссора“. Я сознался во всемъ (какъ можно было думать), и тотчасъ же сталъ восхвалять глубину военныхъ распоряженій его высочества, отъ которыхъ мнѣ было некуда дѣться. Это ему очень польстило и привело его въ доброе расположеніе духа... На слѣдующій день всѣ на меня стали лучше смотрѣть. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ говорилъ мнѣ пріятныя вещи, Воронцовъ дѣлалъ то же самое. Я однако имѣлъ случай замѣтить, что все это было не столь ясно, и что пора мнѣ уѣзжать [1].

живописецъ) и графа Браницкаго все устроится; она ему отвѣтила „Скажите вашему другу, что я нахожу этотъ конецъ совсѣмъ смѣшнымъ, и что эта гора родила мышь“. Затѣмъ она передаетъ, какъ, вернувшись съ ужина, она пошла спать; между двумя и тремя часами утра она услышала, какъ отдергиваютъ занавѣсъ ея кровати, и она проснулась; то былъ великій князь, который сказалъ ей, чтобъ она встала и слѣдовала за нимъ. „И вотъ мы всѣ трое лучшіе друзья на свѣтѣ,—пишетъ Екатерина.—Великій князь до отъѣзда графа Понятовскаго проводилъ два-три вечера въ
клахъ, со всѣхъ кружкѣ и пилъ мое англійское пиво“.—Сочин. Имп. Екатерины,
инкогнито я пустил
овскаго графу Брюлю отъ 2 (13) іюля видно, что въ
среди бѣлаго дня, на д алъ изъ Петербурга и на прощаніе получилъ орденъ
ствіе котораго время В товскій пишетъ, что онъ прощался вмѣстѣ съ прин-

Я уже напередъ имѣлъ разрѣшеніе и, наконецъ, нужно было покинуть Петербургъ. Мое путешествіе было очень несчастливо; всѣ приключенія, которыя могутъ замедлить путешественника, случились со мною".

Только послѣ трехъ недѣль онъ добрался до Селецъ, куда его родители удалились по смерти его бабушки Чарторыйской, умершей 20 февраля этого года [1]).

VIII.

Пробывъ нѣсколько дней въ Сельцахъ у своихъ родителей, Понятовскій, по ихъ приказанію, отправился въ Варшаву представиться ко двору. „Я былъ имъ—пишетъ онъ—(по крайней мѣрѣ съ виду) лучше принятъ, чѣмъ ожидалъ. Король, смѣясь, спросилъ у меня, возстановленъ ли миръ между великимъ княземъ и его супругою. Брюль, по своему обыкновенію, разсыпался предо мною въ поклонахъ и комплиментахъ. Его жена снова приняла тонъ мамаши въ отношеніи ко мнѣ. Но ея дочь [2]) обращалась со мною съ холодною аффектаціею. Я спросилъ о причинѣ такого поведенія у аббата Виктора, бывшаго наставника ея брата; съ аббатомъ я часто видѣлся въ Петербургѣ. Это былъ веселый, жизнерадостный уроженецъ Піэмонта, человѣкъ тонкій, какихъ мало; онъ мнѣ сказалъ: „довѣрьтесь мнѣ". Черезъ три дня, графиня Мнишекъ не только смягчилась, но скоро сдѣлала мнѣ такой пріемъ, что я счелъ себя обязаннымъ дать ей довольно ясно понять, что я не былъ свободенъ, и что всѣ ея старанія мнѣ нравиться будутъ напрасны. То была замѣчательная глупость, за которую я всегда буду упрекать себя: во-первыхъ, не было вовсе установлено, чтобы графиня Мнишекъ имѣла виды на меня. Она тогда была въ связи съ графомъ Эйнзиделемъ. Но когда она желала быть ласковой, то она была такою до того, что можно было обмануться, не зная ее хорошо. Она поступала равнымъ образомъ съ женщинами; она такое же горячее чувство вносила, повидимому, во всѣ свои вкусы, увеселенія, музыку, танцы, литературу, художество; она схватывала все очень легко и казалась одаренною талантами ко

ъ и думалъ выѣхать черезъ три недѣли. Такимъ образомъ, его отъѣздъ долженъ ъ совершиться около 23—25 іюля стараго стиля.

[1]) Княгиня Изабелла Чарторыйская, рожденная Рациборская, жена князя Кази-, подъ-канцлера литовскаго и каштеляна виленскаго.

[2]) Графиня Марія-Амалія-Фредерика Брюль (1734—1772), замужемъ за графомъ емъ Августомъ Мнишкомъ, краковскимъ каштеляномъ (1716—1778).

всему. Когда она желала кого-нибудь привлечь, она черезъ 24 часа знала всѣ анекдоты его жизни и высказывала живое участіе къ его интересамъ. Но рѣдко замѣчалась послѣдовательность въ ея вкусахъ, какъ бы они ни казались рѣшительными. Мое признаніе, столь нелестное для нея, ей не понравилось; она мнѣ припомнила это въ другую пору, о чемъ я разскажу въ свое время. Такъ какъ гораздо легче устраниться отъ какого либо обязательства, чѣмъ привести его въ исполненіе, то я располагалъ, не обижая вовсе дамы, сотнею средствъ для того, чтобы избавиться отъ того, которое, какъ мнѣ казалось, угрожало мнѣ. Но я еще держался началъ безусловно строгаго исполненія долга. Да къ тому же я опасался попасть въ ловушку, поставленную съ цѣлью погубить меня во мнѣніи тамъ, гдѣ я боялся вызвать малѣйшій упрекъ въ какой-либо провинности. Другія предложенія, быть-можетъ болѣе серьезныя, были скоро мнѣ сдѣланы съ разныхъ сторонъ. Я отказался отъ всѣхъ съ рыцарскимъ самоотверженіемъ, которое могло бы быть изображено въ самомъ изысканномъ романѣ. Однако я ежедневно видѣлся съ моей двоюродной сестрой, княгиней Любомирской. Ежедневно она говорила со мною о великой княгинѣ и всегда съ интересомъ, который не только не прекращался, но постоянно возрасталъ. Чѣмъ болѣе я думалъ, что повѣрялъ ей только свою тайну, свое чувство, тѣмъ бо́льшая являлась у меня потребность говорить съ нею и часто, и продолжительно.

„Мой ближайшій другъ въ ту пору, графъ Ржевускій, который, страдая еще отъ нерѣшительности и совѣстливости своей дамы, былъ столько же стѣсненъ дурнымъ расположеніемъ моего дяди, воеводы русскаго, и пользовался мною для того, чтобы облегчить себѣ разными способами сношенія съ нею, чему я ревностно способствовалъ, думая этимъ оказать ему услугу, достойную друга и любовника. Та, которую я считалъ только своей довѣренной, нуждалась сама въ довѣренномъ лицѣ, чтобъ облегчить свое горе, причиняемое ей ревностью ея отца и матери. Оба они ревновали ее, хотя по очень различнымъ причинамъ. Ея отецъ былъ въ нее влюбленъ. Ея мать, старая кокетка, не прощала ей, что она сдѣлалась женою того, кого она когда-то любила. Двоюродная сестра во всякое время и во всякомъ мѣстѣ надѣляла меня самыми нѣжными ласками, какъ любимѣйшаго изъ родственниковъ и друзей; а такъ какъ она выражала этимъ одну лишь дружбу, то она изъ того не дѣлала ни малѣйшей тайны. Ея репутація была еще совершенно безупречна; ея положеніе, красота, разсудительность, всѣ ея добрыя качества, не

опороченныя до того, въ 22-хъ-лѣтнемъ возрастѣ, какими-либо слабостями или пятномъ, создали ей, при заманчивой наружности, такую славу и, можно сказать, славу всеобщую между всѣми мужчинами и женщинами, какою не пользовался, насколько мнѣ пришлось слышать, никто, ни въ одной странѣ. Ея одобреніе признавалось свидѣтельствомъ дѣйствительной заслуги, ея мнѣніе считалось приговоромъ, не подлежавшимъ апелляціи. Люди различнаго возраста, душевныхъ свойствъ, партій—сходились въ преклоненіи передъ нею. Между тѣмъ эта женщина, какъ мнѣ казалось, предпочитала меня всѣмъ остальнымъ. Станьте на мое мѣсто и осудите меня. Подъ прикрытіемъ самой ея добродѣтели я считалъ себя въ безопасности и, обманывая себя тѣмъ, что только велъ бесѣду съ ангеломъ, да притомъ съ ангеломъ-хранителемъ, я влюбился до такой степени, не сознавая этого, что я во всю свою жизнь, какъ мнѣ кажется, не испытывалъ такого сильнаго чувства. Почти не было письма великой княгинѣ, въ которомъ я бы не упоминалъ объ этой двоюродной сестрѣ и объ участіи, которое она выражала намъ, такъ что великая княгиня кончила тѣмъ, что написала ей очень дружеское письмо.

„Въ такомъ настроеніи я провелъ около трехъ лѣтъ, ожидая и желая наступленія какихъ-либо обстоятельствъ, которыя бы благопріятствовали моему возвращенію въ Россію, тогда какъ я утѣшалъ свою скорбь отъ разлуки нѣжною дружбою совершенно особеннаго свойства",—такъ заключаетъ Понятовскій.

Съ формальной стороны, онъ не былъ отозванъ отъ своего посольства въ Петербургъ. Онъ бы могъ быть отправленъ обратно, если бы разныя обстоятельства, съ одной стороны, не измѣнили мало-по-малу его положенія, а съ другой — если бы вслѣдствіе разныхъ причинъ сами отношенія его ко двору Августа III не ухудшились, какъ никогда. Первый поводъ подалъ вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ. Биронъ и его семейство все томились въ тюрьмахъ въ Россіи. Это заключеніе, продолжавшееся десять лѣтъ, производило, безъ сомнѣнія, большія неудобства въ Курляндіи и нарушало верховныя права Польши. Вслѣдствіе требованій, неоднократно предъявленныхъ по сему предмету и всякій разъ отвергнутыхъ Россіею, Августъ III вздумалъ воспользоваться этимъ отказомъ для своего любимаго сына, Карла. Онъ успѣлъ добиться отъ императрицы Елисаветы очень положительныхъ, неоднократно подтверждаемыхъ, заявленій въ томъ смыслѣ, что Россія, вслѣдствіе государственныхъ соображеній, никогда не выпуститъ на свободу Бирона и его семейства. Основываясь на этихъ актахъ, король счелъ себя въ правѣ, по роспускѣ сейма

въ 1750 г., предложить польскому сенату вопросъ о томъ, не могъ ли онъ располагать курляндскимъ лэномъ, какъ не замѣщеннымъ? Отецъ и дяди Понятовскаго были того мнѣнія, что оказанная Бирону несправедливость была слишкомъ очевидна, что честь Польши не могла допустить, чтобы Россія самовластно лишила герцогства не только Бирона, котораго она обвиняла въ злоупотребленіяхъ во время его управленія, какъ регента, но даже его нисходящихъ, и что, наконецъ, по соглашенію, состоявшемуся съ Августомъ, онъ могъ располагать Курляндіею только съ разрѣшенія всѣхъ трехъ сословій Рѣчи-Посполитой, созванныхъ на сеймъ, а не по одному постановленію сената. Къ тому же, по случаю уже очень пошатнувшагося здоровья императрицы Елисаветы, можно было предвидѣть, что скоро, быть можетъ, Биронъ, выпущенный на свободу, сдѣлается очень опаснымъ соперникомъ этого королевскаго сына, котораго желали пристроить. Эти соображенія не понравились. Большинство сенаторовъ подало голосъ согласно видамъ короля (декабрь 1758), и 9-го января 1759 года принца Карла его отецъ-король пожаловалъ очень торжественно Курляндскимъ герцогствомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Понятовскаго изъ С.-Петербурга, скончалась дочь великой княгини, родившаяся годъ тому назадъ, и ея мать была принуждена, по обрядамъ православной церкви, цѣловать руку своего ребенка, прежде чѣмъ его похоронили. Къ этому горю, которое онъ раздѣлялъ съ великой княгиней, присоединилось другое, иного рода. Новый французскій министръ въ Польшѣ, смѣнившій Брольи, Монтэль, привезъ ему письмо отъ г-жи Жофрэнъ, въ которомъ она журила его по лживымъ извѣстіямъ, которымъ она вполнѣ вѣрила, за вымышленное его тщеславіе и хвастовство насчетъ пребыванія въ Россіи.

„Я ей отвѣтилъ — пишетъ Понятовскій — съ большою чувствительностью, и получилъ отъ нея письмо отъ 4-го марта 1759 г., которое я еще сохранилъ, но я сжегъ предыдущее отъ досады и изъ осторожности. Натянутость отношеній, однако, скоро смѣнилась прежней задушевностью нашей переписки. — Великая княгиня продолжала мнѣ писать, и я отвѣчалъ ей, направляя мои письма на имя Ивана Ивановича Шувалова, предложившаго мнѣ свои услуги по этому предмету съ вѣдома и согласія Елисаветы, которая, очевидно, разсчитывала быть освѣдомленной этимъ способомъ о нашей перепискѣ. Моя привязанность предохранила меня въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ отъ всякаго увлеченія. Я былъ чуждъ всѣхъ забавъ, свойственныхъ молодымъ людямъ моего возраста. Когда

чію благопристойности мнѣ приходилось отъ времени до времени участвовать въ нихъ, мои сверстники говорили: „его царство вѣдь не отъ міра сего“. Я проводилъ весь день, исполняя свой долгъ передъ королемъ, бывая у своей двоюродной сестры и ухаживая за своими родителями. Мой отецъ любилъ говорить со мною о предметѣ моихъ желаній. Моя мать старалась иногда бороться съ ними путемъ строгихъ нравоученій, внушаемыхъ ея набожностью. Она имѣла такую власть надо мною, она любила меня такъ нѣжно, ее такъ глубоко огорчало то, что я сбился съ прямого пути, что я однажды совершилъ надъ собою самое жестокое насиліе. Я пошелъ къ ксендзу Сливицкому, который былъ моимъ духовникомъ до самой своей смерти. Я далъ ему клятву отказаться отъ того, чего я желалъ больше всего на свѣтѣ, развѣ бы совершилось благопріятное событіе, единственное, которое могло узаконить мои желанія, и я сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобъ извѣстить о семъ великую княгиню, выяснивъ ей причину сего, но не отрекаясь вовсе отъ самой нѣжной и вѣрной любви. Я былъ приведенъ въ заблужденіе своею страстью, искренностью и благочестіемъ насчетъ возможной продолжительности этихъ намѣреній. Они не оскорбили великой княгини, она какъ будто была согласна имъ повиноваться. Когда я передалъ моей матери о той побѣдѣ, которую я одержалъ надъ самимъ собой, она съ умиленіемъ меня поцѣловала, и съ того времени перестала выражать мнѣ свои убѣжденія по этому предмету, которыми она до той поры старалась меня отвлечь отъ пути, признаннаго ею гибельнымъ для меня. Она часто мнѣ выражала желаніе, чтобъ я женился на дѣвицѣ Оссолинской, дочери волынскаго воеводы [1]), въ настоящее время женѣ короннаго кравчаго Потоцкаго [2]), тогда самой красивой дѣвушкѣ во всей Польшѣ; я постоянно отвѣчалъ матери, что едва-ли она желала несчастья моей будущей женѣ, и что таковое было неминуемо съ мужемъ, который всегда бы смотрѣлъ на нее, какъ на вѣчное препятствіе къ тому, что удовлетворило бы его сердце и его честолюбіе. Такъ какъ мать этой дѣвушки сама въ очень ясныхъ выраженіяхъ предложила мнѣ свою дочь, то я ей далъ почти такой же отвѣтъ, добавивъ однако, что, насколько я зналъ самого себя, я чувствовалъ себя неспособнымъ сдѣлать счастье особы, которую я бы взялъ въ жены, и что чѣмъ болѣе она заслуживала бы вниманія своими качествами и красотою, тѣмъ сильнѣе я упрекалъ бы себя“.

1) Антонъ-Іосифъ, женатый на Стадницкой.

2) Графъ Іосифъ Потоцкій † 1802 г.

IX.

Понятовскій послѣ того излагаетъ въ запискахъ, какъ его мать, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи дѣтей и своей матери, удалилась въ деревню съ мужемъ, а онъ, графъ Станиславъ-Августъ, переселился къ своему дядѣ, князю Чарторыйскому, и вмѣстѣ съ нимъ и его дочерью, княгиней Любомирской, переѣхалъ на лѣто въ ихъ имѣніе Пулавы. Въ теченіе 1759 года князь Августъ Чарторыйскій отправилъ въ С.-Петербургъ своего сына Адама. Эта поѣздка придала большое значеніе его семейству, и среди шляхты сложилось убѣжденіе, что русскій дворъ поддержитъ партію Чарторыйскихъ послѣ смерти Августа III, когда наступитъ междуцарствіе. Многіе даже думали, что престолъ могъ перейти къ князю Адаму или его отцу. Они пришли къ такому заключенію, когда стало извѣстно, съ какимъ почетомъ и отличіемъ князь Адамъ былъ принятъ Елисаветой Петровной и великокняжескимъ дворомъ. Екатерина иначе его не называла, какъ двоюроднымъ братомъ.

„Молодой Чарторыйскій,—говоритъ Понятовскій,—будучи въ Петербургѣ, очень привязался къ графинѣ Брюсъ [1]), которая тогда была очень близка къ великой княгинѣ. — Онъ сошелся коротко съ датскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, барономъ Остеномъ, черезъ котораго проходила моя шифрованная переписка съ великой княгиней; она шла тѣмъ же путемъ черезъ него, когда онъ сталъ датскимъ министромъ при Августѣ III. Князь Адамъ вернулся изъ Россіи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ".

Затѣмъ Понятовскій разсказываетъ, что въ этомъ 1759 году, 27-го октября, умерла его мать, въ его отсутствіе. Получивъ отъ отца шкатулку, оставленную ему матерью, онъ нашелъ въ ней всѣ свои письма, которыя когда-либо ей писалъ.

„Въ своемъ смущеніи,—пишетъ Станиславъ-Августъ,—и не зная, что̀ я дѣлалъ, я ихъ тотчасъ всѣ сжегъ. Послѣ я очень сожалѣлъ о томъ, такъ какъ я бы въ нихъ нашелъ все, что̀ я дѣлалъ, сказалъ и думалъ въ прежнихъ моихъ путешествіяхъ, такъ какъ я говорилъ ей все".

Зиму 1759—1760 года Понятовскій провелъ въ Пулавахъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Адамомъ, ко-

[1]) Графиня Прасковья Александровна, рожденная графиня Румянцова (1729—1786), статсъ-дама, жена графа Якова Александровича Брюса, впослѣдствіи генералъ-анъ-шефа.

торый все вздыхалъ по графинѣ Брюсъ и не могъ примириться съ женитьбой, которую готовилъ ему отецъ. 6-го марта 1760 г. состоялась свадьба брата Станислава-Августа, Андрея, который женился на графинѣ Кинской, дочери правителя Богеміи. При этомъ Станиславъ-Августъ разсказываетъ, что подарилъ брату всѣ бриліанты, которые онъ получилъ отъ русскаго двора. Онъ описываетъ своего брата, какъ человѣка, прославившагося на австрійской службѣ своею храбростью, чему служили доказательствомъ одиннадцать ранъ, полученныхъ имъ въ бою. Въ теченіе этого года Станиславъ-Августъ посѣтилъ свою двоюродную сестру, княгиню Любомирскую, въ имѣніи ея мужа—Ланкутъ.

„Несмотря на наши ссоры, кончавшіяся примиреніями,—пишетъ Станиславъ-Августъ,—я все-таки считался ея первымъ другомъ. Въ этомъ качествѣ я былъ въ правѣ говорить съ нею откровеннѣе другихъ по одному предмету, который всегда возбуждалъ во мнѣ удивленіе. Ея отецъ желалъ, чтобы состоялся бракъ его сына съ дочерью графа Флемминга, о которомъ упоминалось выше. О немъ говорили уже давно, и онъ былъ рѣшенъ обоими стариками. Флеммингъ его страстно желалъ, но князь Адамъ казался болѣе далекимъ отъ этой мысли, чѣмъ когда-либо. Съ того времени, какъ онъ возвратился изъ Россіи влюбленнымъ въ графиню Брюсъ, и послѣ того, какъ онъ вспомнилъ, что сильно увлекался графиней Оссолинской, о которой я выше говорилъ, а главное, послѣ того, какъ молодая Флеммингъ была изуродована оспою до такой степени, что тогда это казалось неисправимымъ, дядя попробовалъ прибѣгнуть къ моему посредству для того, чтобы привести его сына въ подчиненіе его видамъ. Я ему сказалъ, что я былъ мало способенъ исполнить это порученіе, такъ какъ мнѣ казалось несправедливымъ принуждать сердце его сына, тѣмъ болѣе, что я тщетно уже представлялъ послѣднему, что онъ долженъ былъ избѣгать увлеченія, что онъ былъ совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ я, ибо онъ былъ какъ бы уже связанъ далеко ранѣе своего путешествія въ Россію. Я не хотѣлъ упрекать себя въ причиненіи горя моему двоюродному брату насчетъ брака, который онъ считалъ своимъ несчастьемъ. Но отецъ самъ рѣшился исполнить порученіе, отъ котораго я отказался. Онъ такъ самовластно высказывалъ свою волю тамъ, гдѣ онъ могъ ее выражать, что его сынъ не посмѣлъ ему противиться. Свадьба была назначена на 19-е ноября 1760 г.

„По мѣрѣ того какъ приближался срокъ этой свадьбы, княгиня Любомирская становилась все грустнѣе, и ея бесѣды съ братомъ всегда сопровождались слезами, которыя она проливала изъ жа-

лости къ своему брату, въ виду его свадьбы. Все это, однако, было у нея такъ преувеличено, что при самомъ бракосочетаніи, въ церкви, на виду у всѣхъ присутствовавшихъ, она громко разрыдалась, обнимая брата, какъ будто прощалась съ нимъ навсегда. Эта сцена произошла слишкомъ явно, чтобъ не возникли самыя странныя предположенія. Они, впрочемъ, были совершенно неосновательны [1]). Чѣмъ болѣе я былъ въ этомъ увѣренъ, тѣмъ настойчивѣе я сталъ требовать отъ нея объясненія причинъ такого непонятнаго горя. Она отвѣтила, что имѣла какое-то предчувствіе, что эта молодая дѣвушка, которая становилась ея невѣсткой, будетъ причиной ея несчастья на всю ея жизнь, и что потому она питала непреодолимое отвращеніе къ ней. Я напрасно ей представлялъ, что эта дѣвочка, столь неизмѣримо уступавшая ей въ граціи, въ талантахъ (такъ какъ тогда она никакими не обладала), не могла быть предметомъ зависти для нея, которая пользовалась еще уваженіемъ, благосклонностью, можно было сказать, даже обожаніемъ посторонних и близкихъ, но что эта хорошая слава уменьшится, коль скоро станетъ извѣстнымъ ея неблаговидное обращеніе съ невѣсткой, которая ни въ чемъ не могла быть виновной передъ нею. Она согласилась съ моимъ мнѣніемъ, но повторила, что ея предчувствіе и ея антипатія были непреодолимы. Я подумалъ въ самомъ дѣлѣ, что она была не въ своемъ умѣ, такъ какъ не могъ придавать значеніе этому пророческому чувству. Но я, однако, увидалъ потомъ, какъ оно оправдалось обстоятельствами".

---

[1]) Князь Адамъ Чарторыйскій, извѣстный сподвижникъ Александра I-го въ дни его молодости, говоритъ въ своихъ запискахъ (т. I, стр. 3 и 4), что его мать, графиня Изабелла Флеммингъ, приходилась двоюродной племянницей своему мужу, такъ какъ ея мать, рожденная княжна Чарторыйская, была двоюродной сестрой ея мужа. Онъ разсказываетъ, что его мать, будучи дѣвушкой, заразилась оспой, посѣщая больного крестьянскаго ребенка, и что такъ какъ старики Чарторыйскіе очень желали этой свадьбы, то, коль скоро она поправилась, ее повели подъ вѣнецъ, несмотря на то, что все лицо у нея было покрыто струпьями и красными пятнами, а на головѣ былъ надѣтъ парикъ, такъ какъ всѣ волосы у нея вылѣзли послѣ болѣзни. Княгинѣ Любомирской сдѣлалось дурно на свадьбѣ при видѣ ея лица, столь обезображеннаго, ей стало жалко брата, которому родители выбрали такую жену. Но Изабелла Чарторыйская скоро совсѣмъ поправилась и сдѣлалась женщиной замѣчательной красоты.

X.

Изложивъ, затѣмъ, въ запискахъ, что великій гетманъ литовскій князь Радзивиллъ сваталъ за него свою старшую дочь, и что онъ уклонился отъ этого, Понятовскій описываетъ, какъ въ апрѣлѣ 1761 г. не состоялся сеймъ, созванный по вопросу о чеканкѣ монеты. Остальную часть года онъ провелъ у своего отца и у старшаго брата, Казиміра.

„Смерть Елисаветы—пишетъ онъ далѣе,—происшедшая въ началѣ 1762 года [1]), за которой послѣдовало въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствованіе Петра III, неблагопріятное для меня, не послужило поводомъ къ тому, чтобы графъ Брюль оказалъ ко мнѣ особое расположеніе до тѣхъ поръ, пока Екатерина II не взошла на престолъ. Тогда Брюль сталъ заискивать у меня, но, увидавъ, что великая княгиня не призывала меня къ себѣ, онъ снова охладѣлъ. Здѣсь надо вернуться къ предыдущимъ событіямъ. Когда я оставилъ Петербургъ, я увезъ съ собой очень точное разрѣшеніе, не оскорблявшее чувства, но предоставлявшее мнѣ вольности, которыя, повидимому, соотвѣтствовали потребностямъ моего возраста. Оно было мнѣ подтверждаемо долго послѣ того письмами, которыя находятся еще у меня. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ я этимъ не воспользовался, и мои частыя увѣренія въ этомъ были совершенно правдивы. Когда, наконецъ, этой строгой чистотѣ былъ положенъ конецъ, я изъ вполнѣ излишней откровенности признался въ этомъ. Это случилось въ началѣ зимы. Почтальонъ, везшій это письмо, погибъ въ рѣкѣ, вышедшей изъ береговъ. Узнавъ объ этомъ несчастномъ случаѣ, я по глупой чистосердечности повторилъ свое признаніе. Мнѣ, правда, отвѣтили, что ожидали уже давно такого несчастья, которое переносили, не измѣняясь. Это великодушіе не долго продолжалось,—скоро Орловъ [2]) меня замѣнилъ. Отъ меня скрывали это нѣсколько мѣсяцевъ, но письма постепенно стали охладѣвать. Потомъ, по смерти Елисаветы, власть и угрожающее расположеніе Петра III были естественною причиною того, что даже письма стали болѣе рѣдкими. Наконецъ, когда переворотъ низвергъ Петра III, я нѣсколько дней послѣ

---

[1]) Елисавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 г. (5-го января 1762 г.).

[2]) Григорій Григорьевичъ Орловъ (1734—1783), впослѣдствіи князь, генералъ-фельдцейхмейстеръ.

того, какъ получилъ о томъ извѣстіе, вмѣстѣ со всѣми другими, оставался безъ письма до тѣхъ поръ, пока курьеръ австрійскаго посла въ С.-Петербургѣ, графа Мерси Аржанто [1]), не привезъ мнѣ его письма".

Затѣмъ слѣдуетъ въ запискахъ Понятовскаго письмо графа Мерси, отъ 13-го іюля 1762 г., на имя Станислава-Августа, при которомъ препровождалось письмо Екатерины ему же отъ 2-го іюля [2]). Она убѣдительно просила не спѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ, потому что его пребываніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы опасно для него и очень вредно для нея. Переворотъ, который совершился въ ея пользу, похожъ на чудо. Она увѣряла, что всю жизнь будетъ только стремиться быть полезной ему и его семейству. Екатерина въ этомъ письмѣ давала Понятовскому надежду на возможность пріѣхать черезъ нѣкоторое время, но не тотчасъ [3]). Поэтому онъ пишетъ въ своихъ запискахъ:

„Я напрасно утѣшался тѣмъ, что скоро я буду призванъ. Мнѣ слишкомъ трудно было держаться передъ завистливой публикой столицы, а въ особенности выдерживать проницательный взглядъ людей при дворѣ, злобно расположенныхъ ко мнѣ. Я поспѣшилъ уѣхать въ Пулавы. Я тамъ заболѣлъ отъ горя и безпокойства. Благодаря заботамъ и дѣйствительной личной дружбѣ врача моего дяди, Реймана, только черезъ 10 или 12 дней наступило выздоровленіе. Проснувшись разъ утромъ въ 6 ч., я, озабоченный мыслями, которыя меня занимали, сталъ обсуждать въ своемъ умѣ, какія могли быть причины, помѣшавшія исполненію моихъ желаній; я тогда не зналъ еще настоящей причины.

„Размышляя о внезапномъ приближеніи Екатерины II къ Фридриху II (уже тогда извѣстномъ) и столь противорѣчащемъ первой декларацiи этой новой государыни [4]), я вообразилъ себѣ

---

[1]) Флоримундъ-Клавдій графъ Мерси Аржанто, род. въ 1722 въ австрійскихъ Нидерландахъ; онъ былъ назначенъ посломъ на мѣсто графа Эстергази въ 1761, въ 1764 г. былъ отправленъ въ Варшаву присутствовать при королевскихъ выборахъ, а въ 1766 г. занялъ постъ посла въ Парижѣ.

[2]) Записки Имп. Екатерины II, томъ XII, ч. 2, стр. 547 и 548.

[3]) На письмо графа Мерси отъ 23 іюля Понятовскій отвѣтилъ, прося переслать прилагаемое посланіе по адресу, обозначенному круглою звѣздочкою; оно и было доставлено графомъ Мерси 31 іюля Екатеринѣ, которая, увѣдомивъ о полученіи, поручала ему переслать письмо отъ 2-го августа, упоминаемое ниже.—Сборн. Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 46, стр. 11, 89—91.

[4]) Манифестъ Екатерины о восшествіи на престолъ отъ 28-го іюня 1761, строго осуждавшій миръ, заключенный Петромъ III съ Пруссіей, давалъ надежду на то, что

вдругъ, что прусскій министръ въ Петербургѣ замѣнилъ меня. Въ этотъ моментъ, когда эта идея пришла мнѣ въ голову, я услыхалъ, какъ било семь часовъ, и тотчасъ я почувствовалъ, какъ будто острый ножъ пронзилъ меня насквозь, и возобновилась та же болѣзнь, отъ которой меня спасъ Рейманъ. Мнѣ понадобилось болѣе недѣли, чтобы встать на ноги. Мнѣ пришлось тогда убѣдиться, насколько душевныя страданія имѣютъ вліяніе на тѣло, и мнѣ тогда показалось болѣе вѣроятною та геморроидальная колика, отъ которой, какъ писали, скончался Петръ III, такъ какъ я испыталъ на себѣ самомъ, до какой степени горе можетъ быть причиной этого недуга. Какъ только я былъ въ состояніи встать на ноги, я рѣшился поѣхать обратно въ Варшаву, думая, что тамъ я буду ближе къ извѣстіямъ, которыхъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Напрасно дядя отговаривалъ меня ѣхать; я уже переѣзжалъ черезъ рѣку, когда я встрѣтилъ посреди Вислы моего стараго курьера, который мнѣ везъ второе письмо отъ графа Мерси".

Въ запискахъ приводится это письмо, отъ 2-го августа 1762 г., а затѣмъ—то, которое Екатерина написала того же числа [1]). Въ немъ она описывала переворотъ, посредствомъ котораго она вступила на престолъ (28-го іюня 1762 г.). Письмо это начиналось тѣмъ, что она отправляла графа Кейзерлинга [2]) посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать Понятовскаго королемъ по кончинѣ Августа III, а въ случаѣ, если это ему не удастся, то она желала, чтобы былъ избранъ королемъ князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ воеводы русскаго.

Въ этомъ заключался главный поводъ письма; второй же состоялъ въ томъ, чтобы Понятовскій не вздумалъ пріѣзжать, такъ какъ всѣ умы еще въ броженіи.

Письмо кончалось предостереженіемъ, что правильная переписка не возможна, и увѣреніемъ въ томъ, что она, Екатерина, сдѣлаетъ все для Станислава-Августа и для его семьи.

„Какъ только я прочелъ — пишетъ далѣе Понятовскій—это письмо, я возвратился обратно въ Пулавы, чтобы прочесть его дядѣ, который заставилъ меня повторить его при его женѣ, дочери и сынѣ.

Екатерина опять склонится на сторону Австріи; но уже въ первые дни послѣ воцаренія было повелѣно войскамъ отдѣлиться отъ прусской арміи, но не присоединяться къ австрійской и отступить въ Россію. Екатерина прежде всего желала обезпечить спокойствіе государства и заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ.

[1]) Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 546—555.

[2]) Графъ Германъ Кейзерлингъ (1695—1764).

„Я только могъ замѣтить по лицу дяди выраженіе той надежды, которую онъ составилъ себѣ, воображая, что столько возникнетъ препятствій моему избранію, что въ концѣ концовъ придутъ къ нему съ предложеніемъ престола, и у него вырвалось замѣчаніе, что онъ приметъ корону не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ она была обезпечена послѣ его смерти за его сыномъ. Послѣдній, выйдя отъ отца, повторилъ мнѣ тогда то, что̀ онъ высказывалъ уже мнѣ прежде нѣсколько разъ, говоря: „Каждый имѣетъ свой образъ дѣйствій. Я знаю, какъ слава волнуетъ другихъ. Я согласенъ, что слава воиновъ-побѣдителей въ родѣ Нумы Помпилія или Альфреда Великаго очень завидна, но, признаюсь, она меня не искушаетъ и я ея вовсе не желаю. Я ее охотно предоставляю тѣмъ, которые готовы потрудиться, чтобъ заслужить ее. И это такъ справедливо, что я не только не хочу воспользоваться тѣмъ предложеніемъ, которое Екатерина, какъ кажется, мнѣ дѣлаетъ въ этомъ письмѣ, но немедленно я напишу графинѣ Брюсъ, поручивъ ей умолить императрицу, чтобъ она не думала обо мнѣ, а только о васъ".

„Напрасно я старался отговорить его. Онъ отправилъ письмо; это меня такъ глубоко тронуло, что я не могъ не повѣдать этого дядѣ съ тѣмъ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ, которыя я испытывалъ къ его сыну. Дядя мнѣ ничего не отвѣтилъ, но онъ сдѣлалъ своему сыну самые жестокіе упреки, какъ это будетъ видно впослѣдствіи.—По прошествіи нѣсколькихъ дней совѣщаній, было рѣшено, что я напишу черезъ посредство графа Мерси, и что я передамъ, что предпочли бы князя Волконскаго графу Кейзерлингу. Слѣдующія письма графа Мерси, барона Бретейля [1]) и императрицы передаютъ то, что̀ я могъ бы разсказать".

При письмѣ графа Мерси, отъ 22 августа, Понятовскій получилъ письмо Екатерины отъ 9 августа, въ которомъ она описывала тѣ опасности, которымъ она подвергалась, въ особенности если ихъ переписка будетъ перехвачена [2]). 12 сентября, баронъ Бретейль [3]) переслалъ письмо Екатерины; въ немъ она повторяла Понятовскому, что ему невозможно пріѣзжать, иначе ей грозила опасность. Она удивлялась его отчаянію, потому что въ концѣ концовъ всякій разсудительный человѣкъ долженъ покориться. Въ депешѣ отъ 29 ноября графъ Мерси разсказывалъ, что на-

---

[1]) Французскій посланникъ въ Петербургѣ Louis Charles Auguste Le Tonnellier, baron de Reuilly, dit baron de Breteuil (1730—1807), пріѣхавшій въ сентябрѣ 1762 и остававшійся до декабря 1762 г.

[2]) Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 555—557.

[3]) Тамъ же, стр. 557—559.

днахъ нарочный графа Понятовскаго привезъ въ Москву письмо, которое Мерси доставилъ императрицѣ; она ему передала свой отвѣтъ, который онъ успѣлъ прочесть. То было письмо отъ 11 ноября, препровожденное имъ Понятовскому при запискѣ отъ 26 ноября 1762 [1]). Въ немъ Екатерина подтверждала, что существовали препятствія, мѣшавшія его пріѣзду въ Россію, и отсовѣтовала тайную поѣздку, такъ какъ ея шаги не могли оставаться тайными. При письмѣ отъ 26 декабря баронъ Бретейль препроводилъ письмо Екатерины, въ которомъ говорилось, что если онъ явится, то ихъ обоихъ убьютъ. Увѣряя его въ томъ, что даже переписка между ними являлась излишнею, и что будущее покажетъ, какого блага она желаетъ его семьѣ, Екатерина удивлялась, что онъ могъ ее обвинить въ неблагодарности. 23 февраля 1763 г., баронъ Бретейль доставилъ послѣднее письмо Екатерины, отъ 5 января, въ которомъ она писала Понятовскому, что не знала, чѣмъ она заслужила всѣ его упреки, и увѣряла въ своей дружбѣ къ нему и къ его семьѣ.

„Въ теченіе зимы 1762 на 1763 годъ я—говоритъ Понятовскій въ своихъ запискахъ — два раза писалъ императрицѣ: „Не дѣлайте меня королемъ, но призовите меня къ себѣ". Я выражался такъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе того чувства, которое я питалъ въ своей душѣ; съ другой стороны, я былъ убѣжденъ, что я принесу болѣе пользы своему отечеству, какъ частный человѣкъ, находящійся при ней, чѣмъ король, царствующій здѣсь, въ Польшѣ. Но это было напрасно, — мои просьбы не были услышаны"...

Разсказывая далѣе, что англійскій посланникъ въ Варшавѣ, лордъ Стормонтъ, по приказанію своего двора иногда доставлявшій его письма въ Россію, получилъ предупрежденіе изъ Лондона не принимать отъ Понятовскаго писемъ для доставленія императрицѣ, такъ какъ скоро узнали въ Англіи перемѣну ея въ отношеніи къ графу, — Станиславъ-Августъ прибавляетъ, что, кромѣ этой непріятности, ему скоро пришлось испытать еще сильнѣйшее горе, а именно: его отецъ, графъ Станиславъ, здоровье котораго стало ухудшаться, скончался 30 августа 1762 г., почти достигнувъ 86-ти лѣтъ.

С. Горяиновъ.

---

[1]) Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 560 и 561.

„ЗА-ГРАНИЦЕЙ“

РОМАНЪ.

XVII.—Среди хаоса *).

Проходили дни, наступила полная осень... Чаще и чаще хмурилось солнце, чаще и чаще надъ Женевой пролетали леданымъ вихремъ „бизы“...

Анна Николаевна почти ежедневно посѣщала Гордѣева въ больницѣ; онъ поправлялся очень медленно... Если кто-нибудь особенно желалъ, чтобы онъ, наконецъ, поднялся, то это былъ я. Онъ ворвался въ мою жизнь съ Анной Николаевной неожиданнымъ и для меня непріятнымъ элементомъ. Я не могъ ничего сказать противъ того, чтобы Анна Николаевна его посѣщала, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея частыя отлучки въ больницу мнѣ не нравились, раздражали меня. Я инстинктивно чувствовалъ, что это чѣмъ-то грозитъ отношеніямъ между мной и Анной Николаевной.

Самъ я въ больницѣ, послѣ перваго посѣщенія, не былъ ни разу,—больше того: я почти никогда не освѣдомлялся о немъ, и если зналъ о его положеніи, то по бюллетенямъ, которые мнѣ давала Анна Николаевна, возвращаясь домой, и присовокупляла:

— „Гордѣевъ обѣщаетъ совершенно окрѣпнуть умственно“...

— „Его братъ хлопочетъ, чтобы ему позволили возвратиться въ Россію“.

— „Сегодня Гордѣевъ первый разъ всталъ съ постели“...

Я выслушивалъ эти рапорты и невольно сравнивалъ ихъ съ докладами о ходѣ романа между „Ванькой“ и Митровой. Анна

*) См. выше: февр., стр. 561.

Николаевна не замѣчала легкой досады, съ которой я ее выслушивалъ. Но однажды она возвратилась крайне взволнованная и показала мнѣ небольшую брошюрку въ пять-шесть страничекъ.

Это былъ плодъ моего пера и настояній Громченка; это было „Открытое письмо г. Мордовскому“.

Долго отказываясь, я, наконецъ, сдался на его убѣжденія и разразился вполнѣ по его рецепту.

— Какъ ты могъ опубликовать это?.. Я ничего не знала, и вдругъ младшій Гордѣевъ мнѣ это подноситъ и говоритъ, что этотъ твой поступокъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе на публику! И ты даже не посовѣтовался со мной!—упрекнула меня Анна Николаевна.

Она была крайне возмущена.

— Неужели же мнѣ необходимо совѣтоваться съ тобой при каждомъ моемъ шагѣ? Я просто не хотѣлъ тебя безпокоить: ты такъ поглощена заботами о Гордѣевѣ, что мнѣ не хотѣлось тебя отвлекать.

— Это упрекъ?—тихо спросила Анна Николаевна, опуская глаза.

— Нѣтъ, не упрекъ, я просто указываю фактъ.

— Тебѣ непріятный?..

— Напротивъ, пріятный;—теперь, въ роли сидѣлки, ты мнѣ очень нравишься, это идетъ къ тебѣ...

Не знаю, чѣмъ бы окончился этотъ разговоръ, но вдругъ къ намъ влетѣлъ, какъ бомба, ликующій Громченко и съ трескомъ, будто разорвался на части, между мной и Анной Николаевной.

— Всѣ... всѣ до единой!.. И Цюрихъ взялъ, и въ Бернъ повезли... и здѣсь всѣ читаютъ, всѣ говорятъ!..

Анна Николаевна видѣла, что рѣчь идетъ о „письмѣ“; она съ сожалѣніемъ поглядѣла на Громченка и вышла.

— Одно плохо! — тихо заговорилъ Громченко послѣ ея ухода:—скандалъ осложнился... Я пошелъ въ столовую „пошумѣть“ съ „мордвой“, тамъ я нашелъ и Мордовскаго, и чортъ меня дернулъ подойти къ нему и положить у него передъ самымъ носомъ „письмо“... Я сказалъ: „это вамъ!“—Онъ отвѣтилъ: „негодяй!..“

Громченко остановился.

— Дальше?—спросилъ я нѣсколько тревожно.

— Дальше... дальше—я ему далъ пощечину...

Я пожалъ плечами, а Громченко, отворачиваясь и глубоко запуская руки въ карманы, окончилъ:

— По-томъ... дру-гу-ю...

Сначала я почти разсердился на это сообщеніе, но потомъ, почему-то, громко разсмѣялся.

— Теперь пойдетъ исторія! — заговорилъ Громченко. Было видно, что „скандалъ" его нисколько не печалилъ.—Теперь вотъ чтò: въ нашей кассѣ мало деньжонокъ,—нужно будетъ спектакль, чтò ли, въ пользу ея соорудить. Дѣло блестяще пройдетъ. Мы будемъ имѣть... франки...

Потомъ онъ сталъ комбинировать дальше:

— Оно, конечно, вамъ на письмо отвѣтитъ Мордовскій, меня позоветъ въ товарищескій судъ, но я знаю, какъ вывернусь, о, я знаю!.. Все это сдѣлаетъ страшный шумъ на всю Швейцарію и даже на Парижъ, на Лондонъ... Тогда мы поѣдемъ туда на гастроли, вездѣ организуемъ подгруппы и...

Онъ умолкъ и мечтательно глядѣлъ черезъ окно на дворъ, гдѣ все было сѣро, падалъ мелкій дождь, гдѣ тоскливо рѣяло между сѣрой землей и сѣрымъ небомъ осеннее уныніе...

Я не былъ увлеченъ „подъемомъ" Громченка; онъ меня выругалъ за это:

— Ледяной человѣкъ!

И самъ побѣжалъ назадъ, въ „Женеву", которая мнѣ представлялась, какъ шевельнувшаяся, обезпокоенная масса.

Вошла Анна Николаевна и сказала:

— Этотъ Громченко, съ его безобразіемъ и легкомысліемъ, какой-то злой геній для тебя...

Я разсказалъ ей о развитіи скандала. Она руками всплеснула:

— Ну, теперь пойдетъ... пойдетъ... вся грязь наружу выступитъ... Берегись же, ты не знаешь—чтò это такое! Ты сталъ на опасный путь, ты далъ имъ именно тѣ поводы, которыхъ они давно ждали, и теперь ихъ позиція сильнѣе; вѣдь ты не станешь дѣйствовать ихъ оружіемъ—агитаціей по кухнямъ!..

— Я не боюсь,—спокойно проговорилъ я, и дѣйствительно я не боялся. Скажу больше: хотя перспективамъ Громченка я уже ни на грошъ не вѣрилъ и считалъ все дѣло, нами затѣянное, почти ерундой, тѣмъ не менѣе, атмосфера борьбы, сгустившаяся вокругъ этой ерунды, начинала мнѣ пріятно шевелить нервы, втягивала меня...

— И зачѣмъ все это? — грустно проговорила Анна Николаевна.

Мнѣ хотѣлось ей крикнуть:

— Пусть—хоть отъ скуки!..

Но я промолчалъ, не крикнулъ и заходилъ, нѣсколько возбужденный, по комнатѣ.

Анна Николаевна присѣла и тоже молчала. Очевидно было, что прерванный появленіемъ Громченка разговоръ ей хотѣлось продолжить и закончить. Однако, у меня все „личное“ неожиданно отошло на задній планъ, и я не сдѣлалъ никакой попытки для того, чтобы „договориться“ до конца. Анна Николаевна тоже не хотѣла взять на себя иниціативу: посидѣла, посидѣла и ушла...

Снова пошли дни за днями. „Мордва“ ничѣмъ себя не проявляла. Стороной мнѣ сообщили, что Мордовскій на мое „письмо“ рѣшилъ не отвѣчать,—сохранять „презрительное“ молчаніе. Мнѣ отъ того было ни тепло, ни холодно. Успокоился и Громченко—на „судъ“ его не позвали. Однако, подъ этой наружной тишиной мнѣ чудилась какая-то энергичная работа за кулисами: мой болгаринъ изъ „комитета“ опять заколебался и старался не появляться среди насъ. Это былъ признакъ. Были и другіе: Узьма нѣсколько разъ, таинственно шутя, предупреждалъ меня: „быть бычку на веревочкѣ“. Кромѣ всего этого, я уловилъ какія-то странныя отношенія между молодымъ Гордѣевымъ и... Ольгой Алексѣевной. Я ихъ дважды видѣлъ вмѣстѣ, а Громченко слышалъ, какъ тотъ же Гордѣевъ въ столовой рѣзко отзывался обо мнѣ, какъ „о человѣкѣ, ему крайне несимпатичномъ“.

Среди этихъ мелочей обычную жизнь колоніи спугнула крупная неожиданная новость:

— Мордовскій покушался покончить съ собой самоубійствомъ!

Всѣ заволновались, даже Анна Николаевна; но вдругъ это волненіе улеглось. Относительно „покушенія“ пошли циркулировать комическія версіи. Одну изъ нихъ мнѣ принесъ Громченко,—въ публикѣ разсказывали такой анекдотъ:

Сидятъ Ольга Алексѣевна и Мордовскій.

— Нужно состряпать „неудачное самоубійство“ по поводу тяжкаго оскорбленія!—предлагаетъ дѣвица.

— Очень полезно, но какъ?..

— А вотъ оттяните кожу съ боку и прострѣлите ее навылетъ,—очень просто и неопасно!

— А вдругъ зараженіе крови?

— Можно предварительно пулю дезинфицировать...

На этомъ порѣшили.

Темная ночь. Выстрѣлъ. Къ Мордовскому вбѣгаетъ Ольга Алексѣевна.

— Ахъ, ахъ... что̀ вы съ собой сдѣлали?!..

— Я... умираю... Уймите кровь,—какъ она хлещетъ!

— Но гдѣ же кровь, гдѣ же рана?

Мордовскій ощупываетъ себя. Нѣтъ раны, нѣтъ крови.

— Ей Богу, я выстрѣлилъ... вотъ такъ оттянулъ кожу съ жилетомъ и прострѣлилъ!.. Должна быть кровь...

— Да, дѣйствительно, жилетъ прострѣленъ!..

— Ну, ничего, продезинфицируйте и перевяжите мнѣ рану сверхъ жилета... вѣдь это все равно!..

И ему перевязали; положеніе его внушаетъ серьезныя опасенія!.. Такъ заканчивался анекдотъ.

Отъ такихъ шутокъ, конечно, не могло поздоровиться. Спустя нѣсколько дней, Мордовскій выползъ въ публику живъ и цѣлъ, но гамлетовски-мраченъ. „Мордва" стала дѣятельно погашать пущенную-было въ оборотъ тревогу.

Такимъ образомъ, и на этомъ у нихъ тоже сорвалось. Послѣ этого „мордва" стала проявлять себя мелкими непріятностями. Однажды Громченко увидѣлъ въ читальнѣ кѣмъ-то вывѣшенную безобразную каррикатуру на меня и на Анну Николаевну, особенно оскорбительную для послѣдней. Громченко сорвалъ каррикатуру и принесъ ко мнѣ. Вслѣдъ за этимъ, Анна Николаевна получила анонимное и чрезвычайно грубое, дико-циничное письмо, которое она мнѣ даже и не показала. Такимъ образомъ, по какимъ-то разсчетамъ, именно ее избрали объектомъ начавшейся травли. Это меня привело въ бѣшенство, но—въ безсильное: я зналъ первоисточникъ этихъ выходокъ, однако предпринять ничего не могъ.

Вообще, на публику эта новая тактика подѣйствовала совсѣмъ неожиданно. Публика стала отодвигаться отъ „мордвы", и ряды „мордвы" стали замѣтно рѣдѣть—случайный элементъ сталъ отпадать отъ нея.

Ольга Алексѣевна и Мордовскій начинали терять окончательно всякую выдержку и однажды вдвоемъ набросились на Громченко, при чемъ „дѣвица" стала дѣйствовать зонтикомъ. Но пріятель мой не потерялся,—онъ въ куски изломалъ зонтикъ и швырнулъ ими въ лицо Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Тогда колонія взбудоражилась опять и уже не на шутку. Скоро въ читальнѣ появилось объявленіе, за подписью двухъ эмигрантовъ и нѣсколькихъ студентовъ. Оно гласило:

„На субботу члены русской колоніи приглашаются на общее собраніе для обсужденія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ послѣднее время".

Анна Николаевна категорически заявила, что не пойдетъ, но мы съ Громченко идти считали себя обязанными.

— Одно меня интересуетъ,—сказалъ я своему пріятелю:—почему „мордва“ раньше не добивалась этого „обсужденія“, послѣ того какъ вы побили Мордовскаго?

— Они не добивались?!.. Нѣтъ, они очень добивались и добились: уже было заготовлено такое же объявленіе, какъ то, но они поспѣшили его снять... Вотъ *этого* я добился!..

Онъ торжествующе посмотрѣлъ на меня и на Анну Николаевну.

— Какимъ образомъ?

— Я имъ показалъ кончикъ одного документика!

Громченко вынулъ изъ кармана листъ почтовой бумаги, тщательно сложенный, и махнулъ имъ въ воздухѣ.

— Это что?—спросила Анна Николаевна.

— Ничего. Приходите на „судъ“—узнаете тогда, а до тѣхъ поръ это мой „секретъ“; я далъ его понюхать только Ольгѣ Алексѣевнѣ, и вотъ почему она потеряла охоту судить меня съ Мордовскимъ... То собраніе, которое теперь созывается... Я самъ—его иниціаторъ, я—Громченко!

Онъ былъ великолѣпенъ, этотъ человѣкъ, по-моему, съ нѣкоторыми крупными качествами, смѣшно вязавшимися съ наивнымъ самодовольствомъ.

— Если бы не вы, Громченко,—сказала не безъ раздраженія Анна Николаевна,—ничего не было бы, пожалуй; въ значительной степени это вы заварили всю эту скверную кашу.

— Я, Анна Николаевна, я, голубушка моя! Ужъ очень мнѣ обидно сложа руки сидѣть и языкомъ въ пустое мѣсто гремѣть...

— Можно было иное дѣло найти, а не грязь на днѣ болота волновать,—строго выговорила Анна Николаевна.

— Ха!.. Мы не грязь волнуемъ, а воду хотимъ въ движеніе привести—застоялась она... Голубушка! Поймите, всякая волна мутна, ничего не подѣлаешь!

Онъ потиралъ руки. Онъ чувствовалъ себя готовымъ къ бою, былъ увѣренъ въ побѣдѣ и чувствовалъ себя счастливымъ.

По сравненію съ нимъ, казалось, что „мордва“ должна себя чувствовать скверно. Оно такъ и было, въ чемъ я и убѣдился наканунѣ субботы.

Вечеромъ этого „суднаго“ дня мнѣ нанесъ совершенно неожиданный визитъ... г. Митровъ.

Я сидѣлъ и работалъ; онъ вошелъ, очень непринужденно отрекомендовался и, не ожидая приглашенія, усѣлся.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ я, нѣсколько изумленно оглядывая своего посѣтителя.

— Я къ вамъ по большому дѣлу. У меня есть желаніе издать здѣсь брошюру чисто конституціоннаго содержанія, безъ всякихъ отношеній къ соціальнымъ вопросамъ. Мнѣ нужно ее потомъ переправить въ Россію, какъ матеріалъ для агитаціи одной политической, узко-либеральной группы... Скомпилировать такую брошюру я поручилъ здѣсь *за плату* нѣкоему г. Мордовскому... вы его знаете?

Я кивнулъ головой. Но онъ, вмѣсто того, чтобы продолжать въ начатомъ направленіи, вдругъ зорко всмотрѣлся въ меня и неожиданно спросилъ:

— Скажите,—мы нигдѣ съ вами не встрѣчались?

Я отвѣтилъ сдержанно:

— Встрѣчались...

— Ага! Вспомнилъ! Это было въ комнатѣ моей жены!

Онъ принялъ вдругъ оскорбленный, серьезный видъ, провелъ рукой по лбу и добавилъ:

— Дикая женщина! Прекрасная, но совершенно, совершенно дикая!

Потомъ онъ помолчалъ, „привелъ свои чувства въ порядокъ“ и, поднимаясь, мягко проговорилъ:

— Очень жаль. Вамъ, вѣроятно, такъ освѣтили мою бѣдную личность, что она вся въ тѣни и мы врядъ-ли столкуемся...

Онъ остановился въ видимой нерѣшительности.

„Ловко комедію валяетъ!“—подумалось мнѣ, и вслухъ я сухо сказалъ:

— Я еще не слышалъ, что̀ васъ привело ко мнѣ!

— Вы мнѣ позволите изложить мое предложеніе?

— Пожалуйста!

— Такъ вотъ. Мордовскій не справился съ данной ему задачей. Совсѣмъ человѣкъ писать не умѣетъ! Противная манера... Теперь я ищу кого-нибудь... Я могу заплатить двѣсти... франковъ за листъ брошюры въ три листа... Вашъ стиль мнѣ нравится...

Онъ внимательно поглядѣлъ на меня и добавилъ:

— Я не настаиваю на немедленномъ отвѣтѣ,—подумайте! Отвѣтъ можете сообщить черезъ г. Громченко... Я съ нимъ знакомъ, онъ у меня бываетъ...

„Опять Громченко!“—досадливо подумалъ я.

— Au revoir!..—Джентльменъ раскланялся и ушелъ, прежде чѣмъ я подумалъ сказать ему, чтобы онъ на меня не разсчитывалъ. Въ комнатѣ онъ оставилъ противную струю какихъ-то дорогихъ духовъ.

Этотъ визитъ показалъ мнѣ, что „мордва“ разсыпается, и что

Мордовскаго фонды очень низко упали. Посѣщеніе Митрова меня заинтересовало и съ другой стороны:

„Чтò ему, помимо „конституціонной брошюры", нужно?.."

Я зналъ, что „мордва" адвокатствовала за него передъ Митровой, добивалась и кое-чего добилась.

Теперь онъ явился ко мнѣ, вѣроятно, съ аналогичными цѣлями...

Я жалѣлъ, что сразу не указалъ ему порога.

На другой день утромъ, встрѣтивъ Громченка, я его крѣпко выругалъ.

— Охота вамъ со всякой дрянью путаться!

Громченко обидѣлся.

— Не будьте разборчивой невѣстой. Безъ „дряни" мы недалеко уѣдемъ. Шестьсотъ франковъ для насъ не лишніе. Лучше ихъ сорвать съ этого сытаго господина, чѣмъ собирать ихъ по сантимамъ съ „нищихъ-студентовъ"... Это—моя точка зрѣнія.

— Моя—иная!—сухо отвѣтилъ я.—Сообщите ему, что его предложеніе мнѣ не подходитъ.

— Скажу. Мнѣ чтò!

Громченко надулся, но очень скоро засмѣялся.

— Ольга Алексѣевна заболѣла! Не хочетъ сегодня идти на судбище...

— Не заболѣла я и на судбищѣ буду!..—раздался за нами неожиданный голосъ. Разговоръ происходилъ на улицѣ.

Мы быстро обернулись и увидѣли Ольгу Алексѣевну. Она незамѣтно подошла и остановилась, блѣдная, злая, какъ фурія. Громченко даже попятился передъ ней, а она грозно двинулась на него, сжимая кулачки.

— Сегодня я не пожалѣю своей репутаціи и уничтожу васъ!.. Уни-что-жу!!..

Громченко прислонился къ стѣнѣ дома и даже выставилъ руки впередъ, для безопасности. Однако онъ немедленно и злобно отвѣтилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

— Чѣмъ это вы, сударыня, меня уничтожите? Не тѣми ли нелегальными средствами, чтò вы иногда употребляете? Такъ я вамъ скажу, что я—не „плодъ любви несчастной"...

Ольга Алексѣевна испустила какой-то дикій крикъ и пронеслась мимо меня.

— Слушайте, Громченко,—проговорилъ я:—вы совсѣмъ не хотите разбираться въ выборѣ средствъ... Ну, чтò такое вы сейчасъ сказали?..

— Сказалъ то, чтò есть и чтò я знаю... Ей доставляетъ

особенное удовольствіе „устраивать романы"... Потомъ она сама приходитъ на выручку... и выручаетъ!.. Нѣтъ и пяти мѣсяцевъ, какъ мы похоронили на женевскомъ кладбищѣ чудную русскую дѣвушку, жертву ея „хирургіи"... О, еслибъ не эта здѣшняя „русская сплоченность"! Я ее теперь, какъ уголовную преступницу, въ швейцарскую тюрьму засадилъ бы... А она еще рискуетъ на товарищескіе суды являться, товарищескіе суды устраивать! Ну, ничего, я имъ, а въ особенности ей, сегодня добре отпою... отходную!

Онъ впалъ въ дикій „ражъ". Я начиналъ безпокоиться за исходъ приближавшагося собранія...

— Хаосъ какой-то!—вырвалось у меня...

XVIII.—Судъ.

Въ спеціальномъ залѣ при одномъ кафè, гдѣ сытые швейцарцы частенько справляли свои свадьбы, собралось много русскаго народа. До сихъ поръ, при словахъ: „женевская колонія", я представлялъ себѣ нѣчто очень небольшое,—однако оказалось, что для „колоніи" большая зала оказалась тѣсноватой. Общій видъ публики былъ пестрый; она расположилась группами, каждый держался своего кружка; преобладали молодыя лица дѣвицъ и студентовъ. Однако, въ углу виднѣлись и эмигрантскія физіономіи...

Словомъ, это собраніе уже имѣло право назваться общимъ собраніемъ колоніи. Соотвѣтственно съ этимъ и внѣшній видъ его, т.-е. манера держаться, настроеніе большинства, были серьезно внушительны.

Это собраніе уже ничѣмъ не напоминало тотъ безпорядочный „судъ", ту поддѣлку подъ него, куда меня раньше звали Мордовскій и Ольга Алексѣевна... Благодаря этому, я мгновенно настроился довольно торжественно и очень серьезно.

Собраніе началось вечеромъ. Горѣлъ газъ по стѣнамъ... На столикахъ передъ собравшимися не было видно ни пива, ни даже чаю. Въ глубинѣ залы еще висѣли красные флаги и красный плакатъ отъ одной стѣны до другой, съ надписью по-французски: „Пролетаріи, соединяйтесь!"—Это были остатки какого-то швейцарскаго соціалистическаго собранія...

Въ глубинѣ зала находилась высокая эстрада. Тамъ стоялъ столъ и около него сидѣли инициаторы собранія, подписавшіе объявленіе. Когда залъ совершенно наполнился, послышался

звонокъ—и среди публики воцарилась полная тишина. Изъ-за стола на эстрадѣ поднялась Кудрявая.

— Господа!—проговорила она:—мирная жизнь колоніи въ послѣднее время нарушена рядомъ грустныхъ инцидентовъ, въ которыхъ трудно разграничить личный элементъ отъ общественнаго. Это дало поводъ сидящимъ здѣсь за столомъ пригласить публику на общую сходку... Подписавшіе объявленіе не разсчитывали, что всѣ лица, участвовавшія въ сказанныхъ инцидентахъ, тоже придутъ,—предполагалось помимо нихъ общественно поставить вопросъ:—не пора ли общему мнѣнію вмѣшаться въ ненормальныя отношенія нѣкоторыхъ членовъ колоніи и, въ случаѣ утвердительной резолюціи, уже тогда назначить второе собраніе съ обязательнымъ присутствіемъ заинтересованныхъ сторонъ. Но въ виду того, что стороны и теперь уже достаточно представлены, иниціаторы рѣшили поставить сразу вопросъ такъ:—если члены колоніи усматриваютъ въ происшедшемъ, всѣмъ достаточно извѣстномъ, элементъ, дающій колоніи право общественнаго вмѣшательства, то мы, иниціаторы настоящаго собранія, просимъ немедленно приступить къ разбору по существу, избравъ президіумъ изъ трехъ лицъ: двухъ—по выбору сторонъ, а одного—отвѣтственнаго распорядителя ходомъ преній по общему голосованію всѣхъ налично присутствующихъ. Несогласныхъ, имѣющихъ предложить нѣчто иное, просимъ высказаться.

Лабушинскій немедленно попросилъ слова. Тягуче-длинно онъ нашелъ предложеніе иниціаторовъ несостоятельнымъ. Онъ предлагалъ избрать „слѣдственную коммиссію изъ семи лицъ“, которая разобралась бы въ деталяхъ всѣхъ обстоятельствъ и потомъ уже созвала бы общее собраніе для окончательной резолюціи.

— Въ оттяжку играетъ!—бормоталъ за моей спиной Громченко.

Когда Лабушинскій кончилъ, Громченко немедленно же съ мѣста взялъ слово и сталъ возражать.

— Къ дьяволу коммиссію!..

Всѣ улыбнулись, а гдѣ-то отчетливо послышалось.

— Парламентарно началъ!

— Къ дьяволу парламентарность!..—загремѣлъ Громченко.

— Vive l'anarchie!—отвѣтили ему изъ далекаго угла.

Однако рѣзкій звонокъ, а затѣмъ сдержанный ропотъ не дали свихнуться разговору.

— По-моему,—уже спокойнѣе продолжалъ Громченко,—иниціаторы собранія правы; прошу публику проголосовать: счи

таетъ ли она инциденты подлежащими своему обсужденію или нѣтъ?.. Прошу встать согласныхъ.

Большинство встало. Осталась сидѣть небольшая кучка „мордвы“, имѣя въ центрѣ Ольгу Алексѣевну и Мордовскаго, а сбоку—Лабушинскаго и молодого Гордѣева. Вслѣдъ за голосованіемъ поднялся послѣдній.

— Господа!—проговорилъ онъ:—я заявляю отъ группы лицъ, что мы голосовали противъ, но мы не считаемъ отмѣченные инциденты неподлежащими общественному обсужденію,—наоборотъ, они подлежатъ обсужденію, но при соблюденіи условій, указанныхъ г. Лабушинскимъ...

Онъ сѣлъ—поднялась Кудрявая.

— Инціаторы просятъ принимающихъ предложеніе Лабушинскаго—сидѣть; кто за немедленное обсужденіе—встаютъ.

Опять большинство встало.

— Голосуется президіумъ изъ трехъ лицъ по проекту инниціаторовъ!

Опять шумный шорохъ, и большинство—на ногахъ.

„Мордва“ засуетилась, и видно было, какъ она стала торопливо совѣщаться. Но имъ не дали спѣться какъ слѣдуетъ. Кудрявая снова заговорила:

— Инціаторы считаютъ сторонами, во-первыхъ, г. Громченка, во-вторыхъ—Ольгу Алексѣевну и г. Мордовскаго. Предлагаемъ имъ избрать своихъ представителей въ президіумъ.

Такимъ образомъ, я остался внѣ „процесса“, и это меня крайне удивило. Я обернулся къ Громченку.

— Что̀ сіе значитъ?

— Молчите. Больше ничего!—и онъ громко обратился къ Кудрявой, стоявшей на эстрадѣ.

— Прошу васъ! Представителемъ отъ меня.

Та замотала головой.

— Не могу! Я уже составила себѣ окончательное мнѣніе, оно не въ пользу васъ, я не могу взять на себя отвѣтственную роль съ вашей стороны.

— Ничего!.. Я прошу,—безъ всякаго смущенія настаивалъ Громченко.

Я хотѣлъ его остановить, но онъ отгрызнулся.

— Молчите, не ваше дѣло! Я знаю, что̀ дѣлаю!—И онъ опять крикнулъ:

— Прошу Кудрявую!

Та усмѣхнулась и развела руками.

— Хорошо... Послѣ на себя пеняйте.

Мордовскій съ мѣста попросилъ пятиминутнаго перерыва. Перерывъ дали. „Мордва“ сомкнулась еще тѣснѣе и совѣщалась. Въ центрѣ ея очутился молодой Гордѣевъ.

— Они, вѣроятно, предпочтутъ демонстративно удалиться и не присутствовать въ связи со своимъ голосованіемъ и заявленіемъ Гордѣева!—предположилъ я.

— Нѣтъ. Они теперь обсуждаютъ другое. Они ожидали, что я васъ назначу своимъ представителемъ,—тогда они дали бы пойти процессу, а въ концѣ возбудили бы вопросъ о томъ, что и вы—„сторона“, а не нейтральный человѣкъ, и спутали бы такимъ образомъ все... Народъ въ этихъ дѣлахъ искушённый!.. Теперь они нѣсколько растерялись. Они не ожидали, что я буду просить Кудрявую, но я это нарочно сдѣлалъ. Кудрявая меня очень не жалуетъ...

Тутъ прорвалось опять его безконечное легкомысліе, и онъ, смѣясь, такъ сообщилъ мнѣ:

— Кудрявую я недавно крѣпко обидѣлъ.... Она—отличный человѣкъ, но по части чувствъ къ мужчинамъ обнаруживала большую любовь къ частой смѣнѣ... Она—жена уже четырехъ человѣкъ, а ей всего тридцать лѣтъ... Одинъ мужъ въ Америкѣ, другой—въ Лондонѣ, третій—въ Россіи, съ четвертымъ она лишь полгода разошлась и теперь—жена „на вакансіи“. Мѣсяца два тому назадъ, чортъ меня дернулъ пошутить на эту скользкую тему, я ее спросилъ, чья она теперь невѣста?.. До сихъ поръ она со мной не разговаривала, въ первый разъ сегодня мы съ ней словами перекинулись. Вотъ и судите: „мордва“ въ затрудненіи—какъ принять это: уйти—все дѣло проиграно, да еще при какомъ условіи—представитель моихъ интересовъ—мой кровный врагъ! Не уходить, принять бой, это—единственное, что̀ они могутъ теперь сдѣлать... А мнѣ наплевать: Кудрявая мнѣ не нужна!.. Она не опасна и не полезна...

— Кого же они изберутъ своимъ представителемъ?—спросилъ я.

— Кого?.. Гордѣева! Больше некого.

Перерывъ окончился. Послышался звонокъ. Мордовскому и Ольгѣ Алексѣевнѣ предложили указать ихъ представителя.

— Гордѣевъ!—сказали оба въ одинъ голосъ. Тотъ немедленно поднялся на эстраду и нѣсколько горделиво оглядывалъ публику.

Приступили къ избранію предсѣдателя. Публика назвала нѣсколько именъ, среди нихъ одно мнѣ совершенно неизвѣстное:

— Камовъ! Камовъ!

Я хотѣлъ спросить у Громченка: кто это? — но мое вниманіе было привлечено однимъ угломъ, гдѣ неизвѣстный мнѣ студентъ, маленькаго роста, нѣсколько горбатый, настойчиво отбивался отъ окружавшихъ его.

— Камовъ!..—поддержали эту кандидатуру въ разныхъ мѣстахъ отдѣльные голоса, и черезъ секунду уже почти всѣ кричали:

— Камовъ! Камовъ! Обязательно Камовъ!

Тогда горбатенькій студентъ пересталъ отбиваться и позволилъ вытолкнуть себя изъ своего угла. Я съ интересомъ разсматривалъ его незначительное, блѣдное, больное лицо съ рѣдкой растительностью цвѣта пыли. Однако глаза у него были замѣчательно ясные, грустные, неимовѣрно большіе.

Онъ медленно, нехотя поднялся на эстраду и усѣлся между Гордѣевымъ и Кудрявой. Инціаторы сошли съ эстрады и заняли мѣста среди публики. Камовъ тихо поднялъ колокольчикъ, онъ брякнулъ и затихъ. Затихла и вся зала. Со звонкомъ въ рукѣ Камовъ преобразился въ другого человѣка. Онъ сталъ какъ бы выше и голова его поднялась и стала ровно на плечахъ. Онъ обводилъ глазами собраніе, и всѣ старались не только не нашумѣть какимъ-либо непроизвольнымъ движеніемъ, но даже не двигались.

— Вотъ это, видно, предсѣдатель!—вырвалось у меня шопотомъ.

— Да вы увидите!—такъ же тихо отвѣтилъ Громченко:—такой предсѣдатель совсѣмъ не на руку „мордвѣ". Смотрите, какъ лицо у Ольги Алексѣевны перекосило!.. Камовъ—интересный человѣкъ: со звонкомъ въ рукѣ—желѣзо, а безъ него—мягче воска... вѣчный студентъ! Во всѣхъ университетахъ въ Россіи побывалъ, отовсюду гнали, теперь здѣсь успокоился... химіей занялся, отъ публики убѣгаетъ—остылъ... Чудакъ ужасный! Бывшій бурсакъ, кровный поповичъ, до сихъ поръ по богословію читаетъ, а въ Бога нисколько не вѣритъ...

Громченка, вѣроятно, еще что-либо прошепталъ бы мнѣ на ухо, но въ это время Камовъ не громко, но удивительно отчетливо и внятно призвалъ:

— Господа!

У Громченка сомкнулись уста.

— Недавно въ Женеву прибылъ г-нъ (онъ назвалъ меня)... изъ Россіи—какъ эмигрантъ. Въ настоящее время онъ занялся издательствомъ общественно-политическихъ брошюръ, въ которыхъ проводятся взгляды и положенія, симпатичные наиболѣе молодымъ членамъ колоніи. Можно ожидать, что около сказаннаго пред-

пріятія сгруппируется наиболѣе отзывчивая и дѣятельная часть ихъ... Однако, за послѣднее время, неизвѣстно кѣмъ пущенные слухи обвиняютъ его въ провокаторствѣ... Къ этому колонія вообще, а въ частности русское студенчество въ Женевѣ, не можетъ остаться безразличнымъ... Обстоятельство требуетъ выясненія. Прежде всего разсмотримъ его исторически... Вотъ цѣпь фактовъ, связанныхъ хронологически и имѣющихъ единство активныхъ единицъ. Онъ, приступая къ изданію, встрѣтился случайно съ г. Мордовскимъ и не подалъ ему руки, мотивируя это тѣмъ, что для него г. Мордовскій человѣкъ политически-сомнительный. Г. Мордовскій, считая себя оскорбленнымъ, потребовалъ отъ него объясненій въ присутствіи публики, которая, по моему мнѣнію, никоимъ образомъ не являлась—хотя и считала себя—собраніемъ представителей мѣстной колоніи... Онъ въ объясненіяхъ г. Мордовскому отказалъ, предлагая этому послѣднему требовать объясненій у своихъ бывшихъ товарищей по дѣлу и по тюрьмѣ, отъ которыхъ онъ и получилъ неблагопріятныя для г. Мордовскаго свѣдѣнія. Упомянутое собраніе окончилось скандаломъ и исчезновеніемъ изъ Женевы одного господина, близко стоявшаго раньше къ г. Мордовскому. Впрочемъ, это—побочное обстоятельство... И вотъ, немного спустя, появился слухъ о якобы провокаціонной дѣятельности этого господина. Тогда онъ обнародовалъ „Открытое письмо г. Мордовскому“, гдѣ и говорилъ по поводу этихъ слуховъ. Распространеніе этого письма среди публики сопровождалось рѣзкимъ оскорбленіемъ, которое нанесъ г. Громченко, соиздатель того господина, г-ну Мордовскому; вслѣдъ за этимъ колонія была шокирована еще однимъ инцидентомъ между тѣмъ же г-номъ Громченкомъ, съ одной стороны, и Мордовскимъ съ Ольгой Алексѣевной — съ другой... Вотъ факты. Прошу не *стороны*, присутствующія здѣсь, а *собраніе* дать направленіе своему обсужденію, намѣтить, въ чемъ центръ вниманія собранія.

Онъ умолкъ. Стало очень тихо, совсѣмъ тихо. „Мордва“ не двигалась Такое вступленіе Камова ничего хорошаго для Мордовскаго и Ольги Алексѣевны не обѣщало. Они поняли полную гибель своихъ позицій.

— Направляйте уже сами вниманіе собранія къ такому центру, какой вамъ будетъ угоденъ!—выкрикнула Ольга Алексѣевна, худо скрывая свое бѣшенство.

Камовъ чуть поклонился въ ея сторону.

— Прошу высказываться, господа!

Молчаніе.

Раздался легкій звонокъ.

— Никто больше не беретъ слова по поставленному вопросу?

Оказалось, что никто.

Камовъ вторично брякнулъ колокольчикомъ и заявилъ:

— Объявляю обмѣнъ мнѣній около формулированнаго мною пункта законченнымъ. Есть только одно предложеніе, сдѣланное, однако, одной изъ заинтересованныхъ сторонъ: это — дать мнѣ полную свободу въ руководительствѣ преніями. Ставлю его внѣ необходимости голосованія. И сообразуясь съ традиціями нашихъ собраній, памятуя уваженіе, которое обязанъ воздавать каждый изъ насъ къ проявленіямъ коллективной совѣсти, заявляю, что считаю центромъ всего слухи о провокаціонной дѣятельности упомянутаго господина. Прошу собраніе постараться найти источникъ этихъ слуховъ.

„Мордва“ безпокойно шевельнулась.

— Слухъ пошелъ отъ г. Мордовскаго... Первымъ пустилъ его „сбѣжавшій“ Жоржикъ и ссылался на г. Мордовскаго,—проговорилъ чей-то голосъ.

Мордовскій поднялся.

— Ничего и никому я не говорилъ.—Онъ хотѣлъ продолжать, но Камовъ звонкомъ перебилъ его рѣчь и попросилъ:

— Прошу не говорить, не предупредивъ... Прошу собраніе, каждаго и всѣхъ, припомнить объ источникѣ слуховъ.

— Жоржикъ, Жоржикъ... Жоржикъ! — зазвучало со всѣхъ сторонъ.

Камовъ опять позвонилъ.

— Жоржика нѣтъ въ Женевѣ!.. Обращаюсь къ собранію съ просьбой: нѣтъ ли у кого-либо какихъ-либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ—провокаторъ?..

Молчаніе долгое, непріятное.

— Итакъ, господа,—снова началъ Камовъ:—всѣ эти слухи о „новомъ провокаторѣ“ на женевскомъ горизонтѣ—не болѣе какъ злостный вздоръ, неизвѣстно кѣмъ выдуманный, но распущенный человѣкомъ внѣ сомнѣнія сомнительной политической репутаціи... Прошу поставить эту резолюцію на голосованіе открытой и отвѣтственной баллотировкой... За открытую баллотировку. Согласные встаютъ.

Поднялись всѣ, кромѣ „мордвы“, но она сидѣла уже полусознательно, по инерціи.

— Принято!—звучалъ внятный голосъ Камова.—Прошу теперь голосовать данную резолюцію, и предупреждаю, что у всѣхъ сидящихъ собраніе спроситъ о причинѣ того. Для того, чтобы голосовать противъ поставленной резолюціи, нужно имѣть данныя,

что „слухи“—не вздоръ, а имѣютъ основаніе... Ставлю на баллотировку резолюцію о вздорности. Согласные...

Онъ подумалъ и, улыбнувшись, окончилъ:

— Сидятъ...

Конечно, всѣ сидѣли, и Мордовскій, опустивъ голову, и Ольга Алексѣевна, вся пурпуровая. Имъ приходилось въ нѣкоторомъ родѣ сѣчь самихъ себя.

Послѣ этого поднялся Гордѣевъ и заявилъ:

— Я, собственно говоря, не совсѣмъ понимаю задачи моего и г-жи Кудрявой присутствія рядомъ съ г-мъ предсѣдателемъ.

— О, задача простая!—невозмутимо отвѣтилъ Камовъ.—Вы должны слѣдить, чтобы я не повелъ преній въ несправедливый ущербъ интересамъ вашихъ довѣрителей; можетъ быть, я въ чемъ-либо злоупотребилъ своими правами?—мягко добавилъ онъ.

Гордѣевъ мялся.

— Пожалуйста, говорите, собраніе васъ слушаетъ, можете аппелировать!

Гордѣевъ, путаясь и несвязно, сталъ лепетать, что слухи, конечно, „вздоръ“, но что не въ этомъ центръ вопроса, и что публика собралась сюда не затѣмъ, чтобы „реабилитировать того господина отъ вздорныхъ обвиненій“.

Камовъ слушалъ и кивалъ головой.

— Конечно, конечно... Публика собралась не „реабилитировать“, а гарантировать себя, выяснить содержаніе слуховъ, ихъ вздорность или ихъ основательность, въ послѣднемъ случаѣ — оградить политическую безопасность своихъ членовъ... Только! Въ этомъ—центръ...

Гордѣевъ продолжалъ о томъ, что необходимо обсудить и „дерзкое нападеніе“ на мирнаго по натурѣ человѣка, и „физическое оскорбленіе... женщины“!

— О, мы сейчасъ къ этому приступимъ, — успокоилъ его Камовъ. — Мы сдѣлали главное: отняли у инцидентовъ общественную почву и привели ихъ въ сферу безобразій, но не за предѣлами личныхъ отношеній. Это и нужно было... Прошу васъ сѣсть. Мы сейчасъ начнемъ.

Послѣ этого, онъ попросилъ Мордовскаго разсказать о томъ, при какихъ условіяхъ ему было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Тотъ, поднявшись, коротко и угрюмо разсказалъ. Спрошенный Громченко почти подтвердилъ фактическую сторону въ передачѣ пострадавшаго. Затѣмъ, Камовъ хотѣлъ поставить вопросъ объ обстановкѣ второго инцидента „съ зонтикомъ“, но Громченко

всталъ и попросилъ позволенія предварительно прочесть „одинъ документикъ“.

— О чемъ документъ?

— Объ отношеніяхъ г. Мордовскаго къ его товарищамъ по дѣлу... Это—письмо изъ Сибири, отъ одного изъ послѣднихъ... Еще въ началѣ всей исторіи я запросилъ сибиряковъ и получилъ отвѣтъ...

— Какое же отношеніе имѣетъ этотъ документъ къ задачамъ настоящаго собранія?—спрашивалъ Камовъ.

— Получивъ письмо, я его прочелъ на улицѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ присутствіи Мордовскаго. Онъ захотѣлъ „своими глазами“ прочесть, я имъ позволилъ, но они захотѣли что-то съ этимъ письмомъ сдѣлать „своими руками“ — этого я имъ не могъ позволить. Вотъ тогда-то зонтикъ уважаемой Ольги Алексѣевны захотѣлъ имѣть какое-то касательство къ моей физіономіи и въ результатѣ былъ возвращенъ по принадлежности, хотя и не въ цѣлости, а въ трехъ кускахъ... Такъ позволяется прочесть?..

— Я протестую!—вскочилъ и выкрикнулъ Мордовскій, но, очевидно, не ожидая видѣть свой протестъ уваженнымъ, онъ, какъ ошпаренный, завертѣлся на мѣстѣ, ища шляпу, и бросился вонъ... Ольга Алексѣевна стойко ждала конца и не двигалась.

— Я думаю, что для насъ „документикъ“ Громченка не интересенъ?—спросилъ Камовъ у собранія.

— Конечно, нѣтъ...—послышались голоса.—Богъ съ ними, съ этими „документиками“!..

— Ольга Алексѣевна, разскажите о столкновеніи!—предложилъ Камовъ движеніемъ руки, усаживая не совсѣмъ довольнаго Громченка.

Ольга Алексѣевна встала. Скрестивъ руки, она обвела взглядомъ все собраніе.

— Когда Громченко прочелъ свой „документикъ“, я пожелала сама прочесть и инстинктивно протянула руку къ письму. Громченко ударилъ меня по рукѣ съ крикомъ: „руки прочь! прочь руки!“—Тогда я, не помня себя, дѣйствительно замахнулась зонтикомъ, но Громченко вырвалъ его, изломалъ и бросилъ... въ меня обломки. Это могъ бы подтвердить Мордовскій...

— ...Который тѣмъ временемъ энергично пытался вырвать у меня письмо изъ рукъ?—вскочивъ, спрашивалъ Громченко.

— Этого я не видѣла... да и вообще я съ Мордовскимъ была случайно... Ничего съ нимъ никогда общаго не имѣла и не имѣю...

Это былъ оффиціальный конецъ „мордвы“. Громченко заликовалъ.

Камовъ звонкомъ остановилъ пренія, посовѣщался съ представителями сторонъ и объявилъ:

— Вотъ проектъ второй резолюціи: разсмотрѣвъ инцидентъ Громченко-Мордовскій и Громченко-Ольга Алексѣевна, собраніе выражаетъ мнѣніе, что каковы бы ни были личныя отношенія, физическій элементъ въ ихъ разрѣшеніи не соотвѣтствуетъ цѣлямъ культурнаго общежитія и понижаетъ человѣческое достоинство того, кто къ этомъ элементу прибѣгаетъ... Принимается? Согласные сидятъ...

Всѣ сидѣли. Камовъ продолжалъ:

— Есть къ этой резолюціи два отдѣльныхъ мнѣнія: г. Гордѣева,—а именно, что хотя тотъ господинъ и не явился стороной въ обсуждаемыхъ дѣлахъ, но его поступки не представляются безупречными. Я относительно этого „отдѣльнаго мнѣнія“ полагаю, что оно плохо и непонятно редактировано, но оглашаю его... Есть и „второе отдѣльное мнѣніе“...—При этомъ Камовъ засмѣялся и остановился въ нерѣшительности. Кудрявая его энергично подталкивала сзади, и онъ окончилъ:

— Объявляю собраніе закрытымъ. Вотъ, все-таки, второе мнѣніе г-жи Кудрявой: „Г. Громченка выдрать за уши“. Не пріобщить ли это послѣднее мнѣніе къ моей резолюціи?

— Пріобщить!..—Публика поднялась и зашумѣла. Я пошелъ познакомиться съ Камовымъ. Громченко уже мирился съ Кудрявой.

XIX.—Камовъ и „человѣкъ“ изъ Минска.

Мы пошли рядомъ съ Камовымъ по улицамъ. Онъ мнѣ чрезвычайно понравился. Говорилъ я съ нимъ очень откровенно.

— Вы сегодня вдохнули въ меня новую бодрость. Я уже начиналъ считать затѣянное дѣло почти ерундой. Слышу кругомъ удивительно однообразное брюзжаніе: „бросьте, бросьте“!.. и начали руки опускаться.

Камовъ, слушая это, тихо усмѣхнулся.

— Если бы вы и ко мнѣ за совѣтомъ обратились, то я тоже сказалъ бы: бросьте!—но это не значитъ, что затѣянное дѣло—ерунда. Далеко не такъ. Конечно, оно можетъ быть ерундой и не-ерундой, — все зависитъ отъ личнаго отношенія къ дѣлу... Тѣмъ не менѣе, предположивъ, что у васъ хватитъ настойчивости, терпѣнія надолго, могу вамъ по совѣсти сказать—

мало-результатное дѣло, тоскливая работа... Это — работа „въ прокъ“, для будущаго... безъ непосредственныхъ эффектовъ... Сосредоточиться на такомъ занятіи съ молодыхъ лѣтъ—это жестокость надъ самимъ собой, наконецъ, это путь къ измельчанію, къ истрепанности... Мы вошли въ грустное время, въ эпоху вялыхъ настроеній, и она грозитъ длиться долго. Цѣнемъ живой, шевелящійся и шевелящій человѣкъ, но въ то же время его безконечно жалко, онъ беретъ на себя трагическую роль... Ну, вотъ я дома, не зайдете ли ко мнѣ?—заключилъ онъ, останавливаясь на троттуарѣ.

Камовъ меня очень заинтересовалъ, и я охотно согласился, такъ какъ еще не было десяти часовъ.

Онъ жилъ въ двухъ комнатахъ. У него мы застали много молодыхъ людей. Они тоже пришли съ собранія, но опередили насъ. Съ частью ихъ я былъ уже знакомъ. Среди всѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось тамъ знакомиться, особенно заинтересовала меня одна высокая, очень красивая блондинка съ удивительно-холодными глазами.

Она насмѣшливо накинулась на Камова, едва мы появились.

— А что, Камовъ, видите, мы раньше васъ сюда попали! Я говорила, что вы не ходите, а ползете!

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ! Я хожу, но вы танцуете, галопомъ мчитесь!.. Вотъ и все.

Я попробовалъ было продолжать бесѣду, начатую на улицѣ, но Камова теребили со всѣхъ сторонъ по всякимъ пустякамъ, и я понялъ, что эта компанія не-„политически“ настроена. Тамъ очень мило шутили, тамъ было непринужденно весело, но видно было, что тамъ совсѣмъ иной кругъ интересовъ, чѣмъ у меня.

Я бросилъ попытку серьезной бесѣды въ самомъ началѣ и, такъ сказать, отдалъ Камова въ жертву десяточку разнообразныхъ женскихъ ртовъ съ разнообразными и весело сверкавшими зубами.

— Мы уже съѣли весь вашъ сыръ и масло!—смѣялась холодная блондинка.

— Я выпила у васъ послѣдній стаканъ вина,—докладывала другая...

— А никто не выпилъ моей еще неначатой порціи касторки?—отшучивался Камовъ.

— Мы и ее выпьемъ... если вы будете продолжать серьезныя бесѣды.

Кѣмъ-то поставленный чайникъ сильно парилъ надъ ками-

номъ. Холодная блондинка взяла на себя роль хозяйки и стала хлопотать надъ чаемъ.

— Камовъ! — обратилась къ хозяину дородная брюнетка, высокая, армянскаго типа студентка:—Маня мнѣ сегодня говорила, что вы ей объяснились въ любви,—правда это?

— О, конечно! Я ей сказалъ, что если она посмѣетъ выйти за меня замужъ, то я на другой день повѣшусь отъ... счастья! Можно ли горячѣй излить свои чувства!

Всѣ хохотали... Кто-то подсѣлъ къ піанино—оно тоже имѣлось здѣсь—и сталъ лихо наигрывать модное тогда въ Женевѣ „та-ра-ра-бум-дигей“. Словомъ—шумъ, трескъ, хохотъ, начатая и неоконченная пѣсня, шорохъ платьевъ, три-четыре небольшіе круга вальса двухъ обнявшихся дѣвицъ, мелькающія ноги и руки, скрещивающіеся взгляды,—все это подѣйствовало на меня какъ-то одурманивающе. Голова моя отяжелѣла, и молча, усѣвшись въ уголъ, я лѣниво наблюдалъ вокругъ происходившее.

Блондинка подала мнѣ стаканъ чаю и безучастно спросила:

— Вы устали отъ „этого“ собранія?

— Нѣтъ, я не усталъ... но я неожиданно попалъ въ уголокъ, гдѣ бойко пѣнится жизнь, отъ которой я уже отвыкъ...

Блондинка внимательнѣе поглядѣла на меня.

— Вы говорите тономъ, какъ будто бы, осужденія... Вамъ что-либо не нравится у насъ?.. У насъ легко: политика изгнана!.. Мы или зубримъ, или... или...

— Забавляетесь?—невольно вставилъ я.

— Да, пожалуй... отдыхаемъ, проводя время какъ Богъ пошлетъ...

Она отошла.

Камовъ пододвинулся опять ко мнѣ.

— Неужели же вы осуждаете такое невольное, безвредное... l'expansion de la vie?

— Нѣтъ, я не осуждаю, я просто отвыкъ... Отчего не подурачиться и не пожить пустяками, пожить смѣшкомъ, шуточкой?.. Но я отвыкъ.

— Дайте ему вина! Онъ опять привыкнетъ!...—прозвучалъ чей-то голосъ.

Однако вино было и вправду выпито. Одна дѣвица достала бутылку и показала ее на свѣтъ. Бутылка была пуста. Тогда дѣвица, небольшая ростомъ, со вздернутымъ носикомъ и веселыми глазками, задорно спросила:

— Можетъ быть, вы и изъ пустой... выпьете?!..

— Спасибо! Боюсь, что тогда вамъ не останется очень нужной вамъ влаги...

— Удачно, удачно!—Всѣ опять засмѣялись.

— Господа, онъ говоритъ дерзости, а вы его поощряете! Сказавшій это студентъ опустился на одно колѣно передъ блондинкой и вопилъ:—Любви или чаю!..

— Чаю нѣтъ, а насчетъ любви—поздно. Я завтра выхожу замужъ за Камова. Пусть онъ завтра повѣсится, тогда приходите послѣ-завтра. Я загляну въ ваше сердце. Если оно анатомически вполнѣ правильно, — можетъ быть, тогда я его возьму въ руки и... выброшу за окошко!..

Я почувствовалъ себя окончательно лишнимъ въ этой очень ужъ веселой компаніи, и всталъ, чтобы распроститься. Камовъ удержалъ меня. Онъ чуть-чуть конфузился.

— Посидите, они сейчасъ успокоятся... У насъ тоже иногда бываетъ серьезно-интересно!—онъ провелъ рукой по лбу, будто отгоняя что-то отъ себя.

— Камовъ, отпустите его,—онъ глядитъ какъ послѣ похоронъ!—смѣялась дѣвица, угощавшая меня изъ пустой бутылки.

Тогда я усѣлся и сказалъ:

— Нѣтъ, я не послѣ похоронъ, а передъ похоронами!

— Передъ какими?—вызывающе подбоченилась дѣвица.

— Передъ похоронами лучшихъ традицій нашего студенчества... Я вижу, что если въ Россіи, подъ кровомъ торжествующаго деспотизма, въ университетѣ въ гору пошла и держитъ себя съ побѣдной развязностью „бѣлая подкладка", то и здѣсь, подъ защитой „чужой свободы", не менѣе побѣдно изъ-подъ верхней скромной юбки высовывается кончикъ щегольской, шолковой голубой...

— Гдѣ, гдѣ у меня кончикъ шолковой юбки? — чуть смущаясь, но смѣясь, заговорила дѣвица, поворачиваясь.

— Ну, конечно, ты таки носишь шолкъ! — вставила блондинка.

— Ношу... Кому какое дѣло?

Она отретировалась. Но настроеніе я все-таки испортилъ этой компаніи. Стало тише, сдержаннѣе.

Камовъ угрюмо молчалъ. Потомъ, отпивъ чаю, отставилъ его и заговорилъ:

— Вѣрно. Реакція вездѣ торжествуетъ... Но я думаю, что есть реакція и законная.. Вспомните, какія жертвы понесла наша молодежь. Сколько исковерканныхъ жизней! Рядъ поколѣній провелъ свою молодость въ страшныхъ мытарствахъ! Отрекались

отъ всего, отъ всѣхъ усладъ жизни, и несли свою дань тоски и крови къ алтарю того безпощаднаго Молоха...

— Который и сейчасъ еще живъ и требуетъ дальнѣйшихъ жертвоприношеній!...—окончилъ я его фразу и добавилъ:—Поглядите на меня, я вѣдь не старикъ?

— Лѣтъ на пять моложе меня!—горько улыбнулся Камовъ.

— Однако, вотъ, я отвыкъ отъ такого „воздуха“, который совсѣмъ неожиданно нашелъ здѣсь!..

Я показалъ рукой кругомъ.

Дѣвица, уличенная въ пристрастіи къ шелкамъ, опять вмѣшалась въ разговоръ:

— Господа, что̀ онъ нанялся грубіянить здѣсь?! Давайте, прогонимъ его отсюда! Надя!—обратилась она къ другой веселой дѣвицѣ:—смѣйся ему въ одно ухо, а въ другое буду я хохотать... Сбѣжитъ—не выдержитъ!

Этотъ проектъ остался, однако, безъ отголоска. Камовъ мнѣ возразилъ серьезно:

— И вы не исключеніе. Тѣмъ не менѣе, теперь расширилось поле борьбы, разложилось ея бремя; эту тягость понесетъ не только молодежь, но и пролетаріатъ, а потомъ, можетъ быть, часть этой исторической повинности упадетъ и на плечи мужика... Вдумайтесь въ это и не осуждайте очень, если нашей молодежи наскучило тосковать по-граждански... Конечно, я первый бы ужаснулся, если бы увидѣлъ, что молодежь эта въ массѣ, а не въ личностяхъ, начинаетъ терять свой боевой идеализмъ...

— Она его теряетъ... И вотъ почему предусмотрительная исторія выдвигаетъ теперь на сцену иную силу, и въ авангардѣ этой силы идетъ опять-таки молодежь, но другая—рабочая...

Мы еще поговорили на эту тему. Однако, говорили только я и Камовъ, остальные слушали молча, а можетъ быть, и не всѣ одинаково внимательно. Часу въ двѣнадцатомъ я всталъ и началъ прощаться. Въ это время изъ первой комнаты появилась все та же дѣвица и, смѣясь, доложила:

— Камовъ!.. Тамъ пришелъ кто-то... желаетъ васъ видѣть, говоритъ: „Скажите, человѣкъ изъ Минска пріѣхалъ!..“ „Человѣкъ“ изъ Минска... это любопытно!..

Камовъ поднялся, и мы вмѣстѣ вышли къ „человѣку“ изъ Минска.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, брюнетъ еврейскаго типа, безъ бороды и безъ усовъ, съ темными невеселыми глазами.

— Здравствуйте,—сказалъ Кассовскій.—Вы меня помните?—не совсѣмъ хорошо по-русски проговорилъ юноша. Онъ былъ одѣтъ

не только бѣдно, но ужасно убого. Камовъ внимательно вглядывался въ него, но, очевидно, не припомнилъ его.

— Помните, года три тому назадъ, когда васъ исключили изъ кіевскаго университета, вы жили въ Минскѣ и давали уроки раввиновой дочкѣ Сарѣ?.. Помните еврейскаго мальчика Кассовскаго, котораго вы даромъ научили читать по-русски? Это—я...

— А! — вспомнилъ Камовъ. — Здравствуйте, здравствуйте! Садитесь.

Кассовскій сѣлъ. Я тоже остался; меня заинтересовалъ этотъ юноша.

— Что же вы? — спросилъ Камовъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Собираетесь въ Америку? Трудно теперь вамъ, евреямъ, въ Россіи...

— Всѣмъ трудно,—тихо отвѣтилъ Кассовскій.—Но я не въ Америку, я сюда пріѣхалъ...

— Охъ, трудно здѣсь жить!..—сокрушался Камовъ.

— Да я не жить пріѣхалъ, а учиться!..—Кассовскій задумчиво поглядѣлъ на нѣсколькихъ человѣкъ, выглядывавшихъ изъ дверей на „человѣка“ изъ Минска. Онъ какъ будто понялъ праздность ихъ вниманія и спокойно сказалъ Камову:

— Если имъ интересно поглядѣть на меня,—онѣ могутъ сюда войти...—Онъ кивнулъ головой на любопытныхъ дѣвицъ.

Камовъ чуть покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Ничего, ничего... Это мои товарищи... Тоже учатся!..

— Тоже учатся?.. — недовѣрчиво удивлялся Кассовскій и снова поглядѣлъ на дверь, но тамъ уже никого не было.

— Да, учатся химіи, медицинѣ, философіи.

При перечисленіи этихъ наукъ глаза Кассовскаго засверкали какой-то жадностью.

— Я тоже хочу учиться химіи, физикѣ, медицинѣ, философіи, астрономіи...

Камовъ засмѣялся. Юноша осѣкся, и его восторженность схлынула мгновенно. Онъ спросилъ:

— Вы думаете—я не способный? Я могу выучить наизусть двадцать-пять страницъ въ день и повторить ихъ слово въ слово, и даже сказать, какая строчка какимъ словомъ начинается.

— Да, да, я помню, что вы очень способны, но всего знать нельзя, жизни не хватитъ на всѣ науки...

— Я буду учиться полдня и ночь!..—Кассовскій выговорилъ это, словно обѣтъ какой давалъ,—торжественно.

— Почему же полдня? — Камовъ съ большимъ интересомъ началъ разглядывать своего собесѣдника.

— Полдня я буду работать, чтобы имѣть хлѣбъ, кровъ и платье... Я умѣю изъ трехъ сутокъ двое съ половиной подъ-рядъ работать!.. Я пробовалъ!..

Въ тонѣ его не было хвастовства, онъ былъ очень искрененъ и увѣренъ. Камовъ онѣмѣлъ и только спустя нѣсколько мгновеній проговорилъ:

— Такъ нельзя. Это сверхъ силъ человѣка.

— Я пробовалъ,—упрямо повторилъ Кассовскій.

Безполезность спора была очевидна. Камовъ развелъ руками.

— Наконецъ, нѣтъ въ этомъ надобности. Вы можете учиться день, а ночь—спать. Какъ-нибудь проживете!

— Безъ работы?

— Ну, понятно, разъ вы рѣшили учиться—работать, зарабатывать уже некогда! Вамъ помогутъ.

— Мнѣ ничьей помощи не надо!—Юноша гордо скрестилъ руки на груди.

— Ну, это пустяки. — Камовъ всталъ и прошелся по комнатѣ.—Безъ помощи чужой далеко не уѣдете...

— Я доѣхалъ до Женевы безъ всякой помощи. Я умѣю голодать и работать. Когда я иду или ѣду, я голоденъ; но когда я останавливаюсь, то работаю и бываю сытъ... Я работалъ въ Бродахъ, въ Лембергѣ, въ Краковѣ, въ Вѣнѣ, въ Мюнхенѣ, а голодалъ только въ промежуткахъ между ними...

— Вы когда выѣхали сюда изъ Минска?

— Въ прошломъ году въ это же время.

Мы оба всплеснули руками.

— Чѣмъ же вы зарабатывали на дорогу и на жизнь въ этихъ городахъ?.. Вы ремесленникъ?

„Человѣкъ“ изъ Минска отрицательно покачалъ головой.

— Я умѣю только шапки шить!..

Наступило долгое молчаніе. Кассовскій, вѣроятно, вспоминалъ свой долгій и трудный путь до Женевы отъ Минска. Его брови сдвинулись и вся физіономія дышала необыкновенной рѣшительностью. Камовъ въ волненіи то садился, то вставалъ.

— А эти дѣвушки—вдругъ снова спросилъ Кассовскій, кивая на сосѣднюю комнату,—эти дѣвушки, которыя учатся,—это, вѣроятно, дочери фабрикантовъ, заводчиковъ, чиновниковъ? Да?

— Конечно, тамъ есть всякія.

— Для чего онѣ учатся?

Камовъ не ожидалъ этого вопроса.

— Для знанія! — раздался изъ другой комнаты громкій отвѣтъ. Тамъ, очевидно, прислушивались и слышали эту бесѣду.

Кассовскій грустно усмѣхнулся.

— Ну, а я пришелъ учиться для *незнанія*: чтобы міръ *не зналъ*, что такое голодъ, холодъ, болѣзни, чтобы не было фабрикантовъ, заводчиковъ, чиновниковъ, чтобы было человѣчество— одно цѣлое!

— Вы гдѣ остановились? — перебилъ его Камовъ и добавилъ:—вы можете пока остановиться у меня...

— Благодарю. — Кассовскій всталъ. — Я нигдѣ не остановился еще... Только я пойду ночевать къ одному еврею; онъ здѣсь покупаетъ старые штаны и жилеты и шьетъ изъ нихъ новыя шапки.

— Но, можетъ быть, вамъ нужно немного денегъ? Вы не отказывайтесь, пожалуйста. Я—вашъ старый учитель!

Камовъ, сконфуженно улыбаясь, сталъ рыться въ карманѣ. Но Кассовскій и денежную помощь отклонилъ.

— У меня есть полтора франка. Я ихъ заработалъ у того же шапочника!

Наступило долгое молчаніе, прерванное Кассовскимъ:

— Я васъ объ одномъ попрошу...

Лицо Камова нѣсколько просвѣтлѣло.

— Дайте мнѣ стаканъ воды... съ солью... Я еще сегодня ничего не ѣлъ, и меня немного тошнитъ, а потомъ вы мнѣ разскажете, какъ мнѣ начать учиться... Я свободенъ полдня: до обѣда или послѣ обѣда...

Онъ долженъ былъ бы сказать:—до стакана воды... съ солью, или послѣ этого стакана.

Въ Минскѣ таки, очевидно, водились люди!...

Камовъ вышелъ и вернулся со стаканомъ воды, съ булкой, съ кускомъ ветчины и съ солью, и все это уставилъ на столъ передъ Кассовскимъ.

Тотъ посолилъ воду и выпилъ.

— Благодарю...

— Закусите же!—предложилъ Камовъ, но гость былъ неумолимъ. Тогда Камовъ, усиленно растирая себѣ виски пальцами,— сказалъ:

— Относительно наукъ я сейчасъ вамъ совѣта никакого не могу дать, но завтра я васъ навѣщу. Скажите, гдѣ живетъ этотъ вашъ еврей, шапочникъ?

Кассовскій сказалъ адресъ, потомъ подалъ намъ руку и направился къ выходу.

Дѣвицы и студенты опять стояли въ дверяхъ и провожали глазами этого „человѣка“.

— Скажите!—обратился ко мнѣ Камовъ:—что это? Сонъ... сказка... легенда?..

— Дѣйствительность!.. Мрачная, страшная, но безконечно красивая въ своей фантастической непримиримости... Именно та дѣйствительность, которую не прикроешь шолковой юбкой, не опьянишь изъ пустой бутылки вина, не запоешь до самозабвенія пѣсней...

Я пожалъ руку Камову и пошелъ... Онъ торопливо говорилъ:

— До свиданія, до свиданія!..

Спустившись съ лѣстницы, я сверхъ всякаго ожиданія нашелъ у выхода Кассовскаго. Онъ какъ будто поджидалъ именно меня. Это и было такъ. При моемъ появленіи онъ заговорилъ:

— Мнѣ показалось, что вы тоже собирались выйти оттуда,—онъ показалъ на верхъ,—и я ждалъ васъ!.. Скажите мнѣ, гдѣ я могу переночевать недорого? Уже поздно, пожалуй неудобно безпокоить стараго шапочника,—онъ тоже трудящійся человѣкъ и уже спитъ навѣрное... Кромѣ того, у него семья... Нѣтъ ли гдѣ-нибудь по близости какой-либо дешовенькой гостинницы?

У меня мелькнула іезуитская мысль.

— Гостинницы я не знаю, но я самъ недавно пріѣхалъ и плачу очень недорого за свой ночлегъ... Это довольно далеко.

— Сколько вы платите?

— Пятьдесятъ сантимовъ!—не сморгнувъ и не засмѣявшись, внушительно сказалъ я и прибавилъ:—Это немножко дорого, но, можетъ быть, хозяйка пуститъ васъ и дешевле,—сантимовъ за тридцать!

„Человѣкъ“ изъ Минска подумалъ и сказалъ:

— Да, это мнѣ по средствамъ.

Мы пошли рядомъ. По дорогѣ я его разспрашивалъ о его путешествіи изъ Минска. Онъ охотно разсказывалъ. Трудное было это путешествіе. Юноша вездѣ встрѣчалъ полную готовность поэксплуатировать его и почти нигдѣ не встрѣтилъ просто побратски предложенную помощь. Онъ безсознательно ожесточился. И страннымъ образомъ примирясь съ порядкомъ глубоко имъ испытанныхъ отвратительныхъ человѣческихъ отношеній, онъ оказывался, фактически, непримиримымъ врагомъ иныхъ отношеній, именно тѣхъ, о которыхъ онъ мечталъ для всего человѣчества... Братство „только для себя“, „братство“ въ тѣсномъ кружкѣ—онъ глубоко ненавидѣлъ это,—онъ признавалъ братство только для всечеловѣчества...

Все это мнѣ показалось завязкой для большой и близкой

трагедіи. Онъ шелъ очень медленно. На стаканѣ воды съ солью далеко не уйдешь!.. Мы долго шли. Собственно я былъ радъ, что мы придемъ къ „ночлегу" среди ночи. Я боялся, что Анна Николаевна испортитъ мнѣ мой хитрый планъ... Я разсчитывалъ, что она уже спитъ, но, увы, оказалось, что она ждала меня.

Я отрекомендовалъ ей Кассовскаго, какъ человѣка, нуждающагося въ ночлегѣ, и прежде, чѣмъ она что-либо отвѣтила, я быстро ей сказалъ:

— Мнѣ вамъ нужно сказать пару словъ!

Анна Николаевна крайне растерялась и изумленно глядѣла то на меня, то на Кассовскаго, но послѣдовала за мной въ ея комнату. Тамъ я быстро объяснилъ ей, въ чемъ дѣло.

Когда мы опять вышли, Анна Николаевна, розовѣя и не глядя Кассовскому въ глаза, отвѣтила:

— За ночлегъ съ васъ я возьму сорокъ сантимовъ.

— Нельзя ли тридцать?.. Вѣдь я только на ночь!

— Не могу!..—Анна Николаевна юркнула въ свою комнату. Я опять пошелъ за ней. Она бросилась въ постель, истерически смѣясь, а потомъ кончила слезами, но я ее быстро привелъ въ себя.

— Его нужно накормить, онъ страшно голоденъ... Я не знаю, какъ это сдѣлать. Онъ что-то очень подозрительно оглядывается. Необходимо убѣдить его въ „чистотѣ" дѣла. Пойди, спроси у него деньги за ночлегъ, остальное я самъ устрою.

Анна Николаевна оправилась, и мы опять вышли къ Кассовскому. Онъ сидѣлъ въ нашей общей комнатѣ, но оглядывался какъ-то очень недовѣрчиво.

— Давайте ваши деньги!—холодно проговорила Анна Николаевна.

Кассовскій отсчиталъ ей, она пересчитала плату и ушла, сказавъ:

— Устраивайтесь здѣсь какъ хотите.

Кассовскій проводилъ ее угрюмымъ взглядомъ.

Я внимательно слѣдилъ за нимъ, чувствуя, что комедія разыграна нѐ совсѣмъ хорошо. Однако Кассовскій думалъ о другомъ.

— Какъ люди нетерпѣливы на деньги!..—угрюмо проговорилъ онъ и уже безъ всякихъ „подозрѣній".

— О, да! А моя хозяйка въ особенности жадна; оттого-то у нея и обстановка такая,—вонъ и музыка, и всякая такая буржуазность!..—Я показалъ вокругъ, и вдругъ, по внезапному вдохновенію, прибавилъ:—Слушайте, а не заварить ли намъ чаю?

Хозяйка ужъ больше не вернется сюда. Я знаю, гдѣ у нея спиртъ, чай и сахаръ!.. Хлѣбъ есть у меня... А? какъ вы думаете?.. Не грѣшно пока ее наказать сантимовъ на десять; можно будетъ ей завтра и заплатить...

Кассовскій былъ очень голоденъ. Онъ не раздумывалъ и кивнулъ головой. Вѣдь онъ ни у кого не одолжался! Я сталъ устраивать чай. Чайникъ словно поторопился закипѣть, и скоро Кассовскій сталъ жадно ѣсть хлѣбъ.

— Слушайте!—предложилъ я.—Дайте мнѣ десять сантимовъ, я спущусь къ кухаркѣ хозяйкиной, внизъ, и принесу хорошій кусокъ мяса! Я иногда самъ такъ обѣдаю...

Онъ, не говоря ни слова, далъ мнѣ десять сантимовъ, и я принесъ ему великолѣпный кусокъ ростбифа. Кассовскій, какъ волкъ, не разглядывая, истребилъ его...

Черезъ четверть часа, онъ мгновенно отяжелѣлъ, и я его почти съ закрытыми глазами, почти спящаго, довелъ до своей кушетки, на которую онъ и упалъ какъ мертвый...

— Спитъ?—спросила меня Анна Николаевна, когда я прошелъ къ ней.

— Спитъ.—И я изложилъ ей, какъ мнѣ удалось накормить страннаго „человѣка“ изъ Минска...

XX.—Ночь и день.

— А вѣдь завтра онъ, пожалуй, догадается обо всемъ, даже если ты и не возвратишь ему его несчастныхъ полъ-франка!— сказала Анна Николаевна.

— Пусть догадывается.

— Неловко.

— Пустяки, какъ-нибудь выпутаюсь!

— Конечно, этой ловкости у тебя хватитъ, но не лучше ли будетъ ему сказать правду и возвратить деньги? Вѣдь онъ поѣлъ и спитъ... Это все, что̀ нужно пока!.. Если онъ самъ догадается о шуткѣ, какую съ нимъ сыграли, онъ еще больше можетъ ожесточиться; а если съ нимъ хорошенько поговорить, это, наоборотъ, его можетъ и перевоспитать немножко.

— Я подумаю объ этомъ...

Затѣмъ мы оставили Кассовскаго въ покоѣ. Я изложилъ ей результаты и ходъ собранія. Особенно я подчеркивалъ странную для меня роль молодого Гордѣева.

— Чтò ему-то отъ меня нужно, почему онъ присталъ къ „мордвѣ“?

Анна Николаевна выступила осторожно въ защиту его. Во-первыхъ, по ея словамъ, изъ Парижа, отправившись по слѣдамъ брата, онъ имѣлъ лишь письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, которая должна была ему помочь въ розыскахъ. Такимъ образомъ, онъ прежде всего попалъ къ ней. Во-вторыхъ...

Она нѣсколько подумала, прежде чѣмъ начать изложеніе „во-вторыхъ“. Она помолчала, я ждалъ.

— Во-вторыхъ, Ольга Алексѣевна тебя очень нехорошо ему аттестовала, и это понятно. Она разсказала ему извѣстный тебѣ случай, въ искаженномъ видѣ и не называя себя, какъ пострадавшую... Съ ея словъ Гордѣевъ могъ тебя считать отъявленнымъ негодяемъ!..

— Конечно. Все это я понимаю...

Я самъ испугался холода, которымъ вдругъ повѣяло отъ моего тона. Для Анны Николаевны онъ былъ тоже неожиданъ, она встрепенулась, присѣла на краю постели и спросила чуть внятно:

— Чего же ты не понимаешь?

— А вотъ чего...

Я перевелъ духъ, но ледъ моихъ словъ дѣлался тверже и звонче:

— Гордѣевъ знаетъ, что мы не чужіе люди, ты и я?..

Анна Николаевна кивнула головой, и взглядъ ея, испуганно дрогнувъ, пошелъ мимо меня. Она уже схватила линію моей мысли.

— И онъ, тѣмъ не менѣе, передалъ тебѣ извращенную исторію обо мнѣ?.. Интересно. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что „случай“ тебѣ извѣстенъ?

— Не знаю, можетъ быть и такъ.

— Какой же смыслъ былъ передавать тебѣ то, чтò ты уже знала? Какая цѣль?

Анна Николаевна молчала.

— Теперь допустимъ болѣе вѣроятное. Гордѣевъ передалъ тебѣ „извращенный“ въ его представленіи фактъ, полагая, что ты не знаешь о негодяйствѣ близкаго тебѣ человѣка. Съ извѣстными оговорками можно, пожалуй, признать такое желаніе Гордѣева похвальнымъ и благороднымъ. Ему „извратили“, онъ передалъ тебѣ „извращеніе“ въ цѣляхъ освѣдомить тебя: чтò такое человѣкъ, котораго ты полюбила. Но дальше?... Ты какъ приняла это „извращеніе“? Ты могла закрыть ему ротъ съ первыхъ же словъ, ты могла его выслушать и сказать ему: „не вѣрьте извращеніямъ клеветниковъ!“.. Какъ ты отвѣтила ему?

— Именно такъ! Посовѣтовала не торопиться принимать съ довѣріемъ то, что̀ исходитъ отъ Ольги Алексѣевны.

— Превосходно. Но онъ отнесся къ этому безъ особеннаго довѣрія. Это очевидно, ибо вынесъ онъ извѣстное уже тебѣ „отдѣльное мнѣніе“... Значитъ, уваженіе къ тебѣ не помѣшало ему въ этомъ... Полагаю, что я вправѣ просить тебя передать ему, чтобы онъ избѣгалъ встрѣчи со мной въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я не могу открыто выразить ему своего отношенія къ его „благородству“, которое для меня весьма сомнительно...

Послѣднее я прибавилъ въ виду того, что Гордѣевъ уже дважды заходилъ къ намъ, чтобы сопровождать Анну Николаевну въ больницу, къ его брату.

— Спокойной ночи!

Я вышелъ и прошелъ въ общую комнату. Я не легъ. Я зналъ, что не усну. Я гулялъ по комнатѣ вплоть до разсвѣта. Въ результатѣ этого хожденія взадъ и впередъ было страшное убѣжденіе, что наша совмѣстная жизнь не долго продлится. Я не могъ бы обосновать этого убѣжденія, не могъ бы найти его элементовъ, но оно стало передо мной въ кристально-законченной формѣ.

„Но она въ такомъ положеніи!“

Этотъ протестъ не помогалъ; я былъ увѣренъ, что вижу темное будущее. На ряду съ этимъ, тѣмъ же свѣтомъ освѣтились для меня и нѣкоторые моменты прошлаго.

Я вспомнилъ „важное рѣшеніе“, о которомъ заговорила со мной на кладбищѣ Анна Николаевна, и для меня почти ясно было, что это рѣшеніе состояло въ одномъ словѣ: „распрощаемся“!.. Она не сказала этого слова, ибо почувствовала себя дурно, и мигомъ сообразила истинную причину этого недомоганія. Она услышала тотъ же протестъ: „я беременна“!.. Но между мной и Анной Николаевной это не надолго могло измѣнить дѣло...

Все это было для меня ясно, какъ и то, что мы „распрощаемся“ не потому, что разлюбили другъ друга. Въ себѣ я начиналъ чувствовать большую любовь къ этой женщинѣ, любовь ростущую, но рядомъ съ ней росли и другія чувства, въ которыхъ пока я разобраться не могъ.

При полномъ свѣтѣ дня я вскипятилъ воду для чая и разбудилъ Кассовскаго. Онъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Поздно?..

— Нѣтъ, еще не поздно даже для шапочника. Идемъ чай пить.

Онъ безъ слова послѣдовалъ за мной. Когда онъ напился и

наѣлся, я рѣшилъ покончить съ „шуткой“, которую вчера сыгралъ надъ бѣднымъ юношей, рѣшилъ покончить быстро и сильно.

— Слушайте, у васъ есть франкъ?.. У меня ничего нѣтъ: дайте мнѣ половину!—сказалъ я ему.

Онъ не выразилъ удивленія, досталъ монету и только проговорилъ:

— Размѣнять надо.

Я взялъ франкъ въ руку, опустилъ ее въ карманъ, захватилъ пятьдесятъ сантимовъ—„плату“ за ночлегъ—и, вынувъ все это, положилъ передъ Кассовскимъ.

— Тутъ полтора франка!..—крикнулъ онъ, нѣсколько изумленный.

— Да. Здѣсь вашъ франкъ и ваши пятьдесятъ сантимовъ, которые вы вчера заплатили за ночлегъ и мясо. Хозяйка этой квартиры—моя жена; она — идейный человѣкъ, она тоже мечтаетъ о братствѣ всего человѣчества. За деньги она никого къ себѣ не пуститъ... Вы вчера были голодны, усталы, больны и злы... Мы не хотѣли попусту спорить съ вами. Вотъ почему я обманомъ привелъ васъ сюда. Вы спали на моей постели. Возьмите ваши деньги и помните, что принимать и оказывать помощь—это двѣ неразрывно связанныхъ стороны одной и той же цѣли—развитія въ человѣчествѣ солидарности и взаимопомощи. Сойдите со своей непримиримой точки зрѣнія. Это нѣсколько фальшивая высота, вродѣ того, что задрать носъ и косить глазами на весь міръ, ничего не видя передъ собой... Этакъ можно зацѣпиться за первый камень и раскроить себѣ носъ... Я пріѣхалъ сюда не изъ Минска, а изъ Сибири, я выѣхалъ безъ денегъ, какъ и вы, но я доѣхалъ въ четыре мѣсяца, а вы—въ двѣнадцать... Я нигдѣ не отклонялъ товарищеской помощи—не имѣете никакого нравственнаго права отклонять эту помощь и вы... Вѣдь дали же вы мнѣ половину своего франка? Это обязываетъ васъ брать и у другихъ, у кого есть деньги и кто ими можетъ дѣлиться.

Кассовскій всталъ, задумчиво выслушалъ меня, забралъ свои деньги и, крѣпко пожавъ мою руку,—молча ушелъ...

Я былъ увѣренъ, что онъ еще ко мнѣ придетъ. Черезъ нѣкоторое время вышла и Анна Николаевна. По ея лицу я видѣлъ, что она провела тоже безсонную ночь. Нѣсколько разъ она пугливо взглядывала на меня; вѣроятно, она боялась, что я захочу продолжать ночную бесѣду, но я ей спокойно разсказалъ о томъ, какъ я разыгралъ свою „шутку“ надъ Кассовскимъ.

Она одобрила меня кивком головы и потомъ добавила:

— Очень хорошо. Такъ и лучше: безъ фальши, безъ изворотовъ, хоть и ловкихъ, но излишнихъ и путающихъ жизнь. Такъ лучше: прямо въ точку!

Вслѣдъ за этимъ ей подали городское письмо.

— Отъ Гордѣева! — тихо проговорила она, пробѣгая открытку.

Я остался безучастнымъ. Анна Николаевна добавила:

— Меня просятъ обязательно быть сегодня въ больницѣ... Тамъ должны рѣшить: переводить ли Гордѣева въ санаторій недалеко отъ Женевы...

Она замолчала и словно ждала чего-либо съ моей стороны.

— Значитъ, и ты въ этомъ имѣешь рѣшающій голосъ?..

— Да... Я стала какъ-то необходима больному; при мнѣ онъ чувствуетъ себя легче, лучше и производитъ впечатлѣніе умственно вполнѣ здороваго, а безъ меня онъ волнуется, все старается припомнить то, что̀ не оставило никакихъ слѣдовъ въ его памяти—свою жизнь во время болѣзни...

— Ты пойдешь, значитъ?..

— Какъ ты думаешь?

Мы смотрѣли другъ на друга. Я понялъ значеніе момента: я могъ сказать ей—иди, могъ сказать—не иди. Это рѣшало бы дѣло окончательно и безповоротно. Но я не считалъ себя вправѣ сказать ни то, ни другое, и отвѣтилъ:

— Ты должна не меня спрашивать объ этомъ...

Она подумала и спросила:

— Ты что̀ намѣренъ сегодня дѣлать?

— Сейчасъ я сяду за работу.

— Ну, значитъ, я тебѣ сейчасъ не нужна: ты такъ поглощаешься работой, что не замѣтишь ни моего присутствія, ни отсутствія; слѣдовательно, я могу спокойно отправиться туда, гдѣ мое присутствіе замѣтнѣе и нужнѣе!..

Послѣднее она выговорила безъ горечи, но съ грустной улыбкой.

Это былъ несомнѣнный конецъ всего.

Она встала. Поднялся и я и спросилъ:

— Скажи, ты имѣешь право въѣзда въ Россію?..

Въ эту минуту мнѣ показалось, что я снова вижу будущее, столь же ясное, какъ то было ночью, но только еще настойчивѣе и неизбѣжнѣе. Анна Николаевна при моемъ вопросѣ изумленно поглядѣла на меня, но отвѣтила:

— Раньше не имѣла, но теперь, кажется, могу... Дѣла,

связанныя съ именемъ покойнаго мужа, окончательно заглохли, ликвидированы... Почему ты спросилъ объ этомъ?

У меня явилась настоятельная, жгучая потребность показать и ей линію нашего будущаго.

— Это я спросилъ такъ... Весьма скоро ты можешь получить предложеніе отъ Гордѣева сопровождать его больного брата до Россіи, а можетъ быть—и въ Россію, потому что, à la longue, ты дѣйствительно можешь сдѣлаться необходимымъ условіемъ его „умственнаго здоровья"... Нѣтъ ли у тебя чего-либо сказать по этому поводу мнѣ?

Послѣднее я прибавилъ, вспомнивъ, что она беременна и что она мнѣ еще объ этомъ не сообщала.

— Ничего,—протяжно отвѣтила она и вышла изъ комнаты.

Съ бѣшеной энергіей я принялся послѣ этого за работу; такъ общественное дѣло выигрываетъ иногда отъ личныхъ потерь. Моя рукопись росла, листы вылетали изъ-подъ пера, какъ изъ-подъ пущенной полнымъ ходомъ машины. Писалось удивительно легко. Изрѣдка я откидывался отъ стола, дѣлалъ глотокъ табачнаго дыму и снова бросался за работу.

Отъ работы оторвалъ меня знакомый, спокойный голосъ, неожиданно раздавшійся за моей спиной:

— Можно къ вамъ?

Я быстро обернулся.

Въ дверяхъ стояла... сама, собственной особой, Ольга Алексѣевна...

Визитъ!!

На мгновеніе я лишился зрѣнія, слуха, дара слова. Когда я пришелъ въ себя, Ольга Алексѣевна была уже въ комнатѣ и стояла у стола.

— Пусть васъ не очень удивляетъ мое присутствіе. Я буду говорить прямо. Вы меня на смерть оскорбили, какъ женщину. На почвѣ общественной вы стали моимъ врагомъ и пока... побѣдили. Что̀ мнѣ остается дѣлать?..

Я развелъ руками.

— Погодите. Я ставлю дополнительный вопросъ: ваше мнѣніе обо мнѣ, какъ о личности? Я требую прямого отвѣта.

Она была очень интересна въ этой новой роли. Я отвѣтилъ:

— Въ смыслѣ общественныхъ качествъ—вы стойки, мужественны, рѣшительны, дѣятельны и практически-умны... Если бы не общая ненормальность обстановки нашей съ вами жизни здѣсь, вы были бы очень полезны въ любомъ дѣлѣ.

— Такъ. Теперь, послѣ пораженій, что̀ мнѣ остается сдѣлать?

Я молчалъ. Она глядѣла на меня твердымъ, упорнымъ взглядомъ и продолжала:

— Придти и... выстрѣлить въ васъ... отомстить за себя, по крайней мѣрѣ, какъ за женщину...

Съ этими словами она положила передо мной на столъ небольшой никкелированный револьверъ съ костяной изящной рукояткой.

— Съ такимъ рѣшеніемъ я и шла сюда. Но у вашего дома рѣшимость моя испарилась по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мнѣ стало жаль васъ, какъ общественную единицу—вы цѣнный человѣкъ; во-вторыхъ... во-вторыхъ, я сообразила, что мстить именно такимъ образомъ—это не моя идея, это—чужое вдохновеніе... За послѣдніе дни одинъ господинъ упорно и долго сосредоточивалъ мою мысль на томъ, что именно такъ наказываютъ „истинныя женщины" такихъ, какъ вы!.. Онъ приблизительно зналъ, какъ поступили вы со мной...

При этихъ словахъ я вспомнилъ не Мордовскаго, а Гордѣева.

— Да, такъ вотъ,—продолжала Ольга Алексѣевна,—онъ мнѣ и говоритъ, что, въ крайнемъ случаѣ, вы заслужили отъ меня пощечину, а для „самозащиты" предложилъ этотъ свой револьверъ... Я принесла его вамъ... Это не значитъ, что я отказываюсь отъ мщенія,—я отказываюсь отъ такого...

Она чуть пододвинула ко мнѣ револьверъ. Я взялъ его въ руки и сказалъ:

— Слабое оружіе; оно годно развѣ на воробьевъ... только!

— Вѣроятно. Теперь еще одно слово... Въ вашемъ присутствіи Громченко бросилъ въ меня гадкимъ обвиненіемъ и, вѣроятно, по свойству своего языка, разсказывалъ вамъ фантастическія повѣсти обо мнѣ... Тамъ одна—правда: я помогала одной своей товаркѣ избавиться отъ результатовъ „страстной", но весьма непрочной мужской любви; эта товарка, дѣйствительно, умерла, но въ ея смерти я не считаю себя болѣе виновной, чѣмъ сбѣжавшій „страстный" мужчина... Видите, я собираюсь вамъ безпощадно отомстить и въ то же время, такъ сказать, дорожу вашимъ мнѣніемъ обо мнѣ... До свиданія!

Она повернулась и тихо вышла, оставивъ меня въ глубокомъ раздумьи. Потомъ я положилъ револьверъ въ небольшую коробку отъ конвертовъ и, обернувъ газетой, завязалъ.

Работать я уже не могъ послѣ этого визита... Къ обѣду пришла Анна Николаевна. Она была очень взволнована и сообщила мнѣ:

— Больной Гордѣевъ ни за что не хочетъ въ санаторій; онъ боится, что тогда я буду рѣже бывать у него... Что̀ мнѣ дѣлать? Вѣдь, въ концѣ концовъ, на самомъ дѣлѣ, необходимо его пріучить къ моему отсутствію?

Я ей ничего не отвѣтилъ.

Обѣдъ прошелъ молча. Я ожидалъ, что Анна Николаевна потомъ уйдетъ къ себѣ, но она осталась въ общей нашей комнатѣ и вдругъ спросила:

— Отчего ты все молчишь: обдумываешь работу?

— Нѣтъ, я оставилъ работу.

— Что̀ же съ тобой?.. Почему ты вдругъ сталъ отъ меня прятать не только дѣйствія, но даже чувства и мысли? Или въ самомъ дѣлѣ...

Она не окончила и глядѣла на меня глазами тусклыми, невеселыми.

— Что̀ „въ самомъ дѣлѣ"?

Съ неестественной улыбкой Анна Николаевна проговорила:

— „Разстаться настало намъ время"?..

— Нѣтъ, я думаю, что это „время" не настало, но я боюсь, что мы можемъ „разстаться" безвременно, безъ активныхъ усилій съ нашей стороны... Но я молчалъ не потому, что прячу свои дѣйствія, мысли и чувства... Меня поразилъ одинъ фактъ, случившійся въ твое отсутствіе. У меня была Ольга Алексѣевна...

— Зачѣмъ?

— Сообщить мнѣ, что она рѣшила мнѣ мстить безпощадно. Это, конечно, общій результатъ ея визита. Подробности не интересны.

— Странный же она человѣкъ!

Послѣ этого Анна Николаевна тоже задумалась и замолчала.

— Скажи, что̀ за человѣкъ молодой Гордѣевъ?—спросилъ я.

— Очень неумный, ограниченный... Очень озлобленный, но не противъ существующихъ условій жизни, а противъ... идеаловъ... Но брату онъ преданъ беззавѣтно. Вообще, у нихъ въ семьѣ очень боготворили старшаго Гордѣева; это былъ своего рода культъ... Младшій и выросъ въ этой обстановкѣ. Онъ говоритъ, что, еслибъ понадобилось, онъ всю свою кровь отдалъ бы брату...

Мы долго и довольно мирно бесѣдовали и на эту, и на другія темы. Неожиданно появился въ квартирѣ швейцарскій мальчикъ; онъ спросилъ Анну Николаевну и подалъ ей записку.

— De la part de m-r Gordéeff!..

Анна Николаевна, чуть поблѣднѣвъ, вслухъ прочла:

„Вопросъ разрѣшенъ. Я нанялъ двѣ комнаты недалеко отъ васъ, и мы съ братомъ уже здѣсь. Не заглянете ли вы сейчасъ же къ намъ на новоселье?“

Прочтя, она немедленно же написала: „Сегодня я не могу“. Когда Гордѣевскій посланецъ ушелъ, она, прямо-таки въ отчаяніи, заломивъ руки, проговорила:

— Что̀, что̀ мнѣ дѣлать?..

Анна Николаевна производила впечатлѣніе человѣка, борющагося съ чѣмъ-то неминуемымъ. Я молчалъ. Она, наконецъ, не выдержала и обернулась ко мнѣ странно-гнѣвная.

— Да не будь же ты такъ пассивенъ!.. Говори что-нибудь!

Я пожалъ плечами.

— Сказать: „иди!“ — этого̀ у меня нѣтъ ни на умѣ, ни на сердцѣ. Сказать: „не ходи!“ — этого я тоже не могу. Гордѣевъ тяжко боленъ!.. Ты — отличный человѣкъ, и тебя именно за это поймала судьба и держитъ какъ въ капканѣ, а младшій Гордѣевъ, конечно, тебя не пожалѣетъ.

— И ты хочешь остаться равнодушнымъ зрителемъ?

— Равнодушнымъ — нѣтъ! Но моя воля парализована; я не знаю, что̀ въ тебѣ, ка̀къ?.. Ты меня упрекнула въ томъ, что я отъ тебя прячу какія-то свои дѣйствія, мысли и чувства, но пока еще я отъ тебя не пряталъ никакихъ своихъ „важныхъ рѣшеній“... Ты понимаешь, я говорю о томъ, что̀ осталось недосказаннымъ тамъ, на кладбищѣ?

Анна Николаевна чуть взялась рукой за грудь и глубоко вдохнула въ себя воздухъ. Я подождалъ ея отвѣта и закончилъ:

— Ольга Алексѣевна забыла у меня какую-то вещь, которая принадлежитъ, насколько я понялъ, младшему Гордѣеву. Будь добра передать ему при первой встрѣчѣ, потому что тебѣ не миновать ихъ... этихъ Гордѣевыхъ!

Я вынесъ ей конвертную коробку съ револьверомъ и, одѣвшись, пошелъ изъ дому...

XXI. — Кудрявая.

Я зашелъ къ Громченку. Мнѣ давно хотѣлось заглянуть въ финансовую сторону нашего предпріятія, которая легла всецѣло на его плечи. Громченко, однако, отсутствовалъ; на столѣ лежали у него двѣ записки: одна — „Была у васъ и съѣла вашъ сыръ, масло и хлѣбъ“; другая — „Кто хочетъ меня видѣть по какимъ-либо важнымъ дѣламъ, найдетъ меня у Кудрявой. — Громч.“

„Помирились!“—подумалъ я и рѣшилъ направиться по указанному адресу.

Противъ ожиданія, у Кудрявой Громченка еще не было.

— Вѣроятно, сейчасъ придетъ; посидите, потолкуемъ отъ скуки...

Я усѣлся и спросилъ:

— Давно помирились?

— Съ Громченкой?.. Послѣ того какъ мы васъ судили... А вы знаете, значитъ, и то, за что̀ мы поссорились?

Кудрявая внимательно въ меня вглядѣлась.

— Знаю.

— Не правда ли, онъ—большой нахалъ?

— Да, ужасно легкомысленный и невоздержный на языкъ человѣкъ,—согласился я, смѣясь и смягчая ея слова.

— О!.. Невоздержный на языкъ?!.. Онъ просто нахалъ, настоящій нахалъ... Я люблю называть вещи собственными именами... Впрочемъ,—спохватилась она,—я должна васъ предупредить: отъ сегодняшняго утра мы объявляемъ себя... мужемъ и женой!

— Ого!..—вырвалось у меня, но я сейчасъ же спохватился и добавилъ:—Поздравляю...

Кудрявая нѣсколько смущенно засмѣялась и проговорила:

— Васъ удивило мое „объявленіе“? Громченко, вѣроятно, довольно подробно посвятилъ васъ въ причины нашей ссоры?

Я кивнулъ головой. Она продолжала:

— Но онъ навѣрное одного не сказалъ вамъ... Онъ какъ-то при мнѣ торжественно клялся, что ни за что не сошелся бы съ женщиной... съ женщиной...—Она замялась и вдругъ, вся повернувшись ко мнѣ и глядя прямо въ мои глаза, окончила:— Ну, все равно, изъ пѣсни слова не выбросишь:—которая знала уже трехъ мужчинъ!.. Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ!.. Теперь онъ наказанъ какъ слѣдуетъ, и я торжествую. Пусть же будетъ четвертымъ!

Однако торжество ея было нѣсколько сомнительно. При послѣдней фразѣ по лицу ея прошли болѣзненныя гримаски, и вдругъ она прямо поставила вопросъ:

— Ну, а вы какъ относитесь къ праву женщины мѣнять мужчинъ,—одного, ставшаго непріятнымъ, на другого, который кажется угоднымъ?

— Вопросъ сложный...—проговорилъ я.

— Однако?..

— Ей Богу, не знаю, что̀ сказать. Вотъ, поживу, погляжу, подумаю,—тогда, пожалуй, отвѣчу.

— Ну, а теоретически?—настаивала Кудрявая.

— Теоретически,—женщина не менѣе мужчины имѣетъ право искать удовлетворяющихъ ее условій „спарованной“ жизни до тѣхъ поръ, пока не устанетъ сердцемъ и душой...

— Да, вотъ это — такъ!.. Вы вспомните: вашъ братъ, въ большинствѣ случаевъ, приходитъ къ намъ уже съ опытностью въ извѣстной сферѣ, онъ уже видѣлъ всякіе виды,—аскетизмъ-то среди нашей молодежи не очень процвѣтаетъ,—такимъ образомъ, у васъ больше данныхъ для надлежащаго выбора, чѣмъ у насъ... Тѣмъ не менѣе, вы часто ошибаетесь, мѣняете поэтому свою „половину“, ищете новыя условія „спарованной“—какъ вы сказали — жизни, въ которыхъ ваша личность съ меньшими потерями, съ меньшимъ треніемъ могла бы существовать для совмѣстныхъ цѣлей... Неужели же можно „женщину“ лишить такого права „опытнымъ“ путемъ выбирать себѣ „пару“?.. Вѣдь мы какъ отдаемся мужчинѣ? Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! А чѣмъ побѣдилъ? Очень часто—красивой усмѣшкой, теплыми глазами, хорошо спѣтой пѣсней, а иногда—весело сказаннымъ анекдотомъ! Да, да, не улыбайтесь, это такъ! До замужества мы всѣ—круглыя дуры! Начинаемъ умнѣть уже послѣ „свадьбы“ и совсѣмъ умнѣемъ, когда понесемъ въ себѣ зародышъ будущей новой жизни; но тогда уже поздно продолжать „опыты“: дѣлается высокъ тотъ порогъ, который мы переступаемъ, отдаваясь вамъ... Съ ребятами никуда нѣтъ пути, и начинается долгая мучительная трагедія! Но если ребятъ нѣтъ по тѣмъ или инымъ причинамъ...— Она остановилась—входилъ Громченко.

— Тогда,—закончила она,—тогда можно десять безпутныхъ отбросить, чтобы, наконецъ, остановиться на одиннадцатомъ путномъ!..

Громченко поздоровался со мной и обернулся къ Кудрявой.

— Это не по моему ли адресу?

— Нѣтъ, Громченко, вы въ *число* еще не входите!

Кудрявая засмѣялась и куда-то отлучилась.

— Ну?—повторилъ я.

Громченко хихикнулъ и проговорилъ.

— Чортъ надо мной шутитъ: вотъ, взялъ и съ бабой теперь связался.

— Дѣло доброе.

— Будто?— недовѣрчиво глядѣлъ на меня пріятель и добавилъ: — Ну, тогда и чортъ, вѣдьма бъ его взяла, благодѣтелемъ бываетъ... Но все-таки смѣшно: вчера былъ себѣ вольный казакъ, а сегодня вдругъ... „мужъ“!.. Чортъ знаетъ, какое скверно-

ное слово! Подумаешь: одинъ человѣкъ—человѣкъ! А два человѣка уже... не люди, а „супруги". Тьфу, дрянь какая!..

Онъ шутя и серьезно былъ почему-то не въ духѣ. Я поспѣшилъ выйти на сцену съ нашими „финансами".

— Плохи, батенька, наши дѣла. Концовъ съ концами не сведемъ; какъ я ни бьюсь, а уже франковъ на триста въ дефицитѣ... Что̀ сдѣлаемъ?.. Эхъ, батенька, напрасно вы этого Митрова отшили! Шестьсотъ франковъ намъ было бы теперь кстати, а то сейчасъ нужно либо любительскій спектакль въ пользу кассы отжарить, либо въ Парижъ на гастроль поѣхать, авось тамъ найдемъ какіе ни на есть фи...нансы!

Мы еще потолковали на эту тему и рѣшили, во-первыхъ, „спектакль жарить", а во-вторыхъ и гастроль въ Парижѣ подготовить. Въ связи съ идеей спектакля я сообщилъ Громченку про компанію Камова.

— Да, для спектакля—подходящая публика, развеселая. Обязательно пристройте ее къ этому дѣлу... А насчетъ Парижа я уже веду съ одной тамошней публикой разговоръ. Вѣдь, я брошюрки-то вездѣ, гдѣ есть хоть капля русскаго, разбросалъ... Теперь уже начали „сочувственныя" письма поступать... Одно изъ Румыніи, два изъ Лондона... Эхъ, кабы только какія ни на есть деньжонки въ руки попали! Вы хоть бы Митровой пару словъ написали—вамъ она не откажетъ!

Я рѣшительно отказался сдѣлать это. Громченко повздыхалъ:

— Да вѣдь деньги у нея шальныя!... Она ихъ зря расшвыряетъ, чего вы церемонитесь! А дѣло безъ круглаго золота подъ собой не далеко покатится.

Но я не внималъ этимъ убѣжденіямъ. Къ моему удовольствію, пришла Кудрявая, и мы перемѣнили мотивъ бесѣды. Кудрявая принесла двѣ бутылки вина и закуску.

— Нужно выпить!—предложила она.

— Да... вспрыснемъ „молодыхъ",—пошутилъ Громченко.— А вы—обратился онъ ко мнѣ,—были очень поражены этимъ?..— Онъ показалъ на себя и на Кудрявую.

— Чуть-чуть.

— А между тѣмъ неожиданнаго здѣсь ничего нѣтъ! Мы съ Лизой — вотъ съ ней, съ г-жой Кудрявой—уже давно другъ на друга поглядываемъ: не попробовать ли, молъ? Поэтому-то и грызлись постоянно. Она мое самолюбіе оцарапаетъ, а я ее за душу ущипну, такъ мы и играли... Результатъ игры на лицо; ну, пожелайте намъ чего-нибудь хорошаго!

Онъ налилъ три стакана вина. Мы чокнулись.

— Пожелаю вамъ полной удачи въ „опытѣ“!..

— Собственно говоря, я твердо вѣрю въ свой „опытъ“... По совѣсти скажу, — говорилъ Громченко послѣ второго стакана вина,—я не люблю этихъ сантиментовъ: современныхъ серенадъ на политически-соціальные мотивы, „разговора душъ“ черезъ „стрѣльбу глазами“, „робкихъ пожатій“ и т. д. Все это— одна пошлость, ей Богу!.. Вотъ она, эта г-жа Кудрявая, меня зацѣпила давно, а сказалъ ли я ей хоть одну нѣжность до вчерашняго вечера?.. Спросите!..

— Однажды назвалъ „идіоткой“, въ другой разъ—обозвалъ „круглой дурой“... Только одинъ разъ разнѣжился и вымолвилъ: „Голубушка, пошли вы къ дьяволу!..“

Смѣялась Кудрявая, смѣялся и я. Громченко, довольный, оправлялъ усы.

— Ну, а какъ вы съ Анной Николаевной поживаете?—неожиданно поставила Кудрявая мнѣ прямой вопросъ.

Онъ меня нѣсколько смутилъ. Драма нашихъ отношеній была еще въ полномъ ходу, говорить о ней я не могъ, однако мнѣ не хотѣлось оскорбить Кудрявую простымъ уклоненіемъ отъ отвѣта.

— На всемъ есть свои облачка, а подъ ними скользятъ и тѣни; иногда мнѣ кажется, что для совмѣстной жизни мало одной любви...

Вотъ все, что я сказалъ. Кудрявая внимательно вслушалась въ мои слова, еще болѣе внимательно посмотрѣла на меня и вздохнула тихонько.

— Вотъ у меня есть гравюра съ отличной скульптурной группы. Я вамъ сейчасъ ее покажу... Вотъ!

Она достала и положила передо мной снимокъ, изображавшій могучую, грубую фигуру женщины, которая, держась прямо и прямо глядя передъ собой, съ жестокой безстрастностью волокла къ неизвѣстному мѣсту, волокла по землѣ безсильно распростертыя тѣла мужчины и женщины. Она держала ихъ за волосы; мужчина слабо сопротивлялся, стараясь остановить безсильной рукой движеніе ступни чудовища, но женщина, съ другой стороны главной фигуры, вполнѣ отдалась на волю неумолимой силы.

— Das Schiksal!..—тихо проговорила Кудрявая.— Судьба!.. Куда она тащитъ ихъ, этихъ несчастныхъ? Къ счастью?.. Что-то непохоже!.. Очень мнѣ нравится эта вещь и часто я на нее смотрю!.. Смотрю и думаю о многомъ... Думаю, напр., и такъ. Любятъ — это даетъ трагедію. Не любятъ — это даетъ долгую, томительную, скучную драму! Гдѣ же выходъ?.. Иногда

кажется, что только въ пониманіи, въ одномъ голомъ, искреннемъ, полномъ пониманіи другъ друга... въ равномѣрномъ признаніи другъ друга!

— А можетъ быть, въ пониманіи при условіи любви? — вставилъ я.

Кудрявая энергично тряхнула головой.

— Нѣтъ! Пониманіе и любовь — не совмѣстимы. Любовь лишь то, чего не поняли, въ любви есть элементъ стремленія къ неизвѣданному,—по крайней мѣрѣ, какъ я эту любовь понимаю... Что̀ такое любовь, какъ слово практическаго употребленія? Это — милліонъ чувствъ самыхъ разнообразныхъ; но, отбрасывая все рѣдко повторяющееся въ жизни отъ одного, что̀ вездѣ присутствуетъ..., въ любви останется только стремленіе къ неизвѣданному наслажденію. Если бы любовь такъ не захватывала воли, если бы воля при любви сохраняла свое послушаніе разуму, я никогда и ни за что не сошлась бы съ человѣкомъ по острому къ нему влеченію... Я боролась бы съ этимъ, какъ съ болѣзнью...

Она какъ-то тоскливо умолкла и продолжала глядѣть на гравюру.

— А вѣдь есть она, эта проклятая баба — судьба! — проговорила она черезъ нѣкоторое время. — Чѣмъ больше живешь, тѣмъ болѣе чувствуешь себя во власти чего-то внѣшняго, что̀ мѣшаетъ тебѣ жить, какъ ты хочешь, какъ считаешь правильнымъ... Возьмите—какъ хорошо и музыкально звучало когда-то: „свобода любви"... Ну, а теперь это уже не звучитъ... нѣтъ цвѣточковъ, пѣсенки умолкли!.. Вотъ хоть васъ взять: вѣдь не прониклись вы огромнымъ уваженіемъ къ Кудрявой, когда вамъ Громченко сказалъ: „она уже трехъ „мужей" отъ себя прогнала"?.. Вы не вспо̀мнили про „свободу любви"? И вы были правы! Кудрявая — не героиня этой „идеи". Она—простой человѣкъ, который попросту и понялъ, что если одно не годится, нужно искать другого, а иначе жить нельзя... нельзя! Нельзя было принести себя въ жертву ни маньяку молчанія, ни благородному празднослову, ни истеричному сластолюбцу!.. Нельзя, понятно, хотя Кудрявая этимъ сознательнымъ „нельзя" ни отъ чего не гарантирована... Есть... das Schiksal!..

Она опять опустила свое простое, доброе лицо къ страшной гравюрѣ, и опять пошли тѣни по этому лицу.

XXII.—Кошка и мышка.

Громченко хлопоталъ очень дѣятельно надъ устройствомъ спектакля. Компанія Камова охотно пошла на эту затѣю. Уже была выбрана пьеса, роли были распредѣлены и шли репетиціи. Я же засѣлъ дома и никуда не двигался.

Какъ-то я спросилъ у Анны Николаевны, передала ли она мой пакетъ младшему Гордѣеву.

— Да, на другой же день. Сначала онъ выразилъ удивленіе, но, надорвавъ уголъ коробки, вдругъ покраснѣлъ, страшно смутился и нѣкоторое время совершенно не могъ отвѣчать на мои вопросы... Такъ я его и оставила, занявшись съ больнымъ... Что̀ тамъ было?.. Ты не знаешь?

Я не хотѣлъ лгать, и молча пожалъ плечами. Этимъ и закончилась бесѣда.

Очень скоро я замѣтилъ, что Гордѣевы, перебравшись къ намъ въ сосѣдство, въ сущности потеряли. Анна Николаевна бывала у нихъ рѣже, чѣмъ раньше посѣщала больницу, а главное, она, очевидно, стало нарочито все увеличивать промежутки между своими посѣщеніями.

По этому поводу ей приходилось, вѣроятно, выдерживать у Гордѣевыхъ энергичныя аттаки; по крайней мѣрѣ, она возвращалась домой странно раздраженная и не скоро успокаивалась. Я ясно представлялъ себѣ ея положеніе и понималъ, что оно—невыносимое.

За день до спектакля, Громченко попросилъ меня побывать на генеральной репетиціи. Я собрался. Передъ уходомъ Анна Николаевна остановила меня.

— Слушай, ты ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы мы временно покинули Женеву?

— Почему?—спросилъ я, не сразу соображая, въ чемъ дѣло.

— Да, видишь ли, эти дни я пробовала постепенно пріучить больного Гордѣева къ своему отсутствію; я стала рѣже его навѣщать, предварительно озаботившись, чтобы у него бывала другая публика, но это ни къ чему пока не повело: онъ волнуется, кто бы ни пришелъ, онъ говоритъ только обо мнѣ, носится съ моей фотографіей... словомъ, проявляетъ много какого-то болѣзненнаго ребячества. Но все это еще куда ни шло бы, я не сомнѣваюсь, что моя система со временемъ дала бы свои результаты; къ сожалѣнію, странную позицію занялъ младшій Гордѣевъ: онъ

нисколько не хочетъ отвлечь вниманіе брата отъ меня, наоборотъ, даже какъ будто поддерживаетъ это, а со мной взялъ странный требовательный тонъ!.. Я больше не могу этого выносить...

— Отлично,—отвѣтилъ я. — Послѣ спектакля мы съ тобой уѣдемъ въ Парижъ, и все будетъ кончено!

— Почему же въ Парижъ именно?—спросила она какимъ-то необычнымъ тономъ.

— Да мнѣ нужно въ Парижъ. Наши финансы издательскіе— въ отвратительномъ состояніи. Громченко имѣетъ какія-то надежды на Парижъ.

— Пустое,—рѣзко отвѣтила Анна Николаевна.—Ничего вы не достанете въ Парижѣ. Денегъ я вамъ могу немного дать.

Я засмѣялся.

— Нѣтъ, денегъ у тебя мы не возьмемъ,—ты вѣдь намъ „не сочувствуешь"!

— Глупости!

Анна Николаевна видимымъ образомъ разсердилась и добавила:

— Я думала уѣхать съ тобой недалеко: въ Бернъ, въ Цюрюхъ. А Парижа я не люблю... Ты куда теперь?

— На репетицію.

— Ну, и я съ тобой!

Она пошла одѣваться.

Поджидая ее, я невольно улыбнулся. Мои недавніе страхи относительно будущаго мгновенно разлетѣлись. „Прозрѣніе" грядущаго, которое такъ меня мучило еще недавно, стало мнѣ казаться пустой фантазіей нервно взвинченнаго человѣка... Das Schiksal спрятало свое каменное лицо.

Когда мы рука объ руку, тѣсно прижавшись другъ къ другу, пошли къ Женевѣ, я не могъ не напомнить Аннѣ Николаевнѣ нашего перваго путешествія рядомъ по Route des Acacias.

— Помнишь ли?—спрашивалъ я.

— О, помню ли я?.. Я не забуду этой лунной ночи!.. Сколько свѣта тогда было впереди, а подъ ногами все-таки путались какія-то черныя тѣни... А вотъ и Арва!.. Помнишь, какъ я ушла отъ тебя?..

Я вспомнилъ ея „бѣгство", и мы молча прошли по мосту. Рѣка, невидимая во мглѣ, сверкая внизу только отраженными пятнами свѣта фонарей, шумѣла о чемъ-то далекомъ, но совсѣмъ близко, почти надъ ухомъ у насъ...

Когда мы пришли въ залъ при кафè, гдѣ не такъ давно еще

меня и Громченка „судили", и гдѣ теперь на эстрадѣ шумѣли студентки Камова—наши „любительницы" драматическаго искусства,—Анна Николаевна, мелькомъ взглянувъ на часы, тихо проговорила:

— Теперь Гордѣевъ уже знаетъ, что меня сегодня не будетъ!

— Развѣ ты ему обѣщала?

— Нѣтъ, но младшій Гордѣевъ въ прошлый разъ сказалъ, чтобы я непремѣнно была у нихъ сегодня... сегодня онъ ждалъ разрѣшенія изъ Россіи вернуться туда больному... Вѣроятно, разрѣшеніе получилось: у нихъ есть связи, есть кому тѣло питать!

Мы подошли ближе къ сценѣ. Репетиція уже началась. Почему-то репетировали не только при полной обстановкѣ, но даже въ костюмахъ.

Больше всего бросилась мнѣ въ глаза фигура холодной блондинки, которую я видѣлъ у Камова. Она была очень эффектна въ длинномъ бѣломъ платьѣ. Голосъ у нея былъ сценическій, и она красиво имъ владѣла.

Мы усѣлись и стали слѣдить за репетиціей. Недалеко отъ насъ помѣстилось еще нѣсколько „цѣнителей", а подальше, въ уголкѣ, я съ удивленіемъ увидѣлъ и Кассовскаго. Во время перерыва онъ подошелъ къ намъ и спокойно поздоровался.

— Ну, какъ ваши дѣла?—спросилъ я.

Кассовскій уже не походилъ на прежняго „человѣка" изъ Минска. Онъ былъ довольно чисто одѣтъ, въ воротничкѣ при галстукѣ, да и физіономія его какъ-то иначе глядѣла. На мой вопросъ онъ отвѣтилъ:

— Живу я все тамъ же, у шапочника. Часть дня работаю, а часть—учусь: по физикѣ и математикѣ со мной Камовъ занимается, а французскому я у нея, у Марьи Васильевны, беру уроки... Хорошіе люди эти студентки!..—добавилъ онъ и какимъ-то страннымъ взглядомъ впился въ свою Марью Васильевну—холодную блондинку, которая въ перерывѣ подготовляла себя къ пластикѣ въ слѣдующемъ актѣ. Не обращая ни на кого вниманія, она дѣлала плавные жесты на открытой сценѣ и красиво играла гибкимъ тѣломъ, которое, казалось, извивалось въ тонкихъ складкахъ роскошнаго платья.

По совѣсти говоря, присутствіе здѣсь Кассовскаго и его непрерывное вниманіе къ этому зрѣлищу мнѣ не очень понравилось. Я спросилъ его:

— Какъ вы сюда попали?..

— А я пришелъ съ Марьей Васильевной послѣ урока; она просила меня, чтобы я ее отсюда домой проводилъ.

— Интересно вамъ? — спросилъ я, показывая глазами на сцену?

— О, да... она такая красивая тамъ... Но дома она лучше, проще; она очень, очень умная! Ну, конечно, она родилась не въ рабочей семьѣ и не все понимаетъ!

Онъ полагалъ, что я его о Марьѣ Васильевнѣ спрашиваю.

„Бѣдный „человѣкъ“ изъ Минска, ты можешь скоро погибнуть!“ — подумалъ я при его неожиданномъ отвѣтѣ. Онъ же опять глядѣлъ жадными глазами, какъ на сценѣ Марья Васильевна распустила свои золотистые длинные волосы и приготовляла ихъ „по пьесѣ“.

— О чемъ ты хмуришься? — тихонько спросила меня Анна Николаевна.

Я теперь тихо отвѣтилъ:

— Я жалѣю о томъ, что старался сбить „непримиримость“ съ этого юноши — Кассовскаго: непримиримость бы ему, пожалуй, не повредила.

Прежде чѣмъ я окончилъ, Анна Николаевна быстро оглянулась, побѣлѣла вся и поднялась.

Я тоже повернулъ голову назадъ.

Черезъ залъ, съ какой-то бумагой въ рукѣ, къ намъ быстро шелъ младшій Гордѣевъ. Анна Николаевна поспѣшно пошла къ нему. Встрѣтились они и остановились недалеко отъ меня. Я слышалъ ихъ разговоръ.

— А вѣдь я за вами, Анна Николаевна!

— То-есть?

— Вы сейчасъ должны ѣхать со мной. Сегодня мы ждали хорошихъ вѣстей изъ Россіи, братъ страшно переволновался. Онъ не успокоился и теперь, когда, наконецъ, принесли телеграмму. Брату разрѣшено вернуться. Но въ вашемъ отсутствіи это произвело на него странное впечатлѣніе. Онъ заявилъ, что безъ васъ онъ не поѣдетъ никуда!.. Опять началъ говорить что-то объ Австраліи, Канадѣ... Ради Бога, поѣдемте со мной сейчасъ! Одинъ видъ вашъ его успокоитъ.

Подъ этимъ натискомъ Анна Николаевна стояла, какъ приговоренная къ смерти. Наконецъ, тяжело опустивъ голову, она вернулась ко мнѣ и тихо, сдавленнымъ голосомъ проговорила:

— Ты слышалъ? Я должна поѣхать, но... это въ послѣдній разъ...

— Ну, поѣзжай! — тихо отвѣтилъ я.

Она еще ниже опустила голову, потомъ поднялась, и гордымъ свѣтомъ блеснули ея глаза.

— Я не боюсь...

Попросивъ меня пораньше быть дома, она пошла за Гордѣевымъ.

Я не глядѣлъ ей вслѣдъ. Я смотрѣлъ на сцену, гдѣ въ роли кокетки холодная блондинка неподражаемо завлекала въ свои сѣти какого-то простоватаго юношу. Я смотрѣлъ ея игру,—могъ бы и теперь ее очень детально описать, — но, смотря на нее глазами, я душой былъ далеко отъ этой дешевой, грязноватой эстрады. Я жилъ и чувствовалъ вмѣстѣ съ Анной Николаевной.

Превосходный человѣкъ! У меня въ ту минуту не было къ ней ни малѣйшаго раздраженія, но мнѣ было безконечно больно за нее.

Das Schiksal!—вспомнилось мнѣ восклицаніе Кудрявой. И я опять видѣлъ эту грубую каменную фигуру безпощадной „бабы", которая наворачивала на свою желѣзную руку тонкіе волосы Анны Николаевны, чтобы увлечь ее къ неизвѣстному мѣсту...

Послѣ второго акта я поднялся съ мѣста, чтобы идти домой.

— Ну, что вы скажете про Марью Васильевну?—спросилъ со сверкающими глазами Кассовскій, поднимаясь съ мѣста и прощаясь со мной.

— Скажу одно: если она въ жизни будетъ дѣлать то же, что въ совершенствѣ продѣлала на сценѣ, съ ея лица нужно содрать ея красивую бѣлую шкурку и выбросить это собакамъ!

Бывшій „человѣкъ" недоумѣло взглянулъ на меня и даже чуть пригнулся, какъ будто бы я его оглушилъ своими словами. Я вернулся домой. Анны Николаевны еще не было. Впрочемъ, я и предполагалъ, что она задержится, попавъ во власть къ безумному человѣку съ его не особенно застѣнчивымъ братцемъ. Она пришла около полуночи. Ужасенъ былъ ея видъ. Измученная, слабая, опустилась она на мои руки, и я ее осторожно отвелъ въ ея комнатку; тамъ я ее уложилъ въ постель, а самъ сѣлъ подлѣ. Она протянула мнѣ руку.

— Ты правъ былъ,—не слѣдовало мнѣ быть сегодня тамъ, но больше я уже не пойду туда. Это Богъ знаетъ что получается!.. О своемъ рѣшеніи я заявила молодому Гордѣеву. Онъ принялъ его со странной усмѣшкой... Они не оставятъ меня въ покоѣ... Мнѣ нужно немедленно уѣхать... Больной не хочетъ слышать объ отъѣздѣ въ Россію, и братъ его тоже настаиваетъ... чтобы я согласилась ихъ сопровождать туда... „Когда мы будемъ дома, вы станете опять свободны. Иначе я не могу его увезти отсюда!" Это—пѣсня безъ конца. Я уѣду...

— Мы можемъ уѣхать хоть завтра!—предложилъ я.

— Въ Парижъ?..

— Куда хочешь... Но въ Парижъ мнѣ необходимо. Я тоже не вѣрю надеждамъ Громченка, но считаю нужнымъ поглядѣть тамошнюю колонію.

— Хорошо, поѣдемъ въ Парижъ. Только не завра, а послѣзавтра, я не успѣю собраться... Прочти мнѣ что-нибудь изъ того, что̀ ты писалъ въ послѣдніе дни! — неожиданно попросила она.

Я исполнилъ ея просьбу. Послѣ довольно долгаго чтенія она совершенно успокоилась и отпустила меня, чуть улыбаясь полными сна глазами.

Среди ночи я поднялся отъ сильнаго стука съ лѣстницы въ дверь. Недоумѣвая, кто бы это могъ быть, — наскоро одѣвшись, я пошелъ, съ лампой въ рукѣ, отворить. Когда на порогѣ я увидѣлъ вдругъ представшую передо мной фигуру молодого Гардѣева, я чуть, было, не запустилъ въ его жесткое, надменное лицо лампой.

— Что̀ вамъ угодно? — спросилъ я тономъ, который заставилъ его отступить нѣсколько. Я воспользовался этимъ и вышелъ на площадку лѣстницы, закрывая собою дверь.

— Что̀ вамъ угодно? — повторилъ я, не сразу получивъ отвѣтъ.

— Разбудите, пожалуйста, Анну Николаевну! — проговорилъ Гордѣевъ тономъ приказанія.

— Нѣтъ, я ее будить не стану. Слишкомъ поздно; она очень устала и почти больна.

— Почти! — иронически выкрикнулъ Гордѣевъ. — Почти!?.. Я долженъ ее видѣть... Пропустите меня, я самъ ее разбужу.

— Вы ее не разбудите. Я не позволю.

Говорилъ я спокойно и поправлялъ фитиль лампы.

Гордѣевъ молча разглядывалъ меня. У него было очевидное желаніе оттолкнуть меня и исполнить свое намѣреніе относительно Анны Николаевны. Однако, у него этой рѣшимости не хватило, онъ счелъ за лучшее вступить въ переговоры.

— Моему брату очень худо!

— Анна Николаевна не врачъ, а около вашего больного она сама больна...

— Она единственный человѣкъ, который можетъ спасти брата... — глухо проговорилъ Гордѣевъ.

— Чѣмъ? — попрежнему спокойно спросилъ я.

— Своимъ присутствіемъ...

— Это присутствіе не можетъ быть вѣчнымъ.

— Оно должно быть настолько постояннымъ или частымъ, какъ того потребуютъ обстоятельства... Дѣло идетъ о спасеніи человѣка, который все отдалъ вамъ, вашимъ идеямъ: умъ, здоровье, всю жизнь!..

Гордѣевъ поднималъ голосъ. Я рѣшилъ окончить эту сцену.

— Будьте добры... возвратитесь къ вашему больному брату... Анну Николаевну я считаю безполезнымъ тревожить,—даже болѣе, считаю ея „присутствіе“ вреднымъ для вашего брата, и этого „присутствія“ больше не будетъ... А васъ прошу болѣе сюда не являться...

Недалеко отъ дверей стоялъ небольшой столикъ съ цвѣткомъ... Я устроилъ на немъ и лампу. Гордѣевъ глядѣлъ злыми глазами. Онъ былъ готовъ броситься на меня. Однако, ясно видя, что я со своей стороны приготовился ко всему, онъ медленно повернулся и сталъ спускаться по лѣстницѣ. Будучи уже совсѣмъ внизу, онъ повернулся и бросилъ мнѣ пронзительно и тоскливо:

— Убійца!..

Я пошелъ къ себѣ и провелъ новую безсонную ночь. Только поздно утромъ я было-задремалъ, но меня поднялъ Громченко.

— Отчего вы вчера такъ рано удрали?.. Вы были необходимы. Дѣло въ томъ, что я разсчитывалъ на ваши способности... Этихъ любительницъ хлѣбомъ не корми, а наговори имъ комплиментовъ, да побезсовѣстнѣе... А я плохъ по этой части, у меня какіе комплименты! Безъ этого она не выйдетъ сегодня играть: у всякаго своя фантазія, а у всякой—цѣлыхъ двѣ!

— Кто эта любительница?

— Марья Васильевна, блондинка...

— А?!.. Ну эта могла узнать мое мнѣніе о „ея талантахъ“ у одного господина—Кассовскаго... Я ему высказалъ всѣ свои самыя непосредственныя впечатлѣнія тамъ же, на репетиціи...

— Они могутъ ей польстить?

— Не вполнѣ!..—засмѣялся я.

— То-то она мнѣ сегодня прислала записку: „Играть не буду“... Просто огорошила: вѣдь главная роль! Все-таки вы, сударь, должны зайти къ ней сегодня сами и сказать, чтобъ она не ломалась, или что-либо другое, но главное, въ томъ же родѣ, а я бѣгу, у меня хлопотъ по горло и безъ этихъ самообивыхъ артистокъ!

Онъ, въ буквальномъ смыслѣ, убѣжалъ. Когда я разсказалъ проснувшейся Аннѣ Николаевнѣ о ночномъ визитѣ младшаго Гордѣева, она не выдержала и проговорила:

— Удивительный...

Однако, относительно Парижа она заговорила болѣе нерѣшительно. Поспавъ, набравшись силы, она очевидно, чувствовала себя болѣе способной къ самозащитѣ.

— Ну, не будемъ очень торопиться!—заявила она:—можетъ быть, теперь меня уже окончательно оставятъ въ покоѣ.

Было несомнѣнно, что поѣздка въ Парижъ не очень ее прельщаетъ, и хотя вчера она соглашалась туда ѣхать, но это сдѣлано было подъ спеціальными впечатлѣніями. Я не сталъ настаивать на очень скоромъ отъѣздѣ, но все же посмѣялся надъ быстрой смѣной ея рѣшеній.

— Видишь ли,—оправдывалась она,—мнѣ не хочется „бѣжать"... „Бѣгство" мнѣ противно вообще, но бѣжать отъ собственнаго неумѣнья вести дѣла съ людьми, подобными младшему Гордѣеву, бѣжать отъ собственнаго безволія, что̀ ли, это мнѣ кажется какимъ-то позоромъ,—ты понимаешь?

Конечно, я понималъ, тѣмъ не менѣе я предупредилъ ее.

— Все же собери все свое мужество: Гордѣевы, или, вѣрнѣе, одинъ Гордѣевъ — младшій — не такъ скоро тебя оставитъ въ покоѣ. Я не знаю, что̀ онъ придумаетъ теперь, но тебѣ еще предстоитъ борьба и—тяжелая!..

— О, я не боюсь теперь!—проговорила она, беря меня за обѣ руки.—Еще нѣсколько дней тому назадъ, мнѣ казалось, что я какъ-то... одна въ мірѣ. Твое отношеніе ко всему этому меня крайне угнетало, но теперь я вижу, что я неправильно объясняла себѣ это отношеніе. Теперь я чувствую себя даже нѣсколько виноватой передъ тобой... Право!.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не видя пустоты вокругъ себя, найдя было-потерянный смыслъ жизни здѣсь, я опять чувствую въ себѣ силы... Я не безвольный человѣкъ, но моя воля функціонируетъ лишь тогда, когда сознаніе удовлетворено... Теперь оно не щемитъ...

Она глядѣла на меня ясными глазами, и спокойной бодростью дышало ея недавно совсѣмъ усталое, смутно-тоскливое лицо. Однако, этой бодрости чего-то не хватало еще. По крайней мѣрѣ, когда я ей сказалъ, что мнѣ сейчасъ нужно въ Женеву, она торопливо проговорила:

— Пойдемъ вмѣстѣ, я тоже кое-куда зайду.

Въ одиночествѣ она еще не рѣшалась испытать свою „проснувшуюся" волю.

Придя въ городъ, мы разошлись. Анна̀ Николаевна пошла къ „своимъ дѣвицамъ", а я повернулъ къ Камову. Я шелъ собственно не къ нему, а къ „любительницѣ"—Марьѣ Васильевнѣ, сказать ей: „не ломайтесь".

Она жила въ томъ же домѣ, гдѣ и Камовъ. Я засталъ ее дома и былъ встрѣченъ необычайно холодно, почему и догадался, что Кассовскій съ угловатостью дикаря передалъ ей цѣликомъ мои впечатлѣнія отъ ея игры на репетиціи.

— Мнѣ передавали, что вы отказались участвовать въ спектаклѣ?—прямо приступилъ я къ дѣлу.

— Отказалась,—былъ не совсѣмъ спокойный отвѣтъ.

— Можно узнать причины?

— Причины не... серьезныя... Просто, показалось противнымъ выступить передъ публикой въ той роли, которую мнѣ дали въ пьесѣ.

— Вамъ ее дали, или вы ее сами выбрали?

— Дали. Упрашивали именно эту роль взять...

— Правильно поступили, роль большая, но вамъ она идетъ, какъ то платье, что было вчера на васъ.

Блондинка искоса поглядѣла на меня и чуть кусала тонкія, не совсѣмъ добрыя губы.

— Можетъ быть... Но все же я твердо, безповоротно, окончательно рѣшила не участвовать въ спектаклѣ,—процѣдила она.

Что̀ было дѣлать по поводу такого рѣшительнаго заявленія? Правда, я ему не очень вѣрилъ и былъ убѣжденъ, что путемъ долгой дипломатіи можно „переубѣдить“ разгнѣванную красавицу. Однако, долгая дипломатія была мнѣ противна. Я поднялся съ мѣста, какъ бы считая разговоръ оконченнымъ.

Этимъ я попалъ въ точку. Такого конца блондинка не ожидала, и когда я ей протянулъ руку, какъ бы прощаясь, она не взяла ее, а торопливо выговорила:

— Вамъ придется отложить спектакль.

— Зачѣмъ же?—увѣренно проговорилъ я.—Я сейчасъ пойду, добуду вашу роль, прочту ее и самъ выступлю вечеромъ,—конечно, не въ своемъ, а въ женскомъ платьѣ... Я сыграю роль немного хуже вашего, но тому причиной будутъ мои усы, борода и т. д. Это превратитъ драму въ веселый водевиль, но... это не большая бѣда!

Марья Васильевна засмѣялась.

— Вы это сдѣлаете?

— Честное слово! Больше: я самъ, передъ поднятіемъ занавѣса, выйду къ публикѣ и объявлю, что Марья Васильевна чѣмъ-то больна, и ея роль будетъ исполнена мной.

Блондинка до слезъ хохотала; она живо представила себѣ меня на сценѣ въ бѣломъ платьѣ съ трэномъ, въ кокетливыхъ сценахъ потрогивающимъ свою бородку.

Я ей снова протянулъ руку на прощаніе.

— Нѣтъ. Садитесь, поговоримъ! — вдругъ серьезно сказала она мнѣ.—На такой исходъ я не могу согласиться.

Я сѣлъ послушно.

— Какой же другой предложите вы намъ?

XXIII.—Холодная блондинка.

— Вы знаете истинныя причины моего отказа?

— Сейчасъ только слышалъ.

— Ахъ, нѣтъ, не то! — нетерпѣливо шевельнулась Марья Васильевна на мѣстѣ. — Причина, конечно, та, что̀ я сейчасъ сказала: мнѣ опротивѣла роль, но поводъ для этого... вы его знаете, догадываетесь?

— Откуда это мнѣ!?..—Я сдѣлалъ самое невинное лицо.

— Вы что̀ сказали вчера Кассовскому о моей игрѣ?

— Сказалъ, что если вы и въ жизни такая, какъ на сценѣ, то съ васъ нужно снять вашу бѣлую и красивую кожицу и выбросить ее собакамъ.

Блондинка, слушая мой отзывъ отъ меня самого, метнула мнѣ довольно краснорѣчивый взглядъ.

— Ну, что̀ это такое? Вѣдь это очень оскорбительно!

— Чѣмъ же?—ангельски-наивно недоумѣвалъ я.

— О, вы отлично понимаете: чѣмъ!?

Она встала съ мѣста и прошлась по комнатѣ. Мнѣ вдругъ захотѣлось ее окончательно взбѣсить, и я спокойно проговорилъ:

— Допустимъ, что понимаю... Но вѣдь я былъ правъ: если вы такая въ жизни, то съ вами надлежитъ поступить—какъ я сказалъ!..

Марья Васильевна, какъ тигрица, повернулась и, чуть нагнувшись, сверкая глазами, глядѣла на меня. Она молчала, какъ будто у нея вдругъ языкъ отнялся.

— Въ томъ, что̀ вы сказали, было и другое,—наконецъ разрѣшилась она:—въ вашихъ словахъ былъ намекъ на то, что я именно такая и есть... Кто вамъ далъ право?..

Я тоже поднялся.

— Этотъ разговоръ мнѣ не нравится... Какое въ сущности вамъ дѣло до того, что̀ я сказалъ Кассовскому? Вы можете говорить обо мнѣ съ двадцатью Кассовскими, и пусть они мнѣ дословно передаютъ ваши отзывы обо мнѣ,—право, я по поводу

этого не стану васъ допрашивать, а главное, въ своихъ дѣйствіяхъ спокойно пройду мимо всего этого.

— А!!..

Только всего и выговорила Марья Васильевна. Потомъ церемонно поклонилась.

— Merci...

— Не за что. Прикажете мнѣ учить „вашу“ роль?

Она глядѣла на меня и, наконецъ, выпрямляясь, выговорила:

— Нѣтъ, я воспользуюсь урокомъ, который вы мнѣ сію минуту дали... Я пройду „мимо“ вашего мнѣнія... Я играю!

Я еще разъ поклонился и хотѣлъ выйти, но она, какъ оскорбленная королева, движеніемъ руки остановила меня.

— Погодите, вы меня проводите на репетицію... У насъ сегодня будетъ еще одна частичная; вчера не все гладко вышло...

Я ее подождалъ, и мы вмѣстѣ вышли. По улицѣ мы разговаривали, какъ будто ничего и не произошло между нами.

— Не нравится мнѣ Женева,—говорила Марья Васильевна:—скучная она какая-то—прѣсная! Я говорю про женевскую Женеву, а не про русскую... Узьма правильно толкуетъ символы женевскаго герба... Вы знаете этотъ гербъ?—Половина орла на щитѣ и ключъ... Узьма говоритъ: полкурицы и ключъ отъ погреба!.. Это—городъ содержателей гостинницъ и лакеевъ,—право!.. Здѣсь все приспособлено ко вкусамъ иностранцевъ, достаточно уже отжившихъ, съ подагрой, съ ревматизмомъ, съ астмой, требующихъ тишины, бульона и слабыхъ винъ... Я жалѣю, что здѣсь обосновалась... Хочется иного воздуха...

Въ этомъ стилѣ она долго говорила, пока мы не наткнулись на неожиданное шествіе...

По улицѣ, по мостовой шагалъ, запрягшись въ ручную тележку, Кассовскій. Телѣжка была нагружена всякимъ имуществомъ. За ней медленно шли высокій, нѣсколько сгорбившійся старикъ и рядомъ съ нимъ дѣвушка...

Я остановился, какъ пораженный молніей. Въ дѣвушкѣ я узналъ слѣпую изъ корчмы на русской границѣ, а въ старикѣ—„Пана Жида“, при помощи котораго я перебрался черезъ границу.

Такъ вотъ кто былъ шапочникъ, у котораго остановился „человѣкъ изъ Минска“! Я очень обрадовался этому открытію и не менѣе неожиданной встрѣчѣ. Однако я удержался и не подошелъ сейчасъ же къ нимъ. Марья Васильевна глядѣла на Кассовскаго равнодушнымъ взглядомъ; тотъ шагалъ, понурясь, но вдругъ онъ поднялъ голову и увидѣлъ насъ; онъ будто испугался

и, еще ниже склонившись къ мостовой, съ силой двинулъ телѣжку въ противоположную сторону.

Я поглядѣлъ, чуть улыбнувшись, на свою спутницу. Она поймала мой взглядъ и прошептала, хватая меня за руку повыше локтя:

— Уберите вашъ смѣшокъ, не то я... его сорву съ вашихъ губъ и брошу тоже... собакамъ!..

При этомъ я чувствовалъ ея тонкіе пальцы въ своемъ мускулѣ какъ что-то острое...

„Несомнѣнно кошачьей породы!" — мелькнуло у меня. Мы ускорили шаги, и скоро я ее оставилъ въ залѣ нашего вечерняго зрѣлища.

До вечера было еще далеко, я не зналъ, какъ убить время, и пошелъ по улицамъ, пока меня не остановила нагнавшая меня Кудрявая.

— Чтò это у васъ такой „занятой" видъ? — смѣясь, спросила она.

— А вотъ время убиваю!

— Милое занятіе... серьезное! Въ такомъ случаѣ пойдемъ ко мнѣ, у меня есть „хлѣбная" переписка, я тороплюсь ее окончить, вы мнѣ почитаете, а я попишу!.. Не хотите? Скучно?..

Я засмѣялся.

— Ну, Богъ съ вами! Я пошутила, но все-таки пойдемте ко мнѣ: у меня гость есть — одинъ сердитый господинъ изъ Россіи, пріѣхалъ сюда вербовать террористическую дружину! Тоже затѣя! Но вы съ нимъ познакомьтесь—интересный!.. Вы станете спорить между собой, а я буду переписывать тѣмъ временемъ.

Сердитый господинъ изъ Россіи—конечно, интереснѣе этого ничего не могло быть. Я отправился съ Кудрявой.

„Господинъ" оказался, дѣйствительно, очень сердитымъ на видъ. Онъ глядѣлъ исподлобья и былъ украшенъ рыжеватой бородой; безволосыя брови его были мрачно сдвинуты. Онъ подалъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Кое-что слышалъ о вашемъ побѣгѣ... Ну, чтò—какъ вамъ за-граница — пришлась по вкусу? Въ Россію назадъ „бѣжать" не собираетесь?

Я отвѣтилъ, что „за-границы" еще не раскусилъ, а „бѣжать" въ Россію пока не считаю нужнымъ.

— Тамъ все тихо, застыло,—заключилъ я.

— Нужно расшевелить, разогрѣть! — заговорилъ „господинъ".—Нельзя же сидѣть сложа руки... Существуютъ остатки

недавней революціонной арміи—здѣсь, въ Сибири,—все это нужно собрать въ Россіи и пойти снова въ бой, ибо настроеніе можно поднять только „дѣломъ", а какое же другое дѣло при современныхъ условіяхъ возможно?

— Вы сейчасъ пріѣхали откуда?—спросила Кудрявая, быстро переписывая какую-то французскую рукопись и не отрываясь отъ работы.

— Я изъ Россіи... Но я уже побывалъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ.

— И что вамъ *тамъ* сказали?..

— Въ Лондонѣ сказали: „не время—только провалитесь и другихъ провалите"... Въ Парижѣ, обжегшись объ Ландезена, теперь на пальчики дуютъ!.. Вотъ я и пріѣхалъ сюда; слышу, что-то новое, молодое здѣсь появилось,—вотъ и рѣшилъ посмотрѣть!

— Ну, молодого, новаго здѣсь—засмѣялся я—пока два съ половиной человѣка и около трехъ отпечатанныхъ брошюръ...

— Всякое число съ единицы пошло...—сентенціозно замѣтилъ „господинъ". Словомъ, я предложилъ бы вамъ оформить вашу программу, и тогда мы, то-есть я и тѣ, кто со мною въ Россіи, свяжемся съ вами...

Въ это время какъ-разъ пришелъ Громченко.

— Ну, что, спѣваетесь?—спросилъ онъ у гостя.

— Споемся!—рѣшительно заявилъ тотъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!—говорилъ. Громченко, устало опускаясь за столъ.—Тьфу, какъ упарился!.

Онъ сталъ отирать дѣйствительно потный лобъ, потомъ, не говоря ни слова, пододвинулъ къ себѣ рукопись, съ которой писала Кудрявая.

— Оставьте!—запротестовала та.

— Но вы вчера весь вечеръ переписывали, часть ночи и сегодня все утро!.. Давайте, теперь я попишу.

Между ними завязалась борьба изъ-за ручки. Наконецъ, Кудрявая, смѣясь, уступила.

Кудрявая продолжала разговоръ съ господиномъ изъ Россіи, но у меня вдругъ пропалъ всякій вкусъ къ этой бесѣдѣ. Я слѣдилъ, какъ пишетъ Громченко. Писалъ онъ, очень смѣшно склоняя голову набокъ, открывъ ротъ и играя кончикомъ языка между зубами.

— Ну, какъ это вы уломали Марью Васильевну? — тихо спросилъ онъ меня, видя мое безучастное отношеніе къ „серьезному" разговору: — сказали ей, что она... красавица?.. Играетъ

какъ... какъ... Дьяволы! ни одной актрисы по имени не знаю!.. Позоръ!.. А вѣдь она невѣстой Камова считается! Только — дудки, Камовъ не дуракъ, тертый калачъ, онъ цѣну такимъ дѣвицамъ знаетъ!!.

— А какая имъ цѣна?—тихо спросилъ я.

— Цѣна!?.. Пять минутъ и ни секунды больше... „L'histoire a son idéal..."—читалъ Громченко въ рукописи и продолжалъ:

— Да, да, Марья Васильевна, великолѣпная красавица, и хочетъ горбатаго Камова именно потому, что тотъ ея не хочетъ!... Съ женщинами, значитъ, это возможно; но возможно ли это съ L'histoire, чтобъ ей... жида въ печенку!

Такой неожиданный финалъ разсмѣшилъ меня.

— Громченко, вы юдофобъ!?

— Брр!.. Очень отличная нація... Но по этому пункту я никогда и ни съ кѣмъ не бесѣдую!

Въ это время Кудрявая въ спорѣ почти закричала:

— Пустяки! Первое марта, только оно вызвало торжество реакціи...

— Оно поставило идею революціи передъ глазами всего народа! — громко говорилъ господинъ. — Не брошюрки—пропаганда, а факты, факты, факты!

— Г-жа Кудрявая, остригите ваши ногти! Г-нъ пріѣзжій, обрѣйте вашу бороду! — останавливалъ спорящихъ Громченко. Самъ онъ горячо спорилъ, но надъ чужимъ горячимъ споромъ посмѣивался.

Спорщики, однако, не обратили на него никакого вниманія. Кудрявая, попрежнему горячась, говорила:

— Вы съ вашей идеей организовать террористическій налетъ отсюда—изъ-за границы — это лучшая характеристика момента, его полнаго безсилія...

— Невѣрно! Я сюда лишь потому пріѣхалъ, что здѣсь народъ, видавшій виды, потрепанный, опытный народъ, съ крѣпкой выхоленной ненавистью въ душѣ...—возражалъ ея партнёръ.

— Пустое! здѣшній народъ... духовные инвалиды!.. Этому народу куда?!.. Скорѣй подъ юбку къ бабѣ, къ очажку, посидѣть, погрѣться, отдохнуть; что̀ вы тамъ толкуете? Что̀ вы знаете?... Уѣдете себѣ ни съ чѣмъ, если уѣдете еще!.. Это тоже вопросъ большой.

— Уѣду и не одинъ, дюжину готовыхъ на все хлопцевъ увезу съ собой—больше не надо!... Вотъ увидите!

Господинъ изъ Россіи, скрестивъ руки, ходилъ по комнатѣ.

Вечеромъ мы всѣ отправились на спектакль; придя туда,

усѣвшись передъ небольшимъ занавѣсомъ, я напрасно оглядывалъ ряды публики—Анны Николаевны не было видно. Я невольно обезпокоился. Но передъ самымъ началомъ спектакля ко мнѣ протиснулась Рязанова и зашептала надъ ухомъ:

— Анна Николаевна просила вамъ передать, чтобъ вы не тревожились,—она прошла прямо домой.

Въ ту же минуту взвился занавѣсъ и на сценѣ предстала передо мной Марья Васильевна. Она была безподобно хороша и повела игру съ увлеченіемъ. Иногда мнѣ казалось, что я ловилъ ея взглядъ на себѣ. Сидѣлъ я въ первомъ ряду. Послѣ каждаго дѣйствія ее энергично вызывали и награждали аплодисментами. Камовъ также помѣстился недалеко отъ меня; я нѣсколько разъ оборачивался въ его сторону. Онъ сидѣлъ сонно, лѣниво глядѣлъ на сцену, и мнѣ, въ своей согнутой позѣ, этотъ маленькій, горбатый студентъ, дѣйствительно, показался „тертымъ калачомъ“, какъ его опредѣлилъ Громченко.

Всякія побочныя мысли мнѣ не помѣшали просмотрѣть пьесу съ большимъ увлеченіемъ и интересомъ. Марьѣ Васильевнѣ нельзя было отказать въ сценическомъ темпераментѣ, и я невольно подумалъ:

„Какого чорта она пошла по „наукѣ“, когда ея несомнѣнное мѣсто—около кулисъ??!“

По окончаніи спектакля Марью Васильевну долго вызывали, и она нѣсколько разъ появлялась и раскланивалась.

Я поспѣшилъ за кулисы.

Я очень горячо поблагодарилъ Марью Васильевну за участіе въ спектаклѣ и поздравилъ ее съ „колоссальнымъ“ успѣхомъ.

— А вѣдь и вправду чертовски отлично сыграла!—пробормоталъ и Громченко.

Марья Васильевна слабо улыбнулась и пошла смывать гримъ и переодѣться.

— Пока двѣсти франковъ входныхъ; вотъ неизвѣстно, что̀ дастъ буфетъ!?—проговорилъ Громченко и опрометью исчезъ за какими-то фантастическими сине-красными деревьями на сценѣ. Я тоже пошелъ прочь, но меня остановилъ голосъ Марьи Васильевны изъ полу-открытой двери въ ея уборную.

— Зайдите сюда на минуту!

Я вошелъ въ небольшую комнату. Тамъ изъ-за ширмы выглядывала Марья Васильевна своими сильно подведенными глазами.

— Ну, скажите *теперь* ваши впечатлѣнія, пока я буду приводить себя въ порядокъ... для жизни—отъ сцены...

— Удивляюсь вамъ!.. Вотъ мое впечатлѣніе.

— Чему собственно?

— На что вамъ какая-то анатомія? остеологія?.. Ваше мѣсто — на подмосткахъ, это — ваше очевидное призваніе; притомъ, у васъ есть всѣ данныя: голосъ, красота, фигура!.. Право, вы пошли не по своей дорогѣ!

Марья Васильевна не сразу отвѣтила. Сначала я слышалъ только плескъ воды, потомъ она сказала:

— Я не люблю этого... искусства, не люблю! И эти хлопки сегодня меня раздражали... Вы мнѣ вѣрите?

Въ тонѣ ея было много искренности.

— Вѣрю, — отвѣтилъ я.

— Я вѣдь уже попробовала сцену, — вновь проговорила Марья Васильевна послѣ нѣсколькихъ всплесковъ воды.

— Да?..

— Да, и покинула ее, чтобъ заняться наукой.

Я слушалъ ее съ ростущимъ вниманіемъ.

— Но и наука меня не удовлетворяетъ...

Какими-то сумерками повѣяло на меня отъ этого. Она добавила:

— Ну, скажите: куда мнѣ идти?

— Это вы серьезно спрашиваете? — нѣсколько подумавъ, проговорилъ я.

— Очень серьезно. Я хочу хоть одному человѣку показать себя такой, какая я на самомъ дѣлѣ. Я выбираю васъ, — вы ничего не имѣете противъ?

— Ничего, хотя и не знаю, чѣмъ заслужилъ я ваше довѣріе.

— На этотъ вопросъ я не отвѣчу.

Съ этимъ она вышла ко мнѣ, уже переодѣтая, просто зачесанная, со свѣжимъ и опять-таки холоднымъ лицомъ.

— Теперь проводите меня въ залу... Тамъ уже танцуютъ!

Дѣйствительно, изъ зала доносились звуки музыки и шумъ танцующихъ.

Мы вошли. Пары кружились по срединѣ. Кругомъ стояла молодежь нетанцующая или отдыхающая. Было свѣтло, ярко, мелькали лица, ноги и руки. Все было полно веселымъ движеніемъ.

— Вотъ это меня увлекаетъ! — Марья Васильевна кивнула головой впередъ.

— Танцы?

— Нѣтъ, не спеціально танцы, а жизнь... настоящее движеніе, и такое только, которое ритмически развивается... Поэтому меня не только наука съ искусствомъ, но и обычная жизнь

тоже не удовлетворяетъ... Хотите быть моимъ кавалеромъ?— спросила она, готовясь положить мнѣ руку на плечо.

Я отказался, ибо никогда не танцовалъ.

— Жаль. Въ такомъ случаѣ, сегодня я вовсе не танцую.

— Почему это?

— Я танцовала бы только съ вами. Такова прихоть. Но вы все-таки будьте моимъ кавалеромъ, не покидайте меня.

Это признаніе расшевелило во мнѣ нѣкоторыя подозрѣнія: не играетъ ли она со мной? Однако Марья Васильевна, будто угадывая мои мысли, обдавъ меня своимъ холоднымъ взглядомъ, тихо проговорила:

— Не думайте, что я кокетничаю. Сегодня — вѣрьте мнѣ. Вчера вы меня взбѣсили, сегодня утромъ я ненавидѣла васъ, но вечеромъ вспомнила первый день моего знакомства съ вами тамъ, у Камова... Тогда передъ моими глазами появились два интересныхъ человѣка: вы и Кассовскій; но Кассовскій уже потерялъ свой цвѣтъ—потускнѣлъ... Онъ непроченъ. Помните, какъ онъ шарахнулся сегодня отъ насъ съ телѣжкой-то? Я на его мѣстѣ гордо подняла бы голову и сказала бы:—здравствуйте! Онъ этого не сдѣлалъ, онъ скоро отказывается отъ себя! Это— непрочность; а вотъ вы отъ себя не скоро откажетесь.

— Какъ знать!!—засмѣялся я.

Мы толкались среди публики.

— Это раздражаетъ! — наконецъ, заявила, чуть поморщившись, Марья Васильевна:—или танцовать, кругъ за кругомъ поднимать въ себѣ кровь, или сидѣть въ темномъ укромномъ мѣстѣ. Пойдемъ за сцену, тамъ отлично...

Когда мы усѣлись за кулисами, подъ какимъ-то готическимъ окномъ, Марья Васильевна, чуть топая ногой въ тактъ звучащаго вальса, снова заговорила:

— Нѣтъ, вы прочный и ловкій. Вѣдь въ сущности это вы первый чуть-чуть надломили Кассовскаго. Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ночевалъ у васъ, и сознался, что послѣ этого ему было немного стыдно за то, какъ онъ держалъ себя у Камова... А между тѣмъ именно тамъ онъ держалъ себя отлично, красиво!.. А какъ вамъ нравится Камовъ? Правда,—большой человѣкъ, но уснувшій пока— до поры до времени?

Я сказалъ ей о двойственности моего впечатлѣнія отъ Камова.

— Нѣтъ, онъ не остылъ. Онъ бездѣйствуетъ и вынашиваетъ въ душѣ какія-то большія цѣли. За этимъ человѣкомъ я пошла бы, если бы онъ хотѣлъ...

— Почему же онъ не хочетъ?

— Онъ не совсѣмъ меня понимаетъ и боится... боится моей красоты. Онъ боится переступить извѣстный порогъ въ отношеніяхъ, *онъ* боится оказаться въ моей власти... Поэтому онъ держитъ себя желѣзной рукой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ созналъ опасность... Да, это большой человѣкъ!

Она чуть шевелила ногой,—музыка играла, казалось, повинуясь этому ея движенію.

— Вы со мной говорите съ очень неожиданной откровенностью,—проговорилъ я,—позволите вы задать еще вопросъ?

Она кивнула головой.

— Вы его любите?

— Камова?—Нѣтъ. Я пошла бы съ нимъ, но безъ любви: онъ большой человѣкъ, но въ немъ нѣтъ никакой красоты... Онъ уменъ, у него много воли, но умъ у него не имѣетъ краски, а поэтому люди, которые подчинятся его волѣ, сдѣлаютъ это безъ радости, безъ наслажденія... Вѣдь можно и подчиняться съ радостью?..

— Да, несомнѣнно, но мнѣ интересно было бы знать, что̀ такое любовь по вашему?

— Любовь?!—она подумала:—это то, что̀ есть въ танцахъ... въ музыкѣ... въ поэзіи... въ живописи иногда... это—плавный подъемъ, ритмическая система порывовъ, смѣняемая мягкимъ, пріятнымъ изнеможеніемъ... Волна вверхъ, волна внизъ...

— Вы уже любили?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, чуть опуская голову, — но я говорю о любви по желаніямъ, которыя заложены мнѣ въ душу... А вы любили или любите?—въ свой чередъ спросила она.

— Люблю.

Марья Васильевна едва слышно вздохнула и попросила:

— Принесите мнѣ стаканъ воды и немного вина! Вы обѣщали быть моимъ кавалеромъ...

Я пошелъ къ буфету. Тамъ я столкнулся съ „господиномъ".

— Куда это вы дѣлись съ вашей раскрасавицей?—спросилъ онъ, чуть улыбаясь.

— Не хотите ли познакомиться?

— Отчего нѣтъ?!.. Здѣсь у васъ тоска смертная; это не вечеринка, а могильныя поминки какія-то съ танцами!

Я его пригласилъ съ собой.

Марья Васильевна была непріятно удивлена появленіемъ незнакомца.

Ножка ея ясно стала отбивать тактъ танцевъ.

— Я просила у васъ только воды съ виномъ! — тихо под-

черкнула она мнѣ, беря стаканъ, и лицо ея приняло скучающій видъ.

Я извинился.

— Хорошо, завтра вы зайдите ко мнѣ за прощеніемъ...— Она дала мнѣ понять кивкомъ головы, что я свободенъ...

Я немедленно же отправился домой.

Ив. Емельянченко.

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ВЪ

ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ Н. П. ОГАРЕВУ

Вторая половина шестидесятыхъ годовъ: 1866 — 1870.

Окончаніе.

123 *).

(1868 г.) H-l de l'Empire. Суббота. — Получилъ твою брошюру. Она хороша, проста и хорошо сгрупирована. Я думалъ, что ты больше поднимешь значеніе всего заговора и поправишь ошибку молодого поколѣнія, не знающаго своихъ дѣдовъ, а у тебя просто—narration. Помнишь мое письмо къ Алекс. II и мою статью о Каразинѣ (ея конецъ)? Да еще въ статьѣ о Базаровѣ. Эту бы сторону надобно еще выяснить. Далѣе, статейка мала. Вмѣсто приложенія можно бы прибавить текстъ. Natalie перевела страницъ 50-тъ Розена на французскій.

Кстати, въ Амстердамѣ я видѣлъ у книгопродавцевъ въ окнѣ голландскій переводъ Тургенева послѣднихъ повѣстей.

Чтеніе „Голоса" навело на меня ужасъ. Чтò за безобразная, дикая, отвратительная страна наша „шерпатри"! Я боюсь, что ты не читалъ всего. А тутъ Щербань и Родіоновъ указываютъ на Францію и на Италію...

Ну, пусть же, наконецъ, начинается война. Насъ еще разъ

*) См. выше: февраль, стр. 482.

слѣдуетъ побить. Да и всей Европѣ побиться. А Барни пусть сидитъ на „писконгрессѣ“ (peace, миръ).

Какъ же это ты—посидѣлъ, посидѣлъ съ дамой, и не спросилъ ея имени?

Посылаю 1.000 фр. Квартиру перемѣни. Но я опять дѣлаю вопросъ и два. Чѣмъ же ты будешь жить *3 мѣсяца*? И если 500, то почему ты думаешь, что они сохраннѣе у тебя, чѣмъ у меня? Au reste, на 500 жить 3 мѣсяца рѣшительно невозможно. Прощай.

124.

(1868 г.) 20 Sept. 3 heures. Воскресенье. Café Foi.—Ѣду въ 8 вечеромъ, если ничего не помѣшаетъ, въ *Vichy*, туда *пиши:* Dép. de l'Allier, poste-restante.

Отъ тебя и Таты письма получилъ.

„Современникъ“ здѣсь купилъ и читалъ. Статья не важная.

Къ тебѣ явится профессоръ Стебутъ. Прими его ласково. Онъ со мной былъ очень любезенъ.

Вчера встрѣтился съ Вас. Боткинымъ. Онъ проживетъ еще двадцать лѣтъ, кряхтя и хилѣя. Говоритъ, что онъ никогда ничего не имѣлъ противъ меня. Я былъ so sarkastisch, какъ могъ. Онъ мнѣ ненавистенъ.

Насчетъ Серг. Боткина могу сказать, что со мной онъ былъ выше похвалы. Докторъ — геніальный. Въ Россіи онъ беретъ (т.-е. ему даютъ), говорилъ Бѣлоголовый, отъ 20 до 25 руб. сер. за визитъ въ минуту. По этому разсчету я ему долженъ былъ бы 2.000.000 (конечно, я и не заикался).

Далѣе, изъ Виши ѣздить можно въ Ліонъ; онъ не противъ перерывовъ леченья, дня на два, на три.

Встрѣтилъ Циммермана, американца, родственника Мерчинскаго.

Буду во вторникъ или середу въ Ліонѣ. Пусть мнѣ тотчасъ Natalie или Тата напишутъ въ Vichy (p.-rest.) изъ Ліона, а не то я ихъ найду.—„Грусъ“ и „Кусъ“.

125.

(1868 г.) 26 сент. Суббота. — Письмо Пятковскаго — дѣло хорошее, а все же онъ напуталъ. Я именно ему сказалъ, что о Милгаузенскихъ работничьихъ cités я писать не буду. У нихъ

въ „Недѣлѣ“ рядъ статей очень хорошихъ, зачѣмъ же онъ остановилъ? Объ этомъ сообщи необходимо, или мнѣ написать ему прямо?

Въ послѣднее время я былъ въ такомъ дурномъ расположеніи, что ничего не дѣлалъ. Теперь подумаю, но до возвращенія къ бумагамъ въ началѣ ноября и думать нечего что-нибудь кончить, развѣ „Взглядъ и нѣчто“.

Кабы знать да вѣдать прежде, полъ-„Полярной Звѣзды“ можно тамъ напечатать. Я готовъ бы былъ отдать имъ право на все напечатанное (т.-е. не издавать нѣсколько листовъ) strictement за цѣну, заплаченную Чернецкому. Пятковскій можетъ печатать отрывки изъ листовъ, напр., „Леонтину“ (отъ которой С. Боткинъ въ восхищеніи), „Лондонскую вольницу“. Что̀ придумаешь, напиши.

Здѣсь хорошо, и первый курсъ будетъ очень полезенъ. Мнѣ даже та діэта, которую я велъ въ Prangin, помогла. По квалитативному и квантитативному разложенію, очень подробному, сахару убыло съ Люцерна на 3% (тамъ было 4 съ чѣмъ-то, а теперь *безъ чего*-то два). Альбумина не осаживается. Фогтъ испугался 4-хъ. А дѣло-то въ томъ, что въ Люцернѣ-то именно и были худшіе чирьи. Д-ръ Фардиль отвергаетъ, впрочемъ, что чирьи производятъ сахаръ.

Natalie и Тата, вѣроятно, пріѣдутъ сюда на три недѣли. Я полагаю, дольше 22 октября здѣсь дѣлать нечего. Письма отъ Nat. всѣ въ хорошемъ направленіи. Я зову сюда и думаю, что оно все же лучше, чѣмъ мнѣ ѣхать въ Ліонъ и опять возвращаться, Мысль, что въ маѣ опять ѣхать сюда, не забавна. А можетъ, и не надо.

Ванны и воды пріятны, но я ужасно здѣсь сонливъ. Что болѣзнь въ мозгу, а не въ печени, это ясно. Какъ же Фогтъ, Саша, Левье und der Schiff не заикались объ этомъ?

Адресы: 1) Алекс. Петровичъ Пятковскій — у Пяти-Угловъ (Загор. пр.), домъ Ивановой № 33. 2) Пав. Ѳед. Конради. Въ Маріинской больницѣ, Спб.

Appendix № 1.

Вотъ что̀ мнѣ пришло въ голову. Если правда, что Чернецкій мечтаетъ о Лондонѣ, пусть Тхоржевскій намекнетъ ему, что я готовъ къ 500, оставшимся у меня, прибавить ему на подъемъ 1.000 фр. Но съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ онъ уѣхалъ. Или намекни ты

самъ деликатно. Я готовъ ихъ ему дать *въ займы.* Весь споръ послѣдняго времени состоялъ у меня съ нимъ въ томъ, что онъ требовалъ деньги въ займы, а я ихъ давалъ, говоря, что это мое ему приношеніе.

Когда Natalie пріѣдетъ, адресъ будетъ другой: Hôtel d'Amérique, Rue Clermont-Tonnere.

Пока пиши по старому. Да и всячески дойдетъ, лишь бы было: Vichy.

Appendix № 2.

Насчетъ тебя мое мнѣніе ты знаешь. Чтò Вырубовъ ни толкуй, а ходить ты такъ безъ костыля не будешь. Не вѣрю же я, чтобъ тебѣ все равно было—ходить или не ходить. Если же все равно, то ничего и не дѣлай (хотя можетъ придти потомъ раскаяніе, когда время будетъ пропущено). Боткинъ вѣритъ въ знаніе Люкке и посовѣтоваться съ нимъ считаетъ важнымъ. Сложной операціи я не допущу, но если ты (исповѣдуй себя какъ бы передъ Троицкимъ, чтò на Арбатѣ, священникомъ) и легкой операціи боишься или не хочешь, то опять-таки воду толочь по пустому не слѣдуетъ. Бѣлоголовый рѣшительно за операцію. Напиши мнѣ и объ этомъ.

P.-S. Отъ Natalie получилъ двойные №№ „*Голоса*". Это уже лишнее. Зато нѣтъ 141 (или 140), гдѣ 2-е письмо о работникахъ.

126.

(1868 г.) 28 сент. Vichy. — Вотъ и недѣля, что я здѣсь. Все идетъ хорошо. Въ $^1/_2$ 8-го беру ванны ($^3/_4$ часа въ $34^0 = 100^0$) и тотчасъ пью воду. Въ 3 часа опять пью. Въ промежуткахъ ѣмъ за двоихъ. Пью мало, $1^1/_2$ бут. легонькаго бордо—и все. Хотѣлось бы поговорить съ Боткинымъ. Для меня все яснѣе, что болѣзнь—отъ мозга. У всѣхъ вначалѣ бываетъ боль въ животѣ, отсутствіе апетита, поносъ. У меня—ничего, только особенная ломота въ головѣ (совсѣмъ не похожая на мою головную боль) и сонливость. Я увѣренъ, что черезъ три недѣли уѣду. Пока тепло и кругомъ—превосходныя прогулки.

Бакунинъ и Вырубовъ хотя и вздоръ пороли и „писy" (peace—миръ) помѣшали, но я очень доволенъ, что русскій голосъ явился *тамъ.* Я, можетъ, объ этомъ напишу нѣсколько строкъ въ leading-article „Колокола".

Статейку для Пятковскаго обдумываю, но пожалуйста сообщи о Милгаузѣ. Корректуру перешли Чернецкому. Если недостаетъ оригиналу, я еще могу прислать изъ Записокъ.

А какъ „Siecle“ и К—нія оборвали Бакунина—даже называютъ его Bachounin, и все на разный манеръ. Прошу Тхоржевскаго мнѣ собрать рѣчи и пр., но не посылать сюда. Мнѣ нужно. Да и о брюссельскомъ сборѣ нужно бы.

Ты бы взглянулъ „Записки Коробанова“. Я думаю, онѣ очень замѣчательны, и можно печатать.

Письмо Тхоржевскаго пришло. Да что же онъ не пишетъ, что̀ именно спрашивали обо мнѣ и тебѣ у князя junior'а въ Дармштатѣ? Прощай.

127.

(1868 г.) 3 октября. Hôtel d'Amérique, R. Clermont.—Такъ какъ я взялъ на себя партію du „Postillon de Lonjumeau“ и все ѣзжу, то и ты продолжаешь роль „Монфермельской молочницы“. Отчего же трудно позвать маіора? Маіоръ—грубый швейцарецъ, вѣроятно, въ половину виноватъ, деликатностей не знаетъ, —въ чемъ же дѣло? Фогтъ мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ Карлсбадъ, Боткинъ—въ Виши,—ну, что̀ же, я долженъ краснѣть и прятаться за винный листъ отъ Фогта? Съ маіоромъ-то и надобно толковать о тѣхъ вопросахъ (о ногѣ и сращеніи), о которыхъ такъ говоришь не серьезно. Au reste, онъ у тебя будетъ.

Если бы Мерчинскій хотѣлъ заняться (цѣну онъ можетъ прибавить) переводомъ для дрезденскаго Г—на, я сейчасъ написалъ бы ему. Посылаю кондиціи и буду ждать отвѣта.

Спросить о Элпидиноложствѣ можно было и въ первый разъ у Бакунина, да и объ Утинѣ,—что̀ онъ хотѣлъ отъ меня, да и обо всей интригѣ *тайкомъ* составленной редакціи, et cet.

Вся „Смѣсь“ необходима. Вели выбросить пол-Мечникова, если нужно, но „Смѣсь“ и, главное, о Самаринѣ необходимо.

Вотъ условіе перевода: отъ *50 до 60 фр.* за листъ 16 стр., въ 36 строкъ и отъ 46—49 буквъ на строку.

Пусть обдумаетъ Мерчинскій, а не хочетъ—предлагай другому. Книги ученыя, медицинскія и по естествознанію.

Лиза и здѣсь какъ сыръ въ маслѣ. Всѣ привыкли къ моей діэтѣ: въ 10—полуобѣдъ—мясо, рыба, фрукты и безъ кофе, въ $5^1/_2$—обѣдъ и финалъ.

Отъ Саши еще изъ Берлина. Недоволенъ. Помѣстили у попа, и ихъ кормятъ 5 разъ на день. Прощай.

Рѣшись писать на новый адресъ.

P.-S. Насчетъ школы Тупу все ладно. А устроилъ ли ты, чтобъ онъ не спалъ съ горничной? Это—противъ моихъ и твоихъ гигіенъ. Саша хотѣлъ говорить, да, кажется, не посмѣлъ.

Отъ Сатиной письмо. Сатинъ не ѣздилъ на ярмарку. Очень плохъ и очень пьетъ. Елена обѣщаетъ прислать деньги.

128.

(1868 г.) 4 октября. Hôtel d'Amérique, Rue Clermont-Tonnerre.—Хочу отвѣчать тебѣ, kategorisch und drastisch, на всѣ вопросы... а какъ—о томъ слѣдуютъ пункты.

1) Я не полагаю, чтобъ ты серьезно спрашивалъ, хочу ли я окончить „Колоколъ" до Новаго года? Ты самъ мнѣ писалъ и говорилъ, что это нейдетъ и безобразно, съ чего же меня могло прорвать—окончить, не окончивъ года?

2) Письмо къ тебѣ по-русски и по-французски должно быть напечатано въ послѣднемъ листѣ, т.-е. 15 декабря. Я его еще не перевелъ, могу перевести съ набора. До тѣхъ поръ я буду въ Женевѣ.

3) При „Смѣси", которую посылаю, вѣроятно, „Колоколъ" будетъ полонъ, и Мечникова статьи придется мало, особенно съ рѣчами Бакунина и Обер. Я собственно никогда не просилъ его излагать исторію Дмитрія Самозванца, о которомъ французы знаютъ по переводу Костомарова. Если же онъ въ заключеніе дастъ что-нибудь о Пугачевѣ,—пусть, я за излишній листъ заплачу.

4) Въ „Полярной Звѣздѣ" можно перепечатать письма,—она вѣдь не выйдетъ раньше 1 декабря,—но это ad libitum.

5) Стихи очень хороши, особенно послѣднее стихотвореніе. Есть типографскія ошибки, неважныя.

6) Если не поймутъ, о комъ рѣчь въ „шайкѣ недорослей", tant pis, какъ говоритъ Лиза. Виноватые поймутъ. Этото я не мѣняю. Вообще, кромѣ въ концѣ, поправлять нельзя, а мелочи сдѣлаю въ корректурѣ.

Чего ты не прочелъ въ рукописи, дай Мерчинскому или кому-нибудь. Я кое-какъ читаю всѣ руки, даже Спиридова и Лугинина.

7) Не слѣдовало ни съ Тхоржевскимъ совѣщаться, ни жаловаться на почтѣ, ни щадить старца, а слѣдовало позвать его и сказать: F., si vous faites encore une foi une saleté pareille, j'écrirai au directeur.

8) Самарина журналъ отошли Георгу, т.-е. новый.

9) Зачѣмъ телеграфировать Чернецкому, не понимаю, о стихахъ? Что за торопливость! Будто ты не понимаешь, что все равно, выйдетъ ли „Поляр. Звѣзда“ прежде днемъ или послѣ? Я назначаю сроки для Чернецкаго...

Гюго взялъ за новое изданіе своихъ сочиненій 300.000 фр. Это не по нашему.

129.

(1868 г.) 6 окт. Вторникъ.—Два письма (одно совсѣмъ не нужное отъ Спиридова, ты могъ его послать черезъ 2... 3... 4 дней, недѣль, мѣсяцевъ) я получилъ разомъ. Чекъ на имя Тхоржевскаго отправилъ въ субботу, 3 окт. Онъ мнѣ писалъ: „пробуду въ Женевѣ еще недѣлю или дней десять“. Что его прорвало ѣхать прежде—не знаю. Что онъ сердится за шутку о Бониварѣ—это просто глупо. Если я написалъ, что Дардель согласенъ съ Девилемъ, то это—безуміе: я хотѣлъ сказать—съ Боткинымъ. Дѣло въ томъ, что если *вывихъ* одинъ, то его вставить *легко;* если же переломъ и есть *дурное сращеніе,* то дѣло *не легко.* I think, что если ты не увѣренъ, то, omni casu, слѣдуетъ консультировать съ Люкке; если же увѣренъ *въ изломѣ и сращеніи,* то можно рѣшиться и по + и по —.

У насъ все довольно тихо. Погода холодная, но совершенно ясная. Я лечусь съ повиновеніемъ негра. Полагаю, что къ 16 окт. отдѣлаюсь (первый курсъ обыкнов. считается 21 ванна).

Съ чекомъ я послалъ leading-article о Бакунинѣ. Сюда посылать небезопасно лишнія вещи, въ родѣ Собранія бюллетеней,—онѣ не дойдутъ. Но оставить тамъ—дѣло доброе. Посылаю еще въ „Смѣсь“. Мѣсто должно быть. Мечникова сокращайте до-нельзя. „Колоколъ“ (inter nos) можетъ опоздать хоть 5-ью днями. Далѣе въ этотъ № ничего.

Если писать противъ статьи въ „Вѣстникѣ“, то надобно разсказать всю исторію печатанія за-границей. Можетъ, я это сдѣлаю въ leading-art. 15 ноября, но вопросъ: стоитъ ли?

Рукопись изъ „Былого и Думъ“ въ переводѣ пришлю дней черезъ пять.

Ломаю голову, что бы послать поскорѣе Пятковскому,—не знаю еще.

Работать могу лучше. Здоровъ очень. Я думаю, что Vichy сдѣлали renovatum—draussen Jahreszeit und Datum. Прощай.

130.

(1868 г.) 7 октября. Середа. Vichy.—Посылаю корреспонденцію. Я ее еще поправлю въ mise en page. Думаю, что mise en page лучше отпечатать на тонкой бумагѣ, обрѣзать маржи и прислать въ пакетѣ какъ письмо.

Я прошу, чтобъ „Смѣсь" вся была помѣщена и съ Левитами. Не щади ни Мечникова, ни половину Записокъ. Если бы Мечниковъ согласился дать *одинъ листъ* о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ, ну, полтора въ ноябрь и декабрь,—было бы ладно.

Началъ противъ Каткова; не знаю, буду ли продолжать.

Изъ Записокъ для ноября пришли.

Ну, что же, чекъ пришелъ? Это досадно. Да уйми ты его съ Бониваромъ. Для частнаго человѣка это слишкомъ много глупости.

Былъ у Durand-Fardil'я. Перемѣнилъ воду съ Gr. Grille на Célestines. Доволенъ моимъ видомъ. Къ 20-му я отдѣлаюсь, а можетъ—и прежде. Въ субботу—новое разложеніе. Я діэту и леченье выдержалъ съ аракчеевской акуратностью (о чемъ спроси Natalie и Тату).

Бюлетеней лишнихъ не посылай. Я же статью о Бакунинѣ по здѣшнимъ газетамъ прочелъ.

P.-S. Объясненіе, почему я не телеграфировалъ, и двѣ поправки въ стихахъ ты, вѣрно, получилъ. Благословляй печатать, и издавайте „Полярную Звѣзду". Заглавіе и обертку слѣдуетъ взглянуть.

131.

(1868 г.) 16 октября. Vichy.—Я сейчасъ писалъ Дарделю отвѣтъ. Полагаю, что удобнѣе, взявъ въ разсчетъ твою любовь къ неподвижности, Люкке звать въ Женеву. Но прежде всего исповѣдуйся мнѣ еще въ послѣдній разъ прямо и категорически; я только выжду твое письмо и поѣду въ Ліонъ, т.-е. могу ѣхать 20 октября. Скажи же просто и забудь всѣ инфлюенціи. *Еслибъ ты былъ оставленъ на себя, что предпочелъ бы ты: хромать или дѣлать операцію?* Бога ради, отвѣчай мужественно и прямо. Мнѣ это необходимо. Я тогда буду знать, какъ дѣйствовать.

Итакъ, я жду отвѣта на этотъ вопросъ и тотчасъ ѣду. Въ Ліонѣ я рѣшу (въ силу твоего отвѣта), какъ лучше рѣшить дорогу.

Если есть очень интересныя статьи въ „Недѣлѣ", пришли въ Lyon, poste-restante; такъ же и письма адресуй послѣ 20-го.

За послѣднее письмо я заплатилъ 30 сант. Это за бѣлую бумагу, ненужную для поправки заглавія „Пол. Звѣзда." Посылаю тебѣ обрѣзанные, какъ слѣдуетъ посылать.

Насчетъ „выпускъ *первый*"—какъ Георгъ хочетъ, но нельзя же половину выдать *за цѣлое*. Если не на оберткѣ, то внутри слѣдуетъ сказать. Цѣна 3 фр. мала, поставить 4.

Мечникову, вѣроятно, ты мою рекомендацію отдалъ.

Кровать вели непремѣнно купить. Мой милый Pélican qui nourrit de son sang весь свѣтъ, а самъ одра не хочетъ купить.

Вычета за Мерчинскаго *рѣшительно не сдѣлаю*, потому что это будетъ оптическій обманъ. А, между нами, онъ смѣшонъ. Мнѣ этихъ денегъ не жаль, а жаль, что ты думалъ, что онъ можетъ отдать.

Затѣмъ прощай. Еще разъ прошу мнѣ отвѣчать *безъ фразъ* объ операціи; я такъ себя и поведу съ Люкке и Дарделемъ.

Три экземпляра „Колокола" жду еще здѣсь.

132.

(1868 г.) 21 окт., позже. — Письмо получилъ и тотчасъ отвѣчаю.

1-ое. „Колоколъ" издать въ четыре листа къ 1 декабря. Письмо къ тебѣ по-русски и по-французски. Его надобно исправить непремѣнно. О матеріалѣ не заботься: съ „Былое и Думы" вывеземъ. Статья противъ Каткова готова.

2. Если ты самъ по себѣ и для себя, an sich и für sich, операціи не хочешь и не вѣришь, то я считаю лучше всего ее просто оставить. Я былъ прежде увлеченъ Фогтомъ, но, толкуя съ Боткинымъ, очень охладѣлъ. Бѣлоголовый—за операцію. Пиши въ Ліонъ—и приказывай: я схожу на роль исполнителя изъ совѣтника. Ясно и просто пиши: Люкке не надобно, или: Люкке надобно.

3. Очень дурно, что рѣчи Бакунина не будетъ въ этомъ №.

4. Съ мнѣніемъ твоимъ о Сашѣ не согласенъ. „Кто виноватъ?" могу только писать заграничный, т.-е. романъ. Да вѣдь

и „Былое и Думы“ тоже. Попробую послать самую легкую статейку Пятковскому. Увидимъ.

Завтра обѣдаемъ въ 6 часовъ въ Ліонѣ.

133.

(1868 г.) 27 октября. Вторникъ. Lyon. Hôtel d'Europe.— Вчера мы всѣ были въ оперѣ, вспомнили старину, слушали „Фенеллу“. Опера шла превосходно, и Лиза въ восторгѣ отъ Masaniello. Цѣлый рядъ воспоминаній давно прошедшаго прошелъ съ Оберомъ.

Вчера же я тебѣ отправилъ статью противъ Каткова и отрывокъ изъ „Былое и Думы“. Первую прочти съ величайшимъ вниманіемъ, поправь слогъ, но не выбрасывай ничего, ни даже намека на Некрасова. Второй вовсе не читай прежде набора.

„Колоколъ“ 1-го декаб. долженъ быть *въ четыре листа*. Изъ „Былое и Думы“ я могу дать еще. Передай Чернецкому, что я его прошу набрать *и то и другое* сейчасъ [1]). Я, пріѣхавши въ Женеву, исправлю при себѣ. Это непремѣнно. Если рукопись не пришла, пошли Тхоржевскаго на почту; если пришла, напиши. У меня черновыхъ нѣтъ.

Вотъ мой планъ: пріѣхать въ Женеву, въ первыхъ числахъ ноября, дней на десять (объ этомъ, кромѣ Тхорж., не говоря), къ 15 быть въ Марселѣ, и если уговорю Nat., остаться тамъ мѣсяца два, чтобъ посмотрѣть, можно ли что-нибудь устроить для Лизы и занятья для Таты. Въ силу этого я писалъ Вырубову, прося прислать отъ себя и Реклю или Надо рекомендацій. Климатъ въ Ліонѣ очень плохъ въ самомъ дѣлѣ. Затѣмъ, коли не хотятъ, въ Ниццу, но 1-го апрѣля я буду въ Женевѣ и поѣду тотчасъ нанимать домъ съ садомъ въ Цюрихѣ на годъ.

Лизавета англійская таки-поступаетъ на службу послѣ сентиментальной переписки.

Вторая часть „Поляр. Звѣзды“ необходима. Въ ней-то мы поблагодаримъ за ослиныя копыта умирающему „Колоколу“.

Статья твоя о „несчастныхъ“—безъ конца, немного небрежно писана и съ непонятными для западнаго человѣка „купоросными щами“ и пр. Что, продолженіе будетъ? Я хочу тебѣ рекомендовать для послѣдняго № „Колокола“ небольшой трудъ.

---

[1]) Давидъ скверно поправляетъ.

134.

(1868 г.) 30 октября. Пятница. Lyon.—Письмо и „Отеч. Зап." превесьма получилъ. Согласенъ съ тобой, но не во всемъ. Лучшая статья—„Письмо изъ провинціи". Повѣсть что-то больно скучно читать. Въ „Напрасныхъ опасеніяхъ" дуетъ ненависть ко всѣмъ, не родившимся отъ скотоложства „Современника" съ Благосвѣтловымъ,—но не глупо.

Насчетъ письма къ тебѣ я и не писалъ, чтобъ его не печатать: его надобно переправить. Статью о Катковѣ пожертвовать готовъ. Да, она—личная: плюхи всегда даютъ по лицу, а не по алгебрѣ. Но за нее не стою. Русская публика—временно-обязанная свинья, отъ *а* до *в*, и на ея справедливость, пока она свинья, не полагаюсь.

„Полярн. Звѣзду" издавайте же поскорѣе.

Кое-какіе труды я имѣю въ головѣ; о нихъ докладъ—лично.

Жуковскому напиши, если онъ хочетъ переводить, или передай Чернец., Бакун. Пусть онъ самъ пишетъ тотчасъ Herrn Th. Schaschin.

Чтò ты хлопочешь о Гулев.? Я не понимаю. У него мѣсто, и онъ предрянной.

Не хочетъ ли Щербачевъ?

По какому адресу послать лучше Пятковскому? Спроси Мерчинскаго.

31. Суббота.

У насъ положено, sans altération et force majeure:

1-ое. Дамы отправляются въ 11 вечеромъ *1 ноября*, сирѣчь *въ воскресенье*, въ Марсель, куда и прибудутъ въ 7 утра въ понедѣльникъ, и остановятся въ Hôtel de Nouilles.

2. Оттуда телеграфируютъ мнѣ. Если я получу телеграмму вò-время, то поѣду въ Женеву въ *3 часа* съ ½ и пріѣду въ 11 вечера. Вѣроятнѣе же поѣду *во вторникъ въ 10* и пріѣду около 4-хъ въ Женеву.

3. Если въ Марселѣ не чудовищно-дорого, онѣ меня тамъ подождутъ; если же не такъ—поѣдутъ въ Ниццу. Дорога въ Ниццу изъ Марселя не представляетъ ни давки, ничего.—Вотъ и все.

Насчетъ Монпелье я согласенъ съ тобой, но и то правда, что тамъ, сверхъ Спиридова, скука.

135.

(1868 г.) 28 Nov. Samedi. Zuric. Hôtel Baur. — Письмо твое получилъ. Я на четыре листа „Колок." далъ „Bon à tirer"; можетъ, не написалъ на послѣднемъ, но ½ листа пятаго не могу пропустить, не видавши. Чернецкій обѣщалъ прислать сегодня, но я еще не получалъ.

Квартиру здѣсь найти легко. Вообще, цѣны дешевле женевскихъ, и устройство для зимы втрое лучше: въ моей комнатѣ совершенно тепло. Вопросъ: хотятъ ли дѣйствительно Ольга и Тата заниматься? Кромѣ науки, здѣсь *ничего нѣтъ*. Для науки — много.

Печальная годовщина 4-ое декабря. Если ты хочешь писать, будь остороженъ. Скажи, что я искренно (и это сущая правда) стремился ѣхать для воспитанья Лизы, но что письма Natalie и ея замѣчаніе о „мести за гробомъ" глубоко огорчили меня. Скажи, что ты пишешь, не показывая мнѣ.

До сей минуты изъ Ниццы — ни строки.

Я не прочь здѣсь оглядѣться хоть недѣлю. Буду работать. Я очень радъ, что взялъ „Съ того берега". Нѣтъ, caro mio, намъ нечего бояться суда будущаго. Мы шли прямо.

Милѣйшему пану скажи, что онъ напрасно меня увѣрялъ, что „Peuple Polonais" не выходитъ. Я купилъ 5, 6, 7 №№ (отъ сентября до 10 ноября). Онъ во всякомъ № говоритъ или намекаетъ на насъ. Какъ же могъ Тхоржев. не знать, когда онъ имѣетъ *depos у Георга?* Кажется, они хотѣли бы сблизиться. Вообще, ругательствъ нѣтъ. Скажи ему, чтобъ непремѣнно купилъ, если выйдетъ новый №.

Здѣсь холодно и туманно. Пріѣхалъ я вчера въ 5 часовъ вечера, переночевавши въ Лозаннѣ. Одиночество абсолютное мнѣ нравится. Жить въ толокѣ можно только изъ самоотверженія. Кстати, ты заставляй Генри больше заниматься дѣломъ, чѣмъ процессами, экзаменуй его иногда объ лекціяхъ и не развивай въ немъ смѣхъ: на смѣхъ надобно имѣть права и какія-нибудь способности. Прочиталъ ли онъ до конца книгу „L'histoire du travail"? Если нѣтъ, найди силу ему сказать, что онъ будетъ пустой малый. Затѣмъ — ничего больше.

Пиши одно письмо сюда; оно застанетъ или будетъ переслано.

СПб. газеты говорятъ, что назначеніе Ханыкова — пуфъ.

136.

5 декаб. 1868. Ницца. Hôtel et pension Suisse. Ponchettes.— Первый рапортъ будетъ коротокъ, но не изъ веселыхъ. У Таты, по-моему, просто *оспа*, и слово varioliде—terme d'argot. Страдаетъ она ужасно, ее узнать нельзя: глаза почти закрыты, говорить не можетъ отъ прыщей въ горлѣ, читать не можетъ, слушать не можетъ, а всю сыпь нарываетъ. Полагаю, что лечить тутъ нечего. Комнаты у нихъ скверныя, но безъ вѣтра, онѣ au rez-de-chaussée. Лизу перевели на *шестой* этажъ съ Лизаветой. Я—въ третьемъ. Бѣда, если и Лиза занеможетъ. Natalie ходитъ за Татой хорошо; при ней безотлучно—старушка Косса (вдова бывшаго нашего повара). Эта старушка, это море, этотъ воздухъ и больная въ полутемной комнатѣ—такъ и вѣетъ 1852-мъ. Опасности нѣтъ, говоритъ докторъ. Осторожность соблюдается большая. Лишь бы не осталось слѣдовъ. Двѣ недѣли предстоитъ собачьей жизни. Въ Hôtel'ѣ бездна народу, бездна русскихъ, бездна грязи—оставаться невозможно. Я бы мѣсяца черезъ полтора вовсе уѣхалъ изъ Ниццы, хоть въ Геную или Туринъ. „Лиси имѣютъ язвени и птицы гнѣзды", а сынъ человѣческій (Ивана Алекс.)—ни того, ни другого.

Черезъ день рапортъ буду писать, телеграфировать не нужно.

137.

(1868 г.) 7 декабря. Понедѣльникъ.—Оспа подсыхаетъ, жару нѣтъ, лихорадки нѣтъ, есть апетитъ и сонъ. Теперь вся задача — въ уходѣ, въ отсутствіи пертурбацій, т.-е. вся задача внутренняя,—а внѣшняя? Мнѣ сдается, что рябинъ не будетъ, болячки всасываются, а не лопаютъ.

Не думаю, чтобъ можно было сегодня исполнить твое желаніе, чтобъ она написала. Въ комнатѣ темно и глаза сильно болятъ, хотя и лучше. Каждыя пять минутъ промываютъ eau de gui...

Лиза до сей минуты здорова. Natalie ходитъ за Татой безукоризненно и хорошо. Но безпорядокъ, безалаберность доходятъ до исполинскихъ вещей. И что за ужасный пансіонъ избрали онѣ: безпорядокъ, нечистота, толпа. Я сплю въ отдѣльной пристройкѣ, въ которой нѣтъ ни человѣка, нѣтъ сообщенья съ домомъ, и

въ rez-de-chaussée, выходящемъ къ морю. Это для укрѣпленія нервъ.

На дворѣ тяжело, тучи, теплый дождь. Natalie Лизу не выпускаетъ, боясь простуды. O, русскіе, русскіе! Я увѣренъ, что если при Nat. застрѣлить человѣка, то она скажетъ, что пуля была слишкомъ холодна и простудила, къ тому же сквозной вѣтеръ дулъ въ рану. Въ домѣ прилипчивая болѣзнь, и потому сиди дома. Но лучшее во всемъ—это то, что на террасу ходитъ Лиза безпрестанно и не одѣваясь (à propos, пальто носить теплое невозможно).

Прощай. Я телеграфировалъ въ субботу *въ часъ*, Nat.—въ пятницу въ 10. Обѣ телегр. Тхорж—му. По письму твоему не видно, получилъ ли ты?

5) были мои именины;

6) твое рожденье (55 лѣтъ!);

7) вспомнилъ объ этомъ.

Ты бы Чернецкому сказалъ, чтобъ онъ Бакунину предложилъ хоть сотню „Колок.“. Твое оправданіе Бакунина ничего не значитъ. Онъ долженъ былъ тебя или меня спросить, а не chemin faisant сказать Тхоржевскому. Прислать ту же особу, которая принесла тебѣ бранное письмо (оно было не по почтѣ).

138.

(1868 г.) 9 декаб. Середа.—Ты напрасно меня упрекаешь, caro mio, въ недостаткѣ „зѣля“ въ перепискѣ. Писать къ тебѣ для меня такая же необходимость, какъ тебѣ знать о Татѣ. Но положеніе Таты не таково, чтобъ нужно было писать ежедневно. Отъ перваго письма до послѣдней записки Тхоржев. я писалъ, что опасности неминуемой нѣтъ, но что она прошла, и прошла геройски, большими страданіями. Какъ же ты еще говоришь о пріѣздѣ, и Тхоржев. предлагаетъ ѣхать сюда? Надобно одно—тихое выздоровленіе. Оспа или варіолидъ подсыхаетъ, не лопаясь, а потому весьма вѣроятно, что слѣдовъ не будетъ. Оспа ли, варіолидъ ли—не знаю, но я ужаснѣе искаженія не видалъ. *Теперь только* можно Тату узнать. Горчаковъ вретъ, никакой эпидеміи здѣсь нѣтъ, а есть частные случаи, и притомъ рѣдкіе, тифа. Но всѣ страдаютъ отъ скверной осени. Ницца мнѣ противна. Я черезъ двѣ недѣли поставлю Natalie и Татѣ новый вопросъ: не ѣхать ли до апрѣля въ Геную? Тамъ же жизнь дешевле...

Что касается до Лизы,—ну, это человѣчекъ совершенно hors de ligne. Чтò за тактъ, чтò за деликатность! Представь себѣ, что въ этой „багарѣ“ она ходила одна обѣдать за table d'hôte человѣкъ въ 50, умѣя со всѣми поговорить, разсказать о Татѣ. Вчера garçon приходитъ и важно говоритъ: „La jeune dame est déja à salle“.—Quelle jeune dame?—Вышло, что это—Лиза.

Лизавета ей не на пользу, изъ нея выбить нельзя англійскихъ предразсудковъ. Къ тому же она, видя, чтò дѣлаетъ Nat., боится заразиться, и это хорошо для Лизы, которая смѣется надъ ней, и въ силу этого вовсе не боится.

Ну, вотъ тебѣ полный деталь и реталь. Повторяю, опасности никакой на сію минуту нѣтъ и не будетъ безъ неосторожности. Стало, grand philosophe, сиди въ своихъ „Petits philosophes“.—Addio.

139.

(1868 г.) 11 декаб. Пятница.—Все идетъ хорошо. Теперь только одно — еще терпѣнья, еще терпѣнья, и эта тревожная страница beseitigt. Сегодня Тата встаетъ на полчаса. Мы ей соорудили удивительный халатъ. Вчера былъ докторъ изъ Канна, говоритъ, что ровно ничего не дѣлать, кромѣ беречь сыпь.

Я пишу Тхоржев., чтобъ ему сказать, что мой совѣтъ—повременить немного пріѣздомъ. Мы такъ неустроенно живемъ и такъ дурно,—ни Тата, ни Natalie его почти не увидятъ.

О тебѣ я не говорю. Вѣрь, была бы нужда, я написалъ бы. Зачѣмъ же и тревогѣ давать такой верхъ? Чтò весной дѣлать, объ этомъ подумаемъ въ мартѣ. При переѣздѣ на житье (а я объ немъ говорилъ), безъ сомнѣнія, всѣ лишніе мѣшаютъ. Ты все не хочешь понять мой простой и ясный взглядъ. Туцъ и безъ того долженъ быть въ пансіонѣ. Онъ и Г. вносятъ какую-то пестроту, какую-то неспѣтость и несерьезность въ твою жизнь. Ты не развилъ и не разовьешь его: не туда глаза глядятъ. Пусть же онъ идетъ на работу. Ты говорилъ, что хозяинъ его беретъ. Положи ему 500 фр. жалованья и поставь на свои ноги. Съ такимъ форшусомъ онъ можетъ легче идти многихъ. У маленькаго очага твоего диссонансы замѣтнѣе, психически тутъ постороннему нѣтъ мѣста. О Татѣ говорить нечего. Но посмотри ты, какъ теперь Ольга входитъ въ нашъ Grundton. Ея письма симпатичнѣе и симпатичнѣе. Посмотри на Лизу. Дѣйствительно, это одинъ полипникъ, имѣющій общую душу. Туцъ можетъ до этого дойти черезъ десять лѣтъ; Г.—никогда, фибринъ не тотъ. Вся моя

бѣда, что я ясно смотрю на дѣла и не боюсь высказывать наблюденія. Съ Мери ты связанъ, это неизмѣняемый фактъ жизни, его мы всѣ должны принять, но усложненій жизни я не понимаю. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. „Недѣлю" пошлай.

P.-S. И еще о Бакунинѣ. Онъ поссорился изъ самолюбія, онъ поссорился изъ-за того, что я съ ироніей смотрю на ложь его рѣчей и vague его программы. Онъ на меня дуется, потому что я правъ. Ему былъ случай все покончить,—онъ не хотѣлъ. Какъ же ты, милый Огаревъ, и этого не признаешь?

140.

(1868 г.) 13 дек. Воскресенье.—Все идетъ тихо, но хорошо. Говорятъ, что это особая болѣзнь, и не оспа настоящая, и не летучая, а *черная* оспа. Дѣйствительно, всѣ нарывы въ серединѣ сдѣлались черными и мало-по-малу проходятъ. Еще недѣлю терпѣнія. А жизнь очень неустроена, и для Лизы вовсе не годна. Она поневолѣ должна почти весь день проводить съ Лизаветой. И къ тому все же страшно, чтобъ и до нея не коснулась болѣзнь.

Не пропусти въ „Моск. Вѣд." о прекращеніи „Колокола". Дальше на этотъ разъ ничего не имѣю.

Тата мнѣ дала еще слѣдующія записочки къ Тхоржев. и Чернецкой. А propos къ Тхорж. Скажи ему, что я здѣсь видѣлъ одного господина, который *самъ* видѣлъ въ Бернѣ отказъ федеральнаго правительства княгинѣ Долгорукой въ ея требованіи уничтожить духовную. Департ. иностр. дѣлъ отвѣчалъ ей, что на то есть судъ, и что онъ административно ничего дѣлать не хочетъ. Зналъ ли это сынъ и адвокатъ? Какова? Зачѣмъ Тхоржевскій не пишетъ, какъ что было?

Далѣе, не мѣшаетъ узнать у Георга, выписалъ онъ тѣ книжки „Revue Moderne", въ которыхъ *вторая серія* статей Андреоли. Если нѣтъ, то не нужно: здѣсь это дешевле сдѣлать. Если же выписалъ, прошу прислать или привезти.

Я напишу, какъ только можно будетъ пріѣхать Тхоржевскому.

Прощай. Кланяйся Тупу и всѣмъ. Отъ Ольги часто письма, все благополучно.

141.

(1868 г.) 17 декаб. P-sion Suisse.—Пишу, а о чемъ—слѣдуютъ пункты:

1. Безобразіе съ телеграм. необходимо разъяснить, и очень жаль, что Тхоржев. тотчасъ не жаловался.

2. Брошюру Поляка непремѣнно печатать. Я ему, пожалуй, напишу, или сообщи ты. Никакихъ стѣснительныхъ мѣръ уплаты не нужно. Я Чернецкому заплачу.

3. О Бакунинскомъ письмѣ я не зналъ,—слѣдовательно, и не могъ вводить его въ разсчетъ.

4. Тебя я журилъ за Тату, какъ журятъ за излишнюю любовь, за вниманье и пр. Какъ же тебѣ было ошибиться?

5. Отъ Саши, наконецъ, письмо.

Домъ нанялъ и стремлюсь переѣхать: Villa Filippi, Rue Merlanzonne, но не надѣюсь ближе пяти дней, а потому пиши въ Pens. Suisse.

Польскую книгу, т.-е. Визерскаго, вели сейчасъ набирать. Онъ проситъ поправить языкъ,—это ужъ ты сдѣлай.

Ужасно медленно идетъ выздоровленіе Таты, т.-е. она и крѣпче, и веселѣе, но сыпь на лицѣ все еще сильна. Я уговаривалъ Nat. отпустить меня съ Лизой въ новый домъ. Я все боюсь, если она занеможетъ въ пансіонѣ,—вотъ мы и будемъ у праздника. На сей разъ только.

Тхоржев. вчера писалъ. Онъ писалъ, что тебѣ еще вручилъ 100, я писалъ, чтобъ еще отдалъ 100. Затѣмъ въ январѣ получишь 500 и для маіора есть. Его совѣтъ брать 400 полезенъ (и сто оставить для квартиры и дома).

142.

(1868 г.) 19 декаб.—Pater Seraphicus, т.-е. отче благодушествующій, письмо ваше въ полученіи. Но все вы меня даромъ сѣчете... Я не только не имѣлъ нужды въ шпорахъ для польской брошюры, но тотчасъ написалъ, чтобъ печатать. Ты не понимаешь, что у меня не капризы, не скупость, а просто границы *извнѣ* и въ силу ихъ границы *изнутри*. Когда въ началѣ года я далъ Чернецк. на его искупленіе изъ Banque Suisse 4.500, мнѣ показалось довольно. Когда я говорилъ, что надобно отказывать въ ссудахъ (а не въ помощахъ), то это оттого, что никто ни разу не платилъ. Я радъ, что могъ помочь Мерчинск., и это откровенно. Но когда ты писалъ, что онъ отдастъ 1 октяб., я не повѣрилъ. Закрытіе „Колок." дастъ больше возможности печатать другое. По счету Тхорж. къ 1 ноября онъ въ типогр. заплатилъ, сверхъ выручки, 2.455 + 372 и за послѣдн. №. Это

выйдетъ до 4.000. Изъ нихъ врядъ вернется ли 1.500. Ergo, Огаревъ, моя совѣсть чиста, и я дѣйствительно не знаю, кто изъ русскихъ больше дастъ на общее дѣло, а между тѣмъ всѣ меня „винятъ въ народѣ".

Что я могъ все это сдѣлать въ нынѣшнемъ году и дать Сашѣ 5.000 на обзаведеніе (а онъ пишетъ Татѣ, что уже занялъ 2.000),—это единственно отъ американской продажи и отъ Сатинской присылки. Въ 1869 году одной не будетъ, а вѣроятно не будетъ и другого: бюджетъ придется стягивать. Тебѣ и всѣмъ людямъ, умѣющимъ скорѣе страдать, чѣмъ практически распоряжаться, все это и скучно, и мудрено. Но чтò тутъ дѣлать, когда ошибка сдѣлана, и всѣ дѣти выросли съ мыслью даровой жизни? Ты ведешь къ этой же мысли невольно Генри, и я тебѣ давалъ десять предостереженій, какъ Валуевъ Аксакову, но ты даешь страдательный отпоръ.

Все это не мѣшаетъ мнѣ быть сегодня въ довольно хорошемъ расположеніи. Только скучно безъ мѣры. Погода скверная. Тату перевозить боюсь, Лизу боюсь здѣсь оставлять, и старушка Рокка занемогла. Отъ всего этого безпорядокъ страшный.

Вотъ попалась полоса: въ Ниццѣ непогода, продолжающаяся двѣ недѣли, оспа, грязный пансіонъ и почти безъ прислуги!

Я, можетъ, съ Лизой и Лизаветой переѣду одинъ на новую квартиру.—Пока прощай.

Съ Спиридоновымъ дѣлай чтò хочешь. Но зачѣмъ ты присылаешь его аутографы? Я не могу и не читаю даже того, чтò онъ пишетъ ко мнѣ. Найти меня всегда можно, писавши въ Женеву. Зачѣмъ же спрашивать тебя?

Документъ возвращаю.

А отчего же объ идіотахъ обязанность *больше* хлопотать? Чтò за монополь? Ихъ пристраиваютъ, кормятъ, отдаютъ подъ надзоръ, но отчего же *больше*? Ужъ не христіанство ли сіи ѳеоріи воздушевляетъ? И эквилибрацію нарушаетъ? Господи! да когда же ты будешь понимать мои рѣзкія замѣчанія съ твоей свѣтлостью, съ твоей гуманностью! Если блаженъ человѣкъ, скоты милующій, то вѣдь блаженъ вдвое—милующій *пониманьемъ* друзей.

Ну, довольно сплетничать.

Я выдумалъ въ своемъ „Докторѣ" повивальную бабку M-me Aubergins. Удачно.

Въ „Отеч. Запискахъ" много хорошаго. Могу прислать.

Тхоржевскій до Новаго года и не собирается.

143.

(1868 г.) 21 декаб. Villa Filippi, Ruelle Merlanzonne.—На этотъ разъ рапортъ будетъ богатый. Тата вчера переѣхала въ закрытой каретѣ, укутанная, съ вуалемъ на лицѣ. До сихъ поръ все хорошо. У нея топятъ каминъ. Квартира не то что бы, но садъ большой и хорошъ. Для Лизы это превосходно. Только погода дивитъ всѣхъ: дождь, слякоть, ночью холодъ. Я ничего подобнаго въ Ниццѣ не видалъ, и думаю, что такой сезонъ нанесетъ ей ударъ въ будущемъ году.

Накавунѣ старушка Рокка занемогла оспой. Вотъ и награда за усердіе. У нея маленькая квартира, и съ ней живетъ ея дочь съ тремя дѣтьми. Опасность неминуемая. Я взялъ всѣхъ трехъ дѣтей къ намъ,—одному 9 лѣтъ, другой 8, третьему 2 (Тата совсѣмъ отдѣльно помѣщается). Въ силу чего—шумъ, пискъ, визгъ, но иначе поступить было бы безобразно.

Но букетъ былъ въ отелѣ или *пансіонъ Suisse*. Я привезъ Лизу и Лизавету и самъ переѣхалъ. Вѣроятно, хозяинъ думалъ, что я только грозилъ переѣздомъ. Онъ вдругъ отдалъ комнаты Таты и Nat. какимъ-то англичанамъ, и явился съ шумомъ и крикомъ изгонять насъ, говоря, что я сказалъ, что мы всѣ переѣзжаемъ. Докторъ переѣздъ позволилъ, и потому я ограничился отеческимъ наставленіемъ и разругалъ хозяина и его жену. Подобное дѣло со мной было въ первый разъ. Замѣть, что мы платили 33 фр. 50 с. въ день безъ свѣчей, service, вина и пр., да замѣть и то, что я не совсѣмъ безгласный человѣкъ и полъ-Ниццы знаю. Чтò же дѣлаютъ они съ бѣдными семьями?! Трактир. и его жена—*швейцары и піэтисты*.

Что я постараюсь ему воздать по заслугамъ, это понятно, лишь бы все благополучно съ рукъ сошло.

Зри въ „Колоколѣ“, послѣдній листъ, въ „Cogitata et Visa“, въ главѣ о Мицкевичѣ идетъ рѣчь о Рамонъ de la Sagra, испанцѣ, протестовавшемъ противъ Мицкевича.

Coup de théatre. Сѣдой старикъ говоритъ мнѣ:—А вы меня сдѣлали лѣтъ пятнадцать старѣе!

— Какъ?

— Въ вашемъ описаніи обѣда или ужина въ „Tribune du peuple“. Мнѣ теперь только 73 года.

Это Рамонъ de la Sagra, и такой же живой и бойко умный, какъ былъ. Встаетъ въ 4 утра и до 12 пишетъ, лежа на постели. Отчего я безъ умысла приврал ему лѣтъ,—не понимаю.

Поправленныя колонны Суплемента я отослалъ, чтобъ еще прислали. Ты, caro mio, вовсе не поправляешь и оставляешь грубыя ошибки. Куда же ты торопишься? Срока нѣтъ. И что̀ дѣлаетъ Давидъ? Также не могу понять, зачѣмъ крупными буквами набраны и письмо къ Вырубову, и Ласасина?

Я до тупости измучился тревогами, опасеньями, безпокойствомъ, невозможностью покоя. Хоть бы теперь отдохнуть мѣсяца три, четыре. Нынѣшняя поѣздка въ Ниццу фламбирована. И тутъ эта старуха въ 64. Ну, какъ она умретъ!—Прощай.

144.

(1868 г.) 22 декаб. Вторникъ. Villa Filippi. Ruelle Merlanzonne.—Пока все обстоитъ благополучно, кромѣ свинцоваго неба, покрытаго густыми тучами. Я думаю, что здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, будетъ моръ или не знаю что̀. Добьетъ всѣми гадостями насъ нынѣшняя поѣздка. Вотъ на твоей улицѣ и на улицѣ Mont Blanc (который тоже не двигается со времени потопа) праздникъ. Надобно знать, что̀ такое мѣсяцы ненастья здѣсь: слякоть, тяжесть, сырость въ комнатахъ.:.

Сегодня Щербаковъ даетъ первый урокъ Лизѣ. I think, это пойдетъ хорошо. Онъ будетъ учить русск. языку и *саду*: онъ ловко понялъ мою мысль разговора о растеніяхъ, ихъ различіяхъ, звѣряхъ, камняхъ и пр. Онъ называется Шерановъ. Ему бы просто назваться „Григорьемъ Щерб.“, если онъ не Григорій (какъ совѣтовалъ Безбородко).

Почту носятъ сюда разъ въ день. Это печально. Ницца во всемъ далеко отстала отъ Швейцаріи.—Прощай.

Отъ тебя письма нѣтъ, а „Голосъ“ пришелъ. Я боюсь, чтобъ бандитъ à la pension Suisse не бросилъ съ премедитаціей.

Если отъ Жуковскаго отвѣта нѣтъ, то напиши ему двѣ строки насчетъ книги, а то выйдетъ опять сплетня. Тхорж. могъ бы ему дать записку получить 20 руб. сер. (по курсу) съ Бенды въ Вевеѣ.

Сегодня мы вспомнили, что въ Виши съ 15-го, 16-го октября началась мокрая и скверная погода, и съ тѣхъ поръ не было

двухъ постоянно хорошихъ дней,—то морозъ деретъ по кожѣ при мысли о четырехъ слѣдующихъ мѣсяцахъ.

Отчего метеорологи не интересуются такими явленіями, или зачѣмъ молчатъ?

23 декабря.—Вчера Natalie пролежала въ постели съ сильной головной болью и лихорадкой. Не варіола ли? Докторъ будетъ сегодня.

Старушкѣ Рокка лучше; у нея, кажется, только крапивная лихорадка.

145.

(1868 г.) 24 декабря. Четвергъ. — Я больше и больше убѣждаюсь, что одно письмо не пришло. Послѣднее, кажется, было отъ 17-го. У насъ не водворяется покой и sécurité. Nat. все въ лихорадкѣ, съ сильной рвотой, съ сильной головной болью. Такъ началась болѣзнь Таты. Лиза со мной въ другомъ этажѣ. Если я занемогу, то концертъ будетъ на славу.

Тата выздоравливаетъ быстро, но вся еще татуирована красными пятнами.

Я отъ постоянной тревоги и безпрерывныхъ микро-досадъ глупъ какъ пробка. Къ тому же вмѣсто дождя мистраль, который дѣйствуетъ на нервы Левіаѳана.

Мистраль до того силенъ, что весь домъ дрожитъ и свищетъ.

146.

(1868 г.) 25 декабря. Villa Filippi, R. Merlanzonne.—У Natalie дѣйствительно летучая оспа, но въ несравненно легчайшей формѣ. Ей придется, вѣроятно, полежать дней пять. Я самъ распростудился отъ мистраля. (Въ прошломъ письмѣ я ошибся, ненастье и бури продолжаются съ 15 сентября, а не октября). Что̀ возможно для предохраненія Лизы—дѣлаю, но врядъ ускользнетъ ли и она. Вовсе не боится и говоритъ, что если я занемогу, то непремѣнно занеможетъ и ляжетъ въ той же комнатѣ. Боюсь за прислугу. Въ крайности, буду звать пана, а потому, если я напишу ему, не бойся. Болѣзнь, кажется, на исходѣ и все слабѣетъ.

Тата совершенно выздоравливаетъ, но лицо и руки еще татуированы. Она выходитъ въ садъ.

Письмо твое получилъ. Все рѣшается просто. Маіору пошли (для круглаго счета) 450 фр., а на остальные 50 купи для Новаго года improvement'ы по хозяйству. 1 января ты получишь 600 фр. (сто Тутцкіе). Стало, все хорошо. Для порядка мнѣ надобно знать, сколько Тхорж. тебѣ вручилъ съ 1 декабря: 500, или 600, или 700?

О письмѣ къ Nat. ты такъ не спрашивалъ, а говорилъ, что пришлешь мнѣ. Присылай, я очень обдуманно поступлю и, разумѣется, послѣ выздоровленья.

А если у меня будетъ летучая оспа, вѣдь это смѣхъ.

Если что̀ важное, буду писать завтра, а не то послѣ-завтра.

Затѣмъ прощай.

Машкаловъ строчитъ очень недурныя корреспонденціи въ „СПб. Вѣд.“ изъ Нью-Іорка. Каково Капъ его отшлифовалъ!

147.

(1868 г.). 26 дек. Суббота. — Отписочка получена съ безсмѣнным извѣщеніемъ, что тебѣ писать некогда, и съ глупымъ отрывкомъ изъ „Em.“, на который я и не думаю отвѣчать.

Варіолидъ у Nat. идетъ своимъ порядкомъ. Нѣтъ сотой доли того, что̀ у Таты. Тутъ-то и есть разница между вар. *черной* и простой.

Должно быть, она оправится въ недѣлю. Теперь задача—сохранить Лизу. Дѣлаю что̀ могу. Я два дня очень былъ нездоровъ, и даже лихорадка была. Ну, думалъ, pincé. Но нынче ничего. Принималъ англ. соль.

Въ городѣ и въ Каннѣ много больныхъ. Теперь доктора начинаютъ признаваться.

Сегодня цѣлую ночь опять лихорадка и тошнота и боль въ груди. Тата, если у меня будетъ варіолидъ, сойдетъ внизъ вмѣсто меня съ Лизой. У Nat. идетъ болѣзнь своимъ чередомъ. Она, разумѣется, и чешется, и въ вѣчномъ волненіи. По счастью, на лицѣ мало.

Отъ Сатиныхъ письмо. Грозятъ прислать тебѣ денегъ. У нихъ тоже была сыпь на Манѣ. Они всѣ въ Москвѣ.

Сегодня первый безоблачный день. Лиза весь день въ саду, очень жалѣетъ меня. Очень можетъ быть, что это просто катарральная лихорадка.

148.

(1868 г.) 28 дек. Понедѣльникъ. — *Бюльтень.* 1) Оспа у Nat. все такъ же идетъ своими градусами и, вѣроятно, дней въ десять пройдетъ.

2) Лихорадка у меня сегодня меньше, и я начинаю думать, что она кончится безъ оспы.

Лиза совершенно здорова.

Погода лучше.

Жаль, если „Прибавленіе" выйдетъ прежде отзыва въ „Голосѣ" и „Моск. Вѣд." о прекращеніи „Колокола". Это молчаніе—лучшее доказательство, что „Колок." слѣдовало прекратить. Никому въ Россіи дѣла нѣтъ, выходитъ онъ, не выходитъ. Послѣдній „Колоколъ" былъ разосланъ 6-го, ergo 11-го дек. былъ въ Россіи. Газеты есть уже отъ 22-го.

Я посылаю 1.100 фр. для тебя. Это янв. и февр. съ Туцомъ. Всего лучше, если ты не возьмешь разомъ всего, а отдѣлишь по 400 на текущій расходъ въ мѣсяцъ.

149.

(1868 г.). 29 декаб.—Скоро, батюшка Николай Платон., сказка сказывается, да не скоро и не легко дѣло дѣлается. Переѣздъ въ Монпелье *сверхъ всего* долженъ стоить 2.000 фр. за квартиру, которую никто не возьметъ послѣ болѣзни Таты и Nat. Я квартиру искалъ какъ сумасшедшій, чтобъ выручить всѣхъ изъ Pension Suisse. Нашелъ въ захолустьи, безъ вида, но съ большимъ садомъ. Я могу въ немъ жить годъ за 2.600, но, когда бы ни съѣхалъ, долженъ заплатить 2.000. Отсюда съѣздить на недѣлю, на двѣ въ горы, въ S.-Remo, Oneglio и пр. можно потомъ. Да и что̀ дѣлать, если въ Монпелье тоже эпидемія.

Я не могу справиться съ своей лихорадкой. Сегодня шестой день, но кажется (именно по времени лихорадки), что оспы не будетъ. А наружный ящикъ груди весь болитъ и сильно. Нынче ночью особенно. Днемъ утихаетъ.

Завтра, вѣроятно, будетъ Бернадскій изъ Канна прививать

оспу Лизѣ и Лизаветѣ. Саша телеграфировалъ изъ Флоренціи, что тамъ считаютъ это необходимымъ.

Вчера послалъ тебѣ 1.100 фр. на Тхоржевскаго.

Болѣзнь Nat. идетъ такъ же правильно, какъ у Таты, но несравненно слабѣе. Я полагаю, что дней на десять осталось.

Твой эпиграфъ очень хорошъ. Но самъ ты—страшный импресcарій. Тебѣ все некогда, и все ты занятъ до невозможности... Куда же ты торопишься? Зачѣмъ? И отъ какого отвѣта „ты бы могъ отвертываться"? Даже не понимаю, о чемъ рѣчь, и что̀ нужно уяснить. Но письму буду радъ.

Если завтра не буду писать, значитъ все идетъ хорошо.

Да напиши ты записочку Жуковскому въ томъ родѣ: „Г. проситъ Гелмгольца и настаиваетъ, чтобъ я вамъ выслалъ деньги за Брема,—извѣстите меня, сколько".

О твоихъ книгахъ никогда рѣчи не было.

Можешь даже его спросить, не хочетъ ли онъ получить отъ Бенды.

Лиза цвѣтетъ и процвѣтаетъ. Ночью приходитъ меня спрашивать, какъ мое здоровье, и не нужно ли чего. Она спитъ возлѣ въ комнатѣ. Мы двое въ цѣломъ этажѣ. Къ Nat. она не ходитъ и въ верхній этажъ также.

(1868 г.)—Завтра пришлю два №№ „Москвы" и одинъ „СПб. Вѣдом.". Сдѣлай что-нибудь о переселеніяхъ. Статья Аксакова—поэма. Да и паспорты чухонкамъ въ СПб. хороши.

Вторая статья о мѣрахъ гнуснаго министра просв., а вѣдь самъ Аксакова его привѣтствовалъ.—Пока все.

Отъ Алекс. Ал. письмо. Онъ здоровъ. Все жалуется, что хозяйство не поправляется. Сыну Пав. Ал. (меньшому) кто-то изъ друзей его отца подарилъ домъ съ полнымъ обзаведеніемъ. Fichtre!

150.

(1869 г.) 5 января. Вторникъ.—По части госпиталя все идетъ хорошо. Вчера Nat. была въ саду и обѣдала внизу. Ты замѣть, что ея болѣзнь шла втрое скорѣе. Лиза здорова, я здоровъ, и Тата, но она еще не красива. У Nat. не будетъ ни одного слѣда, а у Таты и черезъ мѣсяцъ будутъ. Вотъ и бюлетень.

Повторяю еще разъ, что начало твоей статьи очень хорошо. Мнѣ даже жаль, что она не по-французски.

Вѣроятно, „Народ. Дѣло" вышло два раза. Желательно было бы взглянуть. Впрочемъ, у Висконти есть.

Письмо отъ 3-го получилъ. Все ладно, и Тхоржевскаго блудосвиданіе съ княгиней лучше всего. Теперь, если иной разъ опоздаю съ письмомъ, прошу не тревожиться. Насчетъ денегъ ты знаешь, что посланное идетъ до 1-го марта.

А propos, чтò ты пишешь о Мейз.—печально справедливо. И мы повторяемъ одно и то же, а поэтому слѣдуетъ очень скупиться на писаніе, т.-е. на публичное.—Прощай.

У насъ паки поднялась диспутація, куда ѣхать послѣ Ниццы. Я опять предлагаю Цюрихъ, Женеву и, наконецъ, Брюссель. Средства образованія въ Брюсселѣ большія. Можетъ, я и предпочелъ бы Женеву, но ума не приложу, какъ устроиться. Безобразная жизнь—безъ естественной точки.

151.

(1869 г.) 24 янв. Воскресенье.—По санитарной части все исправно. Тебя поздравляю съ 2-мъ №, зато нисколько не апробую, что ты себя лишилъ фортепьянъ. Ты ихъ держалъ мѣсяцевъ десять, не играя, и отдалъ, когда сталъ играть. Не у одного же Мозера есть фортепьяны. Не Тхорж. ли тебя двинулъ на эту нелѣпость?

„Захолустье" необычайно интересно. Это поэма, отъ которой морозъ деретъ по кожѣ. Разумѣется, его терапія слаба. Вѣка не своротятъ это болото на человѣческій путь.

Вырубовъ сегодня ѣдетъ. Ты напрасно слишкомъ нападаешь на него. Онъ даже гораздо добродушнѣе, чѣмъ кажется подъ доктринерской ваксой. Я не вижу необходимости отгонять людей чистыхъ. Вглядись-ка получше въ Утятъ, Жуковъ, Фыновъ и... тогда поймешь мою ненависть къ нимъ и снисхожденье ко всѣмъ другимъ.

Насчетъ того, что Чернецк. остался при одномъ Дамичѣ, это не совсѣмъ дурно. Работа скоро остановится совсѣмъ. Но все же слѣдуетъ издать къ 1-му числу мая. Пришли только взглянуть mise en page.

Статья твоя все-таки хороша и хорошо заключаетъ нашъ звонъ.

Завтра отошлю тебѣ „Календарь", который чортъ знаетъ зачѣмъ мнѣ прислалъ Тхоржевскій.

Я пересмотрѣлъ и подчистилъ (ничего не мѣняя) мою ста-

тейку о Кельсіевѣ. Она очень можетъ быть напечатана въ „Пол. Зв.“. Могу все это (т.-е. и статью in Bak) прислать. Въ „Отеч. Зап.“ о Кельсіевѣ безмѣрно скучно и trainant.

Отъ Саши сегодня письмо. Все ладно.

Вырубовъ сильно проповѣдуетъ Брюссель для воспитанія и жизни. Я ничего не понимаю, не знаю и чувствую, что во всѣхъ уѣздныхъ городишкахъ мы будемъ Ein Fremdling überall. Ниццу я возненавидѣлъ наравнѣ съ Женевой.—Затѣмъ прощай.

Неужели вы не можете узнать, выходитъ или нѣтъ „Народное Дѣло“, и почему не выходитъ? Интересно тоже знать α) о дѣятельности Бакун. съ работниками, β) объ его отношеніяхъ къ „Народн. Дѣлу“.

152.

(1869 г.) 27 янв. Середа.—Отчего ты не поставилъ у себя въ комнатѣ печь? Вѣдь зимы-то еще хватитъ у васъ на четыре мѣсяца. Ненужныя страданія такъ же глупы, какъ мои жалобы.

Статейка моя напечатана безъ измѣненій. Стало, можно послать другую. Всего лучше, полагаю, просто адресовать (не моей рукой) въ редакцію: всякій можетъ послать всякій вздоръ, редакція не отвѣчаетъ. Послѣ нѣсколькихъ статей слѣдуетъ попробовать статьи съ именемъ. Жаль, что 48-й листъ „Недѣли“ опоздалъ мѣсяца полтора. Статья давно была бы у нихъ.

Лиза совсѣмъ оправилась. Она читаетъ съ жаромъ „Записки“ Мейз. и сообщила мнѣ, что, кажется, у нея былъ lower, потому что она какого-то пастора все называетъ apôtre и говоритъ, что онъ былъ très beau. Она находитъ, что „Былое и Думы“ лучше. „Tu as une manière gaie de raconter les choses, et chez Malvide on voit que c'est une dame servante“. На воздухѣ она еще не была, все отвратительная погода. D-r Ребергъ (а не Реманъ, какъ я писалъ) говоритъ, что въ 7 лѣтъ, которыя онъ всякую зиму проводитъ въ Ниццѣ, онъ ничего подобнаго не видалъ. Кстати, посылая за нимъ, я думалъ, что онъ, узнавши, что я зову, не пойдетъ. А онъ, совсѣмъ напротивъ, очень доволенъ, проситъ фотогр. карточку et cet. Онъ былъ долго хирургомъ въ Обуховской больницѣ и мастеръ рѣзать.

Выруб. уѣхалъ. Онъ еще разъ увѣрялъ, что въ Парижѣ, т.-е. въ молодомъ Парижѣ, большую сенсацію сдѣлали отрывки изъ „Былое и Думы“ въ „Колоколѣ“. Слѣдовало бы издать особо. Вспомни, что то же мнѣніе сказано было Шофуромъ и Шейферомъ. Пусть бы Тхорж. спросилъ Георга или кого хочетъ.

Тогда Чернецкому работы на два года. Только чтобъ издатель платилъ самъ въ типографію и послѣ изданія далъ бы условленный гонораръ.

153.

(1869 г. Февраль). Середа, 24.—Бакстъ, хотѣвшій ѣхать на-день въ Женеву вчера, ѣдетъ сегодня. А все же я не знаю, что̀ сказать, несмотря на то, что день идетъ за днемъ. Здоровье Nat. плохо, тѣ же мысли, тѣ же возраженія. Если будетъ малѣйшая возможность, мы пріищемъ другую квартиру. Она непремѣнно хочетъ съѣздить въ маѣ въ Франкфуртъ и далѣе мѣсяца на два, потомъ собирается въ Миланъ. Развѣ сами обстоятельства измѣнятъ что̀ въ этомъ планѣ,—убѣжденія только укрѣпятъ. Впрочемъ, вреда и нѣтъ. Лиза цвѣтетъ, но почва около нездорова. И тутъ ничего не сдѣлаешь.

Пишу къ Жук. насчетъ дачъ. Если можно нанять что-нибудь путное за 2.500 въ годъ, я найму для того, чтобъ имѣть точку, отъ которой считать координаты. Туда свезу весь хламъ, тамъ возможно будетъ и жить вмѣстѣ, и разъѣзжаться. На время переселенія въ апрѣлѣ, Тата можетъ ѣхать въ Lyon, а осенью я провожу Nat. и Лизу и заѣду къ Ольгѣ. Вотъ мой планъ,—запомни его.

При поправкѣ mise en page особенно взгляни опять на мою статью: пропущена бездна ошибокъ.—Прощай.

Подстрочное замѣчаніе необходимо.

Кстати, я перемѣнилъ кое-что въ „Смѣси" въ „Графѣ Бергѣ". Тоже просмотри порядкомъ.

154.

(1869 г.) 1 марта. Понедѣльн. — Кто Шев.—не знаю (что̀ за манія писать фамилію вкратцѣ). Догадываюсь, что рѣчь идетъ о Леливѣ. Но самое лучшее въ томъ, что я Клапку не видалъ и не хотѣлъ видѣть, къ нему не писалъ, не телеграфировалъ, и ни одного венгерца не видалъ также, и послѣ выѣзда изъ Швейцаріи имени Леливы не упоминалъ. Ergo, что̀ это за новая гадость? Пусть же этотъ господинъ (шпіонъ онъ или нѣтъ, все равно) назоветъ, кто ему сообщаетъ унгарскія утки.

Это скучно и гадко. Однако, кто же Шев.? Пожалуйста, впредь дописывай фамиліи.

Мордвинова проситъ второй разъ статьи своего умершаго мужа, у Таты. Статья эта о духоборцахъ. Я ее ужъ искалъ и не нашелъ, всего вѣроятнѣе, что она давно сожжена.

2 марта.—За Egalité очень благодаренъ—много интереснаго и хорошаго. Только чтò за безобразное гоненіе на колонизацію (въ статьѣ изъ Франція) и выселенія! Какъ будто вопросъ въ томъ, что именно на старомъ мѣстѣ слѣдуетъ начинать новую жизнь? Зачѣмъ Бак. не прибавилъ отъ себя слова два, „что выселка вовсе не бѣгство"? Впрочемъ, общій тонъ журнала не имѣетъ того характера прорицательно-шарлатанскаго, какъ манифестъ, противъ котораго я ополчился.

Къ „Доктору" приписалъ еще главенку. Очень желалъ бы вамъ дать прочесть. Что касается до статьи о Женевѣ, она очень измѣнена. Фази будетъ доволенъ, а остальные проклянутъ, но, по счастію, никто не узнаетъ.

5 марта долженъ быть изъ „Недѣли" отвѣтъ.

155.

(1869 г.) 4 марта. Четвергъ. — Отвѣчаю вкратцѣ на все частное и общее. Начиная съ мелочи—фортеп. необходимы. При куплѣ и при наймѣ расходъ ничтоженъ (14 фр. въ мѣсяцъ), и если бы черезъ полгода ѣхать. Коли хороши, можно купить, все это не уменьшая ни ліаромъ твой доходъ. Это необходимо даже для того, чтобъ у меня не скребло на сердцѣ. Тхорж. я писалъ фортеп. привезти и не болтать: онъ болталъ и ихъ не привезъ. Но я считаю дѣло конченнымъ.

Чекъ на мартъ и апрѣль (1.000... которую опять не совѣтую брать сразу) посланъ вчера Тхор. Объ общей жизни я и не думалъ: она невозможна. Переѣздъ твой изъ Женевы, прежде чѣмъ у насъ что-нибудь устроится, былъ бы нелѣпъ. Я хотѣлъ знать твое мнѣніе о насъ. Но всякое соединеніе, по послѣдней перепискѣ съ Мальв. и Ольгой и даже съ Сашей, не близко...

Симпатія Таты и блестящее развитіе Лизы (ростущее сквозь всего баловства) составляютъ одно положительно хорошее. Въ остальномъ мы жизнь ухлопали и завязли. Это не новость.

Жить слѣдовало бы въ Парижѣ; если тамъ гадко, то нѣтъ причины бѣжать отъ бѣды. Можно затѣмъ, но уже мелководно, жить въ Брюселѣ или Женевѣ. Затѣмъ я вижу одно—*уединеніе въ тепломъ климатѣ*, и, конечно, не въ Ниццѣ. Мы ѣдемъ на мѣсяцъ въ Генуя. Изучу и посмотрю. Если чтò можно, къ зимѣ рѣшимъ, и тогда твои полгода bon poids остаются.

Еще, caro mio, ты отчисли себя изъ умирающихъ и еще больше Мери. Къ такимъ штукамъ легко привыкаетъ воображеніе. Было время, напр., въ концѣ 63... 65 и до твоей ноги, когда я ждалъ ежедневно страшнаго результата твоего питья. Мой послѣдній пріѣздъ въ октябрѣ убѣдилъ меня, что переломъ твой спасъ тебя, и что ты отъ смерти дальше, чѣмъ въ Буасьерѣ. Но съ чего же М. ты зачислилъ по Веньеринскому легіону безсмѣнно умирающихъ? Сомнѣнія нѣтъ, что всѣ родившіеся имѣютъ шансъ умереть, но шансъ этотъ ставится внѣ игры, или игру придется забастовать. На улицѣ des Petits Philosophes надобно быть большимъ философомъ.

Теперь—къ статьѣ. Никакъ не полагаю, чтобъ было плозибельно издать еще Прибавл. къ „Колоколу". Стихи должны идти особо, хотя они и опоздали. Если наберется нѣсколько листовъ, лучше издать „Поляр. Звѣзду".

Теперь о самой статьѣ. Я часто нападаю на форму у тебя. Она шероховата, тяжела мѣстами, и отъ этого мысль тускнѣетъ. Чтобъ показать тебѣ разницу, я сошлюсь на статью въ „Приб." о голодѣ. По-моему, она *превосходна и написана хорошо*. О новомъ письмѣ я не могу сказать того же. Зачѣмъ тяжелый приступъ о подлыхъ и не-подлыхъ доктринерскихъ журналахъ? Зачѣмъ развлекать подстр. замѣчаніемъ? И зачѣмъ тамъ-сямъ брани, Скарятины, незвучныя слова? (Все это пріѣлось и далеко уступаетъ холодному дигнитэту строгой цензуры). Ну, кто въ наше время серьезно думаетъ, что это Валуевщина, Шуваловщ... и что Госуд. не знаетъ? И что за старый оборотъ насчетъ „быть или не быть"? Вся система, все сплетенье, общество и правительство виноваты, и, разумѣется, тотъ кто во главѣ стоитъ.

Ну, а затѣмъ, само собой разумѣется, что фондовая мысль справедлива и ясна, и что, измѣнивши тонъ, можно продолжать. Я думаю, ты слишкомъ мало бранишься словесно; а такъ какъ человѣку отпускается непремѣнно извѣстный вѣсъ *ругистики*, то она (въ контру твоему характеру) выходитъ въ письменахъ.

Время идетъ, сильно мѣняя оружія, стороны атаки. Совершенно случайно старикъ Бернадскій ошибкой занесъ ко мнѣ французскій переводъ извѣстной польской книги „Rossya i Europa", X. Y. Z., напечат. въ 1858. Безъ сомнѣнія, умнѣйшая вещь, писанная полякомъ о Россіи (тогда много толковали о ней). Я ее прочелъ... и знаешь ли, чему удивился? Огромному прогрессу, сдѣланному нами и русской мыслью—въ эти десять лѣтъ. Бѣды и несчастья, преслѣдованія и гадость въ обществѣ, а дѣло шло.

Вотъ для того-то, чтобъ собрать все въ фокусъ, и нуженъ досугъ.

Щербаковъ все больше становится ручнымъ. Я хочу ему предложить ѣхать на мѣсяцъ съ нами въ Геную. Лизѣ онъ полезенъ, и полезенъ даже своимъ раскольнически-стоическимъ нигилизмомъ. Omni casu, промѣнъ на него Гулев. выгоденъ. А странные люди, для нихъ исторія не существуетъ. Вчера я ему толковалъ и не растолковалъ значеніе декабристовъ. Впрочемъ, онъ смилосердился и исторію русскаго движенія начинаетъ съ Бѣлинскаго.—Засимъ кланяюсь.

Стихи надобно продавать по 10 сант. и цѣну напечатать.

156.

(1869 г.) 11 марта. Четвергъ.—Я твоей пімы не получалъ, и если она была послана мнѣ на мое имя, то перехвачена. Visconti получилъ. Въ печати она еще лучше, потому что живѣе читается.

Насчетъ всѣхъ переѣздовъ я, наконецъ, порѣшилъ самодержавно такъ, и наконецъ Nat. согласилась. Въ апрѣлѣ (10—15-го) мы ѣдемъ въ Геную и оттуда, тѣмъ или другимъ путемъ, въ Брюссель, ибо сколько я ни ломалъ головы, а другого центра настолько удобнаго не вижу. Я тотчасъ займусь устройствомъ, almeno на годъ или два. Главное остается инваріабельно. Но въ случаѣ крайности поѣду прежде въ Vichy, даже въ Карлсбадъ. Геную можно тогда по боку. Война можетъ и все по боку. Я отвѣчаю за зависящее отъ меня. Выруб. (съ которымъ все же идетъ полемика) сильно за Брюссель, говоря, что средства ученыя и учебныя несравненно больше тамъ, чѣмъ въ Женевѣ.

Изъ „Недѣли“ ни слова, т.-е. на два письма нѣтъ отвѣта. Можетъ, перехвачены. Теперь на мнѣ нѣтъ никакой отвѣтственности.

Посылаю тебѣ статью по поводу Бак. Прочти ее съ вниманіемъ. Она можетъ напечататься въ „Пол. Зв.“, если таковая будетъ, или совсѣмъ не печататься. Но мое мнѣніе о дѣлѣ таково. Когда же твой Кучюкъ-Кайнарджи съ нимъ?

Я написалъ новую главу къ моей „недѣльной“ болтовнѣ. Кажется, очень удачно.

Есть книга Верморели „Les hommes de 48“... Покроемъ главы наши убрусами.

Письмо это и статья ѣдетъ съ Щербаковымъ. О полученіи напиши.

157.

(1869 г.) 24 марта. Середа. — Хотя я сильно подозрѣваю, что твое письмо, полученное вчера, писано и не *23*, и не *во вторникъ*, но все же я его получилъ и зато посылаю вырѣзку изъ „Nord".

Смыслъ моей статьи противъ Бакун. простъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты или я написали ему другое, т.-е. *допросъ* (не лично, а общій), для того, чтобъ вытянуть отъ него опредѣленіе, *въ чемъ* его идеалъ? Еслибъ я имѣлъ его рѣчи, или что̀ другое, я сдѣлалъ бы. Говорятъ, что онъ проповѣдуетъ совершенное уничтоженіе собственности и семьи (à la Platon, чтобъ родители не знали дѣтей). Но вѣдь это вздоръ. И это было бы дѣйствительно возвращеніе въ обезьяны и въ скуку однообразія, которую человѣчество, по своему фантастическому элементу, не вынесетъ. Какъ же онъ развиваетъ это?

Жду съ нетерпѣніемъ прочесть тебѣ новый разсказецъ, -написанный мной; (все тотъ же) докторъ на водахъ повѣствуетъ о смерти якобинца Люкаса Ральера на рукахъ у сына своего, Исидора Ральера, нотаріуса, въ день февральской революціи. Это французамъ орѣшекъ съ горькимъ миндалемъ.

Если ты думаешь полезнымъ, пошли мое письмо „нордовское" въ Bund или другую газету, въ „Conféderé de Fribourg", и прибавь строку, въ родѣ: „Comme mon nom a été mentionné dans la même correspondance, je m'associe à la déclaration de monsieur H... et cet.".

158.

(1869 г.) 3 апрѣля. Суббота. — Въ 6 часовъ ваше письмо, а въ 9 Мечниковъ вожделѣнно прибылъ. Мечниковъ въ сопровожденіи двухъ малороссовъ большого роста. Сегодня мы съ нимъ обѣдаемъ въ русскомъ трахтирѣ (который, увы, для Тхор. закрывается 15-го). Что же ты это наморозилъ о его мѣстѣ у Шувалова?

Что̀ за женская школа у m-me Gieges? Въ Женевѣ были слухи насчетъ того, что Nat. туда хочетъ отдать Лизу. Это мнѣ показалось оросконически. Я теперь *противъ всякой отдачи*. Талантливая натура ея побѣдила препятствіе. Но *за* хожденіе.

Прошу Тхорж. сообщить мнѣ всѣ подробности. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ нѣчто.

Деньги, т.-е. чекъ, отправилъ вчера къ Тхорж. Для тебя 500+140.

У всѣхъ болитъ голова. Солнце жжетъ. Въ тѣни ледяной вѣтеръ. Въ комнатѣ стужа.

Саша и не думаетъ выходить въ отставку. Ждетъ высшаго назначенія. Пока все.

Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ время печати въ Россіи не пришло? („Недѣлю" я не получаю, и на послѣднее письмо отвѣта нѣтъ). Но что заграничной (sic) печати время прошло—это тоже ясно. Если ты можешь поставить на ноги утячій журналъ, старыми „Московскими Вѣдомостями", это хорошо. Но какъ сдѣлать, чтобъ утятамъ передать гусиный умъ и лебединую бѣлизну? Мнѣ кажется, что всѣ они представляютъ помойную яму самолюбія и бездарности. Желаю ошибиться. Мечниковъ, разумѣется, умнѣе ихъ и образованнѣе.

Приб. къ „Колоколу" будто возможно? Не лучше ли такъ пустить листкомъ, или сказать въ подстр. зам.: „Намъ прислали въ „Колок." et cet."?

Что „Конфедере" не прислалъ—хорошо: ни одинъ № не проходитъ. „Предпослѣдній Пуншъ", „Голосъ" и 8 Елагина не пришли.

Очень прошу подробностей о Гёковомъ пансіонѣ.

159.

(1869 г.) 7 апр. Середа.—Ребенку Черкесова лучше. Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ сегодня, и сегодня же, вѣроятно, уѣдетъ Мечниковъ.

Пошлю тебѣ сегодня или завтра „Биржев. Вѣдом." съ длиннѣйшей статьей обо мнѣ. Пожалуйста успокойся насчетъ ея толкованья. Кромѣ пользы отъ этого ничего не выйдетъ. 1-ое. Я буду отвѣчать. 2-ое. Я поясню, на какихъ основаніяхъ я могу возвратиться. 3-ье. Все же русскому обществу будетъ извѣстно, что *я хочу* возвратиться—и 4-е. Для меня теперь ясно, что все вмѣстѣ—грубое предположеніе, сдѣланное съ вѣдома правительства. Переписка объ этомъ будетъ насъ безъ „Колок." держать à flor. Отвѣтъ я напишу ему въ нѣсколько словъ для Петер. Другой напечатаю, но въ формѣ ли письма, или Приб. къ „Колоколу"—это вопросъ.

Въ „Вѣстникѣ" Каткова есть мнѣ отвѣтъ на мою статью. Ее необходимо имѣть.

160.

(1869 г.?) 27 апрѣля. Visconti. Вечеръ, 8 часовъ.—Воля твоя, телеграфировать не стану. Ты все порешь горячку. Къ 10-му мая буду въ Женевѣ, если не встрѣтится бѣды.

Я зарѣзанъ неимѣніемъ „Русск. Вѣстника" за январь. Можешь справиться у Георга. До 7 врядъ уѣду ли.

Подробности—въ слѣдующемъ письмѣ.

Да въ чемъ дѣло? Что̀ за таинственность?

161.

(1869 г.) 18 мая. Вторникъ. Aix les Bains. H-l Guillañd. (3 maison).—Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашимъ рапортъ о благополучномъ пріѣздѣ въ Бани. На таможнѣ въ Белгардѣ встрѣтился (я его вездѣ встрѣчаю, въ Лугано, въ Lyon, въ Марселѣ) Каншинъ, который безъ жены меня не боится. Онъ пересѣлъ ко мнѣ въ вагонъ. Изъ Петерб. онъ уѣхалъ въ концѣ апрѣля и ѣдетъ прямо туда черезъ Парижъ (пять ночей въ вагонѣ!). Говоритъ, что въ Россіи больно плохо, а самъ все богатѣетъ.

Nat. и Лизу засталъ въ вожделѣннѣйшемъ здравіи, отдалъ письма и пр. Вѣроятно, въ пятницу или субботу пріѣдемъ. Пока онѣ приведутъ себя въ порядокъ, панъ съѣздитъ за тобой. Я полагаю, что больше *четырехъ* дней тебя утомятъ (предполагая, что ты всякій день будешь пріѣзжать въ третьемъ часу и уѣзжать въ десятомъ). А потому къ 25-му мы бы могли Вишами или чѣмъ инымъ ѣхать. Мнѣ кажется, что во всѣхъ случаяхъ Брюссель основательно изучить, въ виду переѣзда, стоитъ.

Я вчера говорилъ съ Nat., и дѣйствительно вижу, что въ Женевѣ трудно что-нибудь сладить. Но, приготовляясь мѣсяцевъ шесть, можно изыскать удобный путь для тебя въ Брюссель. Отъ Женевы до Брюсселя собственно 30 часовъ ѣзды. Разбивши путь на три дня и постоянно бравши купэ, сладить можно. Но можно ли безъ Тхоржевскаго? или эквивалента? До тѣхъ поръ и Тупу пансіонъ можно сыскать. Да и Генри, наконецъ, ты освободишь въ работу (à propos, кто именно тебѣ говорилъ, что

онъ лѣтомъ поступитъ въ работники? Мнѣ кажется, что это говорилъ только онъ, и тогда не мѣшаетъ справиться).

Еще слово. Я отдалъ Чернецкому 118 фр. за напечатанное. Это будетъ отнесено на Бахм. Но Тхорж. говорилъ, что, кажется, и ты за свое ему что-то платилъ. За чтò? И сколько? Если за послѣд. статью и двѣ, то это подлежитъ возврату.

У меня нѣтъ ни одного экземпляра декларацiи „Отъ издат. Колокола“. Не можешь ли припасти? Посылать не нужно. Остальное передай пану. Здѣсь необычайно хорошо.

NB.—3 часа. Сейчасъ телеграмма: у Саши сынъ Владимiръ. Скажи пану.

162.

(1869 г.) 28 iюня. Воскресенье. Hôtel Romain.—Пользуясь тѣмъ, что пишу Тхорж., чтобъ онъ телеграфировалъ Долгор.-сыну, извѣщаю, что письмо твое (и всѣ остальныя) пришло.

Я твердо убѣжденъ, что ты никогда не былъ дальше отъ всякой апоплексiи, какъ теперь. Тату также удивило твое лицо, какъ и меня, въ послѣднiй прiѣздъ. Твоя апоплексiя, какъ „истина“, in vino: ты не пьешь.

Жалѣю, что ты думаешь, что я на Тату сердился. Еслибъ ты прочелъ къ ней записки мои, ты не думалъ бы это. А что она пустилась очертя голову черезъ Mont Cenis, я пожурилъ. Тата мнѣ ближе по всему.

Чернец. посылаю коррект. Статью о пуляхъ, какъ глупую и мерзкую, бросилъ.

Мальвиду пришлю изъ Базеля. Пиши въ Базель.

Bâle, poste-rest. Я тамъ буду во вторникъ. Ѣду на весь день къ Шофуру.

163.

(1869 г.) 30 iюня. Strasbourg, Hôtel de Paris.—Пиши въ Bruxelles, poste-restante. Здѣсь дѣлать нечего, и, вѣроятно, 2-го утромъ мы тамъ будемъ. Nat. была послѣднiе два дня нездорова,—сильныя головныя боли и вообще ревматизмъ. Она, кажется, не выноситъ сквозныхъ вѣтровъ (и это наслѣдство Ал. Ал.). Лиза ѣстъ, спитъ и въ самомъ веселомъ уморѣ. Вотъ и все.

Жду отъ тебя твою нравственную смѣту по части новаго „Колокола“. Не взять ли ему эпиграфъ Пугачева: „Redivivus est ultor“? Вотъ былъ бы радъ Нечаевъ. Но одно не забудь: „Коло-

колъ" невозможенъ въ направленіи, которое ты и Бак. приняли. Онъ можетъ только издаваться въ духѣ прежняго. Сверхъ того, voleo videre корреспонденціи.

Я, можетъ, напечатаю гдѣ-нибудь въ Брюсселѣ часть нашихъ препинаній (по части соціализма, можетъ, формы слѣдуетъ измѣнить).

Не забудь послать Сашѣ отвѣтъ для Pennisi; сдѣлай его не пространнымъ.—Прощай.

164.

(1869 г.) 31 іюля. Суббота. — На дѣло фонда не будемъ возвращаться. Половина его, *минусъ* взятыхъ,—въ твоемъ распоряженіи. Изъ возможныхъ случаевъ предвидь и случай возвращенія съ Маркизскихъ острововъ. Мнѣ не совсѣмъ нравится, что ты, не знаю почему и изъ какихъ источниковъ, ставишь не ту цифру, какъ я. Я писалъ, что всего выходитъ 2.050, а ты — что всего вышло 1.650. Не бывши увѣреннымъ, я не сдѣлалъ бы „этой корректы", какъ говоритъ Чернецкій, а посему прилагаю счетъ. Я ошибкой послалъ 45 фр. лишнихъ Тх.: у меня оставались 105, а не 150. Аминь.

Куда ѣдетъ Бакун. и какую работу онъ ищетъ? Онъ работать не хочетъ. Бакунинъ—великія дрожжи, ferment, если надобно приводить въ броженіе, и великій міазмъ, если не нужно. Каждый день его въ разрѣзъ всѣмъ его ученіямъ. Его былое даетъ ему права на исключенія, но, можетъ, было бы лучше не пользоваться ими. Работа у него подъ носомъ, напрашивается, но онъ не хочетъ ея, онъ свыкся съ жизнію „вагабунда". А чтобъ доказать тебѣ, что это такъ, вотъ опытъ. Я дней черезъ десять увижусь съ Bulloz и La Croix. Bulloz предлагалъ Бакун. большую цѣну за отрывки изъ его записокъ для „Rev. des Deux M." Записать исторію своего заключенія въ Дрезденѣ, Ольмюцѣ, Грачинѣ и т. д. менѣе трудно, чѣмъ статьи, которыя онъ *началъ* для „писова" конгресса. Я ему предлагаю вступить вновь въ переговоръ съ Мазадомъ или Бюлозомъ черезъ меня, но для этого нуженъ *срокъ* доставки работы. Или онъ откажется, или не сдержитъ слова, — въ обоихъ случаяхъ ясно, что работать онъ не хочетъ. Посмотри, какъ работаетъ Люисъ, да какъ работаютъ у насъ, по словамъ Пятковскаго.

Письмо Лизы было не отвѣтъ, а такъ, вздоръ. Она очень не экспансивна на этотъ счетъ. Письмо твое имѣло, впрочемъ, трудные обороты: „наши отношенія не мѣняются". И еще разъ,

Огаревъ, скажу тебѣ, что я рѣшительно не понимаю, о какой откровенности ты говоришь. Все именно теперь такъ и дѣлается, какъ ты говоришь. Ни отъ кого здѣсь не было скрыто настоящее положеніе. Имѣть право людямъ несогласнымъ говорить: „ступайте къ чорту"—я не признаю, такъ какъ не признаю всѣхъ ихъ (несогласныхъ) „подлецами". Это, другъ мой, все неистовства. Но отходить отъ нихъ буду. Въ чемъ же недостатокъ откровенности?..

Возвращенье въ Россію дѣтей, съ тѣмъ именемъ, которое я имъ пріобрѣлъ, было моей мечтой...

Но я все принимаю, какъ фатумъ, и желалъ бы спокойно провести немного времени, записать еще кое-что людямъ на память и потухнуть безъ особой боли.

У тебя есть какая-то теорія pro domo sua, по которой слѣдуетъ любить всѣхъ дѣтей, кромѣ своихъ. Еслибъ это было такъ, надобно было бы, по крайней мѣрѣ, выбирать ихъ, чтобъ молодое поколѣнье въ новомъ и преображенномъ видѣ изящно продолжало хорошую сторону нашей жизни. Отчего же всѣ уйдутъ и затянутся мелкой западной жизнью, и не будетъ никого представителя нашей русской дѣятельности? Я на Тату надѣялся.

И это все вздоръ.

А ты пишешь, „что тебѣ скверно". Отчего тебѣ скверно? Оттого что фондъ не лежалъ передъ тобой какъ открытая табатерка, оттого что у меня нѣтъ вѣры въ невѣроятное.

Огаревъ, не клевещи на судьбу! У тебя двѣ вещи тяжелы: ты укралъ (я употребляю твое нелѣпое слово) свое здоровье и ограбилъ самого себя. Это важно, но помимо ты на судьбу не пеняй.

Книгу Декабриста досталъ.

Насчетъ Тхорж. помни, что я его подбилъ ѣхать изъ Лондона, ergo, обязанъ выдыбать.

165.

(1869 г.) 6 августа. Пятница. — И оттого что писемъ не было, и оттого что не о чемъ было писать, я откладывалъ до сегодняшняго утра. Во-первыхъ, пунктъ за пунктъ отвѣты.

1-ое. Если Бакун. очень узломъ къ гузку, то я готовъ всегда тебя уполномочить ему вручить 100 и до 200 фр., которые ты получишь къ 1 сентября *плюсомъ* къ твоимъ 400. Тхорж. можетъ занять, если нѣтъ на лицо, хоть у Касаткиной, для меня.

2-ое. Не зная обстоятельствъ, не слѣдовало меня винить за Тхорж. Если онъ тебѣ покажетъ мое письмо сегодняшнее, ты узнаешь дѣло вѣрнѣе. *Не я, а онъ* десять разъ говорилъ, что онъ теперь ничего не дѣлаетъ, а деньги получаетъ даромъ. Это правда, и я отдавалъ полную справедливость его честности. По несчастію, это была фраза. Онъ ее говорилъ искренно, но съ задней мыслію, что я ничего не сдѣлаю,—и попался. За что же ты бранишь меня? Тебя несчастія научили знать цѣну деньгамъ. Разочти же положеніе Тхорж. Онъ помимо квартиры получалъ около 1.200 фр., и пока у него не было куска хлѣба, я, какъ виноватый приглашеніемъ, молчалъ. Обстоятельства перемѣнились, наслѣдство (полученное косвенно черезъ меня, какъ онъ самъ мнѣ сто разъ говорилъ) обезпечило ему хлѣбъ. Онъ пишетъ, что ему въ Женевѣ *скучно*. Я ему пишу: отдайте мнѣ вашъ капиталъ на сохраненіе, я буду вамъ платить 2.500 въ годъ, и капиталъ къ вашимъ услугамъ по первому требованію. Одна мысль, что я эти деньги употреблю долею на Чернецкаго, его испугала (а ему что̀ за дѣло, хоть бы я въ море бросилъ), и между прочимъ онъ написалъ мнѣ, что 2.500 на прожитокъ ему мало, что ему жизнь стоитъ до 5 фр. въ день помимо квартиры. Зачѣмъ же онъ тратитъ 5 фр., когда всѣ небогатые люди живутъ въ пансіонахъ по 4 (съ квартирой и прислугой)? Онъ пишетъ, что надѣется получить 5.000 въ годъ. Дай Богъ 50 т., но это все вздоръ. Я тогда ему сказалъ: вы будете получать процентами 1.800—1.900; я охотно буду платить вамъ 600 за исполненіе порученій, а 2.500 вамъ довольно (это-то и оскорбило). И не только онъ по шляхетскому гонору, но ты на меня же и вскинулся. Да что̀ же это за комедія? Я прямо говорю, что, съ прекращеніемъ „Колок.“, Тхорж. работа=0. Къ тому же онъ облѣнился, ему, вѣроятно, хочется жить какъ rentier. Можно ли это отъ 25 т.?

Работа на словахъ у всѣхъ, а на дѣлѣ? Ты называешь работой *охоту* Бакунина редижировать журналы. Но работать надобно то, что̀ доставляетъ auskommen. А Записки требовали у него съ 1863... Семь лѣтъ!

Увѣряю тебя, что быть одному съ капиталомъ тягостно. Ты *облегчилъ* себя. Я долженъ быть министромъ финансовъ за всѣхъ, но справедливости не жду. Ты видѣлъ по отчету Rotch., что къ 1 іюля у него 19 т. Я уже послалъ 3.500 въ Флор. и взялъ 2.500. Остальныя, сверхъ того, что̀ пойдетъ на домострой, я готовъ употребить на машину Чернецк. (изъ фонда). Но кто французъ и какія гарантіи? Можетъ ли онъ поправлять? Я самъ

буду въ Парижѣ на-дняхъ и могу узнать о машинѣ. Спроси его адресъ. Но смотри, надобно и Чернецкаго хорошенько пробрать.

Я готовъ ждать до 11-го отвѣта на это письмо. Конечно, вдвое лучше видѣть Ботк. въ Парижѣ, чѣмъ въ Трувиллѣ. Мнѣ же въ Парижѣ быть необходимо. Да не поѣдетъ ли Ботк. Брюсселемъ? Сроки и пр. мнѣ нужны подробно и ясно. Съ Мерч. успѣю видѣться. Ольгѣ ѣхать нельзя, но Татѣ можно: лѣта не серьезная помѣха. Пятк. ужасно пустъ, ужасно некрасовецъ и все толкуетъ о журнальныхъ сплетняхъ.

Вчера были у насъ гости и длинный споръ. О, какъ туманно и невыработанно новое воззрѣніе, а туда же говорятъ о практическомъ началѣ дѣла! Пятк. игралъ очень смѣшную ролю наивностью, наивнымъ французскимъ языкомъ и боязнью жабы, потому что горло болѣло.—Прощай.

Отвѣтъ легко можетъ быть 10-го вечеромъ или 11-го, если во-время пошлешь.

Я дѣйствительно по всему *ретроградъ*. Даже твое безпардонное сужденіе насчетъ того, что я писалъ о Татѣ, вышутило меня.

166.

(1869 г.) 7 августа. Суббота.—Одна новость, но лучше двадцати-одной: вчера получилъ повѣстку, чтобъ явиться сегодня въ министерство юстиціи, въ Sécurité publique и пр.

Недолго ждали. (Продолженіе послѣ.)

Фонтанъ знаетъ одинъ французскій языкъ, и тотъ плохо. Порусски онъ знаетъ только два слова: „*Колоколъ*“ и *Устиновъ*. „Колоколъ“, къ которому онъ приплачивалъ, и Устиновъ, который приплачивалъ ему. Если Бак. въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ печатать, то слѣдовало бы прислать не *два* экз. русскихъ, а одинъ переводъ. Сумлѣваюсь, чтобъ нашелся здѣсь журналистъ, который бы напечаталъ. Но постараюсь, когда будетъ переводъ (могу и изъ Парижа, и отовсюду переслать). Ужасти, какіе вы практическіе люди!

Сообщи Тхорж. новость. Вотъ и перемѣна въ Зодіакѣ. A propos, изъ денегъ, полученныхъ отъ Мерч., возьми, какъ я писалъ, для Бакунина.

6 часовъ.—Tout finit par des chansons. Говорили, говорили: зачѣмъ, къ чему, будетъ ли „Колок.“ изд. въ Брюсселѣ, и что

другое, буду ли я писать въ журналахъ; а кончили, что просто жить. Учтивости страшныя. Детали послѣ. А все же остаться не хочу надолго.

167.

(1869 г.) 9 августа. Понедѣльникъ. — Отъ Саши получилъ вчера письмо: Совѣтъ народ. просвѣщ. прислалъ ему титулъ профессора-libero, т.-е. доцента съ званіемъ профессора. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ перестаетъ быть ассистентомъ Шиффа и хочетъ сдѣлать опытъ читать лекціи. Жалованья не будетъ. Увидимъ, что̀ сдѣлаетъ.

Ольга все не очень здорова.

Бѣдный Долфи, гигантъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, вдругъ почувствовалъ себя сумасшедшимъ, пошелъ въ полицію, прося, чтобъ его заперли, а то надѣлаетъ бѣдъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ въ полномъ бѣшенствѣ.

Подробности моей conversazione напишу на досугѣ. Я могу здѣсь жить сколько хочу, но хочу немного. Съ нетерпѣніемъ жду вѣстей о Б—нѣ, и, можетъ, поѣду съ Nat. и Лизой въ Гавръ (это возлѣ Трувилля, но не такое людное мѣсто), оставлю ихъ тамъ и поѣду въ Парижъ. Я отложилъ именно по новымъ планамъ мою поѣздку. Можетъ, начало зимы и осень я проведу въ Женевѣ. Объ этомъ яснаго рѣшенья нѣтъ.

Пятк. въ сильномъ конфузѣ уѣхалъ въ Парижъ. Его и мой казусъ сконфузилъ,—онъ же ходилъ ежедневно,—а главное то, что твое письмо, посланное на имя Бартошевскаго, никогда не приходило въ Ліежъ. Вспомни, кто носилъ, и какъ было подписано. Оно не красиво. Это было послѣ ихъ телеграммы.

Представь себѣ, что̀ за извращеніе нравовъ. Бельгійскіе фабриканты инженеру Барт. уступали 70 т. фр., и онъ чуть за это не съѣздилъ палкой, а уступку сдѣлалъ въ пользу своей компаніи. Où va le monde?

Отъ Таты Сат. письмо... Умъ положительный и свѣжій. Недовольна „ансертами“, какъ выражаются парижскіе мальчики. Она съ негодованіемъ и порицаніемъ говоритъ о томъ, что они въ Москвѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ прожили 20 т. руб. Каково? это почти вдвое противъ годовыхъ издержекъ моихъ. Оттого-то я и браню за то ихъ, что тебѣ не могли и до пожара высылать. Сат. пишетъ, что пришлютъ что-то. — Прощай. Бельгію, стало, по боку.

P.-S. Прежде чѣмъ писать къ Нефталю или Капу о Кельсіевѣ, дай прочесть статью. Затѣмъ, я не подписываюсь подъ письмами, въ которыхъ есть слова ... ...Вообще, твое англійское письмо писано тяжелымъ, британски-канцелярскимъ слогомъ. „Вѣстника“ еще не получилъ.

Пиши еще разъ сюда. Вообще, до перемѣны адреса пиши.

Надѣюсь, что ты утѣшилъ Тхорж. Его жаль, но онъ все же не правъ.

168.

(1869 г.) 26 сент. Парижъ. H-l du Londres. № 328.—Я вчера хотѣлъ приписать, но Лиза и Nat. сразу бросили письмо въ ящикъ, не сказавъ мнѣ. Впрочемъ, писать собственно не о чемъ, кромѣ того, что sain et sauf пріѣхали сюда. Боткина видѣлъ и обѣдалъ вчера у него. Онъ немного недоволенъ тѣмъ, что я не былъ въ Vichy. Хочетъ завтра спеціально осмотрѣть. Мерч. уѣхалъ въ Дрезденъ въ тотъ день, когда я пріѣхалъ.

Сегодня получилъ письмо Т. (отъ 24) и газету Лозанскую. Если они не отвѣчаютъ, дѣлать нечего. Моя антипатія къ нимъ еще разъ оправдывается.

Жду Вихерскаго. Онъ мнѣ не очень нравится, но человѣкъ умный. Съ нимъ придетъ Крамеръ, дѣйств. ст. сов. и кавалеръ.

Ты сколько далъ Бакун.—100 или 200 фр.? Если 100, то дай еще на дорогу, если нужно, 100. Я вышлю. Ты знаешь или нѣтъ, кто долженъ тебѣ вручить 500?

Въ доказательство того, что я здѣсь не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать, а все же числюсь по львамъ,—посылаю вырѣзку изъ газетъ. Въ театрѣ я былъ, но ни одного знакомаго лица не видалъ. У нихъ своя полиція, а можетъ одна и та же. Вырѣзку эту подношу Тхоржевскому вмѣстѣ со слѣдующими строками. Прощай.

169.

(1869 г.) 3 октября. Воскресенье. ...Озеровъ *уже успѣлъ* попросить взаймы 600 фр. Я отвѣчалъ, что готовъ ему помочь и прислать 100, но такихъ авансовъ не дѣлаю.

500, о которыхъ я писалъ, ты долженъ получить отъ Жук.

Въ журналахъ мудрено начать снова шумъ о дѣлѣ Обол., но я постараюсь. Отвѣчать Мрачк. нечего, если онъ самъ пріѣдетъ. Я зналъ, что, пропустивши время, дураки все потеряли.

Пришлю тебѣ статью Гесса противъ Бакунина. Гесса этого я когда-то зналъ хорошо (извѣстный споръ пентархистовъ съ тріархистами въ сороковыхъ годахъ). Видно, Максиды не такъ-то примирились съ Бакун., какъ онъ съ ними. Но, въ сущности, отними гнусныя инсинуаціи, Гессъ говоритъ то, что̀ я говорю, и, стало, по всѣмъ статьямъ, которыя я цитировалъ въ прежнихъ письмахъ, и по этой, я констатирую, что есть не только патологическая разница отъ остановки мозга, но и разница логическая между вашей безпардонностью на словахъ и откровеннымъ скрутаторствомъ моимъ и другихъ. Разница въ опредѣленіи моментовъ, разница въ опредѣленіи средствъ и, — по моему, это вовсе не шуточное дѣло,—совершенная разница языка, глоссологіи. Тебѣ, напр., кажется хирургическая фраза — не бѣда, а мнѣ бѣда. Ты думаешь, что призывъ къ сквернымъ страстямъ—отместка за скверну дѣлающуюся, а я думаю, что это — самоубійство партіи, и что никогда, нигдѣ не поставится на знамени эта фраза. Всѣ возстанія въ исторіи — ты все ссылаешься на прошедшіе перевороты—были сдѣланы монахами, суровыми аскетами, у которыхъ за всѣ страсти была одна. Возьми Кромвелевыхъ солдатъ, дѣятелей XVIII столѣтія. „Да это фраза". Зачѣмъ же употреблять дерзкія и вредныя фразы?

Что ты не понялъ, что̀ я сказалъ „о наслѣдствѣ", это не моя вина,—видно, другіе были счастливѣе. Гессъ начинаетъ свою статью тѣмъ, что удивляется, какъ конгрессъ коллективную собственность принялъ, а наслѣдство помиловалъ. Ясно, что нѣтъ логики. Отчего же ты издѣваешься надъ моимъ замѣчаніемъ? Я и первый декретъ (о собственности) не считаю вполнѣ оправданнымъ, и въ самомъ проектѣ бездна государственнаго бабувизма. И за что же никто не помянулъ русскую общину, которая показываетъ коллективное владѣніе органично. Это бы я назвалъ дѣломъ, и только за это жалѣю, что меня не было.

Языкъ Бакун. точно наканунѣ катастрофы. Его тѣшитъ быть пугаломъ однихъ, подавлять другихъ смѣлостью безпардонности. А въ сущности, кромѣ силы мысли и исторической попутности, еще ничего нѣтъ. Вглядывался я раскрытыми глазами въ Брюсселѣ, и здѣсь вглядываюсь,—думаю, что до этой поѣздки у меня былъ излишній пессимизмъ, особенно къ Парижу. Но сангвиническихъ упованій я не дѣлю. Ни единства, ни соглашенья въ началахъ, ни денегъ, ни матеріальныхъ силъ. Противъ—не одна громадная сила.

P.-S. Журналъ съ статьей Гесса я послалъ на имя Тхорж.

Завтра Reclus (Elysée — умный) даетъ первый урокъ Лизѣ,

но, по несчастію, онъ черезъ мѣсяцъ ѣдетъ. Онъ дѣльный ученый.

Передъ обѣдомъ. Воскресенье. — Пожалуйста, дай окончательное рѣшеніе по дѣлу. Бакстовскаго шрифта. Мнѣ все равно. Чернецк. мнѣ пишетъ, что ему онъ вовсе ненуженъ. Изъ фонда я готовъ выдать, но рѣшите сами, спорить и прекословить не буду.

170.

(1869 г.) 6 октября. H l du Londres № 328. — Письма получены и пр. Вчера я былъ у Таксиль-Делора, и, кажется, всего ближе и вѣрнѣе, что я почти цѣликомъ IV т. „Былое и Думы" напечатаю въ „Siecle". „Siecle" управляется совѣтомъ, и поэтому имъ слѣдуетъ дѣло обсудить сообща. Я предпосылаю письмо, въ которомъ говорю, что съ ихъ направленіемъ *не согласенъ.* Они принимаютъ. Далѣе, — и это прямо касается тебя, насъ, — они не только безусловно принимаютъ нашу корреспонденцію объ Россіи, но просятъ объ ней. Напиши мнѣ какъ-нибудь (только по-французски) о крестьянскомъ дѣлѣ къ марту 70-го года, и что хочешь. Я изъ „Голоса" кое-что составлю.

Былъ у меня Вырубовъ. Необыкновенно любезенъ, и по-своему уменъ, но ненависть страшная и дѣтская ко всему русскому меня просто дивитъ. Онъ придетъ на дняхъ съ Боборыкинымъ и какимъ-то Рагозинымъ, котораго очень хвалитъ.

Если можно, пришли на дняхъ, exempli gratia, къ середѣ, какую-нибудь корреспонденцію. (Не замѣнитъ ли это „Колоколъ"?)

Селестинскую воду пью. Изъ всѣхъ докторовъ, разумѣется, правѣе Шиффъ, говорившій, что діабетъ—случайный, и что при чирьяхъ всегда много сахару. Чирьевъ теперь годъ цѣлый нѣтъ, и сахару ничтожное количество — 0,99 на 1.000 гр.

171.

(1869 г.) 12 октября. Вторникъ. — Не знаю, гдѣ Шурцъ, но навѣрное не въ New-York'ѣ. Капъ — тамъ, и я ему напишу. Но, милѣйшіе юноши, если вы думаете, что это легко, потому что Бакун. *хотѣлъ* натурализоваться въ Бостонѣ, то вы ошибаетесь, даже если бъ *онъ хотѣлъ* натур. въ „вистѣ". Желаніе правъ не даетъ по старому міроустройству. Далѣе, паспорта не

нужно мѣнять. У меня паспортъ 63-го года, périmé 6 лѣтъ. Затѣмъ, завтра напишу Капу и отвѣтъ попрошу отправить въ Женеву, по адресу Тхорж.

Вчера я обѣдалъ у романиста и историка Кларти. Онъ очень милый и дѣльный человѣкъ. У него былъ Степанъ Араго и безъ умолку говорилъ... Саперлотъ!—съ 1848 году ни шагу впередъ, ни тѣни пониманія новыхъ стремленій, даже старые шансоны остались. Я попробовалъ поспорить, но, видя ненужность, оставилъ. Самое поразительное дѣло здѣсь—это совершенное отсутствіе единства. Ну, что же можетъ выйти? Сумбуру бездна. Разумѣется, главное теченіе пробьется, но какъ—chi lo sa?

А до вашего свирѣпенства еще какъ до луны. И оттого объявленія объ уничтоженіи права собственности и устраненіи политическихъ вопросовъ—такая же нелѣпость съ другой стороны, какъ попытки возстановить сорокъ-восьмой сюрпризъ.

Вырубовъ — самый счастливый человѣкъ послѣ Голынскаго: всѣмъ доволенъ, все объясняетъ, все понимаетъ, ни въ чемъ не сомнѣвается, ни о чемъ не печалится.

Мрачковскій былъ. Разсказъ его смутенъ. Уѣхалъ, пріѣдетъ—уѣдетъ. Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго участія, но брошюру ихъ разошлю, если дадутъ экз. 20.

Въ четвергъ иду знакомиться съ Littré. M-me B. не видалъ еще (сначала я и догадаться не могъ, что за генеральша; эта метода ребусовъ не забавна). Не давай просто адреса моего,—застанутъ врасплохъ, одѣться негдѣ, дверь прямо изъ коридора,—а говори, чтобъ присылали сперва дамы за мной, а кавалеры—узнать, когда я дома.

Читаешь ли о „грэвахъ" здѣсь и о бойнѣ? Прощай.

Отчего же Бакунинъ вдругъ идетъ на покой? Что Туцъ шалитъ — не бѣда. Присматривай за репрессивными мѣрами: онѣ всегда дѣлаютъ вредъ.

172.

(1869 г.) 26 ноября. Суббота. Hôtel d'Espagne, Rue Taitbout.—Докторъ Blanche былъ вчера у Лизы. Онъ находитъ, что она сильно простужена, и велѣлъ ее держать въ комнатѣ Здоровье ея—не изъ крѣпкихъ. Теперь и Леля кашляетъ Погода ужасная. Сегодня я спалъ порядочно первую ночь, и голова не болитъ. Да вотъ еще: я здѣсь совершенно потерялъ апетитъ. У Нелатона былъ. Это—министерскій пріемъ. Десятки больныхъ томятся въ залѣ. Прождавши часа два, я ушелъ. Пойду, можетъ,

сегодня. Вчера сидѣлъ долго у Саліасъ (сына не видалъ: онъ врядъ интересуется ли особо знакомствомъ со мной, онъ зналъ, что я буду). Добрая экзальте. У ея мужа умеръ отецъ, оттого ему захотѣлось сына, но мать не хочетъ отдать. Къ Соломонову суду прибѣгнуть не хотѣли и рѣшили такъ: у мужа есть домъ въ Neuilly, одну половину займетъ онъ, одну она,—совершенно независимо,—а сынъ будетъ ходить съ половины на половину. (Кн.) Орловъ въ Фонтенебло, въ понедѣльникъ и вторникъ будетъ здѣсь, но графиня не изъявила особаго желанія показать насъ другъ другу. О тебѣ разспрашивала всѣ подробности. Отъ Ус. письмо изъ Цюриха. Братъ (Н.) Утина (Евгеній) здѣсь меньшой, его я увижу. Отъѣздъ мой зависитъ отъ Лизы и Нелатона. Онъ живетъ на Avenue d'Antin,—это два шага отъ Rue du Colysée. Если Лиза будетъ хворать, а Нелатонъ рѣзать, я переѣду въ ту же Avenue, гдѣ видѣлъ (т.-е. не видѣлъ, а слышалъ) двѣ превосходныя квартиры франк. въ 45 въ недѣлю. Коли же все будетъ исправно, послѣ перваго декабря уѣду. Такая тоска по покою, по отсутствію тревоги, по recueillement, что нельзя себѣ представить. Желаніе пожить одному мѣшаетъ мнѣ думать, смотрѣть, читать. Рапортъ о твоемъ здоровьи хорошъ, и за то спасибо. Прощай.

Сейчасъ меня изнасильничалъ педикуръ, пришелъ, часъ говорилъ, снялъ сапогъ, вырѣзалъ мозоли, я его увѣрялъ что не хочу, онъ, не слушая рѣзалъ, и взялъ 15 фр. „Et libera nos de pedicuribus!“

3 часа. 15, Colysée. Нелатонъ рѣзать готовъ, когда я хочу—послѣ поѣздки или прежде.

Вотъ и всѣ новости.

7 часовъ. Véfour. Сейчасъ отъ Мишле. Принялъ съ распростертыми объятіями, милый старикъ. Въ четвергъ звалъ обѣдать и зоветъ для меня Henry Martin и *Мицкевича*. Лизѣ лучше.

28, Воскресенье. Письмо опоздало, но это не бѣда, потому что сегодня у васъ нѣтъ почты, Лизѣ ничего, хотя и нездорова еще. У меня у самого что-то лихорадочное, хотя сегодня лучше. Отъ Тхорж. письмо. Твое здоровье хвалитъ.

173.

(1869 г.) 13 декабря. Понедѣльникъ. 11 час. утра.—Сейчасъ отправилъ, подъ прикрытіемъ Тхорж., Мейзенб. съ Ольгой въ Парижъ, въ знакомый имъ pension. Ѣздитъ самъ-шёстъ очень

неудобно. Вѣроятно, 15-го вечеромъ въ 8 поѣдемъ и мы. Возьму цѣлое купэ. Въ 6 утра будемъ въ Парижѣ, и вѣроятно въ то же время Тх. будетъ у тебя съ рапортомъ...

Спорить съ тобой, caro mio, не хочу и не буду. Я возражалъ тебѣ сильно не потому, что Туцъ въ школѣ или нѣтъ, а чтобъ положить предѣлъ грубому поклёпу, что я совѣтую изгнаніе твоихъ Измаиловъ въ степи аравійскія, тогда когда я стремлюсь ихъ выгнать на чистый воздухъ и работу, на ту новую жизнь, о которой ты такъ рьяно проповѣдуешь съ Бакун., о выводѣ изъ Содома и Гоморры нашей жизни. Я ихъ хочу спасти отъ страшнѣйшей бѣды—полубарскаго воспитанія, идущаго на встрѣчу нищетѣ, нуждѣ,—отъ размягченья слабыхъ нервъ, сентиментальной старости. Оцѣни разъ мужественно мой простой взглядъ. А затѣмъ кладу судьбу ихъ въ твои руки, и дѣлай что знаешь. У меня своей заботы—черезъ голову и силы. Только о Парижѣ и не думай, пока ты не освободишься отъ Измаиловъ. Вотъ и финалъ.

Прочелъ я глупый „Запросъ" въ „Народ. Дѣлѣ". Тебѣ и Бакун. будетъ больно, что мое имя замѣшано въ дѣлѣ, противъ котораго я протестовалъ всѣми силами. Оно было нелѣпо.

Къ тебѣ ходитъ Жуковскій. Онъ, какъ покойный генералъ Лафайетъ, человѣкъ двухъ міровъ. Скажи ему непремѣнно, 1-ое, что не можетъ ли онъ (пусть отдастъ тебѣ) достать рукопись моей статьи, которую (Н.) Утинъ обѣщалъ напечатать, или хоть наборъ, который я поправлялъ; 2-ое, что послѣ тридцатилѣтняго путешествія по блатамъ и дебрямъ журналистики, русской и парижской, я въ первый разъ встрѣтилъ грубый пріемъ своей статьѣ, идущій до того, что редакція *даже не извинилась въ непомѣщеніи*, и не отмѣтила, что она имѣла статью. Это дѣлалъ Бюловъ, Делеклюзъ, не говоря о Прудонѣ. Этого не сдѣлалъ канцлеръ редакціи Трусовъ.

Что касается до „Запроса", я отвѣчаю только тѣмъ, которыхъ признаю въ правѣ спрашивать, и изъ нихъ только людямъ, или уважаемымъ мною, или вообще учтивымъ.

Тхорж. вручитъ тебѣ *370 фр.* Симъ оканчивается финансовый годъ 1869. Въ ихъ числѣ 50 на Туца, 40 получ. на вексель Сат. (1.540 fr.). Въ началѣ января ты получ. 500, и затѣмъ у меня останется 500 Сат., т.-е. къ 1 марта Zéro. Всего истрачено тобой въ нынѣшній годъ съ Туцомъ больше 7.500. Непредвидѣнные расходы будутъ также и въ 1870... 1880... Стало, придется идти на бюджетъ.

Тхор. говорилъ о Чернецкомъ:—на кой чортъ покупать типографію? надобны буквы и наборщики. Пусть онъ продаетъ кому хочетъ, за сколько хочетъ. Я буду писать къ нему. Скажи Чернец., что Тх. ему еще вручитъ фондов. 170 фр.

Журн. еще не читалъ.

Тх. увѣряетъ, что твой №. дома не 249, а 243. Какъ же рѣшить?

Если хочешь писать еще разъ сюда въ Hôtel, поспѣешь. А если придетъ послѣ, пришлютъ.

А propos. Съ включеніемъ поданной записки Тх., изъ фонда убыло всего 2.910. А польза?

174.

(1869 г.) 15 декабря. Lyon. H. d'Europe. — Краткопись вашу получилъ. Ѣхать сегодня нельзя: Тата сильно простудилась, и мы поѣдемъ или завтра (16) вечеромъ, или 17-го утромъ.

Тхорж. ѣздилъ провожать Мейз. и Ольгу до желѣзной дороги, а не до Парижа.

Мейз. телеграфируетъ, что пансіонъ ни къ чорту не годится. Я немного schadenfroh смѣюсь. Это все рекомендаціи и протекціи ея пріятельницъ сѣронѣмецкаго пошиба.

Ты пишешь, что ситуація, мною описанная, вѣрна, „но не свѣтла“. Да, таки не очень, и потому-то именно она вѣрна. Гляди прямо, такъ, какъ ты глядишь на свою болѣзнь, и твердо печально смотри на неизлечимое. Умъ и эгоизмъ внятно говорятъ, что въ „себѣпощаду“ надобно ото всего уйти, отдать деньги и попробовать уединенную жизнь. Но пощада къ другимъ, ими не оцѣненная, говоритъ другое. Устрою себѣ хоть сколько-нибудь покоя въ Парижѣ.

Жалѣю очень, что ты не прочиталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью Утина (Евг.), въ которой онъ великодушно хоронитъ насъ [1]). Многое изъ сказаннаго о насъ и К° вѣрно, но не вѣрно то себяобожаніе новаго поколѣнія, съ которымъ онъ пишетъ о себѣ и своихъ. Можно было бы написать кое-что противъ. Но объ работѣ и думать нельзя при теперешней жизни.

На первый случай—la question à l'ordre — спасти Тату, и ея излеченіе идетъ опять впередъ. Затѣмъ—счастливаго апетита.

---

[1]) „Литературные споры нашего времени“, Евг. Утина: ноябрь, 1869 г., стр. 347 и слѣд.

Чернецк. я пишу съ Тх. Разумѣется, что я не куплю типографію ни въ какомъ случаѣ, и разумѣется, что онъ имѣетъ право ее продать. Въ фондъ можно только на томъ основаніи купить, чтобъ она была продана *ниже* стоимости, такъ чтобъ въ случаѣ нужды ее тотчасъ можно было перепродать. Я предлагаю ему пока до работы платить по 100 фр. въ мѣсяцъ отъ себя.

175.

(1869 г.) 22 декабря. Середа. 8, Rue Rovigo.—Два письма отъ тебя получилъ. Дурного вліянія Парижъ на Тату имѣть не можетъ, или то дурное вліяніе, какъ всякій городъ. Тотъ, кто не хочетъ здѣсь тормашиться, можетъ сидѣть спокойно. Вспомни, что, пока я былъ во Флоренціи, ты только и писалъ о Парижѣ: здѣсь все, и медицинское пособіе, и Лувръ, и консерваторія, и общее настроеніе.

Вѣрю, caro mio, что ты сейчасъ бы пріѣхалъ. Но, во-первыхъ, это почти невозможно, а потомъ было бы unpraktisch. Подумай о томъ, что одинъ ты не пріѣдешь, а съ семьей — и думать нечего. Я débordé страшными цѣнами, но рѣшился бросить нѣсколько тысячъ для полнаго спокойства и удобства больной. Для этого необходима свѣтлая, большая квартира, и чтобъ всѣ не скучивались по здѣшнему.

А propos къ деньгамъ. Дать Бакунину 300 фр. я согласенъ. Возьми ихъ у Тхорж. и пошли (150 онъ долженъ получить изъ B-que Suisse, 150 пусть прибавитъ). Но какъ можно ихъ отнести къ фонду—я не понимаю. Это—ума помраченье. И такъ ты истратилъ до 3 т. на вредъ, а не пользу, и вдругъ сдѣлать изъ фонда Mont de piété. Право, мнѣ это въ голову не идетъ. Скорѣе купить за полцѣны типогр. Чернецк. Она будетъ представлять затраченный капиталъ. А если его раздать... напр., Мечникову, Щербак., Гулев. ...(они тотчасъ обратятся, узнавши о Бакунинѣ),—гдѣ же право отказа?—300 фр., разумѣется, изъ моихъ и безъ отдачи.

176.

(1870 г. Парижъ).—14 янв. *Пятница.* — Что̀ будетъ — не знаю, я не пророкъ. Но что исторія совершаетъ свой *актъ* здѣсь, и будетъ ли рѣшеніе по + или по —, но оно будетъ здѣсь. Это ясно до очевидности. А изъ этого еще яснѣе, что

до окончанія V-го акта и до занавѣси жить лучше здѣсь,—даже чисто зрителемъ [1]). Я сильно убѣждаю тебя прочесть всѣ подробности 12 января не только въ подломъ „Journal de Genève". Nat. и Malvida видѣли все. Я сначала не вѣрилъ, а потомъ провожалъ Тату въ другое мѣсто и видѣлъ только возвращеніе. Говорятъ, что сегодня пріѣдетъ Ледрю-Ролленъ, а Ив. Серг. Тургеневъ уже пожаловалъ. Вчера былъ у меня, не засталъ, сегодня я жду его утромъ.

Ищу квартиру на полгода, какъ только устроюсь, пріѣду въ Женеву для приведенія, елико возможно, къ одному уровню общее воззрѣніе. Вопросъ о твоемъ переѣздѣ сюда опять занимаетъ меня. Мнѣ все страшно, что ты одичаешь въ Леманной мурьѣ.

---

15 января.—Тургеневъ былъ. Веселъ и здоровъ. У него подагра, и больше, кажется, ничего. Разсказываетъ анекдоты. Сѣдъ какъ лунь.

Сегодня я расклеился: болитъ бокъ и грудь. Шарко велѣлъ сегодня полежать. Онъ славный докторъ...

Сообщ. Г. П. Георгіевскій.

---

[1]) Но уже недѣлю спустя, 21 января, А. И. Герценъ скончался, 58-ми лѣтъ отъ роду.

ИЗЪ
ГЕЙНЕ

Мушкѣ [1].

Снилась мнѣ ароматная лѣтняя ночь,
Въ лунномъ свѣтѣ мелькали картины:
Роскошь зданій старинныхъ лежала у ногъ
И временъ Возрожденья руины.

Тамъ съ дорической вышкой колонны порой
Изъ обломковъ гнилыхъ поднимались,
И въ высокое небо смотрѣли онѣ,
И надъ громомъ небеснымъ смѣялись.

Тутъ разбиты лежали печально кругомъ
Дорогія созданья скульптуры,
Гдѣ смѣшался съ животнымъ въ одно человѣкъ—
Сфинксъ, центавръ и другія фигуры.

Саркофагъ тамъ открытый высоко стоялъ,
Уцѣлѣвшій среди разрушенья,
И нетлѣнный мертвецъ въ томъ гробу почивалъ
Съ видомъ, полнымъ тоски и смиренья.

Карьятиды, казалось, держали съ трудомъ
Этотъ гробъ средь усилій совмѣстныхъ;
Былъ украшенъ съ обѣихъ сторонъ саркофагъ
Барельефами сценъ интересныхъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „Für die Mouche", которой и посвящалось настоящее стихотвореніе. Она была одной изъ послѣднихъ пассій Гейне — Камила Сельденъ; поэтъ въ заглавіи назвалъ ее ласкательно: „Mouche".

Здѣсь увидишь роскошный, развратный Олимпъ
Въ блескѣ славы со всѣми богами;
Прародитель Адамъ рядомъ съ Евой стоятъ,
Прикрываются смоквы листами.

Вотъ сожженіе Трои, Елена, Парисъ,
Гекторъ—славный троянскій воитель,
Моисей, Ааронъ, и Эсѳирь, и Юдиѳь,
Олофернъ—безпощадный властитель.

Вотъ Плутонъ съ Прозерпиной и Фэбъ-Аполлонъ,
Здѣсь Меркурій, Амуръ шаловливый,
И Пріапъ, и Силэнъ, и Венера, и Вакхъ,
И Вулканъ—мужъ Венеры ревнивый.

Вотъ стоитъ говорящій отлично оселъ,
Знаменитый оселъ Валаама,
И лежитъ съ дочерями упившійся Лотъ;
Искушаетъ Господь Авраама.

Здѣсь танцуетъ жестокая Ирода дочь
Съ головою пророка на блюдѣ;
Петръ съ большими ключами отъ райскихъ дверей;
Адъ, гдѣ—жалкіе, грѣшные люди.

На другой сторонѣ изукрашенъ рѣзцомъ
Зевсъ съ своимъ похожденьемъ нечистымъ,
Какъ онъ лебедемъ къ Лэдѣ прокрался тайкомъ,
А къ Данаѣ—дождемъ золотистымъ.

Тамъ Діана съ толпою воинственныхъ нимфъ
Развлекается дикой охотой;
Въ женскомъ платьѣ за прялкой сидитъ Геркулесъ,
За докучною женской работой.

Тутъ же виденъ горящій высокій Синай,
Вотъ Израиль стоитъ у подножья;
И съ премудрыми диспутъ Младенецъ ведетъ,
Чтò есть свѣтлая истина Божья?

Здѣсь контрасты такъ рѣзко попарно слились —
Жизнерадостныхъ грековъ идея,
Іудейская строго-священная мысль...
Плющъ обѣихъ сжимаетъ, лелѣя.

Но межъ тѣмъ какъ съ вниманьемъ разсматривалъ я
Въ барельефахъ далекія саги,
Мнѣ представилось: самъ я — тотъ кроткій мертвецъ,
Что нетлѣннымъ лежитъ въ саркофагѣ.

Въ изголовьи роскошной гробницы моей
Росъ цвѣтокъ желтовато-лиловый;
Полонъ прелестью нѣжной безумной любви
Былъ цвѣтокъ тотъ загадочно-новый.

Цвѣтомъ мукъ и страданій зовется цвѣтокъ,
На Голгоѳѣ онъ выросъ въ печали,
Въ день, когда пролилась Искупителя кровь,
Какъ Христа палачи распинали.

И цвѣтокъ этотъ служитъ уликой убійцъ,
Что̀ надъ Праведнымъ дико глумились—
Въ немъ орудія пытки при казни Христа
Въ его чашечкѣ всѣ отразились.

Принадлежности казни увидишь въ цвѣткѣ,
Здѣсь представлено пытокъ собранье—
Напримѣръ: бичъ, веревка, терновый вѣнецъ,
Крестъ и гвозди при немъ для вбиванья.

Тотъ цвѣточекъ склонился надъ тѣломъ моимъ,
Цѣловалъ мнѣ холодныя руки,
Какъ цѣлуетъ вдова съ безутѣшной тоской
Мертвеца при послѣдней разлукѣ.

Въ томъ цвѣткѣ я узналъ по лобзаньямъ тебя—
Ты таилась, малютка, напрасно:
Такъ безумно и жарко не плачутъ цвѣты,
Такъ цвѣты не цѣлуются страстно.

Хоть закрыты глаза, но я вижу душой
Взоръ твой, полный горячимъ привѣтомъ...
Ты глядишь на меня съ восхищеньемъ нѣмымъ,
Озаренная мѣсяца свѣтомъ.

Мы молчали, но слышало сердце мое,
Что̀ сказала безъ словъ дорогая!—
Въ каждомъ сказанномъ словѣ безстыдство живетъ,
Молчалива—любовь золотая

О, безмолвная рѣчь! Не повѣритъ никто,
Какъ при нѣжномъ, понятномъ молчаньи
Быстро время неслось въ упоительномъ снѣ,
Въ эту ночь и любви, и страданья.

Ахъ, не спрашивай, нѣтъ! Не скажу я того,
Что мы съ нею въ ту ночь говорили—
Ты спроси свѣтляка, что̀ онъ шепчетъ травѣ,
И что̀ вѣтеръ поётъ надъ могилой?

И зачѣмъ драгоцѣнный карбункулъ блеститъ?
И фіалки зачѣмъ распускались?
Но не спрашивай только, о чемъ въ эту ночь
Тотъ цвѣтокъ и умершій шептались?

Я не знаю, какъ долго, блаженно лежалъ
Въ саркофагѣ моемъ молчаливомъ,
Но нарушилась тихая радость моя,
И со сномъ я простился красивымъ.

Смерть! Лишь ты можешь дать бѣднымъ дѣтямъ земли
Наслажденье въ могильномъ покоѣ—
Вмѣсто счастья даетъ намъ нелѣпая жизнь
Страсть, одно наслажденье больное.

Но исчезло блаженство и счастье мое—
Шумъ внезапно раздался крикливый;
Это былъ ужасающій, яростный споръ...
Испугался цвѣтокъ мой стыдливый.

Эта брань съ отвратительнымъ лаемъ вражды,
Съ нескрываемой злобою длится.
Я узналъ голоса мнѣ знакомыхъ фигуръ—
Споръ вели барельефы гробницы.

Въ барельефахъ пылаетъ о вѣрѣ вражда,
И враговъ раздѣляетъ идея—
И кричитъ богъ лѣсной, жизнерадостный Панъ,
И проклятья гремятъ Моисея.

Не окончится споръ никогда, никогда—
Споритъ истина здѣсь съ красотою,
И за истину варваръ-воитель стоитъ,
Эллинъ—въ нѣжномъ союзѣ съ другою.

Проклинали, бранились, шумѣли они—
Скуку споръ безъ конца нагоняетъ—
Но оселъ Валаама своимъ голоскомъ
И боговъ, и святыхъ заглушаетъ.

Дисгармоніей звуковъ доводитъ меня
До безумья оселъ тотъ негодный...
Наконецъ, я и самъ закричалъ, раздраженъ,
И проснулся въ тоскѣ безысходной.

Перев. Анатолій Доброхотовъ.

Москва.—Декабрь, 1907.

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СТАСОВЪ

Очеркъ жизни его и дѣятельности.

XI *).

Въ шестидесятыхъ годахъ ученáя и литературная дѣятельность Стасова стала развертываться все шире и шире. Его работы по археологіи приводятъ его къ сотрудничеству въ „Трудахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, и онъ въ 1861 г. (16 февр.) становится его дѣйствительнымъ членомъ. Съ этого же времени онъ редактируетъ „Извѣстія“ этого Общества, начиная съ двухъ послѣднихъ выпусковъ (5-го и 6-го) II тома и вноситъ большое оживленіе въ это дѣло, издавъ до 1864 г. (19 мая), когда онъ выбылъ изъ состава Общества, III и IV томы, состоящіе каждый изъ шести выпусковъ, и неполное число выпусковъ V тома, чѣмъ и закончилось его редакторство. „Такое оживленіе,—говоритъ Н. И. Веселовскій,—а вмѣстѣ съ тѣмъ тщательность и знаніе дѣла, обнаруженныя В. В. Стасовымъ при редактированіи „Извѣстій“, которыя стали вполнѣ удовлетворять цѣли, для которой были основаны, не прошли незамѣченными: за безкорыстное усердіе редактора, съ полнымъ успѣхомъ преодолѣвшаго всѣ трудности, сопряженныя съ изданіемъ подобнаго журнала, Отдѣленіе Русской и Славянской

---

*) См. выше: февраль, стр. 445.

археологіи въ засѣданіи 18 окт. 1863 г. выразило Стасову свою искреннюю признательность" [1]).

Немало онъ работаетъ и по этнографіи совмѣстно съ В. И. Ламанскимъ въ Отдѣленіи этнографіи Императорскаго Географическаго Общества.

Въ 1872 году умеръ Собольщиковъ, и Стасовъ, оставаясь при II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, былъ назначенъ завѣдывающимъ Художественнымъ Отдѣломъ Императорской Публичной Библіотеки. Лучшаго замѣстителя Собольщикову нельзя было и желать. Стасовъ давно уже изучилъ этотъ отдѣлъ, и дѣло о его пріумноженіи и благоустройствѣ считалъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Съ этой стороны онъ и въ библіотекѣ былъ очень хорошо извѣстенъ. Когда Стасовъ просилъ тогдашняго директора библіотеки Бычкова ходатайствовать о его назначеніи, Бычковъ въ своемъ представленіи объ этомъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, между прочимъ, докладывалъ, что „опредѣленіе г. Стасова, какъ извѣстнаго знатока изящныхъ искусствъ и уже болѣе 15-ти лѣтъ посвящавшаго безвозмездно свои труды библіотекѣ, будетъ существеннымъ для нея пріобрѣтеніемъ".

Такое назначеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало характеру, склонностямъ и способностямъ Стасова. Теперь онъ становился дѣйствительнымъ хозяиномъ Отдѣла, могъ отдаться ему не какъ пришлецъ, любитель, а какъ оффиціальный отвѣтчикъ за его преуспѣяніе. Теперь онъ получалъ законнѣйшую возможность пользоваться всѣми собранными здѣсь сокровищами и для своихъ собственныхъ любимыхъ занятій. Бóльшаго онъ никогда для себя не желалъ и никакихъ новыхъ служебныхъ назначеній за всю жизнь не получалъ, оставаясь на томъ же мѣстѣ до самой смерти. Его удовлетворяло вполнѣ сознаніе, что онъ служитъ любимому дѣлу. Онъ всегда отказывался отъ наградъ и орденовъ, и кромѣ медалей въ память царствованія императора Николая I и Александра II въ его формулярномъ спискѣ никакихъ знаковъ отличія не значится. Отъ чиновъ отказываться не приходилось, такъ какъ не производить въ чины его не могли. Того требовалъ порядокъ службы. Въ нѣкоторые чины онъ былъ произведенъ „за отличіе". Интересны мотивы .производства его въ тайные совѣтники. Въ формулярномъ спискѣ подъ датой 1884 г. февраля 10-го читаемъ: „Всемилостивѣйше пожалованъ

---

[1]) См. Н. И. Веселовскій. Исторія Имп. Русск. Арх. Общ. за первое пятидесятилѣтіе его существованія: 1846—1896 гг. Спб. 1900 г.

въ воздаяніе безмездныхъ трудовъ по изданію сборника „Славянскій и Восточный орнаментъ" чиномъ тайнаго совѣтника". Такой мотивъ производства въ этотъ чинъ являлся довольно необычнымъ. Однако трудовъ на собираніе матеріаловъ для этого изданія и на само изданіе, печатавшееся на отпущенные по Высочайшему повелѣнію 12.000 р. [1]), Стасовъ положилъ немало. Для довершенія своихъ изслѣдованій по этой части заграницей онъ въ 1880 г. просился въ отпускъ и въ своемъ прошеніи 7 марта того же года на имя директора Императорской Публичной Библіотеки, И. Д. Делянова, писалъ: „Хотя я въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ трудился надъ собираніемъ матеріала для этого сочиненія по рукописямъ важнѣйшихъ русскихъ библіотекъ, а также по рукописямъ библіотекъ: лондонской, оксфордской, парижской и другихъ, но я встрѣчаю надобность обозрѣть славянскія и восточныя рукописи: въ Прагѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ, Миланѣ и Римѣ, и потому обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ просьбою объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія на поѣздку за-границу на мой собственный счетъ, въ теченіе мѣсяцевъ: апрѣля, мая и іюня сего года". Само собою разумѣется, что отпускъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Дм. Толстымъ, былъ разрѣшенъ. Такъ же точно были оффиціально оцѣнены и другіе труды Стасова. Подъ датой 1884 г., января 1, въ послужномъ спискѣ Стасова читаемъ о томъ, что Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ „21 день февраля 1884 г. Стасову отпущено въ семъ году и положено отпускать впредь по три тысячи рублей въ годъ за труды по собиранію матеріаловъ для исторіи царствованія императора Николая I-го". Ко дню празднованія въ 1894 г. 2 января пятидесятилѣтняго юбилея учено-литературной дѣятельности Стасова, по представленію тогдашняго директора Библіотеки Бычкова и по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, Стасову была пожалована золотая табакерка, усыпанная бриллiантами и съ вензелевымъ изображеніемъ имени государя императора цѣною въ 2.000 р. [2]).

Наконецъ, въ 1899 г., ему была Высочайше назначена аренда по 1.500 рублей въ годъ на шесть лѣтъ, а въ 1905 г. эта аренда была продолжена еще на четыре года [3]).

[1]) По Высочайше утвержденному 15 февраля 1880 г. всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ.

[2]) Изъ Дѣла Имп. Публ. Библ. о службѣ В. В. Стасова видно, что этотъ подарокъ онъ получилъ деньгами.

[3]) Съ арендой Стасовъ сталъ получать содержанія до 9½ тыс. рублей въ годъ.

Высокіе чины, до которыхъ Стасовъ дослужился, обязывали его, въ порядкѣ служебной іерархіи, нѣсколько разъ исправлять обязанности директора Библіотеки [1]), но отъ назначенія директоромъ или помощникомъ директора онъ всегда упорно отказывался, не желая брать на себя административныхъ обязанностей и сдѣлаться форменнымъ бюрократомъ. Онъ слишкомъ дорожилъ независимостью, свободой распредѣленія времени, наконецъ, своей близостью къ художественному отдѣлу Библіотеки, чтобы промѣнять свое завѣдываніе имъ на директорство. А къ почету такого рода, при всемъ своемъ честолюбіи, онъ былъ совершенно равнодушенъ.

Но онъ много отдавалъ времени не только своему любимому дѣлу, но и Библіотекѣ въ ея цѣломъ. За всю свою долгую службу въ ней онъ не разъ участвовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ, то по разсмотрѣнію новыхъ штатовъ, то по переустройству ея помѣщеній. Ни одно, сколько-нибудь важное, крупное дѣло, касающееся Библіотеки, не обходилось безъ его участія.

Еще въ началѣ 1880-хъ годовъ былъ поднятъ вопросъ о расширеніи помѣщеній Императорской Публичной Библіотеки. Прежнее помѣщеніе, при ежегодномъ поступленіи до 25 тыс. томовъ, становилось съ каждымъ годомъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Сначала возникла мысль сдѣлать пристройку къ Библіотекѣ, для чего ходатайствовать объ уступкѣ мѣста, принадлежащаго Театральной Дирекціи, рядомъ съ старымъ зданіемъ Библіотеки на Александринской площади вплоть до Толмазова переулка. Это ходатайство было удовлетворено. Въ 1890 году были, наконецъ, отпущены и средства на такую пристройку. Но осуществленія это предположеніе все не получало. Возникли одинъ за другимъ два новыхъ проекта. Одинъ—въ 1891 г.—о переводѣ Библіотеки въ зданіе Инженернаго замка, другой—въ 1895 году—о переводѣ ея въ Михайловскій дворецъ. Стасовъ явно былъ за первоначальный проектъ и отрицательно относился къ послѣднимъ двумъ. Первый изъ нихъ скоро самъ собою отпалъ. Предположеніе, намѣченное къ осуществленію съ одобренія Государя, по докладу министра народнаго просвѣщенія, графа Делянова, оказалось на дѣлѣ неосуществимымъ. Хотя при разсмотрѣніи чертежей зданіе Инженернаго замка и было признано достаточно помѣстительнымъ, но осмотръ его показалъ, что, „начиная со второго этажа, въ зданіи зѝмка нѣтъ достаточно прочныхъ сводовъ, которые

---

[1]) Онъ исполнялъ эти обязанности въ 1882 г. (съ 3 іюля по 31 августа), въ 1897 г. (съ 27 іюня по 28 августа) и, по Высоч. повелѣнію, въ 1899 г.—по смерти директора Библіотеки, А. Бычкова, съ 4 апрѣля до назначенія новаго директора, Н. К. Шильдера, 12 іюля 1899 г.

могли бы выдержать тяжесть библіотечныхъ шкафовъ", а сооруженіе новыхъ сводовъ и вообще приспособленіе зданія потребуетъ слишкомъ большихъ средствъ [1]). Интересно, что та же мысль о переводѣ Библіотеки въ Инженерный замокъ была высказана въ печати еще въ 1864 году, и тогда же Стасовъ далъ автору ея довольно суровый отпоръ въ особой статьѣ, доказывая непригодность Инженернаго замка для Библіотеки [2]). Еще тогда, какъ впослѣдствіи въ исторіи съ переводомъ Румянцевскаго музея въ Москву, Стасовъ взывалъ уже къ чувству уваженія къ Библіотекѣ, какъ историческаго, національнаго памятника. „Библіотека— писалъ онъ—силою времени сдѣлалась однимъ изъ историческихъ нашихъ памятниковъ, а съ ними теперь не обращаются уже ни какъ съ кухонной посудой или экипажами, которые можно переставлять по капризу съ одного мѣста на другое, ни какъ со старымъ жилетомъ, который можно выбросить вонъ, а не то дать портному выворотить наизнанку".

Ясно, что при такомъ взглядѣ и второй проектъ перевода Библіотеки въ Михайловскій дворецъ Стасовъ долженъ былъ отвергать, какъ идущій въ разрѣзъ съ его „историческимъ чувствомъ". А между тѣмъ, этотъ проектъ имѣлъ много шансовъ на осуществленіе. Въ 1895 году состоялось Высочайшее соизволеніе, по докладу министра финансовъ, гр. С. Ю. Витте, „на пріобрѣтеніе въ казну Михайловскаго дворца съ оставленіемъ въ ономъ помѣщенія для Собственной Его Величества Канцеляріи и съ переводомъ въ означенное зданіе Императорской Публичной Библіотеки и Электро-Техническаго Института, буде сіе окажется возможнымъ, причемъ распредѣленіе дворца между указанными учрежденіями предоставлено соглашенію министровъ: финансовъ, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, а также управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріею". Для рѣшенія вопроса по распредѣленію помѣщеній дворца была образована коммиссія изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, и въ число членовъ этой коммиссіи отъ министерства народнаго просвѣщенія были назначены: библіотекари тайный совѣтникъ Стасовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Феттерлейнъ и архитекторъ Библіотеки коллежскій ассессоръ Воротиловъ [3]). По-

---

[1]) См. Дѣло Имп. Публ. Библ. „О предполагаемомъ переводѣ Имп. Публ. Библ. въ Инженерный замокъ", № 57, 1891 г.

[2]) „По поводу перестроекъ въ Имп. Публ. Библіотекѣ". „СПб. Вѣдомости" 1864 г., № 142. Соч. т. III.

[3]) См. Дѣло Имп. Публ. Библ. „О переводѣ библіотеки въ Михайловскій дворецъ" 1895 г., № 36.

ложеніе дѣла должно было тревожить Стасова. Трудно было возражать противъ выгодъ такого перемѣщенія Библіотеки. Помѣщенія въ Михайловскомъ дворцѣ, дѣйствительно, было очень много, и само мѣсто позволяло новыми постройками расширить помѣщеніе Библіотеки въ будущемъ. Мѣстоположеніе дворца тоже говорило въ пользу устройства тамъ Библіотеки. Онъ находится въ центрѣ города, близъ средней части главной артеріи Петербурга—Невскаго проспекта, гдѣ Гостиный Дворъ, и, занимая отдѣльный кварталъ, достаточно изолированъ, а потому весьма безопасенъ въ пожарномъ отношеніи.

Всѣ эти выгоды Стасовъ хорошо сознавалъ, но онъ упорно стоялъ за первоначальный проектъ расширенія помѣщенія для Библіотеки пристройкою къ ней новаго зданія. Для дальнѣйшаго расширенія, по его мнѣнію, слѣдовало, чтò бы это ни стòило, скупить сосѣдніе дома, подобно тому, какъ это дѣлалось, напр., при расширеніи Британскаго музея, на чтò онъ и ссылался, между прочимъ, еще въ своей запискѣ по поводу перевода въ Москву Румянцевскаго музея. Но онъ не допускалъ мысли, чтобы въ историческихъ залахъ Ларина и барона Корфа устроены были чиновничьи кабинеты, а это неминуемо случилось бы, если бы одновременно съ переводомъ Библіотеки въ Михайловскій дворецъ ея зданіе было отдано подъ государственный банкъ, какъ то проектировалъ графъ С. Ю. Витте.

Къ большому удовольствію Стасова, этотъ проектъ былъ оставленъ, и, очевидно, это произошло не безъ его вліянія. Снова всплылъ первоначальный проектъ постройки новаго зданія для нуждъ Библіотеки рядомъ со старымъ.

Тогда Стасовъ представилъ въ строительную коммиссію, которой онъ былъ членомъ, грандіозный проектъ новаго зданія въ русскомъ стилѣ, сочиненный въ 1897 г., по его идеѣ и по его непосредственнымъ указаніямъ, архитекторомъ И. П. Ропеттомъ.

Этимъ проектомъ Стасовъ хотѣлъ не только пойти далеко на встрѣчу нуждамъ Библіотеки, но и подчеркнуть самымъ стилемъ національное ея значеніе и украсить площадь Александринскаго театра памятникомъ національной архитектуры. На фасадѣ зданія предполагалось сдѣлать, по указанію Стасова, массу историческихъ надписей, а на верху должно было красоваться изреченіе изъ лѣтописи: „Словеса книжныя суть рѣки, иже напояютъ вселенную“ [1]).

---

[1]) Эта надпись красуется теперь надъ входными дверями съ внутренней стороны новаго читальнаго зала.

По разсмотрѣніи этого проекта, онъ былъ, однако, забракованъ въ коммиссіи, какъ очень непрактичный во многихъ отношеніяхъ, а надписи и орнаментика на фасадѣ—не соотвѣтствующими климатическимъ условіямъ Петербурга. Кромѣ того, самый стиль проектируемаго Стасовымъ зданія былъ признанъ неподходящимъ къ романскому стилю стараго зданія, къ которому непосредственно должно было примыкать новое. Проектъ въ высшихъ сферахъ утвержденъ не былъ.

Стасовъ, стоявшій всегда за національное искусство и не разъ высказывавшійся противъ казенности и неумѣстности для столицы Россіи романскаго стиля, былъ очень огорченъ, и хотя и продолжалъ состоять членомъ строительной коммиссіи и участвовалъ въ обсужденіяхъ по постройкѣ новаго зданія въ романскомъ стилѣ по проекту архитектора Библіотеки Воротилова, но къ дѣлу совершенно охладѣлъ и душой въ немъ не участвовалъ. Онъ весь ушелъ въ любимый свой отдѣлъ, въ научныя изслѣдованія и изысканія и въ статьи по искусству. Его кропотливая, упорная, плодотворная работа по художественному отдѣлу—по его пріумноженію, систематизаціи и описанію хранящихся книгъ, рукописей, рисунковъ, гравюръ, фотографій и разныхъ коллекцій—работа, являющаяся не только результатомъ его любви къ дѣлу и добросовѣстности, но и огромной эрудиціи, лучше всего явствуетъ изъ его отчетовъ по библіотекѣ. Эти отчеты представляютъ не малую научную цѣнность, и не разъ будущій изслѣдователь и историкъ искусства обратится къ нимъ за свѣдѣніями, указаніями и всяческими справками [1]).

Завѣдываніе художественнымъ отдѣломъ Библіотеки привязывало Стасова къ Петербургу. Отлучаться на очень продолжительное время, подобно его первой поѣздкѣ за границу, онъ не могъ. Однако служба въ Библіотекѣ предоставляла ему, какъ и другимъ, два лѣтнихъ вакаціонныхъ мѣсяца, къ которымъ онъ иногда присоединялъ еще одинъ по отдѣльной особой просьбѣ. Въ это время онъ обыкновенно ѣздилъ за-границу, что̀ бывало почти правильно черезъ годъ. На слѣдующій же годъ послѣ назначенія библіотекаремъ онъ ѣздилъ на всемірную выставку въ Вѣну и написалъ по этому поводу большую статью въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—„Нынѣшнее искусство въ Европѣ“. Въ 1875 г. онъ ѣздилъ въ Германію, Францію и Англію. Въ

---

[1]) См., напр., „Фотографическія и фототипическія коллекціи Имп. Публичн. Библіотеки“ въ отчетѣ за 1885 г.; эта обширная статья съ пропусками напечатана во II томѣ Соч. Стасова.

1876 г. онъ отлучался на двѣ недѣли въ Берлинъ „по семейнымъ обстоятельствамъ“ [1]).

Въ 1878 году онъ ѣздилъ на всемірную выставку въ Парижъ и оттуда въ Лондонъ вмѣстѣ съ Дм. Ал. Ровинскимъ, Ив. Пав. Ропеттомъ и Никол. Петр. Собко, напечатавъ свои впечатлѣнія въ статьѣ въ „Новомъ Времени“ (дек. 1878 — янв. 1879 гг.).—„Наши итоги на всемірной выставкѣ“.

Въ 1880 г. онъ ѣздилъ, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ съ „ученою цѣлью“, а именно съ цѣлью ознакомиться съ древне-славянскими рукописями для сочиненія „Славянскій и Восточный Орнаментъ“, и побывалъ, кромѣ Италіи (Римъ, Миланъ) и Австріи (въ Прагѣ и Загребѣ), въ Сербіи (Бѣлградѣ).

Въ 1881 г. онъ совершилъ большое путешествіе съ братомъ Дмитріемъ Васильевичемъ по Германіи и по Италіи, съѣздивъ съ Антокольскимъ въ Голландію и побывавъ на этотъ разъ и въ Сициліи, въ Палермо, а также, впервые, въ Испаніи, куда въ 1883 г. ѣздилъ еще съ И. Е. Рѣпинымъ. На возвратномъ пути они надолго задержались въ Дрезденѣ, изучая въ тамошней художественной галереѣ произведенія Веласкеца.

Здѣсь, между прочимъ, былъ написанъ Рѣпинымъ одинъ изъ его лучшихъ (всѣхъ семь) портретовъ Стасова. Онъ былъ созданъ въ одинъ день, когда, по случаю дурной погоды, друзья должны были остаться дома.

Послѣ шестилѣтняго перерыва, Стасовъ вновь поѣхалъ заграницу въ 1889 г., на всемірныя выставки въ Парижѣ и въ Англіи.

Въ слѣдующіе годы—1890, 91, 92, 93 и 95—онъ продолжаетъ свои заграничныя поѣздки.

Въ 1896 г. Стасовъ ѣздилъ въ командировку, какъ сказано въ оффиціальныхъ документахъ, на созываемую Королевскимъ Обществомъ въ Лондонѣ, въ іюлѣ 1896 г., конференцію для обсужденія вопроса о составленіи международнаго каталога ученой литературы.

Въ 1900 г. онъ совершилъ свою послѣднюю заграничную поѣздку въ каникулярное время и, между прочимъ, былъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Заграницей Стасовъ посѣщалъ библіотеки, музеи, выставки, театры и такимъ образомъ постоянно

[1]) Въ оффиціальномъ представленіи директора Библіотеки на имя министра народнаго просвѣщенія, 25 августа 1876 г., № 523, о разрѣшеніи отпуска сказано, что „семейныя обстоятельства Стасова требуютъ самаго скораго его прибытія въ Берлинъ“.

могъ слѣдить за движеніемъ европейскаго искусства. Но не только чисто научный и художественный интересы привлекали его туда. Привлекали его и друзья, жившіе за-границей, какъ, напримѣръ, В. П. Энгельгардтъ, проживавшій издавна въ Дрезденѣ М. Антокольскій, П. Крамской, живавшіе подолгу за-границей въ Парижѣ и Римѣ, и другіе.

Въ то лѣто, когда Стасовъ не бывалъ за-границей, или часть лѣта, если онъ возвращался изъ-за-границы рано, онъ проводилъ всегда, по установившемуся обыкновенію, первые годы въ деревнѣ Заманиловкѣ, а послѣдующіе, и до самой смерти—въ деревнѣ Старожиловкѣ, что между вторымъ и третьимъ Парголовыми, по финляндской жел. дорогѣ Здѣсь, между прочимъ, онъ часто видѣлся съ А. К. Глазуновымъ, обыкновенно жившимъ лѣтомъ на собственной дачѣ въ Озеркахъ. Здѣсь же въ послѣдніе годы онъ встрѣчался съ молодыми писателями, Максимомъ Горькимъ и Леонидомъ Андреевымъ, таланты которыхъ очень цѣнилъ. Они жили одно время въ Финляндіи, близъ Теріокъ. Очень любилъ Стасовъ ѣздить къ Л. Н. Толстому—или въ Москву, въ зимнее время, или въ Ясную-Поляну—въ лѣтнее.

Скульпторъ И. Я. Гинцбургъ очень живо и краснорѣчиво разсказываетъ [1]) про это послѣднее посѣщеніе В. В. Стасовымъ Л. Н. Толстого въ Ясной-Полянѣ въ 1904 году. Толстой удивлялся и любовался на бодрость, жизнерадостность и юность Стасова. Когда на другой день Толстой, между прочимъ, упомянулъ, что недалекъ и „пріятный конецъ“, т.-е. смерть, и что нужно ему да и Стасову приготовиться къ ней,—„чортъ бы ее побралъ!—вдругъ неожиданно крикнулъ В. В.:—мерзость, пакость, да еще готовиться къ ней! Я часто плохо сплю, ворочаюсь въ постели, какъ подумаю, что придется умереть“.

И Стасовъ прибавилъ еще, что онъ вовсе не чувствуетъ тяжести своихъ лѣтъ (ему было тогда уже 80 лѣтъ) и что онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ.

Не во всемъ Стасовъ соглашался съ Толстымъ. Такъ и на этотъ разъ онъ защищалъ отъ нападокъ Толстого Шекспира, о которомъ Толстой готовилъ тогда монографію. Не соглашался Стасовъ съ Толстымъ и по религіознымъ вопросамъ,—къ которымъ былъ довольно равнодушенъ, безразличенъ.

Но передъ художественнымъ геніемъ Толстого, да и передъ всей его могучей личностью Стасовъ преклонялся всецѣло. Гинцбургъ разсказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на

[1]) „Русское Слово“, 13 октября 1907 г.

присутствующихъ чтеніе Толстымъ нѣсколькихъ главъ изъ его новаго беллетристическаго произведенія изъ современной жизни. Разсказъ о политическихъ преступникахъ и о тюремномъ заключеніи былъ такъ реаленъ, трогателенъ, что самъ Толстой читалъ его плачущимъ голосомъ, а присутствующіе и содрогались, и тоже плакали. Сильнѣйшее впечатлѣніе это чтеніе произвело и на Стасова.

— Вотъ что̀ мы получили!—сказалъ В. В., когда они пришли съ Гинцбургомъ, послѣ чтенія, въ спальню. Его глаза были полны слезъ.

— Ахъ, что̀ мы услышали, что̀ мы услышали! — съ глубокимъ вздохомъ повторялъ В. В.

Стасовъ предчувствовалъ, что это было его послѣднее свиданіе съ Толстымъ. Онъ былъ очень взволнованъ при отъѣздѣ, говорилъ отрывистыми фразами. „Жалко, жалко, что мало видѣлся съ нимъ“,—говорилъ онъ въ грустномъ настроеніи, уѣзжая съ Гинцбургомъ изъ Ясной-Поляны.

Стасовъ называлъ Толстого „Левъ Великій“ и не прекращалъ никогда общенія съ нимъ, ведя большую переписку. Эта переписка, несомнѣнно, представляетъ огромный интересъ не только для характеристики обоихъ писателей, но и всей эпохи.

XII.

Со времени назначенія завѣдывающимъ художественнымъ отдѣломъ Библіотеки, изслѣдованія въ безбрежной области искусства все болѣе и болѣе захватываютъ Стасова.

Онъ еще съ 1861 года постоянно сотрудничаетъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, а съ 1875 г., съ прекращеніемъ редакторства этой газеты В. Коршемъ,—переходитъ въ „Голосъ“ Краевскаго, пишетъ и въ „Пчелѣ“, и въ недолго существовавшей газетѣ М. М. Стасюлевича „Порядокъ“, и одно время въ „Новомъ Времени“, съ которымъ скоро, впрочемъ, расходится, и наконецъ водворяется навсегда въ „Новостяхъ“. Кромѣ газетъ, онъ сотрудничаетъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: „Русскій Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Русская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Артистъ“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и мног. другіе.

Работа въ повременной печати приносила Стасову большое нравственное удовлетвореніе. Онъ могъ проводить свои мысли и

взгляды на искусство въ широкія массы публики и вліять на ихъ эстетическое развитіе. Но въ то же время эта работа доставляла ему и не мало тревогъ и даже борьбы. Взгляды Стасова отличались своеобразіемъ, а часто шли и въ разрѣзъ съ общепринятыми. Зачастую ему не легко было пробить каменную стѣну, отдѣлявшую редакторовъ отъ искусства. Нерѣдко они считали неважнымъ и неинтереснымъ то, чему особенное значеніе придавалъ Стасовъ. Ссылаясь и на недостатокъ мѣста, и на спеціальность предмета статей, требовали сокращеній, а то и измѣненій. Напримѣръ, статья его о „Русланѣ" Глинки, гдѣ онъ разсказывалъ цѣлую исторію неурядицъ, неудачъ, гоненій и всяческихъ несправедливостей, какія должна была претерпѣвать эта опера,—не могла появиться подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ: „Мученица нашего времени", а появилась подъ другимъ, найденнымъ почему-то редакціей „Русскаго Вѣстника" болѣе удобнымъ: „Многострадальная опера". Такихъ примѣровъ страннаго отношенія редакторовъ къ Стасову можно было бы привести не мало. Съ пріобрѣтеніемъ Стасовымъ извѣстности, неурядицы и непріятности этого рода уменьшались. Но и въ послѣдній періодъ его писательской дѣятельности редакторъ журнала „Нива", г. Сементковскій, нашелъ возможнымъ безъ разрѣшенія автора многое выпустить и потому отчасти исказить мысли въ большой статьѣ Стасова „Искусство XIX вѣка", и Стасовъ предупреждалъ своихъ друзей, чтобы они не строго судили его за эту статью, и былъ очень доволенъ, когда эта статья появилась наконецъ въ полномъ видѣ [1]).

Своими постоянными занятіями въ музеяхъ, библіотекахъ, архивахъ, своими обозрѣніями выставокъ, коллекцій, изученіемъ всевозможныхъ сочиненій, рукописныхъ и печатныхъ, русскихъ и иностранныхъ, по части искусства, археологіи и этнографіи Стасовъ пріобрѣлъ обширную эрудицію, что̀ въ связи съ природнымъ вкусомъ и развитымъ критическимъ чутьемъ и создало ему репутацію великаго знатока искусства. Естественно, онъ былъ желаннымъ гостемъ всяческихъ обществъ и кружковъ по части искусства и соприкасающихся съ нимъ разнообразнѣйшихъ областей знанія.

Свою эрудицію, критическій талантъ и вкусъ онъ проявлялъ не только литературнымъ путемъ. Онъ охотно дѣлился своими знаніями со всякимъ желающимъ, приходящимъ къ нему въ Библіотеку. Онъ читалъ въ различныхъ обществахъ лекціи; такъ,

[1]) Въ IV-мъ томѣ его сочиненій, изданномъ лишь за годъ до его смерти.

напр., въ маѣ 1875 г., въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ онъ сдѣлалъ сообщеніе: „Русскія названія карточныхъ мастей“ [1]).

Въ концѣ того же года, въ одномъ изъ собраній „Общества русскихъ архитекторовъ“ онъ прочелъ лекцію „Столицы Европы“ [2]).

Въ собраніи Археологическаго Института, 12 марта 1892 г. сказалъ рѣчь „Памяти Ѳ. Г. Солнцева“ [3]). Произносилъ онъ рѣчи и во многихъ другихъ случаяхъ.

Говорилъ Стасовъ громко, ясно и отчетливо, и, понятно, при другихъ общественныхъ условіяхъ могъ бы стать виднымъ и вліятельнымъ ораторомъ.

Много разъ Стасовъ былъ приглашаемъ въ различнаго рода совѣщанія и коммиссіи по дѣламъ, касающимся искусства. Строится ли еврейская синагога въ С.-Петербургѣ — Стасовъ находится въ числѣ компетентныхъ лицъ по разсмотрѣнію представленныхъ для этой цѣли проектовъ. Готовится ли новая постановка „Руслана“ Глинки — его приглашаютъ сказать свое слово по этому поводу.

Съ годами популярность Стасова возростала. Его новые оригинальные взгляды нажили ему не мало враговъ, но зато у него были и горячо преданные друзья.

Въ 1886 г. исполнилось сорокъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Друзья художники въ день его именинъ, 15-го іюля, собрались его поздравить и поднести ему сочиненный и нарисованный красками И. Ропеттомъ и Б. Григорьевымъ художественный адресъ солидныхъ размѣровъ, два аршина въ длину и 11/4 въ ширину; по рединѣ адреса красовался нарисованный И. Рѣпинымъ поясной портретъ юбиляра въ художественномъ отдѣлѣ Библіотеки. Подъ портретомъ—въ видѣ художественнаго герба Стасова—зажигательное стекло, шпора, какъ онъ иногда самъ называлъ себя, и два скрещенныя пера. Въ медальонахъ находились миніатюрныя воспроизведенія любимѣйшихъ Стасовымъ картинъ и скульптуръ. Многочисленныя надписи напоминали о многочисленныхъ собственныхъ трудахъ его. Текстъ адреса написанъ весьма тепло. Въ немъ упоминалось, что исчислять заслуги Стасова на поприщѣ науки и искусства нѣтъ никакой возможности—„это достанется на долю вашего будущаго біографа,— говорилось тамъ.—Мы же, близко васъ знающіе, и какъ человѣка,

---

[1]) Впослѣдствіи напечатано въ видѣ статьи и вошло въ Собраніе Соч.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1876 г. (февраль, мартъ). Напечатано въ Собр. Соч.

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1892 года.

и какъ дѣятеля, можемъ только, съ неподдѣльнымъ восторгомъ и глубокимъ уваженіемъ къ вашей дорогой намъ личности, кликнуть вамъ: работайте и дѣйствуйте по прежнему еще много, много лѣтъ, высокоталантливый и смѣлый борецъ за самобытное народное искусство! Вы, какъ блестящій свѣточъ, указывали намъ путь и своимъ горячимъ словомъ всегда воодушевляли насъ въ стремленіяхъ къ правдѣ, добру и красотѣ". Въ ознаменованіе юбилея было рѣшено собрать деньги и издать въ свѣтъ сочиненія Стасова, что и было исполнено къ празднованію черезъ восемь лѣтъ пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности Стасова [1]). Празднованіе, пріуроченное ко дню семидесятилѣтія его жизни, 2 января 1894 г., объединило представителей всевозможныхъ областей науки и искусства. Всѣ собрались привѣтствовать юбиляра въ Ларинской залѣ Публичной Библіотеки, во главѣ съ директоромъ ея, А. Ѳ. Бычковымъ. Отъ Библіотеки былъ поднесенъ длинный адресъ; въ немъ оцѣнивались заслуги Стасова передъ Библіотекой и выражались горячія пожеланія, чтобы онъ долго еще продолжалъ служить ей, неизмѣнно оставаясь „бодрымъ и отзывчивымъ ко всему доброму и прекрасному" [2]).

---

[1]) Сочиненія были изданы въ трехъ большихъ томахъ и заключали почти все, что было написано Стасовымъ по 1886 г. включительно. Къ первому тому приложенъ прекрасный офортъ-матэ съ портрета Стасова кисти Рѣпина, а также снимокъ съ вышеприведеннаго адреса и описаніе его.

[2]) Подлинный текстъ адреса: „Владиміръ Васильевичъ. Сегодня ваши друзья и почитатели празднуютъ 50-лѣтіе вашей ученой и литературной дѣятельности и одновременно съ этимъ — семидесятую годовщину дня вашего рожденія. Императорская Публичная Библіотека, имѣющая честь считать васъ въ числѣ своихъ самыхъ усердныхъ дѣятелей, и всѣ въ ней служащіе съ искреннимъ удовольствіемъ присоединяются къ чествованію своего глубокоуважаемаго члена и дорогого сотоварища.

„Всѣмъ извѣстно, какъ близко вашему сердцу отечественное книгохранилище, которому вы посвятили десятки лѣтъ вашей жизни, которое желали бы видѣть на возможной высотѣ процвѣтанія и которое нерѣдко вы защищали въ печати отъ несправедливыхъ нареканій.

„Вамъ оно обязано многимъ, и между прочимъ тѣмъ, что, благодаря вашимъ заботамъ, его рукописное отдѣленіе гордится теперь собраніемъ собственноручныхъ произведеній нашихъ знаменитыхъ композиторовъ: Глинки, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Бородина и др. Много и другихъ цѣнныхъ вкладовъ сдѣлано вами въ Библіотеку: въ печатныхъ ея отчетахъ ежегодно упоминаются ваши приношенія. Нельзя также умолчать о томъ, что вы возбуждали въ вашихъ знакомыхъ сочувствіе къ нашему учрежденію и своимъ краснорѣчивымъ словомъ убѣждали ихъ приносить ему въ даръ находившіяся у нихъ печатныя и рукописныя рѣдкости.

„Среди тружениковъ Библіотеки вы занимаете выдающееся мѣсто: ей безгранично отдаете вы и вашъ досугъ, и ваши знанія: васъ можно встрѣтить здѣсь и раннимъ утромъ, и позднимъ вечеромъ; то занимаетесь вы библіотечнымъ дѣломъ, то даете совѣты и указанія молодымъ художникамъ, то съ готовностью, свойственной

Далѣе, привѣтствовали Стасова устно и адресами представители отъ Императорскаго Археологическаго Общества, отъ С.-Петербургскаго Университета, отъ Общества поощренія художествъ, отъ женскаго художественнаго кружка. Отъ лица музыки привѣтствовали сестра Глинки, Л. Н. Шестакова, и Н. А. Римскій-Корсаковъ, отъ имени русскихъ женщинъ — М. В. Молчанова (Ильинская). Были и такія неожиданныя привѣтствія, какъ отъ школы кружевницъ (Стасовъ издалъ атласъ рисунковъ кружевъ и шитья). Наконецъ, былъ поднесенъ горячо написанный адресъ отъ молодежи [1]). Но больше всего тронуло Стасова поднесеніе изданныхъ на собранныя его почитателями деньги его сочиненій.

Торжество продолжалось вечеромъ на квартирѣ Стасова. Здѣсь собрался болѣе интимный кружокъ его друзей и знакомыхъ. Музыкальные пріятели Стасова, А. К. Лядовъ, А. К. Глазуновъ и Ф. М. Блуменфельдт, сочинили къ этому дню „Славленія В. В. Стасова" — родъ торжественныхъ фанфаръ, которыя и были исполнены авторами на фортепіано въ четыре руки. Сверхъ того, былъ исполненъ барышнями и дамами, знакомыми Стасова, небольшой женскій хоръ — „Величаніе В. В. Стасову", сочиненный А. К. Лядовымъ и разученный подъ его руковод-

истиннымъ ученымъ, дѣлитесь съ лицами, къ вамъ обращающимися, своими свѣдѣніями, а этихъ свѣдѣній у васъ такой обильный неизсякаемый запасъ. Только одна болѣзнь удерживаетъ васъ отъ посѣщенія Библіотеки, которую вы считаете своимъ вторымъ домомъ, а находящіяся въ ней книги своею второю семьею. И эта горячая любовь къ Библіотекѣ дѣлаетъ васъ дорогимъ для вашихъ сотоварищей.

„Въ природѣ каждый годъ является весна и лѣто; въ жизни же человѣка молодые и зрѣлые годы не возвращаются, а потому позвольте пожелать, чтобы время какъ можно менѣе оставляло на васъ свои слѣды, чтобы вы постоянно оставались такимъ же бодрымъ и отзывчивымъ ко всему доброму и прекрасному, какимъ всѣ привыкли васъ видѣть, и чтобы еще долго вы продолжали завѣдывать Отдѣленіемъ изящныхъ искусствъ, а въ тѣсномъ его уголкѣ, гдѣ вы занимаетесь, еще много лѣтъ раздавалась ваша оживленная бесѣда".

[1]) Подлинный текстъ адреса былъ таковъ: „Скоро полвѣка, Владиміръ Васильевичъ, какъ вашъ убѣжденный и горячій голосъ слышится среди всеобщаго мертвящаго равнодушія во всѣхъ областяхъ родного искусства, не давая въ нихъ заглохнуть ни одному живому явленію. Дѣломъ и словомъ неизмѣнно и безкорыстно служа во имя народности и художественной правды родному искусству, толкуя непонятныя произведенія проникнутыхъ ими первыхъ нашихъ великихъ мастеровъ и восторженно привѣтствуя на пути къ нимъ всѣ молодыя силы, вы, какъ живое звено, связываете всѣ поколѣнія русскихъ художниковъ. Вотъ почему сегодня и мы, младшіе, чествуемъ васъ отъ лица молодежи, объединенной искренней благодарностью и горячими пожеланіями еще многихъ и многихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности тому, кто въ семидесятую годовщину своей жизни остается для насъ живымъ примѣромъ воистину богатырской энергіи и неоскудѣвающей любви въ мощномъ служеніи родному искусству".

ствомъ за нѣсколько дней до торжества [1]). Исполнялась и другая русская музыка изъ репертуара, любимаго хозяиномъ-юбиляромъ.

Сослуживцы по Библіотекѣ очень любили Стасова за его простоту въ обращеніи, общительность и доброту, и если далеко не всегда раздѣляли многія изъ его мнѣній по дѣламъ Библіотеки, по искусству и, наконецъ, по общественнымъ вопросамъ, то уважали его, зная, что все, что̀ ни говорилъ онъ, было говорено искренно, выражало дѣйствительныя его мысли, а не являлось результатомъ какого-нибудь компромисса, какой-нибудь политики. Они знали, что если Стасовъ хотѣлъ скрыть свои мысли — онъ просто молчалъ, а не прибѣгалъ къ дипломатическимъ уловкамъ. И его прямоту цѣнили даже враги его. Отношенія къ Стасову сослуживцевъ хорошо выразились въ день пятидесятилѣтняго юбилея его службы, 15 марта 1899 г. Они тепло привѣтствовали его въ стѣнахъ Библіотеки и поднесли ему такой адресъ:

„Глубокоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей государственной службѣ. Болѣе половины ея вы посвятили Императорской Публичной Библіотекѣ, учрежденію для всѣхъ насъ дорогому, по его значенію въ дѣлѣ просвѣщенія и по пользѣ, приносимой имъ обществу. Настоящій случай даетъ вашимъ сослуживцамъ возможность, къ большому ихъ удовольствію, выразить вамъ чувства, которыя они къ вамъ питаютъ. Мы не войдемъ въ оцѣнку вашей многосторонней дѣятельности на поприщѣ науки и литературы; заслуги ваши въ этомъ отношеніи давно уже признаны. Но считаемъ долгомъ, какъ ваши сотоварищи, высоко цѣнящіе ваши многолѣтніе труды по устройству завѣдываемаго вами Отдѣленія, заявить, что, благодаря вашимъ неустаннымъ заботамъ и многостороннему образованію, вы успѣли довести Отдѣленіе до возможной полноты, а качествами вашего характера пріобрѣли общее наше расположеніе и любовь. Ваша готовность дѣлиться своими свѣдѣніями со всѣми къ вамъ обращающимися за совѣтами и указаніями можетъ служить другимъ блестящимъ примѣромъ для подражанія. Да сохранитъ Провидѣніе еще на многіе годы ваши силы для пользы отечественнаго книгохранилища, которое вы такъ горячо любите и процвѣтаніе котораго вы такъ близко принимаете къ сердцу“ [2]).

---

[1]) „Славленія“ и „Величаніе“ изданы фирмой „М. П. Бѣляевъ“.

[2]) Подписи: А. Ѳ. Бычковъ, Кеппенъ, Феттерлейнъ, Гаркави, Соколовскій, Куторга, Ламбинъ, Радловъ, Болдаковъ, И. А. Бычковъ, Браудо, Саккетти, Чечулинъ, Башкировъ, Трескинъ, Воротиловъ, Булгаковъ, Измайловъ, Драгановъ, Никольскій, Майковъ,

Такимъ образомъ, дѣятельность Стасова была оцѣнена и оффиціально, и обществомъ, и его ближайшими товарищами. Послѣдней громкой оцѣнкой заслугъ Стасова было избраніе его (1-го декабря 1900 г.) почетнымъ академикомъ Академіи Наукъ по учрежденному [1]) при II Отдѣленіи ея разряду изящной словесности.

Но атмосфера тамошняя была ему не по душѣ, и онъ скоро пересталъ ѣздить на засѣданія.

То же нужно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ коммиссіяхъ, комитетахъ или совѣщаніяхъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать въ качествѣ или авторитета въ дѣлахъ искусства, или друга и пріятеля композиторовъ, художниковъ и артистовъ. Какъ ни любилъ онъ и боготворилъ Глинку, а все же, будучи членомъ комитета по постановкѣ ему памятника въ Петербургѣ, прекратилъ въ концѣ-концовъ ѣздить на собранія коммиссіи, когда увидѣлъ, что его мнѣнія расходятся съ мнѣніемъ большинства членовъ, состоявшаго изъ людей властныхъ, но далекихъ отъ дѣлъ искусства.

Для характеристики Стасова приведенныхъ нами біографическихъ свѣдѣній далеко не достаточно. Необходимо ближе войти въ его внутреннюю жизнь, въ кругъ его идей, а для этого лучше всего обратиться къ нему самому, къ его многочисленнымъ сочиненіямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними попутно раскроются многіе факты изъ его жизни, многія черты его характера и, раскрывшись, явятся въ то же время въ своемъ естественномъ освѣщеніи.

Къ обзору литературной дѣятельности Стасова мы теперь и приступимъ.

XIII.

Литературное наслѣдіе, оставленное Стасовымъ, богато и разнообразно. Исторія и критика литературы и искусства, біографіи художниковъ и другихъ дѣятелей, археологія, этнографія, наконецъ—полемика всяческаго рода—вотъ содержаніе его сочиненій.

При всемъ, однако, разнообразіи литературной дѣятельности В. В. Стасова, она является однородной по своему главному предмету. Стасовъ писалъ почти исключительно объ искусствѣ и по

Лопаревъ, Флоридовъ, Миллеръ, Антоновъ, Гавриловъ, Балтромайтисъ, Философовъ, Губеръ, Банкъ, Гранъ, Эрмерингъ.

[1]) Высочайшій Указъ 28-го декабря 1899 года.

вопросамъ, имѣющимъ къ нему болѣе или менѣе близкое отношеніе. Стасовъ страстно любилъ искусство и смотрѣлъ на него, какъ на что-то цѣльное, единое. Искусство—едино по своей сущности. Отдѣльныя же искусства представляютъ собою лишь различныя формы художественнаго творчества. Поэтому Стасовъ не ограничивалъ свои занятія однимъ какимъ-либо видомъ искусства, напр. музыкой, а непрестанно занимался и слѣдилъ за развитіемъ всѣхъ искусствъ. Понятно, для этого нужно было имѣть богатырскія силы Стасова. Но и при наличіи этихъ силъ физически невозможно было бы требовать, чтобы работы такого писателя совершенно исчерпывали свой предметъ, отличались тонкостью спеціальнаго техническаго анализа, словомъ—носили бы въ себѣ всѣ достоинства труда спеціалиста. Стасовъ былъ универсальнымъ писателемъ по искусству, и если онъ не проявлялъ тонкаго анализа въ каждой отдѣльной его области, зато онъ никогда не терялъ связи между отдѣльными областями искусства, никогда не терялъ широты взгляда. Въ наше время спеціализаціи знаній, иногда черезчуръ дробной и потому односторонней, узкой, легко утрачивается широкій кругозоръ, безъ котораго однако невозможна выработка философскаго міровоззрѣнія. Менѣе чѣмъ кого-либо Стасова можно было бы упрекнуть въ томъ, что „за деревьями онъ не видалъ лѣса". И въ этомъ—большая заслуга Стасова. Въ этомъ—громадное значеніе его литературной дѣятельности для художественнаго воспитанія широкихъ круговъ общества.

Въ виду сказанной энциклопедичности Стасова, очень трудно выдѣлять у него какую-нибудь одну область, не задѣвая другія. Лучше же и правильнѣе всего разсматривать его дѣятельность какъ она есть—цѣликомъ. Такъ мы и постараемся сдѣлать. Но обширность темы, къ сожалѣнію, принуждаетъ къ краткости.

Всѣ сочиненія Стасова для удобства разсмотрѣнія можно раздѣлить на два главные отдѣла. Къ первому отнесемъ сочиненія по искусству историческаго, критическаго и біографическаго характера. Ко второму—сочиненія научнаго характера.

Первый отдѣлъ—самый обширный и наиболѣе популярный. Какъ критика произведеній изящныхъ искусствъ, Стасова знали всѣ. Второй отдѣлъ не столь обширенъ, но не менѣе значителенъ, хотя и менѣе извѣстенъ. Съ этой стороны Стасова знали и цѣнили только лица тѣснаго кружка спеціалистовъ и случайно интересующихся наукой. Какъ историкъ и критикъ искусства, Стасовъ сыгралъ громадную роль, явившись поборникомъ цѣлаго направленія, которое оспаривали, но съ которымъ должны

были считаться и которое оставило глубокіе слѣды въ исторіи русскаго искусства,—слѣды, неразрывно связанные съ именемъ Стасова.

Чтобы уяснить себѣ значеніе дѣятельности Стасова въ этомъ отношеніи, необходимо кинуть взглядъ назадъ, на состояніе искусства въ Россіи къ половинѣ прошлаго столѣтія, когда Стасовъ началъ свою дѣятельность.

Время, когда выступилъ Стасовъ — сороковые годы, — было знаменательнымъ временемъ въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Идеалистическія, безпочвенныя, подражательныя теченія въ литературѣ и искусствѣ должны были уступить мѣсто теченіямъ реалистическимъ, національнымъ. Совершилось это въ литературѣ и искусствѣ почти одновременно. Появленіе „мужика" въ русской литературѣ въ повѣстяхъ Д. В. Григоровича—„Деревня", „Антонъ Горемыка"—и въ „Запискахъ Охотника" Тургенева, мужика, не прикрашеннаго воображеніемъ писателя, а дѣйствительно существующаго тамъ, „въ глубинѣ Россіи", было знаменательно. Вотъ начало народническаго и реальнаго направленія въ литературѣ. Такое же національное самосознаніе пробудилось, въ другихъ формахъ, въ живописи и въ музыкѣ.

Русскій національный бытъ не только былъ признанъ достойнымъ сюжетомъ для художника, но получилъ и своего талантливаго изобразителя въ лицѣ Ѳедотова, создателя русскаго національнаго жанра.

Русская народная пѣсня была, наконецъ, не только по заслугамъ оцѣнена композиторомъ, но имъ былъ глубоко понятъ и схваченъ ея духъ и характеръ. Появился Глинка—создатель русской національной музыкальной школы.

Это новое направленіе въ русскомъ искусствѣ стало крѣпнуть, рости, развиваться и въ этомъ-то его движеніи живѣйшее участіе принялъ Стасовъ. Онъ сдѣлался его разъяснителемъ, глашатаемъ, апостоломъ. То, что̀ для нашей литературы дѣлали Бѣлинскій, Добролюбовъ и Чернышевскій, то для нашего искусства—архитектуры, живописи, музыки, скульптуры—дѣлалъ Стасовъ. Какъ Бѣлинскій первый произвелъ настоящую оцѣнку Пушкина, — такъ Стасовъ первый сдѣлалъ такую же оцѣнку Глинки и Ѳедотова. Какъ Чернышевскій разъяснилъ русскому обществу великое значеніе отца новой русской литературы, Гоголя, такъ Стасовъ разъяснялъ значеніе художниковъ Перова, Верещагина, Рѣпина, скульптора Антокольскаго, музыкантовъ Балакирева, Бородина, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи и другихъ.

Начало дѣятельности Стасова совпало съ зарей русскаго искусства. Когда онъ выступалъ,—самобытное русское искусство еще только зарождалось. Въ его первой статьѣ, появившейся въ 1847 году — „Музыкальныя обозрѣнія 1847 года“, идетъ рѣчь о концертахъ въ Петербургѣ. Стасовъ восхищается „Сотвореніемъ Міра“ Гайдна, передаетъ свои впечатлѣнія о пріѣзжавшемъ тогда Гекторѣ Берліозѣ, восторгаясь его дирижированіемъ и необычайнымъ колоритомъ инструментовки его сочиненій и не оцѣнивая пока по заслугамъ другія существенныя ихъ стороны [1]), говоритъ съ увлеченіемъ о переложеніяхъ для фортепіано Франца Листа, значительныя собственныя произведенія котораго появились позже. Объ одномъ только — и то не вполнѣ русскомъ— музыкантѣ говорится здѣсь. Это—Гензельтъ, выпустившій тогда изъ печати переложеніе увертюры къ оперѣ Вебера „Волшебный Стрѣлокъ“. О русской музыкѣ въ собственномъ значеніи слова въ статьѣ нѣтъ и рѣчи. И неудивительно. Вотъ какъ самъ Стасовъ высказывается объ этомъ въ другой статьѣ: „Три русскихъ концерта“, написанной спустя 16 лѣтъ, въ 1863 году.

„Во всемъ, что касается музыки, свое составляетъ у насъ какое-то необыкновенное исключеніе, его у насъ почти вовсе нѣтъ. Концерты и опера, сочиненія и сочинители, капельмейстеры и учителя, пѣвцы и музыканты—все чужое. Мы до того привыкли къ этому порядку вещей, что никогда не чувствуемъ его постыдности, ничуть не помышляемъ о его перемѣнѣ“.

Въ этихъ словахъ Стасовъ имѣлъ въ виду какъ отсутствіе русской музыки въ концертномъ и оперномъ репертуарѣ, такъ и равнодушіе публики и дилеттантовъ къ русской музыкѣ, въ томъ числѣ и къ зародившейся тогда, благодаря генію Глинки, національной русской оперѣ.

Вотъ что̀ писалъ самъ Глинка своей матери изъ Петербурга 15 февраля 1841 года: „Искусство, это небомъ данная мнѣ отрада, гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Еслибъ я не провелъ нѣсколько лѣтъ за-границей,

---

[1]) Про Берліоза читаемъ здѣсь, что „у него нѣтъ рѣшительно никакой музыки, что у него рѣшительно нѣтъ никакой способности къ музыкальному сочиненію; но зато самый громадный талантъ исполнителя, талантъ совершенно равный изумительному таланту Листа“. Не нужно удивляться такому, казалось бы, странному сужденію. Стасовъ мало зналъ тогда Берліоза и не могъ его еще оцѣнить. Но онъ провидѣлъ великое значеніе Берліоза и Листа, и въ той же статьѣ говоритъ: „Оба они, и Листъ, и Берліозъ, сами ничего не сочинившіе, что̀ бы могло быть считаемо за музыку, и являются самыми геніальными провозвѣстниками будущей музыки“. Впослѣдствіи Стасовъ ставилъ обоихъ композиторовъ очень высоко.

я не написалъ бы „Жизни за Царя“; теперь вполнѣ убѣжденъ, что „Русланъ“ можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи“. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Глинка отъ этого равнодушія къ искусству пребывалъ въ такой неизвѣстности, что пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1842 г. Францъ Листъ могъ оказаться въ роли авторитета, рекомендовавшаго Глинку русскому обществу. „Меня, отказавшагося отъ свѣта съ ноября 1839 года — писалъ Глинка въ другомъ письмѣ, въ 1842 году—снова вытащили на-люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста“ [1]). И не только публика — сами музыканты еще не сознавали всего громаднаго значенія Глинки. Антонъ Рубинштейнъ, одинъ изъ насадителей у насъ систематическаго музыкальнаго образованія, основатель Консерваторіи, писалъ въ 1855 году: „русской музыки нѣтъ и на театрѣ, кромѣ двухъ еще не вполнѣ удачныхъ оперъ Глинки, по симфонической же и квартетной музыкѣ у русскихъ нѣтъ ровно ничего“. Въ другой статьѣ, появившейся въ томъ же году, онъ уже отрицалъ самую возможность существованія національной оперы: „Нѣтъ никакихъ національныхъ страстей,—писалъ онъ,—а потому нѣтъ никакой національной оперы. Никому не придетъ въ голову сочинить оперу персидскую, малайскую или японскую, а потому сочиненіе оперы англійской, французской или русской можетъ служить только доказательствомъ незрѣлости мысли. Всякая попытка создать національное музыкальное произведеніе можетъ имѣть результатомъ только — провалъ“.— „Глинка провалился. Glinka ist gescheitert“ [2]). Послѣ провала „Руслана“, послѣ того какъ эта геніальная опера была снята съ репертуара, а другая—„Жизнь за Царя“—была, въ виду занятія Большого театра итальянской оперой, перенесена на сцену Александринскаго театра, послѣ, наконецъ, приведенной статьи Рубинштейна, огорчившей Глинку, послѣ всѣхъ неудачъ, его постигшихъ,—становится весьма понятнымъ его отъѣздъ весной въ 1856 году изъ ненавистнаго Петербурга за-границу и отъѣздъ навсегда. Стасовъ, провожавшій Глинку вмѣстѣ съ его сестрой, Л. И. Шестаковой, до заставы на шоссе, разсказываетъ,—и то же подтверждаетъ въ своихъ „Запискахъ“ Шестаковъ,—что Глинка,

[1]) Письма Глинки цитированы В. В. Стасовымъ въ его статьѣ: „Памяти М. И. Глинки“. Соч. т. III.

[2]) См. его статьи въ нѣмецкихъ журналахъ: „Echo“. Berlin 1855, №№ 29, 30.— „Die Componisten Russland's“. — „Blätter für Musik, Theater und Kunst“. Wien. 1855. №№ 1—3.

простившись съ ними, плюнулъ на землю и сказалъ: „Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой земли не видать“ [1]). Можно представить себѣ, какія душевныя муки долженъ былъ перенести этотъ великій русскій человѣкъ, въ дѣйствительности горячо любившій свою родину, чтобы сказать эти ужасныя слова. Таково было положеніе русской музыки.

Не лучше дѣло обстояло и съ русской живописью. Какой извѣстностью пользовались въ то же время Александръ Ивановъ, творецъ „Явленія Христа народу“ и Ѳедотовъ, создатель русской бытовой живописи? Никакой. Противъ Иванова также появилась статья извѣстнаго тогда профессора живописи Зарянко („Совр. Лѣтопись“ 1864 г., № 20), гдѣ вмѣсто того, чтобы разъяснить значеніе этого художника и его картины, профессоръ доказывалъ, что Ивановъ понятія не имѣетъ о перспективѣ. Правда, были у Иванова и друзья, и такіе почитатели, какъ Гоголь, написавшій о немъ извѣстную статью, и Герценъ, но большинство знатоковъ искусства, не говоря уже про публику, не оцѣнили его. Какія были средства обратить вниманіе на того или другого художника, или композитора, заставить публику ходить на выставки его картинъ и покупать ихъ, заставить слушать оригинальныя музыкальныя произведенія? Единственное средство—печать. И Стасовъ горячо принялся путемъ печати разъяснять публикѣ художественное значеніе тѣхъ или иныхъ произведеній искусства, выставлять на видъ все, по его мнѣнію, крупное и раскрывать мишурный блескъ и фальшь многаго, бывшаго въ модѣ и имѣвшаго успѣхъ, но въ сущности плоскаго и низменнаго. Но кромѣ художественнаго чутья, убѣжденія въ справедливости своихъ художественныхъ оцѣнокъ, требовалась еще сила таланта заставить читать себя, убѣждать въ вѣрности своихъ взглядовъ. Этимъ талантомъ Стасовъ обладалъ чрезвычайно. Онъ писалъ занимательно, интересно, увлекательно, стремительно; сильный слогъ, ясный и простой, билъ прямо въ цѣль. Горячая убѣжденность и энтузіазмъ его, сохранившійся до послѣднихъ дней его жизни, невольно сообщались читателю. Не всѣ раздѣляли его взглядъ, но всѣ хоть сколько-нибудь интересовавшіеся искусствомъ ихъ знали. Мало этого, талантливыя статьи Стасова заставляли говорить о себѣ и вербовали ему все новыхъ и новыхъ читателей, расширяя самый кругъ лицъ, интересующихся искусствомъ.

Основной взглядъ Стасова, который онъ проповѣдывалъ всю свою жизнь, который онъ защищалъ отъ нападокъ и насмѣшекъ

[1]) См. статью: „Памяти М. И. Глинки“.

и за который боролся, былъ тотъ, что цѣнно лишь самобытное искусство, и что нѣтъ самобытности и истинной характерности внѣ національности. Но есть въ искусствѣ національность и національность. Стасовъ совершенно отрицалъ оффиціально признанный у насъ въ царствованіе Императора Николая I русскій національный стиль. Проповѣдуемое имъ національное направленіе не имѣло ничего общаго и съ тѣмъ чисто внѣшнимъ національизмомъ, который проявился въ царствованіе Александра III и выразился въ такихъ мелочахъ, какъ переименованіе Дерпта въ Юрьевъ, какъ введеніе въ обмундированіе арміи мундировъ-полукафтановъ, высокихъ сапогъ и барашковыхъ шапокъ.

Требованія Стасова отъ національнаго искусства были гораздо серьезнѣе и глубже и основывались на историческомъ изученіи національнаго характера въ искусствѣ.

„Въ началѣ 30-хъ годовъ—писалъ Стасовъ—сильно была у насъ въ ходу идея о „національности", и ее насаждали повсюду, на всѣхъ поприщахъ. Какъ извѣстно, эта національность была совершенно оффиціальная, искусственная, насильственная и поверхностная. Она не касалась настоящихъ корней, и тѣ, кто занимался ею всего больше, вовсе не понимали настоящей ея цѣны. А потому они и смѣшивали такія дѣйствительно національныя вещи, какъ глубокія созданія Пушкина и Глинки, съ такими вовсе не народными, а только оффиціальными созданіями, какъ „Національный гимнъ" Львова и „Національныя церкви" Тона" [1].

Но пора перейти къ болѣе детальному обзору мнѣній Стасова въ области искусства. Для большей ясности сгруппируемъ эти его мнѣнія по каждому искусству отдѣльно, начиная съ архитектуры и переходя къ скульптурѣ, затѣмъ къ живописи и къ музыкѣ.

XIV.

Не съ архитектора Тона—автора проекта церкви св. Екатерины у Калинкина моста въ Петербургѣ, удостоившагося одобренія императора Николая I,—начиналъ Стасовъ исторію русской національной архитектуры. Его оффиціально признанные національными проекты русскихъ церквей онъ признавалъ „изобрѣтеніями безъ даровитости и безъ вкуса, гдѣ не присутствовало знаніе древней Руси, но гдѣ на̀-скоро было нахватано кое-что съ нѣкоторыхъ московскихъ построекъ и грубо повторено въ сокращенномъ и испорченномъ видѣ".

---

[1]) „Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства" (т. I, стр. 624).

Въ архитектурѣ Стасовъ выставлялъ рядъ именъ, съ профессоромъ А. М. Горностаевымъ во главѣ, какъ сдѣлавшимъ починъ изученія древней національной русской архитектуры и проведенія результатовъ этого изученія въ жизнь въ своихъ проектахъ. Эти имена были: Ив. Ив. Горностаевъ, его племянникъ, Гриммъ, Резановъ, Гартманъ, Ропеттъ, Богомоловъ, Вальбергъ, Никоновъ, Гунъ, Китнеръ, Кузьминъ и другіе. Ихъ дѣятельность постоянно выставлялъ Стасовъ на показъ, когда у него заходила рѣчь о русской архитектурѣ, но среди нихъ были у него особые любимцы. Таковъ былъ Ив. Ив. Горностаевъ-академикъ, съ которымъ его связывали узы личной дружбы въ теченіе свыше двадцати лѣтъ. Съ нимъ онъ часто видѣлся во время переустройства Императорской Публичной Библіотеки, въ которой Горностаевъ строилъ читальную и такъ-называемую „средневѣковую“ залу для храненія древнѣйшихъ печатныхъ книгъ. Съ нимъ онъ ѣздилъ, въ 1858—59 г., въ новгородскую и псковскую губерніи изучать памятники нашей архитектуры древнѣйшаго періода для задуманной ими совмѣстно „Исторіи новгородско-псковскаго періода русской архитектуры“.

Хотя этотъ планъ не осуществился, но слѣды ихъ занятія остались у Горностаевыхъ въ многочисленныхъ рисункахъ, сохранившихся въ залахъ Академіи Художествъ, и у обоихъ въ многочисленныхъ статьяхъ, появившихся въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества“.

И. И. Горностаеву принадлежитъ, между прочимъ, памятникъ Глинкѣ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ византійскомъ стилѣ, съ изсѣченной вверху на фризѣ нотной строчкой: „Славься, славься, русскій народъ“.

Обширныя художественно-историческія знанія Ив. Ив. Горностаева и его занятія древне-русскимъ искусствомъ нашли себѣ чудесное примѣненіе въ рисункахъ декорацій и постановокъ для постановки въ Прагѣ „Руслана и Людмилы“ Глинки. Стасовъ сдѣлалъ очень краснорѣчивое и картинное описаніе ихъ въ своей статьѣ „Опера Глинки въ Прагѣ“ [1]).

Не иначе какъ восторженно относился Стасовъ къ оригинальному таланту Гартмана, съ которымъ лично познакомился всего за два года до его преждевременной смерти въ 1873 году. Стасовъ особенно цѣнилъ его работы, а также и работы Ропетта въ области деревянной русской архитектуры, которой Стасовъ придавалъ первенствующее значеніе въ художественномъ отно-

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1867 г., № 35.

шеніи. Оригинальность творческой концепціи Гартмана, мало оцѣненная до сихъ поръ, ярко проявилась на устроенной послѣ его смерти выставкѣ, плѣнившей даже музыканта Мусоргскаго, написавшаго извѣстную серію фортепіанныхъ пьесъ: „Картинки на выставкѣ Гартмана". Объ этой выставкѣ Стасовъ написалъ особую статью.

Не уставалъ Стасовъ восхищаться и ярко-талантливыми проектами и постройками И. П. Ропетта въ чисто русскомъ стилѣ. Его онъ называлъ истиннымъ роднымъ братомъ и продолжателемъ Гартмана. Очень любилъ и цѣнилъ Стасовъ и И. С. Богомолова, близкаго друга и товарища Гартмана и Ропетта еще по Академіи, до того близкаго къ нимъ по художественнымъ взглядамъ и направленію, что всѣ трое часто вмѣстѣ сочиняли и разработывали свои проекты [1]).

Таково, въ главныхъ чертахъ, новое направленіе въ архитектурѣ, въ лицѣ ея дѣятелей, какъ оно охарактеризовано въ статьяхъ Стасова.

Новое направленіе въ русскомъ искусствѣ—реализмъ и національность—всего менѣе количественно выразилось въ скульптурѣ. Послѣ скульптора Каменскаго, которому принадлежитъ нѣкоторый починъ въ натуральности и отчасти національности въ такихъ его вещахъ, появившихся въ 60-хъ годахъ XIX в., какъ „Мальчикъ скульпторъ", „Вдова съ ребенкомъ" и „Первый шагъ"—починъ, однако, не получившій у него дальнѣйшаго развитія и заглохшій въ самомъ началѣ, — Стасову, начиная съ 70-хъ годовъ, долгое время некого было наблюдать, некого выставлять на показъ, пропагандировать, некому было удивляться и не отъ кого приходить въ восторгъ, кромѣ одного М. М. Антокольскаго.

Зато тѣмъ болѣе былъ замѣтенъ Стасову крупный талантъ этого художника. Онъ первый взглянулъ на его талантъ серьезно, глазами глубокаго знатока, и когда, въ 1864 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія Антокольскаго въ Академіи, появился его горельефъ изъ дерева—„Еврей-портной, вдѣвающій у окна нитку въ иголку", горельефъ, за который ему была присуждена Академіей вторая серебряная медаль, Стасовъ тотчасъ же обратилъ на него вниманіе въ печати: „На мою долю—пишетъ онъ въ біографіи Антокольскаго — выпало съ перваго же дня оцѣнить

---

[1]) Между прочимъ, Богомолову принадлежитъ оригинальный памятникъ надъ могилой М. В. Мусоргскаго въ Александро-Невской Лаврѣ и рѣшетка вокругъ памятника Глинки, составленная изъ нотныхъ цитатъ изъ его музыки.

оригинальное сходство горельефа и ранѣе всѣхъ другихъ указать въ печати его значеніе, какъ попытку внести въ скульптуру ту самую жизненную правду, которая существуетъ въ бытовыхъ картинкахъ голландцевъ". Нѣсколько позже, въ большой статьѣ „Наши художественныя дѣла", появившейся въ рядѣ нумеровъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1869 г., онъ писалъ про значеніе того же „Еврея-портного" и еще другой фигуры—барельефа—„Еврей-скупой": „это были двѣ маленькія сцены, въ родѣ совершенно для насъ новомъ, отъ которыхъ вѣяло новымъ искусствомъ, новымъ направленіемъ и гдѣ слышалась полная революція противъ прежней скульптуры нашей, только умѣвшей фальшить и притворяться чѣмъ-то классическимъ. Здѣсь въ первый разъ явились, вмѣсто всего героическаго, античнаго и ходульнаго, чѣмъ единственно занималась до сихъ поръ скульптура, черты жизненной, будничной правды, изображенія такихъ вещей, о которыхъ наша скульптура не смѣла никогда прежде и помышлять. Какой-то портной, да еще „жидъ", въ нынѣшнемъ платьѣ, съ характернымъ, совершенно неправильнымъ и ничуть не античнымъ лицомъ, представленъ вдругъ въ ту минуту, когда онъ занятъ самымъ не-идеальнымъ дѣломъ: онъ вдѣваетъ нитку въ иголку, и все его вниманіе, вся его мысль и способности пошли на это дѣло".

Среди послѣдовавшихъ затѣмъ произведеній Антокольскаго на сюжеты изъ еврейской жизни Стасовъ громадное значеніе придавалъ „Нашествію инквизиціи въ Испаніи на евреевъ, тайно празднующихъ въ подвалѣ Пасху". Признавая, что всѣми этими произведеніями Антокольскій создалъ новую реалистическую національную еврейскую скульптуру, до него вовсе не существовавшую, Стасовъ скоро долженъ былъ признать, что тотъ же Антокольскій создалъ и русскую національную скульптуру. Въ этомъ у Стасова не оставалось сомнѣній со времени появленія, въ началѣ 70-хъ годовъ, статуи Антокольскаго „Іоаннъ Грозный", и онъ написалъ горячую статью о ней въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 13 февраля 1871 года.

Стасовъ познакомился съ Антокольскимъ еще въ самый ранній періодъ его творчества, когда, въ 1862 г., онъ пришелъ къ нему въ Публичную Библіотеку за указаніями и совѣтами по части нѣкоторыхъ обстановочныхъ подробностей для своей „Инквизиціи". Какъ потомъ вспоминалъ Стасовъ въ рѣчи, произнесенной имъ надъ могилой Антокольскаго, онъ былъ имъ и удивленъ, и пораженъ, и плѣненъ. „Я былъ—говоритъ онъ—лѣтъ на двадцать старше его, я уже видѣлъ много людей на своемъ

вѣку, много также и художниковъ нашихъ, иногда замѣчательныхъ и талантливыхъ, но передъ этимъ я остановился съ невольнымъ, особеннымъ какимъ-то вниманіемъ. Я чувствовалъ въ немъ соединеніе и чудесной души, и чудеснаго ума, и чего-то совершенно оригинальнаго по имени и таланту. Мнѣ захотѣлось поскорѣе привлечь его поближе къ себѣ, быть съ нимъ вмѣстѣ, слушать его, прислушиваться къ тому, чего онъ хочетъ, чтò задумываетъ, къ чему стремится. Ничего такого я еще не замѣчалъ у насъ, а особенно въ „скульптурѣ", которой у насъ просто все равно, что вовсе еще и не было".

Давъ всѣ просимыя у него свѣдѣнія, Стасовъ съ большою готовностью отзывался на подобныя же обращенія къ нему Антокольскаго и впослѣдствіи. То онъ бесѣдуетъ съ нимъ объ одеждѣ для „Іоанна Грознаго", то посылаетъ ему въ Римъ цѣлый костюмъ Петра Великаго, портреты царевны Софіи, Спинозы, то онъ сообщаетъ ему подробности монашеской одежды для „Нестора", вооруженіе для „Ермака", царской одежды для „Бориса Годунова", одежды для „Мазепы" и проч.

Дружескія отношенія Стасова къ Антокольскому не прекращались до самой смерти послѣдняго въ 1902 году. Эти отношенія ярко выступаютъ въ изданныхъ заботами Стасова письмахъ Антокольскаго къ нему вмѣстѣ со многими другими его письмами, статьями и біографіей Антокольскаго, нарочно написанной Стасовымъ для этого изданія. Не прекращались горячіе отзывы Стасова въ печати о творчествѣ Антокольскаго. Однако, не всегда эти отзывы были только восторженны, хвалебны. Когда въ одно время, въ концѣ 70-хъ годовъ, Антокольскій отклонился отъ стараго національнаго реалистическаго направленія, Стасовъ предостерегалъ его отъ ложнаго, по его мнѣнію, пути, сначала въ бесѣдахъ, письмахъ, а потомъ,—послѣ всемірной выставки въ Парижѣ 1878 г., гдѣ были выставлены такія произведенія Антокольскаго, какъ „Христосъ", „Сократъ",—и въ печати („Новое Время", „Вѣстникъ Европы"), указывая, что Италія его объитальянила, обезцвѣтила, что онъ ударился въ итальянскій лже-драматизмъ, космополитизмъ, тогда какъ его настоящая дорога—воспроизводить русскую или еврейскую жизнь; Стасовъ находилъ, что въ статуяхъ „Христосъ" и „Сократъ" является неумѣстная пассивность, замѣнившая прежнее бодрое, сильное, мощное настроеніе, выразившееся въ „Іоаннѣ Грозномъ", „Ярославѣ Мудромъ". Эти нападки, вытекавшія изъ основныхъ взглядовъ Стасова на искусство, хотя и были непріятны Антокольскому, и онъ жаловался на нихъ въ письмахъ къ друзьямъ

своимъ, Рѣпину и Крамскому, не могли, однако, поколебать близкихъ отношеній Стасова къ Антокольскому.

Ихъ дружба продолжалась, и когда Антокольскій снова вернулся на прежній путь, создавая „Нестора“ и „Ермака“, и въ послѣдніе годы жизни снова началъ разработывать зародившуюся еще въ юности „Инквизицію“, — Стасовъ былъ удовлетворенъ вполнѣ. Какъ разъ къ тому времени, когда Антокольскимъ былъ задуманъ „Ермакъ“, относится одно замѣчательное его письмо къ Стасову, прочитанное И. Я. Гинцбургомъ на юбилеѣ Стасова 2 января 1894 г. Это восторженное письмо хорошо характеризуетъ отношенія Антокольскаго къ Стасову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и личность послѣдняго [1]).

---

[1]) Приводимъ его цѣликомъ:

„Издали протягиваю вамъ руки, дорогой, сто разъ дорогой мой Владиміръ Васильевичъ, чтобы хоть мысленно обнять васъ крѣпко, какъ вѣрное войско—свое знамя, которое служило намъ примѣромъ, символомъ любви къ правдѣ, къ искусству, къ родинѣ и къ человѣчеству. Ваша дѣятельность славна, ваше прошлое полно борьбы; вы всегда шли впереди насъ, навстрѣчу новой эры въ родномъ искусствѣ, очищая путь тѣмъ, которые шли за вами. Но вы не любили ни слабыхъ, ни слѣпыхъ, вы хотѣли, чтобы каждый изъ насъ былъ равенъ вамъ.

Однажды—это было въ Римѣ—я получилъ отъ васъ письмо, полное упрековъ и, какъ всегда, полное откровенности. Рѣчь шла объ искусствѣ. Я отвѣчалъ вамъ рѣзко, отстаивалъ свои убѣжденія, какъ могъ, и думалъ: „разсердится на меня мой другъ навсегда“. Не тутъ-то было.

Вашъ отвѣтъ былъ восторженный. Вы писали: „такихъ-то я и люблю“. И съ тѣхъ поръ я еще болѣе понялъ васъ, сильнѣе, горячѣе полюбилъ васъ. Да, вы любите говорить правду, любите и слушать ее, и, напротивъ, вы всей вашей сильной душой ненавидите фальшь и притворство—все равно, гдѣ бы они ни проявлялись, кѣмъ бы они ни были высказаны, во имя чего они ни были бы высказаны.

Вы встрѣчали противъ себя много злобы, потому что у самого много доброты. Но, слава Богу, время васъ не утомило, борьба васъ не осилила, мы ждемъ отъ васъ еще многаго.

Теперь наша маленькая дружина собрала ваши слова въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ (говорится про III-й т. Соч. Стасова, изданныхъ его друзьями и почитателями).

Это лучшее, что̀ мы могли сдѣлать: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Эти-то слова и есть лучшій свидѣтель вашего честнаго, неутомимаго труда, лучшій памятникъ вашей дѣятельности.

Честныя, искреннія слова, свѣтлая мысль, какъ сѣмя, не умираютъ никогда. Иной разъ они долго лежатъ подъ спудомъ наноснаго снѣга, иной разъ вѣтеръ переноситъ ихъ на другую почву; но все равно, не сегодня, то завтра, послѣ-завтра черезъ годы, когда-нибудь ихъ поймутъ, и тогда всѣ, кто только любитъ родное искусство, всѣ скажутъ вамъ единодушное спасибо.

А пока, мы, ваши друзья, счастливы и гордимся тѣмъ, что мы можемъ сказать то же самое теперь же.

Ваша честная, прямолинейная дѣятельность всю вашу жизнь служила намъ при-

Разъ Антокольскій захотѣлъ оказать Стасову особую дружескую услугу. Въ девяностыхъ годахъ нападки и нареканія многочисленныхъ враговъ Стасова сдѣлались особенно напряженными и несправедливыми, и вотъ Антокольскій выступилъ (въ „Книжкахъ Недѣли“ 1895 г., Мартъ) съ цѣлой статьей въ защиту своего друга. Изъ этой статьи ясно было каждому, на чьей сторонѣ правда и насколько Стасовъ дѣйствительно заслуживалъ обвиненія.—Много, очень много сдѣлалъ Стасовъ для Антокольскаго и тѣмъ самымъ для искусства. Онъ былъ его первымъ и неустаннымъ критикомъ, постояннымъ совѣтникомъ, часто суровымъ наставникомъ и пылкимъ вдохновителемъ и всегда другомъ. Послѣ его смерти онъ сталъ его біографомъ, собралъ и редактировалъ изданіе его писемъ и статей и тѣмъ далъ возможность знать и оцѣнить Антокольскаго, какъ человѣка, мыслителя, эстетика.

XV.

Общественно-литературное движеніе, начавшееся въ сороковыхъ годахъ, ни въ какомъ искусствѣ не сказалось съ такой силой, непосредственностью и яркостью, какъ въ живописи. Именно въ ней и реализмъ, и народничество, нашли себѣ послѣ литературы наиболѣе благодарную почву для выраженія. Въ своей художественной лѣтописи 1849-ый годъ Стасовъ отмѣчаетъ какъ начало новой эры. Въ этомъ году въ Академіи Художествъ была выставлена картина Ѳедотова „Свѣжій Кавалеръ“, съ которой родилась національная, русская бытовая живопись.

Послѣ этой и другихъ картинъ Ѳедотова, явились въ 1858 г. картины Перова—„Пріѣздъ станового на слѣдствіе“ и другія. Но вполнѣ сознательный расцвѣтъ ея произошелъ много позже, въ шестидесятыхъ годахъ.

Хотя многіе художники и не были зачастую знакомы съ произведеніями литературы, съ критикой и эстетикой, но идеи того времени, выраженныя съ такой яркостью въ сочиненіи Н. Г. Чернышевскаго: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, носились тогда въ воздухѣ. Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи“—это положеніе Чернышевскаго стало въ шестидесятыхъ годахъ лозунгомъ русскаго реализма въ искусствѣ. Къ этому же времени относится и расцвѣтъ бытовой

мѣромъ силы, стойкой какъ дубъ, способной скорѣе сломаться, чѣмъ согнуться“. („Письма Антокольскаго“ въ изданіи Стасова.)

живописи. Сознательность и, такъ сказать, стихійная сила этого движенія среди новаго поколѣнія русскихъ художниковъ впервые проявилась въ знаменитомъ коллективномъ протестѣ четырнадцати учениковъ Академіи Художествъ въ 1863 году, когда, отказавшись представлять картины на золотую медаль на рутинные, далекіе отъ современной русской жизни, сюжеты, они вышли изъ Академіи и образовали свою собственную „художественную артель", идея которой перевоплотилась въ 1871 г. въ „Общество передвижниковъ". Въ этомъ „художественномъ бунтѣ", по выраженію Стасова, самъ онъ сыгралъ крупную, если не первую роль, вызвавъ самое движеніе. Задолго въ своихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ онъ отстаивалъ свободу живописи отъ рутинерства всяческихъ Академій. Въ 1861 г. появилась въ „Современной Лѣтописи" статья Стасова: „По поводу выставки въ Академіи Художествъ", въ которой онъ уже прямо нападалъ на Академію за несообразность задаваемыхъ его любимымъ художникамъ темъ изъ античной жизни, столь отъ нихъ далекой и совершенно имъ чуждой и ничуть ихъ не трогающей. На нападки на эту статью Стасовъ въ отвѣтѣ „Г-ну Адвокату Академіи Художествъ", т.-е. Бруни, въ концѣ заявлялъ открыто: „Надобно — перестать презирать жанръ (или — по прекрасному выраженію одного „неспеціалиста" — живопись быта), надо дать волю художникамъ, надо больше не требовать отъ нихъ того, къ чему они не могутъ уже имѣть ни симпатіи, ни охоты, ни способности, надо оставить имъ вполнѣ, для ихъ экзаменовъ на золотыя медали, выборъ сюжетовъ, въ которые они могутъ внести жизнь, правду и поэзію". Эту мысль Стасовъ упорно проводилъ и въ другихъ статьяхъ, написанныхъ незадолго до „художественнаго бунта" 1863 г. Благодаря имъ, бывшее и раньше противу-академическое теченіе среди молодыхъ художниковъ обозначилось рѣзче. Статьи Стасова и полемика, ихъ сопровождавшая, возбудили толки, пробудили сознаніе и, наконецъ, сплотили художниковъ въ общемъ протестѣ.

Дѣло это въ то время надѣлало много шума и взволновало общественное мнѣніе. Академія приняла мѣры, чтобы ничего компрометирующаго ее не могло попасть въ печать.

Крамской, одинъ изъ главныхъ „бунтовщиковъ", писалъ, что кн. Гагаринъ (вице-президентъ Академіи) просилъ кн. Долгорукаго (начальника III Отдѣленія), чтобы въ литературѣ ничего не появлялось безъ предварительнаго просмотра его, Гагарина. Въ виду этого, написанная тогда статья Стасова: „Академическая выставка 1863 года", гдѣ много говорилось по поводу

академическаго „бунта", была задержана цензурой и могла появиться въ „Библіотекѣ для Чтенія" только въ слѣдующемъ году и при томъ съ значительной урѣзкой" [1]).

Насколько благотворно было это движеніе для развитія нашей бытовой живописи, распространяться не приходится. Оно—на глазахъ у всѣхъ, и если теперь говорятъ о русской національной живописи, то всѣмъ извѣстно, что подъ этимъ подразумѣвается именно русскій жанръ и что исторія его возникновенія тѣсно связана съ исторіей выставокъ „передвижниковъ".

Оцѣнивая это движеніе въ статьѣ „Наши художественныя дѣла", написанной по поводу исполнившагося тогда столѣтія со дня основанія Академіи Художествъ, и продолжая осуждать академическую рутину, спустя всего только шесть лѣтъ послѣ „бунта" Стасовъ говорилъ: „Наша живопись, слѣпо поклоняясь чужому творчеству и эрмитажамъ, за цѣлыхъ сто лѣтъ не произвела ничего, на чтò стоило бы указать какъ на собственное творчество... Чтò не мыслимо давнымъ-давно уже въ литературѣ—указаніе благонадежныхъ образцовъ литераторамъ, то по настоящее время еще въ полномъ ходу по части художества и художниковъ... За то у насъ до самаго послѣдняго времени и не было такого художества, которое стояло бы на одной доскѣ съ нашей оригинальной, самобытной литературой...

„Но теперь все мало-по-малу всюду измѣняется, художники берутъ въ свои руки собственные интересы, и выгоды для искусства отъ этого — неисчислимы..."

Привѣтствуя реальное направленіе молодыхъ художниковъ, Стасовъ тутъ же говоритъ: „Только то и искусство, великое, нужное и священное, которое не лжетъ и не фантазируетъ, которое не старинными игрушками тѣшится, а во всѣ глаза смотритъ на то, чтò вездѣ вокругъ насъ совершается, и, позабывъ прежнее барское дѣленіе сюжетовъ на высокіе и низкіе, пылающею грудью прижимается ко всему тому, гдѣ есть поэзія, мысль и жизнь".

Но не только привѣтствуя новое направленіе, а заботясь о ростѣ и процвѣтаніи новаго искусства, Стасовъ даетъ и нѣкоторые совѣты молодымъ художникамъ. Онъ убѣждаетъ ихъ „достигнуть болѣе живого и горячаго колорита", а что касается сюжетовъ, то въ своемъ реализмѣ не выказывать безразличья къ сюжетамъ ничтожнымъ, пустяшнымъ, а выбирать для изображенія дѣйствительно характерное, значительное.

---

[1]) См. примѣчаніе редакціи къ этой статьѣ. Соч., т. I.

Не было художника этого направленія, не было положительно ни одной его картины, мимо которыхъ Стасовъ прошелъ, не обративъ на нихъ вниманія и не указавъ на нихъ публикѣ. Но были художники, крупный талантъ которыхъ угадавъ первый, онъ не переставалъ трубить о нихъ всю свою жизнь.

Послѣ Ѳедотова громадное значеніе онъ придавалъ Перову, его продолжателю, видя въ нихъ обоихъ и Гоголя, и Островскаго въ живописи. Все, что онъ пишетъ о немъ, полно самой пылкой любви къ нему, самаго неподдѣльнаго энтузіазма. Между прочимъ, есть у него о немъ статья, въ которой онъ проводитъ параллель между нимъ и другимъ своимъ любимцемъ, такимъ же самобытнымъ, какъ и онъ, а именно Мусоргскимъ. Это статья: „Перовъ и Мусоргскій"—одна изъ очень выдающихся у Стасова по своей оригинальности. Среди продолжателей Ѳедотова и Перова на первый планъ Стасовъ выдвигалъ Владиміра Маковскаго, мастерского изобразителя народной жизни. Но самобытнѣйшимъ и величайшимъ художникомъ Стасовъ считалъ И. Е. Рѣпина съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ его первыя картины: „Іовъ и его друзья" и „Воскрешеніе дочери Іаира", написанныя еще въ Академіи на золотыя медали, и въ особенности картину „Бурлаки на Волгѣ", появившуюся въ 1873 г. Эту послѣднюю Стасовъ называлъ „первой картиной всей русской школы, отъ начала ея существованія". „Важнѣе и глубже задачи никто еще изъ русскихъ живописцевъ не бралъ", прибавляетъ онъ [1]). Главной особенностью Рѣпина Стасовъ считалъ его способность постигать и передавать массовое чувство. Неизмѣнно въ теченіе свыше тридцати лѣтъ Стасовъ отзывался о Рѣпинѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ нашихъ, и не переставалъ горѣть къ нему тѣмъ же огнемъ восторга до конца своей жизни.

Но ихъ близкія, дружескія отношенія грозили одно время полнымъ разрывомъ. Причиной былъ самъ Рѣпинъ. Это было время 1893 — 94 гг., когда Рѣпинъ ѣздилъ въ Германію, Францію и Италію. Богатство самыхъ разнообразныхъ художественныхъ впечатлѣній задавило его. Въ Италіи его поглотило море классицизма, его обольстила красота рисунка, нѣжная пластика формъ. Въ Парижѣ на него нахлынула волна модернизма во главѣ съ Пювисъ-де-Шаванномъ. Онъ былъ озадаченъ этимъ новымъ теченіемъ въ искусствѣ, а по пріѣздѣ въ Россію столкнулся съ отраженіемъ той же волны въ декадентствѣ, проявившемся на выставкахъ „Міра Искусства". И вотъ эстетическія основанія у

[1]) Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства („Вѣстн. Европы" 1882—83 гг.).

Рѣпина стали колебаться. Съ одной стороны, онъ сталъ не въ мѣру увлекаться Брюлловымъ, этимъ, казалось бы, уже совсѣмъ на смерть поверженнымъ Стасовымъ кумиромъ; съ другой—склоняться къ новымъ теченіямъ въ живописи — идеалистическимъ. Все это находилось въ полномъ противорѣчіи съ прежнимъ его реалистическимъ направленіемъ коренного передвижника. Страстная, увлекающаяся натура художника, не сдерживаемая холоднымъ умомъ мыслителя-аналитика, готова уже была всецѣло отдаться новымъ вѣяніямъ, а пока что, нужно было опрокинуть устарѣвшихъ боговъ. И Рѣпинъ не преминулъ это сдѣлать въ одной статьѣ [1]). Въ ней онъ жестоко нападалъ на реалистическое направленіе въ литературѣ и искусствѣ 1860-хъ годовъ, выдающуюся роль въ которомъ игралъ не кто иной, какъ Стасовъ. Въ погонѣ за новыми путями онъ какъ будто забылъ дружбу и любовь къ себѣ Стасова, продолжавшаго непоколебимо стоять на своемъ славномъ посту. Нужно представить, какъ Стасовъ былъ огорченъ этой статьей. Онъ ходилъ грустный, какъ въ воду опущенный. Онъ не зналъ, что предпринять. Выступить противъ Рѣпина въ печати—это значило бы выступить противъ самого себя. Не привыкли ли всѣ знать и думать, что Рѣпинъ—другъ Стасова, что это—одинъ изъ тѣхъ художниковъ, въ творчествѣ которыхъ наиболѣе ярко осуществлялось то направленіе, горячимъ проповѣдникомъ котораго онъ былъ всегда. И Стасовъ не видѣлъ выхода. Онъ чуть не заболѣлъ. Друзья не узнавали его—до того всегдашнее жизнерадостное настроеніе оставило его. Поступокъ Рѣпина нашелъ среди вѣрныхъ друзей Стасова своихъ осудителей. Антокольскій, очень любившій Рѣпина, тѣмъ не менѣе писалъ изъ за-границы, что поступокъ его противъ Стасова—„такой же, какъ противъ отца родного" [2]). Однако размолвка продолжалась не долго. Къ счастью, настроеніе Рѣпина оказалась наноснымъ, временнымъ. Оно вовсе не отразилось на творчествѣ. Уже въ началѣ 1894 г. Рѣпинъ сталъ возвращаться на прежній путь. По случаю юбилея Стасова онъ помѣстилъ 10-го января этого года пространное письмо въ редакцію „Нов. Врем.", въ которомъ горячо восхвалялъ заслуги Стасова передъ русскимъ искусствомъ. Это письмо блуднаго сына, присланное изъ Неаполя, чрезвычайно удивило Стасова. Мало-по-малу ихъ отношенія возстановились и затѣмъ уже не нарушались.

---

[1]) „Театральная Газета", 1893 г.

[2]) М. М. Антокольскій. Письма подъ ред. В. В. Стасова. Письмо къ Е. П. Антокольской. Парижъ. Мартъ, 1894 г.

Высоко ставилъ Стасовъ портретную живопись Рѣпина и очень гордился многочисленными собственными портретами этого художника [1]).

Очень цѣнилъ Стасовъ Шварца за его картины изъ „старой русской исторіи“, по его выраженію, и находилъ, что этотъ художникъ еще мало оцѣненъ у насъ.

Виднѣйшее мѣсто, и при томъ особенно почетное, Стасовъ отводилъ В. В. Верещагину, область котораго—по его словамъ—„новая, современная, русская исторія“, а именно нашъ народъ, народныя массы, а главное, проповѣдь картинами противъ войны. Одна изъ картинъ послѣдняго рода, а именно „Забытый“, впослѣдствіи сожженная авторомъ, вмѣстѣ съ двумя другими этого же рода („Окружили—преслѣдуютъ“, „Вошли“), производила на Стасова громадное впечатлѣніе, раздѣляемое и Мусоргскимъ. На ея сюжетъ онъ написалъ романсъ, который Стасовъ обожалъ, называя его „тузовымъ“—верхъ похвалы въ его устахъ. У Верещагина Стасовъ подчеркивалъ и разнообразіе задачъ при неизмѣнномъ совершенствѣ ихъ выполненія: его коллекціи—то путевыя впечатлѣнія, какъ среднеазіатскія, индійскія или японскія,—то военныя сцены—результатъ его наблюденій и впечатлѣній турецко-славянской войны 1877—78 гг.;—то рядъ характерныхъ эпизодовъ изъ эпопеи нашествія Наполеона I на Россію въ 1812 г. Но одну его очень раннюю картину, „Опіумоѣды“, мало извѣстную, такъ какъ она находится во дворцѣ,—Стасовъ считалъ „капитальнѣйшимъ, оригинальнѣйшимъ и характернѣйшимъ“ изъ всѣхъ картинъ Верещагина. Личныя отношенія Стасова къ Верещагину тоже имѣли свой бурный періодъ. Несогласія между ними проистекали главнымъ образомъ отъ свойствъ характера Верещагина.

Изъ болѣе молодыхъ художниковъ, выступившихъ уже въ 80-хъ годахъ, Стасовъ выдвигалъ Сурикова за его, хотя и немногочисленныя, но очень характерныя историческія картины, и В. М. Васнецова, у котораго восхищался національно-историческими картинами: „Гусляры“, „Три витязя“, декораціями къ оперѣ „Снѣгурочка“ Римскаго-Корсакова и орнаментаціей Владимірскаго собора въ Кіевѣ [2]).

О коренномъ передвижникѣ и величайшемъ русскомъ портретистѣ 70—80 гг. И. Н. Крамскомъ Стасовъ издалъ цѣлую

[1]) Стасовъ въ 1905 г. насчитывалъ пять собственныхъ портретовъ работы Рѣпина (см. „Искусство XIX в.“).

[2]) О Викторѣ Васнецовѣ Стасовъ помѣстилъ статью въ журналѣ „Искусство и Художественная Промышленность“ 1898 г.

книгу съ его статьями, изъ которыхъ многія были неизвѣстны, и письмами. Онъ высоко цѣнилъ Крамского не только какъ художника, но и какъ художественнаго критика, называя его „величайшимъ художественнымъ критикомъ нашего вѣка“ и находя, что въ дѣлѣ художественной критики Крамской еще значительнѣе Иванова; „онъ разностороннѣе и гибче его, онъ не ограничивается, какъ тотъ, однимъ религіознымъ, историческимъ, по преимуществу идеальнымъ искусствомъ, но глубоко понимаетъ и то бытовое, жизненное и національное и реальное искусство, которое выдвинулось во всей своей силѣ и цвѣтѣ лишь послѣ смерти Иванова, и не было еще ему знакомо, но составляетъ главную задачу нашего вѣка“. Нужно замѣтить, что книга о Крамскомъ была издана при содѣйствіи А. С. Суворина въ 1888 г., а за восемь лѣтъ передъ тѣмъ Стасовъ принималъ живѣйшее участіе въ такомъ же изданіи писемъ Иванова, предпринятомъ М. П. Боткинымъ.

Послѣ Крамского Стасовъ постоянно указывалъ еще на портретиста Харламова, а изъ молодыхъ очень цѣнилъ талантъ ученика Рѣпина—Сѣрова. Совсѣмъ особое мѣсто въ отношеніяхъ Стасова къ художникамъ занималъ Н. Н. Ге. Въ своей книгѣ о Ге, изданной въ 1904 г., самъ Стасовъ говоритъ между прочимъ: „Я писалъ о немъ во многихъ своихъ статьяхъ, начиная съ его „Тайной Вечери“, и всегда относился къ его таланту и уму съ уваженіемъ и симпатіей, но всегда жалѣлъ объ исключительно религіозномъ его направленіи, которое казалось мнѣ далеко не вполнѣ соотвѣтствующимъ потребности нашей современности“. Такимъ образомъ, далеко не все въ творчествѣ Ге Стасовъ одобрялъ и часто спорилъ съ нимъ объ искусствѣ. Не одобрялъ онъ и увлеченія Ге Брюлловымъ, и это вызвало у Ге такую фразу въ его „Запискахъ“, фразу, написанную въ 1892 г.: „Брюлловъ и по сей день остается въ опалѣ, потому что Стасовъ, не любящій искусства, нашелъ нужнымъ уронить его, а добродушные слушатели согласились съ этимъ“ [1]). Фраза эта интересна не только какъ характеристика видимыхъ отношеній Стасова и Ге, но и какъ признаніе со стороны Ге неограниченнаго вліянія Стасова въ области художественной критики. Но, несмотря на такія отношенія, Стасовъ не былъ пристрастенъ къ Ге. Въ 1894 г. онъ увидалъ его картину „Распятіе“, и былъ до того пораженъ, что, какъ самъ признается, „сразу подумалъ, что это *первое* Распятіе“ въ мірѣ, первое изъ всѣхъ существую-

---

[1]) См. Стасовъ, „Н. Н. Ге“, Спб. 1904 г., стр. 400.

щихъ во всемъ художествѣ... Я первый разъ видѣлъ (наконецъ) изображеніе этой страшной трагедіи во всемъ ея несолганномъ и неприбранномъ ужасѣ". Тутъ же Стасовъ разсказываетъ, какъ онъ потомъ просилъ Ге на оборотѣ фотографіи „Распятія" нарисовать ему на память контуръ своей руки. „Мнѣ хотѣлось,— говоритъ Стасовъ,—чтобы у меня осталось изображеніе той руки, которая начертила *первое въ мірѣ* Распятіе".

Свою книгу о Ге Стасовъ заключаетъ такими словами: „При тысячи несовершенствъ и недочетовъ, можетъ быть и крупныхъ, Ге все-таки былъ человѣкъ и художникъ необыкновенный, своеобразный и самостоятельный, который многое такое сдѣлалъ, что никому другому никогда не сдѣлать, да о чемъ другіе, пожалуй, никогда и не задумаются. Съ него этого довольно. Вѣрую твердо, что его имя навсегда велико".—Я нарочно остановился нѣсколько подробнѣе на отношеніяхъ Стасова къ художнику, во многомъ расходившемуся съ коренными взглядами Стасова. Въ этихъ отношеніяхъ благородная личность Стасова выступаетъ очень ярко.

Въ наши задачи не входитъ дать полный обзоръ художественныхъ взглядовъ Стасова, нарисовать исчерпывающую картину его отношенія ко всѣмъ художникамъ. Мы хотѣли только охарактеризовать эти отношенія, поскольку они выясняютъ вообще индивидуальность Стасова, какъ художественнаго критика. Думаемъ, что для этой цѣли и сказаннаго достаточно вполнѣ.

Укажемъ мимоходомъ еще на отношеніе Стасова къ пейзажной живописи и къ новому направленію въ этомъ искусствѣ, направленію, народившемуся въ послѣднее время его жизни, а именно, къ такъ называемымъ декадентамъ.

Пейзажу Стасовъ не придавалъ столь большого значенія, какъ бытовой живописи, но и въ этой области онъ находилъ много замѣчательныхъ художниковъ, какъ Айвазовскій, Шишкинъ, Куинджи съ его необычайными свѣтовыми эффектами, Полѣновъ, Дубовскій, Левитанъ—„авторъ,—по его словамъ,—цѣлаго ряда великолѣпныхъ русскихъ пейзажей, необыкновенно поэтическихъ, но почти всегда очень меланхоличныхъ".

Каково было отношеніе Стасова къ декадентамъ—нетрудно догадаться. Что къ ихъ расплывчато-туманнымъ произведеніямъ, далекимъ отъ живой дѣйствительности, Стасовъ относился отрицательно—это вытекаетъ логически изъ художественныхъ взглядовъ его, какъ поборника, прежде всего, реализма и жизненной правды въ искусствѣ. Но, независимо отъ этого, русскимъ дека-

дентамъ онъ отказывалъ прежде всего въ оригинальности. „Все у нихъ чужое, все—плачевное подражаніе“,—пишетъ онъ... „Все декадентство нашихъ декадентовъ состоитъ только изъ декадентскихъ разговоровъ про европейскихъ декадентовъ. Когда тѣ окончательно смолкнутъ и стушуются, наши жалкія обезьяны, конечно, тотчасъ подожмутъ хвосты и замолчатъ навѣки“ [1]).

Григ. Тимофеевъ.

[1]) „Искусство въ XIX вѣкѣ“. Соч. т. IV, стр. 235.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

ПОВѢСТЬ.

The Sinews of War. By Eden Phillpots and Arnold Benett. London. 1907.

Окончаніе.

XIV *).

На слѣдующій день—это было въ воскресенье, въ сумерки—Филиппъ сидѣлъ, притаившись, въ конторѣ мистера Гильгэ, какъ паукъ, подстерегающій добычу. Онъ раскинулъ паутину и все еще надѣялся, что въ нее попадетъ выслѣживаемая имъ муха. Терпѣніе его, однако, уже почти истощилось. Цѣлое утро Филиппъ изучалъ слѣды пальцевъ на обломкѣ водопроводной трубы. Онъ былъ увѣренъ, что это—слѣды отъ пальцевъ убійцы, и былъ увѣренъ также, что убійца все еще живетъ въ Угловомъ Домѣ. Онъ не тратилъ времени на разслѣдованіе вопроса о томъ, какимъ образомъ потерянный саквояжъ снова очутился въ его комнатѣ. Вѣроятно, его нашелъ и занесъ къ нему Варко. Удовольствовавшись этимъ предположеніемъ, Филиппъ сосредоточилъ все вниманіе на отпечаткѣ пальцевъ, и даже не считалъ нужнымъ отвѣчать на запросы, которые получалъ въ теченіе дня изъ редакціи „Курьера".

Но Филиппъ не былъ экспертомъ въ сложномъ вопросѣ, имѣющемъ техническое названіе дактилографіи, понятія не имѣлъ о категоріяхъ и группахъ, на которыя распадаются отпечатки человѣческихъ пальцевъ. Едва-ли онъ даже зналъ, что Скот-

---

*) См. выше: февраль, стр. 733.

лэндъ-Ярдъ имѣетъ милліонъ отпечатковъ, и что систематическій указатель преступниковъ, составленный по этимъ матеріаламъ—одно изъ міровыхъ чудесъ. Онъ не читалъ ученыхъ книгъ по этому вопросу, имѣлъ основаніе не отправляться въ Скотлэндъ-Ярдъ за справками, а сталъ самъ изучать отпечатокъ, имѣвшійся передъ его глазами, и рѣшилъ дѣйствовать, полагаясь на свой здравый смыслъ. Онъ установилъ прежде всего, что это—отпечатокъ указательнаго пальца правой руки, затѣмъ—что рука у преступника короткая и неуклюжая, съ широкими плоскими концами пальцевъ. Кромѣ того, онъ пришелъ къ убѣжденію, что рука эта была не привычная къ ручному труду, потому что линіи кожи были ясно обозначенныя, а не сморщенныя и спутанныя, какъ у рабочихъ. Чтобы установить личность преступника, нужно было получить отпечатки указательныхъ пальцевъ правой руки всѣхъ жильцовъ дома, и Филиппъ напалъ на практичный способъ достигнуть этой цѣли. Онъ воспользовался матеріалами для работы, оставленными въ корридорѣ малярами, и приготовилъ двѣ пачки бумажныхъ полосъ, взявъ для этого свертокъ простыхъ зеленыхъ обоевъ; полосы одной пачки онъ покрылъ бѣлой краской, а другой—лакомъ, просушеннымъ слегка передъ огнемъ. На это ушло все время до завтрака. Послѣ завтрака онъ, съ разрѣшенія мистера Гильгэ, отвернулъ ручки у входныхъ дверей, укрѣпилъ двери при помощи маленькихъ дощечекъ, прибитыхъ къ полу, такъ, что между внутренней и наружной дверью оставалось пространство въ три, четыре дюйма. Кромѣ того, онъ еще приклеилъ перпендикулярную полоску бумаги, покрытой полу-засохшей бѣлой краской, къ внѣшней сторонѣ внутренней двери и полоску съ полу-засохшимъ лакомъ—къ внѣшней сторонѣ наружной двери. Разсуждалъ онъ такимъ образомъ. Всякій выходящій изъ дому, въ виду того, что ручки дверей вывернуты, непремѣнно прежде всего надавитъ всѣми пальцами правой руки на наружную сторону двери и потянетъ дверь къ себѣ. При этомъ на бѣлой краскѣ получится отпечатокъ пальцевъ—можетъ быть, и не вполнѣ хорошій, но все-таки кое-какой, такъ какъ краска должна непремѣнно пристать къ пальцамъ. То же самое онъ несомнѣнно продѣлаетъ съ наружной дверью, и на ней останется второй рядъ слѣдовъ. А каждый входящій человѣкъ оставитъ отпечатки своихъ пальцевъ въ обратномъ порядкѣ.

Филиппъ пришелъ въ полный восторгъ отъ своей выдумки, наклеилъ первыя двѣ полосы обойной бумаги, положилъ на столъ подлѣ себя двѣ пачки приготовленныхъ полосъ и среди этихъ

хлопотъ совершенно забылъ, что обѣщалъ м-ссъ Оппотери быть на похоронахъ капитана; а на полученное по телефону приглашеніе отъ сэра Антони пріѣхать къ нему онъ даже не отвѣтилъ.

Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ момента, когда кто-нибудь войдетъ или выйдетъ изъ дому, но точно нарочно въ этотъ день было необычайно тихо. Никто не приходилъ—не являлись даже репортеры и сыщики. Наконецъ, Филиппъ услышалъ чьи-то шаги по лѣстницѣ, и сердце забилось у него отъ волненія. Сошелъ мужчина, но онъ былъ въ перчаткахъ. Филиппъ забылъ о пресловутой свѣтскости жильцовъ Угловаго Дома. Онъ съ бѣшенствомъ содралъ наклеенныя бумажки послѣ ухода жильца въ перчаткахъ и наклеилъ новыя, все таки рѣшивъ продолжать опытъ. Приходили затѣмъ люди въ перчаткахъ и безъ перчатокъ, и послѣдніе оставляли или очень неразборчивые отпечатки пальцевъ, или же отпечатки, въ которыхъ не было ничего похожаго на изученный Филиппомъ типъ.

Наступили сумерки, и запасъ приготовленныхъ Филиппомъ бумажекъ сталъ сокращаться. Онъ увидѣлъ, что, можетъ быть, придется продолжать эти опыты нѣсколько дней.

Черезъ нѣсколько времени Филиппъ услышалъ звукъ остановившагося передъ дверью кэба и выглянулъ въ окно. Изъ громоздкой кареты выходила м-ссъ Оппотери, очевидно возвращавшаяся съ похоронъ. Онъ сочувствовалъ ея горю, но былъ очень недоволенъ ея появленіемъ, такъ какъ уже напрасно потратилъ нѣсколько полосъ бумаги на женщинъ, входившихъ въ домъ. Она долго спорила о чемъ-то съ кучеромъ и медленно вынимала деньги, снявъ перчатки. Когда она поднималась на крыльцо, Филиппъ спрятался въ уголъ, боясь, что она, увидавъ его, упрекнетъ его за то, что онъ не былъ на похоронахъ. Когда она прошла и поднялась на лѣстницу, онъ вышелъ перемѣнить бумажки, и въ это время спокойно поднимался по ступенькамъ и быстро вошелъ въ домъ молодой человѣкъ въ черной одеждѣ. Это былъ Джонъ Мередитъ, котораго Филиппъ въ этотъ день еще не видѣлъ. Филиппъ самъ не могъ понять, почему его такъ странно взволновалъ видъ Мередита, и почему онъ не могъ сразу рѣшиться снять и разсмотрѣть полоски. Онъ даже обрадовался, когда на крыльцо вбѣжалъ газетчикъ и раскрылъ обѣ двери, подавая нумера воскресныхъ газетъ.

Газетчикъ ушелъ; Филиппъ дрожащей рукой снялъ полосы бумагъ и понесъ ихъ въ контору. Лакированная бумага, приклеенная къ наружной двери, носила только слѣды смутныхъ

трехъ пятенъ; но на другой полоскѣ очень ясно отпечатались на покрытой лакомъ бѣлой краскѣ три ряда пальцевъ: наверху мужскихъ, затѣмъ женскихъ, затѣмъ—пальцевъ газетчика. У Филиппа забилось сердце, когда онъ сталъ разглядывать первые отпечатки. Онъ взялъ обломокъ камня, положилъ рядомъ съ бумажкой и, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, сталъ сравнивать. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Отпечатокъ пальца на камнѣ и на бумагѣ былъ одинъ и тотъ же. Не давая себѣ времени подумать, Филиппъ вышелъ изъ конторы, думая, что Мередитъ еще въ передней. Мередитъ въ это время снова спускался съ лѣстницы, очень блѣдный. Онъ видимо торопился. Страшный шрамъ казался багровымъ на его бѣломъ лицѣ.

— Пожалуйста, войдите сюда,—сказалъ Филиппъ. У него такъ пересохло во рту, что онъ едва могъ говорить.—Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Мередитъ вошелъ въ контору. Филиппъ выслалъ находившагося тамъ мальчика и закрылъ дверь. У него было странное желаніе уговорить Мередита уѣхать сейчасъ же навсегда изъ Англіи.

— Чтò случилось?—спросилъ Мередитъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу,—отвѣтилъ Филиппъ.—Отпечатокъ пальца на этомъ камнѣ сдѣланъ убійцей капитана Поликсфена, а отпечатокъ на этой бумагѣ сдѣланъ вами. Они абсолютно одинаковы. Я устроилъ ловушку для убійцы, и въ нее попались вы. Чтò вы имѣете сказать?

— Чтò?—воскликнулъ молодой человѣкъ, глядя на бумагу.— Который отпечатокъ?

— Вотъ этотъ.

— Но вѣдь это не можетъ быть отпечаткомъ моихъ маленькихъ пальцевъ,—сказалъ Мередитъ со страннымъ спокойствіемъ, понявъ, въ чемъ заключалась ловушка.—Вотъ моя рука. Взгляните сами.—Его голосъ былъ убѣдителенъ и очарователенъ попрежнему.

Мастерсъ быстро взялъ его протянутую руку. У него были длинные, тонкіе пальцы, а верхніе отпечатки были широкіе и грубые.

— У васъ рука какъ у женщины,—сказалъ Филиппъ, не выпуская пальцевъ, имѣвшихъ для него какое-то странное очарованіе.

Юноша быстро отдернулъ руку, сѣлъ на стулъ и разрыдался.

— Это женская рука,—сказалъ Мередитъ.—Я дочь капитана Поликсфена.

— Боже мой! Вы Джиральда?

Мередитъ кивнулъ головой, поднявъ глаза на Филиппа.

XV.

Признаніе Мередита, оказавшагося Джиральдой, преисполнило Филиппа радостью, о причинахъ которой онъ пока не хотѣлъ разсуждать. Онъ только понялъ теперь, почему его такъ привлекалъ странный юноша, возбуждая въ немъ желаніе защитить его. Теперь ему было даже странно, что онъ раньше не догадался.

— Не понимаю,—сказалъ Филиппъ,—какъ это я не узналъ васъ. Вѣдь я видѣлъ вашъ портретъ въ клубѣ, и портретъ этотъ преслѣдовалъ меня какъ живой образъ.

— Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ,—отвѣтила Мэри Поликсфенъ.—Я отлично умѣю мѣнять свою наружность. Вѣдь я семь лѣтъ играла только роли мальчиковъ—у меня для этого подходящій ростъ—и привыкла къ мужскому платью. Къ тому же шрамъ очень сильно мѣняетъ мое лицо.

— Откуда у васъ этотъ страшный шрамъ?

— Я каждый день навожу его краской,—объяснила Мэри.—Я какъ-то случайно открыла, что шрамъ на лицѣ дѣлаетъ его неузнаваемымъ, и воспользовалась этимъ теперь.

— Значитъ, вы можете смыть его, когда захотите?

— Конечно.

— Я очень, очень радъ, миссъ Поликсфенъ!—сказалъ Филиппъ съ видимымъ облегченіемъ.

— Вотъ жаль,—сказала она,—что волосы-то не такъ легко отростутъ.

— А теперь, миссъ Поликсфенъ,—сказалъ Филиппъ, помолчавъ,—перейдемте къ дѣламъ.—Скажите мнѣ прежде всего, почему вы здѣсь, въ мужскомъ платьѣ? Я знаю, что у васъ большое горе, что вы въ затруднительномъ положеніи, и увѣренъ, что могу помочь вамъ.

— Чѣмъ вы можете помочь мнѣ?—робко спросила она.

— Я это вамъ скажу послѣ того, какъ мы поговоримъ. Разскажите мнѣ все. Я готовъ сдѣлать многое—очень многое для васъ. Не буду увѣрять васъ, что готовъ отдать всю жизнь, чтобы оказать вамъ малѣйшую услугу. Такія признанія звучатъ глупо. Повѣрьте только, — сказалъ онъ съ глубокой искренностью, — что вы можете располагать мною по своему усмотрѣнію.

— Это правда?—сказала она тономъ очаровательнаго полусомнѣнія, полувызова. И въ тонѣ ея было также что-то царственное. Наконецъ, онъ увидѣлъ въ ней ту красавицу-актрису, которой поклонялся весь Лондонъ. Но она казалась вовсе не избалованною общимъ поклоненіемъ, хотя и сознающею свою силу, привыкшею къ преданности и готовности всѣхъ служить ей.

— Правда,—повторилъ онъ.

Они обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ все было сказано. Дѣвушка выразила свое довѣріе, а Филиппъ — свою готовность защищать ее всю жизнь.

— Мы можемъ свободно говорить здѣсь? — спросила Мэри Поликсфенъ, садясь на стулъ.

— Вполнѣ,—сказалъ Филиппъ.—Дверь закрыта, и я слѣжу за ней. Ну, а теперь скажите мнѣ, почему вы здѣсь — и въ такомъ видѣ?

— Я переѣхала сюда, чтобы быть подлѣ моего отца и охранять его;—а если бы мой бѣдный отецъ зналъ, что я здѣсь, онъ бы сейчасъ уѣхалъ.

— Вы развѣ были съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ?

— Да, мы не видались уже нѣсколько лѣтъ. Мнѣ это было очень больно, но я ничего не могла подѣлать. Онъ не хотѣлъ, чтобы я сдѣлалась актрисой, а у меня страсть къ театру была въ крови. Отецъ ненавидѣлъ сцену, имѣя для этого нѣкоторое основаніе. Онъ оставилъ меня школьницей въ Соутэндѣ и отправился въ плаваніе,—а вернувшись, узналъ, что я поступила въ маленькую провинціальную труппу. Написать ему объ этомъ я не рѣшалась, и мой поступокъ былъ для него страшнымъ и неожиданнымъ ударомъ.

— Ваша мать уже умерла въ то время?

— Она умерла, когда я была еще ребенкомъ. Я была очень развитой дѣвочкой, и въ пятнадцать лѣтъ школа мнѣ уже надоѣла. Дѣваться мнѣ было некуда; съ отцомъ я была въ хорошихъ отношеніяхъ, но все-таки никогда бы не согласилась плавать съ нимъ на скверномъ коммерческомъ суднѣ. У меня были родственники въ Соутэндѣ, но такіе, что жить съ ними было невыносимо. Слишкомъ мелкіе люди. Я рѣшила устроиться самостоятельно, сама зарабатывать себѣ пропитаніе. А въ такихъ случаяхъ нельзя выбирать по желанію. Мнѣ представилась возможность быть на сценѣ, и хотя я знала, что отецъ будетъ очень огорченъ, но не могла считаться съ этимъ. Онъ бы не понялъ меня — и потребовалъ бы, чтобы я или сопровождала его въ плаваніи на торговомъ суднѣ, или бы жила съ род-

ственниками. Это было бы то же самое, какъ потребовать отъ него, чтобы онъ бросилъ свое дѣло и поступилъ на сцену. Когда онъ вернулся изъ плаванія, мы съ нимъ видѣлись. Я играла неподалеку отъ того мѣста, гдѣ грузился его пароходъ. Онъ пришелъ ко мнѣ, и у насъ произошло объясненіе. Это былъ самый тяжелый день въ моей жизни,—страшнѣе его былъ только день послѣ смерти отца. Подумайте: мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ, а ему пятьдесятъ. Какъ же намъ было понять другъ друга? Отецъ мой любилъ меня, — но есть чувства и мысли сильнѣе любви. Мы разстались навсегда. Не буду вамъ повторять, что онъ мнѣ тогда сказалъ. У меня и тогда былъ сильный характеръ; я устояла противъ его просьбъ и угрозъ. Съ тѣхъ поръ мы больше не видѣлись. Я дважды пробовала примириться съ нимъ—разъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, а во второй разъ — въ двадцать-одинъ годъ. Но обѣ попытки были безполезны. Предразсудокъ отца противъ сцены убилъ его любовь ко мнѣ. Онъ снова уѣхалъ въ плаваніе, и я потеряла его изъ виду, не могла слѣдить за его передвиженіями. Я даже не знала, живъ ли онъ, никогда о немъ не говорила, и мои знакомые думали, что я сирота. Конечно, сознаюсь, меня настолько поглощала сцена, что я сама недостаточно энергично заботилась о сохраненіи связи. Сначала я посылала поздравленія отцу въ день его рожденія и къ Рождеству, выбирая самыя красивыя поздравительныя карточки. Потомъ не знала, куда посылать... Правда, вѣдь, что все это очень грустно? — спросила она быстро измѣнившимся скорбнымъ голосомъ.

Филиппъ едва могъ говорить—до того его волновала судьба бѣдной дѣвушки.

— Почему же ваши родственники не старались вліять на капитана?

— Они ничего не могли сдѣлать. Они очень милые, мирные люди, и боялись разсердить отца, вступаясь за меня. Они и теперь еще живутъ въ Соутэндѣ, и едва ли даже слыхали о смерти отца.

— А другихъ родственниковъ, кромѣ этой семьи въ Соутэндѣ, у васъ нѣтъ?

— Есть, — отвѣтила Мэри, понизивъ голосъ. — Есть братъ моего отца, мой дядя Вальтеръ Поликсфенъ. Но...

— Но что?

У Мэри показались слезы на глазахъ.

— Вотъ именно дядя Вальтеръ...—она остановилась и должна была собраться съ силами, чтобы продолжать.—Я должна вамъ

объяснить все относительно его,—сказала она.—Хотя я никогда его не видѣла — по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что не видѣла — все же мнѣ кажется, что я его хорошо знаю.

— Какимъ образомъ?

— По описаніямъ отца, а потомъ по разсказамъ родственниковъ въ Соутэндѣ. Вальтеръ Поликсфенъ былъ на десять лѣтъ моложе моего отца; онъ былъ необыкновенно уменъ и страшно вспыльчивъ съ дѣтства. Отецъ говорилъ, что съ нимъ нельзя было справиться, когда онъ былъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ. Его выгнали изъ трехъ школъ въ Соутэндѣ, прежде чѣмъ ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Онъ никого не слушался. Онъ разъ заперъ другого мальчика въ деревянный сарай и хотѣлъ поджечь его за то, что тотъ не далъ ему яблоко. Мальчикъ спасся только чудомъ. У Вальтера не было никакой жалости къ животнымъ. И все-таки, по разсказамъ отца, онъ умѣлъ, когда было нужно, казаться обаятельнымъ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ женился на женщинѣ, которая могла бы быть ему матерью.

— Интересный молодой человѣкъ!—замѣтилъ Филиппъ.

— Вы полагаете? — сказала Мэри. — У него была страсть къ сценѣ. Поэтому отецъ мой такъ ненавидѣлъ театръ. Но дядѣ очень скоро надоѣла сцена—можетъ быть, и со мной будетъ то же самое. Въ девятнадцать лѣтъ онъ игралъ роли стариковъ, былъ знаменитъ въ Истъ-Эндѣ и, какъ говорятъ, подавалъ большія надежды. Однажды, во время представленія, онъ закололъ одного актера на сценѣ. Предполагалось, что это былъ несчастный случай, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, случайность тутъ была ни при чемъ. Ну, да все это происходило тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ уѣхалъ въ Америку съ женой, черезъ нѣкоторое время бросилъ ее, а потомъ снова сошелся, когда она получила наслѣдство. Послѣ того она умерла—и опять-таки есть предположеніе, что онъ ее убилъ. Объ этомъ поднятъ былъ шумъ въ газетахъ. Дядѣ пришлось исчезнуть—и онъ исчезъ. Послѣ того онъ странствовалъ по всему свѣту, участвовалъ въ революціи въ Уругваѣ, имѣлъ циркъ къ Іокогамѣ. Отецъ рѣдко слышалъ о немъ, но онъ всегда зналъ, гдѣ находится отецъ, и часто обращался къ нему съ денежными просьбами. Отецъ ему давалъ деньги, хотя, быть можетъ, и не слѣдовало этого дѣлать. Отецъ былъ, кажется, привязанъ къ нему и нѣсколько боялся его.

— Это тотъ братъ, который упоминался на судебномъ слѣдствіи?

— Да; у отца былъ только одинъ братъ.

— Такъ онъ, значитъ, въ Лондонѣ?

— Да, боюсь, что онъ здѣсь... Я его никогда въ жизни не

видѣла, но получила недѣли три тому назадъ странное письмо отъ него. Изъ-за этого письма я переѣхала сюда. Вотъ оно; судите сами.

Она остановилась, медленно вынула письмо изъ кармана пальто, и вотъ что̀ Филиппъ прочелъ въ немъ:

„Дорогая Мэри, это тебѣ пишетъ твой старый дядя Вальтеръ, про котораго ты, вѣроятно, слыхала. Отецъ твой глупецъ, и хорошо бы, если бы ты его образумила. Не то ему будетъ худо. Онъ сталъ упрямъ подъ старость. Онъ оставилъ свое дѣло и затѣялъ самую прибыльную денежную аферу, о какой я когда-либо слышалъ. Самъ онъ съ нею не справится. Я могъ бы помочь ему болѣе чѣмъ кто-либо, но онъ не хочетъ. Я писалъ ему, что голодаю, а онъ прислалъ двадцать фунтовъ. Не въ двадцати фунтахъ тутъ дѣло, а въ двадцати тысячахъ и больше. Я прошу только половину доходовъ,—и это справедливо, потому что всю работу я беру на себя. Онъ бы по глупости только испортилъ все. Я и не зналъ до сихъ поръ, до чего онъ упрямъ. Но теперь онъ долженъ уступить. Я вѣдь человѣкъ прямодушный, это — мое главное качество. Ты, говорятъ, въ ссорѣ съ отцомъ? Совѣтую тебѣ помириться съ нимъ и объяснить ему, что я предлагаю ему дѣло серьезное—и что не слѣдуетъ выводить меня изъ терпѣнія. Не то будетъ плохо. Онъ, видно, забылъ, каковъ у меня нравъ. Скажи ему, что если онъ не приметъ мое предложеніе, то ужъ я постараюсь, чтобы онъ ни гроша пользы для себя не получилъ. Скажи ему это.—Твой любящій дядя Вальтеръ Поликсфенъ".

„P.-S. Твой отецъ теперь живетъ — или скоро будетъ жить въ Углòвомъ Домѣ въ Стрэнджъ-Стритъ, Кингсуэ".

Филиппъ сложилъ снова письмо и, передавая его обратно Мэри,—сказалъ:

— Вы, конечно, испугались его угрозы?

— Конечно. Я рѣшила повидаться съ отцомъ и написала ему письмо — но, вмѣсто отвѣта, я получила мое письмо обратно не открытымъ, но разорваннымъ и положеннымъ въ конвертъ. Послѣ того я получила телеграмму отъ дяди, приблизительно такого содержанія: „Торопись, отецъ твой въ Углòвомъ Домѣ". Тогда я рѣшила поселиться здѣсь вотъ въ этомъ видѣ. Предупредить полицію я не имѣла достаточнаго основанія, но все-таки была очень встревожена. Отецъ понятія не имѣлъ о томъ, кто я. У меня не было никакого плана дѣйствія. Я слѣдила за отцомъ, который показался мнѣ очень измѣнившимся и постарѣвшимъ, я слѣдила за всѣми его движеніями, ждала какого-нибудь счастли-

ваго случая, который бы все измѣнилъ,—и вотъ чѣмъ все кончилось.

Она закрыла лицо руками и помолчала.

— Вы можете представить себѣ, что я перетерпѣла, узнавъ въ среду утромъ объ убійствѣ отца. И нужно было не выдать себя, дѣлать видъ, что я интересуюсь убійствомъ только изъ любопытства. У меня не было никакихъ предположеній. Я за послѣднее время не замѣтила ничего подозрительнаго—иначе бы предупредила отца, и онъ уѣхалъ бы.

— Бѣдная! Сколько вы выстрадали!—взволнованно воскликнулъ Филиппъ.—А я-то еще ворвался къ вамъ ночью. Какимъ вы сочли меня, вѣроятно, назойливымъ!

— Напротивъ того,—сказала Мэри съ грустной улыбкой:—я удивлялась вашей деликатности и вашему участію, не понимая его.

— Скажите, — спросилъ Филиппъ, — вы не замѣтили, что вашъ отецъ ухаживалъ за м-ссъ Оппотери?

— Нѣтъ.—И на слѣдствіи меня болѣе всего удивило именно показаніе м-ссъ Оппотери.

— М-ссъ Оппотери — медленно произнесъ Филиппъ—несомнѣнно причастна къ убійству. Отпечатки пальцевъ—ея, и это для меня самое убѣдительное доказательство. Она вообще очень подозрительная особа. Вчера она представилась, что ей дурно, и въ это время выкрала два банковыхъ билета изъ моего кармана и замѣнила ихъ другими. И странно,—мнѣ въ голову не приходило подозрѣвать ее, пока вы не показали, что это отпечатокъ не вашихъ пальцевъ.

— Я слѣдила за м-ссъ Оппотери два дня и пришла къ убѣжденію—я васъ сейчасъ очень поражу—что это дядя Вальтеръ.

— Что за фантазія!

— Это онъ — могу васъ увѣрить. Я была на похоронахъ моего бѣднаго отца, и тамъ была м-ссъ Оппотери—только она одна и была, кромѣ меня, изъ жильцовъ нашего дома. Мнѣ показалось, что она съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ разыгрываетъ комедію печали. И въ ея походкѣ я открыла странное сходство съ походкой моего отца. Я тогда поняла, что это—дядя Вальтеръ.

Мэри поднялась съ мѣста. Она была страшно взволнована.

— Только онъ одинъ могъ задумать и выполнить до конца такое преступленіе!—воскликнула она.—Все его показаніе было выдумано съ начала до конца. При его любви къ актерству, ему пріятно было представиться женщиной и даже невѣстой человѣка,

котораго онъ убилъ, и сочинять небылицы о таинственныхъ незнакомцахъ и русскихъ тайныхъ обществахъ.

— Если то, что̀ вы говорите, правда,—отвѣтилъ Филиппъ,—то Вальтеръ Поликсфенъ — геніальный преступникъ. Мы скоро это узнаемъ.

— Что̀ же мы теперь сдѣлаемъ?

— Я пойду въ комнату м-ссъ Оппотери. Она—или онъ — вернулся какъ разъ передъ вами.

XVI.

— Васъ я съ собой не возьму,—сказалъ Филиппъ властнымъ тономъ, такъ какъ боялся подвергать ее опасности. Мэри Поликсфенъ, привыкшая къ преклоненію и повиновенію своихъ поклонниковъ, была поражена этимъ покровительственно-авторитетнымъ тономъ старшаго брата, какимъ съ ней заговорилъ Филиппъ. Но ей это покровительство казалось пріятнымъ, и она повиновалась.

— Но я могу пройти наверхъ въ мою комнату и слушать, стоя у лѣстницы?—спросила она.

Противъ этого Филиппъ ничего не могъ возразить, и они поднялись вмѣстѣ, причемъ Филиппъ прошелъ мимо толпившихся въ передней полицейскихъ и репортеровъ, не удостаивая ихъ взглядомъ. Сдѣланное имъ важное открытіе наполняло его гордостью. Но еще болѣе волновало его другое чувство. Поднимаясь по лѣстницѣ рядомъ съ мнимымъ Мередитомъ и зная, кто онъ, Филиппъ чувствовалъ глубокую радость. Весь міръ казался ему прекраснымъ. На землѣ точно не было печали, — вся жизнь превратилась въ любовь и радость. Все прежнее казалось пустымъ, ничтожнымъ. Онъ въ первый разъ въ жизни полюбилъ.

Конечно, смерть капитана была трагична, а печаль Мэри велика; ему слѣдовало бы тоже поэтому быть печальнымъ. Но, глядя на нее въ ея нелѣпомъ мужскомъ платьѣ, съ нарисованнымъ шрамомъ, онъ чувствовалъ таинственную силу ея чаръ, и его захватывало счастье. Она еще свободна... Будущее представлялось ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

— Что̀ вы теперь намѣрены дѣлать?—спросила Мэри.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Я буду руководствоваться тѣмъ, что̀ скажетъ м-ссъ Оппотери. Къ счастью, внизу есть полицейскій. Обѣщаю вамъ одно—что м-ссъ Оппотери не уйдетъ отсюда.

— Есть у васъ револьверъ?

— Револьверъ? Зачѣмъ?

— На всякій случай я дамъ вамъ мой, — сказала Мэри. Она быстро вошла въ свою комнату и вышла оттуда съ револьверомъ въ рукахъ. — Вотъ вамъ, — сказала она, — онъ заряженъ.

Онъ поблагодарилъ и сунулъ револьверъ въ карманъ; подойдя къ двери м-ссъ Оппотери, онъ постучалъ, но не получилъ отвѣта.

Мэри слѣдила за Филиппомъ, стоя у своей двери. Филиппъ сталъ стучать громче, но, не получая отвѣта, рѣшилъ войти; онъ толкнулъ дверь — комната была пуста. Онъ зажегъ электричество, оглянулся и вдругъ услышалъ за собой легкій шумъ. Быстро обернувшись, онъ увидѣлъ Мэри. Она была очень блѣдна.

— Будьте осторожны, — взволнованно сказала она, и сама вошла въ комнату, чтобы раздѣлить опасность, которой подвергался Филиппъ. Убѣдившись однако, что въ комнатѣ дѣйствительно никого нѣтъ, она успокоилась. Филиппъ заперъ дверь и принялся за тщательный обыскъ.

Комната была въ полномъ порядкѣ. За дверью, на крючкахъ, висѣло женское платье.

— Воображаю, какая талія! — сказала Мэри, и, сложивъ вдвое юбку мнимой м-ссъ Оппотери, свободно застегнула ее на себѣ.

— Тридцать-семь дюймовъ, — сказала она, повѣсивъ юбку на мѣсто, но тутъ же объяснила, что бываютъ женщины съ еще болѣе широкой таліей. Они продолжали осмотръ, нѣсколько совѣстясь трогать вещи, расположенныя необыкновенно аккуратно. Они нашли нѣсколько паръ сапогъ—не очень большихъ размѣровъ, затѣмъ, въ шкапу, перчатки, ленты, вуали и разныя мелочи. Филиппъ открылъ небольшой чемоданъ, который оказался пустымъ. Но Мэри, продолжая розыски, обратила вниманіе на пачку чулковъ, очень тяжелую на ощупь. Осмотрѣвъ внимательнѣе, они нашли спрятанныя тамъ деньги — около четырехъ фунтовъ золотомъ и серебромъ. На этомъ они покончили свой обыскъ, боясь возвращенія м-ссъ Оппотери, и вышли, стараясь не оставить никакихъ слѣдовъ своего посѣщенія.

Филиппъ предложилъ Мэри надѣть шляпу и выйти съ нимъ на улицу, такъ какъ ему нужно было съ ней поговорить, а онъ не рѣшался свободно говорить въ этихъ стѣнахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они шли по почти пустынному Кингсуэ, и Филиппъ, послѣ нѣкотораго молчанія, наконецъ сказалъ:

— Простите, миссъ Поликсфенъ, но такъ не можетъ продолжаться. У васъ нѣтъ никакой причины ходить теперь въ

мужскомъ платьѣ. Я бы настоятельно совѣтовалъ вамъ стать снова женщиной.

Ему хотѣлось прибавить, что ему лично очень тяжело видѣть ее въ неподобающемъ видѣ, но онъ не рѣшился.

— Конечно, — задумчиво сказала она. — Но если я снова превращусь въ Джиральду, то это возбудитъ сенсацію, и опять начнется возня съ сыщиками и всякія непріятности.

Но Филиппъ, съ непонятнымъ для него самого упрямствомъ, продолжалъ настаивать на необходимости для Мэри бросить неподходящее платье, причемъ доказывалъ ей, что не нужно непремѣнно снова стать Джиральдой и возвращаться въ свою квартиру. Онъ предложилъ ей просто одѣться въ женское платье и нанять гдѣ-нибудь комнату.

— Гдѣ же я достану нужное мнѣ платье—да еще въ воскресенье? — задумчиво сказала Мэри, и тотчасъ же прибавила: — Впрочемъ, я могу поѣхать къ Гарри Старку. Ему я безусловно вѣрю.

— Къ Гарри Старку?

— Да. Это знаменитый костюмеръ. Онъ живетъ на Веллингтонъ-Стритѣ.

Филиппъ остановилъ проѣзжавшій мимо кэбъ и усадилъ въ него Джиральду, настоявъ на томъ, чтобы она поѣхала къ своему костюмеру, и назначилъ ей свиданіе черезъ часъ, на углу Боу-Стритъ и Лонгакра.

Мэри Поликсфенъ поддалась гипнозу его дружески-авторитетнаго тона и повиновалась его распоряженіямъ. Она обѣщала быть въ четверть восьмого на условленномъ мѣстѣ свиданія.

Филиппъ смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшему экипажу съ чувствомъ неизъяснимаго блаженства. Его волновало до слезъ довѣріе Мэри. Обстоятельства складывались въ какой-то чудесный сонъ. Еще два часа тому назадъ она была для него Джономъ Мередитомъ,—а теперь стала единственной женщиной въ мірѣ, причемъ и онъ для нея—больше, чѣмъ кто бы то ни было, въ Лондонѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ и надѣялся.

XVII.

Филиппу пришлось долго ждать на условленномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ пришелъ слишкомъ рано. До того, какъ пробило четверть восьмого, онъ былъ совершенно спокоенъ, но потомъ уже каждая минута начинала казаться ему вѣчностью. Онъ ходилъ,

стоялъ, волновался, читалъ по сотнѣ разъ однѣ и тѣ же афиши, и прошло болѣе часа, пока наконецъ онъ увидѣлъ кэбъ, остановившійся у самаго угла; онъ рѣшилъ, что она тамъ ждетъ его, и на этотъ разъ не ошибся. Она извинилась за промедленіе съ милой улыбкой, отъ которой сразу изгладилось у него воспоминаніе о долгомъ ожиданіи.

— Куда же мы направимся теперь?—спросила она.

— Вотъ увидите,—отвѣтилъ Филиппъ. Онъ назвалъ кучеру Гановеръ-Стритъ, сѣлъ подлѣ нея, и они поѣхали.

Онъ дѣлалъ видъ, будто даже не замѣчаетъ перемѣны въ Мэри, но на самомъ дѣлѣ былъ сильно пораженъ. Онъ бы никогда не повѣрилъ, что платье можетъ такъ перемѣнить человѣка. На Мэри былъ изящный простой траурный костюмъ, и она казалась въ немъ обаятельной. Ему даже непріятно было вспомнить, глядя на нее теперь, что глупый, нелѣпый Тони семьдесятъ-три вечера подъ-рядъ смѣлъ надоѣдать ей своимъ присутствіемъ въ театрѣ...

На вопросъ, куда они ѣдутъ,—Филиппъ объяснилъ, наконецъ, Мэри, что такъ какъ она не обѣдала,—„да и не завтракала", прибавила она сама, — то они ѣдутъ въ знакомый ему ресторанъ, гдѣ можно пообѣдать не на виду у всѣхъ, а въ отдѣльной комнатѣ. По дорогѣ она разсказала ему, какъ мистеръ Старкъ снабдилъ ее всѣмъ нужнымъ и помогъ ей принять свой естественный видъ.

— А шрамъ исчезъ?—спросилъ Филиппъ.

— Совершенно,—съ улыбкой отвѣтила она и подняла вуаль. Черты нѣжнаго лица, улыбка Мэри окончательно покорили Филиппа.—„Только съ этой минуты начинается моя жизнь",—подумалъ онъ.

Выбранный Филиппомъ ресторанъ посѣщался избранной публикой, но отличался тишиной. Филиппъ и миссъ Поликсфенъ прошли, никѣмъ не замѣченные, въ одинъ изъ кабинетовъ въ первомъ этажѣ. Лакей принесъ устрицы и вышелъ. Мэри подняла вуаль, сѣвъ за столъ, и въ эту минуту вернулся лакей, принеся лимонъ на подносѣ. Онъ увидѣлъ лицо Мэри и не могъ сдержать своего изумленія. Видно было по губамъ, какъ онъ прошепталъ имя:—Джиральда!

Мэри подозвала его своимъ мягкимъ, чарующимъ голосомъ.

— Вы узнали меня?—спросила она, и слуга, послѣ короткаго колебанія, признался, что узналъ.

— Я не желаю, чтобы меня узнали,—сказала она,—и на-

дѣюсь, что могу довѣриться вашей деликатности. Я попрошу васъ забыть о томъ, что вы видѣли меня.

Она хотѣла подкрѣпить свою просьбу тѣмъ, что вынула золотую монету, но лакей, видимо, обидѣлся. Не взявъ денегъ, онъ горячо увѣрилъ ее, что не выдастъ никому того, что видѣлъ ее.

Обѣдъ продолжался и близился къ концу, къ горю Филиппа, который заказывалъ безконечное количество блюдъ, только для того, чтобы продлить очаровательный часъ свиданія съ Мэри наединѣ. Они даже не обсуждали ужасной драмы, которая сблизила ихъ, а говорили о пустякахъ, которые принимали особое очарованіе при данныхъ условіяхъ. Въ десять часовъ пришлось, однако, подумать о необходимости разстаться. Филиппъ поглядѣлъ съ восхищеніемъ на Мэри, и только позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, которое было у него на языкѣ за все время обѣда.

— Ваши волосы—сказалъ онъ—выросли какимъ-то чудомъ. У васъ дивная прическа.

Она сразу объяснила ему, что Старкъ настоялъ на прическѣ изъ накладныхъ волосъ. — Вы не осудите меня за это? — спросила она съ милой улыбкой. Филиппъ покраснѣлъ отъ счастья. Она не только довѣряла ему, но еще признавала за нимъ право относиться къ ней критически. Онъ былъ наверху блаженства.

Быстро позвонивъ, онъ потребовалъ счетъ и уплатилъ, не глядя, щедро вознаградивъ лакея за выказанное имъ прежде безкорыстіе. Къ счастью, у него было еще нѣсколько золотыхъ, кромѣ тысячныхъ билетовъ, которые было бы опасно трогать.

Послѣ обѣда Филиппъ вышелъ съ Мэри на улицу. Мэри подчинялась теперь ему во всемъ и не высказывала сама никакихъ желаній и плановъ. Филиппъ подозвалъ кэбъ, усадилъ Мэри, крикнулъ кучеру, чтобы онъ повезъ ихъ на Кингсуэ, затѣмъ остановилъ кэбъ возлѣ Стрэнджъ-Стрита и вышелъ.—Подождите меня здѣсь,—попросилъ онъ.

— Вы меня покидаете? — спросила она съ грустью. Въ этотъ вечеръ она точно рѣшила плѣнять его каждымъ словомъ.

— Наша вдова теперь уже навѣрное вернулась, — сказалъ онъ.—Я долженъ съ нею видѣться и постараюсь дать знать полиціи... Во всякомъ случаѣ, я скоро вернусь.

Онъ быстро направился къ дому. Мистеръ Гильгэ сидѣлъ въ конторѣ, еще блѣдный отъ недавней болѣзни. Филиппъ просунулъ голову къ нему и предложилъ ему вопросъ, въ отвѣтъ на который хозяинъ знаменитаго Угловаго Дома только свистнулъ. Филиппъ постоялъ съ минуту въ передней и потомъ поспѣшно вернулся къ кэбу, ждавшему его на Кингсуэ.

— Однако, вы скоро вернулись,—сказала Мэри, выглядывая изъ таинственнаго мрака кареты.

— Его ужъ нѣтъ,—пробормоталъ Филиппъ.

— Кого?

— М-ссъ Оппотери. Уѣхалъ около семи часовъ, забравъ всѣ свои вещи. Неизвѣстно куда. Вѣрно, заподозрилъ насъ и удралъ. Дорого бы я далъ, чтобы узнать—куда.

— Навѣрное въ Попларъ,—сказала Мэри.

— Куда?

— Я вамъ говорила, что слѣдила за м-ссъ Оппотери два дня. Онъ два раза былъ въ Попларѣ, въ домѣ № 7, Котонъ-Стритъ, вблизи главной улицы.

— Какой видъ имѣетъ домъ?

— Такой, какъ всѣ другіе. Онъ ничѣмъ не выдѣляется.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь туда, не теряя ни минуты. Вы говорите—№ 7-й?

— Я поѣду съ вами.

— Простите, миссъ Поликсфенъ, — но это невозможно. Вы должны поѣхать въ какой-нибудь спокойный отель — въ отель „Іоркъ“. Тамъ васъ не узнаютъ. На всякій случай, не поднимайте вуали при другихъ.

— А какъ же я получу извѣстія о васъ?

— Я явлюсь къ вамъ, или дамъ о себѣ знать завтра утромъ, не позже девяти.

— А если я не получу извѣстій утромъ?

— Ручаюсь вамъ, что получите. Впрочемъ, въ случаѣ чего— повидайте сэра Антони и разскажите ему все. Онъ —мой лучшій другъ.

— Чтò? Тони—вашъ другъ?

Ему пріятно было услышать, въ какомъ тонѣ она говоритъ о его другѣ, такъ какъ все-таки въ немъ зашевелилась какая-то необъяснимая ревность.

Простившись съ Мэри, Филиппъ велѣлъ ея кучеру ѣхать въ „Іоркъ-отель“, потомъ еще разъ взглянулъ на молодую дѣвушку и, приподнявъ шляпу, быстро пошелъ нанимать другой кэбъ.

XVIII.

Понедѣльникъ былъ днемъ безконечныхъ неожиданностей для сэра Антони. Онъ рано всталъ и, сидя за легкимъ завтракомъ въ присутствіи бдительнаго Оксвича, былъ въ нервномъ

состоянія. Волненія его начались съ прибытіемъ утренней почты. Онъ былъ разстроенъ тѣмъ, что за послѣдніе дни никакъ не могъ добиться ни свиданія съ Филиппомъ, ни даже отвѣта по телефону; посланный его оставилъ записку Филиппу съ просьбой дать о себѣ немедленно знать. Тони очень интересовался дѣломъ объ убійствѣ капитана, и былъ сердитъ на Филиппа за то, что тотъ ничего не сообщалъ ему. Тони нужно было разспросить Филиппа о тысячѣ вещей, о тысячѣ предположеній,—и онъ былъ твердо убѣжденъ, что утренняя почта принесетъ ему какія-нибудь вѣсти. Но среди писемъ не было ничего, даже открытки отъ Филиппа. Тони получилъ, по обыкновенію, множество приглашеній на разныя свѣтскія торжества, затѣмъ письмо отъ Джозефины, которая стала ему уже надоѣдать за послѣдніе дни, такъ какъ онъ слишкомъ часто видѣлся съ нею. Пришло также взволнованное письмо отъ портного, умолявшаго его придти примѣрить недавно заказанный костюмъ, и кромѣ того письмо отъ сестры Тони, м-ссъ Эппльбай. Прочтя это письмо, Тони заявилъ Оксвичу, что къ завтраку будетъ его сестра.

— Слушаю, сэръ. Но сегодня день турецкой бани.

— Придется отложить до завтра.

— Слушаю, сэръ. Но завтра у васъ урокъ на банджо, затѣмъ примѣрка фрака и выборъ новаго шоффёра.

Тони отряхнулъ съ отворота оливковаго халата крошки хлѣба.

— Послушайте, Оксвичъ, — сказалъ онъ съ отчаянной рѣшимостью: — мнѣ не придется быть въ турецкой банѣ на этой недѣлѣ; вотъ все, что я могу сказать.

— Боюсь, что вы правы, сэръ. Не придется.

— Къ завтраку будетъ и мой племянникъ,—сказалъ Тони, какъ бы извиняясь.

— Мастеръ Орасъ?—спросилъ Оксвичъ, видимо огорченный.

— У меня не сорокъ племянниковъ. Конечно, мастеръ Орасъ.

— Такъ, можетъ быть, лучше запереть папиросы, сэръ?

— Да. А теперь обсудимъ меню лэнча.

Только-что они перешли къ разрѣшенію важнаго вопроса о лэнчѣ, какъ произошло третье событіе, столь значительное, что вопросъ о лэнчѣ въ понедѣльникъ былъ забытъ и уже никогда болѣе не обсуждался. Въ столовую вошелъ слуга и доложилъ о какомъ-то человѣкѣ, который желаетъ поговорить съ сэромъ Антони.

Оксвичъ отправился, чтобы выяснить посѣтителю нелѣпость самаго предположенія, что сэръ Антони можетъ принять кого-

нибудь въ столь ранній утренній часъ. Сэръ Антони погрузился въ чтеніе новаго рода рекламъ въ „Times", но Оксвичъ быстро вернулся.

— Пришелъ какой-то человѣкъ съ серебрянымъ блюдомъ, сэръ Антони, то-есть не серебрянымъ, а металлическимъ.

— Ну, такъ что же?

— Да тамъ что-то такое нацарапано, и онъ говоритъ, что дастъ блюдо только вамъ. Это какой-то человѣкъ съ Темзы. Я бы, сэръ, почтительно посовѣтовалъ вамъ принять его.

Ввели страннаго посѣтителя, который оказался толстымъ человѣкомъ въ синей блузѣ съ серебряными пуговицами, служащимъ рѣчного общества. Онъ держалъ подъ мышкой завернутое въ газетную бумагу блюдо изъ бѣлаго металла.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ,—сказалъ онъ, снимая шляпу.— Вотъ это я нашелъ сегодня у себя въ лодкѣ. Мнѣ ѣхать сюда было далеко; три шиллинга истратилъ на ѣзду и полъ-дня потерялъ. Я нашелъ вотъ это въ половинѣ восьмого.—Онъ передалъ блюдо Тони.—Увидите, тутъ что-то для васъ нацарапано,— прибавилъ онъ.

Взявъ блюдо, Тони повертѣлъ его въ рукахъ, замѣтилъ, что оно согнуто, и дѣйствительно нашелъ нѣсколько строкъ, нацарапанныхъ острымъ орудіемъ.

„Снесите это сэру Антони Гидрингу. Девоншайръ Мэншіонсъ. Лондонъ. Вознаградитъ. Схваченъ. Кажется, везутъ въ Гранъ-Этанъ, но..."

Больше ничего не было написано. Тони прочиталъ нѣсколько разъ, ничего не понимая, потомъ передалъ Оксвичу, который былъ польщенъ высказаннымъ ему довѣріемъ, и постарался проявить геніальность.

— Тутъ дѣло о мистерѣ Мастерсѣ, сэръ,—сказалъ онъ.— Это его захватили; я не сомнѣваюсь.

— Я тоже такъ думаю. Но что такое Гранъ-Этанъ?

Они обратились-было съ этимъ вопросомъ къ принесшему блюдо, но тотъ никакихъ объясненій не могъ дать; онъ повторилъ только, что нашелъ блюдо у себя въ лодкѣ, у одной изъ пристаней въ Попларѣ.

— Какъ долго оно тамъ пролежало? — спросилъ Оксвичъ.

— Всю ночь, сэръ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось—Оксвичъ съ аккуратностью полисмена записывалъ всѣ отвѣты, — что лодочникъ ушелъ домой, оставивъ свою лодку у пристани въ часъ ночи, а пришелъ утромъ въ семь часовъ, такъ что бросить блюдо въ

лодку могли только въ этотъ промежутокъ времени, причемъ это никакъ не могли сдѣлать съ мимо проплывающаго корабля. Лодочникъ не желалъ высказывать опредѣленныхъ предположеній, но все-таки сказалъ, что такъ какъ у пристани стояла готовая къ отплытію яхта, а его лодка стояла рядомъ съ этой яхтой, то онъ бы не удивился, если бы оказалось, что блюдо было брошено именно оттуда. Человѣку, стоящему на пристани, едва-ли понадобилось бы именно этимъ путемъ доставить блюдо сэру Антони. Вѣроятнѣе поэтому, что человѣкъ этотъ находился именно на отплывающемъ суднѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ выборъ его былъ ограниченъ—и даже очень. Лодочникъ съ своей стороны рѣшился указать на то, что люки въ кораблѣ очень маленькіе, и блюдо поэтому нужно было согнуть, чтобы просунуть въ люкъ. И въ такомъ случаѣ у человѣка, сдѣлавшаго это, была огромная сила въ рукѣ. Это окончательно убѣдило всѣхъ, что дѣло идетъ о мистерѣ Мастерсѣ, обладавшемъ дѣйствительно огромной физической силой.

— Ясно теперь, — сказалъ Тони, изумленный собственной проницательностью,—что блюдо было брошено съ яхты въ вашу лодку.

— Тѣмъ болѣе, что это блюдо помѣчено названіемъ яхты,— сказалъ лодочникъ.

Въ отвѣтъ на дальнѣйшіе вопросы онъ сказалъ, что яхта, стоявшая рядомъ съ его лодкой, была старая, носила названіе „Бѣлая Роза“ и отплыла въ пять часовъ утра.

Никакихъ другихъ указаній лодочникъ не давалъ. Взявъ на всякій случай его адресъ, Тони его отправилъ, заплативъ ему за труды.

— А теперь, Оксвичъ,—сказалъ Тони,—нужно узнать, что̀ такое Гранъ-Этанъ. Это, очевидно, названіе какого-нибудь мѣста. Посмотрите въ „Британскую Энциклопедію“.

— Простите, сэръ, вы забыли, что приказали мнѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, продать „Британскую Энциклопедію“, потому что въ словѣ „велосипедъ“ тамъ былъ указанъ рекордъ мили въ три минуты. Вы сказали, что это устарѣвшія свѣдѣнія.

— Кому же вы продали?

— Мнѣ самому, сэръ. Книги у меня наверху. Теперь издано добавленіе, которое я тоже постараюсь пріобрѣсти.

— Одолжите мнѣ, пожалуйста, книги.

— Съ удовольствіемъ, сэръ.

Черезъ пять минутъ сэръ Антони и Оксвичъ погрузились въ изученіе толстыхъ томовъ, но ничего не могли добиться. Затѣмъ

Оксвичъ отправился еще за географическимъ атласомъ къ одному пріятелю, жившему по близости. Тамъ оказались два Гранъ-Этанъ—но оба были маленькія мѣстечки во Франціи.

— Оксвичъ,—сказалъ сэръ Антони,—вамъ придется отправиться въ Британскій Музей.

Въ эту минуту вошли м-ссъ Эппльбай и Орасъ. Сэръ Антони посмотрѣлъ съ ужасомъ на сестру.

— Гдѣ Гранъ-Этанъ?—вдругъ спросилъ онъ Ораса.

— Гранъ-Этанъ? Гдѣ-то въ Гренадѣ, дядя,—отвѣтилъ мальчикъ безъ малѣйшаго колебанія, обрадовавъ мать доказательствомъ своихъ знаній.—Мы какъ разъ въ географіи проходили Вестъ-Индію.

Сэръ Антони стремительно бросился къ тому „Британской Энциклопедіи“, гдѣ находилась Гренада, и вскорѣ дѣйствительно нашелъ, что Гранъ-Этанъ тамъ, и что это—большое внутреннее озеро.

— Ну, конечно,—сказалъ сэръ Антони Оксвичу.—Помните, на слѣдствіи какъ-разъ говорилось о Вестъ-Индіи.

— Значитъ, мнѣ нечего ходить въ Британскій Музей, сэръ?

— Нѣтъ.

Мать Ораса страшно возгордилась тѣмъ, что сынъ ея замѣнилъ Британскій Музей, и мальчикъ чувствовалъ, что ему въ этотъ день все будетъ дозволено. Оксвичъ поклонился и собирался выходить для исполненія своихъ дальнѣйшихъ обязанностей, какъ вдругъ открылась дверь и вошла женщина подъ вуалью. Когда она открыла лицо, то даже Оксвичъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

— Это вы!—воскликнулъ Тони.

Мэри Поликсфенъ кивнула головой и опустилась на кресло. М-ссъ Эппльбай подошла къ ней, испугавшись, что ей дѣлается дурно, но Мэри поблагодарила, говоря, что ей уже лучше. Тони счелъ долгомъ познакомить сестру съ миссъ Джиральдой; м-ссъ Эппльбай, польщенная тѣмъ, что видитъ передъ собой знаменитую актрису, и тѣмъ, что братъ посвящаетъ ее въ романическую исторію, удвоила свою любезность къ интересной миссъ Джиральдѣ.

XIX.

Послѣ разсказа Мэри о всемъ происшедшемъ за послѣдніе дни, Тони и его сестра были увѣрены, какъ и молодая дѣвушка, что Филиппъ—въ опасности. Романтическое воображеніе Тони было страшно возбуждено событіями, неожиданностью появленія

Джиральды, исторіей ея пребыванія въ Углдвомъ Домѣ подъ видомъ юноши, геройскимъ поведеніемъ ея и Филиппа. Онъ теперь готовъ былъ самъ совершать геройскіе подвиги, и благодаря его сестрѣ, мысль о подвигѣ приняла сразу опредѣленныя формы.

— Почему тебѣ не снарядить яхту и не поѣхать спасать Филиппа? — предложила м-ссъ Эппльбай, и черезъ нѣсколько минутъ этотъ планъ уже сталъ серьезно изучаться со всѣхъ сторонъ. Позвали Оксквича, приказали ему принести послѣдніе нумера изданій яхтъ-клуба, и среди объявленій вскорѣ нашли нѣчто подходящее.

Тони былъ возбужденъ до-нельзя и все съ нерѣшительностью посматривалъ на миссъ Поликсфенъ. М-ссъ Эппльбай, съ чисто женской проницательностью, поняла его мысли и тайныя желанія и стала дѣйствовать какъ настоящій Маккіавелли въ юбкѣ.

— Тебѣ не придется ѣхать одному, — сказала она. — Я и Орасъ можемъ тебя сопровождать. Такое путешествіе принесетъ большую пользу мальчику и въ смыслѣ укрѣпленія здоровья, и въ воспитательномъ отношеніи... И я увѣрена,—прибавила она,— что миссъ Поликсфенъ, если ты будешь достаточно настаивать, согласится поѣхать съ нами въ качествѣ нашей гостьи. Я вѣдь полагаю, дорогая миссъ Поликсфенъ, что васъ тревожитъ судьба молодого человѣка, который подвергался изъ-за васъ такимъ опасностямъ. Кромѣ того,—продолжала м-ссъ Эппльбай, обращаясь къ брату,— миссъ Поликсфенъ прямо не слѣдуетъ оставаться теперь въ Англіи. Когда узнаютъ, гдѣ она, ее замучаютъ сыщики и репортеры.

Тони былъ сначала смущенъ, но доводы сестры придали ему храбрость, и онъ рѣшился спросить миссъ Поликсфенъ, согласна ли она дѣйствительно предпринять путешествіе на его яхтѣ. Мэри твердо отвѣтила, что согласна, и съ этой минуты Тони показалось, что другъ его, дѣйствительно, въ большой опасности, и что нужно скорѣе ѣхать выручать его.

— Надѣюсь, что не случится ничего ужаснаго,— проговорила Мэри съ затаеннымъ дыханіемъ.—Я все-таки думаю, что, можетъ быть, исторія о скрытомъ сокровищѣ, которую разсказывалъ Коко, не такая ужъ выдуманная. А когда рѣчь идетъ о деньгахъ и въ это дѣло замѣшанъ мой дядя...—Она не докончила.

— Да вѣдь я тоже подумывалъ о кладѣ! — воскликнулъ Тони. — Но все-таки не вижу, какая тутъ можетъ быть опасность. Мы найдемъ Филиппа. Не дурно бы, однако, раздобыть мастера Коко и поговорить съ нимъ.

Мэри тоже хотѣлось видѣть единственнаго друга ея отца, и Тони, воодушевленный жаждой подвига, быстро потребовалъ шляпу и пальто, чтобы пойти предпринять разные нужные шаги. Мэри, съ ея трагической красотой и странной судьбой, казалась ему теперь недосягаемымъ высшимъ существомъ, для котораго онъ готовъ былъ совершать подвиги самоотверженія.

XX.

Когда Филиппъ Мастерсъ простился съ Мэри Поликсфенъ на Кингсуэ, то лишь съ огромными трудностями добрался до отдаленнаго Поплара. Ни одинъ кэбъ не брался довезти его туда, а его возили изъ квартала въ кварталъ по дорогѣ, совершенно невѣдомой ему, въ Попларъ. Ему пришлось потомъ еще ѣхать въ трамваѣ. Наконецъ, онъ очутился по близости отъ вестъ-индскихъ доковъ на Котонъ-Стритѣ, и черезъ минуту стоялъ передъ домомъ № 7-й, съ виду очень невзрачнымъ, мрачнымъ и плохо освѣщеннымъ. Виденъ былъ свѣтъ за входной дверью, какъ въ Углѳвомъ Домѣ, и свистѣлъ такой же зловѣщій вѣтеръ. Филиппу сдѣлалось жутко, но онъ преодолѣлъ себя и смѣло постучалъ въ дверь.

Ему открылъ небольшого роста, коренастый человѣкъ, и на вопросъ, дома ли м-ссъ Оппотери, и не можетъ ли онъ повидать ее, отвѣтилъ, что ея нѣтъ и не будетъ,—по крайней мѣрѣ, онъ такъ надѣется...

Онъ, видимо, былъ взбѣшенъ противъ м-ссъ Оппотери и не желалъ имѣть дѣло съ ея знакомыми. Тогда Филиппъ заявилъ, что онъ вовсе не знакомый м-ссъ Оппотери, и вовсе не желаетъ ее видѣть, а предпочелъ бы поговорить съ хозяиномъ дома, гдѣ она жила... Съ этими словами онъ вручилъ угрюмому хозяину полкроны и этимъ смягчилъ его. Пуская Филиппа въ домъ, онъ говорилъ о томъ, какая м-ссъ Оппотери была непріятная жилица, какъ она перевернула домъ вверхъ дномъ и даже не заплатила всего по счету.

Пройдя въ домъ, Филиппъ очутился въ прихожей съ грязнымъ поломъ и стѣнами и, быстро оглянувъ стоящаго передъ нимъ человѣка, увидѣлъ, что онъ въ очень поношенномъ платьѣ, и что по лицу трудно опредѣлить, кто онъ такой и сколько ему лѣтъ.

— Почему же м-ссъ Оппотери подняла здѣсь такую кутерьму?—спросилъ Филиппъ.—Что она дѣлала?

— Да мнѣ почемъ знать? Знаю только, что она поступила

служительницей или чѣмъ-то на яхту. Но ужъ если вы меня спрашиваете, то скажу вамъ, что она—странная особа. Я удивлялся, что за нею не охотится полиція. Говорила все, что ѣдетъ куда-то въ Вестъ-Индію, въ Гренаду, въ Гранъ-Этанъ. У меня на имена память плохая, но старуха столько твердила эти названія, что я ихъ запомнилъ.

— А гдѣ теперь старуха?—спросилъ сильно заинтересованный Филиппъ.

— Ушла на яхту со своимъ узломъ. Можетъ быть, уже и отплыла.

— А яхта далеко отсюда?—быстро спросилъ Филиппъ.

— Нѣтъ, не далеко.

— Если вы сейчасъ же сведете меня туда,—сказалъ Филиппъ, опуская руку въ карманъ,—то вотъ вамъ за это пять шиллинговъ.

Угрюмый человѣкъ согласился; они вышли и направились по пересѣкающимся рельсамъ мимо вагона съ красными фонарями. Потомъ пошли навѣсы, склады; они прошли затѣмъ черезъ длинный проходъ, освѣщенный тусклой лампой.

— Взгляните,—сказалъ, наконецъ, спутникъ Филиппа.

Филиппъ увидѣлъ мелькающіе огни. Онъ стоялъ на пристани. Передъ нимъ была широкая Темза, запруженная судами. У берега стояли два парохода, и изъ одного изъ нихъ поднимался густой дымъ съ невообразимымъ шумомъ и трескомъ. Люди на пароходѣ и стоящіе на берегу громко перекликались. Проводникъ Филиппа пошелъ дальше, ко второму пароходу. Филиппъ прочелъ на грязной сѣрой обшивкѣ парохода слова: „Бѣлая Роза". Изъ трубы поднималась тонкая струя дыма. Филиппъ прошелъ туда вслѣдъ за своимъ провожатымъ и, очутившись на палубѣ таинственнаго парохода, остановился на минуту, чтобы поглядѣть на величественное зрѣлище воды, мелькающихъ безчисленныхъ огней на судахъ всевозможныхъ формъ. Филиппъ вдыхалъ смолистый запахъ канатовъ, запахъ далекаго моря, который носился въ воздухѣ. Ему было даже странно, что онъ въ Лондонѣ, въ томъ же Лондонѣ, гдѣ находится Пикадилли, и Альказаръ, и Гайдъ-Паркъ.

— Вотъ, спуститесь сюда,—сказалъ его спутникъ, указывая на лѣстницу, ведущую внизъ, и пропуская Филиппа впереди себя.

Филиппъ помнилъ, какъ онъ спустился по лѣстницѣ, но потомъ уже онъ въ теченіе долгаго времени не могъ ничего припомнить.

XXI.

Очнувшись, Филиппъ чувствовалъ сначала только усталость и раздраженіе, точно онъ обиженъ на весь міръ. Потомъ онъ замѣтилъ, что лежитъ на чемъ-то мягкомъ, что передъ нимъ справа—кругъ блѣднаго свѣта. Онъ хотѣлъ двинуть руками, ногами, но не могъ, и вскорѣ понялъ, что онъ связанъ. Послѣ того, онъ сталъ быстро припоминать все, что̀ случилось съ того момента, какъ онъ спустился по лѣстницѣ, и быстро соображая, несмотря на боль въ головѣ, вдругъ пришелъ къ своего рода научному открытію:

— Тутъ все дѣло въ дядѣ Поликсфенѣ.

Глаза его привыкли къ полумраку; онъ понялъ, что лежитъ связанный въ каютѣ и что блѣдный свѣтъ проникаетъ черезъ люкъ. Онъ подумалъ съ мучительной тоской о Мэри Поликсфенъ, вспомнилъ о „Курьерѣ“ и о лордѣ Назингѣ, который ждетъ отъ него сенсаціонныхъ разоблаченій.

Отъ времени до времени онъ старался высвободить свои члены, но не могъ. Онъ услышалъ, какъ въ замкѣ повернули ключъ, дверь каюты открылась, вошелъ человѣкъ, зажегъ лампу и подошелъ къ связанному плѣннику. Филиппъ узналъ хозяина дома № 7-й, который заманилъ его на яхту. Филиппъ не подалъ знака, чувствуя полную безполезность протеста. Вошедшій нагнулся надъ Филиппомъ, потомъ взялъ черный чепчикъ, лежавшій по близости, надѣлъ его и состроилъ гримасу. Филиппъ сразу увидѣлъ передъ собой лицо м-ссъ Оппотери и почувствовалъ себя совершенно беззащитнымъ во власти Вальтера Поликсфена.

— Благодарю за три полкроны,—сказалъ мягкимъ голосомъ вошедшій, и Филиппъ былъ пораженъ его перемѣнившимся интеллигентнымъ тономъ и красивымъ голосомъ, который, очевидно, былъ отличительной чертой всей семьи Мэри.

— На этотъ разъ,—сказалъ онъ,—я съумѣлъ оглушить васъ вѣрно разсчитаннымъ ударомъ — не слишкомъ сильнымъ и не слишкомъ слабымъ—и въ надлежащее мѣсто. На-дняхъ я промахнулся — хватилъ слишкомъ сильно, и уже думалъ, что утратилъ прежнюю ловкость.

— Вы—Вальтеръ Поликсфенъ?—спросилъ Филиппъ.

— Да, мистеръ Мастерсъ,—отвѣтилъ онъ.—Я могу теперь удовлетворить вашему любопытству. Я—Вальтеръ Поликсфенъ.

Мы, кажется, уже имѣли удовольствіе встрѣчаться съ вами нѣсколько разъ,—прибавилъ онъ съ улыбкою.

— Я бы васъ попросилъ развязать эти веревки, — сказалъ Филиппъ.—Вы поступаете со мной очень коварно.

— Зачѣмъ же вы — отвѣтилъ Вальтеръ Поликсфенъ—просунули палецъ, по французской пословицѣ, между деревомъ и корой? Мнѣ приходится принять мѣры противъ васъ. Впрочемъ, я согласенъ освободить васъ; но, видите, у меня въ рукахъ револьверъ и ножъ. Я развяжу вамъ сначала ноги, а потомъ сначала правую, а затѣмъ лѣвую руку и быстро пробѣгу въ противоположный уголъ каюты. Если вы вздумаете подняться съ койки, вы сразу попадете на небо. Я говорю это въ предупрежденіе вамъ, потому что терпѣть не могу вашего японскаго бокса.

Поликсфенъ сдѣлалъ, какъ сказалъ, и Филиппъ рѣшилъ не броситься сразу на негодяя, стоящаго вооруженнымъ въ углу, а подождать дальнѣйшихъ объясненій.

— Ну, а теперь,—сказалъ онъ, ложась поудобнѣе на койкѣ,— объясните мнѣ, что за комедію вы продѣлали со мной?

— Хорошо, я вамъ все объясню,—сказалъ Поликсфенъ.— Эту сцену я, дѣйствительно, устроилъ нѣсколько театрально; я вѣдь актеръ,—пожалуйста, не двигайтесь,—и мнѣ давно ужъ не приходилось ни съ кѣмъ говорить. А я люблю поболтать и похвастать, какъ большинство выдающихся людей. Вѣдь вы не станете отрицать, что я—выдающійся человѣкъ. Кромѣ того, ваше смѣлое любопытство заслуживаетъ удовлетворенія. Я бы могъ убить васъ сразу.

— Почему же вы этого не сдѣлали?—спросилъ Филиппъ.— Однимъ убійствомъ больше или меньше,—не все ли равно для человѣка, убившаго своего собственнаго брата?

— Я долженъ вамъ сказать, — отвѣтилъ Поликсфенъ, — что брата я убилъ нечаянно, не разсчитавъ силу удара.

— Чѣмъ вы его ударили?

— Вотъ чѣмъ,—сказалъ Поликсфенъ, положивъ обратно въ карманъ перочинный ножикъ и веревки и вынувъ оттуда небольшой мѣшокъ и узкую, длинную цѣпь.—Тутъ смѣсь мельчайшей дроби и серебрянаго песка. Одной дроби было бы слишкомъ мало, а песокъ въ такомъ небольшомъ количествѣ не былъ бы достаточно тяжелымъ. Это—орудіе хулигановъ въ Лимѣ, и я испыталъ его тяжесть на собственномъ затылкѣ. Вы, вѣроятно, тоже чувствуете нѣкоторую боль въ затылкѣ?

— Да.

— Ну вотъ. Я очутился въ безвыходномъ положеніи, убивъ

моего брата. Думаютъ, что все было предусмотрѣно убійцей заранѣе; увѣряю васъ, что нѣтъ. Но я умѣю выпутываться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ — въ этомъ все дѣло. У меня всегда есть въ запасѣ веревочная лѣстница. Я переодѣлся въ мужское платье, спустился по этой веревочной лѣстницѣ въ переулокъ и осмотрѣлся. Прежде всего нужно было удалить ночного сторожа. Я съ нимъ поболталъ, узналъ все о его семейныхъ дѣлахъ, потомъ пошелъ дальше, поймалъ какого-то мальчишку въ ночной кофейнѣ и убѣдилъ его подшутить надъ сторожемъ. Все сошло бы великолѣпно,—только вы испортили дѣло. Я нашелъ лопату, прислоненную къ шатру ночного сторожа, затѣмъ снова полѣзъ въ комнату брата, спустилъ тихонько его трупъ и зарылъ его. Копать землю я умѣю хорошо... Продѣлавъ все это аккуратно и быстро, я вернулся домой. Правда вѣдь, работа чистая?

— У васъ просто была удача,—сказалъ Филиппъ, у котораго выступилъ потъ отъ ужаса передъ такимъ холоднымъ злодѣйствомъ.—Къ тому же,—прибавилъ Филиппъ,—я не особенно вѣрю въ случайность смерти капитана. Зачѣмъ вы какъ-разъ въ эту ночь дали снотворнаго питья молодому Мередиту, если случившееся послѣ того было только случайностью?

— Это другое дѣло!—воскликнулъ Поликсфенъ.—У меня возникли кое-какія подозрѣнія относительно очаровательной особы, которую вы называете молодымъ Мередитомъ. Но у меня было столько дѣла ночью, что я не успѣлъ воспользоваться результатами моего опыта. Все же я кое-что сдѣлалъ.

— Вы сдѣлали даже слишкомъ много,—сказалъ Филиппъ.— Вы подняли штору въ комнатѣ Мередита, и это навело меня на вашъ слѣдъ.

— Значитъ, я дѣйствительно сдѣлалъ слишкомъ много— для вашего дальнѣйшаго благополучія, мистеръ Мастерсъ. Но это правда,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Не слѣдовало поддаваться любопытству. Скажите, я поднялъ штору особеннымъ образомъ?

— Такъ, какъ могъ бы поднять ее человѣкъ, убившій своего собственнаго брата,—спокойно отвѣтилъ Филиппъ, подумавъ про себя: „Для моего дальнѣйшаго благополучія? Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?“

— Послушайте, молодой человѣкъ, — сказалъ Поликсфенъ, помахивая револьверомъ: — вы хотите быть философомъ, а разсуждаете какъ толпа. Вы говорите: „собственнаго брата“. Да развѣ выбираешь своихъ родныхъ? Никакихъ обязательствъ относи-

тельно братьевъ у человѣка нѣтъ. Братъ—чистая случайность,—никакихъ логическихъ выводовъ изъ этого случайнаго обстоятельства нельзя дѣлать. Братъ мой—одинъ человѣкъ; я — другой. Братоубійство, за рѣдкими исключеніями, не хуже и не лучше обыкновеннаго человѣкоубійства. Въ данномъ случаѣ, я даже оказалъ услугу моему брату,—хотя, повторяю, это не было моей заслугой, а только случайностью. Братъ мой былъ старый, слабый, озлобленный человѣкъ. У него не было друзей, онъ поссорился съ единственной дочерью и собирался начать предпріятіе, котораго не смогъ бы довести до конца. Онъ потерялъ бы всѣ деньги, и конецъ его жизни былъ бы очень печальный. Случайность—или моя неловкость—спасла его. И по-вашему меня за это нужно повѣсить? Послушайте...

Вдругъ Поликсфенъ остановился. Пароходъ колыхнулся отъ движенія машинъ.

— Это что такое, чортъ возьми!—воскликнулъ Поликсфенъ. Направляя дуло револьвера прямо на Филиппа, онъ осторожно и быстро приблизился къ двери и выглянулъ изъ нея. Крикнувъ плѣннику, чтобъ онъ не двигался съ мѣста, Поликсфенъ закрылъ дверь снаружи и исчезъ. Гулъ машинъ прекратился.

Филиппъ быстро вскочилъ съ койки и выглянулъ въ люкъ. На пристани не было ни души, и на его громкіе крики никто не отвѣтилъ. Внизу у его ногъ мѣрно покачивалась двухвесельная лодка, прикрѣпленная къ пристани цѣпью. У Филиппа мелькнула мысль. Тщетно обшаривъ карманы, въ которыхъ уже ничего не оказалось, онъ сталъ искать какого-нибудь предмета въ каютѣ и нашелъ только металлическое блюдо, стоявшее на деревянномъ шкапу надъ койкой. Онъ его схватилъ, затѣмъ, быстро соображая, отвинтилъ ручку ящика, нацарапалъ острымъ винтовымъ концомъ ручки нѣсколько словъ на блюдѣ и бросился къ люку. Блюдо оказалось шире, чѣмъ люкъ; Филиппъ въ бѣшенствѣ согнулъ его на колѣнѣ и просунулъ въ отверстіе. Какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ успѣлъ благополучно все это продѣлать, раздался стукъ, и голосъ Поликсфена спросилъ, лежитъ ли онъ спокойно на койкѣ. Филиппъ отвѣтилъ, что сейчасъ ляжетъ, и дѣйствительно легъ, быстро ввинтивъ одной рукой ручку, вырванную изъ ящика.

Поликсфенъ сначала пробуравилъ дырку въ двери, взглянулъ черезъ нее и, убѣдившись, что Филиппъ дѣйствительно лежитъ на койкѣ, вошелъ и возобновилъ бесѣду.

XXII.

— Я продолжаю, — сказалъ Поликсфенъ. — Въ карманахъ покойнаго капитана я нашелъ подтвержденіе всѣхъ моихъ ожиданій и убѣдился, что онъ самъ не смогъ бы воспользоваться съ успѣхомъ всѣми своими шансами. Если бы не то, что вы нашли зубецъ изъ моего гребня, я бы не появился на слѣдственномъ судѣ. Но согласитесь, что роль свою я сыгралъ мастерски—совсѣмъ какъ въ дни моихъ великихъ успѣховъ на сценѣ. Могу вамъ сообщить, если это васъ интересуетъ, что капитанъ зналъ передъ смертью, кто я. У насъ было свиданіе— перешедшее въ драку—въ комнатѣ капитана. Тогда, вѣроятно, и сломалась гребенка. Я хотѣлъ украсть нѣсколько документовъ; это мнѣ не удалось и привело къ послѣднему столкновенію, которое плохо кончилось для капитана. Потомъ пошла возня: необходимость притворяться больнымъ, выступать въ судѣ. Кромѣ того, меня начали безпокоить вы. Молодого Мередита я сразу узналъ — очень ужъ она похожа на своего дядю. Пришлось также потерять много драгоцѣннаго времени изъ-за м-ра Варко.

Филиппъ невольно вздрогнулъ.

— А, я начинаю возбуждать въ васъ интересъ,—замѣтилъ Поликсфенъ съ иронической улыбкой.—Сознайтесь въ этомъ.

— Гдѣ Варко?—нервно спросилъ Филиппъ, скрывая свой внутренній ужасъ.

— Подождите,—сказалъ Поликсфенъ, что-то соображая.—Сегодня понедѣльникъ, третій день. Сегодня вечеромъ всѣ узнаютъ, гдѣ Варко. Онъ былъ очень способный человѣкъ, но слишкомъ самонадѣянный. Онъ все подготовилъ самъ и хотѣлъ сразить меня однимъ ударомъ. Въ этомъ была его единственная ошибка. Онъ не зналъ, что я на-сторожѣ и подозрѣваю его, такъ что когда онъ вошелъ въ мою комнату для рѣшительнаго сраженія, я поджидалъ его за дверью съ моимъ маленькимъ орудіемъ; исходъ оказался для него неожиданнымъ. Вы спрашиваете: гдѣ онъ? Подъ поломъ. Я съ перваго же дня, какъ поселился въ Углòвомъ Домѣ, долженъ былъ найти мѣсто, гдѣ спрятать мужское платье, и съ этой цѣлью приподнялъ одну изъ досокъ, вынувъ гвозди. Для человѣка, практиковавшаго всѣ ремесла, это, конечно, сущіе пустяки. Я могъ, когда хотѣлъ, поднимать доску, и снова приколачивать ее. Конечно, можно было бы и капитана тамъ схоронить. Но онъ былъ слишкомъ толстъ и тяжелъ,

такъ что продавилъ бы потолокъ нижней комнаты и упалъ бы въ нижній этажъ. Ну, а м-ръ Варко былъ тонкій, стройный человѣкъ и спокойно лежитъ на мѣстѣ—пока, конечно, присутствіе его не обнаружится... въ силу закона разложенія органической матеріи. Согласитесь, что все это продѣлано было мною съ поразительнымъ искусствомъ и присутствіемъ духа. Я даже самъ пораженъ своей геніальностью. Мнѣ было жаль положить конецъ блестяще начатой карьерѣ м-ра Варко. Но чтò же дѣлать!—сыщики должны считаться съ рискомъ быть убитыми.

— Не тратьте понапрасну своего краснорѣчія, — сказалъ Филиппъ, прерывая его.—Вы знаете мое мнѣніе. Вы просто не придаете никакой цѣны человѣческой жизни.

— Вы преувеличиваете, мой молодой другъ, — сказалъ Поликсфенъ.—Я придаю извѣстную цѣнность человѣческой жизни, — хотя и не безграничную. Я, напримѣръ, больше щажу людей, чѣмъ кабинетъ министровъ, который, собираясь за завтракомъ, рѣшаетъ объявить войну. Послѣдній кабинетъ, сдѣлавшій это, убилъ, приблизительно, до десяти тысячъ человѣкъ на каждаго изъ членовъ. А развѣ это мѣшало имъ спокойно спать? Ничуть. Ваше заблужденіе заключается въ томъ, мистеръ Мастерсъ, что вы никогда не смотрѣли трезво на вещи.

Филиппъ ничего не отвѣтилъ.

— Во всемъ этомъ сложномъ дѣлѣ,—продолжалъ Поликсфенъ,—послѣ того какъ я по неуклюжести усыпилъ капитана вѣчнымъ сномъ, вмѣсто того, чтобы оглушить его на время, я сдѣлалъ только одну оплошность. Слегка поранивъ руку о подоконникъ, въ то время какъ я спускалъ трупъ бѣднаго капитана, я не подумалъ о томъ, чтобы сейчасъ же промыть и перевязать руку, а только слегка примочилъ ранку слюной. Отлично зная, какъ опасно оставлять отпечатки пальцевъ, я не предотвратилъ эту опасность. Вотъ моя ошибка, которую я замѣтилъ уже слишкомъ поздно, увидавъ, что рука въ крови, только послѣ зарытія трупа. Ну, а относительно всего остального вы не можете не отдать мнѣ справедливости. Я вѣдь даже побывалъ въ „Обелискъ-Отелѣ", послѣ того какъ жилъ въ Углòвомъ Домѣ подъ видомъ м-ссъ Оппотери, такъ что въ случаѣ необходимости можно было бы установить отдѣльное существованіе въ одно и то же время м-ссъ Оппотери и м-ра Поликсфена. И какъ ловко я васъ обошелъ, какъ искусно подмѣнилъ два моихъ банковыхъ билета на ваши! Вотъ только жаль, что оставилъ слѣды пальцевъ.

— Чего же вамъ жалѣть? Вы все-таки добились полной удачи.

— Мнѣ жаль васъ. Вы почему-то нравитесь мнѣ. Такой прямодушный, простой англичанинъ, какъ вы, представляетъ особый интересъ для меня, чуждаго всякаго національнаго отпечатка, сложнаго въ своихъ мысляхъ и чувствахъ. Если бы я не отмѣтилъ кровью кусочекъ камня, если бы вы не нашли его и не спрятали въ саквояжъ, если бы не потеряли этотъ саквояжъ и онъ не попался случайно въ руки Варко, если бы Варко не положилъ его снова въ вашу спальню, и вы бы не заразились страстью къ дактилографіи — у меня не было бы впереди непріятнаго долга.

— Какого?

— Да, вотъ, не пришлось бы послать васъ съ объясненіями къ м-ру Варко.

Филиппъ подмѣтилъ легкую дрожь въ голосѣ Поликсфена и сѣлъ на койкѣ.

— Зачѣмъ вамъ убивать меня?—спросилъ онъ съ прекрасно разыграннымъ спокойнымъ удивленіемъ.—Вы восторжествовали, спаслись бѣгствомъ. Значитъ, въ васъ говоритъ только кровожадность?

— Я ненавижу кровь,—сказалъ Поликсфенъ.—Да къ тому же крови и не будетъ. Мнѣ не хочется убивать васъ. Но у меня нѣтъ выбора. Я не могу держать васъ въ плѣну,—а какъ только я васъ отпущу, моя жизнь будетъ въ опасности. Передо мной закроются всѣ порты, и Англія такъ поклоняется этимъ двумъ фетишамъ, частной собственности и неприкосновенности человѣческой личности, что британское правительство въ состояніи послать за мной миноноску. Увы, правда, что энергію въ праздныхъ людяхъ возбуждаетъ дьяволъ. Онъ загубилъ вашу жизнь— и, повторяю, я очень объ этомъ сожалѣю.

— Убейте меня, если желаете,—спокойно сказалъ Филиппъ; —я оставляю за собой только удовольствіе назвать васъ негодяемъ и трусомъ.

— Я предпочитаю ваше прежнее горизонтальное положеніе на койкѣ, — сказалъ Поликсфенъ, видя, что Филиппъ приподнимается и придвигается къ нему. Онъ такъ близко направилъ на него дуло револьвера, что Филиппу пришлось снова растянуться на койкѣ.

— Я только тогда рѣшилъ разсказать вамъ о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ,—спокойно продолжалъ Поликсфенъ,—когда вполнѣ рѣшилъ, какъ поступить съ вами. Я такъ одинокъ, что сильно чувствую потребность поговорить откровенно съ другимъ человѣкомъ. И наша бесѣда доставила мнѣ большое удовольствіе. Но, возвращаясь къ вамъ, вотъ что̀ я долженъ сказать: въ сущности

я вамъ окажу такую же услугу, какъ капитану Поликсфену. Вы одиноки, все ваше состояніе — два тысячныхъ билета, которыхъ вы не можете разм̂енять. Карьеры вы не сдѣлаете — у васъ нѣтъ нужныхъ для этого качествъ — и останетесь неудачникомъ на всю жизнь; а въ старости вы будете раздражать всѣхъ своимъ недовольнымъ, ворчливымъ видомъ. Отъ этого я васъ избавляю — и жалѣть объ этомъ нѣтъ причины.

— Какъ же вы меня убьете? — спросилъ Филиппъ.

— Этого я вамъ не скажу, — сказалъ Поликсфенъ, — изъ добраго чувства къ вамъ. Постараюсь, чтобы вы какъ можно меньше страдали.

— Послушайте, — сказалъ Филиппъ, приподнимаясь на локтѣ. — Вы много комедій играли за послѣднюю недѣлю. Чтò же, это тоже комедія?

— Нѣтъ, не комедія, — отвѣтилъ Поликсфенъ, и Филиппъ сразу ему повѣрилъ. Въ теченіе часа онъ сталъ понимать до нѣкоторой степени этого человѣка, привыкъ къ странному очарованію его голоса и къ необычности его чувствъ и словъ.

Филиппъ сталъ находить его интереснымъ и даже — чтò дѣлало честь его безпристрастію — ему нравился Поликсфенъ смѣлостью своей чудовищной натуры и тѣмъ, что онъ не стыдился своихъ инстинктовъ, не боялся называть вещи по имени, не притворялся, что побужденія его не были чисто эгоистическими. Все это Филиппъ оцѣнилъ по достоинству, — но вмѣстѣ съ тѣмъ ему вовсе не хотѣлось умирать, и онъ быстро сталъ думать о средствахъ спасенія. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Мэри Поликсфенъ, и мысль о вѣчной разлукѣ съ нею казалась ему недопустимой. Въ нѣсколько часовъ онъ такъ сблизился съ нею, точно они знали другъ друга цѣлую жизнь. Такъ неужели же ихъ разлучитъ Вальтеръ Поликсфенъ? Она его ждала, и неужели же ожиданія ея окажутся напрасными? Онъ нашелъ цѣль въ жизни — и какъ разъ теперь Поликсфенъ хочетъ убить его. Онъ, Филиппъ, чувствовалъ въ себѣ силу страсти, столкнувшуюся съ опасностью смерти, и понималъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ, что побѣдитъ сила жизни. Онъ встрѣтился взглядомъ съ Поликсфеномъ. Броситься на него въ эту минуту было бы опасно, потому что при малѣйшемъ рискѣ для себя Поликсфенъ, конечно, не задумается застрѣлить его. Приходилось выжидать. Просить Поликсфена о пощадѣ Филиппъ не согласился бы даже ради того, чтобы обрѣсти Мэри.

— Однако вы очень спокойны, — замѣтилъ Поликсфенъ, глядя на него.

— Вы полагаете? — презрительно сказалъ Филиппъ. — Будь вы честный человѣкъ, вы бы во всякомъ случаѣ...

— Подождите на минуту, — прервалъ его Поликсфенъ. — Что вы называете быть честнымъ человѣкомъ? Вы сами — честный человѣкъ?

— Конечно, — отвѣтилъ Филиппъ: — я никогда не былъ ни воромъ, ни убійцей, никого не обманывалъ и не нарушалъ слова.

— Вотъ какъ! — сказалъ Поликсфенъ. — Ну, что же, и это идеалъ, какъ и всякій другой. Но я хотѣлъ бы знать, какъ далеко можетъ повести васъ честность. Я хочу сдѣлать опытъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я дарую вамъ жизнь въ обмѣнъ за слово, что вы ни прямо, ни косвенно не будете содѣйствовать выдачѣ меня въ руки такъ называемаго правосудія, а также не оставите эту яхту безъ моего позволенія.

Филиппъ задумался о Мэри Поликсфенъ, о жизни и любви, о радостяхъ міра. Прошло нѣсколько секундъ, показавшихся ему вѣчностью.

— Я согласенъ, — пробормоталъ онъ.

— Только помните, — предупредилъ его Поликсфенъ. — Обдумайте свое обѣщаніе. — Помните, что я дѣлаю это изъ пустого донъ-кихотства, просто желая знать, есть ли хоть одинъ честный человѣкъ на землѣ. Возможно, что я поступаю глупо. Словомъ, вы даете мнѣ слово ничего не предпринимать противъ меня.

— Я вѣдь вамъ далъ слово! — воскликнулъ Филиппъ. — Сколько же разъ повторять это?

Поликсфенъ засмѣялся.

— Вотъ вашъ револьверъ, — сказалъ онъ и, подойдя къ Филиппу, положилъ его на его койку. Филиппъ закрылъ лицо рукой, чтобы скрыть свое волненіе.

XXIII.

— Объясните мнѣ, — сказалъ Филиппъ, помолчавъ, — какова цѣль всѣхъ вашихъ убійствъ, грабительствъ и всяческихъ гнусныхъ поступковъ?

Вальтеръ Поликсфенъ помолчалъ, отстегнулъ куртку, вынулъ изъ внутренняго кармана кожаный футляръ, а изъ него нѣсколько скрѣпленныхъ листовъ бумаги, и началъ читать.

„Слава Всемогущему Богу и Габріэлю — не архангелу, а нашему капитану и командиру Габріэлю. Сегодня, 4-го марта

1654 года, нашъ славный корабль, „El Legato“, отплылъ отъ Обезьяньяго Острова, близъ Гренады, и встрѣтился съ испанскимъ кораблемъ, который отбросило отъ его спутника. Корабль этотъ стоялъ потрепанный, и команда тщетно старалась починить его. Звали его „Голкондой“, и таковой онъ оказался. Подъ командой Габріэля мы быстро завладѣли имъ, перебили всю команду, а когда къ вечеру показались два англійскихъ корабля, „Голконда“ была уже опустошена. Весь ея драгоцѣнный грузъ золота забранъ былъ нами, а въ два часа, оставшихся до прихода англичанъ, мы погрузили кладъ, который намъ достался, въ мѣсто, хорошо извѣстное Габріэлю, достижимое только для небольшихъ кораблей—и для храбрыхъ моряковъ. На сѣверномъ берегу Гренады высится рядъ суровыхъ утесовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Русалочнаго гребня“. Черезъ эти утесы мы пробрались и до зари слѣдующаго дня погрузили нашу огромную добычу у священныхъ пустынныхъ береговъ Гранъ-Этана, внутренняго озера Гренады, мѣста, гдѣ живутъ всѣ вестъ-индскіе дьяволы и королева ихъ, матерь дождя. Мѣсто это неприступно для нападеній, потому что ни негры ни караибы не рѣшаются подступить къ страшнымъ водамъ, или коснуться вѣтки и сорвать плодъ на священныхъ берегахъ Гранъ-Этана. „Голконда“ везла огромное сокровище, и мы сняли съ нея около ста ящиковъ золота. Мы работали какъ дьяволы и около полуночи опустили послѣдній ящикъ въ Гранъ-Этанъ. Вотъ указаніе мѣста, гдѣ спрятанъ кладъ: — Идти отъ сѣраго камня, выступающаго на аршинъ надъ водой на западномъ берегу. Сдѣлать двѣсти шаговъ на востокъ, стать противъ солнца тамъ, гдѣ оно заходитъ въ срединѣ ноября за пальмовымъ холмомъ. Потомъ сдѣлать четырнадцать шаговъ направо въ озеро, которое тамъ глубиной въ пять футовъ“.

— Теперь вы понимаете? — спросилъ Поликсфенъ, кончивъ чтеніе и передавая бумагу Филиппу. Глаза его горѣли.

— Значитъ, все-таки исторія потеряннаго клада! — воскликнулъ Филиппъ.

— Конечно, — отвѣтилъ Поликсфенъ. — А вы повѣрили, что-ли, тому, чтò я болталъ на судѣ о тайномъ русскомъ обществѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Филиппъ. — Но исторія клада столь же мало вѣроятна.

— Но все же, — продолжалъ Поликсфенъ съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ, — она совершенно достовѣрна. У меня есть испанскій документъ, откуда и переведено то, чтò я вамъ читалъ. Мой братъ зналъ всю исторію „El Legato“; но мнѣ не-

чего читать вамъ все остальное. Установлено, что капитанъ Габріэль и вся его команда должна была, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, уплыть, оставивъ свою находку въ озерѣ, и есть точныя доказательства того, что кладъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ тронутъ.

— Словомъ,—сказалъ Филиппъ,—вы отправляетесь за дублонами.

— Да, за дублонами, — сказалъ Поликсфенъ, затѣмъ положилъ бумаги въ карманъ и посмотрѣлъ на часы.—Вотъ видите,—прибавилъ онъ,—какъ я вамъ подчиняюсь. Я сказалъ вамъ все, что вы хотѣли знать, и мое довѣріе къ вамъ доказываетъ, что я не утратилъ всѣ иллюзіи въ жизни.

Пароходъ снова задрожалъ отъ пришедшихъ въ движеніе машинъ.

— Мы поднимаемъ якорь,—сказалъ Поликсфенъ.—Я оставляю васъ еще здѣсь на нѣсколько часовъ, пока мы выплываемъ изъ Темзы. Не то вѣдь вы можете выпрыгнуть за бортъ и уплыть къ берегу. Черезъ нѣсколько часовъ вы будете свободны.

Онъ ушелъ, закрывъ дверь снаружи, и Филиппъ сталъ раздумывать о томъ, когда онъ сможетъ вернуться въ Англію и снова увидѣть Мэри.

„Какъ странно, что человѣкъ такого необычайнаго ума, какъ Поликсфенъ, попался на удочку нелѣпой сказки о скрытомъ сокровищѣ!.. Я совершенно увѣренъ, что это пустая выдумка, а онъ не остановился передъ убійствомъ. Очевидно, актерское воображеніе убило въ немъ здравый смыслъ“.

XXIV.

Сэръ Антони Дидрингъ такъ поспѣшно организовалъ экспедицію для спасенія Филиппа, что черезъ нѣсколько дней вся собравшаяся у него въ злополучное утро компанія уже отплыла на яхтѣ „Странникъ“, дѣлавшей по тринадцати узловъ въ часъ. Капитаномъ яхты былъ человѣкъ нѣкогда знаменитый въ лѣтописяхъ яхтъ-клуба, плававшій на „Странникѣ“ съ самыми родовитыми представителями морского спорта; когда мода на автомобили и автомобильныя яхты вытѣснила прежнюю страсть къ мореплаванію, онъ принужденъ былъ работать наемнымъ капитаномъ на той же яхтѣ „Странникъ“, откупленной судоходной компаніей и служащей для экскурсій частныхъ лицъ. Капитанъ Четвудъ относился съ презрѣніемъ къ случайнымъ нанимателямъ, и это вскорѣ

почувствовалъ на себѣ сэръ Антони. Онъ сначала думалъ командовать Четвудомъ, какъ командовалъ шофферомъ автомобиля, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что настоящій хозяинъ яхты — капитанъ, дѣйствующій по своему разумѣнію. Послѣ разныхъ мелкихъ стычекъ вышло столкновеніе на тринадцатый день пути. Сэру Антони хотѣлось направиться прямо въ Гренаду, а не останавливаться въ Бриджтоунѣ въ Барбадосѣ, но капитанъ спокойно заявилъ, что заѣдетъ въ Барбадосъ грузиться углемъ, и на этотъ доводъ Тони ничего не могъ возразить, хотя онъ и былъ собственникомъ яхты и это удовольствіе стоило ему болѣе полуторы тысячи фунтовъ въ мѣсяцъ. Одно только капитанъ Четвудъ прибавилъ для утѣшенія Тони: онъ высказалъ предположеніе, что „Бѣлая Роза" тоже поѣхала въ Барбадосъ за углемъ и, можетъ быть, даже тамъ находится.

Мысль о томъ, что Филиппъ, быть можетъ, близокъ отъ нихъ, взволновала его друзей. Просидѣвъ молча нѣсколько времени послѣ обѣда въ каютъ-компаніи, Мэри пожелала сэру Антони покойной ночи и ушла къ себѣ. Тони вскорѣ дѣйствительно пошелъ спать, но Мэри вышла черезъ часъ, закутанная въ плащъ, на палубу и стала смотрѣть вдаль съ неясными мечтами и надеждами въ душѣ. Къ ея удивленію, къ ней вскорѣ присоединился капитанъ, сталъ ей указывать на красоту южнаго неба, потомъ показалъ при заходящей лунѣ длинную, низкую черную полосу, протянувшуюся между двумя огнями — однимъ краснымъ, однимъ бѣлымъ.

— Это что̀?—спросила она.

— Это Барбадосъ,—коротко отвѣтилъ шкиперъ.—Это Вестъ-Индія.

Странное волненіе охватило Мэри при видѣ новаго міра, къ которому ее увлекла судьба. Съ поразительной быстротой занималась величественная заря, изливая потоки ровнаго свѣта. На востокѣ показались полосы и брызги ослѣпительнаго оранжеваго свѣта, солнце поднялось надъ моремъ, и ошеломляющій переходъ отъ ночной тьмы къ дневному свѣту совершился съ обычной быстротой смѣны дня и ночи на экваторѣ.

Съ первыми лучами солнца на палубѣ появились босоногіе матросы и среди нихъ улыбающаяся фигура негра, который несъ на подносѣ кофе.

— Вотъ кофе, дорогая миссъ, — сказалъ онъ.

Это былъ, конечно, Коко, который, узнавъ объ экспедиціи, упросилъ взять его съ собою. Онъ былъ прикомандированъ къ

кулинарной части, но на самомъ дѣлѣ сдѣлался вѣрнымъ слугой Мэри и часто говорилъ съ ней о ея покойномъ отцѣ.

Онъ теперь плакалъ, подавая кофе, плакалъ отъ радости, что опять вернулся въ свой дорогой Бриджтоунъ, въ страну плантацій сахарнаго тростника.

Капитанъ, отрезвившись послѣ поэтическаго настроенія ночью, сухо попросилъ очистить палубу и заявилъ, что черезъ часъ броситъ якорь.

XXV.

„Странникъ“ бросилъ якорь за полъ-мили отъ берега. Яхту окружилъ на почтительномъ разстояніи цѣлый кругъ маленькихъ шлюпокъ, а къ самой яхтѣ подплыла только небольшая лодка, и изъ нея вышелъ человѣкъ въ мундирѣ, оказавшійся санитарнымъ инспекторомъ. Послѣ предварительнаго опроса, онъ все-таки тщательно выполнилъ свои обязанности, заставилъ всѣхъ показывать языки, щупалъ пульсъ и т. д. По знаку Мэри, шепнувшей что-то на ухо сэру Антони, баронетъ подошелъ къ инспектору, спросилъ, не прибыла ли яхта „Бѣлая Роза“—и, получивъ отрицательный отвѣтъ, спросилъ,—не могла ли она пройти, не подвергаясь санитарному осмотру?

— Это совершенно невозможно! — воскликнулъ инспекторъ, возмущенный подобнымъ предположеніемъ.

Послѣ отплытія санитара, яхту окружили шлюпки съ предложеніемъ услугъ, и даже когда Тони со всѣмъ своимъ обществомъ направился къ берегу въ собственномъ маленькомъ катерѣ, лодки потянулись за нимъ хвостомъ, несмотря на ругательства Коко.

Выйдя на берегъ, Орасъ серьезно освѣдомился у своего дяди, есть ли при немъ заряженный револьверъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Тони.—Я полагаюсь на то, что ты защитишь насъ въ случаѣ надобности.—Орасъ, конечно, тотчасъ же рѣшилъ купить револьверъ и кушакъ, за который его заткнуть, и уже началъ споръ съ матерью, которая соглашалась купить револьверъ, съ тѣмъ, чтобы его не заряжать.

— Нѣтъ, послушай только, дядя!—возмущался Орасъ.—Что за толкъ въ револьверѣ, если онъ не заряженъ? Вотъ женское разсужденіе!

Капитанъ холодно освѣдомился о томъ, когда сэръ Антони желаетъ вернуться на яхту.

— Какъ только вы нагрузитесь углемъ,—отвѣтилъ Тони рѣшительнымъ голосомъ.

— Это будетъ сегодня или завтра,—сказалъ капитанъ. Когда Мэри попросила его, чтобы онъ постарался покончить съ нагрузкой въ тотъ же день, онъ взглянулъ на нее.—Я постараюсь,—сказалъ онъ и исчезъ.

Оксвичъ тоже куда-то пропалъ. Но въ распоряженіи Тони и Мэри остался радостный Коко, который обѣщалъ имъ показать городъ во всей его красѣ.

— Я буду вашимъ вожатымъ,—кричалъ онъ, размахивая руками.—Пойдемте въ „Ледяной Домъ“, тамъ вы позавтракаете крылатой рыбой. Меня тамъ знаютъ. Угостятъ на славу.

Они покорно послѣдовали за негромъ въ пламенѣющій пестрыми красками, кишащій движущимися массами Барбадосъ.

Бѣлые дома подъ деревянными кровлями серебрились въ ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ со своими яркими зелеными шторами на окнахъ подъ куполомъ небесной синевы; сверкающая дорога покрыта была пылью, поднимающейся отъ малѣйшаго вѣтерка, отъ движенія копытъ въ горячемъ воздухѣ. По дорогѣ сновали шумныя толпы, мелькали маленькіе трамваи съ звенящими колокольчиками, шли въ упряжѣ мулы, перевозя тюки колоніальнаго товара, ослы везли яркіе пучки зеленыхъ сахарныхъ тростниковъ, быстро мчались маленькіе экипажи, и сидѣвшія въ нихъ женщины ѣхали со спущенными черными вуалями, чтобы защитить глаза отъ блеска бѣлыхъ коралловыхъ улицъ. Женщины заполняли панель для пѣшеходовъ. Онѣ шли босоногія въ бѣлыхъ платьяхъ и пестрыхъ тюрбанахъ и весело болтали, спѣша куда-то, каждая съ корзинкой на головѣ. Онѣ продавали кокосовые орѣхи, сахарный тростникъ, апельсины, манго, разныя сласти, ананасы, бананы и пряности. М-ссъ Эппльбай все время восхищалась видомъ этихъ женщинъ, державшихся очень прямо отъ привычки носить ношу на головѣ, восторгалась ихъ сверкающими глазами и бѣлыми зубами и завидовала легкости ихъ туалета. Мужчины суетились, погоняли муловъ и ословъ, неустанно болтали и казались статуями изъ металла тамъ, гдѣ ихъ темное тѣло выглядывало изъ-подъ лохмотьевъ. Въ тѣнистыхъ уголкахъ сидѣла толпа праздныхъ людей, жевала сласти, ѣла плоды. Они торговались, покупая питье у торговокъ, глотали кусочки льда, курили трубки и длинныя сигары, смѣялись и болтали. Группы нищихъ стариковъ и дѣтей приставали къ прохожимъ; дѣти съ курчавыми головками и голымъ тѣломъ сновали во всѣхъ направленіяхъ, сидѣли на солнцѣ, лежали и по-своему

наслаждались жизнью. Отъ времени до времени приходили поливать улицу, или появлялись полисмены въ бѣлой одеждѣ и уводили какого-нибудь нищаго въ лохмотьяхъ. Прошелъ священникъ въ черномъ, съ сытой улыбкой на губахъ; проходили разряженные негры и негритянки, мулатки и квартеронки зажиточнаго класса, въ невозможно-пестрыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпахъ и съ зонтиками, въ ботинкахъ на резинкѣ и обвѣшанныя множествомъ украшеній. Воздухъ былъ тяжелый отъ зноя, пыли и разнообразныхъ запаховъ.

Наконецъ, изнемогая отъ жары и шума, путешественники пришли въ знаменитый „Ледяной Домъ", гдѣ дѣйствительно имъ отвели прохладную комнату въ первомъ этажѣ и накормили завтракомъ изъ крылатой рыбы и сладкаго картофеля. Завтракъ этотъ Коко заказалъ необычайно-авторитетнымъ тономъ, громко крича и жестикулируя.

Тотчасъ же послѣ завтрака, м-ссъ Эппльбай заснула отъ изнеможенія, а Мэри вышла на балконъ. Тони вышелъ за ней.

— Ахъ, другъ мой!—сказала она, обернувшись къ нему:— этотъ гамъ и зной совершенно обезсилили меня. Неужели и въ Гренадѣ будетъ то же самое? Скажите: вы дѣйствительно надѣетесь нагнать „Бѣлую Розу" и м-ра Мастерса? Можетъ быть, ихъ уже тамъ нѣтъ. Конечно, я счастлива, что мы поѣхали и что вы взяли меня съ собой. Но наша экспедиція кажется мнѣ порой безумною. Мнѣ чего-то страшно. Я думаю объ отцѣ теперь еще больше, чѣмъ сейчасъ послѣ его смерти. Онъ вѣдь здѣсь бывалъ, зналъ всѣхъ этихъ людей, и мнѣ отъ этой мысли становится еще болѣе грустно. И когда я подумаю о трупѣ бѣднаго Варко, найденномъ подъ поломъ въ комнатѣ этого страшнаго человѣка...

На балконъ вышелъ человѣкъ, передъ которымъ слуга-негръ несъ прохладительные напитки. Онъ сѣлъ за маленькій столикъ. Тони его видѣлъ, но Мэри стояла спиной къ нему. Онъ случайно взглянулъ на Тони, и въ ту же минуту всталъ и ушелъ съ балкона. Чрезъ минуту на балконъ вбѣжалъ Коко, нарушая правила ресторана, не допускавшія присутствія негровъ, за исключеніемъ ресторанныхъ слугъ, въ комнатахъ, предназначенныхъ для бѣлокожихъ. Коко былъ страшно возбужденъ.

— Видѣли его, видѣли?—кричалъ онъ внѣ себя.—Видѣли человѣка, которому подали коктэйль? Вѣдь это капитанъ, миссъ. Мы были у него въ „Обелискъ-Отелѣ". Это онъ, онъ!

Коко наклонился надъ перилами балкона и устремилъ взглядъ на оживленную, шумную улицу.

— Неужели это дядя Вальтеръ?—воскликнула Мэри.

— Ну, да. Это братъ капитана. Вотъ видите, вотъ онъ тамъ проходитъ... Страшно торопится!

Мэри глядѣла по указанію пальца Коко и замѣтила коренастаго человѣка средняго роста, который дѣйствительно быстро направлялся къ порту.

А стаканъ поданнаго ему питья стоялъ на маленькомъ столикѣ нетронутый.

— Это онъ! — проговорила она страннымъ, дрожащимъ голосомъ. — Онъ, конечно, не ожидалъ встрѣтить насъ здѣсь и теперь убѣжалъ.—Она поднялась.—Мы все-таки напали на его слѣдъ,—сказала она.—Теперь нельзя терять ни минуты.

XXVI.

Въ тонѣ Мэри была такая магическая властность, что Тони почувствовалъ себя готовымъ ко всякому подвигу. Прежде, чѣмъ молодая дѣвушка успѣла опомниться, онъ занесъ ногу за перила балкона, ухватился за деревянный столбъ, съ несомнѣнной опасностью для жизни спустился на пыльную улицу и помчался быстро за человѣкомъ, котораго Коко обозначилъ ему какъ Вальтера Поликсфена. Негръ тоже собирался послѣдовать его примѣру, но не рѣшился спуститься по столбу; онъ быстро выбѣжалъ съ балкона, побѣжалъ по лѣстницѣ внизъ на улицу и хотѣлъ тоже помчаться вслѣдъ за Поликсфеномъ, но, къ общему удовольствію толпы, растянулся на пыльной дорогѣ и, поднявшись, уже потерялъ изъ виду и Тони, и человѣка, за которымъ Тони погнался.

Сэръ Антони ясно высмотрѣлъ свою добычу, человѣка, который прошелъ въ скверъ, на минуту скрылся за кустомъ пылающихъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ, промелькнулъ въ тѣни великолѣпныхъ пальмъ и остановился у статуи Нельсона. При этомъ онъ хотя и шагалъ чрезвычайно быстро, но не имѣлъ вида человѣка, за которымъ гонятся. У статуи Нельсона Тони чуть не нагналъ его, но въ это время мимо проѣзжалъ трамвай съ ярко оранжевыми вагонами, и онъ спокойно сѣлъ въ него. Тони не колебался. Онъ погнался за трамваемъ съ твердымъ намѣреніемъ вытащить Поликсфена изъ вагона и подвергнуть его всѣмъ строгостямъ вестъ-индскихъ законовъ. Но все случилось совершенно иначе, чѣмъ Тони представлялъ себѣ въ своемъ пылкомъ воображеніи. Онъ прежде всего такъ неловко вскочилъ въ вагонъ, что наступилъ на ногу кондуктору, вызвалъ его

гнѣвъ, самъ отъ этого нѣсколько отрезвился и сталъ обдумывать болѣе разумный образъ дѣйствій. Онъ увидѣлъ свою добычу въ углу у двери. Предполагаемый Вальтеръ Поликсфенъ сидѣлъ и курилъ папиросу. Въ противоположномъ углу сидѣлъ молодой негръ и сосалъ стебель сахарнаго тростника, а по срединѣ вагона сидѣли двѣ разряженныя дѣвушки, повидимому сестры.

Тони сѣлъ и вдругъ понялъ, что не можетъ напасть на мнимаго убійцу въ вагонѣ трамвая, не можетъ назвать его по имени, обличить въ убійствѣ, потребовать выдачи Филиппа Мастерса и увести его съ собой въ полицейскій участокъ. Вѣроятно, слѣдовало бы такъ поступить, но Тони былъ не на высотѣ положенія, боялся, что все кончится его же посрамленіемъ, тѣмъ болѣе, что у него не было въ карманѣ приказа о задержаніи Вальтера Поликсфена. Стоило бы его врагу сказать, что онъ, Тони, сумасшедшій, чтобы сразу, по крайней мѣрѣ на время, восторжествовать надъ нимъ. Тони рѣшилъ ждать, пока его врагъ сойдетъ съ трамвая, и сидѣлъ, обливаясь потомъ и чувствуя себя не по себѣ послѣ непривычнаго индійскаго завтрака. А мнимый убійца крутилъ папиросу за папиросой и сидѣлъ съ спокойнымъ, улыбающимся лицомъ.

Трамвай выѣхалъ изъ города и шелъ по дорогѣ, окаймленной джунглями сахарнаго тростника, свисающіе, точно отполированные стебли котораго отражали свѣтъ какъ металлъ. Отъ времени до времени попадались группы банановыхъ деревьевъ среди сахарныхъ плантацій или возвышалось подъ чистымъ небомъ прекрасное хлѣбное дерево. Въ большомъ количествѣ попадались вѣтряныя мельницы и слышался шумъ паровыхъ машинъ. Тони становилось жутко. Ему казалось, что онъ оставилъ позади себя цивилизованный міръ и ѣдетъ въ какія-то дебри. Онъ читалъ въ путеводителѣ о томъ, какъ убійцы въ Барбадосѣ прячутъ свои жертвы въ высокихъ сахарныхъ плантаціяхъ, такъ что только обиліе слетающихся на какое-нибудь опредѣленное мѣсто коршуновъ обнаруживаетъ мѣсто преступленія, и съ ужасомъ думалъ объ исходѣ своего приключенія.

Мальчикъ, сидѣвшій въ трамваѣ, вышелъ первымъ, а нѣсколько дальше, передъ маленькимъ домомъ, обросшимъ яркими цвѣтами, вышли, смѣясь и весело болтая, обѣ дѣвушки; онѣ вошли въ домикъ, медленно оглядываясь назадъ. Вслѣдъ за ними тотчасъ же вышелъ предполагаемый Поликсфенъ, а за нимъ и Тони. Трамвай продолжалъ путь и быстро скрылся изъ виду. Тони былъ въ нерѣшительности. Убійца пристально смотрѣлъ на домикъ, въ который вошли дѣвушки, вынулъ записную книжку

и сталъ что-то вписывать. Затѣмъ онъ быстро повернулся къ Тони. Они были одни на жаркой пыльной дорогѣ.

— Простите, сэръ,—сказалъ спутникъ Тони съ медленнымъ американскимъ акцентомъ. — Не будете ли вы столь любезны дать мнѣ спичку?—Онъ говорилъ убѣдительнымъ красивымъ голосомъ, съ чрезвычайно пріятной улыбкой на лицѣ, и глядя на его гладко выбритое нестарое лицо и на его коренастую фигуру, Тони нерѣшительно протянулъ ему спичку, не считая возможнымъ отказать ему въ любезности. Ему казалось, что лицо этого страннаго человѣка дѣйствительно похоже на м-ссъ Оппотери, но все же онъ не былъ въ этомъ увѣренъ.

— Какъ жарко, не правда ли?—непринужденнымъ тономъ замѣтилъ незнакомецъ.

— Да,—согласился Тони, рѣшивъ-было быть крайне осторожнымъ. Но тутъ же, не утерпѣвъ, онъ рискнулъ начать открытую игру.

— Я долженъ съ вами поговорить,—сказалъ онъ.—Я для этого и пріѣхалъ сюда.

— Какъ!—воскликнулъ человѣкъ, котораго Тони уже считалъ вполнѣ своей добычей:—вы причастны къ этому дѣлу? Ну, да, конечно,—продолжалъ онъ, не давъ Тони отвѣтить.—Мнѣ говорили при отъѣздѣ, что я, можетъ быть, встрѣчу товарища изъ „Скотлэндъ-Ярда", но я не зналъ, что къ дѣлу уже привлеченъ „Тибръ".

— О какомъ дѣлѣ вы говорите? — растерянно спросилъ ошеломленный Тони.

— Конечно, о дѣлѣ Поликсфена? Развѣ есть еще какое-нибудь другое?

— Что же вы знаете о дѣлѣ Поликсфена? — проговорилъ Тони.

— Знаю очень недостаточно, — отвѣтилъ незнакомецъ. — Пройдемъ въ тѣнь, я вамъ все скажу. Я занятъ разслѣдованіемъ этого дѣла. Намъ прислали каблограмму изъ Лондона въ Ямайку, о томъ, что предполагаемый убійца уѣхалъ изъ Лондона, нанявъ яхту и имѣя при себѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ и кое-какіе документы. А такъ какъ я уже работалъ въ Денверѣ и Чикаго, прежде чѣмъ перешелъ въ Ямайку, то Тролопъ послалъ меня сюда на встрѣчу яхтѣ.

— Вотъ какъ!—проговорилъ Тони.—И что же, яхта пришла?

— Кажется. Онъ навѣрное уже гдѣ-нибудь теперь на островѣ. Но я еще не могу арестовать его. Вотъ эти двѣ дѣвушки, вышедшія изъ трамвая, тоже замѣшаны въ дѣло. Васъ это уди-

вляетъ? Но это фактъ. Я за ними слѣжу уже цѣлыя сутки. Я увидалъ ихъ на улицѣ съ балкона „Ледяного Дома", и быстро поспѣшилъ за ними, даже не выпивъ мой коктэйль. Некогда думать о себѣ, когда хочешь поспѣть вò-время куда слѣдуетъ. А вы, я полагаю, знаменитый Варко?

Тони не зналъ, чтò сказать, и только отрицательно покачалъ головой.

— Не скрытничайте,—сказалъ незнакомецъ.—Со мной вы можете говорить откровенно. Я сразу увидѣлъ на васъ отпечатокъ Скотлэндъ-Ярда.

— А я... я подумалъ, что вы Вальтеръ Поликсфенъ,—сказалъ Тони, стараясь сохранить суровый видъ.

— Вы приняли меня за...—не докончивъ фразу, собесѣдникъ Тони расхохотался и долго не могъ успокоиться.

— За это,—проговорилъ онъ, наконецъ,—за это вы поплатитесь. Пойдемъ въ полицейское бюро — оно тутъ по близости—и я васъ представлю нашимъ. Мы заставимъ васъ угостить насъ всѣхъ.

Успокоенный упоминаніемъ полицейскаго участка, Тони рѣшилъ, что или Коко совершенно ошибся, или онъ погнался не за тѣмъ человѣкомъ, котораго ему указали. Во всякомъ случаѣ, ничего другого не оставалось, какъ вернуться въ городъ. Спутникъ Тони оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ взялъ у него папиросу, такъ какъ забылъ свой портсигаръ на балконѣ „Ледяного Дома", и среди бесѣды далъ ему кое-какія указанія относительно „Странника", разсказалъ о томъ, что нашли трупъ Варко, и сообщилъ еще много другихъ интересныхъ новостей. Но собесѣдникъ его, сдерживая свое любопытство, далъ ему понять, что лучше отложить главный разговоръ о дѣлѣ Поликсфена до того, какъ они смогутъ говорить въ безопасности въ барбадосскомъ сыскномъ отдѣленіи.

Черезъ пять минутъ они остановились передъ негритянскимъ жилищемъ. Спутникъ Тони купилъ кокосовый орѣхъ, ловко надрѣзалъ его, говоря, что нѣтъ ничего болѣе освѣжительнаго въ этомъ адскомъ климатѣ, чѣмъ кокосовое молоко, но что нужно не класть въ него ледъ, какъ дѣлаютъ иные, а влить немного виски. Вынувъ изъ кармана фляжку, онъ прилилъ виски въ молоко, и когда Тони выпилъ нѣсколько глотковъ, его мнѣніе о незнакомцѣ сильно поднялось.

По дальнѣйшей дорогѣ въ городъ случился еще одинъ инцидентъ. На краю одной сахарной плантаціи стояло дерево манго. Плоды его были еще незрѣлые, кромѣ нѣсколькихъ на самой

верхушкѣ. Подъ деревомъ стоялъ рослый негръ, видимо въ бѣшенствѣ, и его окружало еще восемь, девять негровъ, посылавшихъ проклятія и угрозы кому-то, сидѣвшему наверху.

— Дядя Тони!—раздался вдругъ жалобный крикъ Ораса, и Тони съ ужасомъ узналъ голосъ своего племянника.

— Дядя Тони!—жалобно взывалъ мальчикъ:—я думалъ, что это дикое дерево, и взобрался на него; а вотъ они...

Негры продолжали вопить на своемъ ломаномъ англійскомъ языкѣ, называли мальчика воромъ и угрожали ему расправой.

Незнакомецъ, узнавъ, что мальчикъ родственникъ его собесѣдника, быстро подошелъ къ дереву и сталъ кричать на негровъ; они стали было настаивать на правахъ собственности, но съ испугомъ отступили, когда онъ вынулъ револьверъ и направилъ его на рослаго негра.

— Идемъ въ полицію,—приказалъ незнакомецъ негру.—А вы спуститесь, молодой человѣкъ,—обратился онъ къ Орасу,— и возьмите съ собой одинъ, два плода.

Составилась маленькая процессія, направившаяся вмѣстѣ въ городъ, и Орасъ съ наслажденіемъ ѣлъ плоды, доставшіеся ему чуть было не слишкомъ дорогой цѣной. Онъ въ это утро ничего не ѣлъ, кромѣ крылатой рыбы, сладкаго картофеля, баранины, гороха, апельсинъ въ тонко-зеленой кожицѣ, фигъ, банановъ, и потому аппетитъ его былъ понятенъ. Незнакомца онъ сразу призналъ настоящимъ героемъ, прыгалъ вокругъ него съ восторгомъ и робко попросилъ позволенія осмотрѣть револьверъ, такъ быстро смирившій его врага.

Имъ навстрѣчу попалась м-ссъ Эппльбай, которая сильно тревожилась объ отсутствующемъ сынѣ, обрадовалась при видѣ его, и когда онъ разсказалъ о поразительномъ эпизодѣ съ деревомъ и о томъ, какъ незнакомецъ его спасъ, она не знала, какъ выразить свою благодарность такому герою.

— Мнѣ нужно сначала проѣхать къ пристани,—сказалъ незнакомецъ.—„Рейнъ“ отплываетъ въ часъ, и у меня тамъ кое-какія дѣла. Мы можемъ поѣхать вмѣстѣ,—предложилъ онъ, и предложеніе его было принято. Они направились къ пристани въ большой, неуклюжей колымагѣ, стоявшей у панели, а негръ, которому м-ссъ Эппльбай сунула золотой въ руку, ушелъ, не настаивая на томъ, чтобы идти въ полицію.

XXVII.

Мэри, потерявъ изъ виду сэра Антони и Коко, направилась одна къ пристани и стала тревожно ходить взадъ и впередъ среди суетящейся толпы. Ей приходилось безпомощно ждать Тони, и она могла только сожалѣть о томъ, что сняла мужское платье и не можетъ дѣйствовать активно. Она чувствовала, что Тони не справится съ Вальтеромъ Поликсфеномъ, и безпокоилась о немъ. Она подумала о томъ, куда пропалъ Оксвичъ, но какъ разъ въ эту минуту увидѣла его передъ собою. Онъ видимо искалъ ее и шелъ, возбужденный какимъ-то неожиданнымъ событіемъ. Онъ бросился къ ней, спрашивая, гдѣ сэръ Антони, и сообщилъ ей о томъ, что въ гавань прибыла „Бѣлая Роза"— часъ или два тому назадъ.

— Вотъ она,—сказалъ онъ, указывая на сѣрую яхту съ одной трубой и безъ мачтъ. Мэри чуть не въ слезахъ сообщила ему, что не знаетъ, гдѣ сэръ Антони, и разсказала о происшествіи въ „Ледяномъ Домѣ". Оксвичъ задумался.

— Вотъ что̀, миссъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Если Вальтеръ Поликсфенъ на берегу, то вѣдь можно поѣхать на „Бѣлую Розу" безъ всякой опасности. Хотите, поѣдемъ? Вѣдь, можетъ быть, м-ръ Мастерсъ тамъ. Ну, а если м-ръ Вальтеръ Поликсфенъ какъ-разъ въ отсутствіи, то...

— Поѣдемъ, поѣдемъ, Оксвичъ!—быстро сказала Мэри, и они направились къ пристани. Маленькимъ катеромъ, который привезъ ихъ къ яхтѣ, нельзя было воспользоваться, потому что машиниста не было, но выборъ лодокъ былъ большой; они взяли первую попавшуюся, отогнавъ всѣхъ другихъ конкуррентовъ, и направились къ „Бѣлой Розѣ". Вскорѣ они очутились въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ маленькаго парохода, на которомъ ясно вырисовывалась надпись: „Бѣлая Роза". Лѣстница была спущена. На палубѣ, склонившись надъ перилами, стояла одинокая фигура. Скоро они увидѣли, какъ стоявшій на палубѣ поднесъ къ глазамъ морской бинокль и сталъ разсматривать сидѣвшихъ въ лодкѣ.

И Оксвичъ, и Мэри сразу узнали м-ра Мастерса, и Оксвичъ былъ внѣ себя отъ радости.

— Какое счастье!—воскликнулъ онъ.—Вотъ-то мы обрадуемъ сэра Антони! И, кажется, онъ насъ узналъ, т.-е. васъ, я хочу сказать. Живѣй!—крикнулъ Оксвичъ лодочнику.

Фигура на палубѣ сдѣлала рукой странный жестъ, точно кивая въ знакъ прощанія, и вдругъ исчезла. Оксвичъ былъ увѣренъ, что Филиппъ пошелъ встрѣтить ихъ на лѣстницѣ, но вдругъ, къ ихъ великому удивленію, какія-то невидимыя руки подняли лѣстницу.

— Что это значитъ?—тревожно спросила Мэри.

— Мы скоро узнаемъ, миссъ,—отвѣтилъ Оксвичъ.

Подъѣхавъ къ „Бѣлой Розѣ", сидѣвшіе въ лодкѣ не имѣли возможности подняться на пароходъ, высившійся надъ ними. Лодочникъ сталъ окликать „Бѣлую Розу", но совершенно напрасно. Никакого отвѣта не послѣдовало, а только вблизи отъ лодки изъ отверстія сбоку въ море хлынулъ пущенный съ силой потокъ воды.

— М-ръ Мастерсъ!—громко крикнулъ Оксвичъ, поднимаясь съ мѣста.

Отвѣта не послѣдовало, слышенъ былъ только шумъ выливающейся воды. Лодка медленно объѣхала вокругъ яхты, вокругъ якорной цѣпи, и ничего не добилась. Сколько ни звали и ни кричали, никто не отвѣтилъ имъ. Яхта казалась точно вымершей, заколдованной. Лѣстница была снята, подняться на палубу не было ни малѣйшей возможности.

— Вы увѣрены, что это былъ м-ръ Мастерсъ?—проговорила Мэри съ засохшими отъ волненія губами.

— Совершенно увѣренъ, миссъ.

— Что же теперь дѣлать?

— Приходится вернуться на берегъ и доложить обо всемъ,— сказалъ Оксвичъ со свойственной ему торжественностью.

Когда они прибыли на пристань, то увидѣли передъ собой группу, состоявшую изъ сэра Антони, м-ссъ Эпильбай и Ораса. Орасъ махалъ платкомъ какому-то человѣку, отъѣзжающему съ берега въ лодкѣ. Орасъ тотчасъ же сталъ разсказывать о незнакомцѣ, спасшемъ ему жизнь. Тони, помогая Мэри высадиться на берегъ изъ лодки, съ тревогой спросилъ, гдѣ она была.

— На „Бѣлой Розѣ",—отвѣтила она.

Тони сталъ разсказывать о всемъ происшедшемъ съ нимъ, и на лицѣ его отражалось глубокое смущеніе. Онъ закончилъ разсказъ сообщеніемъ о томъ, что незнакомецъ, котораго Коко ошибочно принялъ за Вальтера Поликсфена, направился теперь на „Рейнъ" и вернется черезъ двадцать минутъ.

— „Рейнъ" вовсе не собирается отплыть, сэръ Антони,— сказалъ Оксвичъ.—Онъ только-что прибылъ. А кромѣ того, смотрите, этотъ человѣкъ вовсе не ѣдетъ на „Рейнъ". Ясно, что

онъ направляется на „Бѣлую Розу". Въ тонѣ Оксвича послышалось несдерживаемое возмущеніе своимъ недальновиднымъ господиномъ.

Собравшаяся на пристани компанія могла убѣдиться, что лодка съ сидящимъ на ней человѣкомъ причалила къ „Бѣлой Розѣ". Затѣмъ „Бѣлая Роза" подняла якорь и спокойно вышла изъ бухты. Въ ту же минуту прибѣжалъ, задыхаясь, растрепанный Коко, дѣйствія котораго были такъ же безплодны, какъ и сэра Антони.

Ихъ ожидалъ еще одинъ ударъ: оказалось невозможнымъ грузиться углемъ. Всѣ рабочіе были заняты. Но поздно вечеромъ сторожевой на палубѣ „Странника" замѣтилъ странное мерцаніе огоньковъ на темной поверхности воды. Къ „Страннику" приближалась лодка. Она подплыла къ лѣстницѣ.

— Кто тутъ?—тревожно окликнулъ караульный.

— Это я,—раздался голосъ.—Я, Мастерсъ.

XXVIII.

На верху лѣстницы стояла бѣлая фигура Мэри. Въ лодкѣ виднѣлись два человѣка, изъ которыхъ одинъ поднялся и осторожно пошелъ на верхъ по ступенькамъ. Мэри протянула руку, и въ ней очутилась рука Филиппа Мастерса. Они прошли на палубу, и она продолжала держать его руку. Нѣсколько минутъ они молча глядѣли въ лицо другъ другу.

— Такъ, значитъ, вы не отплыли на „Бѣлой Розѣ"?—тихо проговорила она.

— Отплыли. Но пришлось вернуться за углемъ.

Они почему-то говорили вполголоса, взволнованными голосами. На палубѣ было темно,—казалось, что все спитъ, кромѣ нихъ, и только свѣтъ изъ прозрачнаго потолка каютъ-компаніи указывалъ на то, что внизу еще не спятъ. Наступило короткое молчаніе. Мэри чувствовала, какъ сильно бьется ея сердце, и думала о томъ, чтò чувствуетъ онъ при этой встрѣчѣ среди таинственной южной ночи.

— Такъ, значитъ, вы убѣжали, — проговорила она, наконецъ.—Я знала, что такъ и будетъ. Но сегодня утромъ...

Она только теперь отпустила его горячую руку.

— Я не убѣжалъ,—проговорилъ онъ.—Я плѣнникъ, отпущенный на честное слово. Я даже не думалъ, что увижу васъ. Я пріѣхалъ къ Тони. Но я такъ счастливъ! Я вижу, что мнѣ

легче сказать все вамъ, чѣмъ ему, хотя я думалъ, что не рѣшусь говорить съ вами... Мнѣ все равно. Главное, что я васъ увидѣлъ. Мнѣ уже не стыдно...

— Чтò это значитъ? Почему вамъ должно быть стыдно?— спросила она.

Онъ разсказалъ ей о разговорѣ съ ея дядей на Темзѣ и объ условіяхъ, на которыхъ онъ спасъ свою жизнь.

— Правда, вѣдь это было преступно съ моей стороны, — сказалъ онъ.—Нельзя было входить въ соглашеніе съ преступникомъ, хотя бы для спасенія жизни.

Но она успокоила его и объяснила, что не ему благодарить ее за снисхожденіе, а что, напротивъ того, она питаетъ безконечную благодарность къ нему, такъ какъ все, чтò онъ испыталъ, было сдѣлано ради нея. Затѣмъ, она стала разспрашивать о своемъ дядѣ.

— Такъ, значитъ, онъ сознался?—спросила она.

— Да, сознался. Но клялся, что убивать брата не хотѣлъ.

— Но вѣдь Варко-то онъ все-таки намѣренно убилъ? А какого вы мнѣнія о моемъ дядѣ?

— У него голосъ такой, какъ у васъ,—и этого довольно,— просто сказалъ Филиппъ.

— Почему вы сегодня утромъ не сказали намъ ни слова? Вы не представляете себѣ, въ какомъ мы были отчаяніи.

— Одного слова было бы недостаточно, — отвѣтилъ Филиппъ.—Вы не могли бы, все равно, попасть на яхту. Онъ отдалъ строгія приказанія на этотъ счетъ, а говорить съ вами, стоя на палубѣ, я не могъ. Кромѣ того, мнѣ стало стыдно: стыдно за то, что я живъ при такихъ условіяхъ и что я почти въ дружескихъ отношеніяхъ съ убійцей. Какъ ни странно, но это такъ. За двѣ недѣли, проведенныхъ вмѣстѣ,—причемъ Поликсфенъ вполнѣ держалъ меня въ своей власти,—мы какъ-то странно сошлись. Я иногда даже забывалъ, что онъ—убійца. Положеніе мое было самое необычайное. Конечно, не будь между нами довѣрчивыхъ отношеній, онъ бы не пустилъ меня сюда, и могло бы случиться еще многое гораздо худшее. Я хотѣлъ быть полезнымъ вамъ, и потому принялъ всѣ его условія для того, чтобы явиться сюда.

— Но какъ вы можете быть полезны намъ,—спросила она,— давъ слово ничего не предпринимать противъ него?

— Конечно, онъ бы ни за что не пустилъ меня, если бы могъ предположить предательство съ моей стороны. И все-таки...

все-таки я, кажется, что-то могу сдѣлать, хотя теряюсь, какъ это объяснить вамъ.

— Объясните — вы знаете, что я въ состояніи многое понять.

— Послушайте, — началъ Филиппъ нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ.—Вашъ отецъ мертвъ, и ничто уже не можетъ его воскресить. И деньги его потеряны, но вамъ онѣ не нужны. Прошлое остается прошлымъ. Неужели же вы—сторонница смертной казни? Я знаю, что говорю странныя вещи, но я все-таки пришелъ съ цѣлью посовѣтовать вамъ оставить въ покоѣ Вальтера Поликсфена. Ну, вотъ, главное и сказано. — Филиппъ тяжело вздохнулъ. — Бороться съ такимъ человѣкомъ, какъ Вальтеръ Поликсфенъ, страшно опасно. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Теперь онъ боится,—боится, не телеграфировала ли полиція отсюда въ Лондонъ. Онъ безумно испугался, встрѣтившись съ вами и Тони въ ресторанѣ. Страхъ и побудилъ его послать меня сюда съ цѣлью убѣдить васъ вернуться въ Лондонъ, навсегда предоставивъ его на волю судебъ.

— Значитъ, ваша цѣль—заботиться объ его интересахъ, а не о нашихъ, господинъ посланникъ?—холодно спросила Мэри.

— Зачѣмъ вы это говорите! — воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Я вѣдь хочу отвратить возможность ужаснаго... возможность новыхъ убійствъ. Помните, что все равно я далъ слово Поликсфену и купилъ жизнь этой дорогой цѣной.

— Поговорите съ сэромъ Антони,—съ усиліемъ выговорила Мэри.—Яхта принадлежитъ ему; я только его гостья.

— Но вѣдь вы тоже поѣхали съ нимъ. Вы захотѣли разыскивать меня?—взволнованно настаивалъ Филиппъ.

— Мысль о яхтѣ принадлежитъ м-ссъ Эппльбай,—сказала она робкимъ голосомъ, но тотчасъ же прибавила болѣе горячо:— Конечно, я хотѣла пріѣхать. Пойдите, поговорите съ сэромъ Антони; онъ одинъ въ салонѣ.

Она провела его до дверей салона, потомъ прошла медленно на палубу и нагнулась надъ перилами, со слезами на глазахъ. Она была глубоко взволнована, сама не разбираясь вполнѣ, были ли ея слезы вызваны радостью или скорбью.

За ней выступила изъ тѣни фигура. Это былъ Коко, назначенный часовымъ на первую половину ночи. Никто другой изъ экипажа не показывался. Коко на минуту посмотрѣлъ на Мэри, видимо что-то сталъ соображать и затѣмъ безшумно и осторожно спустился вслѣдъ за Филиппомъ.

XXIX.

Тони встрѣтилъ Филиппа съ наивной, простой радостью. Человѣкъ съ болѣе сложной натурой почувствовалъ бы въ эту минуту разнородныя чувства.

Но Тони сразу забылъ и ревность къ своему болѣе счастливому сопернику въ чувствахъ Мэри, и глупую роль, которую онъ, Тони, разыгралъ въ этотъ день, и всѣ свои другіе промахи. Онъ видѣлъ только, что Филиппъ, въ поискахъ за которымъ онъ проѣхалъ полсвѣта, теперь передъ нимъ, и внутренно возгордился своей удачей.

— Здравствуй, мой другъ!—весело воскликнулъ онъ.—Вотъ, видишь, я получилъ твое посланіе на блюдѣ—и тутъ какъ тутъ. Ну, разсказывай, разсказывай.

Филиппъ прежде всего попросилъ пить. Тони позвонилъ Оксвича, и когда старый слуга вошелъ, то онъ долженъ былъ употребить всю свою привычку къ самообладанію, чтобы геройски не выговорить ни слова, прежде чѣмъ Филиппъ не обратится къ нему.

— Здравствуйте, Оксвичъ,—сказалъ Филиппъ.—Я радъ, что привелось снова увидѣть васъ.

— Благодарю васъ, сэръ. Я еще болѣе радъ, чѣмъ вы, сэръ.

Сказавъ это, онъ занялся приготовленіемъ виски и соды у сосѣдняго столика. Оба друга попросили сдѣлать имъ смѣсь покрѣпче.

— Я долженъ тебѣ сразу сказать,—началъ Филиппъ, взявъ стаканъ изъ рукъ Оксвича,—что я не остаюсь здѣсь. Я долженъ вернуться, потому что нахожусь только въ отпуску. Пожалуйста, Оксвичъ, еще стаканъ. Вотъ такъ, благодарю васъ.

Онъ въ краткихъ чертахъ передалъ то, что̀ уже говорилъ Мэри, и привелъ этимъ Тони въ величайшій ужасъ.

— Что̀ же дѣлать!—сказалъ Филиппъ:—вѣдь не могу же я нарушить слово?

— Послушайте, Оксвичъ,—воскликнулъ баронетъ внѣ себя. —М-ръ Мастерсъ хочетъ вернуться къ этому негодяю и требуетъ, чтобы мы отказались отъ экспедиціи.

— Я слышу, сэръ, — сказалъ Оксвичъ, — и могу только искренно пожалѣть, что онъ этого требуетъ.

— Но послушайте, Оксвичъ,—сталъ объяснять Филиппъ, обращаясь къ слугѣ, разумности котораго онъ болѣе довѣрялъ, чѣмъ

логикѣ его хозяина.—Вы знаете, что̀ такое Поликсфенъ, и какъ опасно вступать съ нимъ въ борьбу. Сэръ Антони не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета.

— Не будете ли вы любезны, сэръ, сообщить, какова цѣль Поликсфена?

— Добыть спрятанный кладъ. Онъ увѣренъ въ удачѣ.

— Куда же онъ направляется, сэръ?

— Въ Гранъ... ахъ, я забылъ обѣщаніе не говорить...

— Вы какъ-разъ во̀-время остановились, сэръ.

— Помните, что у васъ дамы на яхтѣ.

— Оставить ихъ, что-ли, на берегу?—отвѣтилъ Тони.

— Осмѣлюсь доложить, сэръ,—замѣтилъ Оксвичъ,—что дамы едва-ли согласятся, чтобы ихъ оставили. Къ тому же, я не вижу опасности. „Странникъ" дѣлаетъ добрыхъ двѣнадцать узловъ въ часъ, а „Бѣлая Роза"—только восемь, такъ что находящимся на „Странникѣ" не грозитъ никакая опасность. Если вѣрны тѣ свѣдѣнія, которыя я собралъ, изучая результаты послѣднихъ морскихъ маневровъ, то мы всегда можемъ быть на такомъ разстояніи отъ „Бѣлой Розы", на какомъ пожелаемъ.

— Ну, конечно,—сказалъ сэръ Антони.—Я какъ разъ это и думалъ. Мы всегда будемъ слѣдить за Поликсфеномъ на должномъ разстояніи.

— Ну, знаете,—сказалъ Филиппъ.—Я достаточно изучилъ Поликсфена, чтобы знать его. Онъ перевернетъ всѣ наши планы, обманетъ и васъ, и полицію, если та за нимъ гонится. Знаетъ полиція, гдѣ его искать теперь?

— Ничего она не знаетъ,—сказалъ сэръ Антони, покраснѣвъ отъ воспоминанія о томъ, какъ онъ самъ попался въ просакъ.— Его навѣрное ищутъ еще въ Лондонѣ.

— Похоже на нихъ,—сказалъ Филиппъ.—Но вернемся къ дѣлу: ты рѣшилъ не отказываться отъ твоего предпріятія?

— Конечно, нѣтъ, чортъ возьми!—сказалъ сэръ Антони, быстро взглянувъ на Оксвича, какъ всегда въ трудныхъ случаяхъ жизни.— Пусть себѣ Поликсфенъ добываетъ свое сокровище, а мы будемъ слѣдовать за нимъ повсюду, пока не посадимъ его въ тюрьму.

— Простите, что я осмѣлюсь спросить,—вмѣшался Оксвичъ:— но неужели вы вѣрите этой сказкѣ о кладѣ? неужели въ наше время такой человѣкъ, какъ Поликсфенъ, можетъ серьезно искать спрятанное гдѣ-то сокровище? Если онъ искренно вѣритъ въ кладъ, то значитъ, просто, онъ какъ-то случайно очутился не въ своемъ вѣкѣ.

— Я не вѣрю, но и не отрицаю, — отвѣтилъ Филиппъ, — такъ какъ знаю, что такому актеру, какъ Вальтеръ Поликсфенъ, ни въ чемъ довѣрять нельзя. Но, кажется, онъ дѣйствительно увѣренъ, что найдетъ золотые дублоны и, по-моему, если такой человѣкъ, какъ Поликсфенъ, такъ серьезно ихъ ищетъ и совершилъ съ этой цѣлью нѣсколько убійствъ, то дублоны эти гдѣ-нибудь да есть. Вы не думаете, Оксвичъ?

— Говоря откровенно,—отвѣтилъ Оксвичъ,—не думаю.

— Однако, пора,—сказалъ Филиппъ взглянувъ на часы. — Прощайте. Я возвращаюсь на „Бѣлую Розу“. Я, конечно, счастливъ, что вы рѣшили не уступать, и пріѣхалъ собственно съ тѣмъ, чтобы выяснить мое положеніе относительно васъ. Прощайте, я какъ-нибудь выкарабкаюсь изъ этой исторіи. Мы увидимся, когда это маленькое дѣло будетъ закончено. До свиданья, Оксвичъ,—сказалъ онъ, пожимая руку слугѣ, почти противъ его воли.

Но Оксвичъ, видимо, не хотѣлъ сдаться обстоятельствамъ.

— Послушайте, сэръ,—сказалъ онъ:—вы, я полагаю, знаете, что̀ такое force majeure? Вы хотите вернуться на „Бѣлую Розу“, потому что дали слово этому негодяю. Но слово было дано въ такихъ условіяхъ, когда у васъ не было выбора,—это и называется force majeure, и я читалъ въ „Британской Энциклопедіи“, что такое слово не считается связывающимъ, ни нравственно, ни по закону.

— Нѣтъ, другъ мой, — возразилъ со смѣхомъ Филиппъ, — на вашей сторонѣ то преимущество, что вы читали „Британскую Энциклопедію“, а я нѣтъ. Но я англичанинъ и на такіе компромиссы не пойду.

— Конечно, я такъ и думалъ, сэръ,—возразилъ Оксвичъ,— я не полагалъ, что подобный доводъ изъ „Энциклопедіи“ можетъ васъ убѣдить. Но—сказалъ онъ, обращаясь къ своему хозяину:— есть другого рода force majeure, сэръ Антони, и ей м-ръ Мастерсъ долженъ подчиниться, будь онъ пятьдесятъ разъ англичаниномъ. И я англичанинъ, сэръ. Я говорю о грубой силѣ, о силѣ захвата. Мы можемъ помѣшать м-ру Мастерсу оставить яхту. Мы никакихъ обѣщаній никакому Поликсфену не давали. Мы не звали къ себѣ м-ра Мастерса—простите, сэръ, вѣдь вы знаете, какъ я радъ, что вы явились — и мы можемъ не отпустить его.

— Что̀ за глупости!—воскликнулъ Филиппъ, но сэръ Антони сразу принялъ сторону своего слуги, и они въ серьёзъ схватили Мастерса съ цѣлью запереть его въ курительной комнатѣ.

Филиппъ бѣшено отбивался отъ нихъ, очень прося не ставить его въ глупое положеніе, но они и слушать не хотѣли. Началась серьезная борьба, которой положила конецъ появившаяся въ дверяхъ Мэри Поликсфенъ. Стоя съ блѣднымъ лицомъ, она заявила, что противъ воли м-ра Мастерса удерживать нельзя, что его дѣло рѣшать, остаться ли ему, или вернуться на „Бѣлую Розу". Такъ какъ Филиппъ опредѣленно повторилъ желаніе вернуться, то его отпустили, и онъ ушелъ, выразивъ свою глубокую благодарность Мэри Поликсфенъ. Черезъ пять минутъ стоящіе на палубѣ „Странника" пассажиры увидѣли фосфорическій слѣдъ на водѣ отъ отплывающей лодки.

На слѣдующее утро „Странникъ" нагружался углемъ, и, какъ оказалось, и „Бѣлая Роза" занята была тѣмъ же дѣломъ. Но такъ какъ ей нужно было меньше угля, чѣмъ „Страннику", то она быстрѣе кончила и уплыла. Когда сэръ Антони нѣсколько рѣзкимъ тономъ сообщилъ капитану, что онъ желаетъ идти слѣдомъ за „Бѣлой Розой", то капитанъ сильно обидѣлся тѣмъ, что съ нимъ говорятъ какъ съ кучеромъ, приказывая ему слѣдить за другимъ кэбомъ. Онъ былъ сердитъ также за то, что его не посвящаютъ въ таинственныя дѣла, видимо занимавшія сэра Антони, Мэри и Оксвича. Все это вооружало его противъ собственника яхты.

Передъ снятіемъ съ якоря сдѣлано было странное открытіе. У морскихъ инженеровъ бываетъ особое чутье во всемъ, что относится къ ихъ дѣлу, и въ силу этого чутья служащій на яхтѣ морской инженеръ Ачевгрэй вздумалъ осмотрѣть винтъ. Къ изумленію его оказалось, что винтъ обмотанъ цѣпью такимъ образомъ, что при первомъ движеніи пущенныхъ въ дѣло машинъ винтъ бы сломался, и яхтѣ пришлось бы чиниться въ Бриджтоунѣ не менѣе недѣли, а можетъ быть и цѣлый мѣсяцъ. Но такъ какъ опасность была предотвращена во-время, то черезъ часъ они уже снялись съ якоря.

XXX.

Вальтеръ Поликсфенъ уплылъ на „Бѣлой Розѣ" въ отличномъ настроеніи духа, такъ какъ весело провелъ предыдущій день и обезпечилъ себя отъ опасности на будущее. Капитанъ у него былъ послушный, не то что Четвудъ „Странника". „Бѣлая Роза" была очень чистымъ пароходомъ, пріятнымъ для плаванія, но уже старымъ и, въ сущности, мало годнымъ для далекаго

плаванія. Но почему-то Вальтеръ Поликсфенъ рѣшилъ, что для его цѣли она достаточно хороша. Онъ сидѣлъ за завтракомъ въ каютъ-компаніи вмѣстѣ съ Филиппомъ, дразнилъ его безплодностью его ночной экскурсіи и говорилъ очень рѣшительно и увѣренно, — не подозрѣвая объ ожидающихъ его сюрпризахъ. Первымъ сюрпризомъ было то, что ему привели, послѣ того, какъ они вышли въ открытое море, негра, очень плотнаго и уже пожилого,—и негръ этотъ оказался Коко, котораго сейчасъ же узнали и Поликсфенъ, и Филиппъ. Послѣдній испугался какого-нибудь предательства, а Поликсфенъ съ усмѣшкой спросилъ, не явился ли онъ съ поклонами со „Странника"? Но Коко объяснилъ, что онъ тайкомъ уѣхалъ со „Странника" въ лодкѣ, такъ какъ долженъ сдѣлать важное сообщеніе Поликсфену.

— Говори!—сказалъ Поликсфенъ.

— Простите, сэръ,—пробормоталъ Коко, взглянувъ впервые въ лицо Филиппу,—но я могу сообщить мою тайну только вамъ одному.

— Хорошо, — сказалъ Поликсфенъ. — Поди и вымойся, а тогда приходи говорить.

— Слушаю, сэръ. Простите, что я такой грязный. Я вѣдь грузилъ уголь для васъ съ другими неграми.

Поликсфенъ спросилъ Филиппа, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ явился Коко, и, въ виду полнаго невѣдѣнія Филиппа, высказалъ предположеніе, что, какъ всѣ негры, Коко перебѣжчикъ и пріѣхалъ продавать какія-нибудь тайны.

— Конечно, это глупо съ его стороны,—прибавилъ онъ.— Вѣдь я заплачу ему не по его цѣнѣ, а по своей, и ему не поздоровится.

Филиппъ сообщилъ небрежнымъ тономъ, что „Странникъ" будетъ идти слѣдомъ за „Бѣлой Розой". Онъ сказалъ это съ инстинктивнымъ желаніемъ нарушить счастливое настроеніе Вальтера Поликсфена, но отвѣтъ послѣдняго неожиданно обратился противъ него самого.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ съ невозмутимой веселостью и съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи Поликсфенъ.—Ужъ если они прослѣдили меня въ Вестъ-Индіи, то могутъ узнать и куда именно я направляюсь. Поэтому вчера, во время нашей маленькой экскурсіи на „Странникъ", я кое-что сдѣлалъ, чтобы замедлить отплытіе яхты. Вотъ почему, милый Мастерсъ, я и сопровождалъ васъ туда лично.

— Чтò вы сдѣлали? — воскликнулъ Филиппъ, вскакивая со стула.

Поликсфенъ спокойно объяснилъ ему, какъ онъ обмоталъ винтъ цѣпью, чтобы сдѣлать его негоднымъ къ употребленію.

— Это задержитъ ихъ на недѣльку или на двѣ, — сказалъ онъ,—а тѣмъ временемъ, пожалуй, трудно ужъ будетъ нагнать меня. Но почему вы такъ волнуетесь, другъ мой?

— Вы... — воскликнулъ Филиппъ, поблѣднѣвъ: — вы воспользовались...—онъ не могъ отъ негодованія закончить фразы и быстро вышелъ изъ каюты. Это были послѣднія слова, которыя онъ сказалъ въ своей жизни Вальтеру Поликсфену.

Филиппъ выбѣжалъ на палубу, устремилъ взглядъ на ускользающее изъ вида пятно Барбадоса, и съ безумнымъ отчаяніемъ и въ то же время бѣшенствомъ думалъ о застрявшемъ тамъ въ бухтѣ „Странникѣ". Онъ сдержалъ слово, данное Поликсфену, какъ это ни было трудно, а Поликсфенъ измѣнилъ, поступилъ какъ предатель, надѣясь опозорить Филиппа въ глазахъ друзей. Что подумаетъ Тони—и, главное, она? Конечно, они не обвинятъ его въ соучастіи. Но, все-таки, отвѣтственность его отъ этого не уменьшается. Какъ могъ онъ довѣриться Поликсфену, зная всю жизнь этого убійцы и негодяя, чуждаго всякой мысли о совѣсти! Для него весь этотъ эпизодъ былъ забавнымъ пустякомъ, и онъ, вѣроятно, даже не подозрѣвалъ, что ранилъ Филиппа самымъ чувствительнымъ образомъ. Бѣшенство Филиппа было такое, что онъ готовъ былъ, если бы не инстинктивное отвращеніе отъ убійства, взять Поликсфена и бросить его въ воду,—или же самому броситься въ волны.

Море было спокойно, какъ озеро, и слѣдъ отъ „Бѣлой Розы" тянулся по водѣ, какъ молочная рѣка. Потомъ, изъ капризной архитектуры облаковъ вдругъ полился потокомъ тропическій дождь, и надъ сверкающими синими водами показалась радуга такой ослѣпительной яркости, какой нельзя было представить себѣ и во снѣ; а за нею еще болѣе широкимъ сводомъ протянулась вторая, болѣе блѣдная радуга, и Филиппъ смотрѣлъ на небо, очарованный этимъ дивнымъ зрѣлищемъ... Когда буря пронеслась, солнце выступило съ прежнею яркостью. Вдругъ вдали показался сѣрый дымокъ, и снова надежды Филиппа возродились. Онъ сразу подумалъ, что, можетъ быть, „Странникъ" избѣгъ бѣды и продолжаетъ путь. А черезъ два часа предположеніе его оправдалось. Виднѣвшееся издали судно не старалось перегнать „Бѣлую Розу", а замедлило ходъ съ цѣлью оставаться на нѣкоторомъ разстояніи. Конечно, это былъ „Странникъ". Злой умыселъ негодяя Поликсфена не удался... Но неудача, конечно, не уменьшала негодяйства предателя.

Филиппъ вспомнилъ о Коко и подумалъ о томъ, что̀ могло выйти изъ его разговора съ Поликсфеномъ.

XXXI.

Когда Коко, вымывшись и вычистившись, пришелъ въ каютъ-компанію, онъ засталъ Вальтера Поликсфена одного, и сталъ передъ нимъ, улыбаясь и дѣлая странные жесты руками. Когда, наконецъ, Поликсфенъ сталъ разспрашивать его, въ чемъ дѣло, Коко напомнилъ ему ихъ встрѣчу въ „Обелискъ-Отелѣ", гдѣ онъ присутствовалъ при крупномъ спорѣ покойнаго капитана съ братомъ, и затѣмъ, переходя къ дѣлу, заявилъ, что знаетъ относительно схороненнаго въ водахъ сокровища нѣчто неизвѣстное Вальтеру Поликсфену. На требованіе послѣдняго сказать сейчасъ же, что̀ онъ знаетъ, Коко отвѣтилъ, что выдастъ свою тайну только за опредѣленную цѣну. Поликсфенъ вздумалъ-было пригрозить ему тѣмъ, что насильно заставитъ говорить, но Коко спокойно заявилъ, что для него деньги важнѣе жизни, и что если его убьютъ, то тайна все же останется при немъ. Поликсфену пришлось пойти на уступки. Коко спокойно выговорилъ себѣ награду въ сто фунтовъ и затѣмъ объяснилъ, что сокровище дѣйствительно въ Гранъ-Этанѣ, но не тамъ, гдѣ указано на планахъ Поликсфена, а перенесено въ другое мѣсто, которое извѣстно ему одному послѣ смерти капитана, сообщившаго ему тайну. Коко предложилъ Поликсфену направиться сначала въ то мѣсто, гдѣ онъ предполагаетъ найти сокровище, и если оно тамъ окажется, то ему, Коко, ничего за это не будетъ дано. — Если же сокровища тамъ не будетъ, — сказалъ онъ,—и я вамъ покажу, гдѣ оно, то вы мнѣ дадите за это сто фунтовъ, сэръ...

— Хорошо ты это придумалъ, — сказалъ со злой усмѣшкой Поликсфенъ. — Вѣрно, много ночей не спалъ и придумывалъ!

— Да,—наивно согласился Коко,—много ночей.

— Ну, хорошо, — согласился Поликсфенъ послѣ короткаго молчанія:—мы съ тобой поѣдемъ туда вдвоемъ, и ты покажешь мнѣ дорогу.

— Когда, сэръ?—съ нѣкоторой тревогой спросилъ Коко.

— Завтра утромъ.

— Утромъ? Это хорошо, — сказалъ съ видимымъ облегченіемъ Коко.

— Ну, а теперь уходи, — сказалъ Поликсфенъ. — Я занятъ, и ты мнѣ мѣшаешь.

Филиппъ увидѣлъ Вальтера Поликсфена на палубѣ уже среди дня и не могъ заставить себя заговорить съ нимъ. Поликсфенъ слѣдилъ вопрошающимъ взглядомъ за яхтой, шедшей вслѣдъ за „Бѣлой Розой", направлялъ на него подзорную трубу и нѣсколько времени сомнѣвался. Въ четыре часа дня яхта замедлила ходъ и шла не болѣе чѣмъ на разстояніи одной мили, и уже было совершенно ясно, что это именно „Странникъ". Филиппъ не отводилъ взора отъ „Странника", но ничего не видѣлъ на верхней палубѣ. Казалось, что тамъ нѣтъ ни одного живого существа.

Вскорѣ показалась Гренада, самый красивый изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, и черезъ короткое время все яснѣе и яснѣе вырисовывались горы и долины очаровательнаго острова, болѣе разнообразнаго и дикаго по своей природѣ, чѣмъ Барбадосъ. Вся страна была покрыта богатѣйшей растительностью, ослѣплявшей яркостью оттѣнковъ, багровыхъ и золотыхъ. Среди тропическаго зноя чувствовались безконечная полнота и богатство жизни. Всѣ утесы, поднимавшіеся къ облакамъ, были покрыты зеленью. Ничего голаго, безплоднаго не встрѣчалось взору. По холмистымъ скатамъ, поднимавшимся съ берега, отдѣленнаго отъ моря узкимъ серебристымъ краемъ, высились лѣса кокосовыхъ пальмъ.

Когда яхта подходила къ южнымъ утесамъ острова, на холмахъ показались разсѣянные маленькіе домики, виднѣлись сахарныя плантаціи, мелькали багровые цвѣты, отдѣльныя высокія деревья со сверкающими бѣлыми стволами. Горы разорваны были зіяющими пропастями, по краямъ которыхъ тянулись ползучія растенія съ яркими цвѣтами. Таковъ былъ этотъ островъ. И въ сердцахъ всѣхъ приближавшихся на двухъ яхтахъ таилась мысль о скрытой среди холмовъ тайнѣ. Тамъ сіяли на солнцѣ мертвыя воды горнаго озера Гранъ-Этана, храня свою мрачную тайну.

Передъ наступающими сумерками „Странникъ" вдругъ быстро обогнулъ „Бѣлую Розу", пройдя мимо нея совсѣмъ близко. Филиппъ увидалъ что-то зловѣщее въ этомъ быстромъ молчаливомъ бѣгѣ. Онъ не замѣтилъ ни души на палубѣ, кромѣ дежурнаго офицера на мостикѣ. Яхта скользила по водамъ съ неспѣшнымъ, торжественнымъ видомъ, точно шла навстрѣчу неминуемому року. Такой видъ бываетъ только у кораблей среди водяной пустыни. Филиппъ мучительно хотѣлъ догадаться о томъ, куда она мчится. У него было на одну минуту желаніе бро-

ситься въ море и догнать ихъ, такъ какъ ничто уже не связывало его съ Поликсфеномъ. Но яхта промчалась прежде, чѣмъ онъ могъ выполнить свое намѣреніе.

Поликсфенъ стоялъ на мостикѣ „Бѣлой Розы" и говорилъ съ капитаномъ. Филиппъ замѣтилъ, что „Бѣлая Роза" замедлила ходъ наполовину. Наконецъ, „Странникъ" сдѣлалъ послѣдній узелъ на востокъ отъ Сенъ-Жоржа и медленно исчезъ въ бухтѣ. Тотчасъ же „Бѣлая Роза" пошла полнымъ ходомъ и сдѣлала большой поворотъ къ берегу.

На краю синихъ водъ, подъ сѣнью множества пальмъ лежала деревня Гольява. „Бѣлая Роза" остановилась на милю отъ кучки домиковъ. Раздался приказъ спустить лодку. Филиппъ не представлялъ себѣ, что̀ теперь предстоитъ, и, въ особенности, каково будетъ его участіе въ дальнѣйшихъ событіяхъ ночи. Поликсфенъ спускался съ мостика, и Филиппъ услышалъ жалобный протестъ Коко.

— Не ночью, сэръ!—говорилъ онъ.—Вы сказали, что мы поѣдемъ утромъ.

— Спускайся!—раздалась команда Поликсфена.—Вѣдь я тоже съ тобой ѣду. Не все ли равно, ночью или утромъ?

— Демоны!—стопалъ Коко.

Черезъ минуту лодка отплыла отъ „Бѣлой Розы". Тьма наступила съ быстротой тропической ночи, и прежде чѣмъ лодка достигла берега—и она, и деревня потонули во мглѣ.

Тогда „Бѣлая Роза" снова была медленно пущена въ ходъ и, къ удивленію Филиппа, направилась обратно въ Барбадосъ. Преисполненный внезапнымъ рѣшеніемъ, Филиппъ подбѣжалъ къ мостику.—Куда мы идемъ?—рѣшительно спросилъ онъ капитана Марбля.

— На востокъ, сэръ, на востокъ. Больше я вамъ ничего не могу сказать.

— Такъ вотъ, извольте повернуть и направиться къ Сенъ-Жоржу.

— Невозможно, сэръ: м-ръ Поликсфенъ точно приказалъ мнѣ идти на востокъ и вернуться завтра утромъ для дальнѣйшаго приказа.

— М-ръ Поликсфенъ уже не управляетъ здѣсь, — сказалъ Филиппъ.—Направьтесь въ Сенъ-Жоржъ, или вамъ не сдобровать! —Онъ ухватилъ правую руку капитана въ двухъ мѣстахъ привычнымъ пріемомъ японской атлетики.—Ни слова! — прибавилъ онъ съ угрозой.

— Это другое дѣло, — пробормоталъ капитанъ.—Мнѣ приходится согласиться.

XXXII.

— А теперь дѣлайте съ своимъ пароходомъ, что хотите, капитанъ, — сказалъ Мастерсъ, когда они бросили якорь. Въ маленькой бухтѣ, окаймленной пальмами, стояло множество лодокъ, окружившихъ „Бѣлую Розу“. Въ одну изъ нихъ вступилъ Филиппъ и велѣлъ везти себя на „Странникъ“. По дорогѣ туда лодочникъ указалъ ему еще на одинъ большой пароходъ неподалеку отъ „Странника“, и на вопросъ Филиппа объяснилъ, что это—русское судно.

Черезъ нѣсколько минутъ, Филиппъ Мастерсъ былъ на „Странникѣ“, и прежде всего онъ наткнулся на м-ссъ Эппльбай, которая вскрикнула отъ радости при видѣ его и послала сына, стоявшаго подлѣ нея, за его дядей. Черезъ нѣсколько минутъ, вся компанія собралась вокругъ Филиппа, и Орасъ смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ, какъ на вырвавшагося изъ плѣна Монтекристо, завидуя его геройству и жалѣя только, что Филиппъ не приплылъ къ нимъ по морю, полному акулъ. Пожимая руки друзьямъ, Филиппъ быстро предложилъ спуститься въ салонъ, потому что нужно сейчасъ же принять серьезное рѣшеніе.

— Значитъ, ты все-таки рѣшился не считаться съ Поликсфеномъ?—сказалъ Тони.

— Онъ нарушилъ слово, а не я, — сказалъ Филиппъ. — Послѣ того, какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ о томъ, я былъ свободенъ. Онъ даже не понялъ всю гнусность своего поступка. Надѣюсь, вы не думали...

— Нечего объ этомъ говорить, — прервала его Мэри, покраснѣвъ.—Мы ни на минуту не приписывали вамъ соучастія. Къ тому же, опасность была во-время раскрыта.

— Да и хорошо, что такъ случилось, — прибавила м-ссъ Эппльбай съ улыбкой:—иначе, м-ръ Мастерсъ не былъ бы теперь среди насъ.

— Ну, а теперь ты окончательно ушелъ отъ него,—спросилъ Тони,—и не думаешь вернуться?

— Нѣтъ,—сказалъ Филиппъ,—я хочу отправиться вслѣдъ за нимъ, и надѣюсь, что вы всѣ будете меня сопровождать.

— Куда?

— Въ Гранъ-Этанъ... и въ эту же ночь... Нельзя терять ни минуты.

Онъ сказалъ имъ о бѣгствѣ Поликсфена и Коко, и узналъ

что Коко убѣжалъ со „Странника“, забравъ съ собой револьверъ.

Предложеніе Филиппа отправиться вслѣдъ за Поликсфеномъ и негромъ воспламенило и Тони, который отклонилъ всѣ протесты сестры, испуганной опасностью такой экспедиціи. Всѣ пришли въ волненіе и стали готовиться въ путь. Нужно было прежде всего ознакомиться съ географическимъ положеніемъ острова. Единственнымъ знавшимъ Гренаду былъ капитанъ Четвудъ; но когда ему предложили быть вожатымъ въ экспедиціи, онъ отвѣтилъ, что совершенно забылъ, гдѣ Гранъ-Этанъ, затѣмъ былъ вообще противъ ночныхъ экспедицій, а кромѣ того не желалъ, послѣ исторіи съ испорченнымъ винтомъ, оставлять свою яхту. Пришлось обратиться къ мѣстнымъ лодочникамъ, которые, вообще, были очень падки на деньги; но они ни за какое вознагражденіе не соглашались направиться ночью въ Гранъ-Этанъ, боясь живущаго въ его водахъ страшнаго духа, спеціальнаго ненавистника негровъ. Но Оксвичъ нашелъ выходъ. Онъ выяснилъ, что негры готовы подвезти очень близко къ Гранъ-Этану, къ самой чертѣ, за которой предполагалось присутствіе страшнаго демона, а оттуда уже легко добраться самимъ. Выяснивъ это, Оксвичъ подготовилъ экспедицію, но самъ сказалъ, что останется, чтобы охранять дамъ.

— Конечно,—сказала Мэри,—останьтесь для охраны м-ссъ Эппльбай. А я ѣду съ вами,—прибавила она въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Филиппа. Филиппъ хотѣлъ удержать ее отъ опаснаго предпріятія, но она твердо стояла на своемъ, напомнила Филиппу, что была Джономъ Мередитомъ, и вообще не допускала никакихъ возраженій.

— Вѣдь это безуміе,—проговорилъ Филиппъ.

— Пусть безуміе,—твердо сказала она.

Къ нимъ приблизилась фигура капитана Четвуда.

— Если миссъ Поликсфенъ отправляется, то и я тоже,—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія отплыла, къ отчаянію маленькаго Ораса, котораго лишили случая выказать свое геройство.

XXXIII.

Высадившись на берегу озера, Филиппъ и его спутники увидѣли передъ собой только черныя, непроницаемыя воды и рѣющихъ по воздуху огненныхъ мухъ. Слышались только какіе-то

равномѣрные металлическіе звуки, такіе сильные, какъ удары молота о наковальню. Капитанъ объяснилъ, что это—лягушки, прозванныя кузнецами,—одна изъ особенностей таинственнаго озера. Чтобы вѣрнѣе накрыть тѣхъ, за которыми они устроили погоню, вся компанія рѣшила раздѣлиться на двѣ части и обойти берегомъ озеро, разойдясь въ противоположныя стороны, чтобы сойтись затѣмъ на другомъ берегу.

Раздѣленіе совершилось вполнѣ естественно такъ, что въ одну сторону пошли Тони и капитанъ Четвудъ, а въ другую—Филиппъ и Мэри, причемъ Филиппъ попросилъ Тони быть осторожнымъ и не выстрѣлить нечаянно въ него и Мэри, когда они будутъ подходить къ нимъ,—принявъ ихъ за Поликсфена и Коко.

— Намъ вовсе не улыбается перспектива быть теперь застрѣленными. Не правда ли, миссъ Поликсфенъ?—спросилъ онъ, обратившись къ Мэри, которая съ милой улыбкой кивнула головой въ отвѣтъ на его шутку.

Филиппъ и Мэри пошли быстрымъ шагомъ вдоль берега. Мэри не хотѣла взять Филиппа подъ-руку. Она накинула свой широкій плащъ. Разъ она споткнулась о что-то, лежавшее поперекъ пути. Оказалось, что это былъ только большой пень, и Филиппъ помогъ ей переступить черезъ него...

— Зачѣмъ вы отправились съ нами?—спросилъ онъ.—Это вѣдь дѣйствительно безуміе. Вы такъ настаивали, что я не хотѣлъ удерживать васъ. Но этого не слѣдовало дѣлать.

— Мнѣ нужно было пойти съ вами—вотъ и все. Не могу вамъ объяснить—почему, но ясно чувствую, что нѣчто болѣе сильное, чѣмъ воля и благоразуміе, побудило меня идти. Можетъ быть, я заблуждаюсь, но все-таки...

Продолжая идти, Филиппъ сталъ говорить о томъ, какъ его удивило поведеніе Коко, который думалъ выгодно продать Поликсфену какую-то свою тайну, но навѣрное станетъ жертвой такого хитраго негодяя, какъ Поликсфенъ. Мэри, въ свою очередь, высказала странное предположеніе, что Коко нарочно завлекъ Поликсфена въ глушь обманными обѣщаніями, чтобы погубить его и тѣмъ отомстить за убійство капитана...

— Бѣдный Коко!—проговорилъ Филиппъ.—Если таковы его намѣренія, то онъ погибъ:—гдѣ ему перехитрить Поликсфена!

Вдругъ они оба замолкли, увидавъ издали слабый свѣтъ. Сначала имъ казалось, что это свѣтъ отъ примостившейся гдѣнибудь огненной мухи, но постепенно стало несомнѣннымъ, что свѣтъ исходилъ отъ фонаря. Блѣдный кружокъ свѣта взволновалъ безконечно Мэри,—да и Филиппа тоже, хотя онъ и утвер-

ждалъ противоположное. Этотъ свѣтъ обозначалъ Поликсфена, обозначалъ разгадку тайны Углòваго Дома. Онъ свѣтилъ съ какой-то дьявольской силой. О томъ, что это капитанъ и Тони, не могло быть и рѣчи.

— Останьтесь позади, миссъ Поликсфенъ! — скомандовалъ Филиппъ.—Я одинъ подойду къ фонарю.

Она повиновалась. Черезъ минуту явственно раздался звукъ шаговъ среди пояса деревьевъ, окаймлявшихъ берегъ. Филиппъ и Мэри остановились.

— Кто тамъ?—окликнулъ Филиппъ.

Среди деревьевъ двинулась тѣнь не болѣе чѣмъ футахъ въ десяти отъ нихъ.

У Филиппа забилось сердце—онъ боялся за Мэри.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ еще разъ.

Вдругъ, къ его удивленію, Мэри быстро кинулась отъ него вглубь, порывистымъ движеніемъ сбросила плащъ и раньше, чѣмъ Филиппъ могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, чтò случилось, набросила этотъ плащъ на ту тѣнь среди деревьевъ. Раздался выстрѣлъ, и чей-то голосъ громко выругался въ складкахъ плаща. Затѣмъ плащъ сброшенъ былъ кѣмъ-то на землю, вдали замеръ шумъ быстро удаляющихся шаговъ—и опять все затихло.

— Я увидѣла, какъ сверкнулъ револьверъ, направленный на васъ, и набросила плащъ...

— Это было счастливой мыслью. Вы спасли мнѣ жизнь.

— Вотъ для чего я, значитъ, пошла съ вами. Что-то меня побуждало непремѣнно пойти.

Поднимая плащъ, они нашли въ складкахъ его револьверъ.

— Это револьверъ Поликсфена,—сказалъ Филиппъ, разсмотрѣвъ его.—Его, значитъ, намъ ужъ нечего бояться.

Они пошли осторожно, постоянно оглядываясь назадъ, къ манившему ихъ вдали свѣту. Оказалось, что это былъ фонарь, укрѣпленный на палкѣ, воткнутой въ землю. Поставилъ ли его Поликсфенъ тамъ, чтобы навести на ложный слѣдъ своихъ преслѣдователей, когда онъ замѣтилъ ихъ, или же дѣйствительно это было мѣсто, гдѣ онъ производилъ свои розыски? Филиппъ и Мэри рѣшили подождать друзей, прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ этого вопроса, и они сѣли и долго сидѣли въ тиши, при свѣтѣ луны, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Вдругъ снова раздался слабый звукъ выстрѣла, затѣмъ шорохъ въ темной листвѣ вокругъ нихъ. Мэри вскочила, и лучи луннаго свѣта освѣтили блѣднымъ сверканіемъ ея бѣлый плащъ.

— Оби! — воскликнулъ чей-то безумно-испуганный голосъ,

и изъ-за листьевъ показалось искаженное ужасомъ лицо Коко. Мэри показалась ему роковой богиней негритянской миѳологіи, той, которая управляетъ дождемъ и предсказываетъ смерть. Онъ отшатнулся, побѣжалъ съ криками и стонами на берегъ подъ тѣнь широкихъ пальмъ. Затѣмъ раздался тяжелый всплескъ воды и снова все замолкло, кромѣ металлическаго кваканья и жужжанья огненныхъ мухъ.

Когда пришли, наконецъ, капитанъ и Тони, они застали Филиппа смачивающимъ виски лежащей безъ движенія на землѣ Мэри. Послѣ стольких волненій она лишилась чувствъ. Капитанъ Четвудъ опустился на колѣни рядомъ съ нею. У него были слезы на глазахъ. Мери вступила въ его жизнь какъ лучъ поэзіи. Онъ не зналъ названія любви, но слезы въ его глазахъ были искренними слезами.

Вскорѣ, впрочемъ, Мэри пришла въ себя, и они всѣ вмѣстѣ стали ждать зари, чувствуя себя теперь въ полной безопасности. При утреннемъ свѣтѣ Гранъ-Этанъ показался ихъ взорамъ во всей своей красѣ, окруженный холмами, съ густыми зарослями зелени, съ безчисленными пунцовыми и желтыми цвѣтами. Все вокругъ было тихо. Они усѣлись всѣ позавтракать — запасами, которыми снабдилъ ихъ Оксвичъ.

— Посмотрите, это что̀ такое?—воскликнулъ вдругъ Тони, указывая на что-то черное, высившееся надъ водой какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ стоялъ прикрѣпленный къ шесту фонарь.

Тони первый влѣзъ въ воду, чтобы изслѣдовать обратившій его вниманіе предметъ. Оказалось, что это—уголъ металлическаго ящика, фута въ два длиной и шести въ глубину. Поднять ящикъ Тони не смогъ, потому что онъ былъ прикрѣпленъ кольцомъ и мѣдной проволокой къ чему-то другому на днѣ. Это что-то оказалось вторымъ ящикомъ, прикрѣпленнымъ такимъ же способомъ къ другимъ. Общими силами они стали вытаскивать ящикъ за ящикомъ на берегъ—и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что все это желѣзные ящики извѣстной лондонской фирмы. Такъ какъ открыть ихъ безъ помощи ключа не было возможности, то рѣшили перетащить ихъ на яхту, остановившуюся въ бухтѣ, черезъ деревню Гольяву, чтобы не очень обратить вниманіе на странный новый грузъ яхты.

Въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ мѣста, гдѣ они всѣ стояли, показалась изъ-за пальмъ фигура, подошла къ берегу озера, постояла нѣсколько минутъ и снова скрылась. Всѣ видѣли ясно подошедшаго человѣка и убѣдились, что это ни Поликсфенъ, ни Коко. У него былъ скорѣе видъ иностранца.

XXXIV.

Двое сутокъ спустя, въ ясное тропическое утро, „Странникъ“ собирался покинуть берега Гренады. Капитанъ Четвудъ былъ въ пріятно-возбужденномъ настроеніи. О Вальтерѣ Поликсфенѣ и Коко не было больше слуха, и „Бѣлая Роза“ не появлялась болѣе. По близости отъ Джорджстоуна находилось только русское военное судно „Пелагея“, стоявшее на якорѣ уже при прибытіи „Странника“. А въ это утро капитанъ Четвудъ, стоя на мостикѣ, замѣтилъ, что съ „Пелагеи“ отплылъ маленькій катеръ, на палубѣ котораго стоялъ человѣкъ въ мундирѣ флотскаго капитана. Катеръ направлялся къ „Страннику“, и капитанъ Четвудъ замѣтилъ, что „Пелагея“, которую онъ принималъ за частную яхту, была подъ флагомъ русскаго императорскаго флота. Къ величайшему удивленію, катеръ съ морскимъ офицеромъ подошелъ къ „Страннику“, пожелалъ вступить на его бортъ, затѣмъ передалъ свою карточку, прося сказать сэру Антони Гидрингу и г-ну Филиппу Мастерсу, что онъ проситъ ихъ принять его. На карточкѣ стояло: „Капитанъ Порфирій Платоновичъ Кирсановъ“.

Чрезъ нѣсколько минутъ сэръ Антони и Филиппъ принимали капитана Кирсанова въ курительной комнатѣ и старались представиться,—точно посѣщеніе русскихъ флотскихъ офицеровъ для нихъ вещь самая обыкновенная, хотя, на самомъ дѣлѣ, появленіе капитана Кирсанова ихъ сильнѣ изумляло и даже нѣсколько пугало.

— Я васъ задержу не надолго,—вѣжливо сказалъ офицеръ.— Я долженъ, съ вашего позволенія, предложить вамъ одинъ, можетъ быть, нескромный вопросъ. — Онъ оглянулся, чтобы убѣдиться, что всѣ двери заперты, и придвинулся къ сэру Антони.— Простите меня, прошу васъ еще разъ, если мой вопросъ покажется вамъ нескромнымъ.—Я долженъ васъ спросить о вашемъ грузѣ. У васъ на яхтѣ двѣсти - тридцать - семь стальныхъ ящиковъ. Вѣдь мои свѣдѣнія вѣрны?

— Да,—проговорилъ Тони, покраснѣвъ.—Мы дѣйствительно веземъ съ собой этотъ грузъ.

— Вы принесли эти ящики ночью съ Гранъ-Этана, вынувъ ихъ изъ воды. Это было два дня тому назадъ. Конечно, у васъ были свои причины переносить ихъ именно ночью, и я не стану спрашивать.—Онъ улыбнулся.—Но вы не знаете исторіи этихъ ящиковъ, не знаете, что въ нихъ, какъ они попали туда, гдѣ

вы ихъ нашли, и кому они принадлежатъ. Если позволите, я все это вамъ скажу.

Послѣ настойчивой просьбы обоихъ друзей, капитанъ Кирсановъ закурилъ папиросу, пустилъ струю дыма и началъ свой разсказъ.

— 27 мая,—сказалъ онъ,—я находился на русскомъ броненосцѣ „Ослябя". Было три часа пополудни, вода просачивалась черезъ пробоину одного бока; носовая часть была уже сильно повреждена и броненосецъ сталъ накреняться на бокъ. Ахъ да, я, кажется, не сказалъ, что это происходило въ цусимскихъ водахъ, въ то время, какъ происходила величайшая морская битва. Мнѣ донесли, что два магазина уже затоплены. Вода лилась на бортъ въ огромномъ количествѣ. Я далъ приказъ остановить машины, велѣлъ экипажу оставить судно и отправился къ капитану. Въ это время, лѣвая часть моста наклонилась къ водѣ и палуба приняла вертикальное положеніе. Капитанъ ухватился за перила.—Какая жалость, сказалъ я ему, что вмѣстѣ съ броненосцемъ погибнутъ полъ-милліона имперіаловъ! Никто, кромѣ адмирала, капитана и меня и нѣсколькихъ младшихъ служащихъ морского казначейства, не знали, что на „Ослябѣ" везутся всѣ фонды балтійскаго флота. Казалось, что деньги совершенно въ другомъ мѣстѣ. Къ удивленію моему, капитанъ отвѣтилъ: „Вы ошибаетесь. Я перенесъ всѣ ящики на „Анадырь", три часа тому назадъ". Въ это время на палубу нахлынула волна—море было очень бурное и стоялъ сильный, туманъ—и капитанъ былъ смытъ. Я потерялъ сознаніе и очнулся на слѣдующій день на японскомъ крейсерѣ „Кассуга".

Капитанъ отпилъ немного виски и продолжалъ:

— Можетъ быть, вы помните, что „Анадырь" исчезъ, и послѣ мѣсяца отсутствія вдругъ появился въ Мадагаскарѣ. Всѣ уже думали, что онъ потонулъ. Изъ шести крейсеровъ второго класса онъ одинъ только и спасся. Чтò происходило съ „Анадыремъ" во время отсутствія—знаютъ очень немногіе, а тѣ, кто знаютъ—не все скажутъ. Командиръ его умеръ или убитъ. На немъ произошелъ бунтъ. Встрѣтивъ одну изъ яхтъ, которая шла подъ французскимъ флагомъ для наблюденія за японскимъ флотомъ, экипажъ „Анадыря" перенесъ ящики туда подъ командой нѣсколькихъ тайныхъ революціонеровъ среди экипажа. Но нужно было спрятать ящики на время, такъ какъ грабители знали, что стòитъ переждать нѣсколько времени, чтобы фактъ грабежа могъ быть забытъ, и они могли воспользоваться бы своей добычей. Одинъ шотландецъ, находившійся на яхтѣ, подалъ идею спрятать находку въ Гранъ-Этанѣ, помочь свезти туда и опустить

на дно грузъ, и получилъ за это денежную награду. Среди знавшихъ тайну былъ молодой докторъ Павловскій, который вскорѣ послѣ того погибъ во время безпорядковъ. Чтобы избѣжать преслѣдованія полиціи, онъ переодѣлся жандармомъ на горе себѣ, такъ какъ толпа рабочихъ приняла его за дѣйствительнаго жандарма и избила его до смерти камнями. Это происходило на набережной. Онъ попалъ, умирая, въ шлюпку, принадлежавшую пароходу „Волга", которымъ командовалъ капитанъ Поликсфенъ. Павловскій прожилъ еще двѣнадцать часовъ и сообщилъ капитану Поликсфену разныя тайны революціонной партіи. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ достигли вскорѣ до морского министерства въ Петербургѣ. Сумма, составляющая почти милліонъ англійскихъ фунтовъ стерлинговъ, имѣетъ значеніе для всякаго правительства. Мнѣ поручено было сдѣлать розыски и дана въ распоряженіе для этой цѣли яхта. Я узналъ, конечно, занимаясь нужными развѣдками, о смерти капитана Поликсфена. Послѣ того я отправился сюда, чтобы выждать и посмотрѣть, что̀ сдѣлать. Я не зналъ одного: гдѣ помѣщаются ящики. Вы будете поражены, до чего я освѣдомленъ относительно всего другого,— относительно вашихъ сношеній съ „Бѣлой Розою" и той первоначальной глупости, если можно такъ выразиться, по которой капитанъ Поликсфенъ открылъ свою тайну брату своему Вальтеру.

— Простите,—сказалъ Филиппъ,—но, судя по вашимъ словамъ, капитанъ Поликсфенъ зналъ, кому принадлежали ящики, и, значитъ, хотѣлъ украсть ихъ?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ капитанъ.—Такого намѣренія у него не было. Дѣло въ томъ, что среди революціонеровъ былъ расколъ, и Павловскому удалось склонить капитана Поликсфена на сторону одной изъ двухъ партій. Ему поручено было захватить ящики съ золотомъ, опередивъ представителей второй партіи, затѣмъ провезти ящики въ адріатическій портъ и получить десять процентовъ за свои труды.

— Недурная награда,—сказалъ Тони.

— Та же награда предлагается теперь русскимъ правительствомъ, отъ имени котораго я къ вамъ являюсь. Я увѣренъ въ вашемъ джентльменствѣ, господа, и въ томъ, что никакія политическія симпатіи не ослабятъ въ васъ чувства справедливости, и потому прошу возвратить ящики ихъ законному владѣльцу, т.-е. императорскому флоту, причемъ я уполномоченъ заплатить вамъ за это семьдесятъ-пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Странно,—сказалъ Филиппъ послѣ короткаго молчанія,

19*

переглянувшись съ Тони,—что это предложеніе не было сдѣлано уже давно, черезъ вашего посланника въ Лондонѣ.

— Причина очень простая,—отвѣтилъ капитанъ.—Въ это дѣло замѣшано очень много высокопоставленныхъ лицъ, и потому нельзя было его поднимать оффиціально, чтобы не скомпрометировать разныхъ людей. Я могу представить вамъ довѣрительныя письма и сдѣлаю это, получивъ вашъ отвѣтъ. Я попросилъ бы васъ только дать мнѣ отвѣтъ не позже, чѣмъ черезъ два часа. Если отвѣтъ будетъ соотвѣтствовать моимъ ожиданіямъ, то я передамъ вамъ нѣчто интересующее васъ—ключи отъ ящиковъ, забытые на „Анадырѣ" тѣми, которые перенесли ящики на яхту. Ключи эти у меня. Военное министерство покупаетъ ящики въ Лондонѣ, и, вѣроятно, вамъ не удалось открыть ихъ.

Капитанъ Кирсановъ поднялся и, улыбнувшись, хотѣлъ откланяться, но Филиппъ, которому Тони шепнулъ что-то на ухо, задержалъ офицера. Онъ сказалъ, что они сразу могутъ отвѣтить утвердительно, и имъ не нужно двухъ часовъ, чтобы рѣшить, что они не воры.

Когда Кирсановъ удалился, то оба друга сразу рѣшили, что это послѣднее приключеніе—самое оригинальное изъ всего, что они пережили.

XXXV.

Движеніе по Кингсуэ сильно увеличилось. Лондонцы научились пользоваться этой вновь прорѣзанной улицей, какъ это замѣтили Филиппъ и Мэри въ ясный, солнечный день, когда, по странной случайности, встрѣчающейся, впрочемъ, и въ жизни самыхъ серьезныхъ людей, онъ вдругъ встрѣтилъ ее на улицѣ. Они вернулись въ Англію, приблизительно, за мѣсяцъ до того.

Главная новость, которая встрѣтила ихъ при возвращеніи,—это то, что трупы Вальтера Поликсфена и негра Коко были найдены плававшими на поверхности Гранъ-Этана, но на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого. У Поликсфена засѣла пуля въ затылкѣ, и онъ умеръ не оттого, что потонулъ. На тѣлѣ Коко не было внѣшнихъ поврежденій, и, по мнѣнію врачей, онъ утонулъ. Высказывалось предположеніе, что Коко, открывъ тайну Поликсфену, застрѣлилъ его потомъ сзади. По величайшей ироніи судьбы, Поликсфенъ, обманывавшій цѣлые полъ-вѣка самыхъ умныхъ людей на двухъ материкахъ, сдѣлался въ концѣ концовъ жертвой наивнаго Коко, въ головѣ котораго не могло сразу умѣститься болѣе одной мысли. Открытіе труповъ возобновило

интересъ Лондона къ почти забытому преступленію. Орасъ снова сдѣлался героемъ среди школьныхъ товарищей; мать Ораса была огорчена, а Мэри и сэръ Антони опять подверглись множеству непріятностей. Полиція, которой теперь ничего не оставалось дѣлать въ дѣлѣ открытія преступленія, проявила необыкновенную энергію. Трехъ друзей снова опрашивали, за ними наблюдали, шпіонили, выводя ихъ изъ себя, пока наконецъ департаментъ полиціи не нашелъ болѣе интересныхъ занятій, и дѣло о Поликсфенѣ не отошло въ древнюю исторію.

Осязательными послѣдствіями дѣла были семьдесятъ-пять тысячъ фунтовъ, выплаченныхъ сэру Антони и Филиппу представителемъ русскаго правительства въ присутствіи французскаго губернатора въ Мартиникѣ. Друзья много спорили объ этихъ деньгахъ и въ концѣ-концовъ рѣшили подѣлить ихъ по-ровну между двумя друзьями.

Въ одинъ іюльскій день Филиппъ и Мэри шли, и вдругъ услышали, какъ маленькіе газетчики выкрикивали послѣднее изданіе „Evening Record" и размахивали плакатомъ съ надписью: „Дневникъ Вальтера Поликсфена". Филиппъ купилъ нумеръ, и такъ какъ они очутились какъ разъ передъ чайной, гдѣ было почти пусто, и только прохаживались молодыя продавщицы въ кокетливыхъ кисейныхъ чепчикахъ, то они вошли, сѣли въ углу у мраморнаго столика и Филиппъ раскрылъ газету.

„Evening Record" потратила много денегъ въ Вестъ-Индіи, наняла спеціальнаго корреспондента и въ результатѣ добыла дневникъ, найденный въ карманахъ пальто Вальтера Поликсфена. Корреспондентъ телеграфировалъ отдѣльные отрывки дневника, и въ этотъ день напечатана была первая часть. Филиппъ погрузился въ чтеніе, потомъ нетерпѣливымъ жестомъ отбросилъ газету и пододвинулъ ее къ Мэри.—Прочтите сами, миссъ Поликсфенъ,—сказалъ онъ, подавая ей листокъ, и она прочла:

„Этотъ Мастерсъ наивенъ, но не дуракъ. Дуракъ я, что не убилъ его. Какъ всѣ великіе люди, я способенъ дѣлать великіе промахи. Въ будущія времена, когда то, что называется теперь преступленіемъ, будетъ изучаться на научныхъ основаніяхъ, мое поведеніе въ этомъ поразительномъ дѣлѣ, съ того момента, какъ я увидѣлъ, что мой дорогой братъ мертвъ, будетъ считаться геніальнымъ, опередившимъ свое время. Я слишкомъ рано жилъ. То, какъ я переплеталъ вымыселъ съ правдой, въ передачѣ дѣла разнымъ людямъ, не говоря уже о геніально вымышленной исторіи испанскаго судна, достойно болѣе великой эпохи. Не стоило тратить его на XX-й вѣкъ. Въ XX-мъ вѣкѣ такая геніальность опасна.

„Я чуть не выбросилъ Мастерса вчера за бортъ. Почему я этого не сдѣлалъ? Онъ зловреденъ, онъ внушаетъ мнѣ устарѣвшія чувства. Я только потому не выбросилъ его, что я обѣщалъ ему сохранить жизнь. Чтò за нелѣпое основаніе, Богъ мой!

„Я на секунду потерялъ голову, увидавъ на балконѣ храбраго баронета и ту дѣвчонку. Этого со мной никогда не случалось. Я сразу догадался, что въ ресторанѣ женщина принадлежала къ ихъ компаніи. Недурна собой. Я уже двадцать лѣтъ не влюблялся. Мнѣ всегда нравились полныя женщины.

„Глупо было ѣздить на „Странникъ", но меня это позабавило. Въ концѣ концовъ придется прикончить Мастерса. Самое смѣшное, что мнѣ это будетъ непріятно.

„Негры всюду одни и тѣ же. Не умѣютъ держаться твердаго рѣшенія. Почему оно такъ?

„Дѣтскій гнѣвъ Мастерса, когда я разсказалъ ему объ испорченномъ винтѣ, очень интересенъ психологически. Но по-моему..."

На этомъ обрывался дневникъ.

Газета обѣщала читателямъ дать черезъ двѣ недѣли весь дневникъ безъ сокращенія.

Мэри сложила газету и молча взглянула на Филиппа.

— Какія страшныя опасности вы претерпѣли!—сказала она.

— И какова награда!—возразилъ онъ.

— Что же,—тихо сказала она:—деньги? Развѣ стоило...

Онъ быстро оглянулъ ея траурное платье и затѣмъ осмотрѣлся вокругъ, чтобы убѣдиться, что нѣтъ никого по-близости.

— Дорогая,—прошепталъ онъ взволнованнымъ голосомъ,— простите меня. Когда-нибудь, можетъ быть черезъ годъ, я буду просить еще и о другомъ. Я...—онъ сильно покраснѣлъ и быстро прибавилъ:—Пойдемте.

Она съ ласковой улыбкой взглянула на него, и въ ея движеніяхъ была тихая покорность его волѣ. Пройдя дальше мимо театра „Метрополитэнъ", они увидѣли садившуюся въ автомобиль остановившуюся пару, столь занятую другъ другомъ, что они не замѣтили стоявшихъ на панели.

— Джозефина говоритъ, что покинетъ сцену, когда выйдетъ замужъ за Тони,—сказала Мэри.

— А когда вы думаете вернуться на сцену? — тревожно спросилъ Филиппъ.

— Никогда.

Съ англійск. З. В.

ГЕРЦЕНЪ-ПИСАТЕЛЬ

ОЧЕРКЪ.

Два выдающихся русскихъ писателя-гражданина, съ поразительной силой выразившихъ духовное содержаніе своихъ эпохъ, посвятившихъ себя всецѣло на служеніе народному благу, Радищевъ и Герценъ, сближены посмертною судьбою. Признанные и оцѣненные общественнымъ сознаніемъ, они находились до послѣдняго времени (какъ мѣтко выразился о Герценѣ, еще въ восьмидесятыхъ годахъ, Анненковъ) въ осадномъ положеніи. Свободная оцѣнка ихъ великаго значенія была немыслима. Въ исторіи общества, въ лѣтописи соціально-политическихъ движеній, наконецъ—въ литературной эволюціи, терпѣлись уродливые пробѣлы, и именно въ важнѣйшихъ моментахъ народной жизни. Возможно ли было полное пониманіе восьмнадцатаго вѣка безъ Радищева; достойна ли была своего назначенія исторія новой литературы и соціальнаго развитія безъ такой первостепенной, широко вліятельной силы, какъ Герценъ?

Сила вещей, историческая логика, разрушили наконецъ эту застарѣлую напраслину, и среди новыхъ общественныхъ условій, среди пробужденія и возрожденія, мысль и благодарная память неудержимо понеслись въ даль прошлаго, къ предтечамъ и пророкамъ запросовъ и стремленій современности. Съ горячностью, легко объяснимою вырвавшимся, наконецъ, на волю глубоко залегшимъ сочувствіемъ, ростетъ теперь литература, посвященная изученію жизни и дѣятельности обоихъ, еще недавно опальныхъ, писателей, въ особенности—Герцена. Но слишкомъ много упущено, сложная работа—впереди; изъ умножающихся біографическихъ матеріаловъ, переписки, воспоминаній, должно еще создаться жизне-

описаніе, способное показать во весь ростъ близкаго къ нашей порѣ подвижника мысли и многострадальнаго его предшественника, вольнодумца екатерининскихъ временъ. Еще не собрано и не обнародовано все, что̀ входило въ составъ ихъ дѣятельности. Сама она должна вызвать разнообразныя изученія. Ея общественные, политическіе, литературные, философскіе корни, — подлинная сущность того символа освободительной вѣры, который выставленъ былъ ими послѣ борьбы, исканій, послѣдовательныхъ переходовъ,—многогранная разносторонность обоихъ дарованій, въ которыхъ сила слова и художественность образовъ и формъ, доходящая у Герцена до геніальнаго блеска, встрѣчаются съ зрѣлостью политическаго мыслителя, съ отвагой обличителя, сатирика, съ призваніемъ руководящаго публициста, — все это должно стать предметомъ пристальнаго изслѣдованія.

Въ кругъ такихъ работъ, среди которыхъ каждая попытка освѣтить ту или другую сторону дѣятельности и значенія Радищева или Герцена имѣетъ, казалось бы, достаточное оправданіе, входитъ настоящій этюдъ о Герценѣ, какъ писателѣ. Въ великомъ публицистѣ и общественномъ дѣятелѣ, въ постоянной связи съ его учительною ролью, раскрывался художественный талантъ первой величины. Опредѣлить его свойства и особенности, прослѣдить его ростъ и развитіе, обобщить замѣчательные результаты, имъ достигнутые, будетъ цѣлью работы. Напоминая и освѣщая подлинные факты, она можетъ способствовать тому, чтобы за Герценомъ закрѣпилось, на-ряду съ выдающимися русскими писателями новаго времени, такое же почетное мѣсто въ области литературной, какое неотъемлемо признано за нимъ въ области политической мысли и общественнаго подвижничества.

I.

Сложна, богата всякими вліяніями и возбужденіями, была обстановка дѣтства и отрочества Герцена, ставшая фономъ его первыхъ писательскихъ опытовъ. Едва остывшія впечатлѣнія кризиса 1812 года встрѣтились въ ней съ потрясающимъ дѣйствіемъ возстанія 14-го декабря и казни пяти декабристовъ,—французскій складъ родного дома и отцовское вольтерьянство съ нелегальной поэзіей Пушкинскаго типа и Грибоѣдовской комедіей,—поглощаемые съ жадностью разсказы m-r Bouchot о первой французской революціи съ возмущавшимъ душу зрѣлищемъ крѣпостничества. Когда на смѣну ранняго, безсистемнаго дѣтскаго чте-

нія, въ которомъ среди чувствительныхъ героевъ Огюста Лафонтэна или Коцебу и многихъ десятковъ пьесъ „Русскаго Өеатра" очаровывала своей граціей и остроуміемъ „Свадьба Фигаро" и доводилъ до слезъ своей страшной развязкой „Вертеръ",—выступили новые боги, вдохновители совершавшагося пробужденія, Шиллеръ, Руссо, Плутархъ, воображеніе создавало стройные міры гражданской доблести, свободолюбія, идеализма, тогда какъ окружавшая жизнь, даже въ ближайшихъ ея слояхъ, даже въ ложной постановкѣ личной судьбы мальчика, давала уроки неравенства, сословности, нетерпимости, несправедливости. Необыкновенно воспріимчивый къ фактамъ дѣйствительности и твореніямъ фантазіи, горячій въ увлеченіяхъ и сочувствіяхъ, удивлявшій свидѣтелей его роста порывами независимости и проницательности, онъ рано испытывалъ стремленіе облекать свои думы въ литературную форму, мучимый порою, по свидѣтельству Т. Пассекъ [1]), несовершенствомъ ея, охлажденіемъ на письмѣ „истиннаго горячаго его чувства". Наброски, разсужденія, разборы, восторженныя переложенія изъ любимыхъ авторовъ, — первые опыты его пера, сохраненные лишь въ памяти его и немногихъ близкихъ,— прологъ къ дѣятельности писателя. Руссо, прочтенный начиная съ „Contrat social", во всѣхъ главныхъ его сочиненіяхъ среди уединенія и лѣсного затишья помѣщичьяго „Эрменонвилля" надъ Москвой-рѣкой, „Разбойники", „Философскія письма", „Донъ-Карлосъ", „Валленштейнъ", Гётевскія „Wahlverwandschaften", — все влекло къ изученію, разбору, углубленію въ сущность поэтическихъ созданій, и *философская* статья 1829 года о „Валленштейнѣ", написанная въ Васильевскомъ наканунѣ университета и вспомнившаяся потомъ, на огромномъ разстояніи лѣтъ, и Герцену, и Пассекъ, была только нагляднымъ, выпуклымъ выраженіемъ раннихъ писательскихъ стремленій.

„Идеи древняго республиканизма", которыми „бредилъ" съ 1827 года, пятнадцати лѣтъ, восхищенный читатель Плутарха, вѣрившій, что снова „взойдетъ звѣзда плѣнительнаго счастья",— школа свободы и равенства, въ которой его выдерживалъ Руссо,— обаяніе Шиллеровскихъ героевъ, то Карла Мора въ его борьбѣ съ старымъ строемъ, то Позы въ его самоотверженіи гражданина, — боевой задоръ французскаго романтизма, и особенно Гюго,—иронія Жанъ-Поля и Гофмана—не внушали никакого примиренія съ дѣйствительностью. Но люди, нравы, общественныя отношенія старой Москвы, барской среды, рабствующей де-

[1]) Изъ дальнихъ лѣтъ. Томъ I, 1878, стр. 279.

ревни,—та часть этой дѣйствительности, которая доступна была наблюденіямъ юноши, — не вызывали его, еще писательски неопытнаго, на литературный трудъ обличителя и проповѣдника; не закрѣплялись они вообще на письмѣ, но навсегда сложились, въ выдающихся своихъ чертахъ, въ арсеналѣ его памяти, съ ярко обрисовавшимися лицами, подлинными рѣчами. Имъ предстояло наполнить собой рано, еще въ началѣ ссылки, задуманные Герценомъ автобіографическіе очерки, чтобы въ окончательной ихъ редакціи, первой части „Былого и Думы", воплотиться въ поражающей своею правдой и, въ то же время, художественной формѣ.

Идеалы и реальныя противорѣчія, мечты и власть книги, уроки современности и первыя, сильныя впечатлѣнія точной науки, протестъ противъ стараго строя и запросъ мысли на освобождающія соціальныя ученія, сопоставляются во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ развитія юноши. Неожиданныя вѣсти объ іюльской революціи, показавшейся началомъ всеобщаго освобожденія человѣчества, и о польскомъ возстаніи, поднимая въ небывалой степени политическій лиризмъ, встрѣчаются съ сильнымъ вліяніемъ „Химика", увлекавшимъ къ изученію естествознанія, какъ единой положительной основы для работы ума, и осуждавшимъ литературные вкусы и сочувствія, — и съ обаяніемъ случайно узнанной и съ благоговѣніемъ усвоенной соціальной системы, манившей рѣшеніемъ всѣхъ насущныхъ общественныхъ вопросовъ, — сенъ-симонизма. Сложный составъ литературныхъ, политическихъ, научныхъ, соціальныхъ возбужденій, передавшійся отъ Герцена небольшому товарищескому кружку, — сплотившемуся около него въ университетѣ, обособляясь отъ господствовавшихъ эстетико-философскихъ вкусовъ молодежи, — и прежде всего Огареву,—былъ великимъ преимуществомъ. Немногимъ изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей прошлаго вѣка, даже изъ писателей-вождей, выпадалъ онъ на долю. Такого богатства и разнообразія ранняго умственнаго развитія не знали Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; — Грибоѣдовъ, Веневитиновъ, В. Одоевскій, испытали смолоду такое соединеніе художественныхъ влеченій, философской мысли, науки, общественности.

Во время расцвѣта этой всесторонней умственной работы Герцена-юноши, какъ будто не было вовсе мѣста для дальнѣйшихъ успѣховъ писательства. Но за обязательными въ университетской практикѣ письменными трудами, или за кандидатскимъ разсужденіемъ объ историческомъ развитіи Коперниковой системы, скрываются побѣги и отростки литературнаго дара, который глубоко залегъ въ натурѣ Герцена. Немногое уцѣлѣло или случайно

нашлось въ наше время, но несомнѣнны типичность и талантливость этихъ юношескихъ работъ. На захваченной при арестѣ Герцена, въ 1834 г., и теперь лишь извлеченной изъ архива Третьяго-Отдѣленія статьѣ „28-ое января“ [1]), посвященной защитѣ Петровской реформы и изображенію нравственной личности Петра, лежитъ печать горячей ораторской рѣчи въ студенческомъ кружкѣ, на тему, въ ту пору уже возбуждавшую оживленный обмѣнъ мнѣній. Статья о Гофманѣ, появившаяся въ печати лишь въ 1836 г., въ „Телескопѣ“, но написанная въ 1833—34 г. для альманаха, задуманнаго В. Пассекомъ, наоборотъ, даетъ любопытный образецъ этюда-характеристики, посвященнаго писателю, долго сохранявшему обаяніе на русскихъ цѣнителей литературы, казавшемуся всему поколѣнію Бѣлинскаго чуть не міровымъ геніемъ. Въ Герценовскомъ изображеніи Гофмана тщательно выписанъ легендарный рисунокъ. Загадочная, демоническая фигура въ ея ночныхъ бдѣніяхъ среди берлинскаго погребка; „фантазія, не знающая предѣловъ“; образъ человѣка, который „пишетъ въ горячкѣ, блѣдный отъ страха, трепещущій передъ своими вымыслами, съ всклокоченными волосами“. Біографическій матеріалъ, конечно, призанятъ, но надъ компилятивной частью работы поднялась уже живая характеристика. Противоположность рѣзко очерченной и независимо проявляющейся личности съ мѣщанской неподвижностью и нетерпимостью обрисована выпукло. Остроумныя выходки, даже стилистическія вольности, предвѣщающія свободу и оригинальность „Герценовскаго слога“, придаютъ очерку особое оживленіе (весь конецъ статьи, гдѣ толпятся оживленныя дѣйствующія лица Гофмановскихъ причудливыхъ сказокъ, полонъ этихъ вольностей). Превратившись впослѣдствіи въ журнальную статью, юношескій опытъ того, кому суждена была, среди разнообразія его литературнаго достоянія, слава блестящаго эссеиста, возбудилъ въ немъ охоту связать съ характеристикой творца „Кота Мурра“ рядъ такихъ же этюдовъ о современныхъ нѣмецкихъ писателяхъ. „Можетъ быть, на досугѣ поговоримъ и о другихъ прозаикахъ Германіи“,—заканчивалъ свою статью Герценъ. Обѣщаніе не было исполнено, быть можетъ, уже потому, что единственный органъ, въ которомъ его можно было исполнить, „Телескопъ“, былъ закрытъ, но значеніе юношеской работы, сохранившей и среди сложнаго духовнаго процесса, переживавшагося въ періодъ ссылки, свою возбуждающую силу, остается неоспоримымъ.

---

[1]) Напечатана М. К. Лемке въ іюльской книгѣ „Былого“, 1907.

Первое проявленіе творческой способности Герцена отдѣлено и отъ подобныхъ критическихъ опытовъ, студенческихъ рефератовъ, научно-популярныхъ разсужденій, и отъ увлеченій страстнаго протеста противъ старой жизни—кризисомъ внезапной грозы, разгрома кружка, разрыва дружескихъ связей, освященныхъ единствомъ идеаловъ и цѣлей,—и личной неволи. Тюремное заключеніе, допросы, разслѣдованія, врывавшіяся въ заповѣдный душевный міръ, раскрывали не въ отвлеченныхъ представленіяхъ о страданіи за идею, но въ тяжкой реальности житейскаго факта—участь свободомыслія и независимости. Въ арестантской камерѣ Крутицкихъ казармъ, на окраинѣ родного города, свидѣтеля всей его молодой, теперь разбитой жизни, въ смутномъ ожиданіи ссылки, въ которой такъ часто пропадали тогда такіе же, какъ онъ, отщепенцы, предшественники Герценовской группы, развился въ широкихъ размѣрахъ самоанализъ заключеннаго. Мысль клокотала и билась. Но надъ его возбужденіемъ и протестомъ, словно геній-покровитель, склоняется участливая, любящая, обаятельная въ кротости своего страдальчества, тѣнь кузины Наташи и своей вѣрой и мистической мечтой смягчаетъ остроту переживаемаго потрясенія. Встрѣчная любовь еще не зарождалась въ немъ; свиданія облечены меланхолическою прелестью, — но все сильнѣе становится токъ, идущій отъ непосредственной, самоотверженной, не испытавшей затѣйливаго развитія, гуманной и тепло вѣрующей дѣвушки на ея гонимаго, негодующаго друга. Этотъ токъ преодолѣетъ потомъ пространства и преграды, будетъ дѣйствовать и вдохновлять во все время ссылки Герцена, когда между ними заляжетъ необъятная полоса земли, лѣсà и долы допотопныхъ захолустій, болота и топи человѣческаго невѣжества и несчастія.

Въ рукахъ Герцена, послѣ Вольтера, Руссо, Сенъ-Симона, очутились любимые его сестрой благочестивые авторы, житія святыхъ и подвижниковъ,—и на первой извѣстной намъ его работѣ, на „Легендѣ о святой Ѳеодорѣ", лежитъ отпечатокъ этихъ чтеній. Какъ Радищевъ, чье тюремное сидѣнье такъ же связано съ временнымъ подъемомъ религіозной мысли,—въ „Повѣсти о Филаретѣ Милостивомъ",—Герценъ останавливается не на дѣяніяхъ аскетическаго изувѣрства; его привлекла печальная поэзія долгаго, непонятаго, невиднаго душевнаго подвига, за которымъ скрывается трагедія разбитой личной жизни. Вмѣсто гнѣвныхъ рѣчей, естественныхъ въ его положеніи, слышится выдержанная, полная ὀбразовъ и напряженной, почти драматической жизни, повѣсть изъ раннихъ временъ восточнаго монашества. Возвеличенъ, окруженъ ореоломъ, образъ страдающей, оклеветанной

женщины, спасшейся изъ царства грѣха и страстей въ строгую тишину мужской обители и не пощаженной людскимъ злословіемъ. Мысль видимо пытается сосредоточиться на отраженіяхъ дальняго прошлаго; на минувшей жизни съ ея вѣрой и душевнымъ свѣтомъ она ищетъ отдыха отъ золъ современности. Это — не удѣлъ Герцена, какъ писателя; изъ перваго опыта не разовьется живучаго и художественно сильнаго мистическаго направленія. „Реальная натура моя взяла верхъ. Мнѣ не суждено было подниматься на третье небо; я родился совершенно земнымъ человѣкомъ“,—говорилъ о себѣ впослѣдствіи Герценъ [1]), вспоминая, какъ въ ссылкѣ онъ еще дальше продвинулся, казалось, на пути къ мистицизму. Но признаки подобныхъ влеченій продержались у него въ теченіе бо́льшей части ссылочнаго періода, проявляясь даже въ такихъ опытахъ фантастики, грезъ и видѣній, какъ небольшой очеркъ „Фантазія“ [2]), гдѣ выступаетъ Духъ Жизни, гдѣ слышится его бесѣда съ ангеломъ, гдѣ появленіе на землѣ чистой, непорочной дѣвической души обставлено таинственными указаніями судьбы.

Внесенная извнѣ, подъ личными и временными вліяніями, въ духовную жизнь боевой натуры съ ея влеченіями къ реальной-дѣятельности, струя мистики не въ состояніи была преодолѣть основного склада и тона писательства Герцена. Въ первомъ же ея проявленіи, „Легендѣ о св. Ѳеодорѣ“, словно невольно сопоставились оба начала, даже въ слогѣ, въ пріемахъ разсказа. Тамъ, гдѣ переложеніе житія вступаетъ въ свои права, гдѣ авторъ отгадываетъ душевныя движенія своей страдалицы-героини или суроваго подвижника, настоятеля монастыря, духъ первоначальнаго монашества, обставляя драматизмъ событій призрачной картиной знойнаго Востока, чувствуется артистическая дѣланность, предвзятость тона; слогъ часто напыщенъ, отягченъ метафорическими украшеніями („Сильна и пламенна молитва преступника, какъ потокъ каленаго металла, бросаемаго изъ огнедышащаго жерла къ небу. И не для грѣшника ли создана молитва?.. Праведному — гимнъ“, и т. п.). Но легендѣ предпослано вступленіе, идущее отъ лица разсказчика-арестанта, въ рамкѣ Москвы тридцатыхъ годовъ и собственной его судьбы, сохранившее, какъ въ вѣрномъ свѣтописномъ снимкѣ, одинъ изъ выдающихся по настроенію моментовъ его „Тюрьмы“. Ка-

---

[1]) Былое и Думы, I, гл. XVI, 352 (женевск. изд.).

[2]) Напечат. впервые въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1895, IX, „Юношескіе литературные труды Герцена“.

раульный офицеръ позволилъ заключенному, грустно бродившему внутри казарменной ограды, подняться на тотъ ея выступъ, откуда открывается, съ обрѣза Крутицъ надъ рѣкой, широкая, живописная панорама Москвы. Въ сильномъ волненіи всходитъ онъ на вышку, — „и чуть крикъ восторга не вырвался изъ его груди“; онъ не можетъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища. Краски любимаго пейзажа сливаются со всѣмъ пережитымъ и теперь разрушеннымъ, природа съ воспоминаніями; святыя минуты чистыхъ восторговъ, нѣмая боль скуки, буйныя вакханаліи“,—все встало теперь въ памяти. Протяжный звукъ колокола, донесшійся внезапно съ стройной башни Симонова монастыря, заставилъ мечтателя обернуться,—и „все перемѣнилось“. Повѣяло печалью уединенія, далекой стариной преданій; вспомнилось, что въ оградѣ обители „лежитъ юноша, который такъ много зналъ въ своей короткой жизни“ (Веневитиновъ); какъ будто напросилось сравненіе его участи съ своей судьбой... Это—автобіографическія страницы; мѣсто имъ—въ будущихъ „Быломъ и Думахъ“, слогъ колоритный, естественный, искренній. Связь между вступленіемъ и легендой лишь условная. „Возвратившись въ мою горницу, я вспомнилъ всю блестящую эпоху монастырей; живо представились мнѣ эти люди съ пламенной фантазіей и огненнымъ сердцемъ, которые проводили всю жизнь гимнами Богу“,—говоритъ молодой авторъ. „Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія креста, для искупленія человѣка—казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности; ея нѣтъ больше, и она невозможна теперь“. Чтобы „забыть нашъ вѣкъ“ и „переселиться въ эти времена тихаго созерцанія“, онъ приступаетъ къ пересказу легенды.

Когда настала ссылка, четыре года жесткой школы жизни, неизбѣжнаго и безотраднаго изученія быта, нравовъ, устоевъ стараго строя, тягостнаго прозябанія среди чиновничьяго царства или странствій по глухимъ инородческимъ краямъ,—дали богатый бытовой матеріалъ, который при такихъ же условіяхъ, десятилѣтія два спустя, сдѣлали другого невольнаго обитателя вятскаго края, Салтыкова, сатирикомъ. Среди этой грубой пересадки изъ міра мечтательнаго, идеальнаго, книжнаго, въ пучину хищничества, наживы и тьмы, казалось, не будетъ простора для мистическихъ грезъ. Но съ родины льется тихій свѣтъ Наташиной кротости и вѣры, и ея письма становятся любящей нравственной проповѣдью, тогда какъ, незатронутая вятскимъ омутомъ, привлекаетъ, чаруетъ своимъ благородствомъ и гордымъ

терпѣніемъ многострадальная личность Витберга, религіознаго мечтателя-зодчаго, съ высотъ художественной славы незаслуженно брошеннаго въ изгнаніе. Чѣмъ былъ Витбергъ съ первыхъ же мѣсяцевъ появленія Герцена въ Вяткѣ для его возбужденной, не перебродившей, неустойчивой натуры—говоритъ необыкновенно прочувствованная, безконечно благодарная ему переписка наполовину освободившагося ссыльнаго съ Витбергомъ, продолжавшимъ нести свой крестъ. „О, какъ я прижалъ бы васъ къ груди моей,—писалъ ему въ 1838 году Герценъ изъ Владиміра,— какъ пролилъ бы вмѣстѣ слезу! Вѣдь тогда, въ 1835 г., я, слабый, неокрѣпнувшій, въ вашемъ объятіи нашелъ опору отца"...

Въ усиленно развившемся въ ссылочные годы писательствѣ Герцена, являвшемся для него прибѣжищемъ, смягченіемъ душевной тревоги, должны были отразиться разнородныя вліянія. Мистическій элементъ, поддержанный двумя дорогими ему людьми, постоянно сталкивался съ грубыми уроками жизни, раскрывавшими тяжелую, позорную дѣйствительность, въ лицо которой неудержимо хотѣлось бросить укоръ, протестъ. Наблюдательность, достойная настоящаго нравоописателя, бытового романиста, проявлялась въ широкихъ размѣрахъ; рисунки съ натуры плодились, превращаясь въ планы повѣстей и романовъ; они встрѣчались съ замыслами этнографическихъ очерковъ, въ которыхъ предполагалось описывать казанскій, пермскій, вятскій край. Въ чтеніяхъ Герцена за это время, какъ показателѣ развитія его вкусовъ, происходило такое же смѣшеніе интересовъ и возбужденій. Оно засвидѣтельствовано вполнѣ перепиской съ Наташей. Отъ символизма той литературы, къ которой влекло его вліяніе Витберга, отъ легендъ, поэтической мистики, евангельскихъ завѣтовъ, онъ переходитъ къ мірскимъ, земнымъ вопросамъ, къ литературнымъ фактамъ и направленіямъ, отвѣчавшимъ его прежнимъ общественнымъ интересамъ, его художественнымъ сочувствіямъ. Его показанія отмѣчаютъ любопытныя въ этомъ смыслѣ отклоненія. Въ тонѣ и пріемахъ „Записокъ молодого человѣка" онъ признаетъ вліяніе Гейне, котораго онъ „съ увлеченіемъ читалъ въ Вяткѣ". Ни Гофманъ, ни Жанъ-Поль, не утратили и теперь своего обаянія на Герцена. Не только въ различныхъ освѣщеніяхъ самаго мотива изгнанія, ссылки (наприм., въ очеркѣ „Вторая встрѣча"), но и во многихъ мѣстахъ переписки видно изученіе Дантовской Божественной Комедіи [1]), На-

[1]) Переписка съ Н. А. Захарьиной, Соч. Герц., Спб. 1906, VII, стр. 13, 23, 24, 92 и др.

таша сравнивается съ Беатриче, Витбергъ—съ Виргиліемъ. Наряду съ Дантомъ вятскія письма выдвигаютъ значеніе Шекспира, особенно „Гамлета", и даютъ живую характеристику героя этой трагедіи. Строгое къ себѣ позднѣйшее сравненіе писемъ Наташи, полныхъ искренности, задушевности, простоты, съ слогомъ собственныхъ писемъ изъ Вятки, въ которыхъ „рядомъ съ истиннымъ чувствомъ — ломаныя выраженія, изысканныя, эффектныя слова,—явное вліяніе Гюго и французскихъ романистовъ", говоритъ о завлекательномъ дѣйствіи французскаго романтизма. Переписка подтверждаетъ это частыми ссылками на Гюго, разборомъ „Notre Dame de Paris" и оцѣнками отдѣльныхъ моментовъ или характеровъ этого романа, цитатами изъ Альфреда де-Мюссе, съ которымъ сближается собственное настроеніе („l'abîme est immense, et la tache est au fond") и т. д. Изученіе „Promessi Sposi" Манцони, наставшее во Владимірѣ, внесло новую черту въ этотъ широкій кругъ литературныхъ интересовъ. Не замерли и соціально-политическіе интересы, хотя Тюфяевскій чиновникъ сенсимонистъ въ своихъ мечтательныхъ построеніяхъ облагороженнаго, свободой просвѣтленнаго строя соединялъ еще соціальный прогрессъ съ религіозной основой. Очевидно, не было, даже въ началѣ ссылки, сплошного, односторонняго перевѣса въ сторону Витберговскаго направленія. Самообразованіе, развивавшее прерванный изгнаніемъ нормальный процессъ, шло безостановочно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что одному изъ вліяній, вдохновлявшихъ Герцена къ религіозному идеализму, — заочному дѣйствію Наташи,—пришлось сослужить большую службу его мірскому писательству. Откликаясь сочувственно на происходившій въ немъ самоанализъ, вызывавшій къ себѣ на судъ увлеченія, ошибки, проступки прежнихъ лѣтъ, она поддержала своимъ совѣтомъ и частыми напоминаніями высказанное имъ намѣреніе записывать свои воспоминанія, раскрывать факты, мысли, испытанія, не щадя страстей и слабостей, не смущаясь переходомъ воспоминаній въ исповѣдь. Позади была краткая, молодая жизнь, но въ ней такъ много уже было пережито, внесена была такая напряженная работа мысли, столько „человѣческихъ документовъ" наслоилось на судьбѣ ссыльнаго. Такъ, современемъ, въ самомъ началѣ перелома къ сознательной жизни, Левъ Толстой испытаетъ непреодолимое желаніе выяснить по свѣжимъ слѣдамъ душевную исторію свою въ послѣдовательномъ ходѣ возрастовъ, „Дѣтствомъ" и „Отрочествомъ" начиная разсказъ о своихъ „четырехъ эпохахъ".

Автобіографическія работы ссылочнаго періода, отчасти сохранившіяся, разнообразны, но еще отрывочны; связный разсказъ не складывается. Мысль переходитъ отъ одной формы воспоминаній или записокъ о недавно прошедшемъ, даже текущемъ времени, къ другой. То пишется очеркъ „Дитя", и въ немъ всплываетъ дѣтство съ его ненормальной семейной обстановкой; то въ отдѣльныхъ набросках дѣлаются характеристики поразившихъ воображеніе „встрѣчъ" съ выдающимися людьми: въ одной изъ нихъ — первый портретъ того „германскаго путешественника", который въ „Запискахъ молодого человѣка", съ приданными ему чертами Чаадаева, выведенъ подъ именемъ Трензинскаго; въ другой — силуэтъ ссыльнаго поляка, встрѣченнаго Герценомъ въ Перми и сильно подѣйствовавшаго на него беззавѣтной преданностью народному дѣлу; въ третьей — образъ Витберга. Задумывается и во Владимірѣ пишется очеркъ, гдѣ сгруппировались бы люди старшаго поколѣнія: Дмитріевъ, Жуковскій, Витбергъ, съ которыми судьба въ разное время сводила Герцена, давая имъ вліять на его участь (въ особенности Жуковскій съ его заступничествомъ), съ выразительнымъ титуломъ: „i Maestri". Раннія предвѣстія „Былого и Думъ", эти автобіографическія попытки, уже вызываютъ въ немъ чувство удовлетворенія. „Первые опыты прямо разсказывать воспоминанія о моей жизни удачны",— пишетъ онъ Нат. А. Захарьиной,— и это не самообольщеніе. Въ разсказѣ о встрѣчахъ съ польскимъ изгнанникомъ Цѣхановичемъ уже сказываются мастерская лѣпка характеровъ и сосредоточенный драматизмъ, возбуждающій взволнованное настроеніе и сочувствіе;— тѣ же пріемы, которые дали въ главномъ Герценовскомъ произведеніи такіе выдающіеся эпизоды, какъ характеристика эмигранта Станислава Ворцеля и разсказъ о его смерти. „Встрѣча" въ переработанномъ видѣ вошла въ „Былое и Думы" (томъ I, гл. XIII), но первоначальная передача, быть можетъ, еще рельефнѣе обрисовываетъ во всемъ ея грустномъ величіи фигуры одинокаго, не поддающагося безпросвѣтной своей долѣ, изгнанника съ его воспоминаніями о молодости, повѣстью страданій и героической выносливостью. Его образъ вырѣзывается еще выразительнѣе на фонѣ губернской жизни, сытой, невѣжественной, грубой; картина большого обѣда въ провинціальномъ высшемъ свѣтѣ, остроумные рисунки съ натуры, портретъ всеобщаго любимца, нѣмца-доктора, позорно растерявшаго всѣ свои медицинскія знанія, или моряка-фанфарона съ невѣроятными разсказами о своихъ океанскихъ приключеніяхъ, предвѣщаютъ уже очеркъ губернской жизни въ „За-

пискахъ молодого человѣка", — а поодаль виднѣется одинокая фигура ссыльнаго, блуждающая по пустынному полю у городской черты съ вѣчной своей думой, наклоняющаяся по временамъ къ травѣ, чтобъ собирать скудные сѣверные цвѣты; вѣдь ему все стало чуждо, кромѣ природы; „онъ съ нею вдвоемъ, и они понимаютъ другъ друга".

Личныя черты нельзя, кажется, не отгадывать и въ другихъ литературныхъ замыслахъ изъ вятской поры, хотя имъ предполагалось придать прямо беллетристическую форму. Таковъ планъ повѣсти,—затѣмъ даже романа,—надписанной многозначительно: „Тамъ". Въ ея главномъ лицѣ авторъ, повидимому, хотѣлъ произнести строгій судъ надъ неустойчивостью своею, надъ способностью, подъ вліяніемъ страсти и увлеченій, поддаваться соблазнамъ повседневной жизни и морали,—надъ той способностью, которой онъ не пощадилъ и въ наиболѣе интимныхъ признаніяхъ „Былого и Думъ", за время ссылки. Герой повѣсти—„человѣкъ, одаренный высокой душой и маленькимъ характеромъ; въ минуту размышленія отряхиваетъ прахъ земли, и въ слѣдующую платитъ дань всѣмъ предразсудкамъ, оттого что слабъ характеромъ, согнутъ, подавленъ толпой". Самоосужденіе, дошедшее до преувеличенія своихъ слабостей и проступковъ, очевидно сближаетъ этотъ романическій замыселъ съ другимъ, возникшимъ послѣ отъѣзда Герцена изъ Вятки, но тѣсно связаннымъ съ разыгравшейся въ ней печальной исторіей его „отношеній къ Медвѣдевой (скрытой въ напечатанномъ текстѣ „Былого и Думъ" подъ буквой *Р.*), — съ той повѣстью, которая, перенеся подлинную фабулу въ Екатерининскія времена, доводила покинутую женщину до смерти, а измѣнившаго ей и женившагося на другой—до сумасшествія, отъ котораго онъ исцѣляется, когда „его жена, идеалъ кротости и самоотверженія, испытавъ все, повезла его, въ одну изъ тихихъ минутъ, въ Дѣвичій монастырь и бросилась съ нимъ на колѣни передъ могилой несчастной, прося прощенія и заступничества. Изъ оконъ монастыря достигаютъ слова молитвы, тихіе женскіе голоса поютъ объ отпущеніи, — баричъ выздоравливаетъ" [1])... Повѣсть вышла плоха, признается Герценъ.

Но судъ надъ собой совпадалъ съ горячими проявленіями недовольства окружающимъ; насмѣшка, иронія въ его изображеніи снова находила поддержку въ вліяніи Гейне. „Не думай, чтобы я былъ грустенъ элегически,—писалъ Герценъ Огареву.—

[1]) „Былое и Думы", томъ I, гл. XXI.

Я здѣсь потѣшаю публику пасквилями и эпиграммами, но замѣтилъ ли ты, что улыбка губъ Гейне скрываетъ печаль,—улыбка губъ, а не сердца?“ [1]) Эти колкія выходки, конечно, впервые давшія волю Герценовскому остроумію, способному нѣсколькими словами пригвоздить предметъ насмѣшки къ позорному столбу, не дошли до насъ, точно такъ же, какъ написанная во Владимірѣ обличительная повѣсть „Его превосходительство“, съ сюжетомъ „отвратительнымъ“, по свидѣтельству самого автора. Но отъ автобіографическихъ опытовъ, отъ счетовъ съ обществомъ и сатирическихъ вспышекъ возродившаяся снова и все шире развивавшаяся писательская работа изгнанника переходила къ инымъ темамъ, въ которыхъ отражались склонности и стремленія захватившаго его мистическаго повѣтрія. „Это — повѣсть „Студентъ“, задуманная въ приподнято, болѣзненно-фантастическомъ духѣ, еще напоминающемъ манеру Гофмана, выдающая въ самомъ планѣ намѣреніе сопоставить силы бытія и разрушенія, жизни и смерти (студентъ-медикъ, пораженный въ анатомическомъ театрѣ красотой женскаго трупа, отдаетъ всѣ силы на борьбу за людей противъ смерти, пытается открыть жизненный эликсиръ и умираетъ полу-безумнымъ старикомъ въ сознаніи, что часъ великаго открытія уже близокъ). Это—аллегорическая „Фантазія“, обставившая появленіе на свѣтъ чудной дѣвичьей души, „сестрицы“, необыкновенной таинственностью; это — замыселъ повѣсти на Дантовскій мотивъ „Границы ада съ раемъ“, — и стихотворные опыты. „Я пишу стихи, вотъ новость“,—сообщаетъ онъ 1 октября 1838 г. Витбергу; въ его воображеніи „бродитъ поэма *Даніилъ во рвѣ львиномъ*“, а уцѣлѣвшіе сценаріи драматическихъ опытовъ „Лициній“ и „Вильямъ Пеннъ“, повидимому, служатъ переработкой ранней стихотворной редакціи этихъ произведеній (о „Вильямѣ Пеннѣ“ Герценъ и говоритъ сначала въ перепискѣ, какъ о своей „поэмѣ“, вспоминая потомъ о „безжалостномъ убійствѣ“ ея, превращенной въ драму, Бѣлинскимъ, осудившимъ ея слогъ, „рубленую прозу на манеръ стиховъ“). Но въ мистическихъ замыслахъ сказывается къ концу вятскаго періода все сильнѣе переходъ въ религіозно-соціальную область; запросы и глубоко запавшіе общественно-политическіе интересы требуютъ себѣ выраженія; „земную“, „реальную“ натуру невозможно бы задержать въ туманной, набожной грезѣ,—черезъ посредствующую степень христіанскаго демократизма она выходитъ

---

[1]) Анненковъ, „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., III, 130.

на широкую соціальную арену; пророкъ общественнаго возрожденія, открывшій московскимъ друзьямъ Герцена путь къ спасенію, Сенъ-Симонъ, религіозной окраской своего ученія могъ только содѣйствовать этому переходу; мысль неустанно работала въ этомъ направленіи; „еще года два послѣ—говоритъ Герценъ—я былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ евангелія и Жанъ-Жака, на манеръ французскихъ мыслителей въ родѣ Леру" [1]).

Въ отрывочномъ ли (сохранившемъ, однако, нѣсколько сполна выписанныхъ, отдѣланныхъ діалоговъ) видѣ „римскихъ сценъ", сберегшихся въ бумагахъ Пассекъ [2]), или въ сценаріѣ пьесы о Лициніѣ, основой служитъ переломъ отъ языческой культуры не только къ христіанству, какъ вѣрѣ, но и какъ откровенію братства, человѣчности, свободы духа. Печальныя рѣчи умирающаго Лицинія, полныя разочарованія и безнадежности, предвидятъ гибель стараго міра. Апостолъ Павелъ, появляющійся съ своей проповѣдью освобожденія на пути похоронной процессіи Лицинія, чудесно оживляетъ его, и воскресшій идетъ за нимъ на служеніе народу, отрекаясь отъ всѣхъ связей съ прежнею жизнью, — и народное ликованье сливается съ зловѣщимъ ропотомъ, гнѣвомъ и доносами ея приверженцевъ и охранителей, предвѣщающими гоненія и казни. Въ идейно связанной съ этимъ раннимъ прологомъ пьесѣ, изображающей самоотверженно гуманный подвигъ Вильяма Пенна, который осуществляетъ на „свѣжей, дѣвственной почвѣ Америки идеалъ братской общины", — наконецъ, въ эпилогѣ, на могилѣ Пенна, гдѣ должны были сойтись въ поклоненіи его праху Вашингтонъ, Франклинъ и Лафайэттъ, выступаетъ своеобразное соединеніе религіозной думы, даже вѣры въ чудесное, съ запросами освобожденія и братства. Неразработанные сценаріи обѣихъ пьесъ, выдержавшіе позднѣйшій строгій судъ автора, перепечатывавшіеся наравнѣ съ лучшими, зрѣлыми его произведеніями, сохраняли для него значеніе показателей пережитого момента развитія; въ нихъ, говорилъ онъ, „виденъ остатокъ религіознаго воззрѣнія и путь, которымъ оно переработалось не въ мистицизмъ, а въ революцію, въ соціализмъ".

Необыкновенная возбужденность литературныхъ замысловъ, безпокойно роившихся въ воображеніи, уступаетъ, къ концу

---

[1]) „Меня въ коммиссіи обвиняли въ сенъ-симонизмѣ", писалъ Герценъ въ 1835 г. Наташѣ; „я не сенъ-симонистъ, но вполнѣ чувствую многое съ ними. Нѣтъ жизни истинной безъ вѣры". Соч. Герц., Спб. 1906 г., VII, 9.

[2]) Изъ дальнихъ лѣтъ, томъ II, 71—86.

ссылки, мѣсто опредѣленному плану работы, на которой сосредоточится все сильнѣе проявляющійся писательскій даръ. Она неотдѣлима отъ того „лирическаго“ періода, въ который вступила любовь, изъ таинственной симпатіи двухъ „родныхъ душъ“, двухъ обездоленныхъ существованій, перешедшая въ сильное чувство, съ томленіями, тоской, грезами, драматизмомъ похищенія и гармонической развязкой въ свѣтлой владимірской идилліи. Изъ пережитаго, передуманнаго возникаетъ, въ уровень съ новымъ складомъ личной жизни и его мягкими вліяніями, мысль о большомъ трудѣ, передъ которымъ должны отступить всѣ хаотически возникавшіе проекты поэмъ, драмъ, романовъ, романтическихъ „фантазій“. Въ немъ опредѣленно выступаютъ двѣ основы. Съ одной стороны, это долженъ быть реально-правдивый разсказъ о русскомъ бытѣ, идущій отъ человѣка, которому привелось спуститься до самаго дна дореформенной трясины; это будетъ рядъ подлинныхъ бытовыхъ картинъ, Герценовскіе „Губернскіе очерки“ или главы изъ обширнаго нравоописательнаго романа. Съ другой стороны, снова выдвигается характеристическое у Герцена стремленіе къ автобіографіи, исповѣди. Вмѣсто разрозненныхъ набросковъ изъ ранней поры, говорившихъ то о дѣтствѣ, то о знаменательныхъ „встрѣчахъ“, должна начаться связная, оживленная лицами, типами, рѣчами, повѣсть о быломъ и недавнемъ, съ фактами и помышленіями изъ личной жизни,—вмѣстѣ и исторія своего времени, и лѣтопись собственныхъ „faits et gestes“. Это—вторая редакція перваго отдѣла „Былого и Думъ“, — „Записки одного молодого человѣка“.

Оставшіяся тоже фрагментомъ, напечатанныя лишь по настоянію Бѣлинскаго, пораженнаго жизненностью картинъ и талантомъ разсказа въ довѣренной ему другомъ рукописи, онѣ—несомнѣнно серьезное проявленіе сложившагося художественнаго дара.

„Мнѣ пришлось въ молодости испытать отраду стариковъ: перебирать былое и, вмѣсто того, чтобъ жить въ самомъ дѣлѣ—записывать прожитое. Дѣлать нечего! я, вздохнувши, принялся за перо, но едва написалъ страницу, какъ мнѣ стало легче; тягость настоящаго дѣлалась менѣе чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживалъ самъ съ прошедшимъ... Цѣлая часть жизни окончена; я вступилъ въ новую область; тутъ другіе нравы, другіе люди; почему же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? почему не проститься съ нимъ побратски, когда оно того стоитъ?.. Моя тетрадка будетъ надгробнымъ памятникомъ доли жизни, канувшей въ вѣчность“. Сби-

раясь „съ восхищеньемъ пережить еще свои 25 лѣтъ", вызывая воспоминанья „выходить изъ гроба", чтобъ онъ могъ „каждое прижать къ своему сердцу и съ любовью положить опять въ гробъ", авторъ „Записокъ" освобождаетъ ихъ отъ покаяннаго тона, свойственнаго различнымъ „Признаніямъ"; онъ испытываетъ вмѣстѣ съ Гёте (въ „Zueignung" къ первой части „Фауста") сладостное волненіе при видѣ слетающихся къ нему снова „schwankenden Gestalten", и попытается ихъ задержать. Но растроганность и ласка къ былому не украсятъ его наперекоръ правдѣ. Съ первыхъ же сценъ, въ которыхъ, съ подстановкой вымышленныхъ именъ, оживаютъ барство Яковлевскаго дома, впечатлѣнія пробуждающейся дѣтской души, характеры изъ обступавшей ее дворовой и учительской братіи, любимый учитель-семинаристъ, кузина Темира,—выдержано сочетаніе мягкихъ, душевныхъ тоновъ съ общей правдой изображенія среды и времени. Психологія ребенка, отрока, передана, задолго до Толстовскаго „Дѣтства", съ удивительной непосредственностью и простотой. Искры юмора освѣщаютъ разсказъ; насмѣшливость, веселость, не переходитъ въ сатирическое раздраженіе; ничто ее не остановитъ, не охладитъ,—такъ остроумно-шаловливая картинка героическаго и сентиментальнаго міра, въ который романы уносили фантазію мальчика, отвлекая его отъ таинства французской грамматики,—приводитъ выросшаго питомца къ рѣшенію непремѣнно разыскать въ Мецѣ m-r Бушо и доказать ему, что съ тѣхъ поръ онъ преуспѣлъ въ наукѣ стиля,—„какъ бы только онъ не поторопился на тотъ свѣтъ!—восклицаетъ онъ;—впрочемъ я и туда поѣду; мнѣ очень хочется путешествовать".

Немногія страницы, посвященныя юности, замѣняютъ свободно выдержанный тонъ беззаботной веселости горячимъ и восторженнымъ возбужденіемъ идеализма; увлеченія „гражданской добродѣтелью" великихъ мужей древности, культъ Шиллера, недолгая измѣна ему ради Гёте и страстное возвращеніе къ истинному „поэту юношества", вводятъ уже въ преддверіе студенческой поры. Товарищеская, кружковая жизнь, подъемъ политической мысли, кризисъ, „тюрьма и ссылка", должны были заполнить собой дальнѣйшія тетради „Записокъ". Безслѣдно исчезнувшія послѣ приговора цензора, которому показалъ рукопись Бѣлинскій, — приговора, признавшаго ихъ „совершенно невозможными", онѣ образовали пробѣлъ, шутливо объясненный въ печатномъ текстѣ вымысломъ о „черной quasi-датской собакѣ, имя же ей Пултусъ", которая, играя съ рукописью, выдрала изъ нея—далеко не худшія мѣста. Но когда разсказъ возобно-

вляется, складъ, тонъ и пріемы его снова измѣнились. Бытовой романистъ вступаетъ въ свои права. Еще Гоголевскій городъ N. не появлялся на сцену, а Малиновъ (Вятка) Герцена уже подготовляетъ ему почву. Школа „Ревизора“ и петербургскихъ повѣстей Гоголя научила кажущемуся благодушію насмѣшки, освѣщающей патріархальное царство сна, застоя и варварства. Портретная галерея провинціальныхъ сановниковъ, сцены большого обѣда, губернаторскаго пріема, бала, физіологическій очеркъ нормальнаго дня малиновцевъ, выдержанныя въ этомъ духѣ, иногда повторяя мотивы второй „Встрѣчи“, шире и тоньше развитыя теперь, найдутъ въ свою очередь полное, мастерское примѣненіе въ бытовомъ фонѣ „Кто виноватъ?“. Но порой, когда сквозь смѣхъ прорывается не Гоголевскій слезный юморъ, а иронія, поддержанная примѣромъ Гейне (самъ Герценъ указываетъ именно на „Reisebilder“), внезапно приподнимется завѣса и покажется страдающее лицо прикованнаго къ постылой жизни изгнанника.

Эпизодъ съ посѣщеніемъ Трензинскаго въ его культурномъ деревенскомъ оазисѣ, введенный въ „Записки“ изъ другой „Встрѣчи“, отклоняетъ разсказъ въ сторону современныхъ тогда споровъ о значеніи Гёте, и обрываетъ на этой сторонней темѣ нить сатиры. Она осталась рядомъ фрагментовъ,—но на этомъ заключительномъ твореніи Герценовской молодости, несмотря на переходы въ опредѣлявшихъ его настроеніяхъ, отъ свѣтлой веселости къ патетизму, обличенію, гражданской скорби, лежитъ преобладающій отпечатокъ еще не отлетѣвшей „юности и свѣжести“, который поразилъ Герцена, когда послѣ многихъ лѣтъ онъ напалъ въ Британскомъ музеѣ, въ старой книжкѣ журнала, на слѣдъ своей ранней литературной работы. Когда съ возникавшими уже „Былымъ и Думами“, сопоставились изъ далекаго прошлаго разсказы и очерки „Записокъ“ на ту же тему, онъ не смогъ ввести ихъ въ раму новаго повѣствованія. „Утреннее освѣщеніе *Записокъ молодого человѣка* не идетъ къ моему вечернему труду“,—заявляетъ онъ, и, признавая, что въ нихъ было „много истиннаго, много и шалости“, онъ оставилъ за ними право существовать отдѣльно, возлѣ великаго произведенія зрѣлыхъ лѣтъ, какъ живому отголоску невозвратной поры.

II.

„Во Владимірѣ оканчивается лирическій періодъ нашей жизни“,—говоритъ Герценъ, подводя рѣзкими, крупными штри-

хами итоги пережитого. „Далѣе—трудъ, успѣхи, встрѣчи, дѣятельность, широкій кругъ, далекій путь, иныя мѣста, перевороты, исторія... далѣе—дѣти, заботы, борьба... еще далѣе—все гибнетъ... Съ одной стороны, могила, съ другой—одиночество и чужбина"... Подъ общими, многосодержательными формулами—„трудъ, успѣхи, дѣятельность, исторія"—примѣненными дѣятелемъ общественнымъ для характеристики главнаго періода своей жизни, какъ будто пропадаетъ, со всѣми своими богатыми задатками, работа художника слова. На дѣлѣ именно въ періодъ возврата и возрожденія, который смѣнилъ собою скитальческіе, опальные годы, въ *русскій* періодъ дѣятельности Герцена, когда неодолимыя преграды мѣшали человѣку, который такъ ясно сознавалъ, что его истинное „призваніе—трибуна, форумъ" [1]), осуществлять дѣло публициста, политика, вся сила, гибкость, разносторонность литературнаго дарованія служила двойную службу художественности и идейной проповѣди. Неопытный авторъ этюда о Гофманѣ становится вскорѣ выдающимся журнальнымъ дѣятелемъ, эссеистомъ, популяризаторомъ, критикомъ, къ рѣчамъ котораго, какъ къ пропагандѣ Бѣлинскаго, вскорѣ чутко прислушивается весь русскій читающій міръ; опыты бытовыхъ картинъ и сатиры „Записокъ молодого человѣка" даютъ основу для большой психологической повѣсти; вокругъ „Кто виноватъ?" группируются новеллы и очерки во всѣхъ оттѣнкахъ и переходахъ драматизма, остроумія, колкой шутки,—и все, что ни выходитъ тогда изъ-подъ пера Герцена, — „Письма объ изученіи природы", или обличающія характеристики научнаго застоя съ его „дилеттантизмомъ" и „буддизмомъ", или размышленія „По поводу одной драмы", или же произведенія съ несомнѣнными художественными аттрибутами,—выдаетъ въ естествоиспытателѣ, философѣ, моралистѣ, историкѣ или оцѣнщикѣ общественныхъ явленій прежде всего писателя, съ рѣдкой быстротой и силой завоевавшаго мастерство литературной формы.

Разбросанность плановъ, замысловъ, — наслѣдіе вятской поры, — не могла долго удержаться послѣ того, какъ новыя условія личной жизни, сильныя умственныя возбужденія дружескаго круга, широко развивавшееся чтеніе съ свободнымъ горизонтомъ философіи, политики, исторіи, религіи, общее вліяніе ближе сознанныхъ европейскихъ и русскихъ культурныхъ запросовъ стали направлять дѣятельность Герцена въ опредѣленное русло. Въ 1841 году въ числѣ „литературно-жизненныхъ пла-

[1]) Дневникъ 1842 года. Соч. Герцена, I, 17.

новъ и проектовъ", о которыхъ онъ сообщаетъ изъ Петербурга Огареву, еще могутъ стоять рядомъ такія задачи, какъ дальнѣйшее „изученіе Гегеля и нѣмцевъ", какъ „диссертація о Петровскомъ переворотѣ" (врядъ-ли подвинувшаяся дальше установленія тезисовъ, которые онъ обѣщалъ прислать другу),—или даже „опытъ дѣтской (?) книжки приготовительной для изученія всеобщей исторіи [1]). „Сокрушительный огонь въ крови", „потребность всякихъ потрясеній, впечатлѣній, потребность безпрерывной дѣятельности и невозможность сосредоточиться на одной книжкѣ, заставлявшая духъ безпокойно бросаться на все „безъ разбора, безъ разума" (выраженія дневника, — 27 дек. 1842), сказывались (и въ пестротѣ писательскихъ замысловъ. Въ дневникѣ 1842—44 годовъ мысль дробится между философскими проблемами, дальними отголосками политической жизни Европы, впечатлѣніями борьбы русской реакціи съ просвѣщеніемъ, изнемогаетъ, словно поддается гнетущему вліянію безпросвѣтной судьбы,— но новый художественный замыселъ все же сосредоточиваетъ на себѣ колеблющіяся, неустойчивыя силы, — повѣсть „Кто виноватъ?", начатая „въ 1841 году въ Новгородѣ, оконченная гораздо позже въ Москвѣ".

Заботливая отдѣланность ея формы, завлекательность разсказа съ его богатствами наблюдательности, остроумія, бытовой и психологической правды, съ гуманностью основной идеи и задушевно-грустнымъ проявленіемъ личности романиста, чутко отзывающейся на горе, страданія, несправедливость, — всѣ эти несомнѣнные признаки великаго его сочувствія къ произведенію стоятъ въ противорѣчіи съ нѣсколькими авторскими приговорами и самоосужденіями, относящимися не только къ „Кто виноватъ?", но и вообще къ беллетристикѣ Герцена. То, послѣ опыта съ „Записками молодого человѣка", онъ признаетъ, что „повѣсть не его удѣлъ", что онъ „долженъ отказаться отъ повѣстей", что „сцены выйдутъ хороши, но все не имѣетъ выдержанности", — то считаетъ однимъ изъ неодолимыхъ своихъ недостатковъ склонность „безпрестанно сворачивать съ дороги", и называетъ „вводныя мѣста своимъ счастьемъ и несчастьемъ",— то, характеризуя свою натуру, какъ болѣе дѣятельную, нежели созерцательную, утверждаетъ, что въ немъ „нѣтъ глубокаго и всегдашняго раздумья поэтическихъ натуръ" (письмо къ Грановскому, 1844), и въ этомъ видитъ еще одну причину неудачи своихъ художественныхъ замысловъ. Въ строгомъ судѣ и не-

---

[1]) Анненковъ, „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", „Вѣстн. Европы", 1883, IV, 518.

удовлетворенности „взыскательнаго художника“ сказалось прежде всего вліяніе былыхъ воззрѣній на романъ и его основы. Имъ „Кто виноватъ?“ такъ же неподвластенъ, какъ предварившій его на нѣсколько лѣтъ смѣлый починъ Лермонтова въ „Героѣ нашего времени“. Быть можетъ, онъ даже приближается къ нимъ съ своимъ единствомъ сюжета болѣе, чѣмъ вполнѣ свободная отъ гнета выдержаннаго плана Печоринская скорбная лѣтопись, открывшая собой исторію русскаго психологическаго романа, въ которой слѣдующимъ звеномъ была именно повѣсть Герцена. Многочисленныя отступленія ради біографій дѣйствующихъ лицъ, превращающіяся часто въ цѣлыя главы (пріемъ, надолго удержавшійся у Тургенева), развитіе дѣйствія, подвигающееся вслѣдствіе того уступами, съ возвратами назадъ и паузами, — одинъ изъ видовъ осужденныхъ Герценомъ „вводныхъ мѣстъ“,—могли казаться ему признакомъ неспособности уловить тайну стройнаго повѣствованія. Другой способъ восполнять душевную исторію изображаемыхъ лицъ, — введеніе въ разсказъ отрывковъ изъ дневниковъ („журналъ“ Любоньки),—представлялъ собой также неудобства эпизодичности и черезполосности. Постоянное присутствіе разсказчика, его вмѣшательство, полныя грустной симпатіи или насмѣшливаго юмора вставки, собесѣдованія съ читателемъ, размышленія, выходили также изъ рамокъ стройной повѣсти. Сосредоточенная сжатость развязки, не разработавшей съ изобильной полнотой анализа психическое состояніе захваченныхъ роковой вьюгой лицъ, а порвавшей послѣ двухъ, трехъ сценъ и моментовъ настроенія нить разсказа, оставляя дальнѣйшую судьбу въ тревожной дымкѣ, не рѣшая поставленнаго вопроса, не давая собственно никакого исхода,—пріемъ столь же еретическій, какъ печальное исчезновеніе разбитаго жизнью Печорина на Востокъ, — могла также напоминать Герцену о томъ, что ему не дана тайна искуснаго созданія романа.

Недовѣрчивыя къ себѣ, самоосуждающія оцѣнки автора „Кто виноватъ?“ не могутъ устоять передъ обширнымъ съ той поры опытомъ европейскаго и русскаго романа и освобожденіемъ его отъ гнета формализма. Признавъ равноправность разнообразнѣйшихъ видовъ и оттѣнковъ повѣсти, не ставя преградъ выбору формъ и пріемовъ, лишь бы достигалась высшая цѣль, жизненная, психологическая, бытовая правда, литературный кодексъ поздняго потомства, на разстояніи почти трехъ четвертей вѣка отъ перваго замысла Герценовскаго романа, снимаетъ съ него нареканія, привѣтствуетъ въ немъ то, что̀ казалось несовершеннымъ; тамъ, гдѣ могла идти рѣчь о дилеттантски-красивомъ,

нестройномъ, непослушномъ теоретической указкѣ, отклоненіи публициста, политика, въ сторону художественности, онъ признаетъ наличность замѣчательнаго и въ художественномъ и въ общественномъ отношеніи произведенія.

Въ родословной новой работы Герцена извѣстная доля должна быть отведена вліянію образцовъ, западныхъ и русскихъ. Не ослабѣло еще обаяніе Гейне. Какъ въ „Запискахъ молодого человѣка", такъ и въ романѣ оно сказывается въ игрѣ красокъ, тѣней, настроеній, въ переходахъ отъ грусти или мечты къ остроумію или ироніи, и поддерживаетъ въ разсказчикѣ склонность къ отступленіямъ и рѣчамъ отъ своего лица; мѣстами встрѣчаются даже прямыя ссылки на Гейне. Но оно сливается уже съ сильнымъ вліяніемъ новаго соціальнаго французскаго романа,—прежде всего Жоржъ-Зандовской проповѣди освобожденія женской личности. Одинъ изъ тезисовъ эстетики Бѣлинскаго и его школы, — восторженное отношеніе къ Жоржъ-Зандъ, возводившее ее въ геніи, преклонявшееся передъ ея сердцевѣдѣніемъ, ея высокими соціальными идеалами, передъ глубиной ея гуманности,—не могъ не быть усвоенъ Герценомъ (дневникъ даетъ, наприм., такіе отзывы: „съ жадностью пробѣжалъ я „Horace" G. Sand, великое произведеніе, вполнѣ художественное и глубокое по значенію" и т. д.), и въ проблемѣ свободнаго чувства, въ заступничествѣ за страдающую женщину, въ передачѣ ея душевныхъ состояній (особенно въ „журналѣ" Любоньки) примѣръ Жоржъ-Зандъ несомнѣнно является вдохновляющимъ [1]). Бальзакъ, съ необъятной рамкой бытовыхъ картинъ своей „Comédie humaine" и неподражаемой жизненностью созданныхъ имъ типовъ, могъ быть образцомъ для живописца нравовъ, для физіолога провинціальнаго затишья, отсталости, варварства, собравъ цѣлые клады наблюденій въ „Scènes de la vie de province".

Но съ вліяніемъ Гейне, Жоржъ-Зандъ, Бальзака, совпадало еще болѣе сильное дѣйствіе сроднаго западному натурализму Гоголевскаго творчества. Если оно чувствовалось въ „Запискахъ молодого человѣка", когда въ итогахъ дѣятельности Гоголя значились „Ревизоръ" и петербургскія повѣсти, то съ той поры „Мертвыя Души" совершили свое побѣдное вступленіе въ лите-

---

[1]) Въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ Герценовскихъ этюдовъ поздней поры, „Орасъ и Барнумъ", сказалась неизмѣнность сочувствія къ Жоржъ-Зандъ. Статья эта явилась въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1857 года; Драгомановъ перепечаталъ ее въ приложеніи къ „Письмамъ Кавелина и Тургенева къ Герцену", Женева 1892 г.

ратуру и господствовали надъ современнымъ обществомъ. Герценъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, какъ всѣ участники въ созданіи романической школы сороковыхъ годовъ, не могъ не поддаться всемогущему впечатлѣнію. Первые отзывы послѣ прочтенія Гоголевской поэмы (іюнь 1842 г.: „Мертвыя Души — удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный... Портреты удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полнотѣ" и т. д.) смѣняются глубокими по мысли и мѣткими по формѣ оцѣнками (странствія среди „отвратительной русской дѣйствительности" сличены съ хожденіемъ Данта по *рвамъ* ада; „переходы отъ Собакевичей и Ноздревыхъ" къ лирическимъ мѣстамъ, отъ новыхъ отталкивающихъ картинъ „къ смѣшнымъ словамъ *веселаго* автора" искусно освѣщены; „Мертвыя Души—поэма глубоко выстраданная"; „самое заглавіе носитъ въ себѣ что-то наводящее ужасъ"; и эта мысль пояснена безотрадной характеристикой господства *мертвыхъ* душъ въ самомъ обществѣ). Романъ Герцена, въ своей бытовой части основанный на богатомъ запасѣ наблюденій изъ жизни вятскаго края, такъ же связанъ въ описательныхъ пріемахъ и въ расцѣнкѣ людей и быта при свѣтѣ юмора съ „Мертвыми Душами", какъ впослѣдствіи „Губернскіе Очерки", лѣтопись нравовъ того же края, будутъ носить, даже въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, живые слѣды вліянія Гоголевской поэмы.

Не столько деревенская обстановка семьи Негровыхъ, сколько среда губернскаго города, лица и рѣчи чиновничьяго и помѣщичьяго міра часто характеризуются испытанными Гоголевскими пріемами. Смотръ главнымъ лицамъ въ губерніи и обрисовка ихъ отличительныхъ свойствъ и значенія въ обществѣ выдаются въ этомъ отношеніи на первый планъ. Подлинный матеріалъ слитъ съ книжнымъ. Такъ среди „вершинъ" нельзя было обойтись безъ глубокомысленнаго мудреца, и предсѣдатель уголовной палаты соотвѣтствуетъ судьѣ въ „Ревизорѣ" и почтмейстеру въ „Мертвыхъ Душахъ". На волненіи и сплетняхъ, возбужденныхъ появленіемъ Бельтова и его поведеніемъ, лежитъ отпечатокъ пересудовъ и миѳическихъ разсказовъ, пытавшихся объяснить загадочную личность Чичикова. Совѣтникъ, устремляющійся къ предсѣдателю съ свѣжими вѣстями о Бельтовѣ и захлебывающійся отъ сплетнической горячности, равносиленъ соединенной болтовнѣ Бобчинскаго съ Добчинскимъ. Характеристика Осипа Евсѣевича, ближайшаго канцелярскаго начальника Бельтова, выдержана въ тонѣ Гоголевскихъ департаментскихъ портретовъ. Сопоставленіе личности Бельтова, съ ея идейнымъ и культур-

нымъ содержаніемъ, и „хозяина-пріобрѣтателя“ Чичикова—въ контрастѣ ихъ значенія и соотвѣтствія нравамъ и понятіямъ общества—ставится само собою. Автору представляется, чтò бы случилось, еслибъ вмѣсто Бельтова „пріѣхалъ уважаемый другъ нашъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ“, и онъ увѣренъ, что тогда вся губернская братія была бы въ восторгѣ. Даже въ детальныхъ юмористическихъ оборотахъ часто видно невольное слѣдованіе образцу („коляска странной формы, похожей на тыкву, изъ которой вырѣзана ровно четверть; тыкву эту везли четыре потертыхъ лошади... въ тыквѣ сидѣла другая тыква—добрый и толстый отецъ семейства и помѣщикъ“ и т. п.), и располагавшій богатствами юмора и остроумія авторъ являлся порой въ роли ученика и подражателя.

Но надъ зависимостью отъ иноземныхъ и русскихъ предшественниковъ высится большая самостоятельная творческая сила: идея романа, психологически вѣрная передача душевныхъ состояній, мѣткость характеристикъ и описательныхъ картинъ, правда личной исторіи главныхъ дѣятелей романа, удивительная для перваго цѣльнаго художественнаго опыта власть, которую онъ завоевываетъ надъ читателемъ, приковывая его сочувствія къ разыгрывающейся передъ нимъ драмѣ, соединеніе творчества, психологіи, бытового рисунка, съ идейной проповѣдью, гуманной симпатіи съ сверкающимъ остроуміемъ.

Повседневный житейскій фонъ, изъ котораго выдѣлилась неразрѣшимая драма, всѣмъ своимъ существомъ и составомъ ведетъ къ требованію коренного переустройства жизни. За деревней и дворней Негрова, за властнымъ патріархальнымъ режимомъ, за печальными біографіями такихъ его жертвъ, какъ Дуня или, въ молодости, мать Бельтова, стоитъ картина порабощеннаго крестьянства и плантаторскаго всевластія, никогда не входившая въ сатирическія намѣренія Гоголя, чуждая и Лермонтовскому *личному* роману, предвѣстница Тургеневскаго обличительнаго почина. Изображеніе „командующаго сословія“, бюрократіи, города,—осужденное, казалось, быть лишь новымъ изданіемъ давно намѣченной романомъ и комедіею темы,—примѣняя иногда Гоголевскіе пріемы, но обновляя, расширяя ихъ при помощи непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью, служитъ такой же прикладной цѣли романиста съ опредѣленнымъ соціальнымъ направленіемъ, для котораго немыслимо сосредоточиться на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, забывая объ общей долѣ. Когда же изъ правдиваго, реальнаго фона выдѣляются эти отдѣльныя лица, и искусство характеристики вступаетъ въ свои права, они свободны отъ

всякихъ прикрасъ героическаго пошиба. Ни заурядный труженикъ Круциферскій съ его горькимъ дѣтствомъ, безцвѣтной молодостью, романтической искрой самоотверженія и любви, и новымъ, безвозвратнымъ погруженіемъ въ будни, ни Любонька съ ея затаенными грёзами и чаяніями, душевнымъ одиночествомъ и бурей налетѣвшаго чувства, ни отмѣнно культурный, одаренный разнородными задатками и общечеловѣческими идеями, но ни къ какому осязательному дѣлу непригодный Бельтовъ не задрапированы въ обычный героическій нарядъ. Дневникъ Любоньки и прорывающіяся въ разговорахъ ея съ Бельтовымъ слова удивленія, поклоненія ему необыкновенно вѣрно раскрываютъ силу самообольщенія, поэтическаго миража, который почудился ей, облекая Бельтова, этотъ свѣтлый лучъ въ ея вѣчномъ полумракѣ, свойствами необыкновенными. Онъ въ ея глазахъ „геній", „огненная, дѣятельная натура, посланецъ свыше, призванный поднять, оживить, осчастливить ее. Борьба новаго, сильнаго чувства съ тлѣющею только благодарной привязанностью къ мужу, избавителю отъ неволи, товарищу въ житейской страдѣ, вызываетъ дремавшія на днѣ души влеченія къ свободѣ и самоопредѣленію, но не проявляется въ громкихъ словахъ и порывистыхъ дѣйствіяхъ. Она такъ же глубока и безъискусственна, какъ та жертва, то самозакланіе которое разбиваетъ всѣ надежды на счастье вѣчною разлукой. Образъ застывшей въ горѣ Любоньки, скрывающейся съ глазъ послѣ сцены прощанія, чтобъ понести до могилы свой крестъ, — одно изъ выдающихся художественныхъ созданій Герцена, одно изъ доказательствъ его великаго мастерства.

Передъ этимъ олицетвореніемъ нѣмого отчаянія отступаетъ характеръ Бельтова, весь изъ пестрой ткани освободительныхъ идей и сомнѣній, европеизма, всечеловѣчности и русской косности, альтруизма и культа своей особы, чаянія новой жизни и сознанія своего излишества въ ней. Но характеристика этихъ противорѣчій, свободная отъ опасеній, что оттого потускнѣетъ образъ романическаго героя, снова говоритъ о прозорливости художника. Восходящая линія давала Бельтову въ предшественники ставшихъ тогда уже классическими лишнихъ людей, Онѣгина, Печорина, не говоря о большомъ отрядѣ проблематическихъ натуръ и скорбниковъ въ европейскихъ литературахъ. Но онъ не повторилъ скучающей Онѣгинской пресыщенности, ни демоническихъ терзаній Печорина; европейскіе собратья также не ссудили его своими характеристическими чертами. Русское барство и просвѣтительная философія XVIII-го вѣка, отвлеченно-

гуманное воспитаніе по плану швейцарскаго педагога-мечтателя, руссоиста (для характера Жозефа у Герцена былъ оригиналъ въ лицѣ Маршàля, гувернера у Голохвастовыхъ, дававшаго одно время уроки и самому Герцену) и космополита, впечатлѣнія новой Европы съ ея политическими движеніями и боевой поэзіей (Байронъ, въ частности „Донъ-Жуанъ", неразлученъ съ Бельтовымъ въ городѣ NN) и полная неподготовленность къ реальной работѣ, непониманіе ея условій въ Россіи, даютъ своеобразную основу, на которой развивается характеръ, полный всякихъ хорошихъ возможностей, осужденныхъ никогда не осуществиться. Не игрой въ любовь, а внезапнымъ захватомъ чувства, роковымъ проявленіемъ Wahlverwandschaft (какъ тогда еще выражались) является для него встрѣча и сближеніе съ Любонькой, и въ рѣшимости преодолѣть, переломить свое требованіе счастья, пожертвовать имъ ради любимой женщины, проявляется подъемъ энергіи, невѣдомый ни Пушкинскому, ни Лермонтовскому сверстникамъ Бельтова, совершенно свободный отъ героической театральности, но просвѣтляющій традиціонную проблематическую личность искреннимъ, человѣчнымъ движеніемъ. Когда для Бельтова снова настаетъ мука безпокойнаго скитальчества и, всюду и вездѣ чужестранецъ, лишній, ненужный, онъ скрывается изъ виду, вслѣдъ ему не звучитъ суроваго приговора; не у одной лишь старой его матери, которая выплачетъ свои глаза, безплодно ожидая его или загадывая о его участи, поднимается сочувствіе и сожалѣніе. Моралистъ или сатирикъ иначе отнеслись бы къ такому обреченному на гибель человѣку.

Круциферскій и докторъ Круповъ, которымъ не дано ни сложныхъ характеровъ, ни сильныхъ страстей, требовали для себя иныхъ пріемовъ изображенія, и въ первомъ своемъ опытѣ жизнеописанія и характеристики людей среднихъ, безъ высшихъ влеченій, сильнаго паѳоса судьбы, драматизма развязки, романистъ прошелъ вѣрнымъ путемъ. Мужъ Любоньки, придавленный своимъ учительствомъ, растерявшій послѣдніе остатки культурныхъ стремленій, переставшій понимать запросы жены, потрясенный раскрытіемъ ея новой привязанности, изнывающій отъ безпомощнаго горя, малодушно ища забвенія въ винѣ, безнадежно пропащій, жалкій—столь же мѣтко очерченная, реальная личность, какъ и печально насмѣшливый мудрецъ-докторъ. Портретъ, очевидно снятый сначала съ живого лица въ провинціи, мелькнувшій уже въ „Запискахъ молодого человѣка", углубленный, своеобразно понятый, свободный отъ соблазнительнаго подражанія Лермонтовскому доктору Вернеру съ его демоническимъ презрѣ-

ніемъ къ людямъ, Круповъ постепенно выросталъ, пока въ собственныхъ „Запискахъ" онъ не сталъ выразителемъ оригинальнѣйшихъ философско-историческихъ и невропатологическихъ взглядовъ автора. Исполняя по прихоти судьбы трудную роль провидѣнія то въ юношеской жизни горемыки Круциферскаго, то въ драмѣ Любоньки, то въ душевномъ разладѣ Бельтова, онъ остается живымъ человѣкомъ, съ плотью и кровью, съ соединеніемъ старческаго добродушія и строгихъ нравственныхъ требованій, уютной покладистости губернскаго старожила и зоркой, требовательной наблюдательности, отъ которой не укроется ни одно низкое, двусмысленное, позорное дѣяніе, съ соединеніемъ философіи трезваго матеріалиста и сердечной гуманности.

Узелъ романа, связавшій этихъ повседневныхъ людей тѣсною связью несчастія, идея произведенія—столь же примѣчательны, какъ искусство бытовыхъ описаній и характеристики отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. Все сильнѣе волнуемый широкими, общими вопросами прогресса, задачами политической и соціальной современности, авторъ въ состояніи сосредоточить свое вниманіе, свою отгадку психолога и моралиста на невидномъ и неэффектномъ примѣрѣ ненормальности основъ общественнаго кодекса, противорѣчій въ нравственныхъ понятіяхъ, и, извлекая изъ жизни извѣстный конфликтъ, продумать и прослѣдить его до конца. Не одна лишь пытливость изслѣдователя руководитъ имъ, но и влеченіе проповѣдника человѣчности. Защита женской личности и освобожденія чувства стала для него одною изъ желанныхъ цѣлей. Въ связи съ драмой, жертвой которой стала затерянная въ толпѣ „Любонька", стоитъ и признаніе Герцена въ „Капризахъ и раздумьѣ" о тѣхъ страданіяхъ и драмахъ, которыя чудятся ему за стѣнами домовъ, когда онъ проходитъ въ поздній часъ улицей, о тѣхъ „горячихъ слезахъ, о которыхъ никто не свѣдаетъ, слезахъ обманутыхъ надеждъ, слезахъ, съ которыми утекаютъ не только одни юношескія вѣрованія, но всѣ вѣрованія человѣческія, а иногда и самая жизнь,"—и весь замыселъ статьи „По поводу одной драмы", возникшій послѣ того, какъ представленіе какой-то, давно забытой теперь, французской пьесы Арнольда и Фурнье „Восемь лѣтъ назадъ" навело его на неотступныя и печальныя размышленія все на ту же тему. Мысль романа, затронутая уже въ самомъ его заглавіи, съ его мѣтко придуманной вопросительной формой, особенно близка съ главнымъ выводомъ названной статьи.—Кто виноватъ?—спрашиваетъ въ виду рокового исхода драмы критикъ и отвѣчаетъ: „во-первыхъ, всѣ они правы, во-вторыхъ, всѣ виноваты, но не такъ,

какъ вы полагаете. Главный виновникъ, какъ всегда, спрятался, онъ стоялъ за кулисами". Но въ основѣ терзаній, изображенныхъ во французской пьесѣ, лежало болѣзненное сосредоточеніе всѣхъ помысловъ и стремленій на вопросахъ любви,—и авторъ разбора рѣшительно возстаетъ противъ нея, если она все собой поглощаетъ. Онъ призываетъ на помощь извѣстные литературные примѣры, ставя, съ одной стороны, Вертера, съ другой—Карла Мора, Макса Пикколомини, Телля, и указывая на то, что послѣдніе „любовью не отрѣзались отъ всеобщихъ интересовъ гражданственности, искусства, науки; напротивъ, они внесли все одушевленіе ея, весь пламень ея въ эти области, и наоборотъ, ширину и грандіозность этихъ міровъ внесли въ любовь"... „Люди нашей драмы отравили другъ другу жизнь, потому что слишкомъ близко подошли другъ къ другу, и, занятые исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись; страстность ихъ, не имѣя выхода, сожгла ихъ самихъ".

Но въ той несложной драмѣ, на которой остановилъ свое человѣчное вниманіе критикъ, ставшій романистомъ, нѣтъ жрецовъ и жрицъ любви, всѣ помыслы не были поглощены ею; судьба связала въ чувствѣ людей, раздѣленныхъ общественными и нравственными устоями; *они* залегли неодолимой преградой на пути ихъ возрожденія, свободнаго проявленія личности; они „разрыли пропасть", въ которую „низверглись" ихъ жертвы,—и снова ставится безотрадный вопросъ:—Кто виноватъ? [1])

Фабула Герценовскаго романа своей необыкновенной, удручающей простотой, неповинностью страданій и гибели, печальнымъ образомъ Любоньки, выполнила не одну лишь художественную задачу. Вмѣстѣ съ статьей „По поводу одной драмы" романъ „Кто виноватъ?"—первый важный шагъ въ возбужденіи женскаго вопроса, неподготовленный никѣмъ изъ предшественниковъ Герцена въ русскомъ романѣ. Литературное значеніе повѣсти осложнилось несомнѣннымъ воспитательнымъ значеніемъ.

Блестяще развилась въ „Кто виноватъ?" и форма разсказа.

[1]) Когда въ новѣйшемъ этюдѣ о героѣ Герценовскаго романа (Д. Н. Овсянико-Куликовскій, „Исторія русской интеллигенціи", II, 348—356) вопросъ этотъ какъ будто прикрѣпляется къ судьбѣ Бельтова („Кто виноватъ, что Бельтовъ оказался лишнимъ человѣкомъ, празднымъ туристомъ, неспособнымъ найти себѣ подходящаго дѣла въ жизни" и т. д.),—замыселъ Герцена, сильный именно въ широкой, общей постановкѣ вопроса, не можетъ не потерпѣть урона.

„Герценовскій" слогъ уже почти сложился. Это еще не стиль „Былого и Думъ", безконечно разнообразный, отъ искрометной насмѣшливости до потрясающей трагической силы передающій всѣ оттѣнки, доступные художественной рѣчи,—не стиль, отражающій помыслы и взгляды человѣка, прожившаго жизнь широкую, охваченнаго всѣмъ духовнымъ содержаніемъ современности, — но выразительное его богатство уже выдѣлилось изъ общаго слогового уровня литературы. Живыми красками діалога освѣщаются лица и характеры, языкъ метафоръ и сравненій свободенъ и ярокъ, внезапно вызывая цѣлыя картины, полныя жизни (такъ тихой, дремлющей безмятежности семейнаго быта Круциферскихъ данъ въ параллель деревенскій пейзажъ лѣтняго, красиваго, засыпающаго вечера), общія бытовыя характеристики такъ и сверкаютъ остроумными, тонкими или язвительными выходками и замѣчаніями, а въ отступленіяхъ и разсужденіяхъ отъ лица автора, которыя онъ могъ считать своимъ „счастьемъ и несчастьемъ", тогда какъ они были одною изъ красотъ его художества, раскрывается умъ чуткій и многосторонній. Съ тѣхъ поръ какъ, возбужденный Байроновскимъ примѣромъ, Пушкинъ ввелъ съ рѣдкимъ успѣхомъ этотъ гибкій и отзывчивый элементъ въ слогъ „Онѣгина" и сродныхъ съ нимъ поэмъ, а недавній любимецъ Герцена, Гейне, развилъ его въ „Reisebilder", „Ideen", „Harzreise", „Englische Fragmente", никто въ русской литературѣ кромѣ Герцена (развѣ Лермонтовъ въ „Сашкѣ",—въ ту пору еще ненапечатанномъ) не воспользовался этимъ цѣннымъ средствомъ идейной проповѣди и самостоятельнаго, свободнаго воздѣйствія. Ему суждено было непрерывно развиваться и стать впослѣдствіи однимъ изъ выдающихся достоинствъ „Былого и Думъ".

Но въ слогѣ Герцена, въ пору созданія „Кто виноватъ?", замѣтно оригинальное раздвоеніе. Если его журнальныя статьи съ ихъ научно-публицистическимъ характеромъ отвлекали его отъ художественнаго труда, если между этимъ трудомъ и усилившимся интересомъ къ философіи и естествознанію шло постоянное состязаніе, и временами Фейербахъ и новые натуралисты одерживали верхъ надъ выдающимися художниками соціальнаго романа, если бывали годы (напр., 1845), когда, по собственному признанію Герцена, онъ исключительно занимался естественными науками, — то форма, изложеніе, не стояли на уровнѣ этого подъема мысли. При всемъ стремленіи автора сдѣлать изложеніе общепонятнымъ, оно не могло высвободиться изъ тенетъ господствовавшаго тогда философскаго жаргона. Даже на

взглядъ спеціалистовъ, статьи казались туманными и нелегко проницаемыми. Считавшійся ученымъ авторитетомъ астрономъ Перевощиковъ корилъ Герцена тѣмъ, что языкъ „Писемъ объ изученіи природы"—птичій; осуждалъ слогъ научныхъ статей своего друга—хотя и находилъ въ нихъ немало независимости, смѣлости его ума—и Бѣлинскій, приходя въ то же время въ восхищеніе отъ художественныхъ красотъ Герценовскаго романа. И Герцену — какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ — приходилось остроумно выступать на самозащиту, ссылаясь въ оправданіе недостаточной ясности своей научной рѣчи на цензурныя стѣсненія популярнаго изложенія точныхъ наукъ, изображенія ихъ завоевательнаго похода среди новаго человѣчества. „Виссаріонъ Григорьевичъ — говорилъ онъ — гораздо больше любитъ наши сказочки, чѣмъ наши трактаты, да онъ и правъ. Въ трактатахъ мы безпрестанно переодѣваемся отъ надзора и раскланиваемся любезно съ каждымъ будочникомъ, а въ сказкѣ ходимъ гордо и никого знать не хотимъ, потому что въ карманѣ плакатный билетъ имѣемъ:—чинить ей пропуски, давать ночлеги и кормёжныя". Но художественнаго дарованія нельзя было совсѣмъ поработить ни строгой серьезности излагаемаго предмета, ни вынужденнымъ оглядкамъ цензурнаго характера. Временами оно прорывалось сквозь поставленныя преграды,—и подъ вліяніемъ особенно сильнаго возбужденія, вызваннаго величіемъ извѣстнаго момента въ исторіи мысли или духовной мощью подвижника знанія, который выдвигался изъ историческаго обзора, выростала яркая общая картина, слагался живой образъ пытливаго изслѣдователя или мученика науки. Вступленіе къ „Письмамъ объ изученіи природы" попыталось даже взять легкій беллетристическій тонъ и перенести мѣсто дѣйствія въ деревню, осенью, въ одиночество отшельника, отдыхающаго среди невозмутимой тишины отъ городского шума и соблазна и на свободѣ приступающаго къ исполненію давно обѣщаннаго друзьямъ плана письменныхъ бесѣдъ о природѣ. Но цѣль этой вставки достигнута, форма писемъ какъ будто оправдана, и тонъ легкой causerie не вернется болѣе. Порою блеснетъ и дальше искра остроумія; озаренный ею Шеллингъ тѣмъ рѣзче станетъ, наприм., контрастомъ съ Гётевскимъ величіемъ; „романтическій идеализмъ" мѣтко характеризованъ нѣсколькими ударами бича ироніи. Но художественная сила проявляется въ иныхъ чертахъ. Это—живыя, сложныя характеристики греческихъ мыслителей, въ особенности Сократа, это—первый въ нашей философской литературѣ образъ Джордано Бруно, мастерски обрисованный, или portrait littéraire

Бэкона, за которымъ слѣдуетъ широкая картина научнаго возрожденія, съ нимъ связаннаго,—предѣльный пунктъ, послѣ котораго „Письма“ навсегда прервались, потому что предметъ, котораго они должны были отнынѣ касаться, становился все неблагонадежнѣе и неправовѣрнѣе. Всѣ эти блестящія частности выдѣляются изъ общаго тона, возвышаются надъ нимъ, скрашиваютъ затрудненность изложенія, искусственность многихъ формъ и оборотовъ Герценовскаго научно-философскаго словаря [1]), и идутъ на помощь руководящей мысли „Писемъ“ съ ея освободительнымъ назначеніемъ. Въ партизанской войнѣ съ реакціонными теченіями въ наукѣ,—въ обличительныхъ этюдахъ съ натуры о „дилеттантахъ“ учености, цеховыхъ ея представителяхъ, и „буддистахъ науки“, не было простора для художественнаго мастерства, не было достаточной свободы для полнаго проявленія основной идеи и для размаха уничтожающей критики (въ „Дневникѣ“ Герценъ высказываетъ опасеніе преслѣдованій и за ту, часто закутанную въ иносказанія и оговорки, редакцію статей, которая проникла въ печать), но въ этихъ первыхъ опытахъ его боевого, полемическаго искусства уже собираются его силы, оттачивается оружіе, а въ такихъ деталяхъ, какъ физіологія дилеттантизма или характеристика безпомощности романтиковъ передъ подъемомъ культурныхъ требованій человѣчества, снова приходитъ на помощь публицисту его литературное дарованіе. Не такъ заговорилъ бы онъ впослѣдствіи съ гасителями просвѣщенія, и его свободно льющаяся обвинительная рѣчь низвергла бы на нихъ полемическіе громы, — но въ прологѣ къ публицистикѣ зрѣлыхъ лѣтъ есть уже многообѣщающія предвѣстія.

„Сказочки (несомнѣнно — выраженіе, принадлежавшее „Химику“: „зачѣмъ вмѣсто продолженія серьезнаго труда вы пишете сказки? — писалъ онъ Герцену, недовольный появленіемъ „Кто виноватъ?“ послѣ „Писемъ объ изученіи природы“) по многимъ причинамъ взяли верхъ надъ всею писательской работой Герцена въ ту пору, и въ нихъ проявилась наибольшая степень его художественной силы. Вокругъ „Кто виноватъ?“ образуется цѣлый циклъ ихъ, выказывающій все новыя стороны дарованія,

---

[1]) Такіе термины, какъ средоточность, инстинктуальность, реагенція, негація, — обороты въ родѣ слѣдующаго: „какой-то инстинктъ шепталъ имъ, что какъ хочешь абстрагируй, но субстрата, но вещества не уничтожишь, что бытіе самобѣднѣйшее его свойство, но за то и самонеотъемлемѣйшее“—по временамъ отягчаютъ изложеніе. — Изъ современнаго философскаго жаргона кое-что проникало даже въ языкъ романа,—напр. въ „Кто виноватъ?“—„ячный“.

новыя направленія мысли. На основѣ одного разсказа изъ воспоминаній М. С. Щепкина, богатаго житейскимъ опытомъ, ссужавшаго не разъ и Гоголя матеріаломъ (особенно для второго тома „Мертвыхъ Душъ"), возникаетъ „Сорока-воровка", въ рамкѣ нѣсколькихъ характерныхъ сценъ и діалоговъ оживаетъ барская крѣпостническая старина съ ея театральной и музыкальной блажью, съ ея порабощеннымъ искусствомъ и всемогущимъ самоуправствомъ, и на ея фонѣ вырѣзывается образъ угнетенной этой средой, вдохновенной, самородно-даровитой, прошедшей школу европейскаго искусства, крѣпостной артистки,— снова страдающая женская личность, обреченная на гибель, снова протестъ противъ рабовладѣнія. Послѣ оживленной вступительной сцены спора собесѣдниковъ („европейца" и „славянина") на тему о призваніи русской женщины и возможности для нея достигнуть высшаго совершенства въ сценическомъ искусствѣ, съ появленіемъ въ гостиной „извѣстнаго художника" (Щепкина), вставляющаго въ пренія разсказъ изъ былого, теоретическая постановка вопроса смѣняется живымъ и образнымъ бытовымъ примѣромъ. Въ основѣ его чувствуется та безъискусственная правда, которою проникнуты Щепкинскія „Записки актера", богатыя подобными эпизодами изъ многотрудной артистической дѣятельности старыхъ временъ; въ пріемахъ разсказа, личныхъ вставкахъ въ него и взволнованномъ послѣсловіи передана характеристическая и для актерскаго темперамента Щепкина, и для его отношенія къ жизни смѣсь реализма и нервной чувствительности. Но воспоминанія бывалаго человѣка въ ихъ безхитростной простотѣ возбудили чуткаго художника къ работѣ воссозданія и отгадки. Широко, въ лицахъ, раскинулась бытовая картина, и изъ-за плантаторскихъ порядковъ орловскаго крѣпостника-импрессаріо Каменскаго поднялся весь общественный строй, создававшій и поддерживавшій такія уродливыя и развращающія вычуры, а въ оправѣ театральнаго батрачества, съ отеческими наказаніями и дико-капризнымъ произволомъ, съ тюрьмой, арестомъ, жестокимъ сѣченіемъ за провинности передъ искусствомъ и передъ барской волей, обрисовывается и въ своей автобіографіи, переданной заѣзжему съ воли товарищу-актеру, и въ его восхищенномъ пересказѣ ея игры въ „Сорокѣ-воровкѣ", и въ полной драматической силы исповѣди ея о душевномъ ея состояніи, о гоненіяхъ, принижающихъ обидахъ, — и о ея романѣ, отчаянномъ отпорѣ противъ несчастій и неволи, образъ героини повѣсти. Когда на прощаньѣ съ нею, потрясенный всѣмъ видѣннымъ и узнаннымъ, актеръ-художникъ, договаривая

ея слова, восклицаетъ, что въ ней „погибла великая русская актриса", и выходитъ, „заливаясь слезами", въ кругъ „Герценовскихъ женщинъ", составившійся изъ героинь страданія и борьбы, вступаетъ достойная сверстница Любоньки, одно изъ лучшихъ созданій автора, и значеніе его, какъ предтечи русскаго женскаго движенія, подтверждается еще разъ съ выдающейся силой.

Едва этотъ опытъ реставраціи прошлаго выказалъ, послѣ изображенія современной жизни въ „Кто виноватъ?", новую сторону въ дарованіи Герцена, оно проявилось въ иномъ, еще болѣе своеобразномъ, направленіи. Гоголевскія „Записки сумасшедшаго" за тринадцать лѣтъ (1834) передъ тѣмъ внесли въ русскую повѣсть тотъ видъ художественно-психіатрическихъ этюдовъ, которому суждено было особенно широкое развитіе, отмѣченное многочисленными опытами Достоевскаго, Гаршинскимъ „Краснымъ цвѣткомъ", „Палатой № 6" и „Чернымъ монахомъ" Чехова, „Василіемъ Ѳивейскимъ" и „Краснымъ смѣхомъ" Леонида Андреева,—но повѣсть „Докторъ Круповъ" или, точнѣе, разсужденіе „О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности", второй послѣ Гоголевской повѣсти крупный фактъ въ исторіи русской литературной психопатологіи, не входитъ ни въ одинъ изъ ходячихъ типовъ очерка душевной ненормальности; она осталась до сихъ поръ тѣмъ одиночнымъ явленіемъ, тѣмъ удивительнымъ самородкомъ, какимъ была въ концѣ сороковыхъ годовъ среди освященнаго традиціей обихода словесности.

Въ свободной формѣ, соединяющей разсказъ, автобіографію, съ наброскомъ эксцентрической историко-философской системы, заявляемой отъ лица дилеттанта психіатріи, бывшаго студента медико-хирургической академіи, которому всего довелось только прослушать общій психіатрическій курсъ изъ устъ какого-то адъюнкта ветеринарнаго искусства, разсужденіе Крупова переходитъ отъ частныхъ наблюденій и остроумныхъ замѣтокъ къ обобщеніямъ, печальнымъ и страшнымъ, которыя своимъ выводомъ торжествующаго безумія охватываютъ всю жизнь человѣчества. Склонности романиста сказались въ изображеніи среды, изъ которой вышелъ Круповъ, дома его отца-діакона, его товарищей, полу-сознательнаго, одичавшаго пономарскаго сына Левки. Затравленный, молчаливый, ожесточившійся Левка съ его вѣрной подругой, жалкой собаченкой, среди своего юродства и умственной отсталости страстно привязывающійся къ діаконскому

сыну, выражая свою любовь наивными ласками благодарнаго звѣрька, самъ по себѣ, отдѣльно взятый,—одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ большой художественной силы Герцена. Но этотъ мастерски изваянный характеръ, исполнивъ свое назначеніе и наведя наблюдательнаго сверстника бѣднаго, всѣми гонимаго парня на мысли и догадки о томъ, „что всѣ остальные люди—юродивые, только на свой ладъ, и сердятся, что Левка глупъ по своему, а не по ихъ", сходитъ со сцены, чтобы уступить мѣсто какъ бы внушеннымъ его судьбой quasi-научнымъ разсужденіямъ медика-любителя свободомысленной философіи.

Въ этихъ разсужденіяхъ какъ будто разлитъ незлобивый юморъ; „выписки изъ журналовъ леченія" или скорбныхъ листовъ врача, въ родѣ госпитальной характеристики „субъекта 29-го, мѣщанки Матрены Бучкиной", въ которой собраны всѣ очевидные признаки ея безграничнаго, невмѣняемаго тупоумія, или вплетенныя въ соціально-психіатрическій этюдъ сцены изъ губернской практики Крупова среди нервныхъ и блажныхъ помѣщицъ носятъ на себѣ слѣды насмѣшливой шалости. Она отразилась въ послѣсловіи къ „Крупову", написанномъ Герценомъ ровно тридцать лѣтъ спустя, въ 1867 году, въ Италіи („Aphorismata. По поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова. Сочиненіе прозектора и адъюнктъ-профессора Тита Левіаѳанскаго" [1]). Но мысль широко обобщается, выходитъ изъ рамокъ остроумныхъ сужденій и характеристикъ, изъ круга отдѣльныхъ наблюденій, на всенародный историческій просторъ, ничѣмъ не нарушая естественнаго тона любительскихъ разсужденій захолустнаго врача-философа. Безуміе въ исторіи древней и новой, вспоминаясь ему въ большомъ выборѣ прославленныхъ дѣлъ жестокости, опустошенія, гоненій, массовыхъ истребленій, дикаго самовластія,—психическія эпидеміи толпы и злобныя маніи отдѣльныхъ безумцевъ, увѣнчанныхъ слѣпымъ преданіемъ, сливается въ представленіе о гигантски-необъятномъ домѣ сумасшедшихъ. Взрывъ презрительно-насмѣшливаго обличенія достигаетъ неожиданной, быть можетъ, у Герцена безпощадной ироніи Свифта съ его повальными осужденіями человѣчества. Титъ Левіаѳанскій, не вѣдая о такомъ писателѣ, ссылается на „одного англійскаго автора, Бирона", высказавшаго „замѣчательную по вѣрности мысль, что еслибъ изъ Бедлама выпустить больныхъ, а здоровыхъ, внѣ Бедлама находящихся, запереть, то значительной разницы не было бы замѣтно", и на Шекспира, сказавшаго въ „Гамлетѣ", что

[1]) Сочин. Герцена, Женева, 1879 г., томъ X, 405—432.

„сумасшедшаго датскаго принца затѣмъ и посылаютъ въ Англію, чтобъ его состояніе не было замѣтно въ странѣ, гдѣ всѣ поврежденные“. Но мракъ и ужасъ не застилаютъ, какъ у великаго англійскаго сатирика, міровой жизни, и въ борьбѣ свѣта съ тьмою, свободы съ насиліемъ, указано избавленіе, выходъ. Когда въ самодѣльной исторической картинѣ Крупова выступаетъ безуміе преслѣдованія христіанъ за вѣру въ умиравшемъ языческомъ мірѣ, и высказывается мысль о дикой безполезности этихъ гоненій,—потому что „палачество, тюрьмы, кровь, истязанія, ничего не могли сдѣлать противъ сильныхъ убѣжденій“,—за этимъ, допустимымъ и въ стѣсненныхъ условіяхъ тогдашней русской печати [1]), заявленіемъ, опирающимся на величіе религіознаго подвижничества и мученичества, чудится защита „сильныхъ убѣжденій“ и въ области общественно-политической или научно-освободительной отъ жестокихъ, безсмысленныхъ и безполезныхъ насилій. Къ апоѳеозу торжествующей мысли приходитъ облеченная въ психіатрическій нарядъ сатира Герцена, одна изъ наиболѣе глубокихъ по замыслу во всей русской литературѣ.

„Круповъ“, съ его удручающей философско-исторической основой и невеселымъ смѣхомъ,—и рядъ удивительныхъ по неудержимому, бойкому, ѣдкому, или необузданно-шаловливому остроумію журнальныхъ „полемическихъ“ статей и очерковъ,—какое странное сочетаніе! Но эта игра красокъ одновременна. Проблески боевой насмѣшливости въ „Запискахъ молодого человѣка“ или въ „Кто виноватъ?“ превзойдены въ нѣсколькихъ выдающихся образцахъ колкой пародіи или непрерывной остроумной потѣхи, служащей цѣлямъ идейной полемики и обдающей противниковъ огненными брызгами смѣха. Цѣль — прикладная; статьи эти—вспомогательный отрядъ въ неутомимой войнѣ арміи „Отечественныхъ Записокъ“ съ славянофильствомъ, подъ стать къ остроумнымъ вылазкамъ Бѣлинскаго противъ того же непріятеля, подъ видомъ „Журнальной всячины“, „Литературныхъ замѣтокъ“ и т. д., которыя, неотступно слѣдя за всѣми движеніями и заявленіями въ противоположномъ лагерѣ, такъ много содѣйство-

[1]) Для включенія въ классификацію видовъ душевнаго недуга войнолюбивой маніи, касаться которой было опасно, понадобился описательный пріемъ. Круповъ вспоминаетъ, какъ „по окончаніи курса его отправили лекаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною на этомъ спеціальномъ поприщѣ безумія; я имъ посвятилъ особый отдѣлъ въ большомъ сочиненіи моемъ“. Выноска гласитъ: „См. Сравнительной психіатріи часть I, глава IV. Марсоманія, отдѣлъ I, Марсоманія мирная“ и т. д.

вали успѣху главнаго, идейнаго спора. Время должно бы обезцвѣтить эти порожденія минуты, угасшей, забытой вмѣстѣ съ ближайшими поводами къ перестрѣлкѣ. Но все еще полны жизни, блеска и остроты эти старыя полемическія статьи. Послѣ Пушкинскихъ пародій и шутокъ, пускавшихся въ дѣло во время журнальной полемики подъ маской Ѳеофилакта Косичкина или иной личиной, то былъ первый выдающійся образецъ этого литературнаго жанра.

„Москвитянинъ" и Погодинъ въ особенности возбуждали комизмъ Герцена, давая ему неистощимый матеріалъ для пародій или настойчиваго, неотвязнаго комментарія къ восторженнымъ, націоналистично-напыщеннымъ, научно несостоятельнымъ статьямъ московскаго журнала. Можно ли было хладнокровно выслушивать нѣмцеубійственные доводы, выставлявшіе превыше всего славянскую національность Коперника и подвергавшіе его имя всякимъ лже-филологическимъ тиранствамъ, пока оно, вывернутое на изнанку, не дало мистическаго символа *покоры*, которою великій астрономъ побѣдилъ міровую мысль,—можно ли было смолчать, слыша, какъ „въ лирическомъ паѳосѣ" возвѣщалось, что „Коперникъ духовно сочетался съ великими міровыми именами Галилея, Кеплера, Ньютона, по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собой"? Суровое обличеніе сугубой безсмыслицы и невѣжества, считающаго, что ученый шестнадцатаго столѣтія можетъ идти по слѣдамъ великихъ умовъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка, и оставлять ихъ за собой, какъ-то не по нраву богатому остроуміемъ полемисту,—открывается раздолье колкой и въ то же время какъ будто безобидной насмѣшливости, которая не пощадитъ ни одного промаха, не оставитъ невредимой ни одной частности статьи. Такъ вырвалась на волю стая пародій, — „Москвитянинъ о Коперникѣ", „Москвитянинъ и вселенная", „Умъ хорошо, а два лучше" (напечатана уже за-границей), — а къ нимъ примкнулъ, быть можетъ, лучшій цвѣтъ Герценовскаго чисто-комическаго жанра,— „Путевыя Записки г. Ведрина", всего небольшой отрывокъ, который, завлекая читателя въ самую глубь уродливыхъ несообразностей Погодинскаго описанія Европы, возбуждаетъ сожалѣніе о томъ, что такъ скупо дѣлится авторъ пародіи съ своей публикой,— очевидно, у него еще въ запасѣ непочатой край смѣха! Схватить духъ ворчливыхъ или патріотическихъ лаконизмовъ „путевого дневника", этихъ „энергическихъ фразъ, изрубленныхъ въ куски, читая которыя, кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фашиннику", — перенести картину путешествія съ тлетворнаго

Запада въ родную Русь и освѣтить впечатлѣнія и приговоры путника то лиризмомъ народника и археолога, то воркотней расчетливаго, скопидомнаго хозяина-эконома, негодующаго на человѣческую алчность, было легкой игрой, шалостью, для дарованія разносторонняго. Но жало сатиры чувствуется,—и когда Ведринъ, залюбовавшись плоскимъ среднерусскимъ видомъ и возглашая, что хваленая Италія ничто передъ нимъ, чествуетъ „усердіе работы мужичковъ" въ поляхъ, и съ Карамзинской чувствительностью находитъ, что не „земледѣльческіе классы намъ, мы имъ должны завидовать: въ простотѣ душевной они работаютъ, не зная бурь и тревогъ, напиханныхъ въ нашу душу, ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки",—мрачный фонъ крѣпостничества проступаетъ сквозь веселое освѣщеніе насмѣшки. Еще рѣшительный шагъ дальше, и она служитъ уже серьезной, общественно-полезной цѣли. Юморъ Герцена, и въ ту пору неспособный замкнуться въ тѣсныя рамки журнальной полемики съ ея поединками и абордажемъ, проявился въ сверкающей умомъ сатирической параллели Москвы и Петербурга.

Мысль этой параллели не была новою. Еще въ Пушкинскомъ „Современникѣ", образуя собой первую часть задуманной Гоголемъ фельетонной бесѣды или „Петербургскихъ Записокъ 1836 года" [1]), данъ былъ, стѣсненный на небольшомъ пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ сравненій обычаевъ, пріемовъ, внѣшности обоихъ городовъ и ихъ жителей, первообразъ Герценовской статьи. Контрасты, подмѣченные и выведенные Гоголемъ, не выходили, правда, изъ опредѣленнаго круга мотивовъ: бездѣятельность и суетливость, грузное довольство и гулящее легкомысліе, старосвѣтская распущенность и модное щегольство, дворянско-купеческая флегма старой столицы и департаментская душа новой и т. п. Нѣсколько сравненій, взятыхъ изъ литературнаго міра, одни только и отличаются новизной мысли, да и нѣкоторой смѣлостью („Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности"...). Какъ измѣнилась, ожила и идейно расширилась тема, какъ только коснулся ея Герценъ!

---

[1]) Тихонравовъ относилъ зарожденіе этой статьи еще къ 1835 году, послѣ остановки Гоголя, по пути на родину, въ Москвѣ, особенности которой рѣзко бросились ему въ глаза. (Сочин. Гоголя, издан. X, V, 656).

Еще въ 1842 году, во время новгородской служебной интермедіи, или „второй ссылки", по его словамъ, онъ „написалъ двѣ статьи, сильно ходившія по рукамъ" [1]): „Москва и Петербургъ" и „Владиміръ и Новгородъ"; ни та, ни другая не были тогда напечатаны; время для того настало лишь пять лѣтъ спустя,— и только для параллели между двумя столицами. В. Драшусовъ, собиравшій статьи въ задуманный имъ „Московскій Городской Листокъ", эту оригинальную и недолговѣчную попытку коалиціоннаго изданія, въ которомъ Герценъ выступалъ рядомъ съ Хомяковымъ, историкомъ Соловьевымъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Грановскимъ, первинками Островскаго, вызвалъ у Герцена своимъ настойчивымъ предложеніемъ мысль „передѣлать, *особенно въ видахъ цензуры*", его статью „Москва и Петербургъ". Такъ возникла вторая ея редакція, превращенная по внѣшности въ путевой очеркъ „Станція Едрово". На старой основѣ наслоилось беллетристическое введеніе, въ духѣ лучшихъ и наиболѣе оживленныхъ по темпу діалога и обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, бытовыхъ сценъ автора. Возбужденный перенесенною незадолго передъ тѣмъ на комическій театръ, тенденціозно, по славянофильски, обработанной „встрѣчей москвичей и петербуржцевъ на большой дорогѣ", онъ надумалъ самъ „написать для „Листка" станцію". Выборъ палъ на Едрово, знаменитое и тѣмъ, что Радищевъ помѣстилъ въ немъ идиллію своей Анюты, и тѣмъ прозаическимъ достоинствомъ, что оно приходилось на половинѣ пути между Москвой и Петербургомъ, — говоря по-дантовски „nel mezzo del camin". Но Дантъ (вспоминается Герцену) тутъ-то и „сбился съ дороги", обрадованный вслѣдъ затѣмъ появленіемъ Виргилія, которое нарушило его одиночество, — русскому проѣзжему не грозитъ опасность потерять слѣдъ и, съ „душевной кротостью" ожидая, пока ему сварятъ шину, онъ награжденъ тѣмъ, что его одиночество нарушается появленіемъ—двухъ грузныхъ почтовыхъ каретъ, по одной изъ каждой столицы. Тотъ пестрый людъ, который извергаютъ онѣ изъ своего жерла, быстро наполняя станціонныя комнаты, съ своими типическими лицами, повадками, жаргономъ, живетъ, суетится или прохлаждается передъ нами. Главныя фигуры обоихъ отрядовъ, — новое изданіе Хлестакова, г. Чандрыкинъ, — посѣдѣвшій въ приказахъ петербургскій столоначальникъ, — купецъ съ бородой, — и обитатели

[1]) Предисловіе къ „Станціи Едрово", Сочин., VIII, 155; вступленіе къ первой редакціи, III, 277, также говоритъ о томъ, что статья „Москва и Петербургъ" обошла всю Россію въ рукописныхъ копіяхъ".

московскаго дилижанса, уподобившагося Ноеву ковчегу, съ „господами“, дворовыми, дѣтьми, комнатными собаками, фигуры въ архалукахъ, халатахъ, допотопныхъ нарядахъ, помѣщикъ, купецъ московскаго типа, столбовой баринъ,—вовлечены въ оживленный разговоръ, характеры уже обрисовались въ немъ, комическія роли уже намѣтились, разноголосица взглядовъ и нравовъ между обѣими группами выступила,—но труба петербургскаго кондуктора, зовущая занимать мѣста, разстраиваетъ все; дилижансъ увлекъ въ Москву щеголеватую часть публики; среди блаженнаго кейфа москвичей за чаемъ уѣзжаетъ и одинокій путешественникъ; прошедшія передъ его глазами сцены не пропали даромъ, сравненіе обоихъ городовъ развивается все шире въ его мозгу,—и знаменитая параллель начинается.

Введеніе къ ней было послѣднимъ, на долгое время, проявленіемъ беллетристическаго дарованія Герцена; то, что слѣдуетъ за этимъ импровизованнымъ прологомъ, конечно, несравненно выше его; еще сильнѣе та редакція, равная непечатнымъ спискамъ, которая появилась впервые лишь въ „Колоколѣ“ 1857 года. Восходя отъ шаловливыхъ, комическихъ сопоставленій къ очной ставкѣ двигательныхъ силъ, отражающихся въ складѣ и духѣ обоихъ городовъ и унаслѣдовавшихъ завѣты двухъ періодовъ русской исторіи, и, наконецъ, къ обличающей характеристикѣ новѣйшаго изъ этихъ періодовъ, Герценъ превратилъ привычную литературную игрушку въ политическую сатиру. „Само собою разумѣется, что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила рѣзкія мѣста“,—говоритъ онъ въ предисловіи къ тексту „Колокола“,—прибавляя къ этимъ словамъ выразительное замѣчаніе: „А они-то (рѣзкія мѣста) и составляютъ все достоинство этой шутки“. Но эти мѣста своимъ страстнымъ, гнѣвнымъ тономъ вырываются изъ понятія о *шуткѣ*. Не веселое, остроумное впечатлѣніе способно вызвать одно изъ начальныхъ положеній статьи. „Весь періодъ нашей исторіи отъ Петра I — загадка, нашъ настоящій бытъ — загадка... Этотъ разноначальный хаосъ взаимногложущихъ силъ, противоположныхъ направленій, гдѣ, иной разъ, всплываетъ что-то европейское, прорѣзывается что-то широкое и человѣческое, и потомъ тонетъ или въ болотѣ косно-страдательнаго славянскаго характера, все принимающаго съ апатіей—кнутъ и книги, права и лишеніе ихъ, татаръ и Петра, и потому въ сущности ничего не принимающаго; или въ волнахъ дикихъ понятій о народности исключительной, понятій, недавно выползшихъ изъ могилъ и не поумнѣвшихъ подъ сырой землей“,—гремитъ суровый голосъ

обличителя, и на весь процессъ общественной культуры надвигается густой мракъ. „Я во многомъ теперь не согласенъ,—оговаривался Герценъ, печатая свою *шутку* пятнадцать лѣтъ спустя,—„но оставилъ статью такъ, какъ она была, по какому-то чувству добросовѣстности къ прошлому“,—и въ періодъ перелома, когда на народныя основы, раскрывающіяся въ историческомъ развитіи быта, онъ взглянулъ иными глазами, не такъ сложился бы огульный приговоръ, — но онъ необыкновенно характеренъ для поры, непосредственно предшествовавшей эмиграціи Герцена. Сатирическое освѣщеніе переворотовъ новѣйшей русской исторіи зато удержится безъ перемѣнъ; въ „Москвѣ и Петербургѣ“ оно прямо предвѣщаетъ поразительныя оцѣнки „Былого и Думъ“. Довѣрчивость Москвы, узнававшей лишь по слуху о перемѣнахъ, такъ какъ пріѣдетъ курьеръ и привезетъ грамотку,—„вѣрившей печатному, кто царь и кто не царь, вѣрившей, что Биронъ добрый человѣкъ, а потомъ, что онъ злой человѣкъ, вѣрившей, что самъ Богъ сходилъ на землю, чтобъ посадить Анну Іоанновну, а потомъ Анну Леопольдовну, а потомъ Іоанна Антоновича, а потомъ Елисавету Петровну, а потомъ Петра Ѳедоровича, а потомъ Екатерину Алексѣевну на мѣсто Петра Ѳедоровича“,—и трезвость сужденія многоопытнаго Петербурга, который „очень хорошо знаетъ, что Богъ не пойдетъ мѣшаться въ эти темныя дѣла, который видѣлъ оргіи Лѣтняго сада, и Анну Леопольдовну, спящую съ любовникомъ на балконѣ Зимняго дворца, а потомъ сосланную, который видѣлъ похороны Петра III и похороны Павла I, много видѣлъ и много знаетъ“, — ставятъ общіе приговоры на уровень отдѣльныхъ, мѣтко освѣщенныхъ моментовъ и частностей. Характеристика Москвы, совсѣмъ задремавшей, всѣми забытой, а въ 1812 году вдругъ „замѣшавшейся съ своимъ Кремлемъ въ исторію Европы, — кстати сгорѣвшей, кстати обстроившейся“, но затѣмъ не „развившей въ себѣ народности самобытной и образованной“, а „растянувшейся на сорокъ верстъ, да и почивающей опять“, тогда какъ „Наполеона не предвидится“ — совсѣмъ уже входитъ въ кругъ традиціонной комической параллели, и затѣмъ открывается раздолье смѣха.

Но не слезы слышатся въ этомъ смѣхѣ подчасъ, а все та же нотка политической сатиры. Противоположность московскихъ „говорителей“ съ петербургскими „дѣйствователями“ проведена безпощадно. „Молодой москвичъ не подчиняется формамъ, либеральничаетъ, и именно въ этихъ либеральныхъ выходкахъ виднѣется закоснѣлый скиѳъ. Этотъ либерализмъ проходитъ у москвичей

тотчасъ, какъ побываютъ въ тайной полиціи... Въ Петербургѣ часто благородные московскіе говорители становятся подлѣйшими дѣйствователями... Въ Петербургѣ вообще либераловъ нѣтъ, а коли заведется, такъ въ Москву не попадаетъ; они отправляются отсюда прямо въ каторжную работу или на Кавказъ",—и сатирикъ переходитъ къ реальнымъ примѣрамъ. „Полевой въ пятый день по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался вѣрноподданнымъ", тогда какъ (въ образецъ рѣдкаго исключенія) „Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клотца". Но шутка все же вступаетъ въ свои права, и на картинѣ повседневной жизни, привычекъ, странностей, уродствъ обоихъ городовъ мысль не столько отдыхаетъ, сколько развлекается на время послѣ печалей обличенія. Въ бытовой полнотѣ эта картина уступаетъ той, которая слагается изъ „физіологическаго" очерка петербургской жизни, съ неизбѣжной, конечно, московской параллелью, выполненнаго для одного изъ Некрасовскихъ сборниковъ Бѣлинскимъ [1]), но превосходитъ ее по блеску остроумія. Въ томъ оригинальномъ островкѣ, который образуютъ собой въ сатирѣ первой половины прошлаго вѣка „Петербургскія Записки" Гоголя, „Москва и Петербургъ" Герцена и обширный очеркъ Бѣлинскаго, Герценовская шутка выдѣляется и своею рѣдкой силой, и положенной въ основу серьезной задачей. Какъ все, что̀ ни выходило тогда изъ-подъ пера ея автора, она служила подъ завлекательнымъ покровомъ веселости высшимъ цѣлямъ освободительной пропаганды.

„Письмами изъ Avenue Marigny",—этимъ послѣднимъ прямымъ общеніемъ Герцена съ русскимъ читателемъ, которое обѣщало стать наравнѣ съ выдающимися образцами этого оттѣнка политической литературы, „Парижскими Письмами" Гейне или Бёрне, пока оно не было прервано цензурными помѣхами,—закончился *русскій* періодъ дѣятельности Герцена. Его главнымъ, преобладающимъ отличіемъ было широкое проявленіе *литературнаго* таланта, соединеннаго съ чуткой къ общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ и къ политическому возрожденію научно-просвѣтительной проповѣдью. Имя Искандера вошло въ кругъ популярнѣйшихъ писательскихъ и публицистическихъ

[1]) „Петербургъ и Москва"; появилось въ первой части сборника „Физіологія Петербурга", 1845.

именъ; руководящая критика, слѣдомъ за Бѣлинскимъ, ввела его въ плеяду вождей новой беллетристики, называя его наряду съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ. Въ глазахъ Бѣлинскаго [1]), онъ былъ уже „большимъ человѣкомъ" въ литературѣ; онъ „можетъ оказать сильное и благодѣтельное вліяніе на современность". У него „страшно много ума, такъ много, что я и не знаю,—восклицаетъ Бѣлинскій,—*зачѣмъ его столько* человѣку; у него много и таланта, и фантазіи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который все родитъ изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ, подчиненнымъ ему началомъ"... „У него все оригинально, все свое—даже недостатки. Но поэтому-то и недостатки у него часто обращаются въ достоинство". Создавалось такое выдающееся положеніе, что передъ нимъ часто склонялись различіе въ убѣжденіяхъ или властная роль литературныхъ свѣтилъ. Такъ, Гоголь ставилъ въ 1847 году Анненкову [2]) запросъ о Герценѣ, съ которымъ онъ собирался „непремѣнно познакомиться, когда будетъ въ Москвѣ". „Я слышалъ о немъ много хорошаго",—говорилъ Гоголь;—„о немъ люди всѣхъ партій отзываются, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Это лучшая рекомендація въ наше время". И Герценъ сознавалъ самъ силу своего вліянія и значенія въ ту пору своей дѣятельности, еще чуждой публицистики въ точномъ смыслѣ слова. Когда, въ 1855 году, въ предисловіи къ русскому тексту „Съ того берега", обращенномъ къ сыну, онъ вызывалъ его „идти въ свое время проповѣдывать религію грядущаго общественнаго пересозданія къ намъ домой", онъ, на исходѣ продолжительной переходной поры и наканунѣ своей политической знаменитости, загадывалъ о возможности успѣха, опираясь на былое свое значеніе въ Россіи: „Тамъ когда-то любили мой языкъ и, можетъ, вспомнятъ меня".

Во всеоружіи таланта, ослѣпительнаго ума и несомнѣннаго вліянія покинулъ онъ Россію, вполнѣ допуская, повидимому, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія изъ нея, возобновленіе своей дѣятельности, т.-е. прежде всего работы писателя, беллетриста, критика, просвѣтителя, единственно возможной для него при возраставшей послѣ парижскихъ февральскихъ событій 1848 года и ихъ широкаго европейскаго отзвука политикѣ обузданія русскихъ общественныхъ силъ. За этой работой

[1]) Письмо „московскимъ друзьямъ", 6 апр. 1846 г.; Пыпинъ, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка".

[2]) Письма Гоголя, изд. подъ ред. В. Шенрока, IV, письмо изъ Остенде, 7 сент.

таилось несмолкавшее въ немъ съ ранней юности, все глубже его охватывавшее, не находя достаточнаго выраженія, стремленіе изучать, истолковывать, возвѣщать основы освободительныхъ соціально-политическихъ ученій. Онъ шелъ теперь навстрѣчу западной цивилизаціи, которая съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ его являлась свѣточемъ, озарявшимъ его путь. Повсемѣстные признаки общественнаго движенія, предвѣщавшіе революціонный годъ, манили его роскошной будущностью всеобщаго обновленія. Съ великими созданіями творчества, научной и философской мысли, въ сферѣ которыхъ онъ воспитался, должна была теперь соединиться активная сила разумнаго и свободнаго соціальнаго переустройства, которое оставитъ далеко за собой неясныя гуманныя мечты, волновавшія когда-то юнаго сенъ-симониста.

Въ этомъ свѣтломъ ожиданіи оставилъ онъ за собой полосатый русскій пограничный шлагбаумъ, направляясь къ обѣтованной землѣ.

Алексѣй Веселовскій.

СИЛЫ ЗЕМЛИ

Романъ Ренэ Базэна.

— *René Bazin*. Le blé qui lève. Paris. 1907. Calmann-Lévy.

Окончаніе.

XI *).

— Хорошо, Клокэ! Вы получите то же, что̀ остальные: пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ съ пансіономъ. Ваши волы не подкованы?

— Нѣтъ, г. Вальмерѝ. У насъ ихъ такъ же не подковываютъ, какъ и барановъ.

— Вы зайдете завтра поутру въ кузницу. Ступайте.

Человѣкъ, заканчивавшій разговоръ съ Жильберомъ въ конторѣ фермы, говорилъ отрывисто, у него была квадратная борода и упрямое лицо. Это былъ г. Вальмерѝ, владѣлецъ огромной фермы „du Pain-Fendu", ученый агрономъ, происходившій изъ семьи, извѣстной въ магистратурѣ.

Вальмерѝ самъ проводилъ новаго работника по коридору, отдѣлявшему контору отъ столовой для служащихъ и выходившему во дворъ. Онъ крикнулъ:

— Жюдъ! Привели воловъ изъ Ньевра. Прикажите поставить ихъ въ третій хлѣвъ.

Жильберъ вернулся къ своимъ воламъ, стоявшимъ по-парно, и, положивъ руку на шею Монтаня и Россиньо̀, онъ ждалъ съ

*) См. выше: февр., стр. 660.

бородою, развѣвающеюся по вѣтру, и сдвинутою на затылокъ шляпою, появленія Жюда Гейльмана, управляющаго, мывшаго руки въ корытѣ въ углу огромнаго двора. Управляющій выпрямился, отряхнулъ руки, оправилъ рукава рубашки и подошелъ къ Жильберу, пораженному его ростомъ, свободою его движеній, пристальностью сѣро-стального взора. У этого великана, одѣтаго въ рубашку и штаны, было маленькое красное лицо и золотистые унтеръ-офицерскіе усы.

— Вы Жильберъ? — спросилъ онъ.—Вы староваты для погонщика.

— Я могъ бы сказать, что вы слишкомъ молоды для надсмотрщика, и мы оба были бы неправы. Судите обо мнѣ по моей работѣ.

— Хорошо. Довольно. Распрягайте вашихъ воловъ. А это что̀ за украшеніе позади ярма?

Онъ указывалъ на выкрашенную въ красную краску рукоятку, которую землепашцы Ньевра придѣлываютъ къ ярму воловъ— ради украшенія.

— Это, г. Гейльманъ, въ знакъ вниманія къ добрымъ воламъ, значитъ. У насъ въ Фонтэнейлѣ не прочь щегольнуть. Да и есть чѣмъ, по правдѣ сказать.

Легкимъ прикосновеніемъ къ стрекалу, лежавшему на мордѣ Россиньо̀, онъ заставилъ повернуться на мѣстѣ первую пару воловъ.

— Видали вы?—бормоталъ онъ про себя:—даже не похвалилъ эдакихъ животныхъ! Эти пикардійцы и воловъ-то настоящихъ не видывали! Ихъ волы только и годятся что для яслей на Рождествѣ...

Дѣйствительно, разница бросалась въ глаза во дворѣ, гдѣ содержался откармливаемый на продажу скотъ.

На громадномъ дворѣ съ изгородью изъ желѣзныхъ перекладинъ, укрѣпленныхъ между массивными столбами, и покрытомъ на восемьдесятъ сантиметровъ отъ земли навозомъ, шестеро большихъ бѣлыхъ, медленно поворачивавшихся воловъ рѣзко отличались отъ сорока рыжихъ съ пятнами мѣстныхъ воловъ, бродившихъ или дремавшихъ среди дымившагося навоза, который предполагалось вывезти на поля. Повсюду были разставлены корыта съ пойломъ, выжимками изъ свекловицы и рубленою соломою. У выхода сторожила цѣпная собака. Тутъ же находились утки, курицы, голуби, жившіе на скотномъ дворѣ.

Многочисленныя зданія фермы, всѣ изъ краснаго кирпича, крытыя черепицею, представляли собою длинный прямоугольникъ,

и въ этой рамѣ изъ краснаго камня и золотившагося на солнцѣ навоза торжественное шествіе шестерки колоссальныхъ бѣлыхъ воловъ казалось необычайно эффектнымъ; рабочіе останавливались, голуби взлетали на крышу, испуганные ихъ высокими рогами и большими размѣрами. Всѣ на фермѣ, исключая надсмотрщика, не обратившаго на нихъ вниманія, словно говорили:

— Вотъ красавцы! Какіе послушные! Что за нарядная красная рукоятка!

Жильберъ видѣлъ, что за нимъ наблюдаютъ, и онъ шелъ по освѣщенной солнцемъ дорогѣ прямо къ хлѣву, гдѣ нашелъ еще штукъ двадцать бѣлыхъ ньеврскихъ воловъ, но болѣе молодыхъ, уже пріученныхъ къ хомуту, къ упряжи, имѣющей видъ лохмотьевъ и совершенно не похожей на живописное древко ярма, подъ которымъ животныя, когда нужно сдѣлать усиліе, низко склоняютъ могучую шею и снова ее выпрямляютъ, когда имъ становится легче.

Жильберъ посвятилъ все послѣ-обѣденное время на уходъ за животными и на осмотръ мѣстности. Онъ видѣлъ на своемъ вѣку много прекрасныхъ фермъ, но ему еще не случалось встрѣчать хозяйства такихъ размѣровъ, походившаго на заводъ, какое онъ нашелъ здѣсь въ этой пограничной мѣстности.

Онъ чувствовалъ себя чужимъ на этой плоской равнинѣ, горизонтъ которой заволакивался молочно-бѣлымъ туманомъ, и среди него смутно выдѣлялись неясныя очертанія деревень, фабричныхъ трубъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. Ближайшій, самый крупный поселокъ, почти городокъ, назывался Onnaing.

Солнце и мухи тревожили скотъ, запертый въ стѣнахъ; запахъ навоза чувствовался сильнѣе. Возвращались телѣги съ остатками сноповъ соломы, поднимая столбы золотистой пыли. Слышались ругательства, топотъ, лязгъ цѣпей...

Жильберъ съ другими обитателями „Pain-Fendu“ вошелъ въ оклеенную обоями низкую столовую. За длиннымъ дубовымъ, покрытымъ клеенкою столомъ съ тарелками и салфетками (чего не было на фермѣ „La-Vigie“), сидѣло двое погонщиковъ, двое конюховъ, двѣ скотницы, пахнувшія кислымъ молокомъ, а на главномъ мѣстѣ — Жюль Гейльманъ съ его толстымъ, грубымъ лицомъ, и рядомъ съ нимъ... Когда Жильберъ разглядѣлъ при свѣтѣ лампы, боровшемся съ дневнымъ свѣтомъ, молодую жену управляющаго, онъ смутился, не рѣшаясь сѣсть, какъ будто бы въ присутствіи одной изъ знатныхъ ньеврскихъ дамъ, хотя Перрина Гейльманъ вовсе не была знатной дамой.

На ней было черное платье и передникъ цвѣта мальвы съ

наплечниками; отличительными качествами ея были: живость, простота, веселость; она всюду поспѣвала — отъ птичника до молочной, заглядывала даже на скотный дворъ, и люди, хорошо знакомые съ фермою, говорили, что управляющій умѣетъ лишь кричать, а всю работу дѣлаетъ жена управляющаго. Но Жильберъ видѣлъ лишь ея чудные свѣтло-каштановые волосы, лежавшіе спереди пышными бандо и приподнятые на затылкѣ узломъ, тонкую шею, розовое, немного круглое лицо съ тонкими, какъ у маркизы де-Мексимьё, чертами. Оно не было такимъ одухотвореннымъ, какъ лицо Антуанеты Жакменъ, но выражало большую доброту, силу воли, готовность услужить, и Жильберъ ясно читалъ это въ ея сѣрозеленыхъ съ золотистыми искрами глазахъ, устремленныхъ на новопришедшаго.

Онъ неловко поклонился и сѣлъ за столъ. Г-жа Гейльманъ, къ большому его изумленію, перекрестилась и, занявъ мѣсто, принялась раздавать супъ и порціи мяса. Мужчины ѣли съ жадностью, г-жа Гейльманъ смѣялась иногда ихъ словамъ, они же не обращались къ ней, стѣсненные не тѣмъ, что она—хозяйка, но ея изяществомъ.

Мужъ ея, бывшій головою выше всѣхъ, хотя среди нихъ были рослые молодцы, ѣлъ методически, запивая ѣду пивомъ, и смотрѣлъ въ стѣну, словно видѣлъ передъ собою поля и высчитывалъ будущіе барыши. Онъ всегда былъ погруженъ въ вычисленія и отдавалъ приказанія поутру, вообще же предпочиталъ молчать.

Къ концу ужина, когда другіе встали и вышли на дворъ покурить, одинъ изъ погонщиковъ закурилъ трубку и, облокотившись локтями на столъ, принялся безцеремонно пускать клубы дыма. Жильберъ, желая дать урокъ невѣжѣ, а также— показать, что у нихъ въ Ньеврѣ—люди благовоспитаннѣе, взялъ свой стулъ, переставилъ его къ печкѣ и проговорилъ, приподнявъ фуражку:

— Съ вашего позволенія, хозяюшка, нельзя ли закурить?

— Пожалуйста, мосьё Клокэ. Здѣсь всѣ курятъ.

Она обернулась къ нему для отвѣта, а затѣмъ принялась выслушивать наставленія мужа, выговаривавшаго ей за какое-то упущеніе въ ея непрерывной работѣ. Когда Гейльманъ вышелъ, она помогла служанкамъ прибрать со стола и, проходя мимо Жильбера, сказала:

— Я видѣла сегодня самыхъ великолѣпныхъ ньеврскихъ воловъ, какихъ только мнѣ случалось видѣть въ жизни. Если они хорошо идутъ въ упряжи, это просто чудо.

— Спасибо, что похвалили ихъ,—сказалъ Жильберъ, снявъ фуражку и словно собираясь передать воламъ ея слова.

Онъ тоже вышелъ; на небѣ проглянули звѣзды, ночь была безлунная, теплая. Трое рабочихъ, сидя на камняхъ, разговаривали; нѣсколько далѣе Жильберъ наткнулся на влюбленную пару: мужчина обнималъ женщину, одну изъ служанокъ, и Жильберу вдругъ сдѣлалось грустно; онъ пошелъ въ хлѣвъ, гдѣ ему предстояло спать.

На фермѣ „La Vigie" въ молодые годы постель его стояла въ углу хлѣва за деревянною перегородкою; здѣсь ее замѣняла подвѣшенная надъ стойлами койка, къ которой нужно было взбираться по лѣстницѣ.

Несмотря на усталость, Жильберъ долго не могъ заснуть. Онъ не думалъ ни о Мари, ни о родной деревушкѣ, ни о товарищахъ. Стыдъ, боязнь передъ страданіемъ — заставляли его гнать эти воспоминанія и переноситься мыслью къ тому времени, когда онъ жилъ въ обстановкѣ, похожей на эту, у г. Фортье. Онъ сравнивалъ свое прошедшее съ тѣмъ, что̀ видѣлъ здѣсь у пикардійцевъ, и спрашивалъ себя, почему онъ попалъ именно сюда, а не въ Шампань или другое мѣсто? Онъ чувствовалъ себя пришлецомъ, котораго ничто не удерживаетъ здѣсь. Передъ нимъ воскресали подробности нынѣшняго вечера. Образъ человѣка, обвивавшаго рукою станъ женщины, странно смущалъ его. У себя дома онъ никогда объ этомъ не думалъ, и при видѣ такихъ сценъ говорилъ себѣ: „Ну и хорошо,—скорѣе поженятся".

Но почему же въ этомъ пикардійскомъ болотѣ такія мысли оказывались навязчивѣе? Почему его кровь, кровь человѣка немолодого—разгорячалась такъ, словно онъ былъ юноша? Жильберъ понялъ, что причина перемѣны крылась не только въ обстановкѣ, но и въ немъ самомъ. Обычные свидѣтели его жизни были слишкомъ далеко.

А буйный вѣтеръ Пикардіи гулялъ за стѣнами хлѣва.

XII.

Поутру, накормивъ своихъ воловъ, онъ запрягъ въ ярмо четырехъ самыхъ лучшихъ, твердо рѣшивъ сейчасъ же уйти, если ему прикажутъ перепречь ихъ на здѣшній ладъ. Онъ зашелъ за завтракомъ, состоявшимъ изъ хлѣба съ масломъ и литра пива, и затѣмъ направился въ поле.

Его участокъ былъ по близости отъ рѣки, осѣненной малорослыми ивами. Повсюду разстилались безконечныя желтыя поля овса и ржи, равнина, не знавшая тѣни. Высохшая отъ зноя земля не разсыпалась подъ плугомъ,—она отскакивала кусками, какъ штукатурка, скрипѣла какъ камень, отъ нея подымалась ѣдкая пыль.

Неподалеку отъ Жильбера работали другіе, но ихъ волы чаще останавливались и дольше отдыхали, чѣмъ его упряжка. Къ десяти часамъ утра пространство, имъ обрабатываемое, оказалось на цѣлую треть больше другихъ участковъ, и развороченная земля дымилась на солнцѣ.

— Чистая работа!—сказалъ проходившій мимо въ соломенной шляпѣ и высокихъ сапогахъ Гейльманъ: — но ваши волы подохнутъ до конца недѣли.

— Ни я, ни они, никто изъ насъ не подохнетъ,—отвѣтилъ Жильберъ.

— Мы это увидимъ, когда придется выкорчевывать свекловицу, очистить пятьдесятъ гектаровъ, перевезти сто-пятьдесятъ тысячъ кило до 15-го ноября.

Вечеромъ на фермѣ только и было разговору, что о погонщикѣ изъ Ньевра и объ его волахъ.

Жильберъ за столомъ слышалъ, какъ надъ нимъ подсмѣивались и похваливали его. Онъ почувствовалъ себя еще болѣе чужимъ.

Послѣ ужина онъ занялъ прежнее мѣсто у печки. Жена управляющаго не обращала на него вниманія; ей приходилось услуживать мужчинамъ и отвѣчать на болтовню служанокъ, строившихъ планы по поводу завтрашняго воскресенья.

Но когда мужчины ушли, она такъ же, какъ вчера, подошла къ нему и остановилась передъ нимъ.

— А вы что̀ намѣрены дѣлать завтра?

— Ничего, г-жа Гейльманъ.

— Вы не бываете у обѣдни?

— Нѣтъ.

Она сострадательно положила ему руку на плечо.

— Вы кажетесь несчастнымъ, мосьё Клокэ. Такой хорошій работникъ! Вы скучаете по вашей деревнѣ?

— Нѣтъ.

— Если вы больны, не тревожьтесь. Здѣсь люди—добрые. Уходъ за вами будетъ хорошій, такъ и знайте.

Она увидѣла, что онъ глядитъ на нее снизу вверхъ, какъ собака, которую приласкали, и въ этомъ заблестѣвшемъ взглядѣ

она прочла изумленіе, признательность, волненіе, желаніе, чтобы это продлилось... Она разсмѣялась.

— Полноте! Проживете здѣсь недѣльку—со всѣмъ освоитесь. Вы уже не молоды, а васъ можно принять за ребенка. Бѣдный мой Клокэ!

Она снова принялась за уборку.

Жильберъ вышелъ, не оборачиваясь. Онъ обошелъ дворъ и, сѣвъ у кузницы, гдѣ огонь уже погасъ, провелъ по лбу рукою, словно отгоняя видѣніе и эти постоянно повторявшіяся въ его умѣ слова: „Бѣдный мой Клокэ!"

Какъ она это сказала! Такъ же, какъ говорила ихъ когда-то Адель Миреттъ, которую онъ любилъ. Тотъ же голосъ, то же движеніе, и въ глазахъ—та же ласка.

— „Погляди мнѣ въ глаза, Клокэ,—я страдаю, когда ты страдаешь".

Старыя, забытыя и вмигъ воскресшія послѣ долгихъ лѣтъ слова! Какая она хорошенькая, эта г-жа Гейльманъ!

На слѣдующій день онъ, вопреки своей бережливости, отправился обѣдать въ трактиръ и вернулся на ферму поздно вечеромъ. Онъ, подобно новобранцу, весь день пробродилъ по окрестностямъ.

Вскорѣ начались дожди.

Въ теченіе многихъ недѣль тяжелыя работы поглощали и утомляли людей, лошадей и воловъ. Разсвѣтало поздно, и солнце по бòльшей части вскорѣ заволакивалось туманами. Наступилъ сборъ свекловицы. По разрытымъ дождями дорогамъ Жильберъ съ товарищами сопровождалъ телѣги, нагруженныя свекловицею, до сахароварни въ Onnaing. Всю шестерку воловъ приходилось впрягать въ телѣгу; желѣзные обода и колеса гнулись подъ тяжестью.

Приходилось останавливаться для того, чтобы дать передохнуть животнымъ.

— Ты чтò тамъ высматриваешь, Клокэ? Не видать ли деревьевъ? Ихъ у насъ не водится. Не идетъ ли твоя милая? Твое время ушло, старина. Стаканчикъ пивца? За этимъ дѣло не станетъ.

Надъ Клокэ подсмѣивались съ опаскою по причинѣ его внушительнаго вида. Пробовали разспрашивать его, но онъ отмалчивался, и люди перестали заговаривать съ нимъ; на него стали смотрѣть, какъ на одного изъ тѣхъ наполовину одичавшихъ пастуховъ, которые умѣютъ говорить лишь съ овцами и сторожевыми псами.

Чтò было съ нимъ? Дурная неотступная мысль овладѣла

имъ, и Жильберу слѣдовало бы уйти съ фермы; онъ самъ уже не разъ говорилъ себѣ это, но у него не хватало силы воли, и онъ оставался ради жены Жюда Гейльмана. Она, казалось, не замѣчала страннаго поведенія этого человѣка, подстерегавшаго ее утромъ и вечеромъ, чтобы поглядѣть на нее издали. Онъ смотрѣлъ, какъ она отворяла окно, провожала посѣтителя или торговца. Сидя рядомъ съ нею за столомъ, онъ смущался, украдкою поднималъ на нее глаза и выходилъ изъ столовой сейчасъ же послѣ обѣда.

Съ тѣхъ поръ какъ она жила среди постоянно смѣняющагося состава рабочихъ и служащихъ, ей не разъ приходилось защищаться отъ того или другого. Но этотъ обожатель былъ другого—болѣе мрачнаго и тревожащаго типа. Что ей было дѣлать? Со второго же дня она поняла, что въ молчаніи Жильбера Клокэ заключается страсть, и она избѣгала всего, что̀ могло бы поощрять его мечту, но сохраняла свою веселость и простоту. Если ему откажутъ—куда онъ пойдетъ?

Однажды въ концѣ октября она все-таки за нимъ послала. Изъ Quiévrain пріѣхалъ мясникъ; онъ шумно разговаривалъ и торговался съ хозяйкою, освѣдомляясь о цѣнахъ на скотъ и о положеніи скотнаго двора. Это былъ старый знакомый и постоянный покупатель — Жанъ Гурмель, еще молодой, живой, шумливый, пользовавшійся доброю славой человѣка состоятельнаго, честнаго и веселаго. Г-жа Гейльманъ одна была дома; гость отказался отъ угощенія и пожелалъ осмотрѣть хлѣва̀; тогда, проводивъ его до двери, она крикнула своимъ ровнымъ, медлительнымъ голосомъ:

— Мосьё Клокэ здѣсь?

Рыжеватая борода и свѣтлые глаза Жильбера появились въ слуховомъ окнѣ.

— Пожалуйста, покажите г. Гурмелю хлѣва̀.

Мясникъ съ молчаливымъ любопытствомъ оглядѣлъ Жильбера; его веселое лицо выразило напряженную работу мысли, короткіе усы приподнялись, онъ незамѣтно самъ про себя покачалъ головою и послѣдовалъ за Жильберомъ, превосходно ознакомленнымъ съ хозяйствомъ на фермѣ. Оживленный разговоръ завязался между этими людьми, которыхъ сближала ихъ спеціальность. Они разговорились о Франціи, о торговлѣ, о пастбищахъ, и Жильберъ такъ увлекся, что разсказалъ ему исторію возникновенія у нихъ синдикатовъ.

Мясникъ одобрилъ. Это и у нихъ дѣлается, только съ тою разницею, что здѣсь люди вѣрующіе.

— Мы не противъ вѣры, намъ все равно,—заявилъ Клокэ.

— А намъ вѣра помогаетъ. Вотъ что, Жильберъ Клокэ,—вы должны у меня побывать.

Мясникъ оказался человѣкомъ добродушнымъ; онъ по-пріятельски отнесся къ человѣку, встрѣченному случайно на фермѣ. Въ немъ чувствовалась сила, понятная безъ словъ, и состраданіе, которое угадывается и подъ шутливою формою.

— Вамъ, какъ я вижу, нужно развлечься; приходите къ намъ въ слѣдующее воскресенье, 18-го октября, на храмовой праздникъ. Хозяйка поставитъ вамъ приборъ за столомъ.

— Приду,—отвѣтилъ Жильберъ.

Воскресенье оказалось для него днемъ отдыха, почти радостнымъ днемъ. Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ онъ сѣлъ въ Onnaing на трамвай и черезъ полчаса былъ уже въ Бельгіи.

Онъ безъ труда нашелъ домъ мясника. Дубовая полированная дверь, пріемная, служащая столовою — съ кухнею позади, широкій дворъ, магазинъ—все имѣло представительный видъ.

Хозяева встрѣтили Жильбера какъ друга; г-жа Гурмель, высокая, худощавая женщина съ кроткими, озабоченными глазами, ухаживала за нимъ, какъ за принцемъ.

— Садитесь, пожалуйста... Можно вамъ налить кофе? Или вы предпочитаете пиво? Гурмель, подложи-ка углей въ печку, мосьё Клокэ озябъ.

Бѣдняга давно уже отвыкъ отъ этой заботливости, отъ этихъ стараній развлечь его, принять, угостить. Протянувъ ноги къ огню, онъ любовался обоями, хромолитографіями на священные сюжеты, головами верблюдовъ изъ терракотты, стульями изъ бѣлаго дуба, буфетомъ, наполненнымъ разноцвѣтною посудою и предметами роскоши — въ видѣ лопатки для рыбы, щипчиковъ для сахара, ложечекъ всѣхъ формъ и величинъ, кубковъ и корзиночекъ изъ блестящаго металла.

Его забавляли разсказами о мѣстныхъ дѣлахъ, и онъ забывалъ свою собственную исторію. Онъ долго оставался за столомъ у теплой печки. Г-жа Гурмель, догадавшаяся, что у него есть горе, и что онъ совершенно лишенъ нравственной поддержки, сказала добродушно:

— Я займусь съ покупателями, покуда вы съ Гурмелемъ обойдете ярмарку. Но я прошу васъ съ сегодняшняго дня считать нашъ домъ—домомъ друзей вашихъ.

— Друга моего—въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Жильберъ,—такъ какъ, если не считать мосьё Мишеля, у меня нѣтъ друзей.

— У васъ нѣтъ друзей? Ни мужчины, ни женщины? Есть,

есть! Вы краснѣете... Французы не старятся,—намъ слѣдовало это знать. Ну, ступайте, веселитесь.

Гурмель и Клокэ провели вечеръ, какъ подростки, и Жильберъ нѣсколько заразился веселостью хозяина. Они стрѣляли изъ карабина, смотрѣли на игры и танцы, заходили къ друзьямъ, гдѣ ихъ угощали кофе. Когда послѣ ужина въ уютной столовой они разстались поздно вечеромъ у трамвайнаго разъѣзда, оба они были въ прекрасномъ настроеніи и радовались тому, что познакомились другъ съ другомъ. Гурмель сказалъ:

— Ну, до свиданія, надѣюсь? Сколько времени вы останетесь на фермѣ?

— Быть можетъ — съ недѣлю, быть можетъ—навсегда. Но если я останусь, то приду къ вамъ.

— Во всякомъ случаѣ приходите до семнадцатаго ноября, такъ какъ я въ этотъ день уѣзжаю.

XIII.

Наступило самое темное время года. День и ночь надъ страною проносились безъ перерыва дождевыя облака, рожденныя моремъ и оплодотворявшія землю. Дожди орошали весь сѣверный край: Бельгію, Голландію, французскую Фландрію и нижнюю Германію. Люди едва успѣвали собирать и свозить жатву; иногда приходилось сидѣть взаперти и ждать просвѣта.

Въ концѣ первой половины ноября, когда свекловица была уже свезена, г. Вальмери приказалъ Гейльману возобновить полевыя работы, и, несмотря на дурную погоду, люди съ волами работали по десяти часовъ въ полѣ, лоснившемся и просохшемъ послѣ того, какъ по немъ прошлись желѣзные плуги. Люди прикрывались старыми куртками, мѣшками, но порою они не выдерживали и возвращались домой; послѣднимъ въ полѣ оставался всегда Жильберъ со своею шестеркою бѣлыхъ воловъ.

Шестнадцатаго ноября небо походило на сплошную аспидную доску; частый, пронизающій дождь пробиралъ до костей, шерсть на животныхъ стала дыбомъ и между нею просвѣчивала розовая кожа.

— Животныя не выдержатъ, — сказалъ Гейльманъ, — слушайте, молодцы, пора по домамъ!

И видя, что Жильберъ продолжаетъ работу,—онъ крикнулъ:

— Это относится не только къ здѣшнимъ, но и къ пришлымъ людямъ!

Жильберъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Шестеро воловъ продолжали подвигаться подъ ливнемъ, окутанные паромъ отъ ихъ собственнаго дыханія, спины ихъ дымились, и Жильберъ, шедшій какъ будто въ облакѣ, казался выше человѣческаго роста.

— Издыхай, если хочешь, ниверкезецъ, но если заболѣетъ одинъ изъ твоихъ воловъ, ты заплатишь мнѣ за него.

Всѣ упряжки, за исключеніемъ одной, направились къ фермѣ, а деревенскіе ребята, глядѣвшіе въ окна, видя Жильбера съ его волами среди необозримой равнины, спрашивали: — Чтò такое тамъ катится — такое бѣлое, большое?

Жильберъ не послушался — изъ ненависти къ управляющему. Страсть, охватившая его, сводила его съ ума; онъ ссорился изъ-за пустяковъ съ людьми, не кланялся Гейльману, не отвѣчалъ ему, но тотъ мало обращалъ на это вниманія. Человѣкъ онъ не молодой, у него есть горе, а главное — онъ силенъ. Въ глазахъ Гейльмана лучше силы ничего не было.

Жильберомъ владѣло не старое горе, но близость молодости, подвергавшая его искушеніямъ.

Здѣсь ничто не напоминало ему прошлаго: мать, покойную жену, домикъ съ садомъ. Этьенъ Жюстамонъ не писалъ ему; онъ не имѣлъ извѣстій о Мишелѣ. Всѣ его привычки были нарушены и безумное желаніе все росло. Жильберъ видѣлъ, что г-жа Гейльманъ была на-сторожѣ: она избѣгала съ нимъ говорить, и онъ злился на мужа, на препятствіе въ образѣ хозяина. Порою ему хотѣлось, чтобы его переѣхала телѣга, разбила лошадь, убило сорвавшимся сверху мѣшкомъ. Его преслѣдовали мысли, близкія къ преступленію.

Иногда онъ ужасался самъ себя, сознавалъ свое безуміе: не прошло ли время, когда онъ могъ нравиться женщинѣ? „Зачѣмъ жить? Для чего работать? Никому я не нуженъ, никто уже не полюбитъ меня!“

Товарищи спрашивали себя: чтò съ нимъ? По утрамъ, послѣ безсонной ночи, онъ задавалъ себѣ вопросъ: не исчезнуть ли ему? Но женская рука поднимала занавѣску, женщина спускалась съ крыльца, звала служанку, — и во взорѣ его загоралась алчность: онъ вздрагивалъ, какъ подстерегающій птичку котъ. Какъ измѣнилось его понятіе о справедливости!

Черезъ часъ онъ вернулся, однако, на ферму и, позаботившись о томъ, чтобы привязать и накормить воловъ, вспомнилъ, что ему нужно перемѣнить бѣлье и одежду. У него было лишь двѣ перемѣны платья, и поэтому пришлось надѣть праздничный костюмъ:

куртку съ роговыми пуговицами и сапоги вмѣсто деревянныхъ башмаковъ. Затѣмъ онъ присоединился къ товарищамъ, которые, по приказанію Гейльмана, принялись съ большою неохотою за чистку машинъ и смазываніе телѣгъ, довольно громко переругиваясь между собою. Двое полусерьезно, полушутя поссорились, и собирались подраться, разсчитывая распить по случаю примиренія бутылку-другую пива на счетъ хозяина. Они обхватили другъ друга поперекъ тѣла. Жильберъ вмѣшался.

— Будетъ вамъ. Гатьенъ, ты его помнешь, это не годится. Ты—сильнѣе.

— Онъ сильнѣе?

Малорослый валлонецъ Викторъ вспыхнулъ, какъ зарево, стиснулъ Гатьена такъ, что тотъ чуть не задохся, и швырнулъ его объ землю амбара, поднявъ страшную пыль. Кто-то вскрикнулъ.

Только-что вошедшій Гейльманъ выругался и розняль боровшихся, но такъ какъ онъ втайнѣ любилъ борьбу, то проговорилъ:

— А все-таки ловко! Чортовъ валлонецъ! Малъ золотникъ да дорогъ. Онъ съ двумя справится.

Запыхавшійся, покрытый пылью Викторъ, подтягивавшій ремень у штановъ, медленно повернулъ къ нему свою квадратную голову и налитые кровью узкіе желтоватые бычачьи глаза. Онъ стоялъ между сломанною телѣгою и кучею дубовыхъ досокъ, на которую взобрался Жильберъ. Пятеро или шестеро мужчинъ, сбѣжавшихся изъ кузницы, изъ хлѣвовъ и складовъ—со смѣхомъ наблюдали за нимъ. Гатьенъ пожималъ плечами и поправлялъ свой красный галстукъ. Ливень все продолжался, дождь падалъ, какъ сплошная завѣса, и шумѣлъ, какъ потокъ. Двери амбара были открыты настежь. Ѣдкій запахъ пыли возбуждалъ нервы. Управляющему пришло на умъ устроить себѣ развлеченіе.

— Держу пари за Виктора!—воскликнулъ онъ.

— На что?—отозвался изъ угла кузнецъ.

Тутъ раздался голосъ пастушка, выглянувшаго изъ сарая.

— Хозяйка идетъ. Кто выиграетъ, тотъ поцѣлуетъ ее.

— Ладно! Ладно!—послышались веселые голоса.—Кто противъ Виктора?

Гейльманъ не протестовалъ,—онъ, какъ всѣ на деревнѣ, снисходительно смотрѣлъ на такія публичныя проявленія фамильярности. Онъ тоже видѣлъ, какъ она бѣжала, перескакивая съ камня на камень, въ сѣромъ платкѣ на головѣ, который она въ большіе холода надѣвала по утрамъ.

Когда она вошла подъ кровлю громаднаго амбара, откуда-то

прибѣжали еще люди, какъ слетающаяся на зерно стая голубей, и когда Викторъ сказалъ ей: — Хозяйка, кто выиграетъ закладъ, тотъ поцѣлуетъ васъ, — она пожала плечами, какъ мать, отвѣчающая на безразсудную просьбу дѣтей, и сказала:

— Я пришла сказать Гейльману, что пиво нацѣжено.

Она присѣла въ сторонѣ на дубовомъ обрубкѣ. Брови ея сдвинулись: она замѣтила Жильбера, который, соскочивъ съ досокъ, приготовлялся къ борьбѣ. Сбросивъ куртку на телѣгу, онъ подошелъ къ Виктору.

— Выходи любой изъ всѣхъ! — объявилъ онъ.

— Молодецъ старина! — крикнулъ кто-то: — да онъ любезникъ!

— Силы у тебя не хватитъ... Проучи-ка его, Викторъ. Долой нивернезцевъ! Да здравствуютъ валлонцы!

Смутное расовое соперничество — возбуждало ихъ всѣхъ. Они образовали полукругъ.

— Гляди въ оба, Викторъ! Онъ выше тебя.

— Но онъ на тридцать лѣтъ старше.

Противники молчали, какъ дуэлисты, и каждый нащупывалъ взоромъ ту часть тѣла, по которой онъ намѣревался наносить удары. Младшій сгибалъ колѣни, готовясь прыгнуть, но Жильберъ стоялъ прямо, слегка разставивъ ноги, съ незащищенными боками и грудью. Викторъ кинулся на него, нагнувъ голову, схватилъ поперекъ тѣла и, напрягая всѣ силы, пытался опрокинуть его, сдавить и заставить согнуть колѣни. Мускулы его шеи обрисовались подъ кожею.

Жильберъ почти не шевелился, только щеки его покраснѣли и губы раскрылись, чтобы пропустить воздухъ въ легкія. Онъ предоставлялъ противнику истощаться въ усиліяхъ. Вдругъ онъ опустилъ руки, обвилъ ими Виктора, поднялъ его на воздухъ — такъ что ноги того описали дугу и задѣли по плечу стараго дровосѣка. Вокругъ борющихся послышались крики гнѣва и удовольствія: — Будетъ!.. Онъ проигралъ!.. Нѣтъ!.. Ты его убьешь!.. Ловко!..

Жильберъ тѣмъ временемъ схватилъ противника за спину и пониже бедръ — пальцы его клещами впились въ одежду, жиръ и мускулы — и продолжалъ держать его на вѣсу. Викторъ отчаянно барахтался.

Всѣ поднялись. Гейльманъ, среди криковъ и рукоплесканій, сказалъ:

— Довольно! Пустите его! — И Жильберъ выпустилъ парня, который съ перепугу убѣжалъ.

— Ну, Жильберъ,—смѣясь, воскликнулъ Гейльманъ, — выигрышъ вашъ. Ловко вы дѣйствуете. Вы обучались борьбѣ?

— Въ лѣсу всему научишься,—сказалъ, надѣвая куртку, Жильберъ.

— А что же онъ не цѣлуетъ хозяйку?—воскликнулъ кто-то.

— Это ужъ его дѣло,—отозвался Гейльманъ.—Пойдемте всѣ пиво пить. Нацѣдили свѣжаго.

Служащіе, стуча деревянными сабò, шумною толпою вышли изъ сарая, двое послѣднихъ оглянулись. Хозяйка все еще сидѣла на обрубкѣ у стѣны. Она не смѣялась.

Жильберъ Клокэ одинъ остался съ нею. Онъ поблѣднѣлъ и не рѣшался подойти. Но такъ какъ она молчала и съ укоромъ глядѣла на него, онъ все же подошелъ къ ней, робѣя какъ мальчикъ. Молодая женщина со своимъ спокойнымъ и материнскимъ видомъ походила на статую святой.

— Вѣдь вы выиграли, поцѣлуйте же меня. Въ этомъ дурного нѣтъ.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ щеку; она его не отстранила, но онъ самъ выпрямился.

— Мосьё Клокэ, — сказала она,—ваши мысли—вотъ чтò дурно. Или вы думаете, что я ихъ не поняла?..

Онъ не отвѣчалъ, но поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Она говорила медленно, глядя на него во всѣ глаза, въ которыхъ свѣтилась правда.

— Вамъ пятьдесятъ лѣтъ. У васъ—дочь моихъ лѣтъ, которая замужемъ, какъ и я. Не стыдно ли вамъ преслѣдовать меня? Я была вначалѣ слишкомъ добра къ вамъ.

Она услышала тихій голосъ:

— Да.

Клокэ отошелъ еще дальше.

— Я не хочу отказывать вамъ, вы должны зарабатывать хлѣбъ, но этому нужно положить конецъ.

Голосъ отвѣчалъ:

— Этому будетъ положенъ конецъ.

— Сейчасъ же и навсегда.

Впервые онъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо, и она увидѣла, что на лицѣ его была смерть.

— Прощайте!

— Куда же вы? Я не требую, чтобы вы уходили...

Онъ не отвѣтилъ. Онъ взялъ свою мягкую шляпу и вышелъ на проливной дождь. Кто-то съ фермы крикнулъ:

— Сюда, Клокэ, ты ошибся дорогою!

Другой, болѣе близкій голосъ окликнулъ его:

— Не уходите, мой бѣдный Клокэ! Я не отказываю вамъ. Мнѣ жаль васъ, но не могу же я...

Ни тотъ, ни другой голосъ не остановили его. Высокій силуэтъ его мелькнулъ въ воротахъ. Жильберъ повернулъ налѣво и продолжалъ идти по грязи подъ дождемъ, который не прекращался.

Уже на разстояніи двухсотъ метровъ ему почудился женскій крикъ: „Вернитесь!“ Но въ сердцѣ у бѣдняги была смерть. Онъ не чувствовалъ дождя, мочившаго его шею и руки.

— „Человѣкъ пятидесяти лѣтъ... Вамъ стыдно меня преслѣдовать“... Она права! Не для чего мнѣ жить, я недостоинъ жить...

Онъ не сознавалъ, куда идетъ; вѣтеръ порывами налеталъ на него.

„Она выгнала меня. У меня никого нѣтъ... Жизнь кончена... Я—не лучше другихъ. Я сталъ негодяемъ. А ты былъ когда-то другимъ человѣкомъ, Клокэ... Ступай. Нельзя вернуться туда. „Стыдно преслѣдовать“... И это тебѣ сказали, Клокэ?!.. Будьте спокойны, г-жа Гейльманъ, я не вернусь...

Онъ съ трудомъ шелъ, борясь противъ вѣтра и дождя. Кровь стучала ему въ виски. Это—дорога въ Quiévrain, неподалеку проходитъ трамвай... Броситься подъ него—и все будетъ кончено... Чувство стыда толкало его на это, смутный инстинктъ удерживалъ. Онъ все шелъ и шелъ, еле держась на ногахъ. Вдали мелькнулъ огонекъ—вѣроятно, въ окнѣ ближайшаго изъ домовъ городка. Это напомнило ему пріятеля его, мясника. Бѣдная, усталая голова его пыталась что-то припомнить... О какомъ числѣ говорилъ Гурмель? Онъ куда-то уѣзжаетъ? 17-го, кажется?.. Мысли путались... „Его не будетъ? Онъ все же пожалѣетъ меня“...

Эта смутная надежда, это полу-воспоминаніе—заставили его повернуть, повлекли впередъ. Онъ, не помня ничего, добрался до дома и, отворивъ дверь, повалился безъ сознанія въ тепло натопленной столовой друга своего Гурмеля.

Онъ очнулся, два часа спустя, на постели, возлѣ которой сидѣлъ Гурмель. Тотъ взялъ руку бѣдняка и сказалъ:

— Ну, какъ дѣла, старина? Что у васъ была за фантазія придти въ такую погоду? Или вы заблудились?

Клокэ взглянулъ на него, глаза его еще блуждали.

— Я думалъ, что я не таковъ, какъ всѣ, Гурмель. Но я ошибся... Мнѣ тоже нечѣмъ жить.

— Не бойтесь,—сказалъ мясникъ, дѣлая ему головою успокоительный знакъ,—не бойтесь: покуда у насъ есть хлѣбъ, и на вашу долю хватитъ. Лежите смирно. Вамъ уже лучше.

Въ это время вошла жена. Она ничѣмъ не объясняла себѣ того, что̀ произошло, но она лучше мужа угадывала, что тутъ рѣчь идетъ не о хлѣбѣ насущномъ. Она осторожно сказала:

— Жаль, что ты ѣдешь завтра, Гурмель. Этого человѣка надо поддержать. У него душа болитъ. Тебѣ не слѣдовало бы ѣздить въ Fayt.

— Я лучше сдѣлаю. Я увезу его съ собою.

— А если онъ не захочетъ?

— Жена, Жильберъ Клокэ—нашъ другъ. Если бы я могъ наставить его на путь истинный!

— Да будетъ такъ!—набожно сказала жена.

Утромъ въ субботу Жильберъ всталъ такъ поздно, словно онъ выпилъ лишнее наканунѣ. Когда онъ сталъ прощаться, Гурмель удержалъ его, сказавъ:

— Сегодня вечеромъ я отправляюсь въ мою ежегодную поѣздку. Если вы считаете меня вашимъ другомъ, не будемъ разставаться, поѣдемте со мною.

— Куда?

— По близости отсюда,—въ Fayt.

— Что̀ вы станете тамъ дѣлать?

Мясникъ замялся, затѣмъ, несмотря на свою озабоченность,—засмѣялся и сказалъ:

— Добрый другъ, тамъ соберется немало товарищей-бельгійцевъ. Мы съѣзжаемся ежегодно. Вы, жители Ньевра, чужды всего этого. Но этого именно вамъ и недостаетъ. Притомъ для васъ необязательно слѣдовать нашему примѣру. Поѣдемъ—изъ дружбы ко мнѣ,—хотите?

Жильберъ согласился. Онъ усталъ отъ жизни, боялся остаться одинъ; поэтому онъ уѣхалъ вечеромъ въ обществѣ Гурмеля съ поѣздомъ, доставившимъ ихъ сначала въ Mons, а затѣмъ—въ Louvière.

Погода поправилась, и они пѣшкомъ прошли отъ Louvière до долины Fayt-Manage.

XIV.

Ночь была свѣтлая. Вдоль дороги тянулись то изгороди, то ряды невысокихъ домовъ съ садиками, то фабричныя зданія и деревенскія гостинницы.

Гурмель сказалъ спутнику:

— Я не хочу затащить васъ сюда обманомъ, мой бѣдный Жильберъ. Я подобно сотнямъ и тысячамъ товарищей имѣю обыкновеніе проводить въ здѣшнемъ убѣжищѣ по нѣскольку дней. У насъ тутъ очень хорошо, мы живемъ дружно, говоримъ о религіи, забываемъ временно о своихъ дѣлахъ. У меня на душѣ никогда не бываетъ такъ хорошо, какъ въ эти дни. Но если вы боитесь,—уѣзжайте.

— Увидимъ,—сказалъ Жильберъ;—давши слово, я не привыкъ отступать.

Гурмель прибавилъ, смѣясь:

— Вы не первый французъ, котораго я привожу сюда. Васъ хорошо примутъ, и это будетъ стоить вамъ грошъ. И затѣмъ, въ вашемъ состояніи духа, вамъ полезно, по-моему, увидѣть что-нибудь новое.

Жильберу было все равно, куда идти. Притомъ онъ былъ признателенъ Гурмелю за то, что тотъ не разспрашивалъ его: что̀ произошло на фермѣ, выгнали его или онъ самъ ушелъ? Онъ принялъ его и обогрѣлъ, лишь смутно намекнувъ на то, что и „ему самому когда-то приходилось плохо“.

Ихъ обогнали трое рабочихъ съ металлургическаго завода, которые поздоровались съ Гурмелемъ. У всѣхъ было въ рукахъ по дорожной сумкѣ. Гурмель указалъ имъ на Жильбера.

— А вотъ французъ, мой пріятель, которому хочется посмотрѣть на то, что̀ у насъ дѣлается.

— Милости просимъ. Мы не крадучись живемъ, — засмѣялись рабочіе.

Они стали подниматься въ гору и пошли по аллеѣ, огибавшей лужайку. Въ глубинѣ сада находилось бѣлое двухъ-этажное каменное зданіе. У подъѣзда его шевелились тѣни: это были путники, которымъ кто-то свѣтилъ чадившею на вѣтру лампою.

— Сюда, Шерманъ! А вотъ и вы, Гененъ, и вы, Дердэль? Здравствуйте! Озябли? Входите! — говорилъ священникъ. Когда Гурмель съ Жильберомъ подошли въ свою очередь, первый попросилъ помѣстить пріятеля рядомъ съ нимъ.

— Превосходно, мосьё Гурмель. А вотъ и еще гости.

Въ передней—просторной, свѣтлой—стоялъ шумъ. Она была полна рабочими въ праздничной одеждѣ. Жильберъ удивился количеству посѣтителей. Сколько же ихъ всѣхъ будетъ здѣсь ночевать? Неужели человѣкъ восемьдесятъ—девяносто?

Въ комнатѣ Жильбера стояла желѣзная кровать, туалетный столъ, стулъ, было тепло и пріятно. Посѣтители шумѣли, правда, но они были въ отличномъ настроеніи и ладили между собою; большинство было здѣсь уже не впервые.—Вы не дадите ли мнѣ мою прежнюю комнату, отецъ мой?—Нѣтъ, она уже занята.

Даже священники казались веселыми; одинъ Жильберъ оставался грустнымъ и спрашивалъ себя: зачѣмъ онъ сюда явился? Будетъ невѣжливо, если онъ уѣдетъ раньше завтрашняго дня, а потому покуда надо крѣпиться.

Жильберъ молча сидѣлъ за общею трапезою въ столовой надъ капеллою и слушалъ съ изумленіемъ, какъ одинъ изъ рабочихъ что-то читалъ вслухъ. Послѣ ѣды всѣ перешли въ другую комнату, закурили трубки и сигары; люди заговаривали съ Жильберомъ, добродушно шутили и разспрашивали его о фермахъ во Франціи, но они такъ не походили на всѣхъ, кого онъ знавалъ въ жизни, что ему было съ ними неловко.

Въ восемь часовъ вечера онъ пошелъ съ другими въ капеллу, гдѣ гости пѣли псалмы. Вечернія молитвы прочелъ широкоплечій, съ квадратнымъ лицомъ фламандецъ, но въ выраженіи, съ какимъ онъ произносилъ священныя слова, чувствовалась истинная вѣра. Жильберъ съ изумленіемъ узналъ, что это—работникъ съ молочной фермы, настоящій Телль, получившій недавно первый призъ за стрѣльбу.

Главный алтарь былъ изъ дуба, и на немъ виднѣлась надпись золотомъ: „Святъ! Святъ! Святъ!“

Жильберъ внимательно прослушалъ первую проповѣдь. Проповѣдникъ—по происхожденію, очевидно, изъ крестьянъ,—говорилъ отъ души, и въ его словахъ звучала истинная любовь къ народу, къ обездоленнымъ міра сего. Жильберъ заснулъ съ грустнымъ чувствомъ подъ шумъ бельгійскаго вѣтра.

Слѣдующій день прошелъ такимъ же образомъ.

Послѣ ужина Жильберъ, рѣшившійся уѣхать, подошелъ къ одному изъ священниковъ, исхудалое лицо котораго, казалось, было изваяно страданіемъ, и сквозь него просвѣчивала душа. Замѣтивъ Жильбера, онъ отдѣлился отъ группы разговаривавшихъ и подошелъ къ нему.

— Ты хочешь со мною поговорить?

— Да, господинъ кюрэ.

— Выйдемъ на воздухъ. Погода чудная.

Дѣйствительно, ночь была синяя, звѣздная, чуткая. Они вышли въ садъ.

— Прости, что я говорю тебѣ „ты“! У насъ на это не обижаются. Это дѣлается изъ чувства расположенія.

— Я ничуть не обижаюсь. Нашъ маркизъ говоритъ мнѣ „ты“, и мосьё Мишель—также.

— Что же ты хочешь мнѣ сказать?

Песокъ скрипѣлъ подъ ихъ ногами. Жильберъ помедлилъ съ отвѣтомъ, покуда они не отошли подальше отъ дому.

— Я уѣзжаю завтра утромъ,—сказалъ онъ.

— Уже?

— Я пріѣхалъ изъ дружбы къ мосьё Гурмелю и для чего собственно—и самъ я не знаю.

— Десница Божія привела тебя сюда, а ты уже хочешь уѣзжать. Ты свободенъ, конечно, но не уѣзжай до завтрака,—не годится пускаться въ путь натощакъ.

— Благодарю васъ. Вы очень добры. Но сколько же я вамъ долженъ?

— Ничего, другъ мой. Товарищи платятъ по двадцати су въ день, но ты пробылъ всего одни сутки, и я не возьму съ тебя платы. Ты—гость, прохожій, о которомъ я буду жалѣть.

Эти слова проникли въ сердце Жильбера давно уже невѣдомымъ ему путемъ нѣжности.

— Скажи, ты не слишкомъ здѣсь соскучился?

— О, нѣтъ! Можете сказать это проповѣднику. Я вижу, что здѣсь не презираютъ бѣдняковъ, что вы къ намъ расположены. Мы очень въ этомъ нуждаемся.

— Ты несчастливъ?

Дровосѣкъ подавилъ рыданіе и закашлялся, чтобы скрыть свою слабость.

— Ничего не говори, если не хочешь, но если признаніе облегчитъ тебя, скажи мнѣ все. Мы, по всей вѣроятности, никогда не увидимся. Но я слышалъ всякія признанія, ничего новаго ты не скажешь мнѣ.

— Я одинокъ и потерялъ послѣднюю надежду.

— Жена бросила тебя?

— Нѣтъ, она умерла. Дочь моя оказалась такою дурною и неблагодарною, что я стыжусь разсказать о томъ, что она сдѣлала. И еще ранѣе того товарищи по синдикату отвернулись отъ меня, хотя я работалъ съ ними для дѣла справедливости.

— Они отплатили тебѣ зломъ за добро?

— Они избили меня. Я—противъ насилія, и они говорятъ мнѣ, что я старъ.

— Неправда. Ты еще кажешься молодымъ.

— Вамъ я могу сказать правду: я, дѣйствительно, старѣю, господинъ кюрэ. У меня никого нѣтъ; есть одинъ только человѣкъ, ни разу не предавшій меня. Я не подалъ бы за него голоса, онъ—аристократъ, но я все же люблю его. Когда я уходилъ изъ дому, онъ былъ очень боленъ; я даже не знаю, живъ ли онъ еще?

— Что̀ же осталось у тебя?

— Ничего, господинъ кюрэ. Я совсѣмъ одинокъ.

— Ошибаешься, другъ мой. У тебя есть Богъ, и Онъ ждетъ тебя.

— Гдѣ Онъ?

— Среди насъ. Ты Его не знаешь, но Онъ привелъ тебя сюда за тѣмъ, чтобы ты услышалъ о Немъ. Я вижу, что душа у тебя прямая, я долженъ сейчасъ уйти, но не хочу оставлять тебя съ тоскою, ведущею къ смерти. Хорошая ли у тебя память?

— Къ несчастію, я все помню.

— Даже слова?

— Тѣ, которыя мнѣ понятны—да.

— Такъ вотъ. Послѣ вечерней молитвы, не засыпай сразу. Перебери въ умѣ все слышанное тобою и нашедшее доступъ къ твоему сердцу. Въ тишинѣ и молчаніи ты лучше все это поймешь, и когда ты покинешь насъ, я думаю, что ты унесешь съ собою хотя слабый лучъ надежды и утѣшенія.

Они подошли къ дому. Сквозь щели ставень полосы свѣта ложились на песчаную дорожку. Аббатъ остановился. Онъ распростеръ руки, какъ на крестѣ, и сказалъ:

— Братъ мой и другъ, обними меня!

Жильберъ почувствовалъ, что въ груди его отдается біеніе сердца человѣка, имени котораго онъ не зналъ.

И въ тишинѣ убѣжища, въ девять часовъ съ половиною, когда огни погасли и все въ домѣ уже покоилось сномъ, Жильберъ Кловэ сталъ припоминать все слышанное. Трудъ—та же молитва. Важенъ не людской судъ, но Божій. Въ Богѣ—правда, въ Немъ—милость. Онъ прощаетъ заблудшихъ и поднимаетъ падшихъ. Испытанія закаляютъ духъ, какъ горнило—металлъ колокола. Люди работаютъ на холоду, на дождѣ, во мракѣ шахтъ. Мысль о семьѣ придаетъ имъ мужества, мысль о Богѣ придала бы имъ еще больше силъ. Они пріобрѣли бы истинную свободу, свободу мыслить и вѣровать. Отцы нынѣшняго поколѣнія вы-

несли дѣло свободы на своихъ плечахъ, сыны ихъ наполовину ее утратили,—не пріобрѣтя земли, они лишились неба. Не однимъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ бываетъ...

Священникъ много говорилъ о грѣхѣ, о смерти, объ искупленіи, о семьѣ. Чтò было бы съ нами безъ вѣры въ будущую жизнь? Мы деремся изъ-за пяти франковъ, изъ-за кроличьей шкурки, и люди всегда недовольны. Но если вѣрить въ жизнь новую, все измѣняется. Не надо портить жизнь другимъ; горечь и скорбь—теряютъ свою остроту. Тамъ, въ загробномъ мірѣ, мы встрѣтимъ всѣхъ, кого знавали здѣсь, преображенными, и не ихъ однихъ, но цѣлыя поколѣнія людей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народностей. Человѣкъ, котораго мы знали здѣсь за негодяя, можетъ встрѣтиться тамъ. Мы спросимъ его: какъ онъ попалъ сюда?—и онъ отвѣтитъ: „Минута раскаянія все искупила“.

Эти слова и многія другія звучали въ душѣ дровосѣка, лежавшаго съ закрытыми глазами.

Никогда еще столько мыслей, приливовъ нѣжности, воспоминаній—не проходило передъ нимъ вереницею. И послѣ борьбы съ собою онъ проговорилъ: „Пойду!“—и слезы тихо потекли у него по щекамъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня онъ пошелъ къ аббату, съ которымъ говорилъ въ саду, исповѣдался у него и получилъ отпущеніе грѣховъ. У него стало вдругъ необычайно легко на душѣ, и онъ вспомнилъ свою покойную мать, сокрушавшуюся о его невѣріи.

Гурмель собирался ложиться, когда къ нему вошелъ Жильберъ и спросилъ: нѣтъ ли у него другого галстука? Его собственный испортился отъ дождя и неловко въ немъ идти къ причастію.

У мясника галстука не оказалось, но онъ вспомнилъ, что у кого-то имѣется парадный бѣлый галстукъ, который онъ, конечно, одолжитъ причастнику.

Послѣ обѣдни всѣ окружили Жильбера, поздравляли его и уговаривали погостить въ Fayt, но онъ отвѣтилъ:

— Не могу. Я уѣзжаю съ Гурмелемъ, а затѣмъ я долженъ вернуться домой, у меня есть тамъ дѣло.

XV.

Они опять пошли пѣшкомъ въ обратный путь.

Жильберъ молчалъ. Онъ задавалъ себѣ вопросъ: не вызывается ли его радость присутствіемъ миссіонеровъ и рабочихъ-

бельгійцевъ, новизною всей обстановки? Но по мѣрѣ того какъ онъ удалялся, его спокойствіе упрочивалось, дѣлалось живѣе, ощутительнѣе.

Въ Louvrière они сѣли на поѣздъ; уже темнѣло, было холодно и сумрачно. Обсаженныя деревьями дороги, вспаханныя поля, дома, фабрики—все это проносилось мимо, но чувство довольства оставалось. Они сидѣли рядомъ, поднявъ воротники жакетокъ и повязавъ шеи фуляромъ.

Мясникъ уже вернулся къ своей повседневной жизни; онъ говорилъ о знакомыхъ мѣстахъ и людяхъ, но не такъ было съ Жильберомъ: онъ весь ушелъ въ свое новое настроеніе.

— Ну, что же, — спросилъ мясникъ, когда они уже были около дома:—я надѣюсь, что вы раздумали и останетесь хотя до завтра?

— Не могу остаться—даже у васъ. Я возвращаюсь домой. Я не хотѣлъ идти туда потому, что я страдалъ. А теперь вы знаете, почему я не боюсь вернуться туда?

— Я угадываю,—сказалъ спокойно бельгіецъ.

— Вы угадываете потому, что вы всегда были такимъ, какимъ я сталъ теперь. У меня прибавилось силъ, хотя я знаю, что начинаю старѣться и умру бѣднякомъ.

Онъ говорилъ это въ присутствіи взволнованной внимательной жены Гурмеля, которой хотѣлось знать, въ чемъ дѣло. Но, выслушавъ Жильбера, она все поняла и проговорила спокойно, между тѣмъ какъ въ ея худомъ, прозрачномъ лицѣ свѣтилась вся душа ея:

— Другъ мой, не надо удерживать людей, желающихъ исполнить свой долгъ. Ихъ и безъ того немного. Мосьё Клокэ выпьетъ съ нами стаканъ пива на дорогу и отправится въ путь.

Пиво было выпито, и Жильберъ, простившись съ хозяевами, пошелъ навстрѣчу своей новой судьбѣ.

Трамвай доставилъ его въ Onnaing, и тутъ его охватилъ страхъ. Онъ вернется на ферму du Pain-Fendu, нужно свести счеты, забрать оставшіяся вещи. Въ мастерскихъ мѣстечка уже гасли огни, когда онъ шелъ по улицѣ; на порогахъ домовъ дѣти грызли хлѣбъ; тутъ же виднѣлись мужчины, желавшіе подышать чистымъ воздухомъ послѣ дня, проведеннаго на работѣ; свѣтъ лампы освѣщалъ ихъ сзади въ отворенную дверь.

Жильберъ позавидовалъ имъ и ощутилъ жалость къ себѣ: у нихъ было пристанище. При видѣ громаднаго зданія фермы онъ вдругъ испугался.

„Не Гейльмана же я боюсь, — подумалъ онъ; — если онъ захочетъ меня побить, пусть побьетъ. Я это заслужилъ".

Нѣтъ, онъ боялся себя самого, шевелившагося въ его сердцѣ желанія увидѣть жену Гейльмана и проститься съ нею... „На минуту... Я только скажу ей, что я сталъ другимъ человѣкомъ"...

Для того, чтобы не слушать искушающихъ его голосовъ, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, стараясь думать о своихъ волахъ, о привезенныхъ съ собою пожиткахъ, о предстоящей ему укладкѣ.

Въ этотъ часъ служащіе обыкновенно расходились послѣ ужина. Большинство изъ нихъ стояло у главныхъ воротъ; люди курили, болтая между собою. Избѣгая встрѣчъ, Жильберъ обошелъ вокругъ и вошелъ въ калитку, — къ счастью, не запертую на замо̀къ. Во дворѣ онъ увидѣлъ незнакомаго ему поденщика, накачивавшаго воду. Затѣмъ послышался голосъ Гейльмана сначала — въ столовой, потомъ — въ коррпдорѣ. Управляющій показался на порогѣ; онъ провожалъ одного изъ рабочихъ, уходившаго къ себѣ въ деревню.

Жильберъ быстро поднялся по ступенямъ крыльца.

— Мосьё Гейльманъ!

Управляющій наклонился впередъ, чтобы разсмотрѣть, кто это. Глаза его еще не привыкли къ темнотѣ, ослѣпленные рѣзкимъ переходомъ отъ свѣта къ ночному мраку.

— А, это вы, Клокэ? Войдите.

Жильберъ, совсѣмъ обезсилѣвъ, послѣдовалъ за нимъ. Г-жи Гейльманъ не было въ столовой, гдѣ все уже было прибрано ея руками.

Гейльманъ стоялъ лицомъ къ двери и недовѣрчиво глядѣлъ на случайнаго рабочаго, вѣроятно явившагося просить работы послѣ того, какъ онъ выкинулъ такую штуку. Онъ видывалъ не мало такихъ молодцовъ, и зналъ, что съ ними грубость — ни къ чему.

Онъ обождалъ съ минуту, удивляясь тому, что Жильберъ не извиняется.

— Хорошій примѣръ подаете вы другимъ, нечего сказать! Прогулять четыре дня! А я-то считалъ васъ такимъ хорошимъ рабочимъ. Правду жена мнѣ говорила: „онъ что нибудь выкинетъ!" — Она не могла понять, что̀ въ васъ вселилось въ субботу вечеромъ? Но вы, какъ и всѣ, не дорожите работою. Гдѣ вы были?

Жильберъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Я во многихъ мѣстахъ побывалъ.

— А теперь вы желали бы вернуться сюда? Но я предупреждаю васъ, что я уже нанялъ вмѣсто васъ пришедшаго случайно человѣка. Изъ такихъ же будетъ, вѣроятно... Другихъ по нынѣшнимъ временамъ не найдешь.

— Нѣтъ, я ухожу домой — совсѣмъ.

— Вотъ какъ? Хорошо. Я сейчасъ разсчитаюсь съ вами. Г. Вальмери мнѣ отдастъ.

Онъ открылъ одинъ изъ ящиковъ, досталъ холщевый мѣшечекъ, развязалъ его и принялся отсчитывать на столъ золотыя монеты—одну за другою.

— Сто франковъ, сто-двадцать, сто-сорокъ... Вѣрно? Даже— съ лихвой?

— Да.

— А теперь я долженъ вамъ передать письмо, полученное сегодня въ полдень.

Жильберъ узналъ штемпель Фонтэнейля. Онъ оставилъ золото на столѣ, взялъ письмо и разорвалъ конвертъ. Онъ не прочелъ и двухъ строкъ, какъ глаза его наполнились слезами.

— Боже мой!—прошепталъ онъ:—мосьё Мишель умеръ!

Онъ пересталъ читать. Руки его безсильно повисли вдоль тѣла, слезы текли по щекамъ и бородѣ, и онъ не думалъ утирать ихъ.

— Онъ умеръ въ воскресенье. Мнѣ пишетъ объ этомъ Этьенъ Жюстамонъ. Другъ мой — умеръ!

Гейльмана, какъ ни мало былъ онъ чувствителенъ, тронула эта скорбь.

— Кто же онъ былъ? Вашъ родственникъ?

— Нѣтъ.

— Вашъ господинъ?

— У меня нѣтъ господина. Это былъ аристократъ, мосьё Гейльманъ. Я работалъ у его отца, затѣмъ — у него. Онъ насъ любилъ, онъ разговаривалъ со мною: онъ многое могъ бы для насъ сдѣлать.

Жильберъ сталъ считать по пальцамъ.

— Отсюда до Парижа—пять часовъ, затѣмъ еще — шесть, семь... Я, пожалуй, не поспѣю къ похоронамъ...

Гейльманъ покачалъ головою. Онъ невольно проникался уваженіемъ къ этому прохожему и въ глубинѣ души желалъ не отпускать его.

— Послушайте, Жильберъ, вы—странный человѣкъ. Я слышу еще перваго, кто говорилъ бы такимъ образомъ. Можно будетъ это устроить, если вы хотите...

— Есть другой, болѣе ранній поѣздъ?

— Не знаю... Я не то хочу сказать... Я могъ бы оставить васъ у себя, Клокэ.

Жильберъ поднялъ руки, словно проснувшись отъ сна.

— Нѣтъ, нѣтъ, не предлагайте мнѣ этого... Я въ состояніи согласиться. Отпустите меня!

Онъ подошелъ къ столу, сгребъ золото обѣими руками и засунулъ его въ карманъ.

Въ это время отворилась внутренняя дверь изъ комнаты Гейльмана и показалась голова женщены, съ кѣмъ-то говорившей.

— Жильберъ!—позвалъ Гейльманъ.—Жильберъ! Проститесь, по крайней мѣрѣ, съ хозяйкою!

Но Жильбера уже не было. Онъ бѣжалъ безъ оглядки, онъ уже былъ во дворѣ, еще мигъ—и онъ исчезъ во мракѣ. Гейльманъ хотѣлъ догнать его, но жена его остановила словомъ, которое показалось ему убѣдительнымъ.

— Оставь его. У этого человѣка — не одно горе на душѣ.

Жильберъ вошелъ въ хлѣвъ и мигомъ завязалъ свои пожитки и взялъ палку. Проходя мимо шести большихъ воловъ, мирно жевавшихъ кормъ, онъ сказалъ:

— Прощайте, мои волики! Работайте хорошенько съ другимъ, я иду домой.

Одинъ изъ воловъ издалъ короткое мычаніе.

— Онъ отвѣтилъ мнѣ,—проговорилъ погонщикъ.

Онъ узналъ густой голосъ Гривѳ и его отрывистое дыханіе.

Жильберъ поспѣлъ къ поѣзду. Дорогою онъ уже не думалъ о покинутой фермѣ. Вся душа его стремилась въ родной край. Онъ мысленно повторялъ: „Мосьё Мишель умеръ, я больше не увижу моего друга"...

Кромѣ Жильбера, въ отдѣленіи былъ всего одинъ пассажиръ; поэтому онъ растянулся на скамейкѣ, положивъ подъ голову свой узелъ, но сна не было,—онъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, о работѣ, о горестяхъ грядущихъ дней. И онъ говорилъ себѣ:

„Я начну новую жизнь, и мнѣ будетъ казаться, что мосьё Мишель видитъ меня".

XVI.

Мишель де-Мексимьё скончался почти неожиданно въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ.

Вѣсть эта облетѣла всю окрестность.—Мосьё де Фонтэнейль умеръ.—Старый?—Нѣтъ, молодой. — Жаль! — Изъ нихъ двоихъ онъ былъ лучшій,—не гордился передъ людьми!

Весь понедѣльникъ и вторникъ въ Фонтэнейлѣ звонили колокола, извѣщая о предстоящемъ погребеніи; отъ звука ихъ содрогались былинки въ полѣ и немногія любившія покойнаго сердца.

Въ замкѣ работали вызванные маркизомъ изъ Корбиньи обойщики, раздавался стукъ молотковъ и лязгъ пилы. Человѣческое любопытство и состраданіе начинали понемногу проявляться въ видѣ посѣтителей—мѣстныхъ дворянъ и крестьянъ. Маркизъ самъ распоряжался всѣмъ; еще впервые онъ отдавалъ приказанія, и его горе вызывало къ нему дружелюбныя чувства. Онъ говорилъ: „маркиза не можетъ пріѣхать, пожалѣйте о ней". Онъ находилъ несвойственныя ему выраженія, пролагавшія путь къ людскимъ сердцамъ, и многіе думали: „Какъ онъ долженъ страдать для того, чтобы говорить такъ мягко!"

Оказалось, что онъ помнитъ имена старѣйшихъ фермеровъ, служащихъ, пастуховъ — такъ же твердо, какъ имена своихъ кавалеристовъ.

— Мегò, другъ мой, откройте склепъ, приготовьте сами что̀ нужно. Я не хочу, чтобы постороннія руки касались его гроба. Ему было бы это тяжело.

Аббату онъ сказалъ:

— Г. аббатъ, я всю жизнь мою буду признателенъ вамъ за то, что вы присутствовали при его послѣднихъ минутахъ. Вы замѣнили меня, и это было даже къ лучшему. Мы съ нимъ такъ мало походили другъ на друга. Воспитаніе, образъ занятій, самая цѣль жизни—все было у насъ различное. Какъ я терзаюсь тѣмъ, что мало зналъ своего сына! Я страдалъ отъ нашего взаимнаго непониманія, и лишь съ его смертью мнѣ стало ясно, что онъ былъ правъ, а не я.

Къ средѣ вся церковь внутри была уже обтянута чернымъ и по серединѣ возвышался катафалкъ, окруженный свѣчами. Наступилъ часъ похоронъ, и передъ замкомъ, на усыпанномъ пескомъ дворѣ, собралась большая толпа, состоявшая изъ жителей Фонтэнейля, Корбиньи и окрестныхъ мѣстъ. Люди говорили вполголоса. У подъѣзда стоялъ рядъ экипажей, принадлежавшихъ знати и богатымъ буржуа. Вотъ экипажъ изъ Почтоваго отеля, это пріѣхали парижане... А вотъ и фермеръ Онорэ Фортье изъ „La Vigie", онъ пришелъ пѣшкомъ... Этотъ толстякъ — лѣсопромышленникъ... А гдѣ же г. Жакменъ? Не видно ни его, ни m-lle Антуанеты...

Люди толкали другъ друга, чтобы лучше разсмотрѣть пріѣзжающихъ. Толпа все увеличивалась. Въ девять часовъ произошло движеніе: въ концѣ аллеи появился аббатъ Рубіо, за нимъ шелъ

хоръ пѣвчихъ-дѣтей и ѣхали дроги, но не тѣ пышныя дроги, которыя отвозили къ мѣсту упокоенія недавно умершую разбогатѣвшую мѣщанку, а другія—совсѣмъ простыя, безъ украшеній.

— Это—для графа такія дроги!

— Они годились бы для нашего брата-бѣдняка.

— Всего одна лошадь, да и у той ребра торчатъ.

— Денегъ у нихъ довольно. Сколько тысячъ получилъ маркизъ за свой лѣсъ?!

— Надо спросить у Ренара.

Любопытные окружили Ренара. Тотъ объяснилъ, что такова была воля покойнаго.

— Почему онъ не выразилъ желанія, чтобы его служащіе понесли гробъ на рукахъ?

— Онъ, можетъ быть, боялся, что люди устанутъ. Не хотѣлъ ихъ утомлять.

— Пожалуй... Онъ заботился о другихъ.

Аббатъ Рубіо сталъ читать молитвы. Головы обнажились. Затѣмъ наступила минута глубокаго, тяжелаго молчанія. Дроги тронулись. За ними шелъ отецъ—скорбный и величавый, посѣдѣвшій за эти четыре дня. Синіе глаза его были устремлены на вѣнки изъ хризантемъ и осеннихъ розъ, прикрѣпленныхъ къ крышкѣ гроба.

На генералѣ былъ длинный рединготъ съ красной ленточкой въ петлицѣ; въ правой рукѣ безъ перчатки онъ держалъ шляпу, лѣвая рука его была опущена. Всѣ глядѣли на него; онъ ни на кого не смотрѣлъ и шелъ военною молодцоватою походкою, но съ такимъ выраженіемъ лица, словно онъ хоронилъ цѣлый міръ. Его года, богатство, знатность, репутація храбраго человѣка—все это словно возвышало его, а горе окружало его особымъ ореоломъ, и при видѣ него слезы выступали на глазахъ у многихъ мужчинъ. Онъ шелъ медленно, и его сѣдые усы и бородку шевелилъ налетавшій по временамъ вѣтеръ.

Въ концѣ аллеи, на поворотѣ, къ процессіи присоединился г. Жакменъ, не пожелавшій ранѣе войти въ домъ, который принадлежалъ теперь ему. Зазвонили колокола. У первыхъ домовъ мѣстечка, на кладбищѣ—ожидала новая толпа.

Когда церковь наполнилась народомъ, началось заупокойное богослуженіе. Пламя свѣчей не могло разсѣять мрака, въ который была погружена обтянутая чернымъ сукномъ внутренность храма. Отецъ не слышалъ произносимыхъ шопотомъ словъ сочувствія; онъ постоянно переводилъ взоръ отъ гроба къ тому мѣсту на кладбищѣ, гдѣ поднятая плита обозначала входъ въ

фамильный склепъ. Шестеро фонтэнейльскихъ землепашцевъ-силачей и красавцевъ подняли гробъ и понесли къ мѣсту послѣдняго успокоенія того, кто былъ послѣднею надеждою своего рода. Снова раздалось пѣніе, аббатъ благословилъ усопшаго; блѣдное солнце то показывалось, то пряталось за тучами. Стоя на ступеняхъ, отецъ простеръ руку, и снова все смолкло въ громадной толпѣ народа, заливавшей кладбище до ограды, громоздившейся на стѣнкѣ.

— Граждане Фонтэнейля! — сказалъ маркизъ: — родъ мой кончается. Сынъ мой умеръ, и вы больше не увидите меня. Въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ маркизы де-Мексимьё жили среди вашихъ отцовъ. Я поручаю вамъ охранять гробницу этого юноши и всѣхъ здѣсь покоящихся послѣднимъ сномъ. Пусть тѣ изъ васъ, которые не разучились молиться, помолятся за нихъ. Онъ васъ любилъ. Вы недостаточно цѣнили его любовь. Я не имѣю права упрекать васъ, такъ какъ я самъ лишь въ послѣднее время оцѣнилъ его какъ слѣдуетъ. Онъ былъ лучше насъ. Вы узнаете отъ вашего священника, что онъ умеръ съ мыслью о васъ. Я не въ силахъ объ этомъ говорить. Скажу одно: онъ былъ благородный человѣкъ, не забывайте его. Постарайтесь быть справедливѣе къ тѣмъ, которые займутъ его мѣсто въ Фонтэнейлѣ. Я же оставляю васъ. Я только прошу у неимущихъ дозволенія лично раздать имъ чеки на полученіе хлѣба. Подходите, друзья мои. Остальные—прощайте!

Кое-гдѣ послышался шопотъ:

— Не сдѣлалъ ли онъ пожертвованія? Не завѣщалъ ли замокъ подъ больницу? Не можетъ быть! У мосьё Мишеля ничего своего не было. Имѣніе принадлежитъ маркизу.

Нищіе и убогіе стали подходить безконечною чередою; каждый получалъ чекъ на двадцати-четырехъ-фунтовый хлѣбъ; старый дворянинъ лично вручалъ его со словами:

— За упокой души Мишеля де-Мексимьё!

Несмотря на всю свою твердость, онъ по временамъ зажмуривалъ глаза для того, чтобы не заплакать. Присутствовавшіе говорили другъ другу:

— А вѣдь это правда. Мосьё Мишель былъ добрый человѣкъ. Съ нимъ можно было бы поладить. Теперь маркизъ уѣдетъ отсюда. Что̀ ему здѣсь дѣлать?

На могилѣ плакала, не обращая ни на кого вниманія, молодая дѣвушка, стоявшая на колѣняхъ въ травѣ. Никто не видѣлъ, какъ она пришла. Женщины въ особенности жалѣли ее.

— Любила его, должно быть, бѣдная барышня! Славная вышла бы изъ нихъ парочка, дѣлали бы людямъ много добра.

Около маркиза оставалось еще человѣкъ двѣнадцать, когда въ воротахъ кладбища показался человѣкъ высокаго роста, котораго сразу замѣтили. Пронесся шопотъ.

— Это Жильберъ Клокэ возвращается изъ Пикардіи. Поглядите, вотъ онъ. Борода его посѣдѣла, но съ виду онъ—молодецъ. Онъ пробирается среди могилъ. Вѣрно, хочетъ говорить съ маркизомъ.

Онъ, дѣйствительно, хотѣлъ говорить съ г. де-Мексимьё, но, считая невѣжливымъ прямо подойти къ нему, онъ сталъ въ хвостѣ людей, подходившихъ за подаяніемъ. Всѣ слѣдили за нимъ, но онъ, стоя въ своей наглухо застегнутой курткѣ, видѣлъ лишь высокаго старика, съ такою печалью повторявшаго:—За упокой души Мишеля де-Мексимьё!

Скоро они оказались другъ противъ друга, и владѣлецъ Фонтэнейля, глаза котораго были отуманены слезами, не узнавая его, протянулъ ему чекъ. Жильберъ, боясь его обидѣть, проговорилъ тихо:

— Благодарю васъ, мосьё Филиппъ! Я не за этимъ. Я хотѣлъ вамъ кое-что сказать.

— А, это ты, мой бѣдный Клокэ? Я не слышу, чтò ты говоришь. Взойди сюда.

Жильберъ поднялся на ступени,—они были одинаковаго роста. Въ толпѣ нашли, что Жильберъ кажется даже выше, такъ какъ маркизъ нѣсколько согнулся подъ бременемъ горя.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что я любилъ мосьё Мишеля и никогда его не забуду. Я вернулся издалека для того, чтобы отдать ему послѣдній долгъ.

Г. де-Мексимьё пожалъ обѣ руки Клокэ.

Тотъ продолжалъ:

— Вы уѣзжаете, мосьё Филиппъ? Не безпокойтесь насчетъ цвѣтовъ на могилѣ. Я остаюсь здѣсь и буду объ этомъ заботиться. Покуда я живъ—могила его будетъ содержаться въ порядкѣ.

У маркиза вырвалось рыданіе.

— Поручаю ее тебѣ.

Жильберъ Клокэ отошелъ и затерялся въ толпѣ. Генералъ де-Мексимьё спустился внизъ; онъ остановился, поклонился гробу, осѣнилъ себя крестомъ и затѣмъ, отдавъ рукою честь, быстро зашагалъ впередъ среди разступавшихся передъ нимъ людей. Тоску, подобную той, которая сжимала теперь его сердце, онъ

уже испыталъ ранѣе, на поляхъ проигранныхъ сраженій въ 1870 году. Весь родъ его былъ скошенъ, четыре вѣка воспоминаній готовились угаснуть, и это помѣстье—послѣдній перлъ въ коронѣ маркизовъ де-Мексимьё—онъ продалъ его! Окна были закрыты, и они останутся закрытыми до тѣхъ поръ, покуда новый владѣлецъ зàмка не откроетъ ихъ.

Тьма и трауръ — вотъ чтò оставалось въ удѣлъ прежнему владѣльцу.

Онъ вошелъ, сдѣлавъ слѣдовавшимъ за нимъ людямъ знакъ обождать. Въ вестибюлѣ его ожидала гора писемъ, карточекъ, телеграммъ. Среди послѣднихъ была служебная депеша; генералъ съ гнѣвомъ распечаталъ ее: даже въ такую минуту ему не даютъ покоя! Его вызывали въ Парижъ по случаю стачки. Министръ телеграфировалъ: „Пріѣзжайте съ первымъ поѣздомъ. Мнѣ необходимъ вашъ совѣтъ".

Г. де-Мексимьё разорвалъ телеграмму. Онъ былъ одинъ въ вестибюлѣ.—Я не поѣду!—Ему нужно было обойти домъ, осмотрѣть въ послѣдній разъ всѣ комнаты, повидать фермеровъ, указать Ренару, какія вещи долженъ тотъ привезти въ Парижъ. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ лѣстницѣ, но вдругъ провелъ рукою по лбу.

— Я не имѣю права этого дѣлать. Долгъ службы призываетъ меня въ Парижъ.

Онъ вышелъ изъ вестибюля и позвалъ Ренара.

— Пусть подаютъ автомобиль.

Когда экипажъ былъ поданъ, онъ обратился къ собравшимся:

— Господа, я пришлю вамъ инструкціи изъ Парижа. Долженъ ѣхать. Дѣло службы.

И сѣвъ въ экипажъ, онъ, не оглядываясь, крикнулъ шоффёру:

— Шестьдесятъ миль въ часъ, Эдуардъ! Я долженъ поспѣть къ парижскому экспрессу.

Раздался звукъ трубы — прощальный привѣтъ цѣлаго рода, и эхо далеко повторило его.

Женщины расходились по домамъ, большинство мужчинъ—по кабакамъ. Жильберъ стоялъ среди толпы человѣкъ въ сорокъ у кафè Бланкэра. Всѣ они прислушались къ замиравшему въ отдаленіи звуку трубы, и у всѣхъ промелькнула мысль о непрочности всего земного. Но вскорѣ раздался голосъ Лампріера:

— Съ тебя, Клокэ, слѣдуетъ по случаю возвращенія...

— Хорошо,—отвѣтилъ тотъ,—дѣло законное.

— Ты, кстати, намъ доскажешь о твоемъ путешествіи. За виномъ оно—куда способнѣе. Вишь, какой чортовъ туманъ!

Клокэ поднялъ голову. По небу неслись тяжелыя облака, сыпавшія ледяною пылью.

— Они изъ той земли, гдѣ я побывалъ; погода тамъ плохая, но люди хорошіе.

Онъ вошелъ въ кафѐ и за нимъ — большинство людей, которые сочли себя приглашенными. Длинная зала наполнилась; остались всего два-три незанятые табурета. Тутъ были: предсѣдатель синдиката Раву́, мошенникъ Сюпіа́ съ лисьей рожей, Дюржé, испортившій первую косилку, Годонъ, отставной кирасиръ, и многіе другіе, а также кое-кто изъ молодежи, собравшейся своимъ кружкомъ.—Этьенъ Жюстамонъ, сюда!—Ты здѣсь, Жанъ-Жанъ?

Нѣкоторое время всѣ шумѣли, чокались, говорили сразу, заигрывали со служанками, огрызавшимися привычнымъ тономъ въ отвѣтъ на ухаживанія.

Но вскорѣ стало замѣтно, что предметомъ общаго вниманія и любопытства былъ Жильберъ, сидѣвшій одиноко за столомъ посрединѣ залы. Насупротивъ его былъ лишь молоденькій Жанъ-Жанъ изъ Монтрёльона. Головы всѣхъ были обращены въ сторону Жильбера; на него указывали, отъ него чего-то ждали.

Онъ сидѣлъ со сложенными руками и молчаливо разглядывалъ прежнихъ товарищей; онъ походилъ на лоцмана, внимательно слѣдящаго за направленіемъ вѣтра. Порою онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы на привѣтъ товарища.

Чей-то голосъ изъ глубины залы проговорилъ:

— Говорятъ, что его убѣжденія измѣнились, что онъ уже вышелъ изъ синдиката.

Жильберъ промолчалъ; онъ лишь приподнялъ голову, чтобы разглядѣть говорившаго. Это былъ Раву́. Другой голосъ, громкій и страстный, раздался по близости отъ двери.

— Онъ этого и не скрываетъ... Видѣли вы, какъ онъ сейчасъ говорилъ съ аристократомъ? И еще онъ говорилъ, что бельгійцы—лучше здѣшняго народа.

Среди людей пробѣжалъ шопотъ; всѣ зашевелились, въ глазахъ блеснуло недовѣріе, раздраженіе, стаканы звякнули о столъ.

Жильберъ сидѣлъ неподвижно, похожій на статую. Ближайшіе сосѣди отодвинулись отъ него. Ехидный голосъ Сюпіа́ продолжалъ:

— Не мѣшало бы узнать, какъ обстоятъ дѣла... Намъ измѣнниковъ не нужно.

Его прервали.

— Какой же онъ измѣнникъ? Чтò ты! Скажи, Клокэ, что ты не изъ таковскихъ!

— Судя по тому, чтò онъ говорилъ на площади и какъ держалъ себя у церкви, Жильберъ Клокэ сталъ смахивать на клерикала,—не унимался Сюпіà:—я не поручусь за то, что онъ не говѣлъ у пикардійцевъ.

Шестьдесятъ человѣкъ глядѣли на Жильбера. Онъ снялъ шляпу и сказалъ:

— Я, дѣйствительно, говѣлъ.

Люди вскочили съ мѣстъ. Гнѣвные голоса, движенія—наполнили залу. Ему грозили, перекидывались фразами: „Долой Клокэ! Не надо намъ святошъ!“ Другіе кричали: „Онъ свободенъ! Мы свободны!“

Табуреты были опрокинуты, Сюпіà свистѣлъ въ ключъ. Тяжелый ударъ по столу кулакомъ возстановилъ наполовину молчаніе, а громкій голосъ митинговаго оратора, голосъ Раву̂, проговорилъ:

— Пусть объяснится. Товарищескій судъ разсудитъ его. Выслушайте его.

Клокэ тоже всталъ; онъ прислонился къ стѣнѣ, взглядъ его былъ спокоенъ; онъ скрестилъ руки.

— Это правда. Я видѣлъ тамъ товарищей, лучше ладившихъ другъ съ другомъ, чѣмъ мы, и живущихъ лучше насъ. Я могъ бы видѣть это и во Франціи, но пришлось увидѣть по ту сторону границы.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не давайте ему слова! Исключить Клокэ изъ синдиката. Голосовать сейчасъ же. Насъ достаточно. Мы хотимъ голосовать, Раву̂!

— Подождите!—закричалъ Раву̂.—Дайте ему говорить!

— Подождите,—повторилъ Клокэ,—я никого не оскорбляю, я не со зломъ пришелъ къ вамъ: напротивъ. Я видѣлъ, что мы не по правдѣ живемъ, и пришелъ вамъ это сказать. Покуда живъ, я не перестану вамъ это повторять одинъ, два, десять разъ, и никто мнѣ въ томъ не помѣшаетъ. Я хочу оставаться съ вами. Я всегда искалъ правды, я ищу ее, но теперь я знаю, въ чемъ она, и я иду къ ней...

— Ступай къ ней одинъ! Довольно! Вонъ! Браво, Клокэ! Вонъ! За дверь его!

— Такъ выставьте меня за дверь!

— И выставимъ!

Окрики Раву̂ уже были безсильны утишить волненіе; трое молодцовъ, перескочивъ черезъ столъ, кинулись къ Клокэ: Тур-

набьенъ, Деворэ, пьяный Ламприръ. Увлеченная ими, людская волна образовала полукругъ. Но въ ту минуту, когда Клокэ уже приготовился къ защитѣ, нападающіе и любопытные, тайные друзья и враги остановились и смолкли, пораженные неожиданностью. Рядомъ съ Жильберомъ сталъ другой человѣкъ, сіяющій молодостью, съ улыбкой на губахъ. Онъ былъ тоньше и ниже ростомъ, чѣмъ высокій Жильберъ, и глядѣлъ на того снизу вверхъ. Не обращая вниманія на сжатые кулаки, онъ сказалъ тономъ младшаго по отношенію къ старшему:

— Мосьё Клокэ, я—заодно съ вами.

Клокэ улыбнулся отъ удовольствія себѣ въ бороду и показалъ бѣлые зубы.

— Жанъ-Жанъ! Ты—молодецъ, но не спѣши вступаться за меня,—тебѣ попадетъ отъ всѣхъ!

Юноша обернулся къ толпѣ.

— Полноте, далеко не всѣ противъ васъ.

Словно въ отвѣтъ на его слова, прокладывая себѣ путь локтями, изъ толпы вышли двое другихъ. Они сдѣлали это инстинктивно, въ защиту слабѣйшаго. Первый былъ бѣловурый, съ веснущатымъ свѣжимъ лицомъ, второй—еще узкогрудый, но съ сильными ногами и темнымъ пушкомъ на подбородкѣ. Глаза ихъ горѣли негодованіемъ.

— И ты за меня, Этьенъ Жюстамонъ? И ты также, Викторъ Мегò? Всюду найдутся добрые люди.

Когда трое юношей окружили его, онъ для того, чтобы не расплакаться, громко засмѣялся и крикнулъ голосомъ, заглушившимъ гулъ толпы.

— Выгоняйте меня, товарищи, изъ синдиката! Вотъ мой синдикатъ. Плохъ онъ что-ли? Все молодые дубки—безъ всякой примѣси.

— Брось шутить, Клокэ! Никто тебя не гонитъ. Ты свободенъ. Садитесь, товарищи, и выпьемъ!

Это вмѣшался Раву̀. Раву̀ встревожился. Эти юноши походили на молодыхъ псовъ, еще не привыкшихъ къ ошейнику. Какъ человѣкъ опытный, онъ понималъ, что часть дровосѣковъ втайнѣ сочувствовала Клокэ.

Онъ, по обыкновенію, формулировалъ угадываемое имъ мнѣніе большинства.

— Такъ-то лучше,—сказалъ Клокэ.—Ну, мои молодцы, беритесь и вы за стаканы. Въ случаѣ чего—я васъ кликну.

Покуда всѣ снова разсаживались за столы, онъ позвалъ Бланкэра, заплатилъ за угощеніе и, поднявъ стаканъ съ нарбоннскимъ виномъ, осушилъ его однимъ духомъ.

— Ну, прощайте, друзья и товарищи! Я долженъ зайти домой, я еще не былъ тамъ.

Онъ простился движеніемъ руки. Нѣсколько голосовъ крикнули:—Да здравствуетъ Клокэ! Спасибо Клокэ!—Другіе кивнули ему головою, словно говоря: — Я за тебя!—Остальные сдѣлали видъ, что они ничего не видятъ и не слышатъ.

Было два часа, но чѣмъ дольше Жильберъ шелъ по лѣсу, тѣмъ становилось темнѣе; здѣсь уже вечерѣло. Жильберъ подошелъ къ самому темному изъ домовъ и три раза постучалъ въ дверь палкою. На порогѣ сосѣдняго домика появилась тетка Жюстамонъ.

— Это кто стучитъ? Какъ, это вы, Жильберъ Клокэ? Вы ждете ключа? Сейчасъ принесу.

Она исчезла и сейчасъ же вернулась въ сопровожденіи двухъ дочекъ—высокой Жюли и маленькой Жанни.

— Мы ужъ и не надѣялись васъ видѣть. Никто не заходилъ, не спрашивалъ васъ.

— Никто? Вы увѣрены въ этомъ?

Женщина вложила ключъ въ замокъ и нажала колѣномъ дверь, которая не открывалась.

— Ни души. Только Мегò, кровельщикъ, спрашивалъ, не сдается ли ваша хата? Онъ хотѣлъ ее нанять.

— По всей вѣроятности это ему удастся,—отвѣтилъ Жильберъ.

Тетка Жюстамонъ пропустила впередъ Жильбера, котораго охватило затхлымъ, нежилымъ воздухомъ склепа. Это было жилище его радости и его скорби, но теперь оно казалось мертвымъ.

Тетка Жюстамонъ покачивала головою и почему-то не рѣшалась его разспрашивать. Она только спросила:

— Такъ что же, хорошо въ Пикардіи было?

Жильберъ, не отвѣчая, спросилъ въ свою очередь:

— Скажите, гдѣ Мари? Вы знаете?

Жюли Жюстамонъ, рыжая, какъ бѣлка, показавъ ослѣпительные зубы, сказала:

— Шляется... Чтò ей дѣлать другое? Сызмальства шлялась.

Мать дала ей пощечину.

— Вотъ тебѣ, негодница! Извините ее, Жильберъ. Молодо— глупо. Кто-то говорилъ мнѣ, что она съ мужемъ въ Парижѣ.

— Я найду ее, когда она будетъ имѣть во мнѣ нужду, сосѣдка.

Онъ обернулся къ женщинѣ, тронутой его волненіемъ, и сказалъ:

— Я снова примусь работать для нея.

— Для нея, Жильберъ? Да Богъ съ вами! Для такой-то дочери!

— Да. Даже и преступникъ можетъ одуматься. Одумается, можетъ быть, и она.

— Женщина, у которой все описали, которая...

— Все знаю, сосѣдка, но что я сказалъ — то сказалъ. Я снова начну работать для нея.

— Онъ вошелъ въ домъ; женщины вернулись къ себѣ, все затихло. Слышалось только, какъ вѣтеръ кружилъ листья по дорогѣ.

Жильберъ пробылъ въ домѣ около часу. Онъ захватилъ съ собою, связавъ ихъ въ узелокъ, нѣкоторыя мелочи, оставленныя имъ дома прошлый разъ: портреты жены и дочери и закопченную статуэтку Мадонны.

— Бѣдный мой Клокэ, — спросила добрая женщина, — куда это вы идете такой печальный?

— Я долженъ сдѣлать очень тяжелый для меня шагъ, — сказалъ Жильберъ, не останавливаясь. — Но я долженъ его сдѣлать.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, вернетесь?

Онъ отвѣтилъ отрицательнымъ жестомъ.

XVII.

Выйдя изъ лѣсу, Жильберъ снова увидѣлъ свѣтъ, но день уже клонился къ вечеру, на улицѣ никого не было. Тѣмъ не менѣе, когда онъ проходилъ по деревнѣ, его замѣтили женщины, сидѣвшія у окна за вязаньемъ, и паръ десять глазъ съ любопытствомъ его проводили.

— Куда онъ идетъ?

Онъ ни на кого не смотрѣлъ. Голова его была опущена, онъ несъ въ рукѣ узелокъ.

— Куда онъ идетъ? На немъ — его воскресное платье; онъ не сворачиваетъ къ лѣсу... Вотъ онъ поравнялся съ домомъ Дюржѐ, но не вошелъ туда... Онъ идетъ все дальше, поднимается въ гору... Неужели онъ пошелъ на ферму „La Vigie“?

Дѣйствительно, впервые за всѣ двадцать-три года онъ шелъ туда. Ранѣе онъ предпочиталъ дѣлать большой обходъ для того, чтобы не видѣть этихъ стѣнъ и хозяина, оскорбленнаго его уходомъ.

Теперь онъ не глядѣлъ ни направо, ни налѣво; онъ не отрывалъ глазъ отъ очертаній каменныхъ стѣнъ и кровли, называвшихся фермою „La Vigie". Года, проведенные имъ тамъ, были лучшимъ временемъ его жизни. Прошлое его оживало; онъ видѣлъ лицо Онорэ Фортье такимъ, какимъ оно было въ послѣднее ихъ свиданье. Для Жильбера это энергичное лицо не измѣнилось, не состарилось; оно запечатлѣлось въ его памяти съ выраженіемъ презрѣнія и вызова. Имъ предстояло увидѣться. Онъ самъ измѣнился,—каковъ-то его бывшій хозяинъ, выѣзжавшій съ фермы лишь на ярмарку?

По мѣрѣ приближенія къ дому, Жильберъ все замедлялъ шагъ; приходилось идти въ гору, и онъ задавалъ себѣ вопросъ:— „Неужели я такъ состарился?"

Солнце еще разъ проглянуло передъ тѣмъ какъ совсѣмъ закатиться.

Жильберъ подошелъ къ усадьбѣ; около конюшенъ, хлѣвовъ, амбаровъ — никого не было видно. У забора налѣво два молодыхъ парня распрягали лошадь и рабочихъ воловъ. Они указали на Жильбера пальцемъ и засмѣялись; онъ обратилъ на нихъ не больше вниманія, чѣмъ на мошекъ.

Взоръ его не отрывался отъ дверей дома; онъ ждалъ, опираясь одною рукою на посохъ; его узелокъ лежалъ у его ногъ.

Прошло болѣе пяти минутъ, и затѣмъ Жильберъ снялъ шляпу. Онъ увидѣлъ въ окнѣ г-жу Фортье—всю сѣдую. Дверь отворилась, и на порогѣ показался г. Фортье, но онъ не подошелъ къ нему.

Прежній хозяинъ Жильбера, богатый фермеръ, сдѣлавшійся первымъ лицомъ въ общинѣ, смотрѣлъ на рабочаго, стараясь угадать его намѣренія. Происходилъ безмолвный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ. Гнѣвъ такой же сильный, какъ и въ первый день, подергивалъ бритыя губы г. Фортье. Онъ чуть не крикнулъ:—Убирайся вонъ, Клокэ! Здѣсь не мѣсто служащимъ, которые покинули меня!—Но онъ замѣтилъ, что тотъ стоитъ безъ шляпы, и сказалъ:

— Подойди ближе, если тебѣ нужно меня видѣть.

— Нужно,—отвѣтилъ Клокэ.

Онъ подошелъ, не опуская глазъ, для того, чтобы г. Фортье могъ прочесть его мысли на его лицѣ, и, остановившись въ трехъ шагахъ отъ крыльца, надѣлъ шляпу.

— Мосьё Фортье, я провинился передъ вами тѣмъ, что ушелъ отъ васъ двадцать-три года тому назадъ.

— Ты думаешь, что я это забылъ? Я сердитъ на тебя не менѣе чѣмъ въ первый день.

— Но я желалъ бы загладить свою вину, мосьё Фортье, и вернуться къ вамъ.

— Долго ты собирался, Жильберъ Клокэ! Ты возвращаешься ко мнѣ потому что у тебя уже нѣтъ силъ для работы?

— Вотъ еще!—сказалъ Жильберъ, взмахнувъ своею тяжелою палкою какъ топоромъ.

— Значитъ, у тебя нѣтъ денегъ?

— Послушайте, вы не можете меня упрекать за то, что я разорился, уплачивая долги моей дочери! Я хочу зарабатывать свой хлѣбъ и могу зарабатывать его всюду, мосьё Фортье. Если я пришелъ къ вамъ, то лишь потому, что я хочу загладить мою вину, и еще потому, что буду чувствовать себя менѣе одинокимъ тамъ, гдѣ я жилъ въ молодости.

— Я уже сказалъ тебѣ двадцать-три года тому назадъ: „если даже ты вернешься сюда старикомъ, я и то не возьму тебя". Я держу слово.

— Я тоже, мосьё Фортье, сказалъ: „я хочу быть самому себѣ господиномъ".—Теперь я уже не думаю такъ. Свобода не въ этомъ. Я кое-чему научился у пикардійцевъ...

— Я слышалъ.

У фермера вырвался коротенькій смѣшокъ, знакомый Жильберу. Если г. Фортье смѣется, это значитъ, что онъ еще можетъ передумать.

— Возьмите меня, г. Фортье! Я люблю „La Vigie".

Фермеръ вздрогнулъ отъ охватившаго его волненія. Онъ тоже любилъ „La Vigie". Онъ поглядѣлъ вправо на своихъ работниковъ—молодыхъ малыхъ, безсердечныхъ и пустыхъ, какъ большинство служащихъ въ наше время. А передъ нимъ стоялъ Жильберъ — человѣкъ пожилой, но привязанный къ землѣ, не пьяница, умѣющій беречь хозяйское добро, человѣкъ, перекопавшій на фермѣ каждую пядь земли.

Онъ растрогался, сообразивъ, какъ для него будетъ удобно снова взять на службу Жильбера.

— Войди!—проговорилъ онъ, и протянулъ руку Жильберу для того, чтобы тотъ вошелъ на крыльцо.

Исполнивъ этотъ обычай, поднявшись на четыре ступени крыльца, Жильберъ снова становился работникомъ у г. Фортье въ Фонтэнейлѣ.

Они выпили на радостяхъ по стаканчику краснаго вина и закусили сухаремъ. Жильберъ, вернувшій свое самообладаніе, сталъ разспрашивать хозяина о мѣстныхъ дѣлахъ и перемѣнахъ.

— Будешь спать попрежнему во хлѣвѣ, это не такъ удобно, какъ въ постели?

— Мнѣ все равно. А воловъ такъ же зовутъ, какъ и прежде?

— Все такъ же. Гривò, Шавò, Корбэнъ, Монтань, Жонэ и Россиньò.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ Жильберъ, смѣясь отъ удовольствія:—мнѣ не понадобится учиться сызнова.

— Думаю, что такъ!—отвѣтилъ г. Фортье.

Онъ отдернулъ занавѣску у окна, выходившаго въ поле.

— Слушай, покуда не совсѣмъ стемнѣло, обойди-ка поля, старина Жильберъ!

Жильберъ прошелъ по двору на лугъ позади хлѣвовъ, съ котораго былъ виденъ Фонтэнейль и окружавшій его лѣсъ. Но у него не выходило изъ головы воспоминаніе о видѣ съ пастбища на холмѣ. Онъ дошелъ туда и снова увидѣлъ горы и горизонтъ, которыми любовался въ юности; затѣмъ онъ обошелъ все хозяйство. Животныя, поглядѣвъ на него, продолжали жевать, словно говоря:— Ничего! Онъ здѣшній.—Сидѣвшіе на облетѣвшихъ тополяхъ крупные дрозды не спѣшили прятаться въ кустахъ, вороны махали ему на лету крыломъ, бѣлые голуби высоко рѣяли въ золотистомъ свѣтѣ заката.

Было холодно, закатъ пророчилъ на завтра вѣтеръ. Изъ Фонтэнейля доносился звонъ колокола.

Жильберъ былъ одинъ среди обширной поляны въ сумеркахъ надвигающейся ночи. Онъ подумалъ о домѣ, куда онъ уже не вернется, о товарищахъ, — и понялъ, что любитъ ихъ всѣхъ, прощаетъ имъ, и что ему будетъ отрадно жить среди нихъ.

День угасалъ, и онъ обвелъ взглядомъ долину, гдѣ онъ будетъ снова работать съ завтрашняго дня. Травы были хороши, паровыя поля ожидали плуга. Кое-гдѣ между комьями земли поднимались зеленые побѣги пшеницы. Жильберъ снялъ шляпу и сказалъ:

— Пусть я буду жить у чужихъ людей, пусть меня ожидаютъ холодъ, жара, усталость, смерть: мнѣ все равно. Въ сердцѣ у меня—миръ.

Живая радость сама собою поднималась въ его обновленномъ сердцѣ, и онъ закончилъ:

— Я уже старикъ, и вотъ я впервые въ жизни чувствую себя счастливымъ.

Съ франц. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1908.

Пріемъ членовъ Государственной Думы въ Царскомъ-Селѣ. — Вопросъ о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террора и объ осужденіи террористическихъ актовъ.— Адресъ московскаго дворянства.—Съѣздъ „союза русскаго народа".—Признаки времени: министерскіе циркуляры, закрытіе обществъ. — Модныя преувеличенія. — Неприкосновенность личности и думская коммиссія.—Октябристы и правыя партіи въ Государственной Думѣ.

13-го февраля, члены Государственной Думы, въ числѣ до 300, были приняты Государемъ Императоромъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Государь Императоръ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Я радъ видѣть васъ у Себя и пожелать вамъ успѣха въ налаживающейся, по видимому, работѣ въ Государственной Думѣ. Помните, что вы созваны Мною для разработки нужныхъ Россіи законовъ и для содѣйствія Мнѣ въ дѣлѣ укрѣпленія у насъ порядка и правды. Изъ всѣхъ законопроектовъ, внесенныхъ, по Моимъ указаніямъ, въ Думу, Я считаю наиболѣе важнымъ законопроектъ объ улучшеніи земельнаго устройства крестьянъ и напоминаю о Своихъ неоднократныхъ указаніяхъ, что нарушеніе чьихъ-либо правъ собственности никогда не получитъ Моего одобренія; права собственности должны быть священны и прочно обезпечены закономъ.

„Я знаю, съ какими чувствами и мыслями вы явились ко Мнѣ. Россія росла и крѣпла въ теченіе тысячи лѣтъ горячей вѣрой русскихъ людей въ Бога, преданностью своимъ Царямъ и безпредѣльной любовью къ своей родинѣ. Пока это чувство живо въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка, Россія будетъ счастлива, благоденствовать и укрѣпляться. Молю Бога, вмѣстѣ съ вами, чтобы эти чувства постоянно

жили въ сердцахъ русскихъ людей и чтобы солнце счастья засіяло надъ нашей могучей родной землей".

Вопросъ объ осужденіи террористическихъ актовъ, возникавшій и въ первой, и во второй Государственной Думѣ, получилъ, наконецъ, разрѣшеніе въ третьей Думѣ, при условіяхъ, которыя никакъ нельзя назвать благопріятными. Ошибкой было уже пріуроченіе его къ законопроекту—или, лучше сказать, *абрису* законопроекта,—составленному нàскоро, кое-какъ, полному недомолвокъ и неопредѣленныхъ положеній. Мысль о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террора едва ли вызвала бы серьезныя возраженія, если бы была отдѣлена отъ политической почвы и облечена въ строго обдуманную, всесторонне разработанную форму. „Долгъ государства" — воскликнулъ, во время преній, Н. Н. Львовъ — „оказать помощь всѣмъ потерпѣвшимъ отъ революціоннаго движенія". Представитель партіи народной свободы, деп. Шингаревъ, признаетъ, что государство обязано обезпечить своихъ слугъ и ихъ семейства, какова бы ни была причина постигшаго ихъ, при исполненіи служебныхъ функцій, бѣдствія. Представитель трудовиковъ, деп. Розановъ, замѣтилъ, что о принципѣ, лежащемъ въ основѣ законопроекта, не было бы и спора, если бы помощь полицейскимъ чинамъ не была въ данномъ случаѣ простымъ предлогомъ. „Конечно"— сказалъ деп. Дмовскій отъ имени польскаго коло, — „мы не можемъ быть противъ идеи государственной помощи пострадавшимъ отъ актовъ насилія". Такое же отношеніе къ этой идеѣ выражено и въ формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенныхъ поляками западнаго края и партіею народной свободы. Не подлежитъ, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что при другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, за организацію новаго вида помощи высказалась бы почти вся Государственная Дума—а для осужденія террора нетрудно было бы найти иной, болѣе удобный поводъ.

Еще важнѣе вторая ошибка, сдѣланная иниціаторами вопроса и, вслѣдъ за ними, большинствомъ Думы. Чтобы понять ея значеніе, необходимо припомнить одну изъ самыхъ характерныхъ страницъ исторіи второй Государственной Думы. Отказавшись (въ засѣданіи 15-го мая), по тактическимъ соображеніямъ [1]), отъ постановки на очередь вопроса объ осужденіи террористическихъ актовъ, Дума, два дня спустя, какъ бы невольно къ нему возвратилась. Пренія по запросу, касавшемуся истязанія арестантовъ въ тюрьмахъ прибалтійскаго края, пе-

---

[1]) Ошибочность этихъ соображеній была указана нами въ прошлогоднемъ іюньскомъ обозрѣніи.

решли, силою вещей, въ пренія о запретной темѣ. Многіе ораторы (въ томъ числѣ членъ партіи народной свободы С. Н. Булгаковъ) энергично порицали неуваженіе къ человѣческой жизни, каковы бы ни были его мотивы, каковъ бы ни былъ его источникъ—и ихъ слова встрѣчали горячее сочувствіе. Вся Дума, *какъ одинъ человѣкъ* (выраженіе С. Н. Булгакова), рукоплескала В. Д. Кузьмину-Караваеву, когда онъ воскликнулъ, заканчивая свою рѣчь: „долой насиліе, долой терроръ"! Отрицательное отношеніе къ террору нашло отголосокъ и въ формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенныхъ партіей народной свободы и польскимъ коло. Въ первой было сказано, что совершавшіяся въ прибалтійскомъ краѣ многочисленныя убійства и другія возмутительныя преступленія не должны быть терпимы, но *не могутъ служить для должностныхъ лицъ поводомъ нарушать требованія закона*. Послѣднія, подчеркнутыя нами слова были повторены и въ формулѣ польскаго коло, провозглашавшей террористическіе акты и грабежи „несовмѣстимыми съ закономѣрнымъ проведеніемъ въ жизнь тѣхъ конституціонныхъ началъ, къ укрѣпленію коихъ призвана Государственная Дума". Эти формулы не были приняты большинствомъ, но оно отвергло и *всѣ* другія формулы, шедшія какъ справа, такъ и слѣва [1]). Нельзя, слѣдовательно, утверждать—какъ это сдѣлалъ въ засѣданіи 8-го февраля товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ,—что по господствовавшему въ средѣ второй Думы мнѣнію „законодательное строительство должно быть осуществляемо путемъ убійствъ, разбоевъ, грабежей и тому подобныхъ явленій". Несомнѣнно лишь одно: значительная часть второй Думы не хотѣла *односторонняго* рѣшенія, т.-е. признавала возможнымъ только *одновременное* осужденіе террора снизу и террора сверху. Аналогичнаго взгляда держался въ то время и гр. В. Бобринскій. „Я никогда не согласился бы"—читаемъ мы въ его рѣчи—„осудить терроръ односторонне. Прежде всего, сильнѣе всего я осудилъ бы такъ называемый терроръ справа. Мы осуждаемъ всякое насиліе, откуда бы оно ни исходило". Прямо и непосредственно эти слова относились къ убійству Герценштейна и Іоллоса, но подъ ихъ дѣйствіе могли быть подведены и правительственныя мѣры, выходящія за предѣлы *необходимой* государственной обороны.

Совершенно инымъ было бы значеніе рѣшенія, принятаго Думой въ засѣданіи 8-го февраля, если бы октябристы и умѣренные правые—или хотя бы одни октябристы—встали на точку зрѣнія, къ которой въ

---

[1]) Въ концѣ засѣданія была принята, съ нарушеніемъ парламентскаго порядка и вопреки протесту конституціоналистовъ-демократовъ, вновь внесенная формула, ограничивавшаяся констатированіемъ незакономѣрныхъ дѣйствій властей въ прибалтійскомъ краѣ.

прошломъ году близко подходилъ гр. В. Бобринскій, а теперь еще ближе подошелъ баронъ А. Ф. Мейендорфъ. По истинѣ замѣчательными, въ виду принадлежности барона Мейендорфа къ думскому центру, можно назвать слѣдующія его слова: „Всякій, кто хоть немного знаетъ русскую жизнь, понимаетъ, что революціонная страсть и революціонное отчаяніе развиваются не только на почвѣ личной порочности. Поэтому все, что мы можемъ сдѣлать путемъ убѣжденія, должно бы заключаться въ томъ, чтобы разобрать и раскритиковать террористическую тактику, доказать, что она не нужна, что она вредна, что она переноситъ насъ въ область чисто разбойнической морали, что обѣ стороны, сами того не замѣчая, прибѣгаютъ къ крайнимъ орудіямъ борьбы, и что всѣ способы военной хитрости переносятся въ дѣло государственнаго порядка. Та сила революціи, которая стоитъ по ту сторону морали, которая отвергаетъ всѣ условности правъ, преданности и истины, вызвала въ средѣ правительственныхъ органовъ, несомнѣнно, такія же дѣйствія по ту сторону морали, по ту сторону добра и зла. Всякій, кто знаетъ русскую жизнь, понимаетъ, что въ настоящее время борьба съ крамолой ведется средствами чрезвычайными и чрезмѣрными. Изъ-за одного террориста возникаетъ тысяча подозрѣній, и тысячи подозрительныхъ иногда сидятъ въ полицейскихъ застѣнкахъ безъ допроса. Изъ-за одного террориста многіе невинные, въ качествѣ подозрѣваемыхъ, сидятъ и страдаютъ. Такимъ образомъ, относительно многихъ совершаются акты, которые передъ строгимъ мѣриломъ законности не выдерживаютъ ни малѣйшей критики... Позволю себѣ выразить надежду, что правительство найдетъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы въ средствахъ борьбы съ крамолой по возможности стоять во всемъ на законной почвѣ. И не только, я скажу, правительство высшее, но и мѣстныя власти должны сознавать, что вручаемыя имъ закономъ обязанности суть обязанности для того, чтобы торжествовалъ законъ, а не произволъ“. Логическимъ выводомъ изъ этихъ словъ было бы присоединеніе октябристовъ—къ которымъ принадлежитъ бар. Мейендорфъ и на поддержку которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ,—къ формулѣ партіи народной свободы, отвергавшей терроръ, какъ средство политической борьбы, подчеркивавшей весь ужасъ и глубокій общественный вредъ отъ стихійно развившихся убійствъ и другихъ насильственныхъ актовъ, но признававшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, что это зло усиливается системой правительственнаго произвола, съ его жестокими репрессіями и смертными казнями. Случилось, однако, не то: фракція союза 17-го октября примкнула къ предложенной гр. В. Бобринскимъ формулѣ умѣренныхъ правыхъ, которая и была принята большинствомъ. „Государственная Дума“—гласитъ эта формула —„выражаетъ чувства тяжкой скорби и

глубокаго негодованія по поводу террористическихъ актовъ, въ теченіе ряда лѣтъ препятствующихъ развитію страны и вносящихъ смуту и кровь въ русскую жизнь". О другой сторонѣ дѣла не сказано здѣсь ни слова; рѣчь бар. Мейендорфа прозвучала безслѣдно. Перевѣсъ надъ нею взяла тактика А. И. Гучкова, высокомѣрно предлагавшаго оппозиціи подчиниться господствующему теченію и не нашедшаго ни одного слова порицанія для той правительственной системы, которую такъ мѣтко охарактеризовалъ товарищъ его по фракціи баронъ Мейендорфъ. А между тѣмъ А. И. Гучковъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы постановленіе Думы было „лишено всякой партійности"; онъ понималъ, что только при поддержкѣ его оппозиціонными группами оно можетъ стать „актомъ громадной политической и моральной важности". Какъ же онъ могъ не видѣть, что избранный имъ путь ведетъ не къ единодушію, а къ розни? Какъ могъ онъ думать, что оппозиція, хотя бы самая умѣренная, откажется, по его призыву, отъ своихъ традицій, отъ своихъ убѣжденій, и, высказываясь противъ террора, оставитъ безъ протеста и даже безъ упоминанія одинъ изъ главныхъ его источниковъ?... Ко всѣмъ фальшивымъ шагамъ, сдѣланнымъ октябристами подъ руководствомъ А. И. Гучкова, прибавился еще одинъ, можетъ быть самый печальный. Исходя отъ первой или отъ второй Государственной Думы, осужденіе террора имѣло бы само по себѣ большую внутреннюю силу; исходя отъ третьей Думы, избранной на другихъ основаніяхъ и представляющей собою сравнительно малую часть населенія, оно могло бы сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ нашей политической жизни лишь при отсутствіи явнаго наклона въ одну сторону, при безпристрастной оцѣнкѣ *всего* препятствующаго умиротворенію страны.

Ярче чѣмъ когда-либо опасность, которою грозитъ продолженіе и обостреніе реакціи, обнаружилась именно въ засѣданіи 8-го февраля. Во время преній о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террористическихъ актовъ депутатъ Тычининъ заявилъ о внесеніи пятьюдесятью-четырьмя членами Думы предложенія учредить особую коммиссію для разработки цѣлой системы борьбы съ терроромъ. Нельзя—воскликнулъ г. Тычининъ,—„нельзя ни минуты медлить и колебаться въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ для подавленія террора, для прекращенія смуты... Измученное населеніе ждетъ и надѣется, что Государственная Дума приметъ необходимыя мѣры къ успокоенію страны". Недостаточны, слѣдовательно, полномочія, предоставляемыя правительству всѣми видами экстраординарной охраны; слишкомъ слабо, слишкомъ нерѣшительно примѣненіе этихъ полномочій; требуются еще болѣе суровыя кары, еще болѣе упрощенные способы предупрежденія и пресѣченія преступленій! Что бы ни скрывалось за програмой,

смутно намѣченной г. Тычининымъ—полевые ли суды, или диктатура, или списанный съ извѣстнаго образца „законъ о подозрительныхъ“ (loi des suspects), или какія-либо другія аналогичныя ухищренія—ясно, во всякомъ случаѣ, одно: въ средѣ Думы существуетъ немалочисленная группа, съ точки зрѣнія которой произволу все еще предоставлено слишкомъ мало мѣста, репрессіи все еще грѣшатъ излишнею мягкостью и сдержанностью. Принявъ формулу партіи народной свободы—или другую, въ которой была бы высказана та же основная мысль, хотя бы и въ менѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, — Государственная Дума положила бы конецъ попыткамъ обратить ее въ орудіе регресса и опредѣленно намѣтила бы единственный путь къ умиротворенію страны, достойный народнаго представительства.

По истинѣ поразительна недобросовѣстность нѣкоторыхъ органовъ печати. Упомянутая нами формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная, въ засѣданіи 8-го февраля, партіею народной свободы, заключаетъ въ себѣ совершенно опредѣленное и ясное отрицаніе и порицаніе террора. Это не мѣшаетъ „Новому Времени“ (№ 11471, отдѣлъ: „Среди газетъ и журналовъ“) увѣрять, что „кадеты не рѣшились осудить терроръ“. Конечно, никого не можетъ ввести въ заблужденіе игнорированье общеизвѣстнаго факта; но не мѣшало бы знать мѣру въ партійной враждѣ и не доходить до столь явнаго разлада съ истиной... Очень цѣннымъ вкладомъ въ идейную борьбу съ терроромъ является статья „Столичной Почты“ (№ 239), вызванная недавнимъ раскрытіемъ новыхъ террористическихъ замысловъ. Подчеркнувъ нецѣлесообразность террора, какъ средства политической борьбы, „Столичная Почта“ справедливо возмущается тактикой, поручающей исполненіе террористическихъ актовъ юношамъ, почти дѣтямъ, „не успѣвшимъ даже оріентироваться въ окружающей обстановкѣ, не успѣвшимъ даже извѣдать другихъ методовъ борьбы, не успѣвшимъ ни пріобрѣсти, ни потерять вѣры въ способы общественной, массовой дѣятельности и уже отравленнымъ разлагающимъ пессимизмомъ, уже объятымъ отчаяніемъ. Одно это обстоятельство должно служить симптомомъ того, что терроръ вырождается въ уродливый, больной кошмаръ, съ которымъ не можетъ мириться здоровый разумъ политика“.

Въ чемъ заключается послѣднее слово настроеній, господствующихъ на правой сторонѣ Государственной Думы и не встрѣчающихъ достаточнаго отпора въ ея центрѣ—это показала съ полною ясностью послѣдняя сессія московскаго губернскаго дворянскаго собранія. Нарушая, на каждомъ шагу, самыя элементарныя требованія безпристрастія и справедливости, заглушая голоса противниковъ, стѣсняя

гласность преній, устраняя возможность выбора средняго пути, большинство дворянъ провело всеподданнѣйшій адресъ, равносильный призыву къ возстановленію стараго режима. „Нынѣ, какъ и встарь"—по словамъ адреса,—„нѣтъ на Руси политической силы, равной царской власти. Царь—единый представитель своего народа, державный выразитель его совѣсти. Онъ одинъ—верховный руководитель его судебъ, отвѣтственный лишь передъ Богомъ. Правда царская—въ сознаніи народномъ—выше и сильнѣе преходящаго внѣшняго права, и слово Царское животворитъ мертвую букву закона. Проникнутое этой вѣрой, Московское дворянство радостно привѣтствуетъ властное рѣшеніе Твое, Государь, возвѣщенное 3 іюня минувшаго года, видя въ немъ проявленіе свободной воли Царя: только Онъ, въ единеніи съ народомъ, можетъ дать желанное обновленіе Русской землѣ. Судьбы Россіи ввѣрены Тебѣ, Государь. Подъ гнетомъ соблазновъ и сомнѣній доселѣ мутится народная жизнь. Царственной волею Своей утверди цѣлость Державы Твоей, Государь. Водвори въ ней законный порядокъ и охрани жизнь и благосостояніе всѣхъ Твоихъ подданныхъ". Истинный смыслъ этихъ словъ выясненъ въ особыхъ мнѣніяхъ меньшинства дворянскаго собранія. „Основная мысль адреса"—читаемъ мы въ мнѣніи, подписанномъ слишкомъ пятьюдесятью дворянами—„сводится къ отрицанію законодательныхъ правъ народнаго представительства, что въ корнѣ противорѣчитъ манифесту 17-го октября, всему учрежденію Государственной Думы, а также статьямъ 7-ой и 86-ой основныхъ законовъ. Адресъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнное пожеланіе объ измѣненіи существующаго государственнаго строя". Дальше указывается на то, что заявленія о необходимости измѣненія государственнаго строя не входятъ въ компетенцію сословныхъ учрежденій и что заявленія объ общегосударственныхъ нуждахъ представляются въ настоящую минуту излишними, въ виду существованія представительныхъ учрежденій, призванныхъ о нихъ заботиться. Противорѣчіе между адресомъ и основными законами отмѣчено и въ другомъ особомъ мнѣніи, съ шестнадцатью подписями. Правильность толкованія меньшинства вполнѣ подтверждена послѣдующими преніями. Чтобы смягчить анти-конституціонный характеръ адреса, кн. Петръ Трубецкой и гр. Олсуфьевъ (оба—выборные члены Государственнаго Совѣта) предложили выразить Государственной Думѣ и Государственному Совѣту, отъ имени московскаго дворянства, пожеланіе „плодотворной работы на благо родины, на счастье и славу верховнаго ея Вождя". Возражая противъ этого предложенія, А. Д. Самаринъ (избранный, на слѣдующій день, московскимъ губернскимъ предводителемъ) недоумѣвалъ, „какъ можно, послѣ принятія адреса съ выраженіемъ вѣры въ зиждительную силу самодержавной власти *во всей ея полнотѣ и нераздѣльности*, сейчасъ же

высказывать привѣтствіе третьей Государственной Думѣ, употребившей немало времени и труда на составленіе всеподданнѣйшаго адреса, въ которомъ ничего не говорится о самодержавіи". Въ томъ же смыслѣ говорилъ и Ѳ. Д. Самаринъ, просившій не забывать, что третья Дума своимъ всеподданнѣйшимъ адресомъ пошла въ разрѣзъ съ тѣмъ строемъ, на необходимость котораго указываетъ дворянскій адресъ.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство московскаго дворянства, принимая всеподданнѣйшій адресъ, сознательно и намѣренно высказалось за полноту и нераздѣльность самодержавной власти, т.-е. противъ измѣненій, происшедшихъ, послѣ 17-го октября, въ государственномъ устройствѣ Россіи. Попробуемъ установить значеніе этого факта. Замѣтимъ, прежде всего, что число голосовъ, поданныхъ за адресъ (198), не очень многимъ превышаетъ число голосовъ, поданныхъ противъ него (122). На сторонѣ большинства не оказалось даже двухъ третей голосовъ. За два дня передъ тѣмъ, въ моментъ рѣшенія вопроса объ исключеніи Ѳ. Ѳ. Кокошкина (какъ подписавшаго выборгское воззваніе), въ собраніи находилось всего 352 лица; въ голосованіи адреса участвовало только 320 лицъ. Позволительно думать, что между отсутствовавшими противниковъ адреса было больше, чѣмъ его сторонниковъ; послѣдніе едва-ли рѣшились бы оставить собраніе до вотированія адреса и уменьшить, тѣмъ самымъ, шансы его принятія—или внушительность цифры поданныхъ за него голосовъ. Характерно, далѣе, что въ составъ меньшинства—и притомъ меньшинства, не отступившаго передъ прямымъ протестомъ противъ адреса, — вошли не только извѣстные члены оппозиціонныхъ партій (напр. князь Евгеній Трубецкой, князь Павелъ Долгоруковъ, П. А. Столповскій, Н. Н. Щепкинъ, В. В. Пржевальскій), не только дворяне, горячо защищавшіе Ѳ. Ѳ. Кокошкина (напр. гг. Андреевъ и Кашкинъ), но и многіе несомнѣнно консервативные дѣятели (гр. Уваровъ, гр. Шереметевъ, Н. Ѳ. Рихтеръ, Н. Н. Дурново, В. Семенковичъ, А. А. Шлиппе, бар. Крюденеръ-Струве). Несогласіе кн. П. Н. Трубецкого и гр. Олсуфьева съ основною мыслью адреса выразилось съ достаточною ясностью въ упомянутомъ уже нами предложеніи послать привѣтъ Государственной Думѣ. Значительное по числу голосовъ, меньшинство московскаго дворянства, такимъ образомъ, еще значительнѣе по своему нравственному авторитету. Авторитетъ большинства, наоборотъ, подрывается всѣмъ ходомъ дѣлъ въ собраніи. Нетерпимымъ и партійнымъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова оно показало себя уже съ самаго начала сессіи. Оратору, возражающему противъ огульныхъ обвиненій молодежи въ разнузданности и распущенности, не даютъ говорить; предсѣдатель, къ которому онъ обращается съ просьбою оградить его право, объявляетъ, что онъ не

можетъ заставить собраніе (т.-е. большинство собранія) слушать неугодныя ему рѣчи. Во время одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту Ѳ. Ѳ. Кокошкина, группа дворянъ, подражая образу дѣйствій большинства Государственной Думы въ засѣданіи 25-го января, демонстративно выходитъ изъ залы (тотъ же маневръ былъ повторенъ и во время преній, слѣдовавшихъ за принятіемъ адреса). Князю Е. Н. Трубецкому не даютъ отвѣтить на возраженія, вызванныя его рѣчью за Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Самое рѣшеніе исключить Ѳ. Ѳ. Кокошкина является безусловно неправильнымъ толкованіемъ закона: *безчестнымъ* признанъ поступокъ, въ которомъ даже противники, не вовсе забывшіе о безпристрастіи, обязательномъ для судей, видятъ только политическую ошибку. Настаетъ, наконецъ, очередь обсужденія адреса. Предсѣдатель собранія предлагаетъ разсмотрѣть его при закрытыхъ дверяхъ. Кн. Евгеній Трубецкой и князь Павелъ Долгоруковъ возражаютъ, что для этого не даетъ основаній ни законъ, ни „дворянская этика". Неужели — восклицаетъ кн. Долгоруковъ—„для дворянства не прошло время политическаго шушуканья и нашептыванія?" „Адресъ"—говоритъ В. Н. Семенковичъ—„является политической программой; нельзя, поэтому, ограничиться обсужденіемъ его въ частномъ совѣщаніи". Большинство, однако, соглашается съ предсѣдателемъ и заглушаетъ криками: *довольно!* попытки протестовать противъ такого рѣшенія. Естественнымъ его послѣдствіемъ является невозможность внесенія какихъ бы то ни было поправокъ къ тексту адреса... И все-таки любители тайны не вполнѣ достигли своей цѣли: предложеніе кн. П. Трубецкого и гр. Олсуфьева привело къ преніямъ, раскрывшимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, истинную мысль составителей адреса. Весьма возможно, что открытое обсужденіе проекта адреса ни въ чемъ не измѣнило бы его редакцію—но оно сняло бы съ большинства собранія упрекъ въ свѣтобоязни.

Такова внѣшняя обстановка, при которой состоялось рѣшеніе московскаго дворянства. Одновременно съ московскимъ представило всеподданнѣйшій адресъ и с.-петербургское губернское дворянское собраніе. Разница между обоими адресами весьма велика. Петербургское дворянство не протестуетъ противъ государственнаго строя, основаніе которому положено манифестомъ 17-го октября; оно признаетъ, что „Россія преобразовывается нынѣ на дарованныхъ ей державною волей новыхъ началахъ", съ которыми связаны и новыя обязанности. Беззавѣтную преданность свою *россійскимъ* монархическимъ началамъ оно намѣревается проявить „на поприщѣ служенія *обновляемой* Россіи". Несмотря на нѣкоторые диссонансы, господствующая нота петербургскаго адреса не можетъ быть названа враждебною новому порядку. Весьма вѣроятно, что примѣру московскаго дворянства по-

слѣдуютъ многія другія; но петербургское дворянство также едва-ли останется одинокимъ. Скажемъ болѣе: позиція, занятая послѣднимъ, не окажется самой лѣвой въ дворянскомъ мірѣ. Доказательствомъ этому можетъ служить недавняя сессія костромского губернскаго дворянскаго собранія... Если-бы, впрочемъ, всѣ дворянскія общества стали, какъ одинъ человѣкъ, на защиту стараго режима, онъ выигралъ бы отъ этого очень мало. Слишкомъ невелики заслуги дворянства, *какъ организованнаго сословія*, передъ русскимъ народомъ; слишкомъ незначительны его права на уваженіе общества. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій оно пользовалось довѣріемъ и расположеніемъ власти исключительно въ своихъ сословныхъ интересахъ, часто противорѣчащихъ интересамъ массы. Нѣтъ надобности напоминать всѣмъ извѣстные факты: иниціативу дворянскихъ собраній въ ломкѣ мѣстнаго суда и мѣстнаго самоуправленія, безконечный рядъ льготъ, испрошенныхъ заемщиками дворянскаго банка, длинную цѣпь привилегій, придуманныхъ особымъ совѣщаніемъ по дѣламъ дворянства, одностороннюю окраску бо̀льшей части дворянскихъ ходатайствъ—и, наконецъ, въ самое послѣднее время, роль, съигранную уполномоченными объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Цѣнность поддержки, которую ретроградная политика можетъ найти въ дворянскихъ собраніяхъ, равна, въ виду всего этого, нулю—или, вѣрнѣе, отрицательной величинѣ.

И съ кѣмъ же московское дворянство идетъ если не рука объ руку, то по одной и той же дорогѣ и къ одной и той же цѣли? Съ „союзомъ русскаго народа“, этимъ воплощеніемъ всего враждебнаго народной свободѣ, народному развитію, народному благу! Тайна, которою московское дворянство окружило только одинъ моментъ своей сессіи, составляетъ, по видимому, необходимое условіе дѣятельности пресловутаго союза. Его послѣдній, февральскій съѣздъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. То немногое, что̀ все-таки проникало въ печать, запечатлѣно свойственнымъ союзу характеромъ фанатической нетерпимости, проявляемой даже по отношенію къ сочленамъ, и грубаго обожанія силы. Іеромонахъ Иліодоръ, обвиняя несогласныхъ съ нимъ членовъ союза въ малодушіи и трусости, воспѣвалъ хвалебные гимны „великому русскому кулаку“, стершему съ лица земли „революціонную гидру“, и жаловался на то, что съ нѣкоторыхъ поръ правыя партіи усвоили себѣ *тенденцію крамольниковъ критиковать правительство*. Предсѣдатель союза, г. Дубровинъ, провозгласилъ третью Государственную Думу „не-русскою по духу“ и вмѣнилъ это въ вину „конституціонному министерству“, врагу неограниченнаго самодержавія. Если бы въ Думѣ не было правыхъ, она, по словамъ г. Дубровина, была бы распущена, ибо въ ней большинство—измѣнники. Октябристовъ тотъ же ораторъ обозвалъ кучкой лакеевъ и людьми девиза:

„чего изволите“. Предсѣдатель съѣзда, гр. Коновницынъ, объявилъ, что дальнѣйшій ростъ союза обезпеченъ и что онъ представляетъ могучую силу, съ которою уже теперь должны считаться какъ революціонеры, такъ и конституціоналисты.

Всѣ эти громкія рѣчи были бы только смѣшны, если бы союзу русскаго народа не была оказываема оффиціальная поддержка. Торжественное молебствіе при открытіи съѣзда совершилъ митрополитъ Антоній; пожеланіе съѣзду успѣшной работы высказалъ с.-петербургскій градоначальникъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, когда внѣ закона остаются—за однимъ лишь исключеніемъ—всѣ оппозиціонныя партіи, единственнымъ нормальнымъ отношеніемъ власти къ правымъ группамъ былъ бы безусловный нейтралитетъ. Только тогда можно было бы утверждать, съ нѣкоторымъ правомъ, что правительство стоитъ если не выше, то хоть внѣ партій. Союзъ русскаго народа не только принадлежитъ къ числу правыхъ партій—онъ занимаетъ между ними самое крайнее мѣсто; его политика не исчерпывается ни охраненіемъ существующаго, ни даже частичнымъ возстановленіемъ отмѣненнаго. Онъ стремится къ государственному перевороту, къ насильственному уничтоженію всего того, что сдѣлано со времени вступленія страны на новую дорогу. Не такова, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, задача, преслѣдуемая правительствомъ—и потому нелегко понять, какимъ образомъ въ рядахъ участниковъ или покровителей союза могутъ находиться высоко поставленныя должностныя лица...

Если въ Петербургѣ изъ оффиціальнаго міра идутъ по адресу союза только привѣтствія, то въ провинціи дѣло заходитъ гораздо дальше. Вотъ, напримѣръ, что произошло недавно въ Симферополѣ [1]). Мѣстный губернаторъ, затребовавъ отъ городской управы списокъ газетъ, выписываемыхъ ею для городскихъ читаленъ, предложилъ управѣ немедленно пополнить его „Набатомъ“ и „Русскимъ Знаменемъ“, читать которыя желаютъ „многіе русскіе люди“. По поводу этого незаконнаго требованія, исполненнаго управою, состоялось частное совѣщаніе городской думы, на которомъ раздавалось много протестующихъ голосовъ; но послѣ того, какъ членъ управы передалъ сущность своихъ объясненій съ губернаторомъ, рѣшено было смириться. Такіе способы распространенія „пріятныхъ“ періодическихъ изданій не практиковались, кажется, даже въ „доброе старое время“. Тогдашнее начальство поручало иногда своимъ подчиненнымъ „рекомендовать“ подписку на ту или другую газету, но до прямыхъ предписаній, да еще въ добавокъ обращенныхъ къ органамъ самоуправленія, дѣло не доходило... И вотъ, въ то самое время, когда администрація даетъ

---

[1]) См. „Слово“, № 379.

„союзникамъ" такія явныя доказательства своего сочувствія, въ газетѣ, не принадлежащей къ числу органовъ этой партіи, слышатся сѣтованія о томъ, что правительство „ведетъ къ ликвидаціи бытовой охраны", которую представляетъ изъ себя союзъ русскаго народа—ликвидаціи преждевременной, пока не настало замиреніе страны [1]). Но развѣ союзъ русскаго народа не является однимъ изъ препятствій къ такому замиренію? Развѣ его слова и его дѣйствія не увеличиваютъ сумму раздраженія, которымъ проникнуто русское общество? Развѣ они не обращаются къ самымъ дурнымъ страстямъ, къ самымъ звѣрскимъ инстинктамъ? Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли о насильственной или искусственной „ликвидаціи" союза русскаго народа; мы желаемъ только, чтобы онъ былъ поставленъ на одинъ уровень съ другими партіями, чтобы наступилъ конецъ его привилегированному положенію, чтобы исчезъ всякій поводъ считать его особо покровительствуемымъ властью. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что потеря внѣшнихъ подпорокъ была бы для союза равносильной смертному приговору.

Обязательная, par ordre, подписка на такія газеты, какъ „Русское Знамя"—далеко не единственный „признакъ времени". Одинъ за другимъ слѣдуютъ факты, носящіе на себѣ печать возвращенія къ прошлому—къ тому прошлому, съ которымъ, какъ казалось еще недавно, были покончены всѣ счеты. Сюда относится, напримѣръ, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, направленный къ стѣсненію сферы земскихъ и городскихъ ходатайствъ. „Нѣкоторыя городскія и земскія управленія"—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ—„возбудили передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства объ отмѣнѣ переводныхъ испытаній въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, причемъ поручили своимъ исполнительнымъ органамъ войти въ сношеніе съ другими общественными установленіями не только своихъ, но и другихъ губерній о поддержаніи такихъ ходатайствъ. Всѣ эти ходатайства министерствомъ признаны не подлежащими удовлетворенію. Имѣя въ виду, что обсужденіе общихъ мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по учебной части, не входитъ въ компетенцію городскихъ и земскихъ общественныхъ управленій, и что постановленія послѣднихъ по дѣламъ такого рода, нерѣдко сопровождаемыя критикой дѣйствій правительственныхъ органовъ, появляясь въ газетахъ, могутъ лишь напрасно волновать умы учащихся, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ губернаторамъ преподать общественнымъ управленіямъ соотвѣтственныя на этотъ предметъ указанія и напо-

---

[1]) См. въ № 11466 „Новаго Времени" статью: „Куда ушла революція".

мнить, что по основаніямъ, приведеннымъ въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 23-го августа 1901 года, сношенія съ земскими и городскими управленіями по предметамъ, имѣющимъ общегосударственный характеръ, допускаемы быть не могутъ". Опять, такимъ образомъ, раздаются слишкомъ хорошо знакомыя рѣчи о некомпетентности органовъ самоуправленія въ обсужденіи *общихъ мѣръ*, хотя бы и непосредственно касающихся благосостоянія мѣстнаго населенія. Опять выступаетъ на сцену желаніе устранить земство и города отъ всякаго участія въ внутренней жизни школъ, хотя бы и содержимыхъ, вполнѣ или отчасти, на земскій или городской счетъ. Еще больше дышитъ стариною ссылка на циркуляръ 1901-го года, состоявшійся въ эпоху крайняго недовѣрія къ земству и ко всѣмъ вообще видамъ общественной самодѣятельности. Въ то время понятенъ былъ страхъ передъ всякой попыткой установить солидарность между земствами, соединить ихъ въ стремленіи къ общей, хотя бы самой безобидной цѣли; но какой смыслъ можетъ имѣть подобный страхъ теперь, когда существуетъ народное представительство и, слѣдовательно, узаконено объединеніе общественныхъ силъ?

Негласное разбирательство судебныхъ дѣлъ, сколько-нибудь соприкасающихся съ политикой, давно уже обратилось у насъ въ обычай. Можно было думать, что ему положитъ конецъ обновленіе государственнаго строя. Оказывается, однако, что необходимымъ признается, наоборотъ, еще бо̀льшее стѣсненіе гласности. Министерство юстиціи, замѣтивъ, что „въ послѣднее время допускается разбирательство при открытыхъ дверяхъ такихъ литературныхъ дѣл …торыя ведутъ за собой появленіе въ прессѣ отчетовъ сенсаціо… характера, не подлежащихъ оглашенію въ силу закона 24-го ноября 1905 г., предписало прокурорамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ входить въ судебныя мѣста съ ходатайствами о закрытіи, при слушаніи этихъ процессовъ, дверей, а въ случаѣ отклоненія ходатайствъ—сообщать о томъ министерству". Само собою разумѣется, что министерство, въ такихъ случаяхъ, распорядится, собственною властью, закрытіемъ дверей засѣданія... Въ какой степени нецѣлесообразно, при нынѣшнихъ условіяхъ, широкое пользованіе правомъ, предоставленнымъ министерству закономъ 1887-го года, т.-е. въ самый разгаръ реакціи—объ этомъ мы говорили еще недавно, по поводу процесса соціалъ-демократовъ, входившихъ въ составъ второй Государственной Думы. Новый циркуляръ имѣетъ въ виду перенести часть отвѣтственности съ министерства юстиціи на судебныя мѣста, побудивъ послѣднія брать на себя починъ закрытія дверей. Весьма вѣроятно, что во многихъ случаяхъ суды не устоятъ противъ настояній прокуратуры,

дѣйствующей согласно требованію министерства—и это, конечно, нанесетъ новый ударъ безъ того уже пошатнувшемуся авторитету суда.

На десять лѣтъ назадъ, ко времени упраздненія комитетовъ грамотности (въ Петербургѣ и Москвѣ), переноситъ насъ и состоявшееся недавно закрытіе кіевскаго общества грамотности. Что для него не было никакихъ основаній—это выяснено какъ нельзя лучше въ статьѣ А. А. Столыпина, появившейся на страницахъ „Новаго Времени". Противъ общества было выставлено три обвиненія: 1) оно вышло изъ рамокъ своего устава, устроивъ книжные склады и лавки; 2) оно собрало цѣлую революціонную библіотеку; 3) распространеніемъ такъ называемыхъ Павленковскихъ библіотекъ оно открыло „филіальныя отдѣленія революціи". Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Устройство книжныхъ лавокъ и складовъ было разрѣшено обществу, еще въ 1901-мъ году, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Запрещенныя изданія хранились предсѣдателемъ общества въ особомъ помѣщеніи, запиравшемся особымъ ключомъ, совершенно согласно съ общимъ установленнымъ на этотъ предметъ порядкомъ. Что касается до Павленковскихъ библіотекъ, общество принимало на себя только хлопоты по ихъ устройству, но каждая библіотека утверждалась отдѣльно администраціей, при чемъ утверждалось и отвѣтственное за нее лицо; надзоръ за библіотеками на обязанности общества вовсе не лежалъ. Изъ другого источника мы узнаемъ, что обществу ставился еще въ вину *тенденціозный* подборъ книгъ, находившихся въ его складѣ. Не знаемъ, кто опредѣлилъ наличность и зловредность такой тенденціи; понимаемъ, какимъ образомъ можетъ вообще идти рѣчь о тенденціозномъ подборѣ книгъ, легально поступившихъ въ продажу и изъ нея въ законномъ порядкѣ не изъятыхъ... Особенно прискорбно то, что закрытіе кіевскаго общества грамотности, по словамъ А. А. Столыпина, было результатомъ кампаніи, которую велъ противъ него „Кіевлянинъ". Конечно, это не снимаетъ отвѣтственности съ должностныхъ лицъ и учрежденій, повѣрившихъ неосновательнымъ навѣтамъ; но что̀ сказать о газетѣ, унижающейся до полицейскаго розыска и не умѣющей даже произвести его съ соблюденіемъ элементарной осторожности?... Въ печать проникъ слухъ, будто кіевскій генералъ-губернаторъ передалъ въ казну всѣ капиталы, домъ и другое имущество закрытаго общества [1]). Этому мы рѣшительно отказываемся вѣрить; подобной конфискаціи нашъ законъ не знаетъ даже въ слу-

[1]) Общество имѣло 12 филіальныхъ отдѣленій, съ библіотеками и книжными складами, и 186 хорошо обставленныхъ сельскихъ народныхъ библіотекъ. Въ самомъ Кіевѣ оно построило огромное зданіе народнаго дома, гдѣ помѣщались народный театръ, лекціонный залъ, библіотека-читальня, книжный складъ, музей учебныхъ пособій и народная чайная.

чаяхъ несравненно болѣе важныхъ... Одновременно съ кіевскимъ обществомъ грамотности закрыто полтавское общество содѣйствія физическому воспитанію дѣтей, существовавшее двѣнадцать лѣтъ и только-что построившее домъ для своихъ учрежденій (ясли, школа-мастерская): оно почему-то признано грозившимъ общественной безопасности. Администрація приступила къ ликвидаціи дѣлъ общества, не ожидая рѣшенія по жалобѣ, поданной имъ въ Сенатъ: благопріятный для общества исходъ жалобы заранѣе признается „невозможнымъ" [1]).

Заимствуя изъ прошлаго образцы для своихъ мѣропріятій, администрація пренебрегаетъ уроками, которыми оно такъ богато. Ограниченіе права ходатайства, устраненіе судебной гласности, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ—все это широко практиковалось въ эпоху расцвѣта административнаго произвола. Что же, достигнута ли была цѣль, тогда намѣченная правительствомъ? Подавлены ли были такъ называемыя вредныя мнѣнія, обезцвѣчено ли земство, порвана ли связь между оппозиціонными элементами, остановленъ ли ростъ недовольства, какъ въ ширину, такъ и въ глубину? Нѣтъ: получились прямо противоположные результаты. Гдѣ же основанія разсчитывать теперь на что-либо иное? Чѣмъ сильнѣе струна будетъ натягиваться въ одномъ направленіи, тѣмъ сильнѣе она отпрянетъ въ другомъ, какъ только уменьшится внѣшнее давленіе. Ни къ чему не приведетъ и возвращеніе къ еще болѣе отдаленному прошлому, къ давно забытымъ способамъ устрашенія. Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ Васильковѣ (кіевской губерніи) совершена, на дняхъ, публично смертная казнь: рядовой Ткачевъ казненъ въ присутствіи полка, въ которомъ онъ служилъ, и массы посторонней публики. Ни о чемъ подобномъ у насъ не было слышно съ 1881-го года, когда былъ изданъ законъ, переносившій исполненіе смертной казни въ предѣлы тюремной ограды. Неужели въ наши дни перестало быть безспорнымъ то, что̀ такъ ясно сознавалось уже четверть вѣка тому назадъ? Неужели теперь, когда такъ дешево цѣнится человѣческая жизнь, кто-нибудь вѣритъ въ спасительное дѣйствіе ужаса, возбуждаемаго зрѣлищемъ повѣшенія или разстрѣлянія?

Одновременно съ старыми административными пріемами вновь пускаются въ ходъ моральные рецепты, недавно казавшіеся навсегда сданными въ архивъ. Мы узнаемъ изъ „Замѣтокъ" А. А. Столыпина [2]), что на устроенномъ у оберъ-прокурора св. синода чтеніи о

---

[1]) См. № 371 „Слова", „Провинціальные мотивы".

[2]) См. „Но̀вое Время" №№ 11467 и 11469.

церковныхъ школахъ редакторъ „Церковныхъ Вѣдомостей", бывшій профессоръ харьковскаго университета Остроумовъ выступилъ „съ защитой всей Побѣдоносцевской системы". На вопросъ: „почему такъ долго и такъ планомѣрно гасилось въ Россіи просвѣщеніе", ораторъ далъ „прямой и ясный отвѣтъ": изъ статистическихъ данныхъ видно, что „просвѣщеніе повышаетъ преступность"! Обрисовавъ „растлѣвающее вліяніе свѣтскихъ школъ", г. Остроумовъ „взывалъ къ свѣтской власти для насажденія религіознаго воспитанія"; онъ утверждалъ, что „нужно похерить свободу совѣсти и крѣпкою десницей власти двинуть подростающія поколѣнія въ русло религіознаго пониманія". Религіозное пониманіе, насаждаемое властью! Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе безсмысленное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возмутительное? Неужели многолѣтній опытъ не обнаружилъ еще съ достаточною ясностью, что этотъ путь ведетъ не къ цѣли, а прочь отъ цѣли?.. Совершенно правильно указавъ на современный уровень нашего духовенства, какъ на условіе, мало благопріятное для перевоспитанія общества на церковной почвѣ, А. А. Столыпинъ восклицаетъ: „будь у насъ сотня Іоанновъ Кронштадтскихъ и хоть двѣсти Рачинскихъ на всю Россію, наше отечество обратилось бы въ крѣпкую духовную общину, и не пришлось бы взывать къ городовому для собиранія разбѣгающихся душъ". Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, справедлива ли столь высокая оцѣнка дѣятельности С. А. Рачинскаго и о. Іоанна Кронштадтскаго, замѣтимъ только, что тысячамъ, десяткамъ тысячъ такихъ людей не удалось бы привести къ одному знаменателю безконечное разнообразіе взглядовъ, неизбѣжное какъ при полной умственной свободѣ, такъ и при самомъ крайнемъ ея стѣсненіи. Единомысліе не только невозможно; оно нежелательно, какъ источникъ застоя и рутины.

Мы остановились на словахъ А. А. Столыпина о Рачинскихъ и Іоаннахъ Кронштадтскихъ, потому что на аналогичныя преувеличенія появилась мода въ нашей печати. Вотъ еще одно изъ нихъ: „если бы своевременно статьи Аксаковыхъ, Хомякова, Данилевскаго, К. Леонтьева, Страхова, Рачинскаго читались съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ читались статьи Михайловскаго, Лесевича, Добролюбова, Писарева и всѣхъ большихъ и малыхъ русскихъ соціологовъ, судьба русскаго общества была бы совершенно другая. Мы не имѣли бы студенческихъ обструкцій и всей великой смуты университетовъ. Мы имѣли бы парламентъ и конституцію, а не говорильню и смуту, контрабандно прячущуюся подъ флагомъ конституціонализма". Не входя въ разборъ курьозовъ, которыми изобилуетъ эта тирада (К. Леонтьевъ, злѣйшій врагъ конституціонализма, причисляется ею, напримѣръ, къ тѣмъ писателямъ, внимательное изученіе которыхъ могло бы привести къ

парламенту и конституціи!), не говоря и о томъ, что были же какія-либо причины предпочтенія, которое читатели, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оказывали однимъ авторамъ передъ другими, замѣтимъ только, что никогда и нигдѣ литература не играла той господствующей роли, которую приписываетъ ей усердный не по разуму поклонникъ славянофиловъ. Утверждать, что одинъ рядъ сочиненій вызвалъ „смуту", которую могъ бы предупредить другой—значитъ возвращаться къ давно осмѣянной формулѣ: c'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau!

Мало утѣшительнаго представляетъ и дѣятельность нашихъ законодательныхъ учрежденій. Разбирая, мѣсяцъ тому назадъ, законопроектъ о неприкосновенности личности, мы старались показать, что, несмотря на всѣ его недостатки, осуществленіе его было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, если бы существовала увѣренность, что дѣйствіе его не будетъ безпрестанно парализуемо введеніемъ такъ называемаго исключительнаго положенія. Теперь, послѣ того какъ законопроектъ подвергся переработкѣ въ думской коммиссіи, къ нему непримѣнима даже эта условная похвала. Ст. 11-ая, въ первоначальной ея редакціи, установляла только одно изъятіе изъ общихъ правилъ, обезпечивающихъ личную свободу: оно касалось служебныхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ узаконеніями о государственной службѣ. Въ коммиссіи было предложено увеличить число такихъ изъятій, присоединивъ къ нимъ, между прочимъ, всѣ случаи ареста по распоряженію жандармеріи. Одобренное товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ (тѣмъ самымъ, подъ предсѣдательствомъ котораго работали составители законопроекта), предложеніе это было принято большинствомъ коммиссіи. Предполагается, слѣдовательно, сохранить, для мирнаго времени и нормальныхъ условій, самую опасную сторону дискреціонной власти, созданной правилами объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Стирается граница, намѣчавшаяся между положеніями исключительнымъ и обычнымъ; въ мертвую букву обращается принципъ неприкосновенности личности, провозглашенный въ заглавіи законопроекта. Если Дума согласится съ коммиссіей, она покажетъ, что ей не дороги обѣщанія манифеста 17-го октября... Въ газеты проникъ слухъ, объясняющій рѣшеніе коммиссіи закономъ 7-го іюня 1904-го года, расширившимъ права жандармеріи: коммиссія, будто бы, нашла, что онъ можетъ быть отмѣненъ не иначе, какъ посредствомъ особаго закона, независимо отъ нормъ, устанавливаемыхъ положеніемъ о неприкосновенности личности. Мы не вѣримъ этому слуху. Для отмѣны закона не нужно ничего другого, кромѣ закона, изданнаго въ надлежащемъ порядкѣ. Объемъ и предметъ позднѣйшаго закона съ

этой точки зрѣнія совершенно безразличны: необходимо только, чтобы въ немъ было ясно выражено — или подразумѣвалось само собою — прекращеніе, вполнѣ или отчасти, дѣйствія прежняго закона. Вѣдь никто же не сомнѣвается въ томъ, что законъ о неприкосновенности личности долженъ положить конецъ примѣненію правилъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, хотя бы это и не было въ немъ прямо сказано.

Если законъ о неприкосновенности личности, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выйдетъ изъ рукъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, будетъ хоть сколько-нибудь соотвѣтствовать своей цѣли, онъ долженъ быть введенъ въ дѣйствіе какъ можно скорѣе. Нѣтъ основанія связывать его осуществленіе съ преобразованіемъ мѣстнаго суда. Какъ ни мало у насъ на мѣстахъ представителей судебной власти, какъ ни многаго оставляетъ желать весь существующій судебный строй, все-таки судебный контроль надъ полиціей и теперь былъ бы не совсѣмъ безполезенъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительно неприкосновенною личность сдѣлается у насъ только тогда, когда ограждающій ее законъ будетъ очищенъ отъ всякихъ искаженій, объявленіе исключительнаго положенія будетъ обставлено надлежащими гарантіями, и отвѣтственность нарушающихъ законъ должностныхъ лицъ, уголовная и гражданская, перестанетъ зависѣть отъ усмотрѣнія ихъ начальства.

Какъ отнесется Государственная Дума къ измѣненіямъ, внесеннымъ ея коммиссіею въ законопроектъ о неприкосновенности личности—это предугадать довольно трудно. Многое зависитъ здѣсь отъ того, какія отношенія установятся, въ концѣ концовъ, между октябристами и болѣе правыми партіями. Что касается до крайнихъ правыхъ, то они сами усердно увеличиваютъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ союза 17-го октября. Въ Государственную Думу былъ внесенъ правительствомъ законопроектъ о введеніи въ двухъ учительскихъ семинаріяхъ, холмской (люблинской губерніи) и бѣльской (сѣдлецкой губерніи), преподаванія польскаго языка и практическихъ уроковъ по ариѳметикѣ на томъ же языкѣ. Коммиссія, разсматривавшая этотъ законопроектъ, внесла въ него оговорку: *для желающихъ*, значительно уменьшившую его значеніе. При первомъ чтеніи законопроекта, въ засѣданіи 1-го февраля, епископъ Евлогій, огласивъ направленныя противъ законопроекта телеграммы (отъ другого епископа и отъ одного отдѣла союза русскаго народа), предложилъ замѣнить слова: *для желающихъ* еще болѣе ограничительною формулою: *если окажутся желающіе*. Предложеніе это было принято большинствомъ; но при второмъ чтеніи, въ засѣданіи 5-го февраля, докладчикъ, деп. Ковалевскій (октябристъ), обратилъ вниманіе на то, что поправка еп. Евлогія можетъ совершенно

парализовать дѣйствіе закона, и высказался за возстановленіе словъ: *для желающихъ*, смыслъ которыхъ заключается въ томъ, что учитель польскаго языка во всякомъ случаѣ долженъ быть назначенъ. Депутатъ графъ Уваровъ (также октябристъ) пошелъ еще дальше и предложилъ вовсе исключить оговорку о желающихъ. Завязались пренія, очень скоро принявшія страстный характеръ. Еп. Евлогій, ссылаясь на протесты, полученные имъ не только изъ Холмщины, но и изъ Кіева (отъ мѣстной партіи правового порядка), утверждалъ, что отклоненіе его поправки будетъ истолковано какъ стремленіе Думы *навязать* мѣстному населенію польскій языкъ (!). Депутатъ Келеповскій, усматривая въ предложеніи деп. Ковалевскаго стремленіе „продолжать дѣло всѣхъ поляковъ—враговъ нашихъ“, увѣрялъ, что отношеніе къ данному вопросу должно служить пробнымъ камнемъ патріотизма и что отъ голосованія Думы будетъ зависѣть оцѣнка ея русскимъ народомъ. „Да будетъ стыдно лицамъ, дѣлающимъ такія заявленія!“—воскликнулъ деп. фонъ-Анрепъ (октябристъ, избранный первою куріею города Петербурга); „для насъ нѣтъ въ нашей странѣ завѣдомыхъ враговъ, всѣ здѣсь должны чувствовать себя равными и сознавать, что нѣтъ разницы между отдѣльными элементами населенія“. „Я не удивляюсь тому“—отвѣтилъ на это деп. Келеповскій, — „что членъ Думы называетъ жителей русской Холмской Руси сородичами, сосѣдями. Для насъ они братья, а для него, представителя гнилого Петербурга, они только сосѣди... Я знаю, что вопросъ этотъ предрѣшенъ, потому что это одинъ изъ вопросовъ, внесенныхъ министерствомъ. Возвращаю вамъ (т.-е. деп. фонъ-Анрепу) ваши слова. Да будетъ вамъ стыдно, г. фонъ-Анрепъ, за то, что вы за чечевичную похлебку продаете русскую землю“. Въ этихъ словахъ все одинаково характерно: и то, что обученіе русскихъ подданныхъ польскому языку признается „продажей русской земли“, и то, что Петербургъ съ думской каѳедры объявляется гнилымъ—но всего характернѣе заподозриванье мотивовъ, руководившихъ деп. фонъ-Анрепомъ. Для насъ непонятно, какимъ образомъ оно могло остаться безъ всякаго замѣчанія со стороны предсѣдателя Думы. Деп. фонъ-Анрепъ былъ совершенно правъ, объявляя, что оскорбленъ словами г. Келеповскаго не онъ: оскорблены „представители, собравшіеся сюда не для сведенія личныхъ счетовъ“... Большинствомъ голосовъ было отвергнуто предложеніе гр. Уварова, но принята поправка деп. Ковалевскаго, т.-е. слова: „если окажутся желающіе“ замѣнены словами: „для желающихъ“.

Если засѣданіе 5-го февраля показало воочію, до какой степени неестественно всякое соглашеніе или сближеніе октябристовъ съ крайними правыми, то засѣданіе 15-го февраля освѣтило довольно ярко точки расхожденія между октябристами и умѣренными правыми. Въ

средѣ первыхъ нашлись лица, подписавшія запросъ о виленскомъ охранномъ отдѣленіи; между тѣмъ, представитель послѣднихъ (деп. Крупенскій) находилъ запросъ недостаточно серьезнымъ и предупреждалъ Думу противъ „скользкаго пути", на который ее призываютъ. Другой умѣренный правый (гр. В. Бобринскій) увлекся до того, что приписалъ незаконныя дѣйствія виленской полиціи „воспитанію", данному ей... кадетами! Почему? Потому что директоромъ департамента полиціи въ то время только-что пересталъ быть г. Лопухинъ, а вѣдомство внутреннихъ дѣлъ *ожидало* кн. Урусова. Кому же, однако, неясно, что если бывшій директоръ департамента полиціи, поставленный на это мѣсто рукою В. К. Плеве, и помѣстилъ, послѣ своей отставки, нѣсколько статей въ оппозиціонныхъ изданіяхъ, то отсюда нельзя заключать ни о веденіи имъ полицейскихъ дѣлъ въ либеральномъ духѣ, ни о принадлежности его къ кадетской партіи, въ то время вовсе и не существовавшей? Кому неизвѣстно, что кн. С. Д. Урусовъ, весьма недолго исполнявшій обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, не только никогда не былъ солидаренъ съ старой полицейской системой, но взялъ на себя, въ первой Думѣ, инціативу ея разоблаченія [1]?.. Неужели октябристы, въ виду накопляющихся чуть не ежедневно фактовъ, все еще не понимаютъ, до какой степени для нихъ неудобна близость къ правой сторонѣ Думы? Неужели они считаютъ нормальнымъ такое соотношеніе партій, при которомъ гр. Уварову и г. фонъ-Анрепу приходится протестовать противъ обвиненія въ прикосновенности къ крамолѣ? Неужели они окажутся соучастниками правыхъ въ попыткахъ свести на нѣтъ содержаніе свободъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17-го октября?

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что кн. С. Д. Урусовъ къ конституціонно-демократической партіи никогда не принадлежалъ и теперь не принадлежитъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1908.

I.

— И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки. Изданіе „Научнаго Слова". Москва, декабрь 1907. Стр. XVI и 194.

Болѣе простой жизни нельзя и представить себѣ, и несложность пережитого еще усугубляется необыкновенной скромностью разсказа о немъ, не дѣланной, а естественной; въ этой гармоніи личности и жизни—вся прелесть записокъ Сѣченова. Ихъ внѣшній интересъ незначителенъ: въ жизни Сѣченова, если исключить его работу, крупныхъ событій не было, а какія и были, о тѣхъ онъ мало что̀ можетъ разсказать; онъ забываетъ даже упомянуть о своей женитьбѣ; зналъ онъ много замѣчательныхъ людей и говоритъ о нихъ съ любовью, но и о нихъ онъ разсказываетъ мало, больше изъ признательности за прошлое, нежели изъ прямого интереса. Всѣ его сознательные годы были посвящены наукѣ, и можно было бы думать, что, по крайней мѣрѣ, о ней онъ будетъ говорить подробно и съ одушевленіемъ. Оно такъ и есть, но лишь относительно: о своихъ научныхъ работахъ онъ сообщаетъ больше, чѣмъ о своей внѣшней жизни, но тоже немного, и здѣсь его рѣчь дышитъ тою же сдержанностью и тишиной. На этой книгѣ лежитъ печать космическаго созерцанія; ее могъ написать только человѣкъ, въ которомъ чувство перспективы міровыхъ вещей сдѣлалось инстинктомъ: съ этой точки зрѣнія не только личная жизнь, но и собственная научная работа должны были представляться ему едва замѣтной пылинкой. Проф. Умовъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ прекрасно опредѣлилъ эту особенность душевной жизни Сѣченова: „Все личное, все преходящее, представляется въ его жизни лишь неизбѣжнымъ аксессуаромъ временнаго обитателя нашей пла-

неты: оно никогда не захватываетъ его натуры, не вызываетъ мучительныхъ сомнѣній, мучительнаго самоанализа; все это — только минимумъ, необходимый для прохожденія жизненнаго пути. И въ этомъ подчиненіи дѣлу, переживающему человѣка, въ геометрически ясномъ и простомъ отношеніи къ личной жизни—сказывалась вся духовная мощь Ивана Михайловича, и здѣсь кроется причина его нравственнаго и авторитетнаго вліянія на лицъ, приходившихъ съ нимъ въ общеніе". Это былъ настоящій мудрецъ, съ высоты взиравшій на жизнь. Одинъ изъ самыхъ частыхъ эпитетовъ, который онъ употребляетъ въ примѣненіи къ друзьямъ и знакомымъ минувшихъ лѣтъ,— „бѣдный"; онъ и Россію называетъ „нашимъ бѣднымъ отечествомъ". Кажется, что все живущее матеріальной жизнью, все мятущееся, возбуждаетъ въ немъ мягкую жалость. И эта жалость — не пассивная; поразительный фактъ: этотъ мудрецъ, стоявшій почти внѣ жизни, *началъ* свою научную дѣятельность съ вопроса объ отравленіи алкоголемъ, „естественно вызваннаго въ его головѣ ролью водки въ русской жизни", и *кончилъ* изслѣдованіемъ рабочихъ движеній человѣка, вызваннымъ толками о сокращеніи рабочаго дня до восьми часовъ безъ урона для производства.

У Сѣченова есть еще и другой обычный эпитетъ для опредѣленія людей и вещей: „милый". Это прилагательное встрѣчается въ его „Запискахъ" чаще всѣхъ другихъ. Всѣ его учителя, всѣ товарищи—„милые"; Одесса, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ — „милая"; Васильевскій островъ — „милый"; „милый спутникъ", „милая Флоренція", „милая Настенька", „милый нравъ", „милая семья"—такъ и пестрятъ на каждой страницѣ. Каждый видитъ вещи по-своему, а Сѣченовъ смотрѣлъ на міръ незлобивымъ и благодарнымъ взглядомъ: онъ благодаренъ и милому спутнику за проведенные вмѣстѣ часы, и Венеціи за ея красоту, и лабораторной комнатѣ, въ которой провелъ много хорошихъ рабочихъ часовъ. О Германіи конца пятидесятыхъ годовъ онъ говоритъ: „Тогдашняя Германія представляется мнѣ и теперь въ видѣ исполненнаго мира и тишины пейзажа, въ пору, когда цвѣтутъ сирень, яблоня и вишня, бѣлѣя пятнами на зеленомъ фонѣ полянъ, изрѣзанныхъ аллеями тополей". Какое чарующее воспоминаніе! и какъ тихъ и ясенъ, какъ невозмущаемъ долженъ былъ быть духъ человѣка, *такъ* отражавшій въ себѣ земныя явленія!

Сѣченовъ о многомъ скорбѣлъ общественно и многое осуждалъ, но слово возмущенія ни разу не срывается съ его устъ. Онъ самъ за свою долгую жизнь немало терпѣлъ отъ условій, которыя гнетутъ наше „бѣдное отечество", и терпѣлъ въ самомъ чувствительномъ для него пунктѣ—въ своей научной работѣ; и все это онъ разсказываетъ

тѣмъ же тихимъ, добрымъ голосомъ, безъ раздраженія или злобы. Онъ добровольно ушелъ изъ Медицинской Академіи, не желая мириться съ царившими въ ней порядками, и остался ни при чемъ; его выбрали въ Одессу, потомъ перевели въ Петербургъ—безъ стараній съ его стороны. Въ восьмидесятыхъ годахъ его выбрали въ Академію Наукъ; утвержденіе его президентомъ, гр. Д. Толстымъ, было, повидимому, обезпечено: Толстой относился къ нему хорошо; но вотъ какъ-разъ въ эти дни, встрѣтивъ Толстого на улицѣ, онъ по разсѣянности не узналъ его и не поклонился; результатомъ было то, что на его избраніе было наложено veto. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, онъ такъ до конца и не былъ выбранъ въ Академію. Больше того: никто не позаботился даже создать ему удобную обстановку для работы. Въ 1888 г. онъ отказался отъ профессорства въ Петербургѣ изъ-за невозможности выполнить задуманныя работы въ петербургской лабораторіи. Шестидесяти лѣтъ, съ европейскимъ именемъ, онъ ищетъ ученаго пріюта. Онъ пишетъ старой пріятельницѣ, вдовѣ профессора, имѣвшей связи въ московскомъ университетѣ, съ просьбой разузнать, какъ отнесется факультетъ къ его желанію стать приватъ-доцентомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ надѣялся поработать при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Ему отвѣтили, что его переселенію дѣйствительно не сочувствуютъ, и только на его успокоительное заявленіе, что онъ никому не станетъ поперекъ дороги, получается наконецъ утвердительный отвѣтъ. И вотъ онъ въ Москвѣ, въ гостяхъ у молодого профессора сравнительной анатоміи, который въ своемъ небольшомъ помѣщеніи любовно отвелъ ему для работы отдѣльную комнату. Хотѣлось бо̀льшаго, хотѣлось настоящей лабораторіи, и вотъ, внезапно разбогатѣвъ на курсѣ, прочитанномъ врачамъ, онъ рѣшаетъ на собственный счетъ устроить себѣ небольшую лабораторію; попечитель обѣщалъ помѣщеніе, и обрадованный Сѣченовъ ѣдетъ въ Парижъ накупить инструментовъ—а вернувшись въ Москву, узнаетъ, что помѣщенія нѣтъ. Ему не остается теперь другого исхода, какъ работать у Людвига въ Лейпцигѣ, но тутъ, по счастію, московскій университетъ выбираетъ его на каѳедру физіологіи, и въ московскомъ физіологическомъ институтѣ онъ наконецъ обрѣтаетъ двѣ комнаты, въ которыхъ и „зажилъ пріятнѣйшимъ образомъ". Онъ не ропщетъ на всѣ эти мытарства; въ Германіи университеты на перебой зазывали бы къ себѣ такого ученаго, стараясь превзойти другъ друга выгодностью предлагаемыхъ ему условій; тамъ каждый изъ нихъ почелъ бы за честь выстроить для него „институтъ". А Сѣченовъ только благодаренъ за то, что эти мытарства кончились: „Деликатности и дружелюбію Льва Захаровича я обязанъ тѣмъ, что, проживъ въ этихъ комнатахъ спокойно

десять лѣтъ профессорства, живу въ нихъ спокойно и теперь, по выходѣ въ отставку" (живу—т.-е. работаю: рѣчь идетъ о лабораторіи).

И кончилась преподавательская дѣятельность Сѣченова на русскій манеръ. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Москвѣ возникли такъ называемые Пречистенскіе курсы для рабочихъ, Сѣченовъ (ему было тогда уже 74 года) съ радостью принялъ предложеніе читать тамъ анатомію и физіологію, и, по его словамъ, это дѣло давало ему большое удовлетвореніе. Но читать для рабочихъ ему пришлось недолго—только съ октября по февраль. Въ февралѣ 1904 года инспекторъ Пречистенскихъ классовъ получилъ такую оффиціальную бумагу: „Отношеніемъ г. директора Народныхъ училищъ отъ 5 февраля 1904 года за № 814 профессоръ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ не утвержденъ въ должности преподавателя Пречистенскихъ классовъ, а посему объ освобожденіи его отъ занятій благоволите меня увѣдомить". Этимъ документомъ Сѣченовъ и заканчиваетъ свою автобіографію.

Сѣченовъ разсказываетъ, что на его вопросъ: какой интересъ можетъ находить военный человѣкъ вродѣ Вильгельма I въ бесѣдахъ съ Гельмгольцемъ?—знаменитый физіологъ Людвигъ отвѣтилъ ему: „вѣдь это наслажденіе—слушать такое спокойное мышленіе". Этими словами всего лучше можно передать и впечатлѣніе, которое производятъ на читателя „Записки И. М. Сѣченова".

II.

— Адинъ Балу. Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Пер. съ англійскаго. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Изданіе „Посредника". Москва. 1908. Стр. 151.

Ад. Балу—американецъ, одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ идеи „непротивленія", основавшій въ 1841 году въ штатѣ Массачузетсъ общину для совмѣстной братской жизни и для проведенія въ ней христіанскаго ученія въ его истинномъ смыслѣ. Черезъ десять лѣтъ эта община насчитывала 175 членовъ, а еще черезъ шесть — распалась.

Эти свѣдѣнія сообщаетъ въ своемъ предисловіи г. Горбуновъ-Посадовъ. Исторія Хопдэльской общины, какъ и всѣхъ подобныхъ попытокъ практическаго осуществленія христіанской идеи, несомнѣнно очень любопытна; возможно, что еще болѣе любопытна личность самого Балу, насколько она обнаруживалась въ его дѣлахъ и стремленіяхъ. Но книга его, вышедшая теперь по-русски, не такая книга, чтобы ее слѣдовало издавать. Это уже не первый примѣръ неосторожности со стороны издательства „Посредникъ": изданіемъ такихъ книгъ,

какъ разсмотрѣнное нами не такъ давно произведеніе Ѳ. Страхова, или настоящая книга Балу, оно дискредитируетъ ту самую идею—высокую и чистую идею,—которую оно стремится провести въ сознаніе общества.

Книга Балу была, можетъ быть, очень хороша для извѣстныхъ слоевъ американскаго общества, и то полвѣка назадъ, но у насъ и теперь она совершенно безполезна. Говоря: *у насъ*, мы разумѣемъ нашу религіозно-индифферентную интеллигенцію; говоря: *теперь*, мы хотимъ сказать: — послѣ извѣстной пропаганды той же идеи непротивленія Л. Н. Толстымъ.

Эта идея представляетъ собою, можетъ быть, величайшее открытіе человѣческаго ума за всѣ XIX-ть вѣковъ. Почти два тысячелѣтія пролежала она, какъ зерно въ землѣ, скрытой въ Евангеліи, и не какой-нибудь геній открылъ ее,—она просто созрѣла и стала передъ человѣчествомъ, какъ неотразимая, чарующая и спасительная истина. Ее сразу увидали многіе. не только такія личности, какъ Л. Н. Толстой, но и простыя души, напр., изъ числа духоборовъ и др. Огромное, подавляющее большинство еще не прозрѣло, но безчисленные признаки съ несомнѣнностью указываютъ на то, что почва для воспринятія новой идеи въ цивилизованныхъ обществахъ значительно подготовлена. Эта идея обладаетъ такой силой убѣдительности и моральнаго обаянія, она такъ полно отвѣчаетъ нѣкоторымъ основнымъ запросамъ современнаго духа, что жизнеспособность ея, несмотря на всѣ враждебныя условія, не подлежитъ сомнѣнію. Но она могущественна только сама въ себѣ, своею внутренней логикой и красотой; доказывать ее извнѣ, выводить ея обязательность изъ какого бы то ни было догмата или вѣрованія—значитъ затемнять сущность идеи и тѣмъ ее обезсиливать. Вся проповѣдь Толстого направлена именно на то, чтобы съ возможной наглядностью уяснить людямъ подлинный смыслъ этой идеи съ точки зрѣнія ея разумности и нравственной обаятельности. А. Балу не понялъ этого, и написалъ книгу не только безполезную, но и вредную для успѣха исповѣдуемой имъ истины.

Онъ задался несчастной мыслью доказать—не столько внутреннюю цѣнность идеи непротивленія, сколько ея обязательность для всякаго, кто вѣруетъ въ Христа. Онъ не говоритъ:—ты долженъ руководствоваться этой идеей, потому что она одна разумна и прекрасна; а говоритъ:—не противься злому, потому что этого требуетъ отъ тебя Христосъ. Онъ могъ бы указывать на Христа, какъ на высшее воплощеніе этой идеи, и убѣждать людей той непреходящей красотой, которую практика и проповѣдь непротивленія сообщили образу Христа: такъ и дѣлаетъ, именно, Л. Н. Толстой. Проповѣдь и практика Христа служатъ у Балу только доказательствомъ того, что Христосъ этому

училъ и этого требуетъ отъ своихъ послѣдователей, Такимъ образомъ, на мѣсто нравственной убѣдительности становится воля законодателя, абсолютное требованіе свыше.

Обоснованію этой мысли Балу посвятилъ двѣ трети своей книги. Центральное мѣсто занимаютъ у него „доказательства изъ св. Писанія"; на протяженіи нѣскольких десятковъ страницъ онъ доказываетъ, что Христосъ, дѣйствительно, словомъ и дѣломъ, проповѣдовалъ непротивленіе, и эту аргументацію онъ называетъ доказательствомъ *истинности* идеи непротивленія. Доказательства эти расположены схематически и изложены чрезвычайно скучно; это не голосъ убѣжденнаго человѣка, а какая-то бездушная богословская казуистика. Въ первомъ параграфѣ, подъ заглавіемъ: „Первое доказательство", приводится текстъ Нагорной проповѣди и доказывается, что Христосъ говорилъ здѣсь именно о непротивленіи. Затѣмъ, начинается схоластическій разборъ невѣрныхъ объясненій этой проповѣди: слѣдуютъ шесть параграфовъ, озаглавленныхъ: „Первое уклончивое толкованіе", „Второе уклончивое толкованіе", — и такъ до шести. Затѣмъ, Балу переходитъ ко второму доказательству—къ пятой главѣ Матѳея, потомъ—къ третьему („Отче нашъ") и къ дальнѣйшимъ. Покончивъ, наконецъ, съ изреченіями Христа, онъ въ рядѣ дальнѣйшихъ параграфовъ приводитъ „Апостольскія свидѣтельства", примѣръ первыхъ христіанъ и въ заключеніе еще „свидѣтельство Цельзія и Гиббона".

Такова основная, вторая, глава книги. Еще плачевнѣе слѣдующая за нею, озаглавленная несовсѣмъ по-русски: „Отвѣты на возраженія, опирающіяся на св. Писаніе". Чтò это за возраженія и чтò за отвѣты! Балу предполагаетъ, что ему скажутъ:—въ доказательство истинности ученія о непротивленіи вы ссылаетесь исключительно на Новый Завѣтъ; но Ветхій Завѣтъ безусловно противъ васъ, а развѣ и онъ—не слово Божіе?—И вотъ начинается рядъ параграфовъ въ доказательство того, что Ветхій Завѣтъ былъ смѣненъ Новымъ: объ этомъ-де ясно говоритъ само Евангеліе, да и въ Ветхомъ Завѣтѣ ясно предсказывается пришествіе Христа. Балу побѣдоносно спрашиваетъ своихъ воображаемыхъ противниковъ: „Вѣрятъ ли они въ то, что Христосъ достоинъ бòльшей славы, чѣмъ Моисей? Вѣрятъ ли они въ то, что Моисей былъ только служитель въ домѣ Отца, а Христосъ—Сынъ и Хозяинъ въ собственномъ домѣ? Вѣрятъ ли они и въ то, что совершенства не было въ левитскомъ священствѣ, что Христосъ—Первосвященникъ по чину Мелхиседекову, что съ перемѣною священства необходимо должна быть и перемѣна въ законѣ"... И далѣе: „Развѣ Моисей не предсказывалъ Христа и не велѣлъ слушать Его во всемъ?.. Нужно ли ссылаться на тексты Ветхаго Завѣта въ подтвержденіе того, что Ветхій Завѣтъ никогда себя не выдавалъ за окончательное

откровеніе, а самъ себя всегда считалъ только подготовительной работой для проповѣди Христа?" Итакъ, заключаетъ Балу, „Ветхій Завѣтъ вообще за Христа", главной заповѣдью Христа является ученіе о непротивленіи, слѣдовательно и Ветхій Завѣтъ за непротивленіе. Этимъ удивительнымъ силлогизмомъ Балу окончательно рѣшаетъ вопросъ: *истинность* этого ученія болѣе не подлежитъ сомнѣнію. О доказательствѣ подлинной, т.-е. внутренней его истинности, на протяженіи бо́льшей части книги нѣтъ и помина.

Дальнѣйшіе аргументы Балу („Возрожденіе второе, третье, четвертое" и т. д.) — всѣ въ такомъ же родѣ. Разсказъ Евангелія объ изгнаніи Христомъ торгашей изъ храма получаетъ неожиданное истолкованіе. Ясно сказано: сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ всѣхъ изъ храма; разсыпалъ деньги у мѣнялъ и опрокинулъ ихъ столы. Балу объясняетъ это по-своему: Христосъ-де, вѣроятно, помогалъ мѣняламъ при пересыпаніи монетъ и помогалъ выносить ихъ столы изъ храма, что же касается бича, то это надо понять такъ, что Іисусъ, взявъ нѣсколько валявшихся на полу веревокъ, связалъ ихъ въ пучокъ и *поднималъ вверхъ*, какъ эмблему осужденія! Если бы идею непротивленія на́до было защищать *такими* доводами, то она не много сто́итъ; если бы Балу вдохновлялся внутренней истинностью этого ученія, то онъ, конечно, безъ страха могъ бы признать, что Христосъ однажды, въ человѣческой страстности, самъ нарушилъ свой завѣтъ. Подобныхъ натяжекъ у Балу не мало, и всѣ онѣ объясняются именно формальнымъ характеромъ его аргументаціи. Таково и истолкованіе христіанскаго ученія о правительствахъ; тутъ, стремясь опять-таки формально доказать, что всякая власть—отъ Бога, Балу договаривается, между прочимъ, до такого тезиса: „Когда правители человѣческихъ учрежденій тираны, эгоисты, когда они безнравственны, дики и жестоки, то ими все-же свыше руководитъ Богъ и употребляетъ ихъ, какъ безсознательныя орудія Его воли",—откуда слѣдуетъ, что христіане должны воздавать *всякому* правительству „и честь, и покорность, и повиновеніе"; — но тогда почему „только въ дѣлахъ добрыхъ"? вѣдь если власть, всякая власть, отъ Бога, то *каждое* ея требованіе внушено ей Богомъ, т.-е. обязательно для христіанина.

Есть у Балу и отдѣлъ доказательствъ какъ будто по существу— глава четвертая, подъ заглавіемъ: „Непротивленіе и законы природы"; но здѣсь онъ обнаруживаетъ такую философскую безпомощность, соединенную съ схоластическимъ схематизмомъ, что эти его доводы могутъ вызвать только улыбку. Выступать съ такими доводами противъ великаго мірового зла—все равно, что пытаться взять сильную крѣпость картонными мечами и деревянными пушками.

Итакъ, въ общемъ, книга Балу способна только компрометировать

въ русскомъ обществѣ самую идею непротивленія. Возможно, что для австралійскихъ пастуховъ или скуотеровъ его доказательства чрезвычайно убѣдительны, но вопросъ въ томъ — какова прочность убѣжденія, основаннаго на такихъ данныхъ. Въ лучшемъ случаѣ, она станетъ для человѣка формально-обязательной нормой, но не переродитъ его воли, не сдѣлается моральнымъ инстинктомъ. Внѣдрить въ людей идею непротивленія, какъ и всякую вообще новую нравственную идею, можно только однимъ способомъ—доводами по существу, раскрывающими логическую и нравственную природу идеи.

Русскій переводъ книги Балу и въ литературномъ отношеніи слабъ. Встрѣчаются и прямо забавныя вещи,—напримѣръ, тамъ, гдѣ переводчикъ счелъ нужнымъ переименовать американскихъ Джоновъ и Джековъ въ Ивана Ивановича, Николая Васильевича и даже Амвросія Пантелеевича!

III.

— Словарь литературныхъ типовъ. — Тургеневъ. Выпускъ первый. С.-Петербургъ (1908). Стр. 144.

Въ основу этого изданія положенъ оригинальный планъ: собрать и систематизировать матеріалы для характеристики русскаго общества по типамъ, выведеннымъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, такая портретная галерея должна представить двоякую цѣнность: по ней удобно можетъ быть изучаемо съ извѣстной стороны творчество даннаго писателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ собраніе художественныхъ портретовъ, она можетъ дать богатый матеріалъ для изученія самого общества въ его основныхъ особенностяхъ, въ настроеніяхъ опредѣленной эпохи, и т. д. Составители „Словаря“ отнеслись къ дѣлу чрезвычайно внимательно. По плану, изложенному въ предисловіи, каждому автору посвящается одинъ или два выпуска; типы располагаются въ алфавитномъ порядкѣ; сначала дается характеристика типа въ освѣщеніи и, по возможности, словами самого автора, затѣмъ, сводъ мнѣній, высказанныхъ о данномъ типѣ критиками, и, наконецъ, библіографическія указанія. Это—главное; не упоминаемъ о мелкихъ рубрикахъ, какъ біографическая канва, остроумно-задуманные указатели, и т. п. Первый выпускъ „Тургенева“ начинается Акимомъ изъ „Постоялаго двора“ и обрывается на Рудинѣ.

Неожиданное и очень пріятное впечатлѣніе производятъ эти портреты такъ хорошо, еще съ дѣтства, знакомыхъ лицъ. Читая такую характеристику, гдѣ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ, а то и полу-страницы, собрано все до мельчайшихъ черточекъ, что счелъ нужнымъ сказать о данномъ лицѣ Тургеневъ, — вы удивлены: такъ,

много новаго оказывается въ давно знакомомъ, такъ много очаровательныхъ конкретныхъ чертъ, не замѣченныхъ или, по крайней мѣрѣ, не сопоставленныхъ вами; въ повѣсти все это разбросано и перетасовано характеристикой другихъ лицъ, а здѣсь собрано дѣйствительно въ одинъ портретъ. Разумѣется, фонъ, безъ котораго портретъ теряетъ свое значеніе, надо искать въ самой повѣсти, но какъ пособіе при изученіи художественныхъ образовъ эти характеристики оказываются дѣйствительно очень цѣнными.

Главная опасность, грозящая здѣсь составителямъ, заключается въ томъ, что они естественно склонны выдвигать на первый планъ не характеръ изображаемаго лица, а его характеристику, т.-е. тѣ общія заявленія, которыя дѣлаетъ о немъ—о его внѣшности и внутренней жизни — самъ авторъ. Для художника эти заявленія являются лишь подспорьемъ, вродѣ ремарокъ въ пьесѣ, собственно же характеръ лица онъ раскрываетъ въ его дѣйствіяхъ и рѣчахъ, въ неуловимыхъ особенностяхъ поведенія, манеры держаться и говорить, и т. п. Какъ передать эти признаки „типа" въ краткой характеристикѣ, въ портретѣ? Совершенство здѣсь недостижимо, но наиболѣе существенное все-таки можетъ быть дано, а главное, именно сюда должно быть направляемо все вниманіе. Мы не говоримъ ничего новаго для составителей „Словаря": во многихъ случаяхъ (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ главныхъ типовъ Тургенева, какъ Елена, Лиза, Лаврецкій) они, видимо, стремились къ этому, не ограничиваясь суммарными характеристиками. Но для достиженія цѣли, которую они себѣ ставятъ, эта сторона дѣла настолько важна, что излишества бояться нечего. Безъ сжатаго разсказа о любви Базарова къ Одинцовой невозможно дать портретъ Базарова, безъ *любви* Аси нѣтъ Аси, и т. д. Всего лучше въ этомъ отношеніи обработанъ Лаврецкій. Но надо замѣтить, что многіе „типы" характеризованы чисто-суммарно, не въ дѣйствіи, а какъ изваянія.

Напротивъ, совершенно излишними кажутся намъ отзывы критиковъ о Тургеневскихъ типахъ. За немногими исключеніями, эти отзывы представлены въ „Словарѣ" коротенькими выдержками въ 10 — 20 строкъ, либо ничего не говорящими, либо — такъ какъ онѣ вырваны изъ контекста — искажающими подлинный взглядъ критика. Здѣсь полнота недостижима; для этого потребовались бы томы. Поэтому, можетъ быть, лучше было бы отказаться отъ этой рубрики совсѣмъ, расширивъ зато библіографическія указанія до возможной полноты и введя въ нихъ точное обозначеніе года, страницъ и пр.

IV.

— Земля. Сборникъ первый. „Московское книгоиздательство". Москва. 1908 г. Стр. 288.

Еще одинъ альманахъ, собравшій въ себѣ самыя популярныя имена современной русской беллетристики—Л. Андреева и Б. Зайцева, Ш. Аша и А. Блока, Куприна, Городецкаго, Серафимовича и др. Здѣсь и стихи, и проза, хорошіе и плохіе; но важнѣе ихъ недостатковъ и достоинствъ нѣчто другое. Прочитавъ книгу до конца, вы невольно спрашиваете себя: о чемъ думаютъ, о чемъ говорятъ эти десять или одиннадцать художниковъ, „соль" нашей земли? А этихъ остальныхъ характеризуютъ, на нашъ взглядъ, двѣ черты: интересъ къ жизни въ ея разрѣзѣ, какъ она есть,—и вялость этого интереса. Художникъ можетъ брать жизнь глубоко или поверхностно, съ той или другой стороны, но главная разница въ томъ, изображаетъ ли онъ статику или динамику жизни. Этотъ преобладающій интересъ къ сущему въ жизни, особенно къ сущему вѣчно, и является главной отличительной чертою нашей современной поэзіи. Здѣсь, разумѣется, нѣтъ мѣста осужденію: поэтъ не только свободенъ самъ въ себѣ,—онъ правъ и объективно, потому что его устами говоритъ его время. Мы только вправѣ судить интенсивность его переживаній.

Что-то тусклое и безсильное есть во всей этой книгѣ, какая-то подавленная жизненность, тѣмъ болѣе угнетающая, что вещи-то, о которыхъ ведется рѣчь,—все яркія, полныя страсти. Здѣсь много говорится о любви, о вѣчномъ таинствѣ любви. Ее воспѣваетъ тающими, но тусклыми стихами А. Блокъ, о ней сочинилъ равнодушно-красивое стихотвореніе С. Городецкій; г. Чулковъ столь же невозмутимо, но къ тому же и плохими стихами, разсказываетъ, какъ осенью онъ „суевѣрнѣй любилъ" и какъ „осень и смерть чокались пьянымъ стекломъ", и сообщаемыя имъ реалистическія подробности любви, при полномъ равнодушіи тона, остаются просто грубой непристойностью. Это все—молодые поэты; но, Боже мой, почему же они такъ вялы, какъ кастраты? или они и въ этомъ—вѣрное отраженіе нынѣшняго русскаго общества, неврастеническаго и безсильнаго? Но самое поразительное въ этомъ отношеніи—„Суламиѳь" А. Куприна. На протяженіи шестидесяти страницъ г. Купринъ разсказываетъ исторію любви царя Соломона къ маленькой, загорѣлой, простой дѣвушкѣ Суламиѳь. Эта исторія вставлена здѣсь въ пышную раму исторически-реальныхъ подробностей: множество тщательно выписанныхъ фигуръ, богатство красочныхъ деталей въ изображеніи быта и обстановки, на каждой страницѣ дважды

доходящее до излишества. Г. Купринъ — талантливый художникъ, и въ „Суламиѳи" есть немало счастливыхъ подробностей. Но главнаго нѣтъ—того, что̀ сдѣлало „Пѣснь пѣсней" на всѣ времена самымъ пламеннымъ гимномъ любви мужчины къ женщинѣ: нѣтъ страсти, нѣтъ безумія, а есть только очень искусный, тщательно обработанный за письменнымъ столомъ разсказъ,—и потому что вещи не одушевлены страстью, онѣ остаются бутафоріей и все вмѣстѣ оставляетъ впечатлѣніе большой, дорогой олеографіи. Спокойно описывать страсть—и такую!—это въ художественномъ смыслѣ противоестественно. И тутъ же рядомъ А. Ѳедоровъ изображаетъ другую, современную страсть и ревность, изображаетъ, правда, чрезвычайно нервно, но въ сущности такъ же равнодушно, и такъ какъ его разсказъ къ тому же плохо написанъ, то вы просто ничему этому не вѣрите и отходите прочь, досадуя на аляповатость авторской выдумки.

Вяло и безразлично все это, старчествомъ вѣетъ отъ безсильныхъ попытокъ современной русской поэзіи изобразить полноту жизни. Такова, видно, почва, питающая ее, потому что вѣдь солнце не перестало всходить надъ землей, и цвѣты расцвѣтаютъ весною, и женскія объятія не стали холоднѣе, да и сами эти поэты всѣ по-своему даровиты. Но какими-то ядовитыми испареніями отравлены они, и блекнетъ талантъ, и тусклы ихъ чувства и рѣчи. Эта безжизненность нашей поэзіи—сама по себѣ очень замѣтный симптомъ тяжелаго недуга, изнуряющаго или изнурившаго нашу интеллигенцію, недуга, можетъ быть, обще-культурнаго, міровою, но всего сильнѣе поразившаго, кажется, именно наше общество съ его давно уже больной и изощренно-чуткою совѣстью.

Объ этомъ міровомъ недугѣ говоритъ намъ единственная живая вещь, помѣщенная въ сборникѣ — „Проклятіе звѣря" Л. Андреева. Это—проклятіе городу; это — крикъ души, болѣзненный, потому что больна душа, искалѣченная городомъ; она проклинаетъ, потому что она еще жива, еще не вся покорена городомъ, и проклинаетъ тѣмъ болѣе страстно, что уже не можетъ освободиться отъ его дьявольскихъ чаръ. „Я боюсь города, я люблю пустынное море и лѣсъ... Я боюсь города, его каменныхъ стѣнъ и людей его, у которыхъ маленькія, сжатыя, кубическія души, имѣющія такъ много дверей и ни одного свободнаго выхода". Но съ первыхъ же строкъ г. Андреевъ даетъ понять, что здѣсь — больше, чѣмъ противоположность камня и моря, неволи и свободы: здѣсь двѣ плоскости бытія. На облакахъ надъ городомъ искусственными огнями начертаны слова: шоколадъ и какао. „Да, „шоколадъ и какао". А что̀ говоритъ мнѣ солнце?—Вѣчность. А что̀ говорятъ луна и звѣзды?—Вѣчность и тайна. Я не хочу вѣчности и тайны. Я хочу шоколада и какао. Я хочу, чтобы и на небѣ

было написано то, что̀ я понимаю, что̀ сладко и не пугаетъ меня". Въ этомъ—корень вопроса, и если бы г. Андреевъ показалъ намъ городъ съ этой стороны, какъ убѣжище отъ міровой тайны, куда въ нестерпимомъ страхѣ забилось бѣдное человѣчество, готовое все терпѣть, лишь бы не видѣть грознаго неба и ужасной непостижимости бытія, онъ создалъ бы замѣчательныя страницы. Но онъ только мимоходомъ бросилъ мысль, и въ дальнѣйшемъ проклялъ городъ только какъ неволю и уродство, но не какъ трусость, и потому *только* проклялъ, тогда какъ онъ долженъ былъ бы и благословить его, ибо какъ можетъ онъ, такъ глубоко сострадающій, не благословить „шоколада и какао", дающихъ самозабвеніе страдальцу? Городъ или религія, третьяго нѣтъ; либо стараться не видѣть неба, либо смотрѣть въ него пристально и пытливо, такъ пристально, что предъ утомленнымъ взоромъ встанутъ видѣнія.

Но въ тѣхъ предѣлахъ, какъ неволю и уродство, г. Андреевъ изобразилъ городъ такъ, какъ до него никто. *Такъ* разсказать обыкновенный день, проведенный въ обыкновенномъ большомъ городѣ, дѣло исключительнаго таланта; а тотъ образъ, въ которомъ г. Андреевъ сконцентрировалъ весь ужасъ города (умирающій въ зоологическомъ саду старый тюлень), при всей своей простотѣ по-истинѣ грандіозенъ.

V.

— С. Юшкевичъ. Король. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Изданіе Т-ва „Знаніе". С.-Петербургъ. 1908. Стр. 134.

Пьеса г. Юшкевича—прямой потомокъ „Ткачей" Гауптмана: та же фабула, тотъ же способъ трактованія сюжета, тѣ же основныя черты соціальной психологіи. Но все это перенесено на русскую почву—и надо отдать справедливость г. Юшкевичу: онъ оказался способнымъ ученикомъ. Его копія не блещетъ художественными достоинствами оригинала; здѣсь нѣтъ мѣткости и силы въ обрисовкѣ фигуръ, нѣтъ той глубокой, сосредоточенной страстности, которою проникнуты „Ткачи" отъ перваго до послѣдняго слова, и — главное — нѣтъ того, что̀ преимущественно и сдѣлало Гауптмана родоначальникомъ соціальной драмы; здѣсь бытовыя черты заслонили символическій характеръ картины, по существу всемірно-исторической; здѣсь изображена больше стачка рабочихъ на одесской мельницѣ, чѣмъ міровая борьба рабовъ съ господами. Но поскольку эта міровая драма отражается въ формахъ даннаго быта, она изображена г. Юшкевичемъ умно и талантливо.

Мѣсто дѣйствія—большой южный приморскій городъ, и вся драма

разыгрывается въ еврейской средѣ; другъ другу противопоставлены семья владѣльца мельницы, богатаго еврея Гросмана, и изнуренная нищетою толпа рабочихъ, въ большинствѣ евреевъ. Казалось бы, при такихъ условіяхъ соціальная драма должна осложниться національными мотивами, и этого тѣмъ болѣе можно было бы ожидать, что какъ-разъ еврейство славится своей сплоченностью, и что внѣшній гнетъ, подъ которымъ живутъ евреи у насъ, въ Россіи, уже самъ по себѣ долженъ былъ бы, казалось, создавать такую сплоченность. Кому случалось близко наблюдать еврейскій бытъ въ нашихъ большихъ городахъ, для того повѣрье о расовой солидарности евреевъ — пустой миѳъ, тотъ знаетъ, что соціально-экономическіе элементы если не совершенно истребили, то въ значительной мѣрѣ заглушили въ еврействѣ общность національнаго или религіознаго самосознанія. Но кто этого еще не знаетъ, для тѣхъ пьеса г. Юшкевича будетъ въ высокой степени поучительна. Съ глубокимъ знаніемъ быта и психологіи обѣихъ борющихся группъ, съ замѣчательнымъ реализмомъ изображенія, онъ воспроизводитъ передъ нами картину этой борьбы, гдѣ другъ противъ друга стоятъ только трудъ и капиталъ, такъ сказать, въ чистомъ своемъ естествѣ, оголенные отъ національнаго, какъ и отъ всякаго вообще нравственнаго начала. Можно сказать, что національный элементъ играетъ здѣсь видную *отрицательную* роль. Вы невольно ищете его въ этой средѣ: возможно ли, чтобы при тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ какихъ находятся русскіе евреи (не говоря уже объ ихъ тысячелѣтней исторіи), среди нихъ не было внутренней связи, которая явилась бы нравственнымъ факторомъ, смягчающимъ жестокость эксплуатаціи, безжалостную власть капитала? Но ея нѣтъ, этой связи, и это ея отсутствіе тамъ, гдѣ ея естественно ждешь, тысячу разъ усугубляетъ мрачность картины. Богачъ Гросманъ, кстати и самъ выбившійся снизу, не только не дѣлаетъ никакого различія между своими еврейскими рабочими и русскими, равно обрекая и тѣхъ и другихъ на голодную смерть, но къ еврейскимъ относится еще особенно бездушно, съ изощреннымъ презрѣніемъ. Онъ приказываетъ своему управляющему: „Поговорите съ русскими рабочими и обѣщайте имъ что-нибудь. Надо напоить ихъ. А съ еврейскими рабочими не церемоньтесь". Мало того: онъ не прочь въ интересахъ своей адской политики использовать и самую расовую вражду. Его управляющій, самъ еврей, призываетъ къ себѣ одного изъ русскихъ рабочихъ, пользующагося вліяніемъ среди своихъ, и говоритъ ему: „Степанъ, что̀ же ты дѣлаешь? Ты русскій человѣкъ? Какъ тебѣ не стыдно водиться съ евреями? У тебя крестъ, у нихъ что̀? Кто дѣлаетъ смуту, какъ не евреи? Кто бунтуетъ, если не евреи?"—и Гросманъ, выслу-

шавъ этотъ разсказъ, одобряетъ тактику своего слуги: „Вы хорошо сдѣлали, что такъ говорили о евреяхъ. Это должно подѣйствовать".

Пьеса г. Юшкевича цѣнна, какъ талантливая соціальная драма, но для русскаго общества она имѣетъ еще и другую цѣнность, какъ художественное и потому наиболѣе дѣйствительное опроверженіе легенды о расовой сплоченности евреевъ; искусство убѣждаетъ больше, чѣмъ логика и факты.

VI.

— С. Найденовъ. Хорошенькая. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Изд. „Шиповникъ". 1908. Стр. 110.

Кажется, г. Розановъ сказалъ о себѣ: „пусть я бездаренъ, да тема моя талантлива"; о пьесѣ г. Найденова можно сказать противоположное. Зачѣмъ понадобилось этому талантливому драматургу вынимать изъ-подъ спуда старую, заѣзженную, безвкусную тему? Что̀ онъ нашелъ новаго или типичнаго въ развращенности кавказскихъ курортовъ или въ томъ, что мужчины извѣстнаго круга смотрятъ на женщину „какъ собаки"? Водевильный мужъ, распутная и взбалмошная дамочка и полдюжины шютовъ декадентскаго, меланхолическаго, циничнаго и другихъ типовъ—это „дѣйствующія лица" пьесы, а „дѣйствія" ихъ—рядъ курортныхъ приключеній изъ разряда тѣхъ, надъ которыми „Стрекоза" и „Будильникъ" лѣтъ двадцать уже изъ года въ годъ въ лѣтніе мѣсяцы изощряютъ свое остроуміе. Есть на что̀ тратить заряды! Пусть себѣ на здоровье купаются въ своей пошлости—кому до нихъ какое дѣло? Добро бы еще эти люди представляли собою какую-нибудь общественную силу, тогда былъ бы понятенъ интересъ къ нимъ художника; но это—жалчайшіе подонки нетрудящихся классовъ, не просто сытые, но глупые между сытыми, какіе-то самодовольные кретины,—даже не яркое пятно, а безцвѣтная слизь, отъ которой можно только отвернуться съ омерзѣніемъ. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго сюжета для комедіи нравовъ. Это уже не общество, а специфическая среда, вродѣ азартныхъ игроковъ въ нашихъ клубахъ и проч. Правда, всякій такой наростъ свидѣтельствуетъ о тяжеломъ заболѣваніи общественнаго организма, но нуженъ очень большой талантъ, чтобы художественно вскрыть корень болѣзни. У г. Найденова этой силы нѣтъ, да онъ, видно, и не задавался такими цѣлями: онъ просто „бичуетъ маленькихъ воришекъ", и очень можетъ быть, что это доставляетъ чрезвычайно пріятныя минуты большимъ. Пользы его пьеса не принесетъ, даже смѣха веселаго не вызоветъ, а вредна она, кромѣ всего прочаго, уже тѣмъ, что дискредитируетъ художество. Въ примѣненіи къ такимъ вещамъ сатира умѣстна лишь подъ тѣмъ усло-

віемъ, чтобы отъ нея—какъ однажды выразился Пушкинъ—трещала набережная.

А написана пьеса живо и талантливо. За исключеніемъ трафаретнаго и деревяннаго мужа, всѣ остальныя фигуры очерчены очень недурно; все это—эскизы, легкіе наброски, но бо̀льшаго эта компанія и не заслуживаетъ. Глубины въ нихъ нѣтъ—достаточно двухъ-трехъ штриховъ, чтобы этакій человѣкъ былъ ясенъ до дна. Сама героиня—„хорошенькая", которую всѣ эти господа третируютъ истинно по-собачьи,—въ изображеніи г. Найденова до такой степени абсолютно-пуста, что въ ней не осталось уже ни одной конкретной, личной черты, которою онъ могъ бы ее характеризовать. Мы узнаёмъ о ней только, что она—человѣкъ, притомъ женскаго пола (это—самое важное), притомъ хорошенькая, больше ничего; у нея нѣтъ ни прошлаго, ни желаній, ни вкусовъ; она, какъ видно, создана Господомъ Богомъ или, что̀ вѣроятнѣе, г. Найденовымъ, по тому же способу, какъ въ Малороссіи дѣлаютъ бублики: взято пустое мѣсто и одѣто въ женское платье. Будь эта пьеса короче, изъ нея вышелъ бы, можетъ быть, забавный водевиль на избитую тему. Но г. Найденовъ могъ бы дать больше. Пусть бы онъ принесъ русскому обществу, какъ Одиссей Ахиллу, не пустоту, а мечъ, завернутый въ женскія ткани.

VII.

— К. Чуковскій, Отъ Чехова до нашихъ дней. Литературные портреты. Характеристики. Т—во „Издательское бюро". С.-Петербургъ. 1908. Стр. 183.

Это не болѣе, какъ фельетоны, — но такихъ фельетоновъ у насъ еще не было. И что̀ толку въ солидности, когда она, у насъ по крайней мѣрѣ, такъ фатально скучна и педантична! Прежде всего, языкъ: мы совсѣмъ не умѣемъ писать; у насъ статьи въ журналахъ и газетахъ пишутся такъ, что съ двадцатой строки клонитъ ко сну; эта вялая, мутная, тяжелая рѣчь обволакиваетъ васъ скукой, вамъ дѣлается „все равно", и ужъ все, что̀ вложилъ въ нее авторъ, — его, можетъ быть, цѣнная мысль, его, можетъ быть, святая скорбь—пропадаетъ даромъ. Языкъ г. Чуковскаго очарователенъ: онъ легокъ и простъ, мѣтокъ и гибокъ, вамъ ни на одну минуту не скучно,—даже слишкомъ; подчасъ хочется, чтобы эта умѣлая рѣчь была не такъ проворна.

Г. Чуковскій—критикъ-импрессіонистъ, и въ этомъ—его второе достоинство. Онъ любитъ литературу за нее самое и наслаждается ею свободно, ничего не ищетъ въ ней—и зато находитъ такъ много. У него тонкій умъ и вѣрный вкусъ; его непринужденная наблюдатель-

ность мѣтка и богата, и вдвое очаровательнѣе, благодаря этой манерѣ давать новое безъ нажима, быть остроумнымъ на ходу письма. Это не значитъ, что его наблюденія разрозненны или случайны: они сами собою складываются въ обобщенія, и если мысль, на которую они нанизываются, не очень глубока и даже не нова, самое подчиненіе ихъ этой мысли, ихъ сопоставленіе между собою, большею частью оригинальны и мѣтки до художественности.

Кто не писалъ о Чеховѣ, и кто не знаетъ его отвращенія къ дѣльцамъ! Г. Чуковскій углубляетъ это наблюденіе; онъ показываетъ, что весь Чеховскій міръ дѣлится на тѣхъ, чьи рѣчи „ясны и опредѣленны", кому „извѣстно, для чего онъ существуетъ", — и на растерянныхъ, путающихъ, говорящихъ „не то". Первыхъ Чеховъ „шельмуетъ и казнитъ, какъ умѣетъ", вторыхъ нѣжно лелѣетъ, — почему? Откуда могли взяться эта ненависть къ умнымъ и трудящимся и эта любовь къ празднымъ, неумѣлымъ, ненужнымъ?—Это сдѣлалъ, говоритъ г. Чуковскій, „новоявленный герой россійской исторіи—городъ". Онъ принесъ съ собою цѣлесообразность, резонность, разсчетливость; онъ пришелъ, какъ Лопахинъ, и пожелалъ всѣ вишневые сады превратить въ доходныя угодья,—и все, что было въ обществѣ лучшаго, поэтически-чуткаго, съ отвращеніемъ слушало его рѣчь. „Развѣ такъ плохи сами-то по себѣ и резонность, и солидность? Конечно, нѣтъ. Но всякое общество мыслитъ какъ женщина—эмоціонально... Когда въ обществѣ появился мѣщанинъ и произнесъ: „Маленькая рыбка лучше большого таракана!" — и произнесъ это, какъ догматъ, какъ принципъ, какъ основу вражьяго своего бытія,—то общество, на зло ему, наперекоръ ему, изъ одного отвращенія къ нему, къ его бытію, возопило: „Нѣтъ, тараканъ лучше всякой рыбки! Да здравствуетъ тараканъ!" И въ этомъ, говоритъ г. Чуковскій, великое соціальное значеніе Чехова: „Онъ развилъ, укрѣпилъ, установилъ то распредѣленіе общественныхъ симпатій и антипатій, которое такъ было нужно нашей трудной эпохѣ, и своей стихійной непріязнью къ міру цѣлей подорвалъ глубочайшую и предвѣчную сущность мѣщанской культуры—утилитаризмъ".

Это, конечно, не весь Чеховъ — далеко нѣтъ, это даже не одна изъ его основныхъ чертъ, а только производная, но она и подмѣчена, и обобщена мастерски.

Кому бы пришло въ голову сопоставлять Чехова съ Бальмонтомъ? А что между ними должна существовать какая-то связь, это ясно само собою: они порождены одной и той же культурой. Г. Чуковскій обобщаетъ ихъ городомъ. Онъ написалъ по этому поводу блестящую страницу о вліяніи города на русскую литературу. Она вся, говоритъ онъ, была до сихъ поръ деревенской по преимуществу,—барской или мужицкой. И вотъ „Россію осѣнила культура городская", и въ корнѣ

измѣнила психологію русскаго человѣка: длительныя, глубокія, серьезныя чувства замѣнились короткими, мимолетными, поверхностными, и соотвѣтственно измѣнилась и форма выраженія ихъ. „Она до сихъ поръ была самой честной, самой настоящей, самой неуклюжей и самой безформенной изъ міровыхъ литературъ. Она по-деревенски была равнодушна къ своей внѣшности, къ одеждѣ, къ тому, что̀ о ней „подумаютъ“, и нисколько не заботилась о производимыхъ ею эффектахъ“. Городъ переродилъ ее, и Бальмонтъ былъ первый поэтъ, устами котораго заговорилъ у насъ городъ. „На минуту влюбился. На минуту сердишься. На минуту обрадовался. Такъ среди грома и сверканій улицы движется душа горожанина.—Бальмонтъ весь во власти этихъ движеній. Всю быстроту и измѣнчивость воспріятій, всю душевную подвижность, всю эластичность городскихъ душъ онъ первый отразилъ съ такой полнотой въ торопливой и капризной своей поэзіи: Бальмонтъ прежде всего торопливъ; онъ славитъ минуты, мгновенія, миги... Постоянная готовность къ воспріятію новыхъ и новыхъ впечатлѣній, постоянная жадность къ новымъ и новымъ ощущеніямъ—этого не знала душа деревенскаго человѣка до его сліянія съ городской толпой“. Переживаніямъ соотвѣтствуетъ и форма. Городъ любитъ мишуру и лоскъ—и таковы стихи Бальмонта. „Онъ выпускаетъ ихъ въ люди такъ хорошо одѣтыми, съ такими великолѣпными манерами; они такъ чудесно вальсируютъ; они такъ изысканно-вѣжливы; они такъ забавны, находчивы, блестящи, что, право, иной разъ забываешь спросить объ этихъ ловкихъ стихахъ: „Да, полно, умны ли они? Глубоки ли они? Интересны ли они сами по себѣ, внѣ манеръ, внѣ вальса, внѣ хорошаго портного?“

Этихъ двухъ образчиковъ достаточно. Такова вся книга г. Чуковскаго. У него три обобщенія: городъ, мѣщанскій индивидуализмъ и кризисъ индивидуализма въ современной русской литературѣ. Они всѣ три вѣрны, хотя не всегда одинаковы вѣрно примѣнены,—и всѣ три поверхностны, т.-е. касаются не содержанія, а формъ душевной жизни и ея выраженія. Дурного здѣсь нѣтъ: эта сторона точно такъ же требуетъ анализа, какъ и все прочее, и когда этотъ анализъ такъ уменъ и изященъ, какъ у г. Чуковскаго, можно съ легкимъ сердцемъ простить неизбѣжныя при всякой схемѣ односторонности и натяжки.

Но есть въ этой книгѣ странность, поражающая съ самыхъ первыхъ строкъ ея. Какъ и всякій импрессіонизмъ, писанія г. Чуковскаго въ высшей степени индивидуальны: его наблюденія своеобразны и отчетливы, у него свой личный очень опредѣленный вкусъ. Но, странное дѣло,—вся книга въ цѣломъ лишена физіономіи. Вы съ наслажденіемъ прочитываете очеркъ — данный писатель такъ остроумно мѣтко сведенъ къ одной центральной чертѣ; вы прочитываете цѣлый

отдѣлъ, уже широко обобщенный, и вы соглашаетесь; но дальше что? то-есть, что изъ этого слѣдуетъ? Рѣшительно ничего. Ѳ. Сологубъ— пѣвецъ „сквознячка“, Д. Мережковскій—„тайновидецъ вещи“, О. Дымовъ портативенъ, а С. Юшкевичъ обманулъ портного: это мѣтко, это очаровательно,—но что же отсюда слѣдуетъ? Г. Чуковскому совершенно нечего дѣлать съ этими обобщеніями, какъ и съ его болѣе широкими тезисами—о вліяніи города, о мѣщанскомъ индивидуализмѣ и пр.; они у него ни къ чему не примыкаютъ, каждое довлѣетъ себѣ, и ему нечѣмъ спаять ихъ. У него мысли, а не мысль, множество тонкихъ, изящныхъ, независящихъ другъ отъ друга мыслей, которыя и въ одиночку очень цѣнны, а главное красивы. Но въ литературѣ есть другая цѣнность, выше этой: есть моральное единство и сила личности, обусловливающая сомкнутость идей и ихъ активность. Этой моральной личности не чувствуется въ книгѣ г. Чуковскаго; онъ отлично вооруженъ, но ему ничего не надо: онъ просто забавляется, пуская мѣткую стрѣлу во всякаго проходящаго, и, повторяемъ,—не только наслажденіе слѣдить за этой мѣткостью, но и большая заслуга, когда онъ выстрѣломъ свалитъ то, что внутренно гнило. Но здѣсь—его предѣлъ.

Впрочемъ, скажемъ ему спасибо и за это. Если ужъ выбирать между доктринерствомъ, заполонившимъ у насъ литературную критику, и фельетонами г. Чуковскаго, мы безусловно отдаемъ предпочтеніе послѣднимъ; они стоятъ „мимолетныхъ“ переживаній Бальмонта.—М. Г.

VIII.

— Карлъ Бюхеръ Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Переводъ подъ редакціей I. М. Кулишера. СПб. 1907. Выпускъ первый. Ц. 1 р. Выпускъ второй. Ц. 75 к.

Это сочиненіе Карла Бюхера отчасти знакомо русскому читателю, такъ какъ нѣкоторые, составляющіе его очерки были уже напечатаны въ русскомъ переводѣ. Въ новомъ изданіи мы получаемъ это сочиненіе въ полномъ видѣ. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ очерковъ, связанныхъ, однако, общимъ методомъ, идеей и задачей, и представляющихъ поэтому нѣчто цѣльное. Очерки эти посвящены исторіи экономическихъ отношеній, но имѣютъ не описательный, а систематизирующій характеръ. Основная мысль автора высказана въ очеркѣ „Возникновеніе народнаго хозяйства“, по имени котораго названо и все сочиненіе. Многіе другіе очерки составляютъ лишь развитіе отдѣльныхъ частей этой статьи. Въ этой статьѣ авторъ предлагаетъ, какъ извѣстно, новую періодизацію явленій хозяйствен-

ной жизни въ ихъ историческомъ развитіи, основанную на той роли, какую играетъ въ нихъ обмѣнъ. Сообразно „отношенію между производствомъ предметовъ и ихъ потребленіемъ, опредѣляемому длиною того пути, который долженъ пройти предметъ отъ производителя къ потребителю", экономическое развитіе народовъ Западной Европы раздѣляется авторомъ на три ступени: замкнутое домашнее хозяйство, въ которомъ производится все, что нужно для потребленія семьи· городское хозяйство, въ которомъ предметы переходятъ отъ производителя непосредственно къ потребителю; и народное хозяйство или система національнаго удовлетворенія потребностей, при которой „предметы проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ доходятъ до потребителя". Въ новѣйшее время, какъ извѣстно, экономическое развитіе разрушило политическія границы, и хозяйство принимаетъ болѣе и болѣе выраженный международный характеръ; но К. Бюхеръ не признаетъ, чтобы это вело къ образованію новой ступени хозяйственнаго развитія, потому что „такъ-называемое міровое хозяйство не обнаружило пока еще никакихъ признаковъ, въ существѣ своемъ отличныхъ отъ явленій народнаго хозяйства".

Хотя многія положенія К. Бюхера, въ томъ числѣ и только-что изложенное, приняты многими экономистами, тѣмъ не менѣе его классификація періодовъ хозяйственной жизни не осталась и безъ возраженія. Зомбартъ, напр., замѣчаетъ, что путь, проходимый хотя бы сюртукомъ, — сшитымъ за счетъ крупнаго современнаго магазина и продаваемымъ послѣднимъ непосредственно потребителю,—ничуть не длиннѣе того пути отъ производителя къ потребителю, которымъ шелъ продуктъ въ городскомъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, никто не скажетъ, что организація современнаго портняжнаго дѣла или, напр., заводовъ Круппа (тоже работающихъ непосредственно на потребителя) одинакова съ организаціей средневѣковыхъ хозяйствъ, что тѣ и другіе принадлежатъ къ одному и тому же періоду хозяйственной жизни. Подобныя возраженія, несмотря на ихъ основательность, не лишаютъ, однако, схему Бюхера извѣстнаго значенія при изслѣдованіи явленій прошлой экономической жизни, какъ и само ученіе Бюхера не заставитъ насъ совершенно забыть подраздѣленія хозяйства на натуральное и денежное (періодизація Бруно Гильдебранда) или извѣстную систему хозяйственныхъ ступеней Фридриха Листа (охотничій, пастушескій бытъ и т. д.). Всякая классификація сложныхъ феноменовъ хозяйственной жизни, основанная на одномъ какомъ-нибудь началѣ, не можетъ претендовать на всестороннее освѣщеніе предмета; но это не лишаетъ ее значенія, какъ путеводной нити при изслѣдованіи явленій.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ очеркахъ книги Бюхера,

полагая, что читатель, интересующійся экономическими предметами, самъ прочтетъ это произведеніе. Мы сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе относительно перевода, въ общемъ вполнѣ удовлетворительнаго. Напрасно редакторъ перевода — на-ряду со словомъ „домашняя“ (Hausindustrie, Verlagssystem) допускаетъ и наименованіе „кустарная“ промышленность. Терминомъ „кустарный“ обозначаются у насъ промыслы сельскаго населенія независимо отъ того, продается ли издѣліе кустаря имъ самимъ прямо потребителю, или переходитъ черезъ руки скупщиковъ. Существенной же чертой „домашней“ промышленности Бюхера „всегда остается то, что продуктъ, раньше чѣмъ онъ переходитъ къ потребителю, является капиталомъ, т.-е. средствомъ наживы для одного или нѣсколькихъ посредниковъ-купцовъ“ (в. I, стр. 158).

IX.

— В. Ѳ. Тотоміанцъ. Сельско-хозяйственная кооперація. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы познакомили читателя съ новымъ трудомъ А. Н. Анцыферова — „Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи“. Нынѣ передъ нами другая книга, посвященная тому же предмету — сельско-хозяйственной коопераціи, — принадлежащая перу В. Ѳ. Тотоміанца. Между обоими произведеніями наблюдается, однако, существенное различіе. Не говоря о томъ, что г-нъ Тотоміанцъ почти не касается кооперацій, составлявшихъ предметъ содержанія книги Анцыферова, оба произведенія рѣзко различаются по характеру. Г. Анцыферовъ предпринялъ научное изслѣдованіе нѣмецкой и французской кооперацій, для чего ему пришлось обратиться не только къ литературѣ въ узкомъ смыслѣ этого слова, но и къ первоначальнымъ источникамъ въ видѣ отчетовъ кооперативныхъ учрежденій. Это дало ему надлежащую свободу въ трактованіи предмета и позволило разъяснить многія важныя стороны изучаемаго явленія. В. Ѳ. Тотоміанцъ въ большинствѣ случаевъ пользовался обработанными сочиненіями, а для нѣкоторыхъ странъ такимъ по необходимости ограниченнымъ матеріаломъ, какъ доклады и отчеты на послѣднихъ съѣздахъ дѣятелей кооперативнаго движенія. Его изложеніе носитъ въ большинствѣ случаевъ описательный характеръ; сообщаемыя свѣдѣнія очень кратки, мѣстами даже конспективны. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, нельзя не указать на различіе между двумя частями разсматриваемаго труда. Г. Тотоміанцъ, съ одной стороны, сообщаетъ свѣдѣнія о сельско-хозяйственной коопераціи различныхъ странъ вообще, и вышеприведенная характеристика его

труда относится, главнымъ образомъ, къ этой части его изложенія. Интересъ этого отдѣла его труда заключается въ свѣжести данныхъ о положеніи кооперативныхъ учрежденій. Другой и притомъ главной задачей автора было прослѣдить связь сельско-хозяйственной коопераціи съ соціализмомъ. Это—наиболѣе интересная часть книги.

Г. Тотоміанцъ начинаетъ свой трудъ краткимъ очеркомъ взглядовъ на сельско-хозяйственную кооперацію соціалистовъ отъ Маркса и Лассаля до новѣйшихъ соціалистическихъ партій на Западѣ и въ Россіи. Соціалъ-демократическія партіи Западной Европы, какъ извѣстно, стали серьезно относиться къ вопросу о крестьянскомъ хозяйствѣ вообще и сельско-хозяйственной коопераціи въ частности, когда убѣдились, что сельское хозяйство не слѣдуетъ формулѣ эволюціи индустріи, и мелкое земледѣліе не уступаетъ своего мѣста крупной организаціи. При такихъ условіяхъ, имъ приходилось или отказаться отъ задачи соціализаціи земледѣльческаго производства, или надѣяться достигнуть этого путемъ расширяющейся и углубляющейся коопераціи земледѣльцевъ. Первые, развившіе программу сельско-хозяйственной коопераціи, были рабочія партіи бельгійская и французская. Но въ той и другой странѣ развитіе сельской коопераціи въ дѣйствительности происходитъ подъ руководствомъ духовенства, а во Франціи—также и крупныхъ землевладѣльцевъ. Соціалисты, однако, этимъ не смущаются и полагаютъ, что, по мѣрѣ своего объединенія, крестьяне станутъ освобождаться отъ вліяній названныхъ элементовъ и примкнутъ къ рабочей партіи — единственному искреннему защитнику интересовъ трудового населенія. Они, впрочемъ, и въ настоящее время стремятся распространить свое вліяніе на деревню, и въ книгѣ г. Тотоміанца имѣется нѣсколько статей, посвященныхъ этимъ попыткамъ. Всего менѣе успѣха въ деревнѣ имѣютъ, повидимому, бельгійскіе соціалъ-демократы. На сотни кооперативныхъ учрежденій католическаго характера насчитывается два-три десятка примыкающихъ къ рабочей партіи. Въ бельгійской деревнѣ отразился тотъ же характеръ кооперативнаго движенія, что̀ и въ городѣ. Городская бельгійская кооперація, какъ извѣстно, имѣетъ партійный соціалъ-демократическій характеръ; сельская кооперація приняла характеръ партійно-католическій. Во Фландріи сельско-хозяйственныя общества требуютъ отъ своихъ членовъ признанія религіи, семьи и собственности устоями общества. Въ Валлоніи же къ членамъ крестьянскихъ кооперацій предъявляется требованіе: „ежедневное обязательное Ave, ежемѣсячное собраніе въ церкви, празднованіе дня св. Исидора, патрона батраковъ, каждые три или шесть мѣсяцевъ благословеніе и поученіе передъ собраніемъ“ (стр. 142). Во Франціи авторъ называетъ около десятка соціалистическихъ сельскихъ кооперативовъ, а описываетъ изъ нихъ

пять, находящихся въ винодѣльномъ департаментѣ Героль. Кооперацiи эти возникли (въ текущемъ столѣтiи) подъ влiянiемъ соцiалистовъ; покупателями ихъ вина являются рабочiя потребительныя общества, которыя состоятъ и членами кооператива, и имѣютъ право во всякое время контролировать дѣятельность послѣдняго. Распредѣленiе чистаго дохода основано на демократическихъ началахъ: въ дивидендъ членамъ отчисляется всего отъ 25 до 50%, и распредѣляется эта сумма поровну, независимо отъ количества проданнаго кооперативу вина; деньги на руки не выдаются, а вносятся въ особую кассу. 20% прибыли назначается для пропаганды кооперативовъ и т. д. Кооперативы находятся въ сношенiи съ французскимъ соцiалистомъ Жоресомъ и бельгiйскимъ—Анселемъ.

Большой интересъ французскихъ соцiалистовъ вызвало движенiе винодѣловъ на югѣ Францiи лѣтомъ истекшаго года. Въ этомъ движенiи, въ области съ трехъ-миллiоннымъ населенiемъ, объединились всѣ классы и слои общества, и это выразилось, между прочимъ, прiостановкой съ 10-го iюня дѣятельности всѣхъ южныхъ муниципалитетовъ. Примѣненiе къ волнующимся строгихъ репрессивныхъ мѣръ было парализовано отказомъ части солдатъ стрѣлять въ демонстрантовъ. Одинъ анархистскiй органъ сравнивалъ движенiе винодѣловъ съ парижской коммуной, а марксистъ Лафаргъ заявилъ, что оно подготовляетъ соцiальную революцiю, и назвалъ „сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ-собственниковъ революцiоннымъ классомъ XX столѣтiя, на-ряду съ промышленнымъ пролетарiатомъ". Движенiе винодѣловъ возникло вслѣдствiе крайняго затрудненiя сбыта ихъ вина, благодаря широкому распространенiю дешеваго вина фальсифицированнаго, и парламентъ поспѣшилъ удовлетворить ихъ требованiя, усиливъ наказанiе за фальсификацiю и стѣснивъ продажу сахара. Этими постановленiями, противными, къ тому же, интересамъ сахарной промышленности, вопросъ о винодѣльномъ кризисѣ на югѣ Францiи, очевидно, разрѣшенъ быть не можетъ. Сами винодѣлы, поэтому, подняли вопросъ объ объединенiи сбыта вина цѣлаго района, а соцiалисты горячо ихъ въ этомъ поддерживаютъ и проповѣдуютъ болѣе широкую соцiализацiю промысла до нацiонализацiи виноградниковъ включительно. За эту мѣру высказываются и нѣкоторые жители винодѣльнаго района. Осуществленiе этого, однако, мыслимо лишь въ отдаленномъ будущемъ; нынѣ же „злобою дня" служитъ вопросъ о кооперативной организацiи промысла. „Чтò меня удивляетъ,—пишетъ Жоресъ,—это то, что въ данномъ случаѣ банкротство сельско-хозяйственнаго индивидуализма провозглашается и попытки введенiя кооперацiй въ распыленное производство дѣлаются не соцiалистами и теоретиками, а собственниками, консерваторами и умѣренными... На мой

взглядъ, это—великое событіе въ мірѣ сельско-хозяйственнаго производства... Этотъ моментъ эволюціи, правда, не есть коллективизмъ и не ведетъ обязательно къ послѣднему, но подготовляетъ для коллективистской мысли и дѣйствій средства проникновенія въ форму производства, казавшуюся противной коллективизму“ (стр. 56—57).

О соціалистической сельско-хозяйственной кооперапіи въ Италіи В. Ѳ. Тотоміанцъ даетъ двѣ статьи. Итальянскіе соціалисты приняли дѣятельное участіе въ устройствѣ коллективныхъ арендъ земли. Первыя такія предпріятія относятся еще къ 80-мъ годамъ, но болѣе или менѣе широкое распространеніе коллективная аренда получила въ текущемъ столѣтіи, когда, послѣ стачекъ сельскихъ рабочихъ 1900—1901 годовъ, крупные хозяева сократили наемъ рабочихъ и стали сдавать землю въ аренду сельскимъ съемщикамъ. Въ устройствѣ коллективныхъ арендъ, кромѣ соціалистовъ, принимаетъ участіе и духовенство, причемъ соціалисты агитируютъ и за коллективную обработку арендованной земли. Два года назадъ во всей Италіи насчитывалось 108 товариществъ для коллективной аренды; въ 25-ти случаяхъ, въ двухъ провинціяхъ, арендованная земля подвергалась коллективной же обработкѣ. Большой интересъ въ разсматриваемой книгѣ представляетъ статья о соціалистической коопераціи въ итальянской провинціи Реджіо-Эмилія. „Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ соціалистическіе вожди этой провинціи воспитываютъ крестьянскую и рабочую массу въ духѣ творческаго соціализма, и въ узкихъ предѣлахъ своего края вытѣсняютъ капитализмъ и эксплуатацію массъ“ (стр. 180). Они образовали разнообразныя коопераціи крестьянъ, чернорабочихъ и ремесленниковъ. 425-ть этихъ кооперацій, охватывающихъ большую часть населенія области, объединились и имѣютъ центръ въ видѣ камеры труда. 39-ть артелей землекоповъ и строительныхъ рабочихъ выстроили даже и сами эксплуатируютъ желѣзную дорогу длиною въ 30 километровъ. Кооперативная организація въ данной провинціи охватываетъ производство и потребленіе, устанавливаетъ между ними опредѣленную связь и тѣмъ парализуетъ эгоистическія тенденціи отдѣльныхъ кооперацій. Достигаетъ она этого путемъ подчиненія кооперативныхъ учрежденій организаціи потребителей, въ составъ которой входятъ, конечно, и члены производительныхъ товариществъ. „Рабочій или крестьянинъ—объяснялъ по этому поводу одинъ мѣстный дѣятель—въ качествѣ производителя представляетъ гораздо болѣе узкій интересъ, чѣмъ въ качествѣ потребителя. Въ качествѣ производителя онъ входитъ часто въ конфликтъ съ другими категоріями производителей и съ потребителями. Эти конфликты и антагонизмъ въ рядахъ самихъ трудящихся можно устранить путемъ подчиненія производителей широкой массѣ потребителей. Эту

теорію итальянскіе соціалисты вывели изъ практики своихъ организацій, и все болѣе и болѣе воплощаютъ ее въ жизнь" (стр. 181).

Изъ всего, что̀ мы извлекли изъ интересной книги В. Ѳ. Тотоміанца, собравшаго все, „что̀ сдѣлано соціалистами въ области сельско-хозяйственной коопераціи", читатель можетъ заключить, какъ слабы пока успѣхи соціализма въ западно-европейской деревнѣ. Но выше шла рѣчь лишь о сельско-хозяйственной коопераціи соціалистическаго характера; что же касается участія соціалистовъ въ кооперативномъ движеніи вообще—оно гораздо болѣе широко, чѣмъ можно заключить по вышеприведеннымъ даннымъ. Соціалисты принимаютъ дѣятельное участіе также въ развитіи безпартійной сельско-хозяйственной коопераціи, будучи убѣждены, что распространеніе кооперативныхъ учрежденій облегчитъ водвореніе соціалистическаго строя.

X.

— П. Веніаминовъ. Крестьянская община. СПб. 1908. Ц. 55 к.

Восемь лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ изслѣдованій К. Р. Качоровскаго „Русская община", въ которомъ различныя стороны этого учрежденія предполагалось разсмотрѣть путемъ статистическаго учета соотвѣтствующихъ данныхъ, какъ „единственнаго способа научно-точнаго познанія въ области соціальныхъ явленій". Не довольствуясь многочисленными наблюденіями такъ называемой земской статистики и имѣя въ виду дополнить и обновить собранные ею матеріалы, г. Качоровскій обратился въ волостныя правленія 35-ти губерній съ особой программой, на которую получилъ очень много отвѣтовъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ К. Р. Качоровскаго сосредоточились свѣдѣнія о 90 тысячахъ или почти о третьей части общинъ Европейской Россіи — матеріалъ, достаточный для болѣе или менѣе солидныхъ заключеній по данному предмету. Въ первомъ томѣ изслѣдованія г. Качоровскаго эти матеріалы были, впрочемъ, мало использованы, такъ какъ этотъ томъ посвященъ классификаціи общинныхъ формъ и стадій ихъ развитія и основывался главнымъ образомъ на данныхъ объ эволюціи общины въ Сибири. Слѣдующіе два тома, въ которыхъ долженъ получить примѣненіе статистическій методъ изслѣдованія современнаго положенія общины и ея вліянія на хозяйство и благосостояніе крестьянъ, еще не закончены, и неизвѣстно, когда появятся; между тѣмъ, начавшійся въ послѣдніе годы процессъ переустройства нашего соціальнаго, въ частности, аграрнаго, быта самымъ рѣшительнымъ образомъ выдвигаетъ на аванъ-сцену вопросъ: быть

или не быть общинѣ. Въ освѣщеніи этого вопроса должны, конечно, принять участіе всѣ, кто можетъ сказать что-либо pro или contra, и тѣмъ болѣе не могутъ уклониться отъ такого участія лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена огромная масса неопубликованныхъ матеріаловъ, выясняющихъ весьма важныя стороны предмета. Ближайшее наше будущее характеризуется еще тѣмъ, что въ рѣшеніи различныхъ и наипаче аграрныхъ вопросовъ, не могутъ не принять дѣятельнаго участія широкія массы населенія, уже пробудившіяся отъ вѣкового сна и движеніями своими сотрясающія государство. Задача современной литературы заключается, поэтому, не только въ правильномъ освѣщеніи различныхъ — въ томъ числѣ и общиннаго — вопросовъ, но и въ приданіи ему формы, доступной для читателя изъ народныхъ массъ.

Книжка, указанная въ заголовкѣ этой замѣтки, и есть откликъ г. Качоровскаго на запросы современности, разсчитанный на распространеніе не только среди интеллигенціи, но и въ полуобразованныхъ и народныхъ массахъ. „Пусть поэтому не смущаетъ читателей изъ образованнаго общества упрощенный ея языкъ—говорится въ предисловіи, написанномъ г. Качоровскимъ. — Я твердо поставилъ себѣ цѣлью отнынѣ давать выводы своихъ изслѣдованій сразу и въ „интеллигентной", и вообще доступной формѣ". Нельзя ничего возразить противъ такого рѣшенія, но слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что и популярное, по возможности, научное произведеніе доступно не всякому грамотному, и изданіе разсматриваемаго нами популярнаго труда объ общинѣ не исключаетъ необходимости въ произведеніяхъ на ту же тему, имѣющихъ болѣе общедоступный характеръ.

Мы назвали книжку „Крестьянская община" откликомъ г. Качоровскаго на запросы современности, между тѣмъ какъ составлена она г. Веніаминовымъ. Мы сдѣлали такъ потому, что составлена эта книжка по матеріаламъ, разработаннымъ г. Качоровскимъ (совмѣстно, впрочемъ, съ молодыми его товарищами, къ числу которыхъ принадлежитъ и г. Веніаминовъ), по плану, выработанному авторомъ совмѣстно съ г. Качоровскимъ и подъ редакціей послѣдняго. Содержаніе ея обнимаетъ сущность изданнаго перваго и предположенныхъ двухъ послѣдующихъ томовъ изслѣдованія г. Качоровскаго, а методъ изложенія—тотъ статистическій учетъ фактовъ, о которомъ мы уже говорили.

Трудъ г. Веніаминова начинается ознакомленіемъ читателя съ различными формами землевладѣнія въ Россіи и аграрными воззрѣніями крестьянъ. За этимъ слѣдуетъ схематическій очеркъ исторіи введенія уравнительныхъ передѣловъ, составленный на основаніи данныхъ объ эволюціи общины въ Сибири. Предполагается, слѣдовательно (и не безъ основанія), что складывающіеся на нашихъ глазахъ порядки

землепользованія въ Сибири повторяютъ исторію установленія общиннаго землевладѣнія въ Европейской Россіи. Послѣ этого описываются формы пользованія землею бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ послѣ окончательнаго сложенія общины въ дореформенныя и пореформенныя времена. Этотъ отдѣлъ носитъ описательный характеръ и не заключаетъ ничего новаго (кромѣ отдѣльныхъ примѣровъ) сравнительно съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно изъ различныхъ произведеній г. Качоровскаго и другихъ писателей. Вторая часть книги посвящена вопросу о живучести общественныхъ порядковъ. Здѣсь производится статистическій учетъ общинъ, прекратившихъ и продолжающихъ передѣлы земли (каковыя данныя, касающіяся 87-ми тысячъ общинъ, были уже опубликованы въ другомъ сочиненіи г. Качоровскаго), и на основаніи данныхъ о 14 тысячахъ общинъ разсматривается вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ обнаруживаются въ пореформенное время процессы умиранія общинныхъ распорядковъ и развитія болѣе совершенныхъ системъ разверстки общинной земли. Въ третьей части разсматривается вопросъ о вліяніи передѣловъ на распредѣленіе между домохозяевами общинной земли, вредномъ или благотворномъ вліяніи общины на развитіе сельскаго хозяйства и о значеніи общины, какъ союза для защиты интересовъ крестьянъ и средства воспитанія населенія въ соціалистическомъ духѣ. Здѣсь особенно интересны (и новы) цифровыя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ соотношеніи находятся два факта современной общинной жизни: практика передѣловъ и введеніе, взамѣнъ традиціоннаго трехполья, многопольныхъ сѣвооборотовъ съ посѣвомъ на поляхъ травъ. Данныя, касающіяся московской и владимірской губерній, показываютъ, что въ общинахъ безпередѣльныхъ травосѣяніе примѣняется гораздо рѣже, чѣмъ въ передѣльныхъ. Это значитъ, что оживленіе общинной тенденціи благопріятствуетъ поднятію сельскохозяйственной культуры въ цѣлой общинѣ, охватывающему многоземельнаго и малоземельнаго, умнаго и глупаго, прилежнаго и нерадиваго домохозяина.

Выводы гг. Веніаминова и Качоровскаго изъ ихъ изслѣдованій очень оптимистичны. „Всесторонне разсмотрѣвъ крестьянскую общину, — говорятъ они, — мы рѣшительно отвѣчаемъ на главные вопросы этой книжки:—Жива ли община, сильна ли она, полезна или вредна трудовому крестьянству?—Да, жива, да, сильна, да, полезна" (стр. 259). Съ основаніями же для такого заключенія читатель, надѣемся, ознакомится самъ, такъ какъ разсматриваемый нами трудъ по спорному и, пожалуй, важнѣйшему предмету злободневнаго аграрнаго вопроса, основанный на новѣйшихъ данныхъ съ примѣненіемъ статистическаго метода изслѣдованія, способнаго дать наиболѣе точные отвѣты на коренные вопросы относительно формы владѣнія землею

чуть не сто-милліоннаго населенія,—не можетъ не привлечь вниманія каждаго образованнаго человѣка. — В. В.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Антонъ Крайній (З. Гиппіусъ). Литературный Дневникъ (1899 — 1907). Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Богдановичъ, К.—Матеріалы для изученія раковиннаго известняка Домбровскаго бассейна. Спб. 807. (Трудъ Геологическаго Комитета, новая серія, вып. 35).

Будде, Евг. — Нравственная личность женщины при современномъ общественномъ строѣ. Изд. М. Вольфа. Спб. 908. Ц. 30 к.

Бубновъ, Н. М.—Ариѳметическая самостоятельность европейской культуры. Кіевъ, 908. Ц. 2 р.

Випперъ, проф. Р.—Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв., въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. 2-е изд. М. 908. Ц. 1 р. 20 к.

Волкова, М. М.—Достиженіе красоты путемъ гигіены. Съ 8 рис. и многими рецептами. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Ганкопъ, Н.—Джю-Дзицу. Система физическаго развитія политики у Японцевъ.—Съ франц. А. Г. Спб. 908. Ц. 1 р. 20 к.

Гаринъ, К.—Разсказы, т. V. Ц. 1 р. Спб. 908.

Глинскій, Б. Б.—Борьба за конституцію. 1612—1861. Историч. очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 908. Изд. Н. П. Карбасникова. Стр. 619. Ц. 3 р. 50 к.

Горькій, М.—Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Даумичъ, Ал.—Велѣніе. Пьеса въ одномъ дѣйствіи. М. 908. Ц. 75 к.

Добрынинъ, Б.—Задачи современной интеллигенціи. Спб. 908. Ц. 25 к.

Зарянскій, Л. — Надъ моремъ затихшимъ. — Стихи 1907 года. Спб. 907. Ц. 50 к.

Ивановъ-Разумникъ. — Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и „мѣщанство“ въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I и II. М. 908. Ц. за оба тома 3 руб.

Измайловъ, В.—Цвѣты жизни. Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Генрикъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ, Т. I. Избранныя стихотворенія. Катилина, драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Съ приложеніемъ очерка А. и П. Ганзенъ: Жизнь и литературная дѣятельность Г. Ибсена. Изд. С. Скирмунта. М. 1908. Стр. VII + 604. Ц. 2 р. 20 к.

Коппе, Франсуа.—„Оливы“. — „Романъ Жанны“. Двѣ поэмы въ стихахъ. — Перев. Н. Хвостовъ. Спб. 908. Ц. 75 к.

Корфъ, бар. С. А. — Исторія русской государственности. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Ладыженскій, Вл.—Стихи. Спб. 908. Ц. 1 р.

Лукьяновъ, А.—Стихи. Спб. 908. Ц. 1 р.

Лэзанъ, Ш.—Начатки математики (внѣ всякой программы). Посвящается друзьямъ дѣтей. Съ 97 рис. въ текстѣ. Съ франц. П. Т. Егуновъ. Спб. 908. Ц. 70 к.

Майдановъ, Д., и *Рыбаковъ*, І.—Новый карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ. Од. 908. Ц. 75 к.

Мельгуновъ, С.—Студенческая организація 80—90 гг. въ московскомъ университетѣ (по архивнымъ даннымъ). М. 908. Ц. 50 к.

Мельмгренъ, А. — Василиса Прекрасная. Сказка-пьеса въ 3-хъ д. и 6-ти картинахъ съ апоѳеозомъ. Митава, 904.

——— Желѣзный Гансъ. Сказка-пьеса въ 5-ти д., съ пѣніемъ. Митава, 903. Ц. 65 к.

Милль, Дж. Стюартъ.—Представительное правленіе. Единственный полный переводъ К. Дебу. Спб. 908. Ц. 75 к.

Мережковскій, Д. — Не миръ, но мечъ. Къ будущей критикѣ христіанства. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

——— Вѣчные спутники. Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ. 3-е изд. Спб. 908. Ц. 50 к.

Немировичъ-Данченко.—Марева. Воскресшія были. М. 908. Ц. 1 р.

Н. Б.—Единная радость. М. 908.

Новоплянскій, І.—Дарвинизмъ, или вѣчное упражненіе. Критико-философскія размышленія, въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. Вильно, 907. Ц. 35 к.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. — Московскій Некрополь. Т. II. К = П. Спб. 908.

Переселенковъ, С.—Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Памяти Ф. Неслуховскаго. Спб. 908.

Петрищевъ, А. Триста лѣтъ (1606—1906). Спб. 908. Ц. 50 к.

Поярковъ, Ник.—Стихи. М. 908. Ц. 80 к.

Приаль, Луи.—Воспитаніе и самоубійства дѣтей. Перев. А. Г. Спб. 908. Ц. 1 р.

Радченко, А.—Изъ прошлаго. Стихи. Спб. 908. Ц. 2 р.

Сведенборгъ, Эмман. — Поясненіе первыхъ четырехъ главъ Книги Бытія. Спб. 908. Ц. 70 к.

Сендэрлэнъ, І.—Библія, ея происхожденіе, развитіе и исключительныя свойства. Съ англ., п. р. В. Черткова. М. 908. Ц. 50 к.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, Андрей. — Ближайшія задачи обновленія флота. Спб. 908.

Скиндеръ, Влад.—Протоевропеецъ и Протоаріецъ. Спб. 908.

Стратановичъ, Е.—О мѣдныхъ мѣсторожденіяхъ Богословскаго Горнаго Округа. Спб. 908.

Тарле, Е. — Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ. Историческіе очерки. Ч. I. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Телешовъ, К.—Разсказы, т. II. Ц. 1 р. Спб. 908.

Тесля, С. — Школы Старобѣльскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи, въ 1906—7 году. Спб. 907.

Тимоховичъ, С.—Какой системѣ вентиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе? Спб. 908. Ц. 20 к.

Фридманъ, М. Современные казенные налоги на предметы потребленія. Т. I: Обложеніе спирта, сахара, пива и табаку въ Германской имперіи (1871—1908). Спб. 908. Ц. 3 р.

Фрексенъ, Густавъ.—Среди дикарей. Повѣствованіе Петра Моора о поѣздкѣ

его на юго-востокъ Африки для усмиренія возставшихъ дикарей. Съ нѣм. Н. Ш. Спб. 908.

Форшъ, Ольги.—Рыцарь изъ Нюренберга. Кіевъ, 908. Ц. 75 к.

Фроловъ, В.—Очеркъ забастовочнаго движенія рабочихъ Бакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—1906 гг. Баку 907. Ц. 1 р. 50 к.

Цеемантъ, проф. А.—Введеніе въ электротехнику. Съ нѣм. инж. Н. Вашковъ, п. р. Л. Дрейера. М. 908. Ц. 1 р. 60 к.

Черевковъ, А.—Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга. Въ бурные годы. Романъ. 1866—1877. Спб. 907. Стр. 591. Ц. 2 р.

Шимкевича, В. — Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. Изд. М. Вольфа. Спб. 908. Ц. 30 к.

Щепотьевъ, А.—О нематодахъ и близкихъ къ нимъ группахъ. Съ 13 табл. Спб. 908.

Щаповъ, А. П. — Сочиненія, въ трехъ томахъ, съ портретомъ. Т. III. Съ біографіей Щапова. Спб. 908.

Юшкевичъ, Сем.—Разсказы и пьесы. Т. V. Спб. 908. Ц. 1 р.

Янжулъ, Ив.—Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. 2-е изд. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Brückner, Alexander.—Russlands geistige Entwicklung im Spiegel seiner schönen Literatur. Tübingen, 908.

— Вопросы о колонизаціи. Періодическій Сборникъ, п. р. А. Успенскаго и Г. Чиркина. № 2. Ц. 2 р. 50 к.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. Годъ XI. Харьк. 908.

— Годовой отчетъ (XXXV) Петровскаго Общества вспоможенія бѣднымъ. Спб. 908.

— Дешевая Библіотека Товарищества „Знаніе". № 96. С. Юшкевичъ, Евреи, ц. 30 к.—№ 202. К. Каутскій. Эрфуртская программа, ц. 30 к.—№ 207. Роландъ-Гальстъ. Всеобщая стачка и Соціалъ-демократія, ц. 70 к. — № 208. Виндервельде, Промышленное развитіе и коллективизмъ, ц. 30 к.—№ 263. Крживицкій, Аграрный вопросъ, съ польск., ц. 70 к. — № 274. Лиссагаре, Исторія парижской коммуны въ 1871 г., съ франц., ц. 70 к. — № 286. М. Бебель, Шарль Фурье, его жизнь и ученіе, съ нѣм. ц. 50 к. Спб. 906.

— Докладъ Олонецкой Губернск. Земской Управы 1906 года. Петрозав. 907.

— Дѣло о выборгскомъ воззваніи. Стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ особаго присутствія С.-Петербургской Судебной Палаты 12—18 декабря 1907 г. Спб. 908. Стр. 168. Ц. 50 к.

— Земля. Сборникъ первый. М. 908. Ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской литературы, п. р. С. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсянико-Куликовскаго. Т. I, вып. II. М. 908. — Всего три тома, около 35 вып.; при подпискѣ 2 руб.

— Народное образованіе въ Херсонской губерніи за 1905 г., съ очеркомъ грамотности населенія губерніи по даннымъ всеобщей переписи 1897 г. Херс. 907.

— Отчетъ Олонецкой Губерн. Земской Управы за 1905 и 1906 г. Петрозав. 906.

— Губернскаго Земскаго Собранія. Петрозав. 906.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ. 1904 годъ. Спб. 907.

— Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. — къ Ф. Зорге и др. Съ нѣм. Г. Котляръ и М. Панинъ, п. р. П. Аксельрода. Спб. 908. Ц. 2 р.

— Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 5: Еврейскій вопросъ—Карнеги. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 908.

— Правила и инструкціи по Крестьянскому Поземельному Банку. 1906 г. Спб. 906.

— Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1907 годъ. Книга XVIII. Спб. 907. Ц. 1 р.—Кн. XIX. Ц. 1 р.

— Сборникъ циркуляровъ и распоряженій по Крестьянскому Поземельному Банку. 1883—1902 г. Спб. 904.

— Трудовая помощь въ неурожайныхъ губерніяхъ съ сентября 1906 г. по ноябрь 1907 г. Предварительный отчетъ Главноуправляющаго Ст. Секр. Галкина-Враскаго. Спб. 908.

— Уставъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Съ приложеніемъ постановленій, послѣдовавшихъ по Банку послѣ изданія Устава. Спб. 907.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1908 г.

Трудное международное положеніе Россіи. — Газетные патріоты и балканскій вопросъ.—Причины австро-германскихъ успѣховъ въ Турціи.—Результаты культурной дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ. — Различные методы управленія. — Македонскій кризисъ.—Польскій вопросъ въ Пруссіи.—Англійскія дѣла.

Рѣзкая перемѣна въ положеніи Россіи, какъ великой державы, со времени японской войны, даетъ себя особенно чувствовать въ новѣйшей полемикѣ по поводу балканскихъ дѣлъ. Наши газетные патріоты, повидимому, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ значительности этой перемѣны; они по-прежнему говорятъ о чужихъ народахъ и государствахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто мы можемъ еще грозить могущественнымъ соперникамъ въ Европѣ и Азіи. Самая дешевая и общедоступная форма патріотизма — показывать кулакъ сосѣдямъ и иноплеменникамъ—должна была, казалось бы, исчезнуть изъ нашего обихода, по крайней мѣрѣ на время, послѣ тяжелыхъ уроковъ, полученныхъ на Дальнемъ Востокѣ; но, къ несчастью, сильнѣйшіе удары судьбы проходятъ безслѣдно для людей, неспособныхъ и не желающихъ понимать значеніе совершившихся событій. Вмѣсто того, чтобы раскаяться въ своихъ великихъ грѣхахъ передъ страною, виновники нашихъ бѣдствій продолжаютъ свою старую систему подавленія оппозиціи, преслѣдованія инородцевъ и иновѣрцевъ, обузданія финляндцевъ, поляковъ и кавказцевъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ потрясаютъ оружіемъ для устрашенія внѣшнихъ враговъ. Фразы о „мощи Россіи", о необходимости военныхъ приготовленій противъ Японіи, Турціи, Австро-Венгріи и даже Германіи, вновь повторяются въ нашей патріотической печати; опять затѣваются разорительныя многомилліонныя предпріятія, въ родѣ мнимо-стратегической амурской желѣзной дороги, и самозванные выразители истинно-русскаго народнаго духа откровенно стремятся къ возстановленію и утвержденію того порядка вещей, который довелъ насъ до позорныхъ катастрофъ.

Международное положеніе наше чрезвычайно серьезно и щекотливо; дипломатія должна употреблять всевозможныя усилія, чтобы поддерживать установившіяся политическія связи, предупреждать опасныя усложненія, избѣгать всякихъ ненужныхъ пререканій и замѣша-

тельствъ, устраивать необходимыя соглашенія и приспособлять политику Россіи къ измѣнившимся условіямъ и обстоятельствамъ. Намъ по неволѣ приходится дѣлать уступки, которыя раньше считались немыслимыми или неумѣстными; мы должны проявлять безусловное миролюбіе, и намъ слѣдуетъ еще благодарить судьбу за то, что сосѣднія государства не пользуются нашею слабостью для осуществленія какихъ-либо враждебныхъ плановъ, которымъ мы не въ состояніи были бы оказать надлежащій отпоръ. Что̀ сдѣлали бы мы, если бы Германія и Австро-Венгрія рѣшились соединиться противъ насъ съ цѣлью довершить на нашей западной границѣ дѣло, начатое на азіатскомъ Востокѣ Японіею? Предлогъ для нападенія всегда нашелся бы, и нельзя даже отрицать, что подобная война была бы очень популярна среди прогрессивныхъ классовъ населенія обѣихъ союзныхъ имперій; на Францію трудно было бы намъ разсчитывать при современномъ настроеніи ея господствующихъ парламентскихъ партій, а Англія въ сущности ничего не имѣла бы противъ того, чтобы военная предпріимчивость Германіи направлена была въ сторону суши, а не моря. Въ былое время такая комбинація не представляла бы собою ничего невѣроятнаго, и если она теперь кажется фантастическою, выходящею за предѣлы реальной политики, то этимъ мы обязаны прежде всего современному развитію культурно-экономическихъ отношеній, парализующихъ одностороннее владычество милитаризма.

Политическія завоеванія достигаются и обезпечиваются въ наше время не силою оружія, а средствами культуры, просвѣщенія и сознательной хозяйственной дѣятельности. Наши патріоты возмущаются постепеннымъ подчиненіемъ Балканскаго полуострова фактическому господству Австро-Венгріи и Германіи. Россія жертвовала кровью и скудными достатками своего народа, какъ будто только для того, чтобы очистить австрійцамъ и нѣмцамъ широкій путь къ Балканамъ и Стамбулу. Австро-Венгрія налагаетъ теперь свою руку на область, отдѣляющую Сербію отъ Черногоріи; она собирается провести желѣзную дорогу отъ Сераева до Митровицы, черезъ турецкій санджакъ Нови-Базаръ, чтобы связать свою желѣзнодорожную сѣть съ Константинополемъ и затѣмъ, черезъ Македонію, съ Салониками. Турецкій султанъ предоставилъ австрійскому правительству дѣлать изысканія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ турецкой территоріи, подобно тому, какъ онъ раньше далъ Германіи концессію на сооруженіе желѣзной дороги въ Малой Азіи, до Багдада. Въ Европейской Турціи будетъ хозяйничать Австро-Венгрія, а въ азіатской—Германія. Ближній Востокъ, на который Россія въ теченіе вѣковъ тратила столько силъ и средствъ, все болѣе уходитъ отъ русскаго вліянія и подпадаетъ подъ власть посторонниховъ націй. Не грустный ли это фактъ и не дока-

зываетъ ли онъ коварной непріязненности вѣнскаго кабинета и поощряющей его германской дипломатіи? Не оправдываются ли этимъ тревожные слухи о воинственныхъ замыслахъ Турціи противъ нашихъ малоазіатскихъ владѣній?

Въ дѣйствительности, однако, не было ни малѣйшей надобности ссылаться на чьи-либо коварные замыслы, чтобы объяснить причину вытѣсненія Россіи Австро-Венгріею въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Мы освободили сербовъ и болгаръ отъ турецкаго ига; мы давали имъ своихъ генераловъ и солдатъ и требовали взамѣнъ повиновенія и благодарности, но дождались только глухого неудовольствія и протеста, несмотря на традиціонныя симпатіи туземныхъ народностей къ Россіи и русскимъ. Мы покинули Балканы, оставивъ въ наслѣдіе освобожденнымъ народамъ свои военные порядки; мы не съумѣли закрѣпить старинныя историческія связи съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ, оттолкнули его своимъ высокомѣріемъ и не только не извлекли изъ своихъ побѣдъ никакихъ реальныхъ выгодъ, но еще позаботились усилить положеніе Австро-Венгріи, отдавъ ей даромъ двѣ славянскія провинціи, безъ спроса ихъ жителей. Мы въ короткое время возстановили противъ себя и Болгарію, и Сербію, которыя были безусловно намъ преданы; австрійцы заняли области, вполнѣ имъ враждебныя, и черезъ нѣсколько лѣтъ утвердили надъ ними свою власть, привязавъ къ себѣ населеніе разумною культурною работою для пользы края. Боснія и Герцеговина возродились къ новой жизни подъ опекою Австро-Венгріи; грязные, жалкіе города восточнаго типа, служившіе разсадниками постоянныхъ эпидемическихъ болѣзней, превратились въ благоустроенные культурные центры. Желѣзная дорога сблизила Сераево съ Европою; этотъ недавно еще убогій турецкій городъ пользуется уже съ девяностыхъ годовъ электрическимъ трамваемъ, о которомъ до послѣдняго времени только мечтали въ столицѣ Россійской имперіи. Путешественники, посѣщавшіе Боснію, утверждаютъ, что страна измѣнилась до неузнаваемости со времени занятія ея австрійцами; тридцать лѣтъ тому назадъ иностранцы могли разъѣзжать въ ней не иначе какъ въ сопровожденіи вооруженныхъ стражниковъ, а теперь ѣздятъ тамъ съ такимъ же чувствомъ безопасности, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи. Въ городахъ, гдѣ прежде не существовало другихъ храмовъ, кромѣ мусульманскихъ мечетей, воздвигнуты роскошныя христіанскія церкви, католическія и православныя, а также еврейскія синагоги; повсюду обращаютъ на себя вниманіе школьныя зданія разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, гдѣ обученіе ведется на мѣстномъ языкѣ, безъ всякихъ стѣсненій со стороны администраціи. Равноправность языковъ и религій не только признается въ теоріи, но и соблюдается на практикѣ; въ Сераевѣ и

Травникѣ устроены австрійскимъ правительствомъ образцово обставленныя мусульманскія учебныя заведенія, какихъ нѣтъ и въ Константинополѣ. Основанный въ Сераевѣ народный музей вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность своими замѣчательными этнографическими и археологическими коллекціями; ученые изслѣдователи собрались въ 1895 году на конгрессъ въ Сераево съ разныхъ концовъ Европы, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Вирхова, для изученія мѣстныхъ древностей. Въ Сераевѣ введено выборное городское управленіе, при участіи представителей австрійской власти и подъ ея контролемъ; городской голова и его товарищъ избираются населеніемъ, но утверждаются въ должности правительствомъ; городской совѣтъ состоитъ изъ двадцатичетырехъ членовъ—шестнадцати по выбору и восьми по назначенію. Соотвѣтственно приблизительному вѣроисповѣдному составу населенія, городской совѣтъ долженъ заключать въ себѣ двѣнадцать мусульманъ, шесть православныхъ, трехъ католиковъ и трехъ евреевъ. Зданіе ратуши, по свидѣтельству очевидцевъ, сдѣлало бы честь любому европейскому городу; оно имѣетъ видъ изящнаго дворца, даже черезчуръ богатаго для скромной городской думы, и тѣмъ не менѣе оно вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію городского хозяйства. Представители города старательно слѣдятъ за сохраненіемъ равновѣсія въ бюджетѣ и избѣгаютъ дефицита. Народный банкъ въ Сераевѣ, новый гостиный дворъ, электрическая станція, больницы, школы, фабрики, техническія заведенія для усовершенствованія и развитія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ,—все это плоды австрійской оккупаціи [1]). Несчастная, нищенская, запущенная турецкая область преобразовывается на нашихъ глазахъ въ культурный благодатный край, съ зажиточнымъ населеніемъ, и само собою разумѣется, что прежнее недовѣріе туземныхъ народностей къ „швабамъ" уступаетъ мѣсто уваженію и признательности.

Босняки и герцеговинцы смотрѣли на австрійцевъ какъ на чуждыхъ пришельцевъ; они подчинились имъ только послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія и, слѣдовательно, оставались для нихъ крамольниками, скрытыми врагами,—и однако, австрійская государственная власть не ставила себѣ цѣлью внушить имъ страхъ и трепетъ предъ военною „мощью" своей имперіи, не подавляла ихъ жизни принужденіемъ и насиліемъ, не посылала къ нимъ генералъ-губернаторовъ съ неограниченными полномочіями, не примѣняла противъ нихъ системы произвола и беззаконія, не запугивала суровыми карами и экзекуціями, а взялась добросовѣстно содѣйствовать культурному и умственному развитію страны, какъ подобаетъ сознательному, просвѣщенному пра-

---

[1]) Приводимыя нами свѣдѣнія заимствованы изъ интересной книги г. Станислава Белзы, напечатанной на польскомъ языкѣ въ Варшавѣ въ 1899 году, подъ заглавіемъ: „Nad brzegami Bosny i Narenty".

вительству великой европейской державы. То, что̀ дѣлалось Австро-Венгріею для Босніи и Герцеговины, не было результатомъ расточительности, не причиняло ущерба общимъ имперскимъ финансамъ, а напротивъ, создавало еще новые источники доходовъ государственнаго казначейства. Этотъ культурный методъ управленія прямо противоположенъ тому, который практикуется въ Россіи не только относительно областей съ иноплеменнымъ населеніемъ, но и относительно собственнаго русскаго народа. Русская администрація имѣетъ предъ собою другія цѣли и задачи; для нея важнѣе всего, чтобы ея боялись, чтобы никто не сомнѣвался въ ея могуществѣ, въ ея способности задерживать и заглушать всякое полезное начинаніе, въ ея призваніи препятствовать, преграждать, запрещать, преслѣдовать, а не способствовать умственному и культурному росту населенія. Австрійскіе правители не предлагали народу сначала успокоиться, полюбить начальство, а потомъ ожидать полезныхъ реформъ; они не откладывали своихъ культурныхъ и просвѣтительныхъ мѣръ до того времени, когда босняки и герцеговинцы станутъ благонамѣренными и послушными почитателями австро-венгерской монархіи. Оттого и австрійскій способъ управленія приводитъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ нашъ самобытный анти-культурный методъ: въ Босніи и Герцеговинѣ нѣтъ почвы для народнаго и общественнаго раздраженія, и бывшіе противники власти превратились въ ея друзей, тогда какъ въ русскихъ областяхъ правительство искусственно возбуждаетъ противъ себя недовольство и превращаетъ мирныхъ людей въ крамольниковъ.

Во имя чего же можемъ мы протестовать противъ успѣховъ и завоеваній Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ? Какъ можемъ мы соперничать съ австрійцами и германцами въ сферѣ культурной завоевательной дѣятельности, когда въ предѣлахъ нашей собственной территоріи наша правительственная система способна только отталкивать и раздражать населеніе, создавать конфликты и кризисы, нарушать признанныя права и законные интересы частныхъ лицъ и всего общества? Въ Болгаріи русская оккупація подготовила разрывъ между освободителями и освобожденными и положила начало враждебному намъ суровому режиму Стамбулова; въ Манчжуріи мы удивляли жителей только безумными тратами казенныхъ денегъ, крайней распущенностью нравовъ, отрицаніемъ всякихъ началъ законности и справедливости, и не оставили послѣ себя никакихъ другихъ культурныхъ начинаній, кромѣ роскошныхъ непотребныхъ домовъ и кафе-шантановъ. Культурные, общеполезные способы дѣйствія не входятъ еще въ обычную программу задачъ русской политики, и пока послѣдняя не отреклась отъ безплодныхъ старыхъ пріемовъ устрашенія и пода-

вленія, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо успѣхахъ русской дипломатіи на Балканахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что упадокъ нашего внѣшняго могущества, хотя и временный, значительно облегчаетъ свободную предпріимчивость Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ и лишаетъ насъ даже той небольшой доли вліянія, какую мы сохраняли за собою въ этой области до нашихъ восточно-азіатскихъ увлеченій; но противъ этого неизбѣжнаго послѣдствія нашихъ собственныхъ роковыхъ ошибокъ не помогутъ даже самые краснорѣчивые газетные протесты. Въ отвѣтъ на возраженія нашихъ патріотовъ вѣнская пресса спокойно напоминаетъ намъ, что Россія находится теперь не въ такомъ положеніи, чтобы претендовать на активную роль въ международныхъ европейскихъ дѣлахъ; настроеніе русской печати и русскаго общества, какъ говоритъ не безъ ядовитости „Neue Freie Presse“, можетъ послѣ японской войны имѣть значеніе только по внутреннимъ вопросамъ русскаго государства. По существу ничего нельзя возразить противъ самостоятельныхъ балканскихъ проектовъ вѣнскаго кабинета; съ формальной стороны они также вполнѣ законны, ибо опираются на текстъ одной изъ статей (§ 25) берлинскаго трактата. Но Австро-Венгрія, получившая отъ Турціи концессію на сооруженіе желѣзной дороги отъ боснійской границы до Митровицы, участвуетъ вмѣстѣ съ Россіею въ проведеніи извѣстнаго рода реформъ въ Македоніи, причемъ требуется настойчивое домогательство отъ Порты необходимыхъ уступокъ, нарушающихъ верховныя права султана и потому крайне непріятныхъ ему лично; такимъ образомъ создается фальшивое положеніе, при которомъ вѣнскій кабинетъ не можетъ уже дѣйствовать свободно противъ интересовъ и желаній Турціи во имя международныхъ требованій и обязательствъ, касающихся Македоніи. Австрійская дипломатія, связанная своими спеціальными дѣловыми отношеніями съ турецкимъ султаномъ, фактически теряетъ нравственное право настаивать передъ Портою на организаціи дальнѣйшаго вмѣшательства державъ въ устройство македонскихъ дѣлъ,—и хотя вѣнскій кабинетъ отрицаетъ всякую связь между желѣзнодорожной концессіею и македонскимъ вопросомъ, но для Турціи практическій выводъ совершенно ясенъ: оказавъ существенную услугу той именно державѣ, которая взяла на себя руководящую роль въ международномъ разрѣшеніи македонскаго вопроса, султанъ долженъ чувствовать себя избавленнымъ отъ необходимости соглашаться на какія-либо уступки въ пользу Македоніи. Соглашеніе державъ по этому вопросу разстроилось, и едва-ли удастся возстановить его вновь; Австро-Венгрія и Германія оказываются на сторонѣ Турціи, и ихъ ходатайство за Македонію получаетъ уже невинный характеръ дружественныхъ дипломатическихъ

совѣтовъ, заранѣе разсчитанныхъ на столь же дружественный и вѣжливый отказъ. Русская дипломатія освобождается наконецъ отъ участія въ безцѣльной комедіи мнимаго международнаго заступничества за несчастную страну, терзаемую кровавыми племенными междоусобіями и жестокими военно-турецкими расправами. Устройство международной жандармской полиціи ни въ чемъ не измѣнило безотраднаго внутренняго положенія Македоніи, такъ какъ военная власть и администрація остаются въ рукахъ турокъ, а греческіе и болгарскіе отряды продолжаютъ воевать не только между собою и съ турками, но и съ мѣстными жителями, опустошая ихъ села и жилища.

Британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, въ засѣданіи парламента 25 февраля (нов. ст.) высказалъ мысль, что единственнымъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса было бы назначеніе въ Македоніи генералъ-губернатора по выбору и подъ контролемъ великихъ державъ; но значеніе проекта сильно умаляется оговоркою, что онъ можетъ имѣть шансы на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ принятъ всѣми великими державами, и что отдѣльныя выступленія тѣхъ или другихъ кабинетовъ по этому вопросу были бы нецѣлесообразны. Англія, какъ видно изъ рѣчи сэра Эдуарда Грея, намѣрена пустить въ ходъ свою идею объ особомъ македонскомъ генералъ-губернаторѣ и предложить ее заинтересованнымъ державамъ для обсужденія; однако, смыслъ этой инициативы заключался бы только въ томъ, чтобы покончить съ фальшивымъ европейскимъ концертомъ по македонскому вопросу и заставить державы откровенно признать свои истинныя отношенія къ Турціи. Мысль британскаго министра подверглась безусловно отрицательной критикѣ въ австрійской оффиціозной печати, и такую же неблагопріятную оцѣнку встрѣтила она въ Германіи; доводы оппонентовъ сводятся къ тому, что назначеніе македонскаго правителя великими державами, помимо султана, было бы равносильно для послѣдняго полной потерѣ Македоніи и что на такую потерю Турція никогда не согласится. Проектъ Англіи могъ бы разсчитывать на поддержку Франціи и Россіи, но въ виду рѣшительнаго отклоненія его Австро-Венгріею и Германіею онъ не будетъ оффиціально предложенъ Портѣ отъ имени Европы и останется лишь предметомъ закулисныхъ дипломатическихъ разговоровъ. Группировка державъ относительно Турціи вполнѣ опредѣлилась, и она исключаетъ возможность серьезныхъ коллективныхъ мѣръ для улучшенія судьбы Македоніи, согласно берлинскому трактату. Формальныя права убійственнаго турецкаго режима требуютъ, чтобы обширная, благодатная отъ природы область была мѣстомъ страданій и гибели для безправныхъ обитателей, и просвѣщенныя культурныя націи, руководимыя консервативно-христіанскими правителями, вынуждены равнодушно смотрѣть

на систематическое опустошеніе страны, отданной въ жертву кровожадному безсилію мусульманскаго самодержавія и его многочисленныхъ слугъ и союзниковъ.

Продолжительные споры о проектѣ принудительнаго отчужденія польскихъ земель въ восточной Пруссіи внесли нѣкоторое подобіе жизни въ прусскую „палату господъ". Члены этого тихаго господскаго собранія оживились и заговорили свободнымъ человѣческимъ языкомъ подъ вліяніемъ мысли о посягательствѣ на священныя основы частнаго землевладѣнія. Предложеніе правительства смутило палату, во-первыхъ, тѣмъ, что оно противорѣчитъ статьѣ конституціи, провозглашающей принципъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, и, во-вторыхъ, что оно нарушаетъ другой еще болѣе важный конституціонный принципъ о неприкосновенности частной собственности. Коммиссія палаты старалась, по крайней мѣрѣ, устранить примѣненіе закона къ стариннымъ наслѣдственнымъ владѣніямъ и включила, въ этомъ смыслѣ, дополнительный параграфъ, въ силу котораго могутъ подлежать отчужденію только имѣнія, перемѣнившія своихъ владѣльцевъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ; но правительство энергически возстало противъ этой прибавки, доказывая, что такимъ путемъ общее количество подходящихъ для отчужденія земель сократилось бы до двадцати или тридцати тысячъ гектаровъ, а это количество было бы ужъ слишкомъ ничтожно сравнительно съ національнымъ значеніемъ предпринятой задачи. Съ своей стороны, и палатская коммиссія не сдавалась, и впервые за многіе годы разгорѣлся споръ между правительствомъ и палатою господъ.

Второе чтеніе законопроекта заняло въ палатѣ два засѣданія, 26 и 27 февраля, и отличалось необыкновеннымъ обиліемъ краснорѣчія. Прусскій министръ земледѣлія, фонъ-Арнимъ, усердно защищалъ оффиціальную точку зрѣнія, и приводилъ такія доказательства, которыя шли гораздо дальше цѣли; онъ ссылался на то, что польская нація все еще существуетъ и не отрекается отъ своего существованія, что она все еще мечтаетъ о національной независимости и не можетъ примириться съ своей судьбою, что поэтому поляки представляютъ опасность для Пруссіи въ случаѣ внѣшнихъ осложненій, когда они могутъ увлечься порывомъ къ свободѣ и способствовать расчлененію прусскаго государства, и т. д., — и противъ этихъ великихъ и страшныхъ опасностей предлагается маленькое, ничтожное лекарство, въ видѣ принудительной продажи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ гектаровъ земли изъ польскихъ рукъ въ нѣмецкія. Противъ законопроекта подробно говорилъ графъ Мирбахъ, который между прочимъ указывалъ на неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ проек-

томъ повсюду за-границей; онъ находилъ несправедливымъ и вреднымъ нарушать законныя права и интересы прусскихъ гражданъ-поляковъ во имя нѣмецкой національной идеи, которая никакъ не можетъ выиграть отъ усиленія и обостренія племенной розни внутри государства. Министръ-президентъ князь Бюловъ рѣшительно выступилъ противъ ссылки графа Мирбаха на иностранное общественное мнѣніе и на заграничную прессу; онъ произнесъ на эту тему длинную патріотическую рѣчь, въ которой совѣтовалъ нѣмцамъ проникнуться болѣе спокойнымъ національнымъ чувствомъ и убѣждалъ не отказывать правительству въ „суровыхъ, но дѣйствительныхъ и единственно-цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы противъ польской опасности". Слабость своихъ аргументовъ онъ прикрывалъ на этотъ разъ авторитетомъ Бисмарка, который всегда былъ сторонникомъ боевой внутренней политики относительно поляковъ и непремѣнно одобрилъ бы нынѣшній проектъ, если бы находился въ живыхъ. Бюловъ горячо взывалъ къ палатѣ не уничтожать славныхъ традицій желѣзнаго канцлера. Фельдмаршалъ графъ Гезелеръ ограничился краткимъ заявленіемъ, что какъ военный онъ не можетъ воевать противъ безоружнаго противника. Графъ Шуленбургъ предостерегалъ палату отъ постыднаго преклоненія предъ каждымъ словомъ и проектомъ правительства; палата должна сохранять независимость и свободу сужденій, — иначе она теряетъ подъ собою почву. Министръ финансовъ баронъ Рейнбабенъ пытался повернуть дѣло въ другую сторону: законопроектъ имѣетъ будто бы въ виду только защиту и охрану нѣмецкаго элемента отъ польскихъ посягательствъ, а вовсе не покушеніе на польскія права и интересы ради усиленія нѣмцевъ, — ибо поляки непрерывно расширяютъ свои владѣнія въ восточныхъ провинціяхъ, а нѣмцы не могутъ похвалиться такими же успѣхами.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 27 февраля, обсужденіе вертѣлось около этихъ же сомнительныхъ софизмовъ и азбучныхъ истинъ, среди которыхъ князь Бюловъ всегда съ необычайной ловкостью одерживаетъ свои парламентскія побѣды. Извѣстный экономистъ, профессоръ Шмоллеръ, повторилъ вкратцѣ избитые взгляды нѣмецкихъ националистовъ и настойчиво рекомендовалъ принять законопроектъ, съ ограничительною поправкою, внесенною Адикесомъ, относительно земель, принадлежащихъ церковнымъ, религіознымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Послѣ горячихъ преній, въ которыхъ участвовали еще князь Радзивиллъ, графъ Бота-Эйленбургъ, кардиналъ Коппъ и вторично князь Бюловъ, палата господъ приняла законопроектъ съ поправкою Адикеса большинствомъ 143 противъ 111 голосовъ. Новый продуктъ прусскаго законодательнаго творчества представляетъ собою типическій образчикъ полной безпринципности и мелочно-національ-

наго оппортунизма,—и если онъ причинитъ кому-либо нравственный и политическій вредъ, то скорѣе нѣмцамъ, чѣмъ полякамъ.

Парламентская сессія въ Англіи открылась 29 января чтеніемъ необыкновенно длинной и содержательной тронной рѣчи, въ которой упоминалось и о состоявшемся соглашеніи съ Россіею по азіатскимъ дѣламъ, и о результатахъ второй международной конференціи мира, и о македонскомъ вопросѣ, и о переговорахъ относительно государства Конго, и о третейскомъ судѣ съ Соединенными Штатами по поводу рыболовства у береговъ Ньюфаундлэнда; затѣмъ сообщается о внесеніи десяти законопроектовъ—въ томъ числѣ объ элементарномъ образованіи, о жилищахъ для рабочаго класса, о дополненіи ирландскаго земельнаго билля 1903 года правиломъ о принудительномъ пріобрѣтеніи не арендуемой земли въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ земельной тѣсноты, и др. Пунктъ тронной рѣчи о македонскихъ дѣлахъ даетъ имъ очень рѣзкую и правдивую характеристику, послѣ чего говоритъ о новыхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Англіею султану и великимъ державамъ съ цѣлью ослабить главныя причины печальныхъ неурядицъ; но эти англійскія попытки осуждены на безплодіе, если не будутъ подкрѣплены внушительною военно-морскою демонстраціею, а такая демонстрація по обще-европейскому вопросу едва-ли возможна, при явномъ несочувствіи и несогласіи Австро-Венгріи и Германіи.

Послѣ обычныхъ преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, новый членъ палаты лордовъ, лордъ Керзонъ-Кедлестонъ, бывшій вице-король Индіи, въ засѣданіи 6 февраля, высказалъ разныя критическія замѣчанія о русско-британской конвенціи, которая, по его словамъ, дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ Россіи и слишкомъ слабо гарантируетъ исполненіе обязательствъ и обѣщаній съ русской стороны. Лордъ Кромеръ, бывшій фактическій правитель Египта, поставилъ вопросъ шире, съ точки зрѣнія достигнутаго окончательнаго соглашенія между двумя великими націями, издавна тратившими свои силы и средства на безплодное взаимное соперничество въ Средней Азіи; устраненіе этого постояннаго источника тревожныхъ конфликтовъ и опасностей есть само по себѣ огромная выгода, ради которой можно было допустить нѣкоторыя кажущіяся неправильности въ частностяхъ. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и лордъ Ленсдаунъ, въ засѣданіи 10 февраля; это общее настроеніе формулировалъ и принялъ къ свѣдѣнію ораторъ правительства, лордъ Кру, чѣмъ и закончилось обсужденіе вопроса.

Въ палатѣ общинъ тотъ же вопросъ былъ поднятъ въ засѣданіи

17-го февраля лордомъ Перси, который, одобряя принципъ англо-русскаго соглашенія, напалъ на все реальное содержаніе конвенціи, на ея недостатки и ошибки, какъ по существу, такъ и по формѣ. Смѣлая, но мало обоснованная критика лорда Перси дала сэру Эдуарду Грею матеріалъ для блестящей рѣчи объ истинномъ значеніи конвенціи для настоящаго и для будущаго; министру иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ вождь оппозиціи, Бальфуръ, и въ заключеніе говорилъ министръ по дѣламъ Индіи, Джонъ Морлей. Англо-русское соглашеніе въ принципѣ признается всѣми чрезвычайно важнымъ политическимъ актомъ, одинаково благодѣтельнымъ для обѣихъ сторонъ, и этого общаго заключительнаго вывода нисколько не колеблютъ отдѣльныя возраженія, исходящія отъ оппозиціонныхъ дѣятелей и публицистовъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

F. Vezinet. „Les Maîtres du roman espagnol". Стр. 324. Paris. Libr. Hachette. 1907.

Книга Ф. Везинэ о современномъ испанскомъ романѣ задается цѣлью познакомить съ главнѣйшими представителями литературнаго творчества въ Испаніи. Никакихъ выводовъ и обобщеній авторъ не дѣлаетъ. Онъ называетъ только наиболѣе популярныхъ романистовъ современной Испаніи и передаетъ содержаніе ихъ главнѣйшихъ произведеній. Но такъ какъ Испанія очутилась теперь нѣсколько въ сторонѣ отъ общеевропейской литературной жизни, то и чисто фактическія свѣдѣнія о новыхъ явленіяхъ испанской литературы представляютъ несомнѣнный интересъ.

Везинэ относится съ доброжелательнымъ пристрастіемъ къ изучаемымъ имъ испанскимъ романистамъ и въ предисловіи удивляется, почему во Франціи, гдѣ такъ интересуются за послѣдніе годы иностранной беллетристикой, интересъ читателей сосредоточенъ на русскомъ и отчасти на англійскомъ романѣ, а испанскій сравнительно мало извѣстенъ.

Отвѣтомъ на недоумѣніе защитника испанскаго романа можетъ послужить, однако, его же книга. Онъ знакомитъ съ лучшими литературными именами современной Испаніи, съ тѣми произведеніями, которыя пользуются большой славой на родинѣ авторовъ, — и когда онъ излагаетъ содержаніе, идейные замыслы и цѣли романистовъ, то самъ же показываетъ до чего они въ сущности примитивны и стары. Но онъ правъ, утверждая, что, несмотря на свою идейную отсталость, современная испанская литература представляетъ особый интересъ. Интересъ этотъ, прежде всего, конечно, въ колоритности испанской жизни. Если во всей Европѣ интеллектуальность, идейная работа все болѣе и болѣе покоряетъ бытовую сторону жизни, то Испанія — одинъ изъ рѣдкихъ уголковъ, гдѣ „бытъ" сохранился во всей своей неприкосновенности. Скептическіе интеллигенты всѣхъ странъ заняты созиданіемъ цѣнностей, обгоняющихъ жизнь на очень много впередъ. А затѣмъ жизнь какъ бы становится въ зависимость отъ этихъ идеальныхъ, а иногда фантастическихъ нормъ. То, что, быть можетъ, лѣтъ десять тому назадъ было чисто литературнымъ явленіемъ, связаннымъ отчасти съ философіей Ницше, отчасти съ эстетическимъ

возрожденіемъ во Франціи и въ Англіи, стало теперь жизненнымъ явленіемъ во всей Европѣ. Выросло молодое поколѣніе съ измѣнившимися нравственными идеалами, съ новой психологіей, столь же связанной съ идеей переоцѣнки цѣнностей, какъ, скажемъ, русскіе нигилисты и нигилистки 60-хъ годовъ были связаны съ господствовавшимъ тогда матеріализмомъ. Вотъ эта связь творчества духа съ формами жизни объединяетъ всѣ страны Европы и разрушаетъ въ нихъ неподвижность бытовыхъ традицій. Но есть исключенія изъ общаго правила. Есть страны, которыя продолжаютъ жить бытомъ. Есть Испанія, основныя задачи которой почти не мѣняются въ теченіе долгихъ вѣковъ. Являются новыя политическія задачи, но среди всѣхъ осложненій духовный строй жизни остается тѣмъ же; идейныя нормы не входятъ въ жизнь—и надо всѣмъ торжествуетъ бытъ. Есть въ Испаніи политическія партіи, есть, какъ извѣстно, сильное анархическое движеніе, но оно не связано, какъ въ другихъ странахъ, съ задачами индивидуальной личности, съ воздѣйствіемъ на общественную психологію.

Анархизмъ въ Испаніи политически весьма мало мѣняетъ внутренюю жизнь самой страны. Испанская жизнь теперь, какъ и въ прежніе вѣка, опредѣляется отношеніемъ къ церкви и любовью къ зрѣлищамъ. По-прежнему бои быковъ—главный интересъ населенія. По-прежнему, бытовая сторона, праздники и разные способы убивать время—способы эти различны въ каждомъ уголкѣ Испаніи—заслоняютъ всякіе другіе интересы. Всѣ экономическіе контрасты, колоссальныя богатства и ужасающая нищета ведутъ къ вспышкамъ; отношенія къ церкви тоже часто обостряются, но все это укладывается въ формы традиціоннаго быта, и духовно Испанія остается неприкосновенной, живописной въ своей неприкосновенности. Причины этой косности—очень разнообразныя. Ихъ изучаютъ и о нихъ разсуждаютъ въ достаточной степени и въ самой Испаніи, и внѣ ея, но несомнѣннымъ слѣдствіемъ этой бытовой обособленности является и отчужденность испанской литературы отъ общеевропейской. Поэтому, не слѣдуетъ предъявлять къ ней идейныхъ запросовъ. Она—не на высотѣ современныхъ задачъ. То, что̀ составляетъ интересъ европейскаго романа, развившагося въ значительной степени подъ вліяніемъ русскаго, т.-е. вопросы индивидуальной совѣсти и свободы, вопросы о нравственныхъ нормахъ, о дозволенномъ и недозволенномъ, вопросы объ отношеніи человѣка къ міру, о пріятіи и непріятіи міра—и о всемъ другомъ, связанномъ съ основными проблемами жизни—все это чуждо писателямъ живописной, элементарно-страстной Испаніи. У нея—свои задачи: борьба между чувствомъ и велѣніями церкви, добродѣтель, понимаемая въ самомъ элементарномъ смыслѣ, и судьба людей, пренебрегающихъ ея завѣ-

тами. Общая формула современнаго испанскаго романа сводится къ тому, что въ психологическихъ романахъ разсматривается душевная борьба между мірскими соблазнами и церковнымъ вліяніемъ, а въ общественныхъ—на первомъ планѣ изображеніе главной язвы испанской жизни—клерикализма и связанной съ нимъ нищеты народныхъ массъ.

Но и тѣ и другіе имѣютъ общій фонъ: испанскую жизнь съ ея красочностью, съ ея любовью къ улицѣ, шумное веселье толпы, живописные нравы, сохраняющіеся во всей своей неприкосновенности отъ поколѣнія къ поколѣнію. Эта пестрота и даже нѣкоторая театральность жизни испанскихъ городовъ сообщаетъ современному испанскому роману, отражающему дѣйствительность, особую черту—экзотичность. Европейскій романъ, представленный великими его созидателями въ Россіи, во Франціи, въ Англіи, имѣетъ общечеловѣческій характеръ, не нарушаемый національными чертами каждаго изъ нихъ. Испанскій романъ, въ противоположность имъ, настолько стѣсненъ обособленностью національнаго быта и національной духовной жизни, что становится экзотичнымъ, т.-е. стоитъ внѣ идейнаго строительства европейской мысли. „Проблемы“ испанскихъ романистовъ—давно рѣшены въ литературѣ другихъ странъ,—и новаго отношенія къ вѣковымъ вопросамъ испанской жизни—клерикализму и пауперизму—никто изъ самыхъ выдающихся и передовыхъ испанскихъ писателей не устанавливаетъ.

Везинэ разсматриваетъ въ своей книгѣ именно такихъ современныхъ испанскихъ романистовъ, имена которыхъ извѣстны и за предѣлами ихъ родины. Таковы: старый писатель Пересъ Гальдосъ, очень извѣстные Хуанъ Валера и Палаціо Вальдесъ; затѣмъ, писательница Пардо Базанъ, извѣстная не только своими романами, но также критическими и публицистическими работами. Наиболѣе популярному изъ современныхъ представителей общественнаго романа въ Испаніи, Бласко Ивапьесу, Везинэ посвящаетъ большую главу въ своей книгѣ, разбирая въ отдѣльности каждое изъ его наиболѣе крупныхъ произведеній. Онъ заканчиваетъ свой очеркъ разборомъ двухъ пьесъ знаменитаго стараго испанскаго драматурга Эчегераи, причисляя и его къ наиболѣе яркимъ изобразителямъ испанской дѣйствительности.

Эти имена не исчерпываютъ современную испанскую литературу. Въ Испаніи славятся имена болѣе молодыхъ драматурговъ, чѣмъ Эчегераи. Очень извѣстенъ, напримѣръ, Русильонъ, авторъ мистической драмы „El Santo“; еще болѣе популяренъ авторъ пьесы „Злодѣи благотворительности“ (Los Malechores del Bien). Въ числѣ романистовъ есть послѣдователи новѣйшихъ французскихъ теченій. Но все-таки авторы, разобранные въ книгѣ Везинэ, наиболѣе цѣнны для ха-

рактеристики литературной атмосферы Испаніи. Везинэ справедливо называетъ всѣхъ этихъ романистовъ, съ Пересъ Гальдосомъ и Власко Иваньесомъ во главѣ, представителями испанскаго натурализма, разбившими традиціи прежняго условнаго романтизма для того, чтобы вступить на путь изображенія реальной жизненной правды. Съ нашей точки зрѣнія этотъ реализмъ или даже, по опредѣленію Везинэ, натурализмъ — очень невыдержанный. Въ большинствѣ романовъ Гальдоса и даже болѣе современнаго Иваньеса фабула часто имѣетъ мелодраматическую окраску, характеры часто приближаются къ романтическимъ шаблонамъ. Эти недостатки отмѣчаетъ и Везинэ. Но все же онъ настаиваетъ на реалистическомъ характерѣ разбираемыхъ имъ произведеній, потому что въ нихъ объективно выведенъ антагонизмъ между церковной властью и свѣтской культурой, вліяющей на развитіе индивидуальнаго чувства свободы. Натуралистическій романъ въ Испаніи, начало котораго Везинэ ведетъ отъ Гальдоса, сталъ объективно относиться къ наличности двухъ силъ въ испанской жизни, а потомъ, въ особенности, въ лицѣ Иваньеса, сталъ открыто обличать темную силу клерикализма.

Итакъ, во главѣ натуралистическаго (понимая это слово въ испанскомъ, а не въ французскомъ значеніи словъ) романа въ Испаніи стоитъ старый писатель Пересъ Гальдосъ. Онъ безконечно далекъ отъ смѣлости французскаго натурализма, также какъ далеки отъ него болѣе молодые писатели и даже прямые послѣдователи французскаго романа. Во всемъ современномъ испанскомъ романѣ, напримѣръ, не поднимается вопросъ о супружеской невѣрности—или же, если и задѣвается, то лишь въ его психологическихъ послѣдствіяхъ. „Адюльтеръ" французскаго романа не проникъ въ Испанію, т.-е. въ испанскую литературу. Тутъ ужъ сказалась католическая дисциплина, пріучающая къ показной скромности. Даже Пардо Базанъ, выступившая первой съ „адюльтерными" темами въ испанскомъ романѣ, никогда не допускаетъ вольныхъ описаній на страницахъ своихъ произведеній, а обходитъ намеками рискованныя положенія. Испанскіе нравы слишкомъ проникнуты вѣковымъ ханжествомъ, чтобы заразиться примѣромъ французской литературы. Возможенъ анархизмъ въ политикѣ—Испанія всегда была царствомъ сладострастія и крови, серенадъ и боевъ быковъ, бѣшеныхъ хороводовъ—la delirante jota—и быстрой расправы „навахой". Но испанскіе будни протекаютъ въ благочестіи и смиреніи. Эта маска сдѣлалась привычнымъ лицомъ, и нескромное слово—большій грѣхъ, чѣмъ ударъ ножомъ въ минуту страсти. Испанскіе писатели, при всемъ реализмѣ въ изображеніи испанской жизни, не вводятъ натуралистическій стиль въ свои романы.

Говоря о произведеніяхъ Переса Гальдоса, Везинэ опредѣляетъ наи-

болѣе характерный его романъ—„Донья Перфекта"—формулой: „Испанія и клерикализмъ". И въ сущности это опредѣленіе примѣнимо не только къ одному роману Переса Гальдоса, но почти ко всему современному реалистическому роману въ Испаніи. Въ „Доньѣ Перфектѣ" изображено роковое столкновеніе между старой традиціонно-религіозной Испаніей и проникающимъ въ страну „новымъ духомъ". Богатая старая вдова, донья Перфекта—представительница старой Испаніи; ея молодой племянникъ, инженеръ, учившійся въ Англіи и Германіи—носитель „новаго духа", попавшій въ провинціальную среду. Молодой инженеръ влюбляется въ дочь вдовы, и мать ничего бы не имѣла противъ брака, если бы не оказалось, что молодой Пеппе исповѣдуетъ еретическіе взгляды. Достаточно разговора молодого человѣка съ духовникомъ старой доньи Перфекты, чтобы она навсегда возненавидѣла племянника. Вотъ положеніе, напоминающее старыя бытовыя драмы хотя бы нашего Островскаго. Молодыхъ влюбленныхъ преслѣдуютъ слѣпые самодуры. Но событія принимаютъ болѣе трагическій оборотъ въ условіяхъ испанской жизни. Донья Перфекта не только запираетъ свою дочь, но требуетъ отъ племянника, чтобы онъ оставилъ городъ. Пеппе не соглашается. Происходитъ борьба двухъ людей съ одинаково сильной волей, и побѣждаетъ сильная своимъ религіознымъ фанатизмомъ донья Перфекта. На сторонѣ церкви всегда имѣются таящіеся въ тѣни ревнители, готовые ударомъ ножа избавить отъ вольнодумца. Имъ вдова выдаетъ племянника въ минуту гнѣва. По ея знаку его убиваютъ. Ходятъ слухи, что онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, и только вдова и ея духовникъ знаютъ правду. Молодая дѣвушка сходитъ съ ума.

Конечно, обработка сюжета можетъ показаться крайне мелодраматической. Но въ томъ-то и заключается указанная выше экзотичность испанскаго романа, что онъ отражаетъ совершенно своеобразные законы жизни, отражаетъ дѣйствительность, въ которой все стихійно, все доходитъ до крайнихъ предѣловъ напряженія. Населеніе доходитъ до фанатизма въ своей приверженности къ церкви, которая пользуется всѣми средствами, чтобы утвердить свою власть надъ суевѣрными умами. Донья Перфекта—типичный образчикъ фанатизма, не останавливающагося передъ преступленіемъ. Племянникъ ея въ своей борьбѣ противъ „темнаго царства", въ своей вѣрѣ въ науку и прогрессъ, также доходитъ до послѣдняго напряженія воли, и борьба за любимую дѣвушку сливается для него съ борьбой за освобожденіе отъ ига церкви. Онъ гибнетъ въ этой борьбѣ, потому что въ Испаніи не мыслима чисто идейная борьба. Люди живутъ, страдаютъ и борются не въ тиши своихъ комнатъ, какъ сѣверные Фаусты. Они вы-

носятъ свои страсти на улицы и площади или же шепчутся о нихъ въ исповѣдальняхъ. И катастрофы обусловливаются ударомъ ножа.

„Донья Перфекта"—старый романъ Переса Гальдоса, но та же тема о борьбѣ между религіознымъ фанатизмомъ и современной культурой изображена въ двухъ драмахъ Переса Гальдоса: „Электра" и „Маріуча". Въ первой изъ нихъ отецъ дѣвушки, мать которой вела грѣшную жизнь, но умерла раскаявшись, хочетъ, чтобы дочь искупила вину матери и отдалась Богу—ушла въ монастырь. Но дѣвушку спасаетъ любовь къ молодому ученому. Отецъ ея въ ужасѣ оттого, что человѣкъ ученый, т.-е. еретикъ, похитилъ любовь, которую дѣвушка должна была посвятить только Богу. Драма заключается въ томъ, что отецъ хитростью заманиваетъ Электру въ монастырь, но она оттуда спасается. И тутъ опять сюжетъ, который былъ бы романтичнымъ у писателя всякой другой страны, становится реальнымъ у испанскаго писателя, потому, что онъ отвѣчаетъ испанскому духу и испанской дѣйствительности.

Вторая драма Переса Гальдо́са, „Маріуча", изображаетъ тотъ же антагонизмъ старой и новой Испаніи. Старикъ маркизъ и его жена вѣрны традиціямъ кастовой чести и предпочитаютъ нищету унизительному въ ихъ глазахъ труду. Ихъ дочь Маріуча и молодой обѣднѣвшій аристократъ, котораго она любитъ, возстановляютъ благосостояніе семьи тѣмъ, что смѣло отбрасываютъ предразсудки и берутся энергично за производительный трудъ. Молодая парочка воплощаетъ принципъ спасительнаго труда, побѣждающаго косность вымирающей въ тупыхъ предразсудкахъ старой Испаніи. И эту тему, конечно, слѣдуетъ судить не съ общеевропейской, а съ чисто испанской точки зрѣнія. Принципъ „почтенности труда" отстаивалъ уже Скрибъ въ своей довольно наивной пьесѣ: „Doigts de fée". Теперь едва-ли бы нужно уже было доказывать даже во Франціи, что представители старинныхъ родовъ могутъ, безъ ущерба для сословной чести, принимать участіе въ промышленной жизни страны. Принципъ почетности труда приходится отстаивать только въ одной Испаніи. Тамъ это все еще очередной вопросъ. Стоитъ понаблюдать даже иностранцу за испанской жизнью тамъ, гдѣ собирается мадридское общество, чтобы видѣть, какъ живы еще предразсудки аристократизма, сколько замкнутой гнѣвной косности въ странѣ, гдѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо бросаются въ глаза контрасты крикливой торжествующей роскоши и мрачной, придавленной гнетомъ церкви, нищеты.

Связь нищеты съ клерикализмомъ, съ властью церкви, которая въ Испаніи борется съ просвѣщеніемъ и намѣренно поддерживаетъ невѣжество въ странѣ, чтобы держать народныя массы въ повиновеніи—эту связь Пересъ Гальдосъ, какъ послѣ него Иваньесъ, раскрываетъ

съ полной ясностью и убѣдительностью въ „Доньѣ Перфектѣ" и потомъ въ названныхъ драмахъ—и въ этомъ заслуга его произведеній. Кромѣ того, романы Гальдоса интересны типичностью выведенныхъ въ нихъ характеровъ. Типъ пламенной фанатички, защищающей старыя испанскія традиціи противъ новаго духа, противъ вторженія еретической разрушительной мысли, изображенъ съ большой яркостью въ лицѣ доньи Перфекты. Болѣе слабы представители новаго духа. Инженеръ Пепе и молодая дѣвушка, дочь доньи Перфекты, болѣе условны въ своемъ идеализмѣ. Но такова судьба всякихъ отвлеченныхъ замысловъ. Донья Перфекта болѣе связана съ корнями національной жизни,—и художникъ-реалистъ смогъ изобразить ее яркими красками. А Пепе, „боецъ за невѣдомое будущее"—болѣе сомнителенъ. Онъ, можетъ быть, существуетъ въ дѣйствительности, но, можетъ быть, созданъ скорѣе желаніями автора, стремящагося къ тому, чтобы проникла струя живой воли въ темное царство. Онъ поэтому блѣднѣе и туманнѣе.

Умѣнье Переса Гальдоса изображать живые характеры проявилось въ его романахъ, гдѣ общественная тенденція не такъ ярко проступаетъ, какъ въ „Доньѣ Перфектѣ"—напримѣръ, въ его нѣсколькихъ романахъ, посвященныхъ изображенію человѣка, одержимаго скупостью. Эти три романа: „Torquemada en la Cruz", „Torquemada en el Purgatorio" и „Torquemada y San Pedro" даютъ какъ бы новое воплощеніе скупца, геніально возсозданнаго въ Гарпагонѣ Мольера и Грандэ Бальзака. Пересъ Гальдосъ даетъ новое воплощеніе того же типа, когда скупость, т.-е. желаніе не разставаться съ накопленнымъ, смѣняется въ современной жизни жадностью, т.-е. страстью къ все большей и большей наживѣ, такъ что прежній скупецъ теперь становится смѣлымъ спекуляторомъ, живущимъ очень широко, дѣлающимъ безумства съ точки зрѣнія Гарпагона и Грандэ—и все же ихъ роднаго брата по своимъ цѣлямъ, по своему равнодушію къ пользованію благами жизни, равнодушіемъ ко всему, кромѣ самаго факта накопленія богатствъ.

Власко Иваньесъ, несомнѣнно,—самый популярный изъ современныхъ испанскихъ романистовъ и заслуживаетъ свою извѣстность и на родинѣ, и за ея предѣлами серьезностью общественныхъ вопросовъ, которые онъ затрогиваетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ съ молодости обнаруживалъ рѣзкія республиканскія убѣжденія, подвергался преслѣдованіямъ и тюремному заключенію, былъ депутатомъ, стоитъ во главѣ большой республиканской газеты и проявляетъ въ непосредственной дѣйствительности воинственный духъ, которымъ онъ надѣляетъ героевъ своихъ романовъ. Всѣ его герои стремятся подняться выше своей среды, покорить себѣ жизнь. Иногда это мелкіе мѣщане,

которые создають себѣ положеніе въ обществѣ; иногда, какъ въ „Flor de Mayo", простой рыбакъ побѣждаетъ судьбу и людей и достигаетъ своей—правда, не высокой въ нравственномъ смыслѣ—цѣли. Онъ хочетъ быть богатымъ—и прибѣгаетъ къ самому популярному средству разбогатѣть—дѣлается контрабандистомъ. Это ремесло не считается безчестнымъ, потому что оно требуетъ большой личной храбрости. Рыбакъ Иваньеса обладаетъ храбростью—и достигаетъ цѣли. Достигаетъ цѣли и храбрый земледашецъ въ „La Barraca", который, наперекоръ всѣмъ, берется обработывать „проклятую землю". Сила воли и сила труда храбраго крестьянина побѣждають всѣ препятствія. Герой „Canas у Barro" тоже идетъ противъ отца и становится землепашцемъ, въ то время какъ вся семья его занимается рыбнымъ промысломъ, и въ глазахъ отца его трудъ землепашца—унизительный. Въ борьбѣ противъ отца и противъ обстоятельствъ онъ укрѣпляетъ свою волю, храбро переноситъ лишенія въ настоящемъ и полонъ вѣры въ будущее.

Въ дальнѣйшихъ романахъ Иваньеса горизонтъ его героевъ расширяется. Это уже не борцы за личное благополучіе, а идейные борцы, отстаивающіе свои убѣжденія цѣной величайшихъ жертвъ,—иногда цѣной жизни. Таковъ герой одного изъ лучшихъ романовъ Иваньеса, „Толедскій соборъ". Онъ—революціонеръ, испытывающій на себѣ весь ужасъ клерикализма, искажающаго всѣ инстинкты, всѣ чувства людей, которые приходятъ въ близкое соприкосновеніе съ испанской церковью, занятой исключительно стяжательствомъ, заражающей своимъ злобнымъ духомъ все окружающее. Слѣдующій романъ, „El Intruso", рисуетъ борьбу іезуитскаго вліянія съ свободомысліемъ—и побѣда на сторонѣ послѣдняго, которому удается разбудить народъ отъ умственной спячки. Таковы и нѣсколько другихъ романовъ Иваньеса: „La Botega", „La Horda", въ которыхъ авторъ разработываетъ политическія и общественныя темы, защищая принципы равенства, обличая несправедливость современнаго общественнаго строя. Иваньесъ во всѣхъ этихъ романахъ изображаетъ вспышки справедливаго возмущенія, революціонные заговоры, но въ качествѣ реалиста, изображающаго не свои мечты, а дѣйствительность, онъ показываетъ, какъ быстро полиція справляется со всѣми этими безсильными протестами меньшинства. Разработку общественныхъ темъ Иваньесъ связываетъ съ правдивымъ изображеніемъ нравовъ, преимущественно рабочей среды. Въ общемъ, Иваньесъ—наиболѣе правдивый изъ испанскихъ реалистовъ, наиболѣе серьезный въ выборѣ сюжетовъ и наиболѣе вѣрно отражающій испанскую дѣйствительность. Въ произведеніяхъ Переса Гальдоса, какъ его историческихъ эпопеяхъ изъ прошлаго Испаніи, такъ и въ его современныхъ романахъ, есть большая при-

мѣсь мелодраматическаго элемента, который почти совсѣмъ отсутствуетъ въ романахъ Иваньеса. Онъ чутко относится къ живописности испанскихъ нравовъ, изображаетъ ихъ очень живо и ярко, но мелодраматическихъ эффектовъ, которыхъ такъ много въ произведеніяхъ другихъ его соотечественниковъ, онъ тщательно избѣгаетъ.

Везинэ передаетъ вкратцѣ содержаніе главнѣйшихъ романовъ тоже популярнаго, но гораздо менѣе интереснаго въ литературномъ отношеніи романиста, Хуана Валеры, соединяющаго дипломатическую карьеру съ писательской дѣятельностью. Валера—авторъ очень популярнаго романа, „Пепита Хименесъ"—исторіи молодой дѣвушки, которую сначала выдаютъ за старика, а послѣ смерти его—снова хотятъ выдать за очень пожилого, но богатаго человѣка. Судьба на этотъ разъ, однако, къ ней благосклонна—и она выходитъ не за старика, а за его сына. Трудно понять, что̀ въ такомъ сюжетѣ могло создать успѣхъ роману—успѣхъ такой, что авторъ долго боялся выпускать въ свѣтъ еще что-нибудь, боясь, что такого успѣха, какъ „Пепита", новая книга уже не достигнетъ. Оказывается, что успѣхъ „Пепиты" созданъ былъ реализмомъ романа—сомнительнымъ на взглядъ всякаго не-испанскаго читателя. Долгое время въ испанской литературѣ царила такая романтическая условность, что романъ, гдѣ изображалась жизнь въ простой, наблюденной, трезвой правдѣ, казался революціоннымъ. Влюбленные въ романѣ Валеры встрѣчаются при самыхъ обыденныхъ обстоятельствахъ, а не при исключительныхъ совпаденіяхъ случайностей, не среди урагана и т. п.,—и это было уже новаторствомъ. Валера въ этомъ своемъ романѣ и въ дальнѣйшихъ интересенъ именно какъ писатель переходной поры—отъ условнаго романтизма къ наблюденію живой дѣйствительности. Другой изъ менѣе извѣстныхъ романистовъ, упомянутыхъ въ книгѣ Везинэ, Хозэ Марія де-Переда—сторонникъ старой Испаніи и старыхъ традицій. Напротивъ того, извѣстная романистка Пардо Базанъ—крайняя сторонница французскаго натурализма, который она, однако, ухитряется соединять съ католическими традиціями.

Въ общемъ, Везинэ знакомитъ со многими положительными сторонами современнаго испанскаго романа, но все же ясно показываетъ, что, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, идейно испанскій романъ отстаетъ отъ общеевропейскаго.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1908.

Штрихи общественнаго настроенія.—Еще о партійности и партійной розни.—Предстоящіе выборы одного депутата въ Петербургѣ.—Октябристское творчество: проектъ земскаго избирательнаго закона. — Земскія ассигнованія на полицію и новый циркуляръ о земскихъ ходатайствахъ.—Запросъ въ Думѣ о пріемахъ политическаго сыска.—А. И. Эртель †.

Какъ для движенія впередъ необходимъ и характеренъ подъемъ общественнаго настроенія, такъ тѣсно связано съ реакціей паденіе тона настроенія общества. Поэтому процессъ развитія реакціи всегда идетъ медленно и, сравнительно съ процессомъ развитія прогрессивнаго движенія, малозамѣтно. Въ процессѣ развитія реакціи нѣтъ и не можетъ быть ни яркихъ явленій, ни кричащихъ фактовъ, по которымъ можно было бы судить въ каждый данный моментъ о быстротѣ наростанія реакціонныхъ тенденцій. Только оглядываясь назадъ и сопоставляя картину переживаемаго съ картиной недавно пережитого, можно подмѣтить признаки роста общественной апатіи и подавленности духа — этихъ необходимыхъ предпосылокъ реакціи и ея показателей.

Петербургъ какъ будто забылъ политику и веселится. Въ высшемъ свѣтѣ—балы, рауты, обѣды и любительскіе спектакли. Среднее чиновничество и купечество ежедневно наполняютъ концерты и театры. Танцы Дунканъ имѣютъ колоссальный успѣхъ. Фарсъ и оперетка процвѣтаютъ. Для уличной толпы — на каждомъ шагу кинематографы, біофоны и иллюзіонъ-театры съ горящими разноцвѣтными огнями зазывающими вывѣсками. Съ другой стороны, тиражъ политическихъ органовъ печати упалъ чуть не на половину. Въ мелкой прессѣ вновь возродились отдѣлы „въ свѣтѣ", „среди артистовъ" и т. п. и каждый день стали печататься уголовные романы. О Государственной Думѣ не говорятъ и ею не интересуются. Точнѣе—интересуются ею, какъ ареной партійныхъ безтактностей и грубыхъ выходокъ представителей правыхъ политическихъ теченій, но отнюдь не по содержанію ея дѣятельности. Дума осудила терроръ—и это не обратило на нее ни малѣйшаго вниманія. Дума собирается открыть походъ противъ Финляндіи—и это не вызываетъ шумныхъ толковъ. Въ Думѣ запросомъ

В. А. Маклакова обнаружена и фактически раскрыта цѣлая система провокаціонныхъ дѣйствій низшихъ агентовъ правительства--объ этомъ поговорили и забыли. Крайніе правые, съ союзомъ русскаго народа во главѣ, требуютъ роспуска Думы—и это не встрѣчаетъ ни въ комъ ни замѣтной горести, ни замѣтной радости... Однако, какъ въ политическомъ индифферентизмѣ, такъ и въ чрезмѣрности веселій и зрѣлищъ, чувствуется, что Петербургъ не столько забылъ политику и мучительно-больные политическіе и соціальные вопросы, сколько старается ихъ забыть. Если ближе приглядѣться къ самому себѣ и къ окружающимъ, то невольно бросится въ глаза какая-то искусственность и въ индифферентизмѣ, и въ стремленіи къ веселью.

Молодежь всегда и во всемъ экспансивна, и по ней всего легче наблюдать общественное настроеніе. Она тоже отошла отъ политики и тоже веселится: передъ постомъ была цѣлая полоса студенческихъ баловъ. Молодежь посѣщаетъ лекціи, усердно держитъ экзамены. Молодежь говоритъ о культурной работѣ и объ искусствѣ, въ которомъ страстно ищетъ новыхъ формъ, новыхъ словъ и новыхъ звуковъ. Но дѣйствительно ли все это составляетъ для нея содержаніе жизни, или только внѣшнюю оболочку, въ которой она хочетъ найти бодрящее дѣло и бодрящія мысли, дабы имѣть исходъ для подавленнаго душевнаго состоянія? На насъ произвело тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ большое впечатлѣніе напечатанное недавно въ газетахъ воззваніе „къ одинокимъ“.

Воззваніе составили нѣсколько курсистокъ и вывѣсили въ университетѣ. Составительницы приглашали одинокихъ, кому „некуда идти“, приходить къ нимъ, безъ зова, не стѣсняясь незнакомствомъ. Онѣ обѣщали безпретенціозный разговоръ, скромную студенческую комнату и кипящій самоваръ. Если такое воззваніе появилось, то, значитъ, среди молодежи есть страхъ одиночества,—значитъ, и въ молодежь проникла та апатія, при которой одиночество чувствуется, давитъ и страшитъ. Что̀ можетъ быть ужаснѣе состоянія духа, формулируемаго словами: „мнѣ некуда идти“? Эта формула, по заключающемуся въ ней смыслу, гораздо сложнѣе, нежели выражаютъ слова. Когда человѣкъ говоритъ, что ему некуда идти, онъ уже раньше сказалъ себѣ: „я не хочу оставаться одинъ“, „я не хочу и не могу ничего дѣлать“, „я хочу уйти отъ себя“, „я ни въ комъ и нигдѣ не найду того, что̀ встряхнуло бы меня и разогнало мои мрачныя мысли“. Отъ этого состоянія духа—одинъ шагъ до самоубійства.

И число случаевъ самоубійствъ, дѣйствительно, сдѣлалось поражающимъ. За 4-е февраля въ Петербургѣ зарегистровано девять оконченныхъ самоубійствъ и покушеній; за 6-ое—восемь; за 17-ое—пять. То же самое приходится читать каждый день. Въ „Руси“ (№ 40)

были приведены данныя о числѣ самоубійствъ въ Петербургѣ за послѣдніе четыре года, собранныя извѣстнымъ психіатромъ, М. Н. Нижегородцевымъ. Въ 1904 г., всѣхъ самоубійствъ и покушеній на самоубійства было 419, въ 1905 г.—354, въ 1906 г.—532, въ 1907 г.—796. По сравненію съ 1905 годомъ, число самоубійствъ болѣе чѣмъ удвоилось. Цѣнность собственной жизни въ два раза понизилась! Есть надъ чѣмъ призадуматься...

Впрочемъ, и въ переживаемое безвременье, нѣтъ-нѣтъ да и случится натолкнуться на отрадное явленіе. Отъ членовъ первой Думы, осужденныхъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи и подавшихъ кассаціонную жалобу, петербургская судебная палата потребовала представленія залоговъ — съ большинства по 500 рублей, съ нѣкоторыхъ по 100. Какъ потомъ оказалось, для этой цѣли комитетомъ партіи народной свободы заранѣе была заготовлена необходимая сумма денегъ. Но объ этомъ почти никому не было извѣстно. А между тѣмъ съ представленіемъ залоговъ нужно было спѣшить, ибо въ противномъ случаѣ невнесшимъ грозило немедленное лишеніе свободы. Тогда въ одной изъ петербургскихъ газетъ былъ напечатанъ призывъ къ тѣмъ, кто избирали членовъ первой Думы. Несмотря на то, что призывъ появился въ воскресенье, т. е. въ день, когда банки и другія мѣста обычнаго храненія денегъ были заперты, и несмотря также на то, что въ газетѣ не было указано, кто и гдѣ принимаетъ деньги, авторъ призыва къ вечеру уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи шестнадцать тысячъ рублей. Ему принесли свои сбереженія офицеръ, купецъ, врачъ, почтальонъ. Онъ получилъ обѣщанія, что на завтра будутъ доставлены десятки тысячъ рублей. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы онъ на другой же день не объявилъ, что залоги уже внесены, то общественный сборъ въ самый короткій срокъ далъ бы сумму, во много разъ превышающую потребованную палатой. Значитъ, то настроеніе общества, въ которомъ производились выборы членовъ первой Думы, еще несовсѣмъ вытравлено репрессіями и партійной рознью...

Мы нѣсколько разъ писали о партіяхъ, партійности и о партійной розни. И теперь, когда всѣ ожиданія полнаго и скораго обновленія формъ и содержанія государственно-общественной жизни готовы обратиться въ призрачный сонъ, не можемъ не сказать, что преждевременная дифференціація общественныхъ силъ принесла дѣлу колоссально-большой вредъ. Говорятъ, что партійная дробность свидѣтельствуетъ о политической зрѣлости общества. Едва-ли съ этимъ можно согласиться. На нашъ взглядъ она скорѣе свидѣтельствуетъ о незрѣлости—о томъ юношескомъ возрастѣ общества, когда идеалъ, только

потому, что онъ „мой", кажется и осуществимымъ, и наилучшимъ, когда люди не допускаютъ возможности одинаково добросовѣстнаго различія въ мнѣніяхъ и когда они не доросли еще до самокритики.

Рознь въ лѣвыхъ политическихъ партіяхъ еще незамѣтна. Но не потому, чтобы ея не было, а потому, что власть внѣшнимъ образомъ уравняла кадетовъ, эсъэровъ, эсдековъ, энъэсовъ и трудовиковъ и всѣмъ имъ одинаково преградила возможность публичныхъ выступленій. Если же такая возможность вдругъ почему либо раскрывается, то рознь и взаимная нетерпимость сейчасъ же прорываются наружу. Ужъ чего были тяжелѣе условія, въ которыхъ проходилъ съѣздъ обществъ народныхъ университетовъ. Участниковъ съѣзда всюду встрѣчали и провожали надзоръ, надзоръ и надзоръ. Темы докладовъ были урѣзаны. Самые доклады подвергались суровой цензурѣ. Устроители съѣзда добились разрѣшенія подъ угрозой: „чуть чтò — немедленно конецъ и разгонъ". Это „чуть чтò" чувствовалъ каждый предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, каждый ораторъ, раскрывая ротъ. „Чуть чтò" висѣло въ воздухѣ, давило. Засѣданія были безцвѣтны и скучны. Собравшіеся отовсюду представители провинціи говорили, главнымъ образомъ, о препятствіяхъ, которыя они встрѣчаютъ на каждомъ шагу, и о своемъ безсиліи въ борьбѣ съ этими препятствіями. И стоило только въ этой обстановкѣ и въ этихъ условіяхъ возникнуть партійно-програмному вопросу объ участіи въ организаціи народныхъ чтеній профессіональныхъ союзовъ, какъ страсти разгорѣлись, и съѣздъ раскололся на два непримиримыхъ лагеря. Забылось, что съ участіемъ ли профессіональныхъ союзовъ, или безъ участія, организовать народныя чтенія бываетъ невѣроятно трудно. Забылось, что прежде всего нужны чтенія, что нужно стремиться, чтобы ихъ организація была возможна и что пока надъ всякими чтеніями виситъ незримое, но ощутимое „чуть чтò",—нечего спорить о томъ, кому должна принадлежать руководящая роль. Все забылось. Забылся разсказъ Гаршина о кучерѣ, который пришелъ и наступилъ ногой на всю спорившую компанію...

Въ менѣе рѣзкой формѣ, но еще болѣе рельефно показываетъ глубину партійной розни оппозиція въ Государственной Думѣ. Вся оппозиція вмѣстѣ составляетъ безсильное что-либо дѣлать меньшинство. Ко всѣмъ ея представителямъ равно отрицательно относятся и правительство, и главенствующія думскія партіи. Но нѣтъ! Чуть „большой думскій день", каждая фракція выставляетъ своихъ ораторовъ и вноситъ свою формулу перехода или иного рѣшенія. Въ резолютивной части формулы и предлагаемыя рѣшенія обыкновенно совпадаютъ. Такъ зачѣмъ же, казалось бы, дробить ихъ и дробить впечатлѣніе оппозиціоннаго протеста? Нѣтъ! Развѣ могутъ кадеты, эсдеки, трудовики отказаться отъ програмной мотивировки? Кромѣ нихъ

самихъ, эта мотивировка никому и ничему не нужна, но имъ она дороже всего. Какъ же можно? Интересы партіи! Партійная дисциплина! Вѣрность программѣ!.. И получается: баллотируютъ предложеніе кадетовъ—трудовики, польское коло и соціалъ-демократы голосуютъ противъ; баллотируютъ предложеніе соціалъ-демократовъ—кромѣ нихъ никто не подаетъ голоса „за"; баллотируютъ предложеніе польскаго коло или трудовиковъ—то же самое. А между тѣмъ, всѣ предлагаютъ одно рѣшеніе...

Петербургу предстоитъ въ недалекомъ будущемъ снова воочію увидѣть всѣ прелести партійной дифференціаціи и розни. Лишеніе депутатскихъ полномочій А. М. Колюбакина надо считать вопросомъ времени. Онъ осужденъ саратовской судебной палатой и трудно ждать кассаціи приговора сенатомъ. Думская коммиссія уже высказалась за его временное устраненіе. Санкція октябристско-праваго большинства не можетъ подлежать сомнѣнію. Вступитъ приговоръ въ законную силу—и временное устраненіе то же большинство обратитъ въ выбытіе. Когда были отмѣнены выборы г. Шмида, А. И. Гучковъ не безъ намека говорилъ, что правые съумѣли подчинить закону партійную солидарность, и что онъ ждетъ того же отъ лѣвыхъ. Какъ лѣвые поступятъ—все равно. Ихъ голосà А. М. Колюбакина въ Думѣ не удержать. Словомъ, какъ ни условна преступность совершеннаго А. М. Колюбакинымъ „дѣянія" и какъ ни странно совпаденіе времени возбужденія противъ него преслѣдованія съ выставленіемъ его кандидатуры въ депутаты,—но къ лѣту или, вѣрнѣе, къ осени должно ожидать, что по Петербургу будутъ назначены выборы одного члена Думы отъ избирателей второго разряда.

Опять начнутся таинственныя собранія октябристовъ и монархистовъ и шумныя публичныя — кадетовъ, трудовиковъ, народныхъ соціалистовъ и соціалъ-демократовъ. Опять г. Милюковъ станетъ громить г. Мякотина, г. Мякотинъ г. Милюкова или г. Гессена, а гг. Соколовъ или Водовозовъ—ихъ троихъ и другъ друга. Опять газеты станутъ оповѣщать о фикціяхъ изъ фикцій—о партійныхъ плебисцитахъ, съ самымъ точнымъ обозначеніемъ, какой процентъ участниковъ плебисцита подалъ голоса за каждаго кандидата и съ полнымъ умолчаніемъ о числѣ участниковъ. Опять отъ кандидатуры будутъ устранены живые люди, отъ оцѣнки всѣми избирателями—ихъ индивидуальныя свойства и качества и ихъ личная пригодность къ парламентской дѣятельности. Опять на мѣсто живыхъ людей будутъ поставлены партійныя фирмы... Неужели все это повторится опять?..

Прекращеніе партійной усобицы — одна изъ главнѣйшихъ политическихъ нуждъ момента. Эта мысль начинаетъ получать признаніе. И единеніе прогрессивныхъ партій возможно. Но старые счеты и идео-

логія еще крѣпко живутъ въ разныхъ центральныхъ, городскихъ и т. п. комитетахъ. Подъ единеніемъ еще очень и очень многіе разумѣютъ обращеніе всѣхъ въ свою партійную вѣру...

Октябристы вступили на путь самостоятельнаго законодательнаго творчества. Очевидно, и они убѣдились, что три мѣсяца сплошной „работы" надъ проектами о переименованіи двухъ военныхъ губернаторовъ въ просто губернаторовъ, о штатѣ по управленію храмомъ Воскресенія Христова въ Петербургѣ, о снабженіи лошадьми казаковъ третьей очереди и надъ другими однородными,—работы подъ аккомпаниментъ патріотическихъ воплей, скандаловъ и криковъ—вполнѣ достаточно, чтобы еще черезъ три мѣсяца Дума оказалась въ народномъ сознаніи окончательно забытой и ненужной. Съ другой стороны, и они вспомнили, что для проведенія „обновленія" въ практику жизни необходимо созданіе мѣстныхъ органовъ самоуправленія, или, говоря иначе, необходима коренная реформа земскихъ учрежденій. А такъ какъ правительство вняло требованіямъ „зубровъ", не внесло въ третью Думу тѣхъ законопроектовъ по этому предмету, которые оно предполагало защищать во второй, и вообще, повидимому, не собирается брать на себя иниціативы вопроса, то тридцать членовъ Думы союза 17 октября самостоятельно разработали и представили проектъ „объ измѣненіи земскаго избирательнаго закона".

И въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ уже много разъ дебатировался вопросъ: какъ проводить земскую реформу—одновременно, въ полномъ объемѣ или по частямъ? Если имѣть въ виду созданіе нормальнаго для конституціонной Россіи земскаго строя, то, само собою разумѣется, частичное исправленіе дѣйствующаго земскаго положенія представляется не только способомъ непригоднымъ, но прямо лишеннымъ смысла. Въ ихъ первоначальной программѣ, октябристы писали: „Необходимымъ условіемъ для обновленія политической и общественной жизни Россіи и для полнаго и послѣдовательнаго проведенія провозглашенныхъ манифестомъ началъ свободы является преобразованіе мѣстнаго земскаго и городского самоуправленія съ расширеніемъ его правъ и круга дѣятельности, съ приданіемъ ему бо̀льшей самостоятельности и упраздненіемъ административной опеки, съ устройствомъ мелкой земской единицы, съ устраненіемъ сословности, съ распространеніемъ начала самоуправленія по возможности на всѣ мѣстности Имперіи, съ привлеченіемъ къ участію въ самоуправленіи возможно широкаго круга лицъ. Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи будетъ лучшей школой политической свободы для на-

рода". При такихъ отправныхъ положеніяхъ, новый законъ долженъ быть построенъ на новыхъ основахъ, не развивающихъ, а отвергающихъ основы дѣйствующаго. Уже одно требованіе *упраздненія* административной опеки не допускаетъ сохраненія въ силѣ ни одной части земскаго положенія при замѣнѣ новою какой бы то ни было другой, ибо все положеніе насквозь проникнуто началомъ опеки. Мыслимо ли вклеить хоть на время и хоть десятокъ статей, составленныхъ въ осуществленіе воззрѣнія на мѣстное самоуправленіе, какъ на школу политической свободы для народа, въ положеніе, котораго отправное воззрѣніе — затруднительность для администраціи вести мѣстныя хозяйственныя дѣла безъ содѣйствія представителей населенія и въ которомъ все выходящее за эти предѣлы есть лишь, скрѣпя сердце, допущенная уступка?

Но невозможность проводить земскую реформу иначе, какъ сразу въ полномъ объемѣ, не исключаетъ необходимости и возможности проектированія и принятія частичнаго исправленія земскаго положенія. Созданіе нормальнаго земскаго строя требуетъ времени — и времени немалаго. Всѣ политическія партіи уже пережили тѣ дни и мѣсяцы увлеченія, когда казалось, что созданіе новыхъ формъ государственной жизни и даже рѣшеніе роковыхъ соціальныхъ проблемъ — дѣло самаго краткаго срока. Новый законодательный аппаратъ показалъ, насколько онъ тяжеловѣсенъ. Оставлять же въ полной силѣ, впредь до завершенія реформы, дѣйствующій земскій законъ безъ всякаго измѣненія — значитъ рисковать земскимъ дѣломъ, т.-е. тѣми школами, больницами и иными мѣропріятіями, ради которыхъ земство существуетъ. Поворотъ въ земской политикѣ, совершенный восторжествовавшими въ мѣстной жизни представителями крупноземлевладѣльческихъ интересовъ, достаточно засвидѣтельствовалъ, какъ великъ рискъ. Вполнѣ возможно и было бы цѣлесообразно, параллельно съ работой по земской реформѣ и независимо отъ нея, отмѣнить правила 1900 г. о фиксаціи земскаго обложенія, отмѣнить право губернаторовъ пріостанавливать постановленія земскихъ собраній по несоотвѣтствію ихъ интересамъ населенія, словомъ—снять съ земской дѣятельности особенно тяжелыя стѣсненія и обратить изъ фиктивнаго въ реальное представительство въ земствѣ наиболѣе заинтересованнаго въ земскомъ дѣлѣ элемента — крестьянъ. Но это, конечно, не было бы реформой, а скромнымъ временнымъ исправленіемъ сохраняющаго силу земскаго положенія.

Проектъ октябристовъ преслѣдуетъ не эту скромную задачу. Составители его прямо заявляютъ, что ихъ предположеніе — „начало *реформы* всего земскаго положенія". Такимъ образомъ, они рѣшили вести реформу по частямъ и предлагаютъ принять рекомендуемую

ими систему земскаго представительства, какъ нормальную для „школы политической свободы для народа“ и какъ принципіально соотвѣтствующую расширеннымъ вширь и вглубь органамъ самоуправленія, совершенно освобожденнымъ отъ административной опеки. А потому проектъ подлежитъ оцѣнкѣ не съ точки зрѣнія существующаго, а будущаго земскаго строя.

Съ этой точки зрѣнія, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе то, что проектъ ни однимъ звукомъ не говоритъ о мелкой земской единицѣ. Что же,—предполагаютъ составители проекта устройство въ уѣздахъ низшихъ самоуправляющихся земскихъ организацій, или нѣтъ? Если да, то проектъ не могъ не дать отвѣта на этотъ вопросъ. Вполнѣ возможно установленіе самостоятельнаго порядка избранія уѣздныхъ гласныхъ, т.-е. гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, и самостоятельнаго же—представителей въ собраніяхъ мелкой земской единицы. Но совершенно невозможенъ такой порядокъ, при которомъ эти послѣдніе представители не входили бы, черезъ посредство уполномоченныхъ, въ уѣздныя собранія. Въ проектѣ же статья первая гласитъ: „Уѣздное земское собраніе составляется изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными избирательными собраніями“,—и больше о составѣ уѣздныхъ собраній нѣтъ ни слова. Далѣе, въ слѣдующей статьѣ, число уѣздныхъ земскихъ гласныхъ доведено до 75 человѣкъ. И это число показываетъ, что едва-ли составители проекта, оставляя вопросъ о мелкой земской единицѣ открытымъ, предусматривали еще бо́льшее увеличеніе другимъ закономъ состава уѣздныхъ земскихъ собраній. Что октябристы „потеряли документъ“ и позабыли свою программу—это давно извѣстно. Но какъ могли они, именно они, забыть неоднократно возвѣщавшееся въ манифестахъ—не въ манифестѣ 17 октября—образованіе мелкой земской единицы?..

Избраніе уѣздныхъ гласныхъ производится по проекту въ пяти куріяхъ. Первую составляютъ: землевладѣльцы-собственники и владѣльцы фабрикъ и заводовъ, находящихся внѣ черты городской осѣдлости и обрабатывающихъ продукты мѣстнаго сельскаго хозяйства,—платящіе со своихъ недвижимыхъ имуществъ земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ сборовъ не менѣе сорока рублей въ годъ. Вторую—тѣ же собственники, платящіе въ годъ не менѣе четырехъ рублей. Третью—уполномоченные отъ надѣльныхъ крестьянъ и отъ товариществъ, пріобрѣвшихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Четвертую—владѣльцы недвижимыхъ имуществъ въ чертѣ городской осѣдлости, владѣльцы всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, находящихся въ границахъ уѣзда, а равно владѣльцы фабрикъ и заводовъ, не вошедшихъ въ первое избирательное собраніе, если они платятъ со своихъ недвижимыхъ имуществъ и предпріятій не менѣе со-

рока рублей земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ сборовъ. Пятую—тѣ же владѣльцы, если они платятъ не менѣе четырехъ рублей.

Въ программѣ союза 17 октября всеобщее избирательное право стояло лишь для государственнаго представительства. Но и для мѣстнаго представительства программа отнюдь не ограничивала избирателей собственниками недвижимаго имущества и торгово-промышленныхъ предпріятій, а предполагала привлеченіе „къ участію въ самоуправленіи возможно-широкаго круга лицъ". Теперь этотъ „возможно-широкій" кругъ лицъ не охватилъ даже всѣхъ плательщиковъ по недвижимому имуществу земскихъ сборовъ, ибо плательщики менѣе четырехъ рублей въ годъ выкинуты за его предѣлы. Имущественный цензъ по недвижимому имуществу для земскихъ выборовъ оказался выше таковаго же ценза для выборовъ государственныхъ. И этого, однако, мало показалось составителямъ проекта. Даже для плательщиковъ четырехъ рублей въ годъ они сдѣлали все, чтобы обратить ихъ избирательное право въ почти что праздное времяпрепровожденіе. „Подлежащее—говоритъ ст. 5 проекта—къ избранію число гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія распредѣляется между указанными въ ст. 4 собраніями избирателей соразмѣрно суммамъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ сборовъ въ совокупности, исчисленнымъ за предшествующее выборамъ трехлѣтіе съ имуществъ соотвѣтствующихъ разрядовъ избирателей". Слѣдовательно, вторая курія будетъ подавлена первой, въ которую войдутъ плательщики сотенъ и тысячъ рублей земскихъ сборовъ, а пятая—четвертою. Интересы земельныхъ собственниковъ проектъ вообще ограждаетъ, требуя, чтобы число гласныхъ отъ первыхъ двухъ курій было не менѣе одной трети общаго числа; но интересы мелкихъ землевладѣльцевъ вполнѣ отдаетъ въ руки землевладѣльцевъ крупныхъ, къ которымъ почему-то приравнены владѣльцы винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ.

Сорокарублевый годовой земскій платежъ соотвѣтствуетъ владѣнію, примѣрно, отъ 100 до 200 десятинъ земли. И если въ уѣздѣ будетъ два или три владѣльца латифундій въ десятокъ тысячъ десятинъ, то на долю первой куріи, пожалуй изъ тридцати-сорока землевладѣльцевъ, придется двадцать гласныхъ, а на долю второй—изъ нѣсколькихъ тысячъ собственниковъ—пять. Проектъ не закрываетъ глазъ на вытекающую отсюда возможность, что по первой куріи не изъ кого будетъ иной разъ выбирать, и сохраняетъ введенныхъ положеніемъ 1890 г., такъ называемыхъ, протокольныхъ гласныхъ, т.-е. гласныхъ не по избранію, а въ силу факта прибытія избирателя на избирательное собраніе. „Если—опредѣляется въ ст. 37—въ день, назначенный для открытія избирательнаго собранія, къ тремъ часамъ пополудни, въ собраніе не явится указаннаго въ ст. 35 числа избира-

телей (двухъ третей подлежащаго избранію числа гласныхъ), то всѣ прибывшія въ оное лица признаются гласными, о чемъ составляется протоколъ за общимъ подписаніемъ ихъ".

Это послѣднее правило показываетъ, насколько съ технической даже стороны неширокъ размахъ октябристской реформы и какъ близокъ проектъ къ завѣрившему свою непригодность дѣйствующему закону. Не упраздняетъ проектъ также ни системы довѣренностей и двойныхъ голосовъ, ни даже губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія—этого неудачнѣйшаго измышленія реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, изъ массы чиновниковъ съ участіемъ одного представителя земства, въ нормальномъ земскомъ строѣ обновленной Россіи—дальше этого идти некуда. Проектъ въ одномъ лишь отношеніи усвоилъ требованія эпохи освободительнаго движенія: онъ допускаетъ къ избирательнымъ урнамъ женщинъ, но, во-первыхъ, безъ права быть избранными въ гласные и, во-вторыхъ съ правомъ, вмѣсто личной явки, уполномочивать отцовъ, мужей, сыновей, зятьевъ и внуковъ, которые могутъ не только избирать, но и быть избираемыми.

Кромѣ дѣйствующаго земскаго положенія, другимъ образцомъ для проекта послужилъ избирательный законъ въ Государственную Думу, давшій представительство, прямо противоположное господствующему въ странѣ настроенію, и обезпечившій побѣду за октябристами. Вѣрную службу сослужило при выборахъ въ третью Думу дѣленіе избирательныхъ съѣздовъ на отдѣленія. Проектъ рекомендуетъ дѣлить избирательныя собранія и для земскихъ выборовъ. При этомъ, условій для дѣленія не поставлено абсолютно никакихъ, а глухо сказано: „избирательныя собранія могутъ быть раздѣляемы на отдѣленія"; иниціатива дѣленія предоставляется уѣзднымъ земскимъ управамъ; разрѣшеніе же — губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіямъ. Легко себѣ представить, какъ при такой системѣ будутъ инсценировать выборы земскихъ гласныхъ „умѣлыя" управы—умѣлыя въ смыслѣ умѣнья ладить съ губернаторами.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы отмѣчали характерную черту постановленій губернскихъ земскихъ собраній послѣдней сессіи — крупныя ассигнованія на полицію. Что полицейская организація внѣ городовъ совершенно неудовлетворительна — объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Что помѣщичьи усадьбы, особенно въ южныхъ губерніяхъ, поминутно горятъ и подвергаются нападеніямъ всякаго рода — это тоже фактъ. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, имѣютъ ли земскія собранія моральное право тратить земскіе сборы на воспо-

собленіе полиціи и соотвѣтствуютъ ли такія траты закону? На обѣ части вопроса мы отвѣчаемъ отрицательно.

Полицейская охрана имущества есть острая нужда одного помѣщичьяго класса. Деньги же, поступающія въ земскія кассы, вносятся всѣмъ населеніемъ и даже по суммѣ, главнымъ образомъ, крестьянами, которые, во-первыхъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе дворянъ, ибо дворянамъ принадлежитъ въ земскихъ собраніяхъ подавляющее большинство, и, во-вторыхъ, имѣютъ свои классовыя нужды, не менѣе острыя, чѣмъ полицейская охрана. Нельзя забывать, что два года земскія кассы пустовали и потребности населенія повсемѣстно удовлетворялись въ пониженномъ размѣрѣ. Такъ ли функціонировали въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, какъ раньше, земскіе врачебные пункты, не говоря уже о библіотекахъ, сельско-хозяйственныхъ складахъ и т. п? Такъ ли широка оказывалась амбулаторная и акушерская помощь? За два года земское хозяйство не могло не разстроиться. И первая задача земства каждой губерніи и каждаго уѣзда тратить начавшіе поступать крестьянскіе рубли, конечно, на возстановленіе того, что было и что пришлось временно закрыть. Вмѣсто того, вводится новая трата — на полицію. Трата — въ екатеринославской, напр., губерніи свыше ста тысячъ рублей. Такая трата, которую населеніе нести не обязано.

Моральная сторона поставленнаго вопроса находится въ тѣснѣйшей связи съ юридической. Содержаніе полиціи по закону есть повинность государственная. Обязательное въ ней участіе земства исчерпывается однимъ: поставкой подводъ. Слѣдовательно, ассигнованіе денегъ на воспособленіе полиціи есть тотъ добровольный плюсъ къ обще-государственнымъ налогамъ и сборамъ, который земское собраніе налагаетъ на населеніе губерніи, если не за счетъ увеличенія земскаго обложенія, то за счетъ оставленія тѣхъ или иныхъ потребностей безъ удовлетворенія. Иначе сказать, такое ассигнованіе есть добровольное пожертвованіе мѣстнаго населенія въ пользу государственной казны. Жертвовать свое и за себя—каждый воленъ. А потому ассигнованіе воспособленій на полицію изъ дворянскихъ суммъ или изъ спеціально дѣлаемыхъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ сборовъ не можетъ вызывать никакихъ возраженій. Но заставлять жертвовать тѣхъ, кто лишенъ права протестовать и кто имѣетъ иныя жгучія потребности и нужды,—такое дѣйствіе съ этической точки зрѣнія не можетъ быть оправдано.

Формальная незакономѣрность земскихъ ассигнованій на полицію стоитъ внѣ спора и сомнѣній. Для этого достаточно открыть земское положеніе и уставъ о земскихъ повинностяхъ. Но... въ газетахъ не было ни одного извѣстія, чтобы губернаторъ гдѣ бы то ни

было опротестовать подобнаго рода постановленіе. Были, напротивъ, извѣстія, прямо противоположнаго свойства. Одно изъ нихъ сообщило петербургское телеграфное агентство въ телеграммѣ изъ Одессы отъ 11 февраля. Эта телеграмма вся весьма любопытна, и мы ее печатаемъ цѣликомъ: „Одесскій генералъ-губернаторъ возбудилъ передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ объ ассигнованіи въ его распоряженіе 10.000 руб. на усиленіе полиціи, ибо Одесса является главной квартирой преступниковъ, распространяющихъ свою дѣятельность на всю губернію. Изъ Одессы въ херсонскую губернію посылаются отряды агитаторовъ, возбуждающихъ крестьянскія массы и рабочихъ противъ правительства. Генералъ-губернатору извѣстны случаи, когда подъ вліяніемъ агитаціи разстраивались наладившіеся переговоры о покупкѣ крестьянами земли черезъ посредство крестьянскаго банка". Оффиціозность агентства позволяетъ относиться съ довѣріемъ не только къ факту предъявленія генералъ-губернаторомъ требованія, но и къ сообщаемымъ мотивамъ требованія. И эти мотивы—не пожары, не грабежи, а разстройство налаживавшихся переговоровъ о покупкѣ крестьянами земли черезъ посредство крестьянскаго банка. Слѣдовательно, мѣстнымъ крестьянамъ нужно нести добровольно накладываемый на нихъ дворянско-помѣщичьимъ большинствомъ земскихъ собраній плюсъ къ государственнымъ сборамъ на полицію для того, чтобы они, крестьяне, не такъ упорно торговались въ цѣнѣ за покупаемыя земли съ помѣщиками... Откровенность всегда хороша!..

Интересно сдѣлать сопоставленіе усвоенной мѣстными администраторами политики въ отношеніи земскихъ ассигнованій на полицію или, напримѣръ, въ отношеніи ходатайствъ о неуклонномъ преслѣдованіи чиновниковъ-либераловъ, какъ это сдѣлало екатеринославское губернское собраніе, — съ недавно разосланнымъ губернаторамъ и градоначальникамъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Законъ, регламентирующій права и обязанности земскихъ учрежденій, само собою разумѣется, безразлично относится къ политическому содержанію ассигнованій и ходатайствъ. Границею для всѣхъ постановленій земскихъ собраній служатъ законъ, кругъ вѣдомства, предѣлы власти и установленный порядокъ дѣйствій. Въ частности, относительно ходатайствъ, опредѣлено, что губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставляется „представленіе правительству, черезъ губернатора, ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ". Это право ходатайства было постояннымъ предметомъ споровъ между земствомъ и администраціей. Земство обыкновенно настаивало на широкомъ пониманіи словъ: „о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ", исходя изъ того,

[1]) Циркуляръ заимствуемъ изъ „Рѣчи", № 30.

что если данная нужда или данная польза суть обще-государственныя, то это не значить, чтобы онѣ не имѣли и мѣстнаго значенія. Администрація же въ большинствѣ случаевъ держалась противоположнаго пониманія и разсуждала такъ: крестьянъ тѣснять повсемѣстно, во всей Россіи, слѣдовательно земство данной губерніи не имѣетъ права ходатайствовать, чтобы живущіе въ губерніи крестьяне были освобождены отъ стѣсненій.

Мы всегда оспаривали такое съуженіе правъ земскихъ учрежденій и продолжаемъ стоять на той же точкѣ зрѣнія. А потому даже ходатайство о неуклонномъ преслѣдованіи чиновниковъ-либераловъ мы не считаемъ формально-противозаконнымъ. По нашему мнѣнію, оно не подлежитъ удовлетворенію по существу. Но съ формальной стороны мы вполнѣ допускаемъ, что возбудившее его земское собраніе могло считать, что либеральные, напримѣръ, чиновники крестьянскаго банка, урѣзывающіе аппетиты землевладѣльцевъ, предлагающихъ свои имѣнія на продажу банку, нарушаютъ мѣстныя пользы и нужды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мы никакъ не можемъ согласиться, что существуетъ формальная разница между ходатайствомъ о преслѣдованіи чиновниковъ-либераловъ и, скажемъ, объ отмѣнѣ системы экзаменовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Министерство же своимъ новымъ циркуляромъ доказываетъ, что оно формально различаетъ земскія ходатайства по политическому ихъ содержанію. Ибо никогда, кажется, земскія собранія не возбуждали такой массы имѣющихъ общій характеръ ходатайствъ, какъ въ сессію 1907 г. Но эти ходатайства заключали въ себѣ требованія о всевозможныхъ преслѣдованіяхъ и пресѣченіяхъ, и они не вызывали циркулярнаго воздѣйствія. А ходатайства объ отмѣнѣ экзаменовъ такое воздѣйствіе вызвали.

Въ циркулярѣ читаемъ: „Изъ поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя городскія и земскія общественныя управленія возбудили передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства объ отмѣнѣ переводныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, введенныхъ циркулярнымъ распоряженіемъ министерства отъ 15 марта 1907 г. за № 5825, причемъ, независимо отъ возбужденія означенныхъ ходатайствъ, поручили своимъ исполнительнымъ органамъ войти въ сношенія съ другими общественными установленіями не только своихъ, но и другихъ губерній, о поддержаніи таковыхъ ходатайствъ". Сообщая, что всѣ эти ходатайства признаны не подлежащими удовлетворенію и „имѣя въ виду, что обсужденіе общихъ мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по учебной части, каковою мѣрою въ данномъ случаѣ является возстановленіе переводныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не входитъ въ компетенцію городскихъ

и земскихъ общественныхъ управленій", — министерство предлагаетъ губернаторамъ „преподать общественнымъ установленіямъ соотвѣтственныя на этомъ предметъ указанія". Вмѣстѣ съ „указаніями" циркуляръ предлагаетъ „напомнить" общественнымъ установленіямъ, „что по основаніямъ, приведеннымъ въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 23-го августа 1901 г., сношенія между земскими и городскими управленіями по предметамъ, имѣющимъ общегосударственный характеръ, допускаемы быть не могутъ".

Итакъ, снова вынутъ изъ архивной пыли запретъ Д. С. Сипягина! Запретъ земствамъ и городамъ сноситься между собою. И вынутъ послѣ того, какъ была образована и дѣйствовала обще-земская организація, послѣ того, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ вступало съ обще-земской организаціей въ оффиціальныя сношенія и ассигновывало въ ея распоряженіе деньги, наконецъ, послѣ происходившихъ съ разрѣшенія министерства земскихъ съѣздовъ изъ делегатовъ, выбиравшихся земскими собраніями. Казалось, ничто такъ не забыто центральной властью и не должно быть такъ навѣки забыто изъ земскаго прошлаго, какъ этотъ знаменитый запретъ. Неужели земству вновь суждено переживать времена Д. С. Сипягина и В. К. Плеве? Но вѣдь тогда боялись, какъ бы изъ земскаго единенія не выросла конституція. А теперь чего боится „конституціонное" министерство?..

Правое большинство Думы добралось до Финляндіи. Сначала было извѣстно, что крайніе правые готовятъ запросъ по финляндскимъ дѣламъ. Но октябристы поторопились и вырвали у нихъ честь начала похода противъ финляндской автономіи. Какъ истинные патріоты, октябристы видятъ въ Финляндіи и угрозу внѣшней безопасности Россіи, и вредъ для внутренняго политическаго сыска. Формальная необоснованность запроса ихъ полицейскаго патріотизма не смутила. Не смутились они и тѣмъ, что какъ-ни-какъ, но запросъ дастъ сильное оружіе въ руки революціонеровъ справа противъ министерства П. А. Столыпина. Запросъ пока безъ преній переданъ въ коммиссію. А потому мы отлагаемъ разборъ его и остановимся на другомъ запросѣ, обсуждавшемся въ Думѣ 15 февраля, — о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ виленскаго охраннаго отдѣленія.

Поводомъ запроса послужилъ удостовѣренный постановленіемъ виленскаго военно-окружного суда фактъ подкупа чинами мѣстнаго охраннаго отдѣленія солдатъ пограничной стражи въ цѣляхъ контрабанднаго провоза изъ-за-границы запрещенной литературы и оружія. Этотъ фактъ не только не вызвалъ судебнаго преслѣдованія виновныхъ, но министерство внутреннихъ дѣлъ на постановленіе суда от-

вѣтило военному министерству, что въ дѣйствіяхъ охраннаго отдѣленія ничего незакономѣрнаго оно не усматриваетъ. Иниціаторъ запроса, В. А. Маклаковъ, въ своей рѣчи подчеркивалъ, что подкупъ и провозъ литературы и оружія совершались не по распоряженію центральной власти и даже, вѣроятно, безъ ея вѣдома. „Но вѣдь мало не подстрекать—справедливо говорилъ онъ—нужно категорически запрещать и строго преслѣдовать!"

Тотъ же ораторъ поднялъ завѣсу надъ той темной стороной дѣятельности охранныхъ отдѣленій, которая извѣстна еще со временъ Судейкина. „Зачѣмъ—поставилъ вопросъ В. А. Маклаковъ—ввозилась революціонная литература агентами власти, и почему это допускалось? Я не хочу никого обвинять преждевременно, но если быть справедливымъ, то нельзя не признать, что провокаціонные акты охранныхъ отдѣленій представляютъ изъ себя такую вещь, съ которой, быть можетъ, всего труднѣе бороться. Вѣдь если бываютъ профессіональныя болѣзни, если бываютъ пороки, бываютъ и профессіональныя преступленія. Провокація и есть чисто профессіональное преступленіе. Этому способствуютъ и моральная небрезгливость, присущая ремеслу, и тайна, которая его окутываетъ, и то, что легче раскрыть то преступленіе, которое создано раскрывающимъ, нежели его разыскать, и, наконецъ, ужасная связь между интересами революціи и интересами охраннаго отдѣленія: ибо вы знаете, что если есть какое-нибудь учрежденіе въ Россіи, которому нужна крамола, это суть охранныя отдѣленія. Вѣдь они этимъ живутъ; они борются съ крамольниками, а не съ крамолой; съ того момента, когда не будетъ крамолы, вѣдь и они не нужны. Изъ чувства самосохраненія имъ необходимо, чтобы броженіе не прекращалось. Вы увидите, что когда рѣчь зайдетъ объ уничтоженіи охранныхъ отдѣленій, навѣрное тогда раскроется какой-нибудь новый заговоръ, тогда явятся новые акты, новое доказательство ихъ искусства и ловкости".

Правые, конечно, возражали противъ запроса. Г. Крупенскій пытался принципіально оправдать провокацію. Г. Сушковъ, по совершенно непонятной логической связи, заявилъ, что „такъ милостиво, какъ судили выборгскихъ доброжелателей,—это уже черезчуръ". Г. Гулькинъ и гр. В. Бобринскій причину всѣхъ причинъ нашли въ кадетскомъ „лукавствѣ". Между прочимъ, гр. Бобринскій не преминулъ напомнить, что въ то время, къ которому относится инкриминируемая въ запросѣ дѣятельность виленскаго охраннаго отдѣленія, „департаментъ полиціи только-что лишился Лопухина, а вѣдомство внутреннихъ дѣлъ ожидало князя Урусова", и что „если бы кадеты достигли власти, какъ страстно они этого желали въ первой Государственной Думѣ, то мы къ нимъ предъявили бы этотъ запросъ, и они должны были бы дать

отвѣтъ о своихъ Лопухиныхъ и Урусовыхъ". И какъ всегда бываетъ съ инсинуаціей и клеветой, въ устахъ непосредственно говорившаго послѣ гр. Бобринскаго г. Маркова время, когда „департаментъ полиціи только-что лишился Лопухина, а вѣдомство внутреннихъ дѣлъ ожидало князя Урусова", обратилось въ то время, „когда во главѣ того министерства, къ которому предъявляется запросъ, стояли нынѣшніе представители кадетской партіи: князь Урусовъ и Лопухинъ". Партійная принадлежность г. Лопухина намъ неизвѣстна. Что же касается кн. С. Д. Урусова, то гр. Бобринскій и г. Марковъ сказали неправду: онъ никогда къ кадетской партіи не принадлежалъ и теперь не принадлежитъ. А по должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ кн. Урусовъ никакого отношенія къ департаменту полиціи не имѣлъ.

Не въ своеобразномъ ли отношеніи къ политической провокаціи лежитъ корень финляндскаго запроса? Дѣйствительно, по ту сторону Бѣлоострова на пріемы сыска смотрятъ иначе...

Въ истекшемъ мѣсяцѣ, 7 февраля, скончался талантливый писатель и извѣстный знатокъ народнаго быта А. И. Эртель; онъ родился, въ 1855 г., въ нѣмецкой, но вполнѣ обрусѣвшей семьѣ арендатора одного изъ имѣній воронежской губерніи и выросъ, окруженный крестьянской средой. Ограничившись домашнимъ, но весьма солиднымъ образованіемъ, покойный Эртель представлялъ собою примѣръ, до чего можно дойти путемъ самообразованія. Первые шаги его жизни (1873—79 гг.) были чисто практическіе: онъ поступилъ въ частную службу, и опять въ деревнѣ (тамбов. губ.), управляющимъ, и только въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ выступилъ впервые на литературномъ поприщѣ въ нашемъ журналѣ: „Ночь подъ Рождество" (янв. 1880 г.); особенно памятны его „Записки степняка" (15 очерковъ изъ народнаго быта, въ 1880—81 гг., и 2 очерка, въ 1882 г.); „Волхонская барышня" (іюнь, іюль, авг.) 1883 г.); „Пятихины дѣти" (мартъ 1884 г.).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Курсъ русской исторіи**, проф. В. Ключевскаго. Ч. III. М. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Новымъ томомъ открывается IV-ый періодъ отечественной исторіи въ на курсѣ проф. В. Ключевскаго, который называетъ этотъ періодъ „послѣднимъ періодомъ доступнымъ изученію во всемъ своемъ протяженіи", а именно, отъ второго десятилѣтія XVII вѣка, времени вступленія новой династіи Романовыхъ (1612 г.), до половины XIX-го вѣка—вступленія на престолъ имп. Александра II (1855 г.). Этотъ періодъ представляетъ такой выдающійся интересъ въ общемъ ходѣ нашей исторіи, что, по справедливому выраженію автора, его слѣдуетъ разсматривать не какъ просто историческій періодъ, это—„цѣлая цѣпь эпохъ, звенья которую проходитъ рядъ важныхъ фактовъ, составляющихъ глубокую основу современнаго склада нашей жизни,—основу, прочно разлагающуюся, но еще не замѣненную"; это—заключаетъ нашъ историкъ—„не одинъ изъ періодовъ нашей исторіи: это—вся наша *новая исторія*". Дѣйствительно, въ эти два съ половиною вѣка обнаружились зачатки идей, которыя теперь нами овладѣли уже вполнѣ и привели къ тѣмъ порядкамъ, которые начинаютъ входить въ жизнь; по счастливому выраженію автора, все это время является какъ бы нашею „автобіографіею"; изучая эту эпоху, мы какъ бы изучаемъ „самихъ себя". Но все это именно и придаетъ особое значеніе новому тому „Курса русской исторіи" проф. В. Ключевскаго. Ограничиваясь въ этомъ томѣ книгамъ XVII-мъ вѣкомъ, авторъ посвящаетъ главную его часть тѣмъ движеніямъ, какія наблюдались тогда въ русскомъ обществѣ XVII-го вѣка, и только въ заключеніи тома останавливается на тѣхъ лицахъ, которыя стояли во главѣ движенія, и посвящаетъ нѣсколько весьма интересныхъ главъ предшественникамъ Петра Великаго, подготовлявшимъ совершенный имъ переворотъ, а именно: царю Алексѣю Михайловичу, Ѳ. Ртищеву, Ордину-Нащокину и кн. В. В. Голицыну.

М. Гершензонъ. История молодой Россіи. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ, исходя изъ мысли о необходимости изображать исторію общественной мысли и ея теченій въ образахъ отдѣльныхъ личностей, на жизни которыхъ эта мысль отражалась всего наглядпѣе,—а не въ общихъ очертаніяхъ и характеристикахъ данной эпохи,—избралъ для осуществленія такой своей мысли одно двадцатилѣтіе прошедшаго вѣка, а именно, его тридцатые и сороковые годы. Онъ назвалъ исторію этихъ лѣтъ исторіею „молодой" Россіи,—въ противоположность предшествующей эпохѣ „старой" Россіи; самую же терминологію онъ заимствовалъ изъ того названія, какое одновременно съ тѣмъ давалось и въ другихъ странахъ западной Европы: 30-ые и 40-ые годы прошлаго вѣка также назывались въ Италіи и Германіи—„молодая Италія, молодая Германія". Движеніе умовъ въ Россіи, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, было дѣйствительно аналогично по духу и такимъ же стремленіямъ въ западной Европѣ къ обновленію ея государственной и общественной жизни. Вотъ и тѣ личности, на которыхъ остановился авторъ, для достиженія вышеуказанной и поставленной имъ себѣ цѣли: М. Ѳ. Орловъ, В. С. Печоринъ и Н. В. Станкевичъ, Т. Н. Грановскій, Н. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ, какъ „помѣщики" и какъ „вѣчные". Нельзя не назвать такой выборъ весьма удачнымъ—для изображенія въ лицѣ ихъ господствовавшихъ теченій тогдашней общественной мысли; они были лучшими представителями „молодой Россіи" въ эпоху ея зарожденія.

Янжулъ, Иванъ.—Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. — Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. 2-ое изд. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ взялъ на себя трудъ познакомить нашу публику съ замѣчательной „Ливерпульской ассоціаціей"—обществомъ, дѣятельность котораго направлена къ изученію и рѣшенію вопросовъ финансоваго хозяйства въ Англіи; но до сихъ поръ въ нашей литературѣ оно оставалось незамѣченнымъ. Авторъ, въ первое время, избралъ въ дѣятельности этого общества небольшую, но чрезвычайно важную въ наше время сторону, а именно, критику государственныхъ расходовъ въ періодъ времени отъ 1848 г. до 1858 г., особо знаменательный въ исторіи расходовъ. Проф. М. М. Ковалевскій, обращая вниманіе читателей на этотъ трудъ Ив. Ив. Янжула, вмѣстѣ съ тѣмъ припоминаетъ, какъ у насъ, русскихъ, въ противоположность съ англичанами, еще недавно приходилось критиковать государственные расходы съ воспрещеніемъ приглашать для того экспертовъ; ссылаясь, однако, на слѣдъ у насъ поговорки: „что было, то быльемъ поросло". М. М. Ковалевскій особенно рекомендуетъ настоящій трудъ проф. Янжула, какъ знакомящій насъ съ дѣятельностью англійскаго „ливерпульскаго общества" финансистовъ, учрежденіе котораго было бы весьма полезно у насъ. „Какъ бы искусно ни вели—говоритъ онъ—партійныя организаціи и клубы свою задачу подготовки законопроектовъ, при содѣйствіи ученыхъ спеціалистовъ, все же неизбѣжно должна будетъ сказаться односторонность. Другое дѣло, если надъ партіями поставлено будетъ общество, призывающее къ совмѣстной работѣ всѣхъ... Такое общество можетъ стать—заключаетъ онъ—свѣточемъ незаинтересованной истины"... Этимъ было и доселѣ остается „Ливерпульская ассоціація", съ которой, потому, весьма кстати знакомитъ насъ трудъ Ив. Ив. Янжула.

Фальковъ, Н. Н. — Дуэли. Спб. 908. Ц. 1 руб.

Цѣль автора — содѣйствовать, въ широкомъ кругу читателей, къ скорѣйшему вымиранію въ обществѣ „средневѣковаго предразсудка"—поединка, дуэли, какъ средства къ возстановленію оскорбленной чести. Для достиженія такой цѣли авторъ составилъ популярные разсказы, всѣ на одну и ту же тему, гдѣ дуэль играетъ главную роль, и собралъ такихъ разсказовъ до тридцати. Но ихъ содержаніе, по заявленію автора, почерпнуто имъ изъ подлинныхъ дѣлъ аудиторіатскаго департамента, эпохи Александра I и Николая I, когда дуэли были особенно часты; а это придаетъ разсказамъ значеніе былого и увеличиваетъ ихъ интересъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

на 1908 г.

(Сорокъ-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 27 до 28 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ союзѣ почтов.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфа, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

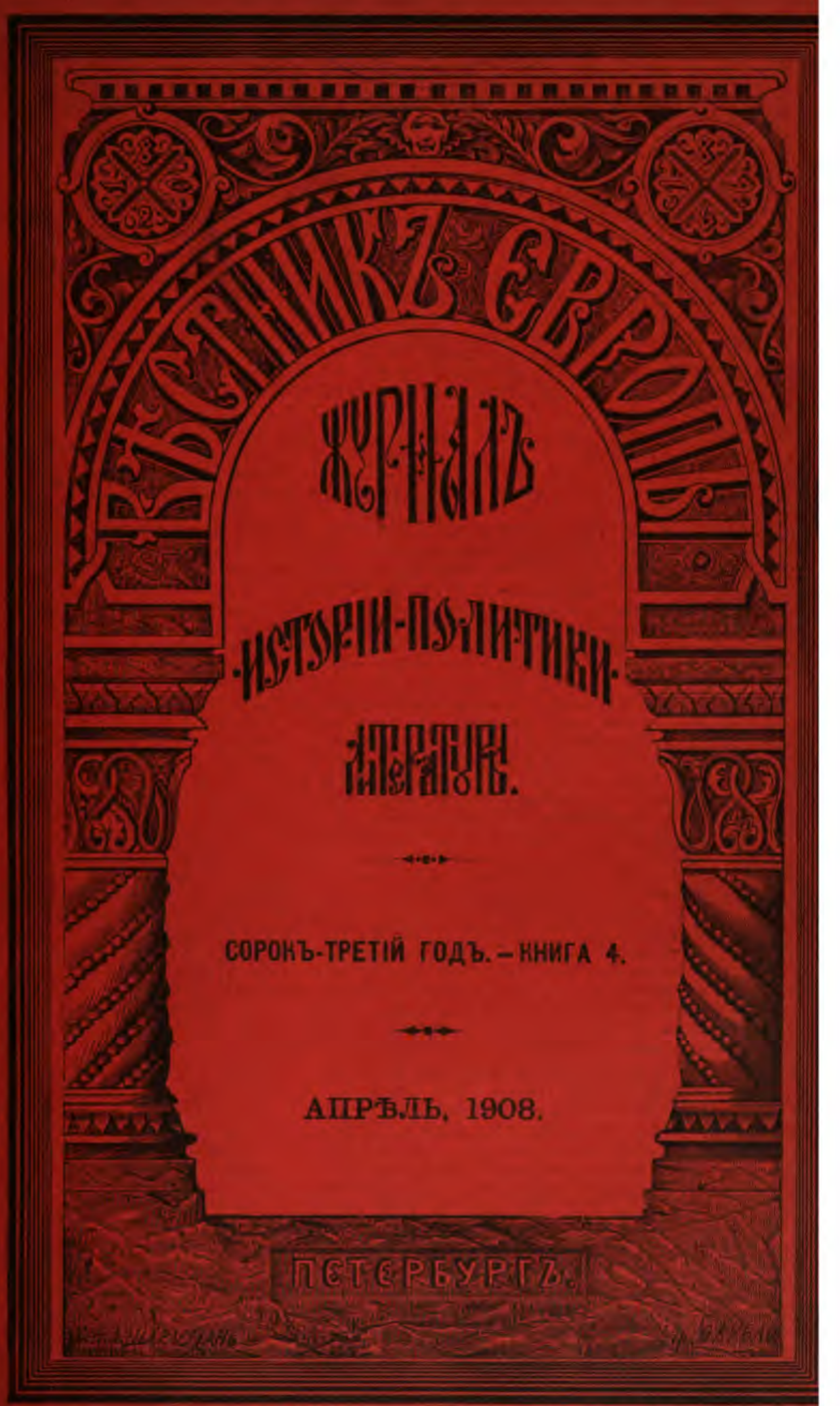
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1908.

Стр.

I.—ВТОРАЯ „КОНФЕРЕНЦІЯ МИРА".—Очеркъ.—I-IV.—**Бар. Б. Э. Нольде.** 461

II.—ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА.—5. Сераль.—6. Далекіе дни.—7. Воздухъ.—8. Поэзія.—9. Въ Дуарненэ.—Съ франц. **С. Пинусъ** . . . 491

III.—ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВЕРЕЩАГИНЪ.—По личнымъ воспоминаніямъ.—I.—**А. В. Жиркевича** . . . 496

IV.—ГЕРЦЕНЪ-ПИСАТЕЛЬ.—Очеркъ.—III-IV.—Окончаніе.—**Алексѣя Веселовскаго** . . . 503

V.—„ЗА ГРАНИЦЕЙ".—Романъ.—XXIV-XXX.—Окончаніе.—**Ив. Ясельниченко.** 572

VI.—ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТАСОВЪ.—Очеркъ жизни его и дѣятельности.—XVI-XVIII.—**Григорія Тимофеева** . . . 618

VII.—МИННИ.—Повѣсть Андрэ Лихтанберже.—„Minnie", par André Lichtenberger—I-III.—Съ франц. **О. Ч.** . . . 647

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Весна.—II. Сонъ.—**С. Д. Ленко.** . . . 681

IX.—РЕФОРМА УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.—I-IV.—**В. И. Сергѣевича** . . . 693

X.—ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ.—Joseph Conrad, The Secret Agent.—I-III.—Съ англ. **З. В.** . . . 710

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Изъ Теннисона.—II. Гимнъ, Эдгара По.—Пер. **К. А.** 754

XII.—ХРОНИКА.—Возвращаюсь къ военному мировому суду.—**К. К. Арсеньева.** . . . 756

XIII.—АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧУПРОВЪ.—По личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ.—**Максима Ковалевскаго.** . . . 772

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Рѣчи двухъ министровъ.—Законопроектъ объ исключительномъ положеніи и думская коммиссія.—„Порученіе" или „предоставленіе"?—Рѣчь депутата фонъ-Анрепа.—Общій ходъ дѣлъ въ Государственной Думѣ.—Всероссійскій дворянскій съѣздъ.—Вновь организованное „предъдумье".—Юбилей земскаго отдѣла.—А. И. Чупровъ †. . . 778

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. В. О. Ключевскій, Русская исторія, ч. III.—II. В. Кн. Николай Михайловичъ, Московскій Некрополь, т.т. I и II.—III. M. Wischnitzer, Die Universität Göttingen, etc.—IV. Бѣлоруссовъ, Въ старомъ домѣ, разсказы.—V. Ернефельтъ, Чаша земли. Съ финск. М. Благовѣщенская.—VI. Эд. Карпентеръ: 1) „Цивилизація, ея причины и излеченіе"; 2) „Я есмь"; 3) „Я поднимаюсь изъ тьмы". Съ англ.—**М. Г.**—VII. Т. Локотъ, Бюджетная и податная политика Россіи.—VIII. Н. Кабуковъ, Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи.—IX. С. Прокоповичъ, Рабочее движеніе въ Германіи.—X. В. Воронцовъ, Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленіе.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. . . . 800

XVI.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.—По поводу книги С. Свиридовича: „На Сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ".—**Ѳ. Брауна.** . . . 833

XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пренія объ иностранной политикѣ въ нашей Государственной Думѣ.—Патріотическія опасенія и увѣренія относительно Дальняго Востока.—Нападки на дипломатію и защита ея министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Содержаніе и характеръ рѣчи А. П. Извольскаго.—Чрезмѣрный оптимизмъ въ заявленіяхъ депутата П. Н. Милюкова.—Вопросъ о выборѣ кандидатовъ на дипломатическіе посты.—Забастовка журналистовъ въ германскомъ парламентѣ.—Шведскія дѣла. . . . 837

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Alexander Eliasberg, Die Russische Lyrik.—II. Gabriele d'Annunzio, La Nave, tragedia.—**З. В.** . 851

XIX.—В. Б. АНТОНОВИЧЪ.—Некрологъ.—**В.** . . . 864

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Предстоящее 80-лѣтіе со дня рожденія Л. Н. Толстого.—Университеты и студенческія организаціи.—Возстановленіе системы экзаменовъ въ средней школѣ и возвратъ къ насажденію націонализма и патріотизма.—Положеніе провинціальной печати.—А. Л. Карелинъ, И. П. Мержеевскій, А. М. Жемчужниковъ †.—P. S. По поводу заявленія кн. Л. Арістова въ „Спб. Вѣдомостяхъ". . . . 867

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михайловича. Т. IV-ый, вып. первый.—Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изд.—Исторія русской государственности. Т. I. Бар. С. А. Корфа, проф. гельсингф. унив.—Карѣевъ, Н. 1) Западно-европейская абсолютная монархія, XVI—XVIII вѣковъ; 2) Происхожденіе современнаго народно-правового государства.—Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Изд. второе.—Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 6: Картели—Кавдичъ.

ВТОРАЯ „КОНФЕРЕНЦІЯ МИРА"

ОЧЕРКЪ.

I.

Съ полгода тому назадъ, 5/18 октября 1907 года, окруженная всеобщимъ равнодушіемъ, закончила свои труды вторая „Конференція мира", въ городѣ Гаагѣ. Въ газетахъ всего свѣта появились статьи, въ которыхъ—скорѣе по „чувству долга", нежели вслѣдствіе дѣйствительнаго интереса—давался болѣе или менѣе строгій или болѣе или менѣе снисходительный отчетъ о трудахъ и результатахъ закончившагося многолюднаго международнаго сборища; статьи эти, или скорѣе некрологи, ни на іоту не измѣнили атмосферу всеобщаго равнодушія и, что̀ рѣдко бываетъ, все событіе немедленно и безъ остатка сдано въ архивъ исторіи. По злой ироніи, двѣ самыя распространенныя русскія газеты похоронили Конференцію даже ранѣе ея закрытія, торжественно сообщивъ своимъ читателямъ за нѣсколько недѣль до конца работъ о томъ, что онѣ закончились.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Конференція вызывала иныя чувства, когда къ ней относились съ досадой или насмѣшкою,—и эти чувства заражались общимъ тономъ и пропитывались тѣмъ же равнодушіемъ и тою же вялостью. Каррикатуры, и тѣ не выходили за предѣлы банальныхъ сопоставленій фигуры самодовольнаго и торжествующаго Марса и несчастной, обездоленной Ѳемиды.

Откуда такое равнодушіе, а подчасъ и досада? Вопросъ о

войнѣ и мирѣ безъ сомнѣнія близокъ человѣчеству и безъ сомнѣнія имѣетъ большой и жизненный интересъ. О войнѣ думалъ всякій и всякій относится къ ней сознательно. Упраздненіе войны—задача, за которой даже враги такого идеала не станутъ отрицать высокаго значенія. И когда объ этомъ великомъ вопросѣ войны и мира собралось потолковать все человѣчество, въ лицѣ представителей сорока-четырехъ государствъ, и представителей большого таланта, виднаго общественнаго положенія, зрѣлой подготовки, то оказывается, что такое собраніе скучно, и къ нему не умѣютъ отнестись иначе, какъ съ равнодушіемъ или вялой досадой и столь же вялой ироніей.

Чѣмъ объясняется этотъ фактъ? Я не берусь дать точнаго и исчерпывающаго объясненія, но позволяю себѣ предложить слѣдующую гипотезу. Разгадка лежитъ, на мой взглядъ, въ радикальной непропорціональности между той высокой программою, которая связана со словами „Конференція мира", и достигаемыми на такихъ конференціяхъ скромными результатами.

Если сказать, что вторая „Конференція мира" выработала тринадцать конвенцій и одну декларацію, то это само по себѣ можетъ показаться результатомъ довольно крупнымъ; но если начать даже просто перечислять эти конвенціи, то первое впечатлѣніе значительно ослабляется, а когда изучишь ихъ содержаніе, то оно, можетъ быть, почти совершенно исчезнетъ. Въ результатѣ такого изученія мы все-таки должны будемъ признать, что царство мира такъ же далеко отъ насъ, послѣ Конференціи 1907 года, какъ было далеко до нея. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что оно наступитъ, но это не мѣшаетъ мнѣ въ то же время спокойно и трезво признать, что сама по себѣ Конференція мало ускорила процессъ окончательнаго замиренія международной соціальной среды.

Такая непропорціональность цѣлей и результатовъ имѣетъ очень понятное историческое объясненіе. Первая „Конференція мира", а слѣдовательно и вторая, являются результатомъ знаменитаго циркуляра русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, обращеннаго имъ въ августѣ 1898 года къ иностраннымъ государствамъ. Циркуляръ этотъ, которому нельзя отказать въ краснорѣчіи и въ благородномъ замыслѣ, былъ призывомъ къ разоруженію.

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей—говорилось въ немъ—въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и

растрачиваются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ ростутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ. Очевиднымъ представляется, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и передъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣчества. Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ. Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ, представители коихъ аккредитованы при высочайшемъ дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи Конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи"...

Радикальный призывъ къ пересмотру коренныхъ основъ современнаго международнаго порядка попалъ въ среду, нимало не подготовленную для его воспріятія. Онъ прозвучалъ одиноко и замеръ. Это вполнѣ понятно. Тѣ международныя отношенія, которыя мы знаемъ, представляютъ собою нѣчто органически противоположное утопіи, которую развивалъ графъ Муравьевъ. Мы живемъ въ состояніи еще далеко не замиренномъ. На фонѣ маленькихъ политическихъ единицъ, исторіей осужденныхъ на политику „пасифизма", стоятъ крупныя политическія цѣлыя, которыя не только не вложили своего меча въ ножны, но держатъ его всегда на-готовѣ. Между ними постоянная борьба во имя расширенія сферы могущества и вліянія каждой за счетъ другъ друга или за счетъ третьихъ слабыхъ или мало развитыхъ политическихъ организмовъ. Даже безхозяйныя части земного шара еще не поглощены окончательно, не говоря уже о тѣхъ, гдѣ хозяинъ дремлетъ или лишенъ средствъ обороны. Въ такой средѣ вооруженія существуютъ не по недоразумѣнію и не вслѣдствіе слѣпого непониманія своихъ истинныхъ интересовъ. Они—необходимая часть

ея, тотъ признакъ, безъ котораго нѣтъ современнаго международнаго строя, упраздненіе котораго влечетъ за собою полное переустройство всѣхъ современныхъ отношеній, разрывъ съ прошлымъ и настоящимъ.

Не удивительно, что циркуляръ графа Муравьева, попавъ въ такую среду, сразу же обнаружилъ, что *практическою* программой онъ служить не могъ. „Конференція мира", какъ оффиціальная рамка, была создана, но всѣмъ ясно было, что эту рамку нечѣмъ будетъ заполнить, что нѣтъ элементовъ достойнаго ея содержанія. Можно было при такихъ условіяхъ пойти двумя путями: можно было скромно сознать, что данъ былъ холостой выстрѣлъ, выбросить осужденную на пустоту рамку, отказаться отъ громкой фразы „Конференція мира" и предать дѣло забвенію. Можно было поступить и иначе: можно было, сохранивъ рамку, попытаться временно заполнить ее какимъ-нибудь содержаніемъ, дающимъ иллюзію, что она не пуста. Я не имѣю въ виду оцѣнивать, какой изъ двухъ путей былъ болѣе разумнымъ (я склоненъ отдать предпочтеніе второму),—я лишь констатирую, что выбранъ былъ именно второй: сохраненіе торжественной формы, неприкосновенность формулы „Конференція мира" и заполненіе этой формы не отвѣчающимъ значенію задачи содержаніемъ.

Гдѣ было искать это содержаніе? Отвѣтъ давался самъ собою. Часто разсказываютъ, что Густавъ-Адольфъ во время тридцатилѣтней войны не разставался съ книгой перваго великаго представителя науки международнаго права, Гуго Гроція. Никто, кажется, не провѣрялъ этой легенды, и, читая Гроція, я всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ нуженъ онъ былъ великому полководцу. У политическихъ дѣятелей нашихъ дней есть свой Гроцій въ лицѣ современныхъ представителей той же науки, и ихъ сочиненіями пользуются, вѣроятно, гораздо чаще, чѣмъ Густавъ-Адольфъ пользовался объемистымъ трактатомъ великаго ихъ предшественника,—пользуются потому, что, несмотря на отмѣченныя свойства современнаго международнаго строя, все-же въ настоящее время цѣлый рядъ взаимныхъ отношеній государствъ между собою регулируется правовымъ путемъ, иногда постоянно, а иногда съ перерывами въ пользу голаго факта. Сумма этихъ правовыхъ постановленій во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ представляетъ во многихъ своихъ частяхъ нѣчто еще весьма неустойчивое, мягкое и разрозненное. Правила или дѣйствуютъ какъ обычай, т.-е. покоятся лишь на правосознаніи и на практикѣ, или связываютъ между собою малыя группы по два, по три и т. д. государствъ. Закрѣпленіе „обычаевъ" и общеніе „сепаратныхъ"

договорныхъ правилъ на ту или иную международную тему,— эти двѣ задачи всегда стояли на очереди, и о нихъ-то и вспомнили, когда понадобилось наполнить содержаніемъ оказавшуюся безсодержательною формулу „Конференція мира". Конференціи поручили „кодифицировать" нѣсколько выбранныхъ болѣе или менѣе случайно частей еще не оформленнаго и не объединеннаго международнаго права. Пунктъ о разоруженіи терялся въ длинномъ спискѣ вопросовъ, записанныхъ въ программу перваго гаагскаго съѣзда. Центръ тяжести переносился на вопросы, разрѣшеніе которыхъ, даже если бы оно было идеальнымъ, не могло само по себѣ ни на іоту приблизить наступленіе царства всеобщаго мира. Пунктъ 6-ой программы гласилъ, напримѣръ: „признаніе нейтральности судовъ и шлюпокъ, коимъ будетъ поручаемо спасаніе утопающихъ во время и послѣ морскихъ сраженій" (циркулярное сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ 30 декабря 1898 года). Очевидно, отъ того, будетъ ли признана нейтральность судовъ и шлюпокъ, нимало не зависитъ миръ между народами. Максимумъ эффекта такого признанія—весьма желательное съ гуманитарной точки зрѣнія увеличеніе числа спасенныхъ утопающихъ „во время и послѣ морскихъ сраженій".

Работы первой Конференціи мира еще болѣе подчеркнули непропорціональность оффиціальной ея великой задачи и достижимыхъ на подобныхъ съѣздахъ результатовъ. Сильныя слова русскаго циркуляра о разоруженіи свелись къ тому, что Конференція, затративъ много усилій для обсужденія вопроса, приняла нижеслѣдующія—почти классическія по своему лицемѣрію— „постановленіе" (résolution) и „пожеланіе" (voeu): „Конференція думаетъ, что ограниченіе военныхъ расходовъ, которые тяготѣютъ въ настоящее время надъ міромъ, очень желательно для увеличенія матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія человѣчества" и—„Конференція выражаетъ пожеланіе, чтобы правительства, принявъ во вниманіе сдѣланныя на Конференціи предложенія, изучили вопросъ о возможномъ международномъ соглашеніи касательно ограниченія вооруженныхъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ, и военныхъ бюджетовъ".

Такое „testimonium paupertatis" по основному вопросу скрашено было нѣсколькими весьма серьезными и цѣнными работами въ области кодификаціи международнаго права, которыя однако настолько мало подвинули наступленіе мира, что въ короткій промежутокъ времени между первой и второй Конференціями мира мы были свидѣтелями двухъ громадныхъ войнъ и еще одной войны, которую именовали военнымъ вмѣшательствомъ.

Чтобы быть справедливымъ, надо однако отмѣтить, что какъ въ программѣ первой Конференціи, такъ и въ ея работахъ былъ одинъ пунктъ, который можно было признать если не прямымъ, то все-же однимъ изъ путей къ достиженію идеала мира, къ осуществленію оффиціальнаго лозунга „Конференція мира". Это — такъ называемыя мирныя средства улаженія международныхъ столкновеній. Умиротвореніе международной среды очевидно можетъ быть достигнуто тѣми путями, какими такое умиротвореніе было достигнуто внутри государствъ. Вмѣсто „частной войны"—государственный судъ, вмѣсто международной войны—международный судъ, судъ третейскій, арбитражъ. Если бы можно было постановить, что государство въ случаѣ спора должно обращаться къ арбитражу и подчиняться арбитражному рѣшенію, то, конечно, миръ былъ бы завоеванъ, и арміи были бы всѣми упразднены безъ колебаній. Въ этомъ смыслѣ труды первой Конференціи по вопросамъ о мирномъ улаженіи международныхъ столкновеній могли бы оправдать ея громкое имя. Но, несмотря на благородныя усилія, направленныя на осуществленіе сказанной задачи, она не была достигнута. Работа свелась къ тому, что пришлось отказаться признать судъ обязательнымъ средствомъ улаженія международныхъ конфликтовъ не только вообще, но даже для отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ. Онъ только рекомендовался какъ весьма полезное учрежденіе и, на случай, были установлены процессуальныя правила, создано было опять-таки необязательное международное предварительное слѣдствіе; наконецъ, рѣшено было, что въ Гаагѣ будетъ храниться списокъ третейскихъ судей, назначенныхъ отдѣльными государствами, изъ котораго спорящія державы въ состояніи будутъ, если захотятъ, составлять судебный трибуналъ.

Вторая Конференція мира унаслѣдовала всѣ характерныя свойства первой, но эти свойства выражались еще болѣе рѣзко.

Въ программѣ ея вопросъ о разоруженіи сознательно исключался. Пунктъ объ арбитражѣ былъ редактированъ глухо и съ чрезвычайной осторожностью (говорилось „объ усовершенствованіи конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній въ тѣхъ частяхъ ея, которыя касаются палаты третейскаго суда и международныхъ слѣдственныхъ коммиссій"). Весь центръ тяжести переносился на рядъ, конечно, не маловажныхъ, но все-же второстепенныхъ вопросовъ международнаго права. Вопросы эти выбраны были преимущественно на основаніи опыта русско-японской войны, которая, кромѣ суммы военныхъ операцій, представляла еще, какъ извѣстно, и цѣпь международно-

правовыхъ казусовъ; стóитъ вспомнить долгіе мѣсяцы плаванія адмирала Рожественскаго, въ теченіе которыхъ такъ остро дебатировались всѣ сложные вопросы о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ, операціи нашихъ крейсеровъ, поставившія на ноги всѣхъ теоретиковъ и всю практику морского международнаго права, долгіе споры о военной контрабандѣ и о блокадѣ, о призахъ и призовыхъ судахъ, и проч. Всю эту серію вопросовъ включили въ программу, которая оказалась такимъ образомъ, въ сущности говоря, предложеніемъ отвѣтить на одинъ вопросъ: „чтó дозволено и чтó запрещено во время войны на морѣ". Знать это, конечно, весьма поучительно, но разгадка этого вопроса еще очень далека отъ разгадки вопроса о водвореніи мира на земномъ шарѣ.

II.

15-го іюня н. ст. 1907 года, въ старинномъ готическомъ дворцѣ голландскихъ графовъ въ Гаагѣ, собрались представители сорокачетырехъ государствъ, приглашенныхъ на Конференцію. Общее число оффиціальныхъ участниковъ Конференціи достигало 267 человѣкъ. По алфавиту государствъ въ большой залѣ Рыцарей разсажено было все человѣчество. Собраніе, по своему составу почти равное любому парламенту, объединившее всѣ расы, всѣ языки и всѣ большія религіозныя группы человѣчества, окруженное огромнымъ оффиціальнымъ престижемъ, числившее въ своемъ составѣ лучшихъ политическихъ дѣятелей, дипломатовъ, ученыхъ, чиновниковъ, моряковъ и генераловъ всего цивилизованнаго и отчасти нецивилизованнаго міра, способное связать нормами права все человѣчество,—было поставлено въ странное и по существу дѣла двусмысленное положеніе. Ему было сказано, что оно называется „Конференція мира", что оно—„парламентъ человѣчества", призванный принести послѣднему блага порядка и мира,— и вмѣстѣ съ тѣмъ ему предложили искать этихъ благъ въ границахъ, только-что мною отмѣченныхъ, и предложили это не по какой-либо злой волѣ и злому умыслу, не изъ желанія поставить въ ложное положеніе, а потому что иныхъ путей не было, и иныхъ границъ, оставаясь въ сферѣ практически возможнаго, поставить было нельзя.

Правда, можно было снова заговорить о разоруженіи; англійское и нѣкоторыя другія правительства оговорили свое право поставить этотъ вопросъ на очередь, и онъ былъ на самомъ

дѣлѣ поставленъ, но поставленъ лишь на минуту, чтобы быть тотчасъ же похороненнымъ. Можно было въ извѣстной мѣрѣ найти выходъ въ арбитражѣ и дать могучій толчокъ дѣлу развитія международнаго правопорядка, но и это оказалось невыполнимымъ. Оставалось обратиться къ центральнымъ частямъ программы, къ вопросу о томъ, какъ ведется война и въ частности война на морѣ, но и тутъ судьба въ извѣстной мѣрѣ посмѣялась надъ Конференціей мира, и ей не удалось установить законы войны въ наиболѣе существенныхъ ихъ частяхъ.

Таковъ въ двухъ словахъ итогъ Конференціи. Онъ не великъ. Прежде чѣмъ рѣшиться съ нимъ помириться, — „парламентъ человѣчества" приложилъ самыя энергическія и самыя добросовѣстныя усилія для достиженія бо̀льшаго. Потребовалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ онъ сложилъ оружіе и усталый констатировалъ слабость своихъ силъ въ тринадцати конвенціяхъ и одной декларации.

Исторія четырехмѣсячной борьбы во имя великаго идеала, предпринятой второю Конференціей мира,—борьбы, не увѣнчавшейся успѣхомъ, вкратцѣ сводится къ слѣдующему.

Начну съ разоруженія, съ того, что̀ одно время было единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, главнымъ оправданіемъ гаагскихъ Конференцій, что̀ свелось въ 1899 г. къ извѣстнымъ намъ „постановленію" и „пожеланію" и что̀ теперь вторично было облечено въ форму варіанта того же пожеланія". Если въ 1899 г. приведенный выше текстъ былъ результатомъ продолжительныхъ и весьма интересныхъ преній по вопросу объ ограниченіи вооруженій, то его варіантъ 1907 г. былъ увѣнчаніемъ маленькой, весьма скомканной, оффиціальной церемоніи. По общему правилу центръ дѣловыхъ работъ Конференціи находился въ коммиссіяхъ и комитетахъ, а въ общемъ собраніи лишь регистрировались принятыя въ нихъ рѣшенія. Вопросъ объ ограниченіи вооруженій ни въ какой коммиссіи и ни въ какомъ комитетѣ не обсуждался. Онъ былъ внесенъ сразу въ пленарное засѣданіе и сразу же имъ „похороненъ", какъ говорили въ „пасифистской" прессѣ, или „рѣшенъ", какъ удостовѣрялось оффиціально.

17-го августа новаго стиля въ четвертомъ пленарномъ засѣданіи Конференціи на каѳедру вошелъ престарѣлый англійскій первый делегатъ сэръ Эдуардъ Фрей и заявилъ, что имѣетъ сдѣлать отъ имени правительства его британскаго величества „предложеніе высокой важности". Предложеніе это онъ подробно мотивировалъ, и мотивы эти звучали чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ въ средѣ второй Конференціи мира. Прочитавъ вы-

держку изъ циркуляра графа Муравьева, сэръ Эдуардъ Грей продолжалъ:

„Эти слова, столь краснорѣчивыя и столь правдивыя во время своего произнесенія, сегодня еще болѣе сильны и еще болѣе правдивы. Ибо, господинъ предсѣдатель, съ тѣхъ поръ военные расходы какъ на армію, такъ и на флотъ значительно увеличились. Такъ, согласно наиболѣе точнымъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, эти расходы достигали въ 1898 г. (т.-е. въ годъ, предшествовавшій первой Конференціи мира) суммы болѣе 251 милліона фунтовъ стерлинговъ для европейскихъ странъ, за исключеніемъ Турціи и Черногоріи (о которыхъ у меня нѣтъ свѣдѣній), Соединенныхъ-Штатовъ Америки и Японіи, между тѣмъ какъ тѣ же расходы въ тѣхъ же странахъ въ 1906 году превзошли сумму 320 милліоновъ ф. ст. Отсюда видно, что въ промежутокъ между двумя Конференціями ежегодные военные расходы увеличились на 69 милліоновъ ф. ст., или болѣе 1.750 милліоновъ франковъ, что составляетъ колоссальное увеличеніе. Таковы чрезвычайные расходы, которые могли бы пойти на лучшія цѣли; такова ноша, подъ бременемъ которой страждутъ народы; таковъ христіанскій миръ цивилизованнаго человѣчества XX-го столѣтія (telle est la paix chrétienne du monde civilisé du XX siècle)“.—Заявляя, что англійское правительство готово нынѣ же сообщить всѣмъ остальнымъ государствамъ свои проекты постройки новыхъ судовъ, дабы облегчить возможность соглашенія о сокращеніи военныхъ расходовъ, сэръ Эдуардъ Грей закончилъ свою рѣчь предложеніемъ принять слѣдующее „постановленіе“:

„Конференція подтверждаетъ принятое Конференціей 1899 г. постановленіе относительно ограниченія военныхъ тягостей, и такъ какъ военные расходы послѣ этого года значительно увеличились у всѣхъ народовъ, то конференція объявляетъ, что въ высшей степени желательно, чтобы правительства подвергли новому изученію этотъ вопросъ“.

Нѣсколько делегацій (Соединенные-Штаты, Франція и Испанія) заявили, что онѣ поддерживаютъ предложеніе Англіи. Предсѣдатель Конференціи прочелъ сообщенный ему оффиціально представителями Аргентины и Чили единственный до настоящаго времени международный договоръ о разоруженіи, заключенный этими двумя государствами въ 1902—1903 гг., и произнесъ съ своей стороны небольшую рѣчь на тему о томъ, что хотя Россія и сочувствуетъ идеѣ ограниченія вооруженій, тѣмъ не менѣе она считаетъ вопросъ не достаточно назрѣвшимъ. Протоколъ засѣданія кончается такъ:

„Предсѣдатель:... Я могу лишь привѣтствовать англійскій починъ и рекомендовать вамъ встрѣтить предложенное сэромъ Эдуардомъ Фреемъ постановленіе единодушными рукоплесканіями. *(Аплодисменты.)* Единодушіе вашихъ рукоплесканій дѣлаетъ излишнимъ голосованіе. *(Продолжительныя рукоплесканія.)* Засѣданіе закрыто“...

Этимъ все кончилось. Въ заключительномъ актѣ Конференціи фигурируетъ постановленіе, предложенное Фреемъ, но „христіанскій міръ цивилизованнаго человѣчества XX столѣтія“ остается, повидимому, тѣмъ же, какимъ былъ до маленькой, устроенной въ Гаагѣ 17 августа 1907 года церемоніи.

Извѣстный англійскій журналистъ, издатель „Review of Reviews“, Стэдъ, выпускалъ въ Гаагѣ газету, которую усердно читали и которая „дѣлала общественное мнѣніе“ внутри Конференціи. Въ этомъ „Courrier de la Conférence“ на слѣдующій день послѣ описаннаго засѣданія появилась слѣдующая замѣтка:

„Вчера въ залѣ Рыцарей, во время четвертаго пленарнаго засѣданія Конференціи, состоялись торжественныя похороны предложенія, цѣлью котораго было обезпеченіе путемъ всеобщаго соглашенія остановки въ увеличеніи морскихъ и военныхъ расходовъ всего міра. Надгробныя рѣчи были произнесены сэромъ Эдуардомъ Фреемъ и г. Нелидовымъ непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ Конференція вотировала предложеніе о законахъ войны и приняла мѣры, которыя дѣлаютъ дозволенной бомбардировку незащищенныхъ городовъ“.

Въ этой замѣткѣ, несмотря на ея шуточную форму, есть доля справедливости. На самомъ дѣлѣ, въ томъ самомъ засѣданіи, на которомъ была принята формула сэра Эдуарда Фрея, были дѣйствительно постановлены рѣшенія, внѣшне не гармонировавшія съ преніями объ ограниченіи вооруженій—рядъ правилъ о веденіи сухопутной войны и правила о бомбардировкахъ съ моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ сужденіе Стэда выразило тотъ на всѣ лады повторявшійся упрекъ по адресу Конференціи, что послѣдняя больше интересовалась войной, нежели миромъ, и въ этомъ смыслѣ оно типично.

Изъ тринадцати конвенцій и одной декларація одиннадцать конвенцій и декларація дѣйствительно посвящены войнѣ. Онѣ устанавливаютъ правила, въ предѣлахъ которыхъ замкнуты, съ точки зрѣнія правовой, будущія военныя операціи въ столкновеніяхъ между участниками актовъ 1907 года, и въ частности указываютъ, что̀ одному воюющему дозволено по отношенію къ другому воюющему, и что̀ обоимъ имъ дозволено по отношенію

къ нейтральнымъ, не принимающимъ участія въ войнѣ. Какъ и на Конференціи 1899 г., невозможность даже начать прямое упраздненіе войны приводила къ сознанію необходимости постараться сдѣлать войну по крайней мѣрѣ менѣе жестокой, съузить по возможности ея предѣлы, обезопасить хотя бы нейтральныхъ отъ неблагопріятныхъ ея послѣдствій. Но и въ этомъ отношеніи Конференціи 1907 г. пришлось сдѣлать сравнительно немного. Оказалось, что на пути достиженія общей задачи „гуманизаціи" и „локализаціи" войны разныя государства смотрятъ разно, что найти средства согласованія этихъ разныхъ воззрѣній не всегда возможно.

Конференція 1907 г. оказалась въ этомъ отношеніи въ гораздо худшемъ положеніи, нежели Конференція 1899 г. На первой Конференціи тоже сталкивались противоположныя воззрѣнія на вопросы права войны, но тамъ мы имѣли дѣло преимущественно съ конфликтами, такъ сказать, правовыхъ идеаловъ, конфликтами разныхъ правосознаній. На Конференціи 1907 г., кромѣ конфликтовъ правовыхъ идеаловъ, разныхъ правосознаній, скоро обнаружились еще конфликты государственныхъ интересовъ.

Нѣсколько примѣровъ могутъ иллюстрировать эти конфликты внутри Конференціи, конфликты правосознаній и конфликты государственныхъ интересовъ, и результаты, къ которымъ эти конфликты приводили.

Слѣдуетъ, однако, сдѣлать ту оговорку, что, читая протоколы, не всегда легко установить, имѣешь ли дѣло съ конфликтами перваго или второго типа. Своеобразіе Конференцій мира заключается въ томъ, что внѣшне онѣ представляются собраніемъ людей, которые стараются наперерывъ обнаружить свои гуманитарныя чувства. Неловко придти на такое собраніе и всѣмъ открыть свой голый государственный эгоизмъ. Какое-то своеобразное, спеціально конференціонное чувство приличія мѣшаетъ это дѣлать. Поэтому внѣшнимъ образомъ государственный интересъ маскируется какими-нибудь, опять таки гуманитарными соображеніями, изыскиваются аргументы высшаго порядка въ пользу выгоднаго правового тезиса. Прибѣгаютъ еще къ такому любопытному пріему. Делегація каждаго государства сдѣлала заранѣе опредѣленную расцѣнку всѣхъ пунктовъ программы и нашла въ нихъ такіе, гдѣ гуманное и справедливое рѣшеніе вопроса отвѣчаетъ его государственнымъ интересамъ, и такіе, гдѣ гуманное и справедливое рѣшеніе вопроса не отвѣчаетъ его государственнымъ интересамъ. Первые пункты немедленно получаютъ въ дѣйствіяхъ этой делегаціи особенную рельефность. По

нимъ она спѣшитъ выступить съ опредѣленными весьма гуманными и справедливыми предложеніями. Вторые, напротивъ того, сознательно оставляются въ тѣни. Делегація дѣйствуетъ здѣсь „оборонительно“, а не „наступательно“, стараясь лишь подыскать аргументы, подрывающіе гуманныя и справедливыя предложенія той изъ сосѣднихъ делегацій, которой ея государственные интересы позволяютъ выступить съ гуманными и справедливыми предложеніями именно по данному пункту. Поэтому не всегда легко отличить конфликты разныхъ правосознаній отъ конфликтовъ противоположныхъ государственныхъ интересовъ.

Вотъ примѣры конфликтовъ разныхъ правосознаній и результатовъ такихъ конфликтовъ.

Одна изъ тринадцати конвенцій, выработанныхъ второй Конференціей мира, озаглавлена: „Конвенція объ открытіи военныхъ дѣйствій“. Вопросъ о началѣ войны былъ поставленъ обстоятельствами русско-японской войны 1904—1905 гг. Надо ли предупреждать противника о томъ, что противъ него начинаются военныя операціи, или не надо—таковъ смыслъ этого вопроса. Правосознаніе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ разно: или считается, что вполнѣ позволительно, во имя государственнаго блага, руководствоваться исключительно своими собственными выгодами и заставать противника врасплохъ; или считается, что необходимо рыцарское предупрежденіе противника и запрещено извлекать выгоду изъ того, что онъ застигнутъ врасплохъ. Оба рѣшенія вопроса нашли себѣ защитниковъ въ средѣ Конференціи. Правда, предварительно всѣми рѣшено было принести извѣстную дань „рыцарской“ концепціи войны и принято было слѣдующее постановленіе:

„Договаривающіяся державы признаютъ, что военныя дѣйствія между ними не должны начинаться безъ предварительнаго и недвусмысленнаго предупрежденія, которое будетъ имѣть или форму мотивированнаго объявленія войны, или форму ультиматума съ условнымъ объявленіемъ войны“.

Достаточно даже бѣглаго чтенія этого постановленія, чтобы оцѣнить его реальное значеніе. Предупрежденіе необходимо для законнаго начатія войны, и оно должно быть недвусмысленнымъ. Но засимъ остается пунктъ, который намѣренно затемненъ: предупрежденіе должно быть предварительнымъ; значитъ ли это, что врагу должно быть дано время воспринять фактъ предупрежденія и имъ воспользоваться, отказываются ли державы пользоваться выгодами внезапнаго нападенія и временемъ, пока противникъ не успѣлъ собраться съ духомъ? Вотъ по этому пункту

и сказалось радикальное различіе правосознанія отдѣльныхъ делегацій. Представитель одного правосознанія (французскій генералъ Амурель) заявилъ недвусмысленнымъ образомъ:

„Предупрежденіе должно быть предварительнымъ. Подъ этимъ мы понимаемъ, что оно должно предшествовать военнымъ дѣйствіямъ, но послѣднія могутъ начаться, какъ только такое предупрежденіе дойдетъ до противника“.

Итакъ, достаточно предупредить за секунду до нападенія, чтобы послѣднее было законнымъ.

Представители другого правосознанія не удовлетворялись этимъ рѣшеніемъ и предлагали установить, что „военныя дѣйствія не должны начинаться ранѣе истеченія, по крайней мѣрѣ, 24 часовъ послѣ того, какъ недвусмысленное предупрежденіе дойдетъ до свѣдѣнія противника“.

При голосованіи оказалось, что такое правосознаніе раздѣляется 13-ю государствами; всѣ остальныя стояли за первую концепцію. Въ результатѣ получилась невозможность составить конвенцію въ смыслѣ второго изъ сталкивавшихся правосознаній, и пришлось принять первое рѣшеніе вопроса, въ сущности никакого реальнаго значенія не имѣющее.

Еще примѣръ. Рѣчь шла о бомбардировкахъ съ моря. Конечно, никому въ голову не приходило предложить вообще запретить такую бомбардировку. Это было бы безсмысленно. Вопросъ сводился къ тому, можно ли бомбардировать *незащищенные* города и селенія. Общее рѣшеніе, которое было принято, можетъ быть формулировано такъ: бомбардировка незащищенныхъ мѣстъ запрещена въ принципѣ, кромѣ ряда исключеній; этихъ исключеній такъ много и они формулированы такъ широко, что въ концѣ концовъ приходится признать, что конвенція сводится къ слѣдующему положенію: запрещено бомбардировать съ моря незащищенныя мѣста, кромѣ случаевъ, когда такую бомбардировку признаетъ необходимою командиръ непріятельской эскадры. Это, конечно, не много. Но мы не касаемся всей конвенціи, а выбираемъ лишь одинъ наглядный примѣръ конфликта разныхъ правосознаній.

Статья I конвенціи гласитъ:

„Запрещено бомбардировать морскими силами порты, города, селенія, жилища и постройки, которыя не защищены. Мѣстность не можетъ быть бомбардируема въ виду одного того факта, что передъ ея портомъ поставлены автоматическія подводныя мины“.

Вторая часть этой статьи представляется какъ будто бы со-

вершенно резонной и правильной. Почему будетъ страдать незащищенная мѣстность, разъ передъ входомъ въ нее поставлены мины? Такъ разсуждало большинство. Правосознаніе меньшинства оказалось инымъ. Оно разсуждало такъ:

„Воюющій, давая неприкосновенность незащищенной непріятельской мѣстности, имѣетъ право... ожидать, что, приближаясь къ будто бы незащищенному городу, онъ не подвергается опасности быть уничтоженнымъ тѣми, кто претендуетъ на неприкосновенность подъ страннымъ при такихъ условіяхъ предлогомъ, что ихъ городъ не защищенъ".

Въ этомъ вопросѣ конфликтъ правосознаній привелъ къ тому, что при вотумѣ конвенціи шесть государствъ заявили, что они не принимаютъ второй части приведенной статьи (Германія, Англія, Франція, Китай, Японія и Испанія), и такимъ образомъ эта вторая часть остается для нихъ необязательной и связываетъ лишь остальныя государства.

Таковы конфликты правосознаній. На двухъ примѣрахъ мы видѣли, какъ эти конфликты приводили или къ тому, что рѣшенія Конференціи кастрировались, что составлялись такія конвенціи, практическая цѣнность которыхъ сомнительна, или къ тому, что по существеннѣйшимъ вопросамъ приходилось допускать формальное отпаденіе отдѣльныхъ державъ отъ связывающихъ большинство ихъ правилъ.

III.

Посмотримъ теперь, къ чему сводились конфликты интересовъ внутри Конференціи и къ какимъ результатамъ они приводили.

Наиболѣе рѣшительными и рѣзкими оказывались столкновенія интересовъ въ такихъ, напримѣръ, комбинаціяхъ: одна военная держава имѣетъ сильный флотъ, а другая военная держава имѣетъ флотъ сравнительно слабый, — естественно, ихъ взгляды на многіе вопросы морской войны не сходственны; одна держава имѣетъ множество военныхъ портовъ въ разныхъ частяхъ свѣта, другая имѣетъ мало таковыхъ,—естественно, взгляды ихъ на обязанности, лежащія на собственникахъ портовъ нейтральныхъ, совершенно различны; одно государство, вслѣдствіе своей слабости, никогда не будетъ воевать, но зато имѣетъ большой коммерческій флотъ; другое, напротивъ того, военноморская держава,—естественно, взгляды ихъ на отношеніе воен-

наго флота къ торговымъ судамъ далеки другъ отъ друга; одно государство лежитъ на островѣ и можетъ снабжаться всѣмъ необходимымъ только моремъ, другое—на континентѣ и можетъ получать запасы съ суши, — естественно, что ихъ взгляды на торговлю контрабандой не тождественны; одно государство, имѣя болѣе сильный военный флотъ, въ случаѣ войны съ другимъ, обладающимъ огромнымъ коммерческимъ флотомъ, можетъ нанести громадный ущербъ противнику операціями противъ его торговыхъ судовъ,—естественно, оно стоитъ за то, чтобы операціи эти противъ коммерческихъ судовъ возможно мало стѣснялись, а его возможный противникъ, напротивъ того, готовъ провозгласить неприкосновенность частныхъ коммерческихъ судовъ на морѣ, и т. д., и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ конфликты такъ ясны, ибо интересы столь противоположны, что, конечно, самъ по себѣ фактъ обсужденія соотвѣтствующихъ вопросовъ именно въ Гаагѣ, на мирной конференціи, призванной оффиціально установить нормы морского права, конечно, не спасаетъ дѣла, и соглашеніе, конечно, не достигается.

Только-что описанное положеніе отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на цѣломъ рядѣ пунктовъ программы Конференціи мира. Сошлюсь на нѣсколько примѣровъ.

Въ самомъ началѣ Конференціи, Соединенные Американскіе Штаты выступили съ предложеніемъ провозгласить частную собственность на морѣ неприкосновенной, т.-е. признать, что война на морѣ происходитъ только между военными судами, а непріятельскій частный корабль безпрепятственно продолжаетъ плавать, какъ будто бы никакой войны не было. Это предложеніе изъ первостепенныхъ державъ поддержали Германія, Австро-Венгрія и Италія, и оно нашло себѣ самый сочувственный откликъ среди большинства маленькихъ делегацій. Мотивировалось оно очень убѣдительными аргументами. Говорилось, что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній замѣшивать мирныхъ частныхъ собственниковъ судовъ въ войну, которая ведется не между частными людьми, а между государствами, какъ таковыми, и что, съ другой стороны, частная собственность торжественно провозглашена неприкосновенной, поскольку рѣчь идетъ о войнѣ на сушѣ. Этимъ весьма логичнымъ аргументамъ были противопоставлены группой великихъ державъ, обладающихъ серьезнымъ военнымъ флотомъ, равнымъ образомъ весьма логичные аргументы въ пользу необходимости сохраненія существующаго порядка вещей. Говорилось, что захватъ непріятельскихъ коммерческихъ судовъ есть не только дѣйствительное, но очень вмѣстѣ

съ тѣмъ гуманное средство борьбы, ибо оно не сопряжено съ гибелью людскихъ жизней, и что поэтому отказъ отъ него безъ отказа отъ гораздо болѣе жестокихъ средствъ войны представляется непослѣдовательнымъ. Споръ былъ облеченъ въ форму какъ бы чисто академическаго изысканія, гдѣ правда—въ данномъ вопросѣ, но внутри его лежала борьба разныхъ государственныхъ интересовъ. Только представитель одного изъ южно-американскихъ государствъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ, если не самый талантливый ораторъ Конференціи (Перецъ Тріана) имѣлъ смѣлость откровенно заявить:

„Мы не принимаемъ предложенія м—ра Чота, ибо наши условія не позволяютъ намъ такой роскоши во имя абстрактныхъ началъ справедливости и гуманности. Отдѣльное лицо можетъ быть апостоломъ и искать мученичества; но когда представляешь государство, долгъ повелѣваетъ защищать его интересы; въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о международной политикѣ, а не о филантропіи".

Результатъ конфликта интересовъ въ данномъ вопросѣ—невозможность международнаго соглашенія и сдача всего крупнаго вопроса въ архивъ.

Другой примѣръ. Въ настоящее время воюющій имѣетъ право мѣшать подвозу военной контрабанды своему врагу, хотя бы эта контрабанда шла на нейтральномъ суднѣ. Расширеніе объема понятія контрабанды и удачныя операціи по борьбѣ съ нею могутъ поставить въ весьма невыгодное положеніе всякое государство, которое изъ-за границы снабжается только моремъ. Англія, какъ островное государство, всегда склонна была поэтому осторожно относиться къ понятію военной контрабанды, но никогда не рѣшалась разорвать съ нимъ и отказаться отъ этого орудія борьбы съ возможными своими врагами. Передъ Конференціей 1907 г. вопросъ былъ, очевидно, подвергнутъ коренному пересмотру, и въ результатѣ Англія явилась на Конференцію съ радикальнымъ проектомъ полнаго упраздненія понятія военной контрабанды. Сразу же на сторонѣ этого предложенія оказались всѣ тѣ въ военномъ смыслѣ слабыя государства, которыя ведутъ морскую торговлю. Перспектива отмѣны одного изъ главныхъ стѣсненій послѣдней, естественно, ихъ привлекала. Создалось очень внушительное большинство (26 противъ — 5, при голосовавшихъ 35 государствахъ) въ пользу англійскаго предложенія. Интересы другихъ и въ частности сильныхъ морскихъ государствъ порождали, однако, совершенно иное отношеніе къ дѣлу. Отказываться отъ орудія борьбы столь

могущественнаго, какъ возможность прекращенія снабженій противника, казалось совершенно недопустимымъ новшествомъ. Соглашеніе между двумя взглядами оказалось невозможнымъ, и коренной вопросъ права морской войны, близко затрогивающій интересы какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ, былъ оставленъ нерѣшеннымъ.

Я не буду останавливаться на перечисленіи другихъ важныхъ вопросовъ, которые, вслѣдствіе сказавшейся взаимной противоположности интересовъ представленныхъ на Конференціи государствъ, или не получили никакого рѣшенія, или получили рѣшеніе крайне несовершенное. Долженъ замѣтить, однако, что положеніе преній на Конференціи иногда бывало даже болѣе сложнымъ, чѣмъ въ указанныхъ мною двухъ случаяхъ. Мы наблюдаемъ часто конфликтъ интересовъ, осложненный конфликтомъ правосознаній. Получается, напримѣръ, такая комбинація. Одно государство стоитъ за рѣшеніе *a*, второе—за рѣшеніе *b*, потому что рѣшеніе *a* выгодно первому, а рѣшеніе *b* выгодно второму. Третье государство, прямо не заинтересованное въ вопросѣ, тоже стоитъ за рѣшеніе *b*, потому что оно кажется ему справедливымъ, а рѣшеніе *a* противорѣчитъ его правосознанію. При этомъ это третье государство настолько убѣждено въ правильности рѣшенія *b*, что стоитъ за него горой. При такомъ положеніи возможность удовлетворительнаго рѣшенія вопроса дѣлается еще менѣе вѣроятною, чѣмъ въ первыхъ двухъ случаяхъ.

Примѣромъ такихъ крайне осложненныхъ преній могутъ служить пренія по вопросу о минахъ, который изъ всѣхъ вопросовъ войны, возбужденныхъ на второй Конференціи мира, вызывалъ наиболѣе горячіе споры и привлекалъ наиболѣе вниманіе внутри и внѣ Конференціи. Въ отличіе отъ многихъ другихъ вопросовъ, трактовавшихся на второй Конференціи мира, онъ представляется довольно простымъ. Чтобы понять, въ чемъ дѣло, достаточно было прослушать прочтенное на одномъ изъ первыхъ засѣданій первой подкоммиссіи третьей коммиссіи китайскимъ делегатомъ заявленіе. Въ немъ говорилось: „Китайское правительство до сихъ поръ еще вынуждено снабжать суда своего берегового плаванія спеціальными инструментами для ловли и уничтоженія плавучихъ минъ, которыя засоряютъ не только открытое море, но и береговыя воды. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, очень значительное число каботажныхъ судовъ, судовъ рыбачьихъ, джонокъ и сампановъ погибло вслѣдствіе столкновенія съ автоматическими подводными минами, и эти суда погибли съ экипажемъ и имуществомъ безъ того,

чтобы подробности этихъ катастрофъ дошли до западнаго міра. Считаютъ, что около 500—600 нашихъ подданныхъ, занимавшихся мирнымъ трудомъ, нашли себѣ жестокую смерть отъ этихъ опасныхъ приборовъ". На самомъ дѣлѣ, мины, не только плавучія въ собственномъ смыслѣ слова, но даже поставленныя на якоряхъ или самодвижущіяся, страшны тѣмъ, что онѣ поражаютъ не только враговъ, но и непричастныхъ къ борьбѣ мирныхъ жителей нейтральныхъ странъ. Конференціи предстояло рѣшить, въ правѣ ли воюющій пользоваться, какъ, когда и гдѣ ему угодно, этимъ орудіемъ. Сразу же обнаружились совершенно ясно два противоположныхъ лагеря среди великихъ державъ: въ одномъ находились тѣ, кто обладаетъ и безъ минъ могучими средствами борьбы на морѣ, сильнымъ флотомъ, который подвергается колоссальнымъ опасностямъ отъ дѣйствія минъ, въ другомъ — тѣ, для кого мина—единственное средство борьбы съ превосходными морскими силами возможныхъ противниковъ. Лидерами перваго выступали англичане, второго—нѣмцы. Съ точки зрѣнія гуманитарной первый лагерь былъ несомнѣнно въ болѣе выигрышной роли, чѣмъ второй, и, очень естественно, громко заявлялъ объ одушевляющихъ его высокихъ побужденіяхъ. Противорѣчіе двухъ доктринъ рѣзко выразилось въ слѣдующихъ двухъ рѣчахъ при окончательномъ голосованіи конвенціи о минахъ, рѣчахъ, представляющихъ, кажется, самую рѣзкую ноту, прозвучавшую на Конференціи.

Англійскій делегатъ сэръ Эрнестъ Сатоу сказалъ:

„Британская делегація полагаетъ, что выработанная конвенція недостаточно считается ни съ правомъ нейтральныхъ на безопасность, ни съ чувствами гуманности, которыми непозволительно пренебрегать. Она сдѣлала все возможное, чтобы заставить Конференцію принять эту точку зрѣнія, но усилія ея остались тщетными. Открытое море, господа, есть великій международный путь. Если при современномъ положеніи законовъ и обычаевъ войны позволено воюющимъ сводить свои счеты на ней, то вмѣстѣ съ тѣмъ они обязаны воздерживаться отъ всего того, что можетъ сдѣлать, гораздо даже позднѣе ихъ ухода, этотъ великій путь опаснымъ для нейтральныхъ, которые имѣютъ равное право имъ пользоваться. Мы, не колеблясь, заявляемъ, что право нейтральныхъ на безопасность плаванія въ открытомъ морѣ должно имѣть преимущество надъ преходящимъ правомъ воюющаго пользоваться имъ какъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій".

Обратный тезисъ возможно широкой свободы воюющихъ на

„великомъ международномъ пути“ былъ менѣе эффектнымъ. Германскій уполномоченный баронъ Маршаль ф.-Биберштейнъ отвѣчалъ осторожною ссылкою на опасность слишкомъ радикальныхъ рѣшеній:

„Слѣдуетъ воздерживаться отъ изданія правилъ, которыхъ строгое выполненіе можетъ силою вещей оказаться невозможнымъ. Крайне важно, чтобы международное право, которое мы хотимъ создать, содержало лишь такія постановленія, которыхъ выполненіе съ военной точки зрѣнія возможно даже въ крайнихъ случаяхъ.

Если предложить рѣшить этотъ споръ съ точки зрѣнія лежащаго въ большинствѣ людей чувства права и справедливости, то, я думаю, выборъ будетъ простымъ. Чувство права и справедливости заставляетъ скорѣе стать въ ряды перваго лагеря, чѣмъ второго, хотя бы никакихъ прямыхъ выгодъ тезисъ сэра Эрнеста Сатоу и не приносилъ. Естественно, что чувство это должно было прозвучать на Конференціи, хотя бы осужденное на практическое безсиліе. Краснорѣчивый ораторъ, выдержки изъ рѣчей котораго я уже приводилъ (Перецъ Тріана), взялся выразить эти чувства. Онъ сказалъ:

„Изъ всѣхъ орудій современной войны нѣтъ ни одного, которое можно было бы сравнить по ужасу, какое оно внушаетъ, и по несчастіямъ, какія оно причиняетъ, съ автоматическими минами. Есть что-то злодѣйское въ этихъ приборахъ, спрятанныхъ измѣннически подъ покровомъ водъ и порождающихъ гибель и смерть, безъ всякаго риска для тѣхъ, кто ихъ поставилъ, безъ той взаимности опасности для сражающихся, которая отнимаетъ у войны внѣшній видъ убійства, въ которомъ убійца закалываетъ свою жертву въ тѣни и врасплохъ. Ужасно думать о тѣхъ „массахъ доблести, идущихъ на врага“ (mass of courage marching to the foe), о которыхъ говоритъ англійскій поэтъ, о людяхъ, сгораемыхъ патріотизмомъ и готовыхъ сразиться,—которые раздавлены, уничтожены, истреблены смертоубійственнымъ агентствомъ, поставленнымъ скрывшимся врагомъ. Ужасъ увеличивается, когда мина плаваетъ по волѣ волнъ и вѣтра, какъ угроза не только для воюющихъ, но и для всѣхъ мореплавателей: это—людская ненависть, покрывающая, какъ проклятіе, волны океана“.

Изъ приведенныхъ трехъ выдержекъ можно заключить, насколько глубоко по существу и остро по формѣ противорѣчіе между воззрѣніями на вопросъ о минахъ. Сопротивленіе защитниковъ свободы дѣйствія воюющихъ было настолько упорнымъ,

что союзъ требованій государственнаго интереса и гуманности оказался безсильнымъ. Подписанная въ Гаагѣ конвенція о минахъ пережила любопытную даже внѣшнюю эволюцію во время своей разработки. Сначала она была обширной, заключала въ себѣ подробную нормировку вопроса, а затѣмъ постепенно растаяла, свелась къ семи статьямъ, которыя въ сущности даютъ только нѣсколько добрыхъ совѣтовъ о необходимости быть осторожнымъ въ дѣлѣ конструкціи минъ и пользованія ими, самое же пользованіе не ограничивается никакими опредѣленными территоріальными предѣлами.

IV.

Таковъ общій характеръ работъ, посвященныхъ войнѣ Конференціей мира, и таковы въ общихъ чертахъ ея результаты. Итогъ не богатъ, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что рѣшенія на военныя темы не дались второй Конференціи мира.

Единственною крупною по своему значенію работою Конференціи въ сферѣ кодификаціи законовъ войны явилась конвенція объ учрежденіи международной призовой палаты, т.-е. международнаго, надгосударственнаго суда, гдѣ должны разбираться въ послѣдней инстанціи всѣ споры по поводу захвата воюющими на морѣ торговыхъ судовъ и грузовъ. Въ настоящее время всѣ такіе споры рѣшаются національными судами, т.-е. судитъ тотъ, кто захватываетъ. Что это далеко отъ идеала правосудія, въ теоріи сознавалось уже давно, но чтобы первостепенныя государства рѣшились отказаться отъ права безконтрольнаго веденія войны и создать органъ контроля въ лицѣ нелицепріятнаго международнаго суда въ Гаагѣ,—это было несомнѣнно радикальной реформой. Выработанный Конференціей международный призовой уставъ представляетъ не только прекрасный образецъ юридическаго творчества и цѣнный вкладъ въ сокровищницу международнаго права, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и дѣло огромной практической важности. Новый уставъ видоизмѣняетъ всю постановку современной морской войны. Воюющіе оказываются вынужденными строго блюсти въ своихъ операціяхъ правила международнаго права подъ страхомъ отвѣтственности, торжественно устанавливаемой международнымъ судилищемъ. Разница въ положеніи, напримѣръ, командира крейсера, которому сказано: „дѣйствуй, зная, что если ты и произведешь какое-нибудь нарушеніе чужихъ правъ, мы разсудимъ тебя домашнимъ образомъ“, и того, которому сказано: „будь

осторожень съ чужими правами, ибо намъ придется за тебя отвѣчать“,—безспорно весьма существенна. Вѣроятно, именно благодаря тому, что конвенція о призовой палатѣ имѣетъ важное практическое значеніе, ея будущая судьба представляется весьма необезпеченной. Уже при голосованіи на Конференціи, ее отказались принять: одна изъ крупнѣйшихъ морскихъ державъ — Японія, затѣмъ Россія, Бразилія и еще нѣсколько маленькихъ государствъ. Въ Англіи, делегаты которой на Конференціи очень энергично работали надъ разработкой конвенціи, — въ части прессы — и части очень вліятельной, — поднята энергичная кампанія противъ ратификаціи акта; въ случаѣ успѣха этой кампаніи и отказа отъ ратификаціи конвенціи со стороны Англіи, будетъ, конечно, въ корнѣ подорвано значеніе произведенной на Конференціи работы въ указанномъ вопросѣ.

Конвенція объ учрежденіи международной призовой палаты есть единственная крупная величина въ итогѣ трудовъ Конференціи по кодификаціи права войны. Въ остальномъ этотъ итогъ, какъ сказано, весьма невеликъ.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, обозрѣвая общій ходъ трудовъ Конференціи, что такой итогъ былъ подведенъ далеко не сразу и что онъ выяснился окончательно подъ самый конецъ съѣзда. Во время его, напротивъ того, въ общемъ сознаніи складывалось убѣжденіе, что здѣсь именно, именно въ сферѣ этихъ вопросовъ, лежитъ центральное значеніе работы, совершенной Конференціею.

Примѣрно мѣсяцъ спустя послѣ начала Конференціи, въ прессѣ всего міра стали появляться статьи, гласившія, что Конференція занимается только войной и забыла о мирѣ. Въ уже упомянутой мною газетѣ Стэда начали печататься заявленія и письма разныхъ „пасифистскихъ“ организацій, въ родѣ междупарламентскаго союза и др., которыя Стэдъ снабжалъ громкими заглавіями: „Первые раскаты начинающейся бури“ и т. под.

На самомъ дѣлѣ, хотя уже въ началѣ работъ Конференціи была образована подъ предсѣдательствомъ Леона Буржуа специальная коммиссія, которой поручено было разсматривать всѣ вопросы мирнаго содержанія и въ частности вопросъ объ арбитражѣ, но довольно долго эта коммиссія влачила скромное существованіе. Рѣшено было подвергнуть пересмотру старую конвенцію 1899 года о мирномъ улаженіи международныхъ столкновеній и начался пересмотръ, лишенный сколько-нибудь общаго значенія. Основы конвенціи 1899 года должны были оставаться прежними, т.-е. установленные пути мирнаго улаженія междуна-

родныхъ столкновеній оставались въ принципѣ необязательными, а лишь указывалось, что обращеніе къ нимъ полезно. Но такъ какъ уже въ 1899 г. были созданы извѣстныя правила относительно производства дѣлъ въ международныхъ слѣдственныхъ коммиссіяхъ и третейскихъ судахъ и такъ какъ эти правила страдали существенными недостатками, то рѣшено было эти правила улучшить и дополнить. Эта безспорно полезная работа не представляла, однако, большого интереса, ибо общій строй международныхъ отношеній, конечно, не измѣнится, напримѣръ, отъ того, кто—судьи или представители сторонъ—будутъ допрашивать свидѣтелей во время международнаго слѣдствія. Единственная попытка измѣнить основныя кадры конвенціи сводилась къ слѣдующему. Старый текстъ статей 3-ей и 9-ой говорилъ, что „державы считаютъ полезнымъ", чтобы въ случаяхъ конфликтовъ третьи государства предлагали свое посредничество по улаженію спора, что „державы считаютъ полезнымъ", чтобы въ случаяхъ споровъ о фактахъ устанавливались международныя слѣдственныя коммиссіи. Американскій первый делегатъ заявилъ, что имѣетъ внести поправку, и предложилъ видоизмѣнить эти статьи, написать не „считаютъ полезнымъ" просто, а „считаютъ полезнымъ и желательнымъ", что̀ и было принято единогласно и безъ колебаній.

Такія „поправки" и работа по улучшенію судопроизводственныхъ правилъ, конечно, не могли положить предѣлъ „первымъ раскатамъ начинающейся бури", о которыхъ говорилъ Стэдъ и которые производили большое впечатлѣніе на собравшихся въ Гаагѣ делегатовъ.

Упреки „пасифистовъ", безспорно, оказали свое дѣйствіе, и мало-по-малу сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе стали искать новыхъ путей. Мелкій пересмотръ арбитражной конвенціи 1899 года продолжался, но рядомъ съ нимъ начали понемногу дѣлаться и болѣе радикальныя предложенія о пересмотрѣ самыхъ основъ акта 1899 года.

Эти радикальныя предложенія шли въ двухъ направленіяхъ: первое—обязательность третейскаго суда, второе—созданіе въ Гаагѣ постояннаго международнаго судебнаго учрежденія. Эти пути совершенно различны по существу, но они общи тѣмъ, что, во-первыхъ, конвенція 1899 г. была далека отъ обоихъ и что, во-вторыхъ, оба представляютъ два одинаково необходимыхъ этапныхъ пункта въ развитіи международнаго правопорядка, для котораго нужны и постоянный судебный органъ, и обязательность обращенія къ нему.

Начнемъ съ попытокъ въ первомъ направленіи. Послѣдова-

тельно сербы, португальцы, сѣверо-американцы, шведы, бразильцы и англичане составляли и вносили на обсужденіе Конференціи проекты, посвященные установленію обязательной третейской юстиціи. Я не могу слѣдить за подробностями всѣхъ этихъ проектовъ и за всѣми перипетіями въ ихъ обсужденіи, отмѣчу лишь ихъ основныя черты. Всѣми сознавалось, что нѣтъ надежды провести на Конференцію общую формулу, обязывающую государства въ своихъ спорныхъ вопросахъ обращаться къ суду. Большая часть проектовъ, тѣ, которые были подвергнуты серьезному обсужденію, исходили изъ менѣе радикальнаго замысла. Они устанавливали списокъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ третейскій судъ являлся бы обязательнымъ. Первый, самый робкій проектъ, предложенный сербской делегаціей, включавшей въ своемъ составѣ очень выдающагося юриста въ лицѣ Миловановича, гласилъ, напримѣръ: „Державы ...обязуются обращаться къ третейскому разбирательству: a) во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о толкованіи и примѣненіи торговыхъ договоровъ и конвенцій, а равно соглашеній, въ какой бы то ни было формѣ къ нимъ приложенныхъ; далѣе,—всѣхъ другихъ договоровъ, конвенцій и соглашеній, касающихся урегулированія интересовъ экономическихъ, административныхъ и судебныхъ; b) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи денежныхъ обязательствъ, уплатѣ вознагражденія за убытки или исправленіи матеріальнаго вреда въ отношеніяхъ между государствами и государствомъ и подданными другихъ государствъ, поскольку обыкновенные суды некомпетентны".—Позднѣе изъ ряда предложеній былъ скомбинированъ одинъ болѣе детальный списокъ, редакція котораго принадлежала англичанамъ, всѣхъ вопросовъ, обязательно разрѣшаемыхъ судомъ.

Но уже при вотумѣ этого списка въ подготовительномъ комитетѣ начали обнаруживаться странныя явленія. Какъ только вопросъ, входившій въ списокъ, казался сколько-нибудь серьезнымъ, сейчасъ же большинство голосовъ высказывалось противъ признанія его обязательнымъ случаемъ международнаго судебнаго разбирательства. Большинство готово было рѣшиться на судъ въ такихъ, напримѣръ, спорахъ, какъ интерпретація договоровъ о безвозмездной помощи больнымъ иностранцамъ или о наслѣдованіи послѣ скончавшихся иностранныхъ матросовъ; оно начинало уже колебаться, когда рѣчь шла, напримѣръ, объ охранѣ литературной и артистической собственности, исчезало, когда вотировался, напримѣръ, вопросъ о таможенныхъ пошлинахъ. Результатъ этотъ нельзя было назвать благопріятнымъ. Никакого реальнаго значенія обязательство обращаться къ суду для

истолкованія спорныхъ постановленій конвенцій о наслѣдованіи послѣ иностранныхъ матросовъ имѣть не можетъ,—не можетъ потому, что изъ-за вопроса, кто наслѣдникъ стараго платья, оставленнаго матросами, государства едва-ли спорятъ особенно часто, а если и спорятъ, то споры эти лишены всякой остроты. Вѣдь нельзя же на самомъ дѣлѣ считать, что между двумя государствами должны нарушаться отношенія изъ-за такого спора, а, съ другой стороны, матеріальное значеніе послѣдняго едва-ли будетъ достаточнымъ оправданіемъ даже для самыхъ минимальныхъ расходовъ на третейскій судъ.

Исходъ голосованія заставлялъ сомнѣваться въ искренности защитниковъ обязательнаго арбитража, тѣмъ болѣе, что попутно наблюдалось и то любопытное явленіе, что государства особенно охотно голосовали за обязательность судебнаго истолкованія такихъ категорій договоровъ, которыхъ они никогда не заключали.

Родоначальники проекта, повидимому, сознавали слабыя стороны вотума. Нельзя было спокойно согласиться на то, что все сколько-нибудь серьезное вычеркивалось изъ списка обязательныхъ случаевъ третейскаго суда и въ конвенціи оставались лишь пункты, подобные международнымъ конфликтамъ изъ-за наслѣдствъ матросовъ. Ими придумана была поэтому слѣдующая комбинація. Предложено было включить въ самую конвенцію лишь получившіе большинство голосовъ нумера списка случаевъ обязательнаго обращенія къ третейскому суду, а остальные нумера составляли какъ бы нѣкоторый „резервный фондъ“. Говорилось такъ: есть, кромѣ безспорныхъ, еще и оспариваемые случаи третейскаго суда; государства соглашаются только перечислить ихъ, не принимая общаго обязательства имъ подчиняться; но они условливаются, что въ Гаагѣ будетъ храниться своеобразная „таблица“, въ которой будутъ перечислены государства и всѣ казусы обязательнаго суда второй категоріи; каждое государство будетъ имѣть право въ этой таблицѣ поставить послѣ своего имени и въ графѣ опредѣленнаго казуса условный знакъ, изъ котораго будетъ вытекать, что оно принимаетъ казусъ; тогда этотъ казусъ будетъ предметомъ обязательнаго арбитража въ отношеніяхъ между этимъ государствомъ и всѣми остальными государствами, поставившими тотъ же условный знакъ въ графѣ того же казуса. Такая таблица для „механическаго“ заключенія договоровъ дополняла проектъ объ обязательномъ арбитражѣ, построенный на основахъ перечисленныхъ выше разнообразныхъ предложеній.

Уже въ комитетѣ изъ восемнадцати государствъ, обсуждавшемъ списокъ обязательныхъ случаевъ третейской юстиціи и о

которомъ упомянуто выше, обнаружилось, что въ средѣ Конференціи имѣется группа государствъ, которая не согласна пойти на обязательность арбитража даже относительно самыхъ ничтожныхъ по своему значенію вопросовъ. Во главѣ этой группы стояли Германія и Австро-Венгрія. Въ коммиссіи, въ которой участвовали уже всѣ государства и куда перенесено было обсужденіе вопроса, эта группа выросла до восьми. Сопротивленіе, оказанное ею принципу обязательнаго арбитража, было рѣшительнымъ и принципіальнымъ. Вотъ какъ оно мотивировалось въ моментъ перехода къ окончательному голосованію:

„Я сталкиваюсь съ мыслью—говорилъ германскій делегатъ баронъ Маршаль—что Конференція должна „что-нибудь сдѣлать“ для мира. Слова „что-нибудь сдѣлать“ были всегда мнѣ въ высшей степени антипатичны въ дѣлахъ законодательныхъ. Я часто встрѣчалъ ихъ и наблюдалъ ихъ опасное вліяніе въ парламентской жизни. Я еще болѣе боюсь ихъ вліянія, когда дѣло идетъ объ измѣненіи международнаго права“. Система, предложенная на обсужденіе,—продолжалъ ораторъ—страдаетъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что предлагаетъ сразу связать государства всего міра единымъ договоромъ объ обязательномъ арбитражѣ, искусственно подыскивая что-нибудь такое, что̀ могло бы служить предметомъ такого арбитража. „Идутъ не отъ содержанія къ рамкѣ, напротивъ, начинаютъ съ того, что берутъ самую большую возможную рамку, берутъ весь міръ, и потомъ ищутъ предметы, которые могутъ заполнить эту рамку. Ихъ подбираютъ случайно, гдѣ находятъ, и потомъ занумеровываютъ. Это—списокъ. Такъ какъ списокъ кажется недостаточнымъ, изобрѣли таблицу. Каждое государство заноситъ свое имя въ рубрику отдѣльныхъ казусовъ, чтобы потомъ узнать, послѣ расшифровки таблицы, съ какимъ государствомъ оно связано обязательнымъ третейскимъ судомъ. Выборъ казусовъ свободенъ, зато выборъ контрагентовъ исключается“.

Эти упреки по адресу проекта обязательнаго арбитража, которые сопровождались еще цѣлымъ рядомъ техническихъ юридическихъ возраженій, нельзя не признать сильными. Во всякомъ случаѣ они были продуманными и искренними. Бравируя громадное большинство въ пользу обязательнаго арбитража въ всемірной конвенціи, группа его противниковъ обнаруживала, на мой взглядъ, гораздо болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу, нежели довольно лицемѣрныя потуги „сдѣлать что-нибудь“ (faire quelque chose) для этого принципа. Я скажу—даже слишкомъ серьезное, но въ этомъ виною, вѣроятно, національность лидеровъ группы—нѣмцевъ.

Какъ бы то ни было, но veto группы положило предѣлъ всѣмъ усиліямъ большинства. За отсутствіемъ единогласія пришлось оставить проектъ установленія обязательнаго арбитража. Послѣдняя попытка, сдѣланная русской делегаціей, примирить большинство и меньшинство, не удалась, и въ заключительномъ актѣ конференціи остался лишь блѣдный слѣдъ горячихъ преній по этому вопросу, напоминавшій по формѣ „резолюцію" о разоруженіи первой и второй Конференцій мира. Въ заключительномъ актѣ говорится:

„Конференція единогласно 1) признаетъ принципъ обязательнаго арбитража и 2) объявляетъ, что нѣкоторые споры, а именно тѣ, которые относятся къ интерпретаціи и примѣненію международныхъ договорныхъ постановленій способны подлежать обязательному третейскому рѣшенію безъ всякихъ оговорокъ".

Я не берусь судить, насколько цѣлесообразно принятіе подобныхъ, столь же торжественныхъ, сколь и безсодержательныхъ формулъ, маскирующихъ невозможность соглашенія, и ограничиваюсь воспроизведеніемъ ея въ качествѣ подведеннаго самою Конференціей итога своихъ работъ по вопросу объ обязательномъ арбитражѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ этотъ оффиціальный итогъ работы Конференціи является нѣсколько преуменьшеннымъ. Вышло такъ, что внѣ непосредственной связи съ общими преніями относительно обязательнаго арбитража, работая надъ частнымъ вопросомъ, центръ котораго лежалъ далеко отъ принципіальнаго спора объ обязательности или необязательности арбитража, Конференція установила попутно, именно путемъ міровой конвенціи, противъ которой представлено было столько возраженій, случай, гдѣ обращеніе къ третейскому суду является отнынѣ обязательнымъ.

Такой результатъ получился потому, что Конференція санкціонировала такъ-называемую „доктрину Драго". Какъ извѣстно, вооруженное вмѣшательство нѣсколькихъ крупныхъ европейскихъ державъ въ дѣла Южной Америки ради охраны пострадавшихъ въ Венецуэлѣ денежныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, имѣвшее мѣсто въ 1902 г., вызвало чувства горячаго возмущенія противъ учиненнаго надъ однимъ изъ южно-американскихъ государствъ насилія въ большинствѣ сосѣднихъ странъ, связанныхъ съ Венецуэлой и общностью племенной и культурной, и общностью историческихъ судебъ. Выразителемъ этого настроенія явился аргентинскій министръ иностранныхъ дѣлъ Драго, формулировавшій тотъ энергичный протестъ, который сталъ скоро извѣ-

стенъ, какъ „доктрина Драго". Эта доктрина сводилась къ тому, что, какъ основной принципъ американской политики, провозглашалась невозможность допустить, чтобы денежные разсчеты могли служить оправданіемъ вооруженнаго вмѣшательства и занятія территорій американскихъ государствъ со стороны болѣе могущественныхъ европейскихъ державъ. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшей судьбою этого спора; достаточно сказать, что уже въ первомъ засѣданіи Конференціи мира делегація Соединенныхъ-Штатовъ заявила, что она намѣрена поставить на обсужденіе вопросъ о взысканіи по долговымъ обязательствамъ въ отношеніяхъ между государствами, т.-е. о „доктринѣ Драго". Въ американскомъ предложеніи тезисъ Драго видоизмѣнялся въ томъ смыслѣ, что на будущее время признавалось необходимымъ обращаться для урегулированія денежныхъ споровъ между государствами къ третейскому международному суду и, лишь въ случаѣ отказа принять арбитражъ или подчиниться уже произнесенному третейскому рѣшенію, признавалось возможнымъ обращаться къ силѣ. Такое положеніе не совпадало съ подлинной „доктриной Драго". Присутствовавшій на Конференціи авторъ послѣдней, а за нимъ и огромное большинство южно-американскихъ делегатовъ возражали противъ того косвеннаго освященія войны, которое это предложеніе въ себѣ заключало, но Соединенные-Штаты энергично отстаивали его противъ этихъ „возраженій слѣва", противъ болѣе радикальныхъ тенденцій въ рѣшеніи вопроса, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставили дѣло такъ, что ни одно европейское государство не пожелало настаивать на сохраненіи права безусловнаго обращенія къ силѣ для охраны денежныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, безъ предварительнаго обращенія къ третейскому разбирательству. Такимъ образомъ, принята была измѣненная „доктрина Драго", именовавшаяся на Конференціи по имени американскаго делегата „предложеніемъ Портера", и большинство подписало конвенцію подъ громоздкимъ названіемъ: „Конвенція касательно ограниченія въ примѣненіи силы для взысканія по вытекающимъ изъ контрактовъ долговымъ обязательствамъ". Изъ этой конвенціи слѣдуетъ, что государства въ спорахъ по долговымъ требованіямъ должны отнынѣ, прежде чѣмъ обратиться къ силѣ, подвергнуть споръ судебному международному разбирательству. Такъ, косвеннымъ путемъ, не рѣшаясь внѣшнимъ образомъ признаться въ этомъ, Конференція установила столь непріятный ея меньшинству случай обязательнаго арбитража.

Выше указано было, что, кромѣ проекта обязательности арби-

тража, была сдѣлана еще и другая попытка радикальнаго пересмотра конвенціи 1899 г.—путемъ созданія постояннаго арбитражнаго суда въ Гаагѣ. Значеніе этой попытки объясняли такъ:

„Самый фактъ существованія постояннаго третейскаго трибунала въ Гаагѣ,—говорилъ знаменитый голландскій юристъ Ассеръ,—даже безъ правовой обязанности къ нему обращаться, будетъ имѣть огромный моральный эффектъ съ точки зрѣнія интересовъ справедливости и права. Вы помните, господа, какъ великій монархъ—великій полководецъ и въ то же время ученикъ французскихъ философовъ XVIII-го вѣка,—готовый совершить несправедливость, былъ пораженъ возгласомъ простого мельника, который ему напомнилъ, что „есть судьи въ Берлинѣ". Онъ подчинился, „charmé que sous son règne on crut à la justice". И, господа, когда въ одинъ прекрасный день будетъ здѣсь засѣдать постоянный въ истинномъ смыслѣ слова судъ,... я увѣренъ,... что государству, которое будетъ желать сдѣлать несправедливость, напомнятъ, что „есть судьи въ Гаагѣ" (il y a des juges à La Haye)".

Та же мысль—въ нѣсколько иной формѣ—была высказана германскимъ делегатомъ, барономъ Маршалемъ ф. Биберштейномъ:

„Истинный постоянный судъ, составленный изъ судей, которые по своему характеру и по своему положенію, будутъ пользоваться всемірнымъ довѣріемъ, будетъ обладать силою, такъ сказать, автоматическаго притяженія въ отношеніи всѣхъ правовыхъ споровъ".

Главными защитниками проекта постояннаго гаагскаго суда выступили представители Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ. Внесенный ими проектъ былъ переработанъ совмѣстно съ англичанами и нѣмцами и, подъ наименованіемъ „англо-американо-германскаго", составлялъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ работъ Конференціи. Въ концѣ этихъ работъ получился совершенно неожиданный и странный результатъ. Былъ выработанъ подробный уставъ суда, были съ точностью установлены даже жалованье и суточныя будущихъ судей, не говоря уже о болѣе серьезныхъ вопросахъ, но оказалось невозможнымъ опредѣлить, кто будетъ назначать судей, какъ и въ какомъ числѣ. Получился судъ безъ судей. Этотъ странный результатъ, который не могъ не смутить всѣхъ поборниковъ формулы „il y a des juges à La Haye", образовался слѣдующимъ образомъ.

Англо-американо-германскій проектъ разрѣшалъ вопросъ о составѣ постояннаго суда такъ. Число судей должно было равняться семнадцати; общее число государствъ, имѣвшихъ уча-

ствовать въ составленіи суда—сорока-пяти. Изъ этихъ сорока-пяти государствъ восемь (Германія, Соединенные-Штаты, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія, Японія и Россія) должны были всегда имѣть въ составѣ суда ими назначеннаго члена. Оставалось засимъ девять судейскихъ мѣстъ на тридцать-семь государствъ. Такъ какъ нельзя было установить, что каждое государство назначаетъ $^{9}/_{37}$ одного судьи, то всѣ эти тридцать-семь государствъ разбивались на нѣсколько разрядовъ, причемъ каждому государству давалось право назначать, соотвѣтственно разряду, къ которому оно имѣло принадлежать, въ составъ суда своихъ членовъ на десять, четыре, два и одинъ годъ въ теченіе нормальнаго двѣнадцатилѣтняго оборотнаго срока.

Не трудно было построить такую схему, но надо было, сверхъ того, и расписать государства по указаннымъ пяти разрядамъ. Надо было сказать: „такое-то государство—держава перваго разряда", „такое-то—второго, третьяго, четвертаго разряда", „такое-то—пятаго, послѣдняго разряда". Объективныхъ признаковъ для такой классификаціи быть не можетъ, и она всегда произвольна. Составители англо-американо-германскаго проекта не остановились передъ осуществленіемъ столь деликатной операціи и, не смущаясь, всѣмъ указали „свое мѣсто". Они сказали Испаніи, Нидерландамъ и Турціи: вы—второго разряда; сказали тринадцати государствамъ: вы—третьяго разряда (здѣсь оказались въ перемѣшку Аргентина, Бельгія, Бразилія, Чили, Китай, Данія, Греція, Мексика, Норвегія, Португалія, Румынія, Швеція и Швейцарія); сказали четыремъ государствамъ (Болгаріи, Персіи, Сербіи и Сіаму): „вы—четвертаго разряда"; сказали восемнадцати остальнымъ: „а вы—послѣдняго разряда".

Легко представить себѣ, къ какому результату привела такая операція. Всѣ государства второго, третьяго, четвертаго и пятаго разрядовъ запротестовали самымъ энергичнымъ образомъ. Это вполнѣ понятно. Стоитъ только поставить себя въ положеніе делегата Колумбіи, напримѣръ, который привезъ съ собой домой съ Конференціи аттестатъ: „Колумбія—государство послѣдняго разряда", чтобы оцѣнить все легкомысліе надежды, что англо-американо-германская схема могла быть сочувственно принята большинствомъ участвовавшихъ въ мирной Конференціи государствъ.

Выразителемъ обиженныхъ явился дѣятельный и талантливый представитель Бразиліи—Руи Барбоза. Онъ заявилъ формальный протестъ противъ провозглашенія принципа неравенства государствъ. „Устройте судъ, гдѣ всѣ были бы равны, и тогда мы

на него согласимся"—такова тема его многочисленныхъ и сильныхъ рѣчей. Побѣда далась безъ особаго труда. Даже если бы восемь государствъ перваго разряда стояли за англо-американо-германскій проектъ,—чего не было,—то все-же всѣ остальныя государства представляли столь значительное большинство (пока государства были равны!), что провести сложную систему проекта оказалось невозможнымъ.

Сдѣланы были попытки спасти дѣло возвращеніемъ къ принципу равенства. Судьи имѣли избираться выборщиками въ равномъ числѣ отъ каждаго государства (такая схема была въ самомъ началѣ засѣданій предложена русскимъ делегатомъ Ф. Ф. Мартенсомъ), но эта комбинація была въ свою очередь гордо отвергнута нѣсколькими большими государствами, заявившими, что они не согласны въ своихъ спорахъ отдаваться на волю большинства маленькихъ государствъ.

Пришлось и проекты постояннаго суда сдать въ архивъ. Заключительный актъ Конференціи печально констатируетъ, что государства желали создать такой судъ и даже выработали прилагаемый „для свѣдѣнія" уставъ его, но не сошлись на маломъ, не могли сговориться, кто будетъ судьями и какъ ихъ назначать. Ассеръ могъ бы сказать въ концѣ Конференціи: „Il n'y aura pas de juges à La Haye"!

Настоящій очеркъ работъ второй Конференціи мира, вѣроятно, заставитъ читателей нѣсколько удивиться, если я добавлю, что, подводя итогъ своимъ работамъ, Конференція заявила намѣреніе собраться вновь въ 1915 году. Казалось бы, итоги эти не такъ богаты, чтобы оправдать слишкомъ большой оптимизмъ относительно результатовъ міровыхъ гаагскихъ съѣздовъ. Между тѣмъ, представители всѣхъ государствъ свѣта единодушно и единогласно вотировали предложеніе въ этомъ смыслѣ. Гдѣ объясненіе этого факта и каковъ смыслъ такого вотума? Принявъ постановленіе о съѣздѣ 1915 года, Конференція 1907 года заявила, что она вѣритъ въ формулу: „Гаагская Конференція Мира", что если даже эту формулу не пришлось наполнить какимъ-либо достойнымъ ея содержаніемъ, то все же было бы варварствомъ упразднить изъ-за временной неудачи не осуществленный, но великій замыселъ—это все равно, что разбить драгоцѣнный сосудъ только потому, что онъ пока остается все еще пустымъ.

Баронъ Б. Э. Нольде.

ИЗЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

5.—Сераль *).

Какъ царь Востока, я держу гаремъ,
Пріютъ любви, сераль сердечный.
Живетъ въ немъ рой красавицъ безупречный;
Онъ для другого глухъ и нѣмъ,
И только мнѣ онъ преданъ вѣчно.

Въ немъ нѣтъ рабынь, въ немъ плѣнницъ нѣтъ,
Нѣтъ томныхъ дочерей страны восточной;
И страсти грѣшной жаркій бредъ
Не осквернитъ въ немъ дѣвы непорочной;
Грѣхъ и соблазнъ гарему незнакомъ,
Затѣмъ что—въ сердцѣ онъ моемъ.

Все тихо въ немъ; не слышно оргій;
Иные тамъ живутъ восторги;
Ни рокота гитаръ, ни пѣсенъ нѣту тамъ,
Не курится смола тамъ дорогая...
Тамъ юность я свою, какъ чистый ѳиміамъ,
На алтаряхъ любви сжигаю.

---

*) См. выше: февр., стр. 525.

И нѣтъ въ немъ евнуховъ. О, нѣтъ,—чужимъ глазамъ
Своихъ затворницъ ввѣрить не хочу я:
Онѣ—въ душѣ моей. Не слышитъ воздухъ самъ
Именъ, которыя—шепчу я...

6.—Далекіе дни.

Она расцвѣтала красавицей пышной,
А я былъ ребенкомъ. Далекіе дни!
Домъ проданъ; и въ паркѣ ужъ смѣха не слышно,
    Заглохли дорожки въ тѣни.

Лишь голосъ, бывало, заслышу я властный,—
Прощайте, всѣ игры: бѣгомъ я спѣшу,
Подъ ласку спѣшу этой ручки атласной,
    И робко, и часто дышу.

И чтò за тревога и чтò за волненье,
Когда на пылающихъ жарко щекахъ
Скользнетъ эта ручка душистою тѣнью
    Съ перстнями на длинныхъ перстахъ!

Рѣшался не разъ я открыться признаньемъ...
Слова замирали. Лишь бѣгло, въ тоскѣ,
Какъ будто играя браслетомъ, лобзаньемъ
    Скользилъ я по милой рукѣ.

Она мои кудри ласкала, играя,
Небрежно, обманута дѣтствомъ моимъ,
Межъ тѣмъ какъ, въ восторгѣ нѣмомъ замирая,
    Сгоралъ я, тревогой томимъ.

Когда на востокѣ чуть брезжиться станетъ,
То значитъ—настала денница ужъ вновь.
Такъ дѣтское сердце красавица ранитъ,—
    И это любовь, ужъ любовь!

7.—Воздуху.

О, воздухъ,—жизни одна порука,
Объявшій все со всѣхъ сторонъ,
Даешь ты слуху отраду звука,
Идеямъ—слово, пѣснямъ—тонъ.
Ты крутишь грозно смерчѣй воронки,
Степей справляя шумный пиръ,
И чуть колышешь цвѣтовъ коронки,
Лобзая щеки, какъ зефиръ.
Знаменъ полотна ты рвешь мятежно,
Когда кипитъ народный гнѣвъ,
И прядь волосъ ты волнуешь нѣжно
На милой шейкѣ милыхъ дѣвъ.
Тобою ходятъ по небу тучи,
Дождей вмѣстилища живыхъ,
Тобою льется весной пахучей
Вздохъ ѳиміамовъ полевыхъ.
И мотылька ты сквозь сонъ качаешь,
И флотъ, свершающій свой путь,
И всѣмъ напитокъ ты свой вливаешь—
Въ листву древесъ, въ людскую грудь.
И безгранична твоя держава,
Ты все, наполнивъ, окружилъ.
Ты—голубого зенита слава,
Дыханье легкихъ, поръ и жилъ.
Внизу незримый, въ странѣ престольной
Чаруешь ты, какъ бирюза,
Какъ мысль подвижный, какъ крылья вольный,
Глубоко нѣжный, какъ глаза!

8.—Поэзія.

Когда о Промыслѣ вселенной,
О Богѣ слышу тщетный споръ,
Я говорю себѣ смиренно:
„На томъ же мѣстѣ до сихъ поръ!“

Да, я внимаю чуднымъ фразамъ,
Высокихъ словъ полны уста;
Но всѣ слова подобны вазамъ:
Удѣлъ красивыхъ—пустота.

Тогда, спасаясь отъ сомнѣнья,
Беру Эвклида въ тишинѣ,
И доказательствъ ясныхъ звенья
Наполнятъ свѣтомъ разумъ мнѣ.

И очевидность, факелъ знанья,
Меня плѣняетъ; въ этотъ мигъ
Я пью мое очарованье,
Пью достовѣрности родникъ.

Какъ чародѣй средневѣковый
Зналъ мощь таинственныхъ круговъ,
И заклинающее слово
Ему сзывало міръ духовъ,—

Такъ цѣлый міръ законовъ скрытыхъ,
Причинъ и слѣдствій длинный рядъ
Въ моихъ квадратахъ и орбитахъ,
Возникнувъ вдругъ, заговорятъ.

Трехъ линій чудное значенье
Черчу я тростью на пескѣ,
И мѣста больше нѣтъ сомнѣнью,
Держу я истину въ рукѣ.

Но мнѣ поэзія дороже,
Стихъ предпочелъ я чертежу;
Поэта вымысломъ я тоже
Тебѣ, о, истина, служу.

Наука медленно снимаетъ
За складкой складку твой покровъ,
Но всю въ порывѣ обнажаетъ
Тебя порою буря строфъ.

Вотъ почему я гордо пѣлъ бы,
Когда бъ высокъ былъ мой полетъ,
И, не завидуя, глядѣлъ бы,
Какъ Кеплеръ мѣритъ небосводъ.

И чувство, разума соперникъ,
Раскрыло бъ въ пѣньи лирныхъ струнъ
Мнѣ больше тайнъ, чѣмъ ты, Коперникъ,
Ведущій хоры солнцъ и лунъ.

9.—Въ Дуарненэ.

Тамъ воздухъ—влажный и соленый;
Лугъ омываетъ въ океанѣ
Своей одежды край зеленый—
Въ Дуарненэ, въ краю Бретани.

Въ Дуарненэ, въ краю Бретани,
Опасны острые утесы;
И, въ путь пускаяся, матросы
Себя святой вручаютъ Аннѣ.

Тамъ рыбаки сдвигаютъ лодки
На трудный ловъ зарею ранней;
Тамъ бѣдны жители и кротки,—
Въ Дуарненэ, въ краю Бретани.

Въ Дуарненэ, въ краю Бретани,
Голубоглазы, рѣзвы дѣти;
Тамъ мачты, паруса да сѣти
Въ молочно-голубомъ туманѣ.

Тамъ дѣвы строги и прекрасны,
И нѣтъ ланитъ нигдѣ румянѣй;
Сердца жъ ихъ преданны и ясны,—
Въ Дуарненэ, въ краю Бретани.

Съ франц. С. Пинусъ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ВЕРЕЩАГИНЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Посвящается И. Е. Рѣпину.

„И ты прошла! И ты — воспоминанье!..“
Апухтинъ: „Венеція“.

Изучая батальныя картины Верещагина, а равно воспроизведенія тѣхъ изъ нихъ, которыя не удалось намъ видѣть въ оригиналахъ, читая безчисленныя книги его и статьи, печатавшіяся по разнымъ вопросамъ жизни, часто слушая нападки на него, какъ на человѣка и какъ на художника, отрицавшія въ немъ даже талантъ—въ то время, когда повсюду воздавали ему хвалу за мужественную проповѣдь мира въ краскахъ,—видя, какъ около каждаго печатнаго воспоминанія Верещагина, съ безпощадной правдою разоблачавшаго тотъ или иной фактъ, ту или иную знаменитость недавняго прошлаго, мгновенно поднимались шумъ и вопли задѣтыхъ самолюбій,—чувствовалъ я, что не одно лишь простое любопытство влечетъ меня къ этому человѣку, заставляя жаждать встрѣчи съ нимъ, близкаго знакомства.

То это—огромный, убѣжденный въ силахъ своихъ, талантъ, то—ищущій еще дорогъ художникъ; то—заурядный смертный, то—чуть не геній; то азіатъ, то европеецъ; то суровый, безжалостный палачъ — въ отношеніи къ ближнему, то кроткій, прощающій „братъ милосердія“; то знаменитость, знающая себѣ цѣну и себя рекламирующая всѣми способами, то человѣкъ, жаждущій, чтобы

въ отношеніяхъ съ нимъ прежде всего забыли объ его лаврахъ; то симпатичный до жажды дружбы съ нимъ, то отталкивающій до презрѣнія... Все это какой-то вѣчно-мѣняющійся въ образахъ, въ формахъ, въ размѣрахъ хаосъ,—хаосъ живой, движущійся впередъ, все за собой увлекающій, отъ котораго трудно оторваться,—хаосъ непримиримыхъ, казалось бы, противорѣчій,—хаосъ, который, какъ лучъ божественнаго свѣта, пронизываетъ, озаряя, упрямое, страстное исканіе истины...

Все въ этой сложной, русской душѣ, совмѣстившей въ себѣ столь счастливо художника, писателя, археолога, воина и мирнаго гражданина, казалось издали чудной загадкой, которую хотѣлось бы разгадать личными силами.

I.

Мнѣ суждено было удовлетворить въ концѣ концовъ отчасти мое пытливое любопытство и познакомиться съ Василіемъ Васильевичемъ. И, быть можетъ, то, что̀ я сейчасъ разскажу, не лишено интереса, даже художественнаго, общественнаго значенія, и важно для біографіи Верещагина... Для меня же это—полоса счастья въ прошломъ...

Въ 1896 году, узнавъ изъ газетъ о томъ, что Верещагинъ кочуетъ съ картинами своими по Россіи, я приглашалъ его пріѣхать и въ Вильну, обѣщая ему взять на себя всѣ хлопоты по устройству выставки. Тогда еще не имѣлъ я понятія о томъ, что̀ такое—устройство выставокъ... Короткимъ оффиціальнымъ письмомъ Василій Васильевичъ отвѣтилъ, что врядъ-ли воспользуется на этотъ разъ приглашеніемъ, такъ какъ время и мѣста̀ для выставокъ его картинъ уже намѣчены. Къ письму была приложена фотографія съ автографомъ художника.

Лично мы съ Верещагинымъ въ то время еще знакомы не были, и я понялъ этотъ деликатный отказъ, какъ боязнь довѣриться неизвѣстному человѣку.

Прошло съ тѣхъ поръ около пяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не напоминалъ о существованіи своемъ знаменитости, упрекая себя за смѣлый шагъ, когда-то сдѣланный навстрѣчу,—какъ вдругъ, 7 октября 1900 г., рано утромъ, прислуга доложила мнѣ, что меня спрашиваетъ „какой-то вольный“, по фамиліи Верещагинъ. Я былъ очень занятъ, усталъ, только-что вернувшись съ вокзала изъ служебной командировки, и, думая, что ко мнѣ явился какой-либо проситель по одному изъ виленскихъ благо-

творительныхъ учрежденій, въ которыхъ я работалъ,—съ невольнымъ чувствомъ раздраженія поспѣшилъ я выйти къ незнакомцу въ гостиную, чтобы поскорѣй отъ него отдѣлаться. Къ моему изумленію и восторгу передо мною стоялъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, онъ, — мой тайный кумиръ, передъ картинами котораго я провелъ столько незабываемыхъ мгновеній: я тотчасъ же узналъ его по фотографіямъ.

Высокаго роста, худощавый, мускулистый, немного сутуловатый, съ блѣднымъ, продолговатымъ лицомъ, полнымъ ума и энергіи, съ большимъ, открытымъ, прекраснымъ, точно выточеннымъ изъ слоновой кости, лбомъ, съ глубоко, близко къ переносицѣ, сидящими, небольшими, ястребиными глазами, изъ-подъ густыхъ бровей, съ горбатымъ, смѣло-очерченнымъ носомъ и съ длинною, уже тронутой сѣдиною, бородой, изящный въ простотѣ манеры держаться, скромно одѣтый, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ сюртука—Верещагинъ, одной своею внѣшностью, сразу внушалъ удивительное къ себѣ довѣріе и симпатію.

Съ первыхъ же взаимныхъ привѣтствій заявилъ онъ мнѣ, что не забылъ моего давнишняго приглашенія и рѣшилъ, съ помощью моей, устроить небольшую, хотя бы, скромную выставку картинъ своихъ въ Вильнѣ, если я окажусь на лицо; а въ противномъ случаѣ намѣревался онъ проѣхать мимо. Конечно, мною была изъявлена немедленно полная готовность — служить его таланту по мѣрѣ силъ и умѣнья.

Пока я одѣвался, чтобы ѣхать разыскивать помѣщеніе — Верещагинъ осмотрѣлъ мои картины, а по возвращеніи моемъ въ гостиную, выразилъ свой восторгъ портрету П. В. Кукольника, работы К. Брюллова. Уже при мнѣ, съ помощью pince-nez, какъ мнѣ показалось ревниво, изучалъ онъ этюдъ Попова „Раненый солдатъ“.

Затѣмъ мы поѣхали съ нимъ въ генералъ-губернаторскій дворецъ, который въ то время пустовалъ, постепенно разваливаясь: генералъ-адъютантъ В. Н. Троцкій не пожелалъ жить въ старомъ, сыромъ, мрачномъ зданіи, которое звалъ „совинымъ гнѣздомъ“, и о капитальномъ ремонтѣ дворца поэтому не заботились. Но лучшаго мѣста для предстоявшей выставки трудно было бы найти въ городѣ, особенно въ виду того, что въ тѣ дни въ Вильнѣ вообще не имѣлось большихъ, свѣтлыхъ помѣщеній. При нашемъ визитѣ въ дворцѣ производился поверхностный ремонтъ, т.-е. кое-что замазывалось штукатуркою, кое-что подкрашивалось, бѣлилось. По комнатамъ лежало много всякаго сора, грязи... Зрѣлище было не изъ пріятныхъ...

Василій Васильевичъ, быстро пробѣжавшій по зданію, остановился сейчасъ же на огромномъ танцовальномъ залѣ второго этажа, примыкающемъ къ такъ называемымъ „царскимъ комнатамъ“, какъ на помѣщеніи, въ которомъ удобно можно было бы размѣстить картины небольшой выставки.—Бродя по заброшенному огромному дворцу, много разсказывалъ я художнику о прошломъ г. Вильны и этого историческаго зданія, о временахъ „диктатора“, графа М. Н. Муравьева, показывалъ ему покои, въ которыхъ жилъ графъ, комнату, гдѣ недавно еще мученически умеръ генералъ Оржевскій, и т. п. Я хорошо зналъ и зданіе, и связанныя съ нимъ мрачныя легенды... Но напрасно разспрашивали мы стариковъ изъ состава дворцовой прислуги, водившихъ насъ по дворцу, о томъ, въ какомъ мѣстѣ была въ 1812 году знаменитая комната, въ которой русскій генералъ Балашовъ такъ смѣло и остроумно—если вѣрить ему на слово—бесѣдовалъ съ Наполеономъ, и гдѣ передъ тѣмъ находился походный кабинетъ Александра I: отъ исторической комнаты, конечно, не осталось даже воспоминаній, о чемъ, впрочемъ, я зналъ уже ранѣе изъ бесѣдъ съ мѣстными учеными старожилами.

Выйдя съ грустнымъ чувствомъ изъ дворца, осматривали мы, затѣмъ, съ Верещагинымъ—отъ избытка времени—многочисленные виленскіе церкви и костелы.

По дорогѣ произошла у насъ встрѣча съ описавшимъ 1812-ый годъ генераломъ В. И. Харкевичемъ, нынѣ умершимъ... Оказалось, что генералъ не былъ до того лично знакомъ съ художникомъ, хотя и послалъ какъ-то ему свое сочиненіе по отечественной войнѣ. Я ихъ тутъ же, на улицѣ, познакомилъ. Верещагинъ оживился, еще разъ благодарилъ Харкевича за его книгу, замѣтивъ, что ему особенно понравилось въ ней то мѣсто, гдѣ Владиміръ Ивановичъ ловко и тонко прошелся насчетъ фельдмаршала Витгенштейна. Разставшись съ генераломъ, мы долго еще бродили по городу, причемъ Верещагинъ много разсказывалъ мнѣ о другѣ своемъ М. Д. Скобелевѣ; мимоходомъ, когда бесѣда зашла объ искусствѣ,—коснулся онъ произведеній Рѣпина, Айвазовскаго и другихъ художниковъ. Сужденія его были рѣзки, не всегда справедливы, характеристики нѣкоторыхъ знаменитостей—порою прямо безпощадны. Напримѣръ, съ восторгомъ вспоминая о Скобелевѣ, какъ боевомъ генералѣ и другѣ своемъ, Верещагинъ замѣтилъ съ циничной откровенностью:

— Но какъ человѣкъ это былъ полнѣйшій м.....

О томъ же Скобелевѣ, нѣсколько минутъ позднѣе, онъ выразился, снисходительно усмѣхнувшись: „Бѣлый генералъ писалъ

немножко безграмотно"... Въ такомъ же духѣ были и другіе отзывы его о Скобелевѣ, которые — признаться сказать — задѣвали сердце мое, расположенное къ нашему герою. Удивляясь И. Е. Рѣпину, какъ согласившемуся принять профессуру въ Императорской Академіи Художествъ, Верещагинъ передавалъ, будто бы и ему предлагали подобную же профессуру, но что онъ отъ нея отказался, такъ какъ, по его мнѣнію, занятія профессора, отнимая время, только губятъ талантъ; а времени для художника въ жизни и безъ того, обыкновенно, мало.

По словамъ Василія Васильевича, вообще избѣгалъ онъ знакомствъ съ собратьями по искусству, картины свои писалъ усидчиво, страдая надъ ними и приходя въ ярость отъ неудачъ; показывалъ же ихъ постороннимъ лишь вполнѣ законченными.

Когда коснулся я болѣе всего поразившихъ меня своею правдивостью картинъ его на сюжеты изъ русско-турецкой войны, — Верещагинъ замѣтилъ, что онъ слишкомъ близко стоялъ къ императору Александру II-му, къ великимъ князьямъ и ко многимъ главнымъ дѣятелямъ этой драмы, слишкомъ много видѣлъ въ тѣ дни и перечувствовалъ для того, чтобы по достоинству оцѣнить всю „мишуру" славы человѣческой, а также поведеніе, аппетиты и вкусы „лукавыхъ царедворцевъ" и „золотыхъ фазановъ" царской свиты, пившихъ шампанское и объѣдавшихся на Лукулловскихъ пирахъ—въ то время, когда русскій солдатъ безропотно голодалъ, мерзнулъ и умиралъ. Слушая Василія Васильевича, представлялъ я его себѣ, съ его взглядами и наблюдательностью, съ его ядовитой рѣчью и неумѣньемъ лгать, въ этой блестящей, разномундирной толпѣ, о которой вспоминалъ онъ теперь не только съ нескрываемымъ презрѣньемъ, но по временамъ даже съ ненавистью. Тутъ же передалъ онъ мнѣ, что кое-кто узналъ себя на картинахъ его въ отрицательныхъ типахъ героевъ войны, а нѣкто Б. даже явился къ нему, обиженный, съ объясненіями, увѣряя, что это съ него списалъ онъ, Верещагинъ, военнаго въ картинѣ „Si jeune et si décoré". По словамъ Василія Васильевича, едва удалось ему убѣдить расходившагося „героя" въ томъ, что написалъ онъ „типъ", а не портретъ-каррикатуру...

Верещагинъ передавалъ мнѣ, въ это свиданіе, разговоръ свой насчетъ картинъ изъ русско-турецкой войны съ императоромъ Александромъ III-мъ, Миротворцемъ, который вообще относился къ нему, по его замѣчанію, какъ къ художнику, „сдержанно", находя сюжеты его произведеній „слишкомъ мрачными". Видѣлъ картины его и Государь Императоръ Николай II, обла-

сказшій Верещагина и державшій себя удивительно просто. Тутъ же была и Императрица, съ которой Василій Васильевичъ говорилъ по-англійски.

Картина изъ эпохи 1812-го года съ надписью: „Vive l'Empereur!“, изображающая Наполеона, ѣдущаго по полю со свитою ко рву, заполненному трупами, по признанію Верещагина, была написана имъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ изъ русско-турецкой войны, когда самъ онъ однажды не могъ проѣхать верхомъ на лошади за грудами труповъ [1]).

Въ свою очередь, во время нашего скитанья по городу, увлеченный горячимъ тономъ, откровенностью новаго моего симпатичнаго, внушающаго къ себѣ довѣріе, знакомаго, разсказывалъ я ему все новыя и новыя подробности объ историческомъ прошломъ родной мнѣ Вильны, о современной Вильнѣ, которою онъ интересовался, объ ея главныхъ дѣятеляхъ, живыхъ и умершихъ, о русско-польскихъ отношеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Изрѣдка и Верещагинъ вставлялъ свои замѣчанія, доказывавшія его начитанность.

Когда проходили мы по Благовѣщенской улицѣ, — я показалъ ему—для характеристики глупыхъ пріемовъ „обрусенія“— надъ входными дверями древняго римско-католическаго костела Св. Духа (Доминиканскаго) старинный лѣпной гербъ, въ которомъ находился прежде, между прочими эмблемами, и одноглавый орелъ. Полиція, вѣроятно во времена Муравьева, нашла такого польскаго орла неумѣстнымъ и дерзкимъ на русской улицѣ и, не долго думая, по-своему „обрусила“ гербъ по-просту, приказавъ придѣлать орлу вторую лѣпную голову, что испуганные ксендзы и исполнили, при томъ крайне аляповато, на-скоро, неумѣло, такъ что передѣлка бросалась въ глаза прохожимъ—какъ и въ самый день нашего обхода Вильны.

Верещагинъ громко хохоталъ, убѣдившись съ помощью pince-nez въ справедливости словъ моихъ, надъ подобнымъ пріемомъ „обрусенія“.

По мѣрѣ того какъ я и Василій Васильевичъ приглядывались другъ къ другу, бесѣда наша принимала все болѣе и болѣе сердечный, откровенный, веселый характеръ; Верещагинъ, повидимому, съ огромнымъ интересомъ вслушивался въ слова мои.

— Да записываете ли вы все это?!—неоднократно, останавли-

---

[1]) Какъ этотъ разговоръ, такъ и послѣдующія сообщенія Верещагина, не довѣряя своей памяти, заношу я изъ дневниковъ, составленныхъ непосредственно вслѣдъ за встрѣчами съ художникомъ, лишь кое-что дополняя и по памяти.

ваясь въ серединѣ моей рѣчи, на тротуарѣ, не обращая вниманія на прохожихъ, восклицалъ онъ:—Какія мѣткія характеристики у васъ выходятъ!

Я отвѣтилъ, что имѣю привычку вести изрѣдка дневникъ, куда кое-что и попадаетъ.

— Непременно! Непремѣнно!—одобрялъ онъ:—Пишите ваши воспоминанія!..

А когда, затѣмъ, мы встрѣтились съ городскимъ головою, генераломъ П. В. Бертгольдтомъ, и я ихъ тутъ же, на улицѣ, познакомилъ, то Верещагинъ,—кипучій, увлекающійся,—подъ впечатлѣніемъ минуты, сказалъ ему про меня:

— Надо ходить за Александромъ Владиміровичемъ съ фонографомъ, чтобы записывать разсказы его и характеристики...

Съ Верещагинымъ мы посѣтили въ тотъ же день,—по моему выбору,—рисовальную школу художника Ив. Петр. Трутнева, Муравьевскій музей, позавтракавъ вдвоемъ въ Георгіевской гостинницѣ. Во время завтрака, Василій Васильевичъ ворчалъ на кушанья, раздражался, хотя, видя мой конфузъ (угощалъ я), поспѣшилъ увѣрить, что, при „бродяжничествѣ", онъ пріучилъ себя „глотать и не такую дрянь".

— Надо бы забѣжать на поклонъ къ смотрителю генералъ-губернаторскаго дворца...—колебался онъ, точно спрашивая тутъ моего совѣта:—По опыту знаю, какъ могутъ иногда навредить такіе человѣчки, если обойдешь ихъ, задѣнешь ихъ самолюбіе...

Я убѣдилъ его въ томъ, что хорошо знакомъ съ генералъ-адъютантомъ Троцкимъ, отъ котораго, по отношенію ко дворцу, все зависитъ; что унижаться до такого визита ему, извѣстному художнику, какъ бы и не къ лицу...

— Охъ! Напакоститъ еще намъ съ вами смотритель!.. Есть между ними преудивительныя канальи!—морщился Василій Васильевичъ:—А меня не убудетъ отъ визита...

Онъ словно вымаливалъ у меня разрѣшеніе на визитъ, какъ милость.

Но я рѣшительно запротестовалъ—и посѣщеніе не состоялось...

На вокзалѣ я предупредилъ Верещагина, что сомнѣваюсь въ матеріальномъ успѣхѣ его выставки, зная настроеніе виленскаго общества, равнодушіе его къ искуству вообще и успѣхи здѣсь лишь концертовъ музыкальныхъ знаменитостей да предпріятій съ яркой, польско-національною окраскою...

— Поляки не пойдутъ,—увѣрялъ я:—а свои, русскіе, если поддержатъ, то вяло...—Вильну же того времени я охарактеризовалъ ему, въ отношеніи къ искусству, „порядочной ямою".

Меня самого начинала уже пугать возможная перспектива провала выставки,—и тайно я бранилъ себя за то, что, въ увлеченіи искусствомъ, забылъ матеріальную сторону дѣла, которая раскрылась вдругъ передо мной, во всей ея сложности, лишь тогда, когда съ Верещагинымъ стали мы дѣлать примѣрныя цифровыя выкладки предстоящихъ расходовъ по выставкѣ... Да и самъ онъ показался мнѣ слишкомъ капризнымъ, измѣнчивымъ въ настроеніяхъ: того и гляди, что нарвешься съ нимъ на непріятность!.. Но Василій Васильевичъ въ тотъ день былъ, повидимому, совсѣмъ въ иномъ, радужномъ, настроеніи...

— Не говорите! Не разочаровывайте!—затыкая уши, твердилъ онъ: — Деньги мнѣ нужны до зарѣза... Выставка должна дать чистый доходъ... Слышите ли—должна!!.. А въ успѣхѣ ея, познакомившись съ вами, я теперь вполнѣ увѣренъ... Любя меня, какъ художника, вы окажете мнѣ эту услугу!..

Пути отступленія, такимъ образомъ, оказались отрѣзанными. Оставалось надѣяться, что Василій Васильевичъ передумаетъ, измѣнитъ маршрутъ выставки, и картины, такимъ образомъ, минуютъ Вильну...

Разстались мы на вокзалѣ болѣе чѣмъ дружелюбно. При Василіи Васильевичѣ почти никакого багажа не было. Съ живостью юноши вскочилъ онъ въ вагонъ. А черезъ нѣсколько дней получилъ я изъ Москвы отъ него письмо (отъ 10 октября 1900 г.), разрушавшее всякія сомнѣнія: Верещагинъ сообщалъ, что уже написалъ за-границу о томъ, чтобы картины были высланы въ Вильну, на мое имя; что скоро пришлетъ онъ мнѣ провозное свидѣтельство, т.-е. право на впускъ въ Россію картинъ; что ко мнѣ же будутъ присланы еще—одна картина изъ Москвы, да изъ Одессы фотографическіе снимки съ прежнихъ его произведеній. Его пугалъ только кусокъ драпировки, сфабрикованной для декораціи картинъ въ Парижѣ—въ смыслѣ возможной придирки со стороны русской таможни, хотя, тутъ же, въ письмѣ, онъ увѣрялъ, что не кривитъ душою, такъ какъ ввозитъ матерію не для продажи, а взамѣнъ истрепавшейся въ Парижѣ русской матеріи. Обѣщая выслать мнѣ въ помощь прислугу свою, опытную въ устройствѣ выставокъ, Верещагинъ писалъ:

„Не затрудняйтесь, пожалуйста, дать совѣтъ при случаѣ! Увѣряю васъ, что мнѣ и въ голову не придетъ возлагать на васъ отвѣтственность за него, ибо я хорошо знаю, что только ваша любовь къ искусству и уваженіе къ моему имени можетъ

продиктовать вамъ его" [1]... „Займу, вѣроятно, не наваливая картину на картину, залы четыре. Кабы только ремонтъ былъ конченъ?"—„Дайте заранѣе поблагодарить васъ за ваше доброе расположеніе и пріятельскія услуги!"

Признаться, упоминаніе о четырехъ залахъ дворца меня тогда же немного смутило, такъ какъ во всемъ дворцѣ имѣлась лишь одна зала, на верху, которую Верещагинъ и выбралъ, да къ ней примыкало нѣсколько комнатъ, парадно убранныхъ, объ уступкѣ которыхъ я въ тѣ дни и не мечталъ. Были еще три небольшихъ, мало удобныхъ, комнаты, которыя нельзя было назвать „залами". Я думалъ, что объ этихъ послѣднихъ, неправильно назвавъ ихъ, и говоритъ Верещагинъ, а также предполагалъ, со словъ его, что присылаемыя картины не очень большихъ размѣровъ, что поэтому онѣ удобно помѣстятся даже въ одномъ большомъ залѣ... Соображая, что, въ крайности, въ залѣ и въ этихъ двухъ-трехъ комнатахъ можно установить съ успѣхомъ еще бóльшее число незначительныхъ по размѣру произведеній Верещагина (онъ все толковалъ со мною о „небольшой" выставкѣ),—я написалъ ему, что прошу увеличить число обѣщанныхъ картинъ новыми, для тóго, чтобы выставка вышла полнѣе и интереснѣе, а затѣмъ, изъ осторожности, спросилъ его о размѣрахъ присылаемаго.

На это, письмомъ отъ 21-го октября, Василій Васильевичъ, умолчавъ о размѣрахъ картинъ, сообщилъ мнѣ, что картины изъ Франціи уже посланы на мое имя и, вѣроятно, скоро прибудутъ въ Вильну,—скорѣе, чѣмъ пріѣдетъ служащій, посылаемый мнѣ въ помощь по устройству выставки; что онъ пришлетъ еще воспроизведенія прежнихъ своихъ работъ и еще матеріи для декорированія выставки; что въ концѣ ноября самъ онъ явится для устройства выставки; просилъ меня лично наблюсти за осторожной выгрузкою картинъ изъ вагоновъ, за тщательнымъ вскрытіемъ ихъ въ таможнѣ и еще болѣе осторожной перевозкою въ генералъ-губернаторскій дворецъ съ вокзала... Такъ какъ опять ни слова не говорилось о какихъ-либо большихъ холстахъ, то я успокоился. Между нами завязалась, по поводу выставки, оживленная переписка; причемъ Верещагинъ, точно съ умысломъ, упрямо не отвѣчалъ мнѣ на мои настойчивые вопросы о томъ, сколько произведеній своихъ онъ высылаетъ и какого каждое изъ нихъ размѣра. Это заставляло меня по-прежнему думать, что

---

[1]) Привожу это и послѣдующія письма художника въ выдержкахъ, съ пропусками.

зала, а въ крайности тѣхъ комнатокъ при немъ, по соображеніямъ лично видѣвшаго все помѣщеніе художника, вполнѣ хватитъ...

24-го октября 1900 г., Верещагинъ начинаетъ письмо свое ко мнѣ такъ:

„Вѣрьте, что душевно говорю о прекрасно проведенномъ въ Вильнѣ днѣ. Если бы я немного запоздалъ (пріѣздомъ), не безпокойтесь—значитъ, только придется отложить немного открытіе выставки, но, во всякомъ случаѣ, въ самыхъ первыхъ числахъ декабря ее можно будетъ открыть. Въ фотографіяхъ моихъ не будетъ ничего нецензурнаго, а если бы, паче чаянія, вы усмотрѣли бы что-либо по мѣстнымъ условіямъ, то—по боку виновника, исключили №—и все тутъ!..“ [1])

„Не только многоуважаемый, но и милый, предупредительный Александръ Владиміровичъ,—писалъ мнѣ Василій Васильевичъ 30-го октября, уже изъ Одессы,—большое вамъ спасибо за дозволеніе не посылать сейчасъ моего человѣка, который мнѣ нуженъ здѣсь. Полагаю, что таможня всѣхъ ящиковъ не будетъ вскрывать, а если и вскроетъ, то осторожно. Затѣмъ, какъ вы говорите, ящики могутъ быть перевезены и поставлены внизу будущаго помѣщенія выставки. Человѣку, котораго вы будете добры приставить, нужно только сказать, чтобы все дѣлали осторожно, не стукали ящики, не бросали, закрыли бы при перевозкѣ, если будетъ сырая погода, брезентомъ, который, вѣроятно, есть у извозчиковъ“.—„Не знаю, есть ли во дворцѣ приспособленіе для освѣщенія по вечерамъ? Хорошо бы открыть картины не только днемъ, когда многіе изъ-за занятій не могутъ посѣщать выставку, но и вечеромъ?..“

Далѣе, снова послѣдовало предупрежденіе, что онъ, Верещагинъ, можетъ и запоздать съ пріѣздомъ, почему, въ такомъ случаѣ, открытіе выставки придется отложить, пожалуй, на конецъ декабря, захвативъ нѣсколько дней и въ январѣ. .

Послѣднее обстоятельство, т.-е. возможность отсрочки дня открытія выставки, очень стѣсняло меня.

Выпросивъ, наконецъ, по отъѣздѣ изъ Вильны Верещагина, съ трудомъ, у В. Н. Троцкаго залу верхняго этажа дворца и прилегавшія къ ней три гостиныхъ, которыя на-скоро ремонтировались, я встрѣтилъ (какъ то и предвидѣлъ Верещагинъ) неудовольствіе на это разрѣшеніе со стороны дворцоваго управ-

---

[1]) А потомъ, въ числѣ фотографій, мнѣ присланныхъ, оказались и воспроизведенія картинъ изъ жизни Христа, запрещенныхъ; онѣ помѣщались на лѣстницѣ, и на содержаніе ихъ я обратилъ вниманіе лишь въ концѣ выставки. Но до конца послѣдней онѣ не были сняты.

ленія, особенно когда, по моему настоянію, генералъ-губернаторъ приказалъ ускорить ремонтъ. Комнаты, въ виду предстоявшаго зимою генералъ-губернаторскаго бала, были даны мнѣ лишь на извѣстный, притомъ короткій срокъ. Такимъ образомъ, отсрочка дня открытія выставки и продленіе послѣдней на январь ставили меня прямо въ безвыходное положеніе—прежде всего въ отношеніи Троцкаго.

Кромѣ того, едва началъ я приводить въ исполненіе планъ мой — устройства во дворцѣ выставки, — какъ обнаружились разныя неудобства и затрудненія, которыхъ ранѣе предвидѣть было нельзя.

Такъ, старыя печи и трубы дворца оказались подозрительными, даже прямо опасными въ пожарномъ отношеніи. Въ окна дуло. За прочность пола и потолка не ручались. Входная (со двора) дверь была такъ ветха, что сквозь щели ея виднѣлась по вечерамъ луна. Обнаружилось много и другихъ недостатковъ. Все это впослѣдствіи, когда, наконецъ, организовалась выставка, отравляло мнѣ покой мыслью о возможности пожара и гибели художественныхъ произведеній, уже объѣхавшихъ Россію и Европу. Настроеніе мое окончательно стало мрачнымъ, когда мѣстныя страховыя учрежденія, ссылаясь на свои уставы, отказались принять въ страховку картины Верещагина. Только послѣ устройства выставки общество „Россія“, изъ любезности ко мнѣ, согласилось на это. Да и то страховка продолжалась лишь мѣсяцъ, и я, въ видахъ экономіи, застраховалъ выставку ниже ея, указанной мнѣ Верещагинымъ, стоимости. А до того и послѣ выставка оставалась, опять-таки въ цѣляхъ экономіи, незастрахованною, и, въ случаѣ весьма вѣроятнаго пожара, вся отвѣтственность передъ художникомъ и передъ цивилизованнымъ міромъ пала бы исключительно на меня. Вообще, на душѣ у меня было невесело...

А мой новый знакомый, бросившій мнѣ на руки такую сложную, отвѣтственную задачу, то порхалъ по Россіи, такъ что трудно было его найти, то словно нарочно не отвѣчалъ на мои письма, то по-прежнему обходилъ многіе вопросы, между прочимъ и о размѣрѣ, числѣ картинъ, молчаніемъ...

Тѣмъ не менѣе, если въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, порекомендовалъ онъ мнѣ еще и открытіе выставки по вечерамъ при особомъ освѣщеніи (о чемъ ранѣе у насъ и рѣчи не было), то въ послѣдующихъ письмахъ аппетиты его, повидимому, все увеличивались—въ то время, какъ энергія моя ослабѣвала. Верещагинъ точно не желалъ входить въ мое положеніе, выслу-

шивать подробныя сообщенія о мѣстныхъ условіяхъ, о возникавшихъ трудностяхъ, даже видимо тяготился этими мелочами. А я въ нихъ уже тонулъ, задыхался, не имѣя до того никакого понятія о томъ, какъ устраиваются выставки. Въ то же время самъ Верещагинъ, въ письмахъ его, полонъ былъ личными заботами, соображеніями, планами, которые меня не касались и даже постоянно становились поперекъ того, что̀ я задумывалъ на мѣстѣ... При этомъ, если непріятно поражала меня практическая дѣловитость художника, котораго, по теоріи, я хотѣлъ видѣть идеалистомъ,—то еще болѣе огорчала меня постоянная измѣнчивость настроеній его, взглядовъ, указаній... И по мѣрѣ того, какъ подвигалось дѣло организаціи выставки, письма отъ Василія Васильевича стали сыпаться все чаще, все противорѣчивѣе одно другому, все неопредѣленнѣе... Любезные эпитеты, которыми пересыпаны эти листы почтовой бумаги, хранимые теперь мною, какъ драгоцѣнность, по воспоминанію прошлаго,—въ тѣ дни нисколько не подслащали пилюли, а только раздражали. При чтеніи ихъ, не разъ вырывалось у меня заглушенное чуть не проклятіе по адресу моего неуловимаго, вездѣсущаго, симпатичнаго, но вѣтренаго корреспондента... Къ тому же, связавшись съ выставкою, я какъ бы пересталъ жить личной жизнью, а съ головой ушелъ въ мелочи чуждаго мнѣ предпріятія... Пришлось даже взять отпускъ, для того, чтобы не развлекаться службой.

„Милый, дорогой, многоуважаемый! Дайте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за любезность и предупредительность вашу!"—писалъ, между тѣмъ, 8-го ноября Верещагинъ:—„Это по-товарищески, по-дружески!.. Теперь отвѣчаю. Картины о Трансваалѣ не будетъ; будутъ полотна, относящіяся до пребыванія Наполеона I въ Россіи, а также кое-какіе этюды Сѣвера и Юга Россіи. Надѣюсь вамъ скоро прислать изъ Москвы каталоги, тогда вы будете хорошо знать, что̀ выставляется".—„Человѣкъ мой выѣдетъ, вѣроятно, 28—29-го и, значитъ, примѣрно 1—2-го будетъ у васъ, гдѣ немедленно начнетъ дѣлать мольберты для постановокъ. Я пріѣду взглянуть на то, что̀ онъ сдѣлаетъ, какъ уставитъ картины—и утеку, оставивши васъ хозяиномъ: примите прессу, начальство и публику. Затѣмъ, если можно, пошлете мнѣ немного денегъ, а коли нельзя—что̀ дѣлать!"—„Еще разъ благодарю васъ за желаніе быть полезнымъ и за боязнь не сдѣлать какъ слѣдуетъ. Заочно жму вашу дружескую руку".—„Вѣдь, если бы открытіе выставки отложилось немного, то можно было бы оставить ее до 10-го января вмѣсто 7-го".

Отложить?!—Конечно, Верещагинъ не подозрѣвалъ, съ какой неохотою данъ мнѣ Троцкимъ дворецъ, при томъ на срокъ, и какъ негодуетъ на меня за это дворцовая администрація!!.. Изъ чувства жалости скрывалъ я отъ него до времени часть подобныхъ „терній"... Успокаивало меня, однако, сообщеніе объ „этюдахъ", т.-е. маленькихъ вещахъ, которыя, значитъ, легко размѣстятся. Я не подозрѣвалъ, что Верещагинъ именуетъ такъ саженныя полотна...

А Василій Васильевичъ, точно въ благодарность за эту деликатность, продолжалъ, не отвѣчая на мои серьезные, дѣловые вопросы, надѣлять меня пустяками.

Такъ, 14-го ноября, писалъ онъ мнѣ:

„Нужно пригласить хорошенькую польку, которая не боялась бы болтать между дѣломъ съ публикой. Относительно цѣны за входъ я долженъ сказать, что, въ принципѣ, противъ особыхъ дней для аристократіи; но если вы такъ рѣшите, то дѣлайте, какъ хотите—предоставляю все совершенно на ваше усмотрѣніе. Если найдете, что освѣщеніе можетъ быть недурное и недорогое—сдѣлайте: выиграете нѣсколько часовъ свободнаго для всѣхъ времени каждый вечеръ. Полагаю, что для учащихся нужно назначить 15 коп.".—„Вы справедливо говорите, что нужно избѣгать разочаровывать. Поэтому, въ самомъ дѣлѣ, нужно сказать, что будутъ картины, относящіяся до кампаніи Наполеона въ Россіи, этюды Сѣвера и Юга Россіи и воспроизведенія всѣхъ прежнихъ картинъ художника. Въ Варшавѣ было больше картинъ; но вы объ этомъ не говорите. И то сказать, тамъ помѣщеніе и окна были много больше. Большія полотна здѣсь, у васъ, трудно было бы поставить. Мой служащій—опытенъ и все скажетъ вамъ—будьте въ этомъ спокойны".

Особенно огорчило меня упоминовеніе въ этомъ письмѣ о „хорошенькойililпелькѣ"...

„Вѣроятно, онъ предполагаетъ, что та будетъ трещать съ посѣтителями по-польски, тогда какъ это запрещено въ публичныхъ мѣстахъ Вильны! — съ досадою думалъ я.—Очень мнѣ нужно принимать публику, начальство, прессу!.. И какая же „пресса" въ Вильнѣ!?" Тѣмъ не менѣе, пользуясь хоть бѣглымъ указаніемъ Верещагина о предполагаемомъ составѣ выставки, напечаталъ я соотвѣтствующія замѣтки въ мѣстныхъ газетахъ. Статьи эти были, затѣмъ, использованы и въ другихъ органахъ печати, внѣ Вильны...

„До Одессы дошли извѣстія"—писалъ Василій Васильевичъ 18-го ноября изъ этого города—„о готовящейся яко-бы у васъ

грандіозной выставкѣ моихъ картинъ. Въ виду этого, чтобы не обмануть ожиданія виленцевъ, я рѣшилъ отложить выставку моихъ новыхъ полотенъ въ нѣкоторыхъ городахъ до другого раза и прислать ихъ, т.-е. эти новыя полотна, въ Вильну же, къ вамъ. Новыя заботы моему милому пріятелю!.. Но чтò дѣлать: взявшись за гужъ и проч."...—„Въ виду такого увеличенія картинъ и расходовъ согласитесь, пожалуйста, на цѣну—въ будни въ 30 коп., для воскресныхъ дней оставивъ 20 коп. Спрашиваю васъ объ этомъ потому, что вы признали подходящею цѣной для Вильны 20 коп. Учащимся можемъ назначить 15 коп.".

Долженъ оговориться, что если я изъ переписки моей съ Верещагинымъ не выкидываю эти вѣчныя соображенія его и колебанія относительно платы за входъ, то потому что, рисуя практичность, измѣнчивость художника, они показываютъ, въ то же время, въ какое я былъ поставленъ имъ тогда неопредѣленное, прямо невозможное, положеніе.

Въ тотъ же день писалъ Василій Васильевичъ о необходимости сдѣлать въ отправленномъ мнѣ каталогѣ слѣдующую поправку:

„Къ заголовку: „Конецъ Бородинской битвы"—„Vive l'empereur!"—надобно прибавить: „Вдали, на бѣломъ конѣ, показывается тихо объѣзжающій поле сраженія Наполеонъ".—Если бы вы нашли, что прибавленное очень коротко и пусто, то соблаговолите прибавить, чтò найдете нужнымъ изъ посылаемыхъ при семъ каталоговъ—русскаго и французскаго. Я урѣзалъ такъ много объясненій потому, что при вѣроятной дороговизнѣ печатанія въ Вильнѣ не хотѣлъ дѣлать большихъ издержекъ; печатаніе же въ Москвѣ сопряжено, при спѣхѣ, съ опаздываніями въ присылкѣ. Прошу васъ, не волнуйтесь отъ тѣхъ недомолвокъ, которыя могутъ встрѣчаться въ моихъ письмахъ. Все уладится".—„Относительно цѣны за входъ предоставляю вамъ распоряжаться, какъ вы найдете лучшимъ"...

Но могъ ли я не волноваться, когда жизнь моя, благодаря выставкѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осложнялась?!..

До полученія приведеннаго только-что письма ѣздилъ я въ Вержболово—выручать картины Верещагина, направлявшіяся изъ Парижа. Отъ начальника таможеннаго округа было у меня съ собою особое рекомендательное письмо: я просилъ его оказать мнѣ и художнику Верещагину содѣйствіе—въ смыслѣ возможно болѣе осторожнаго обращенія съ картинами.—По пріѣздѣ въ Вержболовскую таможню, къ ужасу своему, нашелъ я картины распаковывавшимися изъ ящиковъ. Мало того, благодаря не-

брежности чиновника, еще разъ, уже при мнѣ, вскрыли всѣ ящики. Мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ грубыя, рабочія, равнодушныя руки съ трескомъ, огромными инструментами, взламывали толстыя доски ящиковъ, ворочали, швыряя о землю, самые ящики, какъ на картины (все небольшія по размѣрамъ) градомъ сыпались стружки — несмотря на просьбы мои и щедрое — „на чай". Хорошо, что самъ Верещагинъ не видѣлъ этой сцены!.. Впослѣдствіи сознавался онъ мнѣ, что, предчувствуя волненія, избѣгаетъ быть зрителемъ подобныхъ „операцій" съ его произведеніями... Дѣлаю выписку изъ дневника моего, чтобы изобразить душевное настроеніе, охватившее меня въ Вержболовѣ:

„Благодареніе Богу за то, что даетъ Онъ мнѣ возможность изъ засасывающей среды мелкихъ душъ вырваться хоть иногда въ міръ высокаго искусства!"—занесъ я туда же, по возвращеніи въ Вильну: — „Не забуду того восторга, который унесъ меня далеко отъ таможни, чиновниковъ, мастеровыхъ, публики,—когда въ Вержболовѣ удалось мнѣ впервые взглянуть на картины Верещагина... Право, въ Вильнѣ иногда задыхаешься... И вдругъ пріѣзжаетъ Верещагинъ, отыскиваетъ меня, ввѣряетъ мнѣ судьбу своихъ картинъ, выставки!.. Боюсь заболѣть, чтобы какъ-нибудь не потерять случая — послужить искусству, великимъ идеямъ, которымъ посвятилъ свой талантъ Верещагинъ. Поймутъ ли въ Вильнѣ то счастье, которое является съ открываемой мною выставкой! Мнѣ хотѣлось бы, чтобы тысячи сошлись поклониться русскому генію... Не вѣрится, что чудныя произведенія, словно какой-нибудь пріютъ чистыхъ, хорошихъ дѣтей, ввѣрены моему попеченію!!."

Подобный взглядъ на отношеніе къ выставкѣ меня только и подбадривалъ...

Между тѣмъ, Верещагинъ изъ Одессы, въ письмѣ отъ 22-го ноября, писалъ:

„Вы заняли меня въ Вильнѣ интересными разсказами, многоуважаемый Александръ Владиміровичъ; но чтобы вы были такая прелесть — этого я не подозрѣвалъ!.. Благодарю, благодарю и благодарю — вотъ все, что могу сказать. На вашъ вопросъ, когда буду—скажу, что, въ виду посылки картинъ еще и отсюда, открытіе выставки замедлится и вамъ необходимо будетъ выпросить еще недѣльку послѣ Крещенья — въ виду того, что теперь выставка будетъ большая и жалко будетъ закрыть ее, не давши осмотрѣть всѣмъ, кто желаетъ, т.-е. не продержавши ее открытой, по крайней мѣрѣ, 21—25 дней"... — „Увѣряю васъ, что и

вы немного виноваты въ этой отсрочкѣ: сюда дошли ваши любезныя сообщенія въ газеты о томъ, что будетъ грандіозная выставка, съ картинами изъ Парижа, Москвы и Одессы. Въ сущности же, предполагалось выставить 30 вещей съ сотнею фотографій, снимковъ со старыхъ картинъ. Чтобы избѣгнуть разочарованія, которому необходимо подверглись бы поляки, и маленькаго стыда русскихъ за то, что „гора родила мышь"—я и рѣшилъ прибавить и новыя полотна, отказавшись отъ мысли послать ихъ въ Харьковъ, Кіевъ и другіе города, гдѣ уже были готовы для нихъ помѣщенія. Не только въ этомъ нѣтъ бѣды, но есть, напримѣръ, хорошее, такъ какъ будетъ полная, интересная выставка, которою вы, какъ я вижу, съумѣете заинтересовать городъ. То, что вы сообщаете о посѣщеніи школъ, очень утѣшительно мнѣ. По правдѣ сказать, школы могутъ смотрѣть мои картины, такъ какъ б....й на полотнахъ нѣтъ"...

Въ томъ же письмѣ, послѣ новыхъ соображеній и варіацій на тему о входной на выставку платѣ, Василій Васильевичъ сообщалъ:

„Повторяю, картинъ будетъ такъ много, что не знаю, куда размѣстимъ ихъ".—„Около 10 декабря, значитъ, я навѣрное буду въ Вильнѣ. Не будетъ ли у васъ къ тому времени хорошенькаго личика польской блондинки съ голубыми глазами—набросать на полотно?—Здѣсь я набросалъ очень красивую дѣвушку южнорусскаго типа. Желательно бы типичное лицо и изъ вашихъ мѣстъ". — „Далась ему полька!" — съ досадой прочелъ я это мѣсто посланія...

На слѣдующій день Верещагинъ умолялъ уже меня, чтобы я добился у Троцкаго—предоставленія дворца хотя бы до половины января.

„Поратуйте!"—писалъ онъ:—„это будетъ послѣднее преодолѣваемое препятствіе! Если закрыть выставку раньше 12—15-го января, то половина города не успѣетъ посмотрѣть ее. Выхлопочите, потому, мнѣ право—держать до воскресенья 14-го; въ три дня, затѣмъ, все будетъ уложено и отослано, а помѣщеніе очищено. Не взыщите, что безъ церемоніи далъ вамъ столько хлопотъ—послѣ множества уже оказанныхъ услугъ дѣлу выставки. Думается, что вы сможете выхлопотать и это маленькое исключеніе?—Васъ уважающій, добрый другъ вашъ В. В."

Дѣйствительно, со всевозможными „но", при новомъ, тайномъ сопротивленіи дворцовой администраціи, удалось мнѣ выпросить у Троцкаго отсрочку дня закрытія выставки до половины января.

Но Василій Васильевичъ не унимался. Его видимо по-преж-

нему сильно безпокоила цифра входной платы, т.-е. доходъ съ выставки.

Хотя онъ яко-бы и предоставилъ ранѣе разрѣшеніе этого вопроса всецѣло мнѣ, но въ письмѣ отъ 24-го ноября, когда я сообщилъ ему о предназначенной мною платѣ, получились новыя указанія: „Отвѣчаю вамъ, дорогой пріятель, съ тою же откровенностью, съ которой вы пишете“, резонировалъ Верещагинъ: „Нѣтъ, не согласенъ такъ перебивать цѣны! По опыту знаю, навѣрное никто не пойдетъ, изъ боязни — ошибиться цѣною. Нужно назначить одну цѣну — или 20 коп., или 30 коп. Какъ вы полагаете лучше?—Тѣ, которые не хотятъ толкаться, могутъ приходить по утрамъ, когда обыкновенно бываетъ мало народа. Если доходъ будетъ, я могу послѣ дать въ пользу бѣдныхъ. Покамѣстъ же — сознаюсь вамъ въ этомъ — мнѣ желательно заработать выставкою въ Вильнѣ, ибо финансы мои не въ порядкѣ. Если хотите, назначьте понедѣльники дорогимъ днемъ, въ 40 коп. Но помните, что это будетъ въ полномъ смыслѣ слова баловство, простите, за выраженіе, вѣрьте моей опытности: изъ-за 50 — 100 человѣкъ, которые посѣтятъ въ такой день, можетъ быть 200 отойдутъ отъ дверей разочарованными и многіе, можетъ быть, иногородные!!..“ — „Что касается платы учащимся, то она будетъ, какъ вы пишете, 15 коп., а за входъ классами съ учителями по 5 коп. по запискѣ: сколько прошло — столько пятачковъ. Далѣе этого, пожалуйста, не идите! Если вы хоть кого-нибудь будете пускать даромъ, другіе также запросятся. Бѣдныхъ вѣдь вездѣ непочатой уголъ, *но отъ нихъ первый есмь азъ!..* Безъ шутокъ!“ — „Лучше всего за входъ 25 коп. Учащіеся — 15 коп.“.

Пока, подъ вліяніемъ подобныхъ, досадныхъ для меня, колебаній Верещагина относительно входной платы и умолчанія его о числѣ, размѣрахъ картинъ, при несочувствіи въ виленскомъ обществѣ къ предстоявшей выставкѣ и заявленіяхъ отдѣльныхъ лицъ объ особой входной платѣ въ разные дни, я потерялъ аппетитъ и сонъ,—картины стали постепенно стекаться въ Вильну со всѣхъ сторонъ, при томъ нѣкоторыя въ огромныхъ, тяжелыхъ ящикахъ, невольно заставлявшихъ меня призадуматься: да размѣстятся ли дѣйствительно въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи всѣ эти гиганты?!.. Лично наблюдалъ я, часто подъ дождемъ и вѣтромъ, за вытаскиваніемъ изъ вагоновъ ящиковъ, за установкой ихъ на подводы и складываніемъ во дворцѣ, гдѣ шелъ еще ремонтъ и царствовалъ безпорядокъ. Помню, какъ подъ однимъ массивнымъ ящикомъ, по дорогѣ съ вокзала, подломилась телѣга и все чуть было не грохнулось на мостовую: съ ужасомъ закрылъ

я глаза... Но дѣло обошлось совсѣмъ благополучно... Приходилось при ящикахъ, сложенныхъ во дворцѣ, учредить особую стражу. Въ Вержболовской таможнѣ, за картины, придравшись къ чему-то, взяли таки штрафъ. На виленскомъ вокзалѣ, несмотря на всѣ мои просьбы и протесты, наложили другой штрафъ—въ 220 руб. — такъ какъ отправлявшій картины агентъ надписалъ на ящикахъ „лубочныя, безъ рамъ", что̀ было очевидною неправдой при значительныхъ размѣрахъ ящиковъ. Досмотрщики, какъ опытные люди, конечно, вскрыли послѣдніе, нашли въ нихъ картины въ рамахъ, написанныя масляными красками, почему съ торжествомъ и наложили пеню...

Кромѣ этихъ непредвидѣнныхъ убытковъ (а Верещагинъ по-прежнему все кричалъ о своей нуждѣ!), одна перевозка картинъ изъ Парижа въ Вильну стоила 550 рублей!.. Расходы по выставкѣ, еще неустроенной, съ каждымъ днемъ увеличивались. Я оплачивалъ ихъ деньгами, присланными художникомъ, но видѣлъ, что это только начало, не будучи увѣренъ, насколько успѣшно сойдетъ выставка, окупитъ ли она, по крайней мѣрѣ, тѣ расходы, которые уже сдѣланы и еще предполагаются впереди... А тутъ ни Верещагина, ни его обѣщаннаго „опытнаго" слуги!.. Не съ кѣмъ даже посовѣтоваться, разрѣшить сомнѣнія. На многія же мои письма я такъ и не получилъ отвѣта отъ вѣчно-кочующаго „пріятеля"...

Вотъ въ какомъ тяжеломъ настроеніи, убѣдившись, что картинъ масса и что многія изъ нихъ, судя по размѣрамъ ящиковъ, огромны, написалъ я, наконецъ, Верещагину откровенное письмо, къ которому приложилъ планъ дворцоваго зала и прилегающихъ къ нему трехъ гостиныхъ, упомянувъ, что изъ большихъ комнатъ можно разсчитывать лишь на одинъ залъ, который онъ уже видѣлъ, будучи въ Вильнѣ.

Тутъ-то и произошелъ между нами крупный инцидентъ, едва не оборвавшій навсегда добрыя отношенія наши и не разстроившій выставку...

Столкновеніе это настолько ясно характеризуетъ Василія Васильевича, какъ человѣка, что я хочу изложить его возможно подробнѣе, объективнѣе...

Въ отвѣтъ на письмо мое пришло отъ Верещагина слѣдующее плаксиво-бурное посланіе (отъ 27 ноября):

„Дорогой Александръ Владиміровичъ. Только-что получилъ ваше письмо съ извѣщеніемъ о томъ, что не будетъ больше одного зала. А передъ этимъ вы пишете: „Однимъ словомъ, присылайте новыя картины непремѣнно!" И онѣ будутъ присланы,

но гдѣ же поставлены? Не въ одномъ же залѣ? Потому что другія каморки не могутъ серьезно считаться. Мнѣ надо теперь даже бо̀льшее помѣщеніе, чѣмъ то, что̀ вы показывали. Я только-что хотѣлъ просить васъ объ отводѣ или второй части этого же этажа, или части другого этажа, нижняго, потому что иначе не помѣстить. Вдругъ получаю извѣщеніе о томъ, что и того, что̀ вы показали мнѣ, какъ возможное будущее помѣщеніе, не даютъ. Что̀ теперь дѣлать? Сдѣланы затраты, отступить трудно; развѣ двинуть картины дальше, гдѣ выставка предполагалась позже. Но боюсь, что тамъ помѣщенія не готовы. Вмѣсто выставки, которая захватила бы городъ, заставила бы его подняться, устроимъ маленькій курятникъ и будемъ показывать нашихъ пѣтушковъ. Ай, какъ досадно! Вѣдь для того, чтобы сдѣлать хорошую выставку у васъ, я отказалъ Харькову, Кіеву и еще нѣкоторымъ городамъ! А вы взяли да отступили, вѣроятно, потому, что смотритель дома заартачился? Неужели Троцкій откажетъ? Милый Александръ Владиміровичъ, ратуйте! Выпросите какъ можно больше помѣщенія, иначе всѣ большія полотна останутся въ ящикахъ. Скажите это Троцкому! За что онъ меня наказываетъ? — Скажи вы мнѣ объ этомъ раньше — я навѣрное не послалъ бы, по крайней мѣрѣ, новыхъ полотенъ. А теперь что̀ дѣлать?! Ратуйте! Ратуйте!! Сказать вамъ не могу, до чего вы меня разстроили этимъ лаконическимъ извѣщеніемъ. Поговорите со смотрителемъ, попросите Троцкаго! Что̀ мы будемъ дѣлать съ этими тремя комнатами!?.. Только что хотѣлъ писать вамъ и поручилъ служащему моему, который первый пріѣдетъ, переговорить о томъ, чтобы устроить, если это не дорого будетъ стоить, вечерній свѣтъ, такъ какъ масса публики свободна только по вечерамъ. Теперь не знаю, что̀ и писать вамъ—буквально, перо валится изъ рукъ!.. Вы показали мнѣ рядъ комнатъ, сказали, что онѣ къ моимъ услугамъ: берите, сколько понадобится! Помните?—Я хотѣлъ просить дать теперь и нижній рядъ залъ, такъ какъ картинъ послана масса. А что теперь дѣлать! Какъ хотите, дорогой пріятель, получите отъ Троцкаго дозволеніе занять столько комнатъ—сколько понадобится. Я лично не испорчу, ни одного гвоздя не вколочу, а все сдамъ въ томъ же видѣ, въ какомъ приму. Поговорите со смотрителемъ и Виталіемъ Николаевичемъ! Это будетъ мой срамъ и разореніе, если вы не выхлопочете больше трехъ комнатъ. Лучше тогда совсѣмъ не открывать выставки, а послать ее дальше. Буквально, не стоитъ ѣсть киселя въ Вильнѣ... Ратуйте! Ратуйте!!"

Еще не дошло до меня только-что приведенное письмо Ве-

рещагина, какъ 27 ноября, въ одинъ день, — въ томъ числѣ ночью — одну за другой, — получилъ я отъ него три телеграммы:

а) „Прямо пораженъ урѣзкой помѣщенія. Все на смарку".

б) „Немыслимо размѣстить даже половину. Просите все помѣщеніе".

в) „Теперь необходимъ и нижній этажъ".

Не успѣлъ я отвѣтить еще на письмо отъ 27 ноября, какъ 29 ноября — новая телеграмма Василія Васильевича:

„Абсолютно необходимо настоять помѣщеніе. Послана масса картинъ".

На другой день отъ него же письмо (отъ 28 ноября) слѣдующаго содержанія:

„Простите меня, дорогой Александръ Владиміровичъ! Просто не узнаю васъ, пишущаго предложеніе *непремѣнно* посылать всѣ картины и потомъ приписывающаго извѣщеніе, что помѣщенія для нихъ не даютъ; но все-таки будетъ ладно. Со времени полученія вашего письма объ этомъ я — въ кошмарѣ: это разрушаетъ все, что̀ у насъ съ вами было задумано. Вѣдь расходы будутъ свыше 2.000 рублей! Подумали ли вы объ этомъ? Мыслимо ли покрыть ихъ крошечною выставькой? Захотите ли вы и Виталій Николаевичъ заставить меня приплатить въ Вильнѣ изъ своего кармана?!.. Прилагаю, на случай крайности, письмо къ Троцкому, въ которомъ ссылаюсь, какъ видите, прямо на васъ".

Дѣйствительно, при этой запискѣ было приложено незапечатанное письмо на имя генералъ-адъютанта Троцкаго, въ которомъ Верещагинъ писалъ, что проситъ дать ему больше помѣщенія для выставки — „по меньшей мѣрѣ то помѣщеніе, которое обѣщалъ въ самомъ началѣ дѣла полковникъ Жиркевичъ". Далѣе сообщалось про меня: „По его обѣщанію — дать столько мѣста, сколько понадобится, и потомъ по просьбѣ посылать *непремѣнно* всѣ мои работы, я послалъ массу картинъ, которыя теперь, при 2—3 даваемыхъ комнатахъ, придется на добрую половину оставить въ ящикахъ. Я просилъ бы ваше превосходительство приказать дать еще больше мѣста, чѣмъ то, что̀ обѣщалъ полковникъ, и тѣмъ дать мнѣ возможность сдѣлать дѣйствительно интересную выставку". — „Надѣюсь, что вы не захотите дать мнѣ потратить мои деньги въ Вильнѣ — расходы будутъ очень велики — и дадите мнѣ возможность съ честью представиться вашему городу".

Не унимаясь, 1-го декабря Василій Васильевичъ снова писалъ мнѣ:

„Честью увѣряю васъ, дорогой пріятель, что ни въ 4-хъ, ни въ 5-ти комнатахъ не уставить картинъ: есть огромныя полотна!.. Удивляюсь тому, что тотъ Александръ Владиміровичъ, котораго я позналъ по его удивительно осторожнымъ письмамъ, говоритъ прямо и рѣшительно: „Довольно этого помѣщенія! Мѣста хватитъ!“—Не хватитъ, вѣрьте мнѣ! Нужно просить еще 2—3 залы внизу, если не дадутъ наверху. Или тогда достать залъ въ какомъ-нибудь другомъ помѣщеніи, куда взятый здѣсь билетъ будетъ давать право входа. У меня было положено такъ, что всѣ новыя картины пойдутъ въ Харьковъ, а 35—40 прежнихъ—въ Вильну. Услышавши, что въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ пишутъ (вездѣ перепечатали), что туда идутъ картины изъ Парижа, Москвы и Одессы,—я рѣшилъ, чтобы не мисцифицировать публику, соединить все въ одномъ мѣстѣ, въ Вильнѣ, благо рядъ комнатъ, вами мнѣ предложенный, давалъ возможность выставлять все. Очевидно, смотритель дома подпустилъ свинью—такъ что мы не сдѣлали тогда такъ, какъ я предлагалъ, не пошли къ этому смотрителю на... поклонъ. Поговорите съ нимъ, добейтесь нѣсколькихъ комнатъ внизу, если нельзя получить наверху! Я ничего не испорчу, ничего, и, если нужно, дамъ форменную подписку въ этомъ! За что Троцкій зарѣжетъ мнѣ выставку? Развѣ ему не пріятно будетъ, что русскій художникъ заявитъ себя съ хорошей стороны?!.. Такъ и не могу помириться съ мыслью, что мнѣ сознательно подрѣжутъ крылья, и еще надѣюсь, что вамъ удастся убѣдить и Троцкаго, и смотрителя. Мой служащій пріѣдетъ, если не пріѣхалъ. Его зовутъ Петръ. Другой подъѣдетъ черезъ нѣсколько дней. Какъ писалъ уже вамъ, издержекъ будетъ не менѣе 2.000 руб. И какъ мы ихъ покроемъ маленькою выставкой—знаетъ одинъ Аллахъ. А грѣшно будетъ Троцкому отпустить меня изъ своего владѣнія съ приплатою изъ моего кармана!“

Теперь, когда со времени полученія всѣхъ этихъ писемъ и телеграммъ прошло такъ много времени и я могу разсуждать хладнокровно, поднятая Верещагинымъ буря, противорѣчія, которыми наполнены эти документы, кажутся мнѣ нелишенными комичнаго элемента. Но въ тѣ дни, когда и безъ того накопилось у меня на душѣ много досады и горечи по отношенію къ новому „пріятелю“, а нервы были напряжены до чрезвычайности, упреки его, вопли и претензіи больно меня кололи; мнѣ было не до смѣха...

По-прежнему Василій Васильевичъ не зналъ того, что генералъ Троцкій, котораго подозрѣвалъ онъ въ несуществовавшемъ

желанія причинить ему убытки, не только совершенно былъ равнодушенъ къ искусству, но безразлично, въ бесѣдахъ со мною, относился и къ предстоящей выставкѣ, и къ самому художнику. Если онъ согласился уступить часть помѣщенія дворца, то единственно изъ желанія лично сдѣлать мнѣ пріятное, причемъ, подъ вліяніемъ дворцовой администраціи, категорически высказался противъ отдачи парадныхъ гостиныхъ верхняго этажа, гдѣ стояла старинная мебель, бронза и висѣли портреты. Какъ-то даже, въ разговорѣ со мной, Виталій Николаевичъ съ неудовольствіемъ отпустилъ по адресу Верещагина соображеніе—въ томъ смыслѣ, что охота, молъ, ему, „всюду таскаться со своими картинами"!!..

Никогда не могъ я обѣщать Василію Васильевичу, въ чужомъ зданіи, къ которому никакого отношенія не имѣлъ, не переговоривъ предварительно съ хозяиномъ дворца, Троцкимъ,—отвода такого числа комнатъ, какое понадобится подъ выставку въ будущемъ. И потомъ, это упоминаніе о „курятникѣ" съ „пѣтухами"!!. Вѣдь хотѣлъ же онъ ранѣе и тѣмъ и другимъ угостить виленскую публику!?..

Признаться, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ произведенной на меня Верещагинымъ столь бѣшеной атаки, склоненъ былъ я думать, что онъ нарочно взводитъ на меня небылицы и умышленно ставитъ меня въ ложное положеніе по отношенію къ Виталію Николаевичу, для того, чтобы исполнить фантазію свою — объ устройствѣ, при моей помощи, возможно болѣе доходной выставки... Теперь, пока набрасываются эти строки, я хотѣлъ бы видѣть въ непріятномъ столкновеніи результатъ какого-то невыяснимаго недоразумѣнія, быть можетъ забывчивости Верещагина, неправильно понятыхъ имъ словъ моихъ...

Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ еще разъ пойти къ генералу Троцкому и, до времени не говоря ему объ имѣющемся у меня на имя его письмѣ, выпросить у него дополнительно и парадныя гостиныя, давъ слово, по окончаніи выставки, все возвратить въ цѣлости, поставить на свое мѣсто. Такъ какъ Виталію Николаевичу надоѣли постоянные разговоры о помѣщеніи и возраженія дворцовой администраціи, то—къ изумленію моему—онъ сейчасъ же на все довольно милостиво согласился.

Сообщая Верещагину объ этой новой, нежданной побѣдѣ, я, тѣмъ не менѣе, обиженный письмомъ къ Троцкому и неделикатной настойчивостью художника, высказалъ ему въ длинномъ посланіи мое негодованіе за то, что, ни разу не давъ мнѣ отвѣта на вопросы мои о числѣ, размѣрахъ картинъ, самъ не торопится онъ пріѣзжать въ Вильну, очевидно довольный случаемъ,

который далъ ему возможность всѣ хлопоты съ выставкой свалить на чужія плечи. Въ рѣзкой формѣ я спрашивалъ его, далѣе, желаетъ ли онъ, по-прежнему, чтобы я далъ ходъ письму его къ генералъ-губернатору, подчеркнувъ, что я взялся устроить выставку его произведеній, не какъ наймитъ, получающій за это деньги, а безкорыстно, изъ любви къ искусству, изъ уваженія къ имени великаго художника; что, въ подобномъ отношеніи моемъ къ выставкѣ, я не желаю исполнять капризы, выслушивать замѣчанія, приказанія, упреки; что я, наконецъ, достаточно усталъ и отъ хлопотъ, и отъ неопредѣленности положенія, въ которое ставитъ меня онъ же, Верещагинъ, почему—въ случаѣ необходимости передачи письма его Троцкому—отказываюсь отъ дальнѣйшаго участія въ выставкѣ...

Мой протестъ и рѣшительный тонъ произвели-таки свое дѣйствіе. Скоро получилъ я въ короткій промежутокъ времени отъ Василія Васильевича нѣсколько новыхъ телеграммъ, но уже покаяннаго содержанія:

а) „Дружески прошу—поратуйте! Прикажите моему служащему немедленно начать установку. Скоро буду“.

б) „Дружески прошу продолжать хлопоты“.

в) „Прошу дорогого пріятеля письма не передавать, хлопоты продолжать“.

г) „Спасибо, милый пріятель, прикажите Петру работать быстро плотниками, также натягивать большія полотна“.

Надо замѣтить, что 5 декабря пріѣхалъ въ Вильну, въ распоряженіе мое, слуга Верещагина Петръ, а за нимъ — и другой слуга, болѣе опытный и развитой, Василій. Наконецъ, 11 декабря появился самъ художникъ.

Личность слуги Василія настолько интересна и сама по себѣ, и по отношенію къ Верещагину, что не могу, чтобы на ней нѣкоторое время не остановиться.

Ко времени знакомства моего съ нимъ—Василій, сравнительно молодой человѣкъ, уже лѣтъ семь служилъ у Верещагина, много постранствовалъ съ картинами его и въ Россіи, и за границей, представляя изъ себя достаточно-таки потасканнаго нравственно и физически крестьянина (или мѣщанина), съ довольно, впрочемъ, еще красивой, хлыщеватой наружностью и претензіями на франтовство.

Верещагинъ съ юморомъ передавалъ мнѣ, что Василій, во время пребыванія выставки въ Парижѣ, пользовался огромнымъ успѣхомъ у парижанокъ и, сознавая, что тѣ имъ заинтересованы, нарочно, бывало, принималъ въ прихожей выставки красивыя

позы, давая собой любоваться. По словамъ художника, когда въ Берлинѣ выставку посѣтилъ нынѣшній императоръ Вильгельмъ, Василій былъ пораженъ величественной наружностью и поднятыми кверху усами послѣдняго, почему немедленно устроилъ изъ усовъ своихъ и себѣ такое же украшеніе, копируя императора. Съ подобными усами, съ гривой à la Capoule, явился Василій и въ Вильну. Человѣкъ этотъ сразу же мнѣ не понравился съ его претензіями на „лоскъ“, съ вкрадчивыми манерами и сладенькимъ теноркомъ, такъ какъ за всей этой напускной внѣшностью чувствовалась натура, которая не прочь и развернуться при случаѣ—въ какомъ-либо скандалѣ...

Верещагинъ не довѣрялъ Василію, а между тѣмъ часто принужденъ былъ, по собственному призванію его, оставлять и выставку, и доходы съ нея, пройдохѣ-слугѣ, отлично изучившему вкусы его, способы разставлять удобно картины въ данной обстановкѣ, поддерживать на выставкахъ порядокъ, подводить итоги. Много о личности слуги Василіи, объ его продѣлкахъ и самомнѣніи передавалъ мнѣ потомъ Верещагинъ, „мирясь“, какъ онъ выражался, „съ этимъ зломъ по необходимости“.

Зато и Василій не прочь былъ поразсказать про своего барина, прихвастнуть своими къ нему отношеніями.

До пріѣзда Верещагина—когда началось устройство выставки—Василій забавно разсуждалъ, напримѣръ, со мною о произведеніяхъ, присланныхъ въ Вильну, о томъ, съ какой стороны освѣщены они художникомъ и какого, поэтому, требуютъ освѣщенія на выставкѣ, какія картины „поважнѣй“, а какія изъ нихъ можно „пустить“ и въ полутемную комнату, какъ „не изъ очень важныхъ“. Интересны (и — надо отдать справедливость — довольно-таки мѣтки) были наблюденія Василія надъ публикою, посѣщающей выставку. Въ разсказахъ этихъ даже чувствовалось иногда нѣчто покровительственное, отношеніе какъ бы свысока „къ барамъ“, ничего не понимающимъ въ искусствѣ, а „прущимъ“—какъ выражался онъ — на выставку для того лишь, чтобы сказать, что и „они тутъ были со всѣми“. Василій постоянно вставлялъ въ разговоръ со мною: „Мы съ Василь Василичемъ...“; „у насъ съ Василь Василичемъ“...

Жаль, что, за недосугомъ, тогда же не записалъ я всѣхъ повѣствованій Василія о путешествіяхъ его съ картинами Верещагина по свѣту, нерѣдко полныхъ приключеній, про выходки его оригинала-барина, про природную горячность и скупость послѣдняго, которыя особенно подчеркивалъ болтливый слуга!..

Между прочимъ, передавалъ мнѣ Василій о томъ, какъ, въ

Лондонѣ, извѣстная О. Новикова пригласила къ себѣ за-просто Верещагина, при чемъ, зная, что тотъ не любитъ, избѣгаетъ большого общества, нарочно скрыла отъ него, что у нея будетъ въ честь его раутъ съ многочисленными гостями. Ничего не подозрѣвая, Василій Васильевичъ явился въ салонъ къ назначенному времени въ томъ самомъ потасканномъ, запыленномъ костюмѣ, въ которомъ устраивалъ выставку, а увидѣвъ, постороннихъ и догадавшись о ловушкѣ, безъ церемоніи убѣжалъ изъ дома.

Въ другой разъ Василій началъ хвастать передо мною тѣмъ, что Верещагинъ не только дѣлаетъ съ него для картинъ этюды, но и часто совѣтуется съ нимъ насчетъ своихъ произведеній, пока пишетъ ихъ въ мастерской. Полагаю, что эти заявленія, если откинуть въ нихъ невѣроятное, имѣли свое основаніе, такъ какъ я замѣтилъ, что у Василія, отъ частаго соприкосновенія съ произведеніями барина, развился вкусъ, пониманіе техники живописи, а однажды (когда выставка въ Вильнѣ уже открылась), при мнѣ, давалъ онъ вѣрныя указанія любителю-художнику изъ числа копировавшихъ съ картинъ на выставкѣ. Относительно же совѣтовъ, которые спрашивалъ у него Верещагинъ во время созданія своихъ картинъ, Василій откровенно разсказывалъ:

— Потрафишь ему—онъ и поблагодаритъ...

— Ну, а если не потрафите?..—спрашиваю его.

— Ну, а когда случалось, что не потрафишь, то и по мордѣ-съ отъ Василь Василича заполучишь...

Вообще, Василій рисовалъ барина своего, какъ горячку, способнаго въ минуту гнѣва на „скандалъ", на зуботычину, ломавшаго кисти, если не удавалась ему картина, и даже прорывавшаго съ досады холстъ... Но вспышка гнѣва прошла—и Василій Васильевичъ идетъ на мировую съ обиженнымъ, проситъ у него прощенья, даетъ ему на водку...

Бродя со мною по выставкѣ, Василій указывалъ на тѣ фигуры въ картинахъ, для которыхъ послужилъ онъ барину своему моделью. Дѣйствительно, присматриваясь, убѣдился я въ томъ, что въ разныхъ видахъ и позахъ изображенъ этотъ слуга на картинѣ 1812 года съ разстрѣливаемыми въ Москвѣ мужиками. Онъ же нарисованъ въ видѣ француза на лѣстницѣ, срывающаго въ Успенскомъ соборѣ съ иконъ ризы. Одѣтый въ форму изящнаго маршала, Василій стоитъ въ свитѣ Наполеона, глядящаго со стѣны Кремля на пожаръ Москвы...

Теперь, когда попадаются мнѣ въ изданіяхъ воспроизведенія знакомыхъ картинъ Верещагина, угадываю я то тамъ, то тутъ тщедушную, стройную, бѣлобрысую фигурку его слуги... И мнѣ

вдругъ сразу представится генералъ-губернаторскій дворецъ, безпорядокъ устраиваемой выставки—съ ея картинами, обрывками матеріи, брусьями распиленнаго дерева... И такъ грустно, что все это—уже въ прошломъ!!..

Другой слуга—Петръ—болѣе высокаго роста, былъ гораздо проще, но находился подъ дурнымъ вліяніемъ и „въ наукѣ" у Василія. И тотъ, и другой выпивали при мнѣ, хотя въ мѣру.

Съ обоими жилъ я во время выставки очень дружелюбно, не уличивъ ихъ ни въ чемъ предосудительномъ, хотя и имѣлъ на этотъ счетъ особыя секретныя инструкціи отъ Верещагина и его супруги—Лидіи Васильевны.

Когда выставка закрылась въ Вильнѣ и Василій съ Петромъ поѣхали вслѣдъ за картинами, я даже получилъ отъ нихъ съ дороги тронувшее меня до глубины души коллективное письмо, въ которомъ, желая мнѣ здоровья, благодарятъ они меня „за все". Письмо это храню я на память о быломъ вмѣстѣ съ автографами Верещагина.

Еще задолго до пріѣзда Василія Васильевича началась во дворцѣ спѣшная работа по устройству выставки—подготовка деревянныхъ мольбертовъ для картинъ, обивка ихъ малиновымъ бархатомъ, укрѣпленіе картинъ на подставки и натягиваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ (самыхъ большихъ, пріѣхавшихъ въ скатанномъ видѣ) на подрамники. Петръ и Василій, нанявъ въ помощь себѣ плотниковъ, дѣйствительно оказались мастерами своего дѣла. Работа закипѣла удивительно быстро. И я могъ не безпокоиться за промедленіе. Но все-таки множество вопросовъ приходилось разрѣшать самому, на мѣстѣ, брать кое-что на свой рискъ, платить чужія деньги, вести запись расходамъ, выдавать на содержаніе прислугѣ. Попутно, какъ грибы послѣ дождя, росли новыя и новыя разочарованія и непріятности. Порядочно возни доставила очистка парадныхъ гостиныхъ отъ обстановки—бронзы, мебели, ковровъ, драпировокъ, что̀ обошлось въ тридцать-пять рублей, при рискѣ, что рабочіе что-либо испортятъ, стащатъ. А я далъ слово Троцкому о безопасности предметовъ!..

Зато и награда за всю эту возню была для меня велика: одна за другой, при мнѣ, осторожно, умѣлыми руками Петра и Василія, вынимались изъ ящиковъ и укрѣплялись на подставки картины, которыми могъ я всласть, безъ публики, любоваться. А Василія Васильевича все еще не было!..

Прійдя, однако, утромъ 11 декабря 1900 года въ генералъ-губернаторскій дворецъ, для обычныхъ наблюденій по устройству выставки, увидѣлъ я, наконецъ, Верещагина, бродящаго по хо-

лоднымъ, промерзшимъ комнатамъ въ дорогой мѣховой шубѣ и мѣховой же шапкѣ.

Увидѣвъ мою фигуру, сдѣлалъ онъ сначала умышленно видъ, что меня не замѣчаетъ, потомъ, молча, сухо со мною поздоровался, потомъ вдругъ закипятился, затрясся, покраснѣлъ и засверкалъ глазами, закричалъ что-то объ „излишней горячности", и, замѣтивъ, что я тоже сильно взволнованъ, прервалъ на полуфразѣ упреки, обнялъ меня крѣпко-крѣпко, сталъ милъ, любезенъ...

„Всѣ недоразумѣнія между нами кончились въ четверть часа послѣ горячаго объясненія", — занесъ я тогда же радостно въ мой дневникъ.—„Онъ считаетъ правымъ себя, а я—себя; на томъ и покончили".

Василій Васильевичъ сейчасъ же повелъ меня по комнатамъ, какъ бы представляя мнѣ свои картины, давая о нѣкоторыхъ изъ нихъ объясненія. Василій и Петръ шли за нами; но Василій сдѣлался неузнаваемъ, вставлялъ замѣчанія свои съ опаскою, осторожно косясь на барина... А тотъ нѣтъ-нѣтъ да и вскипитъ при видѣ какой-либо неисправности—вскипитъ и мигомъ погаснетъ...

У Верещагина съ каждой картиною была связана масса воспоминаній; надъ всѣми ими онъ видимо много передумалъ, перечувствовалъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію... И въ тотъ день не скупился онъ дѣлиться со мною впечатлѣніями...

По словамъ его, въ огромной картинѣ, на которой изображенъ мертвый англичанинъ [1]) и дерущіяся надъ трупомъ его хищныя птицы, былъ еще значительный кусокъ вверху, гдѣ имѣлись и другія, дерущіяся между собой, хищныя птицы; но онъ, Верещагинъ, кусокъ этотъ отрѣзалъ, такъ какъ тотъ только портилъ общее впечатлѣніе, и обрѣзокъ этотъ остался валяться въ его московской мастерской.

На картинѣ, изображающей Наполеона, идущаго со свитою въ зимней обстановкѣ по тракту, обсаженному заиндевѣвшими березами, спасаясь изъ Россіи, какъ объяснилъ Верещагинъ, были на первомъ планѣ помѣщены два конныхъ кирасира, отдающіе императору честь. Для полноты впечатлѣнія онъ и ихъ также безжалостно закрасилъ.

Почти цѣлый день провели мы съ Василіемъ Васильевичемъ то во дворцѣ, то бродя по городу, гдѣ дѣлали визиты, которые, на мой взглядъ, могли оказать въ будущемъ пользу выставкѣ.

---

[1]) А ранѣе онъ же писалъ, что картины изъ Трансвааля не будетъ!..

Такъ, мы заѣхали къ попечителю виленскаго учебнаго округа В. А. Попову (куда пришелъ помощникъ его А. В. Бѣлецкій), заглянули въ редакцію „Виленскаго Вѣстника“. Я посовѣтовалъ Верещагину забросить карточку свою и въ редакцію другой мѣстной газеты—„Сѣверо-Западное Слово“, хотя самъ туда, по разнымъ соображеніямъ, съ нимъ не пошелъ. Верещагинъ обѣдалъ, затѣмъ, у меня, пилъ вечеромъ чай, и мы просидѣли съ нимъ, оживленно бесѣдуя, до одиннадцати часовъ вечера.

Едва познакомилъ я художника съ женою, какъ началъ онъ сейчасъ же, въ шутливо-серьезномъ тонѣ, который такъ шелъ къ нему, жаловаться ей на меня за мое послѣднее рѣзкое письмо, увѣряя, что я, судя по этому „документу“, слишкомъ нервенъ и что, продолжая такъ нервничать далѣе, могу окончить печально жизнь свою; что за мной надо слѣдить и т. п.

— Написалъ мнѣ вашъ мужъ письмо! — говорилъ Верещагинъ, притворно вздыхая и съ дѣланнымъ ужасомъ закатывая глаза къ потолку:—Выбранилъ, наговорилъ кучу непріятностей... Но этого ему мало!.. Еще приписка; за ней—другая... Въ припискахъ—вставки... Такъ его, молъ!.. Допеку! Такъ его!!.. На, получай!.. А вотъ тебѣ и еще, и еще!!..

Мы съ женой невольно смѣялись, когда Василій Васильевичъ жестами, гримасами изображалъ меня, пишущаго это горячее письмо, старающагося допечь его возможно больнѣе, обиднѣе... А изображать другихъ онъ былъ вообще большой мастеръ...

Скоро Верещагинъ сталъ чувствовать себя у насъ какъ дома, ежедневно обѣдалъ у меня, проводя все свободное отъ устройства выставки время въ моей квартирѣ. И мы съ женой понемногу стали привыкать къ своеобразной, быстро мѣняющей темы, рѣчи художника, къ его неожиданнымъ парадоксамъ, къ подчасъ рѣзкимъ сужденіямъ и несовсѣмъ удобнымъ словцамъ и кличкамъ. Дѣти мои вначалѣ дичились Василія Васильевича; но онъ быстро приручилъ ихъ. Особенно полюбила „дѣдушку“ маленькая, двухъ-лѣтняя Маня (мы звали ее тогда въ шутку „Марфушечкой“ за нѣсколько изумленное выраженіе ея личика). Вскорѣ безцеремонно не сходила она уже у художника съ рукъ, расправляя его чудную шелковистую бороду любопытствующими пальчиками, играя георгіевскимъ его крестомъ и часами. А Верещагинъ, обращаясь къ ребенку съ нѣжными кличками: „Милая ты моя!.. Хорошая!.. Желанная! Красавица!..“, которыя протягивалъ по слогамъ, бралъ дѣвочку на руки, осторожно, точно боясь уронить, подносилъ ее къ моимъ картинамъ

и, показывая, напримѣръ, на кисть винограда, дѣлалъ видъ, будто бы отрываетъ ягоды, кладетъ ихъ въ ротъ, высасываетъ; причемъ дѣвочка, въ свою очередь, вслѣдъ за „дѣдушкой", открывала ротикъ—въ ожиданіи и на свою долю заполучить виноградинку. Подойдя съ ребенкомъ къ картинѣ Айвазовскаго, Василій Васильевичъ звуками и движеніемъ руки изображалъ, какъ шумитъ, кàкъ переливается Черное море. Указывая на этюдъ художника Попова, гдѣ нарисованъ раненый нижній чинъ, онъ стоналъ, стараясь представить и голосомъ, и выраженіемъ лица страданіе изувѣченнаго солдата. Скоро Маня наша на вопросы Верещагина, какъ шумитъ море, какъ стонетъ солдатикъ, стала уже подражать новому своему знакомому и голосомъ, и жестами, чтò очень радовало, забавляло его.

Много интереснаго въ первый же вечеръ, за чаемъ, разсказалъ у меня Верещагинъ. Онъ полонъ былъ плановъ будущихъ своихъ путешествій, собирался ѣхать въ Китай, въ Америку, въ Африку. Ему не сидѣлось на мѣстѣ; его влекло въ даль; у него имѣлось уже разрѣшеніе начальства на поѣздку въ Портъ-Артуръ съ художественными цѣлями. Море, по признанію Василія Васильевича, дѣйствовало на него „убійственно"; онъ не переносилъ качки, страдалъ отъ жары во время долгихъ морскихъ переходовъ. А все-таки его словно тянуло нѣчто роковое къ этой именно стихіи!..

„Буду писать на морѣ восходы",—шутилъ онъ. Думалось ли ему о томъ тогда, у меня, съ „Марфушечкой" на рукахъ, какую ужасную могилу можетъ создать для него коварный океанъ?!.. Едва-ли!.. Но предчувствіе близкой смерти вообще преслѣдовало его въ тѣ дни пребыванія въ Вильнѣ... Онъ былъ убѣжденъ, что не вернется изъ задуманнаго имъ путешествія на родину. И не разъ возвращался онъ къ той же темѣ, какъ ни старался разубѣдить я его, высмѣять подобное настроеніе... Заговоритъ о близкой кончинѣ и перейдетъ, со слезами на глазахъ, къ своей семьѣ, къ дѣтямъ, съ которыми тяжело разставаться... Невольно хочешь спросить его: „Такъ зачѣмъ же вы все это бросаете?!.." И удержишься изъ деликатности: чужая душа—потемки...

Съ 11 по 15 декабря включительно почти не разставался я съ Василіемъ Васильевичемъ. По утрамъ сходились мы обыкновенно въ заранѣе условленный часъ на выставкѣ, а затѣмъ или блуждали по дворцу, бесѣдуя, дѣлясь впечатлѣніями, споря, между картинами, или визитировали по Вильнѣ, или просиживали у меня въ квартирѣ, на Большой Погулянкѣ, въ домѣ Буйко.

Усталость и хлопоты по устройству выставки, не уменьшавшіяся, а увеличившіяся съ пріѣздомъ Верещагина, къ сожалѣнію не позволяли мнѣ заносить тогда же своевременно въ дневники всего, о чемъ мы такъ горячо говорили и спорили съ незабвеннымъ художникомъ. Да въ тѣ дни я и не собирался писать о немъ воспоминаній, увѣренный, что при желѣзномъ здоровьи и неослабѣвающей энергіи и силѣ духа проживетъ онъ еще многіе, многіе годы, что мы съ нимъ еще когда-либо увидимся... Прежняя деликатность удерживала, конечно, и отъ многихъ, интересовавшихъ меня вопросовъ, съ которыми хотѣлъ бы я обратиться къ дорогому гостю — въ цѣляхъ разгадки сложнаго его характера... Тѣмъ не менѣе кое-что изъ нашихъ отношеній все же попало въ мой дневникъ, туда занесенное сейчасъ же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Какъ и въ первое наше свиданье, больше всего разсказывалъ Верещагинъ о генералѣ Скобелевѣ; при чемъ я долженъ умолчать о нѣкоторыхъ сценахъ изъ жизни „Бѣлаго генерала", которыя таковы, что не подлежатъ оглашенію въ печати...

— Скобелевъ былъ звѣрь, — охарактеризовалъ Верещагинъ друга своего въ одной изъ такихъ бесѣдъ. И онъ привелъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, рядъ сценъ, которыхъ былъ очевидцемъ, дѣйствительно не льстившихъ герою, какъ человѣку...

Когда съ Василіемъ Васильевичемъ были мы съ визитомъ у генерала Скугаревскаго, то супруга генерала, Наталья Николаевна, спросила, едва заговорилъ онъ о „Бѣломъ генералѣ" (а это была, повидимому, любимая его тема):

— Чтò за человѣкъ былъ Скобелевъ?

Верещагинъ отвѣтилъ, что ей, какъ дамѣ, не можетъ, конечно, сдѣлать онъ полной характеристики знаменитаго полководца, хотя тутъ же подчеркнулъ въ этомъ воинѣ главныя отрицательныя основы характера, двигавшія его по пути славы — честолюбіе, зависть къ заслугамъ другихъ и эгоизмъ. По его убѣжденію, собственное „я" стояло у Скобелева прежде всего, на первомъ мѣстѣ. Никакихъ высокихъ идеаловъ онъ не признавалъ въ жизни...

— Однимъ словомъ, — пояснилъ мысль свою Верещагинъ, какъ бы подбирая болѣе подходящее выраженіе: — если бы Скобелевъ могъ видѣть съ того свѣта собственныя свои похороны, то былъ бы очень доволенъ...

Верещагинъ увѣрялъ, что Скобелеву ничего не стоило прибавить, если это увеличивало славу его, популярность, или его выдвигало. Особенно хвасталъ онъ, будучи въ Туркестанѣ, при са-

момъ началѣ боевой своей карьеры, когда состоялъ при генералъ-адъютантѣ Кауфманѣ. Въ тѣ дни Михаилъ Дмитріевичъ, по словамъ Василія Васильевича, выдумывалъ небывалыя сраженія и побѣды. Однажды поколотилъ онъ казака, и тотъ, съ досады, изобличилъ его во лжи — передъ начальствомъ. Такъ какъ у Скобелева къ тому времени было уже много завистниковъ и враговъ въ свитѣ Кауфмана, то нарядили слѣдствіе: оказалось, что казакъ правъ. Взбѣшенный Кауфманъ, въ присутствіи многочисленнаго общества офицеровъ, будто бы буквально выругалъ Скобелева за недостойное его поведеніе и, затѣмъ, никогда не могъ простить ему подобнаго обмана [1]). Только позднѣе, когда Скобелевъ дѣйствительно выказалъ чудеса личной храбрости, Кауфманъ призналъ боевыя его заслуги, хотя увѣрялъ Верещагина, что все-таки, помня прошлое, уважать Скобелева не можетъ. Уложить въ позорной, ненужной бойнѣ тысячи спасающихся бѣгствомъ побѣжденныхъ, въ томъ числѣ безоружныхъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, для „округленія цифръ“ реляціи, Скобелеву ничего не стоило. Это былъ человѣкъ вполнѣ безсердечный...

Тутъ Н. Н. Скугаревская спросила Верещагина:

— Чѣмъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, обаяніе, которое производилъ Скобелевъ на всѣхъ?

— Простотою,—отвѣчалъ Василій Васильевичъ:—главнымъ образомъ, простотою...

И, въ подтвержденіе такого вывода, привелъ онъ случай, когда однажды засталъ Скобелева въ палаткѣ пишущимъ письмо какому-то армейскому маіору, котораго онъ передъ тѣмъ оскорбилъ жестоко, незаслуженно, при солдатахъ. „Бѣлый генералъ“ извинился уже лично передъ маіоромъ, признавъ себя неправымъ. На замѣчаніе Верещагина: „Нужно ли тогда писать такое письмо?“—Скобелевъ отвѣтилъ, что хотя онъ и извинился публично передъ обиженнымъ, но этого мало: слѣдовало оставить еще, для него и для семьи его, документъ...

Наталья Николаевна высказала предположеніе, что, быть можетъ, и въ данномъ случаѣ Скобелевъ руководствовался не благороднымъ порывомъ, а рисовался, популярничалъ...

— Быть можетъ,—отвѣтилъ Верещагинъ.

По словамъ его, ему больно было видѣть, какимъ растеряннымъ, приниженнымъ, „общипаннымъ“, всегда являлся, во время

---

[1]) Не знаю, имѣлъ ли на самомъ дѣлѣ мѣсто такой случай. Вообще разсказы Верещагина о Скобелевѣ оставляю на его совѣсти.

русско-турецкой войны, Скобелевъ въ главную квартиру арміи, какимъ „гоголемъ“ оттуда возвращался къ своей части... „Бѣлый генералъ“ вѣчно думалъ, къ тому же, о будущихъ „рапсодахъ“, которые воспоютъ его подвиги, и для увѣковѣченія славы своей не разбиралъ средствъ...

Въ другой разъ Верещагинъ передавалъ мнѣ иныя, тоже несимпатичныя, подробности о Скобелевѣ. Такъ, „Бѣлый генералъ“ безжалостно приказывалъ сѣчь солдатъ, собственноручно билъ ихъ. Однажды, за какой-то пустякъ, хотѣлъ онъ избить своего денщика; но Василій Васильевичъ, зная, что Скобелевъ способенъ исколотить до полусмерти, бросившись къ двери, заперъ ее и, несмотря на всѣ требованія и просьбы послѣдняго, заявилъ, что откроетъ дверь лишь тогда, когда тотъ успокоится и дастъ ему слово — пощадить провинившагося солдата...

Въ смѣшномъ видѣ описывалъ Верещагинъ дружескія отношенія, существовавшія между старымъ Скобелевымъ-отцомъ и молодымъ Скобелевымъ-сыномъ. „Бѣлый генералъ“, сердечно заботившійся о нуждахъ своего отряда и вѣчно самъ нуждавшійся въ средствахъ, часто, при Верещагинѣ, то хитростью, то шуткой, то прямо насиліемъ, вытягивалъ у скупого, но богатаго отца деньги.

Однажды Василій Васильевичъ наблюдалъ такую сцену: „Бѣлый генералъ“, схвативъ отца, кричитъ, сжимая его: „Дашь денегъ? Дашь денегъ?!..“ А тотъ отвѣчаетъ: „Не дамъ!.. Ой, Мишка, оставь! Ой!.. Больно!“ — „Дашь денегъ?!..“ — неумолимо сдавливаетъ „Бѣлый генералъ“ отца. — „Не дамъ!“ — „Дашь?.. Дашь?!..“ — И Скобелевъ, продолжая операцію, въ концѣ концовъ вырываетъ у отца нужную сумму.

У Верещагина въ домѣ — какъ разсказывалъ онъ мнѣ — хранился сюртукъ Скобелева, зашитый на спинѣ въ томъ мѣстѣ, куда, во время сраженія, попала бывшая на-излетѣ пуля. Получивъ при Василіи Васильевичѣ эту рану, по счастью легкую, Скобелевъ въ первую минуту завертѣлся на одномъ мѣстѣ и упалъ. Вообще, Василій Васильевичъ изображалъ друга своего, какъ нѣженку, боявшагося физическаго страданія, но съ желѣзной волею.

Верещагинъ какъ-то выпросилъ у „Бѣлаго генерала“ потрепанный боевой значокъ, бывшій при немъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, сдѣлавъ ему, взамѣнъ прежняго, другой — изъ дорогой кашемировой шали. Скобелевъ согласился. Но послѣ этого обмѣна — произошло у него нѣсколько мелкихъ боевыхъ

неудачъ, которыя объяснялъ онъ отсутствіемъ стараго значка.— „Отдай мнѣ мой значокъ!“ —не разъ приставалъ онъ къ Верещагину; а тотъ отвѣчалъ отказами, отшучивался. Наконецъ, удача въ сраженіи при новомъ значкѣ удовлетворила генерала. Теперь значокъ, подаренный Верещагинымъ Скобелеву, осѣняетъ могилу послѣдняго. Такъ передавалъ художникъ.

Верещагинъ не скрывалъ, что Скобелевъ былъ человѣкъ, сжигавшій и сжегшій жизнь свою въ амурныхъ похожденіяхъ. Василію Васильевичу удалось видѣть одного изъ врачей, вскрывавшихъ тѣло Скобелева, и тотъ передавалъ ему, что сердце „Бѣлаго генерала“ оказалось дряблымъ, переродившимся настолько, что пальцами легко дѣлилось на волокна. Съ такимъ сердцемъ все равно не могъ онъ, по увѣренію врача, прожить долго...

Когда Скобелевъ пришелъ на выставку, на которой впервые была картина Верещагина, изображавшая „Бѣлаго генерала“ скачущимъ на конѣ подъ Шипкой-Шейновомъ, передъ фронтомъ ликующихъ войскъ, когда увидѣлъ онъ подъ картиной подписанными имъ же произнесенныя слова: „Именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!“ —то, по увѣренію Василія Васильевича, пришелъ и въ восторгъ, и въ ужасъ, сталъ увѣрять, что ему достанется отъ царя за то, что слово „отечество“ поставилъ онъ ранѣе слова „Государь“. — „Да вѣдь ты такъ кричалъ! — возражалъ ему Верещагинъ: — не могу же я соврать!?..“ —Скобелевъ, не отрицая произнесенія этихъ словъ, умолялъ или измѣнить ихъ, или уничтожить. Но Верещагинъ на это не согласился. Скобелевъ—описывалъ онъ—пойдетъ по выставкѣ, а потомъ такъ и потянетъ его къ картинѣ, его изобразившей, зудъ удовлетвореннаго тщеславія...

Василій Васильевичъ любилъ вспоминать эту сцену и не разъ, въ бесѣдахъ со мною, къ ней возвращался, какъ только заговаривалъ о другѣ...

Верещагинъ ставилъ въ заслугу „Бѣлому генералу“ то, что, возглашая во время сраженій: „впередъ, братцы!“ —не слѣдовалъ онъ примѣру другихъ, которые, выкрикнувъ такую фразу, прятались сзади, а на самомъ дѣлѣ всегда находился впереди, подавая тѣмъ чудный примѣръ, рискуя жизнью. Тутъ же Верещагинъ разсказалъ про возмутительныя сцены, когда, на глазахъ его нижніе чины подъ градомъ пуль начинали колебаться, останавливаться. Тогда офицеры, чуть не до смерти, эфесами сабель колотили солдатъ, заставляя ихъ идти впередъ, а сами прятались сзади. И вдругъ показывался впереди Скобелевъ!.. Вся картина боя при немъ измѣнялась.

Василій Васильевичъ не прочь былъ похвастаться и отношеніями своими къ „Бѣлому генералу“ чисто стратегическаго свойства. Съ особеннымъ удовольствіемъ приводилъ онъ примѣры, когда, во время боя, Скобелевъ прислушивался порой къ совѣтамъ его, даже слѣдовалъ имъ—часто вопреки мнѣніямъ окружающихъ. Такъ, однажды Верещагинъ, будто бы, указалъ на высоты, по сторонамъ дороги, которыя слѣдовало бы занять для того, чтобы турки, при возможномъ отступленіи русскаго отряда, не стали оттуда преслѣдовать, обстрѣливая отступающихъ. Куропаткинъ, находившійся тутъ же, отнесся скептически къ этому мнѣнію „штатскаго“. Тѣмъ не менѣе, Скобелевъ, случайно услышавъ слова Верещагина и отвѣтъ Куропаткина, велѣлъ тому же Куропаткину занять указанныя высоты, что̀ и было послѣднимъ исполнено...

Случалось, однако, что Скобелевъ сердился, когда въ разгарѣ сраженія Василій Васильевичъ лѣзъ къ нему съ совѣтами; но нерѣдко, одумавшись, принималъ ихъ, затѣмъ, къ свѣдѣнію. Такъ было и тогда, когда—въ другой разъ—Верещагинъ посовѣтовалъ ему держать резервы ближе къ цѣпи, въ сферѣ непріятельскаго огня.

Храня у себя множество писемъ къ нему „Бѣлаго генерала“, а также нѣкоторыя вещи его, въ томъ числѣ и складной стулъ, на которомъ тотъ сиживалъ во время боя, Верещагинъ вызвалъ во мнѣ тайную надежду—выпросить у него, для виленскаго музея имени Скобелева, устроеннаго при военномъ собраніи, хотя бы часть этихъ священныхъ для русскаго сердца сувенировъ. Съ этой цѣлью повезъ я Василія Васильевича въ музей, а онъ, словно угадывая мои замыслы, по дорогѣ еще, сталъ уговаривать меня, чтобы я не производилъ на него давленія въ смыслѣ какихъ-либо пожертвованій... Но я ничего не обѣщалъ. Едва сдѣлалось извѣстнымъ, что въ музеѣ знаменитый Верещагинъ, какъ художникъ очутился окруженнымъ молодыми офицерами, находившимися случайно въ собраніи. Перезнакомившись черезъ меня со всѣми, держа себя мило и просто, самъ же первый завелъ онъ рѣчь объ имѣющихся у него вещахъ Скобелева. Это, въ свою очередь, вызвало просьбу мою о пожертвованіи части реликвій въ музей имени „Бѣлаго генерала“. Но Василій Васильевичъ отмалчивался или шутилъ, не давая опредѣленнаго отвѣта. Увидѣвъ въ витринахъ, на почетномъ мѣстѣ, автографы Скобелева, въ томъ числѣ и записную книжку послѣдняго, бывшую при немъ во многихъ сраженіяхъ, возбужденный общимъ вниманіемъ, Верещагинъ понемногу увлекся обстановкою, сталъ

разсказывать, къ моему конфузу, холостой молодежи довольно таки пикантныя подробности изъ интимной жизни русскаго героя. Офицеры весело хохотали. Видѣть Верещагина въ такомъ положеніи было больно, и, вѣроятно, волновавшія чувства отразились на лицѣ моемъ, такъ какъ вдругъ, вглядѣвшись въ меня, онъ умолкъ, извинившись передъ слушателями за то, что, „кажется, заговорился", и перешелъ на другія, болѣе подходящія къ молодой аудиторіи, темы... Несомнѣнно, и самъ Василій Васильевичъ, какъ умный человѣкъ, сознавалъ неумѣстность своей бесѣды, потому что, по дорогѣ изъ музея, спросилъ меня, не сказалъ ли онъ чего-либо въ собраніи лишняго, а я отвѣтилъ, что, „дѣйствительно, при молодежи говорить такъ объ извѣстномъ, популярномъ генералѣ, да еще въ музеѣ имени его, не слѣдовало"... Весь дальнѣйшій путь послѣ этого Василій Васильевичъ былъ сумраченъ, точно затаился...

Въ музеѣ поднесли ему книгу для почетныхъ посѣтителей, и, по просьбѣ моей, онъ вписалъ:

„Художникъ В. В. Верещагинъ. Всего хорошаго начинающемуся музею!"

Воспользовавшись удобной минутою, сталъ я снова уговаривать его записать туда о томъ, что онъ обѣщаетъ пожертвовать въ музей хотя бы продыравленный пулею сюртукъ Скобелева...

Смѣясь, взялъ онъ еще разъ въ руку перо и со словами:

— А, когда такъ... То вотъ вамъ!—вписалъ:

„Не обѣщаю!"

Я продолжалъ усиленно его упрашивать. Упрашивали и другіе присутствующіе. Просили мы хоромъ.

Тогда Верещагинъ записалъ далѣе въ книгу:

„Вопросъ открытый..." Настаивать далѣе, конечно, не приходилось...

Бѣгло осмотрѣвъ музей, Василій Васильевичъ пришелъ въ восторгъ отъ рисунковъ художника Чернышева, особенно же отъ каррикатуры въ краскахъ, изображающей башкирскихъ офицеровъ, восклицая:

— Это безподобно!.. Одинъ восторгъ!.. Какая прелесть!..—Тутъ же упрекнулъ онъ меня за то, какъ можно было пожертвовать подобную вещь музею, а не оставить ее дѣтямъ.

Когда же показалъ я ему юмористическіе наброски Н. Н. Каразина перомъ изъ быта русскаго солдата, отданные мною въ музей, то онъ заявилъ, что самъ когда-то „баловался" такими пустячками, добавивъ, что Каразинъ, несомнѣнно, позаимствовалъ

сюжеты каррикатуръ у него. Тутъ подмѣтилъ я въ лицѣ его то же выраженіе завистливой ревности, съ какимъ разсматривалъ онъ у меня въ квартирѣ этюдъ Попова...

Верещагинъ передавалъ мнѣ, что давно задумалъ написать свои воспоминанія о „Бѣломъ генералѣ“, по поводу чего, будто бы, совѣтовался и съ генераломъ Куропаткинымъ, уже военнымъ министромъ. Ему хотѣлось набросать еще и нѣсколько новыхъ боевыхъ картинъ, центромъ которыхъ былъ бы „Бѣлый генералъ“. Для этой-то цѣли, будто бы, и берегъ онъ, по словамъ его, старый, продыравленный сюртукъ Скобелева...

Въ откровенныхъ разговорахъ со мною, изъ числа особенно выдвинувшихся сослуживцевъ Скобелева, Верещагинъ самымъ умнымъ считалъ Куропаткина. О генералѣ же Троцкомъ, котораго зналъ онъ еще въ чинѣ подполковника, отзывался Василій Васильевичъ менѣе симпатично, характеризуя его, какъ „человѣка политики“, „болѣе слушавшаго, помалчивавшаго, умѣвшаго всюду ловко и незамѣтно „проходить“, дѣлая себѣ потихоньку, хотя и увѣренно, карьеру“. Нерѣдко присутствовалъ Василій Васильевичъ—по словамъ его—при служебныхъ и частныхъ разговорахъ Троцкаго съ К. П. Кауфманомъ, причемъ Троцкій постоянно поддакивалъ послѣднему. Встрѣтивъ какъ-то Виталія Николаевича въ Петербургѣ, на Невскомъ, уже командующимъ войсками виленскаго военнаго округа, Верещагинъ, боясь натолкнуться на холодный пріемъ, лишь тогда подошелъ къ нему, когда тотъ, узнавъ его, самъ первый окликнулъ его по имени и отчеству. Тутъ они даже расцѣловались...

Верещагинъ разсказывалъ, что зналъ Куропаткина совсѣмъ еще незначительнымъ офицеромъ, подававшимъ лишь надежды, видѣлъ его часто въ обществѣ молодежи, которая кутила на войнѣ.

Кто-то даже, въ предостереженіе, говорилъ Василію Васильевичу:

„Не ходите вы къ нимъ! У нихъ настоящій б......“!

Однажды, явившись въ гости къ Куропаткину, по приглашенію, Верещагинъ засталъ его („низенькаго, коренастаго, навеселѣ“, — какъ онъ его описывалъ) стоящимъ среди группы офицеровъ и затягивающимъ, басомъ: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“... Окружающіе же подхватывали пѣсню. Много лѣтъ спустя, посѣтилъ онъ Куропаткина, уже какъ военнаго министра. Генералъ встрѣтилъ его радушно, хотя и разговаривалъ недолго, давъ тонко понять, что онъ слишкомъ занятъ. Затѣмъ, на товарищескомъ обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ и Вере-

щагинъ, Куропаткинъ громко спросилъ кого-то: „А вамъ Верещагинъ еще не разсказывалъ о томъ, какъ видѣлъ меня запѣвающимъ и т. д.?" —„Разсказывалъ!.."—получился отвѣтъ.— „Всѣмъ разсказываетъ..." —замѣтилъ Куропаткинъ, которому, видимо, несовсѣмъ пріятно было подобное воспоминаніе.

Ставя въ заслугу Скобелеву заботливость его о нуждахъ подчиненныхъ и готовность жертвовать собою для примѣра въ сраженіяхъ, Верещагинъ увѣрялъ меня, что самъ видѣлъ, какъ масса нижнихъ чиновъ въ сраженіи подъ Горнымъ-Дубнякомъ залегла во рву у одного укрѣпленія; ни одного не было на валу. Вообще, все это сраженіе, какъ очевидецъ, охарактеризовывалъ онъ, что оно можетъ быть поставлено образчикомъ того, какъ не надо сражаться... На какомъ-то общемъ обѣдѣ, гдѣ было много участниковъ этого боя, Верещагинъ—по признанію его,—не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, сталъ громко высказывать свое осужденіе поведенію въ дѣлѣ начальства, объясняя огромныя потери именно подобнымъ поведеніемъ. Кое-кто на него и обидѣлся...

Картинно выходило у Василія Васильевича описаніе момента, когда генералъ Гурко подъѣхалъ къ императору Александру II, который зналъ уже о значительныхъ потеряхъ въ рядахъ гвардіи и былъ, поэтому, мраченъ. Всѣ ждали грозы и впились глазами въ государя и Гурку. Только послѣ того, какъ царь поцѣловалъ Гурку, ранѣе поцѣловавшаго его въ плечо, окружающіе вздохнули свободнѣе...

А. Жиркевичъ.

ГЕРЦЕНЪ-ПИСАТЕЛЬ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

III *).

„Первая встрѣча съ Европой“ была не только свѣтлая, отрадная, но даже „веселая сначала“: „какъ же было не веселиться,—вспоминалъ потомъ Герценъ,—вырвавшись изъ Николаевской Россіи, послѣ двухъ ссылокъ и одного полицейскаго надзора“! Затѣмъ культурное обаяніе Парижа, такъ давно и неотступно привлекавшаго, манившаго къ себѣ, Парижа, въ самомъ имени котораго „звучало не меньше, чѣмъ въ словѣ Москва“,—приволье того уютнаго *home* въ Avenue Marigny, гдѣ вскорѣ могъ собираться русскій дружескій кружокъ, озаренный появленіемъ самого Бѣлинскаго,—все это отразилось на тонѣ первыхъ журнальныхъ писемъ Герцена, но лишь мимолетно сохранило свою силу. „Веселый тонъ писемъ скоро тускнетъ—начинается зловѣщее раздумье и патологическій разборъ. Пестрыя декораціи конституціонной Франціи ненадолго могли скрыть внутреннюю болѣзнь, глубоко разъѣдавшую ее“... Осенью того же 1847 года, весна котораго была, казалось, такъ полна свѣта и бодраго возрожденія, странникъ-энтузіастъ вырвался послѣ немалой внутренней борьбы изъ Парижа; ему въ немъ „невыносимо тяжело“, онъ „не могъ сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое его окружало“; но разставанье страшно: „Парижъ—центръ; выѣзжая

*) См. выше: мартъ, стр. 295.

изъ него, выѣзжаешь изъ современности“, — и все-же миражъ Италіи съ ея природой, тепломъ, здоровой народной массой, среди которой отляжетъ отъ души мучительный кошмаръ, одержалъ верхъ, и быстрые переѣзды по французской провинціи замѣнили гнетущія впечатлѣнія „смерти, царившей вездѣ, въ литературѣ, въ политикѣ, на трибунѣ“, и „дѣтскаго лепета сѣдой оппозиціи“, чарующими картинами моря, красавицы Генуи съ ея дворцами, Ливорно, Пизы, наконецъ—Рима. Раскрывалась та широкая, на двѣ великія страны раскинувшаяся, съ необычайной жизненностью сберегшая всѣ выдающіяся черты наступавшаго революціоннаго года, въ его побѣдахъ и крушеніяхъ, панорама, которая дана новымъ литературнымъ произведеніемъ Герцена, его „Письмами изъ Франціи и Италіи“; выяснялась та, на опытѣ выстраданная, цѣпь переходовъ мысли отъ ликованій и надеждъ къ разочарованіямъ и ужасу, отъ сомнѣній, протеста, тревожнаго исканія выхода, къ новому исповѣданію,—цѣпь, которая сдѣлала эту живую политическую лѣтопись, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отраженіемъ перелома, совершавшагося въ самомъ авторѣ, которая придала, по словамъ его (въ предисловіи 1858 года), „Письмамъ“ вмѣстѣ съ книжкой, изданной имъ въ Швейцаріи: „Vom andern Ufer“, значеніе его *страннической Одиссеи*, начинающейся съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу и оканчивающейся его „духовнымъ возвращеніемъ на родину“.

Постепенно превращаясь изъ остроумно наблюдательной корреспонденціи,—которой нужна легко западающая литературная форма для того, чтобъ подъ ея флагомъ провести глубокое бытовое содержаніе въ разсказъ взволнованнаго очевидца о текущей политической исторіи,—„Письма“ должны были все дальше отходить отъ требованій художественности. До нея ли, до творческихъ ли пріемовъ, тамъ, гдѣ въ подлинныхъ очертаніяхъ, прямо съ натуры, выступаетъ дѣйствительность, гдѣ отражается не фиктивная, а переживаемая, изо дня въ день, борьба свѣта съ тьмою, рѣшается судьба народовъ и ихъ освобожденія! И на всемъ обширномъ протяженіи четырнадцати писемъ замѣтенъ временами перевѣсъ вырабатывавшейся впервые у Герцена рѣчи политика, публициста, надъ привычнымъ уже беллетристическимъ направленіемъ; послѣднія письма, полныя наиболѣе мрачными фактами реакціи, расправы, мщенія, и въ особенности два заключительныхъ письма, не вошедшія въ сборникъ „Briefe aus Frankreich und Italien“, изданный въ Гамбургѣ въ 1850 году, и въ видѣ эпилога дающія отчетъ о государственномъ переворотѣ 2-го декабря, открываютъ этому перевѣсу просторъ. Но сильно

развитую художественную сторону невозможно было сковать, подавить. Мятежная, она самовольно вторгалась, и ярче, сильнѣе, образнѣе становилась картина или сцена, жизненнѣе характеры и лица, реальнѣе обстановка, природа, среда. Блестки тонкой causerie въ письмахъ, явившихся въ „Современникѣ" и способныхъ непринужденно бесѣдовать даже о театральныхъ новостяхъ въ перемежку съ парламентскими фактами и министерскими плутнями, здѣсь уже почти не въ счетъ. Иныя средства и силы художественной изобрѣтательности смѣняютъ ихъ.

Послѣ множества предшественниковъ, живописавшихъ Италію, и въ особенности Римъ, и не заботясь ни о состязаніи съ ними, ни о тщательной отдѣлкѣ рисунка, Герценъ для фона итальянской серіи своихъ политическихъ очерковъ даетъ рядъ яркихъ снимковъ съ натуры, въ которыхъ оживаютъ Вѣчный Городъ, дремлющая римская Кампанья, безпечный, легкомысленный, порабощенный и безконечно красивый Неаполь; непроявленное еще никогда, ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ произведеній автора, мастерство изображенія природы,—еще новый аттрибутъ его художественности,—то мастерство, которое въ эпизодѣ „Былого и Думъ" о восхожденіи на Монте-Розу достигло высшаго своего развитія, соединяется съ способностью вызывать геній народнаго прошлаго, духъ исторіи; величіе древняго Рима, средневѣковой мракъ, его окутавшій, преданія папства,—въ контрастѣ съ пробуждающимся отъ долгяго оцѣпенѣнія, современнымъ Римомъ, въ его опытахъ гражданственности, великодушія, широкаго патріотизма,—придаютъ картинѣ новаго движенія особую силу. Какъ Гёте въ „Римскихъ Элегіяхъ" или Байронъ въ итальянской пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", Герценъ отдается магической власти сопоставленій былого съ новѣйшимъ. Когда, обогнувъ гору Капитолія, онъ „вдругъ очутился надъ форумомъ и Колизеемъ", онъ „взволнованъ и смущенъ", былое слетается къ нему, — но когда, послѣ зрѣлища, охваченнаго лиризмомъ свободы народнаго броженія, ему выпадаетъ на долю быть свидѣтелемъ перваго негодующаго на коварство папы и австрійцевъ несмѣтнаго митинга въ оградѣ того же величественнаго Колизея и воспламеняющей рѣчи такого любимца плебеевъ, какъ отецъ Гавацци,—впечатлѣніе становится еще болѣе потрясающимъ. Но изъ массовыхъ картинъ,—въ которыхъ живетъ и движется народный Римъ въ его общеитальянскихъ освободительныхъ сочувствіяхъ, домашнихъ счетахъ съ папствомъ, и отзвукахъ на позднее пробужденіе Неаполя,—выдѣляются отдѣльныя лица, очерченныя не только съ портретнымъ сходствомъ, но съ искусствомъ опытнаго

романиста, — въ особенности двѣ центральныя фигуры: Пій IX овруженный непроницаемой сѣтью противорѣчій, уступчивости идеямъ вѣка, игры въ демократизмъ, двуличности дипломата, шаткости и трусости, наконецъ деспотическихъ вожделѣній церковнаго владыки, и народный вождь Анджело Брунетти, прозванный Чичероваккіо, оживляющій преданіе древнихъ трибуновъ, весь въ порывахъ и безстрашной горячности, то поднимаемый волной событій до прямого состязанія во власти съ папой, то идущій впереди раздраженной толпы. Оба они, и Пій IX, и il gran popolano, открываютъ собой галерею портретовъ, историческихъ дѣятелей, которая съ этой поры, постоянно умножаясь, станетъ одною изъ выдающихся особенностей писательскихъ пріемовъ Герцена.

Но впечатлѣнія и картины волнующагося Рима или Неаполя, застигнутаго въ тотъ моментъ, когда король изъ самосохраненія скрѣпилъ вытребованную отъ него конституцію, готовясь при первой возможности отречься отъ нея, смѣняются еще болѣе потрясающими событіями. Вѣсть о февральской революціи 1848 года, о провозглашеніи республики во Франціи, побуждаетъ къ возвращенію туда, гдѣ все говорило о смерти и теперь отдалось снова горячей, такъ много обѣщающей всему человѣчеству, жизни. Съ этой поры вся сущность, весь тонъ и пріемы писемъ радикально мѣняются. Казалось еще недавно, на разставаніи съ Неаполемъ, возможнымъ набросать бойко, живо, въ лицахъ и разговорахъ, полицейски-воровскую продѣлку, жертвой которой едва не сдѣлался путешественникъ. Теперь исчезаютъ не только такіе hors d'oeuvre'ы, но какъ будто и всѣ стремленія къ художественности, къ красотѣ и силѣ разсказа. Пусть онъ останется навсегда памятью о тягчайшемъ разочарованіи, которое смѣнило собой свѣтлыя надежды на возрожденіе. Девятое письмо, уже помѣченное зловѣщимъ іюнемъ 1848 г. и слѣдующей осени, ретроспективно обозрѣвающее все, чтò произошло въ этотъ страшный промежутокъ, когда „протекли рѣки крови", написаны словно инымъ перомъ.

Негодованіе и ужасъ, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка взяли верхъ надъ недавними настроеніями созерцанія и сочувствія. Возмущало и мучило не только запоздалое сознаніе, что „революція 24 февраля вовсе не была исполненіемъ приготовленнаго плана; что она была геніальнымъ вдохновеніемъ парижскаго народа и, какъ Паллада, вышла разомъ, вооруженная и грозная, изъ народнаго негодованія"; что „Франція не была готова для республики",—но также и подтвержденіе того діагноза разъѣдающей

соціальной болѣзни, который сложился подъ вліяніемъ первыхъ же пристальныхъ наблюденій надъ жизнью Франціи, раскрывшійся сполна глубокій внутренній, междусословный разладъ, мстительная и ожесточенная защита правящими классами своихъ привилегій, ополченіе противъ народной и рабочей массы, увѣнчанное кровавыми „іюньскими днями" и трехъ-мѣсячнымъ осаднымъ положеніемъ, всѣ дѣянія котораго Герценъ заставилъ себя наблюдать, какъ ближайшій очевидецъ. Когда въ эпилогѣ „Съ того берега", вспоминая пережитое въ ту пору, онъ отдается гнѣвному своему протесту, восклицая: „Проклятіе тебѣ, годъ крови и безумія, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумія! Проклятіе тебѣ!"—въ этомъ крикѣ сердца сосредоточилось все испытанное и выстраданное, все пересказанное во французскихъ „Письмахъ". Для того, чтобъ передать, закрѣпить его неизгладимыми чертами, нашлись иныя стороны въ богатомъ дарованіи писателя, и послѣ драматически оживленныхъ, съ красивымъ освѣщеніемъ, и виртуозно законченныхъ итальянскихъ картинъ идетъ рядъ подавляющихъ своимъ мракомъ снимковъ съ французской общественности въ фальшивый, межеумочный періодъ второй республики, который неизбѣжно велъ къ Бонапартовской диктатурѣ. Изъ рамы этихъ массовыхъ изображеній снова выдѣляются портреты или силуэты отдѣльныхъ лицъ; отдѣлывать, дорисовывать ихъ нѣтъ ни досуга, ни желанія, но въ рѣзкихъ контурахъ живутъ передъ нами напыщенный, вѣчно примирительный и двоедушный Ламартинъ, и „тупорожденный либералъ" Одилонъ-Барро, и могучій духомъ, несмотря на тюрьму и изгнаніе, Бланки, и идеалистъ-республиканецъ Барбесъ, — а рядомъ съ ними группируются уже сводныя черты того „Донъ-Кихота революціи", который сложился современемъ у Герцена въ цѣльный типъ, включивъ въ себя всѣ, обильно собранныя потомъ среди эмиграціи, свойства застывшихъ въ принципахъ 1789 года и пріемахъ великой революціи, и неспособныхъ идти впередъ, въ уровень съ запросами жизни, энтузіастовъ стараго революціоннаго катехизиса.

Матеріалъ, использованный съ такой поразительной силой въ „Письмахъ", ставшихъ главой изъ современной исторіи и на первый взглядъ какъ будто художественно не отдѣланныхъ, былъ такъ богатъ, что во всю остальную жизнь Герцена онъ не разъ подвергался и беллетристической переработкѣ; воспоминанія о видѣнномъ и пережитомъ въ 1848 — 49 гг. слетались до конца по первому призыву,—и, не говоря уже о многихъ возвратахъ къ той порѣ въ „Быломъ и Думахъ", съ живыми сценами, діало-

гами, очертаніями характеровъ былыхъ дѣятелей, посмертная повѣсть „Докторъ, умирающій и мертвые“ снова перенесла автора въ давнопрошедшее время перелома. Но ни одному изъ этихъ опытовъ повѣствованія о злополучномъ годѣ не сравниться съ тою, возникавшею по свѣжимъ слѣдамъ народныхъ событій и личныхъ испытаній, повѣстью, которая складывается изъ пачки знаменательныхъ „Писемъ“ съ вибрирующими въ нихъ, какъ прежде, настроеніями, душевными переходами, борьбой мысли и глубокой печалью развязки. Послѣ того какъ сильными, рѣжущими глазъ красками набросана картина восторжествовавшаго „порядка“, начавшагося съ „бомбардированія парижскихъ улицъ, обмана инсургентовъ предмѣстья св. Антонія, разстрѣливанія гуртомъ, депортацій безъ суда“, и въ торжествѣ реакціи „Франція слита со всей Европой, которую въ ея „дряхлости“ губитъ послѣдняя, „предсмертная болѣзнь“,—послѣ грустнаго обращенія къ политическимъ друзьямъ, которыхъ со всею ихъ непоколебимостью и недальновидностью буря разметала по чужбинѣ, въ гоненіи, эмиграціи, въ Лондонѣ, Каирѣ, за океаномъ, — одинокій, потрясенный всѣмъ испытаннымъ пришелецъ удаляется туда, гдѣ когда-то искалъ успокоенія, отдыха, безопасности. „Передъ моимъ окномъ стелется Средиземное море, я стою на святомъ итальянскомъ берегу. Мирно я вхожу въ эту гавань и начерчу на порогѣ своего дома древній пентаграммъ въ отженееніе всякаго духа тревоги и людского безумія“,—говоритъ онъ, и на этомъ мастерски переданномъ настроеніи, манящемъ хоть временной отрадой затишья и оздоровленія, заканчивается повѣсть-лѣтопись, полная стольких перипетій; у нея есть эпилогъ,—послѣднее, заключительное письмо, написанное уже послѣ декабрьскаго переворота,—но между нимъ и тѣмъ миражемъ замиренія и отдыха, которымъ завершилось предшествовавшее письмо, снова залегли тяжелыя событія и въ общей, и въ личной жизни, и звучащій въ немъ трагически возгласъ „Vive la mort!“ становится девизомъ новаго, быть можетъ, наиболѣе мрачнаго во всей судьбѣ Герцена, періода.

Гибель народовъ, смерть свободы, крушеніе цѣлаго міра упованій, идеаловъ („j'ai péri *avec un monde*“,—писалъ Герценъ къ Мишле) [1]),—и рядъ слѣпыхъ ударовъ судьбы, обрушившихся на него въ его личной жизни, возмущающихъ душу, „потому что тутъ невозможна борьба, нѣтъ утѣшенія ненавидѣть своего

[1]) Jules Michelet et Alexandre Herzen d'après leur correspondance intime, въ „Revue“, 1907, 15 mai, 160,—письмо 16 марта 1856 г.

врага, оскорблять своего палача", потому что „міръ физическій — хаосъ едва организованный, упроченный безпорядокъ, блужданіе ощупью, безотчетное, нелѣпое, неразумное" [1]),—вотъ что ждало Герцена вмѣсто душевнаго отдыха. „Отъ этого можно умереть, сойти съ ума", — вспоминалъ онъ „Съ того берега" („Послѣ грозы") свое состояніе духа вслѣдъ за торжествомъ реакціи во Франціи. „Я не умеръ, я состарѣлся, я оправляюсь послѣ іюньскихъ дней, какъ послѣ тяжкой болѣзни". Но страшная „Oceano nox", унесшая въ бѣшенствѣ морской бури его мать, сына и его преданнаго воспитателя, горе семейной, брачной драмы, разлука съ геніемъ-хранителемъ его молодости, спутницей въ скитальческіе годы, и предательство того, кого онъ считалъ однимъ изъ ближайшихъ друзей, барда свободы и революціоннаго Тиртея, Гервега,—превратили тяжкую болѣзнь въ сплошное страданіе. Но испытанія преслѣдовали неотступно. „Горькая участь—перейти непосредственно отъ погребенія близкихъ на общія похороны, не давъ ни часу отдыха разбитому сердцу!" — писалъ Герценъ Прудону подъ возмущеннымъ впечатлѣніемъ Наполеоновскаго государственнаго переворота, — а вслѣдъ затѣмъ настала снова очередь личному горю. Возвращеніе измученной и разочаровавшейся жены, ея страстная попытка залечить глубокую рану, возстановить былую душевную связь,—угасаніе и трогательная смерть страдалицы,—снова цѣпь гнетущихъ, едва выносимыхъ психическихъ состояній. Ихъ отзвукъ долго слышится въ рѣчахъ и письмахъ Герцена; въ концѣ 1853 года, уже въ Лондонѣ, онъ называетъ себя (въ письмѣ къ Мишле) „подавленнымъ цѣлымъ рядомъ сверхчеловѣческихъ несчастій" (écrasé par une série de malheurs surhumains), „окруженнымъ гробами, преданнымъ, оклеветаннымъ" (entouré de cercueils, trahi, calomnié); изображеніе главныхъ моментовъ этого ненасытнаго торжества смерти, гибели, станетъ потомъ во главѣ лучшихъ, потрясающихъ и въ то же время своеобразно художественныхъ эпизодовъ его мемуаровъ. Но въ разложеніи, ломкѣ стараго міра, въ кризисѣ личной жизни, доведенной, казалось, до края пропасти, скрыто было начало новаго существованія, — „странническая Одиссея" Герцена привела его къ „духовному возвращенію на родину".

Рядъ статей, продиктованныхъ имъ по-нѣмецки въ 1849 и 1850 годахъ молодому литератору Фридриху Каппу, воспи-

[1]) Тамъ же, стр. 159. Переводъ писемъ Герцена къ Мишле—въ ст. М. О. Гершензона: „Западн. друзья Герцена", „Былое", 1907, IV.

тателю его сына [1]) и образовавшихъ въ ихъ объединенномъ видѣ манифестъ „Съ того берега", связанная съ ними группа памфлетовъ, „Русскій народъ и соціализмъ", „Крещеная собственность", наконецъ, солидарность съ Прудономъ, активная поддержка его газеты „Voix du peuple", совпадая съ порой остраго европейскаго кризиса и личныхъ трагическихъ невзгодъ, являясь отвѣтомъ на нихъ, Герценовскимъ „E pur si muove", дали выраженіе и всей рѣзкости осужденія отживающаго культурнаго періода, и всей силѣ слагавшихся на смѣну его основъ освободительнаго исповѣданія. Оставляя далеко за собой недавнее участіе свое въ политическомъ движеніи, „демагогическія разглагольствія, *мое въ томъ числѣ*" [2]), и вѣру въ отжившія формулы, онъ приходитъ къ „дорого стоившему ему рѣшенію провозгласить гибель старой Европы", къ „дерзкому протесту независимой личности противъ воззрѣнія устарѣлаго, рабскаго и полнаго лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ, принадлежащихъ иному времени и безсмысленно доживающихъ свой вѣкъ", и къ новому исповѣданію, въ которомъ великіе завѣты европейской мысли должны были слиться съ соціальными основами, сбереженными въ глубинѣ русскаго народнаго строя. Книжка „Vom andern Ufer" (на нѣсколько лѣтъ предварившая русскій текстъ), брошенная, какъ бомба, въ полный тревоги и смятенія европейскій политическій міръ, вызвавшая, на ряду съ немногими выдающимися выраженіями сочувствія и единомыслія, ожесточенныя нападки и жгучіе споры, была актомъ великой отваги и независимости, облеченнымъ въ непривычную, своеобразно-могучую форму. „Я ничего лучше ея не писалъ",—говорилъ Герценъ въ предисловіи къ русскому изданію 1855 года,—и ему казалось тогда, что и впредь онъ ничего не можетъ написать совершеннѣе ея. По самой сущности своей, какъ проповѣди, какъ заявленія новаго credo, она, казалось бы, исключала возможность художественныхъ украшеній, воплощеній, въ лицахъ, сценахъ, описаніяхъ, характеристикахъ. Порою эта неизгладимая сторона дарованія все же скажется и среди заявленій почти теоретическаго характера. Сама уже форма діалога, которую часто избираетъ Герценъ (въ

---

[1]) Отношенія Герцена къ Каппу и впечатлѣнія перваго знакомства съ русскимъ писателемъ, съ которымъ его сблизилъ Каппъ въ Женевѣ, характеризованы въ „Воспоминаніяхъ" Бамбергера, впослѣдствіи многолѣтняго Герценовскаго друга (Erinnerungen von Ludvig Bamberger, Berlin, 1899).

[2]) Русскіе друзья Герцена за границей допускали возможность его активной роли. Тургеневъ, узнавъ объ арестѣ нѣсколькихъ нѣмецкихъ демократовъ, тревожился, не взятъ ли и Герценъ.—Lettres à m-me Viardot, 1907, 74.

главахъ „Передъ грозой“, „Vixerunt“, „Consolatio“), полная жизни и движенія, съ выростающей изъ оживленнаго спора идеею, является искуснымъ вкладомъ въ проповѣдническое дѣло политики. Изображенія Парижа въ разные моменты рокового года („Послѣ грозы“), — вслѣдъ за іюньскою расправой, когда „въ ушахъ еще раздавались выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ, когда въ памяти мелькали отдѣльныя подробности, омнибусы, наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на place de la Bastille“; и снова раскидывается пережитая кровавая эпопея,—и тогда, когда Парижъ сталъ принимать обычный видъ и суетную внѣшность, способную изъ любопытства „*смотрѣть* развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя“,—стоятъ на высокомъ уровнѣ историческаго разсказа, полнаго драматической силы. И рядомъ съ этимъ вступленіе къ главѣ „Consolatio“, этотъ изящный пейзажный снимокъ съ тихаго Montmorency, любимаго Герценомъ убѣжища послѣ парижскаго шума и волненія, дышитъ лѣсной прохладой, отрадой уединенія, вводитъ въ него печальную фигуру прежняго пустынника, укрывшагося здѣсь съ своими думами, передаетъ начинающемуся вслѣдъ затѣмъ діалогу нѣсколькихъ путниковъ, пришедшихъ на пепелище великаго мечтателя-несчастливца, задачу незамѣтно сложить изъ рѣчей своихъ живую, глубоко вѣрную характеристику значенія Руссо, которая затѣмъ, наводя на обобщенія, снова направляетъ развитіе основной мысли книги въ намѣченное русло.

Но чтò эти, достойныя искуснаго беллетриста, стилиста, художественныя украшенія въ сравненіи съ тѣмъ всецѣло проникающимъ „Съ того берега“ истиннымъ *драматизмомъ*,—драматизмомъ идейной борьбы, отреченія отъ старыхъ вѣрованій, перелома, разрыва и выхода на волю,—который придаетъ этому небывалому дотолѣ въ судьбахъ русской мысли изліянію наибольшую силу, даже художественное значеніе, — если мѣрило художественности не ограничивать творческой красотой! Потомство знаетъ выстраданную Байрономъ трагедію титаническаго протеста противъ стараго строя, передъ нимъ раскрыты муки мысли Леопарди, — оно должно поставить съ ними въ связь, съ равнымъ значеніемъ, то автобіографическое сказаніе, которое звучитъ, начиная съ „Писемъ“, во всемъ, чтò сложилось у Герцена во время переходнаго періода, и съ наибольшей силой въ неизгладимыхъ чертахъ „Съ того берега“.

Связь свою, сходство съ другими борцами или отрицателями, выставленными современнымъ ему человѣчествомъ, сознавалъ,

очевидно, и самъ онъ, — и въ особенности понялъ на своемъ опытѣ и глубоко оцѣнилъ Байрона, проводя въ одной изъ выдающихся культурно-историческихъ оцѣнокъ „Былого и Думъ" параллель между „разрывомъ, который чувствовалъ онъ, какъ поэтъ и геній", и тѣмъ, что̀ испытало поколѣніе, перенесшее рядъ испытаній 1830, 1848 годовъ и позднѣйшей открыто реакціонной поры; онъ помнитъ, что „Байронъ сломился, но сломился, какъ титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе"; онъ „оттого и цѣнитъ такъ высоко художественную мысль Байрона", что „онъ видѣлъ, что выхода нѣтъ, и гордо высказалъ это". Герценъ, вопреки всѣмъ ударамъ судьбы и испытаніямъ, столь же „гордо высказалъ приговоръ этотъ, отвергнулъ возможность выхода по торнымъ путямъ,—но съумѣлъ, наконецъ, пробиться туда, откуда, вѣрилось ему, могло настать обновленіе.

Пусть въ основаніяхъ грезившагося ему тогда строя велика доля гуманно-эгалитарной и нравственно сильной соціальной поэзіи, способной дѣйствовать на умы проникающимъ ее духомъ *общности*, пусть изъ свободнаго сочетанія идей Роберта Оуэна и Прудона съ коммунальными устоями русской народной жизни, въ ту пору еще мало изслѣдованными и тоже озаренными радужнымъ свѣтомъ сквозь поэтическую призму, создалось ученіе „соціально-философскаго характера, въ противоположность соціально-экономическимъ теоріямъ Родбертуса, Лассаля, Маркса" [1]), пусть остается открытымъ вопросъ, выработался ли вообще изъ феноменально-даровитой натуры Герцена типъ истинно-политическаго дѣятеля и проповѣдника,—въ расцвѣтѣ своеобразнаго Герценовскаго соціализма и въ страстной преданности ему, какъ символу спасенія, самого творца системы сказался идейный подъемъ, неиспытанный дотолѣ ни однимъ изъ выдающихся русскихъ писателей. Печаленъ, томителенъ былъ опытъ, ставшій точкой отправленія. На образномъ языкѣ Герцена онъ представлялся потомъ обширной анатомической работой. „Мнѣ особенно посчастливилось,—говорилъ онъ;—мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило ни смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи: болѣзнь, смерть, разложеніе совершались передъ глазами". Но надъ царствомъ мертвыхъ, надъ могильными полями зажглась и засіяла поэзія освобожденія...

[1]) „Одно теперь осталось мнѣ—борьба, я буду бороться",—писалъ Герценъ Мальвидѣ ф. Мейзенбугъ. „Борьба—моя поэзія" (Der Kampf ist meine Poesie). Memoiren einer Idealistin, 1907, II, 173.

[2]) Otto von Sperber. Die sozialpolitischen Ideen Alexander Herzens, 1894, 142.

Посвящая себя отнынѣ этому новому благовѣстію, Герценъ долженъ былъ соединить съ нимъ для безгласнаго и недвижнаго своего отечества служеніе свободному слову. Оставаясь „надолго, можетъ быть, навсегда“, за предѣлами Россіи „для того, чтобы работать“ (какъ говорилъ онъ въ обращеніи къ друзьямъ, предпосланномъ русской рукописи „Съ того берега“ и надписанномъ: „Прощайте!“), чтобы быть на Западѣ „свободнымъ органомъ, безцензурной рѣчью“ русскихъ людей, онъ ввелъ въ начертанную имъ программу и тѣсно связанную съ этой задачей обязанность знакомить Европу съ русской мыслью и залогами русскаго прогресса. Исходной точкой выполненія этой части программы была его статья въ газетѣ Прудона „Voix du peuple“, 1849 года, въ видѣ письма къ западному демократу (Гервегу), проникнутая желаніемъ завоевать русскому народу достойное его мѣсто въ ряду другихъ народовъ, борющихся за свободу, и показать демократической Европѣ, насколько она заинтересована въ исходѣ русской борьбы“ [1]). Развитая снова въ слѣдующемъ затѣмъ заявленіи принциповъ, — въ дважды изданномъ (1851 и 1854) по ту сторону французской границы, въ Ниццѣ и на Джерси, письмѣ къ Мишле — „Русскій народъ и соціализмъ“, — мысль эта, опровергая предразсудки и невѣдѣніе, сосредоточилась вокругъ доказательства великаго призванія русской словесности, хранительницы завѣтовъ свободы и гуманной культуры, заступницы за нужды, стремленія и запросы народа. Никогда еще не слышалось передъ лицомъ европейскаго общественнаго мнѣнія такой защитительной рѣчи за русскую литературу; въ горячности этой рѣчи сказались и великое сочувствіе къ одному изъ важнѣйшихъ двигательныхъ началъ въ народной судьбѣ, и кровная связь самого защитника съ художественной литературой нашей, однимъ изъ главныхъ представителей которой онъ былъ въ недавнемъ прошломъ.

Когда по поводу оцѣнки русско-польскихъ отношеній (въ статьяхъ газеты „Evénement“) Мишле высказалъ мнѣніе, что „русской литературы не существуетъ“, заявляя, что „не станетъ придавать важности опытамъ тѣхъ немногихъ умныхъ людей, которые вздумали упражняться въ русскомъ языкѣ и обманывать Европу блѣднымъ призракомъ будто бы русской словесности, Герценъ энергически укорялъ отрицателя и обличителя въ не-

---

[1]) Она въ слѣдующемъ же, 1850 году, напечатана была въ нѣмецкомъ переводѣ при изд. „Vom andern Ufer“. Анализъ ея — въ ст. М. О. Гершензона: „Западные друзья Герцена“, „Былое“, 1907, IV, 70—75.

желаніи изслѣдовать и справедливо оцѣнить значеніе невѣдомой ему литературы для народа. „Отчего вы не захотѣли прислушаться къ потрясающимъ звукамъ нашей грустной поэзіи", —спрашиваетъ онъ Мишле, — „что скрыло отъ вашего взора нашъ судорожный смѣхъ, эту безпрестанную иронію, подъ которой скрывается глубоко измученное сердце, которая въ сущности лишь роковое признаніе нашего безсилія? О, какъ я хотѣлъ бы достойнымъ образомъ перевести вамъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, нѣсколько пѣсенъ Кольцова! Вы бы тогда намъ тотчасъ протянули дружескую руку, вы бы первый попросили забыть сказанное вами"... „Послѣ крестьянскаго коммунизма" —формулируетъ онъ затѣмъ свой взглядъ — „ничто такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе". И эта энергическая оборона побѣдила недовѣріе авторитетнаго въ ту эпоху публициста и ученаго. Печатая уже свои статьи отдѣльной книгой, Мишле обѣщаетъ, въ первомъ своемъ письмѣ къ Герцену, „устранить все сказанное имъ съ несправедливой суровостью о русской словесности", въ витіеватыхъ выраженіяхъ онъ „укоряетъ себя за отзывы о славныхъ патріотахъ, которымъ удалось приподнять ужасающій ледяной покровъ, сжимавшій ихъ чело, и пробить отверетіе на волю, чтобы дать погребенному народу возможность дышать" [1]); отнынѣ онъ съ великимъ вниманіемъ слѣдитъ за отраженіемъ общественныхъ идей въ твореніяхъ русскихъ писателей, вскорѣ будетъ гордиться тѣмъ, что прославилъ во Франціи имена такихъ подвижниковъ, какъ Рылѣевъ или Пестель, вдается въ настоящій культъ Бакунина и вступаетъ съ своимъ смѣлымъ критикомъ въ дружбу, свято хранившуюся до смерти Герцена [2]).

Но контуры литературно-общественной исторіи, набросанные въ пылу полемики съ Мишле, развились въ задуманный не для спора съ отдѣльнымъ представителемъ западной культуры, но въ цѣляхъ общей пропаганды, обширный очеркъ развитія словесности за два вѣка, введенный въ статью, предназначенную для „Revue des deux Mondes", превратившуюся затѣмъ въ брошюру „Du développement des idées révolutionnaires en Russie". Оживляя традицію глубокихъ по идеѣ и воспитывающихъ литературно-

---

[1]) „Revue", 1907, 15 mai, 150.

[2]) Мишле высоко цѣнилъ достоинства французскаго литературнаго слога Герцена. „Je vous trouve un des plus éminents écrivains de notre langue", писалъ онъ ему, считая возможнымъ для него занять выдающееся положеніе и во французской литературѣ.

историческихъ обзоровъ Бѣлинскаго, возникавшихъ у него въ связи съ изученіемъ дѣятельности главныхъ писателей новаго времени, какъ прологъ къ ней, какъ указаніе преемственной связи и объединяющихъ цѣлей, но оставляя далеко за собой оцѣнки и обобщенія критика въ силу неиспытанной имъ никогда свободы выраженія взглядовъ и убѣжденій, Герценъ отклоняется отъ учительнаго, теоретическаго или воинствующаго направленія писательской своей дѣятельности послѣднихъ лѣтъ къ типу блестящихъ своихъ журнальныхъ статей, временъ „Отечественныхъ Записокъ". Неудобныя условія „прекраснаго далека" для подобной работы не останавливаютъ ея, не вредятъ ей (нѣсколько,— и очень немного,—фактическихъ неточностей, въ очеркѣ жизни Новикова, въ личной исторіи Пушкина и т. д. несущественны). Съ высоты свободнаго полета мысли раскрывается передъ нимъ литературная эволюція въ ея неразрывной связи съ освободительнымъ движеніемъ. Изъ двухъ достояній русскаго народа, которыя въ письмѣ къ Мишле онъ называлъ главными залогами обновленія,—общиннаго начала и идейной высоты литературы,— онъ въ своемъ памфлетѣ сосредоточиваетъ вниманіе на послѣдней; въ той энциклопедіи русской жизни, которой имя „Былое и Думы", будутъ разсѣяны современемъ во множествѣ характеристики писателей, въ особенности ближайшихъ современниковъ Герцена, но только однажды, — и подъ флагомъ политической цѣли,—сходятся онѣ, во французской статьѣ, въ стройную картину всего развитія литературы.

Очеркъ народнаго начала въ творчествѣ, полная сочувствія, даже поэтическаго воодушевленія, оцѣнка народной пѣсни, бѣглый взглядъ на образованность до-Петровскаго времени,—и съ Петра начинается послѣдовательный обзоръ главныхъ дѣяній русской письменности. Восемнадцатый вѣкъ уже богатъ въ Герценовскомъ очеркѣ точными снимками или оригинальными освѣщеніями. Петръ, обрисованный, какъ „истинный выразитель революціоннаго духа, скрытаго въ русскомъ народѣ", и въ то же время какъ „типъ деспота изъ comité de salut public"; Екатерина въ своей двойственной, двуличной роли, окруженная представителями независимой мысли и жертвами нетерпимости; Фонвизинъ, Державинъ, прекрасный образъ Новикова въ его просвѣтительной дѣятельности, Карамзинъ XVIII-го столѣтія, полный благородныхъ культурныхъ стремленій, любимецъ Герцена, который съ великимъ сочувствіемъ ввелъ обширную цитату изъ его мыслей о реакціи конца вѣка въ предисловіе къ „Съ того берега", — и въ противоположность ему ретроградъ - Карамзинъ Александровскихъ

временъ; мѣткія сличенія того, чѣмъ *могло* быть вліяніе западной философіи того времени на умы въ Россіи, и той, „отчасти пагубной для нихъ“ роли, которую оно получило, скользя по поверхности и не отражаясь въ постановкѣ основныхъ вопросовъ жизни,—характеристика той склонности русской мысли, которую Герценъ называетъ патологическимъ самоанализомъ, видя проявленіе ея уже у реалистовъ Екатерининской поры,—и картина восемнадцатаго вѣка закончена. Она была бы цѣльнѣе, еслибъ авторъ поставилъ въ ней на видномъ мѣстѣ дѣятельность такого писателя, какъ Радищевъ, и не перенесъ, очевидно, въ область соціально-политическихъ заявленій его „Путешествіе“, издателемъ котораго самъ выступилъ нѣсколько лѣтъ спустя (1858). Но основы духа времени, приводимыя руководящими писателями, призваніе ихъ, какъ заступниковъ за народное благо, за просвѣщеніе и справедливость, общественно-бытовой фонъ, окружавшій литературу, схвачены вѣрно, переданы искусно и образно.

Послѣ такого пролога настаетъ главная часть историческаго обзора, „истинная русская исторія начинается лишь съ 1812 г.“, и связывая сосредоточеніе оппозиціонныхъ силъ съ направленіемъ реакціонной политики послѣ Отечественной войны, Герценъ отнынѣ находится въ своей стихіи. Съ первыхъ дней „Союза Благоденствія“ и до конца сороковыхъ годовъ слѣдитъ онъ за обоими теченіями, литературнымъ и общественнымъ, въ ихъ взаимодѣйствіи, выдвигая изъ общихъ картинъ, рѣзкихъ, сатирически сильныхъ или мрачныхъ (напр., картины оффиціальнаго и столичнаго быта въ началѣ Николаевской поры съ льстивой, клеветнической и пресмыкающейся прессой, всевластіемъ политической полиціи, лживо-народническимъ лозунгомъ) отдѣльныя лица подвижниковъ творчества и мысли, выносившихъ на себѣ всю тягость общественнаго служенія. Это—не только характеристики писателей, но сжатыя, поразительно вѣрныя и художественно законченныя біографіи. Такіе образы, какъ Герценовскій Пушкинъ, Бѣлинскій, Полевой, Лермонтовъ, свободные отъ всякихъ условностей и преклоненій, съ свѣтомъ и тѣнями, съ неподкупной преданностью правдѣ и критическимъ анализомъ, независимо устанавливающимъ цѣнность эстетическую, идейную, общественную, сохраняетъ свою силу и значеніе и для потомства, имѣющаго въ своемъ распоряженіи несравненно больше данныхъ для опредѣленій и приговоровъ. Въ попутныхъ характеристикахъ литературныхъ типовъ,—Онѣгина, Ленскаго, Печорина,—поражаетъ то мастерство, та оригинальность взгляда, которая впослѣдствіи, въ лондонскій періодъ, сказалась, напр., въ объясненіи

Тургеневскаго Базарова, и, исходя отъ человѣка, оставшагося, въ силу условій его жизни, лишь дилеттантомъ литературной критики, предвѣщаетъ (напр., въ бытовомъ объясненіи образованія типа Онѣгина) критическія дѣянія такого преемника, какъ Добролюбовъ. Съ такою же мѣткостью обрисованы отдѣльные моменты, настроенія или вліянія въ жизни словесности и общественной мысли, — великое впечатлѣніе, произведенное появленіемъ „Мертвыхъ Душъ", или волненіе, полное недоумѣній, чаяній и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣва, и слѣпого раздраженія, вызванное философскимъ письмомъ Чаадаева. Но характеристики, очерки типовъ или временныхъ настроеній неизмѣнно вводятся въ общее, стройно развивающееся, обозрѣніе роста соціальныхъ идей, и, если въ немъ постоянно сопоставляется личное съ массовымъ, трудно было бы рѣшить, свойства ли блестящаго эссеиста, литературнаго портретиста первой величины, или же склонности общественнаго историка берутъ верхъ, — и рядомъ съ портретной галереею писателей и просвѣтителей становятся, съ равнымъ мастерствомъ выполненныя, изображенія такихъ сложныхъ движеній, какъ жизнь тайныхъ обществъ при Александрѣ и исторія оставшагося для Герцена обаятельнымъ декабризма, или борьбы западничества съ славянофильствомъ. На этой борьбѣ, тогда — послѣднемъ проявленіи умственнаго движенія передъ летаргіей 1848 — 55 годовъ, прерывается обзоръ, но не для того, чтобы, какъ бывало, въ разгарѣ состязанія, обрушить на противниковъ фейерверкъ остроумныхъ и полемически-ѣдкихъ нападокъ, но чтобы возстановить весь ходъ спора, надолго отдаться опредѣленію основъ обоихъ исповѣданій, раскрыть ихъ общественную и народную цѣнность, и передъ лицомъ неотложныхъ требованій времени, когда (казалось) „со дня на день можетъ обрушиться ветхое соціальное зданіе Европы, и Россія можетъ быть вовлечена въ потокъ страстной революціи", возбуждать враждующихъ бросить споръ свой и соединиться, — прежде всего „во имя Россіи". Призывъ къ сліянію и совмѣстной работѣ, заявленіе, что для примиренія партій есть „открытая арена", тотъ соціализмъ, „къ которому, подобно западникамъ, примкнули и руководители славянофильства, тогда какъ онъ раздѣлилъ Европу на два враждующихъ лагеря", надежда на то, что „на этомъ мосту мы можемъ протянуть другъ другу руку", переводятъ литературно-общественный обзоръ почти двухъ столѣтій на почву непосредственнаго дѣйствія, активной программы, въ которой выстраданныя воззрѣнія „Съ того берега" являются рѣшающимъ началомъ.

Но починъ соціально-историческаго освѣщенія новой русской литературы въ ея послѣдовательномъ развитіи все-же сдѣланъ, и намѣченныя имъ магистральныя линіи, обобщенія и оцѣнки остались надолго образцомъ и вдохновляющимъ примѣромъ. Въ слѣдующемъ же за брошюрой Герцена трудѣ, предпринятомъ въ томъ же направленіи (насколько позволяли русскія условія) въ „Очеркахъ гоголевскаго періода" Чернышевскаго, справедливо видятъ [1]) слѣды вліянія автора „Du développement" etc.,— и съ такимъ же основаніемъ связываютъ съ этимъ вліяніемъ, основными идеями и сгруппированными фактами, разработанными и дополненными позднѣйшей наукой, не только составившіе эпоху труды Пыпина объ общественномъ движеніи при Александрѣ и литературныхъ теченіяхъ Николаевской поры, но и цѣлый рядъ послѣдовавшихъ за ними изслѣдованій, все шире развивавшійся и доходящій до современной намъ поры. Такъ, въ кругъ литературныхъ заслугъ Герцена вошло сильное воздѣйствіе и на культурно-историческое изученіе словесности.

Для активнаго участія въ той общественной работѣ ея, которой онъ придавалъ такое высокое значеніе, не было больше возможности. Съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ 1848 года посланная имъ въ Петербургъ первая часть повѣсти „Долгъ прежде всего" не только была запрещена, но послужила новоявленной охранительной инстанціи, порожденной „сильнѣйшимъ припадкомъ цензурной болѣзни",—верховному комитету цензуры—поводомъ „запретить печатать что бы то ни было писанное Герценомъ", прямое общеніе съ литературной жизнью отечества было прервано. Среди напряженной работы мысли, поглощенной строеніемъ и проповѣдью соціальнаго ученія, творческая дѣятельность была уже неосуществима. Не нашлось досуга и склонности даже для продолженія запрещенной повѣсти по задуманному въ основныхъ чертахъ плану, и она осталась фрагментомъ. Когда въ 1854 году, въ числѣ первыхъ изданій лондонской вольной печатни, явился томикъ „Прерванныхъ разсказовъ", и въ составъ сборника вошли, на-ряду съ такимъ старымъ знакомцемъ, какъ „Круповъ", произведенія недавней поры, повѣсти „Долгъ прежде всего" и „Поврежденный", на нихъ лежалъ явный отпечатокъ недоговоренныхъ рѣчей, неразработанныхъ замысловъ. Въ первую введены были въ необыкновенномъ обиліи бытовые матеріалы, собранные еще во время житья въ Россіи, вторая зародилась подъ впечатлѣніемъ подлинной встрѣчи съ оригиналомъ главнаго лица

[1]) Гершензонъ, „Соціально-политическіе взгляды Герцена". М. 1906, 18.

въ близкомъ прошломъ, и все же не пошла дальше двухъ, трехъ сценъ. Но сила дарованія проявилась и въ этихъ обломкахъ, торсахъ.

Первая изъ этихъ новеллъ, полу-повѣсть, полу-программа (потому что̀ немалая часть текста говоритъ о томъ, что̀ *могло бы* быть разсказано въ ней), задумана была въ необыкновенно широкомъ масштабѣ. То, что̀ сполна выписано и представляетъ собой введеніе въ исторію Анатоля Столыгина, постоянной жертвы уступокъ „прежде всего долгу", образуетъ семейную лѣтопись Столыгиныхъ, въ которой долгъ, справедливость, уваженіе къ человѣческому достоинству, культурность, совершенно отсутствуютъ; это—лѣтопись стараго барства, крѣпостническаго деспотизма, столичной мишуры и деревенской необузданной грубости. Для этого понадобились, въ формѣ послѣдовательныхъ ступеней, три біографіи—отца Анатоля и его дѣда съ братомъ; его же собственный образъ едва намѣченъ въ той мастерски выполненной сценѣ, гдѣ мятежно вырвавшаяся на волю мать его тайно проникаетъ къ мальчику, при помощи преданной прислуги, въ твердыню, гдѣ властвуетъ отецъ, въ его роскошныя каменныя палаты. Предстояло *четвертое* въ повѣсти описаніе личной жизни; прежній ропотъ Герцена на неодолимую склонность къ отступленіямъ естественно вспоминается. Хронологическая рамка стала отъ этого еще шире; повѣсть принимаетъ характеръ историческаго романа; то слышатся живыя воспоминанія о Потемкинѣ, то воскресаетъ Парижъ начала первой революціи, и среди его послѣднихъ барскихъ салоновъ и грозныхъ уличныхъ сборищъ, Михаилъ Столыгинъ съ кузеномъ-княземъ, высадившіеся въ столицѣ міра изъ помѣщичьяго дормёза съ крѣпостной челядью;—въ послѣднихъ, не написанныхъ, главахъ должно было отразиться польское возстаніе 1830 года, затѣмъ сороковые годы, въ Римѣ;—конецъ перенесенъ въ Южную Америку, гдѣ Столыгину предстояло умереть католическимъ монахомъ. Мысль испытать свои силы и въ исторической повѣсти, хотя бы восходящей не далѣе восемнадцатаго вѣка, видимо привлекала тогда Герцена. Въ матеріалахъ для продолженія своего разсказа онъ намѣчаетъ очертанія одного лица, которое его „чрезвычайно занимало", которое „хотѣлось особенно отдѣлать",—представителя типа „русскаго генерала 1812 года", и вдругъ онъ отклоняется отъ своего сценарія, для того чтобы за генераціею дѣятелей отечественной войны показать три предшествовавшихъ поколѣнія русскихъ вліятельныхъ общественныхъ слоевъ и освѣтить эпохи Екатерины, Павла и Александра по отношенію къ роли дворянства; посвя-

щенныя этимъ характеристикамъ страницы програмы, достойныя соперницы историческихъ эскизовъ въ „Быломъ и Думахъ“ (особенно—захватывающее, при всей сжатости, изображеніе Павловскаго террора), даютъ образецъ того вѣрнаго пониманія прошлаго и пластическаго его олицетворенія, которому предстояло проявиться въ законченномъ произведеніи. Но если лѣтописно-бытовому характеру повѣсти не суждено было достигнуть полной разработки,—зато въ отдѣланной ея части проявлена богатая наблюдательность надъ тѣми чертами быта и его устоями, которые неизмѣнно переживали эпохи и царствованія. Какъ развилась бы у младшаго отпрыска столбовой семьи, у Анатоля, съ его чаяніемъ реформъ и прежде всего освобожденія крестьянъ, преданность долгу и готовность всѣмъ жертвовать ему, мы знаемъ лишь изъ намековъ, но жизнь старшаго поколѣнія сполна передъ нами,—и это—натуральная исторія крѣпостничества.

Съ тою трезвостью наблюденій натуралиста, съ которой впослѣдствіи Салтыковъ обособлялъ и изучалъ разновидности своихъ помпадуровъ или ташкентцевъ, столичныхъ Молчалиныхъ и Глумовыхъ или героевъ „Пошехонской старины“, Герценъ предается изученію крѣпостническихъ типовъ. Особи и оттѣнки тщательно распознаются. Въ самодурствѣ Льва Столыгина, способнаго суровыми мѣрами насаждать порядокъ въ хозяйствѣ своихъ крестьянъ, руководящей мыслью является вѣра въ высшее призваніе помѣщичьей власти. Какъ будто въ уровень съ Гоголевскими нравоученіями, временъ „Выбранныхъ мѣстъ“, принимавшими, что помѣщикъ — званіе священное, Левъ Степановичъ твердитъ, что забота о порядкѣ и цѣли крестьянскаго хозяйства — его долгъ. „На то я и поставленъ Богомъ въ помѣщики, чтобы хозяйничать; на томъ свѣтѣ съ меня спросится“,—говоритъ онъ. Рядомъ поставлены „нѣжный“ крѣпостникъ въ лицѣ его брата, Степана Степановича, окруженнаго деревенскимъ гаремомъ, съ хороводами, плясками, пирами, вѣчно влюбчиваго, сентиментальнаго, оставляющаго крестьянъ на произволъ старосты,—и скаредный жестокій сынъ его, развившійся, послѣ своихъ столичныхъ и парижскихъ утонченностей, въ обозленнаго русскаго тирана, съ злорадствомъ и хитростью мучающаго всѣхъ подвластныхъ, начиная съ жены. Вокругъ нихъ сходится еще болѣе многолюдная, со всевозможными оттѣнками, группа характеровъ дворовой челяди,—отъ стараго, тупо-исполнительнаго Столыгинскаго дворника Ефимки до честолюбивой, съ „династическими интересами“, горничной Акульки, заставившей обезумѣвшаго отъ страсти барина повести ее подъ вѣнецъ, отъ разудалаго музыканта и ци-

рюльника Митьки, съ его донъ-жуановскими похожденіями, до грознаго вице-короля дворни и деревни, Тита Трофимовича, барскаго наперсника и дворецкаго, трепещущаго передъ волей своего повелителя и безпощаднаго для крѣпостной мелюзги, искусно выдержаннаго авторомъ, подъ стать Тургеневскимъ бурмистрамъ и инымъ господскимъ клевретамъ-эксплуататорамъ, совершавшимъ тогда свое вступленіе въ русскую бытовую повѣсть. Реализмъ, бытовая правда изображеній деревни, въ обоихъ ея станахъ, барскомъ и мужицкомъ, ушли далеко отъ деревенскихъ картинъ, введенныхъ въ „Кто виноватъ?". Психологическій анализъ, сосредоточившійся въ первомъ романѣ на изученіи одиночнаго, затеряннаго въ общемъ теченіи жизни, конфликта, уступилъ мѣсто другимъ пріемамъ; быть можетъ, онъ снова проявился бы при передачѣ характера Анатоля, „полнаго силъ, энергіи, способностей, жизнь котораго тягостна, пуста, ложна и безотрадна отъ постояннаго противорѣчія между его стремленіями и его долгомъ", — новаго варіанта широкой темы о лишнихъ людяхъ [1]). Съ задачами „Кто виноватъ?" сближаетъ зато новую повѣсть заступничество за права женщины и склонность изображать страдающія или гонимыя женскія личности. Жены ли это яростныхъ крѣпостниковъ или новыхъ людей, подобныхъ Анатолю, онѣ несутъ свой тяжкій крестъ; рядомъ съ незамѣтной драмой и самопожертвованіемъ Любоньки должно бы стать супружеское и материнское горе Марьи Валеріановны, доведенной тираніею до бунта, разрыва и бѣгства.

Въ „Поврежденномъ", на первый взглядъ, нѣтъ тѣхъ бытовыхъ и художественныхъ связей съ писательскими пріемами русскаго періода жизни Герцена, которыя видны въ первомъ изъ „Прерванныхъ разсказовъ". Здѣсь вѣетъ Европой; въ обстановкѣ — природа и жизнь итальянской ривьеры, Ниццы, Генуи, Срединземное море,—застигнутые въ „одну очень тяжелую эпоху жизни" автора, „послѣ бурь и утратъ, и передъ еще бо̀льшими бурями и утратами", когда они внесли въ эту жизнь временное затишье и покой; по настроенію — одна изъ вступительныхъ главъ Герценовскаго эмигрантства. Вмѣсто бытового разсказа— словно автобіографическій эпизодъ; его краски и тона, — поэзія прибрежнаго ландшафта, отраженія больной, утомленной и медленно оживающей души,—то вызываютъ яркіе образы, то магически пере-

[1]) На такое значеніе даннаго характера указываетъ въ своей программѣ самъ Герценъ и, пояснивъ отсутствіе у него „сильной связи, общаго интереса или общаго упованія" съ русской современностью, прибавляетъ: „опять та же жизнь, которая образовала поколѣніе Онѣгиныхъ, Чацкихъ *и насъ всѣхъ*".

носятъ въ это психическое состояніе. Но въ такой оправѣ нежданно выступаетъ, перенесенная дикою случайностью съ далекой родины, эксцентрическая фигура ипохондрика, мыкающаго по свѣту свою тоску, свою иронію,—и свою теорію о повальной душевной болѣзни человѣчества, о недугѣ, охватившемъ всю нашу планету,—и знакомый, Круповскій мотивъ снова оживаетъ. Захолустнаго медика, любителя психіатріи, изъ одинокаго міра своихъ догадокъ и наблюденій, чтеній и думъ, бросавшаго исторіи людей свои приговоры и діагнозы, замѣнилъ „коммунистъ-помѣщикъ", съ большимъ запасомъ научныхъ и философскихъ знаній, съ свѣжимъ опытомъ усиленной Николаевской реакціи передъ глазами, съ впечатлѣніями всеобщей стачки европейскихъ правительствъ и имущихъ классовъ, и безсилія науки отозваться на человѣческія страданія. Старая, такъ глубоко разработанная, тема прошла черезъ трепетный, нервный организмъ, измучила и разстроила, „повредила" человѣка даровитаго,—она становится не только единомышленникомъ Крупова, но и готовымъ паціентомъ его. Въ его чудачествахъ, въ его безумно-оригинальныхъ рѣчахъ блещутъ и искрятся по временамъ — остроуміе и сила мысли самого разсказчика, искусно жонглирующаго при этомъ внѣшнимъ аппаратомъ психоза. А вокругъ — живые, реальные аксессуары, введенные опытнымъ романистомъ. Начиная со сцены появленія въ небольшомъ городкѣ на Corniche'ѣ дорожной кареты съ качающимся въ дремотѣ на козлахъ русскимъ крѣпостнымъ слугой, выгружающей своихъ неприкаянныхъ странниковъ, — и характеръ врачебнаго геніа-хранителя, московскаго эксъ-прозектора, съ его безконечными спорами въ честь науки, и фигура слуги, такъ выпукло выступающаго съ деревенски-русскими разсказами о своемъ несчастномъ и добромъ баринѣ среди культурныхъ чудесъ генуэскаго Stabilimento della Concordia, и безхитростный драматизмъ этихъ воспоминаній, такъ естественно дающихъ ключъ къ ранней исторіи „поврежденнаго",—все расцвѣтило центральную личность повѣсти живыми, бытовыми и въ то же время художественными красками.

Печальная личность „поврежденнаго" осталась мастерскимъ литературнымъ портретомъ и не дала матеріала для болѣе обширной беллетристической обработки. Снятая съ натуры, появившаяся на перепутьѣ, она скрылась въ сумракъ своихъ безконечныхъ странствій,—какъ скрылась впослѣдствіи, послѣ знаменательной встрѣчи съ Герценомъ фигура — не скорбника, но мечтателя, только съ тою же безпочвенностью и волненіемъ мысли, — рѣшившагося выполнить назначеніе своей жизни на Маркизскихъ островахъ...

Приковать вниманіе къ этой, проносящейся метеоромъ, тоскующей тѣни, приподнять завѣсу надъ прошлымъ безнадежно извѣрившагося, ушедшаго въ повальный скептицизмъ, наблюдателя людского безумія, было дѣломъ искуснаго беллетриста; созвучіе между разочарованностью „коммуниста-помѣщика" и настроеніемъ, томившимъ Герцена послѣ революціоннаго кризиса, внесло субъективные тоны въ передачу рѣчей и мнѣній человѣка, кажущагося людямъ только печальнымъ маніакомъ. Художество и идейная исповѣдь, соединившись, придали особое значеніе этой вещицѣ.

Надолго, если не навсегда, замерло сказавшееся въ ней снова влеченіе къ творчеству. Принимающая къ концу поры перелома все болѣе осязательныя формы программа публицистической и агитаціонной дѣятельности, открытіе вольной русской печатни, основаніе „Полярной Звѣзды", наконецъ „Колокола", гнѣвныя напутствія издыхающему милитаризму, политикѣ безмолвія и рабства, и сознаніе необъятности задачъ, связанныхъ съ новой эрой въ Россіи, призывали къ себѣ отнынѣ всю энергію, все дарованіе Герцена, отклоняя ихъ отъ литературно-художественнаго призванія. На свободной аренѣ публициста, обличителя, проповѣдника общественнаго возрожденія, въ пылу борьбы мнѣній и страстной полемики развился несравненно богаче прежняго и закалился въ изумительной оригинальности тотъ слогъ, красоты котораго сверкали, бывало, въ повѣстяхъ, журнальныхъ этюдахъ, полемическихъ вылазкахъ,—и въ недавнихъ соціально-философскихъ памфлетахъ Герцена. Лондонскіе станки, на-ряду съ задачами агитаціонной и обличающей прессы, въ то время высшаго русскаго трибунала и политической каѳедры, служили, конечно, притомъ и немало, общественной и литературной исторіи, освобождая изъ запрета или тайны одинъ за другимъ цѣнные и важные труды, „Путешествіе Радищева", Щербатовское „Поврежденіе нравовъ", Записки Дашковой, Лопухина, Екатерины, непечатную литературу Пушкинскаго періода. Въ первоначальный составъ „Колокола" входило ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями западной словесности и въ особенности съ книгами о Россіи [1]). Но ни блестящая и могучая *форма* публицистики „Колокола", ни заслуги передъ литературной исторіей не могли бы вознаградить за утрату первостепенной писательской силы, которая могла бы оказать великое вліяніе среди расцвѣта литературы, начавшагося со второй половины пятидесятыхъ годовъ,—еслибъ на фонѣ широко раскидывавшейся поли-

[1]) Статья „Западныя книги" въ „Колоколѣ" 1857 г.

тической дѣятельности Герцена не обрисовывались все яснѣе очертанія его главнѣйшаго литературнаго произведенія, постепенно выроставшаго среди борьбы и пропаганды. Черезъ годъ послѣ открытія лондонской вольной печатни, когда онъ принялъ отважное рѣшеніе „снять съ себя вериги чужого языка и снова приняться за родную рѣчь“, „не говорить болѣе съ чужими“ (вѣдь „мы имъ разсказали, какъ могли, о Руси и мірѣ славянскомъ,—что можно было сдѣлать, сдѣлано“ [1]), когда онъ ясно созналъ, что „много времени, жизни и средствъ принесъ онъ на жертву западному дѣлу и чувствуетъ себя въ немъ лишнимъ“,—наканунѣ горячей публицистической работы, одинокій, съ незатянувшимися душевными ранами, съ гложущей заботой о русскомъ дѣлѣ, входившемъ тогда (весна—лѣто 1854 г.) въ острый періодъ Восточной войны, приступилъ онъ снова къ записыванію своихъ воспоминаній, находя въ этомъ трудѣ,—какъ прежде, въ концѣ тридцатыхъ годовъ,—отвлеченіе, отраду, нравственное удовлетвореніе, и „Былое и Думы“ стали съ той поры его спутниками, свидѣтелями его волнующейся жизни, до послѣднихъ лѣтъ.

IV.

Обширенъ и разнообразенъ въ міровой литературѣ циклъ исповѣдей и „признаній“ въ дѣлахъ и помышленіяхъ. Августинъ, Руссо, Шатобріанъ, Мюссе, Томасъ De Quincey, Фонвизинъ, Гоголь, Левъ Толстой,—нѣсколько выдающихся изъ него именъ,—характеризуютъ своими пріемами самосуда или покаянія главные типы этихъ критическихъ автобіографій. Передъ гигантской исповѣдальней, гдѣ его „*mea culpa!*“ слышатъ неисчислимыя поколѣнія, человѣкъ сбрасываетъ съ своей жизни красивые, условные покровы, чтобы предстать во всей наготѣ своей души, не щадя ни одного двусмысленнаго ея движенія, безпощадно бичуетъ свои пороки и заблужденія, въ порывахъ самозакланія усиливаетъ краски; онъ взводитъ порою, клеплетъ на себя небывалыя дѣянія, становится невольно творцомъ укоряющихъ вымысловъ; съ высоты поздно прозрѣвшаго самосознанія онъ ужасается пучины прежнихъ грѣховъ,—и на-ряду съ ними часто предаетъ рѣшительному осужденію великое, доброе и полезное, что онъ нѣкогда совершилъ. Если на исповѣди лежитъ печать *писательскихъ* признаній,—кающійся грѣшникъ налагаетъ руку на свое художествен-

[1]) Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ, I. Братьямъ на Руси. Сочин., Женев. изд., V, 208.

ное, учительное, гражданственное достояніе, и съ Фонвизинымъ, Гоголемъ, Толстымъ, настаиваетъ на его вредѣ. Въ подавляющемъ большинствѣ это — порожденіе смятенной, страдающей души, высокоцѣнный психо-патологическій матеріалъ, скорбный листъ отшельническаго уединенія среди современной жизни, рѣшительный конецъ, отрѣзъ цѣлаго періода личнаго существованія, за которымъ должно начаться нѣчто иное, свѣтлое, лучшее.

Стоя на рубежѣ воспоминаній о прожитомъ и испытанномъ, вызывающихъ изъ прошлаго подлинные образы и факты, связанные съ жизнью прежняго очевидца и современника, литература исповѣдей часто переходила въ обширнѣйшую область мемуаровъ. Подъ перомъ Руссо, Гёте, Шатобріана, Жоржъ-Зандъ (Histoire de ma vie), выростаетъ вокругъ личной душевной исторіи общественная жизнь нѣсколькихъ эпохъ, то съ безпристрастіемъ лѣтописи, то съ смѣшеніемъ истины и вымысла. Полной правды въ счетахъ этого рода съ временемъ, народомъ, строемъ вѣка никогда не могло вынести цѣломудріе господствующей морали,— такіе обвинительные акты, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ и исповѣдью, какъ мемуары Байрона или Гейне, различными путями были устранены, уничтожены. Все-же, по ту сторону рубежа, гдѣ начинается царство всевозможныхъ личныхъ „повѣстей временныхъ лѣтъ", широкими волнами вливается минувшая жизнь, освѣщенная разнообразными оттѣнками убѣжденій, направленій, нравственной силы, цивическаго духа. Одна уже русская письменность сложила, начиная съ первыхъ мемуаровъ о Смутномъ времени, обширнѣйшій „Corpus" воспоминаній, въ которыхъ живутъ для поздняго потомства послѣдовательныя эпохи общественной и государственной исторіи, до ближайшаго прошлаго. Вольнодумство и раболѣпіе Екатерининской поры, душевная строгость масонскаго чина, лицо и изнанка періода просвѣщенія, Павловскій терроръ, эпопея двѣнадцатаго года, обскурантскіе походы Шишкова и Магницкаго,—внутренняя исторія декабризма съ ея военнымъ и европейскимъ прологомъ, драмой переворота и „гордымъ терпѣніемъ" ссылки, раскрытая удивительнымъ цикломъ мемуаровъ, — практическая философія клевретовъ Николаевской политической доктрины, типа Никитенка, — дали свой вѣрный оттискъ въ этихъ сказаніяхъ. Не историкъ, не художникъ, воскрешающій духъ прошлаго, не безстрастный судья и оцѣнщикъ событій, но участникъ въ былой борьбѣ и движеніи, съ неугасшими порывами, страстями, счетами, мемуаристъ выдѣляется изъ массоваго фона и изъ галереи старыхъ портретовъ, какъ опредѣленная личность, — какъ въ литературѣ признаній и исповѣ-

дей, здѣсь выступаетъ образъ *одного* человѣка. Его воспоминанія могутъ превратиться въ историческую повѣсть, несомнѣнно гораздо болѣе жизненную и завлекательную, чѣмъ узаконенный въ прежнее время въ словесности историческій романъ, долго ожидавшій Льва Толстого,—но вмѣстѣ съ тѣмъ это исторія *одной* жизни.

Въ двойственную, порою сливающуюся въ одно цѣлое литературу исповѣдей и мемуаровъ вступаютъ „Былое и Думы". Герцену думалось, что его обширный, многолѣтній трудъ—не воспоминанія о пережитомъ, а признанія, confessions. „Это не столько *записки*,—говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію 1860 года,—сколько *исповѣдь*, около которой, по поводу которой собрались тамъ-сямъ схваченныя воспоминанія изъ *Былого*, тамъ-сямъ остановленныя мысли изъ *Думъ*". „Впрочемъ,—замѣчаетъ онъ,—въ совокупности этихъ пристроекъ, надстроекъ, флигелей, *единство есть*, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется".

Но у его исповѣди—необычайно обширный хронологическій захватъ,—и по тому ряду послѣдовательныхъ періодовъ жизни, которые въ ней отражаются, и по продолжительности ея созданія, ея выработки. Въ маѣ 1837 года, Герценъ называлъ только-что оконченную свою статью „I Maestri" „первымъ опытомъ разсказывать воспоминанія изъ своей жизни", находя его „несравненно выше всего писаннаго имъ" („это живое воспоминаніе, горячій кусокъ сердца",—говорилъ онъ [1]), и эта дата является точкой отправленія для его автобіографической работы. Она возникаетъ, ростетъ отдѣльными эпизодами; описаны дѣтство („Дитя"), отрочество, юность; по перепискѣ съ Наташей можно прослѣдить этотъ ростъ. Вотъ, во Владимірѣ, „написалъ" онъ „VIII-ую главу *въ свою жизнь*" и изобразилъ свое увлеченіе Людмилой Пассекъ; далѣе „идетъ самая черная эпоха отъ 9 апрѣля 1834 г. до 20-го, но halte là!"; вотъ готова и IX-ая глава, гдѣ „описана студенческая оргія и прогулка", „шумный, пламенный водоворотъ разгула и бурный вальсъ высокихъ идей" [2]). Изображены всѣ друзья; страстно хочется нарисовать свѣтлый образъ Наташи, но смущеніе и трепетъ заставляютъ отложить эту попытку до „второй встрѣчи съ нею". Воспоминанія слывутъ уже въ перепискѣ подъ условнымъ заглавіемъ; для Наташи, для Кет-

---

[1]) Письмо отъ 28 мая 1837. Сочин. Герцена, петербургское изд., 1906, VII, 296.

[2]) Изъ Владиміра, 30 марта 1838 г.—Въ предисловіи 1862 г. къ „Запискамъ молодого человѣка" пояснено, что въ утраченной тетради разсказъ останавливался на „соборной поѣздкѣ нашей въ Архангельское кн. Юсупова и описаніи обѣда и пира возлѣ оранжереи, который продолжался еще дня два возлѣ Прѣсненскихъ Прудовъ".

чера, имя имъ — „О себѣ“. Несмотря на реальность изображенія пережитого, на нихъ, думается автору, „свой изящный отпечатокъ“; это — „поэма юности“... Затѣмъ для нихъ настаетъ первая литературная редакція, и фрагменты „Записокъ молодого человѣка“ оглашаютъ, поневолѣ нарушая цѣльность и связь, завѣтную автобіографію. Наконецъ, послѣднимъ уступомъ является возвратъ къ работѣ пятнадцать лѣтъ спустя, когда Герценъ одиноко „жилъ въ одномъ изъ лондонскихъ захолустій, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей“, и медленный („между иными главами лежатъ цѣлые годы“) ростъ окончательнаго труда, съ его центральной, важнѣйшею, доселѣ все еще сокровенною, его частью, ради которой, по свидѣтельству Герцена, написаны всѣ остальные томы. Крайній предѣлъ поставила судьба, остановивъ, приблизительно за годъ до смерти его, „надстройки и пристройки“ признаній, входившія въ мемуары уже изъ современной исторіи. Если отодвинуть вглубь ссылочнаго періода первые опыты самоанализа, получится совершенно непривычная въ литературѣ признаній и въ высокой степени характеристическая „Исповѣдь“, созданіе которой равно *всему объему сознательной жизни* человѣка.

Подобныя признанія не могутъ имѣть хронически покаяннаго, сокрушеннаго характера расплаты и осужденія. Въ нихъ должны сберечься свѣтъ и тѣни, надежды и разочарованія, горе, гнѣвъ и негодованіе, ошибки, неудачи и великія минуты, сильные подвиги, вся личная жизнь и ея захваты жизнью міровою. Когда-то Герценъ ставилъ себѣ, какъ писателю, задачей неразрывно поддерживать въ своихъ произведеніяхъ связь съ душевной своей исторіею („я рѣшительно хочу въ каждомъ сочиненіи моемъ видѣть отдѣльную часть жизни души моей“), надѣясь, что „ихъ совокупность будетъ іероглифическая біографія“ его, которую толпа не пойметъ, не поймутъ „люди“, но сказавшееся въ этомъ заявленіи влеченіе къ самонаблюденію и отчету въ дѣлахъ и помышленіяхъ привело его со временемъ къ созданію не „іероглифической“, а открытой, всесторонней автобіографіи-исповѣди.

Иной разъ Герцену казалось, будто „Былое и Думы“ призваны возстановить въ положительномъ освѣщеніи многое изъ былого,—людей и житейскіе факты. Когда въ отвѣтѣ Огарева на письмо, въ которомъ Герценъ сообщалъ, что въ своемъ разсказѣ онъ пришелъ къ печальной исторіи перваго брака Огарева съ Марьей Львовной, онъ увидалъ тревогу и опасеніе рѣз-

---

[1]) Соч. Герцена. 1906, VII, 87.

кихъ обличеній, онъ успокоивалъ его, укоряя въ недовѣріи. „Горе тебѣ, маловѣрный!—восклицалъ онъ.—Какъ же ты издали могъ думать, что я казнилъ Марью Львовну! Развѣ ты не видѣлъ, что „Былое и Думы“—вообще реабилитація, коли ничѣмъ другимъ, такъ артистическимъ силуэтомъ? Эти страницы свѣтлы и печальны“ [1]... Но мягкое, хотя бы только художественное („артистическій силуэтъ“) заступничество, или реабилитація, не стало общимъ признакомъ его мемуаровъ. Возможное иногда по отношенію къ дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ, оно не пытается скрыть за примиряющимъ освѣщеніемъ или оправданіемъ того, что̀ укоряло, мучило, печалило самого автора признаній. Среди бытовыхъ и историческихъ картинъ, среди яркихъ характеристикъ и безграничной затраты чувства, сатирической силы, юмора, проповѣдническаго дара, выступаютъ суровыя, потрясающія, безпощадныя или безутѣшно-грустныя страницы, и духъ покаянной исповѣди проявляется нерѣдко съ такою властной силой, которую не встрѣтишь въ литературѣ признаній. Воспоминаніе ли о непоправимыхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ въ дальнемъ прошломъ съ ихъ печальными жертвами, когда образъ покинутой Гаэтаны или героини вятскаго романа Медвѣдевой (въ ненапечатанной главѣ „Былого и Думъ“) вставалъ, живой и укоряющій,—кризисъ ли, пережитый послѣ 1848 года, съ приступами слабости и отчаянія, когда „жизнь казалась продолжительной ошибкой, человѣкъ сомнѣвался въ себѣ, въ послѣднемъ, въ остальномъ“, и щемило сожалѣніе, что „онъ не умеръ на баррикадѣ, унося съ собой въ могилу два, три вѣрованія“ [2],—мучительная ли память о семейной драмѣ, со всѣми переходами отъ романтическаго культа и идеализаціи къ эгоистическому обособленію, отдаленію, къ кризису разрыва, съ эпилогомъ кроткой смерти, окруженной ореоломъ, съ неутѣшнымъ горемъ, ужасомъ вѣчнаго одиночества, разсчетъ ли съ жизнью, когда безнадежную старость гложетъ сознаніе разбитой въ борьбѣ энергіи, и мысль неутѣшно носится по страшному погосту, гдѣ схоронены люди и вѣрованія, вызываютъ особый подъемъ исповѣди,—ея страницы потрясаютъ невыразимо. Къ силѣ проникшаго ихъ чувства и безжалостнаго самосуда присоединяется сила слога, поднимающаяся въ эти минуты до высшаго своего напряженія. „Все это написано слезами, кровью“,—говорилъ Тургеневъ о наиболѣе заповѣдной и доселѣ ненапечатанной части Гер-

[1]) Изъ переписки Герцена и Огарева. „Вѣстн. Европы“, 1907, VI, 649, письмо отъ 1 сент. 1861 г.

[2]) Западныя арабески, Примѣты (наиболѣе полная редакція—въ 1-мъ сборникѣ журнала „Освобожденіе“.

ценовскихъ воспоминаній, — разсказѣ о послѣднемъ періодѣ жизни жены. „Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ“ [1]).

Но то, что порою доходитъ до крайняго предѣла, какого можетъ достигать исповѣдь, признаніе, — въ то же время своеобразный видъ *записокъ* (по терминологіи Герцена). Не „надстройками“ только, необходимыми для того, чтобы привести впослѣдствіи къ фактамъ общественной, политической, литературной дѣятельности автора, являются изображенія его дѣтства, отрочества, юности; органически развившіяся изъ самыхъ раннихъ автобіографическихъ его попытокъ, дорогія ему во всемъ составѣ выдающихся явленій и мелочей обстановки и условій времени, они надолго придаютъ повѣствованію мемуаровъ видъ широкаго, свѣтлаго потока, который въ своемъ теченіи захватитъ эпохи, поколѣнія, множество лицъ и событій, неизмѣнно сохраняя въ глубинѣ своей душевную исторію центральнаго лица. Начиная съ вступительной главы, открывающей мемуары разсказомъ старой няни Вѣры Артамоновны о томъ, какъ французы вступили въ Москву въ 1812 году, а она съ ребенкомъ очутилась среди непріятелей, и до отъѣзда Герцена изъ Россіи идетъ послѣдовательное общественно-историческое повѣствованіе; частыя оглядки на конецъ восемнадцатаго вѣка, чьи запоздавшіе въ новомъ обществѣ дѣятели, чьи идейные отголоски еще замѣтны были въ дни юности Герцена, и живыя характеристики этой недавней поры, образуя какъ бы прологъ къ связной лѣтописи, придаютъ ей еще бо́льшій хронологическій захватъ.

И въ то же время эта лѣтопись или „записки“, эта автобіографія или исповѣдь имѣютъ несомнѣнныя свойства историческаго романа большой художественной силы и правды, съ личнымъ и общимъ фономъ, съ психологіей главнаго лица и духовной исторіею среды, съ живыми лицами всѣхъ выдающихся ея дѣятелей,—не только съ описаніями и характеристиками, портретами и медальонами, но порою и съ мастерски веденнымъ діалогомъ, который усиливаетъ впечатлѣніе романа,—пріемъ нерѣдкій въ литературѣ автобіографій и признаній. То прикрывались они романической дымкой, чтобы подъ ея защитой, съ вымышленными именами и поддѣльной средой, можно было легче воспроизводить все сокровенное, интимное. (Таковъ маневръ Альфреда де-Мюссе, чтобы въ „Confession d'un enfant du siècle“ разоблачить драму своихъ отношеній съ Жоржъ-Зандъ). То романическій аппаратъ являлся у Гёте или Руссо, какъ удобное

---

[1]) Письма Тургенева, Спб. 1884, 281.

средство для того, чтобы, не прибѣгая къ иносказанію, заткать неровности, сгладить и объяснить, среди вводныхъ сценъ, пестроты дѣйствія и другихъ приманокъ изворотливой Dichtung, спорные или удручающіе факты и дѣйствія автобіографа. Мемуары Герцена вполнѣ своеобразно соединяютъ черты исторической повѣсти и психологическаго романа, типа „Кто виноватъ?". Жизненность ихъ историческаго разсказа не зависитъ отъ творческихъ узоровъ, расположенныхъ по канвѣ подлинной исторіи, извлекаемой изъ архивовъ и преданій, какъ, напр., въ „Войнѣ и Мирѣ". *Весь* романъ, и въ личной, и въ общей его части, пережитъ,—и когда, въ повременно возвращающихся приступахъ настроенія исповѣди, борьба чувства и мысли заполонитъ и остановитъ разсказъ, въ немъ выступаютъ достоинства романа личнаго, Ich-Roman.

Связность, цѣльность дальнѣйшаго изложенія должна была пострадать среди возраставшаго напряженія публицистической дѣятельности, въ періодъ „Колокола", когда возможны были лишь эпизодическія продолженія начатаго обширнаго повѣствованія. Но если стройное теченіе разбилось на много мелкихъ ручьевъ, изъ мозаичной группировки отдѣльныхъ частей этого отдѣла мемуаровъ, въ связи съ примыкающими къ нимъ „Письмами изъ Франціи и Италіи" [1]), слагается столь же глубокая и сильная характеристика *европейскаго*, эмигрантскаго періода жизни Герцена, какъ исторія и автобіографія его *русскаго* времени въ главной части „Былого и Думъ". Мадзини, Гарибальди, Прудонъ, Ворцель, Кошутъ смѣняютъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Чаадаева, Константина Аксакова, Хомякова; Лондонъ, Швейцарія, Парижъ второй республики и второй имперіи — Пермь, Вятку, Владиміръ, Москву тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ ея фрондерствомъ, университетскимъ гуманизмомъ, славянофильскими „всенощными бдѣніями" и словесными турнирами. Большой отдѣлъ новой русской исторіи обогащается обширнымъ придаткомъ западно-европейской политической и общественной современности,— и романъ-мемуаръ-исповѣдь во всемъ своемъ объемѣ становится хроникой Россіи и Запада болѣе, чѣмъ за полвѣка, веденной однимъ изъ передовыхъ дѣятелей прогресса не въ заурядномъ тонѣ его прославленія, но во всей правдѣ исканія новыхъ путей и цѣлей, во всей независимости иконоборства и еретичества.

---

[1]) На пополненіе мемуаровъ этими „Письмами" указываетъ Герценъ (особенно относительно 1848 г.) въ предисловіи къ 5-й части „Был. и Д.", женев. изд., VIII, 211.

Но многогранность произведенія неистощима. Если Герценъ и прежде считалъ одною изъ особенностей своего писательства неудержимую склонность къ отступленіямъ и бесѣдамъ ex tempore, къ „вводнымъ мѣстамъ", и ни одна изъ его повѣстей или литературныхъ статей не была свободна отъ нихъ, то въ „Быломъ и Думахъ" съ ихъ богатымъ содержаніемъ, постоянно возбуждавшимъ мысль къ обобщеніямъ, размышленіямъ, параллелямъ, изліяніямъ остроумія, обличенія, негодованія, подъемамъ чувства, эта склонность нашла полный просторъ. Ихъ покрываетъ общая, скромно звучащая формула: „около исповѣди, по поводу нея, собрались тамъ-сямъ остановленныя думы"... Но это уже не отрывочные наброски мѣткихъ мыслей и не случайныя à parte, какъ можетъ показаться изъ оговорки предисловія. Наряду съ фактическимъ богатствомъ личнаго и общаго *Былого*, изъ разсѣянныхъ по всему произведенію размышленій и, въ широкомъ смыслѣ слова, лирическихъ мѣстъ слагается вторая основная стихія цѣлаго,—*Думы*.

Когда, неподчиненныя никакому предвзятому плану, онѣ свободно взлетаютъ надъ разсказомъ, вызванныя особенно возбуждающимъ поводомъ, и уносятъ мысль то къ историческимъ, бытовымъ, философскимъ, политическимъ горизонтамъ, къ характеристикамъ и освѣщеніямъ русской, западной, былой или современной жизни, то къ психологическимъ наблюденіямъ надъ лицами, поколѣніями, расами, то къ личнымъ испытаніямъ, житейскимъ итогамъ, то къ исповѣданію вѣры въ „грядущее обновленіе", онѣ придаютъ разсказу невыразимое обаяніе личности, отъ которой онъ исходитъ. Вся она, во всемъ блескѣ и разносторонности дарованія, возсоздается, не только въ моменты художественнаго изложенія, исповѣди и проповѣди, сарказма, ироніи, но и въ налеты задумчивости, когда, удивительно склонная къ обобщеніямъ, ассоціаціямъ и переходамъ идей, она отдается вдохновенію импровизатора и раскрываетъ свои умственныя богатства. Словно слышится ея голосъ, словно настала долгая греза наяву, и въ ней—бесѣда съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей...

Предисловіе 1860 года ко всему труду уже предвѣщаетъ значеніе въ немъ раздумья. Мысли объ угасаніи всего личнаго, о „сѣдой юности, одной изъ формъ выздоровленія", которая одна только даетъ возможность „человѣчески переживать иныя раны",—о „пристрастіи жизни къ возвращающемуся ритму, къ повторенію мотива",—о томъ, какъ „по обѣ стороны полнаго разгара жизни, съ ея вѣнками изъ цвѣтовъ и терній, съ ея ко-

лыбелями и тробами, часто повторяются эпохи, сходныя въ главныхъ чертахъ",—наконецъ, заключительныя слова, сопоставляющія „ребячье Грютли на Воробьевыхъ Горахъ" съ тревожной дѣйствительностью лондонскаго періода, вспоминая, какъ „жизни, народы, революціи, любимѣйшія головы возникали, мѣнялись и исчезали между Воробьевыми Горами и Примрозъ-Гиллемъ, какъ слѣдъ ихъ почти заметенъ безпощаднымъ вихремъ событій",—вводятъ въ одну изъ главныхъ группъ „Думъ". Итоги жизни, суровый смыслъ ея, раскрывающійся въ неустанной борьбѣ, разрушеньи и гибели, судьба идей, вѣрованій, привязанностей, неумолимость памяти, въ которой, рядомъ съ давно угасшимъ свѣтомъ и радостью, врѣзалось навсегда темное, томящее и печальное,—влекутъ къ себѣ мысль. Вслѣдъ за проявленіемъ подобнаго настроенія, останавливающагося только у предѣла міровой скорби, можетъ пройти потомъ рядъ сценъ и описаній, вполнѣ жизненныхъ, реальныхъ,—такъ меланхолическое предисловіе соприкасается съ картиной Москвы въ 1812 году и впечатлѣніями дѣтской, выдержанными въ свѣтлыхъ тонахъ, съ искрами остроумія, но круговоротъ воспоминаній приводитъ снова къ скорбнымъ думамъ, и въ „Oceano nox" слышатся такія рѣчи: „прошедшее—не корректурный листъ, а ножъ гильотины; послѣ его паденія многое не сростается и не все можно поправить. Оно остается, какъ отлитое въ металлѣ, подробное, неизмѣнное, темное, какъ бронза... Не надобно быть Макбетомъ, чтобы встрѣчаться съ тѣнью Банко; тѣни—не уголовные судьи, не угрызенія совѣсти, а несокрушимыя событія памяти". И съ скорбной думой о быломъ сливается, въ мучительно-острые аффекты раздумья, безотрадное сознаніе безвыходности, безполезности, одиночества, скрашеннаго старыми, прекрасными, несбыточными снами,—мысль о томъ, что „насъ немного и мы скоро вымремъ",—желаніе вызвать къ себѣ изъ новой исторіи человѣчества образы такихъ же страдальцевъ разрыва, борьбы и разочарованія, и прежде всего Байрона съ его „мужественной мыслью, который видѣлъ, что *выхода нѣтъ*, и гордо высказалъ это",—печальное успокоеніе въ томъ, что „нами человѣчество протрезвляется, что мы его похмелье, его боли родовъ", что во власти природы, немолчно, тысячелѣтіями, совершающей свое творческое дѣло, мы умремъ, какъ „полипы умираютъ, не подозрѣвая, что они служили *прогрессу* рифа".

Но, способная дойти до крайняго предѣла самоосужденія, самозакланія въ потрясающей главѣ „Западныхъ Арабесокъ", надписанной во вкусѣ Барбье *(Il pianto)*, дума, повинуясь силь-

нымъ жизненнымъ влеченіямъ и запросамъ, вѣчно спорившимъ въ этой сложной натурѣ съ рефлексіей, сомнѣніемъ, уничтожающей насмѣшкой, несется къ инымъ краямъ,—отъ разрушенія и гибели къ жизни, минувшей и новой, къ людямъ, народамъ, къ борьбѣ за свободу, къ творчеству, наукѣ. Она вскроетъ ходъ культуры въ ближайшія столѣтія, освѣтитъ всемогущество „мѣщанства"; итогъ дѣятельности Прудона или появленіе „On liberty" Милля наведетъ ее на мѣткую характеристику отношенія романскаго и англійскаго міра къ свободѣ или процессу освобожденія личности; коснувшись Гейне, „Молодой Германіи", она вызоветъ призраки стародавней политики безмолвія; вліяніе Гегеля побудитъ къ разгадкѣ его власти надъ умами; за образами Чаадаева и первыхъ славянофиловъ, введенными въ оправу былыхъ отношеній и борьбы, встаетъ эволюція на Руси идей европеизма и національнаго охранительства, преданія аракчеевщины связываются съ духомъ позднѣйшихъ расправъ, съ „звѣрствомъ русской тюрьмы, суда", — но и съ склонностью нашей „засѣкать идеи, искусство, гуманность, прошедшихъ дѣятелей, какъ Аракчеевъ засѣкалъ для своего идеала лейбъ-гвардейскаго гренадера живыхъ крестьянъ; судьба несчастной четы Энгельсоновъ приводитъ къ безотрадной физіологіи нервнаго, надломленнаго поколѣнія; „лишніе люди и желчевики" наводятъ на наблюденія и выводы, достойные естествоиспытателя, а возлѣ печальныхъ картинъ безсилія и забитости, возбужденная свѣтлой памятью Роберта Оуэна, слышится горячая фантазія о грядущемъ избавленіи, поэтически восторженная проповѣдь Оуэновскаго соціализма, идущая отъ того же, способнаго грустно поникать головой въ сознаніи безполезности своей жизни, мыслителя и дѣятеля. Мировое и русское творчество въ его типахъ и направленіяхъ, въ его связяхъ съ жизнью, идейнымъ движеніемъ, вѣковыми задачами соціальнаго развитія и личной свободы, столь же сильно возбуждая думы, вноситъ въ циклъ размышленій глубокую оцѣнку художественной красоты и освободительнаго вліянія. Критерій очерка „Du développement des idées", etc., не измѣнился и теперь въ своихъ основаніяхъ, но въ горнилѣ долгаго опыта и изученія литературныхъ явленій Запада и Россіи, въ подробной полнотѣ, быть можетъ, не встрѣчаемаго у нашихъ писателей, выработалось еще болѣе тонкое, проницательное его примѣненіе. Съ мыслями, внушенными старыми богами, Вольтеромъ, Шиллеромъ, Гёте, Пушкинымъ, встрѣчаются теперь, въ особенно страстномъ подъемѣ, тѣ, что вызваны поэтами борьбы, сомнѣній, разрыва, пессимизма, и находятъ ближайшій отзвукъ въ душѣ Герцена. Это

Лермонтовъ, это Леопарди, это Байронъ,—и думы о долѣ Байрона, о его призваніи среди новаго человѣчества, о завѣтахъ, сбереженныхъ въ его „Манфредѣ“, „Гарольдѣ“, „Донъ-Жуанѣ“, и по силѣ независимой мысли, и по блеску выраженія достойны стать въ челѣ лучшихъ истолкованій великаго англійскаго поэта.

Взлетая свободнымъ роемъ надъ автобіографіей и лѣтописью современности, то скрываясь, чтобъ дать имъ просторъ, то сбоплясь въ такомъ обиліи, что повѣствованіе совсѣмъ прерывается и на смѣну его выступаетъ „Раздумье по поводу затронутыхъ вопросовъ“ („Был. и Д.“, часть 5, гл. 41),—думы, равноправныя, съ элементомъ признаній и съ исторической стороной сюжета великаго произведенія, образуютъ вмѣстѣ съ ними органически цѣльную его ткань. Чувство, подсказавшее Герцену догадку о связи, скрѣпляющей составныя части мемуаровъ, не обмануло автора. Какъ ни разнородны онѣ, какъ ни изобильно содержаніе, и съ виду нестроенъ, невыдержанъ планъ,—*„единство есть“*. Оно дано эволюціею сильнаго, испытующаго ума и великаго дарованія среди крушенія старыхъ идеаловъ и борьбы за соціальное возрожденіе, синтезомъ русскаго народнаго начала и общечеловѣческаго освобожденія, исторіею выдающейся индивидуальности, одной изъ „горныхъ вершинъ“.

„Много надобно времени для того, чтобы иная быль отстоялась въ прозрачную думу, — неутѣшительную, грустную, но примиряющую пониманіемъ“,—говорилъ Герценъ въ предисловіи, характеризуя способъ своей работы. „Безъ этого можетъ быть искренность, но не можетъ быть *истины*“. Такъ облегчаетъ онъ самъ рѣшеніе вопроса о степени соблюденія Wahrheit въ его разсказѣ. Не было ничего легче заполненія непривлекательныхъ пробѣловъ и недочетовъ его богатой фантазіей и стилистическими красотами. Твердое рѣшеніе дать были „отстояться“, лишь бы въ разсказѣ и думѣ о ней получилась истина, высоко поднимаетъ достовѣрность и правдивость лѣтописи и исповѣди. Отдаленіе отъ событій и дѣйствовавшихъ въ нихъ людей, отъ отечества, отъ многихъ способовъ контроля памяти книжными или иными источниками, могло повести къ частнымъ, невольнымъ неточностямъ въ мелочахъ хронологіи, біографическихъ деталяхъ, касающихся выведенныхъ лицъ [1]); воспоминаніе могло иногда сблизить или же развести на извѣстное разстояніе смежные второ-

[1]) Замѣчанія и поправки, если не прямо къ „Былому и Думамъ“, то къ воспоминаніямъ Т. Пассекъ въ которыхъ сдѣланы были обширнѣйшія заимствованія, изъ Герценовскаго произведенія, стали являться довольно рано,—напр., возраженія семьи Голохвастовыхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года.

степенные факты. Тщательная критика текста мемуаровъ уже, быть можетъ, невдалекѣ, и обставленное обширнымъ комментаріемъ изданіе „Былого и Думъ" установитъ размѣры того, что внесено въ нихъ было въ силу неизбѣжнаго „закона погрѣшностей". Но оно не раскроетъ сознательнаго „творчества", вымысла, ни въ сторону самозащиты, ни ради вящаго самоосужденія. Не только въ освѣщеніи эпохъ, поколѣній, общественныхъ группъ, но въ многочисленныхъ характеристикахъ и портретахъ, въ автобіографической канвѣ, его показанія имѣютъ значеніе надежнаго документа. Стремленіе установить во что бы то ни стало, не поддаваясь никакимъ соблазнамъ самосохраненія, *истину*—господствуетъ во всемъ произведеніи.

Но Dichtung имѣетъ большое значеніе въ „Быломъ и Думахъ",—не въ банальномъ смыслѣ узорчатаго искаженія правды и дѣйствительности, но въ широкой роли, отведенной художественной силѣ изложенія, мастерству портретной и описательной живописи, психологическому анализу, достойному первостепеннаго романиста, возсозданію цѣлаго ряда характеровъ, вошедшихъ въ циклъ лучшихъ твореній нашего литературнаго художества, и въ небывалой, блестящей красотѣ разнообразнѣйшаго слога.

Не пересказывая былого съ эпической плавностью, но воплощая его, заставляя его снова жить, автобіографъ имѣлъ въ своей власти и искусство характеристики, и реставрацію духа эпохъ, общественныхъ теченій, массовыя картины и очерки,—но, несомнѣнно, высшихъ, совершеннѣйшихъ результатовъ достигаетъ онъ при помощи перваго изъ этихъ художественныхъ пріемовъ. Не „силуэты" (какъ скромно назвалъ ихъ Герценъ), даже не портретные снимки или изваянія во весь ростъ, но *живые* люди, со всевозможными оттѣнками душевнаго міра и внѣшняго обличья, населили обширное повѣствованіе. За кѣмъ изъ нихъ первенство этой изумительной жизненности,—за тѣми ли, чьи черты такъ глубоко врѣзались въ память изъ дальнихъ *русскихъ* временъ, изъ семьи, университета, ссылки, литературы и общества сороковыхъ годовъ, или за тѣми, кого ввели въ личную жизнь революціонная Европа, эмиграція, зарубежныя встрѣчи и связи съ соотечественниками,—вопросъ тщетный: до послѣдней поры своей донесъ авторъ неизмѣнное свое мастерство воплощенія. По краямъ его портретной галереи стоятъ въ одинаковой силѣ такіе антиподы, какъ гротескныя фигуры изъ Яковлевской среды и Гарибальди, Мадзини, русскіе типы шестидесятыхъ годовъ.

Отецъ, вольтерьянецъ и брюзга, съ круговоромъ стараго вольнодумства, русскаго барства, нервныхъ капризовъ и домашняго деспотизма, съ рѣдкими проблесками мягкихъ душевныхъ движеній среди сознательнаго и напускного чудачества и мучительства, открываетъ собой эту галерею. Какъ бы оригиналъ снимка ни былъ близокъ самому художнику, какъ бы память ни сохранила ему различныя его черты, дѣла, слова,—своеобразная и сложная личность, которая долго проходитъ по фону разсказа, то выступая активно на его поверхности, то вліяя на жизнь сына и окружающихъ изъ затишья своего отшельническаго кабинета—не свѣтописная копія, обставленная надежнымъ количествомъ точно переданныхъ фактовъ, но гипнотизирующее своей жизненностью, дорисованное до полной иллюзіи существо. Вокругъ него, въ столь же реальныхъ очертаніяхъ каждой индивидуальности, стоятъ типы его московскихъ сверстниковъ и современниковъ, сенаторъ, Химикъ, княгиня Хованская съ ея деспотизмомъ аристократической Кабанихи, восторженная „Корчевская кузина", пылающій Шиллеровскимъ идеализмомъ юноша—Огаревъ,—и художественная сила, дойдя до высоты старческаго образа Яковлева, снова поднимается до этого уровня въ двухъ женскихъ характерахъ, увѣнчивающихъ собой циклъ „Герценовскихъ женщинъ", выставленный его повѣстями. Это — героиня ранняго его увлеченія, романтической игры въ любовь, покинутая, увядшая въ горѣ „Гаэтана", это—Natalie. Немногими, несложными чертами обрисована мечтательная, любящая молодая дѣвушка, но на ея образѣ, прорѣзавшемъ свѣтлымъ лучомъ дымку далекихъ воспоминаній, лежитъ удивительная прелесть молодости и первой любви. Обращеніе къ этому свѣтлому видѣнію человѣка, утомленнаго жизнью, грустно сопоставляющаго свое „прежде и теперь",—одно изъ выдающихся, изумительныхъ и по формѣ своей, его личныхъ изліяній. „Ты въ моемъ воображеніи осталась съ твоимъ юнымъ лицомъ, съ твоими кудрями blond cendré; останься такою; вѣдь и ты, если вспоминаешь обо мнѣ, то помнишь стройнаго юношу съ искрящимся взглядомъ, съ огненной рѣчью,—такъ и помни, и не знай, что взглядъ потухъ, что я отяжелѣлъ, что морщины прошли по лбу, что давно нѣтъ свѣтлаго и оживленнаго выраженія въ лицѣ, которое Огаревъ называлъ выраженіемъ надежды; да нѣтъ и надежды".

Силуэтъ Гаэтаны не можетъ не поблѣднѣть передъ тѣмъ женскимъ характеромъ, который призванъ былъ судьбой къ великому значенію во всей вспоминаемой жизни, въ ея свѣтлой

порѣ, въ трагическомъ ея переворотѣ, въ грустной отрадѣ примиренія и недолгаго, новаго счастья, и бросилъ свой отблескъ на потянувшееся затѣмъ безконечное одиночество. Душевная исторія этого характера, съ дѣтскихъ лѣтъ, раннихъ страданій и первыхъ религіозныхъ экстазовъ, до предсмертнаго просвѣтленія, сливаясь съ личной судьбой ея жизненнаго спутника, входитъ въ область его *исповѣди*, ея сила и глубина—въ отгадкѣ, въ передачѣ сокровенныхъ, интимныхъ психическихъ состояній, завѣтныхъ, негласныхъ фактовъ, но возсоздаетъ ее замѣчательный художникъ, которому подвластны всѣ изобразительныя средства рѣчи. Лицо, взятое изъ жизни, освѣщено глубокимъ душевнымъ пониманіемъ, обрисовано съ пластической законченностью, драматизмъ ситуацій проникнутъ захватывающей страстностью, смѣна аффектовъ и настроеній овладѣваетъ читателемъ, разсказъ „горитъ и жжетъ". Пусть это не творчество, а печальная быль, но въ романической литературѣ нашей нелегко найти соотвѣтствіе предсмертному эпизоду изъ жизни Natalie, отъ рѣшающаго свиданія ея въ Туринѣ съ мужемъ, ихъ „второго вѣнчанія", отъ ниццской идилліи и грезъ о возвратѣ счастья—къ вторженію болѣзни, къ разставанію съ жизнью, къ бездыханному тѣлу, окруженному цвѣтами. „Она лежала вся въ цвѣтахъ. Сторы были опущены. Я сидѣлъ на стулѣ, на томъ обычномъ стулѣ возлѣ кровати, кругомъ было тихо—только море кишѣло подъ окномъ. Флеръ, казалось, приподнимался отъ слабаго, очень слабаго дыханія. Кротко застыли скорбь и тревога, словно страданія окончились безслѣдно, ихъ стерла беззаботная ясность памятника, не знающаго, что̀ онъ представляетъ. И я все смотрѣлъ, смотрѣлъ всю ночь... Она не проснулась. Это не сонъ, это смерть!"

Снова идутъ рядами мастерскія воплощенія, сосредоточенныя біографіи безъ всякаго аппарата обстоятельности и фактической полноты, образы неотдѣлимые болѣе отъ лицъ, съ которыхъ они сняты, —превосходная характеристика Бѣлинскаго; а затѣмъ, Чаадаевъ, Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, Грановскій („На могилѣ друга"),—и изъ царства ссылки выдвигающаяся навстрѣчу носителямъ гуманности и культуры хищная, деспотическая, плотоядная фигура Тюфяева,—все это рѣзкими штрихами набросанное предвѣстіе Салтыковскихъ помпадуровъ. Съ смѣной русской среды на европейскіе политическіе и общественные слои—новая серія характеристикъ того же художественнаго достоинства. Это—„угрюмый и худой старикъ Ламенэ съ проклятіемъ на устахъ „людямъ порядка, разстрѣливавшимъ сотнями, ссылавшимъ тысячами безъ

суда, державшимъ Парижъ въ осадѣ", это страстно независимый, „неукротимый гладіаторъ, упрямый безансонскій мужикъ Прудонъ", это идеальный портретъ умирающаго на чужбинѣ Станислава Ворцеля, это Мадзини въ своемъ религіозномъ апостольствѣ свободы, — наконецъ, Гарибальди, быть можетъ, одинъ изъ совершеннѣйшихъ портретовъ во всемъ произведеніи (очеркъ „Camicia rossa"). Послѣ ранняго пролога, въ которомъ первыя встрѣчи (1854 г.) съ итальянскимъ народнымъ вождемъ дали уже отпечатокъ его непосредственнаго, простодушнаго величія, свѣтлой преданности идеѣ свободы, глубокой *народности* этого сына толпы, настаетъ яркій, оживленный разсказъ о лондонскомъ эпизодѣ изъ поздней поры жизни героя, съ богатырской славой и наивно прозрачной душой, окруженнаго сочувствіемъ, искреннимъ любопытствомъ массъ, враждебной холодностью владыкъ политическаго міра, и вѣжливо удаленнаго въ его капрерское уединеніе. И напутствіе, прощаніе съ уходящимъ снова въ свой сумракъ эпическимъ вождемъ „красныхъ рубашекъ" необыкновенно сильно воплощаетъ всю его личность. „Ступай, великое дитя, великая сила, великій юродивый и великая *простота!* Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ! Гонериль тебя гонитъ, оставь ее, у тебя есть бѣдная Корделія, она не разлюбитъ тебя и не умретъ!"

Очерки, картины, освѣщенія отдѣльныхъ общественныхъ моментовъ или цѣлыхъ эпохъ выказываютъ ту же силу и безграничное разнообразіе художественности, которая съ такимъ блескомъ проявилась въ портретахъ и характеристикахъ. Они призваны прежде всего служить цѣлямъ историческаго разсказа, бытовой полнотѣ мемуаровъ, но свободой и образностью своего освѣщенія они одухотворяютъ разсказъ, углубляютъ его идейную основу. Картина „молодой Москвы", тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которая врѣзалась въ воспоминанія и искрится множествомъ отдѣльныхъ мѣтко схваченныхъ наблюденій, стала еще ярче отъ сравненія Грановскаго въ обществѣ Николаевскихъ временъ съ „задумчиво покойными проповѣдниками - революціонерами временъ реформаціи", „невозмущаемо тихими, но идущими твердымъ шагомъ", которыхъ „боятся судьи", и „примирительная ихъ улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей", или отъ невольно пронесшейся въ умѣ параллели между взволнованными, опьяняющими своимъ энтузіазмомъ, оваціями слушателей публичнаго курса Грановскаго,—первыми чествованіями гласной научно-гуманной проповѣди,—потрясшими самого проповѣдника, и волненіемъ, охватившимъ Герцена, когда „герой

Чичероваккіо въ Колизеѣ, освѣщенномъ послѣдними лучами заходящаго солнца, отдавалъ восставшему и вооружившемуся народу римскому отрока-сына, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ они оба пали, разстрѣленные безъ суда военными палачами вѣнчаннаго мальчишки".

Такія параллели и свободныя сочетанія вообще свойственны художественнымъ пріемамъ Герцена и даютъ имъ много красоты. Полный драматизма разсказъ о рожденіи перваго сына, о тревогахъ и мукахъ, о лютой борьбѣ между жизнью и смертью, переноситъ въ область стараго искусства, и тѣни, легшія на челѣ молодой женщины послѣ этой борьбы, на порогѣ разрушенія и гибели, напомнили ликъ Ванъ-Дэйковой Мадонны во дворцѣ Корсини, съ глубокими слѣдами того же страданія [1]). Изъ отроческихъ и юношескихъ воспоминаній жизни въ Васильевскомъ всплыла, словно слитая изъ многихъ такихъ впечатлѣній, картина тихаго сельскаго вечера на Руси, и вслѣдъ за нею, изъ итальянскихъ впечатлѣній, вырѣзался живописный и прелестный пейзажъ лѣтняго вечера по пути изъ Фраскати въ Римъ, навѣявшій „минуты благочестія, тишины и поэзіи", съ молитвой крестьянскихъ дѣвушекъ и нищихъ пифераровъ передъ Мадонной въ нишѣ, съ спускающеюся на землю послѣ „густого пурпура синей темнотой", съ свѣжимъ вѣтеркомъ, понесшимся съ Апеннинъ, и засыпающей деревенькой. Этотъ пейзажъ — одинъ изъ образцовъ таившейся въ талантѣ Герцена склонности къ поэзіи природы; она уже высказалась въ вступительныхъ страницахъ повѣсти „Поврежденный"; она проявляется въ „Быломъ и Думахъ" при каждомъ возбуждающемъ къ тому поводѣ, но вѣнецъ ея — въ описаніи восхожденія на Монте-Розу (глава XXXVIII, часть 5-я), съ его картинами заоблачнаго снѣгового царства, „ледяного моря, замерзшей арены гигантскаго Колизея", съ зрѣлищемъ низвергающихся лавинъ, и смѣняющей ихъ „мертвой, прозрачной тишины", достойномъ классическихъ Байроновскихъ альпійскихъ пейзажей, и изображеніемъ неизвѣданнаго, страннаго душевнаго состоянія, когда человѣкъ въ этой величественной рамѣ „чувствуетъ себя гостемъ, лишнимъ, постороннимъ, и съ другой стороны свободнѣе дышитъ, и, будто подъ цвѣтъ окружающему, становится бѣлъ и чистъ внутри... серьезенъ и полонъ какого-то благочестія!"...

---

[1]) О значеніи искусства для Герцена говоритъ въ особенности одно его письмо къ Мейзенбугъ (Memoiren, III, 122—3); „наслажденіе искусствомъ — единственная пристань, единственная молитва наша, которая даетъ намъ успокоеніе".

Къ порѣ широкой разработки мемуаровъ развилось окончательно и великое сокровище Герцена,—его слогъ. То, что внесли въ него Герценовская беллетристика русскаго періода, гибкость и блескъ его прежняго журнальнаго стиля, осложнилось свободой, сатирической солью, остроуміемъ и гражданственнымъ воодушевленіемъ его публицистики; обширный опытъ жизни, художественный вкусъ, изощренный знаніемъ міровой литературы, оригинальность мысли, требовавшая и свободной оригинальности формы, смѣлость новообразованій, неологизмовъ (въ которой съ нимъ могъ сравниться только Салтыковъ) и сочетаній, отъ которыхъ потрясается правовѣрный синтаксисъ, тогда какъ они плѣняютъ и влекутъ къ себѣ, необыкновенное разнообразіе оттѣнковъ, отъ изящной, образной рѣчи до нервной сжатости грудой набросанныхъ предложеній, все придало слогу небывалую и самобытную мощь [1]). Преклонившійся передъ нимъ Тургеневъ заявляя (какъ мы видѣли), что „*такъ* писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ“, возвращался съ увлеченіемъ къ этой хвалѣ: „языкъ его, до безумія неправильный,—говорилъ онъ—приводитъ меня въ восторгъ: живое тѣло“. Упрекъ въ неправильности, высказанный имъ въ письмахъ къ самому Герцену, сводился къ галлицизмамъ, привитымъ отъ долгаго житья внѣ Россіи [2]), онъ можетъ быть расширенъ и на другія, не заморскія, дерзновенныя отклоненія отъ принятыхъ нормъ. Въ полнотѣ своего богатаго состава этотъ слогъ станетъ, конечно, предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, въ подспорье къ эволюціи литературнаго языка нашего, — но въ немъ, прежде всего, отразилась выдающаяся индивидуальность. Здѣсь, дѣйствительно, подтверждена старая, мѣткая формула: слогъ—это самъ человѣкъ.

Такъ завершили „Былое и Думы“, и въ идейномъ своемъ содержаніи, и въ художественной формѣ, развитіе литературнаго дарованія Герцена. Кризисъ и сильный уклонъ вліянія и политическаго значенія, омрачившій послѣдніе годы его жизни, не могъ не отразиться на всей его писательской дѣятельности, но и онъ не смогъ ослабить коренного влеченія къ литературному слову. Смолкалъ звонъ „Колокола“, затихала послѣдовательно и русская, и французская публицистика Герцена, но словесникъ не сдавался. Онъ дописывалъ, за полтора года до смерти, послѣдніе, разрозненные листки своихъ мемуаровъ, онъ набрасы-

---

[1]) „Надо фразы круто рѣзать, швырять и, главное, сжимать“—говорилъ Герценъ о слогѣ статей „Колокола“. См. „Вѣстникъ Европы“, 1908, II, 492.

[2]) Письма Кавелина и Тургенева къ А. И. Герцену, Женева, 1892, 90, 94, 105; Тургеневъ „взялся бы въ полчаса стереть всѣ эти маленькія пятна“.

валъ полный мѣткихъ культурно-общественныхъ наблюденій этюдъ о Базаровѣ въ связи съ предшествующими литературными типами и съ грядущими, обозначаемыми уже жизнью представителями ея теченій, — за годъ до кончины онъ вернулся къ формѣ повѣсти, чтобы въ „умирающемъ, мертвыхъ и докторѣ“ снова вспомнить трагическіе дни 1848 года.

По всей жизни его прошла, то независимо отъ политической его работы, то тѣсно сливаясь съ основными ея идеями, струя литературнаго, художественнаго творчества. Участникъ въ современной ему славной порѣ роста родной словесности, онъ не повторилъ собой никого изъ ея главныхъ дѣятелей, но властно прошелъ своей дорогой. Какъ бы ни сличали его съ авторомъ „Кандида“, называя его русскимъ Вольтеромъ [1]), онъ могъ сходиться съ великимъ предшественникомъ въ отдѣльныхъ частностяхъ своего дарованія, своихъ боевыхъ пріемовъ, но въ тѣ широкія и свободныя области коренного общественнаго обновленія, идеальной народности нравственнаго, гуманнаго возрожденія, соціально-научной проповѣди, въ которыя стремился его умъ, не остановившійся передъ смертнымъ приговоромъ старой цивилизаціи, никогда не вступалъ родоначальникъ новѣйшаго вольнодумства и первостепенный боецъ противъ всякихъ суевѣрій и предразсудковъ—Вольтеръ. Ни съ кѣмъ не сравнимый вполнѣ въ русской литературѣ и обществѣ по блеску, страстности и разнообразію дарованія, Герценъ какъ будто не русскій писательскій типъ, и въ то же время кровными узами связанъ съ русской жизнью и ея идейнымъ геніемъ-хранителемъ, русскимъ творчествомъ. Въ послѣдніе годы, измученный огорченіями и разочарованіями, онъ могъ испытывать порой „отчаяніе“, „озлобленное бездѣйствіе“, томящее сознаніе, что жизнь уходитъ безполезно, что для него прошло время „быть свѣтлымъ и освѣщать, жить не только „schwärmerisch“ въ фантазіи, но дѣятельно на большой сценѣ“ [2]). Среди поздняго потомства все ярче будетъ разгораться живительный свѣтъ его свободной мысли и художественнаго творчества.

Алексѣй Веселовскій.

[1]) Его величалъ такъ даже Бакунинъ. „Не старѣй, Герценъ,—писалъ онъ ему въ 1867 г.,—въ старости право нѣтъ прока, не становись доктринеромъ à la J. J. Rousseau, оставайся нашимъ могучимъ Вольтеромъ“.—Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, Женева, 1896, 209.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1908, I, письма Герцена къ Огареву, 101.

„ЗА-ГРАНИЦЕЙ“

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIV. — Въ омутѣ *).

На другое утро я сообщилъ Аннѣ Николаевнѣ о своей встрѣчѣ съ воинственнымъ „господиномъ изъ Россіи“.

Анна Николаевна такъ и поднялась.

— Ахъ, я слышала, — мнѣ писали изъ Парижа о немъ, — но вѣдь онъ затѣваетъ безсмыслицу!

Планы „господина изъ Россіи“ меня не очень увлекли, но мнѣ захотѣлось, чтобы Анна Николаевна, „жена“ террориста, сама когда-то мечтавшая тоже о подобныхъ дѣлахъ, высказалась; поэтому я тономъ возраженія спросилъ:

— Почему же безсмыслица?

— Неужели ты свяжешься съ этимъ безумцемъ?—нѣсколько тревожно спросила она.

Начинается покушеніе на мою „свободную“ личность!—посмѣялся я мысленно и продолжалъ въ прежнемъ тонѣ.

---

*) См. выше: мартъ, стр. 78. — Оканчивая печатаніе настоящаго романа, мы должны сдѣлать небольшую, но весьма существенную поправку въ томъ заявленіи, которое мы предпослали его началу (янв., стр. 155), а именно: слѣдовало тогда сказать, что этому роману предшествовала особо исторія *одного* (а не *своего*) бѣгства изъ Сибири за-границу, съ описаніемъ, какъ этому бѣглецу удалось, перебравшись за Уралъ и счастливо миновавъ границу, добраться до Женевы, гдѣ собственно и начинается романъ, въ которомъ разсказъ ведется отъ лица бѣжавшаго изъ Сибири.—*Ред.*

— Отчего нѣтъ?.. Были бы средства и люди.

— Нѣтъ, этого не будетъ!—энергично заявила Анна Николаевна... Знаешь, я сама однажды присутствовала при одномъ террористическомъ актѣ, — и теперь безъ ужаса вспомнить о немъ не могу... Это одно... Затѣмъ: терроръ—не средство... Если висѣлицы не устрашаютъ революціонера, то и бомбы не устрашаютъ тоже никого, т.-е. не устрашаютъ въ той мѣрѣ, чтобы измѣнить курсъ дѣйствій той или иной исторической силы... Да нѣтъ,—что объ этомъ говорить!? Ты, конечно, свободенъ въ выборѣ „дѣла“ для себя, но при выборѣ такого дѣла я не останусь безучастной! Я протестую и буду протестовать всѣми силами.

Она заходила по комнатѣ, потомъ остановилась противъ меня.

— Не даромъ вчера, по возвращеніи домой, меня охватила какая-то смертельная тоска... Во всякомъ случаѣ, ты еще ничѣмъ не обязался передъ этимъ господиномъ?

— Ну, конечно... Я же сказалъ: нужны средства и люди—ихъ нѣтъ и... не скоро они будутъ!

Анна Николаевна продолжала волноваться.

— Ну, оставимъ этотъ разговоръ...—поспѣшилъ я успокоить ее.—Могу тебя завѣрить, что хотя моя „личность“ и свободна, тѣмъ не менѣе, если я дамъ себя увлечь идеѣ „господина изъ Россіи“, то это случится лишь послѣ того, какъ мы съ тобой разъ двадцать обсудимъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ...

— Хорошо—по рукамъ!—Анна Николаевна, весело засмѣявшись, пожала мнѣ руку.

Затѣмъ, вспомнивъ, что вчера я обѣщался посѣтить Марью Васильевну, я собрался изъ дому.

— Ты къ „господину изъ Россіи“?—спросила Анна Николаевна.

— Нѣтъ, къ Муриной!

— Какія дѣла у тебя съ ней?! Развѣ она тебя интересуетъ?

— Да, немного: и ты, и она, вы стремитесь съ разныхъ концовъ, по разнымъ дорогамъ, такъ сказать, къ музыкальности жизни, къ жизни ритмической, безъ непріятнаго тренія...

Анна Николаевна запротестовала:

— Я думаю, что ея стремленіе къ этой музыкальности есть лишь плодъ твоей фантазіи. Если бы Мурина была чуть подурнѣе, то ты въ ней ничего бы „ритмическаго“ не нашелъ и... не искалъ бы!

Когда я уже спускался съ лѣстницы, она, выйдя и склонившись внизъ, съ веселымъ лицомъ мнѣ крикнула:

— Во всякомъ случаѣ, я не хочу сегодня обѣдать одна!

У Марьи Васильевны, противъ всякаго ожиданія, я засталъ „господина изъ Россіи". Она полусидѣла, полулежала на кушеткѣ, а онъ присѣлъ недалеко; обхвативъ пальцами одной руки жилистый кулакъ другой, онъ уставился глазами въ полъ и говорилъ о чемъ-то. При моемъ появленіи Марья Васильевна пошевелила только глазами и, не мѣняя позы, подала мнѣ руку. Господинъ вскинулся, выпрямился. Почему-то мнѣ показалось, что мое присутствіе вывело его откуда-то, отъ чего-то оторвало. Я сѣлъ въ сторонкѣ и сталъ ждать.

Марья Васильевна не безъ лукавства въ чуть двинувшихся губахъ проговорила по адресу своего умолкшаго собесѣдника:

— Вы вѣдь продолжите разговоръ?..

Мнѣ казалось, что почему-то онъ не прочь его окончить, но и перемѣны не было. Онъ опять уставился въ полъ и, потирая кулакъ, заговорилъ:

— Конечно... Такъ вотъ: женщина по моему—героическое животное... Ея сердце приспособлено къ большимъ движеніямъ, ея организмъ—къ великимъ физическимъ страданіямъ... Поэтому-то исторія и полна именами героинь. Я твердо убѣжденъ, что именно въ недалекомъ будущемъ мы увидимъ героическій выходъ какой-либо женщины на аренѣ переживаемаго Россіей момента... Въ мужскомъ станѣ вездѣ уныніе, робкія рабьи чувства, оглядки назадъ и въ стороны... Революціонное знамя—на землѣ, его топчутъ всякія грязныя ноги, и вотъ должна появиться новая историческая женщина, которая возьметъ его и снова подниметъ.

Онъ окончилъ и бросилъ быстрый взглядъ на Марью Васильевну. Я тоже поглядѣлъ на нее. Она чистила ногти. Мнѣ отъ души стало жаль господина изъ Россіи. Стоило „огородъ городить"!..

— Мнѣ кажется,—проговорилъ я,—что и „героическое животное", которое всегда не что̀ иное какъ женщина съ темпераментомъ, теперь отвернулось отъ революціи, ушло въ личную сферу и тамъ работаетъ, проявляя свой героизмъ...

Господинъ изъ Россіи горячо заспорилъ. Между прочимъ, онъ высказалъ:

— Вы говорите: личная сфера!.. Что̀ можетъ быть выше любви, когда любящіе ежеминутно ощущаютъ на шеѣ веревку, петлю, на нихъ затянутую, или когда они видятъ передъ собой страшный зѣвъ пожизненной тюрьмы!.. Гдѣ женщина найдетъ эти ощущенія?—только въ революціи!..

Марья Васильевна наконецъ подняла голову.

— Такъ... допустимъ, но любить нужно *кого-нибудь*, ощущать нужно *что-нибудь*.. Гдѣ же партнеры въ этомъ смыслѣ именно для „новой исторической женщины“? Вѣдь въ „мужскомъ станѣ“ уныніе, смятеніе, робкія и рабьи чувства?..

— О, я говорилъ о массѣ...—заявилъ господинъ.

Марья Васильевна окончательно оставила свои ногти въ покоѣ и приняла очень оживленное участіе въ разговорѣ, но она дала ему свое направленіе.

— Вотъ, вы мнѣ кое-что уже сообщили о цѣли вашего пріѣзда заграницу... Вы разсчитываете достичь этой цѣли?

— Увѣренъ, хотя общее настроеніе мнѣ не благопріятствуетъ. Но я по существу своей натуры не способенъ пасть духомъ: я выросъ, воспитался въ жестокихъ обстоятельствахъ. Жизнь меня ковала и перековывала... Я... твердый...

„Пожалуй, немедленно себя предложитъ въ „партнеры будущей героинѣ!“—мелькнула у меня веселая мысль, но слушалъ я, не теряя серьезности.

— Вотъ видите эту руку?..—онъ развелъ кулакъ, и оказалось, что указательный палецъ руки былъ сведенъ.—Держась на одной этой рукѣ за какой-то крюкъ на стѣнѣ вагона, я проѣхалъ, года два назадъ, нѣсколько верстъ... Жандармы искали меня по всему поѣзду, а я висѣлъ снаружи... Поѣздъ мчался съ бѣшеной скоростью... Рука моя замлѣла... пальцы разгибались... Но я сказалъ себѣ: ты не упадешь!.. И я не упалъ... — Съ тѣхъ поръ вотъ у меня свело палецъ! — закончилъ господинъ.

Марья Васильевна тихонько ощупала пострадавшій органъ и сказала съ нервной гримаской:

— У-у-у!..—А потомъ попросила:—Ну, разскажите еще что-нибудь,—вѣдь у васъ было такъ много приключеній!

Я поглядѣлъ и увидѣлъ ее такой, какой помнилъ со сцены. Она чуть откинула голову на спинку дивана, чуть откинула руки, отчего ея бюстъ выразительно поднялся. Тогда я всталъ, чтобы идти, но она, вдругъ сбрасывая съ себя начатую было игру, рѣшительно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... не отпущу! Развѣ вамъ не интересно?

Безъ ясно сознаваемаго повода я согласился „посидѣть“ и усѣлся.

— Приключеній?!—говорилъ „господинъ“.—Сколько угодно! Этимъ мы, травленные волки,—богаты... Однажды, это было въ Москвѣ... Полиція открыла и мой псевдонимъ, и мою квартиру, но нагрянула туда въ мое отсутствіе, а поэтому и притаилась

въ квартирѣ засадой. Тѣмъ временемъ я шелъ къ себѣ съ одного собранія, ничего не подозрѣвая, но обратилъ вниманіе, что у воротъ дома прохаживались какія-то темныя личности, а въ сторонѣ какая-то дама стояла. Я прошелъ мимо нихъ, вошелъ въ домъ,—тамъ неизвѣстный какой-то господинъ мнѣ шепнулъ: „у васъ полиція"!.. Съ этимъ я и остался на лѣстницѣ, не зная, что̀ дѣлать. Я былъ увѣренъ, что изъ воротъ меня уже не выпустятъ... Мимо меня спускались рабочіе и несли какой-то шкафъ —кто-то перебирался,—во дворѣ я видѣлъ телѣгу, нагруженную всякой обстановкой... У меня мелькнула спасительная мысль. Я подошелъ къ рабочимъ: „Голубчики, хотите на водку?"—Они остановились, поставили свой шкафъ на ступеньки, а я продолжалъ: „Я былъ у любовницы, но жена меня выслѣдила и ждетъ у воротъ, хочетъ скандалъ устроить... Вынесите меня въ шкафѣ на дворъ, а потомъ вывезите!.. Въ ближайшемъ трактирѣ угощу"!.. Они не долго, посмѣиваясь, раздумывали,—черезъ четверть часа я уже вылѣзалъ изъ шкафа въ глухомъ переулкѣ...

Марья Васильевна поднесла руку ко рту и процѣдила:

— Занимательно...

Тогда разсказчикъ, уловивъ въ ея тонѣ что-то не совсѣмъ ободряющее, поднялся и быстро простился.

— Заходите сегодня вечеркомъ!—пригласила его настойчиво хозяйка.

Онъ поклонился и вышелъ. Марья Васильевна поглядѣла на меня чуть заблестѣвшимъ взглядомъ и заговорила:

— Вы мнѣ испортили сегодня всю „обѣдню". Впрочемъ, онъ еще придетъ, не уйдетъ...—Въ послѣднихъ ея словахъ зазвучала маленькая торжествующая злость. Она опять приняла видъ вчерашней Марьи Васильевны и сказала:

— Я хотѣла поговорить съ вами о Кассовскомъ, т.-е. вчера я хотѣла говорить вообще, продолжать бесѣду, начатую тамъ, за занавѣсомъ, подъ звуки музыки, но сегодня этого настроенія нѣтъ: есть за то новая тема. Кассовскій сегодня на урокъ ко мнѣ не пришелъ, а прислалъ записку: „Благодарю, больше не считаю возможнымъ отнимать у васъ время". По этому поводу я хочу просить васъ зайти къ нему и разъяснить, что это— глупость и ребячество. Вы вчера мнѣ вѣрили?

— Вѣрилъ.

— Повѣрьте и сейчасъ. Я отнеслась къ Кассовскому искренно, ничего худого для него не произойдетъ отъ знакомства со мной... Вѣдь Кассовскій, хотя онъ мальчикъ безъ прочнаго содержанія пока, онъ все же головой выше... этого мрачнаго бородача, са-

модовольнаго въ своей мрачности... Этотъ... онъ—сластёна, запертый между двухъ узкихъ стѣнокъ: „я—и революція“... Съ нимъ я не поцеремонюсь...

При этихъ словахъ у нея сдѣлалось странное лицо—какое-то совсѣмъ похолодѣвшее.

— Хорошо,—отвѣтилъ я,—я обязательно зайду къ Кассовскому. — Но постарайтесь и вы не только кое-что дать ему, но и взять у него болѣе оформленное отношеніе къ диссонансамъ, къ „не-ритму“ жизни... Это у него есть... А у васъ—маловато...

— Да, у него это есть.—Она не поднимала головы со спинки дивана и проговорила:

— Этотъ идіотъ... мнѣ героическія перспективы рисовалъ!.. Хотѣлъ увлечь къ тому, на что силъ нѣтъ!.. Онъ не понимаетъ, что Жанна д'Аркъ не знала никакихъ историческихъ примѣровъ и появилась сама изъ себя, выросла изъ собственной большой души и чистаго сердца!.. Онъ говорилъ о Шарлоттѣ Кордэ—и будто не знаетъ онъ, что она пошла убивать Марата съ узелкомъ чистаго бѣлья, чтобы умереть въ „чистомъ“... Умираетъ ваше дѣло, мой другъ!.. Умираетъ или замираетъ!.. Вмѣсто дѣятеля, вышелъ мрачно-самодовольный „разсказчикъ“...

Она поднялась, сѣла и будто проснулась. Она вдругъ обернулась ко мнѣ и сказала:

— А вѣдь все это я „сыграла“!.. И съ вами сыграла...

Я взглянулъ въ ея глаза, но тамъ былъ какой-то мертвый холодъ, а игры не было.

Я поднялся, покачавъ головой.

— Ну, я пройду къ Кассовскому!.. До свиданія.

— Нѣтъ, прощайте. Не хочу я васъ больше видѣть, или не хочу, чтобы вы меня видѣли...

XXV.—Во власти призраковъ.

Къ обѣду я былъ дома. Анна Николаевна какъ будто поджидала меня и встрѣтила съ необычайной для послѣднихъ дней веселой бодростью. За столомъ она много шутила. Между прочимъ, спросила:

— Ну, что Мурина, какъ она тебѣ сегодня показалась?

— Очень, очень интересный человѣкъ.

— Все въ томъ же стилѣ, по части жажды „ритма“?

— Нѣтъ, не только. Она—человѣкъ умный, одаренный, но въ какомъ-то мѣстѣ души безнадежно-больная. Сегодня она про-

извела на меня гнетущее впечатлѣніе,—мнѣ сдѣлалось неизмѣримо жалко ее. Она изъ породы людей, въ глубинѣ мятущихся, на поверхности холодныхъ, отмѣченныхъ печатью истиннаго трагизма, которые никогда не найдутъ точки успокоенія...

— Все это лишь своеобразное описаніе ея внѣшности, ея красоты... Да, ея лицо совсѣмъ вродѣ твоихъ словъ!—Анна Николаевна засмѣялась.—Отчего ты не попробуешь написать... Ну, разсказъ, повѣсть?.. У тебя есть даръ описанія...

Затѣмъ, она снова спрашивала: засталъ ли я Мурину одну, или еще кого съ ней. Я отвѣтилъ и нарочно сообщилъ о разговорѣ ея съ „господиномъ изъ Россіи", при которомъ присутствовалъ.

— „Мрачно-самодовольный сластёна въ двухъ узкихъ стѣнкахъ: я и—революція!"—со смѣхомъ повторила она заключеніе Муриной о господинѣ изъ Россіи.—А вѣдь это чрезвычайно должно быть мѣтко и совсѣмъ, совсѣмъ не глупо! О, въ такомъ случаѣ, если ты будешь очень часто захаживать къ этой красавицѣ, моя ревность можетъ зашевелиться!

— О, этого я меньше всего боюсь,—рѣшительно заявилъ я.

— Ты меня считаешь „засушенной"? Неспособной на эти чувства? А если окажется, что я ревную, какъ ты поступишь—перестроишь все твое, вѣроятно, тоже фантастическое представленіе о моей особѣ?

Въ шутливый тонъ разговора начинала проникать струйка серьезнаго.

— Нѣтъ, не перестрою, а лишь дополню его.

— То-есть, возьмешь съ девятаго неба, на которомъ я, по волѣ твоей фантазіи, безъ всякаго права сижу, и сведешь меня на землю, въ компанію живыхъ людей? Ну, такъ дѣлай это скорѣй! Я ревнива.

Это было сказано съ цѣлой системой улыбокъ, но вполнѣ серьезно. Я молча посмотрѣлъ на Анну Николаевну.

— Ты пораженъ? Да, я тебя приревновала, только не къ этой интересной блондинкѣ, а... впрочемъ, дай руку — пойдемъ въ мою комнату: мнѣ что-то не сидится, я лягу въ постель, а ты сядешь подлѣ, и мы потолкуемъ...

Однако, когда мы были въ ея комнатѣ и устроились, какъ она хотѣла, я уже ни за что не могъ добиться отъ нея отвѣта: къ кому она ревновала меня?

— Бросимъ. Развѣ это такъ интересно?.. Было... Этого достаточно. Да и какъ я могла обойтись безъ такихъ чувствъ? Вѣдь послѣ того какъ мы сошлись, извѣстная часть здѣшней

скучающей женской публики стала глядѣть на меня, какъ на какую-то узурпаторшу; да, именно: по ихъ мнѣнію, я взяла и отняла молодого человѣка отъ общаго обихода!.. Ты сразу пріобрѣлъ популярность среди здѣшнихъ юбокъ, и вдругъ такой, можно сказать, пассажъ — попалъ къ сумасшедшей „отшельницѣ“ и погибъ въ ея скучной кельѣ!..

— Да ты не можешь себѣ представить,—продолжала она,—чего ты мнѣ въ этомъ смыслѣ стоишь! Какія „мнѣнія“ до меня доходили по этому поводу! Даже пріятель мой Кузьмичъ, и тотъ мнѣ написалъ: „удивленъ до-нéльзя“. Впрочемъ, этотъ писалъ съ другой точки зрѣнія,—онъ, кажется полагаетъ, что именно ты присвоилъ что-то, тебѣ не принадлежащее... Словомъ, у меня бывали минуты, когда я была готова взять тебя за руку, привести къ шушукающейся „Женевѣ“ и сказать: „Вотъ вамъ онъ—возьмите!..“

— Даже вопреки моему желанію, чтобы меня тамъ „взяли“? Хорошенькія „свободныя личности“, чортъ, возьми!—засмѣялся я.

Потомъ мы замолчали. Разговоръ начался смѣхомъ, но окончился серьезно. Съ нѣкоторой горечью я оглядѣлъ небольшую комнату, гдѣ рождалось, вспыхивало, гасло и снова зажигалось много-много глубоко интимнаго, исключительно личнаго... Теперь я видѣлъ въ этомъ личномъ одинъ лишній маленькій элементъ, который я проглядѣлъ совсѣмъ, но, главное, я увидѣлъ ту внѣшнюю обстановку, среди которой это личное жило. Это не была мертвая обстановка, это была „Женева“, шушукающіеся чужіе рты, подглядывающіе чужіе глаза, циническое, безцеремонное вторженіе чужой критики въ очень чувствительную и безъ того, вѣчно вибрирующую сферу...

— Такъ-то,—продолжала Анна Николаевна:—теперь я объясню тебѣ, почему я заговорила съ тобой о себѣ сегодня. Это отъ какой-то досады. Вотъ, съ тобой Кудрявая откровенничала, Митрова искренничала, теперь Мурина душу свою раскрываетъ... Думаю, пора и мнѣ, хоть и послѣ нихъ, хоть и нѣтъ у меня въ душѣ особенныхъ красотъ,—но пусть заглянетъ и туда... Теперь ты заглянулъ—и вотъ сидишь, будто въ воду тебя опустили!..

— Что же,—проговорилъ я, — не скрою: мнѣ таки стало очень холодно.

— Это полезный холодъ. Если бы я думала иначе, я не говорила бы, сдержалась бы... Теперь я скажу тебѣ свое важное рѣшеніе, которое я не договорила тогда на кладбищѣ. Этого рѣшенія уже нѣтъ, оно разлетѣлось, а состояло оно вотъ въ чемъ...

Лежа на подушкѣ, подложивъ руки подъ голову она заблуждала взглядомъ гдѣ-то вверху и нѣкоторое время молчала. Потомъ съ усиліемъ окончила:

— Я желала, чтобы мы, не мѣняя нашихъ отношеній, внѣшнимъ образомъ устроились бы самостоятельно.

— То-есть, на разныхъ квартирахъ?—спросилъ я.

— Да. Я хотѣла этимъ освободить наши отношенія отъ всякихъ, пусть маленькихъ, внѣшнихъ стѣнокъ,—пусть, молъ, эти отношенія дышатъ однимъ чувствомъ, пусть умрутъ—когда и самыя чувства выгорятъ!..

— Надъ этимъ рѣшеніемъ стоитъ задуматься,—проговорилъ я,—хотя оно и разлетѣлось,—подумать не въ смыслѣ его осуществленія, а такъ: учесть его содержаніе...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не учитывай! Это поведетъ только къ ошибкамъ. Этого рѣшенія уже нѣтъ,—до того нѣтъ, что не приди ты сегодня, напримѣръ, къ обѣду, я чувствовала бы себя несчастной... Я какъ-то завела у себя птичку и хотѣла, чтобы она жила у меня въ открытой клѣткѣ у открытаго окна. Она улетѣла, конечно! Пойми меня!

Мнѣ было очень невесело, но я улыбнулся.

— Такъ ты, сочиняя свое важное рѣшеніе, хотѣла меня поставить въ условія этой птички: молъ, если захочется—лети!.. Окно открыто!

Анна Николаевна закрыла глаза и молчала. Я глядѣлъ на нее и думалъ:

„А все же почему-то она не хочетъ мнѣ сообщить о своей беременности даже теперь!.. Можетъ быть, она не хочетъ положить этой вѣстью лишнюю связь на наши отношенія?“

И снова эта женщина, чуть было спустившаяся къ землѣ и ставшая въ рядъ живыхъ людей, какъ легкій призракъ, опять унеслась въ высь въ моемъ воображеніи.

Когда Анна Николаевна открыла свои глаза, то поймала на себѣ такой мой взглядъ, что, смѣясь и чуть по обыкновенію смущаясь, прошептала:

— Перестань!.. Поговоримъ о господинѣ „съ бомбами“. Значитъ, ты считаешь вопросъ съ его предложеніями оконченнымъ?

— Вполнѣ. Это не пойдетъ.

— Рада. Несказанно рада. Терроръ?!.. Можетъ быть, это иногда необходимо, но это—трагическая необходимость. Въ особенности ужасно, когда люди, идущіе со смертью въ рукѣ, поютъ пѣсню о великихъ идеалахъ жизни...

— Ты говорила, что присутствовала при какомъ-то террористическомъ актѣ,—разскажи!—предложилъ я.

Анна Николаевна освободила одну руку изъ-подъ головы и провела ею по лбу. Потомъ она тихонько вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ бы припомнивъ что-то дѣйствительно ужасное.

— Это было въ одномъ мѣстечкѣ. Мы только-что пріѣхали туда... Мы—я и покойный... мужъ...

Она начала разсказывать, не снимая руки съ глазъ.

— Тамъ произошелъ серьезный провалъ, коснувшійся почти всѣхъ организацій... Полиція, очевидно, получила въ руки серьезныя нити; сейчасъ же у всѣхъ уцѣлѣвшихъ явилось серьезное подозрѣніе, что кто-либо изъ лицъ, близко стоявшихъ къ центру кружковъ, предаетъ; конечно, подозрѣніе прежде всего упало на тѣхъ, кто уже давно влетѣлъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ; такихъ было трое, между ними одинъ студентъ. Именно онъ всегда казался болѣе или менѣе неустойчивымъ, и именно его, послѣ цѣлаго ряда соображеній, намѣтили, какъ возможнаго предателя. Эти подозрѣнія усилились, когда вдругъ жандармы освободили его, хотя всѣ его считали сѣвшимъ въ тюрьму прочно... Однако, для полной очевидности его преступленія противъ товарищей дѣло было еще далеко... Стали слѣдить за нимъ и поймали на подозрительныхъ визитахъ къ извѣстному тогда тамъ сыщику. Затѣмъ, изъ тюрьмы прямо написали: „Это предатель—есть документы“. Тогда порѣшили немедленно изгнать его изъ мѣстечка, запретить ему всякое отношеніе къ дѣламъ партіи, гдѣ бы то ни было, и огласить это рѣшеніе... Но неожиданно одинъ изъ заключенныхъ, совсѣмъ еще юноша, принадлежавшій къ кружку, выданному цѣликомъ, повѣсился въ тюрьмѣ. Настроеніе въ отношеніи того студента рѣзко измѣнилось... Какъ сейчасъ помню, собрались у насъ люди центра, посидѣли, помолчали и, наконецъ, какъ-то всѣ разомъ согласились: „Пусть и предатель не живетъ!“... Выполнить это долженъ былъ тотъ изъ присутствующихъ, кому первому представится случай... Прошло нѣсколько недѣль. Студентъ, очевидно, смекнулъ, что его дѣло плохо, и уже нигдѣ не появлялся. Однажды я, мой мужъ и... еще одинъ товарищъ отправились покататься на лодкѣ... Былъ майскій вечеръ, мы плыли по розовой рѣкѣ, подъ розовымъ же яркимъ небомъ... Хорошо было тамъ на водѣ—тихо, спокойно... Мужъ гребъ, товарищъ его правилъ, я же, свѣсивши руки за бортъ, играла быстро бѣгущей мимо струей воды. Такъ мы спускались внизъ по рѣкѣ. Неожиданно мужъ далъ лодкѣ движеніе въ сторону, показалъ товарищу какого-то одинокаго пловца въ небольшой лодчонкѣ, который на-

перерѣзъ намъ плылъ къ другому берегу.—„Онъ?"—тихо спросилъ мужъ. „Кажется, онъ".—„Револьверъ съ тобой? Это онъ!" —„Есть".—„Держи еще правѣй"...—Наша лодка, повернувъ въ направленіи небольшой лодчонки, быстро помчалась впередъ, стараясь отрѣзать студента отъ берега, куда онъ стремился. Но тотъ быстро замѣтилъ этотъ маневръ, и, вѣроятно, тоже узнавъ моихъ спутниковъ, круто повернулъ лодку, чтобы вернуться назадъ. Но было уже поздно... Мужъ гналъ нашу лодку, какъ бѣшеный,—гребецъ онъ былъ отличный. Для студента ничего не оставалось, какъ пуститься внизъ и стараться достигнуть небольшихъ островковъ, гдѣ и затеряться... Началась форменная погоня. Я сидѣла, какъ бы омертвѣвъ, и, по совѣсти говоря, дорого дала бы, если бы въ ту минуту подъ рукой мужа сломалось весло или что-либо такое, что̀ задержало бы насъ и помогло несчастному уйти... Онъ напрягалъ всѣ силы, но наша лодка выигрывала разстояніе... Обѣ лодки не плыли, а летѣли впередъ... Островки, поросшіе камышомъ и плакучими ивами, казалось, тоже мчались къ намъ навстрѣчу... Мы достигли ихъ, имѣя студента шагахъ въ двадцати... Онъ, наконецъ, понялъ, что дальнѣйшее бѣгство безполезно, и бросилъ весла. Мужъ, давъ нѣсколько ударовъ, тоже пересталъ грести, и насъ понесло шагахъ въ семи отъ несчастнаго.—„Кончай!"...—угрюмо проговорилъ мужъ. Его товарищъ вынулъ револьверъ и нацѣлился, но выстрѣлить не могъ,—его руки дрожали.—„Кончай же!"—еще суровѣе приказалъ мужъ, а студентъ, увидѣвъ направленное на него дуло, быстро поднялся въ лодкѣ и скрестилъ руки. Товарищъ, съ револьверомъ въ рукѣ, закрылъ глаза и, не глядя, выстрѣлилъ... Тотъ качнулся и упалъ въ воду; его лодка завертѣлась и поплыла внизъ пустая, теряя сначала одно весло, потомъ—другое... Мы поплыли опять вверхъ по рѣкѣ и выбрались изъ островковъ. Я, при выстрѣлѣ, не упала въ обморокъ, но внутри у меня что-то оборвалось и все кругомъ заволоклось чѣмъ-то дымнымъ; эта пленка и посейчасъ не совсѣмъ спала и съ моихъ глазъ, и съ моего сознанія... Тогда я сидѣла въ лодкѣ и не двигалась... Стрѣлявшій товарищъ тоже не шевелился и не открывалъ глазъ, и только безпомощно уронилъ руку съ револьверомъ внизъ.—„Спрячь же его!"—строгимъ голосомъ сказалъ мой мужъ. Когда мы, ночью, у себя на квартирѣ, разошлись по своимъ „холостымъ" и тоскливымъ комнатамъ, онъ мнѣ тихо шепнулъ:—„Это *не первый* у меня; суди сама—что̀ мнѣ свѣтъ солнца и радости жизни?!.."—Это вполнѣ объяснило мнѣ странность его отношеній ко мнѣ...

Анна Николаевна умолкла, а потомъ добавила:

— Но этотъ случай потомъ странно отозвался на мнѣ. Я начала переписку со многими товарищами мужа объ изъятіи изъ народовольчества пункта о террорѣ, объ очищеніи программы, но это не прошло... Я осталась только съ проклятой пленкой на душѣ и въ странно трагическомъ положеніи...

— А кто былъ этотъ товарищъ... стрѣлявшій?—спросилъ я, въ сущности, безъ повода, но по какому-то непроизвольному побужденію.

Анна Николаевна, было-открывшая глаза, при моемъ вопросѣ опять ихъ поспѣшно закрыла и едва внятно проговорила:

— Зачѣмъ это?.. Но если хочешь, то ты его видѣлъ, знаешь!.. Это... Гордѣевъ старшій!..

Я поднялся. Меня коснулось каленое желѣзо. Передо мной отчетливо стала неумолимая фигура „каменной бабы“... Больше — мнѣ чудилось, какъ откуда-то, изъ далекой могилы тюремнаго самоубійцы, протягивалась страшная, властная рука и водила своими пальцами надъ распростертой въ своей постели Анной Николаевной...

Да, я ощутилъ ее, эту загадочную власть трупа надъ живымъ, я ее видѣлъ близко и холодѣлъ душой.

Да, Гордѣевъ—этотъ несчастный остатокъ человѣка—не даромъ появился на твоемъ горизонтѣ, бѣдная женщина!

— Das Schicksal!..—вслухъ вырвалось у меня, и я стоялъ и глядѣлъ на все еще неподвижно лежавшую блѣдную Анну Николаевну; и рой странныхъ тѣней рѣялъ надъ ней, наполняя мою душу жутью и темнымъ ужасомъ. Опять мнѣ казалось, что я знаю будущее, и опять я чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ измѣнить въ немъ хоть одну точку.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, и „господинъ изъ Россіи“, не настоящій, а его образъ, какимъ-то пигмеемъ копошился около меня и краснобайничалъ о какой-то „любви“ съ петлей на шеѣ, о счастьи любящихъ передъ зѣвомъ тюрьмы... Если бы онъ слышалъ это: „Мнѣ—свѣтъ солнца и радости жизни!..“

Да, то былъ человѣкъ, а „не разсказчикъ анекдотовъ“..

Среди этихъ размышленій ко мнѣ вошла Анна Николаевна.

Она нѣсколько оправилась, тверже глядѣла и спрашивала:

— Отчего ты убѣжалъ? Почему ты такой мрачный?

— Постарѣлъ я отъ твоего разсказа.—И дѣйствительно, я чувствовалъ себя внезапно постарѣвшимъ.

Она внимательно вглядѣлась въ меня и задумчиво согласилась:

— Да, видъ у тебя не такой, какъ всегда: что-то соскочило съ тебя... Не знаю, хорошо или дурно я поступила, такъ разговорившись сегодня... Ну, посмотри на меня ближе, ласковѣй, роднѣй!

Она подсѣла ко мнѣ и взяла мою руку въ свою.

— Развѣ я когда-либо смотрю на тебя иначе?..—спросилъ я, привлекая ее къ себѣ.

— Не знаю. Иногда я не нахожу себя въ твоихъ глазахъ, они глядятъ мимо, куда-то вдаль: ты или мечтаешь тогда о чемъ-то, или что-то въ тревогѣ разглядываешь. Скажи, наконецъ, чтò ты дѣлаешь въ эти минуты своими глазами, чтò видишь: свои воздушные зàмки или чтò другое?

— Я вижу людей, которые ходятъ, говорятъ, думаютъ, я слышу ихъ шумъ: „свобода, свобода"... И мнѣ тяжело, такъ какъ я замѣчаю, что отъ нихъ идутъ куда-то пучки желѣзныхъ проволокъ, туго натянутыхъ, и кто-то, неизвѣстный, ихъ, эти проволоки, приводитъ въ движеніе...

— Фатализмъ?!..—попробовала она улыбнуться.

— Не знаю. Это не теорія. Это не философія. Это—ощущеніе рокового, неизбѣжнаго...

Анна Николаевна осторожно закрыла мнѣ глаза своей рукой.

— Ну же, не смотри въ эту нехорошую сторону. Пойдемъ—у меня сейчасъ явилось немного музыки въ душѣ, я хочу ее тебѣ отдать.

Мы вышли въ общую и какъ-то инстинктивно подошли къ дверямъ на балконъ. Онѣ были закрыты. По ихъ стекламъ тихо струились грязныя дождевыя капли, а за ними сѣрѣло непріятное небо, разбитое на сѣть треугольниковъ сучьями деревьевъ. Мы поглядѣли впередъ и вдругъ оба вздрогнули. Мимо рѣшетки садика, подъ зонтикомъ, двигались двѣ фигуры. Мы ихъ мгновенно узнали—то были братья Гордѣевы.

— Неужели онъ уже поднялся?—шепнула Анна Николаевна—и такъ тихо, будто боялась, что ее услышатъ и тамъ, на улицѣ.

Фигуры медленно прошли.

Анна Николаевна попробовала тогда сѣсть къ своему піанино, но пальцы ея не рѣшились дотронуться до клавишей. Она о чемъ-то думала, потомъ тихо поднялась, опустила крышку инструмента и вновь подошла ко мнѣ.

Мы оба молчали и оба глядѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая: когда и чтò должно случиться?

Въ эту минуту надъ нами вѣяла своимъ темнымъ крыломъ таинственная сила и какъ будто говорила:

„Какое мнѣ дѣло, признаете ли вы меня или не признаете! Я поведу васъ туда, куда я хочу, а не туда, гдѣ вамъ удобно и радостно!..“

Неожиданный гулкій трескъ, смѣшанный со звономъ, заставилъ насъ обернуться.

— Это изъ піанино...

— Да, струна какая-то...

Я почему-то не захотѣлъ сказать—порвалась!..

XXVI.—Анархистъ изъ Минска.

Дня черезъ два я съ трудомъ разыскалъ „пана Жида“. Съ особыми чувствами шелъ я къ нему на квартиру. Вѣдь еще такъ недавно я былъ въ Россіи, еще такъ недавно сидѣлъ въ его корчмѣ пограничной... А теперь и Россія, и моментъ моего перехода черезъ границу казались ушедшими безконечно далеко. Мнѣ чуть-чуть взгрустнулось... Неужели же я такъ много пережилъ уже?.. Постарѣлъ?! Мой „панъ Жидъ“ поселился въ грязномъ, густо населенномъ домѣ съ отвратительной, темной, вонючей лѣстницей; я поднялся на самый верхъ и, остановившись у щелистой двери, постучалъ. Обычнаго отвѣта „войдите“ не послѣдовало, а вмѣсто этого дверь открылась и на порогѣ появилась слѣпая дѣвушка.

— Шапочникъ здѣсь живетъ?

При моемъ вопросѣ дочь „пана Жида“ слегка отступила: показался ли ей голосъ мой знакомымъ, или она не ждала услышать русскую рѣчь.

— Его нѣтъ...

Кто-то изнутри что-то сказалъ ей по-еврейски; она по-еврейски отвѣтила, а потомъ уже мнѣ по-русски добавила:

— Онъ скоро будетъ...

— Хорошо; а Кассовскій здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь!—торопливо отвѣтилъ третій голосъ, и слѣпая пропустила меня внутрь.

Кассовскій, безъ пиджака и жилета, сидѣлъ за столомъ, кроилъ какую-то ветошь. При моемъ появленіи онъ, съ ножницами въ рукахъ, быстро поднялся. При этомъ лицо у него сдѣлалось и злымъ, и непріятнымъ.

— Вы ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Да, я имѣю дѣло и къ вамъ...

— Садитесь!

Кассовскій очистилъ мнѣ грязную скамейку, снявъ съ нея ворохъ стараго платья.

Я сѣлъ и оглядывалъ обстановку. Жалка она была. Вся квартира состояла изъ двухъ полукомнатъ; во второй находилась плита, и около нея теперь виднѣлась фигура слѣпой. Тамъ, гдѣ работалъ Кассовскій, стояли двѣ старыя кровати почти безъ постелей, если не считать двухъ мягкихъ подушекъ. Здѣсь спали на доскахъ, чуть прикрытыхъ одѣялами.

Кассовскій снова усѣлся за работу и молча ждалъ моихъ объясненій.

— Я къ вамъ отъ Марьи Васильевны.

Онъ ниже наклонилъ голову, прилежно разрѣзая старый лоскутъ сукна, и не издалъ ни звука.

— Вы отказались брать у нея уроки?..

— Не у нея, а у „нихъ"... Я и съ Камовымъ окончилъ занятія.

— Можно узнать: почему?

Кассовскій чуть нахмурился и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Зачѣмъ и кому это знать нужно?!

— Это меня интересуетъ... Марья Васильевна просто просила передать вамъ, что считала васъ умнѣе!

Кассовскій ярко покраснѣлъ, выпрямился и бросилъ ножницы на столъ; онѣ какъ-то свирѣпо лязгнули.

— Только для этого она васъ прислала?

— Нѣтъ, она еще просила вамъ передать, что при встрѣчахъ на улицѣ со знакомыми слѣдуетъ раскланиваться!

— О!.. — Кассовскій бѣшено взмахнулъ головой и глухо проговорилъ:—Это все?..

— Да... все...

Я видѣлъ, что онъ готовъ вышвырнуть меня изъ комнаты, тѣмъ не менѣе я сидѣлъ самымъ спокойнымъ образомъ.

— Съ этимъ можно было не трудиться идти сюда! —съ усиліемъ выговорилъ юноша, возвращаясь къ своей кройкѣ.

— Пожалуй! — согласился я и, продолжая сидѣть, добавилъ: — Могу я спросить отъ себя у васъ, почему вы оставили ваши занятія?..

— Я говорить не буду... Можете идти.

Онъ думалъ, что я только къ нему пришелъ.

— Я посижу,—спокойно отвѣтилъ я.

Кассовскій косо поглядѣлъ на меня. Его ножницы быстро, съ жаднымъ звукомъ грызли какую-то рвань. Нѣсколько минутъ прошло въ полномъ молчаніи. Наконецъ, проснувшійся „человѣкъ изъ Минска" не выдержалъ и ядовито спросилъ:

— Отдохнуть хотите?..

Я кивнулъ головой, но молчалъ.

— Устали... брошюрки сочинять! — неожиданнымъ крикомъ вырвалось у него.

Я засмѣялся. Кассовскій снова швырнулъ ножницы на столъ.

— Да вы что? Издѣваться надо мной пришли? Скажите, пожалуйста! Пришелъ, наговорилъ дерзости, сидитъ, зубы скалитъ!..—и онъ прибавилъ какое-то, должно быть, крѣпкое ругательство на жаргонѣ, потому что слѣпая появилась въ дверяхъ и обвела насъ своими незрячими глазами.

Отъ обязанности что-либо отвѣтить Кассовскому я былъ избавленъ приходомъ „пана Жида“. Онъ безъ стука въ дверь неожиданно появился около насъ. Это былъ уже не прежній корчмарь-аристократъ. Онъ сильно сгорбился и имѣлъ видъ скорѣе обыкновеннаго практическаго еврея безъ философіи, безъ Экклезіаста...

Онъ меня сразу же узналъ и очень обрадовался.

— А!.. Добро пожаловать! Вотъ встрѣча!

Онъ сильно потрясъ мою руку и крикнулъ дочери:

— Сара, помнишь человѣка, за которымъ жандармъ гнался и котораго Хведько къ намъ лѣтомъ въ корчму привезъ?.. Ну, онъ здѣсь! Живъ, здоровъ...

Мнѣ онъ тихо шепнулъ:

— Я ей чуть не сказалъ: иди—посмотри!..

Онъ вздохнулъ. Сара опять мелькнула въ дверяхъ и исчезла: видѣть она меня вѣдь не могла.

— Ну, что въ Россіи?—спрашивалъ „панъ Жидъ“ и спохватился:—Впрочемъ, что это я... вѣдь вы раньше насъ оттуда уѣхали!.. Теперь устроились здѣсь? Ну, и мы здѣсь!.. Очень меня стали притѣснять тамъ—пришлось уѣхать!.. Теперь шапки вотъ шьемъ: изъ стараго новыя... Только здѣсь мы не надолго, чуть оправимся — уѣдемъ въ Лондонъ, въ Англію: это—единственная страна, гдѣ еврей можетъ оставаться евреемъ, а поэтому скоро и перестаетъ быть имъ...

Потомъ онъ засуетился.

— Чѣмъ же васъ привѣтствовать? Хотите пить... ѣсть?

Я отказался. Тогда „панъ Жидъ“, вдругъ положивъ свою руку мнѣ на колѣни, проговорилъ:

— Кстати... Видите этого хлопца, что работаетъ у меня?

Я поглядѣлъ на Кассовскаго. Тотъ, все еще красный, низко склонясь къ столу, быстро сшивалъ вмѣстѣ какіе-то треугольники.

— Вотъ вы посмотрите его, посмотрите хорошенько!

Я еще разъ посмотрѣлъ „хорошенько“ на Кассовскаго, и тотъ еще больше наклонился.

— Это будетъ или... большой дуракъ, или большой умникъ! Онъ изъ Минска пришелъ сюда учиться. Вы понимаете: учиться! Безъ гроша денегъ!..

— Я уже знакомъ съ Кассовскимъ и знаю, зачѣмъ онъ пришелъ, но учиться онъ не будетъ!—прервалъ я старика-еврея.

— Онъ?.. Не будетъ?..—„Панъ Жидъ“ съ изумленіемъ поглядѣлъ на меня.

— Видите ли...—проговорилъ я:—какъ вы думаете, на что̀ злость годится?

— У собаки или у человѣка?..

— Все равно.

— Чтобъ кусаться, я думаю!—Старикъ, не понимая моего вопроса, тѣмъ не менѣе, внимательно поглядѣлъ на Кассовскаго.

— А вы видѣли,—продолжалъ я спрашивать,—что̀ дѣлаетъ собака, когда ее бьютъ палкой?

— Кусаетъ палку!..—„Панъ Жидъ“ разсмѣялся.

— Именно. А вѣдь это очень неумно!.. Кассовскій, по моему, слишкомъ золъ для того, чтобы умнымъ быть, а учиться хочетъ и можетъ только ничѣмъ не ослѣпленный умъ, тотъ, который „не кусаетъ палку“. Я про Кассовскаго думаю, что онъ будетъ скрежетать зубами, но умретъ, сшивая... каскеты! При этомъ будетъ думать, что весь міръ, вся исторія виновата въ его личномъ несчастьи!

— Самуилъ, ты слышишь, что̀ про тебя говорятъ?

„Панъ Жидъ“ при этихъ словахъ даже поднялся и протянулъ къ своему подмастерью обѣ руки, какъ бы призывая его къ отвѣту.

— Пускай говорятъ, что̀ имъ хочется!—пробормоталъ Кассовскій, не отрываясь отъ работы.

— Когда человѣкъ съ ушами хочетъ быть глухимъ, онъ пропалъ...—строго заявилъ „панъ Жидъ“ и опять усѣлся напротивъ меня, а я продолжалъ:

— Здѣсь есть хорошіе люди, они уже предложили Кассовскому подучить его кое-чему, они хотятъ ему помочь, а онъ продолжаетъ „кусать палку“, и не ту, которая его бьетъ,—сейчасъ Кассовскаго, пожалуй, уже никто не бьетъ,—онъ кусаетъ палку, которой уже нѣтъ надъ нимъ и которая ему давно въ дѣтствѣ здравый смыслъ отбила... Нелѣпо!

„Панъ Жидъ“ долго качалъ головой. Кассовскій молча поднялся, одѣлъ шляпу и вышелъ. „Панъ Жидъ“ тихонько засмѣялся.

— Пусть...—Потомъ онъ добавилъ:—Я видѣлъ, что съ нимъ стало что-то неладное; то онъ каждый день уходилъ куда-то, а вчера пересталъ — цѣлый день шьетъ... Только по ночамъ со своими книжками возится, сидитъ поздно.

— Гдѣ его книжки? — спросилъ я.

— Вотъ! — „Панъ Жидъ“ указалъ мнѣ небольшую полочку съ какимъ-то книжнымъ хламомъ: тамъ была „Химія“ 45-го г., не болѣе новая „Физика“, „Чудеса небесныхъ свѣтилъ“ лубочнаго производства, „Словарь иностранныхъ словъ“, „Средство укрѣпить память“, „Гигіена“ и т. д.

— Все это онъ съ собой изъ Минска привезъ...—пояснилъ хозяинъ.

Я вздохнулъ и добавилъ:

— Привезъ всякій хламъ въ Женеву, гдѣ есть отличная публичная библіотека, но которую можно посѣщать, лишь зная французскій языкъ... Посовѣтуйте ему всю эту полку бросить въ печь, а купить себѣ французскую грамматику...

На книжкахъ лежала какая-то сѣрая тетрадка, мелко исписанная. Когда, посмотрѣвъ, я ставилъ „Гигіену“ на мѣсто, тетрадка свалилась на полъ, страницы развернулись, и мнѣ бросилась въ глаза строчка:

„Проклятіе! Неужели я ее полюбилъ?.. Тогда можно окончить и этотъ дневникъ, и... жизнь!“

„Такъ!“—подумалъ я.

Кассовскій не долго отсутствовалъ,—будто чувствуя, что къ его „святынѣ“ прикасаются чужія руки, онъ скоро вернулся.

Я распрощался съ „паномъ Жидомъ“ и, выйдя на улицу, хотѣлъ идти домой, но меня тотчасъ-же нагналъ Кассовскій. Онъ держалъ небольшой конвертъ въ рукѣ.

— Передайте это Марьѣ Васильевнѣ.

Я отдернулъ свои руки и холодно отвѣтилъ:

— Я рѣшилъ больше никому ничего и ни отъ кого не передавать.

Кассовскій смутился и съ усиліемъ выговорилъ:

— Простите, я былъ грубъ...

— Я на васъ не обидѣлся.

— Я... не человѣкъ?—опять окрысился онъ на меня.

— Больной человѣкъ.

Я повернулся и пошелъ вдоль улицы. Кассовскій слѣдовалъ за мной по пятамъ и говорилъ:

— Необходимо, чтобы это письмо сейчасъ же попало въ руки Марьѣ Васильевнѣ. Я васъ прошу!.. Вы хорошій человѣкъ,

я умоляю васъ! Въ этомъ письмѣ больше, чѣмъ моя жизнь, здѣсь—моя гордость!

Такъ говорилъ онъ и шелъ за мной. Я только головой отмахивался. По дорогѣ, подъ впечатлѣніемъ этой сцены, я перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ зайти къ Марьѣ Васильевнѣ. Кассовскій неотступно шелъ за мной и заявлялъ:

— Я не отойду отъ васъ, пока вы не возьмете письма.

— Пошлите ей письмо ваше по почтѣ!

— Почтой она получитъ завтра, я не могу ждать до завтра! Я не успокоюсь, пока не скажу себѣ: теперь она уже прочла мое письмо!—говорилъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи.

Такъ дошли мы до дверей дома, гдѣ жила Марья Васильевна. Я думалъ, что Кассовскій тамъ оставитъ меня, но не тутъ-то было,—онъ сталъ подниматься за мной по лѣстницѣ...

У дверей квартиры я обернулся къ нему и сказалъ:

— Я вхожу!..

— Возьмите письмо!—хрипло проговорилъ онъ, хватая меня за рукавъ.

Прежде чѣмъ я собрался ему отвѣтить, дверь открылась, изъ нея вышелъ съ видомъ побѣдителя „господинъ изъ Россіи", а затѣмъ на порогѣ появилась сама Марья Васильевна, очевидно провожавшая его. „Господинъ изъ Россіи" кивнулъ мнѣ и сталъ быстро спускаться съ лѣстницы. Марья Васильевна, увидавъ меня съ Кассовскимъ, посторонилась, приглашая насъ войти, и проговорила:

— Вотъ и прекрасно!..

Кассовскій сначала было-попятился, потомъ быстро швырнулъ письмо въ переднюю и, какъ безумный, черезъ двѣ ступеньки на третью исчезъ тоже внизу за „господиномъ изъ Россіи".

— Что̀ съ нимъ?..—проговорила Марья Васильевна.—Я думала, что вы его убѣдили и привели съ собой!

— Нѣтъ. Онъ встрѣтилъ меня сначала очень враждебно, а потомъ все шелъ за мной слѣдомъ до самыхъ этихъ дверей, съ просьбой передать вамъ это...

Марья Васильевна подняла письмо, и мы вошли въ ея комнату. Прочитавъ быстро, она передала мнѣ клочокъ бумажки. Тамъ были лишь двѣ—три строчки:

„Будь проклята ваша красота. Будь прокляты ваши науки и искусства. Смерть буржуазіи, въ помойную яму любовь сытыхъ!"

— Что̀ это?..

Съ этимъ вопросомъ Марья Васильевна серьезнымъ взглядомъ уставилась куда-то.

— Анархизмъ!.. Это—анархизмъ „изъ Минска“!—отвѣтилъ я, снова прочитывая строки Кассовскаго, и добавилъ:—Пожалуй вы ошиблись, когда объяснили себѣ, помните, какъ Кассовскій бросился отъ васъ съ тележкой въ сторону,—упадкомъ его пролетарской гордости!..

— Нѣтъ, я не ошиблась; тамъ была извѣстная доза ложнаго стыда передъ своимъ положеніемъ... тамъ было такое малодушіе, но, вотъ, оно вызвало рѣзкую реакцію!... Словомъ, il n'y a rien à faire!.. Бѣдняга! А все-таки любовь сытыхъ онъ бросаетъ въ помойную яму лишь потому что....

Она не окончила и задумалась; видимо, ей было очень жаль Кассовскаго.

— Ну, а какъ ваши дѣла съ мрачно-самодовольнымъ господиномъ?..—спросилъ я, вспомнивъ встрѣчу у дверей.

Она подняла руку, какъ бы останавливая меня.

— Скорѣе возьмите вашъ вопросъ назадъ. Я не даромъ сказала, что не хочу, чтобы вы меня теперь видѣли, — это не фраза... Проходите безъ любопытства мимо нѣкоторыхъ вещей у меня. Я готова вамъ отвѣчать, но я, циничная сама въ себѣ, передъ другими циничной быть не желаю... А въ томъ, какъ я поступила сейчасъ съ мрачнымъ господиномъ, есть свой цинизмъ...

Она помолчала, потомъ тихо проговорила:

— Если вы видѣли въ жизни что-либо очень чистое, идеальное... разскажите мнѣ... Вотъ, сядьте здѣсь, за мной, чтобы я не видѣла вашего лица: въ вашихъ глазахъ смѣхъ, когда тэмбръ голоса чуть слышно, но глубоко печаленъ... Ну, разскажите!

Я подумалъ и началъ:

— Чистаго и идеальнаго я не знаю... Но поищите здѣсь то, что вамъ нужно. Я зналъ одного революціонера,—онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ кровавыхъ дѣлахъ... У него была молодая, прекрасная жена, къ которой онъ никогда не прикасался; онъ уходилъ одинокій въ свою пустую комнату, полную страшныхъ призраковъ и говорилъ: „Мнѣ—свѣтъ солнца и радости жизни“?!.. Онъ умеръ и похороненъ недалеко отъ одной тюрьмы. Его жена, еще молодая и еще прекрасная, полюбила другого, но сквозь новое чувство она слышала глухой голосъ изъ знакомой могилы: „ты все-таки моя“, и, какъ очарованная, она рвалась на эти мертвые звуки...

Я окончилъ. Послѣ долгаго молчанія, Марья Васильевна, не оборачиваясь, тихо сказала:

— Это—дѣйствительность?

— Да.

— Нѣтъ! Это... стихотвореніе въ прозѣ... Разскажите изъ дѣйствительнаго!..

Я засмѣялся.

— Хорошо. Но больше я разсказывать уже не буду. Зналъ я одну удивительно красивую и нѣсколько загадочную молодую дѣвушку. У нея былъ умъ, была и душа, было и сердце, впрочемъ нѣсколько болѣе глубоко, чѣмъ нужно, помѣщенное въ груди. Поэтому, когда оно билось, то посторонніе этого не замѣчали...

Марья Васильевна быстро поднялась, взглянула въ мои глаза и раздраженно сказала:

— Ну, такъ я и знала, что смѣются во всю чертенки въ вашихъ глазахъ!.. Я ихъ вамъ, глаза ваши, выцарапаю когда-либо... а теперь не хочу слушать больше... идите себѣ!

— Везетъ мнѣ сегодня! —засмѣялся я уже не только глазами:—Кассовскій въ меня чуть ножницами не запустилъ, выгоняя отъ себя, а вы чѣмъ меня будете гнать?

— Слезами обиды!..—проговорила Марья Васильевна, закрывая лицо руками. Но потомъ, открывъ лицо, топнула ногой и неожиданно добавила:

— А все-таки „господина изъ Россіи" я доведу до бѣлаго каленія!.. Несмотря ни на кого и ни на что! Пусть знаетъ... А потомъ, потомъ... Чего же вы стали и не уходите?

— Ничего, я сейчасъ уйду, если вы этого хотите.

Марья Васильевна странно разсмѣялась.

— Я хочу?!.. Я сама не знаю, чего сейчасъ хочу: вотъ, спрячьте въ себѣ гадкаго человѣка и посадите здѣсь—она показала на мѣсто подлѣ себя—того хорошаго, котораго я вчера видѣла... И тогда мы помиримся!

— Если я и спрячу гадкаго человѣка, то отъ этого никто не выиграетъ: гадкое взаперти опаснѣе, чѣмъ на свободѣ!..

— Пусть хоть иллюзія будетъ... одна иллюзія...

На этомъ я простился съ Марьей Васильевной.

— Когда мы увидимся еще?—почему-то спросила она.

— Когда... Когда?.. Да когда судьба велитъ!..

Я повернулся, чтобы идти, и слышалъ, какъ она повторила про себя это слово:

— Судьба... судьба... проклятая судьба!

XXVII.—Женевскіе анархисты.

Приближался Новый годъ.

Почти наканунѣ его Громченко предложилъ мнѣ:

— Хотите пойти посмотрѣть швейцарскихъ анархистовъ?

— Развѣ есть такіе?..

Спросилъ я объ этомъ потому, что Швейцарія, а въ частности Женева, показались мнѣ живущими такъ налаженно, что возникновеніе и существованіе чего-либо „революціоннаго“ казалось мнѣ немыслимымъ. Анархисты въ Парижѣ, въ Бельгіи—это я понималъ, но идеи Бакунина въ республикѣ содержателей отелей — такое открытіе нѣсколько удивило меня, и я это выразилъ.

— А вотъ пойдемъ и посмотрите.

Сказано—сдѣлано. Темнымъ вечеромъ мы перебрались на „ту“ сторону Роны и довольно скоро попали въ небольшую комнатку, совершенно изолированную, при одной „Brasserie“. Комнатка освѣщалась двумя висячими большими лампами. Посрединѣ стояло нѣсколько составленныхъ въ линію столовъ, а вокругъ него сидѣли „les compagnons“; большинство — въ рабочихъ блузахъ, а нѣсколько въ обычныхъ костюмахъ приказчиковъ, конторщиковъ.

Поздоровавшись мы усѣлись. Громченко отрекомендовалъ меня.

— Un camarade russe!

— C'est l'autre, nous en avons déja un!—пошутилъ кто-то, показывая рукой въ другой конецъ стола.

Тамъ я съ удивленіемъ увидѣлъ угрюмо сидѣвшаго за стаканомъ вина Кассовскаго. Онъ не глядѣлъ на насъ.

Въ этомъ оригинальномъ собраніи пили вино, обсуждали „злобы дня“, послѣднія статьи въ „La Révolte“. Изъ рукъ въ руки переходя, гулялъ нумеръ „Père Penard“ съ каррикатурами, гдѣ былъ изображенъ „Ce bonhomme—le dieu!“

Все это было довольно мило, иногда забавно, но, тѣмъ не менѣе, я былъ разочарованъ. Я ожидалъ другого стиля. Женевскіе анархисты даже отдаленнымъ образомъ не напоминали мнѣ нашихъ собраній тамъ, въ Россіи, и не въ разгаръ революціонности, а даже во время ея упадка.

Наиболѣе живое вниманіе обратилъ на себя лишь одинъ жгучій итальянецъ. Сверкая глазами, онъ разсказывалъ свои мытарства, когда онъ, спасаясь отъ итальянской полиціи, вступилъ на швейцарскую почву, гдѣ первымъ дѣломъ „les gendarmes de la liberté bourgeoise maudite“ потребовали отъ него предъяв-

ленія пяти франковъ, какъ доказательства, что онъ имѣетъ средства для путешествія по Швейцаріи. Пяти франковъ у него не было, и хотя онъ завѣрялъ жандармовъ, что у него хорошія ноги и наглухо закупоренный долгимъ голодомъ желудокъ и что онъ не намѣренъ просить милостыни у „sales épiciers de Suisse“, тѣмъ не менѣе его выбросили назадъ, въ Италію.

Кассовскій, все время сидѣвшій угрюмо и безучастно, при разсказѣ итальянца оживился. Онъ врядъ-ли понималъ слова, но жесты, интонацію, взглядъ, все это онъ мгновенно почувствовалъ и, скрестивъ руки, не сводилъ глазъ съ оратора.

Когда итальянецъ окончилъ возгласомъ: „Vive l'anarchie!“, собраніе проявило болѣе подогрѣтое настроеніе. Немедленно кто-то запѣлъ „Карманьолу“, при чемъ энергичнѣе всѣхъ Кассовскій выкрикивалъ изъ припѣва: „О, ça ira, ça ira!..“

— Oui, compagnon!.. Ça ira! — добродушно похлопалъ его по плечу толстый сосѣдъ рабочій:— mais ça ne va pas encore!..

По окончаніи собранія, когда мы съ Громченко были на улицѣ, случайно или преднамѣренно Кассовскій очутился рядомъ съ нами и мы втроемъ пошли къ Ронѣ. Нѣкоторое время Кассовскій молчалъ, наконецъ, нерѣшительно спросилъ:

— О чемъ говорилъ итальянецъ?

Я ему сообщилъ довольно подробно. Онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Жаль, что я не могу говорить по-французски!..—сказалъ онъ, когда я окончилъ:—я имъ тоже сказалъ бы!

— Надо научиться!

— Я научусь!..

— Вы научились бы скорѣе при чьей-либо помощи! — Я выговорилъ послѣднее не безъ цѣли. У меня мелькнула мысль, что такъ какъ ему очень хотѣлось „заговорить“ на собраніи анархистовъ, то пожалуй онъ согласился бы брать уроки у Анны Николаевны. Но Кассовскій меня понялъ нѣсколько иначе, и когда у Роны Громченко оставилъ насъ и по мосту недалеко отъ шлюзъ мы пошли только вдвоемъ, то среди шума бурлящей рѣки онъ съ какой-то ненавистью спросилъ:

— А что... Марья Васильевна еще ждетъ, что я приду?

Я остановился, поглядѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Не знаю, а вы что — развѣ собираетесь пойти къ ней?

— Никогда!—бѣшено крикнулъ онъ, и, показавъ на рѣку, трепавшую внизу свои сѣдыя космы, онъ глухо добавилъ:—Скорѣй тамъ будетъ Кассовскій!

Я осторожно спросилъ:

— Она обидѣла васъ?

— Нѣтъ, она очень хорошо ко мнѣ относилась... Какъ къ малолѣтнему брату!..

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Если бы я продолжалъ къ ней ходить, она заставила бы меня отказаться отъ себя... Но этого не можетъ быть... Кассовскій родился въ подвалѣ! Подвалъ этотъ выходилъ дверью въ грязный темный переулокъ... Лѣтомъ оттуда къ намъ врывалась только пыль, вонючая пыль, осенью вливалась рѣкой смрадная грязь, зимой сыпало снѣгомъ... У меня было три младшихъ брата: одного задушила пыль, другого отравила грязь, третьяго убилъ снѣгъ... Кассовскій никогда не проститъ жизни эти три маленькихъ трупа... Я, Кассовскій, надъ этими трупами проклиналъ сначала тогда еще святую для меня пору, потомъ жизнь своего отца, потомъ свою... Если мнѣ теперь положатъ такъ передъ глазами: здѣсь—золото, здѣсь—славу великаго человѣка, а здѣсь—любовь красивѣйшей женщины и скажутъ: выбирай!—то я, если поймаю себя на желаніи: возьму-ка вотъ это! — золото, славу или любовь,—тогда... тогда... моя рука вспомнитъ клятвы сердца и раздавитъ... измѣнника!

Я ему ничего не сказалъ, и дальше мы пошли уже молча. Молча мы и разстались.

На другой день я получилъ отъ Громченка записку: „По экстренному дѣлу". Въ запискѣ были только эти два слова. Хотя Анна Николаевна совѣтовала не идти къ нему, а его ждать у себя „по экстренному дѣлу", но я все-таки пошелъ, ибо зналъ, что онъ замотался, стараясь превратить „два съ половиной человѣка" нашего издательскаго комитета „въ группу" изъ двухъ десятковъ членовъ. Въ связи съ пріѣздомъ „господина изъ Россіи" онъ былъ очень этимъ озабоченъ.

Громченка я, какъ и слѣдовало ожидать, не засталъ дома. Онъ окончательно поселился у Кудрявой. Эта встрѣтила меня очень дружелюбно и прежде всего спросила:

— Ну, какъ вчера было у анархистовъ?

— Довольно мирно.

— Конечно, оно и понятно! Хотя эти господа и отрицаютъ политику и „свободу" въ буржуазной редакціи, тѣмъ не менѣе эти элементы служатъ большимъ громоотводящимъ средствомъ... Великое дѣло, когда человѣку даютъ возможность „словами изойти"... Бывала и я у анархистовъ, и слушала, и видѣла: явится человѣкъ и говоритъ, да такъ, что мурашки у тебя по спинѣ заходятъ! Оглянешься—завсегдатаи-то ихніе сидятъ себѣ,

какъ ни въ чемъ не бывало цѣдятъ, пиво, головами качаютъ и... только! Потомъ видишь: поговорилъ страстный человѣкъ день, два, недѣлю, поговорилъ и тоже усѣлся, тоже пиво пить и головой качать...

— Ну, а что нашъ „господинъ изъ Россіи"?—спросилъ я.

— Да что!—Кудрявая махнула рукой:—сильно сдается мнѣ, что и онъ кандидатъ „подъ юбку"...

Я засмѣялся.

— Не собирается ѣхать?

— Какъ будто нѣтъ... Онъ уже не „господинъ изъ Россіи", а чиномъ пониже: назвался „Василіемъ Петровичемъ"! Этакъ-то пожалуй лучше!.. Вчера сказалъ, что хочетъ своей комнатой обзавестись...

— При чемъ же тутъ „юбка"?

— Да ужъ такъ мнѣ кажется! — отвильнула Кудрявая отъ прямого отвѣта и добавила:—по цѣлымъ днямъ нѣтъ его, а придетъ—то дьявольски мраченъ, то самодовольствуетъ и даже насвистываетъ какіе-то марши. Вотъ я и понимаю, это значитъ: „любитъ—не любитъ!.." Кромѣ того, вчера все это онъ аскетизмъ передо мной критиковалъ; выходило, что женщина—все: отвага мужчины, его умъ, его талантъ... Около каждаго великаго человѣка cherchez la femme!.. Ну, это пѣсня ужъ извѣстная...

Она расхохоталась и продолжала:

— Если это случится, то-есть, если онъ попадетъ подъ юбку, я буду очень рада!

— Почему же?

— Вообще вредный онъ, по-моему, типъ,—пусть лучше сидитъ себѣ у теплаго мѣста и грѣется, а въ частности я надъ Громченкой посмѣюсь: вѣдь онъ, въ чаяньи отъѣзда въ Россію „Василія Петровича", конспиративный чемоданъ приготовилъ съ контрабандой; вотъ онъ—стоитъ!..

Я поглядѣлъ—въ углу стоялъ новёхонькій чемоданъ.

— Онъ изъ брошюръ сдѣланъ!..—продолжала Кудрявая.— Онъ вѣдь картонный, только оклеенъ кожей, а картонъ изъ брошюрныхъ листовъ спрессованъ. Вотъ вамъ и будетъ „транспортъ", когда Василій Петровичъ не въ Россію, а въ Женеву „пріѣдетъ" и съ „хозяюшкой" заживетъ!..

Ей было весело. Но я съ грустью смотрѣлъ на чемоданъ. Его стѣнки могли заключать сто—двѣсти брошюръ.

„Вотъ то, что можно отсюда дать Россіи!—думалось мнѣ:— да и то еще если „Василій Петровичъ" и на самомъ дѣлѣ не попадетъ „подъ юбку"!

Я вздохнулъ, а Кудрявая почему-то проговорила:

— Sic transit...

Въ эту минуту отворилась дверь, и между мной и хозяйкой очутился самъ Василій Петровичъ. Видъ у него былъ довольно странный, взъерошенный; съ одной стороны лица онъ былъ ярко красенъ, а съ другой—бѣлѣе стѣны. Глаза его блуждали, и онъ ими, кажется, теперь плохо видѣлъ. По крайней мѣрѣ, войдя, онъ забылъ поздороваться со мной.

„Кажется, у него дѣло безъ „юбки“ обойдется!“ — думалось мнѣ. Такого же мнѣнія была, очевидно, и Кудрявая, сидя въ уголку и уже грустно поглядывая, какъ Василій Петровичъ потихоньку, приходя въ себя, взялся за чемоданъ и сталъ укладывать въ него „кое-что“ изъ книжекъ, „кое-что“ изъ бѣлья.

Очень скоро вслѣдъ за Василіемъ Петровичемъ подошелъ и Громченко. Увидя, чѣмъ занятъ послѣдній, онъ весело потеръ руки.

— Ну, вотъ и прекрасно! Стало быть, долой всѣ сомнѣнія и колебанія,—звучитъ труба призывная!

— Да, рѣшилъ немедленно ѣхать...—пріобрѣтая свой прежній мрачный видъ, проговорилъ Василій Петровичъ и отодвинулъ ногой уже запертый чемоданъ.

— Чудесно, чудесно!—ликовалъ Громченко, потомъ онъ обратился ко мнѣ:—Вы, стало быть, явились во-время. Видите ли, тамъ насчетъ страшныхъ всякихъ затѣй, это намъ теперь не ко двору, а Россіи вообще не по времени,—иногда и г-жа Кудрявая слово вѣрное скажетъ,—но я подумалъ, не пора ли намъ кое-что изъ своей литературы туда, гдѣ все дѣло рѣшается, перебросить... Подумалъ и рѣшилъ: пора! Вотъ и явился чемоданъ! Хе-хе-хе! Ловкая выдумка?..

— Много тамъ?.. — спросилъ я, указывая глазами на „ловкую выдумку“.

— Семьдесятъ-пять штукъ!.. Этого довольно! Вѣдь помните, какъ въ Россіи: печатную нелегальщину только по большимъ праздникамъ читаютъ, а на прочее время гектографируютъ, литографируютъ и даже просто переписываютъ! Вотъ Василій Петровичъ привезетъ сей чемоданъ въ Кіевъ, а оттуда уже наше дѣло пойдетъ, потечетъ и синими, и черными, и красными чернилами... Фу, чортъ возьми! Держись только!

Говоря это, онъ даже вскочилъ, впадая въ какой-то трансъ, но его остановилъ Василій Петровичъ, довольно свирѣпо проговоривъ:

— Ну, ѣхать, такъ ѣхать сейчасъ! Давайте капиталы и попрощаемся.

— Что же такъ скоро?—удивилась Кудрявая:—вѣдь на дорогу нужно покушать, попить!..

Василій Петровичъ только рукой махнулъ. У него явилась, очевидно, жгучая потребность сейчасъ же „распрощаться".

Громченко не сталъ его удерживать и передалъ деньги.

— Съ Богомъ! Гдѣ оставить чемоданъ—знаете: только скажите, чтобъ шевелились они тамъ, не спали, а то намъ здѣсь и передъ собой, и передъ Европой стыдно!..

Василій Петровичъ сталъ дѣлать послѣднія приготовленія къ отъѣзду, а я спросилъ у Громченка:

— Собственно, зачѣмъ вы меня вызвали? Кажется, и безъ меня вы все здѣсь оборудовали?

— Видите, условно мы еще третьяго дня съ Василіемъ Петровичемъ это дѣло порѣшили, только онъ все колебался чего-то назначить день отъѣзда, ну, а я рѣшилъ быть на-готовѣ... Насчетъ денегъ у меня было слабо, но теперь обошлось и безъ васъ. Иду сегодня утромъ въ довольно минорномъ настроеніи по Женевѣ и вдругъ встрѣчаю Марью Васильевну.—„Нѣтъ ли, голубушка, ста франковъ, на доброе дѣло?"— „Есть, а какое дѣло-то, доброе ли?"—„Да вотъ, говорю, кое-какія брошюрки въ Россію отправляемъ, а попутно хорошему человѣку помогаемъ выбраться отсюда, изъ здѣшнихъ палестинъ": — „Кому это?"— „Да вы его не знаете, говорю, а если хотите помолиться за цѣлость его съ нашими брошюрами, молитесь о рабѣ Божіемъ Василіѣ!"—смѣюсь такъ... Дала она мнѣ сто франковъ.

— Конспиративно!..—промычалъ сквозь зубы Василій Петровичъ и промычалъ очень свирѣпо. Лицо его при имени Марьи Васильевны опять пріобрѣло двойной бѣло-красный цвѣтъ. Онъ торопливо распрощался съ нами, нахлобучилъ шляпу и вышелъ со своимъ чемоданомъ, какъ бы спасаясь... отъ ареста...

— Часъ добрый!..—крикнула ему Кудрявая въ догонку. Онъ не обернулся.

Когда дверь за Василіемъ Петровичемъ закрылась и онъ исчезъ навсегда или надолго съ нашихъ глазъ, Громченко весело подмигнулъ мнѣ:

— Хотѣлъ мальчикъ для своихъ путешествій компаніонку-кралю подцѣпить, да сорвалось!..

— Кого это?—невиннымъ тономъ спросилъ я.

— Да Марью Васильевну!.. Вѣдь онъ за ней во какъ приударялъ, да, видно, хе-хе, обо что-то твердое ударился. Ушибся больно бѣдный!.. Ну, и дѣвка! Она его то замораживала,—тогда онъ мнѣ этотъ чемоданъ помогалъ сочинить; то она его до-красна

накаляла,—тогда насчетъ „чемодана“ мой Василій Петровичъ говорилъ такъ: „Мда! гмм!.. Я еще ѣхать не собираюсь“... Сегодня окончательно собрался! Ну, Богъ съ нимъ: былъ и сплылъ!..

Затѣмъ Громченко, жестоко хмурясь и стукнувъ кулакомъ по столу, обратился къ Кудрявой:

— Вы это что же?.. Мужъ цѣлый день не пилъ и не ѣлъ, кишки у него голодный маршъ играютъ, а вы себѣ что? Усѣлись, уши развѣсили! Будьте же, наконецъ, чортъ вамъ въ зубы, хорошей женой, г-жа Кудрявая!

Она засмѣялась и пошла возиться съ кастрюлями. Тогда Громченко на меня набросился:

— Вы чего носъ повѣсили?... Смирно, ровняйся, гляди бодро!..

Тутъ онъ расхохотался и добавилъ:

— Я вѣдь солдатчину уже отбылъ!.. унтеръ-офицеръ въ запасѣ. Ха-ха-ха!

Отъ Громченка я пошелъ въ нерѣшимости по улицѣ. Мнѣ хотѣлось пройти къ Марьѣ Васильевнѣ, однако я помнилъ, что она просила меня „не видѣть ее“, и мнѣ казалось, что мое посѣщеніе сегодня, сейчасъ же послѣ финальнаго акта ея „игры“ съ „господиномъ изъ Россіи“, можетъ быть ей непріятнымъ. Тѣмъ не менѣе, меня сильно потянуло къ ней, и я пошелъ.

На дверяхъ квартиры я нашелъ приколотый клочокъ бумажки: „Дома нѣтъ. М. В.“ Я хотѣлъ-было уже повернуть назадъ, но дверь неожиданно открылась, и швейцарка-горничная сказала мнѣ:

— Entrez, entrez, monsieur: mademoiselle est là!..

Этимъ я былъ очень удивленъ, но вошелъ. Марья Васильевна встрѣтила меня въ своей комнатѣ и объяснила:

— Я васъ случайно увидѣла черезъ окно на улицѣ и догадалась, что вы ко мнѣ, и поэтому выслала навстрѣчу дѣвушку. Сядемъ. Записку я повѣсила, такъ какъ сейчасъ никого не хочу видѣть, но васъ, если бы рѣшимости хватило, я сама бы позвала сегодня къ себѣ.

Она замолчала и, сидя на стулѣ, низко опустившись головой и грудью, разглядывала полъ. Внѣ этого видъ у нея былъ совсѣмъ обычный.

— Но я васъ все-таки не позвала!..—проговорила она послѣ нѣсколькихъ минутъ.—Вы сами пришли!.. Это—„велѣніе судьбы“ или... такъ себѣ... отсутствіе дѣла, скука? Желаніе убить время, поддразнивая „загадочную дѣвушку“?

— Велѣніе судьбы, если хотите.

При этомъ отвѣтѣ я улыбнулся, но она заставила меня поскорѣй убрать улыбку, бросивъ необыкновенно серьезный взглядъ въ мою сторону. Я окончилъ:

— Я сейчасъ присутствовалъ при отъѣздѣ „господина изъ Россіи"... въ Россію!

Марья Васильевна подняла лицо.

— Зачѣмъ вы опять начинаете съ него... Неужели же нельзя пройти мимо *этого?*

Я развелъ руками. Она покачала головой.

— Ну, хорошо, я разскажу вамъ финалъ. На сегодня я ему вчера вечеромъ дала полную увѣренность въ „побѣдѣ", но лишь онъ пришелъ, я его довела до той точки, что онъ... чуть не бросился на меня... Но искусалъ себѣ руку...

Она опять склонилась головой и корпусомъ. Я молча слушалъ.

— Искусалъ и опомнился. Потомъ, не проронивъ ни слова, ушелъ... Вотъ и все... Теперь довольно объ этомъ?..

Я тихонько взялъ ее за руку и, собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Марья Васильевна, неужели вы когда-либо захотите видѣть и чувствовать что-либо подобное еще разъ?

Она потрясла головой и брезгливо вздрогнула плечами.

— Нѣтъ! Нѣтъ!..

Потомъ она поднялась и подняла руки кверху.

— Вотъ если бы мнѣ сказали, что есть та хрустально чистая вода, въ которой можно омыть не только тѣло, а душу, и сердце, и сознаніе... О, я вся бы въ ту чудную воду окунулась... надолго!..

Она опять опустилась на стулъ и уронила руки на свои колѣни. Потомъ, овладѣвая собой, добавила:

— Но я хотѣла васъ видѣть не по этому поводу... Вы тоже не знаете, гдѣ есть эта чистая вода... Можетъ быть, то, что я скажу, вамъ покажется страннымъ. У меня, со дня нашей послѣдней встрѣчи, не выходитъ изъ головы ваше „стихотвореніе въ прозѣ", и сегодня я окончательно боюсь, что это не стихотвореніе... Дѣло, конечно, не въ этомъ. Меня занимаетъ одно: какъ чувствуетъ себя второй, которому досталась дѣва-вдова, какъ онъ себя чувствуетъ, видя между собой и любимой женщиной раздѣляющую ихъ мертвую руку?..

Отъ этого вопроса, котораго я никогда самъ себѣ не ставилъ еще, мнѣ стало какъ-то не по себѣ.

— Ну?.. — нѣсколько нетерпѣливо окончила Марья Васильевна.

— Мнѣ это неизвѣстно,—тихо отвѣтилъ я.

Марья Васильевна положила мнѣ руку на плечо.

— Слушайте, подумайте надъ своими словами... Я хочу правдиваго отвѣта, а не увертки.

Я кивнулъ головой и повторилъ:

— Мнѣ это неизвѣстно. Когда у „второго“, кромѣ жуткаго ожиданія, явятся другія чувства, они мнѣ станутъ извѣстны и я ихъ вамъ разскажу.

— Хорошо, я подожду! Но пока скажу: мнѣ безконечно жаль второго.

— Не стоитъ жалѣть.

— Почему?

— Онъ, вѣроятно, не стоитъ того, что̀ имѣетъ и что̀ у него хотятъ взять—и, вѣроятно, возьмутъ.

Я ожидалъ, что Марья Васильевна вопьется въ меня своимъ внимательнымъ взглядомъ, но она закрыла лицо обѣими руками и еще ниже опустила голову. Такъ, не поднимая ее, она, спустя нѣкоторое время, сказала:

— А вѣдь знаете!.. Сегодня утромъ... у меня... и г. Камовъ былъ...

Я молча вслушивался.

— Да, былъ онъ... и сказалъ, что начинаетъ понимать меня... Наконецъ!.. Попросилъ меня сообщить ему, когда я буду въ самомъ своемъ серьезномъ настроеніи, для очень серьезной бесѣды... бесѣды, гдѣ будетъ поставленъ вопросъ о его и... моей жизни...

Она при послѣднемъ словѣ подняла голову, прямо взглянула на меня и добавила съ нервнымъ, надорваннымъ смѣхомъ:

— Видно, и для него сладка рѣдька... въ чужихъ зубахъ!.. Ха-ха-ха!..

— Что̀ же вы ему отвѣтили?—спросилъ я очень тихо.

— Отвѣтила, что... къ серьезнымъ бесѣдамъ... неспособна!.. Онъ... опоздалъ немного...

XXVIII.—Снѣгъ.

За ночь выпалъ снѣгъ, холодный, пушистый, ярко-бѣлый. Онъ покрылъ дорожки садика, хлопьями упалъ на темные стебли розъ, какъ серебромъ запушилъ грустный тополь и дивно разукрасилъ черную чугунную рѣшетку ограды.

Вездѣ былъ снѣгъ, на улицѣ, въ сосѣднихъ садахъ... Далекіе склоны Салева казались ближе; среди убѣленныхъ аллеекъ

отчетливѣй выступили темныя пятна кустарниковъ и группъ тощихъ деревьевъ.

Туманы утра поднялись и разсѣялись въ голубомъ небѣ. Зимнее солнце ярко заиграло надъ землей, легкія тѣни — лазурныя—легли на ея новую, чистую одежду.

— Снѣгъ!.. — проговорила Анна Николаевна, только-что вставшая и подошедшая къ балкону.

— Да... настоящая зима... Не мѣшало бы сегодня побродить! — отвѣтилъ я.

— Что-жъ?.. Отправимся... только такъ вообще, ну, хоть къ Салеву... Помнишь, ты меня звалъ однажды туда... ночью!.. Въ лунную ночь... тогда еще цвѣли розы и тополь въ листьяхъ стоялъ...

— Помню, но розы и сейчасъ цвѣтутъ, погляди!..

Анна Николаевна, грустно улыбнувшись, отвѣтила:

— Да, они и сейчасъ цвѣтутъ, но это не ихъ цвѣты, это... съ неба упало, какъ мгновенное утѣшеніе...

За столомъ она меня спросила:

— Ты когда въ Парижъ поѣдешь?

— Когда Громченко захочетъ. Меня не очень тянетъ сейчасъ никуда, кромѣ развѣ верхушки Салева, гдѣ, вѣроятно, и ярче, и еще холоднѣй, чѣмъ здѣсь въ долинѣ.

— Отчего же ты такъ отдаешься Громченку: онъ хочетъ — ты ѣдешь, онъ не хочетъ — ты остаешься? Во всякомъ случаѣ, я ожидала, что ты будешь головой вашего дѣла, какое оно ни есть, а выходитъ иначе...

— Пассивная натура,—сказалъ я съ улыбкой, хотя нѣкоторое разочарованіе, мелькнувшее въ ея словахъ, чуть задѣло меня.

— Да, ты иногда проявляешь странную пассивность.

Анна Николаевна въ раздумьи умолкла, потомъ неожиданно добавила:

— Сегодня мнѣ всю ночь мой покойный мужъ снился... снилась тройка лошадей...

— Онъ тебя увозилъ?—съ живостью, по внезапному вдохновенію, спросилъ я.

— Да!.. Какъ ты угадалъ?.. Увозилъ на тройкѣ и именно среди снѣга, снѣга...

Наступившее долгое молчаніе было прервано полученіемъ письма.

— Парижъ легокъ на поминѣ! Это изъ Парижа! — объявила Анна Николаевна, разрывая конвертъ.

Сначала она прочла письмо про себя, потомъ вслухъ:

— Отъ Митровой!.. „Пишу я вамъ, дорогая, и гнусно у меня на душѣ. Мой Ванька форменнымъ образомъ сбѣжалъ. Опять обрядился какъ un voyou и пропадаетъ гдѣ-то въ Бельвиллѣ. Удивительный юноша, а я совсѣмъ было уже надѣялась „цивилизовать“ его. Кстати, по-моему, у него есть талантъ, но пропадетъ проклятый мальчишка! Ничего изъ него не выйдетъ. Онъ болѣе созерцатель, чѣмъ художникъ. Передъ чужой картиной онъ часы въ Луврѣ простаиваетъ, а отъ своей бѣжитъ въ полчаса... Хотѣла написать больше, но сейчасъ мнѣ сказали, что онъ объявился въ колоніи—въ столовой сидитъ—бѣгу изловить его и водворить на мѣсто“.

— На что̀ онъ ей?!.. Анна Николаевна, окончивъ чтеніе, отбросила письмо и пожала плечами.

— Не любитъ она его!—подтвердила она черезъ нѣсколько минутъ.—Измотаетъ она его... Непонятная прихоть!..

— Все же, какъ ты насчетъ поѣздки въ Парижъ?—возвратилась она къ прерванному разговору:—будешь ждать рѣшенія Громченка?

— Да, буду ждать. Въ нашемъ предпріятіи онъ нашелъ себѣ дѣло, оно его удовлетворяетъ. Моя роль—писать, я и пишу; онъ во многомъ со мной несогласенъ, но даетъ свободу моему перу...

— Все это хорошо; ну, а если онъ везетъ тебя въ Парижъ, чтобы ты взялъ денегъ у Митровой на это дѣло?

— Ничего такого онъ мнѣ не говорилъ, но когда скажетъ, я откажусь исполнить.

— Ты не считаешь все „дѣло“ —дѣломъ?

— Не считаю.

— Тогда брось, откажись!..

— Нѣтъ, я буду ждать, пока оно само по себѣ окажется несостоятельнымъ и умретъ, т.-е. пока устанетъ и Громченко...

— Но вѣдь это дѣло тебя вяжетъ, мѣшаетъ взяться за что-либо другое?..

Анна Николаевна разглядывала меня такъ, какъ будто бы въ первый разъ видѣла. Я отвѣтилъ:

— Это дѣло ничему не мѣшаетъ, оно единственно цѣлесообразное сейчасъ, но, увы, отсюда... и оно невозможно!

Анна Николаевна всплеснула руками.

— Съ плохимъ же зарядомъ ты сюда пріѣхалъ! Ты прожилъ здѣсь четыре съ небольшимъ мѣсяца, и вотъ у тебя уже нѣтъ... ни вѣры, ни энергіи!

Она покачивала головой. Я прекратилъ бесѣду. Черезъ полчаса она опять возобновила разговоръ.

— Итакъ, ты потерялъ вѣру и энергію!..

Еще не испытанный мною въ присутствіи Анны Николаевны припадокъ раздраженія какъ-то мгновенно овладѣлъ мной, я поднялся и рѣзко отвѣтилъ:

— Я не подписался подъ этимъ, и ты не торопись со своимъ „итакъ"... Вотъ моя вѣра! — Я. стукнулъ по брошюркамъ и рукописямъ, лежавшимъ на столѣ. — Кто прочелъ это, — не скажетъ, что здѣсь нѣтъ вѣры... Кто видѣлъ, какъ я работалъ надъ этимъ, — не скажетъ, что у меня нѣтъ энергіи. Но четыре мѣсяца меня убѣдили, что ни эта вѣра, ни эта энергія не найдутъ здѣсь сочувствія, а переброситься съ этимъ на родину скорой надежды нѣтъ!.. Со всѣхъ сторонъ здѣсь я слышу одно: „Бросьте, бросьте"... Слушать надоѣло и скучно стало!.. Вспомни, что мы даже съ тобой разошлись въ этомъ въ первое утро нашей совмѣстной жизни. Единственный человѣкъ, который рядомъ со мной взялся работать, это Громченко... Пусть исходъ затѣи *для меня* ясенъ, онъ не ясенъ для Громченко, и я не могу ему сказать: сложимъ руки!.. Да и зачѣмъ ихъ складывать?.. Я перестану писать, когда у меня исчезнетъ маленькій читатель, который есть пока; въ то же время Громченко перестанетъ меня печатать, когда отъ него уйдетъ послѣдній покупатель брошюрки... А пока мы идемъ къ этому моменту — я безъ иллюзій, а Громченко — съ радугой на душѣ...

— Тогда старайся отдалить роковой моментъ! Возьми денегъ у Митровой...

— Нѣтъ, деньги Митровой не дадутъ мнѣ читателя, когда онъ исчезнетъ...

— Однако, и здѣсь разговариваютъ довольно громко, — слышите, Кудрявая?

Съ этими словами къ намъ вошла чета — Громченко съ Кудрявой. Громченко былъ очень веселъ. Здороваясь, онъ продолжалъ говорить, обращаясь къ своей спутницѣ:

— А вы утверждали, что здѣсь тишь и гладь! Громко заговорили, громко! — прибавилъ онъ уже по нашему адресу: — настолько громко, что можно ожидать, что вы сейчасъ станете другъ къ другу спиной и всякій изъ васъ пойдетъ своей дорогой и будетъ кричать „впередъ!.. впередъ!.."

Онъ смѣялся. Потомъ, мгновенно затихая, проговорилъ:

— Слышали новость, — вся Женева объ ней говоритъ! Шпики здѣшніе какой дерзкости набрались! Вчера, въ отсутствіе хозяевъ,

забрались къ народовольцамъ въ типографію, поразсыпали наборъ, перервали уже отпечатанныя брошюрки! А! каково? Чтò сіе значитъ?

— Это значитъ: кончено—не боимся!—отвѣтилъ я, не безъ нѣкоторой злости.

— Да... нахальство безмѣрное!—И, оборачиваясь ко мнѣ, Громченко добавилъ:—А я вамъ манифестъ принесъ—собирайтесь-ка, да махнемъ завтра... въ Парижъ... въ самый Парижъ!

При этихъ словахъ Анна Николаевна выпрямилась и посмотрѣла въ мою сторону.

— Ѣдемъ,—коротко отвѣтилъ я.

Анна Николаевна хотѣла что-то мнѣ сказать, но къ ней наклонилась Кудрявая съ вопросомъ:

— Вы давно видѣли больного Гордѣева? Говорятъ, онъ совсѣмъ худъ *этимъ*...—она показала на свою голову—бѣдняга!.. Вы его въ Россіи еще знали? Онъ былъ товарищемъ вашего покойнаго мужа?..

Анна Николаевна, по лицу которой пошли странныя, чуть замѣтныя движенія, медленно встала.

— Да!

И она тихо прошлась по комнатѣ, вернулась и остановилась у балкона, глядя черезъ дверь на улицу, на снѣгъ...

Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ на Кудрявую, за спиной которой явственнѣе, чѣмъ когда-либо, встала для меня все та же проклятая „каменная баба“. Изъ этого настроенія меня вывелъ Громченко. Онъ обращался и ко мнѣ, и къ Аннѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, господа, разсудите!.. Не хочетъ г-жа Кудрявая вѣрить въ моего бога, да и только!

Анна Николаевна, съ видимымъ усиліемъ вслушавшись въ его слова, совсѣмъ упавшимъ голосомъ отвѣтила:

— Конечно, въ наше время, подчиниться въ концѣ концовъ должна женщина.

— Браво! Браво!..—захлопалъ въ ладоши Громченко. Мы по дорогѣ къ согласію, скоро мы васъ обѣихъ пришьемъ къ нашему печатному дѣлу...

— Ни за что!—крикнула Кудрявая, задорно поднимаясь.

— Все можетъ быть... все можетъ быть...—задумчиво проговорила Анна Николаевна.

Но изъ ея словъ на меня не вѣяло надеждой ни на какое согласіе, и я внутренно трепеталъ, предчувствуя все бòльшую близость конца нашимъ несогласіямъ...

Кудрявая и Громченко просидѣли у насъ довольно долго. Имъ было не скучно: они десять разъ разругались, столько же разъ призывали то меня, то Анну Николаевну въ судьи. Уходя, они торжественно заявляли другъ другу:

— Не понимаю, Кудрявая, почему вы сдѣлались женой Громченка?!

— Рѣшительно не постигну, какъ Громченко могъ стать моимъ мужемъ!!

Это не помѣшало имъ дружной парой рука-объ-руку уйти отъ насъ.

Мы остались вдвоемъ, но не смотрѣли другъ на друга.

Передъ вечеромъ Анна Николаевна подошла ко мнѣ и тихо сказала:

— Что̀ же, пойдемъ мы „на снѣгъ"?

— Пойдемъ.

Одѣвшись, мы вышли. На улицѣ было холодно и по-прежнему ясно. Анна Николаевна шла съ трудомъ и медленно. Я предложилъ ей руку, она тяжело оперлась. Послѣ пятнадцати минутъ прогулки она какъ-то совсѣмъ обезсилѣла.

— Не могу!—проговорила она, останавливаясь, и, переводя духъ, прибавила:—А домой мнѣ тоже не хочется; не хорошо тамъ теперь, что-то темное поселилось!

Въ это время среди улицы появилась извозчичья карета, откуда-то возвращавшаяся безъ сѣдоковъ.

— Можетъ быть, хочешь проѣхаться немного?—спросилъ я.

Анна Николаевна движеніемъ руки остановила кучера; мы усѣлись и велѣли ѣхать въ направленіи Салева...

Въ окнахъ кареты замелькали голыя деревья, клочки сильно поблѣднѣвшаго предвечерняго неба, пятна снѣга на далекихъ отрогахъ Юры... Этотъ снѣгъ оставался позади; мы какъ будто покидали его, бѣжали, и по мѣрѣ того, какъ уносили насъ лошади отъ дома,—настроенія дня покидали насъ, мы тѣснѣй прижимались другъ къ другу, и руки наши какъ-то сами собой соединялись. Мы долго не разговаривали. Наконецъ, Анна Николаевна, въ какомъ-то психическомъ изнеможеніи откидываясь головой на спинку сидѣнья, проговорила, повторяя свою знакомую уже мнѣ просьбу:

— Увези меня отсюда...

Въ эту минуту мнѣ показалось, что я измѣрилъ глубину своего чувства къ этой женщинѣ. Радостно и горячо припалъ я къ ея рукѣ. Я повторялъ:

— Отлично, я завтра же увезу тебя въ Парижъ!..

У подножія Салева мы нашли небольшую гостинницу и рѣшили, прежде чѣмъ возвращаться назадъ, отдохнуть въ ней часокъ. Отпустивъ на это время извозчика, мы поднялись во второй этажъ, въ небольшую уютную комнату, которую и предложила намъ занять пока толстая швейцарка. Заказавъ бутылку вина и сыру, мы снова остались одни.

Комната имѣла одно окно, довольно большое. Оно выходило на долину и чрезъ него мы увидѣли яркую картину вечера... Горячее огненно-красное солнце, въ клочкахъ дымныхъ облаковъ, бросало намъ въ лицо послѣдніе лучи, но глубина долины, засыпанная снѣгомъ, тонула въ густой, синеватой тѣни...

— Итакъ, послѣ завтра мы будемъ въ Парижѣ...—задумчиво говорила Анна Николаевна, — и тогда, можетъ быть, — прощай, Женева!.. Вѣдь мы можемъ ужъ и не вернуться сюда!

— Конечно,—согласился я,—ничто не держитъ насъ здѣсь... Громченко, по крайней мѣрѣ, особенной надобности въ моемъ присутствіи здѣсь сейчасъ не видитъ, и какъ-то говорилъ мнѣ: „Пожалуй, если хотите, можете посидѣть въ Парижѣ, сколько хотите... Здѣсь я самъ справлюсь!“

— Мы поселимся гдѣ-либо на окраинѣ!—размечталась Анна Николаевна:—не люблю я вѣчно-праздничной и праздной сутолоки центровъ Парижа. Не люблю того легкаго, смѣющагося отношенія къ жизни, которымъ такъ блещутъ его бульвары; но я знаю, что и въ Парижѣ можно найти тихіе уголки, гдѣ жизнь течетъ, не заглушая своей простоты и серьезности... Я вѣдь уже живала тамъ, не подолгу, но живала... Мы наймемъ квартирку гдѣ-либо въ районѣ парка Monsouris... Тамъ отлично. Три комнаты для насъ достаточно. Я сама буду хозяйничать, стряпать... пока...

Сказавъ „пока“, она запнулась, улыбнулась и не окончила. Но я угадалъ значеніе этого „пока“. Мнѣ захотѣлось крѣпко обнять ее и силой вырвать признаніе факта, почему-то скрываемаго до сихъ поръ отъ меня. Я не сдѣлалъ этого, такъ какъ вошла хозяйка съ виномъ, хлѣбомъ и сыромъ. Поставивъ все это на столъ и пожелавъ намъ хорошаго аппетита, она удалилась.

Я поглядѣлъ въ окно. Солнце уже потонуло за смутными очертаніями горной гряды... Мы выпили вина. Анна Николаевна очень скоро почувствовала себя бодрѣе и стала шутить, вспомнивъ, какъ я „поднялся на дыбы“, когда тронули мои „энергію и вѣру“!.. Затѣмъ, нѣсколько возбуждаясь, она вдругъ серьезно спросила:

— Какое впечатлѣніе произвело на тебя мое недавнее признаніе, что я ревнива?

Я хотѣлъ избавиться отъ возбужденія этого вопроса лаской, но она, хотя мы впали оба въ очень острое интимное настроеніе, все же выговорила:

— Не кажется ли тебѣ, что я изъ ревности рѣшила теперь сопровождать тебя?!

На это я отвѣтилъ, что менѣе всего такъ объясняю себѣ это обстоятельство, и дѣйствительно, ея „признанію" я не удѣлялъ еще никакого вниманія, и я смѣялся:

— Кромѣ того, твоя ревность для меня и сейчасъ, хотя ты упорно хочешь говорить о ней, подлежитъ большому сомнѣнію...

— Нѣтъ... я ревнива... Я, напримѣръ, не могла видѣть, какъ... Митрова тебѣ подаетъ свою руку... Не знаю,—въ ея пожатіи мнѣ чуялось что-то особенное!

Конецъ этого потонулъ въ безумномъ взрывѣ неподдѣльнаго чувства съ обѣихъ сторонъ... Но этотъ часъ оказался слишкомъ коротокъ...

Назадъ мы поѣхали очень быстро. Дорога шла все внизъ. Было темно, небо заволоклось тучами... Навстрѣчу въ окнахъ кареты опять мелькали смутныя тѣни деревьевъ... Они казались призраками, радостно протягивающими къ намъ руки, какъ бы привѣтствуя наше возвращеніе...

— Вотъ, если бы можно было такъ ѣхать, ѣхать и проѣхать... уже не возвращаться... туда!—вся приникнувъ ко мнѣ, шопотомъ говорила Анна Николаевна; слово „туда" вырвалось у нея какимъ-то большимъ, насыщеннымъ всякими муками, звукомъ.

Мнѣ тоже хотѣлось, не заѣзжая „туда", уже двигаться къ Парижу... Несмотря на то, что, по внѣшности, вопросъ былъ рѣшенъ, одно обстоятельство не давало мнѣ успокоиться. Я думалъ: „Почему она все-таки не говоритъ мнѣ о томъ, что беременна?!.."

Карета остановилась у нашей дачки. Мы вышли. Пока я расплачивался, Анна Николаевна подняла голову вверхъ и что-то будто ловила рукой...

Шелъ сухой, мелкій снѣгъ...

Въ садикѣ, среди уснувшихъ розъ, Анна Николаевна тихо проговорила:

— Скажи тотъ... чей-то стихъ въ переводѣ Полонскаго,— помнишь?..

Я мгновенно вспомнилъ и повторилъ:

„Ночь смотритъ тысячами глазъ“!..

Анна Николаевна меня остановила:

— Да, да... такъ! Но ночь даже не всегда „смотритъ“!.. Вотъ эта ночь, она—гляди—какая-то совсѣмъ безглазая, страшная, мертвящая!..

Она глядѣла въ снѣжныя тучи и добавила:

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!

И эти слова я помнилъ,—именно такъ она меня пригласила идти съ ней въ ту далеко ушедшую къ безднамъ забвенія лунную ночь на Route des Acacias.

XXIX.—Das Schicksal.

Мы почти не спали. Съ вечера мы начали спѣшно готовиться къ отъѣзду и провозились до поздней ночи. Анна Николаевна быстро приводила все въ порядокъ и укладывалась. Но странное у нея при этомъ было лицо. На немъ не было никакихъ признаковъ той озабоченности, которая является всегда у внезапно отъѣзжающаго.

Анна Николаевна работала и какъ будто думала о чемъ-то иномъ, а не о своей поѣздкѣ въ Парижъ.

Когда, послѣ всѣхъ приготовленій, я хотѣлъ уйти къ себѣ, она меня остановила:

— Не находишь ли ты, что мы похожи на двухъ „бѣглецовъ“?..

— Оставь это!—шутя прикрикнулъ я на нее, но у самого меня еще съ бо́льшимъ безпокойствомъ зашевелилось все то же, прежнее.

— Ты къ себѣ?.. Останься здѣсь!.. — опустивъ голову и слабо, застѣнчиво улыбаясь, проговорила она и взяла меня за руку.

— Я не хочу быть эту ночь одна!..

Потушивъ лампу, мы еще долго бесѣдовали. Между прочимъ, Анна Николаевна опять вернулась къ своей „ревности“ и сказала:

— Вотъ когда ледяная струйка этого противнаго чувства мнѣ проникла въ душу, у меня явилось то важное рѣшеніе, о которомъ я заговорила-было на кладбищѣ и которое такъ и осталось невыполненнымъ... Кому-кому, а себѣ-то ужъ я ни въ

чемъ не дамъ спуску!.. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не давала...

Утромъ я всталъ въ очень бодромъ настроеніи, несмотря на то, что спалъ въ сущности очень немного. Я энергично принялся за чемоданы, и скоро квартира наша приняла хаотическій видъ надолго покидаемаго мѣста.

Анна Николаевна уже ни къ чему не прикасалась. Она ходила около меня, улыбалась, мы изрѣдка перекидывались фразами:

— Сколько времени ѣзды до Парижа?

— Около сутокъ.

— Значитъ, завтра уже тамъ!

— Тамъ...

Затѣмъ я снова принимался за чемоданы, пока она опять не подходила ко мнѣ и говорила:

— У тебя сейчасъ такой оживленный видъ... Вчера утромъ ты былъ почти равнодушенъ къ Парижу, а теперь входишь во вкусъ предстоящей поѣздки?

— Конечно. Сейчасъ мы поѣдемъ вдвоемъ! Это многое мѣняетъ. Я не былъ бы спокоенъ, оставляя тебя здѣсь...

— Почему?

— Откровенно—я не вѣрю, чтобы Гордѣевы оставили тебя въ покоѣ... Почему они не уѣзжаютъ?

— Мало ли что̀ можетъ быть у нихъ!..

Я начиналъ складывать свои рукописи и продолжалъ:

— Но разъ мы ѣдемъ вдвоемъ, это—совсѣмъ другое дѣло! Я могу свободно отдаться своему интересу къ Парижу... Этотъ городъ властно тянетъ меня къ себѣ...

Анна Николаевна не отходила и спросила:

— У тебя есть кто-либо въ Парижѣ изъ своихъ?

— Никого. Абсолютно.

— Ну, это слишкомъ! — Она разсмѣялась и добавила: — Вспомни хорошенько!

Я сталъ вспоминать и опять рѣшительно подтвердилъ:

— Никого.

— А Ванька, а Митрова?.. Ты ихъ не считаешь?

— Ахъ, они!..—Мнѣ стало немного неловко.—Объ нихъ я забылъ...

Я оглядѣлъ чемоданы.

— Ну, кажется, все готово!.. Можно сходить и за фіакромъ.

— Да, пора—иди!.. Я тоже стану одѣваться.

За фіакромъ мнѣ пришлось отправиться очень далеко. По дорогѣ меня нагналъ Клабушинскій.

— Слушайте,—началъ онъ меня убѣждать,—нужно вамъ довести дѣло съ Мордовскимъ до конца!

— Какъ это?

— Да такъ, нужно еще разъ будетъ публикѣ собраться и обсудить эти инциденты, право!.. Вѣдь какъ-ни-какъ, а, напримѣръ, Гордѣевъ тогда на собраніи подалъ отдѣльное мнѣніе, весьма обидное для васъ... Хотите, я отъ вашего имени предложу ему судъ чести? Вѣдь нужно же знать: какія такія основанія у него были тогда признать ваши дѣйствія „не вполнѣ безупречными“?

Я съ любопытствомъ поглядѣлъ на этого маньяка и коротко отвѣтилъ:

— Ну, на всякое чиханье не наздравствуешься!

Онъ сталъ повторять всѣ свои прежніе доводы, стараясь переубѣдить меня. Я уже садился въ нанятую карету, а онъ стоялъ сзади и говорилъ:

— Вы подумайте!

— Полно, голубчикъ, я ужъ думалъ, а сейчасъ я долженъ уѣхать въ Парижъ.

— Сейчасъ?!.. Въ Парижъ!!.. Отложите!

Я расхохотался и поѣхалъ къ дому.

Велѣвъ кучеру ждать, я безъ всякой тревоги взбѣжалъ къ намъ. Мое сердце затрепетало въ словѣ:

— Ѣдемъ!

Я его произнесъ въ дверяхъ и замолкъ, остановился, словно бы у меня сердце перестало биться.

Я увидѣлъ блѣдную, совсѣмъ помертвѣлую Анну Николаевну; она стояла, а передъ ней сидѣлъ больной Гордѣевъ. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ, молчалъ и только улыбался печально-безсмысленной улыбкой слабоумнаго...

Онъ не сводилъ своихъ глазъ съ Анны Николаевны.

Когда я черезъ мгновеніе пришелъ въ себя и подошелъ къ Гордѣеву поздороваться, онъ протянулъ мнѣ руку, но взглядъ его шелъ въ прежнемъ направленіи. Я отошелъ.

— Вы уже завтракали?—спросила Анна Николаевна.

Гордѣевъ въ отвѣтъ закивалъ головой часто-часто и проговорилъ скороговоркой:

— Да, да... я съѣлъ бифштексъ, курицу, жаренаго поросенка, саладъ, селедку, горчицу...

Онъ бы не остановился, перечисляя кушанья. Анна Николаевна прервала это menu, положивъ руку ему на плечо.

— Хорошо, хорошо.

Гордѣевъ умолкъ и все смотрѣлъ на нее глазами довольнаго идіота.

Я прошелъ къ себѣ. За мной тихо пошла и Анна Николаевна. Взглядъ ея былъ сосредоточенный.

— Кто привелъ его?—спросилъ я.

— Не знаю. Сюда онъ самъ пришелъ, но до лѣстницы его должны были довести... Впрочемъ, дѣло вѣдь не въ этомъ...

Она остановилась, подумала.

— Ты видѣлъ его?!.. Ужасное состояніе!..

Бросивъ мнѣ взглядъ, котораго я не забуду, она коротко заключила:

— Сейчасъ я не могу ѣхать...

— Но вѣдь это глупо!..

Я впадалъ въ бѣшенство, но мгновенно успокоился, взглянувъ въ лицо Анны Николаевны. Она продолжала, какъ будто не слышала моей послѣдней фразы:

— Но ты поѣдешь, это *тебя* не должно задерживать... Я устроюсь какъ-нибудь съ этимъ, и тогда отправлюсь слѣдомъ къ тебѣ.

— Нѣтъ, ужъ лучше я останусь, отложу свой отъѣздъ! — рѣшилъ я и двинулся, чтобы пойти и отпустить извозчика.

— Ради всего, что̀ насъ связываетъ, поѣзжай!—Она взяла мои руки въ свои, потомъ вдругъ упала мнѣ на грудь и замерла тамъ... Это длилось секунды, онѣ прошли, она выпрямилась, крѣпко сжала опять мои руки, выпустила ихъ...

— Поѣзжай же!.. Поѣзжай! Такъ мнѣ легче будетъ! Я не допущу, чтобы ты остался изъ-за этого!

И я понялъ, что она не допуститъ.

Я взялъ только свой чемоданъ и, не взглянувъ на потерявшаго свѣтъ разума человѣка, молчаливо сидѣвшаго на прежнемъ мѣстѣ, вышелъ. Передъ тѣмъ какъ сѣсть въ фіакръ, я обернулся къ балкону. За его дверью я увидѣлъ почти бѣлое лицо... Я поднялъ шляпу... Я привѣтствовалъ трупъ своей первой любви... Фіакръ покатился; я иногда выглядывалъ изъ него и видѣлъ передъ собой только улыбнувшееся каменное, страшное лицо!..

На вокзалѣ я нашелъ Громченка. Прежде всего онъ мнѣ, торжествуя, сообщилъ:

— А вѣдь г-жа Кудрявая тоже съ нами!

Каменное лицо опять явилось передо мной и еще болѣе расширило ротъ для своей каменной улыбки.

Громченко же тараторилъ:

— Въ самый послѣдній моментъ навязалась ѣхать,—пойми бабу!..

Скоро я увидѣлъ и Кудрявую. Она улыбалась, очень довольная. Громченко пошелъ за билетами, а она мнѣ шепнула:

— Не ожидали меня имѣть спутницей? Не хочу я васъ отпустить въ Парижъ однихъ... Оба вы еще птенцы, по-моему, не оперенные, и глазъ за вами нуженъ, глазъ и всякая забота... Можетъ быть, изъ десяти моихъ словъ одно вы и услышите!

Скоро мы усѣлись въ вагонъ. Поѣздъ тронулся; мелькнула Женева вдали и пропала. Нитка снѣга въ окнахъ, деревья, вотъ на холмѣ домикъ, опять снѣгъ... Громченко съ Кудрявой ссорились по-русски рядомъ со мной, а напротивъ сидѣли два буржуазныхъ типа, одинъ пожилой, другой помоложе... Они тихо по-французски бесѣдовали.

— Отчего вы не взяли съ собой Анну Николаевну?—спросила у меня Кудрявая, когда поѣздъ помчался по снѣжной долинѣ.

— Не могъ.

— А вѣдь ей, вѣроятно, скучно будетъ?..

— Анна Николаевна не умѣетъ скучать.

— Странно, я ее считала чувствительнымъ, привязчивымъ человѣкомъ.

— Вы считали и ошиблись,—она не чувствительна и не привязчива.

Кудрявая посмотрѣла на меня во всѣ глаза и съ нѣкоторой робостью уже спросила:

— Какъ это вы такъ говорите о своей женѣ?..

— Она не жена мнѣ.

Здѣсь и Громченко довольно подозрительно взглянулъ на меня и вмѣшался въ разговоръ:

— Чортъ!.. Чья же тогда она жена? Не моя же!

— Не ваша. Она—жена... мертвеца...

Громченко расхохотался, а Кудрявая приняла мой отвѣтъ въ серьёзъ и сказала нѣсколько обиженно:

— Что за предразсудки!.. Наконецъ, если вы придаете значеніе формальностямъ,—обвѣнчайтесь! Попы вездѣ есть!..

— Не могу.

— А!.. Нужнаго документа о смерти перваго мужа Анна Николаевна не имѣетъ!

— Именно.

Разговоръ пресѣкся. Поѣздъ сталъ.

Громченко вышелъ на минуту. Кудрявая подвинулась ко мнѣ и, продолжая прерванную бесѣду, сказала:

— Вамъ однако уже скучно?

— Очень.

Она участливо поглядѣла на меня и спросила:

— Не хотите ли немного вина,—давайте, выпьемъ!

Я движеніемъ головы отклонилъ это предложеніе, но она тѣмъ не менѣе достала изъ своей дорожной корзинки бутылку и налила мнѣ стаканъ.

— Выпейте! выпейте! А потомъ и я... Отъ васъ вѣетъ не то тоской, не то скукой, такъ что и мнѣ не по себѣ вдругъ стало.

Я выпилъ, выпила и она. На это какъ разъ явился Громченко.

— Недурно! Стоило мужу за дверь, а женушка уже друга... начинаетъ... ха-ха!.. припаивать, прикармливать!.. Ну, раздвиньтесь, безстыдники!..

Съ видомъ оскорбленнаго мужа, вращая глазами и смѣясь, онъ усѣлся между нами.

XXX.—„Въ Парижъ!“

Уже болѣе недѣли мы были въ Парижѣ.

Погода была все время чудная, почти весенняя. Парижъ имѣлъ веселый видъ. Его улицы были полны жизни.

Мы поселились въ небольшой гостинницѣ, въ центрѣ Латинскаго квартала, занявъ два смежныхъ номера.

Громченко бѣгалъ, я не выходилъ цѣлыми днями. Я съ тревогой ждалъ окончательныхъ извѣстій, изъ Женевы. Я зналъ, что это будутъ окончательныя извѣстія, и, словно бы боясь прозѣвать ихъ полученіе, въ большомъ душевномъ напряженіи подстерегалъ я этотъ роковой часъ, цѣлыми днями шагая по неуютной, душной комнатѣ.

— Не понимаю я васъ,—говорила мнѣ Кудрявая, изрѣдка забѣгая ко мнѣ:—ну, развѣ можно пріѣхать въ Парижъ и запереться въ четырехъ стѣнахъ?!

Громченко ничего не говорилъ; онъ эти дни меня не замѣчалъ вовсе, былъ чѣмъ-то занятъ; наконецъ, вечеромъ, въ концѣ седьмого дня по нашемъ пріѣздѣ, онъ зашелъ ко мнѣ. Видъ у него былъ неважный.

— Дрянь дѣлà!.. Здѣшняя публика къ намъ не очень благоволитъ. „Старички“ ее не очень дружелюбно въ отношеніи васъ настроили. Нечего дѣлать, придется выдумать что-либо экстренное.

Я поглядѣлъ на него, онъ продолжалъ:

— Разсчитывалъ я здѣсь группу сочувствующихъ состряпать—не выгораетъ, остается одинъ рессурсъ...

Онъ помялся, но такъ какъ я равнодушно гулялъ по номеру и репликъ ему не давалъ, то онъ, очевидно, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Придется, видно, вамъ въ сурьёзъ къ Митровой пойти... Я уже узналъ ея адресъ...

Онъ остановился и ждалъ.

— Зачѣмъ я пойду къ ней? — спросилъ я, не переставая шагать.

— Ну, извѣстно—зачѣмъ; намъ сейчасъ нужно франковъ пятьсотъ, чтобы концы съ концами свести... А потомъ намъ еще нужно тоже франковъ пятьсотъ на дальнѣйшее!

Я, не отвѣчая ему, молча пошелъ снова изъ одного угла въ другой. Громченко подождалъ, подождалъ и наконецъ не выдержалъ:

— Чортъ... да что̀ вы какъ маятникъ!?.. Говорите же наконецъ!..

— Къ Митровой я не пойду!..

Отъ такого разговора мой бѣдный пріятель чуть не подпрыгнулъ.

— Вы съ ума сошли!.. Намъ платить нужно!

Я улыбнулся и продолжалъ:

— Нужно. Какъ-нибудь натужимся и заплатимъ.

— А дальнѣйшее?

Голосъ Громченко совершенно упалъ.

— А дальнѣйшее мы будемъ обсуждать тогда, когда у насъ будутъ собственныя деньги: дѣло должно окупать себя; если оно не идетъ, значитъ, товаръ либо не ко времени, либо плохъ...

— Такъ, такъ!.. — пробормоталъ Громченко и медленно ушелъ отъ меня, не сказавъ больше ни слова. Онъ былъ обезкураженъ. Очень скоро послѣ этого мнѣ принесли открытку. Взявши ее въ руки, я будто замеръ всѣмъ существомъ въ ея двухъ строчкахъ:

„Третьяго дня А. Н. выѣхала въ Россію, сопровождая больного Гордѣева“.

Я ожидалъ такого конца, и тѣмъ не менѣе предчувствіе оказалось ничѣмъ въ сравненіи съ чувствомъ, когда фактъ сталъ передо мной въ своей неотъемлемой полной силѣ. Очень не скоро привелъ я свою мысль въ движеніе, и только тогда, когда замѣтилъ, что открытка никѣмъ не подписана.

Кто поспѣшилъ меня увѣдомить—этимъ я не интересовался, но—думалъ я—почему она мнѣ сама ничего не написала?

И ко всему, что̀ нахлынуло на меня, я почувствовалъ себя еще безконечно оскорбленнымъ...

Тогда, вотъ, я выглянулъ на улицу черезъ окно и увидѣлъ море вечернихъ огней, море вспышекъ той гигантской жизни, имя которой—Парижъ...

„На улицу!..“—загремѣло въ моемъ сознаніи, и я отошелъ отъ окна. Но выйти я не успѣлъ. Кто-то стукнулъ въ мою дверь.

— Войдите!

Дверь отворилась, и на порогѣ появилась фигура Митровой.

— Виноватъ, нельзя... Я думалъ, Громченко стучится!—извинился я, торопливо разыскивая и надѣвая пиджакъ. Но Митрова вошла ко мнѣ раньше, чѣмъ я это успѣлъ сдѣлать.

Мы поздоровались; она сѣла, не снимая широкополой богатой шляпы, и проговорила:

— Хорошъ! пріѣхалъ и какъ давно, а глазъ не кажетъ!..

Я молча подалъ ей полученную открытку. Она прочла безъ малѣйшаго удивленія, потомъ отшвырнула отъ себя письмо, проговоривъ:

— Какая низость!.. Вѣдь у меня по этому поводу есть къ вамъ письмо отъ самой Анны Николаевны... Я поэтому и разыскала васъ.

Она торопливо достала и подала мнѣ небольшое письмецо. Я какъ-то машинально развернулъ его и сталъ читать почему-то вслухъ:

„Прости. Есть вещи сильнѣй любви и повелительнѣй жажды личной жизни“.

На столѣ стояла свѣчка. Она тускло горѣла. Читая, я невольно слишкомъ близко приблизилъ бумагу къ пламени, бумага занялась...

Я не сталъ тушить,—у меня не было силы дальше читать, и письмо быстро сгорѣло до уголка, зажатаго въ моихъ пальцахъ. Этотъ уголокъ я отшвырнулъ, и тогда только замѣтилъ, что лицо Митровой было опущено на руки, и перья ея шляпы вздрагивали...

И опять я пошелъ изъ угла въ уголъ, пока наконецъ не услышалъ голоса успокоившейся Митровой...

— Пойдемъ на улицу,—тамъ лучше, легче!..

Я посмотрѣлъ на нее. Глаза ея были еще влажны, но она уже не плакала. Я взялъ свою шляпу, и мы пошли.

Спускаясь по лѣстницѣ, я вспомнилъ про Ваньку и спросилъ:

— Гдѣ Ванька?

Митрова остановилась на ступенькѣ, повыше меня.

— Убѣжалъ окончательно... Побилъ меня и убѣжалъ! Чего вы такъ глядите? Ей Богу же, побилъ! И убѣжалъ!.. Ей Богу...

Она весело разсмѣялась.

Мы вышли на бульваръ... Было темно, на увлаженномъ отъ начавшагося дождя асфальтѣ трепетали огни фонарей и смутно колебались тѣни шумно двигавшихся взадъ и впередъ людей...

— Кто это, кто это поторопился извѣстить васъ?—говорила Митрова, идя рядомъ со мной.—Анна Николаевна прислала мнѣ цѣлую инструкцію, какъ сообщить вамъ, какъ передать письмо, и все это... пропало!.. Пропало!

Я ее перебилъ.

— Хотите—заключимъ условіе?..

— Какое?

— Вы не говорите про Анну Николаевну мнѣ, а я буду молчать...

— О Ванькѣ?—живо подхватила Митрова, и снова залилась хохотомъ.—Вторая часть условія не принята!.. Куда мы идемъ?

— Въ Парижъ!..

Ив. Емельянченко.

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СТАСОВЪ

Очеркъ жизни его и дѣятельности.

XVI *).

Теперь намъ предстоитъ охарактеризовать взглядъ и дѣятельность Стасова по отношенію къ тому искусству, которое, по мѣткому замѣчанію Тэна, является по преимуществу искусствомъ XIX-го вѣка. Оно пользовалось вмѣстѣ съ тѣмъ и предпочтительной любовью Стасова. Ему онъ служилъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ остальнымъ. Искусство это—музыка.

Русская музыкальная школа зародилась не на глазахъ Стасова. Оперы Глинки „Жизнь за Царя“ и „Русланъ и Людмила“ были уже написаны, когда Стасовъ въ 1849-мъ году познакомился съ ихъ авторомъ. Но онъ одинъ изъ первыхъ вполнѣ сознал громадное значеніе Глинки для русской музыки. Онъ первый послѣ смерти Глинки (въ 1857 г., 3 февраля) въ томъ же году написалъ и напечаталъ его біографію, въ которой впервые явились на свѣтъ въ извлеченіяхъ воспоминанія самого Глинки, и первый разъяснилъ нашему инертному обществу значеніе его музыки. Вопреки неуспѣху въ 40-хъ и 50-хъ годахъ „Руслана“ и господствовавшимъ не только среди публики, но и знатоковъ-музыкантовъ, неблагопріятнымъ для этой оперы мнѣніямъ, какъ,

*) См. выше: мартъ, стр. 191.

напримѣръ, что „Русланъ“—un opéra manqué, по выраженію графа Віельгорскаго, что это—„неперебродившее пиво“, по замѣчанію Брюллова, или что эта опера ниже „Жизни за Царя“, по оцѣнкѣ Сѣрова,—Стасовъ настаивалъ, что „Русланъ“ и есть наивысшее созданіе Глинки, что именно это есть наша „національная гордость, что именно это должно быть завѣтной скрижалью русской музыкальной школы. Такой взглядъ на первыхъ же порахъ особенно горячо отстаивалъ онъ въ письмѣ въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ за 1859 г., характерно озаглавивъ это письмо: „Мученица нашего времени“. Насколько великъ былъ Глинка, по оцѣнкѣ Стасова, какъ лирикъ и эпикъ, настолько же великъ былъ его современникъ—Даргомыжскій, какъ драматикъ, дополняя этимъ Глинку и завершая, такимъ образомъ, починъ русскаго музыкальнаго самобытнаго творчества. Въ Даргомыжскомъ Стасовъ высоко ставилъ, главнымъ образомъ, его реализмъ, жизненность его оперныхъ типовъ, необычайную правдивость и выразительность его вокальнаго, декламаціоннаго стиля, совершенно новаго въ этомъ видѣ не только у насъ, но и вообще въ исторіи музыки. Громадное значеніе поэтому Стасовъ придавалъ послѣдней оперѣ Даргомыжскаго, которую онъ дописывалъ на смертномъ одрѣ и несовсѣмъ окончилъ, — а именно „Каменному Гостю“. „Каменный Гость“ былъ въ глазахъ Стасова второю завѣтною скрижалью для русской музыки, и это мнѣніе свое ему пришлось защищать и отстаивать отъ нападокъ еще болѣе, чѣмъ нападки на „Руслана“. Многіе самые интимные друзья его изъ музыкантовъ не раздѣляли полностью его увлеченія „Каменнымъ Гостемъ“, но онъ, какъ всегда, былъ упоренъ, и своему убѣжденію остался вѣренъ всю жизнь. Лично зная Даргомыжскаго съ 1855 по 1869 г., онъ могъ многое порассказать о немъ, и обѣщалъ сдѣлать это, но на этотъ разъ въ видѣ исключенія, къ сожалѣнію, не исполнилъ обѣщанія, а только, по приглашенію журнала „Русская Старина“, привелъ въ порядокъ доставленныя редакціей этого журнала письма Даргомыжскаго къ его другу, гр. В. Г. Кастріото-Скандербеку, присоединилъ къ нимъ еще серію писемъ Даргомыжскаго, собранныхъ имъ, и написалъ къ напечатанной затѣмъ перепискѣ Даргомыжскаго предисловіе. Почти одновременно съ Даргомыжскимъ Стасовъ познакомился и съ Балакиревымъ. Это случилось въ 1855 году, у Улыбышева, куда Стасова привелъ Сѣровъ. Балакиревъ тогда только-что пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Нижняго-Новгорода. Талантливый восемнадцатилѣтній юноша піанистъ и уже композиторъ, которому Глинка предрекалъ большую будущ-

ность, произвелъ на Стасова сильное впечатлѣніе, но еще больше поразило Стасова національное направленіе музыкальныхъ вкусовъ Балакирева. По словамъ Стасова, Балакиревъ „со страстью и энтузіазмомъ любилъ оперы Глинки, и отводилъ имъ, въ своемъ понятіи, такое высокое мѣсто, какого почти никто въ нашемъ отечествѣ тогда еще не смѣлъ отводить имъ" [1]). Это направленіе Балакирева выразилось тогда же въ первыхъ его сочиненіяхъ для фортепіано, въ „фантазіи на русскія темы" и въ фантазіи на тріо изъ „Жизни за Царя" — „Не томи, родимый". Они „главнымъ образомъ и плѣнили" Стасова. Скоро Балакиревъ сдѣлался центромъ кружка молодыхъ музыкантовъ, раздѣлявшихъ его энтузіазмъ къ Глинкѣ и Даргомыжскому. Въ концѣ 50-хъ годовъ Балакиревскій кружокъ состоялъ всего, кромѣ него самого, изъ Кюи и Мусоргскаго, но въ 60-хъ годахъ онъ увеличился еще новыми товарищами—Римскимъ-Корсаковымъ и Бородинымъ. Стасовъ сейчасъ же оцѣнилъ молодые таланты, горячо полюбилъ кружокъ и сталъ бывать на всѣхъ его сборищахъ, сталъ жить съ нимъ одною жизнью. Онъ заинтересовалъ молодыми талантами и Даргомыжскаго. Подобно Глинкѣ, напутствовавшему главу кружка Балакирева на служеніе русскому искусству, съ большимъ сочувствіемъ къ талантамъ и музыкальному направленію членовъ кружка относился въ послѣдніе годы своей жизни и Даргомыжскій. Онъ зналъ, съ какимъ напряженнымъ интересомъ слѣдили молодые его сотоварищи за сочиняемымъ имъ тогда „Каменнымъ Гостемъ", и это удвоивало его энергію въ сочиненіи. Оно еще не вполнѣ было закончено, а онъ уже собиралъ у себя своихъ друзей, для вокальныхъ пробъ написаннаго. Сохранилась одна такая записка его къ Стасову (отъ 14-го ноября 1868 г.), приглашающая его, и, вѣроятно, не только его одного, на такую пробу или репетицію „Каменнаго Гостя". „Каменный Гость" распѣвается у меня завтра, въ пятницу",—пишетъ Даргомыжскій,—

„И я съ перваго маху
Даю знать о томъ Баху".

Стасовъ увлекался тогда Бахомъ, и товарищи дали ему прозвище „Баха". Подлинникъ этой записки отданъ былъ Стасовымъ въ Публичную Библіотеку, гдѣ и сохраняется.

Симпатіи Стасова къ кружку не были платоническими. Онъ сослужилъ ему не малую службу, сдѣлавшись его апостоломъ,

---

[1]) Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. Соч., т. I, стр. 670.

глашатаемъ его идей въ печати, разъяснителемъ значенія его творческой дѣятельности, раздѣляя эту послѣднюю роль только развѣ съ Кюи, другимъ, не менѣе ревностнымъ поборникомъ и защитникомъ кружка въ печати. Горячія, яркія статьи Стасова возбудили вообще въ обществѣ—и въ музыкальномъ мірѣ въ особенности—большое движеніе и споры, отразившіеся въ печати. Возбудилась полемика. Стасову пришлось на нее затратить много энергіи и таланта. Онъ не жалѣлъ ни того, ни другого. Одну изъ своихъ статей, „Славянскій концертъ Балакирева" [1]), написанную о концертѣ, составленномъ изъ произведеній Глинки („Камаринская"), Даргомыжскаго („Казачокъ"), Римскаго-Корсакова („Сербская фантазія"), Балакирева („Чешская увертюра") и данномъ въ честь пріѣхавшихъ тогда въ Петербургъ славянскихъ гостей, Стасовъ кончалъ такимъ пожеланіемъ по ихъ адресу: „Дай Богъ, чтобы они навсегда сохранили воспоминаніе о томъ, сколько поэзіи, чувства, таланта и умѣнья есть у маленькой, но уже могучей кучки русскихъ музыкантовъ". Послѣднія, оброненныя Стасовымъ, слова о „могучей кучкѣ" были подхвачены въ печати Сѣровымъ и другими, и были обращены въ презрительное прозвище Балакиревскаго кружка „могучая кучка", надолго потомъ удержавшееся за кружкомъ предпочтительно передъ названіемъ Кюи „Новая Русская Музыкальная Школа", получившимъ болѣе широкое примѣненіе лишь впослѣдствіи. Ожесточенная полемика, которую вели Стасовъ и Кюи съ тогдашней музыкальной критикой, во главѣ съ Сѣровымъ—вагнеріанцемъ, а подъ-конецъ жизни—даже итальяноманомъ, называвшимъ Стасова „предводителемъ русланистовъ", получила довольно широкую извѣстность, и слово „кучкистъ" стало въ устахъ противниковъ кружка ругательнымъ, а въ устахъ его приверженцевъ—хвалебнымъ. Насколько эта полемика была ожесточенной, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и тотъ, первый въ Россіи по времени, судебный музыкальный процессъ, который былъ вызванъ другой статьей Стасова, „Музыкальные лгуны", написанной противъ ретроградовъ-нѣмцевъ, хотя, иногда, и не-нѣмцевъ по рожденію, по поводу вынужденнаго ухода Балакирева изъ дирижеровъ симфоническихъ концертовъ „Русскаго Музыкальнаго Общества". За эту статью одинъ изъ упомянутыхъ въ ней „музыкальныхъ лгуновъ", издатель журнала „Музыкальный Сезонъ" и профессоръ консерваторіи, Фаминцынъ, привлекъ Стасова къ суду за клевету на него. Обвиненіе въ клеветѣ судъ отвергъ, такъ какъ обнаружи-

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1867 г., № 130.

лось, что „Стасовъ всему имъ высказанному представилъ доказательства", но зато нашелъ его виновнымъ въ напечатаніи „отзыва, заключающаго въ себѣ брань", и въ концѣ концовъ приговорилъ его къ штрафу въ 25 рублей и домашнему аресту на семь дней. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ и въ высшихъ инстанціяхъ вплоть до уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, куда Стасовъ приносилъ жалобу. Впослѣдствіи Стасовъ, вспоминая объ этомъ въ своей автобіографіи, такъ укорялъ своихъ однокашниковъ-правовѣдовъ за такое судебное рѣшеніе: „Только-то вы и научились широкаго, свѣтлаго и глубокаго въ нашемъ училищѣ, что, дескать, пусть только бы „словъ непріятныхъ" не появлялось, а на дѣлѣ пусть ты сто разъ правъ—это все равно, но ты долженъ быть наказанъ. О, формалисты закоренѣлые! Да для пріобрѣтенія такихъ прекрасныхъ результатовъ не стоило въ училище правовѣдѣнія и ходить. Вѣдь такъ, точь-въ-точь такъ, какъ вы нынче, подумалъ и разсудилъ бы любой старинный законникъ изъ покойной управы благочинія сотню лѣтъ тому назадъ".

Упомянутая статья была только однимъ изъ симптомовъ неустанной борьбы Стасова противъ консерваторій—этой, по его выраженію, „музыкальной чумы Западной Европы", борьбы противъ нѣмецкой консерваторской рутины и противъ насадившаго ее у насъ Антона Рубинштейна. Стасовъ былъ горячо убѣжденъ, что консерваторія вредны для музыкальнаго прогресса. Между прочимъ, также думалъ и Листъ, когда, познакомившись съ Бородинымъ, замѣтилъ, что какое счастье, что Бородинъ не былъ въ консерваторіи. Здѣсь дѣятельность и взгляды Стасова совершенно аналогичны тѣмъ, которые онъ проявлялъ по отношенію къ рутинѣ, царившей въ Академіи Художествъ, о чемъ у насъ была рѣчь ранѣе.

Когда Антонъ Рубинштейнъ, собираясь основывать Консерваторію, помѣстилъ въ „Вѣкѣ" 1861 г., № 1, статью „О музыкѣ въ Россіи", съ цѣлью подготовить общественное мнѣніе въ пользу осуществленія своей идеи, Стасовъ напечаталъ статью „Консерваторіи въ Россіи", гдѣ высказывался о вредѣ консерваторій для развитія музыки. „Распложеніе, посредствомъ извѣстной приманки, количества музыкантовъ не есть еще двиганіе искусства впередъ", писалъ онъ здѣсь. „Нашимъ литераторамъ не давали ни званій, ни чиновъ, и, однакожъ, глубоко національная литература создалась и выросла у насъ. Такъ, безъ сомнѣнія, должно быть и съ музыкой. Внутренняя жизнь, внутреннее движеніе и развитіе здѣсь все"... „Можетъ статься, г. Рубинштейнъ не знаетъ

укоренившагося нынче въ большей части Европы мнѣнія, что академіи и консерваторіи служатъ только разсадникомъ бездарностей и способствуютъ утвержденію вредныхъ понятій и вкусовъ въ искусствѣ"... „*Высшія* заведенія для дѣла искусства совсѣмъ дѣло другое, чѣмъ высшія заведенія въ дѣлѣ науки"... „Университетъ и консерваторія—вещи совершенно разныя. Первый сообщаетъ только *знаніе;* вторая этимъ не хочетъ довольствоваться и вмѣшивается самымъ вреднымъ образомъ въ *творчество* воспитывающагося художника, простираетъ деспотическую власть (отъ которой ничто не можетъ его защитить) на складъ и форму его произведеній, старается дать имъ свое направленіе, вогнать ихъ въ извѣстную академическую мѣрку, передать имъ свои извѣстныя привычки, и, наконецъ, что всего хуже, запускаетъ когти и въ самое понятіе юнаго художника, навязываетъ ему мнѣнія о художественныхъ произведеніяхъ и ихъ авторахъ, отъ которыхъ впослѣдствіи невозможно или безконечно трудно отдѣлаться человѣку, который посвятилъ себя искусству". Своему мнѣнію Стасовъ остался вѣренъ всю свою жизнь и, двадцать лѣтъ спустя, въ статьѣ „Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства" видѣлъ подтвержденіе своего мнѣнія въ дѣйствительности.

Онъ не отрицалъ факта, что за это время консерваторіи многихъ научили музыкальной грамотѣ и выпустили изъ своихъ стѣнъ многихъ цеховыхъ музыкантовъ, владѣющихъ тѣмъ или другимъ инструментомъ, или голосомъ. „Но если имѣть въ виду музыкальный уровень, — писалъ онъ, — то нельзя не видѣть, что онъ ничуть не поднялся, что музыкальное образованіе не развилось, а только расплодилось у насъ огромное количество музыкальныхъ ремесленниковъ, имѣющихъ мало общаго съ искусствомъ, зараженныхъ консерваторскими вкусами и стоящихъ на очень низменной степени музыкальныхъ понятій. Самая банально-цеховая и самая талантливая музыка для нихъ безразличны, первая даже всегда для нихъ дороже и пріятнѣе второй. И вотъ такая-то музыкальная зараза широкимъ потокомъ распространяется по всей Россіи. Это ли еще выгода, это ли еще выигрышъ? Не лучше ли было бы, если бы у насъ вовсе такихъ „музыкантовъ" не было, не лучше ли было бы этимъ людямъ заниматься какимъ ни есть другимъ дѣломъ, оставивъ въ сторонѣ искусство, совершенно для нихъ чуждое?"

Эти взгляды Стасова консерваторская нѣмецкая партія энергично оспаривала, зачастую извращая его мнѣнія и приписывая Стасову мысль о ненужности музыкальнаго образованія, тогда какъ онъ въ сущности былъ всегда только противъ нѣмецкой

академической схоластики, рутины и застоя и, отстаивая музыкальный прогрессъ, желалъ, чтобы музыкальное образованіе въ Россіи было поставлено на національныя основы и на часто практическую почву. Вотъ почему онъ такъ горячо привѣтствовалъ основанную Г. Я. Ломакинымъ и М. А. Балакиревымъ въ 1862 году „Безплатную Музыкальную Школу" и ея концерты, въ которыхъ стали исполняться произведенія Глинки, Даргомыжскаго и молодыхъ композиторовъ Балакиревскаго кружка, а также произведенія мало тогда извѣстныхъ у насъ западныхъ композиторовъ, какъ Шуманъ, Берліозъ и Листъ. Вотъ почему онъ такъ горячо всегда защищалъ отъ нападокъ враждебнаго лагеря Ломакина-руководителя хора и Балакирева-дирижера оркестра. „Школа, которую основалъ недавно Г. Я. Ломакинъ,—писалъ Стасовъ по поводу первыхъ же концертовъ „Безплатной Музыкальной Школы", — такое явленіе, котораго у насъ никогда еще не бывало. Никто не думалъ о дѣйствительномъ музыкальномъ воспитаніи нашего народа, никто еще не раскрывалъ ему настежь двери, никто не посвятилъ ему своего времени и таланта. Но вотъ теперь существуетъ „Безплатная Музыкальная Школа"; въ нѣсколько мѣсяцевъ она уже въ состояніи давать такіе концерты, которые признаны всѣми за превосходные,—это факты, которыхъ не забудетъ исторія и которыхъ она никогда не смѣшаетъ съ множествомъ другихъ, ничтожныхъ или маловажныхъ музыкальныхъ явленій современности". Въ этой же статьѣ Стасовъ призываетъ заправилъ школы поставить дѣло широко, сдѣлать школу истинно народной. „Безплатная Ломакинская школа есть первая до сихъ поръ дѣйствительно русская музыкальная школа,—пишетъ онъ.— Чтобы выполнить все свое назначеніе, она должна сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ народною"... „Во сто разъ еще было бы лучше, если бы раздвинулись густые ряды кринолиновъ и фраковъ и выступили впередъ тѣ длиннополые сюртуки и сибирки, которые за ними прячутся"... „Какіе небывалые хоры, быть можетъ, появятся тогда и затмятъ даже все, что до сихъ поръ такъ талантливо собрано и создано Безплатною Школой! Пусть только она перестанетъ быть исключительно барскою, господскою".—Вотъ къ какимъ широкимъ горизонтамъ всеобщаго музыкальнаго обученія призывалъ Стасовъ еще въ 60-хъ годахъ. Онъ не переставалъ ратовать за эти идеи, постоянно стоялъ на стражѣ интересовъ „Безплатной Музыкальной Школы", не иначе какъ съ энтузіазмомъ отзываясь о блестящемъ дирижерскомъ дарованіи Балакирева, ея директора, и черезъ двадцать-пять лѣтъ существованія Школы

могъ снова привѣтствовать ее и подвести итоги ея дѣятельности за это время въ особой статьѣ.

Балакиревскій кружокъ съ самаго его возникновенія сдѣлался любимѣйшимъ и притягательнѣйшимъ музыкальнымъ центромъ для Стасова. Онъ душою слился съ товарищами, жилъ ихъ жизнью, зналъ всѣ ихъ планы и принималъ иногда въ концѣ 50-хъ годовъ даже дѣятельное участіе въ исполненіи на фортепіано въ восемь рукъ изучаемыхъ произведеній. М. А. Балакиревъ разсказывалъ, какъ въ первые же мѣсяцы знакомства съ нимъ Стасова на одномъ музыкальномъ собраніи еще у Глинки, жившаго тогда въ Эртелевомъ переулкѣ, въ квартирѣ, соединенной съ находящейся рядомъ квартирой его сестры, Л. И. Шестаковой, исполнялись въ восемь рукъ увертюры Глинки „Арраґонская Хота" и „Ночь въ Мадридѣ", переложенныя Сѣровымъ или В. П. Энгельгардтомъ. Балакиревъ игралъ вмѣстѣ съ Сѣровымъ, а за другимъ фортепіано сидѣли братья Дмитрій и Владиміръ Стасовы. Глинка расхаживалъ по большой комнатѣ въ четыре окна и дѣлалъ свои замѣчанія.

Стасовъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи музыкальной части на этихъ вечерахъ. По крайней мѣрѣ, это видно изъ одного письма къ нему Глинки, помѣченнаго 25 апрѣля безъ указанія года, но относящагося, по указанію Стасова, къ 1855 или 56 г.г. „Любезнѣйшій баринъ, Владиміръ Васильевичъ, — писалъ Глинка. — Во-вторникъ у насъ нѣчто въ родѣ ассамблеи—нельзя ли подзаготовить музыки? Было бы недурно—Леонова и Бокша будутъ. Вчера барыни у Н. С. Ѳедорова до того меня уходили, что я забылъ пригласить Сѣрова на обѣдъ. Потрудитесь навѣстить его—да и сами понатужьтесь; посмѣемся и покушаемъ вмѣстѣ. Въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта остаюсь любящій васъ М. Глинка.—25 апрѣля".

Впослѣдствіи когда кружокъ сформировался, расширился и обогатился такими превосходными піанистами и аккомпаніаторами, каковъ былъ Мусоргскій, Стасовъ пересталъ участвовать въ музыкальномъ исполненіи, но почти всегда присутствовалъ на собраніяхъ кружка. Онъ участвовалъ въ обсужденіи музыкальныхъ проектовъ товарищей, высказывалъ свои мнѣнія объ исполняемыхъ сочиненіяхъ ихъ, подавалъ совѣты и часто давалъ идеи и сюжеты для новыхъ музыкальныхъ произведеній, такъ какъ композиторская дѣятельность кружка проявлялась преимущественно въ вокальной области, въ оперѣ и романсѣ и въ програмной музыкѣ. Такъ, будучи вмѣстѣ съ Балакиревымъ на спектаклѣ съ участіемъ знаменитаго трагика негра Айра Оль-

риджа, произведшаго на нихъ въ „Королѣ Лирѣ“ Шекспира очень сильное впечатлѣніе, Стасовъ подалъ мысль Балакиреву написать музыку къ „Королю Лиру“, и даже, разыскавъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ три англійскія темы, прислалъ ихъ Балакиреву, какъ матеріалъ для музыки. Эту мысль Балакиревъ осуществилъ очень скоро, включивъ въ свою музыку двѣ изъ присланныхъ Стасовымъ темъ и посвятивъ ее Стасову. Тогда же, въ концѣ 50-хъ годовъ, его увертюра и антрактъ къ трагедіи исполнялись въ университетскихъ концертахъ подъ управленіемъ Карла Шуберта. „Король Лиръ“ Балакирева оставался, однако, долго неизданнымъ. Только въ послѣдніе годы Балакиревъ заново пересмотрѣлъ свою старую рукопись, кое-что измѣнилъ и добавилъ и напечаталъ ее, сохранивъ посвященіе Стасову. Получивъ въ день своего рожденія, 2 января 1904 г., отъ Балакирева печатный экземпляръ увертюры съ посвященіемъ себѣ, старикъ очень былъ обрадованъ.

Многія изъ произведеній русскихъ композиторовъ подобнымъ же образомъ связаны съ именемъ Стасова. Онъ собралъ матеріалы и работалъ вмѣстѣ съ Мусоргскимъ надъ либретто оригинальнѣйшей его оперы „Хованщина“, при чемъ сдѣлать это было тѣмъ труднѣе, что приходилось считаться съ нелѣпыми цензурными условіями. Стасовъ разсказывалъ автору настоящаго очерка, что, по указанію цензора, пришлось уже написанное либретто передѣлывать и исправлять, устраняя многія рѣчи раскольниковъ, переименовывать ихъ въ просто „московскій людъ“, а старца Досиѳея князя Мышецкаго — лицо историческое — въ Василія Кореня, и т. п., на что у Стасова вмѣстѣ съ Мусоргскимъ ушла цѣлая ночь.

Въ Публичной Библіотекѣ среди многихъ рукописей Мусоргскаго, подаренныхъ Библіотекѣ Стасовымъ, сохраняются въ одной обложкѣ матеріалы, послужившіе для либретто „Хованщины“. Здѣсь находятся многочисленныя выписки изъ разныхъ сочиненій. Внизу обложки написано: „Мусоргскій 7 іюля 1872 г. Петроградъ“, а вверху: „Посвящаю Владиміру Васильевичу Стасову мой посильный трудъ, его любовью навѣянный. 15 іюля 1872 г. Мусорянинъ“.

Стасову же принадлежитъ идея оперы „Князь Игорь“. По просьбѣ Бородина, онъ написалъ съ великой поспѣшностью еще въ 1862 году подробнѣйшій сценаріумъ этой оперы съ руководящими выписками изъ „Ипатьевской Лѣтописи“ и „Слова о полку Игоревѣ“. Свои совѣты и указанія сюжетовъ композиторамъ Стасовъ давалъ не зря, а всегда считаясь съ особенно-

стями ихъ талантовъ,—а постигать эти особенности онъ былъ великій мастеръ. По поводу сюжета „Князя Игоря“ онъ, напримѣръ, пишетъ въ біографіи Бородина:—„Мнѣ казалось, что тутъ заключаются всѣ задачи, какія потребны для таланта и художественной натуры Бородина: широкіе эпическіе мотивы, національность, разнообразнѣйшіе характеры, страстность, драматичность, Востокъ въ многообразнѣйшихъ его проявленіяхъ“.

Такова же была „Хованщина“ для Мусоргскаго. Такимъ же былъ и сюжетъ „Шехерезады“ для програмной симфонической сюиты, указанный имъ Римскому-Корсакову.

Зная этотъ талантъ Стасова проникать въ самую сокровенную сущность таланта художника, многіе обращались къ нему за сюжетами и совѣтами. Такъ, напримѣръ, сдѣлалъ Чайковскій, стоявшій совершенно въ сторонѣ отъ Балакиревскаго кружка. Онъ писалъ Стасову, что никто, какъ онъ, не можетъ подыскать сюжетъ для задуманнаго имъ програмнаго симфоническаго произведенія. И дѣйствительно, Стасовъ посылаетъ ему подробную програму симфонической фантазіи на „Бурю“ Шекспира, и Чайковскій, когда наступили благопріятныя условія къ уединенію, однимъ духомъ пишетъ свою фантазію—одно изъ крупнѣйшихъ своихъ созданій.

Вліяніе Стасова на композиторовъ кружка въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда всѣ товарищи были особенно близки другъ къ другу,—было весьма значительно и хорошо сознавалось всѣми близкими къ нему лицами. Такъ, напримѣръ, на одной каррикатурѣ, нарисованной Е. Т. Маковской (первой женой художника К. Е. Маковскаго), было изображено шествіе „въ храмъ славы“ композиторовъ кружка, и среди нихъ Стасовъ—въ видѣ мужика-поводыря съ барабаномъ у пояса, съ длинной трубой у рта; трубу поддерживаетъ Антокольскій, а на краю ея сидитъ Гартманъ. Во главѣ шествія Мусоргскій въ видѣ кричащаго пѣтуха, за нимъ Римскій-Корсаковъ—морской крабъ (онъ былъ тогда морскимъ офицеромъ) съ двумя дамами музыкантшами, одной—будущей его женой, Н. Н. Пургольдъ, и другой—ея сестрой, А. Н. Пургольдъ—пѣвицей; въ облакахъ виденъ Бородинъ въ химической ретортѣ (намекъ на его профессуру по химіи), Балакиревъ — въ видѣ медвѣдя съ капельмейстерской палочкой въ рукахъ, наконецъ Кюи—въ видѣ лисицы, раздающей вѣнки. Эта талантливая каррикатура, сдѣланная пастэлью, о которой упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (13 ноября 1871 г.) Антокольскій, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о роли, которую игралъ Стасовъ.

XVII.

Вотъ какъ опредѣляетъ Стасовъ особенности талантовъ товарищей кружка въ первой по времени статьѣ, обобщающей его взгляды. Про Балакирева онъ пишетъ: главныя черты его творчества—поэтичность, страстность и „ширина мысли". Его „Короля Лира" онъ ставитъ выше „Князя Холмскаго" Глинки, а увертюру называетъ „великолѣпной поэмой" и „могучей картиной". Про фортепіанную фантазію „Исламей" (на грузинскія темы) говоритъ, что она—„лучшее и совершеннѣйшее сочиненіе для фортепіано нашей русской школы и, вмѣстѣ, одно изъ крупнѣйшихъ созданій всей фортепіанной музыки". „Тамару" онъ считаетъ „самымъ высшимъ и капитальнымъ созданіемъ Балакирева и однимъ изъ совершеннѣйшихъ музыкальныхъ созданій нашего вѣка".

Главныя черты творчества Кюи, по опредѣленію Стасова—поэтичность и страстность, соединенныя съ необычайною сердечностью и душевностью, идущими до глубочайшихъ тайниковъ сердца". Эти качества, а также необычайная сила и правда мело-декламаціоннаго вокальнаго стиля Кюи, заставляли Стасова даже забывать отсутствіе у него такого важнаго въ его глазахъ свойства, какъ національность. Его „Ратклиффъ", по мнѣнію Стасова, принадлежитъ къ числу капитальнѣйшихъ созданій нашего вѣка, не взирая даже на всю несценичность оперы, на всѣ накопленія разсказовъ, расхоложающихъ оперу, на весь недостатокъ истинныхъ характеровъ".—Сцена у „Чернаго Камня" въ этой оперѣ, по его мнѣнію, „по силѣ и страстности, по могучести выраженій и мастерскому живописанію мрачнаго пейзажа, есть, несомнѣнно, одно изъ чудесъ искусства", а любовный дуэтъ послѣдняго акта „есть первый изъ всѣхъ любовныхъ дуэтовъ, какіе только существуютъ въ мірѣ". Вторую оперу Кюи, „Анджело", Стасовъ считаетъ самымъ зрѣлымъ, самымъ высокимъ его созданіемъ. „Сюжетъ нервный и мучительно-страстный—прибавляетъ онъ—еще болѣе прежняго приходился по свойствамъ его таланта".

Необыкновенно высоко ставилъ Стасовъ Мусоргскаго, особенно цѣня его за реализмъ и національность, выразившіеся преимущественно у него въ вокальной музыкѣ, гдѣ онъ пошелъ, по справедливому мнѣнію Стасова, еще дальше Даргомыжскаго. „Онъ изображаетъ—пишетъ Стасовъ—не отвлеченныя русскія

личности, онъ „историченъ“ не только въ сто разъ болѣе, чѣмъ Даргомыжскій, но больше, чѣмъ всѣ рѣшительно наши композиторы. Безъ сомнѣнія, онъ не достигаетъ ширины и эпической геніальности Глинки, но превосходитъ, относительно „историчности“ постиженія и передачи, все, что Глинкою сдѣлано совершеннѣйшаго въ этомъ родѣ. Сцены и личности въ „Борисѣ Годуновѣ“ безъ сравненія „историчнѣе“ и реальнѣе всѣхъ личностей въ „Жизни за Царя“... Каждая личность въ „Борисѣ“ полна такой жизненной, національной и бытовой правды, какая прежде не бывала никогда воплощаема въ операхъ“...

Точно также, въ своихъ романсахъ „Мусоргскій далеко раздвинулъ рамки этого рода сочиненій. Это болѣе не романсы, это просто сцены изъ оперъ или музыкальныхъ драмъ, которыя можно было бы сейчасъ же исполнять въ костюмахъ, съ декораціями и со всей театральной обстановкой, на сценѣ“...

„Его „романсы“ никогда не устарѣютъ и навсегда останутся дорогимъ достояніемъ русскаго народа: все это картинки изъ его жизни, изъ его страданій и радостей, изъ его вседневной, сѣрой, будничной жизни... Богатство содержанія, разнообразіе типовъ въ двухъ операхъ Мусоргскаго: „Борисъ Годуновъ“ и „Хованщина“, и въ его „романсахъ“ такъ велико, что перебирать ихъ по одиночкѣ здѣсь было бы невозможно: это цѣлый міръ, воплощенный въ музыкѣ съ необыкновенною талантливостью, силою и своеобразіемъ“.

Среди оригинальнѣйшихъ по замыслу вокальныхъ пьесъ Мусоргскаго особенно по душѣ Стасову былъ созданный имъ родъ музыкальной сатиры, выдвинутый какъ новое орудіе борьбы съ враждебными Балакиревскому кружку элементами и проявившійся сначала въ „Классикѣ“, гдѣ былъ осмѣянъ уже знакомый намъ музыкальный ретроградъ Фаминцынъ, а затѣмъ въ „Райкѣ“. Идея послѣдняго была дана Мусоргскому самимъ Стасовымъ и заключалась въ томъ, что авторъ сатиры, какъ русскій раевщикъ, показываетъ публикѣ одного за другимъ достопримѣчательныхъ лицъ, „курьезныхъ чудушекъ морскихъ“, по выраженію Стасова, а именно: Зарембу, директора консерваторіи, проповѣдывающаго на „окаррикатуренной“ Генделевской темѣ, что „минорный тонъ—грѣхъ прародительскій, а мажорный—грѣха искупленіе“, подобно тому какъ онъ это проповѣдывалъ и въ дѣйствительности въ консерваторіи; затѣмъ, Ростислава или Ѳифа (вмѣсто Ѳеофилъ), бездарнаго тогдашняго музыкальнаго критика, воспѣвающаго въ „Райкѣ“ Патти и ея бѣлокурый парикъ, о которомъ онъ много болталъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ; затѣмъ,

Фаминцына съ разсказомъ, основаннымъ на мелодіи собственнаго его романса о томъ, какъ онъ затѣяннымъ имъ процессомъ хотѣлъ смыть съ себя пятно позора, которымъ онъ былъ замаранъ въ печати — очевидный намекъ на упомянутый выше процессъ его со Стасовымъ; послѣднимъ являлся Сѣровъ въ образѣ громовержца, предъ которымъ все должно преклониться, но который самъ со всѣми предыдущими персонами преклоняется и поетъ гимнъ на тему пѣсни Дурака изъ своей „Рогнѣды"—нисходящей съ небесъ богинѣ Евтерпѣ; послѣдняя же была не чѣмъ инымъ какъ аллегоріей на одно высокопоставленное лицо [1]), много содѣйствовавшее осуществленію идеи основанія нѣмецкой консерваторіи, столь ненавистной Стасову. Не всѣ созданія Мусоргскаго Стасовъ считалъ значительными и великими, но великое значеніе Мусоргскаго, основанное на лучшихъ его произведеніяхъ, онъ не уставалъ выставлять и подчеркивать, можетъ быть, чаще и настойчивѣе, чѣмъ значеніе другихъ композиторовъ новой русской школы. „Талантъ его— писалъ Стасовъ, въ другой статьѣ, уже послѣ его смерти— былъ самобытенъ, національнъ, оригиналенъ, свѣжъ и могучъ. Поэтому-то всѣ лучшія его музыкальныя созданія навсегда останутся однимъ изъ величайшихъ вкладовъ въ достояніе нашей музыки" [2]).

Характеризуя въ упомянутой нами статьѣ [3]) талантъ Римскаго-Корсакова, Стасовъ сближаетъ его дѣятельность съ дѣятельностью Балакирева, который, по словамъ Стасова, „въ первое, юношеское время, имѣлъ на него очень благотворное вліяніе своими совѣтами, указаніями и критикой"... „Онъ образовалъ себя относительно музыкальной техники самъ,—пишетъ Стасовъ,—и точно также развилъ самъ, до необыкновеннаго совершенства, свой богатый талантъ къ оркестрировкѣ". Стасовъ отмѣчаетъ, что Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ составили, какъ тотъ, такъ и другой, истинно примѣрные сборники народныхъ русскихъ пѣсенъ, которые „уже и до сихъ поръ имѣли громадное вліяніе на новую русскую школу"; онъ отмѣчаетъ, что Римскій-Корсаковъ, также какъ Балакиревъ, долго стояли во главѣ „Безплатной Музыкальной Школы" и дирижировали ея концертами, т.-е. стояли (прибавляетъ Стасовъ) во главѣ всего новаго музыкальнаго нашего движенія". „Талантъ Римскаго-Корсакова — продолжаетъ

---

[1]) В. К. Елена Павловна.

[2]) „Памяти Мусоргскаго", 1885 г. Отдѣльная брошюра.

[3]) „Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства".

Стасовъ—имѣетъ совершенно своеобразную физіономію. По темпераменту и наклонностямъ натуры, Римскій-Корсаковъ, главнымъ образомъ, симфонистъ и сочинитель для оркестра, но и то, что создано имъ для голосовъ и для оперной сцены, принадлежитъ къ капитальнѣйшимъ произведеніямъ новаго искусства". Его музыкальную картину для оркестра—„Садко" (1867 г.)—Стасовъ называетъ прелестной, полной поэзіи и „увлекательности", его симфоническую сюиту „Антаръ"—„высоко-художественной", полной „чудесъ поэтичности, картинности, талантливости и красоты", скерцо въ ней (въ немъ Стасовъ видѣлъ изображеніе „дикихъ ордъ, встрѣтившихся въ страшной схваткѣ на полѣ битвы"; эта часть называется въ печатномъ изданіи „жаждой мести")—полнымъ „могучести и силы". Высоко ставилъ Стасовъ оперу „Псковитянку", подчеркивая въ ней—„красоту и величавый характеръ хоровъ", „великолѣпную" сцену псковскаго вѣча, „сказку". няни — „необычайный, по его словамъ, chef d'oeuvre въ эпическомъ народномъ складѣ", антрактъ пятаго акта, представляющій „глубоко-поэтическую картину лѣса" и проч.

Въ „Майской Ночи", уступавшей, по приговору Стасова, „Псковитянкѣ", онъ восхищается всего болѣе волшебнымъ элементомъ (хороводъ русалокъ), а также оцѣниваетъ и комизмъ, проходящій черезъ всю оперу. Зато „Снѣгурочку" Стасовъ называетъ „истиннымъ и самымъ зрѣлымъ chef d'oeuvr'омъ Римскаго-Корсакова. „Снѣгурочка", по его словамъ, заключаетъ нѣсколько такихъ частей, изъ которыхъ однѣ достойны Глинки и „Руслана", другія вообще стоятъ на одной степени съ наивысшими музыкальными созданіями". Таковы, по мнѣнію Стасова, „Проводы масляницы"—изумительная, по силѣ и таланту, древне-языческая картина, „сцена волшебныхъ превращеній въ лѣсу (4-й актъ), глубоко поэтическія появленія Весны, умираніе Снѣгурочки, страстныя заклинанія Купавы, обращенныя къ пчеламъ и хмѣлю, комическія сцены Бобыля и Бобылихи и др.". „Вся опера,—заключаетъ Стасовъ,—одно изъ капитальнѣйшихъ явленій музыки нашего столѣтія". Къ приведенной уже ранѣе характеристикѣ таланта Бородина можно прибавить кое-что и изъ цитируемой статьи.

„Талантъ Бородина—пишетъ здѣсь Стасовъ—равно могучъ и поразителенъ, какъ въ симфоніи, такъ и въ оперѣ, и въ романсѣ. Главныя качества его—великанская сила и ширина, колоссальный размахъ, стремительность и порывистость, соединенные съ изумительною страстностью, нѣжностью и красотой. Комическій и декламаціонный элементъ, юморъ, столько же свойственный

таланту Бородина, какъ Даргомыжскаго и Мусоргскаго"... „Подобно Глинкѣ, Бородинъ есть эпикъ въ самомъ широкомъ значеніи слова, и вмѣстѣ „націоналенъ" въ такой мѣрѣ и могучести, какъ самые высокіе композиторы русской школы. Восточный элементъ играстъ у него столько же великую, оригинальную и значительную роль, какъ у Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова". Всѣ сравнительно немногія произведенія Бородина Стасовъ ставилъ необыкновенно высоко. Вторую симфонію (h-moll) онъ считалъ еще выше первой,—восхищаясь запечатлѣннымъ въ ней древнимъ русскимъ богатырскимъ складомъ. Оперу „Князь Игорь" Стасовъ называетъ „монументальнымъ явленіемъ русской музыки, родственнымъ по силѣ и оригинальности съ „Русланомъ" Глинки въ однихъ отношеніяхъ, съ „Борисомъ Годуновымъ" Мусоргскаго — въ другихъ".

Такова была оцѣнка Стасова талантовъ и дѣятельности коренныхъ представителей Балакиревскаго кружка—оцѣнка, сдѣланная имъ еще въ 1882 году. Интересно, что въ той же статьѣ онъ уже успѣлъ мѣтко охарактеризовать и вполнѣ оцѣнить таланты, и позднѣе всѣхъ присоединившихся къ кружку композиторовъ, тогда еще совсѣмъ молодыхъ, Лядова и Глазунова. У перваго онъ восхищается двумя пьесами въ „Парафразахъ", написанныхъ совмѣстно съ старшими товарищами. По словамъ Стасова—„несмотря на опасное сосѣдство" ихъ, „онъ выказалъ необыкновенную оригинальность въ прелестномъ, граціозномъ вальсѣ и еще больше—въ могучемъ „Шествіи", съ чудною силою заключающемъ все оригинальное созданіе четырехъ авторовъ вмѣстѣ". Восхищенъ Стасовъ и его тремя интермеццо (B-D-C-dur), въ которыхъ, по его словамъ, Лядовъ явился „еще болѣе самостоятельнымъ и выросшимъ", и, наконецъ, музыкой къ „Мессинской Невѣстѣ"—его выпускной работой въ консерваторіи. „Глазуновъ—пишетъ Стасовъ—сразу представилъ собою явленіе истинно-изумительное, какъ композиторъ, проявившій громадный талантъ въ самые ранніе годы юношества, почти на границахъ дѣтства". Стасовъ удивляется силѣ таланта этого композитора, начавшаго заниматься у Римскаго-Корсакова съ тринадцати-лѣтняго возраста, а къ восемнадцати-лѣтнему — сдѣлавшагося уже „истиннымъ мастеромъ". Первое изъ появившихся въ печати произведеній Глазунова (1883 г.)—струнный квартетъ—Стасовъ оцѣниваетъ какъ „глубоко мастерской по формѣ и еще болѣе глубоко-прекрасный по вдохновенію и творчеству". Его музыкальную картину „Лѣсъ" онъ считаетъ „полной волшебныхъ красокъ и поразительныхъ явленій древне-славянской миѳологіи".

Отличительными качествами сочиненій Глазунова Стасовъ считаетъ — „неимовѣрно широкій размахъ, силу, вдохновеніе, свѣтлость могучаго настроенія, чудесную красоту, роскошную фантазію, иногда юморъ, элегичность, страстность, и всегда — изумительную ясность и свободу формы“, а „единственнымъ недостаткомъ, изрѣдка проявляющимся, — нѣкоторую многорѣчивость и излишество подробностей“. Свою характеристику Глазунова Стасовъ заключаетъ пророчествомъ: „Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Глазунову предстоитъ нѣкогда быть главою русской школы“.

Чайковскій не только не принадлежалъ къ Балакиревскому кружку, но и относился подчасъ враждебно къ нему какъ къ цѣлому. Стасову это не могло нравиться. Но своей досады онъ не переносилъ въ сужденіе о Чайковскомъ какъ композиторѣ, высоко цѣня его талантъ. Талантъ его былъ очень силенъ, но на него „оказало неблагопріятное вліяніе — консерваторское воспитаніе“, пишетъ Стасовъ въ той же статьѣ. Настоящая сфера Чайковскаго, по мнѣнію Стасова, никакъ не опера, а симфоническая програмная музыка и въ ней на первомъ планѣ стоитъ элементъ любви. „Національный элементъ — продолжаетъ Стасовъ — не всегда удается Чайковскому, но у него есть свой chef d'oeuvre въ этомъ родѣ: финалъ симфоніи c-moll, на народную малороссійскую тему Журавель. Этотъ финалъ (c-dur) и по колориту, и по мастерству фактуры, и по юмору — одно изъ важнѣйшихъ произведеній всей русской школы“. Другимъ произведеніемъ Чайковскаго національнаго характера, которое нравилось Стасову, былъ третій струнный квартетъ, посвященный памяти скрипача Лауба, и въ немъ adagio, содержащее инструментальный речитативъ въ русскомъ церковномъ стилѣ и съ мрачнымъ панихиднымъ оттѣнкомъ“. Сѣрова и Рубинштейна, какъ композиторовъ, Стасовъ оцѣнивалъ не высоко.

Всѣ эти мнѣнія и сужденія, высказанныя Стасовымъ въ одной крупной статьѣ, въ сущности оставались у него неизмѣнными всю жизнь. Въ прочихъ своихъ трудахъ онъ только дополнялъ и развивалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ творческая дѣятельность композиторовъ кружка, о которыхъ онъ главнымъ образомъ писалъ, развертывалась все шире и шире, множилась и росла. Всѣ болѣе или менѣе важныя событія въ жизни кружка или соприкасающейся съ нею музыкальной жизни Россіи вообще — отразились въ статьяхъ Стасова и вызвали его дѣятельное участіе. Онъ посвящаетъ обширную статью „Ратклиффу“ Кюи, появленіе котораго въ 1869 г. на Маріинской сценѣ было однимъ изъ

первыхъ проявленій идей кружка передъ публикой и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ крупнымъ событіемъ въ области оперы послѣ „Руслана“ Глинки. Онъ печатаетъ „Посланіе къ С.-Петербургскому Собранію Художниковъ“ съ призывомъ устроить концертъ для полученія средствъ на пріобрѣтеніе права постановки посмертной оперы Даргомыжскаго „Каменный Гость“, такъ какъ театральная дирекція отказала опекуну малолѣтнихъ наслѣдниковъ композитора въ уплатѣ за оперу назначенныхъ имъ 3.000 р., ссылаясь на курьезный уставъ 1827 г., по которому русскій композиторъ не могъ получить за свою оперу болѣе 1.143 р. серебромъ (4.000 р. ассигнаціями) въ то время, какъ иностранцы могли получать за свои оперы сколько угодно. Въ особой статьѣ „Музыкальное безобразіе“ [1]), онъ мечетъ свои молніеносныя стрѣлы противъ пресловутаго „Опернаго комитета“ казенной сцены, забраковавшаго для постановки оперу Мусоргскаго „Хованщина“. Въ отдѣльной замѣткѣ [2]) онъ описываетъ чествованіе М. А. Балакирева и поднесеніе ему адреса и вѣнка отъ „Безплатной Музыкальной Школы“—чествованіе, устроенное въ видѣ противовѣса отстраненію Балакирева отъ дирижированія концертами „Русскаго Музыкальнаго Общества“. Онъ же отмѣчаетъ другое чествованіе Балакирева въ концертѣ „Безплатной Школы“, когда въ 1882 г., послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва, онъ вновь взялъ на себя руководительство Школой. Онъ вступается, въ особомъ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ [3]), за „Бориса Годунова“ Мусоргскаго, въ которомъ при постановкѣ стали производить самыя несообразныя урѣзки.

Особой статьей Стасовъ оповѣщаетъ русскихъ читателей о постановкѣ оперъ Глинки „Жизнь за Царя“ и „Руслана“ въ Прагѣ; онъ знакомитъ нашу публику съ отзывами о „Жизни за Царя“ послѣ постановки ея въ Миланѣ, въ 1874 г. Онъ обращаетъ вниманіе тѣхъ же русскихъ читателей на дѣятельность Ганса фонъ-Бюлова по распространенію въ Европѣ произведеній русскихъ композиторовъ. Онъ печатаетъ письма Франца Листа по поводу „Парафразъ“. Когда умираетъ Мусоргскій, онъ спѣшитъ напечатать [4]) его біографію, являющуюся первоисточникомъ для біографіи этого композитора, а спустя нѣсколько лѣтъ, вѣрный памяти своего друга, выпускаетъ брошюру „Памяти Мусоргскаго“, гдѣ провозглашаетъ въ самомъ началѣ, что Мусоргскій принад-

[1]) „Новости“, 1883 г.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1870 г.
[3]) 28 октября 1876 г.
[4]) „Вѣстникъ Европы“, 1881 г. Соч., т. III.

лежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ потомство ставитъ монументы—слова, звучавшія почти парадоксомъ для того времени, но все болѣе и болѣе оправдывающіяся по мѣрѣ того, какъ жизнь и искусство идутъ впередъ.

Когда умираетъ Бородинъ, онъ издаетъ его біографію, его музыкальныя статьи и множество его писемъ, высказывая про нихъ въ предисловіи свое мнѣніе, что они „равняются его музыкальнымъ созданіямъ — столько въ нихъ таланта, художественности, мысли, граціи, юмора, силы".

Исполняется въ 1890 году двадцать-пять лѣтъ музыкальной дѣятельности Римскаго-Корсакова — Стасовъ пишетъ къ этому времени его біографическій очеркъ.

Исполняется въ 1894 году двадцать-пять лѣтъ постановки „Ратклиффа" Кюи — Стасовъ пишетъ такой же его біографическій очеркъ [1]). Исполняется 27 ноября 1892 г. пятидесятилѣтіе перваго представленія первѣйшаго шедевра и образца русской музыки, „Руслана"—Стасовъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ торжествѣ по этому случаю и чествованіи престарѣлой сестры Глинки, Л. И. Шестаковой. Онъ устраиваетъ въ фойе Маріинскаго театра цѣлую „Руслановскую" выставку и на парадномъ спектаклѣ „Руслана" въ Маріинскомъ театрѣ шествуетъ во главѣ депутаціи отъ публики къ Шестаковой со звѣздой, вѣнкомъ съ лентами разныхъ цвѣтовъ, въ видѣ лучей, на которыхъ красуются вышитыя и нарисованныя ноты — мотивы изъ „Руслана" — идея, принадлежащая ему лично. Онъ печатаетъ тогда же и біографическій очеркъ Шестаковой, много сдѣлавшей для памяти своего знаменитаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ для русской музыки [2]).

И все перечисленное еще не исчерпываетъ всѣхъ событій въ жизни новой русской музыкальной школы, въ которыхъ такъ или иначе проявлялъ дѣятельное участіе Стасовъ. Однимъ изъ послѣднихъ такихъ событій было пресловутое „увольненіе" Н. А. Римскаго-Корсакова изъ числа профессоровъ с.-петербургской консерваторіи, весной 1904 года. Учащіеся въ консерваторіи устроили въ театрѣ Пассажа (тогда театръ В. Ѳ. Коммиссаржевской) спектакль. Давалась впервые въ Петербургѣ опера Римскаго-Корсакова „Кащей Безсмертный". Дирижировалъ оркестромъ учащихся А. К. Глазуновъ. Спектакль носилъ характеръ чествованія любимаго профессора и композитора и вмѣстѣ съ

---

1) „Артистъ", 1894 г.

2) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ", 1892—93 гг.

тѣмъ демонстраціи противъ бюрократическаго произвола, проявившагося, въ довершеніе всего, и въ сферѣ искусства. По окончаніи оперы начался цѣлый рядъ овацій Римскому-Корсакову. Подносились вѣнки, говорились горячія рѣчи. Выступилъ на сцену и маститый старикъ Стасовъ. Онъ волновался, хотя наружно былъ спокоенъ и громкимъ голосомъ, при шумныхъ одобреніяхъ всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ сильную и прекрасную рѣчь. Начавъ съ указанія на долгую и славную дѣятельность Римскаго-Корсакова на композиторскомъ поприщѣ и выразивъ свое удивленіе и восторгъ тому, что, несмотря на большіе годы, его творчество продолжаетъ обнаруживаться съ прежней плодотворностью и силой, Стасовъ переходилъ къ профессорской дѣятельности Римскаго-Корсакова и къ его „увольненію“.—„Вы всегда были окружены толпой молодежи — говорилъ онъ,—которая не только у васъ училась высокому, правдивому искусству, но боготворила васъ и какъ чуднаго, безконечно милаго и дорогого человѣка, своего наставника, совѣтника, друга, во всемъ помощника. Ваши ученики наполняютъ всю Россію, разнесли повсюду ваше дорогое имя, свое къ вамъ безпредѣльное удивленіе и благодарность. Какъ я вамъ уже разъ сказалъ на эстрадѣ Дворянскаго Собранія, въ одинъ изъ вашихъ блестящихъ концертовъ, — вы для меня — точно вашъ „Садко“, который кликнулъ кличъ, собралъ вольную дружину и пошелъ съ этимъ знатнымъ народомъ далеко по морямъ, по горамъ и по доламъ, отыскивать сокровища многоцѣнныя. И вы съ этой великолѣпной дружиной нашли и набрали кучи сокровищъ и отдали ихъ своей родинѣ. Но у всѣхъ великихъ, значительныхъ людей всегда есть пропасть враговъ и ненавистниковъ, которые только и думаютъ, „какъ бы напортить, какъ бы повредить, какъ бы помѣшать“. Случалось это почти со всѣми нашими лучшими, совершеннѣйшими художниками, случилось нынче и съ вами. Вамъ мечутъ бревна подъ ноги, мечтаютъ, какъ бы забросать васъ камнями. Но вѣдь у васъ великая душа, какъ у всѣхъ великихъ, лучшихъ людей. Вамъ всего приличнѣе, всего чудеснѣе, сказать про враговъ по-христіански: „прощаю ихъ,—сами не вѣдаютъ, что̀ творятъ“.

„Но, кромѣ этихъ великихъ словъ, есть еще другія слова, сказанныя большимъ человѣкомъ, нашимъ Пушкинымъ:

Тяжелый млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

„Это сказано, словно, про васъ“ [1]).

---

[1]) См. „Новости“, 1904 г.

Громовые апплодисменты покрыли эти слова Стасова. Н. А. Римскій-Корсаковъ, стоя на сценѣ, усталъ уже отвѣчать на оваціи, а онѣ все продолжались. Настроеніе публики достигло высшаго напряженія. Рѣчи ораторовъ и оваціи прекращены были насильственно спускомъ тяжелаго, металлическаго занавѣса, отдѣлившаго сцену отъ публики, подобно тому, какъ отдѣлена непереходимой стѣной правящая бюрократія отъ народа. Послѣ „Кащея" на программѣ стояло еще отдѣленіе музыки, но собраніе — по распоряженію полиціи — было закрыто.

Въ 80-хъ годахъ Балакиревскій кружокъ распался, каждый изъ композиторовъ кружка почувствовалъ себя вполнѣ сильнымъ, самостоятельнымъ, исчезла потребность въ руководителѣ, въ прежнемъ тѣсномъ, товарищескомъ единеніи. Но потребность въ общемъ объединяющемъ центрѣ осталась. Такимъ центромъ сдѣлался М. П. Бѣляевъ, просвѣщенный коммерсантъ и страстный любитель музыки, оцѣнившій сначала молодые таланты Глазунова и Лядова, а затѣмъ и старшихъ композиторовъ „Новой русской школы". Онъ учредилъ русскіе симфоническіе концерты, квартетные вечера, онъ учредилъ издательскую нотную фирму съ цѣлью распространять произведенія русскихъ композиторовъ. Богатый меценатъ, доставлявшій значительныя матеріальныя средства на процвѣтаніе русской музыки, явился въ то же время симпатичнымъ хозяиномъ и квартетистомъ. Онъ собиралъ у себя по пятницамъ композиторовъ „Новой русской школы" съ цѣлью, между прочимъ, культивировать квартетную музыку, въ исполненіи которой участвовалъ и самъ. Такимъ образомъ, Балакиревскій кружокъ превратился въ Бѣляевскій. Стасовъ тоже сталъ участвовать въ жизни новаго музыкальнаго центра, бывалъ постоянно на собраніяхъ композиторовъ у Бѣляева и съ 1886 г. — когда было положено начало симфоническимъ концертамъ — не пропускалъ не только ни одного концерта, но почти всегда по утрамъ въ пятницу, за день до назначеннаго концерта, бывалъ и на репетиціяхъ этихъ концертовъ. Онъ не разъ въ печати выставлялъ на показъ славную дѣятельность Бѣляева на пользу русской музыки, а когда въ 1895 году друзья музыканты праздновали десятилѣтіе этой дѣятельности, онъ написалъ біографическій очеркъ М. П. Бѣляева.

Такова была литературная дѣятельность Стасова, какъ провозвѣстника идей „Новой русской музыкальной школы".

Но какъ въ другихъ сферахъ искусства, такъ и въ музыкѣ Стасовъ не былъ исключителенъ и не ограничивался разъясненіемъ и прославленіемъ дѣятельности только своихъ любимыхъ

русскихъ авторовъ. Онъ писалъ и по другимъ музыкальнымъ вопросамъ.

Будучи въ началѣ 50-хъ годовъ въ Римѣ, онъ очень заинтересовывается музыкальными коллекціями аббата Сантини, среди которыхъ находилось удивительное собраніе рукописныхъ и печатныхъ сочиненій Палестрины и другихъ, всего—болѣе 700 итальянскихъ авторовъ. Эти богатѣйшія коллекціи оставались почти неизвѣстными, и вотъ Стасовъ издаетъ о нихъ во Флоренціи, на французскомъ языкѣ, особую статью, вышедшую, впрочемъ, еще ранѣе въ русскомъ переводѣ.

Благодаря другой его статьѣ, дѣлаются извѣстными большой публикѣ автографы музыкантовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ ней, кромѣ подробнѣйшаго описанія автографовъ 24-хъ иностранныхъ композиторовъ, онъ даетъ и многія біографическія о нихъ свѣдѣнія, большею частью касающіяся самихъ автографовъ.

Онъ интересуется и русскимъ церковнымъ пѣніемъ, и еще въ концѣ 50-хъ годовъ нѣсколько мѣсяцевъ посвящаетъ спеціальному изученію этого вопроса, успѣвъ собрать много матеріаловъ для исторіи нашего церковнаго пѣнія, изъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій Императорской Публичной Библіотеки и Синодальнаго архива, изъ лѣтописей, изъ Полнаго Собранія законовъ, и даже изъ воспоминаній частныхъ лицъ, что касается церковныхъ хоровъ первой половины XIX-го вѣка. На основаніи своихъ разысканій онъ составляетъ цѣлыя таблицы, сравнивая въ нихъ древнія крюковыя написанія съ позднѣйшими; наконецъ, онъ дѣлаетъ копію съ цѣлаго дѣла о напечатаніи при императрицѣ Екатеринѣ II всего православнаго церковно-пѣвческаго круга. Все это онъ собираетъ для задуманнаго сочиненія „О церковномъ пѣніи и церковныхъ хорахъ въ Россіи". Видя, однако, громадность работы, не любя ничего дѣлать поверхностно, будучи отвлеченъ другими работами и сознавая важность вопроса по изслѣдованію исторіи нашего церковнаго пѣнія, онъ передаетъ всѣ собранные имъ матеріалы въ надежныя руки протоіерея Дм. Вас. Разумовскаго, а самъ нѣсколько позже пишетъ только свои замѣтки о демественномъ и троестрочномъ пѣніи.

Для той же цѣли изслѣдованія по исторіи нашей церковной музыки онъ заказываетъ въ Парижѣ копію съ находящагося въ тамошней Публичной Библіотекѣ рукописнаго сочиненія о греческой церковной музыкѣ подъ названіемъ „Святоградца" и даритъ потомъ эту копію нашей Публичной Библіотекѣ при осо-

бомъ письмѣ къ директору ея, барону М. А. Корфу, письмѣ, заключающемъ различнаго рода свѣдѣнія, касающіяся подлинника этого рѣдкаго манускрипта.

По порученію „Общества любителей древней письменности" онъ издаетъ записку ученаго акустика, отца Аристарха Израилева, „Ростовскіе колокола и звоны" и въ своемъ предисловіи къ этой запискѣ подаетъ мысль поручить отцу Израилеву спаять и привести въ годный видъ московскій Царь-Колоколъ—мысль, какъ оказалось, неосуществимую въ виду многочисленныхъ трещинъ на этомъ колоколѣ.

Въ формѣ письма къ Францу Листу и Бернгарду Марксу онъ печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ цѣлую статью „О нѣкоторыхъ формахъ нынѣшней музыки", въ которой сообщаетъ результаты своихъ интересныхъ изслѣдованій о древнихъ церковныхъ тональностяхъ и о восточныхъ мелодіяхъ и гармоніяхъ въ современной музыкѣ, главнымъ образомъ у Бетховена и Шопена.

Въ „Письмахъ изъ чужихъ краевъ" онъ сообщаетъ свои впечатлѣнія и мысли относительно Вагнера и Листа, далеко не въ пользу перваго и довольно неблагопріятныя для него и, напротивъ, полныя энтузіазма и восторженности ко второму.

Въ статьѣ по поводу двухъ музыкальныхъ реформаторовъ онъ сопоставляетъ Глюка съ Вагнеромъ и, не измѣняя своего въ общемъ отрицательнаго взгляда на творчество послѣдняго, восхищается его оперой „Нюрнбергскіе Пѣвцы", какъ одной изъ лучшихъ современныхъ оперъ.

Выходитъ въ Парижѣ въ свѣтъ „Неизданная переписка Берліоза", для изданія которой Стасовъ сообщилъ немаловажные матеріалы—онъ спѣшитъ познакомить съ ней русскихъ читателей. Издается переписка Франца Листа, а затѣмъ выходитъ его біографія Лины Раманнъ—Стасовъ помѣщаетъ о томъ и другомъ пространныя статьи. Онъ сообщаетъ и самъ важныя біографическія свѣдѣнія о Листѣ, Шуманѣ и Берліозѣ въ своей статьѣ „Листъ, Шуманъ и Берліозъ въ Россіи". Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ цѣнный для будущаго изслѣдователя исторіи русской музыкальной жизни и въ высшей степени кропотливый трудъ, основанный главнымъ ообразомъ на архивныхъ разысканіяхъ — „Русскія и иностранныя оперы, исполнявшіяся на императорскихъ театрахъ въ Россіи въ XVIII и XIX ст.". Если прибавить къ сказанному еще его многочисленныя полемическія статьи въ защиту иностранныхъ композиторовъ, его любимцевъ, отъ нападокъ невѣжественной прессы, то можно ли послѣ всего этого сказать, что Стасовъ былъ узокъ и одностороненъ.

Поскольку онъ не ограничивалъ себя въ своихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ одною какою-либо областью искусства, постольку онъ не проявлялъ односторонности въ каждой его области.

Интересы и кругозоръ Стасова были обширны такъ же, какъ его эрудиція, и, можетъ быть, никто больше него не имѣлъ права подвести итоги художественной дѣятельности цѣлаго XIX вѣка не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ,—дѣятельности, которой онъ былъ живой свидѣтель за время большее чѣмъ полвѣка. Онъ это сдѣлалъ въ довольно пространномъ трудѣ— „Искусство въ XIX вѣкѣ". Цѣнный трудъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ является итогомъ и его собственныхъ взглядовъ на искусство, съ которыми въ общихъ чертахъ мы уже познакомились.

XVIII.

Литературная дѣятельность Стасова имѣла своимъ предметомъ исторію и критику не только произведеній искусства, но и литературы. Въ самомъ началѣ своего писательскаго поприща Стасовъ написалъ не мало разборовъ иностранныхъ книгъ, преимущественно англійскихъ, по исторіи и исторіи литературы, помѣстивъ въ 1847 г. рядъ статей этого рода въ журналѣ „Отечественныя Записки".

Отъ времени до времени онъ отзывался на то или другое явленіе въ области иностранной или русской литературы, но эти его статьи, по большей части, кратки, случайны и не имѣютъ столь важнаго значенія, какъ статьи его по искусству, хотя и въ этой категоріи работъ Стасова найдутся цѣнныя статьи,—напримѣръ, напечатанныя имъ двадцать писемъ къ нему И. С. Тургенева и воспоминанія о знакомствѣ его съ этимъ писателемъ. Сюда же можно отнести и довольно пространную его статью „Венеціанскій купецъ Шекспира". Она предназначалась сначала для одного изданія Шекспира на русскомъ языкѣ, была прочитана авторомъ въ С.-Петербургѣ 16 мая 1902 года, на вечерѣ въ пользу погорѣльцевъ города Бобруйска, и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой.

Мнѣнія Стасова о современномъ искусствѣ являлись результатомъ не только его личныхъ вкусовъ и симпатій къ тому или иному направленію, но были обоснованы его кропотливыми и усидчивыми занятіями исторіей искусства, а также этнографіей и археологіей, поскольку онѣ соприкасаются съ искусствомъ, причемъ и въ этихъ областяхъ Стасовъ оставилъ много весьма

цѣнныхъ трудовъ, къ которымъ мы и перейдемъ. Разнообразіе его интересовъ, широта его кругозора и здѣсь замѣчательны.

Занятія и труды Стасова по археологіи и исторіи искусства начались очень рано. Мы видѣли его почти тотчасъ же по окончаніи Правовѣдѣнія пытливо разбирающимъ и изучающимъ коллекціи эстамповъ и гравюръ въ Эрмитажѣ и Императорской Публичной Библіотекѣ. Послѣ перваго заграничнаго путешествія, подкрѣпившись изученіемъ гравюры за-границей, онъ могъ въ своей статьѣ „Фотографія и гравюра" дать уже небольшой очеркъ исторіи гравюры, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свою любовь къ этой отрасли графическаго искусства и указать обществу истинное мѣсто его, не могущее быть серьезно оспариваемымъ все болѣе и болѣе распространяющейся фотографіей. „Гравюра — живая, льющаяся по произволу вдохновенія рѣчь, фотографія—холодный, но вѣрный высчитывающій каталогъ",— говоритъ онъ здѣсь между прочимъ.

Со временемъ его занятія археологіей только расширялись. Въ 1858 — 59 гг., совмѣстно съ другомъ своимъ академикомъ И. И. Горностаевымъ, онъ ѣздилъ въ Новгородъ и Псковъ и занимался изслѣдованіемъ тамошнихъ древнихъ церквей. Результатомъ этихъ изученій явился въ началѣ 1860-хъ годовъ рядъ статей въ спеціальномъ органѣ „Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества". Въ нихъ онъ описывалъ и разъяснялъ значеніе для археологіи найденнаго имъ случайно на дворѣ Мирожскаго монастыря, подъ Псковомъ, образа Срѣтенія Богородицы съ перспективнымъ планомъ на немъ города Пскова XVII или XVIII вв.—планомъ, являющимся драгоцѣннымъ памятникомъ древней архитектуры псковскихъ церквей, изъ которыхъ многія уже исчезли, а другія при перестройкѣ измѣнили свой стиль. То онъ описывалъ каменный крестъ XIV вѣка, вложенный въ западную стѣну новгородскаго Софійскаго собора и заключающій интересные барельефы — воспроизводящіе событія изъ жизни Спасителя—и не менѣе интересныя надписи. То онъ занимался изслѣдованіемъ о голосникахъ въ древнихъ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, причемъ этому изслѣдованію о голосникахъ, представляющихъ изъ себя не что иное, какъ задѣланные въ стѣны церквей глиняные сосуды, игравшіе роль резонаторовъ, посвятилъ разновременно цѣлыхъ три статьи, занимаясь этимъ вопросомъ вообще, а не только по отношенію голосниковъ, найденныхъ имъ вмѣстѣ съ И. И. Горностаевымъ въ церквахъ Новгорода и Пскова. Къ этому же времени относятся и другія статьи, вызванныя различными археологиче-

скими открытіями и находками. Среди коллекціи старопечатныхъ книгъ И. П. Каратаева, поступившей въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1861 г., онъ нашелъ одну гравюру XVII в., являющуюся единственнымъ, извѣстнымъ до того времени изображеніемъ преподобнаго Ильи Муромца. Тутъ же онъ нашелъ другую рѣдкую кіевскую гравюру того же времени съ арабскими на ней цифрами. Онъ посвятилъ и той, и другой гравюрѣ отдѣльныя статьи. Найдя въ Публичной Библіотекѣ, среди Погодинскаго собранія книгъ и гравюръ, двѣ рѣдкія, единственныя, интересныя лубочныя картинки „Баба-Яга“ и „Мыши кота погребаютъ“, онъ издалъ снимки съ нихъ и сопроводилъ ихъ замѣткой, въ которой, между прочимъ, высказывалъ соображенія въ пользу того мнѣнія, что вторая картинка представляетъ собой каррикатуру раскольниковъ на Петра I.

Когда въ Публичную Библіотеку поступили два рѣдкіе портрета—одинъ арапа Ибрагима, извѣстнаго предка поэта Пушкина, другой — Өедора Калмыка, забраннаго казаками на китайской границѣ, привезеннаго ко двору Екатерины II еще мальчикомъ, затѣмъ подареннаго ею баденской наслѣдной принцессѣ и сдѣлавшагося впослѣдствіи превосходнымъ художникомъ и граверомъ, награвировавшимъ и этотъ портретъ, о которомъ идетъ рѣчь,—Стасовъ подробно разсказывалъ объ этихъ портретахъ въ особой статьѣ: „Арапъ Петра I и калмыкъ Екатерины II“. Такъ же точно, когда въ Эрмитажъ были пріобрѣтены найденные случайно въ 1865 г. во Владимірѣ, при земляныхъ работахъ въ одномъ саду, предметы древняго великокняжескаго облаченія съ золотыми и серебряными принадлежностями, Стасовъ сдѣлалъ подробнѣйшее ихъ описаніе и изслѣдованіе въ пространной статьѣ: „Владимірскій Кладъ“.

Онъ, положительно, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы принести и свою посильную лепту на алтарь любимой имъ науки о древностяхъ искусства, и не только русскихъ, но и иностранныхъ. По просьбѣ академика Броссе онъ пишетъ на французскомъ языкѣ „Замѣтки о двухъ бронзовыхъ древне-азіатскихъ статуэткахъ, найденныхъ близъ озера Вана“, для того, чтобы приложить эту свою статью къ одному изслѣдованію Броссе, напечатанному въ бюллетенѣ Императорской Академіи Наукъ 1871 г.

Онъ же знакомитъ русскихъ читателей и съ древне-египетской повѣстью „О двухъ братьяхъ“, написанной въ XIV в. до Р. Х.

и почитающейся древнѣйшею въ мірѣ. Онъ восхищенъ яркими красками, въ которыхъ въ этой повѣсти встаютъ передъ нами древне-египетская жизнь и бытъ: это—не то, что въ учебникахъ исторіи.

Характерно и его участіе въ книгѣ извѣстнаго знатока византійскаго искусства, Н. И. Кондакова: „Исторія и памятники византійской эмали", изданной А. В. Звенигородскимъ и заключающей въ себѣ сдѣланныя съ необычайнымъ техническимъ мастерствомъ изображенія въ краскахъ византійскихъ эмалей изъ драгоцѣнной и обширной коллекціи Звенигородскаго. Это сочиненіе, роскошно изданное въ 1894 г. на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ количествѣ всего 600 экземпляровъ, стоющихъ каждый около тысячи рублей и не поступившихъ въ продажу, печаталось въ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, а также въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ. Ни одно изображеніе, ни одинъ рисунокъ, ни одно художественное украшеніе, ни одна заглавная буква этого изданія не прошли въ печать безъ тщательныхъ наблюденій Стасова, входившаго даже въ такія детали, какъ выборъ шолковой матеріи для художественной закладки этой книги. Онъ наводилъ различныя справки, запасался всевозможнѣйшими свѣдѣніями по поводу этого изданія во время своихъ путешествій въ 1880-хъ годахъ за-границей и даже нарочно бывалъ то въ Ахенѣ, то въ Наугеймѣ, то въ Парижѣ, то въ Италіи, то въ Англіи, дѣлая разысканія въ Оксфордскомъ музеѣ, а то даже въ Сербіи. Наконецъ, подъ его непосредственнымъ попеченіемъ была устроена въ овальной залѣ Публичной Библіотеки особая треугольная витрина, сооруженная по рисунку архитектора И. П. Ропетта, для храненія трехъ экземпляровъ (по одному на каждомъ изъ трехъ языковъ) этого драгоцѣннаго изданія, посвященнаго императору Александру III, а также и матеріаловъ, къ этому изданію относящихся. На одномъ изъ угловъ витрины красуется отлитая изъ бронзы статуэтка Звенигородскаго, работы И. Я. Гинцбурга. Исторіи и свѣдѣніямъ объ этой замѣчательной книгѣ Стасовъ посвятилъ не мало времени, написавъ „Исторію книги Звенигородскаго". Этотъ трудъ, хранящійся въ той же витринѣ, тоже былъ выпущенъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступалъ.

Стасову принадлежитъ попытка изученія коптскихъ миніатюръ, остававшихся неизслѣдованными до конца XIX-го вѣка, а также узорчатыхъ коптскихъ тканей, сдѣлавшихся доступными

для науки, благодаря открытію ихъ въ древне-христіанскихъ кладбищахъ Египта профессоромъ Масперо въ 1881 году [1]).

Масса дѣльныхъ соображеній, замѣчаній, неожиданныхъ выводовъ по части археологіи находятся въ довольно многочисленныхъ его статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія въ свѣтъ тѣхъ или другихъ трудовъ въ этой области въ Россіи и за-границей.

Такъ, въ интересной статьѣ „Дуга и пряничный конекъ“ [2]), написанной по поводу изданія И. Голышева—„Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву во Владимірской губерніи“ (1876 г.), онъ приводитъ любопытныя свои соображенія о происхожденіи дуги и миѳологическомъ значеніи изображенія конька. Онъ доказываетъ финское происхожденіе дуги и буддійское происхожденіе древнѣйшихъ рисунковъ на ней—деревьевъ и круга, изображающаго солнце. На основаніи личнаго наблюденія сходства орнаментальныхъ подробностей на пряничномъ конькѣ съ такими же подробностями на древнихъ ассирійскихъ изображеніяхъ коней на стѣнахъ Хорсабадскаго храма, онъ заключаетъ, что нашъ конь, какъ и древній ассирійскій, олицетворяетъ собою солнце.

Въ другой, болѣе обширной статьѣ: „Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи“, написанной по поводу изданія В. Прохорова—„Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной“ (Спб. 1881 г.), Стасовъ высказываетъ много дѣльныхъ, доказательныхъ замѣчаній о неправильномъ включеніи многими изслѣдователями въ число предметовъ костюма и быта нашихъ предковъ славянъ такихъ предметовъ, которые въ сущности имъ не принадлежали, а принадлежали другимъ народамъ, съ ними соприкасавшимися,—напр., скиѳамъ-кочевникамъ, сассанидамъ, скандинавамъ, или народностямъ тюркскаго племени.

Пересматривая этого рода статьи Стасова, можно немало подивиться обширности его свѣдѣній въ археологіи, освѣдомленности его въ разнообразнѣйшей и богатой литературѣ въ этой области, русской и иностранной.

Знанія Стасова были оцѣнены нашими учеными и такими же учрежденіями очень рано. Еще въ 1858 году Академія Наукъ поручила ему составить разборъ сочиненія Д. А. Ровинскаго: „Обозрѣніе русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ съ

[1]) „Рисунки коптскихъ тканей и новѣйшія сочиненія о нихъ“—„Вѣстникъ Изящн. Иск.“, VIII—1890 г. См. „Зап. И. А. О.“, т. VII, вып. 1 и 2. Новая серія 1894 года.

[2]) „Русская Старина“, 1877—IV кн.—Соч., т. II.

1564 г.", представленнаго на соисканіе награды графа Уварова, что онъ и исполнилъ въ высшей степени добросовѣстно, написавъ подробнѣйшій разборъ, въ которомъ указывалъ на крупные недостатки труда Ровинскаго, и главнымъ образомъ на то, что изслѣдователю-москвичу остались вовсе неизвѣстными богатыя коллекціи петербургской Публичной Библіотеки [1]). Такое отношеніе къ дѣлу тѣмъ болѣе цѣнно, что Стасовъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ авторомъ сочиненія, его товарищемъ по школьной скамьѣ въ Правовѣдѣніи. И это не помѣшало ему признать сочиненіе недостойнымъ преміи, а заслуживающимъ, за понесенные его авторомъ все же большіе труды, развѣ лишь почетнаго отзыва. Академія согласилась со Стасовымъ. Когда же черезъ шесть лѣтъ Ровинскій представилъ свой трудъ въ совершенно новомъ видѣ, серьезно переработавъ его, принявъ указанія Стасова, расширивъ и продолживъ свое изслѣдованіе до основанія Академіи Художествъ, т.-е. до 1764 года, Академія опять поручила разсмотрѣніе его Стасову, и онъ на этотъ разъ далъ самый лестный отзывъ о трудѣ Ровинскаго, признавъ его заслуживающимъ большой Уваровской преміи. Еще болѣе лестный отзывъ далъ Стасовъ, опять-таки по порученію Академіи, о третьемъ сочиненіи того же Ровинскаго: „Русскія Народныя Картинки", назвавъ этотъ трудъ „монументальнымъ" и требуя для него первой Уваровской награды, такъ какъ за второе сочиненіе Академія присудила Ровинскому только вторую награду. Не ограничиваясь своимъ отзывомъ для Академіи, Стасовъ написалъ объ этомъ и еще другомъ трудѣ Ровинскаго („Достовѣрные портреты московскихъ государей: Ивана III, Василія Ивановича, Ивана Грознаго и посольства ихъ времени") особую статью для болѣе широкаго круга читателей.

Кромѣ указанныхъ разборовъ сочиненій Ровинскаго, по порученію той же Академіи Наукъ, Стасовъ написалъ разборы сочиненій: архимандрита Макарія — „Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ", и С. А. Давыдовой—„Русское кружево", а по порученію „Императорскаго Археологическаго Общества" составилъ отзывъ о сочиненіи Н. П. Кондакова — „Исторія византійской эмали", на основаніи чего была присуждена „Обществомъ" за это сочиненіе большая золотая медаль.

Но не только въ этихъ порученіяхъ выражалось признаніе научныхъ знаній Стасова. Его призывали и къ самостоятель-

---

[1]) „Отчетъ о 2-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова 1858 года". Соч., т. II.

нымъ археологическимъ изслѣдованіямъ по сдѣланнымъ раскопкамъ. Такъ, въ 1873 году, Императорская Археологическая Коммиссія пригласила его изслѣдовать древнія катакомбы, открытыя въ Керчи. Поѣздка въ Керчь состоялась, и Стасовъ представилъ обширный отчетъ. Цѣнность его для науки краснорѣчиво доказывается уже тѣмъ, что за описаніе керченскихъ катакомбъ „Археологическое Общество“ присудило Стасову въ 1876 году большую золотую медаль. Трогательны заботы Стасова о сохраненіи катакомбъ. Онъ предлагалъ выпилить важнѣйшія фрески изъ каменистаго грунта, закрѣпить ихъ гипсомъ и выставить въ одномъ изъ музеевъ въ Петербургѣ. Но грунтъ, въ которомъ устроены катакомбы, будучи очень непроченъ, врядъ-ли позволилъ бы это выполнить. Для сохраненія катакомбъ отъ порчи посѣтителями были приняты мѣры, но, къ несчастью, часть фресокъ была попорчена водою.

Григорій Тимофеевъ.

МИННИ

Повѣсть Андрэ Лихтанвержэ.

—„*Minnie*“, par André Lichtenberger. Paris, 1907.

I.

Мама сложила листокъ бумаги, вложила его въ лиловый конвертикъ, надписала адресъ своимъ твердымъ почеркомъ и положила перо на чернильницу.

Вотъ и еще одинъ лоскутокъ бумаги пойдетъ гулять по бѣлусвѣту въ числѣ другихъ вѣстниковъ радости и горя. Милліоны ихъ ежедневно безостановочно странствуютъ по земному шару, охватывая его подобіемъ кольца и устанавливая связь между безпомощными, разбросанными по лицу земли слабыми существами.

Во истину слабыми! Мама какъ-то осѣла въ креслѣ, прислонившись головою къ спинкѣ и сложивъ руки на колѣняхъ, словно истощенная усиліемъ, которое она сдѣлала надъ собою для того, чтобы написать и сообщить тяжелое рѣшеніе. Грозное будущее какъ будто стало отъ этого болѣе близкимъ. Ея тонкое лицо еще болѣе осунулось, верхняя губа дрогнула, а кроткій взглядъ сѣрыхъ глазъ безпомощно блуждалъ по маленькой комнатѣ. Все это придется покинуть.

Думалось, что время изгнанія кончилось. Имъ не придется болѣе покидать дорогія существа, любимыя вещи, составляющія часть насъ самихъ, отправляться въ чужіе края, въ страшные края, гдѣ все таинственно и невѣдомо, даже—усѣявшія небосводъ звѣзды. И что же? Снова имъ предстоитъ странствующая

жизнь. Надо ѣхать! Пальцы мамы дрожали, ей хотѣлось заплакать. Какъ бы ей хотѣлось, чтобы ее приласкали, защитили отъ грознаго будущаго, отъ ея собственныхъ опасеній!

Ея умоляющій взглядъ остановился на мебели. Еще вчера они находили ее некрасивою, вышедшею изъ моды—сегодня всѣ эти предметы казались ей похожими на друзей изъ провинціи—нѣсколько отсталыхъ и смѣшныхъ, но честныхъ и вѣрныхъ. Обои перемѣняли зимою, свѣжіе занавѣсы будутъ готовы черезъ двѣ недѣли. Но теперь не все ли равно? Придется порвать всѣ эти радостно завязанныя на родинѣ узы! Изъ страшащей ее, почти дикой страны придется, быть можетъ, ѣхать далѣе въ другія страны—еще болѣе варварскія. Мама такъ тяжело вздохнула, что Минни, не оборачиваясь, сказала ей изъ своего угла тономъ дружескаго выговора:

— Какъ ты вздыхаешь, мамочка! Развѣ ты скушала лишнее?

Не отвѣчая сразу, мама задумчиво смотрѣла на дѣвочку, сидѣвшую напротивъ разсаженныхъ вдоль стѣнъ куколъ. У нея былъ классъ. У одной куклы недоставало руки, у другой—глаза, третья была съ расколотымъ черепомъ, а четвертая—лысая. Но Минни, сдвинувъ бровки, походила на строгую учительницу, которую не разжалобишь никакимъ убожествомъ. Она вполголоса дѣлала строгія замѣчанія ученицамъ. Нинеттъ—лѣнтяйка, ее высѣкутъ. Рита—неряха. Минни взяла ее въ руки и оправила на ней юбки, а затѣмъ водворила ее на мѣсто. Но у Лолоттъ—„бобо“, головка болитъ. И Минни съ материнскою нѣжностью взяла ее въ свои объятія и принялась укачивать. Ея круглый носикъ, который она передъ этимъ грозно наморщила, теперь принялъ нормальный видъ. Она прижимала паціентку къ своей розовой щечкѣ и цѣловала ея расколовшійся лобъ. Солнечный лучъ озарялъ огненнымъ ореоломъ золотистыя кудри Минни. Она походила на ангельчика, уносящаго въ объятіяхъ больного младенца.

Тутъ раздался голосъ мамы:

— Когда твоя кукла выздоровѣетъ, Минеттъ, поди сюда. Я скажу тебѣ кое-что интересное.

Интересное? Лолоттъ шлепнулась носомъ объ полъ, и Минни двумя прыжками очутилась возлѣ мамы. Ангельчикъ исчезъ, уступивъ мѣсто дѣвочкѣ, держащейся прямо и увѣренно. Изъ-подъ спутанныхъ кудряшекъ глядѣли синіе блестящіе глазки и доброе круглое личико. Слегка вздернутый носикъ говорилъ объ отсутствіи робости, подбородокъ нѣсколько выдавался, свидѣтельствуя объ упрямствѣ. Минни быстро заговорила.

— Что̀ такое? Ты говоришь: интересное?

И такъ какъ мама медлила, она стала догадываться: нашли котеночка? къ дессерту будетъ „баба“? кухарка выходитъ замужъ? Папочка намѣренъ купить ей маленькаго брата? Мама качала головою, и Минни принялась тормошить ее. Скорѣе, скорѣе!

— Мы уѣзжаемъ!

— Куда? Въ Аркашонъ? Въ Біаррицъ?

— Нѣтъ, Минни, дальше, гораздо дальше.

Гораздо дальше? Глаза Минни округлились, щеки порозовѣли, губы полураскрылись. Неужели они поѣдутъ въ тотъ волшебный край, о которомъ ей до сихъ поръ снятся золотые сны, и ей представляется, что ее изгнали изъ Эдема? Они ѣдутъ въ Бразилію?

— Слава Богу—нѣтъ!—Мама съ ужасомъ отмахнулась отъ этого кошмара. Страна лихорадокъ, москитовъ, всякихъ ужасовъ! Нѣтъ! Но они ѣдутъ въ Константинополь, гдѣ папа будетъ строить мостъ, а оттуда, быть можетъ,—въ Среднюю Азію.

Несмотря на всѣ старанія учительницы, географическія познанія Минни были нѣсколько смутны, и она разочарованно выпятила губку. Гдѣ это Константинополь? Ахъ, дурашка! Неужели же она не помнитъ подаренную ей дядею Гуфомъ чудную книжку съ картинками? На нихъ изображены турки съ ятаганами и трубками, женщины подъ покрывалами, верблюды, минареты и громадный сверкающій заливъ съ пароходами и „каиками“: Золотой Рогъ?

Золотой Рогъ! При этихъ волшебныхъ словахъ туманъ мгновенно разсѣялся. Помимо раскрашенныхъ картинокъ, въ воображеніи Минни съ необычайною яркостью предстали: сказочная страна, омываемая моремъ несравненной красоты, пестрые костюмы, альмеи, дервиши, вся эта жизнь, столь непохожая на здѣшнюю. Минни, съ расширенными отъ восторга зрачками, уже видѣла жгучее царственное солнце, золотившее ея волосы въ раннемъ дѣтствѣ. Она почуяла Востокъ и восторженно прошептала:

— Золотой Рогъ? Какъ я рада!

Мама поглядѣла на нее съ растроганною нѣжностью, къ которой примѣшивалось легкое раздраженіе. Почему у бѣдной мамы съ подвижнымъ личикомъ и утомленнымъ взглядомъ, вѣчно озабоченной тѣмъ, что Минни промочитъ ножки, а папа надорвется на работѣ, почему нѣтъ у нея довѣрчивости и внезапнаго оптимизма ея дочки?

Минни смотрѣла на мать съ изумленіемъ. Наблюдательность у нея была не особенно развита, но она обладала даромъ непосредственнаго и безошибочнаго постиженія. И вдругъ она все увидѣла, все поняла: и осунувшіяся черты матери, и дрожащую губу, и слезу, уже притаившуюся въ углу ея рѣсницы. Бѣдная мамочка! Она, которую такъ волнуетъ поѣздка въ Аркашонъ,—какъ ее должно пугать подобное путешествіе!

Минни вскочила къ мамѣ на колѣни, обвилась руками вокругъ ея шеи и своими сомнительной чистоты пальчиками (не до чистоты теперь!) принялась гладить ее по щекѣ. Она заговорила тономъ ласковаго превосходства, она объясняла, успокоивала. Не надо мамочкѣ такъ бояться. Вѣдь она—съ нею. Она—большая. Она станетъ помогать мамочкѣ, уложитъ вещи, пошлетъ за каретою, возьметъ билеты. Мамочка качаетъ головою, улыбается... Она бы все сдѣлала. Бѣда въ томъ, что ей не позволяютъ.

Вдругъ Минни остановилась. А Снэпъ, ея пріятель, маленькій фоксъ-терьеръ, а Фафіо—великолѣпный попугай съ тропическою окраской? А канарейки? Неужели ихъ оставятъ здѣсь? Папа разрѣшаетъ взять собачку и попугая, канареекъ отдадутъ привратницѣ до возвращенія.

До возвращенія! Мама подняла глаза къ небу.

— А мои игрушки?

Конечно, Минни не можетъ взять всѣхъ игрушекъ. Пусть она раздастъ часть ихъ подругамъ на память. Минни предпочла бы, чтобы подруги ее забыли и она могла увезти игрушки. Она не скупа, но у нея есть чувство собственности. Благоразуміе одержало, однако, верхъ, тѣмъ болѣе, что подобная раздача позволяла ей блеснуть великодушіемъ и посѣять зависть. Слона, у котораго сломано только двѣ ноги, она отдастъ Жюльетѣ. Маргарита получитъ двухъ куколъ, Сюзанна—одну, и она объяснитъ ей—почему. Если бы она не капризничала въ тотъ день, когда онѣ катались на ослахъ, и она получила бы двѣ.

Но вдругъ Минни воскликнула тревожно:

— Мамочка! А мой музей?

Она съ пылкою мольбою сложила руки. Мама, собиравшаяся отказать наотрѣзъ, остановилась. Тащить подобный хламъ! Но личико Минни омрачилось. Въ ея тревогѣ было нѣчто, несовсѣмъ понятное для мамы. Къ счастію, вошелъ отецъ.

— Вотъ папа. Спроси у него.

Минни однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ папы и уцѣпилась за его ноги.

— Папочка! Милый мой маленькій папочка! Могу я взять съ собою въ Константинополь мой музей?

Папа поднялъ ее съ пола и посмотрѣлъ ей въ глаза. Онъ не могъ ошибиться въ этомъ выраженіи пылкой мольбы, не похожемъ на мимолетные капризы дѣвочки. Нѣтъ, это не блажь, это—одно изъ желаній юной, слагающейся души, во многомъ—неопредѣлившейся, въ иномъ—уже сознательной, нѣжные побѣги которой надо щадить.

И отецъ проговорилъ серьезно для того, чтобы Минни видѣла и оцѣнила его серьезное къ ней отношеніе:

— Да. Ты можешь взять твой музей.

— Ура! — Минни стиснула отцовскій животъ въ своихъ объятіяхъ и воскликнула:—Я сейчасъ же начну укладываться!

И покуда отецъ, сѣвъ рядомъ съ матерью и взявъ въ свою руку ея тонкія бѣлыя руки, принялся о чемъ-то говорить съ нею вполголоса, озабоченная Минни выдвинула большой ящикъ съ игрушками, высыпала его содержимое на полъ и, затѣмъ, начала осторожно перебирать—одна за другою—странныя вещи, составлявшія ея коллекцію.

Музей Минни представлялъ въ своемъ родѣ нѣчто единственное. Цѣнность этихъ сокровищъ заключалась не въ нихъ самихъ, но въ пробуждаемыхъ ими воспоминаніяхъ.

Тутъ были игрушки, обломки игрушекъ, и методъ, руководившій ихъ выборомъ, оставался невыясненнымъ. Почему изъ множества подарковъ сохранялись бережно именно эти, между тѣмъ какъ другіе давно уже исчезли въ ямѣ забвенія? Изъ всего звѣринца уцѣлѣлъ лишь одинъ хромой левъ, изъ цѣлаго сервиза—одна разбитая чашечка... Портмонэ съ дыркою и новенькою монетою въ двадцать сантимовъ, голова куклы съ бѣлокурою шевелюрою, чуть-чуть тронутою молью, двѣ шахматныхъ фигуры, крошечная бронзовая лягушка — принадлежали къ числу наиболѣе священныхъ предметовъ, не употреблявшихся для игры.

Однажды, желая подразнить Минни, г-жа де-Жерль предложила Минни купить у нея одну изъ ея рѣдкостей; она давала ей сначала одну, потомъ—двѣ серебряныхъ монеты, и дѣвочка такъ разсердилась, что едва не бросила ихъ дамѣ въ лицо и разразилась рыданіями. Никто не могъ понять, почему она такъ дорожитъ своимъ музеемъ? Одинъ папа былъ лучшимъ психологомъ. Минни создала своихъ кумировъ по примѣру первобытныхъ людей, воплощающихъ въ своихъ богахъ то̀, что̀ есть лучшаго, наиболѣе *живого* въ нихъ самихъ. Съ каждою изъ этихъ

вещицъ связано какое-нибудь воспоминаніе. Въ нихъ есть частица ея души.

Второй отдѣлъ музея занимали „рѣдкости": раковины изъ Явы, чучела животныхъ. Самая замѣчательная изъ нихъ—гигантская черная жаба, которую нельзя было видѣть безъ ужаса, пара колибри, ящерица... Вотъ стрѣла африканскаго людоѣда, полосатый камень, привезенный отцомъ съ Амазонской рѣки. Одной Минни извѣстна исторія всѣхъ этихъ камешковъ, раковинъ, обломковъ. Она, которая не можетъ полчаса просидѣть за книжкою, проводитъ цѣлые часы за созерцаніемъ этихъ сокровищъ.

Почему? Потому что съ каждымъ изъ нихъ связана цѣлая исторія.

Вотъ этотъ кокосовый орѣхъ, напримѣръ, засаленный и затасканный, олицетворяетъ для Минни страну, гдѣ протекло ея первое дѣтство. Ей принесъ его негръ съ волосами, похожими на шерсть, и когда она ухватилась за орѣхъ обѣими ручонками, негръ радостно осклабился до ушей. Онъ былъ мужемъ доброй негритянки Юліи, кормилицы Минни. Помнитъ ли она свою чернокожую кормилицу въ желтомъ платкѣ, повязанномъ тюрбаномъ? Держа магическій орѣхъ, Минни видитъ себя крошечною, полуголою, розовою дѣвочкою въ соломенной гигантской шляпѣ, ковыляющею по лужайкѣ и поддерживаемою съ одной стороны толстою женщиною съ пряничнымъ лицомъ, а съ другой—высокимъ негромъ съ ослѣпительными зубами. У обоихъ—странный птичій говоръ съ дѣтскими интонаціями, съ веселыми и меланхолическими нотами, и прикосновеніе ихъ черныхъ лапъ—нѣжно и легко, словно прикосновеніе рукъ волшебницы. Они—въ громадномъ паркѣ. Тамъ поднимаются къ небу надъ чащею пальмъ какія-то сверхъестественныя растенія. Со всѣхъ сторонъ распускаются, сверкаютъ всѣми оттѣнками радуги колоссальные цвѣты, какіе можно увидѣть лишь во снѣ. Глаза разбѣгаются. Цвѣты—всюду; въ озерѣ они кажутся золотыми рыбками; въ воздухѣ—разноцвѣтными птицами, оглашающими просторъ своимъ пѣніемъ. Цвѣты летаютъ кругомъ—въ видѣ изумрудныхъ и сафировыхъ бабочекъ. Гдѣ опьяняющая, благоуханная, трепещущая тѣнь этой листвы? Гдѣ ослѣпительное солнце—алмазъ и пламень,—поцѣлуи котораго зарождаютъ всю эту роскошную жизнь? Минни зачастую спрашивала мать: когда они поѣдутъ въ Бразилію? Страна изгнанія осталась для нея земнымъ раемъ.

И другія „рѣдкости" Минни говорятъ ей о чудесахъ міра: въ шумѣ раковинъ ей слышится голосъ моря. Онѣ говорятъ о буряхъ, о смѣлыхъ мореходахъ, о ловлѣ жемчуговъ. Вотъ эту

раковину нашелъ у себя въ карманѣ кузенъ Пьеръ, придя въ себя послѣ того, какъ его вытащили на берегъ въ Формозѣ, близъ которой потерпѣло крушеніе ихъ судно...

Все это было совершенно понятно для Минни, но именно потому ей и приходилось молчать, когда ее спрашивали: почему она такъ дорожитъ своимъ музеемъ? Какъ это объяснить?

Покуда Минни тщательно завертывала въ бумагу свои сокровища, мама жаловалась на нее отцу. Почему дѣвочка такъ безучастно отнеслась къ разлукѣ съ Бордо, съ близкими людьми и подругами, и чуть не разрыдалась при мысли, что ей не позволятъ взять съ собою этотъ хламъ? Неужели у нея нѣтъ сердца?

Отецъ не выразилъ ни малѣйшаго безпокойства. Человѣкъ, желающій жить, долженъ не заграждать свой путь лишнею сентиментальностью, и бодро идти впередъ. Но онъ любитъ сохранять въ душѣ память прошлаго. Вотъ почему Минни права, покидая съ радостью Бордо и желая взять съ собою свои воспоминанія.

Отецъ въ тысячный разъ старался успокоить жаждавшую утѣшенія мамочку. Онъ съ довольнымъ видомъ смотрѣлъ на дѣвочку. Въ сущности, душевная ясность Минни вытекаетъ изъ ея полнаго незнанія жизни.

Отецъ, бывшій политехникъ, сторонникъ строго опредѣленныхъ системъ, формулируетъ ея чувства такимъ образомъ. Въ Минни инстинктивно развилось то̀, что̀ дается мудрецу выработкою въ себѣ твердой воли: презрѣніе къ препятствіямъ въ прошломъ, вѣру въ будущее и въ свои силы. Въ ней таится источникъ силъ, одушевлявшихъ великихъ людей и великіе народы. Не будь первобытное человѣчество подобнымъ ей, мы оставались бы до сихъ поръ жалкою бродячею расою. Цивилизацію, науки, искусства—двигали впередъ люди, не поддававшіеся парализующимъ волю опасеніямъ.

— Ну, вотъ я и уложилась,—сказала Минни,—я готова!

Я готова! Бодрое слово борца, котораго неудача не захватитъ врасплохъ. Съ него достаточно четверти часа для того, чтобы ликвидировать прошлое и извлечь изъ него защиту противъ случайностей будущаго. Четверть часа! Игрушечный чемоданъ уложенъ. Этимъ путемъ мы освобождаемся отъ безполезныхъ узъ, порываемъ съ устарѣвшими формулами, держащими насъ въ плѣну, похожемъ на смерть.

— Я готова,—повторила Минни,—когда же мы ѣдемъ?

Когда они ѣдутъ? Вотъ неизбѣжный вопросъ. Родители обмѣ-

нялись тревожнымъ взглядомъ. Мамѣ хотѣлось бы уклониться отъ объясненія, но папа всегда стоитъ за прямое рѣшеніе вопросовъ. Если нужно вырвать зубъ, то—съ одного разу, а не съ двухъ.

Онъ привлекъ къ себѣ дѣвочку и серьезнымъ, ласковымъ тономъ объяснилъ ей, что въ Константинополѣ имъ нужно сначала устроиться: найти квартиру, мебель, слугъ. Поэтому папа съ мамою поѣдутъ раньше, Минни позднѣе присоединится къ нимъ.

Минни задрожала и вся побѣлѣла. Какъ? Ее бросятъ? Папа съ мамой поѣдутъ вдвоемъ по чудному морю къ Золотому-Рогу, а бѣдную Минни оставятъ здѣсь одну? Солнце скрылось, наступила ночь... Минни почувствовала себя слабою, одинокою и готова была разрыдаться.

Нѣтъ, Минни не останется одна. Она даже уѣдетъ первая, послѣ-завтра утромъ, но не въ Константинополь, а сначала—въ Парижъ.

Да, въ Парижъ—чудный городъ, о которомъ она слышала, въ Парижъ, гдѣ лучшіе магазины на свѣтѣ и продаются лучшія куклы въ мірѣ. Она будетъ гостить у крестной, пригласившей ее въ качествѣ взрослой дѣвицы.

Крёстная? Минни вспомнила пожилую даму, пріѣзжавшую къ нимъ на два дня въ прошломъ году. У нея были сѣдыя букли и она опиралась на палочку. Лицо ея было покрыто сѣтью морщинъ, придававшихъ ему строгій видъ, но когда она смѣялась, лицо дѣлалось такимъ добрымъ и такъ забавно морщилось, что хотѣлось ее поцѣловать. И эта важная дама, которая такъ мало ее знала, приглашаетъ ее къ себѣ? Минни была польщена.

— И ты увидишь Эйфелеву башню и Зоологическій садъ. Я подарю тебѣ золотой, и ты купишь на него, что̀ хочешь—на память о Парижѣ.

Золотой! Она въ первый разъ получитъ на руки такое богатство? Ей дарятъ на Новый Годъ по золотому, но она обыкновенно не успѣваетъ и поглядѣть на него, такъ какъ его опускаютъ въ копилку.

— А кто же меня повезетъ? Ты, папочка?

Нѣтъ, ему нельзя, но ее проводитъ дядя Гуфъ.

Дядя Гуфъ! Лицо Минни просіяло. Вотъ это славно!

Въ ея привязанностяхъ дядя Гуфъ занималъ исключительное мѣсто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они возвращались изъ Бразиліи, въ ту минуту какъ пакетботъ готовился причалить и

всѣ они, стоя у борта, глядѣли на пристань, кишащую народомъ, отыскивая въ толпѣ знакомыя лица, Минни—совсѣмъ еще крошечная дѣвочка—приставала съ вопросомъ: не тутъ ли ея кормилица, Юлія?

Юліи не было, но вдругъ Минни увидѣла чей-то толстенькій животъ въ бѣломъ жилетѣ съ золотою цѣпью отъ часовъ. Надъ животикомъ возвышалась коротенькая шея и добродушная круглая голова, почти лысая, лицо съ круглымъ носикомъ, съ котораго постоянно съѣзжало pince-nez, розовыя щеки и голубые фарфоровые глазки — совсѣмъ такіе, какъ у bébé Минни, который можетъ держаться на водѣ. Поверхъ всего этого развѣвался бѣлый носовой платокъ. И отецъ, какъ только онъ замѣтилъ маленькаго господина съ животикомъ, тотчасъ принялся махать платкомъ, проговоривъ съ волненіемъ:

— Другъ Жоффруа! Какъ это похоже на него!

Десять минутъ спустя, мужчины обнимались. Мама пожимала руку маленькому господину и благодарила его за то, что онъ встрѣтилъ ихъ. Онъ что-то бормоталъ и постоянно терялъ свое pince-nez. И такъ какъ Минни все время не сводила съ него глазъ, онъ, краснѣя, попросилъ наконецъ позволенія быть ей представленнымъ. Но Минни звонкимъ голоскомъ, заставившимъ нѣсколько человѣкъ оглянуться, проговорила:

— Я знаю васъ. Вы—дядя Гуфъ, другъ папы.

Тутъ всѣ расхохотались. И съ этихъ поръ г. Огюстъ Жоффруа, инженеръ, сдѣлался другомъ Минни и дядею Гуфомъ. Онъ дружитъ съ папою и мамою, но въ особенности — съ нею. Хотя онъ живетъ въ Парижѣ, но не проходитъ мѣсяца безъ того, чтобы послѣ обѣда не раздался робкій звонокъ и папа не проговорилъ сердито: — „Держу пари, что это животное Жоффруа опять нарочно не пріѣхалъ къ обѣду!“ Дверь пріотворяется, слышны какіе-то переговоры, онъ боится „потревожить“, онъ „зайдетъ поутру“. Кончается тѣмъ, что папа выходитъ къ нему, начинаетъ браниться, и дядя Гуфъ, краснѣя, извиняется и, пробираясь въ гостиную бочкомъ, подмигиваетъ Минни, чтобы она заглянула въ его оттопырившіеся карманы.

Чего только въ нихъ нѣтъ! Но надо отдать справедливость Минни — ея привязанность къ нему безкорыстна; она полюбила его съ первой встрѣчи, и съ теченіемъ времени это чувство лишь окрѣпло. Какимъ образомъ удалось ему пріобрѣсти любовь, которую Минни не расточаетъ кому попало? Не подарками. Зачастую онъ ухитряется поломать дорогою цѣнныя игрушки и раздавить конфекты.

Разговоръ его не особенно занимателенъ и не то чтобы онъ зналъ много игръ: скорѣе—наоборотъ. Но онъ такъ добръ, что ему все прощается. Пріятно имѣть къ своимъ услугамъ такого розовенькаго, толстенькаго друга. Минни ходила съ нимъ гулять вдвоемъ; онъ все время слушалъ ее, сбрасывая и надѣвая свое pince-nez; изрѣдка онъ рѣшался вставить слово, и они всегда возвращались въ восхищеніи другъ отъ друга... Ѣхать съ нимъ въ Парижъ будетъ одно удовольствіе.

Личико Минни прояснилось.

— Ну, что же, Минни? Ты утѣшилась?

Минни повертѣлась. Въ глубинѣ души она утѣшилась. И потомъ, разъ уже что-нибудь рѣшено — какая польза въ томъ, чтобы нюнить? Но ей оказываютъ снисхожденіе, и потому не годится показывать, что она такъ легко утѣшилась. Поэтому Минни, чуточку лицемѣря, повертѣла головой, замялась, вздохнула раза-два и объявила, что ей будетъ „очень, очень скучно" ѣхать безъ папы и мамы. Но такъ какъ она—большая дѣвочка, и они скоро увидятся, и притомъ она ѣдетъ съ дядею Гуфомъ къ крёстной въ Парижъ, то она будетъ умницей.

— А когда я поѣду? Послѣ-завтра?

Послѣ-завтра! Значитъ, нельзя терять ни минуты.

Минни открыла свой шкафъ настежь и принялась разбирать свое имущество, откладывая игрушки, которыя предназначались къ раздачѣ. Она смѣялась и хлопала въ ладоши, представляя себѣ радость обогащенныхъ и разочарованіе обойденныхъ.

Родители молча наблюдали за нею среди надвигающихся сумерекъ. Мама думала о томъ времени, когда она сама была тщедушною и черезчуръ нервною дѣвочкою. Ей вспоминались ея страхи передъ экзаменами, передъ отъѣздами, передъ будущимъ вообще. Какъ пугала ее мысль о томъ, что современемъ ей придется оставить родной домъ, выйти замужъ, имѣть семью!.. Да и теперь, несмотря на мужественный характеръ и нѣжность мужа, ограждающаго ее отъ многаго, она постоянно тревожится, она всего боится, жизнь ее пугаетъ...

Отецъ думалъ о томъ же. И ему съ дѣтства приходилось вести съ собою борьбу противъ „страховъ", скрываемую имъ изъ гордости. Лишь съ громаднымъ трудомъ удалось ему воспитать въ себѣ твердую волю, принять жизнь такою, какая она есть. Еще и теперь ему приходится порою подавлять въ себѣ болѣзненную тревогу, обманчивыя сомнѣнія, унаслѣдованныя отъ цѣлаго ряда предковъ, истощенныхъ усиленною умственною дѣятельностью. Но онъ по праву гордится тѣмъ, какъ онъ воспи-

талъ свою дочь. Ей позволяли развиваться свободно, и она выросла здоровой и веселой. Прямой, ясный умъ, открытый характеръ, не наломанная преждевременною дисциплиною воля — будутъ ея оружіемъ въ борьбѣ съ жизнью. Дядя Гуфъ, разсматривая старинные портреты, сдѣлалъ какъ-то открытіе, что Минни похожа на одного изъ своихъ прадѣдовъ, Жана-Пьера, считавшагося „авантюристомъ“ въ этомъ корректномъ судейскомъ роду, давшемъ много свѣтилъ магистратуры и духовенства. Вмѣсто того, чтобы вступить въ духовное званіе, онъ избралъ профессію моряка, принималъ участіе въ битвѣ революціонеровъ съ англичанами и былъ убитъ въ бою. Нѣсколько капель его мятежной крови перешло въ жилы дѣвочки, расцвѣтшей подъ тропическимъ солнцемъ, вдали отъ сгущеннаго тяжелаго воздуха старой Европы.

II.

Въ салонѣ съ высокимъ потолкомъ въ улицѣ Вареннъ крёстная сидѣла, выпрямившись въ своемъ креслѣ съ высокою спинкою, и держала въ рукахъ вязанье. Сквозь полузакрытыя ставни еле-еле пробивался солнечный лучъ. Массивные, поддерживаемые четырьмя мраморными колонками, часы Empire сухимъ стукомъ маятника отсчитывали время. Въ комнатѣ стоялъ смѣшанный запахъ лаванды и затхлости; мебель изъ краснаго дерева съ мѣдными инкрустаціями, неудобная и прямая — дремала подъ чехлами. Ни цвѣточка, ни бездѣлушки. Пара бронзовыхъ канделябръ, изображающихъ Марія на развалинахъ Карѳагена, нѣсколько пожелтѣвшихъ фотографій въ потускнѣвшихъ рамахъ. На стѣнахъ висѣли портреты господъ въ парикахъ, погруженныхъ въ мрачныя мысли, и сухощавыхъ дамъ съ вырѣзнымъ корсажемъ и губами бантикомъ.

Лишь надъ роялемъ улыбался портретъ восхитительной молодой дѣвушки въ розовомъ тюлевомъ бальномъ платьѣ — единственная радость застывшей комнаты. Время отъ времени съ улицы доносился ревъ автомобиля, и тогда Бобби, старый пудель, полуоткрывалъ глазъ, испускалъ ворчаніе и снова засыпалъ.

Крёстная волновалась. Вмѣсто того, чтобы сидѣть, склоня голову надъ вязаньемъ, она поднимала по временамъ глаза и спускала петлю. Ея сѣрые, еще живые глаза скользили по портретамъ, словно спрашивая у нихъ совѣта, а затѣмъ останавливались на розовой дѣвушкѣ, и тогда подбородокъ старухи

вздрагивалъ и грудь приподнималась отъ вздоха, а шолкъ накидки слегка шелестѣлъ.

Дверь отворилась, и въ комнату скользнулъ неопредѣленный силуэтъ m-lle Ноэми. Подъ ея бѣлесоватыми, уже серебрившимися волосами ея невзрачное лицо словно извинялось въ томъ, что оно не можетъ окончательно исчезнуть. Изъ опасенія нескромности—всѣ черты его и такъ казались сокращенными до минимума. Маленькіе безцвѣтные глазки прятались за вѣками, щекъ совсѣмъ не было, на подбородокъ былъ одинъ намекъ. M-lle Ноэми, блѣдненькая, подпрыгивающая, озабоченная — походила на ощипанную птицу.

Крёстная спросила глуховатымъ, твердымъ голосомъ:

— Ну-съ, mademoiselle, ваши приготовленія окончены?

M-lle Ноэми состоитъ уже четверть вѣка подъ началомъ у крёстной, но она до сихъ поръ смущается при каждомъ непосредственномъ къ ней обращеніи. Поэтому она потупляется, выпрямляетъ шею, откашливается, краснѣетъ и съ трудомъ произноситъ:

— Да, ваше сіятельство, по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ Мелани̂.

Это — не безосновательная ссылка на чужой авторитетъ. Откуда знать m-lle Ноэми, что̀ нужно приготовить къ пріѣзду ребенка? Развѣ среди этихъ четырехъ стѣнъ, гдѣ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ отцвѣтаетъ ея молодость, ей случалось когда-нибудь видѣть вблизи одного изъ этихъ маленькихъ чудищъ и ознакомиться съ ихъ вкусами и потребностями?

Но крёстная, нахмуривъ брови, продолжала настаивать. Какъ можетъ m-lle Ноэми полагаться на Мелани̂ въ такомъ дѣлѣ? Мелани̂ — добрая дѣвушка и усердная служанка, но она — простой, необразованный человѣкъ. Кротость и твердость характера m-lle Ноэми дѣлаютъ ее самою подходящею особою для роли воспитательницы, наконецъ самый возрастъ ея дозволяетъ ей глубже проникнуть въ психологію ребенка.

Кротость... твердость... При каждомъ изъ этихъ обозначеній m-lle Ноэми дѣлала реверансъ, похожій на попытку нырнуть. При намекѣ на возрастъ она смутилась. Неужели маркиза можетъ считать ее молодою? Но, конечно, ей лучше знать.

M-lle Ноэми разсыпалась въ выраженіяхъ признательности за довѣріе. Она постарается его оправдать.

Наступило молчаніе. Затѣмъ крёстная спросила:

— Видѣли вы Орази̂?

Въ этомъ вопросѣ зазвучали серьезныя, почти трагическія ноты. Маркиза произнесла свой вопросъ не безъ затаеннаго

опасенія. Даже спицы въ ея рукахъ пріостановились. M-lle Ноэми извѣстенъ тайный смыслъ этой простой, повидимому, фразы, и она поспѣшила успокоить крёстную. Да, она видѣла ее послѣ завтрака. Кажется, она—довольно хорошо настроена.

— Она пила кофе?

Брови m-lle Ноэми съ торжествующимъ видомъ приподнялись, словно онѣ были настоящими бровями.

— Она пила кофе съ сахаромъ.

Крёстная снисходительно улыбнулась, но она, очевидно, почувствовала облегченіе. Она слегка вздохнула и снова принялась за вязанье.

Когда Оразй, старая кухарка, служившая маркизѣ со дня ея свадьбы, узнала, что въ домѣ поселится ребенокъ, она сказала кучеру по секрету, что намѣрена просить у барыни разсчета. Эти слухи дошли до m-lle Ноэми, которая сочла долгомъ довести ихъ до свѣдѣнія маркизы. Крёстная самымъ надменнымъ тономъ отвѣтила, что она отчитаетъ бунтовщицу, но въ глубинѣ души она была потрясена. Предстоящая перемѣна, страхъ разлуки, разрывъ съ тѣмъ, что оставалось у нея отъ прошлаго— взволновали ее. Она не спала три ночи подъ-рядъ. Ея достоинство заставляло ее скрывать свои терзанія даже—отъ m-lle Ноэми, но сейчасъ она не безъ трепета предложила ей свой вопросъ. Теперь она успокоилась. Если Оразй пила кофе съ сахаромъ, значитъ тревожиться нечего. Въ дни національныхъ бѣдствій она обходится безъ сахару: такъ было въ день убійства президента Карно. Отъ кофе же она отказалась дважды въ жизни: въ тотъ день, когда у маркизы сдѣлалось воспаленіе легкихъ, и въ день смерти Клэры-Анжелики.

M-lle Ноэми продолжала почтительно-конфиденціальнымъ тономъ:

— Меланй убѣждена, что все обойдется, если только дѣвочка не станетъ ходить на кухню.

Крёстная покачала головою, во-первыхъ—въ видѣ протеста противъ того, чтобы ея крестница вздумала заглянуть на кухню, во-вторыхъ—въ знакъ того, что она съумѣла бы „осадить“ Оразй и указать ей ея мѣсто, какъ она дѣлала это по отношенію къ весьма многимъ лицамъ, а въ ихъ числѣ—къ императрицѣ Евгеніи, которая назначила ее своею статсъ-дамою, думая, что дѣлаетъ ей этимъ честь.

Крёстная заключила съ оттѣнкомъ строгости:

— Вы слишкомъ ее избаловали. У васъ нѣтъ достаточно твердости.

M-lle Ноэми опустила голову, сознавая, что этотъ упрекъ заслуженъ ею. Какую твердость можетъ она выказать по отношенію къ Оразѝ, у которой есть не только брови, подбородокъ, но даже усы, не говоря уже о томъ, что у нея—косая сажень въ плечахъ и она—вдова жандарма? Она виновато улыбнулась и промолчала. Положеніе дѣлъ было хорошо извѣстно крёстной, и она знала, что иначе и не можетъ быть, но оффиціально Оразѝ считалась подъ началомъ у m-lle Ноэми. Крёстная просто изложила принципіальный взглядъ: они для того и существуютъ.

Снова наступило молчаніе, и затѣмъ m-lle Ноэми проговорила вполголоса—такъ что крёстная могла продолжать или не продолжать разговоръ.

— Судя по фотографіямъ, маленькая Минни—премиленькая!

Крёстная опять неопредѣленно повела головою. Она слишкомъ мало видѣла ее, но по первому взгляду дѣвочка ей понравилась. Теперь она явится одна—испуганной, оробѣвшей, какъ выпавшій изъ гнѣзда птенчикъ. Пусть m-lle Ноэми не будетъ съ нею слишкомъ строга. M-lle Ноэми обѣщаетъ не быть слишкомъ строгой, только бы Минни не вздумала обижать ее.

— А съ другой стороны, m-lle Ноэми, я должна васъ просить не баловать ее. Она ужасно избалована.

M-lle Ноэми стала протестовать. Дочь мосьё Мориса не можетъ быть избалованной.

Крёстная прервала ее повелительнымъ жестомъ. Почему она знаетъ? Какое воспитаніе можетъ дать дѣвочкѣ мужчина, притомъ—при постоянныхъ переѣздахъ? У дѣтей, родившихся въ колоніяхъ, всегда замѣчаются нѣкоторая лѣность и распущенность, свойственная креоламъ. И затѣмъ — какую помощницу имѣетъ онъ въ женѣ?

Это былъ деликатный вопросъ, по которому m-lle Ноэми предпочитала не высказываться.

Крёстная продолжала. Не то что бы m-me Морисъ произвела на нее дурное впечатлѣніе,—она была чрезвычайно мила и предупредительна,—но она показалась ей такою хрупкою и нервною. Кромѣ того, она получила воспитаніе не въ монастырѣ.

— Можетъ быть, вы скажете мнѣ, что можно получить хорошее воспитаніе гдѣ-нибудь, кромѣ монастыря?

M-lle Ноэми, по совѣсти, могла бы это сказать, но могла бы также и не говорить. Она удовольствовалась тѣмъ, что испустила нѣчто вродѣ неопредѣленнаго клохтанья. Затѣмъ она робко проговорила:

— Мосьё Жоффруа какъ-то сказалъ, что дѣвочка очень развита для своихъ лѣтъ.

— Мосьё Жоффруа!

При этомъ имени нижняя губа маркизы презрительно вытянулась, а носъ ея приподнялся.

— Что за авторитетъ—мосьё Жоффруа? Онъ ничего не понимаетъ въ дѣтяхъ. Какъ можетъ онъ судить о нихъ?

Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю дядя Гуфъ робко звонитъ у подъѣзда крёстной, входитъ въ салонъ и, сѣвъ на кончикъ стула, излагаетъ въ смиренномъ и примирительномъ тонѣ свои сужденія о людяхъ и вещахъ, которыя крёстная снисходительно выслушиваетъ или рѣзко на нихъ возражаетъ.

Отецъ дяди Гуфа былъ когда-то повѣреннымъ маркиза де-Вальфруа (мужа крёстной), и, благодаря своей преданности и упорному труду, онъ спасъ остатки ихъ состоянія отъ расточительности маркиза. Послѣ смерти Жоффруа маркиза объявила его сыну и наслѣднику, близорукому студенту-политехнику, что она проситъ его считать ея домъ — своимъ собственнымъ. Конечно, этого нельзя было понимать буквально, да и сама крёстная не могла забыть разстоянія, существующаго между вдовою разорившагося маркиза и сыномъ плебея-богача. Самъ дядя Гуфъ, хотя онъ величаетъ себя демократомъ и бормочетъ себѣ въ бородку анархистскія теоріи, чувствовалъ себя передъ нею какою-то букашкой. Онъ всегда уходилъ изъ ея салона съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія.

И все же въ теченіи двадцати лѣтъ онъ постоянно возвращался туда. Почему? Вѣроятно, потому что въ мрачномъ старомодномъ салонѣ онъ чувствовалъ себя вдали отъ современнаго крикливаго и вульгарнаго Парижа и могъ забывать на нѣкоторое время о его существованіи, а запахъ лаванды и нѣсколько спертый воздухъ—пріятно щекотали обоняніе этого сентиментальнаго скептика. Онъ приходилъ еще и потому, что кружокъ посѣтителей рѣдѣлъ съ каждымъ годомъ, и если бы онъ прекратилъ свои посѣщенія, крёстная оказалась бы совсѣмъ одинокою среди шумнаго Парижа: онъ былъ единственнымъ звеномъ, соединявшимъ ее съ жизнью.

Былъ у дяди Гуфа еще одинъ поводъ для прихода. При помощи нѣсколькихъ искусныхъ маневровъ ему удавалось усѣсться противъ портрета Клэры-Анжелики.

Клэра-Анжелика была красавица въ розовомъ. Она родилась поздно, когда маркиза уже не надѣялась имѣть дѣтей, а скон-

чалась она двадцать лѣтъ тому назадъ, унесенная въ три дня дифтеритомъ, за три недѣли до своего брака съ графомъ де-Фоссё.

Клэра-Анжелика была единственная женщина, которую любилъ дядя Гуфъ. Онъ любилъ ее въ то время какъ она была крошкою въ нагрудникахъ, затѣмъ — шаловливою дѣвочкой съ косами за спиною и пальцами въ чернильныхъ пятнахъ. Это чувство превратилось въ настоящую любовь въ то время, какъ онъ—робкій желтолицый юноша—слѣдилъ за нею, порхающей въ объятіяхъ искусныхъ танцоровъ, чувствуя себя смѣшнымъ и не рѣшаясь къ ней подойти. Знала ли она о его любви? Можетъ быть—нѣтъ. А крёстная? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ она ничѣмъ этого не проявила, и какъ въ сущности могла она заподозрить въ подобной дерзости этого увальня, сына Жоффруа?

Въ одинъ прекрасный день она самымъ естественнымъ тономъ, безъ всякой подготовки, объявила ему о помолвкѣ Клэры-Анжелики. Дядя Гуфъ не покончилъ съ собою только потому, что онъ считалъ это нескромностью; онъ рѣшилъ тогда, что это—величайшее горе его жизни. Но, три недѣли спустя, узнавъ о смерти молодой дѣвушки, онъ понялъ, что ошибался, что бываютъ худшія страданія. Съ тѣхъ поръ самыми лучшими часами въ его жизни были тѣ часы, которые онъ проводилъ передъ портретомъ Клэры-Анжелики, между тѣмъ какъ маркиза обличала неумолимымъ тономъ современное паденіе нравственности и политическія ошибки.

На часахъ Empire—никогда не отстававшихъ—пробило пять.

— Если поѣздъ не опоздалъ, они должны быть на вокзалѣ.

Крёстная дѣлаетъ презрительное движеніе. Конечно, поѣздъ опоздалъ. Въ сущности, она ничего не имѣетъ противъ желѣзныхъ дорогъ (это вѣдь—не автомобили), хотя дилижансы были во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе, но желѣзно-дорожная администрація и порядки на нихъ—ужасны. Вообще, плохо идутъ дѣла въ теперешней Франціи: ее обезобразили и развратили.

Слѣдуя за теченіемъ мыслей, приведшимъ крёстную къ пессимистическимъ выводамъ, m-lle Ноэми сказала вполголоса:

— Кстати, ваше сіятельство, жильцы изъ второго этажа...

Крёстная подняла глаза съ бо̀льшею живостью, нежели это допускалось чувствомъ строгаго приличія.

— Ну, что̀ же?

— Они и не думаютъ съѣзжать, ваше сіятельство.

Крёстная не была склонна къ демонстраціямъ. Но тутъ она прикусила губу, подняла взоръ къ потолку и удрученно покачала головою.

Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ она занимаетъ эту квартиру въ улицѣ Вареннъ. Квартира неудобная, скучная, мрачная, но она — въ первомъ этажѣ во дворѣ, и сюда не проникаетъ уличный шумъ; притомъ изъ оконъ виденъ монастырскій садъ. Всѣ ея воспоминанія связаны съ этою квартирою.

И, тѣмъ не менѣе, три года тому назадъ, она чуть не съѣхала. Умерла ея сосѣдка, старая графиня, и квартиру покойной снялъ — кто бы вы думали? Докторъ Пэбордъ, радикалъ-соціалистъ, депутатъ отъ Аррьежа.

M-lle Ноэми помнила день, въ который произошла катастрофа. Это было въ среду утромъ, въ октябрѣ. Возвращаясь отъ обѣдни, она встрѣтила консьержа, который съ волненіемъ сообщилъ ей эту вѣсть. Квартира снята депутатомъ. И какимъ? Свирѣпымъ анти-клерикаломъ, вотировавшимъ за изгнаніе конгрегацій и облегченіе закона о разводѣ. Онъ привезъ съ собою жену, провинціальную сороку, одѣвавшуюся какъ кокотка, и троихъ дѣтей—не крещеныхъ. M-lle Ноэми не нашла ни слова въ отвѣтъ. Задыхаясь, еле держась на ногахъ, она вбѣжала къ маркизѣ и, будучи внѣ себя, сразу бухнула ей все.

Много разъ послѣ этого она упрекала себя въ жестокости.

Крёстная поблѣднѣла — такъ поразилъ ее этотъ ударъ; она стиснула пальцы и, казалось, готова была лишиться чувствъ. Какъ? Подъ одною кровлей съ нею будутъ жить гонители, мечтающіе объ изгнаніи христіанства изъ Франціи! Она столкнется на лѣстницѣ съ презрѣнною женщиною, которая передъ лицомъ церкви — даже не жена его, а просто — законная любовница! Надъ ея головою будутъ раздаваться шаги троихъ несчастныхъ дѣтей, обреченныхъ гибели съ самаго дня ихъ рожденія? Передъ такою перспективою крёстная возмутилась и воскликнула:

— M-lle Ноэми, мы переѣзжаемъ!

Она сказала это, но не сдѣлала. Бѣдная крёстная! Ея тѣлесныя силы оказались не на высотѣ ея духовнаго подъема, и воля ея поколебалась. Оставить домъ, въ которомъ протекло дѣтство Клэры-Анжелики, отдать другимъ комнату, гдѣ она умерла, искать среди громаднаго шумнаго Парижа пристанище, гдѣ она могла бы доживать свои послѣдніе дни? Нѣтъ, у нея не хватило на это мужества, и m-lle Ноэми кстати забыла о вырвавшейся у нея фразѣ.

Итакъ, маркиза осталась жить подъ одной кровлею съ безбожниками. Ей пришлось видѣть издали суровую бородатую фигуру доктора Пэборда, этого пожирателя кюрэ. Она слышала крикливый голосъ его подруги, осмѣлившейся позвонить у ея

двери съ тѣмъ, чтобы освѣдомиться: по какимъ днямъ принимаетъ маркиза? До нея доходили возня, ссоры, шумныя игры и завываніе фонографа, принадлежавшаго тремъ маленькимъ чудовищамъ, бѣсновавшимся у нея надъ головою. Они не только не были крещены, но лишены всякаго надзора и воспитанія, живя между поглощеннымъ политикою отцомъ и легкомысленною, жадною до удовольствія матерью.

Все это маркиза переносила безропотно, не допуская жалобъ со стороны своихъ домашнихъ. Она сама виновата, она не переѣхала, и должна теперь искупать свою слабость. Не имѣя мужества уѣхать, она рѣшила игнорировать пришлецовъ, не произносить даже ихъ имени. Разъ въ году упоминая о нихъ, она говорила:—Эти люди!

Однажды передъ страдавшей въ то время отъ невралгіи крёстной мелькнулъ лучъ радости. Оразй отъ кого-то узнала, что жильцы, быть можетъ, не возобновятъ контракта: депутатъ опасался за результаты своего избранія. Это было около мѣсяца тому назадъ, и сердце крёстной по временамъ билось надеждою. Порою она спрашивала:

— Что же, переѣзжаютъ эти люди или нѣтъ?

И вдругъ оказывается, что они остаются! Тѣмъ хуже! Докторъ Пэбордъ убѣжденъ, что его снова выберутъ. Значитъ, въ этомъ Арръежѣ все населеніе—сплошь безбожники? Но въ такомъ случаѣ не на что надѣяться? Франція окончательно погибла?

При этомъ непосредственномъ обращеніи къ ней m-lle Ноэми замялась, словно она представляла собою населеніе Арръежа. Кажется—извѣстія эти исходятъ отъ графа де Фрёйль черезъ священника,—кажется, что г. Пэбордъ пользуется большою популярностью въ краѣ. Даже католики подавали за него голосъ. Какъ? Католики вотируютъ за него?

Послѣ этого остается только молчать. Очевидно, сама Франція ищетъ своей погибели.

Крёстная закрыла глаза съ видомъ такого изнеможенія, что похолодѣвшая m-lle Ноэми тщетно искала словъ ободренія.

Въ эту минуту послышался грохотъ кареты. Крёстная открыла глаза. Не будетъ ли m-lle Ноэми такъ добра, не посмотритъ ли въ окно? M-lle Ноэми уже была у окна и, обернувшись, прошептала взволнованнымъ голосомъ:

— Ваше сіятельство, я думаю, что это — наша маленькая путешественница.

Крёстная сдѣлала неопредѣленный жестъ. Она тоже была взволнована. Съ тѣхъ поръ, какъ Клэра-Анжелика выросла, въ

бѣленькой кроваткѣ съ занавѣсками не спалъ ни одинъ ребенокъ. Немногія дѣти входили въ этотъ старый салонъ, да и тѣ, которыя здѣсь бывали, казалось, оставляли за дверями его свою веселость и дѣтство. Ихъ пугалъ полумракъ, суровыя лица портретовъ, затхлый воздухъ... Они казались перепуганными и говорили шопотомъ.

И вдругъ крёстной сдѣлалось грустно при мысли, что дочь Мориса,—дѣвочка, выросшая подъ солнцемъ тропиковъ,—почувствуетъ себя здѣсь узницей. Ей слѣдовало распорядиться, чтобы здѣсь хотя поднять шторы, но теперь было уже поздно. Надо, по крайней мѣрѣ, встрѣтить ребенка ласковыми словами. Но гдѣ ихъ взять? Она не умѣетъ говорить съ дѣтьми. Она такъ стара, такъ одинока...

Но вотъ звонокъ, голоса, шумъ легкихъ шаговъ... Крёстная осмотрѣлась. Какой серьезный видъ у m-lle Ноэми! Ужъ не собирается ли она поступать согласно ея наставленіямъ? И вдругъ крёстная проговорила совершенно измѣнившимся, чуждымъ ей голосомъ:

— M-lle Ноэми, я надѣюсь, что вы отнесетесь къ этому бѣдному ребенку...

Она не успѣла окончить. Дверь распахнулась съ такимъ трескомъ, что у крёстной вырвался крикъ. Въ то же время въ комнату что-то влетѣло, споткнулось, упало и покатилось клубкомъ до середины гостиной. Потревоженный въ своемъ снѣ, Бобби свирѣпо залаялъ.

На порогѣ стоялъ дядя Гуфъ, растерянный, въ дорожномъ пальто, соображая: не удрать ли ему?

Но Минни, еще лежа въ растяжку на полу, крикнула успокоительно:

— Ничего... Я только немножко стукнулась.

Она вскочила и на секунду остановилась въ нерѣшимости. Шляпка сбилась у нея на бокъ, она была вся красная и запыленная съ дороги, но улыбалась, хотя чуть-чуть робѣла. Глаза ея блуждали отъ незнакомыхъ дамъ къ продолжавшему заливаться яростнымъ лаемъ Бобби. Но вдругъ они остановились на крёстной, и прямой взоръ этихъ ясныхъ голубыхъ глазъ проникъ прямо въ сердце старушки, которая, улыбаясь, раскрыла ей объятія, и Минни бросилась въ нихъ съ крикомъ:

— Вы—крёстная! Я васъ узнала.

И покуда та, взволнованная, цѣловала ее въ лобъ, стараясь осилить нервную дрожь, Минни звонко проговорила, указывая на Бобби:

— А что, онъ умѣетъ служить?

Тѣмъ временемъ дядя Гуфъ, багровый отъ смущенія, отказавшись отъ мысли о бѣгствѣ, усѣлся насупротивъ крёстной. Перебравъ въ умѣ всѣ философскія системы, онъ остановился на самой безотрадной. Но, несмотря на его презрѣніе къ людямъ и напускной цинизмъ, онъ страдалъ передъ матерью Клэры-Анжелики. Ему было стыдно за свою безвольность, тряпичность, за свою комическую внѣшность. Что значитъ для вселенной ничтожный атомъ, носящій имя Жоффруа? Но онъ страдалъ изъ-за того, что этотъ атомъ сидитъ на кончикѣ кресла вмѣсто того, чтобы съ „адскою" самоувѣренностью разсѣсться посрединѣ, съ возможнымъ удобствомъ. Его пыльная шляпа валялась тутъ же; онъ нагнулся чтобы поднять ее, уронилъ pince-nez и, мучительно конфузясь, передавалъ крёстной подробности путешествія.

Дядя Гуфъ былъ неважнымъ разсказчикомъ и съ нимъ никогда не случалось ничего интереснаго; онъ обладалъ свойствомъ изгонять самымъ своимъ появленіемъ всякую поэзію.

И вдругъ онъ покраснѣлъ, замѣтивъ, что забылъ снять пальто. Тутъ онъ еще болѣе возненавидѣлъ себя и сталъ мечтать о самоубійствѣ. Но онъ навѣрное и этого не съумѣетъ сдѣлать, а только искалѣчитъ себя.

Но онъ напрасно безпокоился,—крёстная почти не слушала его; она все время слѣдила за Минни, которая, снявъ шляпку, перчатки и накидку, принялась осыпать разспросами m-lle Ноэми; она едва давала ей отвѣтить и снова продолжала разспрашивать. Вотъ кто не чувствуетъ ни малѣйшаго стѣсненія! Дядѣ Гуфу было поручено сопровождать ее и заботиться о ней. Не она ли, наоборотъ, взяла на себя заботу о немъ? Предполагаемыя опасности, отъ которыхъ онъ долженъ былъ охранять ее, такъ и остались въ области предположеній; что же касается до реальныхъ подробностей путешествія—Минни во всемъ проявила свою рѣшающую волю—отъ выбора купэ до найма фіакра, не говоря уже о „menu" завтрака въ вагонѣ-ресторанѣ.

А пріѣздъ къ крёстной! Дядя Гуфъ заранѣе напрягалъ свои мозги, придумывая, что онъ долженъ сказать для того, чтобы предотвратить неизбѣжное стѣсненіе, но стоило Минни растянуться при входѣ, какъ все сразу уладилось. Она почувствовала себя свободной, черезчуръ свободной, такъ какъ, замѣтивъ, что крёстная на нее глядитъ, она сейчасъ же къ ней подбѣжала.

— Крёстная, поднимаясь по лѣстницѣ, я встрѣтила троихъ очень маленькихъ дѣтей. Они, кажется, живутъ здѣсь въ домѣ. Могу я поиграть съ ними?

Крёстная и m-lle Ноэми обмѣнялись сокрушеннымъ взглядомъ. Злая иронія судьбы! Какъ трудно отказывать этому розовому ласковому личику! Но колебаться было нельзя. Крёстная серьезно отвѣтила:

— Нѣтъ, Минни. Мнѣ очень жаль, но тебѣ нельзя играть съ этими дѣтьми. Они слишкомъ дурно воспитаны.

Но Минни успокоительнымъ тономъ возразила:

— Ничего не значитъ. Мнѣ бываетъ всего веселѣе именно съ самыми большими шалунами.

При этомъ заявленіи крёстная тревожно подняла брови. Съ изумительнымъ присутствіемъ духа m-lle Ноэми произвела диверсію, предложивъ Минни обойти гостиную и посмотрѣть портреты.

Минни согласилась съ восторгомъ; она указывала пальчикомъ на портреты, переходя отъ одного къ другому, и m-lle Ноэми вполголоса называла ей особъ, на нихъ изображенныхъ.

Вотъ маркизъ Аженоръ де-Вальфруа, хранитель королевской казны при Людовикѣ XIV; Бернаръ де Чалларъ де-Вальфруа (боковая линія), совѣтникъ парламента; г-жа Виктуаръ, его супруга, пережившая его всего двумя днями. Вотъ маркизъ Шарль, гильотинированный во время конвента. Супруга его считалась красавицей.

Красавица? Минни съ изумленіемъ поглядѣла на массивную румяную даму, походившую на переодѣтаго толстаго монаха, но она знала приличія, и потому не позволила себѣ никакого замѣчанія.

Въ лицѣ знаменитаго королевскаго прокурора, мэтра Гонзага-Мари-Луи дю-Пейраль, родного отца ея крёстной, она нашла сходство съ самой крёстною. Когда та молчитъ, у нея почти такой же суровый видъ, и носы у нихъ похожи. Тощая, блѣдная дама въ сосѣдней рамѣ, очевидно, отвернулась въ другую сторону для того, чтобы не смотрѣть на грознаго прокурора. У нея — ночной чепецъ на головѣ и очень странное платье. Это супруга его, скончавшаяся черезъ полтора года послѣ брака.

Минни не удивилась. Она кажется и на портретѣ покойницей. Какъ она должна была скучать съ этимъ дѣдушкой! Минни и сама бы, пожалуй, не выдержала, но только она сперва встряхнула бы немножко этого дѣдушку... Но вдругъ мысли ея приняли иное направленіе.

Воздушная, улыбающаяся — ей предстала въ своей бѣлой съ золотомъ рамѣ Клэра-Анжелика. Краски пастэли сохранили свою бархатистую свѣжесть. Невыразимымъ очарованіемъ дышало это нѣжное лицо, лукавое и розовое, въ которомъ чувствовался однако оттѣнокъ грусти. И Минни слегка вскрикнула:

— Какая душка! Настоящій ангелъ!

M-lle Ноэми шопотомъ предупредила ее, что это — дочь крёстной, умершая уже давно, и что не надо говорить о ней для того, чтобы не огорчать крёстную. Затѣмъ она предложила Минни показать ей ея комнату, и онѣ вышли вмѣстѣ.

Крёстная и дядя Гуфъ проводили ихъ взоромъ.

Оба они вздрогнули при восклицаніи Минни, и хотя не поглядѣли другъ на друга, но знали, что оба они думали объ одномъ и томъ же. Любовь къ Клэрѣ-Анжеликѣ была единственнымъ цвѣткомъ, украсившимъ пустырь, именуемый душою Огюста Жоффруа. Онъ столько выстрадалъ, что у него осталось нѣкоторое чувство сожалѣнія и уваженія къ самому себѣ. И теперь, сидя передъ ея портретомъ, онъ снова задавалъ себѣ тотъ же вопросъ, мучившій его въ теченіе двадцати лѣтъ. Что̀ сказала бы Клэра-Анжелика, если бы она узнала, что сынъ Жоффруа влюбился въ нее? Быть можетъ, она разсмѣялась бы или презрительно вздернула губку? Какъ знать? Она была такъ добра! Быть можетъ, она огорчилась бы при мысли, что другой страдаетъ изъ-за нея? И это лишь понапрасну омрачило бы ея недолгую жизнь. Какое счастье, что она не знала о томъ, какъ онъ плакалъ по ночамъ! (Хороша была его распухшая физіономія!). Онъ могъ думать о милой умершей безъ угрызенія совѣсти. Онъ не стоилъ ей ни одной слезы, а порою она самымъ добродушнымъ образомъ подсмѣивалась надъ нимъ.

А крёстная? Что̀ подумала она? Конечно, она ни на секунду не могла допустить мысли, чтобы самъ Жоффруа могъ питать безумную надежду—предложить свое имя наслѣдницѣ Вальфруа и дю-Пейралей. Если бы у нея мелькнула подобная догадка, она заперла бы двѐрь передъ носомъ зазнавшагося плебея. Но увѣренъ ли онъ въ томъ, что издалека, съ недоступной высоты своей она отчасти не догадывалась объ его чувствахъ? Покуда Клэра-Анжелика была жива, она не удостоивала этого замѣчать, но съ тѣхъ поръ какъ ея не стало, не разрѣшаетъ ли ему крёстная окружать память умершей страстнымъ и смиреннымъ обожаніемъ, подобнымъ культу вѣрующаго? Порою дядѣ Гуфу кажется, что она все знаетъ и сочувствуетъ ему, что между ними существуетъ незримая связь. Но иногда она такъ нападаетъ на него, или принимаетъ его такъ надменно, съ такимъ леденымъ достоинствомъ, что онъ начинаетъ сомнѣваться...

А для него очень важно — знать: извѣстна ей правда или неизвѣстна. Если—да, значитъ онъ—не первый встрѣчный, онъ могъ бы позволить себѣ упомянуть когда-нибудь о прошломъ,

понять слово, брошенное вскользь крёстною, а теперь изъ деликатности онъ долженъ дѣлать видъ, что не понимаетъ и сводитъ разговоръ на политику. Вотъ и теперь онъ раза два кашлянулъ, не зная, уходить ему или посидѣть. Но крёстная протянула ему руку.

— Надѣюсь, что вы будете чаще заходить ко мнѣ? Я взяла на себя тяжелую отвѣтственность. Вы лучше знаете дѣвочку, чѣмъ я. Вы можете помочь мнѣ совѣтомъ.

Онъ можетъ кому-нибудь помочь совѣтомъ? И кому же? Крёстной! Хорошъ бы онъ былъ, если бы сунулся съ совѣтомъ! Но все равно—онъ никогда не слышалъ ничего столь пріятнаго. Это означало, что крёстная не желаетъ лишать его общества Минни. Она позволяетъ дядѣ Гуфу дѣлить съ нею привязанность дѣвочки, и она произнесла эти слова въ ту минуту, какъ мысли ея витали въ прошломъ—дорогомъ для нихъ обоихъ. Она примѣшала имя дѣвочки къ воспоминанію о Клэрѣ-Анжеликѣ, и этимъ словно установила связь между нимъ и собою, между живущею и умершею.

Очень взволнованный, дядя Гуфъ неловко пожалъ руку крёстной и вышелъ, спотыкаясь и стукаясь о мебель.

Тѣмъ временемъ крёстная сѣла за свое бюро Empire, чтобы написать Морису о благополучномъ прибытіи Минни.

„Дорогой Морисъ. Очень рада, что могу"...

Но вдругъ она остановилась и прислушалась. Въ молчаливой мрачной квартирѣ слышался непривычный гулъ голосовъ. Время отъ времени раздавалось восклицаніе или взрывъ смѣха. И крёстная замерла—съ перомъ въ рукѣ. Ей почудилось, что бремя лѣтъ свалилось съ нея. Она увидѣла себя новобрачною, затѣмъ ей представилась Клэра-Анжелика, играющая у ея ногъ. У нея былъ менѣе веселый, менѣе звонкій смѣхъ. Нынѣшнія дѣти больше шумятъ.

Крёстная снова обмакнула перо въ чернила и перечитала написанное.

„Дорогой Морисъ"...

Крики: „браво!" и звонкія радостныя восклицанія—заставили ее вздрогнуть. Не надо ли успокоить дѣвочку? Крёстная, нѣсколько растревоженная, встала съ мѣста, открыла дверь, вошла въ столовую. На порогѣ комнаты Минни она замерла, пораженная неожиданностью представившагося ей зрѣлища.

На полу, среди разбросанныхъ предметовъ, совершенно забывъ о всякомъ достоинствѣ, сидѣла по-турецки на корточкахъ m-lle Ноэми. По лѣвую руку ея была тропическая ящерица, по

правую—пара колибри, на колѣняхъ у нея лежала чудовищная жаба. Она съ разинутымъ ртомъ глядѣла на Минни, которая, нахмуривъ брови и поднявъ указательный палецъ, съ кускомъ сахару въ другой рукѣ—муштровала Бобби: не стыдно ли, что такая большая собака не умѣетъ служить?

Совершенно выбитый изъ колеи, изумленный и растерянный Бобби позволялъ тормошить себя, и ему почти удавалось сохранять равновѣсіе...

Но въ полуотворенную въ глубинѣ дверь виднѣлась фигура, имѣвшая косую сажень въ плечахъ и внѣшность носильщика. Элементарное чувство собственнаго достоинства должно было бы удержать ее отъ этого, но тѣмъ не менѣе Оразѝ не вытерпѣла: вертя между пальцами кухонный передникъ, она осторожно заглядывала въ комнату. И ея усатыя губы полуоткрывались свирѣпою гримасою, долженствующею изображать улыбку. Сквозь драпировки пробивался солнечный лучъ, и пылинки безумно плясали въ немъ, какъ онѣ не плясали уже лѣтъ двадцать...

Маркизу никто не замѣтилъ. Она на цыпочкахъ прошла къ себѣ, усѣлась за бюро и продолжала письмо...

...„Минни доѣхала благополучно. Будьте увѣрены, что ея присутствіе ничуть не стѣснитъ меня, и что въ случаѣ необходимости я съумѣю проявить не только нѣжность, но и строгость“...

III.

Въ руководствѣ къ химіи говорится нѣчто въ такомъ родѣ. „Если въ безцвѣтный растворъ левкалина вы прибавите нѣсколько капель жидкости озогена—она немедленно окраситъ его въ ярко-пурпуровый цвѣтъ“.

Такъ случилось и со старымъ домомъ въ улицѣ Вареннъ съ тѣхъ поръ какъ Минни появилась тамъ въ качествѣ реактива. Пораженный изумленіемъ свидѣтель—дядя Гуфъ присутствовалъ при одной изъ тѣхъ революцій, когда обновляется не только строй, но и людскія души. Начиная съ Бобби и кончая крёстною, никто не избѣгнулъ вліянія Минни.

И дѣйствительно, подобало ли серьезному пуделю, ведшему въ теченіе шести лѣтъ строго-гигіеническій и правильный образъ жизни, пристало ли ему скакать какъ сумасшедшему, ловить привязанную къ веревкѣ бумажку, пожирать безъ разбору кусочки сахару и листики салада, а для пищеваренія—носиться по улицѣ? Несмотря на такой режимъ, Бобби не похудѣлъ и пріобрѣлъ ве-

селый нравъ. И какъ было ему протестовать, когда и Портосъ, старый конь, самъ останавливавшійся у церквей и у кладбищъ, научился теперь возить экипажъ въ Pré Catelan и Зоологическій садъ? Сама Оразй, забросившая было поваренныя книги, теперь усердно жарилась у плиты, такъ какъ къ традиціоннымъ пюрэ и компотамъ приходилось добавлять новыя революціонныя лакомства. Пришлось пойти на компромиссъ въ виду пристрастія Минни къ пирожкамъ и картофелю.

Труднѣе было примириться съ тѣмъ, что m-lle Ноэми, измѣнивъ долголѣтнимъ принципамъ, облеклась въ цвѣтную кофточку и украсила свою шляпку двумя розами. Но какъ было не сдѣлать этого, когда, по увѣренію ея питомицы, ей лишь этого недоставало для того, чтобы стать „прелесть какой хорошенькой"?

И крёстная, сама крёстная измѣнила всѣмъ своимъ привычкамъ. Для того чтобы удостовѣриться, что въ комнатахъ тепло, она стала вставать получасомъ ранѣе. Она отказалась отъ чаю для того, чтобы знать, хорошо ли сваренъ шоколадъ Минни, и пила его вмѣстѣ съ нею. Чтеніе утренней газеты прерывалось разъ десять самыми неожиданными вопросами, но она сама прерывала его еще разъ десять для того, чтобы спросить Минни: не холодно ли ей, не болитъ ли у нея животикъ? Особенно пострадало ея благочестіе: она боялась уходить изъ дому изъ опасенія, что Минни попадетъ на сквозной вѣтеръ или выскочитъ въ окно. Порою она опаздывала къ вечернѣ. Она забросила вязанье и, при всей своей ненависти къ шуму и рекламѣ, купила фонографъ бóльшихъ размѣровъ, чѣмъ у дѣтей наверху. Ее видѣли съ полишинелемъ на колѣняхъ. А вечеромъ въ день именинъ Минни она выпила шампанскаго.

Минни не удивлялась рождавшимся на ея пути чудесамъ. Всюду, гдѣ она—жизнь и движеніе. Жизнь исходитъ отъ нея, какъ свѣтъ—отъ солнца. Она благодарила, ничуть не конфузясь, и наслаждалась ниспосылаемыми ей судьбою дарами.

Знакомство съ Парижемъ восхитило ее. Она ничуть не оробѣла, попавъ въ громадный городъ, выдвинутый трудомъ милліоновъ людей, сокровище, накопленное въ теченіе двадцати столѣтій, изумительный очагъ мысли и дѣлъ. Ей показалось, что онъ нѣсколько больше Бордо, но зато Жиронда — лучше Сены. Но было весело ходить по чужому городу и дѣлать на каждомъ шагу открытія, какъ въ книжкѣ, которую перелистываешь.

Соборъ Notre-Dame — совсѣмъ такой, какъ на открыткахъ, Sacré Coeur—тоже. Но странная форма обелиска и покрываю-

щіе его рисунки—заинтересовали Минни: вѣдь этотъ камень привезенъ изъ страны Іосифа, изъ Египта. Тріумфальная Арка — ворота, которыя въ сущности никуда не ведутъ, но тутъ интересны имена полководцевъ и перечень сраженій. У Инвалидовъ Минни была потрясена видомъ гробницы Наполеона, человѣка, бывшаго причиною смерти столькихъ людей. Она притихла и даже поблѣднѣла.

Больше всего ее плѣнила Эйфелева башня, и затѣмъ—„La Grande Roue". Гигантъ могъ бы поиграть этимъ колесомъ, какъ обручемъ, взявъ вмѣсто палочки — Обелискъ или Вандомскую колонну.

Подъ вліяніемъ дяди Гуфа и отчасти изъ опасенія, что дѣвочка соскучится, крёстная позволила m-lle Ноэми свести ее въ циркъ и въ кинематографъ, и такъ какъ она не схватила тамъ тифа и съ нею не случилось никакой бѣды, посѣщенія этихъ мѣстъ были имъ разрѣшены. M-lle Ноэми внутренно не одобрила содержанія нѣкоторыхъ картинъ, непочтительно иллюстрирующихъ предержащую власть. Отъ мельканія картины у нея заболѣла голова. Но въ циркѣ она испытала сильныя и сложныя ощущенія. Высшая школа верховой ѣзды и фокусы собакъ — восхитили ее, и, несмотря на всю ея сдержанность, выходки клоуновъ вызвали у нея радостное хихиканіе, заставившее сосѣдей обернуться въ ея сторону. Декольтэ танцовщицъ заставило ее цѣломудренно покраснѣть, но она втайнѣ сохранила воспоминаніе о красивомъ молодомъ акробатѣ съ усиками, въ трико, который дважды скосилъ глаза въ ея сторону.

При выходѣ изъ театра, у m-lle Ноэми начинала кружиться голова на улицѣ, кишащей прохожими и экипажами, и она рисковала попасть подъ колеса. Къ счастью, Минни, схвативъ ее за руку, направляла ее, указывая ей на спасительную бѣлую палочку городского сержанта и матерински совѣтовала ей прибѣгнуть къ его помощи. Она не понимала этого волненія, и при видѣ автомобилей всегда удивлялась: какимъ образомъ можетъ крёстная предпочитать этому способу передвиженія—свою старую лошадь?

Въ сущности въ громадномъ центрѣ цивилизаціи, Парижѣ, Минни лишь два раза была дѣйствительно поражена изумленіемъ. Первый разъ—въ магазинахъ „Лувра", гдѣ въ продолженіе трехъ часовъ глаза ея были, буквально, ослѣплены разнообразіемъ безчисленныхъ товаровъ, свезенныхъ сюда со всѣхъ концовъ міра, и гдѣ толпы покупателей увлекали ее, подхвативъ какъ щепку, отъ одного прилавка къ другому. Минни вышла оттуда

растерянная, словно сознавъ все свое ничтожество среди огромнаго человѣческаго улья.

Другимъ чудомъ былъ для нея—Зоологическій садъ. Впервые въ жизни она почувствовала себя почти такой же счастливой, какъ тотъ человѣкъ, которому она больше всѣхъ завидовала: Ной, имѣвшій въ своемъ ковчегѣ по парѣ всякихъ животныхъ. Впервые она увидѣла передъ собою — живыми и почти свободными — тѣхъ звѣрей, съ которыми была знакома лишь по картинкамъ, и которымъ все-же было тѣсновато въ Ноевомъ ковчегѣ.

Она гладила собственными руками ламу, кормила оленей и антилопъ. Глаза ея разбѣгались при видѣ сказочныхъ жираффъ, верблюдовъ; но восторгъ ея смѣнился волненіемъ у клѣтки обезьянъ, гдѣ она увидѣла забившихся въ уголъ—дрожащихъ и несчастныхъ—парочку крошечныхъ обезьяновъ - уистити. По ту сторону океана она знавала такихъ же обезьяновъ — живыми и веселыми, пригрѣтыми горячимъ южнымъ солнцемъ...

Минни влѣзла на слона, и тотчасъ плоская дѣйствительность исчезла передъ нею. Молчаливая и серьезная, покачиваясь на спинѣ громаднаго животнаго, она воображала себя индійскимъ раджею, проѣзжающимъ среди джонглей. Взобравшись на горбъ верблюда, она видѣла передъ собою аравійскіе пески и слышала дыханіе самума...

Когда Минни вернулась изъ этого волшебнаго царства, щеки у нея горѣли, глаза сверкали. М-lle Ноэми была даже встревожена ея возбужденіемъ. Во время обѣда Минни была поглощена разсказами о видѣнныхъ ею диковинахъ, а за дессертомъ Минни произнесла заключеніе:

— Когда я выросту, непремѣнно совершу путешествіе вокругъ свѣта!

Крёстная, покоряясь силѣ вещей, покачала головою. Въ прежнія времена какой дѣвочкѣ, воспитанной въ мирной атмосферѣ монастыря, могла придти въ голову подобная мысль? Если такія идеи приходятъ въ голову малолѣтнимъ, что же удивительнаго въ томъ, что взрослые гонятся за миражами соціализма? Крёстная была шокирована химерическими планами Минни, но вмѣстѣ съ тѣмъ—удивлялась имъ; она не могла не восхищаться полнотою жизни, кипѣвшей въ дѣвочкѣ и изливавшейся въ видѣ фантастическихъ проектовъ. Она сама предложила Минни снова побывать въ Зоологическомъ саду.

Къ сожалѣнію, нельзя было проводить всю жизнь среди звѣрей, и въ дурную погоду приходилось искать другихъ занятій.

При словѣ „занятія“, Минни, не отличавшаяся особымъ прилежаніемъ, скорчила сперва гримаску, но m-lle Ноэми приняла такой смущенный и огорченный видъ, что Минни согласилась заниматься по одному часу каждый день. M-lle Ноэми выказала себя настолько снисходительной учительницей, что не представлялось возможности отвертѣться отъ уроковъ. Если урокъ сходилъ совсѣмъ хорошо, она докладывала о немъ крёстной съ такимъ торжествомъ, что у Минни являлось угрызеніе: почему это случается не каждый день. Когда дѣло не ладилось, она придумывала для ученицы всевозможныя оправданія, такъ что той становилось немножко совѣстно. А когда Минни выказывала себя настоящею „дубиной“, m-lle Ноэми такъ огорчалась, что однажды Минни сама предложила ей: начать урокъ сызнова. Авось теперь лучше пойдетъ.

Но если m-lle Ноэми была небывалою учительницей, то и Минни, въ свою очередь, своими вкусами и способностями рѣзко отличалась отъ воспитанницъ пансіона m-lle Схоластики Пардонно, гдѣ получила образованіе сама m-lle Ноэми. Минни была беззаботна насчетъ орѳографіи, ненавидѣла грамматику и обожала естественныя науки и географію. Ее ничуть не интересовали біографіи умершихъ людей и тотъ фактъ, что Вѣна — столица Австріи, но ей хотѣлось знать устройство сердца и легкихъ и почему индюшка—не млекопитающее?

Къ счастью для m-lle Ноэми, занятіямъ удѣлялось не очень много времени. Сидя за вязаньемъ, крёстная слышала шумъ, возню, стукъ опрокинутыхъ стульевъ и, вздыхая, вспоминала мирныя игры своего дѣтства: игру въ лото и домино, игру въ куклы, которыя чинно разсаживались кружкомъ. Минни любила игрушки, но въ ея забавахъ онѣ играли второстепенную роль. Ей всего веселѣе было играть самодѣльными игрушками, которыя она мастерила сама изъ тряпокъ, обрѣзковъ, кусочковъ дерева, одухотворяемыхъ ея фантазіей; въ нихъ она наиболѣе ярко проявляла свою собственную индивидуальность. Послѣ разсказа m-lle Ноэми о смерти Гектора, она, вообразивъ себя Ахилломъ, моментально устроила колесницу изъ трехъ стульевъ и, садясь за завтракъ, сохраняла на своемъ лицѣ выраженіе суроваго гнѣва.

Она играла въ путешествія, въ дикихъ, въ кораблекрушеніе, въ автомобиль. Въ виду соучастія Бобби — поле возможностей расширялось до безконечности. Минни не затруднялась необходимостью играть двѣ, четыре, десять ролей сразу. Порою m-lle Ноэми пыталась сдерживать ея порывы, но она оставалась глухою

къ ея убѣжденіямъ, какъ Ахиллъ — къ мольбамъ ахейцевъ, и мчалась, сломя голову, на своей химерѣ...

При видѣ растрепаннаго чертенка съ раскраснѣвшимся лицомъ и грязными руками, крёстная качала головою. Она снова вспоминала свои благонравныя игры: аккуратно подрубленныя кукольныя рубашечки, тщательно нанизанныя бисерныя ожерелья, чтеніе Беркеновскихъ книжекъ, не возбуждавшихъ воображенія.

Но, вотъ, возвращалась Минни, которую Меланй уводила мыться. Ее нельзя было узнать. Минни, любившая пачкаться, любила также мыться. Ея лицо и руки оказывались тщательно вымытыми мыломъ (въ дѣтствѣ крёстной его считали вреднымъ для кожи), волосы были причесаны, сама она—переодѣта въ свѣжее платье и чистый воротничокъ. Она спокойно садилась за столъ, аккуратно кушала и разговаривала какъ взрослая дѣвица.

Ея мнѣнія—зачастую нелѣпыя, порою — черезчуръ смѣлыя, обнаруживали иногда столько здраваго смысла, наблюдательности и яснаго пониманія дѣйствительности, что крёстная бывала поражена. Но она вдругъ вспоминала, что была маленькою дѣвочкой при Луи-Филиппѣ, что она носила гребенку въ волосахъ, юбочки въ видѣ абажура и бѣлые панталончики навыпускъ, и грустно улыбалась при этихъ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ. Былъ не только другой режимъ, но и другой вѣкъ. Минни—демократка двадцатаго вѣка. Но она съ блестящими отъ удовольствія глазами подставляетъ свою тарелку: пристрастіе дѣтей къ шоколадному крему не измѣнилось и въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Порою, уставъ отъ игры, Минни приходила къ крёстной, которая давала ей какую-нибудь работу, и онѣ разговаривали за шитьемъ о событіяхъ дня, о встрѣчахъ на улицѣ, сравнивая парижскія и бордоскія впечатлѣнія. Сначала крёстная, боясь разстроить Минни, не заговаривала о папочкѣ и мамочкѣ, но скоро убѣдилась, что ея опасенія преувеличены. Минни желала видѣть своихъ, но, не будучи сентиментальной, она не страдала отъ разлуки съ ними. Она жила настоящей минутою и ожиданіемъ слѣдующей. Развѣ настоящее—не интересно? Развѣ будущее не обѣщаетъ быть еще болѣе интереснымъ? Крёстная вспоминала о своихъ слезахъ во время двухнедѣльнаго отсутствія тети Эженй, ходившей за нею въ дѣтствѣ. Иногда она съ ужасомъ спрашивала себя: неужели Минни не любитъ отца съ матерью? Нѣтъ, она любила ихъ отъ всего сердца, ихъ письма приводили ее въ восторгъ, она строила тысячи плановъ на то время, когда она увидитъ ихъ, но ей были чужды безплодныя сожалѣнія. У всякаго своя манера любить.

Порою Минни просила:

— Разскажите мнѣ что-нибудь!

Сначала крёстная была поставлена въ затрудненіе, но затѣмъ ее выручили волшебныя сказки ея дѣтства. Минни внимательно выслушивала ихъ—съ собственными комментаріями, конечно. Злодѣянія великановъ и людоѣдовъ возмущали ее; она сочувствовала актамъ возмездія, совершаемымъ феями и добрыми духами, но что-то мѣшало ей вполнѣ наслаждаться разсказомъ. Въ концѣ его она неизмѣнно спрашивала: — Но вѣдь это все неправда, крёстная?—Та, разумѣется, соглашалась, и Минни испытывала разочарованіе. Минни любила вымыселъ, но—съ оттѣнкомъ нѣкотораго правдоподобія, вымыселъ, имѣющій хотя отдаленную связь съ дѣйствительностью. Трудно, напримѣръ, представить себѣ, чтобы дѣвочка ея лѣтъ могла спасти Жанну д'Аркъ, хотя въ концѣ концовъ это можно было допустить въ воображеніи, но чтобы Волкъ сталъ разговаривать съ Красною Шапочкой — этого она положительно не допускала!

Вотъ почему Минни предпочитала волшебнымъ сказкамъ разсказы изъ дѣтства крёстной и они возбуждали въ ней пылкое, страстное любопытство. Она могла слушать ихъ по цѣлымъ часамъ, сидя у ногъ крёстной. Подумать только, что старенькая, старенькая крёстная была когда-то маленькой дѣвочкой, такою, какъ Минни! Она ходила гулять въ Елисейскія поля, существовавшія уже въ то время! У нея были куклы и любимыя животныя. Дамы и кавалеры на портретахъ тоже были живыми людьми, и у крёстной была своя крёстная. Минни видѣла воочію безконечное сцѣпленіе человѣчества и смѣну поколѣній. Она смутно чувствовала свою солидарность со всѣми этими жизнями. Съ чувствомъ глубокаго восхитительнаго волненія она переживала вмѣстѣ съ крёстной нѣкоторые эпизоды — не особенно поразительные, быть можетъ, но зато дѣйствительно происходившіе, которые впервые открыли Минни всю прелесть исторіи.

Однажды она сказала:

— Крёстная, у васъ была маленькая дѣвочка. Не разскажете ли вы мнѣ о ней?

Сначала крёстная хотѣла отвѣтить отказомъ или уклониться отъ вопроса. Но тутъ въ уголкѣ ея памяти возникла важная усатая морда красавца сѣраго ангорскаго кота, котораго такъ нѣжно любила и оплакивала Клэра-Анжелика.

И она разсказала ей о котѣ Ратонѣ, а затѣмъ—о многомъ другомъ. Почти каждый вечеръ Минни ласково приставала къ ней:—Крёстная, разскажите мнѣ что-нибудь о Клэрѣ-Анжеликѣ!

и та ни разу не могла отказать ей. И вотъ, мало по-малу, между старушкою и дѣвочкой воскресло все дѣтство Клэры-Анжелики съ его радостями и тревогами, болѣзнями, играми и множествомъ подробностей, полузабытыхъ самою крёстною и теперь возставшихъ изъ мрака забвенія.

Минни съ присущимъ ей интенсивнымъ любопытствомъ упивалась словами крёстной. Она узнала цвѣтъ глазъ и волосъ Клэры-Анжелики, ея любимые цвѣта, ея вкусы. Крёстная своими старыми пальцами достала изъ ящика миніатюрный портретъ, которымъ дѣвочка не уставала любоваться. Каждый разъ при видѣ его она говорила:

— Какъ бы мы съ нею подружились!

Клэра-Анжелика, которой было бы теперь сорокъ лѣтъ, рисовалась воображенію Минни сверстницей. Года исчезли. Клэра-Анжелика уже не представлялась самой крестной отдаленнымъ грустнымъ видѣніемъ, воспоминаніе о которомъ было подобно незаживающей ранѣ; разливаемая Минни интенсивность жизни была такъ велика, что она совершила чудо: Клэра-Анжелика уже не была призракомъ, лицомъ въ рамѣ, именемъ на могилѣ. Она становилась чѣмъ-то вродѣ подруги Минни, маленькой сестры, живущей вдали отъ нихъ. Еще недавно память о ней была связана съ мыслью о смерти, объ отреченіи, о вѣчной разлукѣ; теперь она казалась иною—свѣтлою, ясною, освобожденною отъ погребальныхъ аттрибутовъ. Своею прямотою и живостью она походила на Минни, но красота ея была нѣжнѣе и хрупче, прелесть—болѣе утонченной, жизнерадостность—не такой буйной...

У крёстной навертывались на глаза тихія слезы—почти слезы счастья. Для такого прелестнаго, юнаго созданія, какимъ была Клэра-Анжелика, какія сожалѣнія, какіе надгробные вѣнки и обряды могли быть трогательнѣе, чѣмъ это воскрешеніе ея ѻбраза, тѣсно сблизившее два существа: стоящую на краю могилы старуху и едва начавшую жить дѣвочку, сердцà которыхъ слились въ воспоминаніи объ усопшей?

Когда по вечерамъ крёстная чувствовала себя утомленной или сильно кашляла, она говорила:

— Теперь твоя очередь. Разскажи мнѣ что-нибудь.

И Минни, поломавшись немного, начинала разсказъ, героиней котораго была всегда маленькая дѣвочка, походившая на нее. Сначала ея похожденія не представляли собою ничего особеннаго, они даже напоминали происшествіе вчерашняго и сегодняшняго дня. Въ нѣкоторыхъ фразахъ можно было усмотрѣть косвенную критику замѣчаній, выслушанныхъ Минни отъ стар-

шихъ. Но затѣмъ характеръ разсказа измѣнялся. Дѣвочка Люси или Каролина уѣзжала съ родителями, потерявшими свое состояніе, въ невѣдомыя жаркія страны, чреватыя ужасами и чудесами, кишащія неграми въ пестрыхъ лоскуткахъ, индѣйцами, пиратами, змѣями, отравленными цвѣтами. Дѣвочкѣ Люси грозили всякія опасности, которыхъ она счастливо избѣгала. Она спасала своихъ родителей отъ людоѣдовъ, брала въ плѣнъ пиратовъ, убивала львовъ...

Когда въ восклицаніяхъ крёстной прорывалась скептическая нотка, Минни обижалась, входила въ подробности... Это правда. Такъ дѣйствительно было съ Люси...

Тогда крёстная протестовала: не можетъ же Минни даже въ шутку увѣрять ее, что все это дѣйствительно было? И Минни, видя, что крёстная смѣется, сама начинала смѣяться. Она вѣрила въ своихъ героевъ, какъ первобытные дикари—въ созданныхъ ими боговъ, но они дѣлались рабами того, что̀ создали своимъ воображеніемъ, а Минни не желала быть рабою кого бы и чего бы то ни было.

Иногда дождливые послѣ-обѣденные часы тянулись томительно долго. Крёстная не разрѣшала Минни выходить въ сырую погоду, репертуаръ развлеченій былъ истощенъ, и скучающая Минни забиралась съ ногами въ кресло. Когда крёстная, удивленная тишиною, замѣчала ея неграціозную позу и надутыя губы и спрашивала, что̀ съ нею,—Минни отвѣчала съ бо̀льшею правдивостью, чѣмъ любезностью:

— Мнѣ скучно!

Крёстная пыталась пристыдить ее укоризненнымъ поверхъ очковъ взглядомъ. Умная и хорошо воспитанная дѣвочка никогда не скучаетъ. Она сама, будучи маленькой, никогда не скучала. Въ самомъ дѣлѣ? Минни глядѣла на крёстную съ сомнѣніемъ.—А Клэра-Анжелика?—И Клэра-Анжелика не скучала.—Что̀ же она дѣлала?—Во-первыхъ, она больше занималась, во-вторыхъ, много читала, у нея были подруги...

Крёстная произнесла неосторожное слово, и готова была бы вернуть его. Но Минни уже подхватила его. Если бы у нея были подруги, она не стала бы скучать. Въ Бордо у нея было много пріятельницъ, и она никогда не скучала. Почему же ей здѣсь не съ кѣмъ поиграть? Крёстная уже бранила себя за неосторожность. Бѣдная Минни! Она—въ своемъ правѣ. Ни заботы, ни привязанность не могутъ замѣнить ей общества дѣтей ея возраста.

Маркиза, чувствуя свою вину, попробовала оправдаться. У нея нѣтъ знакомыхъ дѣтей. Но Минни рѣшительно возразила:

— Есть маленькіе Пэбордъ. Я увѣрена, что мнѣ было бы весело съ ними.

— Маленькіе Пэбордъ!

Самый звукъ этого имени показался крёстной кощунственнымъ въ ея благочестивомъ салонѣ. Мысль о томъ, что эти несчастныя дѣти могутъ быть товарищами Минни—оледенила ее ужасомъ. И она проговорила рѣшительнымъ тономъ, какого Минни никогда не слышала отъ нея:

— Прошу тебя не настаивать. Это невозможно.

Минни промолчала въ теченіе пяти минутъ. Безповоротное рѣшеніе, выраженное въ такой суровой формѣ, удивило, но не обезкуражило ее. Она обладала врожденнымъ даромъ стратегіи или дипломатіи. Нѣкоторыя позиціи можно взять не приступомъ, но съ помощью обходныхъ движеній.

Минни поцѣловала крёстную, попросила у нея лоскутковъ на платье куклѣ и чинно усѣлась за работу. Крёстная была тронута такимъ благонравіемъ. Черезъ минуту Минни замѣтила небрежнымъ тономъ:

— Ты знаешь, ихъ трое наверху. Я видѣла ихъ на лѣстницѣ. Старшій—мальчикъ. Онъ немного постарше меня.

Придраться было не къ чему. Минни не настаивала, не просила, она ограничивалась простымъ констатированіемъ факта. Крёстная часто говорила ей, что желала бы знать, о чемъ она думаетъ? Въ виду этого она должна была поддержать разговоръ. Она удовольствовалась, однакó, не очень поощрительнымъ восклицаніемъ:—А!

Минни умѣла довольствоваться малымъ и продолжала:

— Есть еще маленькая дѣвочка и маленькій мальчикъ, совсѣмъ ребенокъ. Старшаго зовутъ Максимиліаномъ.

Губа крёстной презрительно вздернулась. Максимиліанъ! Въ честь Робеспьера, конечно? Но какимъ образомъ знаетъ Минни его имя? Развѣ она съ нимъ говорила?

О, нѣтъ! Вѣдь крёстная ей запретила. Она только слегка кивнула ему головою при встрѣчѣ—изъ вѣжливости. Но бонна назвала его какъ-то: мосьё Максимиліанъ! Вообще же его зовутъ Максъ. А сестру его—Софи. Вотъ имя, которое больше идетъ пожилой дамѣ,—не правда ли?

— Она совсѣмъ не нравится мнѣ, но бебé—прелесть! Кажется, его имя—Луи, но его зовутъ Лулý. Недавно у него болѣлъ животикъ.

Маркиза прикусила губу. Состояніе желудка мосьё Луи Пэборда было для нея безразлично. Она хотѣла перемѣнить разго-

воръ, но Минни — когда она этого не желала — трудно было сбить съ позиціи. Она продолжала невиннымъ тономъ:

— Какъ это жаль, не правда ли, что я не могу играть съ маленькими Пэбордъ!

Опять это имя! У крёстной дрогнулъ подбородокъ, и Минни проговорила, какъ бы про себя:

— Если бы я только могла знать: почему мнѣ нельзя играть съ этими дѣтьми—я бы успокоилась!

Крёстная съ минуту помолчала. Зачѣмъ преждевременно омрачать юные умы, раскрывая передъ ними бездны человѣческихъ заблужденій?! Подобно любому правительству, поставленному въ затрудненіе вслѣдствіе невозможности открыть народу истинныя причины своихъ дѣйствій, она сдѣлала призывъ къ благоразумію и пыталась растрогать. Она не можетъ объяснить Минни, въ чемъ дѣло, но Минни знаетъ, что она не любитъ отказывать ей: слѣдовательно, у нея имѣются на этотъ разъ важныя причины. Пусть же Минни не настаиваетъ и не огорчаетъ ее понапрасну.

На Минни эта декларація произвела впечатлѣніе. Она проговорила вполголоса:

— Но если они поздороваются со мною на лѣстницѣ, вѣдь не могу же... не могу же я?..

У нея былъ жалобный, испуганный видъ. Крёстная ощутила состраданіе къ ней и угрызеніе совѣсти. Бѣдная крошка! Уже въ эти годы ей приходится страдать отъ несогласія и розни взрослыхъ! Но уступить — невозможно. Крёстная установила принципъ.

— Не надо быть невѣжливой. Конечно, при встрѣчахъ можете здороваться. Но я не хочу, чтобы ты бывала въ обществѣ этихъ дѣтей.

Минни успокоилась. Лицо ея просвѣтлѣло, она сложила работу и сказала:

— А что̀, не надѣть ли мнѣ на Бобби фартукъ моей больной куклы? Я буду играть съ нимъ, такъ какъ мнѣ больше не съ кѣмъ играть.

У крёстной недостало духу отказать. Бобби поплатится за ея твердость. Онъ также будетъ косвенною жертвою анти-клерикальныхъ страстей.

Съ франц. О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—Весна.

Подъ весеннимъ лучомъ скоро стаютъ снѣга,
Саванъ сброситъ, ликуя, земля,
Изумрудомъ живымъ засверкаютъ луга,
Встрепенутся лѣса и поля.

И заблещетъ лазурью сіяющій сводъ
Надъ ожившей, расцвѣтшей землей,
Зазвенитъ серебро разыгравшихся водъ,
Зазвучитъ пѣсня пташки лѣсной.

Лѣсъ нашептывать чудныя сказки начнетъ,
Гулъ немолчный пойдетъ на поляхъ,
Грудь земли ароматомъ могучимъ вздохнетъ,
Нѣжась въ ласковыхъ солнца лучахъ.

Вся природа въ отвѣтъ на улыбку весны
Гимнъ восторга и счастья споетъ, —
И воскреснутъ въ душѣ лучезарные сны,
Оживится мечтаній полетъ.

Жаждой жизни и счастья, истомой нѣмой
Затрепещетъ безсильно она,
И восторгомъ живымъ, и безумной тоской
Всколыхнется ея глубина...

О, куда бы укрыться отъ вешнихъ лучей,
Гдѣ найти отъ ихъ ласки пріютъ?..
Этой лаской они потухавшихъ страстей
Вновь тревожное пламя зажгутъ!

II.—Сонъ.

О, сонъ, приди! Волшебною рукою
Завѣсу опусти надъ прозою дневной! —
И, неземной сіяя красотою,
Видѣній міръ предстанетъ предо мной.

Въ немъ обновлюсь усталою душою,
Забывъ на мигъ о властной злобѣ дня,
И юныхъ дней минувшею весною
Какъ будто вновь повѣетъ на меня.

Всплывутъ видѣнья, тая и мѣняясь,
Какъ вереница лѣтнихъ облаковъ...
Не помыслы-ль души, въ нихъ отражаясь,
Витаютъ, вольные, внѣ жизненныхъ оковъ?

И въ грёзахъ, можетъ быть, въ блаженный часъ покоя,
Увижу все, о чемъ мечтаю я...
О, сонъ, приди! волшебною рукою
Завѣсу опусти надъ прозой бытія!

С. Д. Левко.

РЕФОРМА
УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ

Вопросъ о порядкѣ университетскаго преподаванія давно занимаетъ общество. Борьбу съ „лекціонной“ системой открылъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка знаменитый ученый и профессоръ, а въ концѣ своей служебной дѣятельности попечитель учебнаго округа, Н. И. Пироговъ. Съ тѣхъ поръ литература по этому вопросу очень разрослась. Въ одномъ 1901 году появилось болѣе пятидесяти статей объ университетскомъ преподаваніи. Противники лекціонной системы не ограничиваются указаніемъ ея недостатковъ, они даютъ и цѣлые планы ея улучшенія. Вопросъ этотъ имѣетъ большую важность; въ немъ вся суть бытія университетовъ.

I.

Начну съ изложенія мнѣній противниковъ существующей системы. Я ограничусь тремя авторами: Пироговымъ, Яновскимъ, бывшимъ попечителемъ учебнаго округа, и г. П. Казанскимъ, профессоромъ Новороссійскаго университета. Все это — знатоки дѣла. Мнѣнія ихъ очень сходятся, различаясь только въ частностяхъ.

Всѣ они—противники чтенія лекцій. „Для предметовъ юридическаго факультета,—говоритъ г. Казанцевъ, самъ профессоръ-юристъ, — для уясненія которыхъ требуется всегда извѣстное умственное напряженіе, чтеніе лекцій должно быть поставлено въ самыя узкія границы. Отвлеченность предмета утомляетъ умъ;

даже при живомъ изложеніи въ концѣ лекціи слушатель почти теряетъ способность слѣдить за ходомъ мыслей и воспринимаетъ только отрывки логической нити".

Яновскій считаетъ лекціи *необходимыми* только въ опытныхъ наукахъ и то для объясненія приборовъ и обращенія съ ними. По другимъ же предметамъ онѣ только *допустимы* для студентовъ, уже ознакомившихся съ предметомъ.

Всего далѣе идетъ Пироговъ. По его мнѣнію, всякія лекціи надо замѣнить бесѣдами.

Причина такого гоненія на лекціи, кромѣ ихъ скуки и утомительности, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онѣ воспринимаются слушателями пассивно, а студенты должны быть *самостоятельны* въ дѣлѣ изученія наукъ.

Чѣмъ же предлагаютъ замѣнить лекціи? И въ рѣшеніи этого вопроса перечисленные мною противники лекціонной системы не далеко уходятъ другъ отъ друга.

Пироговъ думаетъ, что „молодые люди поступаютъ въ университетъ уже готовыми къ *самостоятельному* занятію наукой", а потому лекціи надо замѣнить бесѣдами. Порядокъ новаго преподаванія—такой. Поступившіе въ университетъ должны начать съ чтенія руководствъ. Когда всѣ слушатели ознакомились съ учебникомъ по извѣстному предмету, открываются занятія подъ руководствомъ профессора. Онъ назначаетъ имъ нѣкоторый отдѣлъ учебника и предлагаетъ составить на него свои замѣчанія и вопросы. Разъясненіе этихъ замѣчаній и вопросовъ и будетъ предметомъ лекціи.

Это и есть самостоятельное занятіе наукой. Къ той же цѣли стремится и Яновскій, но она у него достигается нѣсколько иначе. Занятія начинаются также домашнимъ чтеніемъ студентовъ, но по программамъ, которыя должны быть составлены факультетами по всѣмъ предметамъ. На вопросы, заключающіеся въ программахъ, студенты должны составить письменные отвѣты. Профессоры должны перечитать эти отвѣты и выбрать лучшіе. Авторы лучшихъ отвѣтовъ приглашаются въ аудиторію, имъ предлагаютъ занять каѳедру и прочитать студентамъ свои отвѣты, въ видѣ лекціи; при чтеніи присутствуетъ и профессоръ.—Здѣсь профессоръ не дѣлаетъ уже никакихъ объясненій, онъ только критикъ студенческихъ трудовъ и выбираетъ лучшее сочиненіе, которое и читается вмѣсто лекціи. Самостоятельность обученія достигаетъ здѣсь наивысшаго напряженія.

Профессоръ Казанцевъ также стремится къ самостоятельному исканію научныхъ истинъ студентами. „Началомъ университет-

скихъ занятій, говоритъ онъ, должно быть усвоеніе учащимися научныхъ истинъ и практическихъ знаній послѣ *самостоятельнаго исканія ихъ* и сужденія о нихъ". Какъ же достигается это самостоятельное исканіе истины? А вотъ какъ. „Центръ тяжести занятій — самостоятельная работа и прежде всего чтеніе руководства",—говоритъ профессоръ Казанскій. Для такого самостоятельнаго занятія каждый профессоръ долженъ раздѣлить учебникъ на нѣсколько частей, и студентъ долженъ начать съ чтенія учебника; это—какъ и у Пирогова. „Сколько изъ учебника надо прочитать въ извѣстное время, это надо предоставить самимъ слушателямъ",—добавляетъ профессоръ. Послѣ прочтенія, профессоръ собесѣдуетъ, разъясняетъ вопросы, дополняетъ и т. д. Все—какъ и у Пирогова. Но авторъ идетъ и дальше. Онъ совѣтуетъ „повтореніе усвоеннаго путемъ возбужденія *самостоятельной* мысли". Идти дальше можно только тогда, когда большинство, по крайней мѣрѣ, твердо усвоило пройденное. „При такомъ способѣ—читаемъ далѣе—можно ввести въ преподаваніе повтореніе усвоенныхъ свѣдѣній и даже многократное прохожденіе предметовъ, по правилу: Repetitio est mater studiorum".

Особое вниманіе обращаетъ авторъ на практическія занятія: „они, по его мнѣнію, научаютъ учащихся *самостоятельно* мыслить".

Трудъ г. Казанскаго появился въ 1900-мъ году. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ планы противниковъ лекціонной системы отличаются большимъ постоянствомъ: они преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и тѣми же средствами.

Въ ихъ цѣляхъ есть, на первый взглядъ, много подкупающаго. Чтò можетъ быть лучше, какъ привести студентовъ къ самостоятельному изученію наукъ? У профессора Казанскаго эта цѣль университетскаго ученія выражена всего рельефнѣе: „учащіеся усвояютъ научныя истины послѣ самостоятельнаго ихъ исканія". И профессоры не всегда проповѣдуютъ истины, самостоятельно ими найденныя, а здѣсь всѣ студенты призываются къ такому исканію истины! Это чрезвычайно заманчиво, но достижимо ли?

Проф. Казанскій думаетъ, что онъ нашелъ средство научить людей самостоятельно мыслить. Для этого надо только устроить практическія занятія! Очень сомнѣваюсь. Всякая самостоятельность есть прирожденный даръ, а не дѣло выучки. Дѣти родятся уже или самостоятельными, или безвольными. О первыхъ няньки говорятъ: „ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ на своемъ поставитъ". Вторые и въ зрѣломъ возрастѣ посматриваютъ бояз-

ливо и вопросительно во всѣ стороны, не посовѣтуетъ ли кто чего.

Чтò нужно для самостоятельнаго занятія наукой? Для этого прежде всего нужна—любовь къ наукѣ, затѣмъ—самостоятельность характера, которая всегда соединяется и съ самостоятельностью мысли, и, наконецъ, для этого надо знать литературу науки, т.-е. быть ученымъ. Только ученый можетъ быть самостоятельнымъ работникомъ въ наукѣ; студентъ же долженъ прежде узнать науку, т.-е. научиться. О самостоятельномъ занятіи наукой на школьной скамьѣ не можетъ быть никакой рѣчи. Студенты могутъ, подъ руководствомъ профессора, ознакомиться съ состояніемъ науки—и только. Самостоятельность научной работы далеко впереди, и то не для всѣхъ, а для самаго ничтожнаго %.

Всякое ученье въ значительной степени пассивно, ибо состоитъ въ усвоеніи того, чтò говоритъ учитель. И это не въ однѣхъ только наукахъ, но и во всѣхъ искусствахъ, мастерствахъ и т. д. Безъ усвоенія существующаго нельзя сдѣлать ни шага впередъ. Величайшіе таланты начинаютъ съ подражанія тому, чтò было прежде нихъ. Шекспиръ подражалъ своимъ предшественникамъ; въ первыхъ трудахъ Рафаэля ясно видно вліяніе его учителя, Перуджино. Благодаря этому слѣдованію по стопамъ предшественниковъ возникаютъ ученыя и художественныя школы.

Самостоятельность есть даръ природы; въ наукахъ и искусствахъ онъ проявляется не сразу, а послѣ болѣе или менѣе долгаго усвоенія существующаго. Этотъ даръ дается далеко не всѣмъ. У Рафаэля было много учениковъ, еще болѣе было ихъ у Рубенса, а много ли осталось послѣ нихъ самостоятельныхъ творцовъ? То же можно сказать и объ ученикахъ знаменитыхъ профессоровъ.

Итакъ, какъ ни плѣнительна мысль—обратить всѣхъ студентовъ въ людей, самостоятельно занимающихся наукой, ее надо оставить.

Пироговъ и г. Казанскій предлагаютъ замѣнить лекціи бесѣдами. Надо разсмотрѣть теперь, чтò дадутъ намъ эти бесѣды.

Чтобы состоялись бесѣды, надо, чтобы у слушателей не только появились вопросы и замѣчанія, но и желаніе допрашивать, по поводу ихъ, профессора.

Если прочитанный учебникъ изложенъ совершенно ясно и доступно для начинающихъ, можетъ не возникнуть никакихъ вопросовъ. Допустимъ, что вопросъ возникъ, но у человѣка осмотрительнаго и осторожнаго. Такой студентъ подумаетъ, что

вопросъ возникъ у него потому только, что онъ не достаточно хорошо вникъ въ дѣло, что недоразумѣніе его можетъ потомъ и само собой разъясниться. Онъ не рѣшится предложить своего вопроса профессору; тѣмъ менѣе рѣшится онъ сдѣлать „замѣчаніе" на его учебникъ. Я веду дѣло къ тому, что бесѣда можетъ не состояться. Это не фантазія. Я испыталъ это самъ въ мое ровно сорокалѣтнее профессорство въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ началѣ курса я всегда предлагалъ слушателямъ обращаться ко мнѣ съ вопросами въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній. За исключеніемъ послѣдняго полугодія (осень 1906 года), не припомню, чтобы кто-нибудь обратился ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ. Въ послѣднее полугодіе ко мнѣ обратились человѣка 3—4. Но это объясняется особенностью нѣкоторыхъ вопросовъ, на которыхъ я остановился въ этомъ полугодіи. Во введеніи къ курсу я говорилъ о матеріалистическомъ пониманіи историческихъ явленій и возражалъ Марксу; а позднѣе я приводилъ мѣста изъ Библіи при изложеніи исторіи рабства и нѣкоторыхъ другихъ институтовъ. Марксъ и Библія и вызвали вопросы и замѣчанія со стороны моихъ слушателей. Не лишено значенія то, что вопрошатель, иначе понимавшій приведенное мною мѣсто Ветхаго Завѣта, пожелалъ знать точно, гдѣ это мѣсто. Ему бы, конечно, надо было прочитать это мѣсто прежде, чѣмъ дѣлать возраженіе. У меня тогда не было подъ руками соотвѣтствующихъ цифръ, и я обѣщалъ принести ихъ въ слѣдующій разъ. Я носилъ потомъ въ карманѣ эти цифры до конца года, а вопрошатель такъ за ними и не явился.

Итакъ, вопросы бываютъ, но по нѣкоторымъ исключительнымъ предметамъ, въ которыхъ слушатели чувствуютъ себя господами положенія. Такіе предметы есть, но ихъ вѣдь не очень много. Вотъ почему по исторіи русскаго права въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не явилось, кажется, ни одного вопроса.

Бесѣды извѣстны и нѣмецкимъ университетамъ (конверсаторія). Онѣ не замѣняютъ тамъ лекцій, а имѣютъ мѣсто на ряду съ ними, для желающихъ. Но и тамъ онѣ идутъ довольно грустно. Въ Гейдельбергѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, бесѣдами по философіи руководилъ профессоръ, очень извѣстный трудами по исторіи греческой философіи. На этихъ бесѣдахъ одинъ изъ присутствующихъ долженъ былъ изложить мѣсто изъ критики чистаго разума Канта; другой—возражать на это изложеніе. Охотниковъ излагать и возражать оказалось невозможнымъ найти. Чтобы вести дѣло, профессоръ нашелъ нужнымъ поставить изъ своимъ знакомыхъ слушателей безсмѣннаго изла-

гателя и возражателя. Они тоже оказались плохими собесѣдниками, и профессору приходилось по большей части говорить самому, бросая вызывающіе взгляды на присутствующихъ, не скажетъ ли хоть кто-нибудь что-нибудь.

Можно ли этому удивляться? Излагать Канта—дѣло не легкое; для этого нужна значительная доля знанія, а студенты стояли лишь у дверей философіи. Если, чувствуя недостатки своего знанія, они воздерживались отъ толкованія Канта и споровъ по поводу его мнѣній,—мнѣ кажется, ихъ нельзя винить, они были правы. Въ ихъ положеніи лучше было послушать знающихъ людей, чѣмъ говорить самимъ, что̀ они и дѣлали. Вызывать ихъ на споры, до которыхъ они не доросли, едва ли правильный педагогическій пріемъ. Но понятно, что профессору философіи было бы очень пріятно, если бы его слушатели могли вести разумную бесѣду о Кантѣ!

Итакъ, бесѣда можетъ не состояться. Но это еще не большая бѣда. Можетъ быть и худшій исходъ предлагаемыхъ намъ бесѣдъ. Это — появленіе говоруновъ, которые готовы спорить обо всемъ, рѣшительно ничего порядкомъ не зная. А вѣдь такихъ болтуновъ вездѣ очень много. Во что̀ тогда обратится аудиторія?

Но допустимъ самое лучшее. Среди собравшейся на бесѣду аудиторіи есть нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно занятыхъ дѣломъ, которые хотѣли бы получить отъ профессора нѣкоторыя разъясненія того, что̀ имъ показалось неяснымъ. Одинъ проситъ его разъяснить одно, другой—другое, третій—третье и т. д. Профессоръ объясняетъ — тому, другому, третьему. Прекрасно. Но какое до всего этого дѣло тѣмъ, которые поняли и одно, и другое, и третье? Они нисколько не заинтересованы объясненіями профессора. Собесѣдованіе покажется имъ скучнѣе всякой лекціи. Въ этомъ лучшемъ случаѣ все дѣло сведется къ частной бесѣдѣ вопрошателя съ профессоромъ. При этомъ могутъ произойти и курьезы въ видѣ черезчуръ наивныхъ, а, пожалуй, и неумѣстныхъ вопросовъ; вотъ это можетъ привлечь публику и даже вызвать веселость въ аудиторіи. Но нужно ли это?

По поводу предлагаемыхъ имъ бесѣдъ Пироговъ говоритъ: „Если не любовь къ наукѣ, то *самолюбіе* заставило бы многихъ сдѣлаться дѣйствующими лицами на такихъ лекціяхъ“. — Это уже совсѣмъ никуда не годится. Когда разыграется самолюбіе, человѣкъ бываетъ способенъ поучать, а никакъ не учиться. Да избавитъ насъ Господь отъ ораторовъ, говорящихъ изъ самолюбія, не только въ школѣ, но и на всѣхъ другихъ поприщахъ!

Какъ бы ни была плоха лекціонная система, но система бесѣдъ еще того хуже.

Можетъ быть, именно поэтому третій авторъ, Яновскій, предлагаетъ намъ не бесѣды, а лекціи, но читать ихъ будутъ не профессоры, а студенты. Можетъ быть, это, дѣйствительно, будетъ лучше? Сколько я знаю, нигдѣ еще не было сдѣлано опыта въ этомъ родѣ; а потому судить объ этомъ планѣ можно только на основаніи общихъ соображеній, а не практики.

По этому плану читаютъ лекціи не профессоры, а студенты. Что такое профессоръ, и почему, по общепризнанному порядку, онъ читаетъ лекціи, а не студенты? Профессоръ есть ученый, а ученый есть человѣкъ, знающій науку; но такъ какъ наука заключается въ литературѣ предмета, это будетъ человѣкъ, знающій литературу своего предмета. Онъ можетъ соединять съ этимъ знаніемъ какіе угодны таланты и умъ генія, но это — признаки не существенные. Конечно, дуракъ не можетъ быть ученымъ, но имъ можетъ быть человѣкъ самаго средняго ума. Профессоръ, если даже онъ не обладаетъ ни талантами, ни геніемъ, ни голосомъ, который пріятно слушать, ни выразительностью рѣчи, все-же можетъ быть полезенъ слушателямъ — своими знаніями. Яновскій предлагаетъ замѣнить лекціи профессора лекціями студентовъ, составленными на основаніи какой-нибудь одной книжки. Для кого это можетъ быть полезно? Ни для слушателей, ни для читающаго; а профессоровъ эта система заставитъ разбѣжаться изъ университетовъ, и вотъ почему.

Студенты должны писать отвѣты на всѣ вопросы програмы. Допустимъ, что на каждый предметъ придется отдѣльныхъ вопросовъ по сорока, это очень не много; допустимъ даже, что студентовъ будетъ только 100 человѣкъ, это тоже очень немного (въ большихъ университетахъ юристовъ бываетъ до 1.000 и болѣе); получится 4.000 студенческихъ сочиненій, которыя профессоръ долженъ прочитать, чтобы выбрать изъ нихъ лучшія! Отъ такого чтенія не поздоровится и большому уму.

Студенты должны будутъ выслушивать неумѣлое сокращеніе одной, много двухъ книжекъ. Объ изученіи предмета тутъ и рѣчи быть не можетъ.

Надо думать, что сила системы заключается въ той пользѣ, которую пріобрѣтаетъ самъ читающій. Несомнѣнно, студенты не должны ограничиваться однимъ слушаніемъ лекцій, они должны и сами читать, и дѣлать для памяти выписки. Это необходимо. Но выводить ихъ на каѳедру, какъ авторовъ лучшихъ трудовъ, это—дурной педагогическій пріемъ. Они и въ самомъ дѣлѣ по-

думаютъ, что сдѣлали что-либо изъ ряду вонъ выходящее, что они съ перваго курса уже ученые. Эта система будетъ только разжигать самолюбія.

Возвращаюсь къ г. Казанскому. Онъ не ограничивается повтореніемъ того, что̀ еще въ шестидесятыхъ годахъ было сказано Пироговымъ, онъ идетъ далѣе. Все университетское дѣло получаетъ у него характеръ преподаванія среднеучебныхъ заведеній. Профессоры задаютъ уроки и спрашиваютъ; они стоятъ на одномъ вопросѣ до тѣхъ поръ, пока, по крайней мѣрѣ, большинство слушателей не усвоитъ пройденнаго. Это уже не Пироговскія бесѣды со слушателями, „готовыми къ самостоятельному занятію наукой“, это—превращеніе университетовъ въ гимназіи. Предметы разные, но способъ преподаванія—одинъ и тотъ же.

Не превращеніе университетовъ въ гимназіи, но нѣчто среднее между гимназіями и университетами въ нѣмецкомъ смыслѣ даютъ старые англійскіе университеты Кембриджа и Оксфорда. Въ этихъ старыхъ университетахъ большинство занятій сосредоточивается въ рукахъ туторовъ, которые ведутъ преподаваніе въ характерѣ гимназическомъ, но есть и профессоры; число предлагаемыхъ ими лекцій, однако, не велико. Рядомъ съ этими старыми университетами возникаютъ и новые, по образцу нѣмецкихъ. Г. Казанцевъ хочетъ ввести гимназическую систему во всѣ наши университеты.

Во всякомъ случаѣ—это вопросъ, который нуждается въ разъясненіи. Если примѣненіе гимназическихъ способовъ преподаванія къ университетскимъ предметамъ дастъ лучшіе результаты, почему же къ нимъ и не обратиться?

Къ чему сводится разница университетскаго и гимназическаго преподаванія? Къ разницѣ лѣтъ учащихся. Въ гимназіи учатся отъ 10 до 17—18 лѣтъ; въ университетѣ—отъ 17—18 до 21 и болѣе. Предполагается, что мальчики отъ 10 лѣтъ и далѣе не понимаютъ еще пользы знанія, а потому ихъ нужно вести на поводкѣ; студенты, предполагается, какъ болѣе взрослые, понимаютъ пользу знанія и могутъ заниматься сами. Хотятъ и студентовъ вести на поводкѣ. Я хорошо знаю, что есть и сорокалѣтки, которыхъ слѣдовало бы взять на поводокъ, но это ни къ чему хорошему не поведетъ. Насильно никому нельзя вбить знанія. И въ гимназіяхъ дѣлаютъ успѣхи не насильно, не противъ своей воли, а только желающіе. Кому же не извѣстно, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ лѣнтяи, чтобы обмануть своихъ учителей, и сколько невѣждъ выпускаютъ гимназіи. Дѣло

ученія есть дѣло свободы. Различать возрасты надо. Дѣтей надо сажать за ученье, надо задавать имъ уроки, надо ихъ спрашивать, но не взрослыхъ. Учиться человѣкъ долженъ весь свой вѣкъ, по русской пословицѣ: „вѣкъ живи — вѣкъ учись", а умрешь все-таки дуракомъ (въ смыслѣ — ничего не знающимъ).

Велика народная мудрость! Необходимо учиться весь свой вѣкъ; но можно ли заставить учиться нежелающихъ? Въ нѣмецкихъ университетахъ, отъ которыхъ идутъ и наши, признается полная свобода ученья; она идетъ даже до признанія за студентами права не учиться, хотя общественное мнѣніе смотритъ на такихъ свободныхъ отъ наукъ студентовъ—неодобрительно. Эта свобода не мѣшаетъ быть Германіи самой ученой и культурной въ мірѣ страной.

Я не думаю, чтобы было достаточное основаніе превращать наши университеты въ гимназіи.

Въ послѣднее время у насъ постоянно раздаются жалобы на то, что студенты наши не учатся и выходятъ изъ университета невѣждами. Да, учатся очень немногіе. Громадное большинство занято чѣмъ-то другимъ. Оно думаетъ, что знаетъ самое существенное, что̀ человѣку нужно знать, что все остальное—дѣло пустое. Оно расположено скорѣе учить другихъ, чѣмъ самому учиться. Это болѣзнь, ее надо пережить, она пройдетъ. Но это не значитъ, что настанетъ время, когда всѣ будутъ учиться. Очень наивны тѣ, кто думаетъ, что бесѣды, практическія занятія, вопросы и отвѣты—заставятъ всѣхъ учиться. Этого-то ужъ никогда не будетъ. Невѣждъ всегда будетъ большинство. Поводовъ къ жалобамъ всегда будетъ много.

Всѣ разсмотрѣнные (а другихъ нѣтъ) проекты коренныхъ реформъ университетскаго преподаванія представляются мало надежными. Университетамъ нашимъ слѣдовало бы остаться при старой системѣ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что она состоитъ не изъ одного слушанія лекцій. Профессоры всегда указываютъ сочиненія, которыя совѣтуютъ читать, и занимающіеся студенты—читаютъ. Кромѣ того, ведутся практическія занятія. О нихъ я думаю сказать нѣсколько словъ въ концѣ статьи. Даются темы для сочиненій и объясняется, какъ ихъ писать и чѣмъ при этомъ пользоваться и т. д. Но центръ преподаванія, конечно, лекціи. Я не могу считать справедливой войну, которая ведется противъ нихъ съ конца шестидесятыхъ годовъ и по сей день. Если онѣ никуда не годятся,—какъ объяснить, что кромѣ лекцій въ университетѣ чуть не ежедневно читаются публичныя лекціи и не для студентовъ, а для большой публики, которая не обя-

зана чему-нибудь учиться, а она приходитъ,—нерѣдко и деньги платитъ? Чѣмъ объяснить, что лекціонная система преподаванія на нашихъ глазахъ все болѣе и болѣе распространяется учрежденіемъ свободныхъ университетовъ (extension of university teaching)? Война противъ лекцій представляется мнѣ плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія. Этимъ я не хочу сказать, что лекціонная система не имѣетъ своихъ недостатковъ. Они есть. Профессоръ, сказалъ я,—это ученый. Но у него есть и свой отличительный признакъ, который не нуженъ для ученаго вообще. Онъ долженъ умѣть читать лекціи такъ, чтобы его можно было, во-первыхъ, слушать безъ труда, не засыпая, и, во-вторыхъ,—всегда что-нибудь вынести изъ лекціи; надо, чтобы что-нибудь засѣло въ умѣ слушателя. Для этого мало быть ученымъ, для этого нуженъ особый талантъ. Нуженъ и голосъ. И безъ этихъ талантовъ лекція ученаго всегда полезна: интересующійся дѣломъ всегда можетъ узнать изъ нея что-нибудь новое. Но это дается съ большимъ трудомъ,—съ большимъ напряженіемъ вниманія, если лекторъ не обладаетъ талантомъ чтенія. Лекція профессора съ талантомъ производитъ пріятное впечатлѣніе и легко усвояется. Въ Гейдельбергѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, выдающимися чтецами были Вангеровъ и Миттермайеръ; слушать ихъ сходились со всѣхъ концовъ Европы, аудиторіи ихъ были всегда полны. Кромѣ нихъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю лекціи Блунчли и Рено. Гельмгольцъ и Гейзеръ читали лекціи для студентовъ всѣхъ спеціальностей и въ ихъ аудиторіяхъ надо было заранѣе занимать мѣста. И все это—первоклассные ученые. Это была не болтовня, которая тоже собираетъ большія аудиторіи. Въ Гейдельбергѣ, впрочемъ, такихъ болтуновъ не было, и насколько они возможны въ нѣмецкихъ университетахъ, это мнѣ не ясно.

II.

Традиціонная система университетскаго преподаванія имѣетъ и своихъ сторонниковъ. Ихъ тоже не мало. Въ прошломъ году выступилъ въ защиту ея профессоръ нашего университета, Л. І. Петражицкій, съ большимъ трудомъ и со многообѣщающимъ заглавіемъ: „Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія“. Съ приложеніями: „о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о среднемъ образованіи“. Появился только первый томъ этого широко задуманнаго труда. Онъ озаглавленъ: „Теоретическія основы“. 1907.

Великій интересъ этого перваго тома заключается не столько въ защитѣ лекціонной системы, сколько въ попыткѣ установить совершенно новыя точки зрѣнія на университетское преподаваніе, основанныя „на психологическомъ анализѣ науки и университетскаго преподаванія".

Первая половина этого тома уже давно извѣстна публикѣ. Она появилась еще въ 1901 году въ видѣ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; вторая составляетъ къ ней дополненіе. Нельзя не пожалѣть, что авторъ, задумавъ дополнить то, что̀ имъ было сказано въ отдѣльныхъ статьяхъ, не размѣстилъ своихъ дополненій по содержанію этихъ статей, а сперва перепечаталъ статьи, а потомъ—все то, что̀ ихъ дополняетъ. Вслѣдствіе этого получилась книга съ очень разбитымъ содержаніемъ и съ постоянными повтореніями. Во второй половинѣ говорится о томъ же, о чемъ и въ первой. Несмотря на эту безпорядочность изложенія, книга представляетъ величайшій интересъ.

Авторъ затрогиваетъ существеннѣйшіе вопросы университетскаго дѣла и въ очень широкомъ масштабѣ. Въ виду современнаго положенія университетскаго вопроса въ печати онъ нашелъ нужнымъ выяснить, въ чемъ сила университета, что̀ такое не только наука, но и научное мышленіе, чѣмъ отличается лекція отъ учебника и вообще отъ печатныхъ трудовъ, что̀ можетъ она дать слушателю, какъ онъ воспринимаетъ чтеніе профессора, пассивенъ онъ на лекціи или нѣтъ, и многое другое, всего и не перечтешь, такъ богата она содержаніемъ. Книга касается вопросовъ такой важности для жизни университетовъ и многіе изъ нихъ разрѣшены авторомъ такъ ново и оригинально, что изложеніе его мнѣній и пересмотръ ихъ можетъ, думаю, заинтересовать читателей, неравнодушныхъ къ бытію нашихъ высшихъ учрежденій знанія.

Но прежде, чѣмъ войти въ самое дѣло, характеризую въ двухъ словахъ ея автора; это будетъ полезно и для пониманія содержанія его книги. Онъ—великій идеалистъ и энтузіастъ. Книга написана очень горячо и съ чрезвычайнымъ подъемомъ духа. Она заражаетъ читателя.

Охарактеризовавъ университеты, какъ центры производства и распространенія научнаго свѣта, авторъ выражаетъ опасенія, какъ бы кто не увидалъ въ этихъ его словахъ, что онъ забылъ объ академіяхъ наукъ, и продолжаетъ такъ: „Мы отнюдь не думаемъ умалять значенія академій наукъ. Научный „рангъ" академика мы считаемъ выше „ранга" профессора университета. Члены академіи наукъ — обыкновенно заслуженнѣйшіе въ наукѣ

мужи, имѣющіе за собой блестящее научное прошлое и великія заслуги. Академія наукъ есть вѣнецъ и украшеніе царства науки" и т. д., все въ этомъ родѣ. Это, конечно, идеальная академія, а не существующая. Кто же не знаетъ, что есть академіи, для поступленія въ которыя вовсе не требуется не только ученыхъ трудовъ, но и ученаго ранга?

Нельзя читать безъ глубокаго душевнаго волненія тѣ строки, гдѣ авторъ говоритъ о прогрессѣ наукъ и вообще человѣческаго развитія: „Поймать мчащуюся впередъ къ свѣту науку и фиксировать ее на бумагѣ (изобразить путемъ написанныхъ или напечатанныхъ знаковъ)—совершенно невозможное и немыслимое предпріятіе". Или: „Развитіе человѣчества не идетъ черепашьими шагами, требующими десятковъ тысячъ лѣтъ и смерти милліардовъ особей для сколько-нибудь замѣтнаго движенія впередъ, а мчится съ удивительною все ускоряющеюся быстротой"... Авторъ, несомнѣнно, величайшій энтузіастъ. А вотъ картина профессора, который выходитъ изъ аудиторіи, послѣ воодушевленной лекціи. Къ нему подходитъ студентъ съ вопросомъ: „онъ не сразу пойметъ его и имѣетъ видъ человѣка, пробуждающагося отъ глубокой задумчивости. Это онъ продолжаетъ лекцію, т.-е. не можетъ остановить умственнаго процесса, который продолжаетъ мчаться. Въ нѣмецкихъ университетахъ студенты, обыкновенно, не обращаются съ вопросами къ профессору тотчасъ послѣ лекціи".

Это крайне напряженное настроеніе духа, въ которомъ находился авторъ, когда писалъ свою книгу, не мѣшаетъ ему быть всестороннимъ. Онъ обладаетъ чрезвычайно острымъ зрѣніемъ, отъ его вниманія не ускользаетъ ни одна сторона дѣла, онъ видитъ предметъ со всѣми его особенностями. Восторгаясь быстрымъ развитіемъ наукъ, онъ, конечно, хорошо знаетъ, что не всѣ науки одинаково преуспѣли къ нашему времени, и выражаетъ это также очень рѣшительно. „Научный барометръ, говоритъ онъ, — въ области нравственныхъ, правовыхъ, экономическихъ, вообще гуманныхъ наукъ, а отчасти и въ области философіи, начинаетъ показывать приближеніе грандіозной бури, которая, вѣроятно, потрясетъ до основаній наши, вообще (по сравненію съ другими науками) довольно ветхія зданьица, подчасъ построенныя на куриныхъ ножкахъ, на совершенно жалкихъ и неподходящихъ фундаментахъ", и т. д. И на этихъ куриныхъ ножкахъ держится, по мнѣнію автора, и такая почтенная по древности наука, какъ философія.

Перехожу къ отдѣльнымъ вопросамъ, на которыхъ останавливается почтенный авторъ въ его интересной книгѣ.

Говоря о задачахъ университета, онъ, какъ и всѣ, признаетъ, что она—двойственная: научная и учебная. Я бы желалъ, чтобы всѣ, неравнодушные къ вопросу, прочли тѣ страницы книги, гдѣ авторъ говоритъ о научномъ призваніи университетовъ,—такъ онѣ хороши!

Эти двѣ цѣли бытія университетовъ „достигаются, не той или другой организаціей студенчества, а замѣщеніемъ университетскихъ каѳедръ истинными учеными". Все это совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, первостепенный вопросъ о томъ, какъ должны замѣщаться каѳедры, авторъ отлагаетъ „до другого мѣста", надо думать, до другого тома. Въ этомъ—онъ останавливается только на числѣ ученыхъ степеней, необходимыхъ для званія профессора, и то мимоходомъ, и высказывается въ пользу двухъ. Это мнѣніе у насъ очень распространено. Было время, когда и я его раздѣлялъ; но съ теченіемъ времени отказался и перешелъ въ лагерь защитниковъ одной ученой степени доктора, какъ это признано во всей Германіи. Мои основанія въ пользу одной степени я высказалъ на страницахъ этого же изданія, а потому не буду повторять уже сказаннаго.

Переходя къ вопросу объ учебной дѣятельности нашихъ университетовъ, авторъ высказываетъ жалобу на то, что у насъ и правительство и пресса на эту вторую сторону университетскаго дѣла обращаютъ напряженнѣйшее вниманіе, „въ *ущербъ* первой," т.-е. ученой. Къ этому мнѣнію трудно присоединиться. Исторія знаетъ великихъ ученыхъ, жившихъ въ такія времена, когда правительства вовсе не заботились о развитіи наукъ. Не правительство творитъ ученыхъ. Случается, что оно казнитъ ихъ,—но чтобы оно могло помѣшать развитію ученаго генія излишними заботами о школьномъ обученіи, въ этомъ можно сомнѣваться.

Въ другомъ отношеніи находится правительство къ учебному дѣлу. Разъ оно признаетъ пользу ученья, оно должно заботиться объ обученіи; а если даетъ на это деньги, имѣетъ право и обязанность контролировать состояніе учебной части даже въ университетахъ. Конечно, на это нужны тактъ и умѣнье. Ни малѣйшаго „ущерба" для развитія наукъ изъ усиленнаго „вниманія правительства" къ учебному дѣлу произойти не можетъ. Итакъ, да заботится правительство о развитіи учебнаго дѣла безъ всякой боязни помѣшать этимъ развитію наукъ.

Но научная и учебная дѣятельность—не одно и то же. Научная дѣятельность университета можетъ стоять на должной высотѣ, а учебная—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ—можетъ быть и плохо представлена. Это хорошо знаетъ и нашъ

авторъ. Учебная—состоитъ не въ одномъ преподаваніи, но и въ экзаменахъ. Экзаменуютъ и нѣмецкіе профессоры не въ университетахъ, а въ коммиссіяхъ государственныхъ экзаменовъ. Они, иногда, производятся тамъ очень неудовлетворительно и небрежно, и крайне снисходительно. Любопытную картину ихъ находимъ въ разбираемой книгѣ. Авторъ заканчиваетъ ее такъ: „Только общее невѣжество одного изъ четырехъ экзаменовавшихся мнѣ такъ врѣзалось въ память, что провалъ его представлялся мнѣ во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ. Но и его экзаменъ признанъ былъ удовлетворительнымъ".

Въ германскихъ университетахъ рядомъ со свободой ученья существуетъ, слѣдовательно, и свобода отъ всякихъ знаній. Можетъ ли правительство относиться равнодушно къ послѣдней свободѣ? Если оно приметъ противъ нея какія-либо мѣры, хотя бы и непріятныя для господъ профессоровъ-экзаменаторовъ, развѣ это будетъ въ ущербъ ихъ ученой дѣятельности?

Университеты ведутъ ученую и учебную дѣятельность, но эти двѣ дѣятельности совершенно различны и по существу, и по отношенію къ нимъ правительства. Первая—есть дѣло призванія и таланта частныхъ лицъ. Правительство не можетъ ни уничтожить этого призванія, ни создать его. Оно можетъ покровительствовать ученымъ; но я сомнѣваюсь, чтобы оно было въ силахъ помѣшать имъ служить дѣлу науки. Иное отношеніе его къ учебному дѣлу: здѣсь оно можетъ, а потому и призвано творить.

Книга автора посвящена „университету и наукѣ", и онъ много и хорошо говоритъ о наукѣ. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ ея значеніе въ жизни человѣчества. „Не требуется и не возможно на землѣ, чтобы всѣ посвящали себя культу науки, какъ невозможно, чтобы всѣ были поэтами или служителями и проповѣдниками религіи. Но тѣмъ не менѣе пріобщеніе къ наукѣ путемъ хоть временнаго поднятія существа нашего до высоты ея, до созерцанія и чувствованія ея высоты и красы, составляетъ такой же необходимый элементъ полной и совершенной жизни, какъ такое же пріобщеніе къ другимъ идеальнымъ сокровищамъ рода homo sapiens, напр., къ поэзіи, къ религіозному чувству... Такой homo sapiens, который никогда не пріобщился въ этомъ смыслѣ къ sapientia, къ высшему проявленію и воплощенію этого свойства человѣчества—къ наукѣ, не есть homo sapiens въ полномъ и совершенномъ смыслѣ этого слова, какъ и тотъ, кто никогда въ жизни не поднялся до высоты поэзіи или эстетики вообще, кому даже не извѣстно чувство эстетическаго подъема и

воодушевленія.—Поэтому идеаломъ развитія человѣчества должно быть достиженіе такого состоянія, чтобы никто въ этомъ отношеніи не оставался въ обидѣ, чтобы пріобщеніе къ высшимъ идеальнымъ благамъ человѣческой культуры, въ томъ числѣ и наукѣ—могло быть удѣломъ всѣхъ и каждаго".

Къ этому желанію ничего нельзя прибавить. Но что̀ такое наука? вотъ въ чемъ вопросъ. Авторъ не оставляетъ его безъ отвѣта—совершенно новаго и чрезвычайно оригинальнаго.

До сихъ поръ, насколько, по крайней мѣрѣ, я знакомъ съ этимъ дѣломъ, всѣ думали, что наука состоитъ въ изложеніи научныхъ истинъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Нашъ авторъ считаетъ эту точку зрѣнія очень наивной.

По его мнѣнію наука представляетъ сложный психическій процессъ, и не только интеллектуальный, но и чувственный (эмоціональный элементъ). Она реально живетъ и развивается въ психикѣ ученыхъ. Авторъ признаетъ даже бытіе особой „психологіи науки" (153, 170, 177).

Что̀ же это за процессъ? Авторъ старательно это объясняетъ. Наука, по его мнѣнію, не въ извѣстномъ количествѣ знаній, а въ усовершенствованныхъ способахъ мышленія. Сила ученаго—не столько въ количествѣ свѣдѣній, сколько въ качествѣ мышленія; послѣднее же только отчасти опредѣляется природными дарованіями, въ значительной же степени хорошею школою (154, 231). Школою этого высшаго типа мышленія и являются—университетскія лекціи (284). Этому высшему типу мышленія авторъ противополагаетъ обыкновенное житейское, которое представляется ему туманнымъ, блуждающимъ и сбивающимся съ настоящаго пути (232).

Итакъ, наука есть процессъ высшаго мышленія, но не только интеллектуальный, но и чувственный. Есть особаго рода чувство, говоритъ авторъ, которое можно назвать „научнымъ чувствомъ", имъ живетъ и дышитъ наука. „Особенно высокаго подъема достигаетъ это чувство... въ области научнаго творчества, въ моменты творческаго „вдохновенія" и созерцанія впервые новой истины, особенно если она освѣщаетъ большія, темныя прежде пространства... Весьма характерныя для психологіи ученаго міра явленія, въ частности выростаніе облюбованныхъ областей знанія... до гигантскихъ размѣровъ, объясняются, конечно, не чисто-интеллектуальными процессами, а именно эмоціональнымъ элементомъ, присущимъ всякой истинной наукѣ" (170, 172, 177).

Надо отдать справедливость автору: онъ чрезвычайно послѣдователенъ. Наука, какъ процессъ высшаго мышленія, есть нѣчто

внутреннее, она развивается въ психикѣ человѣка, но какъ чувство—она просится наружу, она желаетъ выразиться во внѣ. Вотъ почему онъ отдаетъ предпочтеніе наукѣ, которая выражается въ формѣ „громкаго мышленія"; онъ усвояетъ этой наукѣ наименованіе „свободной". Подъ „громкимъ мышленіемъ" авторъ разумѣетъ лекцію и предпочитаетъ этотъ способъ поученія всякому другому. Онъ говоритъ: „Свободное громкое мышленіе ученаго въ аудиторіи вводитъ слушателей въ подлинную лабораторію его мысли, знакомитъ ихъ съ подлиннымъ характеромъ его мышленія". И въ другомъ мѣстѣ: „Во время громкаго научнаго мышленія въ обсуждаемой темѣ открываются такія стороны, которыя данный (?) ученый въ тиши кабинета, можетъ быть, не съумѣлъ бы открыть" (239, 260). Такимъ образомъ, и для самого ученаго лучше заниматься процессомъ громкаго мышленія, чѣмъ тихаго—за своимъ столомъ въ кабинетѣ.

Дальнѣйшія послѣдствія новаго взгляда на науку состоятъ въ томъ, что послѣднее слово науки заключается въ устномъ словѣ, а не въ печатномъ, да и едва-ли можетъ быть передано книгой въ его совершенномъ видѣ. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу авторъ.

„Нельзя забывать, что наука реально живетъ и, особенно въ новое время, быстро развивается въ психикѣ многихъ ученыхъ; но того, что̀ теперь находится въ „лучшихъ умахъ" представителей мыслительнаго процесса данной науки, знать и сообщить въ руководствѣ невозможно... Намъ доступно только послѣднее печатное слово, но не послѣдняя мудрость науки" (157).

Авторъ даже сомнѣвается въ возможности передать въ печати то, что̀ возникло въ умѣ ученаго. „Никакое руководство, говоритъ онъ, не можетъ покушаться и никогда не покушается на сообщеніе всѣхъ цѣнныхъ положеній, добытыхъ наукою". И далѣе: „Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что настоящее „послѣднее слово науки" и то „слово" ея, которое содержится въ наличныхъ печатныхъ произведеніяхъ, это—двѣ различныя вещи, и что печатная мудрость науки необходимо находится позади подлинной послѣдней мудрости ея, никогда ея не догоняя". И еще: „Естественное и свободное мышленіе въ умѣ ученаго и его научное произведеніе въ печатномъ видѣ или въ видѣ рукописи для печати—двѣ совершенно различныя вещи, подчасъ довольно мало похожія другъ на друга" (155, 157, 161, 165).

Такова точка зрѣнія автора на науку, совершенно новая и крайне оригинальная. У него нѣтъ предшественниковъ, насколько

мнѣ извѣстно. Все здѣсь изложенное — повторяется въ книгѣ много разъ и приведено его подлинными словами.

Понятно, въ какую цѣль попадаетъ авторъ: лекція выше книги, а потому надо слушать лекціи. Но я не допускаю мысли, что книга автора есть только искусная рѣчь опытнаго адвоката. Въ общихъ выводахъ, которыми заканчивается первый томъ его труда, авторъ говоритъ, что онъ опровергаетъ традиціонныя, ненаучныя и поверхностныя представленія и положенія о наукѣ и университетскомъ преподаваніи на основаніи „психологическаго ихъ анализа". Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ рѣчью присяжнаго повѣреннаго, а съ научнымъ изслѣдованіемъ, которое пользуется совершенно новыми средствами—„психологическимъ анализомъ". Авторъ не въ первый разъ прибѣгаетъ къ этимъ новымъ средствамъ изслѣдованія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они были примѣнены имъ къ изученію вопросовъ права, теперь онъ переноситъ ихъ въ новую область.

Если авторъ правъ,—ему удалось перевернуть вверхъ дномъ все, что до сихъ поръ стояло передъ нашими глазами. По мнѣнію его, чѣмъ крупнѣе новыя идеи, появившіяся въ умѣ ученаго, тѣмъ болѣе требуется времени для облеченія ихъ въ форму книги. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ для этого могутъ потребоваться цѣлыя десятилѣтія (158). Итакъ, послѣднее слово науки, выработанное громкимъ мышленіемъ, можетъ перейти въ печать; но для этого нужно не годъ, не два, не три, а десять и даже нѣсколько десятилѣтій времени. Юный университетскій слушатель, только-что вступившій въ университетъ, узнаетъ, благодаря „свободному громкому мышленію профессора", сегодня уже послѣднее слово науки, а когда дойдетъ оно до стараго ученаго, который лѣтъ сорокъ тому назадъ окончилъ уже слушаніе лекцій и занимается только чтеніемъ книгъ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ лѣтъ черезъ пять, а можетъ быть и черезъ пятнадцать. Дай Богъ дожить! Это—необходимый выводъ изъ „теоретическихъ основъ" автора. А такъ какъ авторъ высказалъ мысль, что идеаломъ развитія человѣчества является пріобщеніе къ наукѣ всѣхъ и каждаго, то желательно, чтобы всѣ и каждый цѣлый свой вѣкъ занимались слушаніемъ „свободнаго и громкаго мышленія" профессоровъ, иначе молодое поколѣніе, только вступивъ въ университетъ, будетъ уже въ первый годъ вооружено лучшимъ знаніемъ, чѣмъ старики, и даже тотъ самый профессоръ, отъ котораго они услыхали послѣднее слово его науки. Вѣдь онъ не слушаетъ же лекцій своихъ товарищей, а читаетъ только ихъ книги, а когда-то еще они ихъ напишутъ. Я могу только радоваться этимъ быстрымъ

успѣхамъ нашей молодежи въ усвоенiи послѣднихъ словъ науки, но происходитъ ли это дѣйствительно въ жизни? Это позволительно провѣрить.

Наука не въ книгахъ, но въ психикѣ ученыхъ, въ ихъ громкомъ мышленiи; къ этому надо еще прибавить возбужденное состоянiе ихъ чувствъ, что̀ весьма облегчаетъ научное творчество. Наука становится, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ личнаго качества отдѣльныхъ ученыхъ. Я не отрицаю, что есть такiе выдающiеся умы, которымъ дано создать вновь, если не цѣлыя науки, то нѣкоторыя ихъ части. Но вѣдь такихъ не много. Большинство профессоровъ знакомитъ своихъ слушателей только съ тѣмъ, что̀ оно узнало изъ литературы предмета, т.-е. изъ книгъ. Если ему удается разобраться въ литературѣ, хорошо отличить зерно отъ шелухи и умѣло передать это зерно своимъ слушателямъ, это уже большая заслуга. Но и тѣмъ выдающимися умамъ, которые вносятъ въ науку новое, все-же приходится передавать слушателямъ многiе ея отдѣлы по печатнымъ трудамъ своихъ предшественниковъ. Такова дѣйствительность.

Не книга, а громкое мышленiе, говоритъ авторъ, даетъ послѣднее слово науки. Провѣримъ и это.

Что такое послѣднее слово науки? Послѣднее слово науки вовсе не то, что̀ нѣкоторый профессоръ сказалъ отъ себя, хотя бы и съ величайшимъ возбужденiемъ чувствъ, въ своей аудиторiи. Послѣднее слово—это то, что̀ признано, если и не всѣми учеными, то значительнымъ ихъ числомъ. Всякая научная новость должна быть оглашена и сдѣлаться предметомъ научной критики. Провозглашенiе своего личнаго мнѣнiя въ своей аудиторiи еще очень далеко отъ послѣдняго слова науки. Случается, что такiя мнѣнiя никогда до печати и не доходятъ, такъ и умираютъ въ психикѣ ученаго, прозвучавъ разъ, много два въ громкомъ его мышленiи. И не всегда приходится объ этомъ сожалѣть.

Авторъ, какъ мы знаемъ, отличается очень зоркимъ зрѣнiемъ и обозрѣваетъ свой предметъ со всѣхъ сторонъ. На стр. 153 мы у него читаемъ: „Жизнь науки въ постоянномъ движенiи, борьбѣ и смѣнѣ... То, что̀ одинъ нашелъ, счелъ истиной и съ воодушевленiемъ сообщилъ другимъ, многiе другiе разсматриваютъ критически и съ сомнѣнiемъ и столь же воодушевленно разрушаютъ"... Это совершенно вѣрно. Но къ какой наукѣ все это воодушевленiе относится? Приведенное мѣсто находится на той самой страницѣ, гдѣ авторъ опредѣляетъ науку, какъ психическiй процессъ, и оспариваетъ традицiонную на нее точку зрѣнiя. Въ традицiонной наукѣ эта критика дѣйствительно возможна, но не

въ его. Кто же будетъ критиковать высказанное путемъ свободнаго громкаго мышленія передъ аудиторіей учениковъ и никому, кромѣ нихъ, неизвѣстное?

Перехожу къ мышленію. Авторъ полагаетъ, что профессоры одарены лучшимъ мышленіемъ, чѣмъ другіе люди: у нихъ высшее мышленіе. Мнѣ кажется, что есть много основаній думать, что мышленіе всѣхъ людей совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ, и что мышленіе всѣхъ нормальныхъ людей совершенно одинаково. Послѣдній рабочій мыслитъ совершенно такъ же, какъ первѣйшій ученый. Иначе мыслятъ душевно-больные и люди во снѣ. Высшему профессорскому мышленію авторъ противополагаетъ обыденное „житейское", которое онъ характеризуетъ какъ туманное и сбивчивое. Чтобы обыденное, житейское мышленіе было всегда туманное и сбивчивое, кто же съ этимъ согласится? Кто же не встрѣчалъ самыхъ простыхъ людей, которые весь свой вѣкъ стояли у сохи, и которые мыслятъ совершенно точно и не сбиваются ни направо, ни налѣво,—и наоборотъ, кто не встрѣчалъ ученыхъ, которые мыслятъ чрезвычайно туманно? Тутъ разница не въ высшемъ профессорскомъ мышленіи и обыденномъ, житейскомъ, а въ томъ, что одни говорятъ о томъ, что̀ они хорошо знаютъ, а другіе — о томъ, чего они не понимаютъ и не знаютъ, а потому и путаютъ.

На многихъ страницахъ своего труда подъ высшимъ мышленіемъ авторъ разумѣетъ спеціально техническое, напримѣръ, юридическое. Юридическое мышленіе —это не совсѣмъ удачное выраженіе, и только. Нѣтъ особаго юридическаго мышленія, или желѣзнодорожнаго, или горнозаводскаго и т. д., по различію спеціальностей. Юристы, желѣзнодорожники, горнозаводчики и т. д. мыслятъ совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе смертные, но у нихъ есть спеціальныя знанія, и вотъ мышленіе въ области этого спеціальнаго знанія для юристовъ, иногда, и называютъ „юридическимъ мышленіемъ". Выраженій: „горнозаводское мышленіе" или „желѣзнодорожное" я никогда не слыхалъ; но они были бы нисколько не хуже, чѣмъ — „юридическое". Здѣсь нѣтъ никакого высшаго мышленія, а только мышленіе въ области спеціальныхъ знаній, которое, какъ и всякое другое, можетъ быть и туманное и ясное, и точное и сбивчивое, смотря по мѣрѣ знанія и пониманія.

Новости „теоретическихъ основъ науки" не ограничиваются открытіемъ „высшаго профессорскаго мышленія", онѣ открываютъ еще эмоціональный элементъ: это особаго рода чувство, которое авторъ называетъ — научнымъ. У него встрѣчается даже выра-

женіе—„чувства науки". Благодаря этимъ „чувствамъ науки", молодой человѣкъ, поступившій въ университетъ изъ-за диплома, перестаетъ мечтать о карьерѣ и начинаетъ думать о страждущемъ человѣчествѣ, о высокомъ призваніи врача, о задачахъ права и правосудія и т. д. (193). На первый взглядъ „научное чувство" и „чувства науки" могутъ нѣсколько удивить и даже озадачить читателя, но при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ почтеннымъ трудомъ автора дѣло объясняется довольно просто. Онъ разумѣетъ тутъ просто-на-просто любовь къ наукѣ. Напрасно только онъ говоритъ, что это „особаго рода чувство". Это совершенно того же рода чувство, какъ и всѣ другіе виды любви,—напримѣръ, любовь къ цвѣтамъ, къ птицамъ, лошадямъ и т. д. Предметы любви бываютъ разные, и болѣе, и менѣе высокіе, но чувство—все то же. Выраженіе: „научное чувство"—тоже нельзя считать удачнымъ. Если любовь къ наукѣ порождаетъ научное чувство, то любовь къ цвѣтамъ должна породить—цвѣтное чувство, и т. д. Въ такой терминологіи нѣтъ никакой надобности, она можетъ только запутать дѣло.

Что авторъ подъ „особаго рода чувствомъ" ничего не разумѣетъ, кромѣ любви, это видно изъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ у него это чувство. Люди, охваченные научнымъ чувствомъ, готовы на всякія жертвы ради науки. Они предаются упорному труду, разстроиваютъ свое здоровье, худѣютъ; нѣмецкія иллюстрированныя изданія изображаютъ ученыхъ въ видѣ ходячихъ мумій; старый, потертый сюртукъ надѣтъ на нихъ, какъ на вѣшалку; въ примѣръ такихъ ученыхъ авторъ приводитъ Моммзена; наконецъ, ученые идутъ и на смерть изъ-за своихъ убѣжденій (173). Все это совершенно вѣрно, но что̀ же это? Все это самыя обыкновенныя послѣдствія любви. Я вотъ только сомнѣваюсь, чтобы Моммзенъ представлялъ „живой скелетъ" отъ любви. Худѣютъ, сколько я знаю, отъ несчастной любви, въ наукѣ бываютъ тоже несчастные любовники, но о Моммзенѣ этого никакъ нельзя сказать. Его худоба объясняется какими-нибудь другими причинами, а никакъ не любовью.

Авторъ очень внимательно обозрѣваетъ всѣ благія послѣдствія научнаго чувства; онъ усматриваетъ ихъ даже во внѣшнемъ видѣ нѣкоторыхъ книгъ. „Иногда—говоритъ онъ—уже объемъ этихъ книгъ и характеръ примѣчаній къ тексту наглядно свидѣтельствуютъ о такихъ подвигахъ упорнаго и напряженнаго труда, терпѣнія и энергіи въ теченіе десятковъ лѣтъ, какіе въ другихъ областяхъ жизни едва-ли случаются. Другія книги даютъ

подобное же свидѣтельство только при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ихъ содержаніемъ (напр. труды Канта, Дарвина и т. п.)". 174.

Вотъ съ этимъ едва-ли всѣ согласятся. Въ кружкѣ мнѣ знакомыхъ ученыхъ существуетъ мнѣніе, что объемистыя книги нерѣдко свидѣтельствуютъ только о томъ, что у автора не было времени хорошенько изучить свой предметъ и изложить его коротко, а потому онъ и пропечаталъ все, что запало ему въ голову.

Отъ объема книги нельзя дѣлать никакихъ заключеній, не прочитавъ ее, а также и отъ примѣчаній, не провѣривъ ихъ. Случается, что дѣлаютъ ссылки на книги, которыхъ авторъ и понять не могъ.

И въ вопросѣ о „чувствахъ науки" нашъ авторъ проявляетъ уже извѣстную намъ многосторонность. Онъ ясно видитъ и недостатки, которые могутъ быть порождены этими чувствами. Они могутъ вести къ научнымъ пристрастіямъ и возвеличеніямъ подчасъ микроскопическихъ вопросовъ и т. д. Это совершенно вѣрно, но опять свидѣтельствуетъ только о томъ, что подъ научнымъ чувствомъ ничего нельзя разумѣть, кромѣ обыкновенной любви, которая всегда преувеличиваетъ достоинства и значеніе любимаго предмета. О чувствѣ „особаго рода" и рѣчи быть не можетъ. На стр. 198-ой научное чувство переходитъ у автора въ „научную страсть". Это высшая степень любви—и только.

Что ученый любитъ науки, въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться. Всѣ люди занимаются тѣмъ, что имъ нравится, что они любятъ, если только дѣло не идетъ о кускѣ хлѣба; но къ наукѣ не можетъ привлекать кусокъ хлѣба. Для этого надо искать иного ремесла. Но другой вопросъ, можетъ ли любовь, т.-е. чувство, быть творческимъ элементомъ въ созданіи научныхъ истинъ? Это очень сомнительно. Научныя истины созидаются процессомъ мышленія, а не способностью чувствовать. Наплывъ чувствъ вызываетъ невѣрныя представленія вещей: маленькія кажутся большими, большія—маленькими, уродливыя—красивыми, красивыя—уродливыми и т. д. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ нужно точное пониманіе мѣры и вѣса вещей. При нѣкоторомъ излишнемъ противъ нормы возбужденіи чувствъ, это—дѣло невозможное. Возбужденіе чувствъ и умнаго человѣка дѣлаетъ глупымъ. Процессы мышленія у всѣхъ нормальныхъ людей одни и тѣ же, а какая разница въ продуктахъ мышленія! Думаю, это объясняется игрою чувствъ, которыя порождаютъ увлеченія и страсти. Они затемняютъ разумъ. Едва-ли можно отрицать вліяніе чувствъ на про-

цессы мышленія, но видѣть въ чувствахъ дѣятеля науки, это очень рискованно. „Научнаго чувства“ въ смыслѣ такого дѣятеля, конечно, не существуетъ.

Перехожу къ провѣркѣ положеній автора о томъ, что „свободное мышленіе въ умѣ ученаго и научное произведеніе въ печатномъ видѣ — двѣ совершенно разныя вещи, подчасъ мало похожія другъ на друга“. Почему это? Къ сожалѣнію, авторъ уклоняется отъ отвѣта. Онъ находитъ, что „изученіе и изложеніе характера, направленія и причинъ этого различія потребовали бы много мѣста и времени...; теоретическое углубленіе въ эту область „для него здѣсь не необходимо“. Недостатокъ мѣста не мѣшаетъ ему, однако, занять цѣлыхъ двѣ страницы такими соображеніями по этому вопросу, которыя ровно ничего не объясняютъ.

„Даже просто письменное изложеніе мыслей, говоритъ онъ, — въ письмѣ или въ ученическомъ сочиненіи представляетъ манипуляцію, требующую особой выучки и сноровки... Вспомнимъ гимназическія времена, трагическій вопросъ: „Какъ начать?“ и т. д. Это — наблюденіе совершенно вѣрное. Но причина его иная. Въ гимназическія времена я не разъ былъ именно въ такомъ положеніи, но это потому, что я вообще не зналъ, что мнѣ писать. У меня не было ровно никакихъ мыслей, и если бы учитель предложилъ мнѣ не писать, а устно говорить на ту же тему, я былъ бы совершенно въ томъ же затрудненіи.

„Даже рукописи опытныхъ, вполнѣ владѣющихъ перомъ писателей, продолжаетъ нашъ авторъ, бываютъ подчасъ испещрены передѣлками и поправками“. Это тоже совершенно вѣрно, но все же не говоритъ въ пользу высказаннаго авторомъ мнѣнія. Первоначально возникшая въ головѣ мысль, по мѣрѣ писанія, разъясняется и получаетъ все болѣе и болѣе опредѣленную и точную форму. Отсюда — поправки; онѣ совершенно соотвѣтствуютъ ходу мыслей.

„Особенно наглядную иллюстрацію нашего положенія, читаемъ дальше, доставляютъ стенограммы произносимыхъ по свободному теченію мыслей (а не заученныхъ наизусть по предварительно составленной рукописи) рѣчей. Почти никогда не слѣдуетъ воображать, что это дѣйствительно точныя записи произнесенныхъ словъ“. И это замѣчаніе совершенно вѣрно. Но причина неточности — въ неопытности барышень-стенографистокъ и только. Различіе же рѣчей, предварительно написанныхъ и ненаписанныхъ, тутъ рѣшительно ни при чемъ, — все зависитъ отъ барышень.

Очевидно, въ примѣненіи новаго „психологическаго анализа“

къ изученію науки и университетскаго преподаванія, автора затрудняетъ объясненіе самыхъ простыхъ и совершенно ясныхъ явленій; а между тѣмъ у него же можно найти намеки на правильное ихъ объясненіе, которыми, однако, онъ не воспользовался.

„Главное, что̀ нужно принять во вниманіе, говоритъ онъ, для пониманія отношенія всякаго печатнаго произведенія къ подлинному процессу научнаго мышленія, къ естественному теченію мыслей, это тотъ несомнѣнный фактъ, что писаніе для печати вовсе не означаетъ изліянія на бумагу именно тѣхъ мыслей и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ появляются въ нашемъ умѣ въ моментъ свободнаго мышленія“. Съ этимъ надо согласиться, такъ какъ подъ мыслями „въ моментъ свободнаго мышленія“ надо разумѣть здѣсь первое появленіе въ головѣ автора мысли задуманнаго труда. Писаніе для печати, конечно, не есть записываніе мысли въ томъ зародышномъ состояніи, въ которомъ она впервые появилась въ умѣ, а мысли уже созрѣвшей и выработанной. Нѣтъ никакой необходимости печатать мысли не разработанныя, мысли въ зародышномъ состояніи. А если такъ, то можно ли сожалѣть о томъ, что печатное слово не соотвѣтствуетъ первоначально зародившейся мысли? Конечно, нѣтъ. А авторъ сожалѣетъ. Онъ отдаетъ предпочтеніе мысли, только-что осѣнившей голову ученаго. Это онъ и разумѣетъ подъ „свободнымъ громкимъ мышленіемъ“. Но вѣдь это импровизація. Для лекцій съ профессорской каѳедры едва-ли можно рекомендовать импровизацію.

Если же дѣло идетъ о мысляхъ, не зародившихся только, а тщательно разработанныхъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онѣ не могутъ быть переданы въ печати въ той формѣ, какъ онѣ содержатся въ головѣ.

Говоря о преимуществѣ лекцій передъ книгами, авторъ указываетъ и на то, что лекторъ не стѣсненъ писательскими правилами и шаблонами (напримѣръ, повтореніемъ сказаннаго и пр.). И этой разницы не существуетъ въ дѣйствительности. Разбираемый мною первый томъ его почтеннаго труда содержитъ столько повтореній, что онъ не уступитъ въ этомъ отношеніи никакой лекціи.

III.

Выяснивъ суть науки, нашъ авторъ посвящаетъ большую долю вниманія и вопросу о томъ, какъ студентъ воспринимаетъ лекцію и что̀ она ему даетъ.

Противники существующей системы университетскаго преподаванія главный недостатокъ ея усматриваютъ въ томъ, что студентъ воспринимаетъ лекцію совершенно пассивно. Нашъ авторъ оспариваетъ эту точку зрѣнія и доказываетъ, что студентъ воспринимаетъ лекцію активно, что у него работаетъ и сердце, и воля, и умъ. Аргументація его превосходна и совершенно убѣдительна. Я вполнѣ присоединяюсь къ нему и желалъ бы, чтобы всѣ интересующіеся этимъ важнымъ вопросомъ ознакомились съ его точкою зрѣнія въ собственномъ его изложеніи. Но есть одинъ пунктъ, къ которому я не могу присоединиться; это—то, что онъ говоритъ о дѣятельности ума слушателя.

Я совершенно согласенъ съ авторомъ, что при слушаніи лекціи работаетъ и умъ слушателя. Но я не могу присоединиться къ тому, какъ онъ понимаетъ эту работу. На мой взглядъ, дѣло очень просто. Слушатель воспринимаетъ то, что ему представляется пріемлемымъ, и отвергаетъ все непріемлемое. Причины пріемлемости очень различны. Онѣ могутъ состоять въ убѣдительности доказательствъ, въ симпатичности проводимыхъ мыслей и т. д. Словомъ, студентъ не только слушаетъ, но и разбираетъ.

Совсѣмъ иначе смотритъ на это нашъ авторъ. Его точка зрѣнія чрезвычайно оригинальна и также нова, какъ и многое, на что я уже имѣлъ случай указать.

„Видѣть или слышать чужую мысль—говоритъ онъ (221)—вообще немыслимо, также какъ не мыслимо понюхать ее, ощупать, ибо мысль не есть матеріальный предметъ, доступный нашимъ внѣшнимъ чувствамъ: зрѣнію, вкусу, слуху и т. д. Поэтому никто не можетъ наблюдать чужихъ движеній мысли, подобно чужимъ тѣлодвиженіямъ, напр., балетнаго танцора; можно только наблюдать движенія мысли, происходящія въ умѣ наблюдающаго, т.-е. занимающагося самонаблюденіемъ. Поэтому совершенно нелѣпо было бы думать, что студентъ можетъ наблюдать „мысли профессора“ и ихъ теченіе“...

„Въ аудиторіи происходитъ совершенно иной, существенно отличный процессъ. Сообразно (невидимому ни для кого) движенію своей мысли профессоръ подаетъ условные звуковые сигналы (для той же мысли эти сигналы совсѣмъ различны въ разныхъ странахъ, у различныхъ народовъ). Происходитъ не появленіе какихъ-либо мыслей на воздухѣ, а только волнообразное сотрясеніе воздуха... Звуковыя волны доходятъ до барабанныхъ перепонокъ слушателей..., а потомъ совершается въ концѣ концовъ нѣчто удивительное и таинственное, уму человѣческому

непостижимое: появляются ощущенія, и мы уже совсѣмъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ духа. Слушатели производятъ комбинаціи ощущеній и превращеніе ихъ въ сложныя представленія, понятія, совершаютъ дедукціи, индукціи, заключенія по аналогіи и проч.".

Авторъ ни въ какой части своего труда не былъ еще такъ многосторонень, такъ многообъемлющъ, скажу даже—такъ всеобъемлющъ, какъ здѣсь. Онъ совсѣмъ вышелъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія и поднялся въ область матеріи и духа. Онъ—дуалистъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго. Признаніе матеріи и вѣра въ духъ есть достояніе всѣхъ народовъ, на какой бы низкой или высокой ступени развитія они ни стояли, и всѣхъ временъ древнѣйшихъ и новыхъ. Вознесясь въ безконечную область духа и матеріи, авторъ, очень естественно, натолкнулся на вопросъ, какъ же это матерія дѣйствуетъ на духъ? Я бы ничего не имѣлъ и противъ нѣкоторыхъ соображеній о духѣ и матеріи въ сочиненіи, посвященномъ университетскому преподаванію, если бы автору удалось сказать что-нибудь новое и объясняющее дѣло. Но ему это не удалось. Мы остались при непостижимомъ и только. Лучше было бы и вовсе не касаться этого страшнаго вопроса. Непостижимое никакъ не можетъ объяснить намъ, какимъ это образомъ студентамъ приходится самимъ превращать ощущенія въ тѣ понятія, дедукціи, индукціи и пр., которыя они только-что выслушали отъ профессора. Слушая профессора, они получили ощущеніе того, что̀ онъ сказалъ, они восприняли ту умственную работу, которую онъ произвелъ и передалъ имъ при помощи звуковъ, подѣйствовавшихъ на ихъ нервы, вотъ и все. Какъ мысль (духъ) профессора перешла въ звуки (матерія), а звуки въ мысль студентовъ, этого никто не знаетъ; но всѣ знаютъ, что въ головѣ студентовъ—не ихъ мысль, а мысль профессора. Это знаютъ и студенты.

„Нѣчто таинственное и уму человѣческому непостижимое", подмѣченное авторомъ, проявляется не при одномъ только слушаніи лекціи, но и при чтеніи, и не ограничивается никакимъ возрастомъ [1]). Это не учащіеся только такъ воспринимаютъ чужія рѣчи и содержаніе книгъ, а всѣ люди. Каждый, слѣдовательно, можетъ провѣрить это на себѣ. Слушая лекціи, я всегда разбиралъ то, что̀ мнѣ говорили. Съ однимъ соглашался, другое находилъ неубѣдительнымъ, непослѣдовательнымъ, стран-

[1]) Авторъ этого прямо не говоритъ, но это съ необходимостью слѣдуетъ изъ того, что взрослые, также точно, какъ и учащіеся, могутъ заниматься только самонаблюденіемъ, такъ какъ „никто не можетъ наблюдать чужихъ мыслей".

нымъ. Въ моихъ заключеніяхъ я, весьма вѣроятно, нерѣдко ошибался, но я никогда не принималъ выслушанное за свое, я наблюдалъ не свое, а чужое. То же дѣлаю я и теперь, когда читаю книги.

Если нашъ авторъ правъ, какъ же объяснить ученые диспуты, ученую полемику, даже споры въ парламентѣ, — сторонъ на судѣ? Человѣкъ самъ продѣлалъ то, что̀ сказалъ другой, отъ себя сдѣлалъ всѣ высказанные имъ доводы, и начинаетъ ему возражать! Это будетъ какое-то новое чудо, уму человѣческому столь же непостижимое, какъ и отношеніе матеріи къ духу.

Говорятъ, есть ораторы, которые до такой степени овладѣваютъ волею слушателей, что тѣ готовы пойти хоть сейчасъ же на смерть, если ораторъ этого требуетъ. Это своего рода гипнозъ. Но вѣдь и въ этомъ случаѣ, увлеченные понимаютъ, что они увлечены другимъ, а не процессомъ собственнаго мышленія.

Авторъ находитъ возможнымъ сравнить движенія мысли съ движеніями тѣла и приходитъ къ такой аналогіи: „Если, — говоритъ онъ, — исходить изъ сравненія изящныхъ и совершенныхъ, истинно-научныхъ движеній и ходовъ мысли съ ловкими и граціозными тѣлесными движеніями, то аналогія процессу чтенія—слушанія талантливой научной лекціи получилась бы въ томъ случаѣ, если бы мы вообразили себѣ такого кудесника-балетмейстера, который бы, продѣлывая виртуозно изящныя тѣлодвиженія, заставлялъ путемъ какого-то внушенія продѣлывать точно такія же движенія всѣхъ или почти всѣхъ обучающихся у него этому искусству“... „Нѣчто подобное происходитъ въ умственной жизни, въ частности въ университетской аудиторіи. Мастеръ или даже виртуозъ научной мысли..., подобно изображаемому нами виртуозу ловкихъ и граціозныхъ, напр. балетныхъ, движеній и вмѣстѣ съ тѣмъ кудеснику, заставляющему другихъ сразу совершать производимыя имъ раз и иныя движенія,—заставляетъ всѣхъ или почти всѣхъ совершать такія же сложныя и тонкія движенія мысли, какія онъ самъ, мастеръ своего дѣла, совершаетъ въ своемъ умѣ“.

Аналогія не обошлась безъ чуда, — но чуда новаго. Танцмейстеръ — не обыкновенный танцмейстеръ, онъ — кудесникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ профессора: это не обыкновенный „ординарный“ профессоръ, а виртуозъ; виртуозъ научной мысли заставляетъ своихъ слушателей продѣлывать такія же движенія мысли, какія онъ самъ продѣлалъ; а двѣ стр. выше — это былъ общій законъ — законъ природы: слуша-

тели продѣлывали это у всѣхъ профессоровъ. Теперь это — новая постановка вопроса, противъ которой я спорить не буду. Профессоръ-виртуозъ является здѣсь тѣмъ ораторомъ-гипнотизеромъ, о которомъ я только-что упомянулъ. Но вѣдь профессоры-виртуозы такая же рѣдкость, какъ и ораторы-гипнотизеры. Мнѣ не пришлось еще слышать ни одного такого оратора.

Хотя аналогія дѣятельности профессора и балетмейстера можетъ имѣть примѣненіе въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, я долженъ сказать, что и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ нѣтъ никакой аналогіи. Ученіе у балетмейстера—сводится къ одному подражанію. Всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы ученики дѣлали такія же движенія, какія дѣлаетъ онъ. Совсѣмъ иначе поставленъ вопросъ въ университетскомъ преподаваніи: профессоръ убѣждаетъ своихъ слушателей; онъ излагаетъ имъ не только свои мнѣнія, но и тѣ, которыя были высказаны другими. Студенты должны знать и тѣ и другія, но они могутъ присоединиться къ мнѣніямъ, которыхъ ихъ профессоръ и не раздѣляетъ. Они даже могутъ это ему высказать, и въ этомъ не будетъ никакой вины. Послѣдствія ученія опять другія.

Ученики балетмейстера учатся для того, чтобы потомъ воспроизвести тѣ же движенія передъ публикой. Ученикамъ профессора никогда не придется воспроизводить его лекціи передъ публикой. Они будутъ пользоваться полученными знаніями въ теченіе всей своей жизни, но въ своеобразномъ примѣненіи: юристы въ качествѣ судей и адвокатовъ, врачи — въ качествѣ медиковъ и т. д.

Если автору была нужна аналогія, ему лучше было бы провести аналогію балетмейстера съ учителемъ попугаевъ.

Расходясь въ этихъ частностяхъ, въ общемъ я совершенно присоединяюсь къ автору: студентъ, который хочетъ знать, активно воспринимаетъ лекцію.

Но что же онъ выноситъ изъ лекціи? Авторъ посвящаетъ этому вопросу очень много вниманія. Я не пойду за нимъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ его мнѣнія, я возьму одинъ результатъ, это все, что намъ нужно. Въ концѣ концовъ онъ признаетъ, что студенты выносятъ изъ лекцій и знанія, но не въ этомъ суть дѣла. „Лекціи — говоритъ онъ — далеко не безполезны и въ области пріобрѣтенія знаній, ...эта польза можетъ быть признана достаточно большою, чтобы оплачивать трудъ и время слушанія хорошихъ лекцій... Но эта польза представляетъ лишь добавочный, побочный продуктъ лекцій и сравнительно незначительной цѣнности“ (314)...

Въ чемъ же прямая польза лекцій? Прямая польза лекцій состоитъ въ томъ, что профессоръ вводитъ слушателей „въ лабораторію научнаго мышленія и пріобщаетъ ихъ интеллектъ къ высшему типу и высшей общей и спеціальной техникѣ мышленія“. Профессоръ—„учитель мышленія“. Онъ „улучшаетъ дѣйствіе мыслительнаго аппарата вообще“.

„Тотъ процессъ,—читаемъ на стр. 224,—который мы сравнили съ магическимъ дѣйствіемъ балетмейстера, повторяется вездѣ и всегда, когда одни люди слушаютъ или читаютъ разсужденія другихъ людей... Именно путемъ такого процесса (продѣлываніе движеній мысли по символическимъ импульсамъ)... достигается поднятіе мышленія студентовъ на высшую ступень мышленія, т.-е. пріученіе ихъ къ методическому научному мышленію... Безъ этого дѣти выростали бы идіотами, а не доходили бы никогда до простѣйшихъ дедукцій“...

Авторъ воздвигъ чрезвычайно стройное зданіе „университета и науки“, всѣ его части находятся въ дивной гармоніи и проникнуты одной высокой идеей. Наука есть психологическій процессъ, она живетъ въ психикѣ ученыхъ; студенты пріобщаются къ ней, слушая свободное громкое мышленіе профессоровъ, ихъ умственный аппаратъ улучшается, воспроизводя всѣ движенія мысли профессоровъ, они сами пріобрѣтаютъ способность высшаго мышленія“. Проходя черезъ университетъ, люди дѣлаются умнѣе, безъ этой школы они выростали бы идіотами.

Все это чрезвычайно послѣдовательно, и если бы отправная точка не возбуждала сомнѣній, ничего не оставалось бы, какъ принять мнѣнія автора цѣликомъ. Но очень позволительно сомнѣваться относительно высшаго мышленія профессоровъ. Прежде, чѣмъ зародились какія-либо науки, люди совершали уже индукціи, дедукціи и всякіе другіе процессы мышленія. Мышленіе есть способность человѣческой природы, оно прирождено, а не пріобрѣтается въ школѣ. У кого этой способности нѣтъ, тотъ не получитъ ее даже отъ самаго виртуознаго профессора. Никакой университетъ не превратитъ идіота въ умника; это будутъ такъ называемые „набитые дураки“ [1]).

---

[1]) Прирожденность ума и неизлечимость глупости давно подмѣчены народною мудростью: „Нѣтъ рожéнаго (ума), не дашь и ученаго; тупо сковано—не наточишь, глупо рóжено — не научишь; какъ рóжены, такъ и заморожены (о дуракахъ); дураковъ ни орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся; неразумнаго учить—въ бездонную кадку воду лить; дурака учить, что мертваго лечить; дурака учить, рѣшетомъ воду носить; дурака учить, только портить; когда камень на водѣ выплыветъ, тогда ду-

Нашъ авторъ послѣдователенъ до конца. Наука у него не только продуктъ интеллекта, но и чувствъ. Этому эмоціональному элементу онъ придаетъ большое значеніе и при обсужденіи процесса воспріятія студентами лекцій. „Эмоціональное дѣйствіе лекцій, говоритъ онъ, можетъ, съ одной стороны, поднимать умственную энергію и активность до такой степени, которая выше обыкновеннаго уровня, и дѣлать доступнымъ слишкомъ трудное или совсѣмъ недостижимое въ области чтенія мышленіе, а съ другой — способствуетъ усиленію дѣйствія этого мышленія въ смыслѣ оставляемой имъ умственной печати".

Не можетъ быть спора о томъ, что заниматься науками будетъ только тотъ, кто любитъ науки; но чтобы чувственный элементъ помогалъ усвоенію научныхъ истинъ или способствовалъ развитію процесса научнаго мышленія—въ этомъ можно сомнѣваться.

Вотъ что̀ говоритъ о томъ же предметѣ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. „Чрезвычайный подъемъ интеллектуальной энергіи, достигаемый эмоціональнымъ дѣйствіемъ выдающихся людей, бываетъ причиною того, что слушатели продѣлываютъ за профессоромъ такія движенія мысли, которыя значительно превышаютъ обыкновенный доступный имъ уровень мышленія. Такіе процессы, представляя превосходное, идеальное средство гимнастики и облагороженія ума, не могутъ въ то же время идеально дѣйствовать и въ томъ направленіи, чтобы слушатели могли воспроизвести содержаніе пережитаго во время лекціи мышленія. Напротивъ, чѣмъ выше былъ полетъ научной мысли во время лекціи, тѣмъ менѣе можно ожидать удачнаго воспроизведенія слышаннаго послѣ лекціи въ обыденное время".

Авторъ превосходно уловилъ, но не по достоинству-восторженно описалъ ту игру чувствъ, которая затемнила умъ слушателей. Если бы всѣ профессоры производили такое впечатлѣніе на своихъ слушателей, кто бы воспринималъ тогда „послѣднее слово науки", которое раздается въ ихъ „свободномъ громкомъ мышленіи"?

Авторъ объясняетъ такое ошеломляющее впечатлѣніе лекціи молодостью слушателей, которые только-что „попали съ гимназической на университетскую скамью". Могу его увѣрить, что возбужденіе чувствъ, не говорю уже страстей, мѣшаетъ и взро-

---

ракъ поумнѣетъ; пьянъ—проспится, а дуракъ никогда; горбатаго—могила исправитъ; каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ". Эти опыты индукціи произведены самымъ обыденнымъ крестьянскимъ мышленіемъ и безъ малѣйшей помощи „высшаго мышленія виртуознаго профессора".

слымъ людямъ понимать то, что̀ имъ говорятъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ привлекали громадную публику лекціи одного духовнаго лица. Мнѣ случилось встрѣтить особу, только-что возвратившуюся съ лекціи. Она увлеклась лекторомъ и постоянно посѣщала его чтенія. Я спросилъ, о чемъ шла рѣчь на послѣдней лекціи? Она не могла отвѣтить. Изъ дальнѣйшаго разговора я убѣдился, что она и вообще не знала, какой предметъ лекцій. „Онъ читалъ о разныхъ предметахъ"... обо всемъ;— вотъ и все, что̀ у нея осталось въ памяти. Какая польза такого эмоціональнаго воспріятія лекцій?

IV.

Отрицающіе пользу лекціонной системы—отдаютъ предпочтеніе практическимъ занятіямъ; они видятъ въ нихъ спасеніе всего университетскаго дѣла: съ переходомъ на практическія занятія, думаютъ они, студенты будутъ заниматься.

Какъ же этого достигнуть? Если практическія занятія будутъ такъ же свободны, какъ свободно посѣщеніе лекцій, ничто не измѣнится. Надо, слѣдовательно, установить обязательность практическихъ занятій и повѣрку ихъ. Это будетъ опять превращеніе университетовъ въ гимназіи, о чемъ была рѣчь выше. Но можно взглянуть на этотъ предметъ и съ другой стороны.

Можетъ быть, интересы государства требуютъ обязательнаго посѣщенія студентами лекцій и практическихъ занятій? Въ этомъ можно сомнѣваться. Въ интересахъ государства—всеобщее начальное обученіе народа, а не высшее. О немъ должно заботиться государство и осуществить его. Высшее же образованіе—это роскошь. Оно должно быть предоставлено доброй волѣ желающихъ. Процвѣтаніе наукъ полезно для государства, а потому, если частныя средства и частная иниціатива не достаточны, оно должно учреждать университеты для развитія наукъ и распространенія ихъ свѣта въ народѣ. Но слѣдить за тѣмъ, чтобы студенты были прилежны и посѣщали лекціи, едва ли входитъ въ его обязанности. Скажутъ, ему нужны ученые администраторы, судьи, прокуроры, врачи и т. д. Желающіе управлять, судить, обвинять, врачевать всегда найдутся и даже въ большемъ числѣ, чѣмъ нужно. Привлекать искусственно къ разнымъ видамъ общественной дѣятельности путемъ стипендій и другими поощреніями, въ настоящее время, нѣтъ никакой надобности. Государству надо только озаботиться устройствомъ экзаменовъ для вы-

бора наилучше подготовленныхъ. Это—настоятельнѣйшій и важнѣйшій вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно трудный.

Изученіе наукъ должно остаться свободнымъ, но примѣненіе результатовъ этого изученія къ общественной дѣятельности должно быть обусловлено серьезными испытаніями въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Вопросъ о практическихъ занятіяхъ—не новый. Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка московскіе профессоры, Сандуновъ и Морошкинъ, такъ ими увлекались, что думали замѣнить ими лекціи. То же предлагаютъ и теперь. Это, конечно, мечты. Въ дѣйствительности, практическія занятія всегда были, существуютъ и теперь, но не вмѣсто лекцій, а на ряду съ ними.

Занятія эти чрезвычайно разнообразны и не только по различію факультетовъ, но и на факультетахъ по различію предметовъ. Тѣмъ не менѣе, все это разнообразіе занятій носитъ одно общее наименованіе „практическихъ занятій"; а потому слово далеко не выражаетъ дѣла.

Всего болѣе развиты практическія занятія у натуралистовъ, и это очень понятно. Тамъ надо каждому видѣть въ натурѣ то, о чемъ говоритъ профессоръ, а иногда и продѣлать, что̀ онъ говоритъ. Это повело къ учрежденію цѣлаго ряда институтовъ, лабораторій и музеевъ, химическихъ, физическихъ, минералогическихъ, геологическихъ, физіологическихъ и т. д.

На юридическомъ факультетѣ практическія занятія развиты гораздо слабѣе. На это въ современной полемической литературѣ главнымъ образомъ и указываютъ, и предлагаютъ также учредить цѣлый рядъ институтовъ, въ которыхъ бы собирались студенты и профессоры, и занимались вмѣстѣ учеными работами. Эти планы представляются нѣсколько фантастическими. При сочиненіи ихъ не взято во вниманіе различіе предметовъ изученія у юристовъ и натуралистовъ. У юристовъ тоже есть занятія, которыя могутъ быть сопоставлены съ занятіями натуралистовъ.

Юристы имѣютъ дѣло съ правомъ, начала котораго извлекаются изъ законовъ и обычаевъ, русскихъ и иностранныхъ. Студентамъ юристамъ тоже нельзя ограничиваться однимъ выслушиваніемъ лекцій, а надо посмотрѣть въ самые памятники, въ которыхъ содержатся законы и обычаи, прочитать самыя статьи, сравнить ихъ содержаніе съ тѣмъ, что̀ сказано было профессоромъ, и пр., и пр. Это—то же, что̀ дѣлаютъ и натуралисты. Но для этого не нужны никакіе дорого сто̀ящіе институты, а нужна только библіотека; но если есть напечатанный

трудъ, въ которомъ приведены эти статьи, напр. христоматія или какое-либо изслѣдованіе, то довольно и одной книги. Занятія тѣ же, но обстановка совсѣмъ другая. Все можно продѣлать у себя въ комнатѣ съ одной книгой въ рукахъ.

Занятія описаннаго рода составляютъ дополненіе къ лекціямъ и производятся по мѣрѣ чтенія курса, на ряду съ движеніемъ его впередъ. Но у студентовъ-юристовъ бываютъ и другія занятія, къ которымъ можно приступить только по выслушаніи курса. Это—разрѣшеніе казусовъ, которое должно сопровождаться особыми объяснительными чтеніями. Этотъ видъ занятій происходитъ при участіи профессора, который руководитъ постановкой вопросовъ, выслушиваетъ разрѣшеніе казуса, дѣлаетъ поправки, и пр., и пр. Первый видъ — чисто домашнее занятіе студентовъ, идущее параллельно съ чтеніемъ лекцій.

Второй видъ занятій имѣетъ мѣсто, однако, не по всѣмъ предметамъ; онъ особенно примѣняется при изученіи гражданскаго, уголовнаго права и процессовъ; а къ исторіи права, напр., онъ совсѣмъ не примѣнимъ. Разрѣшеніе казусовъ имѣетъ практическое значеніе, изученіе же памятниковъ древности такой цѣли не преслѣдуетъ, а потому не такъ полно обнимаетъ свой предметъ, чтобы можно было разрѣшать казусы; да для такой полноты, обыкновенно, не имѣется даже и достаточнаго матеріала.

Для такихъ предметовъ изученіе казусовъ замѣняется предложеніемъ темъ для сочиненій. Написаніе сочиненій тоже называется практическими занятіями. Нѣкоторые изъ горячихъ сторонниковъ этихъ занятій придаютъ этому послѣднему ихъ виду очень большое значеніе. Отъ этихъ ученическихъ упражненій они съ легкимъ сердцемъ переходятъ къ „ученымъ обществамъ“ изъ студентовъ и къ „ученымъ изданіямъ“, въ которыхъ будутъ печататься студенческіе труды. Кто не порадуется, что студенты пишутъ ученые труды? Но есть ли для этого необходимыя условія? Конечно, нѣтъ. Чтобы писать ученые труды, надо быть ученымъ, а студентъ курса наукъ еще не кончилъ, ему надо еще учиться. Упражненіе студентовъ въ ученыхъ сочиненіяхъ я не нахожу правильнымъ педагогическимъ пріемомъ. Эти упражненія отнимаютъ у студентовъ время у ихъ прямого дѣла,—изученія наукъ, для чего они и поступили въ университетъ. Для научнаго творчества — много времени впереди. Я зналъ студентовъ, получившихъ не одну, а двѣ и даже три медали за сочиненія въ университетѣ, а по окончаніи курса, они не напечатали и одной строки.—Допущу появленіе ученаго и на студенческой скамьѣ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ исключеніе,

а потому говорить о студенческихъ сочиненіяхъ, какъ о хорошемъ педагогическомъ пріемѣ—большая ошибка.

Итакъ, практическія занятія, очень близкія къ занятіямъ натуралистовъ, возможны и на юридическомъ факультетѣ, и можно думать, что они дѣйствительно имѣютъ мѣсто у студентовъ, которые желаютъ заниматься науками, только они происходятъ дома и не видны.

Но не должно преувеличивать значенія практическихъ занятій. Одинъ страстный сторонникъ этихъ занятій необходимость устройства для юридическихъ факультетовъ, такихъ же дорого стоящихъ „институтовъ", какіе существуютъ въ болѣе счастливыхъ факультетахъ",—мотивируетъ такъ: это нужно для того, „чтобы молодому юристу, вступая въ жизнь, не приходилось учиться вновь и переучиваться".

Привлекательная картина: вышелъ изъ университета и болѣе учиться не надо, ни вновь чему-нибудь, ни старое переучивать! Народная мудрость объ этомъ думаетъ иначе, она говоритъ: „вѣкъ живи, вѣкъ учись".

Окончившаго курсъ юриста ожидаетъ и такая практика, какой не учитъ ни одинъ университетъ: это—все канцелярское дѣлопроизводство, ему надо учиться по выходѣ изъ университета. Да и то, чему онъ учился въ университетѣ, далеко не все неизмѣнно и вѣчно: вѣдь сами профессоры мѣняютъ свои мнѣнія. Практика кассаціоннаго департамента сената—и та мѣняется. Самые законы—и тѣ не вѣчны. Они дополняются, измѣняются, совсѣмъ отмѣняются. У юриста много основаній цѣлый вѣкъ учиться вновь и переучиваться. И не у одного юриста. Медикъ, хорошо окончившій курсъ, дѣлается хорошимъ врачомъ послѣ продолжительнаго внѣ-университетскаго ученья и опыта.

Дѣло университетскаго преподаванія—очень мудреное. Совѣты нѣкоторыхъ новаторовъ могутъ его еще болѣе запутать.

В. Сергѣевичъ.

ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ

РОМАНЪ.

— *Joseph Conrad.* The Secret Agent. 1907.

I.

Выйдя изъ дому утромъ, м-ръ Верлокъ оставилъ свою лавку на попеченіи брата своей жены. Никакого риска въ этомъ не было, потому что вообще торговля шла очень тихо, особенно днемъ; рѣдкіе покупатели являлись только подъ-вечеръ. М-ръ Верлокъ вообще не придавалъ большого значенія своей торговлѣ; она служила больше для отвода глазъ, прикрывая собой настоящее его занятіе. Къ тому же, онъ могъ быть вполнѣ споколенъ, такъ какъ кромѣ шурина оставалась дома и его жена.

Лавка была маленькая, да и весь домъ былъ небольшой. Такіе угрюмые кирпичные дома разсѣяны были въ большомъ количествѣ по всѣмъ кварталамъ Лондона до того, какъ началось перестраиваніе города. Лавка занимала четырехугольное помѣщеніе. Входная дверь была закрыта весь день и только къ вечеру таинственно пріотворялась. Въ витринѣ выставлены были фотографическія карточки сильно декольтированныхъ танцовщицъ; затѣмъ, пакетики съ патентованными лекарствами и странные, туго набитые, заклеенные желтые конверты съ обозначенной на нихъ, густой черной краскою, цѣной въ два съ половиной шиллинга. На протянутой поперекъ витрины веревочкѣ висѣли какъ бы для просушки старые французскіе юмористическіе журналы. Затѣмъ еще были разложены въ витринѣ канцелярскія принадлежности, бутылочки съ чернилами для мѣтки бѣлья, каучуковые штемпеля, нѣсколько книгъ, заглавія которыхъ возвѣщали непристойность

содержанія, старые нумера невѣдомыхъ, плохо напечатанныхъ газетъ подъ вызывающими заглавіями: „Горящій факелъ“, „Призывный Колоколъ“. Два газовыхъ рожка въ витринѣ горѣли очень слабо—можетъ быть, изъ экономіи, а можетъ быть, въ интересахъ покупателей.

Обычными покупателями были или очень молодые люди, которые обыкновенно долго стояли у окна и потомъ только украдкой пробирались въ лавку, или же люди почтеннаго возраста, видимо сильно опустившіеся. У нихъ воротникъ былъ обыкновенно поднятъ до ушей, а платье было потертое и забрызганное грязью. Ступали они большей частью весьма неувѣренно, засунувъ руки глубоко въ карманы. Они подходили къ двери бокомъ, выдвигая сначала одно плечо, точно боясь задѣть колокольчикъ входной двери. А этого было трудно избѣгнуть. Колокольчикъ, подвѣшенный къ двери посредствомъ изогнутой стальной ленты, былъ надтреснутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но по вечерамъ онъ немилосердно дребезжалъ, какъ только кто-нибудь приближался къ двери.

Какъ только раздавался звукъ колокольчика, изъ-за покрытой пылью стеклянной двери за деревяннымъ прилавкомъ показывался м-ръ Верлокъ, выходя изъ задней комнаты. У него были заспанные глаза съ тяжелыми вѣками; можно было подумать, глядя на него, что онъ весь день валялся въ платьѣ на неприбранной постели. Всякій другой на его мѣстѣ не рѣшился бы показаться такимъ, такъ какъ въ торговомъ дѣлѣ очень важно, чтобы у продавца былъ обходительный, пріятный видъ. Но м-ръ Верлокъ зналъ своихъ покупателей и не церемонился съ ними. Глядя въ лицо покупателю дерзкимъ и вызывающимъ взглядомъ, точно отвѣчая этимъ на ожидаемую брань и угрозы, онъ продавалъ какой-нибудь предметъ, слишкомъ явно не стоющій тѣхъ денегъ, которыя за него уплачивались: какую-нибудь маленькую коробочку, какъ будто пустую внутри, или одинъ изъ тщательно запечатанныхъ желтыхъ конвертовъ, или же книжку въ загрязненной оберткѣ съ многообѣщающимъ заглавіемъ. Изрѣдка продавалась любителю и какая-нибудь изъ вылинявшихъ декольтированныхъ танцовщицъ.

Иногда на призывный звукъ треснувшаго колокольчика появлялась м-ссъ Верлокъ, молодая женщина, довольно полная, въ плотно облегающемъ ее платьѣ, съ гладко причесанными волосами. У нея былъ такой же пристальный взглядъ, какъ у мужа, и она стояла за прилавкомъ съ непроницаемо-равнодушнымъ видомъ. Покупатели юнаго возраста смущались при появленіи

женщины; нѣкоторые съ затаеннымъ бѣшенствомъ требовали бутылочку чернилъ для мѣтки, платили за нее полтора шиллинга, вмѣсто обычной цѣны въ шесть пенсовъ и, выйдя изъ лавки, сейчасъ же бросали бутылочку въ канаву.

Вечерніе посѣтители—тѣ, у которыхъ воротники были подняты до ушей, а поля мягкихъ фетровыхъ шляпъ спущены внизъ,—кивали головой м-ссъ Верлокъ съ видомъ хорошихъ знакомыхъ; пробормотавъ привѣтствіе, они приподнимали доску въ концѣ прилавка и проходили въ корридоръ, изъ котораго крутая лѣстница вела вверхъ. Дверь въ лавку была единственнымъ входомъ въ домъ, въ которомъ м-ръ Верлокъ занимался своими разнородными дѣлами, продажей подозрительныхъ предметовъ, охраной общества и, кромѣ того, культомъ семейныхъ добродѣтелей. Онъ былъ образцовый семьянинъ. Его духовные, умственные и физическіе запросы вполнѣ удовлетворялись въ домашней обстановкѣ. Дома онъ жилъ спокойно и мирно, окруженный попеченіями жены и почетомъ матери, м-ссъ Верлокъ.

Мать Винни Верлокъ была полная, коренастая женщина съ широкимъ смуглымъ лицомъ. Она носила черный парикъ и бѣлую наколку. Опухшія ноги не давали ей возможности двинуться съ мѣста. Она гордилась своимъ французскимъ происхожденіемъ. Овдовѣвъ послѣ долголѣтняго супружества—мужъ ея былъ оптовый торговецъ съѣстными припасами,—она содержала себя, дочь и сына тѣмъ, что сдавала меблированныя комнаты въ одномъ изъ фешёнэбельныхъ кварталовъ Лондона. Дамъ она къ себѣ не пускала. Въ виду удачно выбраннаго мѣста, комнаты ея были всегда заняты, но жильцы вовсе не принадлежали къ аристократическому обществу. Дочь ея, Винни, помогала ей вести хозяйство. Слѣды французскаго происхожденія замѣтны были и въ молоденькой дочери вдовы. Винни со вкусомъ причесывала свои блестящіе черные волосы, у нея былъ очаровательный цвѣтъ лица и она держалась съ большимъ достоинствомъ, но при этомъ вовсе не уклонялась отъ разговоровъ съ жильцами и была чрезвычайно любезна, никогда, впрочемъ, не роняя себя этимъ. М-ръ Верлокъ, повидимому, сразу почувствовалъ обаяніе ея чаръ. Занимая комнату у вдовы, онъ часто отлучался безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Онъ обыкновенно возвращался въ Лондонъ съ континента съ нѣсколько таинственнымъ видомъ. Образъ жизни его былъ не совсѣмъ обычный. Утренній кофе ему подавали въ постель, и онъ обыкновенно не вставалъ до полудня, а иногда даже поднимался еще позже. Уходилъ онъ изъ дому поздно и возвращался уже рано утромъ. Когда Винни вносила ему въ десять часовъ

утра поднось съ завтракомъ, онъ здоровался съ ней съ изысканной любезностью, но голосъ у него былъ охрипшій, точно онъ много часовъ кряду говорилъ безъ умолку. Его выпуклые глаза съ тяжелыми вѣками смотрѣли на нее томнымъ влюбленнымъ взглядомъ.

Матери Винни м-ръ Верлокъ казался идеальнымъ джентльменомъ, и она охотно согласилась выдать за него замужъ свою дочь. Сразу же было рѣшено, что вдова уже не будетъ больше сдавать меблированныя комнаты. М-ръ Верлокъ заявилъ, что это было бы неудобно въ виду другихъ его дѣлъ. Какія это были дѣла, онъ не говорилъ. Онъ только сказалъ, что всю мебель можно перевезти къ нимъ, и что мать его жены будетъ жить съ ними. Сдѣлавшись женихомъ Винни, онъ сталъ вставать до полудня и сходилъ внизъ къ матери своей невѣсты, которая, въ виду своей немощи, сидѣла неподвижно въ столовой. Онъ гладилъ кошку, поправлялъ огонь въ каминѣ, ждалъ завтрака и потомъ еще сидѣлъ послѣ завтрака съ невѣстой и ея матерью цѣлые часы, чувствуя себя видимо очень хорошо въ уютной домашней обстановкѣ. Но поздно вечеромъ онъ все-таки уходилъ. Онъ никогда не предлагалъ Винни повести ее въ театръ, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій другой молодой человѣкъ. Онъ говорилъ, что занятъ по вечерамъ, и однажды сказалъ Винни, что занятія его имѣютъ отношеніе къ политикѣ. Онъ просилъ ее быть впослѣдствіи любезной съ его политическими друзьями, и она отвѣтила согласіемъ, глядя на него нѣмымъ непроницаемымъ взглядомъ.

Что онъ еще сказалъ ей о своихъ занятіяхъ — этого мать Винни никакъ не могла разузнать. Послѣ свадьбы дочери, она переселилась къ ней. Перевезли и всю мебель. Жалкій видъ лавки ее удивилъ. Переѣздъ изъ широкаго сквера въ фешёнэбельномъ кварталѣ Бельгравія въ узкую улицу тѣснаго квартала Сого сильно повредилъ ея здоровью. Ноги ея распухли до ужасающихъ размѣровъ. Но зато она избавилась отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ. Добродушіе зятя внушало ей полное довѣріе. Будущность ея дочери была, очевидно, обезпечена, и точно также ей нечего было тревожиться и о сынѣ. Она, конечно, сознавала — этого нечего было скрывать отъ себя, — что бѣдный Стэви былъ большой обузой въ жизни. Но въ виду того, что Винни очень любила своего болѣзненнаго брата и что м-ръ Верлокъ былъ очень добрый, великодушный человѣкъ, она чувствовала, что ей нечего безпокоиться о своемъ сынѣ, что ему не будетъ скверно житься на свѣтѣ. Она даже въ глубинѣ души

радовалась, что у Верлоковъ нѣтъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самъ Верлокъ, повидимому, не страдалъ отъ этого обстоятельства, а Винни привязалась съ чисто материнской любовью къ своему несчастному брату.

Трудно было пристроить къ чему-нибудь бѣднаго Стэви. У него былъ болѣзненный видъ. Онъ былъ бы, собственно говоря, недуренъ собой, если бы не безпомощно опустившіеся углы рта. Его научили читать и писать, но примѣнить своихъ знаній хотя бы къ самому легкому дѣлу онъ не могъ. Онъ не годился на должность посыльнаго, такъ какъ забывалъ, куда и зачѣмъ его посылали. Видъ какой нибудь бродячей кошки или собаки такъ его увлекалъ, что онъ шелъ за нею на грязный дворъ. Или же онъ смотрѣлъ на уличныя происшествія въ ущербъ интересамъ своего нанимателя. Если на улицѣ падала лошадь, которую заставляли везти слишкомъ тяжелую поклажу, онъ съ дикимъ крикомъ врывался въ собравшуюся вокругъ происшествія толпу и возмущалъ своимъ отчаяніемъ всѣхъ окружающихъ. Имъ было непріятно, что искренно выраженное сочувствіе къ несчастному животному мѣшало имъ спокойно наслаждаться обычнымъ зрѣлищемъ. Когда его уводилъ какой-нибудь важный съ виду полицейскій, то часто оказывалось, что бѣдный Стэви забылъ свой адресъ—по крайней мѣрѣ на время. Отъ неожиданно предложеннаго вопроса онъ начиналъ весь дрожать. Отъ всякаго испуга у него перекашивались глаза. Но ясно выраженныхъ нервныхъ припадковъ у него не было. Въ раннемъ дѣтствѣ, когда на него начиналъ кричать отецъ, раздражаясь его придурковатостью, онъ бѣжалъ къ сестрѣ и прятался, уткнувъ голову въ ея передникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда могло казаться, что въ мальчикѣ много скрытаго упрямства и злости. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, другъ его умершаго отца доставилъ ему мѣсто мальчика въ одной конторѣ. Но однажды, въ туманный день, его застали въ отсутствіе хозяина за совершенно неожиданнымъ занятіемъ. Онъ устроилъ фейерверкъ, и вся лѣстница наполнилась дымомъ и трескомъ пущенныхъ имъ ракетъ. Въ конторѣ поднялась настоящая паника. Служащіе разбѣжались по корридорамъ, темнымъ отъ дыма, и мчались, какъ безумные, внизъ по лѣстницѣ. Но, повидимому, Стэви вовсе не испытывалъ удовольствія отъ своей шалости. Очень трудно было добиться у него объясненія причинъ, побудившихъ его выкинуть такую штуку. Только гораздо позже Винни вынудила у него туманное признаніе. Оказалось, что два другихъ конторскихъ мальчика разжалобили его разсказомъ о несправедливомъ обращеніи съ

ними и довели его этимъ до бѣшенства, вызвавшаго актъ мести. Конечно, его тотчасъ же прогнали за его продѣлку, и въ награду за свой альтруистическій подвигъ Стэви принужденъ былъ мыть посуду въ кухнѣ и чистить сапоги жильцамъ своей матери. Иногда онъ получалъ за это какую-нибудь мелочь отъ жильцовъ; наиболѣе щедро награждалъ его м-ръ Верлокъ. Но заработки его все-таки были самые ничтожные, и когда Винни объявила матери о своей помолвкѣ съ м-ромъ Верлокомъ, мать ея вздохнула, думая о судьбѣ бѣднаго Стэви.

Оказалось однако, что м-ръ Верлокъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы забрать къ себѣ и брата жены, вмѣстѣ съ ея матерью и съ мебелью, составлявшей все состояніе семьи. М-ръ Верлокъ готовъ былъ прижать всѣхъ къ своему широкому любящему сердцу. Мебель разставили по всему дому, а матери м-ссъ Верлокъ отведены были двѣ заднія комнаты перваго этажа. Несчасный Стэви спалъ въ одной изъ этихъ комнатъ. Въ это время у него появился на нижней губѣ легкій золотистый пушокъ. Онъ со слѣпой любовью и покорностью помогалъ сестрѣ въ домашнихъ дѣлахъ, а въ свободное отъ работы время занимался рисованіемъ круговъ на бумагѣ при помощи карандаша и циркуля. Онъ предавался этому занятію съ большимъ рвеніемъ, сидя у кухоннаго стола, широко разложивъ локти и близко нагнувшись къ бумагѣ. Черезъ открытую дверь комнаты за лавкой сестра его отъ времени до времени глядѣла на него съ материнской заботливостью.

II.

Таковъ былъ домъ, такова была домашняя обстановка, а также лавка м-ра Верлока, выйдя изъ которой въ половинѣ одиннадцатаго утра, онъ направился въ западную часть города. Часъ этотъ былъ для него необычно раннимъ. Во всемъ его существѣ чувствовалась какая-то особая свѣжесть. Синее пальто было разстегнуто, сапоги блестѣли, свѣже выбритыя щеки лоснились, и даже глаза съ тяжелыми вѣками, освѣженные безмятежнымъ сномъ, имѣли сравнительно оживленный видъ... Сквозь рѣшетку парка онъ видѣлъ мужчинъ и дамъ, ѣдущихъ верхомъ, то парами, то группами въ нѣсколько человѣкъ, совершающихъ вмѣстѣ утреннюю прогулку. Проѣзжали и всадники, ѣхавшіе въ одиночку; у нихъ были большей частью непріятныя угрюмыя лица. Проѣзжали женщины, за которыми слѣдовали издали грумы съ кокардами на шляпахъ и съ кожаными поясами на плотно

обтягивающихъ ихъ ливреяхъ. Проѣзжали коляски съ полуопущеннымъ верхомъ, изъ-подъ котораго выглядывали женщины въ большихъ шляпахъ. На колѣняхъ у нихъ лежали дорогія мѣховыя полости. Все это окутывалъ яркій съ красноватымъ отблескомъ свѣтъ лондонскаго солнца. Даже земля подъ ногами м-ра Верлока имѣла золотистый отливъ. М-ръ Верлокъ шелъ среди золотистой атмосферы, среди свѣта безъ тѣней. Мѣдно-красные отблески падали на крыши, на углы стѣнъ, на экипажи и на широкую спину м-ра Верлока, придавая ржавый видъ его пальто. Но м-ръ Верлокъ не замѣчалъ этого. Онъ глядѣлъ съ чувствомъ удовлетворенія на роскошь, мелькавшую передъ его взорами за рѣшеткой Гайдъ-Парка. Всѣ эти люди нуждались въ охранѣ. Охрана—самая насущная потребность богатства и роскоши. Всѣхъ этихъ людей, катающихся по парку передъ завтракомъ, необходимо оберегать. Нужно оберегать ихъ лошадей, ихъ экипажи, ихъ дома, источники ихъ богатствъ, весь общественный строй, благопріятствующій ихъ гигіеничному бездѣлью. Всему этому угрожаетъ зависть трудящихся классовъ. Оборона необходима,— и м-ръ Верлокъ радовался бы тому, что причастенъ къ столь полезному дѣлу,—если бы не его органическое отвращеніе отъ всякаго лишняго труда. Его лѣнь была не гигіеничной, но органической, связанной со всѣмъ его существомъ. Онъ былъ фанатическій приверженецъ бездѣлья. Родители его были люди трудящіеся, и онъ былъ рожденъ для трудовой жизни, но полюбилъ праздность исключительной властной любовью—какъ человѣкъ привязывается къ одной какой-нибудь женщинѣ изъ тысячи другихъ. Онъ былъ слишкомъ лѣнивъ даже для роли оратора на рабочихъ собраніяхъ. Даже говорить было для него лишнимъ усиліемъ. Ему хотѣлось пребывать въ полномъ бездѣйствіи,—можетъ быть, онъ былъ жертвой философскаго скептицизма и не вѣрилъ въ производительность какого бы то ни было человѣческаго усилія. Такой родъ лѣни требуетъ нѣкотораго ума,—и м-ръ Верлокъ былъ не глупъ. Думая объ „охранѣ существующаго строя, которому грозитъ опасность", онъ готовъ былъ самъ иронически подмигнуть себѣ. Но это выраженіе скептицизма требовало все-таки нѣкотораго напряженія, а его большіе выпуклые глаза не склонны были мигать. Имъ было скорѣе свойственно медленно и тяжело опускаться въ сладкой дремотѣ.

Грузный м-ръ Верлокъ не потиралъ себѣ поэтому рукъ отъ удовольствія и не подмигивалъ самому себѣ, подчеркивая этимъ свои скептическія мысли, а спокойно и тяжело ступалъ ярко вычищенными сапогами. Онъ имѣлъ видъ обезпеченнаго реме-

сленника, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было что-то странное, не присущее человѣку, живущему честнымъ трудомъ, нѣчто общее всѣмъ людямъ, эксплоатирующимъ для собственной выгоды человѣческіе пороки и слабости,—особый отпечатокъ нравственнаго нигилизма, свойственнаго содержателямъ игорныхъ притоновъ и разныхъ вертеповъ, сыщикамъ, кабатчикамъ и до нѣкоторой степени изобрѣтателямъ патентованныхъ цѣлебныхъ средствъ, электрическихъ поясовъ и т. д. Впрочемъ, у людей послѣдней категоріи бываетъ дьявольское выраженіе лица, а въ лицѣ м-ра Верлока не было абсолютно ничего дьявольскаго...

Не доходя до Найтбриджа, м-ръ Верлокъ повернулъ налѣво и свернулъ съ улицы, по которой громыхали омнибусы и тихо скользили кэбы. Подъ шляпой, слегка сдвинутой назадъ, волосы его были гладко причесаны; онъ направлялся въ одно изъ посольствъ и шелъ теперь по тихой аристократической улицѣ, очень широкой и пустынной, производящей впечатлѣніе незыблемости и вѣчности. Единственнымъ напоминаніемъ о земной бренности была докторская карета, остановившаяся у одного изъ домовъ. Издали сверкали ярко вычищенныя ручки домовъ, блестѣли темнымъ блескомъ чисто вымытыя окна. Кругомъ была тишина. Издали проносилась съ звяканьемъ повозка молочника; изъ-за угла промелькнула двуколка мясника; кошка быстро пробѣжала съ виноватымъ видомъ передъ м-ромъ Верлокомъ и скрылась въ подвалѣ ближайшаго дома. Толстый полицейскій, съ виду лишенный всякой способности чѣмъ-нибудь волноваться, вдругъ появился откуда-то, точно выйдя изъ фонарнаго столба, и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на м-ра Верлока. Повернувъ налѣво, м-ръ Верлокъ пошелъ по узкой улицѣ вдоль желтой стѣны и затѣмъ вышелъ на Чешэмъ-Сквэръ и подошелъ къ дому подъ № 10. Онъ остановился передъ монументальными воротами и постучался. Было такъ рано, что привратникъ посольства вышелъ къ м-ру Верлоку, еще натягивая ливрею на красный жилетъ. При видѣ незнакомца, лицо его приняло суровый видъ, но м-ръ Верлокъ показалъ ему конвертъ съ гербомъ посольства и прошелъ дальше. Тотъ же талисманъ онъ показалъ лакею, который открылъ входную дверь; тотъ отступилъ и пропустилъ его въ пріемную.

Въ большомъ каминѣ ярко пылалъ огонь и спиной къ нему стоялъ пожилой человѣкъ, во фракѣ, съ цѣпочкой вокругъ шеи. Онъ поднялъ глаза съ газеты, которую держалъ развернутой въ рукахъ, но не двинулся съ мѣста. Къ м-ру Верлоку подошелъ другой лакей, въ коричневой ливреѣ, обшитой узкимъ желтымъ

шнуркомъ, спросилъ его имя, повелъ его по корридору налѣво, вверхъ по лѣстницѣ, покрытой ковромъ, и ввелъ его въ маленькую комнатку, гдѣ стояли большой письменный столъ и нѣсколько стульевъ. Затѣмъ лакей вышелъ и закрылъ за собой дверь; м-ръ Верлокъ остался одинъ. Стоя съ шляпой и палкой въ рукахъ, онъ провелъ рукой по гладко причесаннымъ волосамъ. Въ эту минуту открылась безшумно дверь, и м-ръ Верлокъ, взглянувъ по ея направленію, увидѣлъ черный сюртукъ, лысую макушку и сѣдыя бакенбарды, свисающія съ двухъ сторонъ на морщинистыя руки. Вошедшій держалъ въ рукахъ пачку бумагъ, поднося ихъ близко къ глазамъ, и подошелъ мелкими шагами къ столу.

Чиновникъ Вурмтъ, правитель канцеляріи въ посольствѣ, былъ близорукъ. Онъ разложилъ бумаги на столѣ, и тогда открылось его пухлое, грустное и очень некрасивое лицо въ рамкѣ длинныхъ жидкихъ сѣдыхъ волосъ. Онъ надѣлъ пенснэ въ черной оправѣ на тупой, безформенный носъ. Увидавъ м-ра Верлока, онъ видимо удивился. Онъ съ нимъ не поздоровался, и м-ръ Верлокъ, зная свое мѣсто, тоже ничего не произнесъ и только почтительно наклонилъ спину.

— У меня тутъ нѣсколько вашихъ донесеній, — сказалъ бюрократъ неожиданно мягкимъ усталымъ голосомъ, ткнувъ пальцемъ въ бумаги. Онъ остановился, и м-ръ Верлокъ, узнавшій свой почеркъ, замеръ въ ожиданіи. — Мы недовольны здѣшней полиціей, — продолжалъ Вурмтъ усталымъ голосомъ.

М-ръ Верлокъ слегка пожалъ плечами.

— Какова страна, такова въ ней и полиція, — сентенціозно замѣтилъ онъ; но такъ какъ правитель канцеляріи продолжалъ упорно на него смотрѣть, онъ вынужденъ былъ прибавить: — Я позволю себѣ доложить, что не могу оказать никакого воздѣйствія на здѣшнюю полицію.

— Было бы желательно, — сказалъ склонившійся надъ бумагами Вурмтъ, — чтобы произошло нѣчто рѣшительное, что̀ пробудило бы ихъ бдительность. Вѣдь это вы можете устроить, не правда ли?

М-ръ Верлокъ отвѣтилъ только неожиданно вырвавшимся у него вздохомъ. Потомъ, спохватившись, онъ постарался снова придать веселое выраженіе лицу. Вурмтъ продолжалъ нѣсколько безпомощно мигать глазами, точно ему было больно даже отъ слабаго свѣта въ комнатѣ.

— Необходимо пробудить бдительность полиціи и повліять на суды. Снисходительность здѣшнихъ судовъ и полное отсут-

ствіе репрессивныхъ мѣръ возмущаютъ всю Европу. Желательно было бы выяснить серьезность опасности — наличность броженія. Вѣдь оно несомнѣнно существуетъ.

— Конечно, — сказалъ м-ръ Верлокъ, нѣсколько удививъ собесѣдника своимъ твердымъ ораторскимъ тономъ. — Опасность существуетъ. Мои донесенія за весь годъ въ достаточной степени это подтверждаютъ.

— Я читалъ всѣ ваши донесенія за годъ, — сказалъ Вурмтъ мягкимъ безстрастнымъ голосомъ. — Но я совершенно не понимаю, зачѣмъ вы ихъ писали.

Наступило молчаніе. М-ръ Верлокъ точно проглотилъ языкъ, а Вурмтъ сталъ внимательно разглядывать бумаги. Наконецъ, онъ ихъ слегка отодвинулъ.

— То, что̀ вы доводите до нашего свѣдѣнія, — снова заговорилъ онъ, — намъ хорошо извѣстно. Если бы не предполагалось опасности, вы бы не состояли у насъ на службѣ. Донесенія о томъ, что̀ есть, безполезны. Нужно вывести на свѣтъ что-нибудь новое, значительное, — какой-нибудь, я бы сказалъ, тревожный фактъ.

— Само собой разумѣется, что мои усилія будутъ направлены на это, — сказалъ м-ръ Верлокъ съ убѣжденной нотой въ голосѣ. Но видъ слѣдящихъ за нимъ изъ-за стеколъ пенснэ глазъ Вурмта сильно его смущалъ.

Онъ замолчалъ, наклонивъ голову съ глубокой почтительностью. Вурмтъ взглянулъ на него. Вдругъ его что-то видимо поразило во внѣшности м-ра Верлока.

— Вы очень полны, — сказалъ онъ.

Это замѣчаніе задѣло м-ра Верлока, и онъ отступилъ на шагъ.

— Что̀ вамъ угодно было сказать? — спросилъ онъ нѣсколько повышеннымъ голосомъ.

Правитель канцеляріи не захотѣлъ продолжать разговора.

— Вамъ лучше повидать м-ра Вальдера, — сказалъ онъ. — Это даже необходимо. Будьте любезны обождать его здѣсь, — прибавилъ онъ и вышелъ мелкими шагами.

М-ръ Верлокъ провелъ рукой по волосамъ. У него выступили капли пота на лбу, и онъ тяжело отдувался. Когда слуга въ коричневой ливреѣ показался у дверей, м-ръ Верлокъ все еще не двигался съ мѣста. Онъ стоялъ неподвижно, точно его окружали со всѣхъ сторонъ ловушки.

Пройдя вслѣдъ за лакеемъ по коридору, освѣщенному одинокимъ газовымъ рожкомъ, онъ поднялся по крутой винтовой

лѣстницѣ и пошелъ по свѣтлому коридору перваго этажа. Затѣмъ его ввели въ комнату съ тремя окнами, устланную мягкимъ толстымъ ковромъ. Въ глубокомъ креслѣ у письменнаго стола сидѣлъ молодой человѣкъ съ крупнымъ бритымъ лицомъ. Онъ говорилъ по-французски правителю канцеляріи, выходившему изъ комнаты съ бумагами въ рукахъ:

— Вы совершенно правы, mon cher: онъ слишкомъ толстъ...

М-ръ Вальдеръ, первый секретарь посольства, славился въ салонахъ какъ интересный, обходительный молодой человѣкъ. Онъ былъ даже до нѣкоторой степени любимцемъ общества. Остроуміе его заключалось въ томъ, что онъ любилъ приводить въ соотношеніе самыя разнородныя понятія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ усаживался плотно на стулѣ, поднималъ лѣвую руку, какъ бы держа между двумя пальцами свой доводъ, а на кругломъ, гладко выбритомъ лицѣ выражалось веселое недоумѣніе.

Но никакого слѣда неудомѣнія или веселости не было на его лицѣ, когда онъ взглянулъ на м-ра Верлока. Откинувшись въ глубокомъ креслѣ, широко разложивъ локти и закинувъ ногу за ногу, онъ строго взглянулъ на вошедшаго.

— По-французски, полагаю, понимаете?—отрывисто спросилъ онъ.

М-ръ Верлокъ поспѣшилъ отвѣтить утвердительно. Подавшись впередъ всѣмъ своимъ плотнымъ туловищемъ, онъ стоялъ неподвижно на коврѣ посреди комнаты, держа шляпу и палку въ одной рукѣ; другая безжизненно свѣсилась. Онъ робко напомнилъ, что служилъ во французской артиллеріи.

М-ръ Вальдеръ сдѣлалъ презрительную гримасу и неожиданно заговорилъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ безъ тѣни иностраннаго акцента.

— Ахъ, да, я и забылъ,—сказалъ онъ. — Подождите-ка... Сколько вамъ дано было за рисунокъ ихъ новой пушки?

— Пять лѣтъ крѣпости,—неожиданно отвѣтилъ м-ръ Верлокъ ровнымъ голосомъ.

— Это вы еще легко отдѣлались,—сказалъ м-ръ Вальдеръ.— Во всякомъ случаѣ, вамъ подѣломъ. Зачѣмъ попались! Что̀ васъ побудило пойти на такую штуку?

М-ръ Верлокъ сталъ что-то бормотать про молодость, проковую страсть къ недостойной...

— Ага, cherchez la femme!—милостиво прервалъ его м-ръ Вальдеръ. Въ его тонѣ чувствовалась, однако, не любезность, а злобно-пренебрежительное отношеніе.

— Вы давно у насъ на службѣ?—спросилъ онъ.

— Я служилъ еще при покойномъ баронѣ Стоттъ-Вартенгеймѣ,—отвѣтилъ Верлокъ тихимъ голосомъ и вытянулъ слегка губы съ скорбнымъ выраженіемъ, въ знакъ сожалѣнія о покойномъ дипломатѣ. Первый секретарь замѣтилъ эту игру на его лицѣ.

— А, такъ это онъ... Ну, что вы можете мнѣ сказать? — отрывисто спросилъ онъ.

М-ръ Верлокъ отвѣтилъ, что явился не потому, что самъ имѣетъ что-либо сообщить, а потому, что его вызвали письмомъ. Онъ было-засунулъ руку въ карманъ, чтобы показать письмо, но, замѣтивъ насмѣшливое выраженіе на лицѣ Вальдера, такъ письма и не вынулъ.

— Послушайте,—сказалъ Вальдеръ. — Почему это вы такъ располнѣли? Ваша внѣшность не подходитъ къ вашей профессіи. Развѣ васъ можно принять за голоднаго пролетарія? Ни въ какомъ случаѣ. Какой вы, чортъ возьми, соціалистъ, или, тамъ, анархистъ, что-ли?!

— Анархистъ,—подтвердилъ м-ръ Верлокъ.

— Такъ вамъ и повѣрятъ!—насмѣшливо сказалъ м-ръ Вальдеръ, не поднимая головы. — Вотъ вѣдь даже старикъ Вурмтъ обратилъ на это вниманіе. Вы бы не провели самаго глупаго человѣка — глупы-то они всѣ, конечно. Вы совершенно невозможны. Вы начали свою службу съ того, что украли для насъ образцы французскихъ пушекъ и при этомъ сами попались. Это было, конечно, весьма непріятно нашему правительству. Вы, повидимому, не особенно ловкій человѣкъ.

М-ръ Верлокъ сдѣлалъ усиліе оправдать себя.

— Вѣдь я уже имѣлъ случай доложить вамъ, что вслѣдствіе роковой страсти къ недостойной...

М-ръ Вальдеръ поднялъ бѣлую, пухлую руку.

— Ахъ, да... Несчастная привязанность вашей молодости! Она, конечно, выманила у васъ деньги и затѣмъ выдала васъ. Такъ вѣдь?

Грустное выраженіе на лицѣ Верлока подтвердило, что, дѣйствительно, такъ дѣло и произошло. М-ръ Вальдеръ охватилъ руками перекинутое черезъ другую ногу колѣно.

— Вотъ видите, вы попадаетесь въ просакъ. Это хуже всего. Можетъ быть, вы слишкомъ чувствительны?

М-ръ Верлокъ пробормоталъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, что молодость его уже миновала.

— Этотъ недостатокъ не проходитъ съ годами, — замѣтилъ м-ръ Вальдеръ съ злорадствомъ.—Впрочемъ, вы слишкомъ толсты.

Вы бы такъ не растолстѣли, если бы, дѣйствительно, принимали все близко къ сердцу. Я знаю, въ чемъ дѣло. Вы просто лѣнтяй. Сколько времени вы состоите на жалованьи у насъ въ посольствѣ?

— Одиннадцать лѣтъ, — отвѣтилъ м-ръ Верлокъ послѣ нѣкотораго колебанія. — Мнѣ поручено было нѣсколько миссій въ Лондонъ еще въ то время, когда его превосходительство, баронъ Стоттъ-Вартенгеймъ, былъ еще посланникомъ въ Парижѣ. Потомъ, по распоряженію его превосходительства, я поселился въ Англіи. Я вѣдь англичанинъ.

— Вы англичанинъ? Вотъ какъ!

— Да, я уроженецъ Англіи и англійскій подданный,—сказалъ Верлокъ.—Но отецъ мой былъ французъ, и поэтому...

— Ну, да все равно,—прервалъ его м-ръ Вальдеръ.—Плохо то, что вы лѣнивы и не умѣете пользоваться обстоятельствами. Во времена барона Стоттъ-Вартенгейма, у насъ тутъ было въ посольствѣ много мягкосердечныхъ простаковъ. Благодаря имъ, люди вродѣ васъ составляли себѣ невѣрное представленіе о секретныхъ фондахъ. Мой долгъ сказать вамъ правду, и прежде всего объяснить, что̀ именно составляетъ назначеніе секретнаго фонда. Прежде всего, я вамъ долженъ сказать, что секретный фондъ—не благотворительное учрежденіе. Я васъ вызвалъ сюда именно для того, чтобы заявить вамъ это.—М-ръ Вальдеръ увидѣлъ по лицу Верлока, до чего онъ его поразилъ, и злорадно засмѣялся.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — что вы меня вполнѣ поняли. Полагаю, что у васъ хватитъ ума на то, что̀ отъ васъ требуютъ. Теперь намъ нужна активная дѣятельность... активная дѣятельность.

Повторяя послѣднее слово, м-ръ Вальдеръ стукнулъ большимъ бѣлымъ пальцемъ по краю стола. М-ръ Верлокъ измѣнился въ лицѣ. У него покраснѣла шея надъ бархатнымъ воротникомъ пальто, и губы его дрожали, прежде чѣмъ онѣ широко раскрылись.

— Если вы будете столь любезны просмотрѣть мои донесенія, то увидите,—громко крикнулъ онъ густымъ ораторскимъ басомъ, — что всего три мѣсяца тому назадъ именно я предупредилъ объ опасности пріѣзда сюда принца Ромуальда. Мое предупрежденіе сообщено было по телеграфу французской полиціи, и...

— Французская полиція не нуждалась въ вашемъ предупрежденіи, — поспѣшно возразилъ м-ръ Вальдеръ, нахмуривъ брови.—Да не орите такъ. Что̀ это за манеры!

М-ръ Верлокъ извинился въ томъ, что забылся на минуту, но въ его извиненіи прозвучала гордая нотка. Его громкій голосъ славился много лѣтъ на митингахъ подъ открытымъ небомъ и въ большихъ рабочихъ собраніяхъ. Благодаря зычному голосу, онъ и пріобрѣлъ, по его словамъ, популярность среди товарищей.

— Меня всегда заставляли говорить въ самыя бурныя минуты,—объяснилъ онъ м-ру Вальдеру.—Каковъ бы ни былъ гулъ, мой голосъ все-таки былъ слышенъ... Позвольте продемонстрировать вамъ это,—предложилъ онъ вдругъ м-ру Вальдеру, чтобы доказать, что онъ приноситъ пользу дѣлу своими исключительными талантами. Не дожидаясь отвѣта, онъ слегка наклонилъ голову, быстро прошелъ черезъ комнату и подошелъ къ одному изъ большихъ оконъ. Точно повинуясь безотчетному порыву, онъ пріоткрылъ окно. М-ръ Вальдеръ въ изумленіи вынырнулъ изъ глубинъ своего кресла и, подойдя къ м-ру Верлоку, заглянулъ ему за плечо. Внизу, черезъ весь дворъ посольства, за открытыми воротами, виднѣлась широкая спина полисмена. Онъ лѣниво поглядывалъ на колясочку, въ которой везли гулять разряженнаго ребенка.

— Констэбль! — позвалъ м-ръ Верлокъ безъ всякаго усилія повысить голосъ, и м-ръ Вальдеръ расхохотался, увидавъ, что полисменъ быстро обернулся, точно его ткнули въ бокъ чѣмъ-то острымъ. М-ръ Верлокъ спокойно закрылъ окно и вернулся на середину комнаты.

— Вотъ какимъ голосомъ — сказалъ онъ — я одаренъ отъ природы. И къ тому же я всегда знаю, что̀ слѣдуетъ сказать.

Поправляя галстукъ, м-ръ Вальдеръ посмотрѣлъ на Верлока въ зеркало надъ каминомъ.

— Вы, вѣроятно, въ достаточной степени владѣете жаргономъ соціалистовъ-революціонеровъ?—спросилъ онъ презрительнымъ тономъ.—Vox et... Латинскому языку учились?

— Нѣтъ,—злобно пробормоталъ Верлокъ.—Этого отъ меня, надѣюсь, и не требуется. Зачѣмъ? Я принадлежу къ милліонамъ простыхъ людей. Кто знаетъ латынь? Сотни жалкихъ дураковъ, которые не умѣютъ даже сами позаботиться о себѣ, на которыхъ должны работать другіе.

М-ръ Вальдеръ изучалъ еще съ полминуты въ зеркалѣ заплывшій профиль и толстую фигуру стоявшаго за нимъ Верлока. Въ то же самое время онъ съ удовольствіемъ видѣлъ передъ собой свое собственное лицо, гладко выбритое, розоватое, съ тонкими губами, какъ бы созданными для того, чтобы произносить тонкія, остроумныя фразы, дѣлавшія его любимцемъ самаго

избраннаго общества. Затѣмъ онъ обернулся и прошелъ на середину комнаты такъ рѣшительно, что даже кончики его изящнаго галстука, казалось, пріобрѣли угрожающій видъ. М-ръ Верлокъ искоса взглянулъ на него и внутренно вздрогнулъ.

— Ага, вы смѣете говорить дерзости! — воскликнулъ м-ръ Вальдеръ со страннымъ картавымъ выговоромъ, поражая м-ра Верлока мастерской поддѣлкой подъ простонародную рѣчь.— Вотъ вы какой! Ну, такъ я объяснюсь съ вами на чистоту. Къ чорту вашъ голосъ! Намъ вашъ голосъ не нуженъ. Намъ нужны факты. Поражающіе факты, чортъ возьми!—прибавилъ онъ, глядя Верлоку прямо въ лицо.

— Убирайтесь во-свояси! — крикнулъ въ отвѣтъ м-ръ Верлокъ тоже голосомъ рабочаго на сходкѣ.

М-ръ Вальдеръ насмѣшливо улыбнулся и перешелъ на французскій языкъ.

— Вы выдаете себя намъ за провокатора. А дѣло провокатора—создавать факты. Насколько я могу судить по вашимъ донесеніямъ, вы не сдѣлали ничего, чтобы заработать свое жалованье за послѣдніе три года.

— Ничего?! — воскликнулъ м-ръ Верлокъ, стоя неподвижно и даже не поднимая глазъ, но съ искреннимъ чувствомъ обиды въ голосѣ.—Я нѣсколько разъ предотвратилъ...

— Здѣсь у васъ говорятъ, что предотвращеніе лучше леченія,—прервалъ его м-ръ Вальдеръ, снова усаживаясь въ кресло.— Но это—глупое правило. Въ Англіи только одно и знаютъ, что предупреждать. Это очень характерно. Не любятъ и не умѣютъ доходить ни въ чемъ до конца. Не будьте слишкомъ ужъ англичаниномъ. И въ данномъ случаѣ—не будьте нелѣпы. Зло существуетъ. Предупреждать поздно—нужно лечить.

Онъ остановился, повернулся къ столу и, наклоняясь надъ бумагами, сказалъ измѣнившимся дѣловитымъ тономъ, не глядя на м-ра Верлока:

— Вы, конечно, знаете о международной конференціи, которая собирается въ Миланѣ?

М-ръ Верлокъ отвѣтилъ хриплымъ голосомъ, что онъ читаетъ газеты, а на дальнѣйшій вопросъ сказалъ, что, очевидно, понимаетъ прочитанное. На это м-ръ Вальдеръ, слабо улыбаясь и глядя на бумаги, лежавшія передъ нимъ, проговорилъ въ отвѣтъ:

— Конечно, только въ томъ случаѣ, если газеты не написаны по-латыни.

— И не по-китайски,—рѣшительно прибавилъ Верлокъ.

— Гм... Нѣкоторыя изліянія вашихъ друзей—такая тарабар-

щина, что ихъ языкъ не легче понять, чѣмъ китайскій.—М-ръ Вальдеръ презрительно протянулъ Верлову листки, напечатанные на сѣроватой бумагѣ.—Что это за листки подъ иниціалами „Б. П.“, съ пересѣченными молоткомъ, перомъ и факеломъ на заголовкѣ? Что значитъ Б. П.?

— „Будущее Пролетаріата“,—объяснилъ м-ръ Верловъ, подойдя къ внушительному письменному столу.—Это—такое общество—не анархическое по существу, но открытое революціонерамъ всѣхъ оттѣнковъ.

— А вы членъ этого общества?

— Я одинъ изъ вице-президентовъ, — отвѣтилъ м-ръ Верловъ, переводя дыханіе.

Первый секретарь посольства поднялъ голову и взглянулъ на него.

— Въ такомъ случаѣ, стыдитесь,—сказалъ онъ ядовито.—Неужели ваше общество только то и въ состояніи дѣлать, что печатать вздорныя пророчества на грязной бумагѣ. Почему вы ничего не предпринимаете? Говорю вамъ прямо: теперь это дѣло въ моихъ рукахъ, и я предлагаю вамъ заработать такъ или иначе свое жалованье. Времена старика Стоттъ-Вартенгейма прошли навсегда. Не заработаете—и денегъ не получите.

М-ръ Верловъ почувствовалъ слабость въ ногахъ. Онъ отступилъ на шагъ, сильно встревоженный. Рыжеватый лондонскій свѣтъ разсѣялъ туманъ и освѣтилъ тепловатымъ блескомъ кабинетъ перваго секретаря. Среди тишины м-ръ Верловъ услышалъ тихое жужжаніе мухи у окна, первой мухи, возвѣщавшей приходъ весны. Напрасная суетливость маленькаго, энергичнаго организма была непріятна этому толстому лѣнивому человѣку.

М-ръ Вальдеръ дѣлалъ свои заключенія, глядя на лицо и фигуру м-ра Верлова. Онъ находилъ его чрезвычайно вульгарнымъ, неуклюжимъ и возмутительно неумнымъ и непонятливымъ. У него былъ видъ водопроводнаго мастера, пришедшаго со счетомъ. Первый секретарь посольства считалъ именно этотъ классъ ремесленниковъ воплощеніемъ лѣни, непониманія и мошенничества.

Такъ вотъ каковъ знаменитый тайный агентъ, которому такъ довѣрялъ и котораго въ видахъ конспиративности никогда не называлъ по имени, а только обозначалъ знакомъ △ въ оффиціальной, полу-оффиціальной и конфиденціальной корреспонденціи баронъ Стоттъ-Вартенгеймъ! Вотъ этотъ знаменитый агентъ △, донесенія котораго могли мѣнять планы путешествій высокопоставленныхъ лицъ и даже могли совершенно отмѣнять эти путешествія. Вотъ онъ каковъ!—М-ръ Вальдеръ сталъ внутренно

смѣяться и надъ своимъ собственнымъ наивнымъ удивленіемъ по этому поводу, и, главнымъ образомъ, надъ глупостью покойнаго, всѣми оплакиваемаго барона Стоттъ-Вартенгейма. Покойный баронъ занималъ постъ посланника только вслѣдствіе особаго благоволенія къ нему его державнаго повелителя. Это обстоятельство побѣждало протесты противъ него министровъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ славился своей трусостью. Его преслѣдовалъ страхъ соціальной революціи. Онъ воображалъ, что предназначенъ судьбой быть послѣднимъ дипломатомъ на свѣтѣ, и что ему придется видѣть конецъ міра среди страшныхъ народныхъ волненій. Его пророческія, преисполненныя ужаса донесенія потѣшали въ теченіе долгихъ лѣтъ все министерство иностранныхъ дѣлъ. Разсказывали, что на смертномъ одрѣ, въ присутствіи удостоившаго его своимъ посѣщеніемъ державнаго повелителя и друга, онъ воскликнулъ: „Несчастная Европа! Ты погибнешь, благодаря нравственной извращенности твоихъ дѣтей“.—„Онъ долженъ былъ роковымъ образомъ сдѣлаться жертвой перваго обманщика и негодяя, который попался на его пути“,—подумалъ м-ръ Вальдеръ, неопредѣленно улыбаясь и глядя на м-ра Верлока.

— Вамъ слѣдуетъ чтить память покойнаго барона Стоттъ-Вартенгейма,—вдругъ сказалъ онъ.

На потупленномъ лицѣ м-ра Верлока отразилась досада.

— Позвольте напомнить вамъ,—сказалъ онъ,—что я явился сюда, потому что меня вызвали экстреннымъ письмомъ. За одиннадцать лѣтъ моей службы я былъ здѣсь не болѣе двухъ разъ и, конечно, не въ одиннадцать часовъ утра. Вызывать меня въ такое время весьма неблагоразумно. Меня могутъ увидѣть, а это, знаете ли, была бы не шутка для меня.

М-ръ Вальдеръ пожалъ плечами.

— Это уничтожило бы мою полезность,—продолжалъ Верлокъ, вспыливъ.

— Это ваше дѣло,—проговорилъ м-ръ Вальдеръ съ ледяной вѣжливостью.—Когда вы перестанете быть полезнымъ, васъ удалятъ. Да, удалятъ. Васъ...—м-ръ Вальдеръ остановился на минуту, нахмуривъ брови, и потомъ снова просіялъ и оскалилъ красивые бѣлые зубы:—васъ прогонятъ,—закончилъ онъ съ злорадствомъ.

М-ръ Верлокъ снова долженъ былъ напрячь всѣ силы, чтобы побороть слабость въ ногахъ. У него, дѣйствительно, по пословицѣ, ушла душа въ пятки. Преодолѣвъ себя, онъ поднялъ голову и смѣло взглянулъ м-ру Вальдеру прямо въ лицо. Тотъ совершенно спокойно выдержалъ его взглядъ.

— Намъ нужно поднять духъ у членовъ миланской конфе-

ренціи,—сказалъ онъ.—Мысль объ организаціи международной борьбы противъ политическихъ преступленій не находитъ достаточнаго сочувствія. Англія не хочетъ примкнуть къ организаціи. Удивительно нелѣпы они со своимъ преклоненіемъ передъ кумиромъ свободы личности! Нельзя подумать безъ возмущенія о томъ, что всѣмъ вашимъ пріятелямъ стоитъ только пріѣхать сюда...

— Зато они всѣ у меня на виду,—прервалъ его м-ръ Верлокъ.

— Было бы гораздо лучше держать ихъ всѣхъ подъ замкомъ. Нужно довести до этого Англію. Безсмысленная англійская буржуазія становится сообщницей тѣхъ самыхъ людей, цѣль которыхъ—выгнать собственниковъ изъ ихъ домовъ и обречь ихъ на голодную смерть. Пока у собственниковъ еще есть въ рукахъ политическая власть, имъ слѣдовало бы пользоваться ею для того, чтобы уберечь себя. Вы, я полагаю, согласны съ тѣмъ, что средній классъ отличается необыкновенной глупостью.

— Да,—согласился Верлокъ.

— У этихъ людей нѣтъ воображенія. Они ослѣплены идіотскимъ тщеславіемъ. Нужно ихъ перепугать—тогда они опомнятся. И вотъ какъ-разъ теперь психологическій моментъ, когда нужно пустить въ ходъ вашихъ друзей. Я вызвалъ васъ, чтобы развить эту мысль.

М-ръ Вальдеръ сталъ развивать свой планъ очень свысока, презрительнымъ тономъ, обнаруживая въ то же время большое невѣжество относительно истинныхъ цѣлей и методовъ революціонеровъ. М-ръ Верлокъ былъ пораженъ. Первый секретарь посольства непростительно смѣшивалъ причины со слѣдствіями, самыхъ выдающихся пропагандистовъ—съ безразсудными бомбометателями, предполагалъ организацію тамъ, гдѣ она не могла существовать въ силу обстоятельствъ, говорилъ о революціонной партіи, то какъ о строго дисциплинированной арміи, въ которой слово вождя—законъ, то какъ о шайкѣ разбойниковъ. Разъ даже м-ръ Верлокъ раскрылъ ротъ для протеста, но движеніе поднятой кверху красивой бѣлой руки остановило его.

Вскорѣ онъ пришелъ въ такой ужасъ, что даже не пытался возражать. Онъ слушалъ съ безмолвнымъ страхомъ, который могъ казаться безмолвіемъ глубокаго вниманія.

— Нужна серія преступныхъ дѣяній,—спокойно продолжалъ м-ръ Вальдеръ,—совершенныхъ здѣсь... именно совершенныхъ, а не только задуманныхъ; иначе это не произвело бы никакого впечатлѣнія. Ваши друзья могли бы разрушить огнемъ полъ-Европы,

и это бы не возбудило здѣсь общественнаго мнѣнія въ пользу карательныхъ законовъ. Тутъ слишкомъ привыкли думать только о себѣ.

М-ръ Верлокъ откашлялся, но у него захватило дыханіе, и онъ ничего не сказалъ.

— Нѣтъ надобности въ кровавыхъ преступленіяхъ, — продолжалъ м-ръ Вальдеръ, точно читая научную лекцію.—Нужно только придумать что-нибудь достаточно эффектное. Лучше всего, напримѣръ, чтобы преступный замыселъ былъ направленъ, напримѣръ, противъ какихъ-нибудь зданій. Что̀, по-вашему, въ настоящее время, фетишъ буржуазіи? Что̀, мистеръ Верлокъ?

М-ръ Верлокъ развелъ руками и слегка пожалъ плечами.

— Вы слишкомъ лѣнивы, чтобы подумать, — сказалъ м-ръ Вальдеръ, увидавъ его жестъ. — Обратите вниманіе на то, что̀ я скажу. Современный фетишъ—это ни монархическая власть, ни религія. Поэтому, оставимъ въ покоѣ церкви и дворцы. Вы понимаете меня, м-ръ Верлокъ?

Гнѣвъ м-ра Верлока нашелъ исходъ въ игривости.

— Отлично понимаю. А какъ вы думаете насчетъ посольствъ? Серія покушеній на разныя посольства... — началъ онъ, но не могъ продолжать, не выдержавъ холоднаго, пристальнаго взгляда перваго секретаря.

— Вы умѣете быть шутливымъ, — небрежно замѣтилъ тотъ.— Что̀ жъ, это недурно. Это оживляетъ, вѣроятно, ваше краснорѣчіе на соціалистическихъ конгрессахъ. Но тутъ не мѣсто шутить. Гораздо полезнѣе для васъ тщательно выслушать то, что̀ я скажу. Такъ какъ отъ васъ требуютъ фактовъ, а не басенъ, то постарайтесь воспользоваться тѣмъ, что̀ я беру на себя трудъ вамъ изложить. Священный фетишъ нашихъ дней—наука. Такъ почему вамъ не возбудить вашихъ друзей противъ этого деревяннаго идола? Развѣ наука не принадлежитъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя должны быть сметены съ лица земли во имя торжества пролетаріата?

М-ръ Верлокъ ничего не сказалъ, опасаясь, что у него вырвется крикъ негодованія, если онъ раскроетъ ротъ.

— Вотъ что̀ вамъ слѣдовало бы организовать. Покушенія на людей, стоящихъ у власти, конечно, эффектны сами по себѣ, но уже не такъ, какъ прежде. Эта опасность стала какъ-то укладываться въ общую схему жизни всѣхъ главъ государствъ. Это уже стало банальнымъ—особенно съ тѣхъ поръ, какъ убито столько президентовъ. Ну, а желаніе взорвать церковь, какъ оно ни ужасно на первый взглядъ, все же не такъ сильно дѣй-

ствуетъ на умы, какъ можетъ показаться человѣку неопытному. До чего бы такое преступленіе ни было революціоннымъ и анархическимъ по существу, все же найдутся дураки, которые увидятъ въ немъ религіозную манифестацію; а это лишило бы террористическій фактъ того специально пугающаго значенія, которое мы хотимъ ему придать. Взрывъ ресторана или театра тоже можетъ пріобрѣсти чисто политическое значеніе, казаться местью голодныхъ людей. Все это слишкомъ использовано и уже не можетъ служить предметнымъ урокомъ для демонстраціи революціоннаго анархизма. Каждая газета имѣетъ достаточно готовыхъ фразъ, чтобы уничтожить эффектъ такихъ манифестацій. Я вамъ объясню философію бомбометательства съ моей точки зрѣнія, т.-е. по отношенію къ той цѣли, которой и вы, будто бы, служите одиннадцать лѣтъ. Я буду говорить очень просто. Чувствительность того общественнаго класса, на который вы нападаете, очень притуплена. Нельзя разсчитывать на длительность ихъ чувствъ сострадания или страха. Только тотъ террористическій фактъ можетъ повліять на общественное мнѣніе, въ которомъ нѣтъ ни тѣни мести и политическаго героизма. Онъ долженъ быть только актомъ разрушенія и больше ничего — не имѣть никакой другой цѣли. Вы, анархисты, должны ясно показать, что рѣшились уничтожить весь общественный строй. Но какъ вдолбить такое представленіе въ головы людей, чтобы не было на этотъ счетъ никакого сомнѣнія? Вотъ въ чемъ вопросъ — и вотъ отвѣтъ: нужно направить удары на нѣчто, стоящее внѣ обычныхъ страстей человѣчества. Взрывъ бомбы въ Національной галереѣ произвелъ бы, конечно, нѣкоторый шумъ, но не оказалъ бы достаточнаго воздѣйствія. Искусство никогда не было фетишемъ толпы. Это то же, что разбить окна въ заднихъ комнатахъ дома. Для того, чтобы дѣйствительно оглушить человѣка, нужно, по крайней мѣрѣ, взорвать крышу надъ нимъ. За искусство и его права вступилось бы нѣсколько художественныхъ критиковъ и любителей искусства,—но кто бы сталъ обращать вниманіе на ихъ жалобы и крики? Совсѣмъ другое дѣло—наука. Въ нее вѣритъ всякій болванъ, нажившій состояніе. Онъ самъ не знаетъ почему, но вѣритъ. Это—самый священный фетишъ. Всѣ профессора, конечно,—радикалы въ душѣ. Но скажите имъ, что ихъ идолъ долженъ быть сверженъ во имя будущности пролетаріата, и эти ученые тупицы поднимутъ вой, который какъ-разъ будетъ на руку миланской конференціи. Они наводнятъ газеты очень удобными для насъ статьями. Ихъ негодованіе будетъ выше всякихъ подозрѣній, такъ какъ

ихъ видимыхъ матеріальныхъ интересовъ при этомъ не будетъ затронуто, и они возбудятъ эгоистическій ужасъ въ томъ классѣ, на который слѣдуетъ вліять. Имущій классъ вѣритъ, что наука какимъ-то мистическимъ путемъ является истиннымъ источникомъ ихъ богатства, и поэтому дикая манифестація противъ науки подѣйствуетъ сильнѣе на нихъ, чѣмъ если бы взорвали на воздухъ цѣлую улицу или театръ, переполненный людьми ихъ класса. Въ послѣднемъ случаѣ, они рѣшили бы, что это—только „классовая ненависть", — но что можно сказать о проявленіи безсмысленной жестокой жажды разрушенія—почти непостижимо безумной? Безуміе—вотъ что самое страшное: на него нельзя повліять угрозами, убѣжденіями или подкупомъ. Къ тому же, я вовсе не убѣждаю васъ устраивать какую-то бойню. Я культурный человѣкъ и не желалъ бы пользоваться такими средствами, хотя бы для наилучшихъ результатовъ. Но я даже не ожидалъ бы никакихъ благотворныхъ результатовъ отъ кровопролитія. Убійство—явленіе обычное; оно ничего не мѣняетъ. Это—почти общественное учрежденіе. Демонстрація должна быть направлена противъ науки. И даже не безразлично, противъ какой. Нужно, чтобы покушеніе потрясло безполезностью глумленія. Такъ какъ вы орудуете бомбами, то слѣдовало бы бросить бомбу въ чистую математику. Но это, конечно, невозможно. Я развилъ вамъ высшую философію примѣненія вашихъ силъ и привелъ вѣскіе доводы. Практическое примѣненіе моихъ мыслей—уже ваше дѣло. Но и въ этомъ отношеніи я могу снабдить васъ еще кое-какими указаніями. Какого вы мнѣнія о томъ, чтобы обрушиться на астрономію?

М-ръ Верлокъ стоялъ неподвижно, точно въ столбнякѣ, у кресла м-ра Вальдера, и только отъ времени до времени слегка судорожно вздрагивалъ, какъ домашняя собака, свернувшаяся у камина, которую во снѣ мучатъ кошмары.

Онъ только повторилъ звукомъ, похожимъ на рычаніе:

— На астрономію?

Онъ еще не очнулся отъ оглушающаго впечатлѣнія быстро произнесенной рѣчи м-ра Вальдера. Онъ не могъ сразу усвоить себѣ его словъ, и это его злило. Къ тому же, онъ не вполнѣ довѣрялъ искренности своего собесѣдника, боялся, что тотъ надъ нимъ смѣется, тѣмъ болѣе, что м-ръ Вальдеръ сидѣлъ, улыбаясь, оскаливъ свои бѣлые зубы, съ ямочками на кругломъ лицѣ. Любимецъ свѣтскихъ дамъ принялъ обычную позу, въ которой онъ произносилъ свои тонкія, остроумныя фразы въ салонахъ. Слегка подавшись впередъ, поднявъ бѣлую руку, онъ какъ бы осто-

розно держалъ между двумя пальцами свой тонкій и убѣдительный доводъ.

— Ничего лучшаго и придумать нельзя. Такого рода покушеніе соединяетъ наибольшую заботу о человѣчествѣ съ угрожающимъ проявленіемъ идіотской жестокости. Самый умный журналистъ не въ состояніи будетъ убѣдить свою публику въ томъ, что какой бы то ни было членъ пролетаріата можетъ питать личную вражду къ астрономіи. Тутъ ужъ нельзя объяснить дѣло голодомъ. Затѣмъ, этотъ планъ имѣетъ еще много другихъ преимуществъ. Весь цивилизованный міръ слыхалъ про Гринвичъ. Чистильщики сапогъ у вокзала Чарингъ-Кроссъ знаютъ про Гринвичъ. Теперь вы поняли?

Лицо м-ра Вальдера, которое такъ нравилось въ лучшемъ обществѣ своей изящной веселостью, сіяло теперь циничнымъ самодовольствомъ, которое бы изумило симпатизирующихъ ему свѣтскихъ дамъ.

— Да, — продолжалъ онъ съ презрительной усмѣшкой: — если взорвать первый меридіанъ, то это вызоветъ вой и проклятіе во всемъ мірѣ.

— Это трудная штука, — пробормоталъ м-ръ Верлокъ, чувствуя, что только это ему и безопасно сказать.

— Почему? Вѣдь у васъ въ рукахъ вся компанія, самый цвѣтъ ихъ шайки. Старый террористъ Юнтъ — въ Лондонѣ. Я каждый день встрѣчаю его на Пикадилли въ его зеленой пакидкѣ. И Михаэлисъ, отпущенный на свободу апостолъ, тоже здѣсь — надѣюсь, вы не скажете, что вамъ неизвѣстно, гдѣ онъ? Если не знаете, то я вамъ скажу, — продолжалъ м-ръ Вальдеръ съ угрозой въ голосѣ. — Если вы воображаете, что секретныя суммы оплачиваютъ васъ одного, то ошибаетесь. А всѣ лозанцы? Развѣ они не сбѣжались всѣ сюда, какъ только зашла рѣчь о миланской конференціи? Здѣсь всѣхъ готовы пріютить.

— Это будетъ стоить денегъ, — сказалъ м-ръ Верлокъ.

— На эту удочку меня не поддѣнете, — возразилъ м-ръ Вальдеръ. — Вы будете получать свое мѣсячное жалованье и ни гроша больше, пока чего-нибудь не устроите. А если и впредь ничего у васъ не выйдетъ, то и этого вамъ больше не дадутъ. Какое у васъ занятіе для видимости? Чѣмъ вы живете, по общему мнѣнію?

— У меня лавка, — отвѣтилъ м-ръ Верлокъ.

— Лавка? Чтò за лавка?

— Канцелярскія принадлежности, газеты. Моя жена...

— Ваша... чтò? — прервалъ м-ръ Вальдеръ.

— Моя жена.—М-ръ Верлокъ слегка повысилъ голосъ.—Я женатъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое!—воскликнулъ м-ръ Вальдеръ.—Женаты?—Въ голосѣ его послышалось искреннее изумленіе.—Что̀ за глупости! Но, конечно, это только манера выражаться. Анархисты вѣдь не женятся. Это хорошо извѣстно. Имъ нельзя. Это значило бы отречься отъ своихъ принциповъ.

— Моя жена не анархистка,—съ досадой проговорилъ м-ръ Верлокъ.—Къ тому же, это васъ совершенно не касается.

— Очень касается,—возразилъ м-ръ Вальдеръ.—Я начинаю думать, что вы вовсе не годитесь для службы у насъ. Вы навѣрное погубили себя въ глазахъ своихъ товарищей вашей женитьбой. Неужели вы не могли обойтись безъ этого? И вотъ какова была ваша прежняя привязанность! Всѣми своими привязанностями вы дѣлаете себя совершенно непригоднымъ для насъ.

М-ръ Верлокъ ничего не отвѣтилъ. Онъ вооружился терпѣніемъ. На этотъ разъ, впрочемъ, испытанію наступилъ конецъ. Первый секретарь закончилъ рѣзко и отрывисто:

— Можете идти, — сказалъ онъ. — Нуженъ динамитный взрывъ. Я даю вамъ мѣсяцъ. Засѣданія конференціи временно пріостановлены. Прежде чѣмъ они возобновятся, здѣсь должно что-нибудь произойти, или вы лишаетесь службы.

Перемѣнивъ опять тонъ, со свойственной ему неустойчивостью, онъ заговорилъ дружески.

— Подумайте о моей философіи, м-ръ Верлокъ, — сказалъ онъ на прощанье.—Направьте свои усилія на первый меридіанъ. Вы не знаете средняго класса такъ, какъ я. Разсчитывать на ихъ чувствительность нельзя. Первый меридіанъ — это на нихъ подѣйствуетъ. Это—самое лучшее, да, по-моему, и самое легкое.

Онъ всталъ съ кресла и, сжавъ тонкія губы съ усмѣшкой, сталъ смотрѣть въ зеркало надъ каминомъ, какъ м-ръ Верлокъ тяжеловѣсно выходилъ изъ комнаты, держа въ рукѣ шляпу и палку. Дверь закрылась.

Лакей въ ливреѣ, вдругъ появившійся въ коррид орѣ, провелъ м-ра Верлока по другой дорогѣ черезъ маленькую дверь въ другой уголъ двора. Привратникъ у главныхъ воротъ не видалъ, какъ они вышли, и м-ръ Верлокъ направился домой какъ во снѣ. Онъ настолько забылъ обо всемъ окружающемъ, что хотя его земная оболочка двигалась неспѣшно по улицамъ, духомъ онъ какъ бы въ ту же минуту очутился у дверей своей лавки, точно прилетѣлъ съ запада на востокъ на крыльяхъ сильнаго вѣтра. Онъ прямо прошелъ за прилавокъ и сѣлъ на де-

ревянный стулъ за нимъ. Никто не нарушалъ его уединенія. Стэви, на котораго надѣли зеленый люстриновый передникъ, подметалъ лѣстницу и сметалъ пыль, ревностно и добросовѣстно выполняя порученное ему дѣло, точно это была интересная игра. М-ссъ Верлокъ была въ кухнѣ. Услыхавъ дребезжащій звукъ колокольчика, она только подошла къ стеклянной двери, ведущей изъ внутреннихъ комнатъ въ лавку, и, слегка отдернувъ занавѣску, заглянула въ тускло освѣщенную лавку. Увидавъ, что мужъ сидитъ мрачный, тяжеловѣсно опустившись на стулъ, сдвинувъ далеко назадъ шляпу, она сейчасъ же вернулась къ плитѣ. Черезъ часъ она сняла зеленый передникъ съ своего брата Стэви и велѣла ему вымыть руки и лицо. Она говорила съ мальчикомъ властнымъ тономъ, которымъ вліяла на него съ самаго дѣтства. Переставъ на минуту мыть посуду, она тщательно осмотрѣла лицо и руки Стэви, когда онъ подошелъ къ кухонному столу показать ей, что приказаніе ея выполнено. Прежде эта формальность предобѣденнаго омовенія совершалась изъ страха передъ гнѣвомъ отца, но кротость м-ра Верлока въ домашнемъ обиходѣ разрушала всякую возможность ссылаться на его гнѣвъ. Даже Стэви, при всей его нервности, не повѣрилъ бы. Поэтому Винни пользовалась другимъ доводомъ. Она говорила, что м-ру Верлоку было бы чрезвычайно больно и непріятно, если бы за обѣденнымъ столомъ не соблюдалась полная чистота. Винни почувствовала большое облегченіе послѣ смерти отца въ томъ, что ей ужъ больше не придется дрожать за бѣднаго Стэви. Она не могла выносить, чтобы обижали мальчика. Это сводило ее съ ума. Когда она была маленькой дѣвочкой, она бросалась на отца, сверкая глазами, чтобы защитить брата. А теперь по спокойной наружности м-ссъ Верлокъ никакъ нельзя было бы предположить, что она способна къ проявленіямъ страстныхъ чувствъ.

Она кончила накрывать столъ къ обѣду и, подойдя къ лѣстницѣ, крикнула:—Мама!—Затѣмъ, открывъ стеклянную дверь въ лавку, она спокойно сказала:—Адольфъ.—М-ръ Верлокъ сидѣлъ въ той же позѣ, очевидно, не шевельнувшись въ теченіе полутора часа. Онъ грузно поднялся и вышелъ къ обѣду въ пальто и шляпѣ, не говоря ни слова. Его молчаніе само по себѣ не было столь необычнымъ въ жизни этой семьи, ютившейся въ мрачной улицѣ, куда рѣдко заглядывало солнце, проводившей дни за полутемной лавкой, гдѣ продавались подозрительные дрянные товары. Но въ этотъ день въ молчаніи м-ра Верлока чувствовалась глубокая задумчивость, которая произвела сильное впечатлѣніе на обѣихъ женщинъ. Онѣ сидѣли сами молча и только

слѣдили глазами за бѣднымъ Стэви, боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не впалъ въ припадокъ говорливости, чтò съ нимъ иногда случалось. Но онъ спокойно сидѣлъ противъ м-ра Верлока и молча смотрѣлъ въ пространство. Забота о томъ, чтобы мальчикъ не раздражалъ хозяина дома своими странностями, омрачала жизнь этихъ двухъ женщинъ. „Этотъ мальчикъ", какъ онѣ его называли, говоря о немъ между собою, былъ источникомъ большихъ заботъ для матери съ самаго дня своего рожденія. Его отецъ при жизни чувствовалъ себя униженнымъ тѣмъ, что у него сынъ съ такими странностями, и его обида на судьбу выражалась въ суровомъ обращеніи съ мальчикомъ. Потомъ, послѣ его смерти, нужно было удерживать Стэви отъ того, чтобы онъ не раздражалъ жильцовъ. И послѣ того самый фактъ его существованія былъ для его матери источникомъ большихъ тревогъ.—Если бы ты не вышла замужъ за такого хорошаго человѣка—говорила вдова своей дочери, — то я не знаю, чтò сталось бы съ бѣднымъ мальчикомъ.

М-ръ Верлокъ относился къ Стэви очень терпимо,—какъ человѣкъ, не особенно любящій животныхъ, отнесся бы къ любимой кошкѣ своей жены. Обѣ женщины считали, что бòльшаго нельзя было и требовать. За это одно мать Стэви питала безконечную благодарность къ своему зятю. Въ первое время она еще иногда, извѣрившись въ добротѣ людей въ теченіе своей долгой жизни, тревожно спрашивала дочь:—Тебѣ не кажется, дорогая, что м-ру Верлоку хотѣлось бы избавиться отъ Стэви?—Въ отвѣтъ на это Винни обыкновенно только слегка качала головой. Только разъ она сказала страннымъ, угрюмымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающимъ тономъ:—Для этого ему пришлось бы раньше избавиться отъ меня.—Послѣдовало долгое молчаніе. Мать старалась проникнуть въ смыслъ этого отвѣта, поразившаго ее глубиной затаенныхъ въ немъ чувствъ. Въ сущности она никакъ не могла понять, почему Винни вышла замужъ за м-ра Верлока. Бракъ этотъ былъ очень благоразуменъ, и дочери ея жилось, повидимому, теперь хорошо, но все же было бы естественно, если бы Винни выбрала какого-нибудь болѣе подходящаго по возрасту спутника жизни. За нею ухаживалъ одинъ милый молодой человѣкъ, единственный сынъ хозяина мясной лавки на сосѣдней улицѣ. Правда, онъ пока жилъ еще на иждивеніи отца, но дѣла отца шли хорошо, и будущее молодого человѣка было обезпечено. Винни онъ нравился. Она ходила съ нимъ гулять по воскресеньямъ; онъ водилъ ее часто въ театръ. Но какъ разъ тогда, когда мать уже начала бояться, что вотъ-вотъ дочь объявитъ ей

о своей помолвкѣ (какъ бы она стала управляться одна съ большимъ домомъ, имѣя на плечахъ такую обузу, какъ Стэви?) романъ между Винни и сыномъ мясника круто оборвался. Винни ходила нѣсколько времени съ очень грустнымъ лицомъ. Но вскорѣ Провидѣніе послало имъ м-ра Верлока, который занялъ лучшую комнату въ первомъ этажѣ. О молодомъ сынѣ мясника уже не было больше рѣчи. Очевидно, само Провидѣніе такъ устроило.

III.

— Всякая идеализація отнимаетъ что-то у жизни. Прикрашивать жизнь значитъ лишать ее сложности — разрушать ее. Предоставьте это моралистамъ, милый мой. Исторію дѣлаютъ люди, но не изъ своей головы. Мысли, которыя рождаются въ сознаніи, играютъ самую незначительную роль въ ходѣ событій. Исторія опредѣляется и управляется производствомъ и орудіями производства, т.-е. силой экономическихъ условій. Капитализмъ породилъ соціализмъ, и законы, созданные капитализмомъ для защиты собственности, и являются единственно отвѣтственными за анархизмъ. Никакъ нельзя знать, каковъ будетъ общественный строй въ грядущія времена, и незачѣмъ поэтому предаваться страстнымъ пророческимъ бреднямъ. Въ лучшемъ случаѣ, они только характерны для пророка, но никакой объективной цѣнности у нихъ быть не можетъ. Предоставьте же эту забаву моралистамъ...

Михаэлисъ, выпущенный на свободу апостолъ, говорилъ это ровнымъ голосомъ, нѣсколько сдавленнымъ подъ тяжестью толстаго жирового слоя на груди. Онъ вышелъ изъ гигіенично устроенной тюрьмы, толстый какъ бочка, съ огромнымъ животомъ и одутловатыми блѣдными щеками. Можно было подумать, что его враги нарочно кормили его въ теченіе пятнадцати лѣтъ чрезмѣрно жирной пищей, упрятавъ его въ сырой темный погребъ. Потомъ уже и на свободѣ ему не удавалось спустить ни одного фунта вѣса.

Разсказывали, что въ теченіе трехъ сезоновъ сряду одна богатая старая дама посылала его лечиться въ Маріенбадъ, но его выслали оттуда по случаю пріѣзда именитыхъ паціентовъ и лишили такимъ образомъ доступа къ цѣлебнымъ водамъ. Сначала онъ возмущался, но потомъ вполнѣ покорился судьбѣ.

Опершись на заплывшіе жиромъ локти, онъ слегка подался

впередъ своимъ грузнымъ туловищемъ и плюнулъ въ рѣшетку камина.

— Да, у меня было достаточно времени все это обдумать,— прибавилъ онъ, не повышая голоса. — Общество предоставило мнѣ нужный для размышленія досугъ.

По другую сторону камина, на мягкомъ удобномъ креслѣ, въ которомъ обыкновенно сидѣла мать м-ссъ Верлокъ, расположился Карлъ Юнтъ. Онъ мрачно разсмѣялся, раскрывъ беззубый ротъ. Террористъ—такъ онъ самъ себя называлъ—былъ лысый старикъ съ отвисшимъ подбородкомъ. Въ его потухшихъ глазахъ сверкало затаенное гнѣвное чувство. Онъ поднялся, опираясь на тонкую палку, изогнувшуюся подъ тяжестью его руки.

— Я всегда мечталъ—заговорилъ онъ мрачнымъ тономъ— о союзѣ людей, твердо рѣшившихъ дѣйствовать, не стѣсняясь средствами, достаточно сильныхъ, чтобы смѣло признать себя разрушителями, и свободныхъ отъ смиренія и пессимизма, отъ котораго гибнетъ и разлагается міръ. Безпощадность ко всему на землѣ, въ томъ числѣ и къ самому себѣ, отреченіе отъ всего во имя блага человѣчества въ его грядущихъ судьбахъ — вотъ чего я требовалъ отъ нужныхъ мнѣ сообщниковъ.

Его маленькая лысая голова вся тряслась, въ горлѣ у него пересохло отъ возбужденія. М-ръ Верлокъ, усѣвшійся въ углу дивана на другомъ концѣ комнаты, промычалъ что-то неопредѣленное въ знакъ одобренія.

Старый террористъ медленно покачалъ головой.

— И я никогда не могъ собрать хотя бы трехъ такихъ людей,—сказалъ онъ.—Все изъ-за вашего проклятаго, безплоднаго пессимизма!—накинулся онъ на Михаэлиса. Тотъ разставилъ свои толстыя, какъ подушки, ноги и принялъ оскорбленный видъ.

Какъ можно было назвать его пессимистомъ! Это его глубоко возмущало. Онъ былъ настолько далекъ отъ пессимизма, что, напротивъ того, твердо вѣрилъ въ близкій конецъ частной собственности. Онъ былъ убѣжденъ, что классъ собственниковъ погибнетъ отъ собственнаго разврата. Собственникамъ придется бороться не только противъ проснувшагося пролетаріата, но и другъ противъ друга. Борьба, война — вотъ грядущая судьба частной собственности. Гибель ея неминуема. Михаэлисъ твердо въ это вѣрилъ и не нуждался для подкрѣпленія своей вѣры въ ревѣ возбужденной толпы, въ красныхъ флагахъ и т. д. Нѣтъ, одинъ только холодный разумъ лежалъ въ основѣ его оптимизма.

Онъ остановился, чтобы передохнуть, и потомъ продолжалъ:

— Не будь я оптимистомъ,—сказалъ онъ,—развѣ бы я не нашелъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ средства перерѣзать себѣ горло? Въ крайнемъ случаѣ, я могъ бы расшибить себѣ голову объ стѣны камеры.

Прерывистость дыханія лишала его голосъ всякаго огня. Его одутловатыя блѣдныя щеки свисали, какъ неживыя; но въ его синихъ глазахъ, сильно прищуренныхъ, свѣтилось сосредоточенное, безумное въ своей напряженности, выраженіе твердой вѣры. Съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ онъ, вѣроятно, сидѣлъ по ночамъ въ тюремной камерѣ, предаваясь своимъ мыслямъ. Карлъ Юнтъ стоялъ передъ нимъ, перекинувъ черезъ плечо одинъ конецъ своей зеленоватой накидки. Передъ самымъ каминомъ сидѣлъ товарищъ Озипонъ, бывшій студентъ медицины, главный составитель листковъ и брошюръ издательства „Б. П.". Онъ вытянулъ ноги, повернувъ ихъ пятками къ огню. Пучокъ курчавыхъ свѣтлыхъ волосъ торчалъ надъ его краснымъ лицомъ съ приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, выдававшими его негритянское происхожденіе; глаза съ миндалевиднымъ разрѣзомъ свѣтились темнымъ блескомъ надъ выступающими скулами. На немъ была синяя фланелевая рубашка; свободные концы небрежно повязаннаго чернаго шолковаго галстука спускались на плотно застегнутый жилетъ. Онъ прислонился головой къ спинкѣ стула, вытянувъ шею, поднесъ къ губамъ папиросу, вставленную въ длинный деревянный мундштукъ, и сталъ пускать въ потолокъ клубы дыма.

Михаэлисъ продолжалъ развивать свою мысль — ту мысль, которая его занимала въ долгіе годы заключенія и превратилась у него въ глубокую вѣру. Онъ говорилъ, обращаясь къ самому себѣ, не думая о слушателяхъ, и даже забывая объ ихъ присутствіи, по усвоенной привычкѣ думать вслухъ среди четырехъ выштукатуренныхъ стѣнъ своей камеры, въ гробовомъ молчаніи огромнаго кирпичнаго зданія близъ рѣки, мрачнаго и уродливаго, какъ гигантская покойницкая для живыхъ мертвецовъ.

Онъ совершенно не умѣлъ вести споръ, не потому, что какіе-либо выводы противника могли убѣдить его, а потому, что самый фактъ другого голоса, раздающагося рядомъ съ нимъ, смущалъ его и спутывалъ его мысли. Онѣ создались въ безконечно долгіе годы духовнаго одиночества, какъ бы среди безводной пустыни; ничей живой голосъ никогда ихъ не опровергалъ, не одобрялъ, — и Михаэлисъ не умѣлъ доказывать ихъ въ живомъ спорѣ.

На этотъ разъ никто его не прерывалъ, и онъ снова изложилъ свое міросозерцаніе, которое онъ теперь исповѣдывалъ, какъ символъ вѣры. Онъ говорилъ, что тайна судьбы всецѣло заключена въ матеріальной сторонѣ жизни, что будущее обусловливается только экономическими причинами, что въ этомъ—источникъ всѣхъ идей, руководящихъ умственнымъ развитіемъ человѣчества и даже порывами ихъ страстей.

Раздавшійся вдругъ рѣзкій смѣхъ товарища Озипона прервалъ Михаэлиса на полусловѣ, и онъ не могъ сразу продолжать. Въ его кроткихъ восторженныхъ глазахъ появилось выраженіе растерянности. Онъ медленно закрылъ ихъ, какъ бы для того, чтобы собрать разбѣжавшіяся мысли. Наступило молчаніе. Отъ пылающаго огня камина и отъ двухъ газовыхъ рожковъ надъ столомъ въ комнатѣ сдѣлалось душно. М-ръ Верлокъ тяжеловѣсно поднялся съ дивана, открылъ дверь въ кухню, чтобы впустить больше воздуха, и увидѣлъ Стэви, сидѣвшаго спокойно за кухоннымъ столомъ. Онъ по обыкновенію чертилъ круги, безконечное число круговъ, концентрическихъ, эксцентрическихъ, цѣлый хаосъ круговъ, которые множествомъ сплетенныхъ и повторенныхъ кривыхъ, множествомъ пересѣкающихся линій были какимъ-то отраженіемъ космическаго хаоса, символомъ безумнаго искусства, которое гонится за недостижимымъ. Художникъ даже не повернулъ головы, низко наклонившись надъ работой. М-ръ Верлокъ, непріятно удивленный присутствіемъ мальчика въ сосѣдней комнатѣ, вернулся на свое мѣсто на диванѣ. Александръ Озипонъ поднялся съ мѣста. Онъ казался очень высокимъ въ комнатѣ съ низкимъ потолкомъ.

Пройдя въ кухню, онъ сталъ за спиной Стэви, поглядѣлъ на его работу и, вернувшись, произнесъ тономъ оракула:

— Очень хорошо. Очень характерно, совершенно типично.

— Что̀ хорошо?—ворчливо спросилъ м-ръ Верлокъ, усѣвшійся снова въ углу дивана.

Озипонъ небрежно пояснилъ свои слова, кивнувъ головой по направленію къ кухнѣ:

— Типичная форма вырожденія,—я говорю о рисункахъ.

— Вы считаете мальчика дегенератомъ? — пробормоталъ м-ръ Верлокъ.

Товарищъ Александръ Озипонъ, по прозвищу „Докторъ", былъ медикомъ безъ диплома, потомъ ѣздилъ изъ города въ городъ читать лекціи о гигіенѣ съ соціальной точки зрѣнія во всѣхъ рабочихъ союзахъ. Онъ былъ авторомъ популярнаго полунаучнаго очерка (въ видѣ дешеваго памфлета, конфискованнаго

вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ) подъ заглавіемъ: „Губительные пороки средняго класса"; кромѣ того, онъ былъ делегатомъ таинственнаго главнаго комитета. Ему, вмѣстѣ съ Карломъ Юнтомъ и Михаэлисомъ, поручена была литературная пропаганда. Этотъ человѣкъ глядѣлъ теперь на тайнаго соглядатая, состоявшаго въ сношеніяхъ, по меньшей мѣрѣ, съ двумя посольствами, взглядомъ, выражавшимъ непоколебимую увѣренность.

— Да, такъ его можно назвать съ научной точки зрѣнія. Очень типичный образчикъ этого рода дегенераціи. Достаточно взглянуть на его уши. Если бы вы читали Ломброзо...

М-ръ Верлокъ, разсѣвшись широко на диванѣ, сталъ пристально смотрѣть на пуговицы жилета. Щеки его слегка покраснѣли. Въ послѣднее время всякое упоминаніе чего-нибудь, относящагося къ наукѣ (слово само по себѣ невинное и довольно неопредѣленное), страннымъ образомъ вызывало тотчасъ же въ умѣ м-ра Верлока живой и весьма непріятный образъ м-ра Вальдера. Это явленіе, составляющее, быть можетъ, именно одно изъ чудесъ науки, погружало м-ра Верлока въ странное состояніе волненія и страха и вызывало въ немъ желаніе наговорить грубыхъ словъ, ругаться, чтобы облегчить этимъ душу. Но онъ ничего не сказалъ. Раздался голосъ не его, а Карла Юнта, неподкупнаго въ своей прямолинейности.

— Ломброзо—оселъ!—выпалилъ онъ.

Товарищъ Озипонъ взглянулъ на него испуганными широко раскрытыми глазами въ отвѣтъ на такое богохульство. А Юнтъ продолжалъ сердитымъ голосомъ, ежеминутно схватывая губами кончикъ языка; онъ точно жевалъ его со злости.

— Да вѣдь этотъ идіотъ Богъ вѣсть что говоритъ!—кричалъ онъ.—Преступникъ для него—это заключенный въ тюрьму.—Просто, не правда ли? Ну, а какъ относительно тѣхъ, которыхъ сажаютъ туда силой? Да, силой. Да и что такое преступленіе? Развѣ онъ знаетъ это, вашъ глупый пошлякъ, который прославился среди другихъ пошляковъ тѣмъ, что сталъ разсматривать уши и зубы несчастныхъ жертвъ? По его мнѣнію, зубы и уши накладываютъ клеймо на преступника. А что сказать о законѣ, который еще яснѣе клеймитъ,—о способѣ клейменія, изобрѣтенномъ сытыми для огражденія отъ голодныхъ? Они раскаленнымъ желѣзомъ клеймятъ тѣло несчастныхъ. Развѣ не слышите отсюда, какъ шипитъ подъ раскаленнымъ желѣзомъ живое тѣло? Вотъ какъ изготовляются преступники для Ломброзо и его глупостей.

Набалдашникъ его палки и его ноги дрожали отъ волненія, но его фигура, задрапированная въ широкій плащъ, сохраняла

гордый и вызывающій видъ. Онъ точно различалъ въ воздухѣ запахъ жестокости, точно подслушивалъ чуткимъ ухомъ страшные крики страданія. Чувствовалась большая сила во всемъ его существѣ. Почти умирающій ветеранъ динамитныхъ войнъ былъ въ свое время большимъ актеромъ — актеромъ на трибунѣ на тайныхъ собраніяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ. Онъ самъ никогда въ жизни пальца не поднималъ во вредъ обществу. Онъ не былъ человѣкомъ дѣйствія и не былъ даже ораторомъ, увлекающимъ потокомъ краснорѣчія. Но онъ умѣлъ вызывать всѣ разрушительные инстинкты въ угнетенныхъ, пробуждать озлобленность въ бѣднякахъ. Онъ умѣлъ призывать къ мятежу, и слабые остатки рокового дара все еще сохранились въ немъ.

Михаэлисъ улыбался отсутствующей улыбкой, не разжимая губъ. Онъ понурилъ голову, сочувствуя словамъ Юнта. Онъ самъ былъ въ тюрьмѣ. Его тѣло тоже жгли раскаленнымъ желѣзомъ,— и онъ теперь тихо напомнилъ объ этомъ.

Товарищъ Озипонъ, по прозванію „Докторъ", оправился отъ перваго впечатлѣнія словъ Юнта.

— Вы этого не понимаете,—началъ онъ презрительнымъ тономъ, но остановился, испуганный мертвенной чернотой провалившихся глазъ, медленно повернувшихся къ нему слѣпымъ взглядомъ. Онъ слегка пожалъ плечами и отказался отъ дальнѣйшаго спора.

Стэви, привыкшій, чтобы на него не обращали вниманія, всталъ изъ-за кухоннаго стола и, взявъ рисунки, направился къ себѣ въ комнату спать. Онъ очутился у двери лавки какъ разъ во-время, чтобы выслушать всю образную рѣчь Карла Юнта. Листъ бумаги съ нарисованными на немъ кругами выпалъ у него изъ рукъ; онъ остановился какъ вкопанный, не сводя глазъ съ стараго террориста. Его точно приковали къ мѣсту болѣзненный ужасъ и страхъ передъ физической болью. Стэви хорошо зналъ, что если приложить раскаленное желѣзо къ тѣлу, то отъ этого очень больно. Глаза его загорѣлись негодованіемъ. Онъ ясно представилъ себѣ, до чего это больно. Онъ стоялъ, раскрывъ широко ротъ.

Глядя неуклонно въ огонь, Михаэлисъ снова испыталъ чувство уединенія, необходимое для него, чтобы сосредоточить свои мысли. Изъ его устъ снова потекли оптимистическія пророчества. Онъ доказывалъ, что капитализмъ обреченъ на погибель съ самой колыбели, такъ какъ родился съ ядомъ конкурренціи въ крови. Большіе капиталисты поѣдаютъ маленькихъ, сосредоточиваютъ силу и орудія производства въ большихъ центрахъ, совершен-

ствуютъ орудія промышленности и въ безумномъ своемъ самовозвеличеніи подготовляютъ только законное наслѣдіе страдающаго пролетаріата. Михаэлисъ произнесъ великое слово: „Терпѣніе", и въ его ясномъ взглядѣ, поднятомъ къ низкому потолку комнаты, отразилась ангельская твердость вѣры. Стэви, не отходившій отъ дверей, успокоился и точно впалъ въ забытье.

На лицѣ товарища Озипона отразилось нетерпѣніе.

— Такъ, значитъ, нѣтъ надобности что-либо дѣлать,—значитъ, лучше всего ждать, сложа руки?

— Я этого не говорю,—мягко возразилъ Михаэлисъ.—Видѣніе истины такъ сильно внѣдрилось въ него, что звукъ чужого голоса уже не могъ его разсѣять. Онъ продолжалъ смотрѣть въ красные уголья. Нужно было готовиться къ будущему, и онъ готовъ былъ допустить, что великій переворотъ совершится среди взрыва революціи. Но онъ только доказывалъ, что революціонная пропаганда—дѣло, требующее чуткой совѣсти. Революціонная пропаганда, это — воспитаніе будущихъ властителей міра; оно должно быть поэтому такимъ же тщательнымъ, какъ воспитаніе королей. Нужно было, по его мнѣнію, крайне осторожно, даже робко раскидывать сѣти пропаганды, такъ какъ мы совершенно не знаемъ, какое вліяніе можетъ оказать всякое данное измѣненіе экономическихъ условій на счастье, нравственность, умъ и исторію человѣчества. Исторія дѣлается орудіями производства, а не идеями,—все мѣняется отъ измѣненія экономическихъ условій—искусство, философія, любовь, добродѣтель—даже истина.

Уголья въ каминѣ съ трескомъ обрушились, и Михаэлисъ порывисто поднялся съ мѣста. Круглый, какъ раздувшійся шаръ, онъ раскрылъ свои короткія толстыя руки, какъ бы въ безумномъ и неосуществимомъ желаніи обнять и прижать къ груди обновленную собственнымъ усиліемъ вселенную. Онъ прерывисто дышалъ, отдаваясь пламенному порыву вѣры.

— Будущее такъ же установлено, какъ минувшее: рабство, феодализмъ, индивидуализмъ, коллективизмъ. Это—твердый законъ, а не пустое пророчество.

Презрительная усмѣшка на толстыхъ губахъ товарища Озипона еще яснѣе выдала негритянскій типъ его лица.

— Глупости!—сказалъ онъ довольно спокойно.—Нѣтъ никакихъ законовъ, и нельзя ничего опредѣлить заранѣе. Обучать—безсмысленно. Совершенно безразлично, чтò люди знаютъ, хотя бы знанія ихъ были самыя точныя. Важны только эмоціи. Безъ эмоцій невозможно дѣйствіе.

Онъ остановился и прибавилъ скромно, но рѣшительно:

— Вѣдь я это говорю вамъ чисто научно, — научно. Что? что вы сказали, Верлокъ?

— Ничего, — пробормоталъ м-ръ Верлокъ. Услышавъ со своего мѣста на диванѣ ненавистный ему звукъ, м-ръ Верлокъ не могъ удержаться отъ восклицанія досады.

Старый, беззубый Юнтъ принялся опять шипѣть. Слова его были точно пропитаны ядомъ.

— Знаете, каковъ, по-моему, современный экономическій строй? Я его называю каннибальскимъ. Люди утоляютъ свою жадность, питаясь живымъ тѣломъ и теплой кровью своихъ ближнихъ. Ничѣмъ другимъ ихъ нельзя насытить.

Услыхавъ это ужасное заявленіе, Стэви застоналъ и сразу, точно въ него влили быстро дѣйствующій ядъ, опустился и присѣлъ на ступеньки, ведущія къ кухонной двери.

Михаэлисъ, повидимому, ничего не слышалъ вокругъ себя. Губы его окончательно сомкнулись и щеки отвисли, какъ неживыя. Онъ оглянулся мутными глазами, ища свою круглую шляпу, и надѣлъ ее. Его заплывшее круглое тѣло точно плыло между стульями подъ острымъ локтемъ Карла Юнта. Старый террористъ поднялъ дрожащую руку и надѣлъ широкополую фетровую шляпу. Онъ медленно двинулся съ мѣста и шелъ, на каждомъ шагу ударяя палкой по полу. Было довольно трудно выпроводить его изъ дому; онъ отъ времени до времени останавливался, задумываясь о чемъ-то, и не двигался съ мѣста, пока Михаэлисъ не подталкивалъ его. Кроткій апостолъ бралъ его подъ-руки съ братской заботливостью; за ними шелъ, позѣвывая и засунувъ руки въ карманы, коренастый Озипонъ. Сдвинутая назадъ синяя фуражка съ кожанымъ околышемъ придавала ему видъ скандинавскаго матроса, которому тоскливо послѣ хорошей выпивки. М-ръ Верлокъ проводилъ своихъ гостей, попрощался съ ними, все время держа глаза опущенными, затѣмъ закрылъ за ними дверь, заперъ ее на ключъ, задвинулъ засовъ. Онъ былъ недоволенъ своими друзьями. Въ свѣтѣ теорій м-ра Вальдера они никуда не годились. А м-ръ Верлокъ долженъ былъ соблюдать опредѣленную тактику въ своихъ отношеніяхъ съ революціонерами, и не могъ поэтому, ни дома, ни на большихъ революціонныхъ собраніяхъ, взять на себя инициативу дѣйствія. Необходимо было соблюдать осторожность. Чувствуя негодованіе, вполнѣ естественное въ человѣкѣ, которому уже за сорокъ лѣтъ, и которому грозятъ отнять самое ему дорогое—его безопасность и спокойствіе,—онъ съ гнѣвнымъ презрѣніемъ говорилъ себѣ,

что ничего другого нельзя и ожидать отъ такихъ людишекъ, какъ Карлъ Юнтъ, Михаэлисъ и Озипонъ.

Остановившись въ своемъ намѣреніи потушить газовый рожокъ въ лавкѣ, м-ръ Верлокъ погрузился въ бездну нравственныхъ разсужденій. Онъ сталъ судить всю компанію. Бездѣльники они, въ особенности Карлъ Юнтъ, котораго няньчила его старая подруга. Онъ когда-то сманилъ ее отъ одного друга и потомъ много разъ хотѣлъ отдѣлаться отъ нея. Но, къ счастью для Юнта, она отъ времени до времени снова къ нему возвращалась. И теперь, не будь ея, некому было бы помочь ему садиться въ омнибусъ, когда онъ отправлялся на прогулку. Когда старуха умретъ, то конецъ и Карлу Юнту, со всѣми его разрушительными теоріями. Нравственное чувство Верлока оскорблено было также оптимизмомъ Михаэлиса, который жилъ теперь на попеченіи одной богатой старой дамы. Она часто посылала его въ свой коттэджъ въ деревнѣ, и онъ цѣлыми днями ходилъ по тѣнистымъ аллеямъ, обдумывая среди пріятнаго досуга будущее человѣчества. И Озипонъ тоже умѣлъ какъ-то доставать деньги для жизненныхъ удобствъ.

Думая о нихъ, м-ръ Верлокъ прежде всего чувствовалъ зависть къ ихъ праздности. Онъ вдругъ вспомнилъ о м-рѣ Вальдерѣ, и зависть его къ его друзьямъ-революціонерамъ разгорѣлась еще сильнѣе. Хорошо имъ бездѣльничать! Они не отвѣтственны передъ ужаснымъ м-ромъ Вальдеромъ. Къ тому же, у нихъ есть женщины, заботящіяся о нихъ, а онъ, напротивъ того, имѣетъ жену, о которой онъ долженъ заботиться.

Тутъ, по простой ассоціаціи идей, м-ръ Верлокъ вспомнилъ, что пора идти спать. Онъ вздохнулъ, такъ какъ зналъ, что ему не такъ-то легко будетъ заснуть. Уже много ночей его мучила непобѣдимая безсонница. Онъ поднялъ руку и затушилъ газовый рожокъ надъ головой.

Широкая полоса свѣта проникла черезъ дверь сосѣдней комнаты въ лавку, за прилавокъ. При этомъ свѣтѣ м-ръ Верлокъ могъ пересчитать выручку. Сумма была очень небольшая, и онъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ открылъ лавку, задумался о коммерческой сторонѣ своей торговли. Результатъ подсчета оказался весьма неблагопріятнымъ. Онъ, правда, занялся торговлей не изъ коммерческихъ побужденій, а выбралъ свой родъ торговли вслѣдствіе инстинктивнаго тяготѣнія къ темнымъ промысламъ, въ которыхъ деньги достаются легко. Кромѣ того, содержа свою лавку, онъ оставался въ своей области, т.-е. подъ непосредственнымъ надзоромъ полиціи, съ которой онъ все равно

имѣлъ тайныя сношенія. Все это создавало значительныя удобства, но какъ средство къ жизни этого было недостаточно.

Онъ вынулъ шкатулку съ деньгами изъ ящика и направился уже къ себѣ наверхъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что Стэви все еще въ кухнѣ.

„Чтò это онъ тутъ дѣлаетъ? — подумалъ м-ръ Верлокъ.— Чего онъ тутъ скачетъ?“ М-ръ Верлокъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мальчика, но ничего у него не спросилъ. Всѣ разговоры м-ра Верлока съ Стэви ограничивались тѣмъ, что онъ послѣ утренняго завтрака говорилъ ему: „сапоги“,—но не въ формѣ приказа, а просто какъ сообщеніе факта, что онъ нуждается въ сапогахъ. М-ръ Верлокъ съ изумленіемъ замѣтилъ теперь, что совершенно не знаетъ, какъ говорить съ Стэви. Онъ стоялъ среди комнаты и молча глядѣлъ въ кухню. Онъ даже не зналъ, чтò могло бы произойти, если бы онъ что-нибудь сказалъ. Это вдругъ показалось очень страннымъ м-ру Верлоку, особенно въ виду того, что мальчикъ находится всецѣло на его попеченіи и живетъ на его средства. Съ этой стороны онъ до сихъ поръ никогда не смотрѣлъ на Стэви.

Онъ, положительно, не зналъ, какъ говорить съ мальчикомъ, и молча смотрѣлъ, какъ тотъ что-то бормочетъ и сильно жестикулируетъ, бѣгая вокругъ стола, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Нерѣшительное предложеніе м-ра Верлока: „Пошелъ бы ты лучше спать“—не произвело никакого впечатлѣнія. М-ръ Верлокъ пересталъ наконецъ наблюдать за страннымъ поведеніемъ мальчика и пошелъ наверхъ, держа въ рукахъ шкатулку съ деньгами. Онъ чувствовалъ страшную слабость, поднимаясь по лѣстницѣ, и это его безпокоило. Ужъ не заболѣетъ ли онъ, чего добраго? Остановившись наверху лѣстницы, чтобы оправиться, онъ услышалъ мѣрный храпъ изъ комнаты своей тещи. „Вотъ еще и о ней нужно заботиться“,—подумалъ онъ и направился въ спальню.

М-ссъ Верлокъ заснула, не затушивъ лампы, стоявшей на столикѣ у постели. Свѣтъ ярко падалъ на ея лицо съ закрытыми глазами и на черные волосы, заплетенные на ночь въ косы. Она проснулась, услышавъ нѣсколько разъ громко повторенное свое имя.

— Винни, Винни!—звалъ мужъ, наклонившись надъ нею.

Она открыла глаза и спокойно посмотрѣла на мужа, стоявшаго у постели съ шкатулкой въ рукахъ. Но когда она услышала, что братъ ея прыгаетъ по кухнѣ, она быстро соскочила съ постели и надѣла туфли.

— Я не знаю, какъ съ нимъ быть, — сказалъ м-ръ Верлокъ.—Нельзя оставить его внизу и не тушить свѣта.

Она ничего не сказала и быстро выскользнула изъ комнаты. М-ръ Верлокъ поставилъ шкатулку на столъ и сталъ ходить по комнатѣ. Подойдя къ окну, онъ поднялъ жалюзи и выглянулъ на улицу. За окномъ чувствовалась сырая, холодная ночь, грязь на улицѣ. Дома имѣли непривѣтливый, угрюмый видъ. М-ру Верлоку сдѣлалось жутко. Ему вдругъ показалось, что онъ и его близкіе могутъ очутиться выброшенными на улицу среди холода и грязи, которую онъ видѣлъ въ эту минуту передъ собою. И вдругъ передъ его глазами мелькнуло, какъ въ видѣніи, лицо м-ра Вальдера; оно казалось розовымъ пятномъ среди мрака.

Мелькнувшій на минуту образъ былъ до того ясный, что м-ръ Верлокъ отшатнулся отъ окна, и жалюзи опустились съ громкимъ шумомъ. Окаменѣвъ отъ ужаса, что такія видѣнія могутъ повториться, онъ увидѣлъ жену, вернувшуюся въ спальню, и обрадовался присутствію живого существа. М-ссъ Верлокъ удивилась, что онъ еще не легъ.

— Мнѣ нездоровится, — пробормоталъ онъ, проведя рукой по влажному отъ пота лбу.

— У тебя голова закружилась?

— Да, мнѣ очень нехорошо.

М-ссъ Верлокъ со спокойствіемъ опытной женщины предложила обычныя въ такихъ случаяхъ лекарства, но Верлокъ, не двигаясь съ мѣста, только отрицательно качалъ головой.

Наконецъ, она убѣдила его лечь въ постель, чтобы не простудиться. Чтобы вызвать ее на разговоръ, м-ръ Верлокъ спросилъ, затушила ли она газъ внизу?

— Да, затушила,—отвѣтила м-ссъ Верлокъ.—Бѣдный мальчикъ сегодня очень возбужденъ,—заговорила она послѣ короткой паузы.

М-ру Верлоку не было никакого дѣла до возбужденности Стэви, но онъ такъ боялся темноты и тишины, которая наступитъ, когда потушатъ свѣтъ, что старался затянуть разговоръ. Онъ сказалъ, что Стэви не послушался его, когда онъ послалъ его спать. М-ссъ Верлокъ, попавшись въ ловушку, стала доказывать мужу, что это не отъ непослушанія, а отъ нервности. Стэви—доказывала она—послушный и кроткій мальчикъ и пригоденъ для всякой работы; не нужно только кружить ему голову вздоромъ. М-ссъ Верлокъ старалась увѣрить мужа, что Стэви— полезный членъ семьи, и страстное желаніе защитить мальчика, къ которому она чувствовала болѣзненную жалость съ самаго

дѣтства, возбуждало ее. Глаза ея сверкали темнымъ блескомъ, и она казалась прежней молоденькой Винни того времени, когда мать ея сдавала комнаты жильцамъ. М-ръ Верлокъ не слушалъ словъ ея. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ собственной тревогой, и голосъ ея доходилъ до него какъ бы изъ-за плотной стѣны. Но видъ ея пробуждалъ его отъ кошмара. Онъ былъ привязанъ къ этой женщинѣ,—и это чувство только усиливало теперь его душевныя муки. Когда она замолкла, ему снова сдѣлалось страшно, и онъ сказалъ:

— Мнѣ очень нездоровится послѣдніе дни.

Можетъ быть, эти слова были вступленіемъ къ полной исповѣди, но м-ссъ Верлокъ слишкомъ занята была мыслью о братѣ, и продолжала говорить о немъ.

— Онъ слишкомъ много слышитъ того, чтò не слѣдуетъ. Если бы я знала, что они сегодня придутъ, я бы его услала спать, когда пошла сама. Онъ что-то слышалъ о томъ, что ѣдятъ мясо людей и пьютъ ихъ кровь, и теперь внѣ себя. Зачѣмъ болтать такой вздоръ?!

Въ голосѣ ея послышалось возмущеніе. М-ръ Верлокъ окончательно оправился.

— Спроси Карла Юнта, — сказалъ онъ.

М-ссъ Верлокъ рѣшительно заявила, что Карлъ Юнтъ—противный старикъ. Она призналась въ симпатіи къ Михаэлису. Объ Озипонѣ она ничего не сказала; она чувствовала что-то пугающее за его каменнымъ спокойствіемъ. Продолжая говорить о братѣ, который былъ въ теченіе стольких лѣтъ предметомъ ея попеченія, она сказала:

— Ему нельзя слушать того, чтò здѣсь говорится. Онъ думаетъ, что все это правда, и совершенно съ ума сходитъ.

М-ръ Верлокъ ничего не отвѣтилъ.

— Онъ посмотрѣлъ на меня, точно не зналъ, кто я. Сердце его стучало какъ молотокъ. Онъ не виноватъ, что у него такая повышенная чувствительность. Я разбудила маму и просила ее посидѣть съ нимъ, пока онъ заснетъ. Онъ не виноватъ. Онъ совсѣмъ кроткій, если его оставить въ покоѣ.

М-ръ Верлокъ и на это ничего не сказалъ.

— Напрасно его посылали учиться въ школу,—снова заговорила м-ссъ Верлокъ.—Онъ беретъ газеты изъ витрины и читаетъ ихъ. А потомъ у него лицо красное отъ возбужденія. Мы не продаемъ и двѣнадцати нумеровъ въ годъ. Онѣ напрасно занимаютъ мѣсто въ витринѣ. А м-ръ Озипонъ приноситъ каждую недѣлю кипы брошюрокъ „Б. П.“ и говоритъ, чтобы ихъ про-

давать по полъ-пенни. А по-моему, такъ не стоитъ дать полъ-пенни за все. Глупое это чтеніе! На дняхъ, Стэви взялъ одну изъ этихъ брошюрокъ. Тамъ говорилось о нѣмецкомъ офицерѣ, который чуть не оторвалъ ухо у рекрута, и за это ему не было никакого наказанія. Въ тотъ день я ничего не могла подѣлать съ Стэви. Да вѣдь и правда: отъ такихъ исторій кипитъ кровь. И зачѣмъ печатать такія извѣстія? Здѣсь вѣдь не Пруссія. Какое же намъ дѣло до нихъ?

М-ръ Верлокъ ничего не отвѣтилъ.

— Мнѣ пришлось отнять у него кухонный ножъ,—продолжала м-ссъ Верлокъ уже слегка соннымъ голосомъ.—Онъ кричалъ, рыдалъ, топалъ ногами. Онъ не выноситъ никакой жестокости. Онъ закололъ бы офицера, какъ поросенка, если бы увидалъ его. Да и дѣйствительно, бываютъ люди, которыхъ нельзя жалѣть.

М-ссъ Верлокъ замолкла, и глаза ея стали смыкаться.

— Тебѣ лучше?—спросила она слабымъ голосомъ мужа.— Не затушить ли свѣтъ?

Въ страхѣ передъ наступающей темнотой и безсонницей, м-ръ Верлокъ не могъ сразу отвѣтить. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе.

— Затуши,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Съ англійск. З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—Изъ Теннисона.

Глубокъ покровъ сѣдыхъ снѣговъ,
И вѣтеръ медленно несетъ
Протяжный звонъ колоколовъ.
И этотъ звонъ теперь поетъ,
Что умираетъ Старый Годъ.

О, Старый Годъ, ты не умрешь!
Я помню часъ... Тебя я ждалъ,
И ты пришелъ и счастье далъ...
О, Старый Годъ, ты не уйдешь!

Но тихо замеръ онъ, и день,
Который снова здѣсь блеснетъ,
Увидитъ лишь нѣмую тѣнь
Того, кто звался Старый Годъ;
А Новый... Новый все возьметъ.

Возьметъ друзей, возьметъ любовь,
Возьметъ расцвѣтшія мечты,
И тихимъ свѣтомъ красоты
Не озаритъ мой вечеръ вновь.

О, старый другъ, твой гаснетъ взоръ!
Улыбка блѣдныхъ губъ хранитъ,
Увы, слабѣющій укоръ
Тому, кто такъ сюда спѣшитъ
Черезъ покрытый снѣгомъ дворъ.

...Вотъ онъ у двери... тихо ждетъ.
Ударъ... бьетъ полночь!.. О, теперь
Я самъ тебѣ открою дверь,
Пришелецъ чуждый, Новый Годъ!

II.—Гимнъ.

— Hymn, by Edgar A. Poe.

Заутро, въ полдень ли, иль въ сумеречный часъ,
Услышь, Марія Дѣва, скорбный гласъ.
Въ добрѣ и злѣ, въ враждѣ иль горѣ, будь
Со мною Ты и направляй мой путь.
И въ часъ, когда печали въ сердцѣ нѣтъ,
И въ небесахъ разлитъ волшебный свѣтъ,
Моя душа Твоею добротой
Пусть вознесется въ Твой чертогъ святой.
Но, какъ теперь, когда проходятъ дни
Въ грозящей и нерадостной тѣни,
И въ смутномъ прошломъ ловитъ слабый взоръ
Сомнѣнія, страданья и укоръ,
Пусть оживу я въ тягостной борьбѣ
Надеждами Твоими—о Тебѣ.

К. А.

ВОЗВРАЩЕНІЕ

КЪ

ВЫБОРНОМУ МИРОВОМУ СУДУ

Неожиданно отмѣненный девятнадцать лѣтъ тому назадъ, внѣ обычнаго законодательнаго порядка, нѣсколькими едва мотивированными словами, мировой судъ возрождается, повидимому, къ новой жизни. Предрѣшеннымъ представляется не только возстановленіе мировыхъ судей, но и возвращеніе (въ земскихъ губерніяхъ) къ выбору ихъ общественными учрежденіями. Отъ системы назначенія мировыхъ судей отказывается само правительство, не встрѣчая, въ этомъ отношеніи, настойчивыхъ возраженій ни со стороны второй Государственной Думы, ни со стороны судебной коммиссіи, выбранной третьею Думой. Увѣренности въ томъ, что восторжествуетъ выборное начало, нельзя, однако, имѣть и теперь. Въ печати не перестаютъ появляться статьи, направленныя противъ выбора мировыхъ судей [1]— и авторами ихъ являются, большею частью, такія лица, преданность которыхъ лучшимъ традиціямъ нашего судебнаго міра стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Нельзя, поэтому, пройти мимо приводимыхъ ими аргументовъ. Весьма возможно, что они найдутъ отголосокъ и въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ.

Напомнимъ, прежде всего, что споръ о преимуществахъ выбора или назначенія мировыхъ судей возникъ у насъ еще въ то время, когда существовалъ созданный уставами 1864-го года мировой судъ. Возставалъ противъ выбора судей, между прочимъ, П. Н. Обнинскій, не имѣвшій ничего общаго съ надвигавшейся реакціей. Онъ нако-

[1] См., напр., въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ статьи г. Давыдова (1907 г., № 33) и г. S. (1908 г., № 4).

дилъ, что выборный мировой судъ очень скоро пересталъ оправдывать ожиданія, съ которыми его встрѣтило русское общество. Причину его вырожденія П. Н. Обнинскій видѣлъ отчасти въ неудовлетворительномъ составѣ учрежденій, выбирающихъ мировыхъ судей, отчасти — въ недостаточности знаній, которыми обладаютъ выборные мировые судьи. Выборъ, поэтому, долженъ уступить мѣсто назначенію, необходимымъ условіемъ котораго должно быть признано высшее юридическое образованіе. Возражая, въ свое время, П. Н. Обнинскому [1]), мы старались показать, что надежды, возлагаемыя имъ на назначенныхъ мировыхъ судей, нимало не подтверждаются опытомъ западныхъ губерній и другихъ мѣстностей, гдѣ должность мирового судьи всегда замѣщалась по назначенію. „Если выборный мировой судъ конца восьмидесятыхъ годовъ значительно уступаетъ выборному мировому суду первыхъ временъ реформы, то не раздѣляетъ ли онъ—спрашивали мы—судьбу всѣхъ другихъ судебныхъ учрежденій? Увѣренъ ли П. Н. Обнинскій, что мѣста мировыхъ судей, при замѣщеніи ихъ высшей судебной администраціей, будутъ доставаться именно тѣмъ, для кого онъ о нихъ мечтаетъ—молодымъ людямъ, только-что окончившимъ университетскій курсъ, полнымъ любви къ дѣлу и желанія служить народу? Увѣренъ ли онъ въ томъ, что эти качества—если и допустить ихъ наличность въ каждомъ назначенномъ мировомъ судьѣ—устоятъ противъ соприкосновенія съ провинціальной жизнью? Гдѣ основаніе думать, что назначенный мировой судья станетъ ближе къ народу, чѣмъ къ такъ называемому обществу? Судебные слѣдователи *назначаются* обыкновенно именно изъ числа молодыхъ юристовъ — а многимъ ли отличается, въ большинствѣ случаевъ, ихъ образъ жизни отъ образа жизни другихъ должностныхъ лицъ?... Положимъ, что выборный мировой судья сбивается иногда съ прямой дороги вслѣдствіе опасенія возбудить противъ себя вліятельныхъ избирателей; а для назначеннаго мирового судьи развѣ безразлично мнѣніе мѣстныхъ „тузовъ", облеченныхъ или не облеченныхъ властью"?... Признавая всю важность юридическаго образованія, мы указывали на то, что для увеличенія числа мировыхъ судей, удовлетворяющихъ этому условію, достаточно было бы признать образовательный цензъ восполняющимъ недостатокъ или отсутствіе имущественнаго ценза. По поводу отдѣльныхъ фактовъ, которыми П. Н. Обнинскій мотивировалъ свое отрицательное отношеніе къ выборнымъ судьямъ, мы замѣчали, что ихъ слишкомъ мало и характеръ ихъ слишкомъ частный, слишкомъ случайный, чтобы можно было строить на нихъ какой-ни-

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1888 г., стр. 808—812.

будь общій выводъ. Нѣтъ такого учрежденія, представители котораго всегда и вездѣ стояли бы на высотѣ своего призванія.

Сказанное нами двадцать лѣтъ тому назадъ можетъ служить отвѣтомъ на тѣ новѣйшія нападки противъ выборнаго мирового суда, которыя повторяютъ, въ существенномъ и главномъ, аргументацію П. Н. Обнинскаго; но къ стѣнобитнымъ орудіямъ, заимствованнымъ изъ стараго арсенала, присоединено, въ послѣднее время, немало новыхъ. Выборный мѣстный судъ — утверждаютъ его противники — осужденъ и теоріей, и практикой: его нѣтъ въ самыхъ культурныхъ государствахъ, онъ не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ правосудія. Если онъ давалъ когда-то хорошіе результаты на русской почвѣ, то это объясняется обстоятельствами, болѣе не существующими. Ореолъ, окружавшій его въ шестидесятыхъ годахъ, давно исчезъ и вновь появиться не можетъ. Лучшія мѣстныя силы могутъ быть привлекаемы въ составъ мѣстнаго суда и при назначеніи мировыхъ судей. Нѣтъ, въ добавокъ, основанія утверждать, что хорошими мировыми судьями могутъ быть только мѣстные люди. Степень независимости судей обусловливается не избраніемъ или назначеніемъ, а общимъ политическимъ положеніемъ страны. Назначенному судьѣ грозитъ, притомъ, только смѣщеніе съ должности путемъ дисциплинарнаго или уголовнаго производства, а выборному, кромѣ того—забаллотированіе избирателями, по окончаніи выборнаго срока. Говорятъ о разладѣ, существующемъ теперь между правительствомъ и обществомъ и уменьшающемъ шансы довѣрія къ *назначенному* судьѣ; но вѣдь этотъ разладъ не будетъ же продолжаться вѣчно — а преобразованію мѣстнаго суда никто не предлагаетъ дать характеръ временной мѣры... Въ эпоху великихъ реформъ не было еще рѣзкой диференціаціи общества на классы и на враждующія партіи, посреди которыхъ очутились бы теперь выборные судьи. Самое земство было тогда болѣе демократично. За избраніе мировыхъ судей нынѣшними земскими собраніями и городскими думами не рѣшаются подать голосъ даже самые горячіе приверженцы выборнаго начала: они желаютъ предоставить его *демократизированному* мѣстному самоуправленію, а пока оно имѣется лишь въ мечтахъ — особымъ избирательнымъ коллегіямъ, составъ которыхъ остается неопредѣленнымъ. Всѣ эти доводы, вмѣстѣ взятые, признаются достаточными для устраненія всякой мысли о выборномъ мировомъ судѣ.

Что мѣстный судъ, въ значительно бо̀льшей части государствъ, получаетъ свои полномочія не отъ населенія, а отъ правительственной власти—это было хорошо извѣстно составителямъ нашихъ судебныхъ уставовъ; тѣмъ не менѣе они рѣшились идти не торной дорогой, а своеобразнымъ путемъ, болѣе подходящимъ къ условіямъ времени и

мѣста. Опытъ двухъ десятилѣтій доказалъ, что они не ошиблись. Изъ всѣхъ учрежденій, созданныхъ судебной реформой, наибольшую популярность пріобрѣлъ именно выборный мировой судъ. Вдвинутый въ самый центръ народной жизни, онъ отвѣтилъ на ея настоятельные запросы и ввелъ въ ея обиходъ новыя понятія о правосудіи и законѣ. Не обошлось, конечно, и безъ разочарованій, неизбѣжныхъ въ эпоху застоя и послѣдовавшаго затѣмъ регресса. Доброе имя мирового суда выдержало, однако, и этотъ искусъ. Память о мировомъ судѣ, какъ о чемъ-то свѣтломъ и отрадномъ, дошла до нашихъ дней. Этому способствовала, отчасти, дѣятельность земскихъ начальниковъ, вся проникнутая пренебреженіемъ къ праву: слишкомъ выгодно для прошлаго было сравненіе его съ такимъ настоящимъ. Какъ бы то ни было, на сторонѣ мирового суда остается сочувствіе массы населенія— а съ этимъ факторомъ нельзя не считаться: онъ создаетъ атмосферу, благопріятную для успѣха реформы. Не менѣе важно вліяніе традиціи на самихъ судей: сознаніе преемственности должно возбудить въ нихъ стремленіе къ той высотѣ, на которой стояли ихъ предшественники.

Мировой судъ долженъ быть близокъ къ населенію: нельзя, слѣдовательно, у насъ въ Россіи, при громадности разстояній и разбросанности населенія, сосредоточивать его въ городахъ, хотя бы и съ присоединеніемъ къ нимъ самыхъ крупныхъ селъ, посадовъ и мѣстечекъ. Большинству мировыхъ судей приходится жить въ усадьбахъ, раскинутыхъ по разнымъ концамъ уѣзда, или въ небольшихъ сельскихъ поселеніяхъ. Съ наибольшею легкостью и наибольшимъ удобствомъ могутъ приспособиться къ этой необходимости „мѣстные люди", имѣющіе осѣдлость въ предѣлахъ мирового участка или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ. Отсюда и проистекло то постановленіе судебныхъ уставовъ, въ силу котораго мировые судьи должны быть избираемы изъ числа мѣстныхъ жителей. Мѣстный житель извѣстенъ широкимъ слоямъ мѣстнаго населенія; на немъ, если онъ пользуется довѣріемъ и удовлетворяетъ требованіямъ закона, сравнительно легко могутъ сойтись голоса избирателей. Гораздо труднѣе ожидать, что его отыщетъ среди множества кандидатовъ и именно на немъ остановится высшая судебная администрація. Для нея всего удобнѣе руководствоваться свѣдѣніями, получаемыми отъ ея мѣстныхъ представителей или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, отъ должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ (напр. отъ губернатора или предводителя дворянства). Если бы законъ и рекомендовалъ назначеніе судьи изъ среды мѣстныхъ жителей, то это условіе нетрудно было бы обойти, признавъ, что между ними нѣтъ подходящихъ кандидатовъ на судейскую должность. Назначенный со стороны судья, въ особенности если на его долю достанется отдаленный участокъ и мало комфортабельная резиденція, неизбѣжно будетъ

считать свое положеніе временнымъ, переходнымъ и съ нетерпѣніемъ ожидать желанной перемѣны. Аналогичной точки зрѣнія будутъ держаться и многіе мѣстные жители, назначенные мировыми судьями. Состоя на государственной службѣ, они будутъ думать о повышеніи и тяготиться долговременнымъ пребываніемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Совершенно иначе, какъ показываетъ опытъ, относится къ своему положенію большинство выборныхъ мировыхъ судей. Тѣсно связанные съ своею мѣстностью, они не стремятся промѣнять ее на городъ; стоя внѣ служебной іерархіи, они не мечтаютъ о восхожденіи по лѣстницѣ чиновъ и званій. Кто живалъ въ провинціи до упраздненія мирового суда, тотъ знаетъ, сколько мировыхъ судей сохраняли свои мѣста въ теченіе цѣлаго ряда трехлѣтій, не дѣлая никакой попытки „перемѣнить участь", довольствуясь скромной, но живой работой. Немало такихъ ветерановъ найдется и теперь между мировыми судьями въ столицахъ и другихъ городахъ, гдѣ сохранился выборный мировой судъ.

Больше чѣмъ когда-либо избраніе мировыхъ судей изъ среды мѣстныхъ жителей желательно именно теперь, въ виду предположеннаго упраздненія волостныхъ судовъ и передачи всѣхъ подсудныхъ имъ дѣлъ въ вѣдѣніе мирового суда. Мировымъ судьямъ придется сравнительно часто руководствоваться обычаемъ, еще чаще — принимать въ соображеніе характерныя черты мѣстнаго быта, невѣдомыя или непонятныя для постороннихъ наблюдателей. Большую службу можетъ сослужить мировому судьѣ и знаніе людей, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ—а такое знаніе пріобрѣтается нескоро. Для члена окружного суда или судебной палаты оно немыслимо, въ виду обширности и населенности районовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общихъ судебныхъ мѣстъ; да оно и не такъ здѣсь нужно, въ виду характера юридическихъ отношеній, съ которыми приходится имѣть дѣло общимъ судамъ. Для мирового судьи оно и доступно, и чрезвычайно важно; чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ только припомнить, какую крупную роль играютъ въ мировомъ судѣ свидѣтельскія показанія (по дѣламъ гражданскимъ), сравнительно рѣдкія въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Что выборный судья, переставшій пользоваться довѣріемъ избирателей, безъ всякаго труда можетъ быть удаленъ ими, по окончаніи выборнаго срока, отъ занимаемой имъ должности—это безспорно; но статистическія данныя удостовѣряютъ, что на самомъ дѣлѣ возобновленіе полномочій однажды избраннаго судьи является скорѣе общимъ правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Упомянутый уже нами фактъ долговременнаго служенія выборныхъ мировыхъ судей объясняется, очевидно, не только готовностью судьи продолжать свою дѣятельность, но и готовностью избирателей сохранять судейское мѣсто за лицомъ,

его занимающимъ. Неудобства, связанныя съ краткостью срока службы, могутъ быть—какъ мы увидимъ ниже—значительно смягчены увеличеніемъ этого срока. Возможно также и бо̀льшее огражденіе выборныхъ судей отъ административнаго давленія. Независимости судей угрожаетъ, притомъ, не одинъ только дамокловъ мечъ удаленія отъ должности: еще опаснѣе, быть можетъ, другіе, менѣе открытые способы воздѣйствія—напр. обѣщаніе награды или перевода на высшую должность. Такому воздѣйствію выборные мировые судьи подлежатъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ назначенные, именно потому, что они стоятъ въ сторонѣ отъ торной чиновнической дороги.

Для мирового суда, близкаго къ населенію, особенно необходима нравственная съ нимъ связь, особенно необходимо его довѣріе. Въ настоящую минуту назначеннымъ судьямъ было бы несравненно труднѣе пріобрѣсти это довѣріе, чѣмъ выборнымъ. Слишкомъ свѣжо было бы воспоминаніе о земскихъ начальникахъ, должность которыхъ замѣщалась по назначенію. Болѣе чѣмъ вѣроятно, притомъ, что значительная часть новыхъ судейскихъ должностей досталась бы, при системѣ назначенія, именно бывшимъ земскимъ начальникамъ, которыхъ очень трудно было бы иначе устроить. Что въ широкихъ кругахъ общества, да и въ массѣ населенія, глубоко укоренилось отрицательное отношеніе къ власти — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Конечно, настанетъ время, когда возьмутъ верхъ другія чувства; но ничто, покамѣстъ, не предвѣщаетъ его приближенія — а судьба учрежденія въ значительной степени предрѣшается именно первыми годами его существованія. Если бы вокругъ имени мирового суда успѣла сгуститься хотя бы часть того odium'а, который окружаетъ имя земскихъ начальниковъ, это сильно затруднило бы всю послѣдующую дѣятельность мировыхъ судей... Стараясь поразить своихъ противниковъ на ихъ собственной почвѣ, защитники назначенія спрашиваютъ ихъ, почему же они не домогаются распространенія выборнаго начала на всѣхъ вообще судей, на все судебное вѣдомство? На этотъ вопросъ очень удачно отвѣтилъ г. Имшенецкій („Московскій Еженедѣльникъ" 1907 г., № 38): онъ указалъ, что общія судебныя мѣста устроены коллегіально, дѣйствуютъ подъ постояннымъ контролемъ сторонъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ обязательна большая техническая подготовка, необходимо такъ называемое „судейское воспитаніе". Прибавимъ къ этому, что общіе суды работаютъ, бо̀льшею частью, при свѣтѣ гласности, очень слабо проникающемъ въ сельскія захолустья. Замѣнить его хоть отчасти можетъ только вниманіе населенія къ дѣятельности его избранниковъ.

Мы дошли теперь до самаго крупнаго камня преткновенія, лежащаго на пути къ введенію выборнаго мирового суда. Положеніе Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелое, усложняется тѣмъ, что при-

ходится одновременно пролагать совершенно новые пути, разрѣшать совершенно новые вопросы — и возстановлять учрежденія, испорченныя или уничтоженныя во время безпощадной реакціи конца прошлаго вѣка. Эти учрежденія, притомъ, чрезвычайно тѣсно связаны между собою. Нужно многое, очень многое сдѣлать *сразу*. Настоятельно необходима коренная реформа мѣстнаго суда, въ смыслѣ возвращенія къ выборному началу; но единственной прочной для нея основой можетъ служить земское и городское самоуправленіе, поставленное на широкую почву и освобожденное отъ болѣзненныхъ новообразованій. При нормальныхъ условіяхъ порядокъ исполненія преобразовательной работы опредѣлялся бы самъ собою: изданіе новыхъ положеній земскаго и городского предшествовало бы изданію новаго закона о мѣстномъ судѣ, съ возможно бо̀льшимъ сокращеніемъ промежутка времени между обоими законодательными актами. Теперь этотъ порядокъ оказывается непримѣнимымъ. Проектъ закона о мѣстномъ судѣ не только внесенъ въ третью Государственную Думу, но и разсмотрѣнъ, весь или почти весь, избранною изъ ея среды судебною коммиссіею; ничто не мѣшаетъ его дальнѣйшему движенію. Проекты положеній земскаго и городского еще не изготовлены правительствомъ; составленныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ правила о выборѣ земскихъ гласныхъ разсматриваются теперь совѣтомъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, усиленнымъ уполномоченными отъ губернскихъ земскихъ собраній; окончательное редактированіе ихъ потребуетъ, по всей вѣроятности, немало времени, и только затѣмъ начнется обсужденіе ихъ Государственною Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Имѣются, правда, на лицо обстоятельные проекты земской и городской реформы, составленные партіей народной свободы; но при нынѣшнемъ составѣ и настроеніи Государственной Думы нельзя ожидать, чтобы они были положены ею въ основаніе ея работы. Отсюда возникаетъ вопросъ, желательно ли, цѣлесообразно ли введеніе выборнаго мирового суда, пока неизвѣстно, каковъ будетъ составъ обновленнаго мѣстнаго самоуправленія?

Что земство шестидесятыхъ годовъ было сравнительно мало проникнуто классовыми интересами, что партійная борьба, теперь разгорѣвшаяся съ такою силой, тогда почти не существовала—это безспорно. И въ то время, однако, можно было опасаться, что судьямъ, выбраннымъ преимущественно изъ среды бывшихъ помѣщиковъ, выбраннымъ собраніями, въ которыхъ рѣшающій голосъ почти всегда принадлежалъ представителямъ той же среды, трудно будетъ охранять интересы народной массы въ такой же мѣрѣ, какъ и интересы привилегированнаго меньшинства. Опасенія эти, говоря вообще, не оправдались: иначе не возникло бы, въ дворянскихъ сферахъ, теченіе,

враждебное мировому суду—теченіе, приведшее, въ концѣ концовъ, къ замѣнѣ его институтомъ земскихъ начальниковъ. Было, очевидно, что-то нравственно обязывающее въ самомъ принципѣ, положенномъ въ основу мирового суда. Сознавая себя избранниками всѣхъ слоевъ населенія, мировые судьи затруднялись давать волю своимъ классовымъ инстинктамъ. Повторялось, mutatis mutandis, то явленіе, которое еще недавно можно было наблюдать при сравненіи губернскихъ земскихъ собраній съ дворянскими: во многомъ сходныя между собою по составу, они шли по совершенно различнымъ дорогамъ, именно потому, что въ земствѣ дворяне невольно чувствовали себя солидарными не столько съ своимъ сословіемъ, сколько со всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ. Почти безслѣдно, въ этомъ отношеніи, прошла даже земская реформа 1890-го года, хотя она и усилила преобладаніе дворянскаго элемента. Года три тому назадъ мысль о возвращеніи земству права избранія мировыхъ судей не возбуждала бы, поэтому, серьезныхъ сомнѣній. Теперь, къ несчастію, положеніе дѣлъ сильно измѣнилось. Большинствомъ земскихъ собраній овладѣлъ узкосословный духъ, который неизбѣжно отразился бы и на избранныхъ ими мировыхъ судьяхъ — отразился бы быть можетъ, подъ вліяніемъ чувства судейскаго долга, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, но во всякомъ случаѣ на столько рѣзко, чтобы поколебать довѣріе къ суду. Между тѣмъ, какъ уже замѣчено выше, судьба учрежденія въ значительной степени зависитъ отъ первыхъ шаговъ его. Чрезвычайно важно, чтобы новые выборные судьи сразу показали себя достойными преемниками прежнихъ, чтобы не было перерыва въ традиціи, составляющей главную силу мирового суда.

Что̀ же, съ нашей точки зрѣнія, слѣдуетъ дѣлать? Отложить реформу мѣстнаго суда до реформы мѣстнаго самоуправленія? Нѣтъ; это значило бы замедлить на неопредѣленное время вполнѣ назрѣвшую перемѣну, продливъ существованіе постылаго института земскихъ начальниковъ. Можно ли, притомъ, быть увѣреннымъ, что новое земство будетъ существенно отличаться отъ нынѣшняго? Проектъ октябристовъ, о которомъ шла рѣчь въ мартовской общественной хроникѣ нашего журнала, говоритъ скорѣе за отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Чѣмъ скорѣе будетъ призванъ къ жизни правильно поставленный выборный мѣстный судъ, тѣмъ больше шансовъ, что правильно будетъ проведена земская и городская реформа. Очевидность возьметъ свое: если не для всѣхъ, то для многихъ станетъ ясно, что учрежденія, отъ которыхъ будетъ зависѣть составъ мѣстнаго суда, должны стоять одинаково близко ко всѣмъ слоямъ населенія. Мы присоединяемся, поэтому, къ мнѣнію коммиссіи второй Государственной Думы, которая, единогласно находя невозможнымъ поручить вы-

боръ мировыхъ судей нынѣшнимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, предлагала избирать ихъ, впредь до реформы мѣстнаго самоуправленія, въ особо для того образованныхъ коллегіяхъ (о составѣ этихъ коллегій въ докладѣ коммиссіи не сказано ничего, такъ какъ ея задача исчерпывалась, на первый разъ, установленіемъ основныхъ началъ, на которыхъ долженъ быть построенъ преобразованный мѣстный судъ). Образцомъ для такихъ коллегій могли бы послужить окружныя избирательныя собранія, существующія теперь въ области войска Донского. Созданныя въ 1883 г., когда въ области было пріостановлено дѣйствіе земскихъ учрежденій, они состоятъ изъ гласныхъ, избираемыхъ землевладѣльцами, торговымъ сословіемъ, городами (Ростовомъ и Таганрогомъ) и обществами — станичными, сельскими и калмыцкими. Большинство нигдѣ не принадлежитъ землевладѣльцамъ; въ пяти округахъ число представителей отъ землевладѣльцевъ меньше, чѣмъ число представителей отъ однихъ станичныхъ обществъ, въ двухъ округахъ — меньше чѣмъ число представителей отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ, вмѣстѣ взятыхъ, и только въ одномъ (донецкомъ) — равно числу всѣхъ остальныхъ гласныхъ. На аналогичныхъ основаніяхъ, но еще болѣе обезпечивающихъ права и интересы массы, могли бы быть организованы повсемѣстно временныя собранія для выбора мировыхъ судей.

Въ настоящую минуту образованіе такихъ собраній имѣло бы еще одну хорошую сторону: оно позволило бы ввести выборный мировой судъ одновременно во всей Россіи, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ онъ пока немыслимъ въ виду малокультурности и рѣдкости населенія. Министерство юстиціи предлагаетъ ввести выборный судъ въ губерніяхъ земскихъ и сохранить его, на существующихъ теперь основаніяхъ, въ области войска Донского, а въ губерніяхъ западныхъ, астраханской, оренбургской и ставропольской — допустить временно, впредь до введенія тамъ общихъ земскихъ учрежденій, назначеніе мировыхъ судей. Коммиссія второй Думы, относясь вообще отрицательно къ правительственному назначенію мировыхъ судей, нашла, что вопросъ о распространеніи сферы дѣйствій выборнаго мирового суда долженъ быть поставленъ на очередь послѣ того какъ будутъ установлены основныя положенія реформы и дѣло дойдетъ до способовъ ея осуществленія. Мы думаемъ, что ничто не мѣшаетъ разрѣшить этотъ вопросъ уже теперь, въ указанномъ нами смыслѣ. Только такимъ образомъ можно будетъ избѣжать назначенія множества мировыхъ судей, которыхъ потомъ пришлось бы замѣнять выборными. Министерство юстиціи — читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ правительственному проекту—„признаетъ для себя весьма затруднительнымъ принимать на себя отвѣтственность за назначеніе

единоличныхъ судей, въ виду невозможности всегда имѣть достаточныя свѣдѣнія о кандидатахъ на эту должность". Главнымъ источникомъ затрудненій министерство признаетъ, правда, значительность числа единоличныхъ судей, которыхъ ему довелось бы назначать, если бы назначеніе было принято за общее правило; но и въ тѣхъ губерніяхъ, къ которымъ министерскій проектъ примѣняетъ принципъ назначенія, мировыхъ судей будетъ немало, и собрать о нихъ „достаточныя свѣдѣнія" окажется дѣломъ далеко не легкимъ. А мировые судьи въ Прибалтійскомъ краѣ, въ архангельской губерніи, въ царствѣ Польскомъ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Сибири? Вѣдь во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ существуютъ мировые судьи, назначаемые правительствомъ, и, значитъ, есть поводъ думать, что и о нихъ, въ моментъ назначенія, министерство во многихъ случаяхъ не имѣетъ „достаточныхъ свѣдѣній". Тѣ политическія соображенія, которыя препятствовали до сихъ поръ примѣненію выборнаго начала къ окраинамъ государства, потеряли—или должны потерять—свою силу со вступленіемъ Россіи въ новый періодъ своей жизни. Повсемѣстное введеніе мѣстнаго самоуправленія—только вопросъ времени. Первымъ шагомъ къ этой конечной цѣли было бы повсемѣстное открытіе избирательныхъ собраній для выбора мировыхъ судей.

Перейдемъ теперь къ проектируемой организаціи выборнаго мирового суда. Первоначально министерство юстиціи предполагало поднять образовательный цензъ мировыхъ судей, требуя отъ нихъ высшаго юридическаго образованія (по учрежденію судебныхъ установленій достаточнымъ считалось среднее образованіе, да и его могла замѣнить трехлѣтняя служба въ должностяхъ, знакомящихъ съ производствомъ судебныхъ дѣлъ), и понизить имущественный земельный цензъ, приравнявъ его къ тому количеству десятинъ, которое даетъ право на непосредственное участіе земскихъ гласныхъ (учрежденіе судебныхъ установленій требовало вдвое бо̀льшаго количества десятинъ). Рядомъ съ цензомъ по владѣнію проектъ ставилъ цензъ по уплатѣ квартирнаго налога (начиная съ десятаго разряда). Избраніе лицъ, получившихъ образованіе среднее или хотя бы и высшее, но не юридическое, а также лицъ, обладающихъ служебнымъ цензомъ или доказавшихъ, путемъ испытанія, свою подготовленность къ исполненію судейскихъ обязанностей, допускалось проектомъ только на случай недостатка лицъ, удовлетворяющихъ нормальнымъ требованіямъ, и притомъ подъ условіемъ вдвое бо̀льшаго имущественнаго ценза. Установлялось, далѣе, что при единогласіи избирателей въ мировые судьи

могутъ быть избираемы лица, не имѣющія надлежащаго возрастнаго (25 лѣтъ), образовательнаго и имущественнаго ценза. Для избранія лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, но не имѣющихъ ценза возрастнаго или имущественнаго, достаточнымъ признавалось большинство двухъ третей избирательныхъ голосовъ. Переизбираемы на слѣдующіе сроки всѣ такія лица могли быть простымъ большинствомъ голосовъ. Коммиссія второй Думы высказалась противъ всякаго имущественнаго ценза. Придавая первостепенное значеніе высшему юридическому образованію, она нашла, что лица, получившія только среднее образованіе, могутъ быть избираемы въ мировые судьи не иначе, какъ квалифицированнымъ большинствомъ голосовъ.

Внося проектъ о реформѣ мѣстнаго суда въ третью Государственную Думу, министръ юстиціи въ значительной мѣрѣ отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ предположеній. Имущественный цензъ не только сохраняется, но значительно повышается. Вмѣсто количества десятинъ онъ опредѣляется цифрою налога: право быть избраннымъ въ мировые судьи обусловливается уплатою земскихъ сборовъ въ суммѣ не менѣе ста рублей, тогда какъ по проекту земской реформы, составленному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, право непосредственнаго участія въ выборѣ гласныхъ предоставляется всѣмъ платящимъ не менѣе 25 рублей. Къ этой суммѣ министру юстиціи, если бы онъ остался вѣрнымъ своей исходной точкѣ, и слѣдовало пріурочить право быть избраннымъ въ мировые судьи. Новое свое рѣшеніе онъ мотивируетъ сравненіемъ числа десятинъ, которому соотвѣтствуетъ земскій сборъ въ 25 руб., съ числомъ десятинъ, требуемыхъ отъ мирового судьи дѣйствующимъ закономъ [1]). Но вѣдь рѣчь идетъ не о настоящемъ, а о будущемъ; именно его имѣло въ виду министерство юстиціи, когда, въ своемъ первоначальномъ проектѣ, понижало имущественный цензъ, требуемый отъ мирового судьи. Если бы оно не нашло нужнымъ замѣнить подесятинный цензъ цензомъ налоговымъ, то съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго земскаго положенія, составленнаго согласно съ мнѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, число лицъ, могущихъ занять должность мирового судьи, возрасло бы весьма значительно; теперь, наоборотъ, его предполагается весьма значительно уменьшить. Къ тому же результату ведутъ и другія перемѣны, внесенныя министерствомъ юстиціи въ первоначальный его проектъ. Цензъ мирового судьи, по этому проекту, могъ заключаться въ не-

---

[1]) По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, земскій сборъ въ 25 рублей соотвѣтствуетъ, приблизительно, владѣнію 50—100 десятинами. Земельный цензъ мирового судьи колеблется теперь между 250 и 1.600 десятинами. Министерство юстиціи выводитъ отсюда, что требованіе отъ мирового судьи платежа вчетверо превышающаго сумму въ 25 рублей должно быть признано весьма умѣреннымъ.

земельномъ недвижимомъ имуществѣ, оцѣненномъ (все равно, въ городѣ ли оно лежитъ или въ уѣздѣ) въ 7.500 рублей, а въ столицахъ— въ 15.000 рублей; по новому проекту неземельное имущество въ уѣздѣ можетъ служить цензомъ только при платежѣ съ него земскаго сбора въ суммѣ не менѣе ста рублей (что̀ предполагаетъ, конечно, цѣнность имущества гораздо бо̀льшую, чѣмъ 7.500 рублей), неземельное имущество въ городѣ—при оцѣнкѣ въ 15.000 рублей, неземельное имущество въ столицѣ—при оцѣнкѣ въ 30.000 рублей... По смыслу первоначальнаго проекта (не расходившагося, въ этомъ отношеніи, съ учрежденіемъ судебныхъ установленій), земля, составляющая цензъ мирового судьи, могла находиться въ какой угодно мѣстности Россіи; теперь министерство юстиціи считаетъ нужнымъ, чтобы она находилась именно въ губерніи, гдѣ происходятъ выборы, и, притомъ, чтобы въ той же губерніи владѣльцу земли принадлежала усадьба. Первоначальный проектъ присоединялъ къ прежнимъ видамъ имущественнаго ценза еще одинъ—уплату квартирнаго налога; теперь объ этомъ нѣтъ больше рѣчи. Исключено, наконецъ, то постановленіе первоначальнаго проекта, въ силу котораго лица, получившія высшее юридическое образованіе, могли быть избираемы въ мировые судьи, при недостаткѣ или отсутствіи имущественнаго ценза, большинствомъ двухъ третей голосовъ. Расширяется кругъ кандидатовъ въ мировые судьи только въ одномъ, мало желательномъ направленіи: наряду съ высшимъ юридическимъ образованіемъ ставится тотъ снисходительный образовательный цензъ, который былъ установленъ, при совершенно другихъ условіяхъ, судебной реформой 1864-го года.

Изъ перечисленныхъ нами новшествъ не лишено основанія, само по себѣ, только одно: замѣна земельнаго ценза налоговымъ. Она устраняетъ неудобства, сопряженныя съ такъ называемыми фиктивными цензами (т.-е. съ пріобрѣтеніемъ земель, не имѣющихъ никакой или почти никакой цѣнности, исключительно для того, чтобы получить право баллотироваться въ мировые судьи). Мы видѣли, однако, что эта замѣна преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, другую цѣль: повышеніе имущественнаго ценза, требуемаго отъ мирового судьи. Къ той же цѣли направлены совершенно прямо новыя нормы, проектируемыя по отношенію къ поземельнымъ недвижимымъ имуществамъ. Между тѣмъ, болѣе чѣмъ спорнымъ представляется самый принципъ имущественнаго ценза, въ приложеніи его къ мировымъ судьямъ. Съ точки зрѣнія министра юстиціи, этотъ цензъ обезпечиваетъ независимость выборнаго мѣстнаго судьи, подлежащаго періодическому перебаллотированію и, слѣдовательно, не пользующагося полною несмѣняемостью. При единоличномъ характерѣ должности, при множествѣ самыхъ разнообразныхъ занятій, при множествѣ лицъ, съ которыми приходится

входить въ непрестанныя сношенія, мѣстному судьѣ, по мнѣнію министра, было бы чрезвычайно трудно устоять противъ разнаго рода вліяній или даже искушеній, если бы онъ находился въ состояніи близкомъ къ нуждѣ. Эти соображенія неубѣдительны. Непрестанныя и разнообразныя сношенія со множествомъ лицъ даютъ мировому судьѣ возможность влiять на окружающихъ, но едва ли могутъ служить источникомъ вліянія окружающихъ на мирового судью. Искушеній много вездѣ, отъ нихъ несвободны и члены общихъ судебныхъ мѣстъ, имѣющихъ дѣло съ интересами несравненно болѣе важными и крупными; никому, однако, не приходило на мысль подчинять и этихъ судей требованію имущественнаго ценза. Если перспектива новыхъ выборовъ и можетъ иногда нарушать безпристрастіе, обязательное для судьи, то гораздо чаще она напоминаетъ ему объ отвѣтственности передъ избирателями и побуждаетъ его къ точному исполненію судейскаго долга. Рѣшительный аргументъ противъ имущественнаго ценза мы видимъ, наконецъ, въ томъ, что гарантіей матеріальной состоятельности онъ, въ сущности, вовсе не служитъ. Имущество, подходящее подъ дѣйствіе закона, можетъ быть обезцѣнено лежащими на немъ долгами; доходы съ него могутъ быть, вслѣдствіе неумѣлаго хозяйничанья, крайне незначительны; при равной доходности значеніе двухъ имуществъ можетъ быть совершенно различно, разъ что владѣлецъ одного изъ нихъ—одинокъ, владѣлецъ другого — обремененъ большимъ семействомъ. Правильно опредѣлить имущественное положеніе и степень независимости даннаго лица могутъ только избиратели, которымъ это лицо, въ качествѣ мѣстнаго жителя, должно быть хорошо знакомо; зачѣмъ же стѣснять ихъ формальными условіями, лишенными всякой доказательной силы? Всего правильнѣе было бы вовсе исключить имущественный цензъ изъ числа требованій, которымъ должны удовлетворять кандидаты въ мировые судьи; пока онъ существуетъ, цѣлесообразнымъ можно считать только пониженіе его, а отнюдь не повышеніе.

Чѣмъ больше категорій имущественнаго ценза, тѣмъ больше лицъ, имъ обладающихъ, тѣмъ меньше, слѣдовательно, его вредное вліяніе. Съ этой точки зрѣнія перемѣной къ худшему въ министерскомъ проектѣ является исключеніе изъ него уплаты квартирнаго налога, какъ одного изъ источниковъ права быть избраннымъ въ мировые судьи. Мотивируется оно съ одной стороны тѣмъ, что наемъ, передъ самыми выборами, сравнительно дорогой квартиры могъ бы стать искусственнымъ средствомъ попасть въ мировые судьи, съ другой стороны— тѣмъ, что занятіе такой квартиры не служитъ показателемъ связи даннаго лица съ данною мѣстностью. Но развѣ нельзя было бы опредѣлить минимальный срокъ занятія квартиры, оплачиваемой налогомъ?

Развѣ владѣніе землею всегда доказываетъ знакомство владѣльца съ мѣстными условіями? Аргументація министерства такъ слаба, что невольно заставляетъ предполагать существованіе другихъ, невысказанныхъ причинъ происшедшей перемѣны. Въ чемъ онѣ могутъ заключаться—это мы увидимъ ниже.

Кругъ кандидатовъ въ мировые судьи, ограниченный повышеніемъ имущественнаго ценза и исключеніемъ изъ его состава уплаты квартирнаго налога, еще больше съуживается требованіемъ, чтобы недвижимое имущество, служащее цензомъ, находилось въ предѣлахъ губерніи, гдѣ происходятъ выборы, и—если рѣчь идетъ объ имуществѣ земельномъ—заключало бы въ себѣ усадьбу. Объясняется это требованіе желаніемъ, чтобы выборные мировые судьи были дѣйствительно *мѣстными жителями*, знающими мѣстность и реально съ нею связанными. Но развѣ владѣніе землею, напримѣръ, въ новоладожскомъ уѣздѣ петербургской губерніи можетъ служить доказательствомъ знакомства съ условіями гдовскаго уѣзда? Развѣ нѣтъ еще болѣе рѣзкихъ различій между уѣздами одной и той же губерніи (напр. черноземнымъ, земледѣльческимъ малоархангельскимъ и лѣснымъ, промышленнымъ брянскимъ, въ орловской губерніи)? Развѣ обладаніе домомъ въ городѣ даетъ, само по себѣ, понятіе о сельскомъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ деревни? Развѣ нельзя себѣ представить владѣльца земли и усадьбы, постоянно жившаго вдали отъ нихъ и въ первый разъ увидѣвшаго ихъ передъ самыми выборами? Понятіе объ усадьбѣ такъ растяжимо, что подъ него можетъ подойти и полуразрушенный, необитаемый помѣщичій домъ... Мы также придаемъ большое значеніе тому, чтобы мировые судьи избирались изъ числа мѣстныхъ жителей; но мы думаемъ, что для достиженія этой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ окольнымъ путямъ. Достаточно постановить, что мѣстнымъ жителемъ признается тотъ, кто имѣлъ до выборовъ, въ теченіе извѣстнаго срока, постоянное или временное пребываніе въ предѣлахъ даннаго уѣзда. Представимъ себѣ, напримѣръ, что судебный слѣдователь, податной инспекторъ, секретарь земской управы, прослужившій въ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ, но ничѣмъ въ уѣздѣ не владѣющій, пожелалъ бы баллотироваться въ мировые его судьи. Неужели онъ—при равенствѣ другихъ условій—можетъ считаться менѣе близкимъ къ данной мѣстности, чѣмъ только-что въ первый разъ посѣтившій ее владѣлецъ лежащаго въ ея предѣлахъ недвижимаго имущества?... Само собою разумѣется, что при недостаткѣ подходящихъ кандидатовъ или при безрезультатности первыхъ выборовъ къ баллотировкѣ могли бы быть допускаемы и жители сосѣднихъ уѣздовъ или всей вообще губерніи.

Чѣмъ крупнѣе роль, предоставляемая имущественному цензу, тѣмъ больше умаляется значеніе образовательнаго ценза, единственнаго,

въ занимающей насъ области, важнаго и цѣннаго. И въ первоначальномъ проектѣ министерства юстиціи высшему юридическому образованію отводилось далеко не то мѣсто, которое должно принадлежать ему по праву; но теперь, послѣ внесенныхъ въ проектъ измѣненій, оно совершенно отодвинуто на задній планъ. Широко отворяются двери передъ лицами, окончившими курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи — и почти безусловно затворяются передъ лицами, получившими высшее юридическое образованіе, разъ что у нихъ нѣтъ *полнаго* имущественнаго ценза. Первоначальный проектъ допускалъ избраніе такихъ лицъ большинствомъ двухъ третей голосовъ; теперь они—какъ и всѣ другіе, не удовлетворяющіе требованію имущественнаго ценза,—могутъ быть избираемы не иначе какъ *единогласно*. Послѣднее условіе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неисполнимо: нужна совсѣмъ особая комбинація условій, чтобы въ баллотировочномъ ящикѣ не оказалось ни одного чернаго шара... Не усматривая, вопреки своему прежнему мнѣнію, основаній къ пониженію имущественнаго ценза для лицъ, получившихъ высшее образованіе, министръ юстиціи не видитъ въ томъ и особой надобности: ему кажется, что достаточнымъ его суррогатомъ можетъ служить трехлѣтняя служба въ должностяхъ, дающихъ практическую опытность въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или выдержаніе соотвѣтствующаго испытанія, которое министръ обѣщаетъ сдѣлать возможно строгимъ. Кому же непонятно, однако, что высшее юридическое образованіе цѣнно не столько тѣмъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній, которыя оно даетъ — ихъ, безспорно, можно пріобрѣсти и инымъ путемъ, — сколько связаннымъ съ нимъ общимъ развитіемъ, подъемомъ мысли, расширеніемъ кругозора?.. По истинѣ неисчислимъ и неизмѣримъ тотъ вредъ, которымъ грозитъ рекомендуемое министромъ юстиціи пониженіе образовательнаго ценза мировыхъ судей.

Другая перемѣна, внесенная министромъ юстиціи въ первоначальный проектъ реформы мѣстнаго суда, касается срока, на который должны быть избираемы мировые судьи. Прежде министерство предлагало удвоить этотъ срокъ (съ 3 до 6 лѣтъ), выводя изъ указаній опыта, что при краткомъ срокѣ службы мировыхъ судей они нерѣдко едва успѣваютъ освоиться съ должностью и пріобрѣсти надлежащій навыкъ; краткость срока увеличиваетъ, притомъ, зависимость судей отъ избирателей. Противъ удлиненія срока высказалась коммиссія второй Думы, находя что переизбраніе мировыхъ судей представляло собою явленіе обычное, общераспространенное, а короткій срокъ службы даетъ населенію возможность исправить случайныя, но неизбѣжныя ошибки при избраніи. Мало расположенный, вообще, прислушиваться къ мнѣнію членовъ второй Думы, министръ юстиціи въ данномъ случаѣ сталъ на ихъ сторону и отказался отъ

мысли объ удлиненіи трехлѣтняго срока. Основываясь на мнѣніи составителей судебныхъ уставовъ — мнѣніи, которое конечно было извѣстно ему и раньше, — онъ пришелъ къ заключенію, что всѣ неудобства краткосрочнаго избранія должны отступить на второй планъ передъ возможностью неудачныхъ выборовъ и необходимостью не откладывать надолго исправленіе сдѣланной ошибки. Мы думаемъ, что правильнымъ слѣдуетъ признать не нынѣшнее, а прежнее мнѣніе министра юстиціи. Избраніе на три года несомнѣнно затрудняетъ для мирового судьи сохраненіе спокойствія духа, столь важнаго при отправленіи правосудія. Что касается до ошибки, то она возможна въ особенности при первыхъ выборахъ: пускай они производились бы по прежнему на три года, но для мировыхъ судей, вновь избранныхъ по окончаніи перваго трехлѣтія, срокъ службы ничто не мѣшало бы увеличить до шести лѣтъ.

Особенно нежелательнымъ короткій срокъ службы мировыхъ судей былъ бы именно при той постановкѣ, которую даетъ мировому суду видоизмѣненный проектъ министерства юстиціи. Если этотъ проектъ станетъ закономъ, мировыми судьями явятся преимущественно крупные и средніе землевладѣльцы, по большей части дворяне, свободные, за сравнительно рѣдкими исключеніями, отъ высшаго образованія, обладающіе весьма скудными свѣдѣніями, но проникнутые весьма опредѣленными классовыми симпатіями и антипатіями. За флагомъ останутся, по недостаточности имущественнаго ценза или по нахожденію его внѣ предѣловъ губерніи, многіе мѣстные жители, вполнѣ способные и подготовленные къ исполненію судейскихъ обязанностей. Если бы, затѣмъ, кто-нибудь изъ избранныхъ судей оказался недостаточно усерднымъ охранителемъ ввѣренныхъ ему интересовъ, его легко будетъ замѣнить другимъ, благодаря краткости выборнаго срока. Совершенно ясно, такимъ образомъ, что эволюція въ мнѣніяхъ министра юстиціи соотвѣтствуетъ общей перемѣнѣ въ направленіи правительственной политики—перемѣнѣ, совершившейся въ періодъ времени между созывомъ первой и созывомъ третьей Государственной Думы. Новымъ законопроектомъ мировой судъ наклоняется какъ разъ въ ту сторону, въ которую наклоненъ закономъ 3-го іюня составъ народнаго представительства. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что тѣмъ же духомъ будетъ запечатлѣна и земская избирательная система, надъ созданіемъ которой трудится теперь совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, усиленный представителями рѣзко передвинувшихся направо губернскихъ земскихъ собраній. Подъ тенденціозно организованный мировой судъ будетъ подведенъ фундаментъ въ видѣ столь же тенденціозно составленнаго земскаго положенія... Если этому суждено совершиться, выборный мировой судъ очень быстро потеряетъ то

обаяніе, которымъ его до сихъ поръ окружала традиція эпохи великихъ реформъ.

Параллельно съ зависимостью мирового суда отъ дворянско-землевладѣльческаго класса увеличивается и зависимость его отъ судебной администраціи. По первоначальному проекту принудительное увольненіе и временное устраненіе мировыхъ судей допускалось не иначе какъ въ общемъ порядкѣ, т.-е. по опредѣленію высшаго дисциплинарнаго присутствія Правительствующаго Сената. Теперь роль послѣдняго предполагается предоставить, по отношенію къ мировымъ судьямъ, общему собранію департаментовъ судебной палаты. Мотивируется эта перемѣна желаніемъ облегчить удаленіе изъ среды мировыхъ судей лицъ, оказавшихся недостойными судейскаго званія или неспособными къ исполненію судейскихъ обязанностей. Кому же неизвѣстно, однако, что въ послѣднее время поводомъ къ возбужденію дисциплинарныхъ производствъ нерѣдко служатъ причины совершенно другого рода? Не облегчать, а затруднять слѣдуетъ процедуру, идущую въ разрѣзъ съ принципомъ несмѣняемости судей... Въ объяснительной запискѣ дѣлается попытка доказать, что проектируемая перемѣна выгодна для самихъ мировыхъ судей: не такъ долго имъ придется ждать рѣшенія своей участи, легче будетъ дополнить дѣло необходимыми свѣдѣніями, которыхъ Сенатъ, за дальностью разстояній, иногда не собираетъ. Итакъ, Сенатъ „нерѣдко основываетъ свои рѣшенія на одностороннихъ данныхъ"? Не хотѣлось бы этому вѣрить. Велики, притомъ, разстоянія и между мѣстомъ нахожденія палаты и мѣстомъ служенія многихъ мировыхъ судей. Скорости рѣшенія всякій судья, думается намъ, предпочтетъ основательность его и безпристрастіе. Правда, эти качества, по нынѣшнимъ временамъ, не всегда проявляетъ и Сенатъ; но все же у министерства юстиціи больше средствъ вліянія на палаты, чѣмъ на Сенатъ. Обращеніе къ послѣднему, притомъ, остается возможнымъ и по новому проекту, но только для министерства юстиціи: жаловаться на постановленія палаты нельзя, но министру юстиціи предоставляется переносить ихъ, въ теченіе мѣсячнаго срока, на разсмотрѣніе высшаго дисциплинарнаго присутствія. Ожидать окончанія дѣла придется иногда, такимъ образомъ, очень долго...

Проектъ реформы мѣстнаго суда затрогиваетъ множество другихъ вопросовъ первостепенной важности. Мы постараемся разсмотрѣть ихъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

К. Арсеньевъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ
ЧУПРОВЪ

По личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ.

Мнѣ пришлось встрѣтиться впервые съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, можно сказать, почти въ самомъ началѣ его университетской карьеры. Я держалъ экзаменъ на магистра въ томъ самомъ факультетѣ, въ которомъ онъ недавно сдѣлался доцентомъ. Я имѣлъ счастье считать его въ числѣ своихъ оппонентовъ на моемъ магистерскомъ диспутѣ и выступать рядомъ съ нимъ на защитѣ диссертаціи профессоромъ Посниковымъ. Я не разъ читалъ сообщенія въ томъ статистическомъ отдѣленіи Московскаго Юридическаго Общества, котораго онъ былъ предсѣдателемъ. Мы совмѣстно устраивали публичныя лекціи; мы обмѣнивались мыслями на факультетскихъ и совѣтскихъ засѣданіяхъ; мы выступали одновременно въ литературныхъ и ученыхъ обществахъ; мы писали въ одной и той же газетѣ и однихъ и тѣхъ же журналахъ; мы устно и письменно сообщали другъ другу впечатлѣнія, получаемыя нами отъ переживаемыхъ событій не въ одной университетской жизни. И изъ этого многолѣтняго, если не ежедневнаго, то по меньшей мѣрѣ еженедѣльнаго, общенія я лично вынесъ впечатлѣніе о Чупровѣ, какъ о человѣкѣ, неизмѣнно подчинявшемъ свое поведеніе соображеніямъ исключительно общей пользы и посильному исканію истины. Мнѣ трудно сказать, чтобы много было людей, изъ сближенія съ которыми получалась бы та же увѣренность въ безусловномъ пренебреженіи личными интересами и симпатіями, разъ тѣ или другія входятъ въ столкновеніе съ высшими требованіями знанія и блага родины. Честный Аристидъ, по всей вѣроятности, производилъ то же впечатлѣніе на своихъ современниковъ,

но въ Чупровѣ честность восполнялась еще мудростью, способностью оцѣнить всѣ обстоятельства, опредѣлить удѣльный вѣсъ каждаго и принять рѣшеніе, наиболѣе отвѣчающее требованіямъ времени и мѣста. Еще будучи доцентомъ, Чупровъ взялъ на себя нелегкій трудъ выработки программъ статистическихъ изслѣдованій по земствамъ и городамъ Россіи. Лица, заходившія къ нему не въ отведенные для пріема часы, не разъ заставали его въ бесѣдахъ съ статистикомъ московскаго земства, Орловымъ, съ хорошо извѣстнымъ теперь экономистомъ Исаевымъ, съ будущимъ профессоромъ по статистикѣ Каблуковымъ. Кружокъ энтузіастовъ-тружениковъ, такъ блистательно выполнившихъ на первый взглядъ непосильную задачу, скоро сталъ разростаться съ такой быстротой, что потребовалось образованіе при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ особой секціи, предсѣдателемъ которой съ самаго начала и до закрытія Общества (въ министерство одного изъ его почетныхъ членовъ, Боголѣпова) неизмѣнно оставался А. И. Чупровъ. Живыя, многолюдныя и полныя интереса были собранія русскихъ статистиковъ, группировавшихся около молодого профессора, умѣло и толково руководившаго преніями и нерѣдко заканчивавшаго ихъ самостоятельной импровизацієй по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Большая часть рефератовъ появлялась затѣмъ въ обработанномъ видѣ въ „Журналѣ Московскаго Юридическаго Общества", редакторомъ котораго былъ С. А. Муромцевъ, и въ замѣнившемъ впослѣдствіи этотъ журналъ „Сборникѣ". Безъ преувеличенія можно сказать, что въ рѣдкомъ изданіи найдется больше данныхъ для характеристики разнообразныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія и крестьянскаго хозяйства, какъ въ трудахъ этого руководимаго Чупровымъ статистическаго отдѣленія. Для правильной оцѣнки русскаго матеріала постоянно привлекался матеріалъ заграничный. По просьбѣ Чупрова, мнѣ самому пришлось не разъ читать рефераты на такія, напр., темы, какъ американская поземельная политика.

Не для однихъ статистиковъ цѣнны работы руководимаго Чупровымъ отдѣленія. Изслѣдователи обычнаго права также найдутъ въ нихъ необыкновенную полноту данныхъ о различныхъ видахъ мірского пользованія и о такихъ особенностяхъ крестьянскаго мѣстнаго земельнаго уклада, какъ, напр., четвертное владѣніе. Англичане до сихъ поръ съ благодарностью повторяютъ имена Синклера и Маршала, положившихъ начало не столько хозяйственной статистикѣ, сколько описанію въ хозяйственномъ отношеніи отдѣльныхъ графствъ или провинцій. Несправедливымъ надо было бы признать отношеніе современныхъ и грядущихъ поколѣній статистиковъ, если бы они позволили себѣ произносить имя Чупрова иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Онъ былъ иниціаторомъ великаго дѣла ознакомленія русскихъ

людей съ русской землею, сближенія экономистовъ съ русской хозяйственной дѣйствительностью, обогащенія русскихъ государственныхъ дѣятелей и публицистовъ точными и хорошо провѣренными данными о строѣ и нуждахъ деревни. Чтобы судить о томъ, какое богатое фактическое содержаніе внесено было работами земскихъ статистиковъ въ такіе, напр., вопросы, какъ вопросъ о мірскомъ и подворномъ пользованіи, стòитъ только сопоставить извѣстную статью Н. Г. Чернышевскаго — „Экономическія предубѣжденія противъ сельской общины", столь обильную мыслями и столь бѣдную данными русской жизни,—съ той массой свѣдѣній о мірскихъ порядкахъ пользованія, о коренныхъ и частныхъ передѣлахъ, какія, на основаніи матеріаловъ земскихъ статистиковъ, содержитъ въ себѣ двухтомная монографія Посникова или появившееся почти одновременно съ нею нѣмецкое сочиненіе Кейслера, составленное на основаніи того же матеріала земскихъ статистическихъ работъ. Для самого Чупрова эти работы сдѣлались неисчерпаемымъ кладеземъ для всѣхъ его позднѣйшихъ изслѣдованій, столько же для преходящихъ статей въ русской періодической печати, какъ и для монографій, которыя еще долгое время не потеряютъ своей цѣны и значенія. Экономическая наука въ теченіе всей первой половины прошлаго столѣтія оставалась у насъ наукою запасной, иноземной, быть можетъ менѣе англійской, чѣмъ нѣмецкой, отчасти потому, что едва-ли не самымъ выдающимся русскимъ экономистомъ за это время былъ русскій нѣмецъ Шторхъ. Въ лекціяхъ Чупрова, какъ и въ его работахъ, положенія экономической науки провѣряются уже на русскомъ матеріалѣ. Это можно сказать прежде всего о его двухтомномъ трудѣ, посвященномъ русскому желѣзнодорожному хозяйству и такимъ образомъ примыкающемъ къ почти одновременно появившемуся сочиненію профессора Цѣхановецкаго о желѣзныхъ дорогахъ на Западѣ. У австрійцевъ имѣется свой изслѣдователь желѣзнодорожнаго дѣла, Саксъ. Сопоставляя способъ выполненія имъ своей задачи съ тѣмъ, какой представляютъ книги Чупрова, ихъ рецензентъ въ „Критическомъ Обозрѣніи", проф. Гаттенбергеръ, справедливо отдалъ преимущество строгости пріемовъ научнаго изслѣдованія московскаго экономиста. На этой работѣ Чупрова отразилось не только обстоятельное знакомство его съ русскимъ матеріаломъ по источникамъ первыхъ рукъ, но и строгая научная выправка, пріобрѣтенная чтеніемъ „Логики" Милля, этой догматической передачи пріемовъ созданной Контомъ соціологіи. Гаттенбергеръ вышелъ изъ той же школы, обладалъ тою же осторожностью въ конечныхъ выводахъ, и потому какъ нельзя лучше былъ призванъ оцѣнить научную скромность и добросовѣстность Александра Ивановича. Уже въ этихъ начальныхъ опытахъ, во многомъ прěвзойденныхъ впослѣдствіи, Чупровъ

показалъ рѣдкое сочетаніе двухъ качествъ: доходящаго до корней и ничего существеннаго не упускающаго изъ виду аналитическаго ума и способности свести добытые имъ результаты въ стройную синтетическую систему. Рѣдкая работа производилась при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Профессорская и общественная дѣятельность настолько успѣла поглотить Чупрова, запросъ, предъявляемый къ нему всѣми участниками нашего культурнаго развитія, былъ такъ великъ, и его неспособность уклониться отъ того, что̀ онъ считалъ своей нравственной обязанностью, такъ безгранична, что для научныхъ изслѣдованій Александру Ивановичу не оставалось, строго говоря, ни мѣста, ни времени. Ему пришлось дѣлать надъ собою чрезмѣрное усиліе, чтобы выгадать нѣсколько часовъ досуга въ день. Онъ рѣшился, въ концѣ концовъ, снять вторую квартиру въ Москвѣ и нѣкоторое время скрывалъ свой адресъ отъ знакомыхъ.

Покончивъ съ диссертаціями, защита которыхъ оба раза была для него тріумфомъ, къ которому спѣшили присоединиться и его оппоненты, Чупровъ съ жаромъ набросился на вопросы русской экономической дѣйствительности. Не знаю, будутъ ли когда-либо собраны его статьи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и можетъ ли быть даже выполнена эта работа, такъ какъ большинство статей не снабжены подписью? Но если бы какому-нибудь новому Межову удалось выполнить эту непосильную задачу, русская читающая публика несомнѣнно пріобрѣла бы не только кинематографическое изображеніе нашей хозяйственной жизни болѣе, чѣмъ за четверть вѣка, но и научную оцѣнку ея въ разные моменты ея развитія. Сборные труды, какъ попытка опредѣлить вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на разныя стороны нашего экономическаго быта, выходя изъ рукъ Чупрова, потому и пріобрѣтали цѣльность и единство, что озарены были свѣтомъ разносторонняго изученія русскихъ условій. Та же русская дѣйствительность не исчезала изъ глазъ изслѣдователя и тогда, когда онъ брался за такіе вопросы, какъ эволюція крестьянскаго хозяйства въ Италіи, Германіи и Франціи, вліяніе, оказанное на него ростомъ земледѣльческихъ синдикатовъ, народныхъ банковъ, странствующихъ каѳедръ агрономіи, и т. д., и т. д. Отъ анализа иноземныхъ условій Чупровъ съ радостью возвращался къ критикѣ русскихъ порядковъ и къ указанію тѣхъ путей, какими правительство и общественная самодѣятельность могутъ придти на помощь русскому крестьянству въ его малоземельѣ, еще усиливаемомъ недостатками сельско-хозяйственнаго кредита и техники. Сравнительно-историческое изученіе вѣкового процесса разрыва народа съ землей, съ его тяжкими соціальными послѣдствіями, заставляло его дорожить сохраненіемъ мірского землевладѣнія, недостатки котораго онъ далеко не относилъ къ числу неустранимыхъ.

Его лебединой пѣснью были статьи, появившіяся за нѣсколько дней до его кончины, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", подъ заглавіемъ: „Соціальныя послѣдствія разрушенія общины".

„Много невзгодъ пришлось претерпѣть русскому крестьянству за его долгую исторію,—такъ заканчивалъ онъ свои статьи,—но зато наше крестьянство, въ отличіе отъ сельскаго населенія всѣхъ прочихъ странъ, владѣетъ 120 милл. десятинъ земли, не обремененной ни одной копѣйкой гипотечнаго долга, тогда какъ у нашихъ свободныхъ земельныхъ собственниковъ имѣнія заложены и перезаложены, такъ что большинство ихъ является управляющими банковъ и частныхъ кредиторовъ... Представители дворянства, претендующіе героическими средствами вылечить крестьянскіе недуги противъ воли самого больного, могутъ по сраведливости выслушать отъ него суровую отповѣдь:—Врачу, исцѣлися самъ!"

Рѣдкому изъ современниковъ удавалось добиться такого широкаго распространенія его взглядовъ, какъ Александру Ивановичу. Его недавнія работы по крестьянскому земельному вопросу выдержали подърядъ нѣсколько изданій. Возвращаясь съ похоронъ изъ Москвы, я въ поѣздѣ встрѣтился съ однимъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, старообрядцемъ изъ нижегородской губерніи. Онъ сообщилъ мнѣ, что съ разрѣшенія покойнаго отпечаталъ для раздачи 5.000 экземпляровъ его писемъ изъ Италіи и самъ озабоченъ теперь мыслью о созданіи странствующихъ каѳедръ агрономіи. Въ кружкѣ почитателей Чупрова возникла мысль увѣковѣчить его память какимъ-нибудь предпріятіемъ, клонящимся къ подъему крестьянскаго хозяйства. Уже собрано до 6.000 рублей, и коммиссія спеціалистовъ работаетъ надъ вопросомъ, какое именно направленіе дать этому проекту.

Сила Чупрова, несомнѣнно, лежала въ рѣдкой отзывчивости на нужды времени и въ готовности во всякое время пойти имъ навстрѣчу съ данными науки и практическаго опыта. Онъ написалъ, можетъ быть, меньше того, что̀ обыкновенно оставляютъ за собою люди, отведшіе такъ много времени ученымъ трудамъ. Но изъ написаннаго имъ едва-ли что-нибудь пропало или пропадетъ безъ пользы для его соотечественниковъ.

Максимъ Ковалевскій.

12 марта 1908.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1908.

Рѣчи двухъ министровъ. — Законопроектъ объ исключительномъ положеніи и думская коммиссія.—„Порученіе" или „предоставленіе"?—Рѣчь депутата фонъ-Анрепа.— Общій ходъ дѣлъ въ Государственной Думѣ. — Всероссійскій дворянскій съѣздъ. — Вновь организованное „преддумье".—Юбилей земскаго отдѣла.—А. И. Чупровъ †.

Какъ ни силенъ ударъ, нанесенный народному представительству закономъ 3-го іюня прошлаго года, какъ ни ослабѣлъ, сравнительно съ прежнимъ, авторитетъ Государственной Думы, самое присутствіе ея вноситъ что-то новое и свѣжее въ нашу государственную жизнь. Благодаря ему прошло то время, когда самыя важныя рѣшенія могли быть подготовляемы въ глубокой тайнѣ и принимаемы безъ всякой серьезной повѣрки. Открылась возможность всесторонняго и гласнаго обсужденія правительственныхъ предположеній; открылась возможность хоть нѣкотораго противодѣйствія тѣмъ изъ нихъ, цѣлесообразность или несвоевременность которыхъ представляется недостаточно доказанною. Чрезвычайно характерно, съ этой точки зрѣнія, разногласіе, возникшее между совѣтомъ министровъ и думской коммиссіей государственной обороны по вопросу о расходахъ на постройку броненосцевъ. Въ преніяхъ, вызванныхъ этимъ вопросомъ, принялъ участіе предсѣдатель совѣта министровъ, рѣчь котораго получила самую широкую огласку. Возражая противникамъ ассигновки, онъ прямо заявилъ, что ему чужда всякая мысль о конфликтѣ. „Рѣшеніе ваше свободно",—воскликнулъ онъ, обращаясь къ коммиссіи, а черезъ ея голову—къ Государственной Думѣ. Устраненъ, такимъ образомъ,—по крайней мѣрѣ на время,—призракъ роспуска, вновь начинавшій носиться въ думской атмосферѣ. Въ другой странѣ, въ другое время готовность правительства подчиниться рѣшенію законодательнаго собранія

разумѣлась бы сама собою; у насъ, въ переживаемый нами моментъ, опредѣленное выраженіе ея было далеко не излишнимъ. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, урокъ, который „Россія"— „Россія"!—нашла нужнымъ преподать сотруднику „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", усмотрѣвшему въ рѣшеніи коммиссіи противорѣчіе съ категорично выраженной волей Государя. „Финансовыя права Государственной Думы" — пояснила оффиціозная газета — „дарованы ей Высочайшею властью, и отказъ въ отпускѣ средствъ морскому вѣдомству есть столкновеніе думской коммиссіи совсѣмъ не съ верховною властью, а всего лишь съ морскимъ вѣдомствомъ". Пріятно видѣть, что идеи конституціонализма начинаютъ проникать въ сферы, еще недавно имъ безусловно чуждыя или враждебныя... Изъ той же „Россіи" мы узнаемъ, что „шумъ" противъ коммиссіи поднятъ не только въ ультра-консервативной печати: есть и другіе обвинители, въ глазахъ которыхъ чуть не мятежниками являются не только члены Думы, подающіе голосъ за отказъ въ ассигновкѣ, но и министры, допускающіе подобное вольнодумство.

Воздержавшись отъ угрозъ, предсѣдатель совѣта министровъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него, чтобы убѣдить своихъ слушателей. „Долгъ моей совѣсти велитъ сказать вамъ" — читаемъ мы въ его рѣчи,—„что послѣ того какъ вы откажете въ деньгахъ на флотъ, Россія выйдетъ въ международномъ положеніи преуменьшенной... Вашимъ ударомъ вы вышибете изъ рукъ морского вѣдомства самое орудіе труда, вы вышибете духъ живой... При теперешнемъ міровомъ состязаніи народовъ остановка гибельна. Страны, которымъ наносились сильные удары, показывали живучесть только тогда, когда брались съ большой энергіей и охотой за дѣло своего обновленія". Закончилъ П. А. Столыпинъ свою рѣчь ссылкою на слова Петра Великаго: „промедленіе времени смерти безвозвратной подобно". Всѣ эти увѣщанія были обращены не къ тѣмъ членамъ коммиссіи (по всей вѣроятности— весьма малочисленнымъ), которые отвергаютъ въ принципѣ необходимость для Россіи сильнаго линейнаго флота, а къ тѣмъ, по мнѣнію которыхъ ассигнованію крупныхъ суммъ на постройку броненосцевъ должно предшествовать радикальное преобразованіе морского вѣдомства. Такъ ли, однако, опасна отсрочка, которую повлечетъ за собою принятіе этого мнѣнія? „Подобнымъ смерти" представляется далеко не всякое промедленіе. Крылатыя слова великаго императора примѣнимы только къ тѣмъ случаямъ, когда все поставлено на карту, когда медленность равносильна безповоротному проигрышу дѣла первостепенной важности. Не таково настоящее положеніе вещей. Если далеко не безспорна самая необходимость новыхъ броненосцевъ, то можно ли придавать первостепенную важность появленію ихъ нѣсколькими мѣся-

цами раньше или позже? Гдѣ близкая опасность, угрожающая Россіи— и гдѣ основаніе утверждать, что ее можно предотвратить безотлагательнымъ приступомъ къ постройкѣ нѣсколькихъ крупныхъ судовъ?

Говоря о странахъ, доказавшихъ свою живучесть энергичнымъ реагированіемъ на только-что понесенные тяжкіе удары, П. А. Столыпинъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, Пруссію послѣ тильзитскаго мира и Францію послѣ разгрома 1870-го года. Доказательной силы ни тотъ, ни другой примѣръ, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ. Для Пруссіи, изувѣченной, разоренной, не безъ причины трепетавшей за свое существованіе, дѣйствительно было на лицо periculum in mora. Руководимая такими людьми, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Шарнгорстъ, она рѣшительно вступила на путь обновленія какъ въ области государственной обороны, такъ и въ области гражданскаго быта. Введеніе всеобщей воинской повинности привело, безъ непосильныхъ для обѣднѣвшей страны расходовъ и безъ риска немедленнаго разрыва съ Франціей, къ увеличенію численности арміи, необходимому для успѣшной борьбы за независимость. Поднялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и духъ войска, благодаря перемѣнамъ въ его составѣ; поднялся духъ всего народа, подъ вліяніемъ первыхъ шаговъ къ свободѣ и радостныхъ надеждъ на еще болѣе свѣтлое будущее. Все это—не черты сходства съ современнымъ положеніемъ Россіи. Извнѣ чужой гнетъ надъ нами не тяготѣетъ; внутри господствуетъ уныніе, вызванное, конечно, не печалью о слабости флота... Нѣтъ точекъ опоры и для параллели съ Франціей семидесятыхъ годовъ. Ея побѣдитель не былъ удовлетворенъ своимъ торжествомъ; со дня на день можно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій. Понятна торопливость, съ которою Тьеръ и Макъ-Магонъ принялись за реорганизацію войска—понятна тѣмъ болѣе, что война обнаружила со всею ясностью вопіющіе дефекты прежней системы. Богатая страна быстро оправилась отъ перенесенныхъ ею бѣдствій; въ средствахъ для проведенія преобразованій не было недостатка; усиленіе арміи не требовало сокращенія другихъ, болѣе неотложныхъ и болѣе производительныхъ расходовъ. Какъ ни плачевны, притомъ, были результаты наполеоновскаго режима, внутреннее управленіе Франціи не дошло, ко времени паденія имперіи, до той степени разстройства и упадка, какую мы видимъ у насъ въ настоящее время. Безспорно, Россія должна доказать свою живучесть — но не тѣмъ упрощеннымъ способомъ, который указанъ въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ.

Остановка въ постройкѣ броненосцевъ—по словамъ П. А. Столыпина—„обратитъ нашъ флотъ въ коллекцію старой посуды". Плаваніе на такой посудѣ „убьетъ духъ, до сихъ поръ живой во флотѣ". Необходимо, съ другой стороны, дать „нѣкоторую работу" заводамъ мор-

скаго вѣдомства. Не дать теперь же этой работы, значило бы „уничтожить русскій флотъ не только настоящій, но и будущій". Морское вѣдомство „идетъ къ переустройству, идетъ искренно, съ глубокимъ воодушевленіемъ"; мѣшать ему дѣйствовать, значило бы „навѣки угасить царящій въ вѣдомствѣ живой духъ". И здѣсь слышится все та же переоцѣнка промедленія, какую мы видѣли выше. Трудно понять, какимъ образомъ отсрочка, исчисляемая мѣсяцами, можетъ имѣть столь гибельныя послѣдствія. Если въ морскомъ вѣдомствѣ, несмотря на бездѣйствіе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ, „царитъ живой духъ", то его, конечно, не угаситъ короткій періодъ выжиданія—выжиданія не совсѣмъ пассивнаго, такъ какъ предполагаемый отказъ въ ассигновкѣ распространяется не на всѣ мѣры, задуманныя морскимъ министерствомъ. Если сохраненіе морскихъ заводовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, при отсутствіи работы, потребуетъ двухъ милліоновъ въ годъ, то лучше пожертвовать этой суммой, чѣмъ рисковать несравненно бо̀льшими непроизводительными затратами. Что касается до „старой посуды", то подъ это понятіе такой спеціалистъ морского дѣла, какъ З. П. Рожественскій [1]), рѣшительно отказывается подводить находящіеся уже въ постройкѣ четыре броненосца и четыре крейсера. Эти боевые корабли, вмѣстѣ съ сохранившимися послѣ войны судами, могутъ, по мнѣнію адмирала, обезпечить на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ реорганизацію личнаго состава нашего флота. Въ той же бесѣдѣ З. П. Рожественскимъ указана и возможность обезпечить существованіе заводовъ морского вѣдомства, не прибѣгая къ немедленной постройкѣ броненосцевъ.

„Дѣло спеціальнаго судостроенія"—сказалъ П. А. Столыпинъ—„не можетъ рѣшаться въ большой коллегіи; тутъ нужна вѣра, нужно довѣріе къ вѣдомству, къ лицамъ, стоящимъ во главѣ вѣдомства". Это совершенно справедливо; но что̀ же дѣлать, если такого довѣрія нѣтъ? Что̀ же дѣлать, если, помимо воспоминаній о всемъ происшедшемъ на войнѣ, слишкомъ жива еще память о чрезвычайномъ девяностамилліонномъ расходѣ на флотъ, состоявшемся въ силу Высочайшаго указа 24-го февраля 1898-го года и совершенно не достигшемъ своей цѣли? Довѣріе пріобрѣтается, заслуживается, а не отпускается въ кредитъ, въ особенности послѣ тяжелыхъ испытаній... Болѣе чѣмъ спорнымъ, наконецъ, кажется намъ утвержденіе, что отказъ въ просимой ассигновкѣ уменьшитъ международное значеніе Россіи. Мы думаемъ, наоборотъ, что лучшее средство увеличить это значеніе—доказать наглядно, что государство дѣйствительно вступило на новый путь, устраняющій возможность поспѣшныхъ и необдуманныхъ рѣ-

[1]) См. „Рѣчь", № 62.

шеній. Увѣренность въ этомъ подниметъ престижъ Россіи въ гораздо бóльшей степени, чѣмъ нѣсколько лишнихъ броненосцевъ.

Какой именно флотъ необходимъ для Россіи и каковы должны быть его размѣры—это вопросъ спеціальный, котораго мы касаться не будемъ. Замѣтимъ только, что существенно важнымъ факторомъ въ его рѣшеніи должно быть финансовое положеніе Россіи. Что оно безъ преувеличенія можетъ быть названо критическимъ, что доходы растутъ далеко не такъ быстро, какъ неизбѣжные расходы, что нельзя ожидать многаго и отъ новыхъ налоговъ—это недавно призналъ, въ одной изъ думскихъ коммиссій, министръ финансовъ; это же подтвердилъ, въ финансовой коммиссіи Государственнаго Совѣта, графъ С. Ю. Витте. Необходимо взвѣсить, чтò важнѣе для государства и для народа—нѣсколько новыхъ броненосцевъ или, напримѣръ, нѣсколько тысячъ новыхъ начальныхъ школъ.

Вѣроятность такихъ внѣшнихъ усложненій, которыя требовали бы, во что бы то ни стало, спѣшнаго увеличенія вооруженныхъ силъ Россіи, не можетъ быть признана особенно большою, въ виду рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ, въ засѣданіи 26-го февраля, министромъ иностранныхъ дѣлъ. На Дальнемъ Востокѣ, по словамъ А. П. Извольскаго, „создана политическая атмосфера, безспорно благопріятная какъ спеціально для насъ, такъ и для всеобщаго спокойствія... Отношенія наши къ Японіи отнынѣ покоятся на тѣхъ же основахъ, на которыхъ вообще утверждаются нормальныя отношенія между международными организмами: на уваженіи къ обоюдной исторической цѣлостности и къ общей сложности обоюдныхъ правъ и интересовъ“. Во второй своей рѣчи, 11-го марта, А. П. Извольскій выразилъ убѣжденіе, что „заключенное съ Японіей политическое соглашеніе ограждаетъ насъ отъ опасности столкновенія въ Манчжуріи, а это, въ свою очередь, способствуетъ мирному и безпрепятственному использованію нами тѣхъ договорныхъ правъ, которыми мы обладаемъ въ Манчжуріи“. „Японія“ — добавилъ министръ — „вполнѣ лойяльно воздерживается отъ всего того, чтò могло бы нанести ущербъ нашимъ правамъ и интересамъ въ этой области“. Насколько успокоительны факты, удостовѣренные министромъ — это не требуетъ поясненія.

Во время преній, предшествовавшихъ второй рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ, депутатъ гр. Уваровъ указалъ на необходимость опубликованія донесеній, полученныхъ министерствомъ, до начала войны, отъ нашей миссіи въ Токіо. Ораторъ выразилъ увѣренность, что этимъ путемъ „будутъ сняты подозрѣнія, ложащіяся теперь на

министерство иностранныхъ дѣлъ". „Тогда мы узнаемъ"—воскликнулъ гр. Уваровъ, — „кто тѣ сверхъ-дипломаты, которые своимъ невѣжествомъ вовлекли Россію въ несчастную авантюру". „Для меня лично"— отвѣтилъ на это министръ иностранныхъ дѣлъ—„было бы желательно снять съ вѣдомства, во главѣ котораго я имѣю честь стоять, возводимое на него обвиненіе; но я предоставляю это дѣло будущему историку. Я не сдѣлаю этой публикаціи, потому что въ настоящее время слѣдуетъ смотрѣть впередъ, а не назадъ. Слѣдуетъ употребить все вниманіе, всѣ силы не на растравливаніе старыхъ ранъ, а на возсозданіе здоровыхъ тканей государственнаго организма". Если бы знакомство съ содержаніемъ документовъ, о которыхъ говорилъ гр. Уваровъ, могло привести *только* къ обѣленію министерства иностранныхъ дѣлъ, отказъ опубликовать ихъ не вызывалъ бы серьезныхъ возраженій; но вѣдь рѣчь идетъ, въ сущности, о чемъ-то другомъ, гораздо болѣе важномъ. Освѣщеніе прошлаго необходимо для избѣжанія ошибокъ въ будущемъ. Въ такіе моменты, какъ переживаемый теперь Россіей, слѣдуетъ смотрѣть не только впередъ, но и назадъ, не для того, чтобы „растравлять старыя раны", а для того, чтобы опредѣлить причину, сдѣлавшую ихъ возможными. „Возсозданіе здоровыхъ тканей" требуетъ предварительнаго удаленія болѣзнетворныхъ началъ, разъѣдавшихъ государственный организмъ. Судъ исторіи состоится еще нескоро; его полнота и правильность въ значительной степени зависятъ, притомъ, отъ своевременнаго оглашенія обвинительнаго и оправдательнаго матеріала. Только теперь, когда еще не сошли со сцены участники и свидѣтели недавно окончившейся драмы, только теперь возможна тщательная и всесторонняя провѣрка актовъ и показаній, на которыхъ будетъ основанъ приговоръ потомства.

Въ области внутренней политики перевѣсъ остается, по прежнему, на сторонѣ мало утѣшительныхъ явленій. Мы видѣли въ прошлый разъ, какая „поправка", извращающая весь смыслъ реформы, внесена думской коммиссіей въ законопроектъ о неприкосновенности личности. Въ такомъ же духѣ, повидимому, коммиссія „исправляетъ" и законопроектъ объ исключительномъ положеніи. Разбирая этотъ законопроектъ [1]), мы старались показать, что первая его статья, обусловливая введеніе исключительнаго положенія наличностью внутреннихъ *волненій*, открываетъ широкій, слишкомъ широкій просторъ для административнаго произвола. Коммиссіи этотъ просторъ пока-

---

[1]) См. въ № 2 „Вѣстника Европы" статью о неприкосновенности личности и исключительномъ положеніи (стр. 788—790).

зался недостаточнымъ: по предложенію депутата Балаклѣева, она поставила рядомъ съ внутренними волненіями (или внутренними безпорядками) *развитіе необычайной преступности или преступной пропаганды*. Итакъ, всякое замѣтное увеличеніе числа преступленій, хотя бы и не направленныхъ противъ основъ государственнаго или общественнаго строя, можетъ служить поводомъ къ принятію такой чрезвычайной мѣры, какъ объявленіе исключительнаго положенія? Къ тому же результату можетъ вести и усиленіе противоправительственной пропаганды, хотя бы она не сопровождалась ни волненіями, ни безпорядками? Исключительное положеніе перестаетъ, такимъ образомъ, быть исключительнымъ; оно вводится въ обиходъ нашей государственной жизни, ему отводится такое же мѣсто, какое принадлежало и до сихъ поръ принадлежитъ всѣми осужденному положенію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ... За силою ст. 6-ой законопроекта высшая власть въ мѣстности, гдѣ введено исключительное положеніе, ввѣряется лицу, назначаемому Высочайшею властью. Въ коммиссіи было предложено, чтобы функціи главноначальствующаго не могли быть возлагаемы на мѣстнаго губернатора или генералъ-губернатора. Въ основаніи этой поправки лежала весьма разумная мысль: начальникъ края, зная, что не ему будутъ предоставлены чрезвычайныя полномочія, не будетъ лично заинтересованъ въ объявленіи исключительнаго положенія. Большинствомъ голосовъ поправка была отвергнута. Тогда была внесена другая поправка: предложено было установить, что если, по истеченіи шестимѣсячнаго срока, признано будетъ нужнымъ продлить дѣйствіе исключительнаго положенія то, высшая власть, которою до тѣхъ поръ былъ облеченъ мѣстный губернаторъ или генералъ-губернаторъ, должна быть передана другому, особо назначенному лицу. За эту поправку подали голосъ даже нѣкоторые октябристы, основательно находя, что главноначальствующій, который въ теченіе полугода не съумѣлъ успокоить край, долженъ быть удаленъ. Противъ поправки рѣзко возражалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (г. Макаровъ), считавшій необходимымъ прежде всего полное довѣріе къ власти, безъ всякихъ условій — и поправка была отклонена большинствомъ. Слишкомъ еще сильны, очевидно, традиціи, *требующія* отъ гражданъ довѣрія къ власти; слишкомъ еще мало сознана, въ административныхъ сферахъ, простая истина, что довѣріе не предписывается, а пріобрѣтается... Если Государственная Дума пойдетъ по стопамъ своей коммиссіи, то неприкосновенность личности, при дѣйствіи новыхъ законовъ, едва-ли будетъ обезпечена въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время.

Почти одновременно и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ о правѣ законодательныхъ учрежденій

давать *порученія* органамъ исполнительной власти, т.-е. вмѣнять ей въ обязанность представленіе законопроектовъ по тому или другому предмету. Въ Государственной Думѣ обсужденіе этого вопроса продолжалось недолго и имѣло чисто формальный характеръ. Въ законопроектѣ объ условномъ освобожденіи, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ думской коммиссіи, имѣлась такая статья: „*поручить* министру юстиціи внести на разсмотрѣніе Думы законопроектъ о пособіяхъ обществамъ патроната". Товарищъ министра юстиціи возразилъ противъ слова: *поручить*, но согласился замѣнить его словомъ: *предоставить*, придавая этому послѣднему слову значеніе *пожеланія*. Намъ кажется, что если законъ, одобренный Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденный Императоромъ, *предоставляетъ* министру составить и внести извѣстный законопроектъ, то этимъ выражается нѣчто бо̀льшее, чѣмъ пожеланіе. Для министра, какъ и для обыкновенныхъ гражданъ, законъ имѣетъ обязательную силу: что̀ онъ *предоставляетъ* власти, то *должно* быть ею исполнено. *Предоставленіе*, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ равносильно *порученію*. И никакого вмѣшательства въ область управленія здѣсь нѣтъ, какъ потому, что порученіе дается не однимъ изъ законодательныхъ учрежденій, а законодательною властью въ цѣломъ ея составѣ, такъ и потому, что предметомъ его служитъ составленіе законопроекта, а не совершеніе какого-нибудь другого правительственнаго акта. Въ Государственномъ Совѣтѣ аналогичный споръ былъ вызванъ пунктомъ 5-мъ законопроекта о храмѣ Воскресенія Христова, гласившимъ, что вѣдомство православнаго исповѣданія *должно представить*, по истеченіи извѣстнаго срока, свои соображенія объ измѣненіи штата, присвоеннаго храму. Членъ Государственнаго Совѣта Шванебахъ видѣлъ въ этомъ смѣшеніе законодательной и административной власти и предлагалъ передать поднятый имъ вопросъ на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи. Голоса членовъ Совѣта раздѣлились поровну; голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ противникамъ г. Шванебаха, и оспоренный послѣднимъ пунктъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій. Итакъ, можно считать рѣшеннымъ, что въ законопроектахъ допустимы указанія на дальнѣйшую законоподготовительную дѣятельность министровъ—указанія, обязательныя къ исполненію, какъ бы осторожна и деликатна ни была ихъ внѣшняя форма. Болѣе чѣмъ странно, поэтому, что въ „Россіи", нѣсколько дней спустя послѣ упомянутыхъ нами засѣданій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, появилась статья, настаивающая на существенной разницѣ между предоставленіемъ и порученіемъ и отрицающая *обязанность* министра вносить законопроекты, которые ему не *поручено*, а только *предоставлено* составить. Не замѣчая или не желая замѣтить, что этимъ самымъ отрицается обязательность *закона*, оффиціозная газета позволяетъ себѣ обвинять

сторонниковъ непріятнаго ей мнѣнія въ „сознательной передержкѣ“, въ „сознательномъ обманѣ“, въ „продѣлываемомъ за ширмами фокусѣ“. Въ послѣднее время беззастѣнчивость „Россіи“ доходитъ, вообще, до крайнихъ предѣловъ. Въ одной только статьѣ (№ 704) на „господъ изъ оппозиціи“ (безсмысленный терминъ, почему-то излюбленный оффиціозною газетой) выливается цѣлый дождь такихъ выраженій, какъ „маленькіе, самовлюбленные, плохо подготовленные, ровно ничего не знающіе политиканы“, „присяжные клеветники и лжецы“, „лишенные малѣйшаго проблеска нравственнаго чувства“. Конечно, брань, расточаемая „Россіей“, оскорбить никого не можетъ; но руководителямъ ея не мѣшало бы объяснить своимъ подчиненнымъ, что въ функціи оффиціоза не входитъ ни „чтеніе въ сердцахъ“, ни заподозриваніе мотивовъ, ни нарушеніе элементарныхъ приличій.

Когда, въ засѣданіи 14-го марта, въ Государственной Думѣ начались пренія по законопроекту объ ассигнованіи 6.900 тыс. руб. на нужды народнаго образованія, одинъ изъ членовъ польскаго коло, деп. Ржондъ, выразилъ надежду, что въ скоромъ времени должно выясниться отношеніе школы къ ея родной почвѣ, къ языку ея учениковъ; но пока этого нѣтъ, при существующихъ нынѣ условіяхъ общественной и политической жизни, новыя ассигновки на народную школу будутъ поддерживать цѣли, для достиженія которыхъ правительство, въ царствѣ Польскомъ, обратило школу въ орудіе политической пропаганды. Сознавая, однако, важность русской школы для русскаго населенія имперіи, польское коло, по словамъ его представителя, рѣшило не голосовать противъ законопроекта, но воздержаться отъ голосованія. Можно одобрять или не одобрять это рѣшеніе, но трудно объяснить себѣ раздраженіе, съ которымъ отнесся къ нему депутатъ фонъ-Анрепъ (октябристъ). Онъ выразилъ глубокую радость по поводу того, что голоса представителей польскихъ губерній не имѣютъ въ Думѣ рѣшающаго значенія. „Чтò бы произошло“,— воскликнулъ онъ,— „если бы это было иначе? Мы бы получили въ данное время отказъ во всеобщемъ народномъ образованіи для Россіи, потому что ихъ идея— пусть гніетъ въ невѣжествѣ русская страна“. Если члены польскаго коло не голосуютъ за законопроектъ, то это значитъ, по мнѣнію г. фонъ-Анрепа, что они „признаютъ только за собою право на благо знанія, благо прогресса, а всѣмъ другимъ готовы въ томъ отказать“... Поразительно здѣсь, прежде всего, одобреніе закона 3-го іюня, уменьшившаго чуть не втрое число членовъ Думы отъ царства Польскаго— поразительно не только потому, что народному представителю не подобаетъ восхвалять умаленіе народнаго представительства, но и потому, что совершенно невѣрна оцѣнка, данная г. фонъ-Анрепомъ роли польскаго коло во второй Думѣ. Рѣшающее значеніе оно имѣло тамъ

только тогда, когда остальные члены Думы распадались на двѣ приблизительно равныя части. Въ третьей Думѣ такая комбинація условій была бы почти немыслима, если бы число депутатовъ отъ царства Польскаго и осталось прежнее. Всего меньше польское коло, сколько бы въ немъ ни числилось членовъ, могло бы повліять на судьбу законопроекта о народномъ образованія, за который стоятъ рѣшительно всѣ остальныя партіи, не исключая ни крайнихъ правыхъ, ни крайнихъ лѣвыхъ. Голоса членовъ коло, поданные хотя бы противъ законопроекта, не могли бы помѣшать его принятію. Но голосовать противъ ассигновки на народное образованіе члены коло и не думали: они рѣшили только воздержаться отъ голосованія — и приняли это рѣшеніе, какъ видно изъ рѣчи деп. Ржонда, именно потому, что не хотѣли вызвать мысль о какомъ-то, будто бы, несочувствіи или равнодушіи поляковъ къ русской народной школѣ. Слова г. Ржонда не давали г. фонъ-Анрепу ни малѣйшаго права взводить на польское коло тѣ обвиненія, которыми онъ заключилъ свою рѣчь, среди рукоплесканій большинства. „Я понимаю“ — сказалъ онъ нѣсколько раньше, — „что приниженное оскорбленное чувство требуетъ выраженія для своего протеста“; какимъ же образомъ онъ не понялъ, что именно протестомъ, и ничѣмъ больше, и было рѣшеніе польскаго коло?

Въ центрѣ Государственной Думы существуютъ, очевидно, различныя теченія, нерѣдко сталкивающіяся между собою. Наиболѣе распространено теченіе націоналистическое, ярко проявившееся въ рѣчи г. фонъ-Анрепа и внушившее запросы по финляндскимъ дѣламъ, о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ. Въ основѣ другого теченія лежитъ желаніе, пока еще довольно робкое, охранять права Думы и протестовать противъ ихъ нарушенія (напримѣръ — выпускомъ, безъ ея согласія, новыхъ серій и новыхъ гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій). Къ нему примыкаютъ попытки законодательнаго почина по осуществленію „свободъ“, обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября. Въ средѣ октябристовъ составляется законопроектъ о печати, встрѣчающій, по слухамъ, возраженія со стороны умѣренныхъ правыхъ, какъ слишкомъ благопріятный для свободы слова, но на самомъ дѣлѣ едва-ли удовлетворяющій, даже въ скромной мѣрѣ, новымъ требованіямъ жизни... Большихъ усложненій думской дѣятельности слѣдуетъ ожидать отъ земельныхъ законопроектовъ, внесенныхъ группами священниковъ и крестьянъ. Аграрный вопросъ вновь поднимается во всей своей остротѣ, несмотря на всѣ усилія его „обезвредить“, идущія какъ со стороны министерства, такъ и со стороны большинства Думы... Очередь для дѣлъ первостепенной важности, накопляющихся въ Думѣ, настанетъ, вѣроятно, еще нескоро; очень много времени

займетъ, несомнѣнно, обсужденіе бюджета, начавшееся въ засѣданіи 18-го марта.

Не поставлены еще на очередь запросы по финляндскимъ дѣламъ, одно время считавшіеся спѣшными. Крайне странно мотивированы думской коммиссіей первые два запроса, касающіеся тайнаго сообщества „Война" и укрывательства виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Коммиссія ссылается на сообщеніе финляндскаго генералъ-губернатора министру статсъ-секретарю по дѣламъ Финляндіи отъ 11 (24) марта 1907-го года—сообщеніе, изъ котораго видно, что „приводимые авторами запросовъ факты дѣйствительно имѣли мѣсто". Съ тѣхъ поръ какъ совершились факты, удостовѣренные сообщеніемъ, прошло болѣе года; своевременно ли теперь ихъ обсужденіе, да и можно ли предполагать, что къ нимъ отнеслась пассивно сама констатировавшая ихъ администрація? Объ обществѣ „Война" производится судебное дѣло; лица, заподозрѣнныя въ государственныхъ преступленіяхъ, сплошь и рядомъ передаются финляндскими присутственными мѣстами въ распоряженіе имперскихъ властей. Какой же смыслъ имѣютъ, затѣмъ, запросы о томъ, были ли принимаемы въ Финляндіи надлежащія мѣры для охраненія въ Россіи государственнаго порядка?... Всѣ три запроса признаютъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать: право и обязанность предсѣдателя совѣта министровъ побуждать финляндскія власти къ исполненію лежащаго на нихъ долга и наблюдать за дѣйствіями министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи. Третій запросъ, болѣе подробно останавливающійся на этой темѣ, поставленъ коммиссіею на послѣднее мѣсто. Если этотъ порядокъ не будетъ измѣненъ президіумомъ Думы, можно опасаться, что пренія сразу получатъ страстный характеръ, въ ущербъ спокойному разрѣшенію серьезныхъ вопросовъ государственнаго права. Между тѣмъ, въ самой Финляндіи происходитъ кризисъ, требующій самаго серьезнаго вниманія: сеймъ, большинствомъ голосовъ—образовавшимся вслѣдствіе рѣшенія старофинноманов воздержаться отъ голосованія — выразилъ недовѣріе къ финляндскому Сенату, т.-е. къ высшему органу исполнительной власти великаго княжества. Возникающія отсюда компликаціи весьма прискорбны, особенно въ виду критическаго момента, безъ того уже наступившаго для Финляндіи. Ограничимся, пока, пожеланіемъ, чтобы ихъ не обострилъ исходъ преній по запросамъ въ Государственной Думѣ.

Почти одновременно открылись въ Петербургѣ засѣданія всероссійскаго дворянскаго съѣзда и совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, въ составъ котораго вошли уполномоченные отъ земствъ и городовъ.

Въ подробномъ изложеніи дворянскихъ работъ мы не видимъ надобности. Ихъ общій смыслъ можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ: организація мѣстнаго управленія вполнѣ удовлетворительна, не нужно никакой земской реформы, не нужно мировыхъ судей, не нужно мелкой земской единицы; необходимо сохранить и крестьянскую волость, и крестьянскій волостной судъ, и земскихъ начальниковъ, и предводителей дворянства. Если бы и оказалась потребность въ какихъ-нибудь преобразованіяхъ (конечно—не существенныхъ), ихъ слѣдуетъ отложить на неопредѣленное время, до полнаго успокоенія страны... И всѣ подобные взгляды почти не встрѣчаютъ противорѣчія въ средѣ съѣзда; цѣлый рядъ постановленій принимается большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ *одного*. Къ единственному нарушителю тиши и глади (А. Н. Брянчанинову, бодро и неутомимо плывущему противъ теченія) собраніе относится крайне нетерпимо: ему мѣшаютъ говорить, къ нему обращаются съ оскорбительными возгласами. Принимаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣры къ тому, чтобы какъ можно меньше сору выносилось изъ избы: представителямъ печати, особенно въ первые дни, сообщаются только весьма скудныя свѣдѣнія. Въ концѣ концовъ, однако, единодушіе перестаетъ быть полнымъ. Противниковъ института земскихъ начальниковъ оказывается уже нѣсколько, хотя, конечно, имъ не удается поколебать большинство. Не находитъ на съѣздѣ достаточной поддержки мысль о всеподданнѣйшемъ адресѣ, болѣе или менѣе близкомъ по духу къ потерпѣвшему крушеніе адресу московскаго дворянства... Небольшіе диссонансы не измѣняютъ, впрочемъ, общаго впечатлѣнія. Ярче чѣмъ когда-либо обнаружилась неспособность дворянства, какъ сословія, понять знаменія времени и примѣниться къ требованіямъ жизни. Безсильно стремясь остановить ходъ событій, оно расширяетъ пропасть, отдѣляющую его отъ народа, и прибавляетъ ко всѣмъ своимъ грѣхамъ еще одинъ, быть можетъ самый непоправимый.

Чтобы довершить характеристику дворянскаго съѣзда, приведемъ сущность двухъ его резолюцій. „Нынѣшняя волость — гласитъ одна изъ нихъ—при всѣхъ своихъ недостаткахъ является во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно удобнымъ и надежнымъ органомъ управленія... Неосторожно было бы подвергать волостное управленіе коренному преобразованію исключительно ради осуществленія принципа безсословности. Проектируемая правительствомъ новая организація волости не будетъ имѣть никакихъ преимуществъ предъ нынѣшнею въ административномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя разсчитывать, чтобы она оказалась способной оживить волость, какъ общественный союзъ, ибо искусственный характеръ этого учрежденія нисколько не уменьшится чрезъ включеніе въ составъ волостного общества всѣхъ

разнородныхъ и ничѣмъ внутренно необновленныхъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ осѣдлость на волостной территоріи. Дать волостнымъ обществамъ необходимыя средства для исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей по общему управленію можно при сохраненіи существующей волостной организаціи, путемъ назначенія волостямъ пособій изъ государственнаго казначейства". Итакъ, волость разсматривается прежде всего какъ административное учрежденіе; но вѣдь и съ этой точки зрѣнія нѣтъ основанія сохранять за нею сословный, крестьянскій характеръ. Правильное отправленіе административныхъ функцій одинаково важно для всѣхъ сословій, для всѣхъ общественныхъ классовъ. Несправедливость возложенія волостныхъ сборовъ на однихъ крестьянъ сознаетъ и авторъ резолюціи (Ѳ. Д. Самаринъ); но, не желая привлекать къ нимъ землевладѣльцевъ, онъ предлагаетъ... систему пособій изъ все выносящей и наполняемой преимущественно все тѣми же крестьянами государственной казны... Волость, какъ общественный союзъ, признается искусственнымъ учрежденіемъ; но вѣдь искусственность ея заключается именно въ томъ, что она обнимаетъ собою не все мѣстное населеніе. И что это за „внутреннее обновленіе разнородныхъ элементовъ", которое должно предшествовать ихъ объединенію? Почему дворяне и крестьяне и въ настоящемъ, „необновленномъ" своемъ видѣ могутъ вмѣстѣ работать въ уѣздѣ, а въ волости—не могутъ?.. Слабость аргументовъ соотвѣтствуетъ вполнѣ несостоятельности основной мысли.

Другая резолюція касается земскихъ начальниковъ. Соединеніе судебныхъ функцій съ обязанностями по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ она сначала признаетъ „хотя бы и теоретически неправильнымъ", но практически неизбѣжнымъ. Дальше, однако, мы читаемъ слѣдующее: „самая теоретическая неправильность такого совмѣщенія представляется весьма сомнительной, ибо законъ не возлагаетъ на земскаго начальника никакихъ полицейскихъ обязанностей, а его административныя функціи до извѣстной степени приближаются по своему характеру къ судебнымъ". Сквозь какія очки нужно смотрѣть на дѣло, чтобы найти нѣчто общее съ судебными функціями въ исполненіи начальственныхъ распоряженій, въ повѣркѣ не только законности, но и цѣлесообразности общественныхъ приговоровъ, въ удаленіи „неблагонадежныхъ" сельскихъ и волостныхъ писарей, въ „попеченіи о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи" крестьянъ? Совершенно невѣрно, притомъ, что законъ не возлагаетъ на земскихъ начальниковъ *никакихъ* полицейскихъ обязанностей. Во время отсутствія на мѣстѣ исправника или станового пристава земскій начальникъ „наблюдаетъ за дѣйствіями волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по охраненію

благочинія, безопасности и порядка, а также по предупрежденію и пресѣченію преступленій"; при тѣхъ же условіяхъ ему принадлежитъ „руководство нижними чинами уѣздной полиціи". Составители резолюціи не потрудились справиться съ закономъ — или забыли о немъ, какъ о чемъ-то для нихъ неудобномъ.

Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, работы совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства находятся еще въ полномъ ходу. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что настроеніе совѣта — и въ особенности земскихъ его членовъ — во многомъ сходно съ настроеніемъ дворянскаго съѣзда. Въ современномъ земствѣ преобладаютъ тѣ же теченія, что и въ дворянствѣ. Съ большою ясностью это обнаружилось въ недавнемъ постановленіи тульскаго губернскаго земскаго собранія, безусловно (большинствомъ 40 голосовъ противъ *пяти!*) высказавшагося за сохраненіе земскаго statu quo. Не нужно, съ точки зрѣнія нынѣшнихъ тульскихъ земцевъ, ни пониженія избирательнаго ценза, ни новаго распредѣленія гласныхъ между куріями, ни измѣненія въ составѣ курій; земство должно остаться сословнымъ, какимъ сдѣлало его положеніе 1890-го года. Такимъ прямолинейнымъ не окажется, можетъ быть, консерватизмъ большинства совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства; но мы нисколько не удивимся, если многими земскими членами совѣта слишкомъ либеральными будутъ признаны даже предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ. Курская губернія, напримѣръ, послала въ совѣтъ двухъ руководителей крайней правой на прошлогоднемъ московскомъ земскомъ съѣздѣ; близки, кажется, къ той же группѣ уполномоченные отъ губерній бессарабской, полтавской, смоленской, тульской, харьковской, херсонской. Прогрессивные земцы представлены въ совѣтѣ весьма слабо. Сомнительная сама по себѣ, цѣлесообразность *преддумья* — такъ названъ совѣтъ въ рѣчи, произнесенной, при его открытіи, П. А. Столыпинымъ, — становится еще болѣе спорной въ виду одноцвѣтности его состава. Посмотримъ, однако, какъ мотивированъ его созывъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

„При громадномъ пространствѣ Россійской имперіи, — сказалъ П. А. Столыпинъ, — при разныхъ условіяхъ мѣстностей, входящихъ въ ея составъ, между учрежденіями исполнительными, которыя разрабатываютъ законопроекты теоретически, и законодательными учрежденіями должна стоять еще промежуточная среда, вливающая живую силу въ выработанныя министерствомъ предположенія. При томъ громадномъ законодательномъ матеріалѣ, который вносится въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ, эти учрежденія могутъ осилить физически этотъ матеріалъ только если онъ чрезвычайно тщательно разработанъ, всесторонне освѣщенъ и провѣренъ. Такой порядокъ

несомнѣнно цѣлесообразенъ, и я думаю, что современемъ онъ станетъ необходимымъ факторомъ подготовительной работы въ нашемъ законодательномъ строѣ, который долженъ развиваться, конечно, по своему собственному своеобразному руслу. Я при этомъ разумѣю только законодательство, касающееся мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ законопроекты иного характера касаются учрежденій другихъ министерствъ. Конечно, былъ бы и другой путь для полученія мнѣнія съ мѣстъ. Это — путь запросовъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Но при громадномъ пространствѣ Россійской имперіи этотъ путь мнѣ кажется громоздкимъ и медлительнымъ. Я убѣжденъ, что только при живомъ сношеніи съ тѣми лицами, которыя составляютъ законопроекты, при словесномъ разъясненіи недоразумѣній, при сношеніи между собою лицъ, представляющихъ самые разнообразные интересы, можетъ быть всесторонне и правильно освѣщено дѣло. Для работъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта образованіе преддумья безъ всякой политической окраски, на чисто дѣловыхъ основаніяхъ, не можетъ не имѣть большого значенія. Я не отрицаю необходимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрашивать по вопросамъ крупнаго мѣстнаго значенія органы мѣстнаго самоуправленія, но я полагаю, что это цѣлесообразно не во всѣхъ случаяхъ и притомъ лишь послѣ того, какъ вопросъ будетъ обсужденъ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства".

Изъ всѣхъ этихъ соображеній основательнымъ намъ кажется только одно: указаніе на неудобство обращенія къ отдѣльнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Громадное число отзывовъ, данныхъ безъ всякаго предварительнаго обмѣна мыслей, безъ всякихъ попытокъ къ соглашенію, было бы не чѣмъ инымъ, какъ излишнимъ балластомъ. Группировка отзывовъ, произведенная въ канцелярскомъ порядкѣ, вытравила бы изъ нихъ всѣ слѣды жизненности — а обойтись безъ группировки было бы невозможно, въ виду массы сырого матеріала. Изъ правильной исходной точки предсѣдатель совѣта министровъ вывелъ, однако, неправильное заключеніе: онъ допустилъ возможность передачи нѣкоторыхъ вопросовъ на заключеніе органовъ мѣстнаго самоуправленія, но только *послѣ* обсужденія ихъ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. О чемъ же будетъ говорить каждое земство въ отдѣльности, послѣ того какъ выскажется собраніе представителей всѣхъ земствъ? Зачѣмъ прибѣгать къ менѣе совершенному способу дѣйствій, когда уже испытанъ сравнительно болѣе совершенный? Зачѣмъ удлинять и усложнять и безъ того уже длинную и сложную процедуру? Представимъ себѣ, что вопросы, теперь дебатируемые совѣтомъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, будутъ переданы, вмѣстѣ съ его резолюціями, на обсужденіе губернскихъ земскихъ со-

браній: вѣдь это задержитъ движеніе реформы по меньшей мѣрѣ на цѣлый годъ, нимало не увеличивъ шансы удовлетворительной ея разработки.

Отдавать „преддумью“ преимущество передъ системой отдѣльныхъ запросовъ—не значитъ еще признавать его чѣмъ-то полезнымъ и раціональнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ съ участіемъ выборныхъ представителей отъ земства могло бы считаться немаловажнымъ шагомъ впередъ; теперь оно несомнѣнно знаменуетъ собою шагъ назадъ. Изготовивъ, ко времени созыва второй Государственной Думы, законопроектъ о выборѣ земскихъ гласныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ не находило, по-видимому, нужнымъ проводить его черезъ какой-то предварительный искусъ. Мысль о „промежуточной средѣ“ зародилась въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, реакціонно настроенныхъ и враждебныхъ всякой коренной реформѣ. Подхваченная прошлогоднимъ московскимъ съѣздомъ, она была усвоена правительствомъ, совершившимъ эволюцію въ томъ же направленіи, какъ и земство. Достаточнаго объясненія и оправданія сдѣланной уступки мы въ рѣчи П. А. Столыпина не видимъ. Къ „вливанію живой силы въ предположенія министерства“ призвана Государственная Дума, не нуждающаяся при этомъ въ помощи „промежуточнаго учрежденія“. Велико пространство имперіи, разнообразны условія составныхъ ея частей — но вѣдь со всѣхъ концовъ этого пространства идутъ въ Думу люди, знакомые съ мѣстными условіями. Между депутатами очень много земскихъ дѣятелей, прежнихъ и настоящихъ—и нѣтъ причины предполагать, что имъ меньше извѣстно и меньше понятно положеніе земскаго дѣла, чѣмъ уполномоченнымъ отъ земскихъ собраній, засѣдающимъ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Если для правильнаго рѣшенія земскихъ вопросовъ нужно земское „преддумье“, то почему же не учредить промышленное преддумье — для вопросовъ, касающихся промышленности, торговое преддумье — для вопросовъ касающихся торговли, и т. д., и т. д.? „Своеобразное русло“, проложенное такимъ образомъ для русской политической жизни, было бы загромождено цѣлымъ рядомъ плотинъ, около которыхъ застаивалось бы теченіе и накоплялась бы масса ила. И гдѣ основаніе утверждать, что въ „промежуточной средѣ“ спорные вопросы получатъ всестороннее освѣщеніе“, „чисто дѣловое“, свободное отъ „политической окраски“? Не ясно ли, что въ дебатахъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства политическіе мотивы будутъ играть гораздо бо́льшую роль, чѣмъ дѣловые, и что „всесторонности“ отъ совѣта можно ожидать гораздо меньше, чѣмъ отъ Государственной Думы, гдѣ представлены, хотя и далеко не равномѣрно, всѣ главные взгляды, распространенные въ странѣ?

„Преддумьемъ“, созданнымъ въ видѣ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, недовольно, съ совершенно особой точки зрѣнія, „объединенное дворянство“. „Обходъ правительствомъ дворянскихъ, земскихъ и городскихъ организацій въ разработкѣ вопросовъ мѣстной жизни“ — гласитъ одна изъ послѣднихъ резолюцій дворянскаго съѣзда — „не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ восполненъ совѣтомъ по мѣстнымъ дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ; такой обходъ является явнымъ увлеченіемъ иноземными образцами централизаціи и пренебреженіемъ завѣтами лучшихъ сторонъ нашей національной исторіи“. Легко себѣ представить, во что обратилось бы движеніе законодательныхъ работъ, если бы онѣ сообщались на предварительное заключеніе не только земскихъ, но и дворянскихъ собраній. О какихъ завѣтахъ исторіи говоритъ, притомъ, дворянскій съѣздъ? Всѣмъ извѣстны случаи—весьма малочисленные,—когда правительство, приступая къ той или другой реформѣ, желало знать мнѣніе о ней земства; но мы рѣшительно не помнимъ, чтобы подобные запросы были обращаемы къ дворянскимъ собраніямъ. Или, можетъ быть, съѣздъ имѣетъ въ виду губернскіе комитеты, образованные для подготовки освобожденія крестьянъ? Но вѣдь эти комитеты не обнимали собою всего дворянства и сослужили полезную службу лишь настолько, насколько не подчинялись—въ лицѣ своего меньшинства—тенденціямъ, господствовавшимъ обыкновенно въ средѣ сословія... Ни въ пятидесятыхъ годахъ, ни позднѣе, когда на разсмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній передавался вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати или о реорганизаціи крестьянскаго управленія, у насъ не было, притомъ, ничего похожаго на народное представительство; по неволѣ приходилось прибѣгать къ его суррогатамъ, потерявшимъ всякій смыслъ со времени учрежденія Государственной Думы... Упрекая правительство въ увлеченіи „иноземными образцами централизаціи“, дворянскій съѣздъ очевидно забылъ, что *въ сферѣ законодательства* децентрализація мыслима лишь при федеральномъ строѣ государства или при такъ называемой автономіи областей. Ни то, ни другое не входитъ, конечно, въ кругъ дворянскихъ пожеланій.— Въ жалобѣ на *обходъ* дворянскихъ собраній съ особенною ясностью выразилась бѣдность мысли, составляющая, вмѣстѣ съ эгоистичностью пожеланій, отличительную черту „объединеннаго дворянства“.

Въ противоположность громадному большинству дворянскаго съѣзда, отрицающему необходимость коренныхъ преобразованій или откладывающему ихъ ad calendas graecas „полнаго успокоенія“, предсѣдатель совѣта министровъ признаетъ невозможнымъ „все оставить по старому“. Правительство, по его словамъ, „обязано всю свою нравственную силу направить къ обновленію страны“. Обновленіе это

„должно послѣдовать снизу; надо начать съ замѣны вывѣтрившихся камней фундамента и дѣлать это такъ, чтобы не поколебать, а укрѣпить всю постройку". Это сравненіе нельзя понимать буквально. Въ реальной постройкѣ фундаментъ по неволѣ приходится возобновлять по частямъ; въ постройкѣ государственной, если она сильно устарѣла и расшаталась, новый фундаментъ можетъ и долженъ быть возведенъ сразу. Большихъ оговорокъ требуетъ и мысль объ обновленіи снизу. У насъ плодотворная преобразовательная работа сдѣлалась мыслимой только послѣ приступа къ обновленію сверху—и если такъ медленно и туго подвигается первая, то именно потому, что далеко еще не закончено послѣднее... О существѣ и предѣлахъ „обновленія снизу", предпринимаемаго правительствомъ, можно будетъ судить только тогда, когда будетъ оглашенъ текстъ министерскихъ законопроектовъ. Было бы весьма печально, если бы мелкой административной единицѣ, которою предполагается замѣнить крестьянскую волость, были даны лишь „нѣкоторыя земскія функціи". Чтобы сыграть роль въ обновленіи народной жизни, вновь организуемая мелкая единица должна быть *по преимуществу* основной ячейкой мѣстнаго самоуправленія; административныя—и притомъ отнюдь не полицейскія—ея функціи должны быть только придаткомъ къ функціямъ земскимъ. На этомъ пунктѣ выборнымъ членамъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предстоитъ показать, насколько имъ понятны и близки истинные интересы населенія.

„Я никогда не скрывалъ и не скрываю"—воскликнулъ предсѣдатель совѣта министровъ,—„что у правительства существуетъ намѣреніе настаивать на томъ, чтобы сохранить въ земствѣ вліяніе и значеніе наиболѣе культурнаго, наиболѣе образованнаго элемента, наиболѣе, притомъ, привыкшаго къ земской работѣ, а именно—класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ". Въ печати была сдѣлана попытка истолковать эти слова въ смыслѣ благопріятномъ для дворянства, т.-е. въ смыслѣ намѣренія сохранить сословное начало, внесенное въ земство положеніемъ 1890-го года. Мы думаемъ, что предсѣдатель совѣта министровъ имѣлъ въ виду не дворянъ, а всѣхъ вообще сравнительно крупныхъ землевладѣльцевъ. Вліяніе этого класса можетъ быть велико само по себѣ; искусственное увеличеніе его было бы большою ошибкой. Культурность перестала быть монополіей верхнихъ слоевъ населенія. Что къ земской работѣ способны широкія народныя массы, это доказали наглядно „крестьянскія земства"—вятское и пермское,—стоящія (или стоявшія еще недавно, до постигшаго ихъ административнаго разгрома) впереди многихъ земствъ въ такъ называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ.

Въ началѣ истекшаго мѣсяца исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, когда во главѣ отдѣла стоялъ Я. А. Соловьевъ, онъ сыгралъ важную и высоко полезную роль, подготовляя крестьянскую реформу и руководя приступомъ къ ея осуществленію; но это продолжалось недолго. Новыя теченія, представителемъ которыхъ былъ П. А. Валуевъ, взяли верхъ надъ завѣтами редакціонныхъ коммиссій. Съ тѣхъ поръ земскій отдѣлъ сталъ такимъ же зауряднымъ министерскимъ департаментомъ, какъ и всѣ другіе. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ равнодушіе къ крестьянскому вопросу, царившее при Тимашевѣ и Маковѣ, уступило мѣсто, послѣ короткаго періода „диктатуры сердца", преобразованіямъ наоборотъ, шедшимъ прямо въ разрѣзъ съ основными началами положеній 1861-го года. Иногда они проводились энергично, иногда какъ бы затихали, но всегда находили усердныхъ исполнителей въ земскомъ отдѣлѣ. Кульминаціоннаго своего пункта стремленіе закрѣпить обособленность и неполноправность крестьянъ достигло при Сипягинѣ и Плеве. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, на сцену выступили другія вѣянія: вмѣсто отстаиванія общины, которымъ, съ своей особой точки зрѣнія, такъ долго и такъ усердно занималось министерство внутреннихъ дѣлъ, начались попытки ея разрушенія. Въ виду всего этого крайне спорными представляются мысли, выраженныя министромъ внутреннихъ дѣлъ въ привѣтствіи юбилейному учрежденію. „Сохранить жизненность"—говоритъ П. А. Столыпинъ—„могутъ лишь государственныя учрежденія, дорожащія связью съ прошлымъ и преданіями, которыя придаютъ имъ историческую цѣнность. Въ этомъ отношеніи земскій отдѣлъ особенно счастливъ. Онъ зародился въ атмосферѣ великодушныхъ чувствъ и въ минуту яркаго поднятія народнаго самосознанія. Въ немъ живы воспоминанія величайшей реформы минувшаго столѣтія, въ его рядахъ служили сподвижники великихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ. Казалось, данный тою эпохою импульсъ къ усиленной работѣ отразился на всей дальнѣйшей дѣятельности отдѣла". На самомъ дѣлѣ никакой послѣдовательности въ исторіи земскаго отдѣла уловить нельзя, никакихъ преданій въ немъ не образовалось; воспоминанія лучшихъ временъ скоро обратились для него въ мертвую букву. И это не могло быть иначе. Традиціями живутъ только учрежденія самостоятельныя, независящія отъ чужой воли. Традиціи могли созрѣть и окрѣпнуть въ адвокатурѣ, въ выборномъ мировомъ судѣ, до извѣстной степени даже въ судѣ общемъ, но отнюдь не въ присутственномъ мѣстѣ, для котораго обязательно исполненіе начальническихъ приказаній, приспособленіе къ начальническимъ взглядамъ. Конечно, отдѣльныя должностныя лица могутъ сочувствовать или не

сочувствовать этимъ взглядамъ, подчиняться имъ за совѣсть или только за страхъ. На чьей сторонѣ, въ настоящее время, симпатіи руководителей земскаго отдѣла—это видно изъ почетнаго подарка, поднесеннаго чинами отдѣла бывшему его главѣ, В. І. Гурко. Н мраморномъ пьедесталѣ, поддерживающемъ серебряную фигуру кузнеца, имѣются надписи: „Смѣлому борцу за русскія начала, за дорогую родину В. І. Гурко отъ земскаго отдѣла. 1902 — 1906 г.", и „Желѣзной волей и силой вдохновенія государственный дѣятель куетъ народное благо". Чтобы оцѣнить эти надписи, нужно припомнить, что въ 1902—4 г. г. Гурко, въ качествѣ управляющаго земскимъ отдѣломъ, былъ, вмѣстѣ съ г. Стишинскимъ, главнымъ проводникомъ политики В. К. Плеве, а позже, въ качествѣ товарища министра, явился сторонникомъ предначертаній П. А. Столыпина, во многомъ существенно различныхъ... Поднятію престижа г. Гурко овація земскаго отдѣла способствуетъ, такимъ образомъ, не въ бóльшей степени, чѣмъ избраніе его, на послѣднемъ дворянскомъ съѣздѣ, въ члены совѣта объединеннаго дворянства.

Значеніе потери, понесенной, въ лицѣ А. И. Чупрова, русской наукой и русской соціально-политической литературой, указано выше другомъ покойнаго, товарищемъ его по университетской и общественной дѣятельности, М. М. Ковалевскимъ. Не только Москва, ближайшая свидѣтельница жизни А. И. Чупрова, но и вся мыслящая Россія оцѣнила по достоинству высокій характеръ покойнаго, его хрустально-чистую душу, его неутомимую работу на общую пользу. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ его профессорскій юбилей былъ торжественно отпразднованъ въ Москвѣ. Еще торжественнѣе она почтила его память, встрѣчая и провожая его останки. Въ теченіе многихъ дней газета, которой онъ отдалъ столько труда и заслуженному успѣху которой оказалъ столь сильное содѣйствіе, помѣщала на своихъ страницахъ длинный рядъ статей, писемъ и телеграммъ, проникнутыхъ самымъ искреннимъ горемъ. Особенно глубокое впечатлѣніе произвело на насъ сообщеніе г-жи Е. Болдыревой („Русскія Вѣдомости" № 51). Чтобы облегчить ей полученіе мѣста учительницы, А. И. снабдилъ ее рекомендательнымъ отзывомъ. Съ этимъ отзывомъ она отправилась, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, къ инспектору народныхъ училищъ. Это былъ уже не молодой, обрюзгшій человѣкъ. Прочитавъ переданную ему бумагу, онъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: „Господи! Ал. Ив. Чупровъ! Да вѣдь я былъ въ московскомъ университетѣ и слушалъ его лекціи!" „Больше" — продолжаетъ г-жа Болдырева — „онъ ничего не сказалъ. Онъ заходилъ по комнатѣ и

погрузился весь въ прошлое, забывъ о моемъ присутствіи. Я сидѣла не шевелясь, боясь нарушить минуты этого прекраснаго забвенія. Достаточно было услыхать имя Ал. Ив., прочесть нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукой, чтобы все, что есть лучшаго въ человѣкѣ, всколыхнулось и озарилось тѣмъ свѣтомъ, который такъ присущъ былъ Александру Ивановичу. Не знаю, какъ долго продолжалось бы наше молчаніе, но вошелъ слуга, и С. замѣтилъ меня. Онъ быстро подошелъ и заговорилъ взволнованно: „Я сдѣлаю для васъ все, что могу".—Не поразительно ли сходство этого разсказа съ дивными страницами въ „Рудинѣ" Тургенева, посвященными воспоминаніямъ Лежнева о кружкѣ Покорскаго? „Эхъ! славное было время тогда"—говоритъ Лежневъ, — „и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ. Да оно и не пропало, — не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ. Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только при немъ произнести имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и душной комнатѣ раскупорилъ забытую склянку съ духами"! Да, велико обаяніе тѣхъ, одно имя которыхъ можетъ воскресить въ сердцѣ забытые порывы, угасшія чувства! Такимъ обаяніемъ обладалъ Бѣлинскій, обладалъ Грановскій, обладалъ Кавелинъ — и именно въ немъ заключалась главная сила Чупрова... Не менѣе цѣнно свидѣтельство о вліяніи, которое до самаго конца жизни сохранялъ Чупровъ. Его даетъ авторъ внутренняго обозрѣнія въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ" (№ 11). Немного лѣтъ тому назадъ въ русской высшей школѣ, существовавшей тогда въ Парижѣ, читалъ лекціи К. Р. Качоровскій, извѣстный знатокъ и сторонникъ общины. Его старанія возбудить къ ней сочувствіе и интересъ вызвали неудовольствіе въ средѣ соціалъ-демократической молодежи, составлявшей значительную часть слушателей школы. К. Р. Качоровскому было предложено прекратить чтенія; послѣ его отказа былъ произведенъ скандалъ въ аудиторіи. Въ эту проникнутую нетерпимостью атмосферу явился А. И. Чупровъ и своею рѣчью „снова зажегъ умиравшее было въ нѣкоторыхъ чувство любви къ пахарю, трудящемуся надъ своею нивой... Разслоенная толпа вдругъ почувствовала себя частицей великой націи—частицей оторванной отъ родной земли, отъ живого настоящаго дѣла. И когда А. И. уходилъ, его проводили съ единодушнымъ восторгомъ всѣ бывшіе въ залѣ"... Какъ дѣйствовалъ А. И. на молодыхъ людей, только-что садившихся на университетскую скамью, чѣмъ онъ былъ для своихъ ближайшихъ учениковъ — это прекрасно показалъ проф. Косинскій („Русскія Вѣдомости" № 63). И чѣмъ больше будетъ накопляться матеріаловъ для біографіи А. И. Чупрова,

тѣмъ ярче будетъ свѣтъ, озаряющій его чудную личность. Въ Москвѣ составился комитетъ съ цѣлью пріискать лучшій способъ употребленія суммъ, поступающихъ со всѣхъ сторонъ для увѣковѣченія памяти А. И. Чупрова. Не замедлитъ, по всей вѣроятности, образоваться и общество его имени, подобное тому, которое учреждено недавно при московскомъ университетѣ въ память кн. С. Н. Трубецкого. Теперь меньше чѣмъ когда-либо Россія должна забывать людей, открывавшихъ передъ нею широкія перспективы соціальнаго и умственнаго развитія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1908.

I.

— Проф. В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III. Москва. 1908. Стр. 476.

Пусть спеціалисты говорятъ, что многія части „Русской исторіи" проф. Ключевскаго устарѣли или — накануне устарѣнія, но общей оцѣнкѣ она подлежитъ, разумѣется, не съ этой точки зрѣнія. Ея великая дидактическая цѣнность не можетъ быть оспариваема; какъ бы отрицательно ни относиться, съ философской или научной стороны, къ общей идеѣ, проводимой чрезъ этотъ курсъ, — но его концепція такъ цѣльна, такъ глубоко продумана, съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ проведена чрезъ всю эпопею и вычеканена въ каждомъ отдѣльномъ явленіи, что уже сама по себѣ является замѣчательнымъ памятникомъ національной мысли, могучимъ воспитательнымъ средствомъ, подобно великимъ художественнымъ концепціямъ нашихъ великихъ поэтовъ. И, далѣе, мы не знаемъ лучшей школы для воспитанія ума къ историческому пониманію, нежели этотъ самый процессъ детальнаго одухотворенія историческихъ фактовъ, этотъ поразительный по силѣ и ясности анализъ вещей, событій, лицъ, идей и отношеній, который составляетъ, такъ сказать, ткань „Исторіи" В. О. Ключевскаго. Можетъ быть, обо всѣхъ этихъ вещахъ и лицахъ можно мыслить иное, но иначе мыслить нельзя; здѣсь достигнута величайшая цѣлесообразность метода въ примѣненіи идеи къ историческимъ даннымъ, и совершенство этой архитектуры долженъ будетъ признать даже тотъ, кто признаетъ невѣрнымъ самый планъ этого зданія. Не говоримъ уже о литературномъ дарованіи автора, о блестящихъ характеристикахъ, разсѣянныхъ по всѣмъ томамъ „Исторіи", о томъ

очарованіи прошлаго, которое, составляя какъ бы атмосферу книги, властно охватываетъ читателя: все это слишкомъ извѣстно всякому, кто читалъ и, особенно, кто слушалъ В. О. Ключевскаго.

Проф. Ключевскій приступилъ къ изданію своего курса не въ разгарѣ, а подъ-конецъ своей ученой и преподавательской дѣятельности; этимъ въ значительной степени обусловленъ характеръ его курса. Предъ нами ясное, спокойное, увѣренное знаніе; нѣтъ колебаній, нѣтъ недоумѣній, нѣтъ ни темныхъ мѣстъ, ни зіяющихъ проваловъ; все хорошо извѣстно и выяснено,—остается только осмыслить всю эту вереницу явленій и въ плавной рѣчи провести ее передъ читателемъ. Образованный иностранецъ, прочитавъ курсъ проф. Ключевскаго, удивился бы или позавидовалъ бы намъ; онъ сказалъ бы, что наше знаніе объ исторіи любого народа (исключая античную исторію, которую мы знаемъ только суммарно) вовсе не похоже на гладкую шоссейную дорогу, что оно похоже скорѣе на цѣлую сѣть дурныхъ дорогъ и тропинокъ, гдѣ на каждомъ шагу крутые подъемы, обрывы и бездорожье, и онъ высказалъ бы удивленіе этому курсу, который въ экипажѣ на мягкихъ рессорахъ, безостановочно и ни разу не вскинувъ, такъ комфортабельно провезъ его чрезъ необозримыя пространства русской исторіи. Разумѣется, это не такъ; русская исторія не глаже, а хуже всякой западной исторіи, уже потому, что она моложе; и оттого, какъ учебникъ русской исторіи, курсъ проф. Ключевскаго, вѣроятно, оставляетъ желать многаго. Но этотъ недостатокъ—не что̀ иное, какъ оборотная сторона его главнаго достоинства. Та единая, цѣльная, глубоко-продуманная концепція, на протяженіи долгихъ лѣтъ научной работы, естественно должна была ассимилировать себѣ фактическій матеріалъ и сообщить ему—субъективно, конечно—характеръ несомнѣнности; она сглаживаетъ неровности, соглашаетъ (или не замѣчаетъ) противорѣчія, перекидываетъ мосты чрезъ пропасти нашего знанія, словомъ, такъ же односторонне объясняетъ дѣйствительность, какъ всякая вѣра, но зато и такъ же — пусть и несовершенно—раскрываетъ предъ нами *сущность* явленій. Что̀ же такое и есть наука, какъ не истолкованіе явленій, какъ не философская гипотеза о нихъ? Простое констатированіе фактовъ—не наука, а знаніе, тотъ матеріалъ, изъ котораго строитъ наука; и потому знаніе объективно и мертво, а наука не можетъ и не должна быть объективной: она субъективна, какъ все живое, какъ всякій индивидуальный разумъ.

Вышедшій теперь третій томъ курса обнимаетъ Смутное время и правленіе первыхъ двухъ царей изъ династіи Романовыхъ, т.-е. подготовку Петровской реформы. Это, по мысли В. О. Ключевскаго,—начало четвертаго періода русской исторіи. Принципомъ ея дѣленія на періоды является у проф. Ключевскаго, какъ извѣстно, постепен-

ная колонизація восточно-европейской равнины русской народностью: каждый этапъ этой колонизаціи—какъ бы привалъ, на которомъ народъ устраивался иначе, нежели на предыдущей стоянкѣ. Четвертый періодъ, обнимающій время съ начала XVII до половины XIX вѣка (1613—1855),—послѣдній и окончательный этапъ этого пути, когда народъ распространился по всей равнинѣ и даже перешелъ за ея предѣлы. Днѣпровскій, верхне-волжскій, великорусскій, всероссійскій—такъ обозначилъ эти четыре привала или періода проф. Ключевскій въ планѣ курса, изложенномъ во введеніи къ первому тому. Предъ нами, слѣдовательно, начало всероссійскаго періода.

Если уже самый этотъ принципъ дѣленія, по существу географическій, даетъ нѣкоторое представленіе о характерѣ историко-философской концепціи, на которой построенъ курсъ проф. Ключевскаго, то еще болѣе уясняется она той схемой четвертаго періода, которая изложена на первыхъ страницахъ настоящаго тома. Пять фактовъ, говоритъ проф. Ключевскій, характеризуютъ этотъ періодъ. Во-первыхъ, на московскомъ престолѣ садится новая династія. Во-вторыхъ, государственная территорія достигаетъ границъ русской равнины и предѣловъ русской народности. Въ-третьихъ, ослабѣвшее боярство вытѣсняется новымъ правительственнымъ классомъ—дворянствомъ. Въ-четвертыхъ, закрѣпленіе классовой разверстки повинностей, окончательно разобщая сословія, влечетъ за собою закрѣпощеніе крестьянства. Наконецъ, въ-пятыхъ, рядомъ съ прежней сельско-хозяйственной эксплуатаціей страны теперь съ возрастающимъ значеніемъ выступаетъ въ народномъ хозяйствѣ промышленность обрабатывающая.

Таковы факты; что̀ говоритъ намъ ихъ соотношеніе? Оно, по словамъ проф. Ключевскаго, способно вызвать недоумѣніе. Мы привыкли думать, что ростъ національнаго могущества поднимаетъ и въ отдѣльной личности, и въ массѣ сознаніе своей силы, а это сознаніе влечетъ за собою расширеніе политической свободы. Далѣе, мы привыкли думать, что усиленіе производительности народнаго труда неизмѣнно сопровождается улучшеніемъ правового положенія трудящихся классовъ. Наконецъ, демократизація управленія считается вѣрнымъ залогомъ сплоченія и уравненія общества. Оказывается, что у насъ все это было наоборотъ: обычно-наблюдаемая прямая пропорціональность у насъ замѣнилась обратною; территоріальное расширеніе государства шло въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ развитію свободы народа; политическое положеніе трудящихся классовъ ухудшается по мѣрѣ усиленія экономической производительности ихъ труда; демократизація управленія сопровождается усиленіемъ соціальнаго неравенства и дробности. То, что̀ въ другихъ странахъ вело къ сво-

бодѣ, у насъ вело къ рабству, и все вообще вело у насъ не къ свободѣ, а къ рабству.

Въ этомъ замѣчательномъ наблюденіи есть, очевидно, двѣ стороны— формальная и существенная: 1) контрастъ между развитіемъ Россіи и развитіемъ западныхъ націй; 2) характеръ этого контраста — тенденція русской исторіи къ порабощенію народа. Естественно спросить: почему историческіе законы дѣйствовали у насъ обратно по сравненію съ другими странами, и почему все вело насъ не къ свободѣ, а къ рабству?

На эти вопросы проф. Ключевскій не отвѣчаетъ. Онъ обѣщаетъ на первыхъ страницахъ показать, *какъ* дѣйствовали у насъ эти законы и *какъ* народъ все глубже погружался въ рабство,—и это обѣщаніе онъ сдерживаетъ въ полной мѣрѣ; эту свою задачу онъ ни на мгновеніе не упускаетъ изъ виду, она—единственная нить, на которую онъ нанизываетъ разнородные факты нашей исторіи, и надо удивляться стройности и неотразимой логичности этого доказательнаго анализа. Но это только анализъ, это историческая физіологія. Отсюда былъ одинъ шагъ до раскрытія біологическаго закона, до отвѣта на вопросъ „почему?" — но этого шага проф. Ключевскій не дѣлаетъ. Вопросъ „почему" здѣсь вовсе не носитъ телеологическаго характера; это лишь углубленное „какъ", это вопросъ о *болѣе* глубокихъ, *болѣе* общихъ, *болѣе* основныхъ факторахъ, обусловившихъ тотъ или иной ходъ развитія. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, физіологическіе процессы подчинены общимъ біологическимъ законамъ, и смыслъ науки, какъ мы ее понимаемъ, заключается именно въ умозрительномъ подчиненіи первыхъ послѣднимъ. Проф. Ключевскій останавливается на пол-пути, и тѣмъ нарушаетъ обѣщаніе, данное имъ во введеніи къ первому тому его курса, тамъ, гдѣ онъ выясняетъ важность изученія мѣстной исторіи для уразумѣнія законовъ строенія человѣческихъ обществъ. Онъ говорилъ тамъ, что дѣйствіе историческихъ явленій на складъ человѣческой жизни „носитъ характеръ закономѣрнаго, необходимаго отношенія или достаточнаго основанія. Мы наблюдаемъ—говоритъ онъ далѣе—строеніе человѣческихъ обществъ, дѣйствіе силъ, надъ ними работающихъ, соотношеніе элементовъ, ихъ составляющихъ, условія, направляющія ихъ взаимодѣйствіе, и при этомъ замѣчаемъ, что всѣ эти условія и соотношенія запечатлѣны мѣстнымъ характеромъ и внѣ даннаго мѣста не повторимы. Причинная связь историческихъ явленій, преемственность культуръ и цивилизацій даетъ возможность связать ихъ на протяженіи тысячелѣтій въ послѣдовательный процессъ развитія человѣчества. Но чтобы найти и понять скрытыя пружины, движущія этотъ общій культурно-историческій процессъ, надобно на время оторваться отъ него и сосредото-

чить вниманіе на частичныхъ мѣстныхъ строеніяхъ, представляемыхъ жизнью того или другого народа". — Отойти на время, конечно, не значитъ забыть; напротивъ, это значитъ все время помнить общую задачу и искать отвѣта на нее въ частномъ явленіи. Но въ своемъ курсѣ проф. Ключевскій ограничивается мѣстно-историческимъ обобщеніемъ, не пытаясь ни подвести его подъ какую-нибудь всеобще-историческую концепцію (какъ это дѣлали, напримѣръ, славянофилы), ни даже свести къ національно-психологическимъ основамъ. Какъ ученый, онъ правъ; какъ историкъ-философъ, онъ стоитъ, повторяемъ, на пол-дорогѣ. Онъ захотѣлъ быть философомъ, не обнаруживая цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія.

Но и то уже важно, что въ данныхъ предѣлахъ, т.-е. въ предѣлахъ исторической физіологіи, проф. Ключевскій создалъ памятникъ совершенный по цѣлесообразности и красотѣ цѣлаго и частей. Въ смыслѣ значительности отдѣльныхъ этюдовъ третій томъ особенно богатъ. Чего стоитъ одинъ анализъ причинъ „Смуты" и ея послѣдствій, или удивительная картина роста политическаго сознанія въ русскомъ обществѣ, или выясненіе роли раскола въ подготовкѣ умовъ къ Петровской реформѣ и въ психикѣ самого Петра! Все это—шедёвры историческаго анализа, какъ шедёврами историческаго портретнаго искусства являются разсѣянныя тамъ-и-сямъ художественныя характеристики отдѣльныхъ лицъ—царя Ѳедора, Бориса, Никона, и особенно Алексѣя Михайловича и Ртищева. Большой художникъ сказывается въ этомъ умѣньи немногими штрихами очертить лицо и, вмѣстѣ, поставить его въ надлежащую перспективу. Ему достаточно трехъ строкъ, чтобы запечатлѣть въ насъ образъ Софьи: „Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту—стыдомъ". Или вотъ начало характеристики царя Ѳедора: „Поучительное явленіе въ исторіи старой московской династіи представляетъ этотъ послѣдній ея царь Ѳедоръ. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительнымъ умѣньемъ обрабатывать свои житейскія дѣла, страдало фамильнымъ избыткомъ заботливости о земномъ, и это самое племя, погасая, блеснуло полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земного, вымерло царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современниковъ, всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки, помышляя только о небесномъ". Это не только красивая фраза, это больше, чѣмъ эффектный контрастъ: это — художественный просвѣтъ въ тайную сущность вещей. Такихъ образчиковъ можно было бы привести множество. Но не въ нихъ однихъ и не въ нихъ преимущественно сказывается большое художественное дарованіе автора:

оно дышитъ въ каждой строкѣ, въ построеніи цѣлаго, въ каждомъ анализѣ, и оно-то составляетъ главную прелесть этой совершенной, хотя и незавершённой исторіи.

II.

— Вел. Кн. Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Тт. I и II (А—І, К—П). С.-Петербургъ. 1907—1908. Стр. 517 и 486.

Два великолѣпно изданныхъ тома быстро послѣдовали одинъ за другимъ. Громадный трудъ этотъ, предпринятый по мысли Великаго Князя, исполненъ В. И. Саитовымъ въ сотрудничествѣ съ Б. Л. Модзалевскимъ: два имени, гарантирующихъ высокія достоинства работы, т.-е. безусловную точность описанія и полноту литературныхъ справокъ. Въ „Московскомъ Некрополѣ“, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ именъ даны надгробныя надписи со всѣхъ уцѣлѣвшихъ камней и памятниковъ московскихъ кладбищъ, мы пріобрѣтаемъ первоклассное исторіографическое пособіе. Только историкъ можетъ оцѣнить богатство заключеннаго здѣсь матеріала. Есть сотни второстепенныхъ дѣятелей въ нашемъ прошломъ, о которыхъ точныя свѣдѣнія (даты рожденія и смерти, служебное положеніе и пр.) впервые можно найти только здѣсь, и есть тысячи ничѣмъ не прославившихся лицъ, которыя однако оставили слѣдъ въ біографіи того или другого дѣятеля и о которыхъ опять-таки только здѣсь можно узнать, по крайней мѣрѣ, внѣшнія данныя; не говоримъ уже о важности этого матеріала для опредѣленія родственныхъ отношеній и пр. Все это мелкія и сухія свѣдѣнія, но часто крайне цѣнныя. Вотъ пара случайныхъ примѣровъ. У Огарева есть необыкновенно задушевное стихотвореніе, озаглавленное въ рукописи: Е. Г. Л.; оно посвящено памяти женщины, и его предположительно относили къ Е. Г. Левашевой. Объ этой замѣчательной женщинѣ, съ которою были дружны Чаадаевъ и многіе изъ „идеалистовъ 30-хъ годовъ“, много говорятъ въ своихъ мемуарахъ и Герценъ, и Анненковъ, но точныхъ свѣдѣній о ея жизни у насъ нѣтъ. Изъ „Московскаго Некрополя“ узнаёмъ, что она умерла 9-го марта 1839 года,—и этимъ совершенно подтверждается догадка о принадлежности ей стихотворенія Огарева, которое въ рукописи помѣчено именно мартомъ 1839 года. Или вотъ другой примѣръ: въ 40-хъ годахъ, по возвращеніи Герценовъ въ Москву, у нихъ здѣсь одинъ за другимъ умерло двое дѣтей; для пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ въ „Дневникѣ“ Герцена важно знать, когда умерли эти дѣти и въ какомъ возрастѣ: эти свѣдѣнія впервые сообщаетъ „Некрополь“, какъ и годъ смерти единственнаго брата Герцена, Егора Ивано-

вича (1882). Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что отнынѣ безъ „Московскаго Некрополя" не сможетъ обходиться ни одинъ изслѣдователь, работающій въ области новой русской исторіи.

Просматривая эти страницы, невольно вспоминаешь мѣткія слова Пушкина о русской надгробной литературѣ:

...надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ,
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный...

Скудость мысли и слòва въ этихъ надписяхъ поразительна, стихи ужасны, сентенціи примитивны до крайности.

Наслѣдство внукамъ ты оставилъ,
Заставилъ помнить о тебѣ;
Но, службой памятникъ поставивъ,
Обязанъ ты лишь самъ себѣ.

Эти безсмысленные стихи—еще не изъ худшихъ. Глубина характеристикъ обычно не идетъ дальше заявленій вродѣ: „На мѣстѣ семъ лежитъ добродѣтельми украшенный супругъ"; назидательность сводится къ напоминанію о смерти, какъ удѣлѣ всего живого:

Колико горестей живущимъ смерть наноситъ!
Но всѣ мы жертвы ей, и насъ подобно скоситъ.

На протяженіи всего второго тома, гдѣ описано нѣсколько тысячъ гробницъ, мы встрѣтили только одну содержательную и прекрасную надпись—о нѣкоемъ Лодыгинѣ, умершемъ въ 1817 году: „Онъ былъ человѣкъ мало извѣстный, потому что извѣстность чрезвычайно рѣдко сопутствуетъ добродѣтелямъ. Онъ былъ нѣжнѣйшій супругъ и отецъ. Онъ былъ самый безкорыстный человѣкъ, какой только былъ на свѣтѣ. Онъ любилъ искренно весь родъ человѣческій и былъ пламеннымъ поборникомъ истины и правосудія. Люди не понимали и не стоили его великой души, а онъ не хотѣлъ опуститься до нихъ. Отъ того и страдалъ". Зато встрѣчаются надписи необыкновенно характерныя; самую характерную мы приведемъ здѣсь—она по содержанію и формѣ представляетъ цѣлую картину эпохи:

„Подъ симъ камнемъ въ земныя нѣдра скрыто тѣло героя, терзавшаго враговъ отечества, вѣрнаго его сына, именемъ и дѣлами, какъ фамиліею Леонтьевыхъ и Еварлаковыхъ, такъ заслугами безсмертныя достойнаго славы ген.-аншефа... Н. М. Леонтьева... который при четырехъ великихъ всероссійскихъ императорскихъ самодержавныхъ особахъ, неусыпнымъ и неустрашимымъ воиномъ показывая, на бранѣхъ многократно свою проливалъ кровь и степенно достигъ до такого высокаго достоинства; миромъ же и спокойствомъ послѣ начи-

нающаго наслаждаться, безчеловѣчный рабъ (т.-е. крѣпостной) злоумышленнымъ оружейнымъ въ хоромное окно выстрѣломъ лишилъ жизни 1769 г., сентября 19 дня".

III.

— Markus Wischnitzer. Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts. Berlin. Verlag von E. Ebering. 1907. 221 S.

Работа г. Вишницера производитъ странное впечатлѣніе. Прямая задача автора — прослѣдить вліяніе Гёттингенскаго университета на развитіе политическихъ идей въ русскомъ обществѣ за первую четверть прошлаго столѣтія. Задача узкая, но не лишенная историческаго интереса; какъ-разъ такія ограниченныя, мѣстныя изслѣдованія даютъ иногда очень цѣнные результаты, и если когда-нибудь возникнетъ параллельная политической экономіи наука *духовной* экономіи, наука о накопленіи и распространеніи духовныхъ цѣнностей, она будетъ въ значительной степени опираться на монографіи подобныя той, какую обѣщаетъ намъ заглавіе книги г. Вишницера.

Къ сожалѣнію, книга мало соотвѣтствуетъ своему заглавію: меньше всего въ ней говорится именно о вліяніи Гёттингена на русское общественное движеніе указанной эпохи. Начать съ того, что непосредственно этому предмету посвящены, изъ двухсотъ страницъ, только первыхъ страницъ сорокъ. Здѣсь двѣ главы: „Русскіе студенты въ Гёттингенѣ преимущественно за 1800—1812 гг." и „Русскіе въ общественной жизни Гёттингена". Въ первой перечислены русскіе, учившіеся въ Гёттингенѣ, начиная съ Полѣнова (1766 г.), и изложено содержаніе ихъ работъ, болѣе или менѣе отразившихъ въ себѣ вліяніе этого университета. Новаго во всемъ этомъ мало; о книгѣ Полѣнова, Кайсарова и др. мы знаемъ изъ Семевскаго; цѣнно въ этой главѣ — только то, что авторъ говоритъ о характерѣ преподаванія въ Гёттингенскомъ университетѣ и направленіи отдѣльныхъ профессоровъ. Во второй главѣ, преимущественно на основаніи неизданной переписки Михайловскаго-Данилевскаго, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, авторъ старается доказать, что русскіе, учившіеся въ Гёттингенѣ, входили въ тѣсное общеніе какъ съ мѣстнымъ обществомъ, такъ, въ особенности, со своими учителями. Его доказательства мало убѣдительны потому, что касаются только двухъ-трехъ человѣкъ, притомъ игравшихъ потомъ въ Россіи ничтожную роль, какъ самъ Михайловскій-Данилевскій, фонъ-деръ-Бриггенъ и др. И здѣсь любопытно только то, что̀ авторъ разсказываетъ собственно о духовной атмосферѣ са-

мого Гёттингена, безотносительно къ опредѣленнымъ русскимъ студентамъ. Такимъ образомъ, положительный результатъ его изслѣдованія „о вліяніи Гёттингена, и т. д.“ не великъ. Этого, разумѣется, нельзя ставить въ вину автору: онъ зависѣлъ отъ наличныхъ матеріаловъ, а матеріалы его болѣе чѣмъ скудны. Но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало, на нашъ взглядъ, ограничиться переименованіемъ русскихъ студентовъ въ Гёттингенѣ за намѣченный періодъ и простой характеристикой тогдашняго Гёттингена, т.-е. университета и общества. Это сдѣлало бы его изложеніе болѣе стройнымъ и избавило бы его отъ огульныхъ обобщеній и натяжекъ, въ какія онъ впадаетъ на протяженіи этихъ первыхъ двухъ главъ при всякой попыткѣ открыть фактическіе слѣды гёттингенскаго вліянія въ трудахъ и стремленіяхъ русскихъ гёттингенцевъ.

Но за этими краткими двумя главами слѣдуютъ еще шесть другихъ, представляющихъ собою, смѣемъ думать, одно большое недоразумѣніе: это не что̀ иное, какъ обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Тургенева! Конечно, Н. И. Тургеневъ три года слушалъ лекціи въ Гёттингенѣ; конечно, мысли, изложенныя имъ въ его „Опытѣ теоріи налоговъ“, были внушены ему гёттингенской наукой,— но почему онъ весь, со всей русской дѣятельностью, съ его единой на всю жизнь думою — объ освобожденіи крестьянъ, принадлежитъ Гёттингену,—это тайна автора. И именно тайна, потому что показать мало-мальски явные слѣды гёттингенскаго вліянія въ дѣятельности Тургенева онъ, конечно, не можетъ, и довольствуется, часто въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, патетическими восклицаніями: здѣсь-де надо видѣть просвѣтительное вліяніе благороднаго Георгія-Августа! Да не подумаетъ читатель, что мы преувеличиваемъ. Г. Вишницеръ, дѣйствительно, узурпировалъ въ пользу Гёттингена всю русскую дѣятельность Тургенева. Вотъ заголовки всѣхъ остальныхъ главъ его книги, кромѣ первыхъ двухъ, упомянутыхъ выше: „Учебные годы Н. Тургенева“, „Тургеневъ на государственной службѣ“, „Политическія сочиненія Тургенева“, „Къ вопросу о возникновеніи первыхъ тайныхъ обществъ въ Россіи“, „Н. Тургеневъ и Союзъ Благоденствія“, „Отношенія Тургенева къ тайнымъ обществамъ послѣ московскаго съѣзда“. Какое отношеніе имѣетъ къ Гёттингену исторія декабристовъ и роль въ ней Н. И. Тургенева, это остается столь же неизвѣстнымъ по прочтеніи разбираемой книги, какъ было и до того. Отношенія, разумѣется, нѣтъ никакого.

Самъ по себѣ этотъ очеркъ дѣятельности Н. И. Тургенева (на которой гораздо больше отразилось вліяніе Штейна, чѣмъ геттингенской науки) написанъ такъ, какъ пишутся дѣльныя нѣмецкія диссертаціи: съ отличнымъ знаніемъ матеріаловъ, очень вдумчиво и добро-

совѣстно, но безъ всякаго живого интереса къ дѣлу, и потому—сухо и скучно. Г. Вишницеръ превосходно владѣетъ своимъ матеріаломъ, и съ этой стороны у него могли бы поучиться многіе русскіе, пишущіе объ эпохѣ декабристовъ; это дѣлаетъ ему тѣмъ бо̀льшую честь, что работа его писана за-границей,—а матеріалы все русскіе, тамъ достающіеся нелегко. Онъ обнаруживаетъ притомъ близкое знакомство не только съ непосредственно интересующими его фактами, но и съ общимъ положеніемъ Россіи въ ту эпоху, и съ настроеніями общества; онъ вѣрно намѣчаетъ перспективу, вѣрно оцѣниваетъ удѣльный вѣсъ отдѣльныхъ личностей, и т. д. Самую біографію Тургенева и его проекты реформъ онъ излагаетъ, главнымъ образомъ, конечно, по „La Russie et les Russes“, книгѣ Тургенева, излагаетъ крайне добросовѣстно и доказательно. Новаго здѣсь нѣтъ ничего; все это можно найти у Семевскаго и Корнилова — или у самого Тургенева; но здѣсь все это сведено во-едино. Если бы только во всемъ этомъ бился живой пульсъ, это была бы цѣнная работа. Но авторъ пишетъ о Н. И. Тургеневѣ, крѣпостномъ правѣ и „Союзѣ благоденствія“ такъ, какъ умѣстно писать развѣ о формахъ латинскаго глагола; онъ до такой степени лишенъ художественнаго и историческаго воображенія, что его книга ложится на душу, какъ кирпичъ. Впрочемъ, можетъ быть, наше впечатлѣніе ложно; можетъ быть, оно — просто результатъ недоумѣнія, которое неотступно преслѣдовало насъ во все время чтенія, результатъ обманываемаго на каждой страницѣ ожиданія—понять наконецъ: причемъ здѣсь Гёттингенъ?

Надо прибавить, что все сказанное здѣсь о книгѣ г. Вишницера касается только ея цѣнности для насъ, русскихъ. Въ Германіи, напротивъ, она можетъ быть полезна (если ее станутъ тамъ читать) хотя бы уже вѣрнымъ, основаннымъ на новѣйшихъ данныхъ, изложеніемъ исторіи нашихъ первыхъ тайныхъ обществъ.

IV.

— Бѣлоруссовъ. Въ старомъ домѣ. Разсказы, воспоминанія, размышленія. Изд. С. Доровatовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1908 г. Стр. 287.

Старый домъ — это старая Россія, то недалекое наше прошлое, которое лежитъ позади послѣднихъ четырехъ лѣтъ, Россія въ полномъ расцвѣтѣ стараго режима. Авторъ мастерски разсказываетъ о ней, безъ притязаній на особенную глубину или художественность, но до художественности мѣтко и задушевно. Онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, и умѣлъ наблюдать, и еще больше умѣлъ ненавидѣть рабскій гнетъ и любить тѣхъ, кто лежалъ въ подножіи пирамиды. И лучшее

въ его книгѣ—это ея мягкая, грустная задушевность, часто переходящая въ юморъ. Онъ называетъ Бѣлоруссію своей родиной и разсказываетъ большею частью о временахъ своей молодости: можетъ быть отсюда и теплота, и незлобіе его воспоминаній, такъ подкупающія читателя. Они придаютъ его настроеніямъ чрезвычайно личный характеръ. По раціонализму мышленія, по исключительности общественнаго интереса, по горечи за многострадальный народъ, это—типичный русскій интеллигентъ, но душевный строй, питающій и окрашивающій это сознаніе, глубоко-индивидуаленъ и имѣетъ въ себѣ какую-то интимную, женственную прелесть.

Это все разсказы о произволѣ и насиліи стараго режима, о „горѣ селъ, дорогъ и городовъ". Длинной вереницей проходятъ предъ нами безропотные и бунтующіе страстотерпцы, цѣлая галерея портретовъ и жанровыхъ картинъ, то потрясающихъ, то забавныхъ, но всегда нелѣпыхъ до такой степени, что мягкій юморъ автора точно самъ собою рождается изъ вещей, какъ ихъ естественный колоритъ. Вся эта громадная масса стихійно копошится въ нелѣпости, коверкающей жизнь и сокрушающей сердца; преднамѣренна только *система*, и ея очертанія четко рисуются въ этомъ хаосѣ.

Вотъ кучка ссыльныхъ въ непрестанной полу-юмористической, полу-трагической борьбѣ съ мѣстнымъ помпадуромъ; вотъ бабы бѣлорусскія, въ шестой разъ идущія за сорокъ верстъ къ земскому за солдатскимъ пособіемъ; вотъ стачка работниковъ на спичечной фабрикѣ въ бѣлорусскомъ городкѣ; вотъ бѣлорусская волость, издавна зараженная ложной идеей, „что на сыпучемъ пескѣ при неудобномъ надѣлѣ и суровомъ сосѣдѣ ни рожь расти не можетъ, ни жить нельзя", и своимъ умомъ дошедшая до метафизической увѣренности, „что господамъ надо быть писанными въ бобыльствѣ и жить въ городахъ"; вотъ еврейскій погромъ въ Могилевѣ триста лѣтъ назадъ и въ Гомелѣ вчера; вотъ самосудъ надъ конокрадами, и еще много-много большихъ и малыхъ ужасовъ жестокой, нелѣпой, несчастной русской жизни. Но духъ Божій вѣетъ и здѣсь, и на смѣну рабамъ идутъ „новые люди". Самъ авторъ принадлежитъ къ много-испытаннымъ: семнадцать лѣтъ жизни отнялъ у него „режимъ". Его автобіографія—цѣлый итинерарій въ предѣлахъ русскаго сѣвера: „Я жилъ—говоритъ онъ о себѣ—въ Вельскѣ, въ Сольвычегодскѣ, въ Чаусахъ, жилъ въ Мезени, въ Ишимѣ и Маріинскѣ, жилъ въ Якутскѣ и въ якутскихъ улусахъ, жилъ въ Енисейскѣ и въ Верхоянскѣ, въ томъ Верхоянскѣ, въ которомъ постоянно обитаетъ полюсъ холода, гдѣ 5 мѣсяцевъ подъ-рядъ термометръ не поднимается выше — 60° Цельсія, гдѣ пудъ гнилой муки стóитъ 5 р. 50 к."; и со свойственнымъ ему юморомъ онъ говоритъ, что все это онъ претерпѣлъ, и не замерзъ на полюсѣ холода, и послѣ

всѣхъ этихъ нелѣпыхъ мытарствъ онъ юношески-бодро смотритъ на жизнь и на будущее.

Это удивительно-симпатичная и, притомъ, хорошо написанная книга. Всего лучше удаются автору полу-беллетристическіе очерки изъ прошлаго, всего слабѣе онъ тамъ, гдѣ только разсуждаетъ. Его лучшій разсказъ—„Нюша"; зато три „Своевременныхъ размышленія" совсѣмъ плохи: ѣдкій сарказмъ ему не къ лицу и перо Свифта не по его рукѣ.

V.

— А. Ернефельтъ. Чада земли. Пер. съ финскаго М. Благовѣщенской. Изданіе „Посредника". Москва. 1908 г. Стр. 110.

Послѣ нашихъ альманаховъ и сборниковъ, среди сутолоки нашей болѣзненно-утонченной, въ бреду мятущейся молодой литературы напасть на эту финскую повѣсть—все равно, что изъ душной комнаты выйти на воздухъ и всей грудью вдохнуть его бодрящую, чистую свѣжесть. Если бы здѣсь было умѣстно это слово, мы сказали бы, что читать ее—большое наслажденіе. Она написана настоящимъ художникомъ, не первоклассным, но въ своемъ родѣ очень глубокимъ и тонкимъ. И однако впечатлѣніе, производимое ею, никто не назоветъ чисто-эстетическимъ; моральный элементъ играетъ въ немъ не меньшую роль, чѣмъ художественный, и оба такъ гармонично слиты, какъ это очень рѣдко встрѣчается въ литературѣ.

„Чада земли" — разсказъ о бѣдномъ финскомъ торпарѣ Кинтури (торпарь — безземельный крестьянинъ, наслѣдственно арендующій у землевладѣльца небольшой участокъ земли и уплачивающій аренду обыкновенно барщиной, т.-е. нѣсколькими днями работы въ недѣлю). Кинтури нагрубилъ своему безсовѣстному хозяину, и за то лишается торпа: его просто со всей семьей выбрасываютъ вонъ. Эта фабула переплетается съ другою, мѣсто дѣйствія которой—въ домѣ сосѣдняго богатаго землевладѣльца; тамъ на почвѣ сытости и давней культуры расцвѣтаютъ идеи соціальной справедливости и нѣжная, благоуханная любовь. И вотъ вѣрный штемпель художника: при всей опредѣленности своихъ симпатій и моральныхъ оцѣнокъ авторъ ни на одну іоту не умаляетъ ту субъективную оправданность, какую носятъ въ себѣ каждый человѣкъ и каждое явленіе быта. Онъ не равнодушенъ, совсѣмъ нѣтъ, но онъ объективенъ въ высшемъ смыслѣ слова, какъ можетъ быть объективенъ только человѣкъ, которому его органическое, сознательное міровоззрѣніе помогаетъ лучше улавливать сущность явленій, и какъ никогда не можетъ быть человѣкъ морально-равнодушный, если только онъ не геній. Поэтому у него есть великая жа-

лость, но нѣтъ ни слѣпого пристрастія къ угнетеннымъ, ни злобы къ угнетателямъ. Въ жизни много зла, но и добро, и зло въ ней равно закономѣрны, и потому въ ней нѣтъ виновныхъ и некого карать. Хозяинъ Кинтури, этотъ безсердечный собственникъ, жирѣетъ съ каждымъ днемъ, такъ что уже самая большая газета не можетъ закрыть его, когда онъ сидитъ и читаетъ ее. „И чѣмъ больше онъ жирѣлъ, тѣмъ онъ глубже вѣрилъ въ то, что существуетъ громадная разница между тѣми, кто владѣетъ землей, и тѣми, кто ее обрабатываетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тотъ, кто владѣетъ землей, не долженъ ее обрабатывать, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, не долженъ ею владѣть. Было бы такъ же трудно заставить его отказаться отъ этого убѣжденія, какъ заставить его похудѣть". Нѣтъ, онъ ни въ чемъ не виновенъ. И не виновенъ также благородный владѣлецъ громаднаго имѣнія Раухалахти, этотъ прекрасный старикъ, сидящій въ креслѣ-качалкѣ въ своемъ устланномъ мягкими коврами кабинетѣ, съ пѣнковой трубкой въ рукахъ и въ тысячный разъ съ любовью перебирающій старинныя письма своихъ предковъ, прожившихъ здѣсь же, въ этой чудесной усадьбѣ, свой безмятежный вѣкъ, — не виновенъ ни въ чемъ, даромъ, что окрестные торпари погибаютъ съ голоду, потому что онъ никому не сдаетъ земли въ аренду. Онъ просто не знаетъ, что̀ такое голодъ, да и какъ онъ могъ это узнать? И онъ дѣйствительно благородный человѣкъ, и вокругъ него, въ его кругу, дѣйствительно много благородства и красоты: радость и свобода — прекрасная почва для культуры; и оттого также нечему удивляться, если торпари оказываются неблагородными и доносятъ на него русской полиціи въ надеждѣ, что съ изгнаніемъ господъ земля перейдетъ къ нимъ: „Обѣщайте крестьянину землю, и онъ пойдетъ на все, и обманетъ кого угодно. Вотъ какіе они, я хорошо ихъ знаю. Все дѣло въ кускѣ хлѣба!"

Но то, о чемъ мы говоримъ,—только остовъ разсказа. Надо самому прочитать его (и мы совѣтуемъ это каждому), чтобы испытать обаяніе этой высшей справедливости, этого кроткаго сознанія, которое именно потому всѣмъ прощаетъ, что все видитъ, и даже не прощаетъ, а окружаетъ лаской просто за то, что оно—живое. Необычайная мягкость разлита по всей этой повѣсти, и это такъ безотчетно сливается съ нѣжнымъ поэтическимъ колоритомъ, который сообщаютъ ей и художественная манера автора, глубоко-интимная въ своемъ скрытомъ лиризмѣ, женственно-нѣжная, и самый характеръ изображаемой страны и ея жителей, эта грустная кротость сѣвера. Свои поэтическіе вымыслы и картины (а между ними есть очаровательные) Ернефельтъ даетъ безъ малѣйшей аффектаціи, безъ напряженія: они непринужденно вытекаютъ изъ фабулы и естественно сливаются съ

общимъ фономъ разсказа. Въ новѣйшей беллетристикѣ мы рѣдко встрѣчали такія поэтическія страницы, какъ начало третьей главы, гдѣ пчелы и осы такъ очаровательно-просто введены въ развитіе сюжета.

Надо быть благодарнымъ переводчицѣ за то, что она познакомила насъ съ чудеснымъ финскимъ поэтомъ. На обложкѣ книги—его портретъ: умное, славное, серьезное лицо и—огрубѣвшія жилистыя руки рабочаго человѣка. Любопытны біографическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о немъ переводчица: онъ—сынъ генерала русской службы, потомъ сенатора, готовился сначала къ карьерѣ юриста, но подъ вліяніемъ проповѣди Толстого рѣзко измѣнилъ свою жизнь—выучился сначала сапожному мастерству, потомъ кузнечному, а лѣтъ десять назадъ (ему теперь около 47 лѣтъ) купилъ клочокъ земли и съ тѣхъ поръ занимается земледѣліемъ, продолжая въ то же время свою литературную дѣятельность.

VI.

— Эд. Карпентеръ. „Цивилизація, ея причина и излеченіе",—и другія статьи. Изданіе И. Ф. Наживина (годъ не обозн.). Стр. 293.

— Его же. „Я есмь". Перев. съ англ. И. Ф. Наживина. Изд. „Посредника". Москва 1907. Стр. 46.

— Его же. „Я поднимаюсь изъ тьмы". Избранныя стихотворенія въ прозѣ. Перев. С. Орловскаго. Изд. „Посредника" (годъ не обозн.). Стр. 51.

На-ряду съ Рёскиномъ и Моррисомъ, Эд. Карпентеръ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ практическихъ мыслителей Англіи и одинъ изъ передовыхъ умовъ современнаго культурнаго человѣчества вообще. Это умъ анти-историческій, свободный отъ традиціи, сродни нашему Л. Н. Толстому. Отъ Толстого русскіе читатели впервые и услыхали имя Карпентера, какъ и имя другого, еще болѣе замѣчательнаго и еще менѣе извѣстнаго „учителя жизни" — американца Генри-Давида Торо. Карпентеръ еще живъ и даже не очень старъ (онъ родился въ 1844 г.). Повидимому, и самая его жизнь, т.-е. его личность и дѣятельность, чрезвычайно интересна; къ сожалѣнію, гг. Наживинъ и Орловскій ограничились въ своихъ предисловіяхъ очень скудными свѣдѣніями на этотъ счетъ. Названныя выше три книжки представляютъ собою большей частью выборки изъ различныхъ произведеній Карпентера. Какъ ни недостаточенъ этотъ матеріалъ, все же онъ даетъ возможность ознакомиться по крайней мѣрѣ съ основными мыслями Карпентера. Эти статьи нелегко читать; мысль Карпентера глубока, но не отчетлива; ему чужды удивительная сила и ясность, отличающія языкъ Толстого; онъ сохранилъ нѣкоторыя дурныя ма-

неры сектантскихъ проповѣдниковъ (онъ—бывшій священникъ): многословіе, злоупотребленіе метафорами и пр. Но читать его стòитъ и надо: трудъ окупается сторицей.

Карпентеръ считаетъ современную цивилизацію зломъ или, по крайней мѣрѣ, болѣзнью, и въ этомъ смыслѣ, казалось бы, не даетъ ничего новаго; и онъ, какъ его предшественники, какъ Руссо и Толстой, въ общихъ чертахъ опредѣляетъ эту болѣзнь словами: уклоненіе отъ природы. Но въ чемъ именно онъ видитъ это уклоненіе, чтò ставитъ критеріемъ естественности,—это ново и чрезвычайно глубоко.

И онъ, какъ всѣ до него, перечисляетъ всѣ отрицательныя стороны цивилизація: неравенство, эксплуатацію человѣка человѣкомъ, насиліе правительствъ, распространеніе болѣзней, и пр., — и онъ говоритъ о физической крѣпости дикарей, гармоничности ихъ общественнаго быта, и пр.,—но самую болѣзнь современнаго человѣчества онъ видитъ не въ этихъ отрицательныхъ сторонахъ его жизни: онѣ для него — лишь симптомы болѣзни, корень которой онъ ищетъ совсѣмъ въ другой сферѣ,—не въ строѣ жизни, а въ томъ, чтò обусловливаетъ этотъ строй,—въ психическомъ складѣ современнаго человѣка. Онъ исходитъ изъ той мысли, что абсолютно нормальнымъ существомъ является лишь существо абсолютно цѣлостное, въ которомъ всѣ органы тѣла и духа безусловно подчинены единой центральной волѣ. Нарушеніе этого единства означаетъ болѣзнь; такъ, тѣлесной болѣзнью является возникновеніе въ тѣлѣ новаго непослушнаго центра—нарывъ, гипертрофія какого-нибудь органа, и т. п.; въ духовной области болѣзнь начинается, когда какая-нибудь страсть заявляетъ себя, какъ, независимый центръ мысли и дѣйствія,—и не только страсть, какъ, напримѣръ, честолюбіе, похоть и т. п., но и любая добродѣтель, практикуемая ради нея самой, и самый интеллектъ,—„такъ какъ человѣкъ не есть органъ, не заключенъ въ какомъ-либо органѣ, но есть центральная жизнь, управляющая и освѣщающая всѣ органы и указывающая имъ ихъ роль“. Жизнь въ каждомъ существѣ есть не чтò иное, какъ постоянная борьба, посредствомъ которой враждебныя силы или организмы подчиняются цѣлому и обращаются на службу ему, или же отбрасываются имъ прочь, какъ вредныя. Слѣдовательно, болѣзнь тѣла или духа есть разрушеніе единства человѣка, ослабленіе центральной власти и ростъ отдѣльныхъ непокорныхъ центровъ. Розовый кустъ, внесенный въ комнату, становится добычей травяныхъ вшей; но стòитъ ему окрѣпнуть на свѣжемъ воздухѣ, и паразиты исчезнутъ. Этотъ законъ равно приложимъ ко всякой органической жизни, — и къ человѣку, и къ обществу; такъ, въ здоровомъ обществѣ были бы невозможны паразиты вродѣ не-труда-

ющагося акціонера или полисмена: матеріалъ, которымъ они питаются, не существовалъ бы, и они должны были бы или погибнуть, или превратиться во что-либо полезное.

Это уничтоженіе единства, эта множественность центровъ—говорить Карпентеръ—представляютъ собою болѣзнь роста. Ни животное, ни дикарь, не знаютъ ея: они здоровы, т.-е. абсолютно цѣльны; но они не знаютъ, что они такое. Чтобы достигнуть самосознанія, человѣкъ долженъ былъ распасться, подвергнуться ужасному недугу отдѣленія его истиннаго „я" отъ „я" преходящаго и тлѣннаго; чтобы осуществить совершенную жизнь, чтобы узнать, какъ она прекрасна, и понять, что все счастіе состоитъ въ обладаніи ею, онъ долженъ былъ на время разлучиться съ нею, долженъ былъ утратить единство и покой. Это и было дѣломъ цивилизаціи: она разрушила единство его природы. Какъ на одно изъ самыхъ разительныхъ проявленій распада, Карпентеръ указываетъ на половую жизнь современнаго человѣчества: „Половой актъ перестаетъ быть частью религіознаго богослуженія; любовь и желаніе, внутренняя и внѣшняя любовь, нераздѣльныя до сихъ поръ, теперь становятся двумя различными вещами. Это достигаетъ высшей точки и кончается, какъ въ наше время, полнымъ разрывомъ между духовной реальностью и тѣлеснымъ осуществленіемъ въ обширной системѣ продажной любви, покупаемой и продаваемой въ публичномъ домѣ и во дворцѣ". Съ ослабленіемъ центральнаго узла человѣкъ становится жертвой собственныхъ органовъ и чувствъ,—онъ начинаетъ ощущать ихъ въ ихъ мучительной самостоятельности,—„всякій органъ по очереди напоминаетъ о себѣ и становится ареной безпорядка, всякое мѣсто въ тѣлѣ становится сценой и символомъ болѣзни, и человѣкъ въ ужасѣ смотритъ на свое царство,—размѣровъ котораго до сихъ поръ онъ не подозрѣвалъ,—пылающее огнемъ возстанія противъ него". Внутреннее единство человѣка—это его единство съ вселенной, такъ какъ своей центральной волей онъ органически сообщается съ космосомъ; распаденіе центра знаменуетъ собою расторженіе этой связи: вотъ въ какомъ смыслѣ современная цивилизація является уклоненіемъ или отпаденіемъ отъ природы.

Какъ же можетъ быть излечена болѣзнь цивилизаціи? Карпентеръ указываетъ два средства. Одно заключается въ томъ, чтобы усилить центральную власть, пока она станетъ достаточно сильна, чтобы покорить непослушные элементы и возстановить единство; это можетъ быть достигнуто переходомъ къ здоровой жизни, физической и духовной; это способъ медленный и трудный, но прочный и дѣйствительный. Другое средство—такъ сказать, медицинское: напасть на болѣзнь снаружи и, если можно, уничтожить ее безотносительно къ внутренней жизни; и этотъ способъ, какъ вспомогательный, можетъ принести

значительную пользу, если только главное вниманіе будетъ обращено на уничтоженіе корня болѣзни.

Таковы основныя мысли Карпентера. Ихъ фокусомъ является, какъ мы видѣли, идея центральнаго психо-физическаго существа въ человѣкѣ, органическаго единства личности. Съ этой именно точки зрѣнія онъ, въ извѣстной статьѣ (переведенной на русскій языкъ Л. Н. Толстымъ), критикуетъ современную науку: она не только фактически не даетъ намъ ничего, кромѣ ложныхъ и разрозненныхъ обобщеній, цѣнныхъ лишь въ практическомъ отношеніи,—она и не можетъ дать ничего другого, такъ какъ самый ея методъ невѣренъ. Человѣкъ не можетъ постигнуть природу однимъ дискурсивнымъ мышленіемъ; только прильнувъ къ ней всѣмъ существомъ, ставъ какъ бы сосудомъ, сообщающимся съ великимъ океаномъ міровой жизни, онъ можетъ созерцать ее во всей ея цѣлости и въ себѣ самомъ открыть ея тайну. И здѣсь, слѣдовательно, первое условіе — возстановленіе внутренняго единства человѣка, всецѣлое его подчиненіе своему центральному „я".

Мысли Карпентера имѣютъ такъ много общаго съ религіозной философіей индусовъ, что совершенно понятно его стремленіе поближе ознакомиться съ нею. Онъ провелъ въ Индіи около года (въ 1890 — 91 г.), и результатомъ этой поѣздки была книга „Отъ пика Адама до Элефанты". Нѣсколько главъ изъ этой книги издалъ теперь г. Наживинъ по-русски подъ заглавіемъ „Я есмь". То, что сообщаетъ здѣсь Карпетеръ о духовной практикѣ индусскихъ мудрецовъ, въ высшей степени замѣчательно. Онъ говоритъ здѣсь объ умственныхъ мукахъ, составляющихъ по меньшей мѣрѣ девять-десятыхъ всѣхъ страданій жизни, обо всей этой массѣ мелкихъ желаній, заботъ, страховъ, которые непрестанно „поютъ и кувыркаются передъ нами и мѣшаютъ намъ слышать"; онъ мѣтко называетъ ихъ мыслями, преувеличивающими ощущеніе самихъ себя. Избавиться отъ нихъ, вѣрнѣе — научиться прогонять ихъ,—въ этомъ главное средство освобожденія; только тогда душа становится ясной и нѣтъ преградъ между ней и космосомъ, не говоря уже о достигаемой этимъ путемъ драгоцѣнной способности концентрировать умственную энергію, быть хозяиномъ всей своей мысли. Эти страницы Карпентера долженъ былъ бы прочитать и перечитывать всякій мыслящій человѣкъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о третьей книжкѣ, выпущенной у насъ подъ именемъ Карпентера,—„Я поднимаюсь изъ тьмы". Это—собраніе избранныхъ отрывковъ изъ первой книги Карпентера „Къ народовластію", стихотворенія въ прозѣ, какъ назвалъ ихъ переводчикъ. Здѣсь тѣ же основныя мысли Карпентера—о космосѣ, центральной волѣ въ человѣкѣ, личномъ и общественномъ искаженіи жизни—выражены лирически, въ формѣ гимновъ, на манеръ (и подъ

сильнымъ вліяніемъ) Уитмана. На русскаго читателя эти гимны не произведутъ впечатлѣнія; они кажутся просто скучными. По всей вѣроятности, виною тому переводъ. Вся сила такой лирики—въ могучемъ ритмѣ, который передать на другомъ языкѣ въ состояніи только большой конгеніальный талантъ; переводъ же г. Орловскаго глубоко прозаиченъ, несмотря на короткія строчки и „высокій штиль"; „птичка съ трепещущими крылами"—не поэтично, а только напыщенно.—М. Г.

VII.

— Т. В. Локоть. Бюджетная и податная политика Россіи. Москва. 1908. Ц. 1 р.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы, призвавшимъ къ разсмотрѣнію государственнаго бюджета выборныхъ представителей народа, интересъ общества къ финансовымъ вопросамъ значительно оживился сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда судьба государственнаго бюджета находилась въ исключительномъ вѣдѣніи бюрократіи. Новая позиція, занятая обществомъ относительно финансовъ государства, требуетъ подготовленія его къ раціональному выполненію новыхъ, возложенныхъ на него, обязанностей или, вѣрнѣе, къ осуществленію новаго, завоеваннаго имъ права. Знанія изъ области финансовыхъ наукъ были всего менѣе распространены въ нашемъ обществѣ, и современной литературѣ предстоитъ важная задача способствовать пополненію этого пробѣла. Удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о поднятіи русскихъ финансовъ на высоту, соотвѣтствующую грандіозной задачѣ грядущаго обновленнаго государственнаго строя—задачѣ приведенія страны въ состояніе, приличествующее ей какъ члену семьи цивилизованныхъ народовъ,—разрѣшеніе этой задачи врядъ-ли можетъ быть выполнено безъ спеціальныхъ изслѣдованій различныхъ финансовыхъ вопросовъ примѣнительно къ особенностямъ хозяйства и быта нашей родины. Это составляетъ вторую задачу литературы въ области финансовъ.

Къ выполненію двухъ этихъ задачъ русская финансовая наука мало подготовлена. До недавняго еще времени представителями этой отрасли знанія были профессора финансоваго права, мало выходившіе за границы учебной части, да чиновники, прикосновенные къ соотвѣтствующимъ отдѣламъ государственной службы. Намъ предстоитъ еще созданіе кадровъ лицъ, болѣе или менѣе компетентныхъ въ области финансовыхъ вопросовъ, послѣ чего можно будетъ ожидать и систематическаго выполненія тѣхъ задачъ, о которыхъ мы только-что упомянули. Современное же состояніе литературы по финансовымъ

вопросамъ еще очень примитивно, и особенно бѣдна литература, предназначенная для средняго интеллигентнаго читателя.

Указанная въ заголовкѣ настоящей замѣтки книга бывшаго члена первой Государственной Думы и профессора Ново-Александрійскаго сельско-хозяйственнаго института, Т. В. Локотя, принадлежитъ къ числу произведеній, назначенныхъ именно для средняго интеллигентнаго читателя, и заслуживаетъ поэтому особаго вниманія. Книга г. Локотя можетъ быть раздѣлена на три части. Въ одной дается очеркъ положенія бюджетнаго вопроса во второй Государственной Думѣ; затѣмъ производится критическій разборъ послѣднихъ бюджетовъ и, наконецъ, набрасывается историческій очеркъ бюджетной и податной политики русскаго правительства. Наибольшій интересъ имѣетъ послѣдняя часть. Критическое разсмотрѣніе тѣхъ или другихъ отдѣловъ современнаго бюджета читатель встрѣчаетъ чуть не въ каждомъ нумерѣ газеты и въ журналахъ; но чего недостаетъ ему, такъ это именно систематическихъ фактическихъ свѣдѣній о современномъ состояніи и исторіи русскаго и иностранныхъ бюджетовъ и о соотношеніи между финансовыми вопросами и задачами и соціальнымъ положеніемъ страны. По совершенно правильному замѣчанію автора, „полное пониманіе и правильное освѣщеніе бюджетныхъ вопросовъ въ настоящемъ требуетъ и знакомства съ ихъ прошлымъ"; и „эту послѣднюю задачу и преслѣдовалъ авторъ, составляя настоящій очеркъ по бюджетной и податной политикѣ Россіи". „Не будучи спеціалистомъ въ области финансовой науки, авторъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли придать своимъ очеркамъ научный характеръ и значеніе. Очерки носятъ чисто публицистическій характеръ", причемъ „авторъ стремился подчеркнуть, что только дѣйствительное утвержденіе демократически-конституціоннаго строя можетъ направить бюджетную и податную политику государства на правильный путь, можетъ облегчить огромное бремя, возложенное на народъ бюрократическимъ характеромъ финансоваго хозяйства государства". Этимъ разъясненіемъ авторъ самъ указываетъ, какой характеръ и значеніе имѣетъ его живо написанная книга. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ приложеніи къ разсматриваемому труду даны таблицы государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1881—1907 гг.

VIII.

— **Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Очерки по экономіи землевладѣнія и земледѣлія. Изданіе второе, во многомъ переработанное и дополненное. Москва. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.**

Какъ это явствуетъ и изъ заголовка новаго изданія труда профессора московскаго университета, Н. А. Каблукова, при его составленіи авторъ имѣлъ въ виду двойную задачу: изслѣдовать вопросъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи и „дать въ то же время руководство по основнымъ вопросамъ экономіи сельскаго хозяйства". Двѣ эти задачи, впрочемъ, не случайно связаны въ одномъ трудѣ. Можно по крайней мѣрѣ сказать, что если изученіе экономіи сельскаго хозяйства производить примѣнительно къ условіямъ русской жизни, то оно обратится въ изученіе условій развитія хозяйства крестьянскаго. Такъ широко распространено у насъ послѣднее и такъ малотипично наше крупное хозяйство. Разсматриваемое нами произведеніе есть результатъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго изученія авторомъ русской экономической дѣйствительности, по книгамъ и по непосредственному наблюденію, въ качествѣ земскаго статистика, при чемъ все это время мысль его „неотступно работаетъ надъ вопросомъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства". Авторъ не стоялъ одиноко въ этой работѣ, и интересующій его вопросъ не былъ выдвинутъ имъ лично въ силу внутренняго умственнаго къ нему тяготѣнія. Вопросъ о крестьянскомъ хозяйствѣ давно признавался главнѣйшимъ вопросомъ русской экономической дѣйствительности, и надъ выясненіемъ этого вопроса трудится множество экономистовъ и публицистовъ. Работа ихъ двигала разрѣшеніе даннаго вопроса приблизительно въ томъ же направленіи, въ какомъ шла работа мысли автора разсматриваемаго труда, и такая согласованность личнаго и массовыхъ изслѣдованій не могла, конечно, не отразиться на рѣшеніяхъ и заключеніяхъ отдѣльныхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и на развитіи взглядовъ г. Каблукова. Самъ авторъ почти соглашается съ этимъ. „Результатомъ всей этой продолжительной и разнообразной работы—говоритъ онъ—явилось у меня опредѣленное представленіе объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи—представленіе, выработанное, можетъ быть, и *не мною однимъ*, но не получившее, однако, до сихъ поръ въ нашей литературѣ своего опредѣленнаго выясненія въ одномъ цѣломъ произведеніи". Сказаннымъ, конечно, мы нисколько не умаляемъ заслуги г. Каблукова въ выясненіи даннаго вопроса. Его трудъ—не компиляція, а самостоятельное изслѣ-

дованіе, и тотъ фактъ, что общее, развиваемое имъ, представленіе выработано не имъ однимъ, лишь поднимаетъ цѣнность его произведенія, которое въ извѣстной степени можетъ считаться выраженіемъ взглядовъ цѣлаго общественнаго и научнаго теченія.

Теченію этому всего чаще придается несовсѣмъ опредѣленное наименованіе „народничество" — терминъ, подчеркивающій ту его черту, что въ центрѣ его симпатій и вниманія стоятъ трудящіяся массы,—по историческимъ и соціальнымъ условіямъ представлявшіяся до послѣдняго времени въ нашей странѣ главнымъ образомъ крестьянствомъ. Изученіе положенія послѣдняго въ статическомъ и динамическомъ отношеніяхъ и упраздненіе капиталистической его эксплуатаціи—вотъ научная и практическая задачи, составлявшія главный (но не единственный) предметъ его вниманія. Преимущественное вниманіе къ этимъ именно предметамъ въ значительной мѣрѣ истекало, конечно, изъ субъективныхъ моментовъ. Но широкое распространеніе даннаго направленія въ обществѣ послѣ крестьянской реформы и его оживленіе въ періодъ послѣдней освободительной борьбы даютъ основаніе полагать, что корни его глубоко внѣдрены въ почвѣ объективныхъ условій нашего быта. Выяснить эту сторону предмета, обнажить соціологическіе устои данной идеи, обосновать ее научно и объективно и развить въ стройную систему, обнимающую и объективныя ея предпосылки, и практическія заключенія—такова задача, выполненіе которой требовало множества теоретическихъ и конкретныхъ, общихъ и частныхъ изслѣдованій. Созданіе такой системы воззрѣній не представляется, конечно, безусловно необходимымъ въ практическомъ отношеніи. Важность крестьянскаго вопроса слишкомъ очевидна для того, чтобы заставить обратить на него вниманіе всѣхъ классовъ нашего общества. Но, не говоря уже о томъ, что недостаточно глубокое пониманіе предмета ведетъ къ ошибочнымъ или недодѣланнымъ мѣропріятіямъ сверху, научная разработка того, что̀ обнимается словами „крестьянскій вопросъ" въ широкомъ ихъ толкованіи, и построеніе цѣльной системы воззрѣній —представляются необходимыми еще потому, что, вслѣдствіе устраненія въ недавнемъ еще прошломъ народа отъ активнаго участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ и крайняго стѣсненія непосредственнаго общенія интеллигенціи и трудящихся массъ, интересы послѣднихъ не могли получить у насъ надлежащаго пониманія и представительства—прямымъ путемъ, осуществляемымъ въ свободныхъ странахъ. У насъ имѣетъ поэтому особенное значеніе кружный и сложный путь поддержанія авторитета данной идеи арсеналомъ идеологическихъ орудій: разносторонними изслѣдованіями, съ одной стороны, стройными логическими построеніями—съ другой. Аналогичныя явленія наблюдаются

при аналогичныхъ условіяхъ и въ Западной Европѣ; и тамъ, гдѣ рабочія массы оказывали ничтожное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ—возникали болѣе или менѣе утопическія или научныя системы воззрѣній, представлявшія, такъ сказать, идею и интересы этихъ массъ. Новѣйшее изъ такихъ построеній—ученіе соціалъ-демократіи—усвоено и въ Россіи. Основная его идея заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что окончательнаго освобожденія трудящихся массъ слѣдуетъ ожидать послѣ предварительнаго захвата хозяйственной жизни капиталомъ и на почвѣ выработанныхъ имъ техническихъ основаній промышленности.

Это ученіе импонируетъ цѣльностью и видимой научностью своихъ построеній. Оно обладаетъ этими признаками благодаря тому, что законы капиталистической эволюціи хозяйственной жизни — главнаго предмета его построеній — служили объектомъ тщательнаго изученія множества экономистовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, отъ Адама Смита до Маркса. Направленіе, подходящее къ вопросу объ упраздненіи капиталистической эксплуатаціи трудящихся иными путями, въ частности—направленіе, исходящее изъ идеи эволюціи хозяйственнаго быта Россіи на почвѣ сохраненія и дальнѣйшаго развитія самостоятельности трудового крестьянскаго хозяйства, при сохраненіи общиннаго землевладѣнія, и освобожденія отъ капиталистической эксплуатаціи его подсобныхъ промысловъ,—это направленіе не имѣетъ такихъ преимуществъ въ научномъ отношеніи и не можетъ, поэтому, теперь же выставить стройную и во всемъ согласованную систему воззрѣній. Направленіе это находится еще въ стадіи подготовительныхъ изслѣдованій подлежащихъ явленій и достигло въ этой области цѣнныхъ результатовъ, которые въ свое время послужатъ кирпичами для сооруженія цѣльнаго зданія. Попытки намѣтить конструкцію послѣдняго, правда, наблюдаются и въ настоящее время, но онѣ носятъ характеръ предварительныхъ эскизовъ, а не окончательныхъ построекъ. Разсматриваемый трудъ г. Каблукова имѣетъ болѣе солидный характеръ, но онъ ограничивается однимъ вопросомъ, имѣя задачею показать, что наиболѣе вѣроятнымъ направленіемъ эволюціи сельскаго хозяйства Россіи слѣдуетъ считать упраздненіе капиталистическаго производства и развитіе самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, какъ болѣе соотвѣтствующаго современнымъ условіямъ и болѣе выгоднаго для всей страны и для интересовъ сильныхъ классовъ современнаго общества — капиталистовъ и хозяевъ фабрично-заводскихъ предпріятій, и рабочаго персонала послѣднихъ. Въ этомъ произведеніи авторъ основывался, конечно, на данныхъ западно-европейской науки относительно сравнительной силы и преимуществъ мелкаго и крупнаго хозяйства вообще. Но, не говоря о томъ, что и въ этомъ

предметъ онъ внесъ немало своихъ дополненій и изысканій — часть его труда, разсматривающая спеціальныя условія россійской сельскохозяйственной дѣйствительности,—а рѣшающее значеніе въ данномъ построеніи имѣетъ эта именно часть,—построена всецѣло на русскихъ изслѣдованіяхъ.

Принимая, что авторъ выполнилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно и доказалъ, что мелкое земледѣліе болѣе крупнаго соотвѣтствуетъ условіямъ хозяйственнаго быта Россіи, — нельзя все-таки утверждать, что вопросъ о будущемъ крестьянскаго хозяйства получилъ теоретическое разрѣшеніе. Для благосостоянія крестьянина (безъ котораго недостижимо и богатое состояніе страны) недостаточно упроченія его земледѣльческаго хозяйства. Необходимо еще созданіе условій, обезпечивающихъ производительное приложеніе его рабочей силы въ теченіе зимняго полугодія, болѣе и болѣе освобождающейся отъ занятія по мѣрѣ того, какъ развитіе капиталистическаго производства уничтожаетъ подсобные заработки земледѣльцевъ. Въ передовыхъ странахъ это осуществляется путемъ развитія животноводства, требующаго приложенія рабочихъ силъ въ теченіе круглаго года. Основаніемъ же для такого преобразованія сельскаго хозяйства служитъ широкое развитіе индустріи и городской жизни, предъявляющихъ огромный спросъ на мясо, масло, молоко и т. п. предметы. До сихъ поръ, однако, широкое развитіе промышленности цивилизованныхъ странъ основывалось на сбытѣ ея продуктовъ не только на внутренніе, но и на внѣшніе рынки; а такъ какъ Россія почти не имѣетъ послѣднихъ для своихъ фабрикатовъ, то и возможность широкаго развитія ея промышленности,—а слѣдовательно и преобразованія ея сельскаго хозяйства по типу западно-европейскаго—остается подъ сомнѣніемъ. А если такъ, то возникаетъ вопросъ о возсоединеніи земледѣлія и промышленности, оторванныхъ другъ отъ друга капиталистическимъ развитіемъ хозяйственной жизни [1]). Г. Каблуковъ лишь мимоходомъ касается этого вопроса и, какъ на путь его разрѣшенія, указываетъ на развитіе кустарныхъ и возстановленіе домашнихъ (для потребленія семьи самого земледѣльца) промысловъ. Но въ двадцатомъ вѣкѣ врядъ-ли можно разсчитывать на возвращеніе техники прошлаго, и раціональнѣе предположить, что указанная выше задача будетъ разрѣшена путемъ новыхъ соціальныхъ комбинацій.

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ книгѣ „Судьба капиталистической Россіи“.

IX.

— С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи. 2-е изданіе, дополненное. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50.

Въ 1899 г. явилось въ свѣтъ сочиненіе г. С. Прокоповича: „Рабочее движеніе на Западѣ", заключавшее въ одномъ томѣ изложеніе нѣмецкаго и бельгійскаго движенія рабочихъ. Въ настоящее время выходитъ второе изданіе этого труда, настолько увеличившагося въ объемѣ, что онъ выпускается въ двухъ томахъ; описаніе бельгійскаго рабочаго движенія готовится къ печати, а „Рабочее движеніе въ Германіи" вышло въ свѣтъ и составляетъ предметъ настоящей замѣтки.

Г. Прокоповичъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ экономическія и политическія движенія рабочихъ. Къ первымъ принадлежатъ общества взаимопомощи, какъ страхованія, профессіональныя и кооперативныя организаціи; къ послѣднимъ авторъ относитъ нѣмецкую соціалъ-демократію. Методъ изложенія предмета — историческій, и разсматриваемая книга есть въ сущности исторія рабочаго движенія въ Германіи съ начала XIX вѣка. Историческій методъ позволяетъ уяснить зависимость формъ и успѣховъ рабочихъ организацій отъ измѣненія экономическихъ и политическихъ условій жизни страны, что̀ представляетъ особенный интересъ для нашего отечества, которому еще предстоитъ пережить многое изъ того, что̀ уже осуществилось на Западѣ. И авторъ разсматриваемаго труда останавливается съ особымъ вниманіемъ на разъясненіи этой зависимости.

Первыя организаціи промышленныхъ рабочихъ Германіи—въ видѣ кассъ взаимопомощи—возникли въ XIX вѣкѣ среди ремесленниковъ, подготовленныхъ къ этому цеховымъ строемъ, и развились изъ старыхъ союзовъ подмастерьевъ и цеховъ мастеровъ. Въ кассахъ, возникшихъ изъ цеховъ мастеровъ, на-ряду съ рабочими принимали участіе и мастера, и это находитъ себѣ объясненіе „въ неразвитости капиталистическихъ отношеній въ Германіи первой половины XIX вѣка" и отсутствіи рѣзкаго разграниченія между мастеромъ и подмастерьемъ: почти каждый подмастерье превращался современемъ въ мастера.

Въ кассахъ, возникшихъ изъ союзовъ подмастерьевъ, какъ откликъ былыхъ временъ — проявлялось еще боевое настроеніе по отношенію къ мастерамъ; но оно было задушено объединившимися нѣмецкими правительствами, и къ половинѣ XIX в. экономическія организаціи ремесленниковъ носили совершенно мирный характеръ обществъ

взаимопомощи въ нуждѣ. „Съ проникновеніемъ капиталистическихъ отношеній въ ремесленное производство, въ обществахъ взаимопомощи начинаютъ появляться функціи профессіональныхъ союзовъ", т.-е. „такого рода организаціи предложенія рабочихъ рукъ, при помощи которой рабочіе могли бы производить на предпринимателей давленіе съ цѣлью измѣненія договора найма въ свою пользу. Въ мирное время эта цѣль достигается ограниченіемъ числа учениковъ, устройствомъ конторъ найма, выдачей дорожныхъ денегъ, поддержкой безработныхъ. Во время конфликта рабочихъ съ предпринимателями пускаются въ ходъ забастовка и бойкотъ".

„Въ противоположность ремесленному пролетаріату, начавшему свое движеніе съ организацій, фабричный пролетаріатъ началъ съ неорганизованныхъ и дикихъ стачекъ" отдѣльныхъ предпріятій, нерѣдко сопровождавшихся разгромомъ фабрикъ и домовъ предпринимателей. Съ теченіемъ времени стачки принимаютъ мирный характеръ и образуются временныя соглашенія рабочихъ различныхъ предпріятій для совмѣстнаго проведенія забастовки. Настоящіе же профессіональные союзы развились въ средѣ фабричныхъ рабочихъ поздно, и еще въ концѣ 70-хъ годовъ „въ профессіональномъ движеніи фабричные рабочіе почти не принимали участія; организованы были, главнымъ образомъ, ремесленники и горнорабочіе". Фабричные рабочіе составляютъ болѣе новый, молодой слой общества сравнительно съ ремесленниками; естественно, если на путь организованной борьбы за свои интересы они выступили позже. „Никакое сословіе—говоритъ Шиппель,—никакой классъ не рождается съ полнымъ сознаніемъ выпавшей ему на долю исторической роли. Всякій, пробивающійся впередъ слой народа созрѣваетъ лишь путемъ долгаго опыта и непрерывнаго самовоспитанія до полнаго единства и внутренней силы". Считаемъ нелишнимъ, однако, замѣтить, что есть и какія-то другія условія, облегчающія возникновеніе профессіональныхъ союзовъ въ средѣ ремесленниковъ. Напомнимъ, напр., фактъ перваго появленія такихъ союзовъ во время освободительнаго движенія въ нашей странѣ и болѣе быстраго ихъ распространенія именно среди ремесленниковъ, а не фабричныхъ рабочихъ. Сказанное до извѣстной степени подтверждается и новѣйшими данными промышленной статистики въ Германіи. На основаніи этихъ данныхъ, относящихся къ текущему десятилѣтію, г. Прокоповичъ заключаетъ, что „рабочіе мелкой и средней промышленности вели энергичную борьбу за улучшеніе своего положенія,—что̀ выразилось не только въ стачкахъ, но и въ развитіи профессіональныхъ въ ихъ средѣ союзовъ. Рабочіе же крупной промышленности занимали пассивное, оборонительное положеніе". Еще позже возникаютъ стачечное движеніе и профессіональ-

ныя организаціи въ торговлѣ, гдѣ дольше всего сохранялись и старыя формы организацій самаго промысла, при которыхъ „положеніе приказчика было переходнымъ между положеніемъ ученика и положеніемъ хозяина", и приказчикъ довольно легко превращался въ хозяина. По мѣрѣ капитализаціи торговли возможность такого превращенія становится болѣе и болѣе проблематичной, и соотвѣтственно этому въ организаціяхъ приказчиковъ новаго типа „цѣли взаимопомощи, образованія и общенія отодвинуты на задній планъ цѣлями соціальными и политическими". Но въ торговлѣ это движеніе запоздало на тридцать лѣтъ сравнительно съ промышленностью.

Ремесленники шли впереди фабричныхъ рабочихъ не только въ развитіи экономическихъ организацій, но и въ отношеніи прикосновенности къ соціализму. „До 1848 г. и въ 1848 г. соціализмъ распространялся среди ремесленниковъ, а не среди рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности". Среди ремесленниковъ были распространены общества самообразованія, руководителями которыхъ были соціалисты. Отстраненіе отъ соціализма ремесленниковъ и обращеніе къ нему фабричнаго пролетаріата произошли въ новѣйшее время, послѣ образованія соціалъ-демократической партіи, выставившей на своемъ знамени идею водворенія соціализма на почвѣ, подготовленной капиталистическимъ строемъ, въ будущемъ, и политическую организацію, равно какъ и борьбу за улучшеніе положенія рабочаго пролетаріата — въ настоящемъ. Исторіи этой партіи и ея современному положенію посвящена вторая половина разсматриваемаго труда.

Какъ ни тѣсно связано политическое движеніе нѣмецкихъ рабочихъ съ судьбами соціалъ-демократической партіи, тѣмъ не менѣе отождествлять одно съ другимъ намъ представляется невозможнымъ, равно какъ и замѣнять описаніе соціалъ-демократическаго движенія въ рабочей средѣ изложеніемъ дѣятельности соціалъ-демократической партіи. Послѣдняя обязана своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ интеллигентамъ, которые, какъ таковые, склонны всего болѣе подчиняться теоретическимъ представленіямъ и предразсудкамъ и налагаютъ соотвѣтствующій отпечатокъ на свою партійную дѣятельность. Рабочая же масса побуждается къ общественной дѣятельности преимущественно неудовлетворенными своими матеріальными нуждами и соотвѣтственно этому перекрашиваетъ въ своемъ сознаніи идеи, исходящія отъ признанныхъ ею руководителей партіи. Фактъ этотъ признается и соціалъ-демократической интеллигенціей, и, считая свою партію рабочей, она тѣмъ не менѣе признаетъ различіе мотивовъ, привязывающихъ къ ней низшіе и высшіе слои организаціи. Это различіе точекъ зрѣнія интеллигентовъ и рабочихъ нашло характерное возраженіе въ словахъ соціалъ-демократа Фишера по

поводу предложенія Фольмара добиваться осуществленія въ интересахъ рабочихъ „требованій, достижимыхъ при данномъ соотношеніи политическихъ силъ". „Если мы станемъ на точку зрѣнія Фольмара— сказалъ онъ, — мы должны вычеркнуть изъ нашей программы слова: „соціалъ-демократическая партія" и написать: „программа нѣмецкой рабочей партіи". О томъ же различіи свидѣтельствуютъ и другія признанія соціалъ-демократовъ. „Не постоянныя указанія наши на вѣрность нашихъ принциповъ привели къ намъ промышленныхъ рабочихъ, — говоритъ Фроме.—Они пришли къ намъ потому, что мы выступили съ защитой ихъ важнѣйшихъ интересовъ". „Огромное количество приверженцевъ и довѣріе въ рабочихъ массахъ — говоритъ Бебель—мы имѣемъ лишь потому, что онѣ видятъ, что мы дѣйствуемъ практически въ ихъ интересахъ, а не отсылаемъ ихъ исключительно къ будущему соціалистическому государству, о которомъ никто не знаетъ, когда оно наступитъ".

Изъ всего сказаннаго выше можно предвидѣть, что средній рабочій соціалъ-демократъ будетъ значительно отличаться отъ соціалъ-демократа интеллигента, и наблюденія Гере (о которыхъ въ свое время была рѣчь въ нашемъ журналѣ) дѣйствительно показали, что первый относится довольно равнодушно къ идеямъ партіи, наиболѣе дорогимъ для второго. Соціалъ-демократическое движеніе въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ значительно отличается, поэтому, отъ того, что намъ извѣстно о соціалъ-демократіи изъ рѣчей и литературныхъ произведеній партійнаго характера; и ознакомленіе русскаго общества въ книгѣ г. Прокоповича съ соціалъ-демократіей, какою она представляется на основаніи указанныхъ источниковъ, не даетъ правильнаго понятія о рабочемъ соціалъ-демократическомъ теченіи. Для полной характеристики послѣдняго, правда, въ литературѣ имѣется очень мало данныхъ, но г. Прокоповичъ не воспользовался и имѣющимся матеріаломъ. Это, впрочемъ, не его личная вина. Всѣ пишущіе объ этомъ предметѣ поступаютъ такимъ же образомъ. Главы же, посвященныя г. Прокоповичемъ соціалъ-демократіи, какъ и вся, впрочемъ, его книга, очень интересны, и можно съ удовольствіемъ рекомендовать, если это еще нужно, его трудъ вниманію читателя.

X.

— Вас. Вовчокъ. Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленіе. (Факты, цифры, выводы). Спб. 1908. Ц. 1 р.

Книга, указанная въ заголовкѣ этой замѣтки, по содержанію состоитъ изъ трехъ частей: изложенія исторіи и современнаго положе-

нія горнаго дѣла въ Россіи, критическаго разсмотрѣнія законовъ, касающихся права на нѣдра земли, и развитія идеи о реформѣ этого права и всего горнаго дѣла. Въ послѣднемъ отношеніи, авторы книжки и предисловія къ ней (г. Качоровскій) рекомендуютъ національзацію нѣдръ земли (вмѣстѣ съ національзаціей и ея поверхности) и общественную организацію эксплуатаціи горныхъ залежей. Осуществленіе этого они считаютъ, впрочемъ, возможнымъ послѣ полной демократизаціи русскаго государственнаго строя, а теперь призываютъ лишь „къ болѣе широкому и глубокому, болѣе детальному и всестороннему изученію этого огромнаго вопроса". Фактическія доказательства авторомъ несостоятельности дѣйствующихъ у насъ законовъ о правахъ на нѣдра земли мало убѣдительны; но основное начало этого права—принадлежность нѣдръ собственнику поверхности—столь очевидно уступаетъ началу свободы каждаго гражданина искать и разрабатывать залежи ископаемыхъ, принятому въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ, что несостоятельность нашихъ законовъ видна и безъ специальныхъ доказательствъ. Иное слѣдуетъ сказать о третьей задачѣ разсматриваемаго изданія—нарисовать картину современнаго состоянія и исторіи горной промышленности. Здѣсь все дѣло заключается въ „фактахъ и цифрахъ", отъ которыхъ находится въ зависимости и состоятельность „выводовъ". Но „факты и цифры", приводимые въ разсматриваемомъ трудѣ, даютъ далеко не опредѣленное понятіе о томъ, что̀ представляетъ собой хотя бы главная отрасль горнаго дѣла—желѣзодѣлательная промышленность настоящаго времени.

Г. Вовчокъ, говоря вообще, недостаточно овладѣлъ матеріалами о нашей горной промышленности и въ своихъ заключеніяхъ находится въ зависимости отъ авторовъ, трудами которыхъ руководствуется, повторяя ихъ сопоставленія, ошибки и недомолвки и впадая въ грубыя ошибки даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла онъ могъ бы этого избѣжать. Такъ, сообщивъ на стр. 8 своего труда, что добыча поваренной соли въ Россіи колеблется между 100 и 120 милл. пуд. въ годъ, онъ затѣмъ въ двухъ мѣстахъ (стр. 59 и 93) даетъ цифры, въ нѣсколько разъ бо̀льшія, не замѣчая того, что эти, заимствованныя имъ у Голубева, данныя относятся не къ одному, среднему, году, а къ цѣлому пятилѣтію. Г. Вовчокъ составилъ себѣ понятіе о нашей горной промышленности, какъ о находящейся въ „глубокомъ упадкѣ", и когда трактуетъ о современномъ ея положеніи, то выставляетъ данныя, какъ бы подтверждающія такое мнѣніе. Въ главѣ II, напр., посвященной современному состоянію горной промышленности, онъ приводитъ цифровыя свѣдѣнія о производствѣ и потребленіи у насъ желѣза за послѣдніе годы и выводитъ изъ нихъ

заключеніе о сокращеніи „потребленія въ странѣ желѣза (за пять лѣтъ) въ два съ лишнимъ раза“ (стр. 37). Между тѣмъ, свѣдѣнія эти не даютъ никакого понятія о положеніи дѣла, потому что данная потребность страны удовлетворяется не только желѣзомъ, но и болѣе совершеннымъ видомъ того же металла, сталью, а если привести свѣдѣнія о движеніи потребленія и послѣдняго металла, то оказалось бы, что вмѣстѣ съ сокращеніемъ потребленія желѣза выросло потребленіе стали, и что народное потребленіе даннаго матеріала сократилось въ описываемое время промышленнаго кризиса не въ два раза, а на 6—7%. На стр. 45, авторъ даетъ заимствованныя у Радцига цифры, рисующія якобы „картину поразительной отсталости“ нашей желѣзодѣлательной промышленности. Согласно этимъ даннымъ, въ Англіи одинъ рабочій добываетъ въ годъ 30,3 тыс. пуд. желѣзной руды, въ Германіи—24,8 тыс. пуд., въ Австріи—18,7 тыс. пуд., а въ Россіи—всего 5,3 тыс. пуд. Но если взять цифры, относящіяся не къ 1896 г., какъ у Радцига, а къ 1903 г., то выработка руды въ Россіи повысится уже до 9 тыс. пуд. на рабочаго. Но и эта средняя не дастъ правильнаго понятія о состояніи русской промышленности, потому что отдѣльные наши горные районы сильно различаются въ отношеніи производительности труда. Если же взять нашъ главный Донецкій районъ, которому принадлежитъ около 70% добываемой желѣзной руды, то окажется, что одинъ рабочій добываетъ ея 23½ тыс. пуд. въ годъ (приблизительно то же было въ 1896 г.), т.-е. производительность его труда превышаетъ австрійскую и приближается къ нѣмецкой. Подобные же промахи, недомолвки и даже тенденціозные пріемы наблюдаются и въ другихъ отдѣлахъ разсматриваемой книги. Кромѣ того, нельзя считать правильной и общую постановку авторомъ вопроса объ условіяхъ развитія у насъ горнозаводскаго дѣла, которое онъ связываетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, съ факторами, спеціально его касающимися: законами о нѣдрахъ земли и таможенными пошлинами на привозные горнозаводскіе продукты. Такая постановка была бы правильна, если бы продукты горнаго промысла потреблялись главнымъ образомъ массою населенія—въ количествѣ, соотвѣтствующемъ, конечно, цѣнѣ издѣлій. Но такъ какъ главнымъ потребителемъ желѣза (каменнаго угля и нефти) являются крупныя фабрично-заводскія предпріятія, желѣзныя дороги и т. п. (оберегаемыя къ тому же отъ иностранной конкурренціи, какъ и горное дѣло, высокой таможенной цѣной), то отъ развитія крупной промышленности, т.-е. отъ общаго состоянія промышленныхъ дѣлъ страны, болѣе всего зависитъ—и у насъ, и за границей—положеніе промышленности горнозаводской. Высокія таможенныя пошлины, говоря вообще, конечно, не остаются безъ вліянія на затрату капиталовъ

на техническія улучшенія въ этой промышленности. Но тотъ фактъ, что горнозаводская промышленность оборудована у насъ для выплавки 300 милл. пуд. чугуна въ годъ (о чемъ, сказать кстати, авторъ и не упоминаетъ), а производитъ его всего 180 милл. пуд., и что данная высота оборудованія достигнута, главнымъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, доказываетъ, во всякомъ случаѣ, не инертность предпринимателей и ясно свидѣтельствуетъ о зависимости данной отрасли отъ общаго положенія промышленныхъ дѣлъ.—В. В.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Ануфріевъ, А.—Разсказы. Кн. I. Спб. 908. Ц. 80 к.

Alexander. –По бездорожью. Стихи. М. 907. Ц. 50 к.

Альтенбергъ, П.—Сказки жизни. Съ нѣм. Р. Марковичъ, съ предисловіемъ А. Горнерельда и со статьею объ авторѣ Г. фонъ-Гофмансталя. Спб. 908. Ц. 1 р.

Аннинъ.—Изъ записокъ агронома. Г. г. Владиміръ, 908. Ц. 40 к.

Апоповъ, Д.—Измѣреніе угловъ линейными мѣрами и рѣшеніе треугольниковъ по новой системѣ. Спб. 908. Ц. 30 к.

Астровъ, П. — По поводу книги Н. Морозова. „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ". М. 908. Ц. 5 к.

Берге, Ф.—Естественная исторія. Изученіе растеній. Съ нѣм. Г. М. М. 907. Ц. 50 к.

Богуславлевъ, М.—Сборникъ Отверженнаго. Т. I. Спб. 908. Ц. 1 р.

Бюхнеръ, Л. — Сила наслѣдственности и ея вліяніе на моральный и духовный прогрессъ человѣчества. Съ нѣм. Ю. Бемъ. Спб. 907. Ц. 60 к.

——— Дарвинизмъ и соціализмъ, или борьба за существованіе и современное общество. Спб. 907. Ц. 50 к.

Бѣлоруссовъ.—Въ старомъ домѣ. Разсказы.—Воспоминанія.—Размышленія. М. 908. Ц. 1 р.

Винаверъ, М.—Въ области цивилистики. Спб. 908. Ц. 2 р.

Вороновъ, Д.—Полный систематическій сборникъ типическихъ задачъ по ариѳметикѣ, съ указаніемъ литературы. Спб. 907. Ц. 35 к.

Вульфсонъ, Э.—Эсты, ихъ жизнь и нравы. М. 908. Ц. 15 к.

——— Какъ живутъ Сарты. М. 908. Ц. 30 к.

Германсонъ, проф. Р.—Къ финляндскому вопросу. Матеріалы. Спб. 908.

Геттнеръ, Альфр. — Европейская Россія. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой. Съ нѣм. Л. Синицкій. М. 908. Ц. 1 р.

Гоголь, Н. В.—Полное собраніе сочиненій, п. р. П. В. Быкова, съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и съ 32 отдѣльными картинами художника В. Табурина. Изданіе М. Вольфа. Спб. 908. Ц. 2 р.

Горькій, М.—Пьесы. Т. VIII: Варвары.—Враги. Спб. 908. Ц. 1 р.

Громанъ, В. В. — Организаціи работодателей въ Германіи. Спб. 908. Ц. 1 р. 20 к.

Данилинъ, И.—Разсказы. Кн. II. М. 908. Ц. 1 р.

Денисюкъ, Н.—Н. Г. Чернышевскій, его время, жизнь и сочиненія. М. 908. Ц. 50 к.

Дрожжинъ, С. Д.—Стихотворенія. 1866—1888 г. 3-е изд., съ портр. автора и его записками своей жизни и поэзіи. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Д—тъ.—Прошлое Портъ-Артура. Воспоминанія до войны 1904 г. Спб. 908. Ц. 70 к.

Дурново, Н. Н.—Протоіерей I. I. Восторговъ и его политическая дѣятельность. М. 908. Ц. 15 к.

Езерскій, Ѳ. В.—Международная Азбука. Однѣ и тѣ же буквы (какъ и цифры) для языковъ всѣхъ племенъ и народовъ. Спб. 908. Ц. 60 к.

——— Счетоводство Торговаго Дома. Спб. 908. Ц. 20 к.

——— По поводу конкурсной задачи Учен. Комитета Главн. Управл. землеустройства и земледѣлія на составленіе руководства по сельско-хоз. счетоводству. Спб. 908. Ц. 20 к.

Елпатьевскій, К. В.—Сборникъ бытовыхъ очерковъ изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Закъ, С.—Промышленный капитализмъ въ Россіи. М. 908. Ц. 1 р.

Зеленинъ, Дм.—Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры. Вятка, 907.

Зѣлинскій, Ѳ. — Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Изд. 2-ое, испр. и дополн. Спб. 908. Ц. 1 р. 80 к.

Измайловъ, В.—Цвѣты жизни. Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Каменскій, Анат.—Солнце. Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Историческій очеркъ конституціонныхъ учрежденій и ученій до середины XIX-го вѣка. Спб. 908. Ц. 2 р. 25 к.

——— Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Общая характеристика бюрократическаго государства и сословнаго общества „стараго порядка". Спб. 908.

Каутскій, К.—Карлъ Марксъ и его историческое значеніе. Перев. п. р. Н. Рязанова. М. 908. Ц. 40 к.

Ключевскій, проф. В. — Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 908 Ц. 2 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка.—Романы, повѣсти и разсказы. Годъ IV-й, изд. III-е Спб. 908. Ц. 1 р. 75 к.

Ковалевскій, П. И. — Міозданіе. Естественно-историческій очеркъ. Спб. 908. Ц. 60 к.

Курловъ, Евг.—Война. М. 908. Ц. 50 к.

Лапласъ.—Опытъ философіи теоріи вѣроятностей. Перев. А. I. В., п. р. А. Власова. 908. М. Ц. 1 р.

Леопарди.—„Пѣсни и отрывки". Полное собраніе стихотвореній, съ портретомъ автора. Перев. Ив. Тхоржевскій. Спб. 908. Ц. 1 р.

Лопатинъ, Н.—Чули, романъ. М. 908. Ц. 85 к.

Лященко, П.—Очерки аграрной эволюціи въ Россіи. Т. I: Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельско-хозяйственнаго рынка. Спб. 908. Ц. 3 р.

Макаровъ, С.—Изъ русской жизни. „Горемычные". Историч. разсказъ для дѣтей. М. 908. Ц. 45 к.

Масальскій, кн. В. И.—Хлопководство, орошеніе государственныхъ земель и частная предпріимчивость. Спб. 908.

Матвѣевъ, Д. — Государственная служба и юридическое образованіе въ Германіи. Спб. 908.

Мостовенко, З.—Изъ наблюденій природы. Спб. 908. Ц. 85 к.

Никольскій, П. А., проф.—Къ вопросу о затрудненіяхъ при изученіи экономическихъ явленій. Каз. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Овсянико-Куликовскій, Д.—А. И. Герценъ. Характеристика. Спб. Ц. 35 к.

Оливетти, А.—Проблемы современнаго соціализма. Съ итал., п. р. В. Шулетикова. М. 908. Ц. 80 к.

Омельченко, д-ръ А. П.—Герой нездороваго творчества („Санинъ", романъ Арцыбашева). Спб. 908. Ц. 35 к.

Оппенгеймъ, Г., проф.—Письма къ нервнымъ людямъ. Съ нѣм. М. Гуревичъ. М. 908. Ц. 35 к.

Орловъ, А. — Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ, 908. Ц. 3 р. 50 к.

Осадчій, П.—Почтовыя, телеграфныя и таможенныя сообщенія, какъ элементъ государственнаго хозяйства въ Европѣ. Вып. I: Общій очеркъ. Спб. 908.

Пажитновъ, К.—Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 1 р.

Поссе, В.—Идеалы кооперацiи. Спб. 908. Ц. 5 к.

Ренанъ, Эрнестъ. — Исторія израильскаго народа. Съ франц., п. р. С. М. Зубнова. Т. I. Вып. 1. До царствованія Давида. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Рейтеръ, Г.—Проблема брака. Съ нѣм. Р. Марковичъ. Спб. 908. Ц. 30 к.

Реформатскій, Н. Н.—Призрѣніе душевно-больныхъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Спб. 908.

Россовъ, П.—Религіозныя воззрѣнія китайцевъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Слонимскій, Л.—О великой лжи нашего времени. К. П. Побѣдоносцевъ и князь В. П. Мещерскій. Спб. 908.

Сполохи.—Альманахъ. М. 908. Ц. 1 р.

Степановъ, Н. (Клементцъ).—Былое и Смѣшное. Стихотворенія лирическія, юмористическія и пр. Съ портретомъ и факсимиле автора. Тамб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М. — Собраніе сочиненій. Ч. V. Эскизы и силуэты. Съ 3 фототипіями. Единств. разрѣшенное вдовою автора изданіе. (Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова, №№ 76—80). Спб., 908. Стр. 204. Ц. 1 р.

Ст—нъ, В.—Н. И. Новиковъ. Популярный очеркъ. М. 908. Ц. 10 к.

Столица, З. К.—Очерки по философіи идеализма. Спб. 908. Ц. 50 к.

Стриндбергъ, Августъ.—Исповѣдь глупца. М. 908. Ц. 1 р.

Троицкій, С. П. — Что такое модернизмъ? Энциклика Пія IX и ея значеніе. Спб. 908. Ц. 50 к.

Фальборкъ, Г. А.—Всеобщее образованіе въ Россіи. М. 908. Ц. 1 р.

Франсъ, Анатоль.—Эрнестъ Ренанъ. Перев. съ франц. Е. Гуровой. Спб. 08. Ц. 30 к.

Хавскій, Н.—Наслѣдственность есть фикція. М. 908.

Черновъ, Викторъ.—Къ вопросу о соціализаціи земли. М. 908. Ц. 50 к.

Чернышевъ, В. И.—Некрасовъ при жизни и по смерти. Спб. 908.

Шоу, Б.—Апостолъ Сатаны. Мелодрама въ 3-хъ акт. Съ англ. И. Даниловъ, п. р. К. Чуковского. Спб. 908. Ц. 75 к.

Юрьева, М.—Товарищи дѣтства. Разсказъ для дѣтей. М. 908. Ц. 20 к.

Ярошевичъ, А.—Очерки экономической жизни Юго-западнаго края. Вып. I: Къ освѣщенію хуторского вопроса. Кіевъ, 908. Ц. 35 к.

Ярошко, Ал.—Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

— Der neue Finländische Alkoolgesetz-Entwurf, das erste Prohibitivgesetz in Europa, mit einer Einleitung von Mikael Soininen, A. O., Professor in der Universität von Helsingfors. Helsing. 908.

Eliasberg, Dr. Ahron.—Die Bedeutung des Allmendsbesitzes in der Gegenwart. Karlsruhe. 908.

Grandmaison, Geoffroy.—L'Espagne et Napoléon. 1804—1809. Par. 908.

— Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Изд. 2-е, дополн. Спб. 908.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. Годъ XII. 1908 годъ. Харьковъ. 908.

— Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изданіе. Стенографическій отчетъ. Съ приложеніемъ автографовъ и портретовъ подсудимыхъ, статей Ф. Крюкова, Н. Бородина и Вл. Кузьмина-Караваева, и девяти иллюстрацій. Спб. 908. Стр. 262. Ц. 1 р. 50 к.

— Запретительный законъ объ алкогольныхъ веществахъ въ Финляндіи. Гельсингф. 908.

— Исторія русской литературы, п. р. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсянико-Куликовскаго. Т. I, вып. 3 и 4. М. 908.

— Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. III: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, 1824—1836 г. (Примѣчанія). Изданіе гр. С. Д. Шереметева, п. р. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 908.

— Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Имп. Московск. Университета за 1907 годъ. Ч. I-я. М. 908.

— Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 6: Карнеги—Кавказъ. Спб. 908.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 125-ый. Спб. 1906.

— Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1908 годъ. Книга XX. Спб. 908. Ц. 1 р.

— Статистическій Ежегодникъ 1907 года. Изд. Харьк. Губ. Земской Управы. Харьк. 908.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи. Ч. I и II. М. 908.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

По поводу книги С. Свириденко:

— „На Сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ".

Можетъ ли русскій писатель-художникъ въ наше время заинтересоваться темой, отдѣленной отъ современности полутора-тысячелѣтіями?—въ наше время борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, когда каждый вопросъ—политическій, соціальный, художественный—превращается въ своего рода „Путиловскую сопку", вокругъ которой кипитъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, отчаянный бой; когда явленія окружающей дѣйствительности преисполнены такого жгучаго интереса, что взоръ оторваться отъ нихъ не можетъ? Отъ художника мы привыкли ожидать особенно чуткой отзывчивости на явленія жизни, и, при наличныхъ условіяхъ дѣйствительности, задачи и темы, лежащія внѣ „злободневности", представляются намъ почти несвоевременными: слишкомъ назойливо навязываются намъ эти злободневныя темы и жизнью, и литературой, ее отражающей. Надъ нами нависъ какой-то кошмаръ, и наша литературная молодежь бьется въ тискахъ общественной и политической „злобы дня", ища выхода изъ нея, иногда—своеобразными попытками выворотить старый вопросъ наизнанку, иногда—придумывая искусственно новые вопросы, не подготовленные жизнью. Отсюда—особаго рода конвульсивность нашей молодой литературы, заразительно дѣйствующая и на читателей, которые все болѣе отвыкаютъ отъ зрѣлой, самодовлѣющей красоты и нерѣдко находятъ удовлетвореніе лишь въ корчахъ больной художественной фантазіи.

Нужны большая независимость и большая смѣлость, чтобы въ такой моментъ выступить съ книгой, подобной той, которая служитъ предметомъ нашей замѣтки.

„Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ"... Дѣйствительно далекаго прошлаго, и не нашего, а чужого. Дѣйствіе происходитъ приблизительно въ VI вѣкѣ по Р. Хр., въ южной Норвегіи. Бытовая обстановка—младшій періодъ желѣзнаго вѣка. Широкій морской ландшафтъ, тихій фьордъ, глубоко врѣзывающійся въ материкъ; строгія, грозныя прибрежныя скалы, о которыя разбивается волна; за ними—глухой хвойный лѣсъ, почти еще дѣвственный: къ нему проходитъ, извиваясь, лишь узкая лѣсная тропа. Гдѣ-то дальше,

въ глубинѣ лѣса, усадьба знатнаго норвежскаго барина. Но разсказъ туда не заглядываетъ; онъ прикрѣпленъ къ прибрежнымъ скаламъ фьорда и обращенъ лицомъ къ морю, за которымъ живетъ разбойничій народъ суоми—финны: на нихъ готовитъ походъ Гаральдъ со своей дружиной.

Вотъ сурово-простая декорація повѣсти. И такъ же сурово-проста и фабула разсказа. Пишущій эти строки долженъ сознаться, что онъ при чтеніи этой безхитростной повѣсти глубоко наслаждался, отдыхая на ней отъ „Саниныхъ", „Навьихъ чаръ" e tutti quanti, широкой грудью вдыхая здоровый морской воздухъ Норвегіи, которымъ повѣяло на него отъ этой маленькой, изящно изданной книги.

Какъ могла появиться такая книга рядомъ съ альманахами „Шиповника" и ихъ родичами, владѣющими нынѣ книжнымъ рынкомъ? Спокойный островокъ въ бушующемъ морѣ нашей литературы. Я боюсь, какъ бы волны этого моря не поглотили его; хотѣлось бы отмѣтить его существованіе и указать на него нашей читающей публикѣ, какъ на мѣсто отдыха и покоя.

Какъ историку литературы, мнѣ навязываются параллели и вліянія. Вспоминается, прежде всего, Феликсъ Данъ и его разсказы изъ далекаго прошлаго германскихъ племенъ; вліяніе его на нашего автора несомнѣнно. Вспоминаются „Нибелунги" Вагнера и ихъ центральный герой Сигурдъ, имя котораго повторяется и въ нашей повѣсти. Вспоминается, наконецъ, „Эдда" съ ея грубыми, но сильными поэтическими аккордами. Среди этихъ образовъ и темъ воспитывалась фантазія нашего автора. Но то, что̀ они могли дать и фактически дали ему, все это претворилось въ его душѣ въ строгое и цѣльное настроеніе; оно стало своимъ, роднымъ. Наша повѣсть—не подражаніе, а актъ самостоятельной творческой мысли, ярко сказывающейся на всемъ протяженіи разсказа.

Авторъ добросовѣстно изучилъ ту эпоху, которую онъ взялся изобразить. Декоративная часть и всѣ детали житейскаго обихода—детали археологическія — вѣрны и точны до мельчайшей мелочи. Авторъ хорошо знаетъ и древне-норвежскій, точнѣе исландскій языкъ, и иногда, очевидно увлекаясь, нѣсколько злоупотребляетъ этимъ знаніемъ, внося въ свой разсказъ слова, непонятныя неподготовленному съ этой стороны читателю. Такъ, описывая на стр. 143 берегъ фьорда, гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа, онъ заявляетъ, что здѣсь „фіара мѣстами совсѣмъ исчезала". Къ счастью, онъ не поясняетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что фіара на старо-исландскомъ языкѣ означаетъ узкую песчаную полосу, открывающуюся во время морского отлива между скалами и водой, и читатель, пожалуй, самъ догадается, въ чемъ тутъ дѣло. Норвегію авторъ называетъ правильнымъ древ-

нимъ именемъ Норегръ, а Швецію—землей Свитйода. Правда, эти мелкіе штрихи придаютъ повѣсти своеобразную couleur locale. Но всегда ли пойметъ ихъ нашъ читатель?

Спѣшу, однако, оговориться: всѣ эти археологическія, въ широкомъ смыслѣ слова, детали отнюдь не выдвигаются на первый планъ. Авторъ пользуется археологіей лишь постольку, поскольку это необходимо для художественныхъ цѣлей его разсказа, съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. И это одно уже лишаетъ его повѣсть одіознаго характера „археологическаго романа".

Но разъ зашла рѣчь объ этомъ, не могу не воспользоваться своимъ правомъ критика, чтобы упрекнуть автора въ нѣкоторыхъ мелкихъ промахахъ въ этой области. Кіартанъ—не скандинавское, а кельтское имя, и „Свенъ, сынъ Кіартана"—сочетаніе невозможное въ Швеціи VI вѣка. Несовсѣмъ послѣдователенъ авторъ въ транскрипціи скандинавскихъ именъ: онъ пишетъ Гильдибрандъ, Гаральдъ, но Тормодръ, Исульфръ, сохраняя *р* именительнаго падежа.

Все это, однако, мелочи, и для оцѣнки разсказа, какъ таковаго, никакого значенія не имѣютъ. Повторяю, вся археологія играетъ скромную служебную роль, а центръ тяжести интереса лежитъ не на ней, а на людяхъ, которые живутъ, дѣйствительно живутъ, любятъ и ненавидятъ, и бьются въ этомъ разсказѣ. Это не наши современники, переодѣтые въ костюмъ VI вѣка, — какъ въ огромномъ большинствѣ „историческихъ" романовъ. Нѣтъ, они живутъ своей особой жизнью, стародавней, простой и грубой. Въ этомъ отношеніи разсказъ превосходно выдержанъ отъ начала до конца, и ни одного звука нашего времени не долетаетъ до береговъ тихаго фьорда. Въ этомъ-то и заключается своеобразная прелесть повѣсти, въ этомъ и отдыхъ для нашего брата, замученнаго декадентствомъ. Подлинная по содержанію и настроенію древняя сага, задуманная какъ бы современникомъ событій, но переданная со всѣмъ мастерствомъ нашей повѣствовательной техники, прошедшей вѣковую школу и изощренной въ пріемахъ реалистическаго искусства, — вотъ что̀, въ концѣ концовъ, представляетъ изъ себя нашъ разсказъ. Авторъ проникся духомъ времени настолько, что онъ съ явнымъ, нескрываемымъ наслажденіемъ посвящаетъ описанію ночного морского боя цѣлыхъ 40 страницъ (180—220), мастерски проведенныхъ, захватывающихъ читателя постепенно возрастающимъ напряженіемъ, ни на минуту не ослабѣвающимъ. При чтеніи ихъ мнѣ припомнилось описаніе битвы, въ которой палъ святой Олафъ, въ безсмертной Heimskringla. Это — несомнѣнно лучшая часть книги. А на ряду съ этимъ—не менѣе стильное описаніе бури (стр. 121 — 126), для котораго краски взяты почти исключительно изъ пѣсенъ „Эдды".

Отчетливо продуманы и глубоко прочувствованы также простыя, грубоватыя и хрустально-чистыя фигуры дѣйствующихъ лицъ. Въ центрѣ—любимецъ автора, сильный и свѣтлый Сигурдъ, смотрящій на жизнь наивными глазами ребенка и находчивый только въ бою, когда въ этомъ исполинѣ съ большой дѣтской душой вдругъ просыпается беззавѣтная отвага героя; и его жена, Валькирія Загвардъ, ярко оттѣняющая болѣе сложную женскую натуру при всемъ безхитростномъ героизмѣ ея внѣшняго облика. Противъ нихъ—Легьяльде, злой геній разсказа, скальдъ, съ многосложной психикой, понятной только Зигвардъ, презирающій этихъ грубыхъ простецовъ и въ тайникахъ души преклоняющійся передъ ихъ простымъ величіемъ. Вокругъ этихъ центральныхъ фигуръ группируются всѣ остальныя— старикъ Гильдибрандъ (наименѣе самостоятельный типъ разсказа, взятый скорѣе всего изъ Феликса Дана), Гаральдъ, Торбіорнъ и друг. Все живые люди, нѣсколько однообразные, но все же индивидуализированные каждый по своему.

Пересказывать содержаніе повѣсти мы не станемъ. Пусть читатель самъ прочтетъ ее. Думается намъ, что онъ не раскается въ этомъ.

Ѳ. Браунъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1908 г.

Пренія объ иностранной политикѣ въ нашей Государственной Думѣ.—Патріотическія опасенія и увѣренія относительно Дальняго Востока. — Нападки на дипломатію и защита ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. — Содержаніе и характеръ рѣчи А. П. Извольскаго. — Чрезмѣрный оптимизмъ въ заявленіяхъ депутата П. Н. Милюкова.— Вопросъ о выборѣ кандидатовъ на дипломатическіе посты.—Забастовка журналистовъ въ германскомъ парламентѣ.—Нѣмецкія дѣла.

Въ первый разъ приходится намъ говорить о русскихъ парламентскихъ рѣчахъ и преніяхъ по иностранной политикѣ; но это обстоятельство вызываетъ въ насъ совершенно не тѣ чувства удовлетворенности, какія высказывались нѣкоторыми оптимистами въ Государственной Думѣ и въ печати. Самый фактъ выступленія министра иностранныхъ дѣлъ предъ лицомъ народнаго представительства является вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ въ виду бюджетныхъ правъ Думы; можно было предвидѣть, что при разсмотрѣніи бюджета дипломатическаго вѣдомства или при внесеніи какого-либо проекта, предполагающаго новый расходъ по этому вѣдомству, возникнутъ вопросы объ общемъ характерѣ и направленіи иностранной политики, объ ея недостаткахъ и ошибкахъ, причемъ явится необходимость соотвѣтственныхъ разъясненій со стороны оффиціальныхъ руководителей нашей дипломатіи. Казалось бы, что послѣ ужасовъ японской войны, затѣянной при прямомъ, хотя и невольномъ участіи министерства иностранныхъ дѣлъ, одною изъ первыхъ задачъ народнаго представительства было бы возбужденіе вопроса объ отвѣтственности за происшедшія событія, и надо только пожалѣть о томъ, что эта задача не была исполнена въ свое время. Наши передовыя политическія партіи не пытались поднять завѣсу, скрывающую отъ русскаго общества закулисныя пружины, которыми направлялась пагубная и разорительная предпріимчивость оффиціальной Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Ни первая, ни вторая Дума, не касались нашихъ международныхъ дѣлъ, и для того, чтобы о нихъ заговорили въ третьей Думѣ, потребовалась иниціатива правительства по такому незначительному поводу, какъ преобразованіе миссіи въ Токіо въ посольство съ увеличеніемъ оклада посла до шестидесяти тысячъ рублей. На этой почвѣ завяза-

лись пренія о нашей злосчастной политикѣ относительно Японіи, и общій тонъ рѣчей, произнесенныхъ по этому случаю въ засѣданіяхъ 27 февраля и 11 марта, производитъ крайне грустное впечатлѣніе.

Ораторъ союза 17 октября, А. И. Гучковъ, упомянувъ о тревожныхъ извѣстіяхъ изъ Манчжуріи и Китая, о послѣдовательныхъ экономическихъ завоеваніяхъ Японіи и о неопредѣленности положенія нашей дальне-восточной окраины, счелъ долгомъ выразить свои чувства въ рядѣ патріотическихъ фразъ, которыя нисколько не оправдываются обстоятельствами и притомъ обнаруживаютъ совершенное непониманіе нашего собственнаго международнаго положенія. Онъ не допускаетъ, конечно, идеи возмездія или реванша и возстаетъ противъ мысли объ обратномъ завоеваніи того, что̀ утрачено; но онъ облекаетъ это миролюбіе въ какія-то странныя воинственныя формы, точно Японія грозитъ намъ нападеніемъ или посягаетъ на наши кровные государственные интересы. „Мы должны сказать, — заявилъ онъ между прочимъ, — что ни одной уступки въ нашихъ интересахъ, ни одной пяди нашей земли мы не можемъ отдать нашимъ сосѣдямъ. Въ этомъ отношеніи они встрѣтятъ единодушный отпоръ со стороны русскаго народа. А то обстоятельство, что мы быстро идемъ по пути къ успокоенію и умиротворенію, должно указать нашимъ противникамъ, что попытка отстоять свои интересы на этотъ разъ будетъ безусловно успѣшной. Отъ правительства мы желали бы получить извѣстное увѣреніе въ томъ, что наши интересы на Дальнемъ Востокѣ въ настоящее время обезпечены. Если бы потребовалось принести какія-либо жертвы для того, чтобы упрочить нашу позицію на этой окраинѣ Россіи, то правительство можетъ разсчитывать на единодушную горячую поддержку народнаго представительства".

Зачѣмъ было говорить объ этой готовности къ жертвамъ, о рѣшимости оказать японцамъ единодушный отпоръ и не отдавать имъ „ни пяди нашей земли", когда Японія не даетъ намъ ни малѣйшаго повода къ подобнымъ заявленіемъ? Имѣемъ ли мы какое-либо основаніе приписывать ей агрессивные замыслы послѣ того какъ она заключила съ нами конвенцію 17 іюля, дополняющую наше мирное соглашеніе съ ея союзницею, Англіею? Едва-ли убѣдитъ кого-либо изъ нашихъ противниковъ наивное увѣреніе, что „быстрое" внутреннее успокоеніе Россіи обезпечиваетъ ей безусловный успѣхъ въ новомъ международномъ столкновеніи; никто вѣдь не думаетъ серьезно, что гибель нашего флота и неудачи нашей арміи вызваны внутренней смутою, разросшеюся именно подъ вліяніемъ грозныхъ военныхъ неудачъ, или что прекращеніе этой смуты возмѣститъ намъ погибшіе броненосцы, безъ которыхъ немыслима успѣшная война съ Японіею.

Другой представитель той же партіи 17-го октября, проф. Капу-

стинъ, сдѣлалъ скромный намекъ на неудовлетворительность нашей дипломатіи. „Наше дипломатическое вѣдомство—по его словамъ—по-видимому, не стоитъ на высотѣ своей задачи. Начиная съ турецкой войны и берлинскаго трактата, гдѣ посторонніе маклера рѣшали русскія дѣла, въ русскомъ обществѣ не развивалась увѣренность въ умѣньи нашихъ дипломатовъ хорошо вести порученныя имъ дѣла". Ораторъ упустилъ при этомъ изъ виду, что общій ходъ нашей внѣшней политики опредѣлялся вовсе не допломатами, что очень многое зависѣло отъ родственныхъ связей съ берлинскимъ дворомъ и отъ преувеличеннаго довѣрія къ „постороннимъ маклерамъ", при полной безотвѣтственности предъ страною въ самыхъ жизненныхъ для нея вопросахъ. Трудно винить дипломатовъ и за выборъ такихъ некомпетентныхъ „защитниковъ" русскихъ интересовъ, какъ бывшій шефъ жандармовъ, графъ Петръ Шуваловъ, горячій поклонникъ Бисмарка и Биконсфильда. Однако, указаніе депутата Капустина было подхвачено ораторомъ крайней правой, г. Келеповскимъ, и доведено имъ до абсурда: по его мнѣнію, дипломаты отвѣтственны и за Цусиму, и за все остальное; главная наша бѣда заключалась будто бы въ томъ, что русскимъ посланникомъ въ Токіо былъ „инородецъ", неспособный „болѣть нашими интересами", и что такого рода дѣятели „занимаются натираніемъ паркетовъ", вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру русскихъ дипломатовъ XVII вѣка, „возбуждавшихъ удивленіе въ Европѣ"(!). При подобномъ характерѣ нападокъ на дипломатію, значительно облегчалась задача нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ; ему нетрудно было отпарировать тѣ легкомысленныя обвиненія, которыя возводились на его вѣдомство.

Рѣчь А. П. Извольскаго была интересна во многихъ отношеніяхъ; она ясно указывала на то, что виновниками плохой освѣдомленности правительства относительно Японіи были не дипломаты, а закулисные сановники и царедворцы, стремившіеся къ войнѣ безъ достаточныхъ къ тому основаній. „Конечно,—говорилъ министръ,—не время теперь мнѣ выступать съ какими-либо обвиненіями противъ кого бы то ни было; но я обязанъ, однако, сказать, что если бы когда-либо были опубликованы донесенія нашихъ дипломатическихъ представителей въ Японіи, то я думаю, что Государственная Дума и Россія убѣдились бы, что ни въ какомъ случаѣ не представители наши дипломатическіе уменьшали значеніе Японіи или писали такія донесенія, которыя бы могли ввести въ этомъ отношеніи въ заблужденіе правительство; напротивъ того, въ послѣдній періодъ передъ войной русскіе представители въ Токіо, а въ числѣ ихъ былъ и я, одно время постоянно указывали на ростъ Японіи въ военномъ, морскомъ и культурномъ отношеніи и постоянно высказывались за желательность придти

съ Японіей къ прочному соглашенію и размежевать между нами и нею взаимные интересы".

Другими словами, министерство иностранныхъ дѣлъ и его органы не имѣли никакого вліянія на внѣшнюю политику, и послѣдняя всецѣло находилась въ рукахъ постороннихъ лицъ, рѣшавшихъ вопросъ о войнѣ и мирѣ независимо отъ какихъ-либо фактическихъ свѣдѣній о Японіи, объ ея силахъ и намѣреніяхъ. Въ устахъ министра иностранныхъ дѣлъ это признаніе пріобрѣтало особый вѣсъ, и оно давало матеріалъ для поучительныхъ выводовъ и разсужденій; но, къ сожалѣнію, оно прошло безслѣдно для Государственной Думы. По существу вопроса о современномъ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ министръ далъ вполнѣ успокоительныя объясненія. „Исторія—сказалъ А. П. Извольскій—даетъ намъ много примѣровъ того, что два народа, встрѣтившіеся въ открытомъ бою, тѣмъ не менѣе, узнавъ другъ друга, проникнувшись другъ къ другу уваженіемъ, впослѣдствіи находятъ почву для мирныхъ и добрососѣдскихъ отношеній и для совмѣстной работы на поприщѣ міровой культуры. Но это случается лишь тогда, когда ни одинъ изъ противниковъ не потерпѣлъ ущерба въ томъ, чтò онъ въ правѣ считать своимъ историческимъ достояніемъ, чтò добыто было самоотверженными усиліями предыдущихъ поколѣній и является естественнымъ послѣдствіемъ національнаго развитія. Какъ ни прискорбны тѣ жертвы, которыя понесены нами въ силу Портсмутскаго договора, надо признать, что Россія вышла изъ войны, которую она вела при безпримѣрно трудныхъ и невыгодныхъ условіяхъ, не утративъ ничего изъ такого своего историческаго наслѣдія; она уступила лишь то, чтò или еще недавно принадлежало Японіи и продолжало тяготѣть къ ней въ силу географическихъ и экономическихъ условій, т.-е. южную часть Сахалина, или же чтò было плодомъ не вполнѣ соразмѣрныхъ съ нашими дѣйствительными силами предпріятій,—я разумѣю предпріятія на югѣ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ... При такихъ условіяхъ ничто не препятствовало Россіи, нуждавшейся во внѣшнемъ мирѣ и въ спокойномъ обновленіи своего внутренняго строя, протянуть руку недавнему врагу и внушить ему вѣру въ то, что она не будетъ искать повода къ возобновленію окончившейся борьбы. Что касается Японіи, несмотря на то, что во многихъ слояхъ японскаго населенія господствовало убѣжденіе, что война не принесла странѣ соразмѣрныхъ съ ея усиліями и жертвами выгодъ, несомнѣнно и тамъ проявлялись встрѣчныя миролюбивыя стремленія. Личное знакомство мое съ главными руководящими японскими государственными людьми убѣждало меня въ томъ, что какъ до, такъ и послѣ войны среди многихъ изъ нихъ было живо желаніе придти съ нами къ прочному соглашенію, основанному на признаніи обоюдныхъ правъ

и интересовъ. Вамъ извѣстно, что послѣ долгихъ и дружныхъ усилій съ обѣихъ сторонъ цѣль эта была достигнута и что между Россіею и Японіею было подписано въ Петербургѣ, 17 іюля минувшаго года, въ дополненіе къ торговому договору, рыболовной конвенціи и конвенціи о соединеніи желѣзныхъ дорогъ, соглашеніе общаго политическаго свойства. Въ этомъ международномъ актѣ вполнѣ ясно выражено обязательство Россіи и Японіи уважать какъ взаимную территоріальную неприкосновенность, такъ и всю совокупность договорныхъ правъ, опредѣляющихъ положеніе обоихъ государствъ въ предѣлахъ Азіи. Это соглашеніе имѣетъ высокую цѣну не только матеріальную, но и нравственную"...—тѣмъ болѣе, что оно тѣсно связано съ общею системою международныхъ договоровъ, обезпечивающихъ для Россіи сохраненіе мира въ Азіи и Европѣ. Въ заключеніе министръ призналъ себя оптимистомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова—въ смыслѣ „глубокой вѣры въ силу, разумъ и патріотизмъ русскаго народа".

Можно было бы спорить противъ отдѣльныхъ замѣчаній и предположеній А. П. Извольскаго, но нельзя ничего возразить противъ общаго содержанія его рѣчи: вполнѣ умѣренная и миролюбивая по тону, она служила въ то же время дипломатическимъ отвѣтомъ на тѣ сомнѣнія и опасенія, о которыхъ говорилъ депутатъ Гучковъ. Разумѣется, трудно утверждать, что Россія ничего не утратила изъ своего историческаго достоянія, уступивъ Японіи южную часть Сахалина; всякая уступка отечественной территоріи есть потеря для государства, и мириться съ нею заставляетъ только необходимость, вынуждающая насъ смотрѣть на нее какъ на неизбѣжную расплату за грѣхи и слабости безотвѣтственныхъ правителей. Наши предпріятія на югѣ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ, по мягкому выраженію министра иностранныхъ дѣлъ, были „не вполнѣ соразмѣрны съ нашими дѣйствительными силами", и потому плоды этихъ предпріятій не могли быть сохранены нами; но источникъ зла заключался не столько въ недостаточности нашихъ силъ для поддержанія извѣстныхъ затѣй, сколько въ незаконности и несправедливости самыхъ этихъ затѣй. Неужели рѣшеніе водвориться въ Манчжуріи вопреки принятымъ на себя формальныхъ международнымъ обязательствамъ было бы допустимо и признавалось бы цѣлесообразнымъ, если бы мы располагали на мѣстѣ болѣе значительными военными силами и средствами? Это значило бы отрицать въ международныхъ отношеніяхъ всякія другія начала, кромѣ грубой силы; но, опираясь исключительно на превосходство силы, мы неминуемо возстановили бы противъ себя всѣ заинтересованныя державы и побудили бы ихъ соединиться для защиты нарушенныхъ нами правъ и интересовъ. Занятіе Портъ-Артура и усиленіе нашей позиціи на Дальнемъ Востокѣ вовсе не требовали

съ нашей стороны тѣхъ дальнѣйшихъ вызывающихъ дѣйствій, которыя привели къ войнѣ; явное и рѣзкое пренебреженіе къ чужимъ законнымъ интересамъ и правамъ не могло бы быть оправдано ни при какихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе что дѣло шло о правахъ и интересахъ не только Китая и Японіи, но и могущественныхъ культурныхъ націй — Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Если же наши правители считали, что имъ все дозволено во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, то это была роковая ошибка, которую слѣдовало бы откровенно признать, а не укрывать предъ Государственной Думой.

Руководитель нашей парламентской оппозиціи, депутатъ Милюковъ, оказался на этотъ разъ еще болѣе послѣдовательнымъ оптимистомъ, чѣмъ самъ министръ иностранныхъ дѣлъ; онъ довольно неожиданно выступилъ сторонникомъ и хвалителемъ нашего дипломатическаго вѣдомства даже при нынѣшней его организаціи. „Партія народной свободы—говорилъ П. Н. Милюковъ—съ глубокимъ удовлетвореніемъ выслушала слова министра иностранныхъ дѣлъ и считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать его первое выступленіе передъ представительствомъ страны. Въ настоящее время правительство въ особенности нуждается въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, такъ какъ только эта поддержка можетъ замѣнить тотъ временный недостатокъ физической силы, который несомнѣнно наблюдается. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ общественное мнѣніе, конечно, поддержитъ министра иностранныхъ дѣлъ... Опозиція можетъ быть не согласна съ представителями другихъ вѣдомствъ, говорящихъ съ этой каѳедры. Несогласіе это нерѣдко выростаетъ до объемовъ принципіальныхъ и рѣзкихъ противорѣчій, но я долженъ заявить, что такого разногласія не имѣется по отношенію къ министру иностранныхъ дѣлъ, когда онъ выступаетъ вѣстникомъ мира и развиваетъ взгляды, могущіе обезпечить русскій народъ отъ новыхъ авантюръ. Я съ удовольствіемъ отмѣчаю, напримѣръ, и подчеркиваю слова министра иностранныхъ дѣлъ о томъ, что Россія не ищетъ поводовъ къ возобновленію войны, не руководствуется политикой реванша. Затѣмъ, я подчеркиваю ту часть рѣчи, въ которой министръ иностранныхъ дѣлъ обвиняетъ въ возникновеніи послѣдней войны вѣдомства, ничего общаго не имѣвшія съ дипломатіей, но проводившія тѣмъ не менѣе самостоятельную политику. Мы надѣемся, что министръ и впредь будетъ ограждать насъ отъ вмѣшательства безотвѣтственныхъ дипломатовъ въ регулярное развитіе внѣшней политики“.

Не слишкомъ ли много удовольствій и надеждъ связывается здѣсь съ заявленіями министра иностранныхъ дѣлъ? Вѣдь предмѣстникъ его, графъ Ламздорфъ, былъ также несомнѣнно приверженцемъ мира и во всѣхъ своихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ развивалъ хорошіе и ми-

ролюбивые взгляды; однако это не помѣшало возникновенію войны по желанію и почину другихъ дѣятелей, съ которыми онъ не съумѣлъ или не желалъ бороться. Если теперь наше положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось и нѣтъ уже повода опасаться новыхъ авантюръ въ ближайшемъ будущемъ, то это, конечно, не заслуга дипломатіи; самъ по себѣ министръ, даже болѣе могущественный, чѣмъ А. П. Извольскій, не способенъ при существующихъ у насъ условіяхъ „ограждать насъ отъ вмѣшательства безотвѣтственныхъ дипломатовъ въ регулярное развитіе внѣшней политики", ибо такого права огражденія ему не предоставлено ни законами, ни придворными обычаями и традиціями. Поэтому, надѣяться на то, что „министръ и впредь будетъ ограждать" т.-е. дѣлать то, чего онъ не могъ, не можетъ и не брался дѣлать,—нѣтъ никакихъ основаній; насъ ограждаетъ пока только фактическая невозможность предпринимать что-либо на дальнемъ или ближнемъ Востокѣ по отсутствію средствъ и силъ, истощенныхъ недавней войною. Когда же изгладится впечатлѣніе испытанныхъ неудачъ и вновь появятся средства и силы, намъ придется подумать о болѣе серьезныхъ гарантіяхъ, чѣмъ надежды на миролюбіе министровъ, для обезпеченія разумной цѣлесообразности внѣшней политики.

Мы несогласны также съ П. Н. Милюковымъ въ оцѣнкѣ текущихъ вопросовъ и задачъ нашей дипломатіи. Онъ возражаетъ противъ преждевременнаго оптимизма относительно Дальняго Востока по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приводилъ и вождь октябристовъ, А. И. Гучковъ,—ссылаясь на фактическіе захваты и успѣхи Японіи въ южной Манчжуріи и Кореѣ. „Я не хочу формулировать никакихъ обвиненій противъ кого бы то ни было,—говорилъ далѣе почтенный ораторъ оппозиціи,—я хочу только констатировать фактъ, что на Дальнемъ Востокѣ для оптимизма не наступило еще время". Но въ чемъ и кого можно обвинять теперь за то, что японцы усердно стараются использовать результаты своихъ побѣдъ? О какихъ-либо попыткахъ противодѣйствія съ нашей стороны не можетъ быть и рѣчи, и если нашъ оптимизмъ будетъ зависѣть отъ ограниченія японскихъ успѣховъ въ Китаѣ и Кореѣ, то онъ никогда не можетъ сдѣлаться своевременнымъ на Дальнемъ Востокѣ безъ новой успѣшной войны. А такъ какъ о новой войнѣ П. Н. Милюковъ, конечно, не думаетъ, то его указанія на невыгодные для насъ успѣхи Японіи остаются безцѣльными и вызываютъ лишь недоумѣніе. Если мы опять станемъ безпокоиться по поводу чужихъ успѣховъ и будемъ по прежнему усматривать въ нихъ нѣчто намъ враждебное и нежелательное, то мы никогда не выйдемъ изъ политики опасныхъ авантюръ. Намъ кажется, что весь смыслъ тяжелыхъ уроковъ, преподанныхъ намъ событіями послѣднихъ лѣтъ, сводится къ отрицанію беззаконія и произ-

вола какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Нужно твердо усвоить ту точку зрѣнія, что правительство должно прежде всего заботиться о пользахъ и нуждахъ собственной страны и народа, и что этими же заботами должна вдохновляться и вся международная политика государства. Намъ нечего искать въ Китаѣ и Кореѣ, и намъ нѣтъ никакого дѣла до японскихъ пріобрѣтеній въ этихъ странахъ; русскій народъ отягченъ такимъ множествомъ разнообразныхъ и вопіющихъ нуждъ, что странно было бы возлагать на него обязанность устраивать судьбу отдаленныхъ чужихъ государствъ, имѣющихъ свое собственное многомилліонное населеніе и своихъ національныхъ правителей. Очень можетъ быть, что въ мѣстной англо-китайской печати слышится, какъ замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, „крикъ отчаянія, крикъ о томъ, что южная Манчжурія превращается въ нѣчто въ родѣ Кореи и чуть-чуть не переходитъ въ непосредственное фактическое обладаніе Японіи“; но до войны раздавался тамъ еще болѣе сильный крикъ отчаянія по поводу перехода Манчжуріи въ фактическое обладаніе Россіи, и намъ всего менѣе подобаетъ теперь претендовать на смѣнившую насъ Японію, которая однако довольствуется разными фактическими преимуществами, безъ военной оккупаціи и грубыхъ насильственныхъ захватовъ. Японія все-таки обязана считаться съ своими могущественными союзниками, англичанами,—не говоря уже объ американскихъ друзьяхъ,—тогда какъ наши манчжурско-корейскіе предприниматели ничѣмъ не стѣснялись и ни съ кѣмъ не считались. Нѣтъ надобности быть особеннымъ оптимистомъ, чтобы мириться съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ и не желать поворота въ другую сторону, въ видахъ того фиктивнаго равновѣсія, о которомъ упоминаетъ П. Н. Милюковъ,—ибо такой поворотъ предполагалъ бы новыя опасныя потрясенія и авантюры. Изъ двухъ золъ надо выбрать меньшее, и на этомъ слѣдуетъ разъ навсегда успокоиться.

Будучи слишкомъ требовательнымъ относительно Дальняго Востока, гдѣ мы поневолѣ должны играть теперь скромную охранительную роль, депутатъ Милюковъ доводитъ уже до крайности политику сдержанности и пассивной осторожности по отношенію къ ближнему Востоку, гдѣ никакихъ опасностей намъ не предстоитъ и предстоять не можетъ; онъ предвидитъ источникъ чрезвычайно крупныхъ затрудненій въ новѣйшемъ англійскомъ проектѣ назначенія особаго генералъ-губернатора для Македоніи по выбору и подъ контролемъ державъ, и онъ заранѣе предостерегаетъ насъ отъ активнаго сочувствія этой идеѣ, могущей будто бы привести къ войнѣ. Мы видимъ здѣсь какое-то недоразумѣніе. Международные проекты, касающіеся Македоніи, предполагаютъ непремѣнно общее согласіе европейскихъ державъ, участво-

вавшихъ въ подписаніи берлинскаго трактата, или по крайней мѣрѣ согласіе большинства этихъ державъ, при уклоненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ; но нельзя себѣ представить, чтобы какая-нибудь программа македонскихъ или иныхъ турецкихъ реформъ проводилась насильственно отдѣльными кабинетами, вопреки протестамъ и возраженіямъ остальныхъ. Никто не предполагаетъ, что, напр., Англія при поддержкѣ Россіи и Франціи возьмется осуществлять свой проектъ противъ воли Австро-Венгріи и Германіи, и что по этому поводу можетъ возникнуть общая европейская война. Одинъ уже тотъ фактъ, что инидіатива проекта принадлежитъ Англіи, вполнѣ гарантируетъ отъ возможности подобныхъ фантастическихъ предпріятій. Если же достигнуто было бы согласіе державъ, то опасность заключалась бы только въ упорствѣ Турціи, которое можно было бы преодолѣть путемъ коллективной военно-морской экзекуціи или демонстраціи. Между тѣмъ въ данный моментъ дѣло идетъ лишь о дипломатическомъ разсмотрѣніи проекта, довольно скромнаго по замыслу и вполнѣ цѣлесообразнаго даже съ точки зрѣнія интересовъ Оттоманской имперіи. О принудительныхъ способахъ исполненія нѣтъ и рѣчи; о нихъ всего менѣе могутъ думать англичане, при современныхъ щекотливыхъ отношеніяхъ съ Германіею, которая открыто поддерживаетъ спеціальную дружбу съ турецкимъ султаномъ. Поэтому хорошая мысль объ отвѣтственномъ европейскомъ генералъ-губернаторѣ для Македоніи имѣетъ мало шансовъ успѣха въ настоящее время; но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что русская дипломатія должна трусливо сторониться отъ участія въ сочувственномъ обсужденіи этой мысли, для избѣжанія будущихъ проблематическихъ опасностей.

Въ засѣданіи 11 марта, при второмъ чтеніи законопроекта о русскомъ посольствѣ въ Токіо, министръ иностранныхъ дѣлъ вновь выступилъ съ успокоительными фактическими разъясненіями, въ отвѣтъ на критику одного изъ депутатовъ-октябристовъ, графа Уварова; но пренія на этотъ разъ мало прибавили къ тому, что̀ говорилось раньше. Государственная Дума съ особеннымъ единодушіемъ привѣтствовала обѣщаніе министра, что при назначеніи лица на постъ посла въ Токіо „будетъ приложенъ самый тщательный выборъ", въ смыслѣ оцѣнки качествъ, обезпечивающихъ надлежащую освѣдомленность относительно дѣлъ Дальняго Востока. Это обѣщаніе показалось чѣмъ-то новымъ и симпатичнымъ, такъ какъ у насъ не принято было вообще дѣлать сознательный разумный выборъ лицъ для замѣщенія высшихъ дипломатическихъ должностей; русскіе представители за-границею передвигались съ одного мѣста на другое не сообразно своей спеціальной компетенціи и подготовкѣ, а по чисто формальнымъ мотивамъ постепеннаго служебнаго повышенія, безъ всякой связи съ во-

просами цѣлесообразности и здраваго смысла. Опытный и способный дипломатъ, прослужившій много лѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ, внезапно назначался въ Японію или Бразилію, только потому что данное лицо должно занять постъ посланника, съ соотвѣтственнымъ окладомъ, а другого вакантнаго поста не имѣется; и наоборотъ, знатокъ китайскихъ или японскихъ дѣлъ переходилъ вдругъ на Балканы, когда наступала пора повышенія по службѣ. Важные посольскіе посты, оплачиваемые очень крупными цифрами жалованья, разсматриваются иногда какъ простыя синекуры, которыя можно раздавать совершенно несвѣдущимъ сановникамъ. Нашимъ посломъ въ Римѣ состоитъ, напр., бывшій министръ юстиціи, дѣльный знатокъ уголовнаго судопроизводства и правилъ усиленной охраны, но не имѣющій ничего общаго съ международною дипломатіею, и назначеніе его могло только повредить русскимъ интересамъ въ Италіи, въ виду его репутаціи крайняго реакціонера; однако, до сихъ поръ онъ держится на неподходящемъ для него мѣстѣ и старательно, хотя отчасти и невольно, способствуетъ сохраненію недовѣрія и непріязни итальянскаго общественнаго мнѣнія къ оффиціальной Россіи. Какой же смыслъ имѣетъ существованіе подобныхъ посланниковъ, завѣдомо вредныхъ или безполезныхъ для дѣла? А. П. Извольскій успокоилъ Государственную Думу насчетъ выбора кандидата на посольскій постъ въ Токіо; но желательно было бы, чтобы это обѣщаніе тщательнаго выбора распространилось на всѣ посты посланниковъ и пословъ за-границей, и чтобы въ этомъ отношеніи русское дипломатическое представительство въ чужихъ краяхъ не слишкомъ отставало отъ представительства такихъ державъ, какъ Англія или Германія. Наша Государственная Дума довольствуется очень немногимъ; она обрадовалась уже готовности министра сдѣлать хорошій выборъ по крайней мѣрѣ одного русскаго посла, и мы не теряемъ надежды, что со временемъ очередь дойдетъ до остальныхъ.

Нѣкоторыя особенности нашей новой парламентской жизни должны казаться странными иноземнымъ наблюдателямъ. То, что̀ способно теперь радовать русскую оппозицію, вызывало бы за-границей недоумѣніе или представлялось бы чѣмъ-то первобытно-элементарнымъ; а недавно еще, при первыхъ двухъ Думахъ, иностранцы, наоборотъ, удивлялись необыкновенному полету мысли и фантазіи нашихъ оппозиціонныхъ партій, дѣйствовавшихъ какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. За-границею не знаютъ этихъ нелѣпыхъ внезапныхъ переходовъ отъ одной крайности къ другой, отъ непомѣрной требовательности — къ полному смиренію, отъ смѣлаго прямолинейнаго радикализма—къ проповѣди разочарованія и унынія. Въ иностранныхъ пар-

ламентахъ, даже въ самыя худшія для нихъ времена, никогда не высказывалось удовольствія по поводу того, что съ народнымъ представительствомъ разговариваетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, да еще съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Бисмаркъ постоянно произносилъ рѣчи въ прусской палатѣ депутатовъ и стойко выдерживалъ ораторскіе турниры съ передовыми либеральными дѣятелями, въ тяжелые годы конфликта; прусскій парламентаризмъ находился тогда не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ нынѣшній русскій, — но однако никому изъ скромныхъ прусскихъ депутатовъ не приходило въ голову гордиться тѣмъ, что правительство разсуждаетъ съ ними объ иностранной политикѣ. Зато, съ другой стороны, въ Западной Европѣ нерѣдко случаются инциденты, которые намъ кажутся непонятными. Такова была, между прочимъ, забастовка парламентской прессы въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, съ 19 по 24 марта (нов. ст.).

Причиною забастовки было столкновеніе представителей печати не съ правительствомъ и даже не съ парламентомъ, а съ отдѣльною парламентскою группою, которая косвенно какъ будто поощрялась президентомъ и значительною частью консервативнаго большинства. Въ засѣданіи 19 марта, при обсужденіи колоніальной политики, депутатъ католическаго центра, Эрцбергеръ, защищая интересы и права туземцевъ въ германскихъ африканскихъ колоніяхъ, сказалъ такую фразу: „Это люди, снабженные безсмертною душою, какъ и мы". Въ залѣ и отчасти также въ трибунахъ раздался смѣхъ, что возбудило волненіе въ центрѣ; одинъ изъ членовъ этой партіи, депутатъ Греберъ, вскочилъ со словами: „Это опять наверху, это журналисты! свинопасы!" Президентъ графъ Штольбергъ, вѣроятно не разслышавъ этихъ словъ среди общаго шума, заявилъ, что лица, присутствующія въ трибунахъ, должны воздерживаться отъ выраженія своего одобренія или порицанія, и что въ противномъ случаѣ придется очистить трибуны. Затѣмъ депутатъ Эрцбергеръ продолжалъ свою рѣчь; онъ протестовалъ противъ того, что въ германскомъ рейхстагѣ не даютъ оратору высказывать свое христіанское міросозерцаніе. Тѣмъ временемъ въ трибунѣ журналистовъ произошло сильное волненіе, когда со словъ одного изъ депутатовъ былъ въ точности удостовѣренъ оскорбительный возгласъ Гребера. Въ дѣйствительности, какъ увѣряли многіе, смѣхъ былъ слышенъ въ трибунѣ для публики, а никто не смѣялся въ трибунѣ для журналистовъ. Депутатъ Мюллеръ, говорившій послѣ Эрцбергера, счелъ нужнымъ заступиться за журналистовъ, но сдѣлалъ это крайне неудачно; онъ почему-то сталъ оправдывать представителей прессы и находилъ несправедливымъ осуждать ихъ или примѣнять къ нимъ какія-либо мѣры изъ-за безтактности одного только изъ ихъ среды. Журналисты рѣшились подать прези-

денту письменный коллективный протестъ противъ ругательныхъ словъ депутата Гребера, съ просьбою „доставить имъ удовлетвореніе, соотвѣтствующее достоинству германскаго имперскаго сейма и достоинству нѣмецкой печати". Графъ Штольбергъ принялъ просьбу, подписанную тридцатью двумя лицами, и обѣщалъ исполнить ихъ желаніе; онъ посовѣтовался съ нѣкоторыми видными депутатами партіи центра и, послѣ длинной рѣчи одного изъ ораторовъ о колоніальномъ бюджетѣ, поднялся для слѣдующаго заявленія: „Въ послѣдніе дни неоднократно замѣчались знаки порицанія съ трибуны журналистовъ. Здѣсь это осуждалось нѣсколько разъ, и я долженъ вновь заявить, что въ случаѣ повторенія я буду вынужденъ очистить тѣ трибуны, откуда исходятъ такія нарушенія. Если по поводу подобныхъ нарушеній одинъ изъ членовъ палаты употребилъ непарламентарное выраженіе, котораго я впрочемъ не слышалъ, то я сожалѣю объ этомъ". Это была новая незаслуженная обида, безъ всякаго подобія удовлетворенія: съ одной стороны—вторичная рѣзкая угроза журналистамъ, а съ другой—условно выраженное сожалѣніе о словѣ „свинопасы", употребленномъ по адресу журналистовъ, причемъ произнесшій это ругательство депутатъ остался совершенно въ сторонѣ. Представители парламентской прессы демонстративно покинули залу засѣданій; всѣ они, не исключая и журналистовъ центра и телеграфнаго бюро Вольфа, письменно обязались не показываться въ трибунѣ журналистовъ, пока имъ не будетъ дано рейхстагомъ удовлетвореніе за ругательство Гребера.

Въ первый моментъ это торжественное добровольное удаленіе газетныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ возбудило смѣхъ на скамьяхъ центра; даже для большинства либераловъ это былъ только непріятный, но незначительный инцидентъ. Но на слѣдующій день оказалось, что это не просто инцидентъ, а цѣлое событіе. Конецъ засѣданія 19-го марта отсутствовалъ уже въ газетныхъ отчетахъ; въ послѣдующіе дни имперскій сеймъ очутился уже въ положеніи какого-то бюрократическаго собранія, обсуждающаго разные вопросы келейно, вдали отъ общественнаго мнѣнія. Ораторы не находили своихъ рѣчей въ газетахъ, и рѣчи ихъ пропадали для огромной всенародной аудиторіи, составляющей необходимую принадлежность современнаго парламента; а говорить только для своихъ коллегъ не представляло особеннаго интереса. Депутаты могли еще кое-какъ мириться съ молчаніемъ газетъ о засѣданіяхъ рейхстага; но правительство и имперскій канцлеръ почувствовали на дѣлѣ, что ихъ заявленія въ парламентѣ не достигаютъ цѣли безъ участія представителей ежедневной печати. Князь Бюловъ предполагалъ говорить въ имперскомъ сеймѣ, но долженъ былъ отложить свое намѣреніе до прекращенія забастовки журнали-

стовъ,—такъ какъ его рѣчи произносятся не только для широкихъ круговъ нѣмецкаго общества, но и для заграничной публики, причемъ непремѣнно требуется содѣйствіе работниковъ газетной печати. Президентъ графъ Штольбергъ, связанный отчасти своими политическими симпатіями къ партіи центра, не съумѣлъ своевременно оцѣнить значеніе происшедшаго конфликта и не могъ потомъ поправить дѣло; депутатъ Греберъ согласенъ былъ извиниться за сказанныя слова, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы раньше извинились журналисты за нарушеніе порядка во время засѣданій, и на этомъ же настаивали наиболѣе вліятельные дѣятели партіи центра. Нѣсколько разъ выборные представители прессы предлагали президенту свои проекты компромисса; Греберъ и его единомышленники противопоставляли имъ свои,—и соглашеніе опять откладывалось. Князь Бюловъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ графомъ Штольбергомъ, чтобы облегчить желанную развязку; парламентская пресса, поддерживаемая заявленіями солидарности и сочувствія почти всей нѣмецкой и отчасти также заграничной журналистики, держалась твердо и не допускала никакихъ уступокъ въ дѣлѣ защиты своего достоинства и своихъ правъ. Послѣ долгихъ колебаній противники вынуждены были уступить. Въ концѣ засѣданія 24-го марта депутатъ Греберъ попросилъ слова къ порядку занятій и прочиталъ свое заявленіе, кончающееся словами: „Если подъ вліяніемъ инцидентовъ послѣднихъ дней и въ виду серьезности обсуждаемаго депутатомъ Эрцбергеромъ вопроса я выразилъ свое негодованіе въ непарламентарныхъ словахъ, то прошу извиненія". Это заявленіе было передано представителямъ прессы, которые тотчасъ же устроили собраніе и выработали удовлетворившую всѣхъ резолюцію о возобновленіи работы съ четверга 26-го марта, въ виду принесеннаго публично депутатомъ Греберомъ извиненія.

Засѣданія имперскаго сейма стали оживляться тотчасъ послѣ прекращенія забастовки парламентской печати. Князь Бюловъ произнесъ 26 марта небольшую рѣчь, которая на слѣдующій день могла уже быть перепечатана повсюду изъ оффиціальныхъ газетъ; онъ говорилъ о македонскомъ вопросѣ и о дружественныхъ отношеніяхъ съ Англіею, причемъ подробно объяснялъ истинный характеръ письма императора Вильгельма II къ британскому морскому министру, лорду Твидмоуту.

Это частное и въ то же время глубоко-политическое письмо, о которомъ впервые сообщилъ военный корреспондентъ „Times" въ нумерѣ отъ 5 марта, надѣлало много шуму во всей европейской печати и особенно въ англійской и нѣмецкой. „Times" прежде всего выразилъ недоумѣніе по поводу того, что британскій министръ, завѣдывающій важнѣйшими жизненными интересами имперіи, позволилъ

себѣ вступить въ частную переписку съ иностраннымъ монархомъ по предметамъ своего вѣдомства и не ограничился краткимъ вѣжливымъ указаніемъ на неудобство подобной корреспонденціи въ виду занимаемаго министромъ отвѣтственнаго поста. Другія газеты осуждали Вильгельма II за его попытку повліять на взгляды британскаго морского министерства, съ которымъ онъ могъ поддерживать отношенія подъ предлогомъ принадлежащаго ему почетнаго званія адмирала британскаго флота; завязалась полемика, неблагопріятная вообще для личности германскаго императора. Въ палатѣ лордовъ, 9 марта, лордъ Твидмоутъ сообщилъ, что 18 февраля было получено имъ по почтѣ письмо отъ германскаго императора; письмо было частное и личное, весьма дружеское по тону и информаціонное по содержанію. Онъ показалъ письмо министру иностранныхъ дѣлъ, сэру Эдуарду Грею, который согласился съ нимъ, что слѣдуетъ считать это обращеніе частнымъ, а не оффиціальнымъ. Поэтому 20-го марта онъ отвѣчалъ его величеству въ томъ же дружескомъ и информаціонномъ духѣ. Онъ полагаетъ, что его образъ дѣйствій былъ правильный и могъ способствовать упроченію добраго согласія между Германской имперіей и Великобританіей. Въ отвѣтной рѣчи вождя консервативнаго большинства, маркиза Ленсдауна, высказаны были нѣкоторыя критическія замѣчанія и оговорки по вопросу о допустимости частной переписки министровъ съ иностранными правителями; во всякомъ случаѣ частный характеръ письма не былъ на этотъ разъ сохраненъ, такъ какъ оно стало извѣстно публикѣ и печати. Графъ Розбери, съ своей стороны, назвалъ письмо шутливымъ, не дающимъ вовсе матеріала для публичныхъ споровъ и разсужденій; приписывать же кому-нибудь желаніе оказать изъ-заграницы воздѣйствіе на ходъ британскихъ вооруженій могутъ только сумасшедшіе, и газеты сдѣлали бы лучше, если бы не раздували подобныхъ мелочныхъ фактовъ искусственными и произвольными толкованіями. Приблизительно въ этомъ же смыслѣ говорилъ и князь Бюловъ въ германскомъ парламентѣ, въ засѣданіи 24 марта, — и по обыкновенію говорилъ очень много, обстоятельно и хорошо. Канцлеру приходилось какъ бы оправдывать поступокъ Вильгельма II, но въ сущности было бы гораздо лучше для имперіи и ея правительства, если бы чисто-личные политическіе шаги императора подвергались предварительному обсужденію и контролю отвѣтственныхъ министровъ.

Неудобства личнаго режима даютъ себя чувствовать въ Германіи и Пруссіи на каждомъ шагу, и снисходительная оцѣнка частыхъ ошибокъ и нервныхъ увлеченій монарха составляетъ обычную тему статей въ нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ, при всей традиціонной „лойяльности“ высшихъ и среднихъ классовъ нѣмецкаго общества

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Alexander Eliasberg. Die Russische Lyrik. Стр. 123. München. R. Piper.

Небольшая книга Александра Эліасберга, подъ заглавіемъ „Russische Lyrik", представляетъ собой довольно рѣдкое исключеніе изъ иностранныхъ книгъ о русской литературѣ. Авторъ самъ русскій и хорошо знакомъ съ нашими литературными теченіями послѣдняго времени. Книга его посвящена новѣйшей русской лирикѣ, и онъ задается довольно трудной цѣлью познакомить нѣмецкихъ читателей съ особенностями отдѣльныхъ нашихъ поэтовъ. Для этого онъ разъясняетъ въ пространномъ предисловіи намѣренія нѣсколькихъ писательскихъ группъ и даетъ характеристики отдѣльныхъ поэтовъ, а затѣмъ уже приводитъ въ переводѣ наиболѣе характерные, по его мнѣнію, образцы творчества каждаго изъ нихъ.

Наиболѣе цѣнное въ книгѣ Эліасберга—его характеристики. Въ нихъ онъ даетъ нѣмецкимъ читателямъ ясное представленіе о различіи отдѣльныхъ группъ, а затѣмъ объ индивидуальности отдѣльныхъ поэтовъ. Всѣ свѣдѣнія о русской литературѣ въ иностранной печати отличаются обыкновенно тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ отчетливаго разграниченія отдѣльныхъ явленій; создается какое-то расплывчатое, искаженное представленіе о русской литературѣ вообще, въ которой всѣ непремѣнно каются и соединяютъ варварство поступковъ съ благородствомъ души. Въ книгѣ Эліасберга имѣется прежде всего краткій очеркъ развитія русской поэзіи до новѣйшаго времени съ ясно намѣченными этапами въ судьбахъ русской лирики, начиная отъ расцвѣта Пушкинскаго періода. Онъ отмѣчаетъ охлажденіе къ поэзіи въ 40-хъ годахъ, указываетъ на непризнаннаго своими современниками Тютчева и на его большое значеніе, какъ тонкаго лирика; затѣмъ даетъ характеристику 60-хъ годовъ, объясняетъ причины успѣха Некрасова, отдавая должное его большому лирическому таланту, даетъ краткую характеристику Надсона, называя его поэтомъ средняго достоинства и объясняя психологическія причины его успѣха. Всѣ эти опредѣленія вполнѣ сходятся съ установившимися въ наше время сужденіями о поэзіи минувшихъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Нужно отмѣтить, конечно, что мнѣнія эти

не шаблонны, что они указываютъ на близость критика къ передовымъ группамъ современной русской литературы — передовымъ, конечно, въ чисто литературномъ отношеніи. Вѣрное литературное чутье сказывается такимъ образомъ и въ этомъ очеркѣ прежней лирики. По нѣсколькимъ страницамъ, посвященнымъ въ книгѣ Эліасберга характеристикѣ прошлаго, нѣмецкій читатель можетъ о ней составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе. Характеристику новѣйшей лирики Эліасбергъ начинаетъ съ поэзіи 90-хъ годовъ и устанавливаетъ въ ней своеобразную группировку. Прежде всего онъ говоритъ объ условности установившагося въ Россіи названія „декадентства", которымъ обозначаютъ самыя разнообразныя явленія,—и поэзію модернистовъ съ ея непріемлемостью всѣхъ установившихся въ искусствѣ нормъ, и московскій художественный театръ съ его чисто реалистическими цѣлями, и новый стиль въ художественной промышленности. Въ противоположность этому обобщающему опредѣленію Эліасбергъ дѣлаетъ въ своей книгѣ рѣзкія разграниченія. Онъ прежде всего отдѣляетъ петербургскую „метафизическую" группу поэтовъ отъ московской, преслѣдующей исключительно художественныя цѣли. Петербургскую метафизическую группу составляютъ, по его опредѣленію, поэты: Мережковскій, Минскій, Гиппіусъ; московскую, преслѣдующую художественныя цѣли—Бальмонтъ, Брюсовъ и отчасти Бунинъ, стоящій на перепутьи между московскими декадентами и реалистической школой.

Въ такомъ отграничиваніи младшихъ московскихъ поэтовъ отъ старшей петербургской группы—много произвольнаго. Поэзія Брюсова, напримѣръ, находится въ тѣсной связи съ метафизическими запросами, внесенными въ новѣйшую русскую лирику его старшими современниками,—также какъ въ послѣднее время его поэзія отражаетъ остроту историческаго момента. Назвать Брюсова чистымъ художникомъ было бы натяжкой. Этотъ терминъ болѣе подходитъ къ Бальмонту, стихійно откликающемуся на всякія настроенія въ окружающей его атмосферѣ. Брюсовъ сравнительно съ нимъ—поэтъ мысли, и философія его творчества непосредственно связана съ „петербургской группой".

Интересны отдѣльныя характеристики Эліасберга. Ему ближе московская группа своею—какъ будто даже именно своею—антиметафизичностью. Особенно восторженна его характеристика Бальмонта, въ которомъ онъ справедливо отмѣчаетъ его многосторонность и легкость творчества. Онъ восхищается его языкомъ, выразительностью его стиха, его мелодичностью. „Я убѣжденъ—говоритъ Эліасбергъ,—что, обладая поэтическимъ чутьемъ, можно, даже совершенно не зная русскаго языка, понять по сочетанію звуковъ въ стихотвореніяхъ Бальмонта, идетъ ли рѣчь о водѣ, о вѣтрѣ или объ

огнѣ". Въ своемъ восхищеніи Бальмонтовскимъ стихомъ Эліасбергъ доходитъ до чрезвычайно смѣлаго утвержденія. „Всѣ данныя за то—говоритъ онъ,—что будущій историкъ литературы начнетъ съ Бальмонта вторую великую эпоху въ развитіи русскаго языка, въ то время какъ первая начинается съ Пушкина". Нужно было бы весьма и весьма тщательно сравнить лирическій языкъ Бальмонта съ языкомъ Тютчева, Фета, Алексѣя Толстого и другихъ, чтобы утверждать нѣчто подобное.

Въ Брюсовѣ Эліасбергъ справедливо выдвигаетъ его страстную эротичность и близость къ жизни. Странно, однако, что онъ не отмѣчаетъ качества стиха, которыя составляютъ его особенность еще болѣе, чѣмъ Бальмонта. Кованность и хрустальность Брюсовскихъ стиховъ, заслужившія ему названіе „парнасца", должны были быть особенно отмѣчены критикомъ, столь воспріимчивымъ къ красотамъ стиха.

Изъ группы поэтовъ метафизическаго направленія Эліасбергъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на Минскомъ и даетъ интересную его характеристику. „Н. М. Минскій—говоритъ онъ—самый выдающійся представитель религіозно-метафизическаго направленія. Въ первомъ періодѣ своей дѣятельности онъ, какъ и Надсонъ, былъ „служителемъ гражданской музы". Но среди многочисленныхъ представителей либеральной поэзіи онъ выгодно выдѣляется своей яркой индивидуальностью и прекраснымъ, звучнымъ стихомъ. Главнымъ мотивомъ его поэзіи были не болѣе или менѣе неопредѣленныя либеральныя воздыханія, а общечеловѣческое чувство состраданія. Впослѣдствіи поэтъ оставилъ область гражданственности и перешелъ къ болѣе высокимъ, чисто художественнымъ идеаламъ, за что отчасти поплатился своей прежней популярностью. Но и этотъ періодъ его творчества вскорѣ смѣнился третьимъ — повидимому окончательнымъ—религіознаго мистицизма... Его нравственно-религіозныя произведенія послѣднихъ лѣтъ, написанныя мастерскимъ языкомъ, выдающимъ поэта-лирика, послужили основой для всего нео-христіанскаго теченія въ Россіи".

О Мережковскомъ въ книгѣ Эліасберга сказано очень немного, такъ какъ въ немъ, по словамъ критика, философъ-критикъ и романистъ отодвигаютъ лирика на второе мѣсто. Чистымъ лирикомъ Эліасбергъ считаетъ Зинаиду Гиппіусъ, въ стихахъ которой отмѣчаетъ ярко выраженную склонность къ мистицизму, а также красочность и музыкальность стиха, смѣлость образовъ.

Өедоръ Сологубъ выдѣленъ Эліасбергомъ, какъ поэтъ совершенно обособленный отъ установленныхъ имъ группъ. Его онъ считаетъ единственнымъ настоящимъ декадентомъ, въ виду того, что въ немъ рѣзче всего сказалась раздвоенность, связывающая его съ болѣзненной

натурой типовъ Достоевскаго. Паѳосъ творчества Сологуба Эліасбергъ видитъ въ антагонизмѣ между высотой его стремленій и мучительнымъ уродствомъ дѣйствительности. Эта характеристика Сологуба относится, однако, скорѣе къ его прежнимъ произведеніямъ, къ тому времени, когда онъ писалъ о странныхъ дѣтяхъ, а въ лирикѣ воспѣвалъ таинственныя настроенія въ природѣ. Авторъ „Мелкаго Бѣса" и „Литургіи Мнѣ" выступилъ уже съ болѣе опредѣленной теоріей трагизма, съ болѣе властнымъ отношеніемъ къ міру, которое нельзя опредѣлить только раздвоенностью и борьбой между волей и силой дѣйствительности. Впрочемъ, Эліасбергъ, повидимому, и не имѣетъ въ виду послѣднихъ произведеній Сологуба, въ которыхъ яснѣе отразилась его индивидуальность.

Въ общемъ, изъ вышесказаннаго видно, что Эліасбергъ обладаетъ точными знаніями въ области русской лирики и прекрасно понимаетъ всѣ ея особенности и разновидности. Можно только привѣтствовать появленіе такой книги на нѣмецкомъ языкѣ. Она можетъ служить цѣннымъ пособіемъ для знакомства съ современной русской поэзіей.

Очеркъ современной русской лирики и характеристики отдѣльныхъ поэтовъ составляютъ введеніе въ книгу, гдѣ собраны образцы творчества каждаго изъ названныхъ поэтовъ въ переводахъ Эліасберга. Самые переводы, въ общемъ, удачны. Въ нихъ есть прежде всего одно драгоцѣнное качество. Переводчикъ старается передать индивидуальность стиха каждаго отдѣльнаго поэта. Это—то, что̀ чаще всего пропадаетъ въ переводахъ. Есть очень точные переводы русскихъ поэтовъ на нѣмецкомъ языкѣ, но въ нихъ не отличить стихъ Пушкина отъ стиха Фета, не говоря уже о современныхъ поэтахъ, которые сливаются переводчиками въ русскую поэзію вообще. По такимъ переводамъ можно отличить одного поэта отъ другого но содержанію стиховъ, но никакъ не по формѣ. Въ переводахъ Эліасберга на это обращено главное вниманіе. Особенно удачны въ этомъ отношеніи переводы Бальмонта, даже передача его вольнаго стиха, напримѣръ въ „Birke" (Береза). Увлеченный стихійной самовосторженностью Бальмонта, загипнотизированный до нѣкоторой степени Бальмонтовскими гимнами своему стиху, своей пѣснѣ, Эліасбергъ переводитъ набожно всѣ его стихи на эту тему—едва-ли самые цѣнные въ его творчествѣ. Но самый переводъ ихъ очень близко передаетъ атмосферу оригинала. Хорошо, что въ число переведенныхъ образцовъ Бальмонтовской поэзіи включены его гимны стихіямъ,—напр., стихотвореніе „Солнцу". Передавая хорошо особенности ритма, колоритъ стихотвореній, Эліасбергъ не всегда удачно выбираетъ нѣмецкія слова, соотвѣтствующія русскимъ выраженіямъ. Наприм., въ стихотвореніи Гиппіусъ: „Иди за мной, когда меня не станетъ"—онъ

переводитъ этотъ стихъ словами: „Begleite mich, wenn ich nicht mehr am Leben", что ослабляетъ стихъ. Это все равно, что по-русски сказать: „Проводи меня, когда меня не станетъ", т.-е. звучитъ почти приглашеніемъ на похороны. Точно такъ же нехорошо въ томъ же стихотвореніи „Begreife mich" для передачи „Пойми меня". „Begreifen" относится къ отвлеченному, къ математической истинѣ, между тѣмъ какъ въ русскомъ „пойми" есть призывъ къ тихой памяти сердца. Это въ переводѣ не передано. Переводамъ изъ Минскаго можно сдѣлать упрекъ, что выбраны далеко не характерные образцы его поэзіи. Но самые переводы хороши. Искусно передано стихотвореніе „Сухіе листья", основанное въ значительной степени на сочетаніяхъ чисто звуковыхъ, на особенностяхъ ритма.

Въ общемъ, въ переводахъ Эліасберга больше свѣжести, больше чуткости, чѣмъ въ прежнихъ нѣмецкихъ переводахъ русскихъ поэтовъ. Чутко воспринимая особенности русскихъ модернистовъ, Эліасбергъ умѣетъ и возсоздавать ихъ, стараясь главнымъ образомъ сохранить особенности ритма и стиха.

II.

Gabriele d'Annunzio. La Nave. Tragedia. Стр. 250. Milano, 1908. (Frat. Treves. Edit.).

Въ январѣ с. г. въ Римѣ представлена была новая драма Габріэля д'Аннунціо „Корабль" (La Nave). Драма имѣла огромный успѣхъ, такъ какъ въ ней д'Аннунціо снова заявилъ себя истинно національнымъ поэтомъ, для котораго дороги патріотическія традиціи. Начиная со своихъ гимновъ національной славѣ, со сборниковъ „Laudi", д'Аннунціо превратился изъ прежняго декадента, крайняго индивидуалиста, пѣвца остро-обособленныхъ ощущеній, изъ поэта, чуждаго толпѣ и ея чувствамъ—въ пѣвца національной славы, прославляющаго минувшія побѣды, прорицающаго грядущую славу своей родины. Такая метаморфоза была бы невозможной въ болѣе цѣльномъ поэтѣ. Но д'Аннунціо—поэтъ темперамента, а не воли и мысли. Онъ сильно поддавался разнымъ литературнымъ вліяніямъ, былъ послѣдователемъ Достоевскаго, затѣмъ Бодлэра и другихъ. Это даже ставилось ему часто въ вину. Д'Аннунціо часто упрекали въ подражательности, даже въ прямомъ заимствованіи. Но обвиненіе это несправедливо. То, что особенно цѣнно въ творчествѣ д'Аннунціо—его темпераментъ, его жадная сила ощущеній, яркость языка, чувствъ и мысли,—все это его собственное, все это онъ привноситъ, какія бы вліянія онъ ни отражалъ. Въ его натуралистическихъ повѣстяхъ, въ его психологическихъ романахъ въ духѣ Стэндаля, въ драмахъ, гдѣ изображены болѣзнен-

ныя чувства пресыщенныхъ культурой людей, въ его гимнѣ самому себѣ, то-есть въ романѣ „Пламя“ (Fuoco), вездѣ онъ — тотъ же южанинъ, человѣкъ, живущій среди оргій красокъ, упоенный звучностью и пышностью словъ и чувствъ. Въ этомъ—стиль д'Аннунціо. Форма у него какъ бы съѣдаетъ содержаніе и живетъ собственной силой. Д'Аннунціо могъ поэтому отойти отъ крайне индивидуалистическихъ настроеній и стать поэтомъ національныхъ идеаловъ, не измѣняя себѣ, т.-е. сохраняя то же богатство звучныхъ словъ и пышныхъ чувствъ, какъ и тогда, когда воспѣвалъ себя и свою гордую обособленность среди природы и людей.

Д'Аннунціо—не единственный національный поэтъ современной Италіи. Гораздо болѣе его долженъ считаться таковымъ умершій лишь годъ тому назадъ Кардуччи, поэтъ цѣльной воли, въ противоположность д'Аннунціо, поэту темперамента и настроеній. Но между ними большая разница. Кардуччи былъ, помимо всѣхъ своихъ большихъ художественныхъ качествъ, поэтомъ родины и свободы, а д'Аннунціо прославляетъ родину не въ ея стремленіи къ свободѣ, а въ ея стремленіи къ славѣ, и потому въ роли національнаго поэта онъ не можетъ имѣть того общечеловѣческаго значенія, какое имѣлъ Кардуччи со своими мятежными одами дьяволу, гимнами освобождающему разуму и т. д.

Въ своихъ чисто художественныхъ произведеніяхъ, въ особенности въ своей пламенной лирикѣ, д'Аннунціо былъ близокъ къ чувствамъ каждой живой души. Но когда предметомъ его восторговъ и славословій становится слава Венеціи, то этого одного достаточно лишь для патріотически настроенной толпы соотечественниковъ поэта. Читатели иныхъ странъ будутъ искать въ его новой драмѣ иныя достоинства—и ихъ ожидаетъ нѣкоторое разочарованіе: за чрезвычайно эффектными драматическими сценами, за пышной лирикой отдѣльныхъ эпизодовъ, чувствуется отсутствіе болѣе глубокаго содержанія и мелодраматическая ходульность чувствъ и страстей.

Въ драмѣ д'Аннунціо „Корабль“ переплетаются два дѣйствія. Одно—патріотическое; оно знаменуется сооруженіемъ корабля, носящаго судьбы родины, грядущую славу Венеціи, завоевательницы морей. Корабль, носящій гордое названіе „Весь Міръ“ (Totus Mundus), долженъ быть „окрещенъ кровью“, прежде чѣмъ будетъ основанъ городъ, которому предстоитъ великая судьба. „Крещеніе кровью“ и составляетъ связь между патріотическимъ дѣйствіемъ и мрачной драмой страсти, сплетенной съ нимъ. Драма эта—въ чисто византійскомъ духѣ. Любовь, месть, чары коварной соблазнительницы, братоубійство, святотатство—все на лицо въ пестромъ дѣйствіи, которое раздѣлено не на акты, а на прологъ и три эпизода. Разрозненность общаго хода дѣйствія

оправдываетъ именно такое дѣленіе. Каждый актъ стоитъ почти отдѣльно, въ каждомъ выступаютъ другія страсти. Для того, чтобы еще болѣе усугубить пестроту дѣйствія и усилить патріотическій подъемъ пышностью колорита, д'Аннунціо прибѣгаетъ съ успѣхомъ къ вспомогательнымъ сценическимъ средствамъ. Музыка, хоры, свѣтскіе и церковные, пышныя процессіи, эффектныя картины толпы чрезвычайно разнообразятъ дѣйствіе, создавая напряженную атмосферу, въ которой всѣ страсти разгораются до крайняго напряженія.

Фонъ драмы составляетъ возбужденная толпа. Это бѣглецы изъ Аквилеи, строители будущей Венеціи. Дѣйствіе происходитъ въ шестомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Бѣглецы спаслись отъ тираніи византійцевъ и строятъ городъ на одномъ изъ островоВъ Адріатическаго моря. Строится корабль, оплотъ будущихъ завоеваній, оплотъ морской силы —и строится также базилика. Среди этихъ будущихъ гражданъ грядущаго города уже начались распри; происходитъ кровавая драма ненависти и мести между носителями власти. Во главѣ народа, ищущаго, гдѣ основать новую родину, стоялъ трибунъ Орсо Фаледро. Но онъ сдѣлался предателемъ своего народа, притѣснялъ и угнеталъ его и готовъ былъ продать его грекамъ. За это онъ подвергся обычной въ такихъ случаяхъ казни: его и трехъ его сыновей ослѣпили. Спасся только старшій сынъ его, Джіованни; онъ отправился къ грекамъ собирать дружину, чтобы мстить за отца и вернуть себѣ власть. Народъ, свергнувшій Орсо Фаледро и его родъ, уже отдалъ свое предпочтеніе другому, соперничающему съ нимъ роду—Гратико. Народъ слѣпо вѣритъ старой дьякониссѣ, вдовѣ Эммѣ, которая возводитъ своими прорицаніями на престолъ свѣтской и духовной власти своихъ сыновей, Марко и Сергія. Марко провозглашенъ трибуномъ, Сергія ждетъ санъ епископа строящейся базилики. Весь народъ, строители корабля и храма, ждетъ возвращенія Марко. Онъ отправился спасать изъ развалинъ Аквилеи мощи защитниковъ города, святого Марка и святаго Эрмагора. Народъ толпится на берегу и высматриваетъ на горизонтѣ корабль новаго трибуна. Среди ожидающихъ находится и ослѣпленный трибунъ Орсо Фаледро, жертва народнаго гнѣва, вмѣстѣ со своими сыновьями. Въ его проклятіяхъ и сѣтованіяхъ, въ его пререканіяхъ съ дьякониссой Эммой, матерью его восторжествовавшихъ враговъ, обнаруживается роковая вражда, порожденная соблазномъ власти. Народъ ищетъ болѣе достойнаго вождя, свергаетъ того, кто оказался корыстнымъ, кто думалъ о себѣ, а не о народѣ. Свергнувъ его, толпа загорѣлась новой надеждой, что слѣдующій ея избранникъ уже будетъ инымъ, уже не дастъ въ обиду свой народъ. А изъ словъ той, на которую возложены упованія народа, изъ словъ дьякониссы Эммы, видно, что и она, какъ Орсо, полна себялюбивыхъ мыслей, ду-

маетъ только о своихъ сыновьяхъ, соблазнена кумиромъ власти, а также опьянена минутнымъ торжествомъ надъ свергнутымъ врагомъ, трибуномъ Орсо Фаледро. И ея рѣчи, и слова Орсо Фаледро кипятъ ненавистью, и видно, въ какомъ глубокомъ заблужденіи находится толпа, уповающая на одну изъ борющихся за власть сторонъ. Скорбь Орсо Фаледро выливается въ лирическія сѣтованія надъ горестной участью его мальчиковъ, погубленныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ, а въ рѣчахъ дьякониссы, которая ждетъ побѣднаго возвращенія сына Марко, звучитъ только жестокое властолюбіе и кровожадное торжество.

Никакихъ свѣтлыхъ чувствъ, никакой жалости и любви не сохранилось въ ея ожесточенно гордой душѣ. Вотъ почва, на которой должно произойти кровопролитіе въ самомъ грозномъ его видѣ — въ видѣ братоубійства. Только на почвѣ, обагренной братоубійствомъ, воздвигнется городъ грядущей славы. Такъ возникъ великій Римъ — такъ должна возникнуть и Венеція, родина, воспѣтая въ патріотической драмѣ д'Аннунціо. Тутъ кроется основная мысль драмы, болѣе глубокая, чѣмъ ея патріотическій замыселъ—мысль о братоубійственной основѣ града человѣческаго, мысль, связанная съ самыми древними сказаніями человѣчества. Пессимизмъ этой основной мысли прикрывается пышно-патріотическими наслоеніями, составляющими внѣшне-декоративный характеръ драмы.

Наростаніе дѣйствія совершается по мѣрѣ того, какъ сгущается атмосфера, ведущая къ братоубійству. На палубѣ стоятъ и смотрятъ съ ожиданіемъ на приближающіеся издали паруса старикъ Орсо Фаледро и дьякониcса Эмма. Вмѣстѣ съ Эммой ждетъ весь народъ ея сына, везущаго реликвіи для вновь строящагося храма. Но Орсо ждетъ кого-то другого. Онъ самъ и его сыновья уже ничего не могутъ видѣть. Но онъ вопрошаетъ кормчаго. Всѣ думаютъ, что онъ ждетъ сына, уѣхавшаго за помощью къ грекамъ. Но это не вѣрно. Орсо говоритъ, кого онъ ждетъ. Должна вернуться его дочь, Базиліола. Всѣ его надежды покоятся на ней. Волненіе ожидающихъ наростаетъ; приближающійся корабль представляется всѣмъ сначала кораблемъ Марко. Но ожиданіе обмануто. На берегъ высаживается Базиліола. Ея появленіе — исходный пунктъ грядущей катастрофы, такъ какъ она сѣетъ своими чарами и своимъ коварствомъ сѣмена братоубійственной ненависти, которая заканчивается искупленіемъ—и созиданіемъ Венеціи.

Базиліола не знаетъ, что̀ ее ждетъ на берегу. Видъ отца и братьевъ повергаетъ ее въ ужасъ и горесть, выраженную д'Аннунціо со свойственной ему цвѣтистостью и въ то же время стихійной страстностью. Скорбь Базиліолы тотчасъ же, какъ-то даже безъ всякаго перехода, превращается въ месть. Она сразу задается страшной цѣлью отпла-

тить кровавой местью за гибель и униженіе своего рода. Сразу, не давая себѣ ни минуты времени быть самой собой, она начинаетъ играть сложную комедію покорности, запутывая въ свои сѣти побѣдившихъ враговъ. Послѣ первыхъ словъ, обращенныхъ къ несчастнымъ братьямъ, она говоритъ собравшейся толпѣ, что готова подчиниться суду Господню, обратившемуся противъ нея и ея семьи, готова первая преклониться передъ побѣдителемъ Марко, когда онъ вернется. Но объятому страхомъ отцу она говоритъ, чтобы онъ не боялся, потому что она „привезла съ собой изъ-за моря безуміе, никогда прежде не виданное надъ водами" (Ho transportato meco d'oltremare—una follia non mai veduta sopra—le acque).

Эти слова она нѣсколько разъ повторяетъ въ теченіе всего пролога, возвѣщая этимъ о распряхъ и ужасахъ, которые она принесетъ своими чарами, соблазномъ своей губительной красоты. Она все дѣлаетъ, чтобы повѣрили ея обращенію. Она заставляетъ братьевъ стать на колѣни у четырехъ ножекъ трона, приготовленнаго для Марко. Ихъ скорбныя безмолвныя фигуры должны въ своемъ смиреніи быть знаками его побѣды. Она сама склоняетъ колѣни передъ дьякониссой Эммой и съ ложнымъ смиреніемъ приноситъ ей дары для строящагося алтаря. Когда поднимается общій крикъ, возвѣщающій о прибытіи трибуна Марко, она съ другими смиренно ждетъ его появленія.

Первыя побѣды семьи Гратико достигаются при помощи обманныхъ средствъ. Діаконисса Эмма стремится къ тому, чтобы младшій ея сынъ Сергій былъ возведенъ въ санъ епископа, и съ этой цѣлью устраивается обманъ. Старый епископъ, котораго онъ долженъ смѣнить, уже умеръ, но это скрываютъ отъ толпы. Служители храма, вмѣстѣ съ прорицателемъ, союзникомъ дьякониссы, вводятъ будто бы умирающаго, но на самомъ дѣлѣ уже умершаго епископа. Трибунъ Марко знаетъ, что передъ нимъ трупъ, но играетъ комедію и разсказываетъ „пастырю народовъ" о подвигахъ своихъ и брата, о томъ, какъ они спасли святыя реликвіи, и какъ при этомъ Сергій пострадалъ, лишившись пальца. Затѣмъ прорицатель, наклонившись къ устамъ уже умершаго епископа, чтобы тотъ назвалъ своего преемника,—провозглашаетъ, что онъ назвалъ, умирая, имя Сергія. Вопреки нѣсколькимъ враждебнымъ голосамъ, кричащимъ, что тутъ происходитъ обманъ, Сергій всенародно провозглашенъ епископомъ, а Марко—трибуномъ. Марко произноситъ благородныя рѣчи о свободѣ венеціанцевъ и о томъ, какъ Господь ему поручилъ славу морей. Родиной провозглашается отнынѣ строящійся корабль, который долженъ покорить моря венеціанскому народу. Опьяненная надеждой толпа призываетъ Марко къ сооруженію великаго корабля родины, который на-

зовется „Весь Міръ“ (Totus Mundus). Всѣ готовы работать для сооруженія корабля и созиданія грядущей славы. Это—одинъ изъ наиболѣе эффектныхъ эпизодовъ драмы, разсчитанный на то, что крики толпы на сценѣ пробудятъ патріотическое чувство въ зрителяхъ. Сцена написана съ большимъ подъемомъ и со свойственной д'Аннунціо нарядностью чувствъ.

Среди криковъ толпы, среди пѣнія церковнаго хора, возносящаго славу Христу, выступаетъ роковая мстительница за попранное величіе своего народа—выступаетъ Базиліола, дочь Орсо, во всеоружіи своихъ коварныхъ чаръ. Она преклонилась передъ побѣдителемъ и, чтобы соблазнить его, предлагаетъ проплясать передъ нимъ танецъ побѣды. Въ ея льстивыхъ словахъ звучитъ угроза: „Ты меня хорошо знаешь,—говоритъ она.—Твои жадные, выискивающіе добычу глаза не разъ обращались на меня. Отецъ зоветъ меня Базиліолой. Но для тебя мое имя—Гибель (Destruzione). Я протанцую тебѣ танецъ побѣды, протанцую священный танецъ“. Ея угрозъ не понимаютъ, но всѣ привѣтствуютъ ея красоту и молятъ о танцѣ, называя ее сиреной. Она обольщаетъ Марко ядовитой лестью, указываетъ на безмолвныя фигуры братьевъ, поддерживающихъ его тронъ, говоритъ о томъ, какими они были, какъ они не уступали ему по знатности и благородству, и говоритъ, что теперь она отдаетъ ихъ ему, чтобъ отпраздновать его побѣду. „И себя, прекрасную, я отдаю побѣдителю“,—говоритъ она, показывая, съ какой жадностью вся толпа глядитъ на ея красоту. „Я буду для тебя лучшимъ цвѣткомъ твоей добычи“,—говоритъ она и танцуетъ съ факеломъ и острымъ мечомъ въ рукахъ бѣшеный танецъ подъ крики славы всему роду Гратико, трибуну Марко, епископу Сергію и матери ихъ; Эммѣ. Такимъ образомъ, моментъ торжества сливается съ угрозой въ лицѣ коварной обольстительницы.

Первый эпизодъ драмы, слѣдующій за прологомъ, изображаетъ торжество мстительницы надъ побѣдителемъ, передъ которымъ она коварно смирилась. Строится корабль и строится храмъ, но это совершается на фонѣ; это только намекъ на грядущія событія. На сценѣ же—драма гнѣва и мести. Базиліола укрѣпила свою власть и пользуется ею для того, чтобы посѣять раздоръ между братьями, соблазняя обоихъ своей красотой, и погубить ненавистную семью враговъ. Но это еще впереди. Пока она тѣшитъ свою злобную душу местью надъ всѣми врагами своего рода. Дѣйствіе драмы начинается съ оригинально задуманной жестокой сцены. Базиліола добилась того, что всѣ ея враги ввергнуты въ „мрачную яму“ (Fossa Fouia)—глубокій ровъ, гдѣ держатъ преступниковъ, предоставляя имъ умирать отъ голода и жажды. Базиліола стоитъ у края „черной ямы“. Она заглядываетъ во внутрь и тѣшится стонами враговъ. Они кричатъ,

молятъ объ утоленіи жажды и голода, шлютъ проклятія трибуну, осудившему ихъ на муки въ угоду Базиліолѣ. Ее радуютъ эти проклятія, которымъ она готова вторить, такъ какъ не менѣе узниковъ ненавидитъ трибуна. И еще больше радуется ея мстительное чувство мукамъ заключенныхъ, потому что все это враги отца, все это тѣ, которые совершали казнь ослѣпленія надъ нимъ и его сыновьями. Къ довершенію своего торжества она знаетъ, что эти люди терзаются не только муками голода и жажды, но и любовью къ ней. Въ безуміи страданій у нѣкоторыхъ вырывается признаніе безумной страсти. Всѣ они обезсилены отъ мукъ и взываютъ къ ней только о томъ, чтобы она ихъ умертвила. При видѣ ея, они обращаются къ ней съ мольбами, полными отчаянія и нѣжности, говорятъ объ ея красотѣ и о ея жестокости, стараются разъярить ее, напоминая о томъ, что̀ каждый изъ нихъ сдѣлалъ самъ ея отцу и братьямъ. Базиліола упоена разнородными чувствами торжества и скорби, вызываетъ каждаго изъ плѣнниковъ отдѣльно на рѣчи, въ которыхъ терзаетъ ихъ надеждой, почти нѣжностью и затѣмъ жестокимъ отказомъ покончить сразу. Что̀ ей ни говоритъ каменотесъ Гауро, она злобно кричитъ ему: „я не убью тебя“, пока онъ наконецъ не разсказываетъ ей, какимъ глумленіямъ онъ подвергалъ ея младшаго любимаго брата. Тогда она, разъяренная, пронзаетъ его стрѣлой. И вслѣдъ затѣмъ начинается дикая сцена, въ которой она пронзаетъ стрѣлами всѣхъ плѣнниковъ одного за другимъ. Они умираютъ, и въ ихъ предсмертныхъ крикахъ странно сливаются стоны мученій и радость пасть отъ любимой руки. Всѣ погибаютъ подъ звуки доносящихся издали смѣшанныхъ хоровъ. Хоры служителей базилики поютъ славу Христу,—служители Базиліолы поютъ языческіе гимны ея губительной красотѣ.

Когда кончена дикая расправа, на сцену является отшельникъ Траба и шлетъ проклятія ея губительной красотѣ. Онъ одинъ неуязвимъ для ея чаръ и обличаетъ ея козни. Когда приходитъ Марко Гратико, отшельникъ старается исцѣлить его отъ ослѣпленія, говоритъ ему, что власть и сила его гибнутъ отъ соблазнившей его женщины, что онъ предаетъ свой долгъ передъ народомъ изъ-за нея. Его рѣчи дѣйствуютъ на трибуна. Онъ начинаетъ вѣрить, что Базиліола колдуетъ, дѣйствуя языческими чарами, что дѣйствительно онъ не знаетъ, кто она, и въ чемъ ея прошлое. Но въ возникающей борьбѣ за душу трибуна между суровымъ отшельникомъ и коварной соблазнительницей побѣждаетъ все-таки Базиліола. Она убаюкиваетъ Марко чарами своей красоты, своей лестью, будитъ въ немъ честолюбивыя мечты о власти надъ Византіей, окутываетъ его сѣтью своихъ словъ. Мать трибуна, дьяконисса Эмма, изгнана, и Марко—снова во власти соблазнительницы.

Второй эпизодъ заключаетъ въ себѣ конечное торжество Базиліолы, исполненіе задуманнаго ею плана. Ненавистная ей семья на вѣки погублена собственнымъ преступленіемъ: братъ убиваетъ брата. Базиліола соблазнила не только трибуна Марко, но и его брата епископа. Вмѣстѣ съ нимъ она празднуетъ въ отстроенной базиликѣ полу-языческое празднество любви. Происходитъ бурная сцена между двумя партіями. Съ одной стороны, епископъ, Базиліола и славящіе ея красоту и ея чары языческіе хоры, съ другой стороны — ревнители вѣры, которые шлютъ проклятія позорящимъ алтарь Господенъ. Базиліола все болѣе и болѣе разжигаетъ страсти и собирается танцовать на пурпурномъ плащѣ, который ей далъ трибунъ Марко. Она напоминаетъ о томъ, какъ нѣкогда хотѣла танцовать передъ побѣдителемъ и какъ дала себѣ клятву, что побѣдитъ своимъ духомъ его силу. Теперь ея обѣтъ исполненъ. Теперь она побѣдила. Возбуждая до экстаза страсти пирующихъ, вызывая проклятія ревнителей вѣры и анаѳемы преступному епископу, Базиліола царитъ среди бурной сцены. Страсти разгораются до высшаго напряженія, и въ эту минуту появляется трибунъ Марко, пришедшій прекратить пиршество, оскверняющее храмъ. Онъ явился карателемъ и глухъ къ льстивымъ рѣчамъ Базиліолы, приглашающей его выпить кубокъ. Тогда Базиліола завершаетъ свою месть. Она призываетъ всѣхъ устроить Божій судъ. Пусть братья помѣрятся мечами, чтобы выяснилось, кто изъ нихъ правъ. Поединокъ происходитъ, и Базиліола пускаетъ въ ходъ коварство и обманъ, стараясь помочь епископу противъ трибуна. Но побѣждаетъ Марко. Сергій падаетъ. А Базиліолу Марко не убиваетъ, сохраняя ее для болѣе жестокой мести. Ее тащатъ на только-что отстроенный, готовый къ отплытію корабль. Нужно идти навстрѣчу Джіованни Фаледро, который приближается съ грозной силой.

Весь этотъ актъ—сплошная массовая сцена, и задача д'Аннунціо заключается въ драматическихъ эффектахъ сложнаго движенія массъ, сложнаго взаимодѣйствія разнообразно возбужденныхъ страстей, сначала во время пира, потомъ во время поединка, на который Базиліола вызываетъ опьяненнаго епископа, сунувъ ему въ руку свой мечъ, который вынула для танца.

Послѣдній завершающій драму эпизодъ заключаетъ въ себѣ искупленіе Марко. Пролитая кровь брата отрезвила его. Всѣ страсти стихли, и онъ жаждетъ только искупить свой тяжкій грѣхъ. Снова вызвана дьяконисса Эмма, которую Марко не рѣшается уже называть матерью, а называетъ вдовой. Ей онъ говоритъ, что, забывъ о себѣ, отдаетъ всего себя родинѣ и отправится на только-что отстроенномъ кораблѣ завоевывать море. Онъ становится добровольнымъ изгнанникомъ и отправляется на востокъ за мощами св. Марка. Предстоитъ

еще казнь Базиліолы, которую, по обычаю, должны ослѣпить. Она молитъ о „прекрасной смерти“, прося бросить ее въ море, но Марко уготовилъ ей болѣе страшную казнь; онъ хочетъ пригвоздить ее какъ эмблему на носу корабля. Этой страшной смерти Базиліола избѣгаетъ, бросаясь въ очистительный огонь. Мощный корабль уплываетъ въ море, навстрѣчу славнымъ грядущимъ судьбамъ, и подъ гимны грядущей славѣ на отъѣзжающемъ кораблѣ заканчивается драма.

Патріотическое чувство, какъ видно изъ краткаго разбора, выражается въ драмѣ д'Аннунціо лирически настроенной толпой, символическимъ отплытіемъ корабля навстрѣчу славѣ и первенствующей ролью народной толпы въ дѣйствіи. Что касается психологическаго интереса, то онъ разбивается о неопредѣленность характеровъ. Всѣ герои драмы слишкомъ часто погружаются въ слабохарактерную преступность и не представляютъ цѣльныхъ образовъ. Интереснѣе всего, конечно, образъ Базиліолы, въ которой мстительность доведена до стихійнаго экстаза и относительно которой уже трудно примѣнять критерій добра и зла.

Въ общемъ, драма интереснѣе своей колоритностью и лирическимъ подъемомъ, чѣмъ драматическимъ дѣйствіемъ, въ которомъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ много мелодраматическихъ ужасовъ.—З. В.

В. Б. АНТОНОВИЧЪ.

Некрологъ.

8-го марта скончался въ Кіевѣ, на 74 году отъ рожденія, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ (род. въ 1834 г.), заслуженный профессоръ университета св. Владиміра, весьма извѣстный историкъ и археологъ. Научныя заслуги покойнаго В. Б., независимо отъ того, что его дѣятельность посвящена была почти исключительно его родинѣ, разумѣется, переходятъ далеко за ея предѣлы. Кромѣ своей изумительной работоспособности и замѣчательнаго ума, успѣху этой дѣятельности много способствовало и самое его воспитаніе, прошедшее въ условіяхъ, изолировавшихъ его первую юность отъ сословныхъ традицій мѣстнаго польскаго общества, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Сначала В. Б. учился въ одной изъ одесскихъ гимназій (2-ой), живя въ то же время въ французскомъ пансіонѣ, гдѣ очень много обращалось вниманія на знакомство воспитанниковъ съ французской литературой, не только изящной, но и общественно-политической. Поступивъ затѣмъ въ кіевскій университетъ, В. Б. занимался медициной, по окончаніи курса практиковалъ одинъ, кажется, годъ въ качествѣ врача, и затѣмъ только, вернувшись въ университетъ, на историко-филологическій факультетъ, посвятилъ себя занятію исторіей. Это было уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ... Волновавшіе въ то время молодежь національные и общественные вопросы не могли не отразиться и на направленіи занятій молодого историка. Пробывъ по окончаніи курса нѣкоторое время учителемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, В. Б. получилъ скромныя занятія во временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ ген.-губ., давшія ему возможность работать въ кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Здѣсь и началась уже его вполнѣ самостоятельная научная дѣятельность. Посвятивъ многіе годы изученію рукописей того архива, прочтя громадное количество „гродскихъ", „записовыхъ" и другихъ актовыхъ книгъ юго-западной Руси и сдѣлавшись, наконецъ, главнымъ редакторомъ кіевской Археологической Коммиссіи, В. Б. началъ издавать одинъ за другимъ томы „Актовъ", со своими скромными на видъ „предисловіями", представлявшими собой вполнѣ оригинальныя, написанныя по источникамъ первой руки изслѣдованія.

Таками были работы: „О козачествѣ, по актамъ 1500—1648 гг.“ (1862—1863); „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи“ (1867); „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра“ (1868); „Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи“ (1869); „Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII стол.“ (1870); „Акты объ Уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII в.“ (1871); „Изслѣдованіе о гайдамачествѣ“ (1876); „О мнимомъ крестьянскомъ восстаніи въ Юго-западномъ краѣ въ 1789 г.“ (1902). Кромѣ того, въ 1870 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію и получилъ званіе доцента по каѳедрѣ русской исторіи, а въ 1876 г., за диссертацію „Очеркъ исторіи в. княжества Литовскаго, получилъ степень доктора и, будучи избранъ ординарнымъ профессоромъ, занималъ эту каѳедру до 1890 г., а потомъ еще нѣсколько лѣтъ, уже въ званіи заслуженнаго профессора.

Международные археологическіе конгрессы, возникшіе по инииціативѣ Г. де-Мортилье еще въ 1865 г., положили начало и русскимъ археологическимъ съѣздамъ подъ руководствомъ покойнаго гр. А. С. Уварова, продолжающимся и теперь благодаря заботамъ его вдовы, гр. П. А. Уваровой. Съѣзды эти,—наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ и подготовителемъ которыхъ до самаго послѣдняго времени неизмѣнно былъ В. Б.,—имѣли рѣшительное вліяніе на его собственныя занятія въ смыслѣ поворота къ до-исторической археологіи. Проведя почти весь 1850 г. за-границей и употребивъ значительную часть этого времени на занятія въ парижской антропологической школѣ и лабораторіи Брока, В. Б. вернулся въ Россію вполнѣ научно-подготовленнымъ къ дальнѣйшей археологической дѣятельности. Кромѣ громаднаго количества раскопокъ, имѣвшихъ въ виду главнымъ образомъ выясненіе этническаго состава и быта населенія нынѣшней Украины въ періодъ непосредственно предшествовавшій историческому и соотвѣтствующій въ археологіи, главнымъ образомъ, такъ-называемому курганному періоду, В. Б. предпринялъ не менѣе обширное и систематическое изслѣдованіе до-историческихъ пещеръ по берегу Днѣпра и Днѣстра и множество другихъ работъ. Въ результатѣ этихъ изслѣдованій появились двѣ монументальныя археологическія карты Кіевской и Волынской губ., многочисленные матеріалы для третьей карты—Подольской губ., составленной свящ. Сѣцинскимъ, работы о курганахъ древлянской земли и цѣлая масса другихъ работъ, напечатанныхъ въ многочисленныхъ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ. Кромѣ того, В. Б. занимался также нумизматикой и этнографіей. Обработанныя имъ вмѣстѣ съ М. П. Драгомановымъ „Историческія пѣсни украинскаго народа“ представляютъ собой первый по времени опытъ научной обработки собраннаго раньше этнографическаго матеріала. Изслѣдованіе „о колдовствѣ“,

въ „Трудахъ экспед. П. П. Губинскаго“ и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ въ „Запискахъ Юго-зап. Отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, „Кіевской Старинѣ“ и др. изданіяхъ, дополняютъ этотъ нашъ бѣглый очеркъ научной дѣятельности В. Б. Антоновича.

Смерть В. Б. не была неожиданной... Послѣдніе годы его жизни были уже явнымъ приближеніемъ къ могилѣ. Но, несмотря на то, его кончина представляетъ для всей Украины событіе, какого, смѣло можно сказать, не было со времени смерти Шевченка. Украина потеряла въ В. Б. не только своего археолога-историка и этнографа, но и лучшаго изъ своихъ общественныхъ дѣятелей, своего наиболѣе авторитетнаго и любимаго политическаго руководителя.

Будучи по происхожденію полякомъ и шляхтичемъ, В. Б. прожилъ всю жизнь и умеръ сознательнымъ и активнымъ демократомъ-украинцемъ. Подвергаясь допросамъ и увѣщаніямъ со стороны кіевскаго (польскаго тогда) предводителя дворянства, а также многократнымъ обыскамъ и политическимъ дознаніямъ по доносамъ съ той же стороны, и подвергшись наконецъ политической травлѣ съ обвиненіями въ ренегатствѣ--въ польской періодической печати, В. Б. рѣшился окончательно разорвать съ полонизмомъ и шляхетствомъ и въ своемъ памятномъ „Отвѣтѣ г-ну Падалицѣ“ напечаталъ въ „Основѣ“, между прочимъ, слѣдующія слова: „Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только два выхода: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, вернуться къ народности, покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, насколько хватитъ силы, искупить все зло, причиненное ими народу... или, если для этого не хватитъ нравственной силы, перейти въ страну польскую, населенную польскимъ народомъ, чтобы не прибавлять собою еще одного дармоѣда... Разумѣется — я рѣшился на первое!“—Украинскій народъ не только призналъ его „своимъ“, но, какъ было уже сказано, видѣлъ въ немъ своего учителя и руководителя.

Несомнѣнно, очень большое значеніе въ необыкновенной популярности В. Б. имѣло и неотразимое вліяніе его личной обаятельности. До легендарности скромный и простой какъ въ одеждѣ, такъ и въ обращеніи, онъ умѣлъ внушить къ себѣ любовь всѣхъ, съ кѣмъ жилъ, кого училъ и съ кѣмъ встрѣчался. На одномъ изъ вѣнковъ, возложенныхъ на его могилу, есть надпись, напоминавшая о томъ, что еще очень недавно В. Б. давалъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, у себя въ домѣ пріютъ цѣлой семьѣ незнакомыхъ ему евреевъ, спасавшихся отъ послѣдняго погрома...—В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1908.

Предстоящее 80-лѣтіе со дня рожденія Л. Н. Толстого.—Университеты и студенческія организаціи.—Возстановленіе системы экзаменовъ въ средней школѣ и возвратъ къ насажденію націонализма и патріотизма.—Положеніе провинціальной печати.—А. Л. Караваевъ, И. П. Мержеевскій, А. М. Жемчужниковъ †.—P. S.—По поводу заявленія инж. Д. Аристова въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

28-го августа Л. Н. Толстому исполняется 80 лѣтъ. Великій старецъ вступаетъ въ девятый десятокъ жизни полнымъ физическихъ силъ и духовной мощи. Время не наложило своей тяжелой руки на его умственныя силы. Онъ не перестаетъ неустанно работать въ поискахъ истины и истиннаго смысла жизни и своими исканіями волновать сердца всего человѣчества. Уже давно Толстой сталъ міровымъ мыслителемъ и писателемъ. Уже давно его имя сдѣлалось символомъ единаго человѣка на землѣ, бьющагося и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи, надъ рѣшеніемъ однихъ и тѣхъ же мучительныхъ вопросовъ.

Естественно, что въ литературныхъ кругахъ возникла мысль о чествованіи предстоящаго 80-лѣтія со дня рожденія Толстого. Въ Петербургѣ образовался „Комитетъ почина“, который, взявъ на себя иниціативу, предполагалъ затѣмъ передать дѣло въ руки другого комитета изъ представителей всѣхъ странъ и всѣхъ областей науки, искусства и общественной жизни. Напечатанное Комитетомъ почина воззваніе встрѣтило отовсюду живой откликъ. Но самъ Л. Н. Толстой обратился въ Комитетъ съ просьбой никакого чествованія не устраивать. Его желаніе, само собою разумѣется, должно быть свято исполнено.

Тѣмъ не менѣе, было бы жаль, если бы было оставлено безъ исполненія одно изъ предложеній, которое связывалось съ чествованіемъ. Мы имѣемъ въ виду изданіе всего, что̀ вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого, на всѣхъ языкахъ, въ исключительно большомъ количествѣ экземпляровъ и съ доведеніемъ цѣны до minimum'а. Едва-ли это вызвало бы протестъ съ его стороны. Напротивъ, подобная форма ознаменованія дня его 80-лѣтія явилась бы осуществленіемъ уже давно выраженной имъ воли. Толстой не можетъ не желать и вправѣ

желать, чтобы его мысли дѣйствительно сдѣлались общимъ достояніемъ, чтобы онѣ стали общедоступны въ буквальномъ смыслѣ слова, чтобы всякій могъ ихъ узнать и оцѣнить. И на это онъ имѣетъ право несомнѣнное. Самъ онъ отказался отъ правъ собственности на свои произведенія и тѣмъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, для наибольшаго ихъ распространенія. Теперь очередь за его почитателями сдѣлать второй шагъ. Въ матеріальномъ отношеніи подобное изданіе навѣрное не встрѣтитъ неодолимыхъ затрудненій. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать въ отношеніи цензурномъ. Многое изъ мыслей Толстого у насъ находится подъ запретомъ. Еще недавно былъ процессъ, закончившійся уголовной карой за распространеніе нѣкоторыхъ его сочиненій. И нѣтъ основанія надѣяться, чтобы скоро цензурныя условія измѣнились. При жизни Толстому врядъ-ли будетъ суждено увидѣть всѣ безъ исключенія дары его мысли, совѣсти и сердца общимъ достояніемъ у себя на родинѣ...

Изъ-за шума, поднятаго вокругъ вопросовъ о внѣшней оборонѣ, о возсозданіи флота и о проведеніи съ стратегической цѣлью амурской желѣзной дороги, въ теченіе истекающаго марта явственно слышался интересъ общества къ вопросамъ, связаннымъ съ народнымъ образованіемъ и съ учебными заведеніями. Высшія учебныя заведенія были предметомъ толковъ въ виду недавняго кіевскаго процесса и упраздненія новымъ министромъ народнаго просвѣщенія факультетскихъ старостъ въ петербургскомъ университетѣ. Среднія—въ виду возстановленія экзаменовъ. Низшія—въ виду принятія Думою законопроекта, громко именуемаго первымъ шагомъ къ введенію всеобщаго начальнаго обученія, въ сущности же сводящагося къ ассигнованію въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія нѣсколькихъ милліоновъ рублей на удовлетвореніе заявленныхъ земствами и другими общественными учрежденіями ходатайствъ о пособіяхъ на школьное дѣло.

Мы назвали распоряженіе министра народнаго просвѣщенія *упраздненіемъ* факультетскихъ старостъ. Буквально же, въ предложеніи попечителя учебнаго округа совѣту университета, распоряженію дана иная юридическая квалификація. Въ предложеніи сказано: „г. министръ не нашелъ возможнымъ согласиться на *введеніе* въ с.-петербургскомъ университетѣ института студенческаго представительства въ лицѣ факультетскихъ старостъ“. И всѣ соображенія министра построены на томъ, что онъ отнюдь не упраздняетъ ничего существующаго, а отказываетъ въ согласіи на введеніе того, что лишь предполагается создать. Съ этой точки зрѣнія онъ сопоставляетъ положеніе

о факультетскихъ старостахъ съ правилами о студенческихъ организацiяхъ 11-го iюня 1907 г. и усматриваетъ несоотвѣтствiе положенiя правиламъ. Съ этой же точки зрѣнiя онъ подходитъ къ вопросу о цѣлесообразности общестуденческаго представительства.

Общестуденческое представительство, въ предложенiи, взято, какъ отвлеченная теоретическая возможность, и главнымъ возраженiемъ противъ него выставленъ рядъ *вѣроятныхъ* осложненiй и конфликтовъ. Такъ, напримѣръ, въ предложенiи говорится: „Установленiе совѣтомъ с.-петербургскаго университета института „факультетскихъ" старостъ безъ обязательства для всѣхъ студентовъ даннаго факультета признавать этихъ старостъ своими представителями, допуская существенное нарушенiе порядка представительства, не можетъ не являться причиной различныхъ осложненiй, какъ въ отношенiяхъ студентовъ между собой, такъ и въ отношенiяхъ студентовъ къ администрацiи и преподавателямъ университета"... „Званiе „факультетскихъ", естественно, даетъ старостамъ основанiе считать себя по крайней мѣрѣ главными представителями, представителями по преимуществу, отъ учащихся на факультетѣ; отсюда возникаетъ возможность конфликтовъ между старостами и тѣми студентами факультета, которые не признаютъ старостъ представителями"... „Вообще неправильная организацiя представительства студентовъ можетъ имѣть послѣдствiемъ, что группа студентовъ, объединенная представительствомъ „факультетскихъ" старостъ, хотя бы она являлась и не большинствомъ, будетъ стремиться господствовать надъ остальной частью студенчества и навязывать этой части свои рѣшенiя. Но такое господство нельзя признать ни справедливымъ, ни безопаснымъ въ отношенiи спокойствiя академической жизни". Даже касаясь „существующей въ настоящее время склонности студентовъ высшихъ учебныхъ заведенiй къ партiйной группировкѣ по различiямъ политическихъ взглядовъ", министръ народнаго просвѣщенiя трактуетъ ее какъ почву, на которой „нельзя не опасаться, что всякаго рода студенческiя представительства, не принося реальной пользы студентамъ, *будутъ* содѣйствовать лишь развитiю въ нихъ наклонности къ политиканству,—самому печальному явленiю современной жизни учащихся въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ".

Въ дѣйствительности, однако, факультетскiе старосты—не предположенная совѣтомъ петербургскаго университета организацiя, а организацiя, существующая и функцiонирующая уже два года,—организацiя, среди студенчества пользующаяся большимъ авторитетомъ и ставшая популярной. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, распоряженiе министра есть именно распоряженiе о ея упраздненiи. А потому въ соображенiяхъ, вмѣсто разсужденiй о возможныхъ и вѣроятныхъ осложненiяхъ и конфликтахъ, въ случаѣ одобренiя министромъ

выработаннаго совѣтомъ университета положенія, гораздо болѣе необходимы были бы разсужденія объ осложненіяхъ и конфликтахъ противоположнаго свойства. Между упраздненіемъ существующаго и отказомъ въ согласіи на введеніе предположеннаго — огромная разница. Когда упраздняется то, что̀ пріобрѣло авторитетъ и популярность, считаться съ послѣдствіями обязательно—и обязательно класть на вѣсы ихъ неизбѣжность при извѣстныхъ условіяхъ. Учебныя занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, и въ петербургскомъ университетѣ въ частности, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе налаживаются. Цѣлесообразно ли въ такое время, независимо отъ того или иного отношенія къ институту факультетскихъ старостъ, ставить продолженіе занятій въ условія, по меньшей мѣрѣ, риска?

Другой доводъ противъ распоряженія министра народнаго просвѣщенія еще болѣе простъ и еще болѣе убѣдителенъ. Факультетскіе старосты фактически существуютъ въ петербургскомъ университетѣ съ сентября 1906 г., и съ тѣхъ поръ учебныя занятія не прерывались ни на одинъ день. Раньше же, когда никакихъ студенческихъ собраній и организацій не допускалось, университетъ переживалъ длинный и тягостный рядъ лѣтъ постоянныхъ волненій. Можетъ ли въ будущемъ существованіе института факультетскихъ старостъ вызывать „осложненія" въ отношеніяхъ студентовъ между собой и къ профессорской коллегіи, можетъ ли званіе „факультетскихъ" старостъ влечь „конфликты", приведетъ ли организованное общестуденческое представительство къ господству одной части студентовъ надъ другой — все это, во всякомъ случаѣ, вопросы. А непрерывность въ теченіе двухъ лѣтъ учебныхъ занятій—это фактъ. Было бы неправильно цѣликомъ относить его на счетъ дѣятельности старостъ. Но было бы во сто кратъ болѣе неправильно вовсе отрицать связь между непрерывностью занятій и существованіемъ студенческаго представительства. Мы не споримъ противъ ненормальности того, что политическая группировка студенчества покрываетъ собою всѣ иныя единенія и что старосты выбираются по политическимъ партійнымъ спискамъ. Но въ нашихъ глазахъ эти отрицательныя явленія, въ большой мѣрѣ поддерживаемыя организаціей общестуденческаго представительства и процедурой выборовъ, вполнѣ перевѣшиваетъ фактъ непрерывности занятій. И наблюденія показываютъ, что крайняя политическая разобщенность студентовъ не развивается въ послѣдніе мѣсяцы, а напротивъ, подъ вліяніемъ повышенія научныхъ интересовъ, начинаетъ сглаживаться.

Въ смыслѣ закономѣрности, распоряженіе министра народнаго просвѣщенія одинаково вызываетъ сомнѣнія. Правда, указъ 27 августа 1905 г. изложенъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ и такъ кратко, что

на основаніи его весьма трудно разграничить, гдѣ кончается самостоятельность университетскихъ совѣтовъ и гдѣ начинается область министерской надъ совѣтами власти. Но, во всякомъ случаѣ, университеты суть учрежденія автономныя, и на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ возложены „заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни". Вмѣстѣ съ тѣмъ, и правила 11 іюня далеко не отличаются особенной ясностью и допускаютъ не то толкованіе, которое имъ дано министромъ. По слухамъ, совѣтъ петербургскаго университета вошелъ по поводу упраздненія факультетскихъ старостъ съ представленіемъ, и пока вопросъ фактически остается открытымъ. Мы горячо желали бы, чтобы рискъ нарушенія правильнаго хода занятій въ петербургскомъ университетѣ миновалъ.

Въ своей вступительной рѣчи новый министръ народнаго просвѣщенія, г. Шварцъ, говорилъ: „Главный недочетъ въ состояніи нашего вѣдомства, насколько я понимаю, заключается въ слѣдующемъ: министерство само, въ лицѣ своихъ представителей, произнесло надъ старымъ строемъ нашей школы приговоръ не менѣе суровый, чѣмъ тотъ, который произнесло надъ нимъ и общество; но оно до сихъ поръ, къ сожалѣнію, ничего не поставило на мѣсто этого осужденнаго имъ строя. Жизнь, между тѣмъ, не ждала, назрѣвавшіе вопросы требовали того или другого рѣшенія, и такъ какъ твердая почва закона уже давно была здѣсь почему-то оставлена, то, въ результатѣ, какъ того и слѣдовало ожидать, получилось нагроможденіе случайныхъ, подчасъ даже не согласованныхъ между собою распоряженій, совершенно сбивавшихъ съ толку исполнителей".

Эта уничтожающая характеристика положенія дѣла особенно вѣрна въ приложеніи къ средней школѣ. Можно смѣло сказать, что не найти ни одного педагога, ни одного отца семейства, имѣющаго учащихся сыновей, ни одного чиновника вѣдомства народнаго просвѣщенія, который не относился бы съ рѣзкимъ осужденіемъ къ бывшимъ когда-то классическими, а нынѣ ставшими неизвѣстно какими, гимназіямъ. Двухъ мнѣній нѣтъ о гимназіяхъ и въ политическихъ партіяхъ. Съ различныхъ, конечно, точекъ зрѣнія, но одинаково рѣшительно осуждаютъ ихъ всѣ политическія теченія. И такое отношеніе къ гимназіямъ создалось не со вчерашняго дня, а уже существуетъ болѣе двадцати лѣтъ. Для упорядоченія же положенія ничего не дѣлается.

Впрочемъ, если бы вовсе ничего не дѣлалось, то еще было бы полбѣды. Главное горе среднихъ учебныхъ заведеній заключается въ томъ, что они двадцать лѣтъ служатъ ареной безсистемныхъ и зачастую діаметрально противоположныхъ экспериментовъ. Ни въ одной

отрасли государственнаго управленія не необходима въ такой мѣрѣ устойчивость руководящихъ началъ, какъ въ управленіи учебнымъ дѣломъ. А у насъ со времени убійства Боголѣпова, въ 1901 г., смѣнилось пять министровъ: Ванновскій, Зенгеръ, Глазовъ, гр. И. Толстой и Кауфманъ. Ни одинъ министръ никакой реформы средней школы въ законодательномъ порядкѣ не провелъ. Но каждый задавался коренной реформой и энергично экспериментировалъ, отмѣняя циркуляры предшественника и засыпая гимназическое начальство и гимназистовъ своими собственными. Немудрено, что результаты получились ужасающіе. Г. Шварцъ въ той же рѣчи относилъ „разстроенное въ школахъ всѣхъ наименованій ученіе" на счетъ „событій послѣдняго времени". Гораздо справедливѣе было бы ставить вопросъ наоборотъ и относить „событія послѣдняго времени", поскольку ими была захвачена средняя школа, на счетъ разстроеннаго циркулярными экспериментами ученія. „Надвигающійся мракъ невѣжества", какъ слѣдствіе того, что молодежь не пріучена къ „неустанному, упорному труду", сталъ замѣтенъ много раньше событій 1905 года.

Возстановленіе переводныхъ экзаменовъ—новый экспериментъ. И именно потому, что это опять циркулярный экспериментъ, съ общей реформой не связанный, общество встрѣтило возстановленіе экзаменовъ съ чувствомъ, близкимъ къ негодованію. Были въ гимназіяхъ переводные экзамены—для всѣхъ воспитанниковъ, во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ. Были, затѣмъ, экзамены упразднены. Цѣлесообразно или нѣтъ было упраздненіе экзаменовъ—не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что со времени упраздненія экзаменовъ прошло немало лѣтъ и что школа, какъ-ни-какъ, къ отсутствію экзаменовъ приспособилась, ибо жизнь, по справедливому замѣчанію г. Шварца, не ждала. Теперь, за два мѣсяца до конца учебнаго года, той же самой школѣ, ни въ чемъ другомъ не реформированной, волею вновь назначеннаго министра, предписано опять производить экзамены. А гдѣ гарантія, что черезъ годъ не будетъ другой министръ и что экзамены снова не будутъ отмѣнены?.. Будутъ ли они черезъ годъ отмѣнены—еще гадательно, но что условія ихъ производства будутъ существенно измѣнены, объ этомъ и гадать не приходится. Съ технической стороны циркуляръ объ экзаменахъ, составленный на спѣхъ, поражаетъ искусственностью установленной системы. Циркуляръ опредѣляетъ единообразный порядокъ экзаменовъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ даннаго типа и ссылается на учебные планы и программы. Но при этомъ забыто, что въ „разстроенной" школѣ все разстроено и что единообразные учебные планы и программы существуютъ только на бумагѣ. Въ нѣкоторыхъ классахъ гимназій предписано производить письменныя испытанія по новымъ языкамъ. А вездѣ ли воспитан-

ники занимались въ году письменными работами по этимъ языкамъ?

Мы не принадлежимъ къ абсолютнымъ противникамъ переводныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы думаемъ, что русской средней школѣ, даже нормально поставленной, не скоро удастся выкинуть испытанія, какъ излишне обременяющія и учащихъ, и учащихся. Главная причина—переполненіе классовъ, съ которымъ очень еще долго предстоитъ считаться и которое препятствуетъ систематически правильной провѣркѣ знаній учениковъ. Съ другой стороны, никакая реформа не въ силахъ будетъ сразу поставить на должную высоту преподавательскій персоналъ, подъ каковымъ условіемъ только возможно преподаваніе безъ экзаменнаго контроля. Тѣмъ не менѣе, мы раздѣляемъ общее мнѣніе о возстановленіи экзаменовъ согласно послѣднему циркуляру. Подробно перечисляя, въ какихъ классахъ, по какимъ предметамъ и когда должны быть произведены испытанія, циркуляръ ничего не говоритъ о внѣшнемъ порядкѣ ихъ производства. Слѣдовательно, возстановится и старый порядокъ, т.-е. торжественная обстановка, опросъ всѣхъ въ одинъ день, хотя бы до поздней ночи, отвѣты по билетамъ и механическая, безповоротная оцѣнка отвѣтовъ. Между тѣмъ, въ сущности, главное, что̀ вызываетъ возраженія противъ переводныхъ испытаній, коренится именно въ порядкѣ ихъ производства. Испытаніе въ своемъ классѣ, въ обычно отведенные для уроковъ часы, не обязательно въ теченіе одного дня, отвѣты на вопросы, свободно предлагаемые своимъ преподавателемъ, хорошо знающимъ, въ чемъ каждый ученикъ силенъ и въ чемъ слабъ, и допустимость повторныхъ опросовъ—такіе экзамены устранили бы случайность въ спросѣ и въ оцѣнкѣ, не нервировали бы учениковъ и не заставляли бы родителей трепетать за судьбу сыновей и дочерей передъ каждымъ экзаменомъ. Подобнымъ образомъ производились испытанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Милютинскаго времени, и намъ никогда не случалось слышать отъ бывшихъ воспитанниковъ военныхъ гимназій тѣхъ тяжелыхъ экзаменныхъ воспоминаній, которыя обыкновенно передаются бывшими воспитанниками учебныхъ заведеній общихъ. Что же касается сосредоточеннаго повторенія въ концѣ учебнаго года того, что̀ проходилось въ теченіе девяти мѣсяцевъ и въ перебивку одновременно по многимъ предметамъ, то отрицать пользу такого повторенія, даже для наиболѣе способныхъ и усердныхъ учениковъ, невозможно. Самую процедуру испытаній опытному преподавателю, при намѣченной схемѣ, также нетрудно было бы обращать тоже въ систематическое повтореніе пройденнаго курса.

Но экзаменный экспериментъ еще сравнительно небольшое горе

для среднихъ учебныхъ заведеній. Есть признаки готовящагося другого эксперимента. Уже началъ раздаваться лозунгъ: „школа должна быть національной, школа должна воспитывать любовь ко всему своему, русскому". Этотъ лозунгъ отчасти былъ выдвинутъ въ одномъ изъ послѣднихъ циркуляровъ М. П. фонъ-Кауфмана, и на немъ цѣликомъ построенъ недавній циркуляръ попечителя петербургскаго учебнаго округа, графа А. Мусинъ-Пушкина.

Отправное положеніе гр. Мусинъ-Пушкина таково: „школа должна обязательно, на всѣхъ ея ступеняхъ, стоять внѣ всякой политики, заботясь исключительно объ умственномъ и нравственномъ развитіи своихъ учениковъ, такъ какъ въ этомъ ея сила, независимость и вліяніе". Можно ли не подписаться обѣими руками подъ этимъ тезисомъ, равно не одобрить категорическаго требованія попечителя, которымъ онъ заканчиваетъ циркуляръ, „чтобы школа стояла внѣ всякой политики?" Но циркуляръ не развиваетъ тезиса и не обосновываетъ требованія, а напротивъ, разрушаетъ ихъ, настойчиво доказывая, что школа должна быть проникнута политикой, только въ извѣстномъ направленіи, тяготѣющемъ въ сторону „исконныхъ" началъ. „Не слѣдуетъ" забывать—пишетъ попечитель,—что школа преслѣдуетъ учебно-воспитательныя цѣли не внѣ пространства и времени; она является государственнымъ учрежденіемъ, и, какъ таковому, ей не только не могутъ быть чуждыми культурно-историческія задачи государства, на средства котораго она существуетъ, но, напротивъ, на ея прямой обязанности лежитъ проведеніе въ сознаніе подростающихъ поколѣній уваженія къ своему государству и чувства любви къ родному народу, многовѣковымъ трудомъ котораго создалось это государство; короче, школа должна быть національной". И далѣе:—„Русская школа, чтобы исполнить свою государственную задачу, должна прежде всего умѣть возбудить въ своихъ ученикахъ любовь къ родному народу, пониманіе его характера и національныхъ особенностей, развить живой интересъ ко всему русскому; она должна вложить въ молодыя сердца глубокое чувство патріотизма, должна заставить своихъ учениковъ преклоняться съ благоговѣніемъ предъ подвигами родного народа, съ удивленіемъ и гордостью относиться къ свѣтлымъ событіямъ и славнымъ историческимъ личностямъ".

Но что же такое представляютъ собою эти задачи, какъ не внѣдреніе въ учениковъ опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ? Какимъ способомъ задачи могутъ быть достигнуты иначе, какъ путемъ насажденія въ школу самой страстной политики? Графъ Мусинъ-Пушкинъ объявляетъ, что считаетъ излишнимъ „установить программу для работы въ указанномъ направленіи". Однако, отмѣчая, въ чемъ, по его мнѣнію, заключаются недостатки нынѣшняго преподаванія, онъ

тѣмъ самымъ устанавливаетъ если не программу, то ея вѣхи. „Наше преподаваніе—гласитъ циркуляръ,—въ общемъ, въ средней школѣ не всегда старается развить въ ученикѣ здоровую идеализацію, часто не раскрываетъ передъ нимъ возвышающихъ душу свѣтлыхъ, величавыхъ образовъ родной исторіи, родной литературы; оно недостаточно останавливается на разсмотрѣніи положительныхъ типовъ, изучаемыхъ произведеній словесности, разборъ которыхъ однако могъ бы благотворно дѣйствовать на молодое воображеніе юноши. Въ нашей школѣ, напротивъ, слишкомъ часто подчеркиваются и ставятся на первый планъ въ преподаваніи исключительно отрицательныя стороны литературнаго типа, разбираются особенно подробно темныя, непригладныя черты и современной нашей русской жизни, и нашего историческаго прошлаго. При такомъ направленіи преподаванія въ средней школѣ исключается всякая возможность говорить о развитіи въ русской молодежи любви къ родной странѣ, къ родному прошлому“.

Какъ все это старо и какъ все это хорошо извѣдано нашей несчастной средней школой! Неужели еще для кого-либо могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что увлеченіе гимназистовъ парламентаризмомъ, соціализмомъ и всякими политическими „измами“ обязано своимъ происхожденіемъ запрету идти въ изученіи литературы дальше Пушкина, ультра-патріотическому вздору, который преподносился въ учебникахъ Иловайскаго, и вообще тенденціозно-политической системѣ преподаванія? Законъ обратнаго дѣйствія оказывается въ психологіи весьма часто могущественнѣе закона дѣйствія прямого. „Школа должна стоять внѣ *всякой* политики“. Она должна быть объективна. Наша средняя школа слишкомъ дорогой цѣной оплатила насажденіе націонализма и квасного патріотизма—она имѣетъ въ этомъ отношеніи горькій опытъ.

Когда бюрократъ полагаетъ, что онъ можетъ все приказать, все насадить, и что насаждаемое имъ никогда не дастъ обратнаго результата — этимъ можно возмущаться, но этому нельзя удивляться. Удивленіе вызываетъ не циркуляръ попечителя петербургскаго учебнаго округа, а то, что нашлись педагоги, которые его привѣтствуютъ. Передъ нами одинъ изъ недавнихъ нумеровъ педагогическаго журнала „Семья и Школа“, не то выдающаго себя за органъ родительскихъ комитетовъ, не то старающагося сдѣлаться органомъ этихъ комитетовъ. Всѣ статьи нумера сплошь проникнуты мыслями циркуляра гр. Мусинъ-Пушкина. Между прочимъ, журналъ восторженно привѣтствуетъ записку, поданную въ Государственную Думу „о необходимости пробужденія *гражданскаго самосознанія* во всѣхъ типахъ и на всѣхъ ступеняхъ нашей школы“ и по поводу этой записки говоритъ: „Дѣло приближенія нашей школы къ типу, имѣющему *органическую*

связь съ *историческими народными устоями* и потребностями, находится въ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ".

Кстати о родительскихъ комитетахъ. Въ началѣ февраля министръ народнаго просвѣщенія принималъ представителей совѣщанія предсѣдателей петербургскихъ комитетовъ. По словамъ газетъ, министръ заявилъ, „что онъ сочувственно будетъ относиться къ дѣятельности родительскихъ комитетовъ, выражающихъ важный для него голосъ родителей, но при условіи закономѣрной дѣятельности, направленной къ единодушной, совмѣстно съ директорами учебныхъ заведеній работѣ на пользу школы". Значитъ, гдѣ не будетъ единодушія комитета съ директоромъ въ пониманіи пользы школы, тамъ комитету нечего ждать сочувственнаго къ нему отношенія. Недурное предупрежденіе!

Отъ всѣхъ формъ „незыблемыхъ основъ гражданской свободы", возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, давно остались одни своеобразные слѣды. Слѣды несомнѣнно остались — ибо и союзы существуютъ,—напр., объединенныхъ дворянъ, „русскаго народа", октябристовъ, различныхъ православныхъ братствъ и т. п., и собранія происходятъ—даже въ видѣ уличныхъ демонстрацій съ хоругвями и знаменами,—и въ печати могутъ свободно высказывать все, что хотятъ, г. Меньшиковъ, кн. Мещерскій или г. Пихно. Слѣды остались своеобразные — ибо свобода союзовъ, собраній и слова принадлежитъ не всѣмъ гражданамъ, а нѣкоторымъ, оказавшимся, такимъ образомъ, въ партійно или лично привилегированномъ положеніи. Но, конечно, подобное обращеніе права свободнаго слова, собраній и союзовъ въ исключительную привилегію способствуетъ только тому, что тѣмъ больнѣе чувствуется его отсутствіе.

Въ частности, особенно тяжело отзываются условія, въ которыя поставлена независимая печать. За короткіе „дни свободы" русское общество не успѣло привыкнуть ни къ свободѣ собраній и союзовъ, ни къ личной неприкосновенности. Тогда ежедневно вездѣ и всюду происходили митинги и ежедневно же формировались партіи, союзы и общества. Но это было нѣчто такое, что влекло къ себѣ болѣе новизной, а не было потребностью, ясно сознанной и прочно вошедшей въ нравы. Что же касается неприкосновенности, то русская личность въ такой мѣрѣ была всегда прикосновенной и такъ ничтоженъ былъ въ этомъ отношеніи поворотъ „въ дни свободы", что аресты, обыски и ссылки переживаемаго времени не представляютъ собою того, отъ чего общество хоть на одинъ день могло отвыкнуть. Иное дѣло—печать. Изъ всѣхъ формъ гражданской свободы, право говорить свободно въ печати и право читать свободное печатное слово имѣетъ

наиболѣе глубокіе корни въ нашемъ до-конституціонномъ прошломъ. Окутанный со всѣхъ сторонъ цензурными путами, писатель, все-таки, проводилъ свои мысли — то при помощи эзоповскаго языка, то подборомъ однихъ фактовъ, то, случалось, замалчиваніемъ другихъ или голымъ воспроизведеніемъ ихъ въ оффиціальномъ изложеніи. И читатель понималъ писателя. Онъ улавливалъ мысли писателя. Съ другой стороны, если для печати послѣ 17 октября были только дни абсолютной свободы, то затѣмъ для нея были цѣлые мѣсяцы, хотя и относительной, однако, во всякомъ случаѣ, свободы. Въ обществѣ создалась привычка читать газету съ интересомъ и находить въ ней живой откликъ на событія и явленія жизни, а также свободную оцѣнку дѣйствій и распоряженій органовъ власти. У писателя создалась потребность прямого и откровеннаго выраженія мыслей. У читателя— потребность воспринимать мысли писателя обо всемъ совершающемся.

Газеты поблѣднѣли до неузнаваемости и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе блѣднѣютъ. Надъ ними одновременно висятъ три острыхъ меча: уголовное уложеніе, закрытіе по положенію о чрезвычайной охранѣ и административные штрафы. Одинъ изъ трехъ мечей всегда можетъ упасть за любую статью и на любой нумеръ. Когда, который и за что̀ упадетъ — неизвѣстно. И эта неизвѣстность дѣлаетъ положеніе мучительно тягостнымъ. Никакихъ правовыхъ нормъ для печати не существуетъ. Нормы уголовнаго уложенія составлены въ предположеніи условій, принципіально отвергавшихъ гражданскую свободу и конституціонный строй, а потому, при желаніи, рѣшительно во всемъ можно усмотрѣть противорѣчіе между ними и сужденіями публицистики. Обязательныя постановленія 3 и 4 іюня написаны столь широко, что дѣлаютъ вполнѣ дискреціоннымъ право губернаторовъ и градоначальниковъ налагать на газеты штрафы. Пріостановка же изданій „на время чрезвычайной охраны", въ силу самаго закона, поставлена внѣ правовой нормировки. Въ послѣднее время мечъ пріостановки упалъ въ Петербургѣ изъ широко распространенныхъ изданій на „Нашъ Вѣкъ", замѣнившій съ января „Товарища", а затѣмъ на „Столичную Почту".

Но если тяжело всѣмъ извѣстное положеніе столичной печати, то положеніе провинціальной—прямо безвыходное. Передъ провинціальными издателями и редакторами нельзя не преклоняться, но нельзя и удивляться тому, что они давно не махнули рукой на возможность газетной дѣятельности. Надо имѣть далеко не заурядное представленіе о гражданскомъ долгѣ, чтобы работать подъ вѣчной угрозой тюрьмы или разоренія.

Намъ доставлено нѣсколько нумеровъ небольшой газеты „Вышневолоцкій Голосъ". Газета издается второй годъ. Сначала выходила одинъ разъ въ недѣлю; затѣмъ стала выходить два раза. Въ общемъ, газета производитъ очень хорошее впечатлѣніе литературно ведущагося мѣстнаго органа. Время отъ времени печатаются руководящія статьи общаго характера, но большею частью газета отдаетъ свои столбцы мѣстнымъ злобамъ и дѣламъ. Среди этихъ дѣлъ первое мѣсто въ каждомъ уѣздѣ, само собою разумѣется, занимаютъ дѣла земскія. Въ Вышнемъ-Волочкѣ они составляютъ и главнѣйшую мѣстную злобу, ибо уѣздное земство не миновало общей участи: выборы 1906 г. дали побѣду реакціоннымъ элементамъ, а реакціонное собраніе избрало архи-реакціонную управу. Достаточно сказать, что предсѣдателемъ вышневолоцкой уѣздной земской управы состоитъ князь А. Ширинскій-Шихматовъ — тотъ самый, который такъ много говорилъ на іюньскомъ и августовскомъ „земскихъ" съѣздахъ. Какъ и подобаетъ земству „на-оборотъ", вышневолоцкія собраніе и управа энергично ведутъ свою политику. Въ уѣздѣ настойчиво взыскиваются съ населенія срочные платежи и недоимки, къ двумъ членамъ управы прибавленъ третій, жалованье предсѣдателю и членамъ управы увеличено, земскій агрономъ упраздненъ и „постановлено ходатайствовать о назначеніи правительственнаго агронома" и т. п.

Всей этой новой земской политикѣ г. В. Алексѣевъ посвятилъ статью, напечатанную въ № 2 „Вышневолоцкаго Голоса" за текущій годъ—статью, сильную ссылками на факты и написанную, надо сказать правду, не безъ язвительности по адресу земской управы. Насколько вѣрно освѣтилъ факты г. Алексѣевъ, для характеристики положенія провинціальной печати, имѣетъ второстепенное значеніе. Впослѣдствіи, въ № 7, князь Ширинскій-Шихматовъ напечаталъ столь же подробное, какъ и статья, опроверженіе, а затѣмъ г. Алексѣевъ на это опроверженіе—отвѣтъ. Словомъ, статья вызвала полемику. Характерно не это, а то, что статья вызвала кромѣ полемики нѣчто болѣе внушительное: во-первыхъ, „опроверженіе", подписанное губернаторомъ, и, во-вторыхъ, кару на редактора-издателя газеты въ видѣ штрафа въ 250 рублей, съ замѣною арестомъ на шесть недѣль.

Въ своей статьѣ г. Алексѣевъ, между прочимъ, писалъ: „Обновленная вышневолоцкая управа, избранная небольшой кучкой помѣщиковъ крайняго направленія, уже успѣла зарекомендовать себя передъ населеніемъ. Отовсюду слышны жалобы на то, что, требуя земскій сборъ съ небывалой строгостью, она стремится въ то же время по возможности меньше дѣлать для населенія". И далѣе: „Необходимо хорошенько выяснить крестьянамъ послѣдствія небрежнаго отношенія къ выборамъ. Вѣдь многіе думаютъ, напримѣръ, что выколачиваніе

недоимокъ производилось этой осенью по распоряженію правительства, и очень удивляются, что мѣра эта принята ихъ же избранниками". Послѣдняя фраза „опровергнута" кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Наконецъ, В. Алексѣевъ въ статьѣ своей заявляетъ, „что выколачиваніе недоимокъ производилось этой осенью не по распоряженію правительства, а по распоряженію избранниковъ", т.-е. кого-либо изъ членовъ управы или по моему личному. Приходится объяснять В. Алексѣеву, что недоимки не „выколачиваются", а собираются, и сборъ недоимокъ совершается согласно существующихъ законовъ и распоряженій правительства, а не по моему личному или управы распоряженію". А въ опроверженіи губернатора по поводу той же фразы значится: „Приведенныя выраженія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Осенью минувшаго года въ вышневолоцкомъ уѣздѣ производилось не выколачиваніе недоимокъ, а взысканіе ихъ установленнымъ порядкомъ, и не по усмотрѣнію вышневолоцкой земской управы, которая къ дѣлу взысканія недоимокъ никакого касательства не имѣетъ, а по распоряженію губернскаго начальства, уполномоченными на то должностными лицами, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, правилъ и предписаній". За какія именно слова въ статьѣ г. Алексѣева подвергнутъ карѣ редакторъ-издатель газеты, г. В. Г. Демидовъ, въ постановленіи губернатора не сказано. Но ссылка на пункты 1 и 4 обязательныхъ постановленій 4 іюня и несомнѣнная связь постановленія съ опроверженіемъ свидѣтельствуютъ, что за это самое „выколачиваніе" недоимокъ и за выколачиваніе ихъ избранниками населенія.

Конечно, выраженія г. Алексѣева „не соотвѣтствуютъ дѣйствительности". Конечно, „осенью минувшаго года въ вышневолоцкомъ уѣздѣ производилось не выколачиваніе недоимокъ, а взысканіе ихъ установленнымъ порядкомъ", въ который — прибавимъ отъ себя — входитъ и взысканіе принудительными способами. Конечно, кн. Ширинскій-Шихматовъ лично по избамъ и дворамъ не ходилъ и имущества не описывалъ и даже никому ходить по дворамъ и описывать имущество недоимщиковъ непосредственно не приказывалъ. Но развѣ можно дѣлать видъ, будто опровергающіе статью г. Алексѣева не знаютъ и не понимаютъ, что̀ означаетъ въ русскомъ обиходномъ языкѣ слово „выколачиваніе" въ приложеніи къ недоимкамъ? Развѣ можно тоже дѣлать видъ, будто земскія собранія и управы фактически лишены возможности, при „добрыхъ" отношеніяхъ съ администраціей, воздѣйствовать на энергію взысканія земскихъ сборовъ? Подобные пріемы опроверженія—явныя придирки къ словамъ, въ оффиціальной терминологіи имѣющимъ одно значеніе, а въ литературномъ языкѣ—другое. И потому, поскольку къ нимъ прибѣгаетъ предсѣдатель

земской управы, надъ ними можно только улыбаться. Но когда на нихъ основывается кара—смѣяться не приходится.

Тысячи людей постоянно называли и называютъ—и въ печати, и въ публичныхъ рѣчахъ—принудительное взысканіе недоимокъ „выколачиваніемъ". Десятки публицистовъ — кто съ укоромъ, кто съ похвалой—приписываютъ инициативу усиленнаго взиманія земскихъ сборовъ земскимъ собраніямъ и управамъ. И ни первымъ, ни вторымъ въ голову не приходитъ, что они совершаютъ преступное дѣяніе, за которое подлежатъ не шуточному наказанію. А между тѣмъ это такъ. Тверской губернаторъ доказалъ, что они не платятъ ежедневно штрафовъ и гуляютъ на свободѣ лишь по упущенію и нерадѣнію начальства. Пунктъ первый обязательныхъ постановленій 4 іюня гласитъ: „Воспрещается оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству". Развѣ возможно хоть минуту сомнѣваться въ томъ, что публично объявляющій, что правительственные агенты *выколачиваютъ* (понимать буквально!) недоимки, возбуждаетъ враждебное отношеніе къ этимъ агентамъ? Пунктъ четвертый: „Воспрещается оглашеніе или публичное распространеніе ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе". Развѣ нѣтъ двойной неправды въ утвержденіи, что въ вышневолоцкомъ уѣздѣ выколачиваніе недоимокъ было мѣрой, *принятой* (понимать буквально!) избранниками населенія?..

Но что значитъ, впрочемъ, постановленіе тверского губернатора объ оштрафованіи г. Демидова, сравнительно съ приказомъ одесскаго генералъ-губернатора Толмачева? Этотъ единственный въ своемъ родѣ приказъ былъ переданъ 14 марта по телеграфу газетѣ „Русь", откуда мы его и заимствуемъ. „Въ теченіе февраля и марта настоящаго года было совершено 27 покушеній противъ членовъ разныхъ партій, причемъ погибло болѣе 30 человѣкъ. Убито 7 предсѣдателей отдѣловъ союза русскаго народа и ихъ помощниковъ и сожжена живьемъ въ Нѣжинѣ семья предсѣдателя отдѣла союза, Волошскаго. Казалось бы, что всякое убійство должно быть одинаковое. Однако, эти звѣрства не трогали нѣкоторыя мѣстныя газеты, обходившія ихъ молчаніемъ и въ лучшемъ случаѣ ограничивавшіяся помѣщеніемъ сухихъ телеграммъ. Но стоило только состояться убійству Караваева, какъ тѣ же газеты всѣ столбцы наполнили восхваленіемъ покойнаго и нападками на правыя организаціи. Дошло до того, что въ убійствѣ стали открыто обвинять союзъ русскаго народа. Подобнаго замалчиванія убійствъ правыхъ и восхваленія убитыхъ лѣвыхъ, изъ среды которыхъ за все время убито только трое: Герценштейнъ, Іоллосъ и

Караваевъ, — я допустить не могу. Вотъ такимъ путемъ натравливается одна часть населенія на другую, послѣдствія чего могутъ быть крайне печальныя. Поэтому предупреждаю, что, въ случаѣ повторенія этихъ явленій, я вынужденъ буду навсегда закрыть извѣстные органы печати, какъ мѣшающіе успокоенію города".

Нужно ли комментировать этотъ приказъ? Скажемъ только, что факта сожженія въ Нѣжинѣ семьи предсѣдателя отдѣла союза русскаго народа, по сообщенію мѣстнаго полиціймейстера, не было. Въ остальномъ, думаемъ, приказъ достаточно самъ по себѣ краснорѣчивъ. И таковымъ онъ, повидимому, показался не однимъ прогрессивнымъ газетамъ. Дня черезъ два той же „Руси" было сообщено по телефону изъ Москвы, что опубликованный въ Одессѣ „приказъ генералъ-губернатора Толмачева о періодической печати, удѣляющей большое вниманіе убійствамъ, совершаемымъ правыми, отмѣненъ" и что „нумеръ „Вѣдомостей одесскаго градоначальника", въ которомъ былъ помѣщенъ этотъ приказъ, изъятъ изъ обращенія". Со времени напечатанія въ „Руси" приказа и телефоннаго сообщенія прошло уже достаточно времени для опроверженія и для наложенія на газету кары. Ни опроверженія, ни кары не послѣдовало. Приказъ, слѣдовательно, не „совершенный вымыселъ", какъ обыкновенно оповѣщаетъ „освѣдомительное бюро".

Покойный Александръ Львовичъ Караваевъ, сочувственное отношеніе къ трагической смерти котораго вызвало приказъ одесскаго генералъ-губернатора, по счастью „изъятый изъ обращенія", погибъ отъ руки убійцы, пришедшаго къ нему подъ видомъ больного. А. Л. Караваевъ неоднократно получалъ угрожающія письма отъ „каморры народной расправы". Но, какъ у врача, у него двери пріемной были всегда раскрыты, и въ эти двери свободно вошелъ убійца. Кому и зачѣмъ понадобилось подсылать убійцу къ Караваеву? Съ роспускомъ второй Думы онъ пересталъ быть активнымъ политическимъ дѣятелемъ. Его убійство было голой местью — местью за прошлое, лишенною всякаго смысла. Но за что было ему мстить?

Только за то, что онъ по долгу совѣсти отдавалъ свои силы на служеніе въ Думѣ интересамъ и нуждамъ пославшаго его народа. Во второй Думѣ А. Л. Караваевъ былъ организаторомъ трудовой группы. Онъ часто всходилъ на думскую каѳедру. Его рѣчи, преимущественно по земельному вопросу, всегда дышали неподдѣльной искренностью, преданностью крестьянству и любовью къ крестьянину — къ крестьянину, каковъ онъ есть, темному, забитому, грубому и задавленному нуждой. Земельный вопросъ А. Л. Караваевъ изучилъ во всѣхъ деталяхъ. Но онъ детально же зналъ и то, чего не можетъ

дать изученіе литературы предмета,—бытъ деревни. И потому его слова производили особенно сильное впечатлѣніе. Не богата Россія такими людьми, какъ убитый!..

Въ лицѣ скончавшагося Ивана Павловича Мержеевскаго медицинская наука понесла крупную утрату. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ (съ 1877 по 1893 г.) онъ былъ профессоромъ военно-медицинской академіи и директоромъ клиники душевныхъ болѣзней. Въ своей спеціальности онъ пользовался заслуженнымъ авторитетомъ и какъ ученый, и какъ клиницистъ, и какъ практическій врачъ. Ему принадлежитъ множество цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ Россіи и за-границей. Изъ его клиники вышла цѣлая школа русскихъ профессоровъ-психіатровъ. Ему обязано развитіемъ своей дѣятельности „Общество врачей-психіатровъ" въ Петербургѣ. Съ 1883 г. подъ его редакціей издавался „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи".

Безчисленные паціенты И. П. Мержеевскаго потеряли въ немъ внимательнаго, заботливаго и талантливаго врача, всегда отзывчиваго и всегда готоваго нести свои знанія на борьбу съ страданіями. Количество паціентовъ у И. П. было дѣйствительно безчисленное. Среди врачей онъ былъ самымъ популярнымъ консультантомъ по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ. И несмотря на свои 70 лѣтъ, онъ ни одному врачу никогда не отказывалъ въ совѣтѣ. Его посѣщенія всегда оставляли глубокое впечатлѣніе въ больномъ и въ окружающихъ. Въ одномъ некрологѣ было сказано, что И. П. Мержеевскій относился къ больнымъ, какъ врачъ-художникъ. Дѣйствительно, изслѣдуя заболѣваніе, онъ изучалъ больного, индивидуализировалъ каждый случай и, назначая леченіе, назначалъ его не абстрактному больному, а конкретному. Какъ человѣкъ, покойный былъ воплощеніемъ культурнаго изящества. Не принимая прямого участія въ политикѣ, онъ живо интересовался политическими и соціальными проблемами.

Пока будутъ живы знавшіе И. П. Мержеевскаго и особенно пользовавшіеся его услугами, какъ врача, они благодарной памятью будутъ окружать его имя!..

„Сегодня (25 марта), утромъ, послѣ непродолжительной болѣзни, —такъ извѣщала насъ телеграмма изъ Тамбова—скончался Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ; похороны въ Москвѣ". Какъ ни преклонны были лѣта покойнаго (онъ родился въ 1821 г., и такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго года, 10 февраля, ему исполнилось 87 лѣтъ), — но его крѣпкое сложеніе и уже не разъ перене-

сенныя имъ болѣзни подавали надежду, что и нынѣшній разъ онъ опять выйдетъ побѣдителемъ—и мы еще не такъ скоро понесемъ горестную утрату одной изъ симпатичнѣйшихъ и богато одаренныхъ личностей нашего времени. А. М. уходитъ послѣднимъ изъ тріумвирата, извѣстнаго подъ фирмою Козьмы Пруткова (Владиміръ Жемчужниковъ и гр. Алексѣй Толстой). Сатира далеко не была исключительной его силою,—и въ лирикѣ онъ занималъ почетное мѣсто, на ряду съ Алексѣемъ Толстымъ. Болѣе всего онъ боролся съ лжепатріотами, какъ человѣкъ глубоко-искренній; однажды, доведенный какъ бы до отчаянія лжепатріотами, онъ воскликнулъ:

И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ честный человѣкъ, кто родину не любитъ!

Намъ, безъ сомнѣнія, придется не разъ возвращаться къ дорогой намъ памяти Алексѣя Михайловича и дать подробный обзоръ его творчества, произведеніями котораго не разъ украшался нашъ журналъ, начиная съ іюня 1882 г. („Отрывокъ изъ сказки о глупомъ бѣсѣ") и до ноября истекшаго 1907 года („Посмертное произведеніе Козьмы Пруткова").

P. S.—Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (7 марта, № 55) появилось письмо за подписью инженера Д. Аристова; поводомъ къ этому письму послужили всего двѣ-три страницы, помѣщенныя въ самомъ концѣ англійской повѣсти „The Sinews of War", не имѣющей никакого отношенія къ Россіи и переведенной въ нашемъ журналѣ подъ заглавіемъ: „Отголоски войны" (мартъ, стр. 290—293). Это—сочиненный авторомъ повѣсти разсказъ капитана русскаго военнаго судна „Пелагея", Кирсанова (надобно полагать, это—какая нибудь выдуманная фамилія), посѣтившаго, будто бы, англійскій корабль. Предметомъ этого, очевидно вымышленнаго авторомъ, для цѣлей его повѣсти, разсказа служитъ нѣчто, будто бы случившееся на транспортѣ „Анадырь"; въ этомъ разсказѣ—по словамъ автора письма — командѣ транспорта „Анадырь", за время его перехода отъ Цусимы къ Мадагаскару, приписывается совершеніе ряда позорныхъ и преступныхъ дѣяній (убійство командира, похищеніе семи милліоновъ рублей, будто бы находившихся на транспортѣ). „Какъ участникъ похода, а послѣ похода старшій инженеръ-механикъ „Анадыря", — заявляетъ г. Аристовъ, — считаю своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать, что все это—сплошная клевета на русскій флотъ со стороны англичанъ-авторовъ". Но едва ли не излишне такое засвидѣтельствованіе г. Аристова, такъ какъ и безъ того весь этотъ разсказъ какого-то Кирсанова носитъ на себѣ всѣ несомнѣнные признаки сказки, придуман-

ной авторомъ въ самомъ концѣ повѣсти и понадобившейся ему для развязки фабулы, лежащей въ основаніи повѣсти. Транспортъ „Анадырь“ у автора является въ повѣсти „крейсеромъ“; капитанъ его умеръ или убитъ, а въ дѣйствительности и по настоящее время, слава Богу, живъ и здравъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и самъ г. Аристовъ; да и всѣ вообще другія подробности разсказа, очевидно, выдуманы беллетристомъ: ему было нужно, при помощи всего этого вымысла, объяснить, откуда вдругъ явились деньги у героя повѣсти и, вмѣстѣ, тѣмъ самымъ кончить и все свое повѣствованіе; ни о чемъ другомъ не думалъ и не могъ думать авторъ, сочиняя весь этотъ разсказъ. Г. Аристовъ отнесся къ повѣсти, какъ можно было бы отнестись къ отчету о дѣйствительномъ происшествіи, къ корреспонденціи, и обвинилъ автора въ клеветѣ—и при томъ на весь русскій флотъ, между тѣмъ какъ было бы проще отнестись къ этому какъ къ сказкѣ, къ небылицѣ. Выше, въ настоящей книжкѣ журнала, помѣщается переводъ новаго англійскаго романа „Тайный агентъ“; тамъ можно найти такую сцену въ германскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, гдѣ первый секретарь посольства уговариваетъ агента и провокатора взорвать на воздухъ „первый меридіанъ“ — Гринвичъ, чтобы вызвать въ англичанахъ ненависть къ террористамъ и тѣмъ заставить изгнать ихъ изъ Англіи. Безъ сомнѣнія, въ Берлинѣ не найдется никого, кто, подобно г. Аристову, усмотрѣлъ бы въ этомъ клевету на германское посольство въ Лондонѣ, причемъ былъ выведенъ на сцену первый его секретарь, входящій, будто бы, въ соглашеніе съ террористомъ для взрыва гринвичской обсерваторіи!

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ — Апрѣль, 1908.

Книга третья. — Мартъ. стр.

Свѣтъ и тѣни русско-японской войны 1904-5 гг.—XVII-XXVIII.—Окончаніе.— Изъ писемъ къ женѣ д-ра ЕВГ. С. БОТКИНА 5
Станиславъ-Августъ Понятовскій и Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна.— По неизданнымъ источникамъ.—V-X.—Окончаніе.—С. М. ГОРЯИНОВА. 39
„За-границей". — Романъ. — XVII-XXIII.—ИВ. ЕМЕЛЬЯНЧЕНКО 78
А. И. Герценъ въ его письмахъ къ Н. П. Огареву.—Вторая половина 60-хъ годовъ. — 1866-1870 гг.—Окончаніе.—123-176. — Сообщ. Г. П. ГЕОРГІЕВСКІЙ 138
Изъ Гейне.—Мушкѣ.—Поэма.—Перев. АНАТОЛІЯ ДОБРОХОТОВА . . . 186
Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. — Очеркъ жизни его и дѣятельности. — XI-XV.—ГРИГОРІЯ ТИМОФЕЕВА 191
Отголоски войны. — Повѣсть. — The Sinews of War. By Eden Phillpotts and Arnold Benett.— XIV-XXXV.—Окончаніе.—Съ англ. З. В. 227
Герценъ-писатель. — Очеркъ. — I-II.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО. 295
Силы земли. — Романъ Рене Базэна. — René Bazin. „Le blé qui lève".— XI-XVII.—Окончаніе.—Съ франц. О. Ч. 337
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Пріемъ членовъ Государственной Думы въ Царскомъ-Селѣ. — Вопросъ о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террора и объ осужденіи террористическихъ актовъ. — Адресъ московскаго дворянства. — Съѣздъ „союза русскаго народа".— Признаки времени: министерскіе циркуляры, закрытіе обществъ. — Модныя преувеличенія. — Неприкосновенность личности и думская коммиссія. — Октябристы и правыя партіи въ Государственной Думѣ. 375
Литературное Обозрѣніе.—I. И. М. Сѣченовъ, Автобіографическія записки.— II. Адинъ Балу, Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Съ англ.—III. Словарь литературныхъ типовъ. И. С. Тургеневъ. Вып. 1. —IV. Земля. Сборникъ первый. — V. С. Юшкевичъ, Король, пьеса въ 4-хъ д.—VI. С. Найденовъ, Хорошенькая, ком. въ 4-хъ д.—VII. К. Чуковскій, Отъ Чехова до нашихъ дней.—**М. Г.**—VIII. Карлъ Бюхеръ, Возникновеніе народнаго хозяйства.—IX. В. Ѳ. Тотоміанцъ, Сельско-хозяйственная кооперація.—X. П. Веніаминовъ, Крестьянская община. —**В. В.**—Новыя книги и брошюры 395
Иностранное Обозрѣніе. — Трудное международное положеніе Россіи.—Газетные патріоты и балканскій вопросъ. — Причины австро-германскихъ успѣховъ въ Турціи.—Результаты культурной дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ. — Различные методы управленія. — Македонскій кризисъ. — Польскій вопросъ въ Пруссіи.—Англійскія дѣла. 425
Новости Иностранной Литературы. — F. Vezinet. Les Maîtres du roman espagnol.— З. В. 436
Изъ Общественной Хроники. — Штрихи общественнаго настроенія. — Еще о партійности и партійной розни.—Предстоящіе выборы одного депутата въ Петербургѣ. — Октябристское творчество: проектъ земскаго избирательнаго закона. — Земскія ассигнованія на полицію и новый циркуляръ о земскихъ ходатайствахъ.— Запросъ въ Думѣ о пріемахъ политическаго сыска.—А. И. Эртель † 445
Библіографическій Листокъ. — Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. III. — М. Гершензонъ, Исторія молодой Россіи. — Янжулъ, Иванъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. — Фалѣевъ, Н. И., Дуэли.

Книга четвертая. — Апрѣль.

	стр.
Вторая „Конференція мира".—Очеркъ.—I-IV.—БАР. Б. Э. НОЛЬДЕ. . . .	461
Изъ стихотвореній Сюлли-Прюдома.—5. Сераль.—6. Далекіе дни.—7. Воздуху. —8. Поэзія. — 9. Въ Дуарненѣ. — Съ франц. С. ПИНУСЪ.	491
Василій Васильевичъ Верещагинъ.—По личнымъ воспоминаніямъ.—I.—А. В. ЖИРКЕВИЧА.	496
Герценъ-писатель. — Очеркъ. — III-IV.—Окончаніе. — АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО.	533
„За-границей". — Романъ. — XXIV-XXX. — Окончаніе. — ИВ. ЕМЕЛЬЯНЧЕНКО.	572
Владиміръ Васильевичъ Стасовъ.—Очеркъ жизни его и дѣятельности —XVI-XVIII — ГРИГОРІЯ ТИМОФЕЕВА.	618
Минни.—Повѣсть Андрэ Лихтанберже.—„Minnie", par André Lichtenberger. — I-III. — Съ франц. О. Ч.	647
Стихотворенія.—I. Весна.—II. Сонъ. — С. Д. ЛЕВКО.	681
Реформа университетскаго преподаванія.—I-IV.—В. И. СЕРГѢЕВИЧА. . .	683
Тайный агентъ.— Романъ.—Joseph Conrad, The Secret Agent. — I-III. — Съ англ. З. В.	716
Стихотворенія.—I. Изъ Теннисона.—II. Гимнъ, Эдгара Поэ,—Пер. К. А. .	754
Хроника.— Возвращеніе къ выборному мировому суду. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	756
Александръ Ивановичъ Чупровъ.—По личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ.— МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО.	773
Внутреннее Обозрѣніе.—Рѣчи двухъ министровъ.—Законопроектъ объ исключительномъ положеніи и думская коммиссія.— „Порученіе" или „предоставленіе"?—Рѣчь депутата фонъ-Анрепа.—Общій ходъ дѣлъ въ Государственной Думѣ.—Всероссійскій дворянскій съѣздъ.—Вновь организованное „преддумье".—Юбилей земскаго отдѣла. — А. И. Чупровъ †.	778
Литературное Обозрѣніе.	800
Литературная Замѣтка. — По поводу книги С. Свириденко: „На Сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ".— Ѳ. БРАУНА	833
Иностранное Обозрѣніе.— Пренія объ иностранной политикѣ въ нашей Государственной Думѣ.—Патріотическія опасенія и увѣренія относительно Дальняго Востока.—Нападки на дипломатію и защита ея министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Содержаніе и характеръ рѣчи А. П. Извольскаго. —Чрезмѣрный оптимизмъ въ заявленіяхъ депутата П. Н. Милюкова.— Вопросъ о выборѣ кандидатовъ на дипломатическіе посты.—Забастовка журналистовъ въ германскомъ парламентѣ. — Нѣмецкія дѣла	837
Новости Иностранной Литературы. — I. Alexander Eliasberg, Die Russische Lyrik. — II. Gabriele d'Annunzio, La Nave, tragedia. — З. В. . . .	851
В. Б. Антоновичъ. — Некрологъ. — В.	864
Изъ Общественной Хроники. — Предстоящее 80-лѣтіе со дня рожденія Л. Н. Толстого.—Университеты и студенческія организаціи.—Возстановленіе системы экзаменовъ въ средней школѣ и возвратъ къ насажденію націонализма и патріотизма.—Положеніе провинціальной печати.—А. Л. Караваевъ, И. П. Мержеевскій, А. М. Жемчужниковъ †.— P. S.: По поводу заявленія инж. Д. Аристова въ „Спб. Вѣдомостяхъ"	867
Библіографическій Листокъ.— Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. IV-ый, вып. первый. — Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изд.—Исторія русской государственности. Т. I. Бар. С. А. Корфа, проф. гельсингф унив.—Карѣевъ, Н.: 1) Западно-европейская абсолютная монархія, XVI — XVIII вѣковъ; 2) Происхожденіе современнаго народно-правового государства. — Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Изд. второе.— Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 6: Картеги — Кавказъ.	

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій.** — Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ IV-ый, выпускъ первый. Спб. 908.

Согласно съ первоначальной программой изданія, оно вступаетъ нынѣ въ свой четвертый и послѣдній томъ, который и открывается первымъ выпускомъ также четвертаго и послѣдняго тома. Объ отличныхъ качествахъ этого изданія и интересѣ заключающихся въ немъ полнѣйшихъ иногда весьма рѣдкихъ портретовъ мы говорили не разъ при появленіи предшествующихъ выпусковъ; все это можно справедливо повторить относительно и этого новаго выпуска. Во главѣ его помѣщены рѣдкіе портреты императора Александра I и императрицы Елисаветы Алексѣевны. Отмѣтимъ еще нижеслѣдующіе портреты извѣстныхъ историческихъ личностей, какъ, напр., Каразина, основателя проекта Харьковскаго университета, испытавшаго на себѣ всѣ превратности судьбы, до заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости; Ивана Клагина, занимающаго видное мѣсто въ исторіи русскаго театра; митрополита Евгенія, извѣстнаго въ 30-хъ годахъ проповѣдника и автора Словаря духовныхъ и свѣтскихъ писателей; Надежду Дурову, прозванную „кавалеристомъ-дѣвицей". Всѣхъ портретовъ, къ которымъ, какъ и прежде, приложены особо краткія біографіи на русскомъ и французскомъ языкахъ, — девяносто-два.

— **Выборгскій процессъ.** — Иллюстрированное изданіе. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Выпускъ книги — говорятъ составители — идетъ на встрѣчу желанію участниковъ процесса имѣть полный стенографическій отчетъ, портреты всѣхъ обвиняемыхъ и краткія о нихъ свѣдѣнія. Кромѣ отчета и портретовъ, въ книгу включены автографы обвиняемыхъ и три отдѣльныя статьи членовъ первой Думы: Ф. Крюкова „9—11 іюля 1906 г."; Н. Бородина „Въ Выборгѣ 9—11 іюля", и В. Кузьмина-Караваева „О чемъ не говорили подсудимые". Въ послѣдней, на основаніи массы фактическихъ данныхъ, излагаются преслѣдованія, которымъ подвергались первые народные избранники и вообще ихъ судьба. Книга заслуживаетъ вниманія и успѣха особенно потому, что, насколько извѣстно, весь доходъ отъ изданія предполагается обратить въ пользу нуждающихся членовъ первой Думы.

— **Исторія русской государственности.** Т. I. Бар. С. А. Корфа, проф. гельсингф. унив. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, поставивъ себѣ задачей дать изучающему наши „юридическія древности" одинъ только общій обзоръ и руководящую нить происхожденія и дальнѣйшаго развитія русскаго государства, обратилъ особенное вниманіе на результаты, достигнутые современной наукой при изученіи древнихъ лѣтописцевъ, въ основу же своего труда положилъ результаты, достигнутые изслѣдованіями проф. В. И. Сергѣевича. Въ отличіе отъ другихъ подобныхъ работъ — авторъ исключилъ изъ текста отрывочныя ссылки на текстъ источниковъ, какъ мало доказательныя въ научномъ отношеніи, и ограничился указаніемъ на литературу. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ останавливается на эпохѣ монгольскаго ига и заканчиваетъ „Господиномъ Великимъ Новгородомъ".

Кареевъ. Н. — 1) Западно-европейская абсолютная монархія. XVI — XVIII вѣковъ. 2) Происхожденіе современнаго народно-правового государства". Спб. 908.

Обѣ вышеприведенныя книги, по плану автора, входятъ въ общую серію „Типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта" и примыкаютъ къ тремъ предыдущимъ: „Государство-городъ античнаго міра"; „Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра"; „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ". Самое же разъясненіе способа „типологическаго" изученія исторіи было дано авторомъ въ особой брошюрѣ: „Всемірно-историческая и типологическая точки зрѣнія въ изученіи исторіи". По словамъ автора, во всѣхъ пяти курсахъ, вышепоименованныхъ, онъ держался одной основной идеи, а именно: разсматривать каждый политическій типъ, иллюстрируя общія положенія частными примѣрами изъ исторіи различныхъ государствъ и ставя все это въ необходимую связь съ исторіей экономическаго быта и классовыхъ отношеній. При этой тѣсной связи двухъ новыхъ курсовъ, они представляютъ и то различіе между собою, что въ первой книгѣ преобладаетъ характеристика даннаго политическаго строя съ его результатами во всѣхъ сторонахъ исторической жизни страны; а во второй — главное мѣсто занимаетъ выясненіе только однѣхъ основныхъ особенностей другого политическаго строя.

Ѳ. Закинскій. — Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Изд. второе. Спб. 905. Ц. 1 р. 60 к.

Мы имѣли уже случай указать на этотъ интересный трудъ, и публика отнеслась къ нему сочувственно, доказательствомъ чему служитъ появленіе второго изданія. Въ виду новыхъ, изданныхъ памятниковъ, авторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ значительно вновь обработать статьи перваго изданія, одну изъ нихъ, о Менандрѣ, опустить съ цѣлью ея пересмотра, а на мѣсто ея помѣстить за то новыя три статьи: „Античная Ленора" и „Мотивъ разлуки", помѣщенныя не такъ давно въ нашемъ журналѣ, а также „Эврипидъ въ переводѣ И. Анненскаго".

— **Политическая Энциклопедія,** п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 6: Картели — Книга. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

И въ настоящемъ выпускѣ, какъ и въ предыдущихъ, читатель встрѣтитъ разъясненіе, а иногда и цѣлыя статьи по предметамъ, наименованія которыхъ въ наше время, такъ сказать, не сходятъ съ языка: „Клубы рабочихъ", „Коллегіальное начало", „Коллективизмъ", „Колоніальная политика", „Коммунизмъ", „Консерватизмъ", „Конституціонно-демократическая партія", „Конституція", „Кооперація", „Крестьяне", „Крестьянство", „Крестьянскій бунтъ" и т. п. Такія страны, какъ Корея, Китай, имѣютъ для себя подробныя описанія, особенно Китай, о которомъ далъ статью лицо, уже много лѣтъ живущее въ Пекинѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1908 г.

(Сорокъ-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 27 до 28 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки**.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ**.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

